

Я. Ю. Межерицкий

«Восстановленная республика» императора Августа

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

DMITRIY POZHARSKIY UNIVERSITY

Jakov Yu. Mezheritskiy

Emperor Augustus' “Restored Republic”

Moscow
Dmitriy Pozharskiy University
2016

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

Я. Ю. Межерицкий

«Восстановленная республика» императора Августа

Москва
Университет Дмитрия Пожарского
2016

УДК 94(37)
94(37).07
321.15
ББК 63.3(0)323-4
М43

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета Дмитрия Пожарского

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор кафедры теории
и истории государства и права Московского государственного
областного университета *В. И. Козловская*,

доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии Саратовского
государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина *В. Н. Парфенов*,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей
истории Российской академии наук *А. Л. Смышляев*

Межеричский Я. Ю.

М43 «Восстановленная республика» императора Августа. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 992 с.: 88 черно-белых и 22 цветных илл.

Jakov Yu. Mezheritskiy. Emperor Augustus' "Restored Republic". Moscow: Russian foundation for science and education, 2016. – 992 pp.: 88 black and white, 22 color ill.

ISBN 978-5-91244-169-1

Исследование посвящено политическим и идеологическим аспектам истории «века Августа». Время его жизни (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.) полностью или частично совпадает с такими историческими явлениями, как начало новой (христианской) эры, «золотой век» литературы, «римская революция». Но не только этим объясняется как неугасимый интерес, так и непрекращающаяся полемика вокруг деятельности политика. Август провозгласил «восстановление республики», но с его правления начинается история Римской империи. Кто прав: непримиримые критики, считающие Августа жестоким убийцей и лицемерным властолюбцем, или почитатели, видящие в нем выдающегося государственного деятеля? Не затушевывая отталкивающие поступки, автор отмечает позитивные результаты деятельности Августа, обязанные его образованности, кругозору и политической интуиции. Монография адресована всем интересующимся античностью и ее культурой, историкам государства и политологам.

Илл. на титуле: Ауреус 28 г. до н.э. Аверс — портрет Октавиана, на реверсе он изображен возвращающим законы и правопорядок Римскому народу

УДК 94(37)
94(37).07
321.15
ББК 63.3(0)323-4

ISBN 978-5-91244-169-1 © Межеричский Я.Ю., текст, иллюстрации, 2016
© Ормонт М.А., дизайн макета и обложки, верстка, 2016
© Русский фонд содействия образованию и науке, 2016

Содержание

Предисловие	9
I. Мифы и реалии Августова века	13
1. Августов век: рубеж эпох	15
2. О «республике» и «империи» Римского народа: предварительные замечания о терминах	18
3. Задачи и структура работы.	24
4. Некоторые особенности подхода к источникам	30
5. Свидетельства участников, очевидцев, младших современников (проза)	32
6. Произведения поэтов «Августова века»	39
7. Надписи	42
8. Монеты, памятники искусства и архитектуры	46
9. Последующая античная традиция.	51
II. Интерпретации принципата и «восстановленной республики»	59
1. Современная августиана	61
2. О трактовках принципата и «восстановленной республики»: до Моммзена включительно	68
3. Обращение к неправовым источникам власти. Теории «фасада»	72
4. «Республиканизм» как существенный фактор политики Августа	84
5. Лабиринты «восстановленной республики»	108
6. «Республиканские» и «имперские» горизонты изучения Августа Рима	115
III. «Римская республика»: безальтернативный кризис и конкуренция альтернатив	123
1. Исторический феномен, историографический конструкт и миф	125
2. «Утрата республики» и поиски альтернатив	146
3. Борьба за наследство Юлия Цезаря	157

4. Время выбора	170
5. Италия: идея «республики» жива	175
6. Антоний в мире грёз	180
7. Запад против Востока	187
8. Борьба за власть как отбор вариантов выхода из кризиса	194

IV. «Возвращение республики»: идеи, замысел, осуществление 203

1. Италия после бури: прозрения и надежды	205
2. Еще о неосуществившихся попытках спасения «республики»: Суллы и Помпей.	208
3. Наследие диктатора и пиетет наследника	212
4. <i>Res publica</i> — достояние Римского народа	218
5. Формы «республики»	230
6. Поиски главного архитектора	238
7. Эскиз к интеллектуальному портрету правителя	246
8. В начале было слово	266
9. «Возвращение республики»	280

V. «Восстановленная республика» и её смешанная конституция в теории и на практике 295

1. Принцепс, принципат и «восстановленная республика»	297
2. «Наилучшая форма» для «восстановленной республики»	307
3. Апробация установлений 27 года до н.э.: настораживающие сбои.	326
4. Заговоры и урегулирования 23 года до н.э.	330
5. Популизм и республиканизм	338
6. После начала «нового века»	346
7. «Династическая политика»	355
8. Внеправовые истоки полномочий правителя	366
9. Смешанная конституция в действии	374

VI. Древние мифы для нового века 389

1. Римский миф, антиквары и идеология «реставрации»	391
2. Возрождение древней религии	403
3. Культ правителя в империи и в «восстановленной республике»	418
4. Прокрустово ложе законов о браках	444
5. Старинные нравы и новые законы «восстановленной республики»	457
6. Секулярные торжества и новый век	468

VII. Самопрезентация нового режима: слово и образ	481
1. Пропаганда, риторика или общение с подданными?	483
2. «Свобода» или «республика»?	490
3. «Авторитет» с добродетелями на золотом щите	498
4. Имена, добродетели, титулы принцепса и императора	507
5. “ <i>Res gestae divi Augusti</i> ”: время создания и содержание	520
6. От пропагандистской перепалки — к манифесту Отца отечества	526
7. Эффект присутствия: портреты правителя	530
8. Статуя из Прима Порты и Августова гемма	542
9. Свидетельства монет: Кесарю — Кесарево, сенату — «почет»	548
VIII. Строительная политика и монументальная пропаганда	555
1. Благоустройство, социальная политика и идеология	557
2. Архитектура крупным планом: кирпич и мрамор	570
3. Республиканский мавзолей	573
4. Алтарь Мира на территории бога войны	579
5. Обелиск: между небом и землей	586
6. Римский форум и «восстановленная республика»	594
7. Форум Августа — атриум Отца отечества	606
8. Палатин: холм, дом, дворец	618
9. Эволюция «республиканско»-имперской образности	637
IX. Метаморфозы идеи «республики» в век Империи	645
1. Методологические замечания	647
2. Басилеи и принцепсы	650
3. Тацит, или как большое видится на расстоянии	654
4. О «революции в сознании» и «республиканской оппозиции»	663
5. Философия и показания поэтического барометра	673
6. «Помпеянство» и его лики	699
7. Катон и Брут — опасные призраки «свободной республики»	716
8. Метаморфозы общественного сознания и смена эпох	733
X. Восстановление «республики», основание Империи и формирование монархии	749
1. <i>Res publica, res publica libera</i> и республика	751
2. <i>Res publica restituta</i>	756
3. «Принципат Августа» как процесс	760
4. «Республика» и наилучшая форма государства	764
5. Поместья Римского народа	770

6. Создание Римской империи 776
 7. Империя и «восстановленная республика» на пути к монархии 789

Цветные иллюстрации 801

XI. Заключение: *res publica* и римское государство времени Августа 817

XII. Приложения 825

1. Хронология 827
 2. Список иллюстраций с пояснениями. 829
 3. Некоторые латинские термины 843
 4. Указатели.
 – *Античные имена* 854
 – *Предметный указатель* 881
 5. Сокращения.
 – *Античные авторы и их сочинения.* 892
 – *Надписи, монеты и другие источники* 896
 – *Периодические и некоторые другие издания* 896
 6. Библиография.
 – *Источники, комментарии, переводы* 901
 – *Литература* 907
 7. Summary; contents 969
 8. Resümee; Inhaltsverzeichnis 972

Предисловие

Две тысячи лет тому завершилась жизнь Августа — основателя Римской империи. Книга не готовилась к юбилею, но внушительная дата стала дополнительным поводом для раздумий. Удаленность во времени задает масштаб. Большое видится на расстоянии если не лучше, то безусловно иначе.

Монография выросла из намерения переиздать давно опубликованную книгу «Республиканская монархия». Метаморфозы идеологии и политики императора Августа» (1994). Разумеется, время внесло свои коррективы. Выявились некоторые аспекты, которым раньше не придавалось должного внимания. Возникло ощущение, что можно глубже заглянуть в природу событий. В результате размышлений, поисков и бесчисленных корректировок получилась новая монография, в которую вошли, поскольку этого требовала цельность исторической реконструкции, отдельные части предыдущей.

Автору важно было добиться концептуальной прозрачности. И при этом — избежать примитивизации, взгляда на изучаемый исторический объект сверху вниз. В популярной литературе все еще встречается поверхностная трактовка правления Августа как монархии, закамуфлированной под республику. С другой стороны, в серьезных работах широко распространено мнение, что «принципат Августа» — это некий парадокс, нелогичное (и ущербное?) смешение республики и монархии.

Внимательное чтение источников приводит к убеждению, что участники событий ощущали новый режим как естественное и единое целое. Противоречивость, неясность — проблема нашего понимания. Тот факт, что государственная система, выстроенная Августом, успешно функционировала, свидетельствует о наличии логики (не обязательно совпадающей с нашей), которая лежала в основе реформ. За этим стояли люди, которые были способны осмыслить ситуацию и найти приемлемые решения. Создание столь сложной системы не могло быть только результатом совпадения тысяч случайностей. Однажды академик В. И. Вернадский (1863–1945), отвечая сторонникам теории стихийного отбора как главного фактора эволюции, сравнил этот процесс с получением текста: сколько необходимо трясти ящик с типографскими шрифтами, чтобы появился набор эпоса «Война и мир»?

Аналогия применима к вопросу об устройении Римской империи. Такая конструкция не могла получиться только как результат проб и ошибок — это на протяжении предшествовавшего столетия показали гражданские войны. Увы, обществу время от времени необходимы смуты — но лишь чтобы убедиться в бесперспективности «метода» разрушения. Затем люди возвращаются к восстановлению и строительству. Данный этап требует разумного выбора пути, предполагает наличие плана или идеи. Созидательный замысел, оформленный как идеология и реализуемый в практической политике, должен отвечать состоянию общественного сознания, вызывая отклик в настроениях людей. Августу удалось найти такое соответствие, причем применительно к каждой из составных частей огромной державы. Здесь — ключ к его успеху и к пониманию уникального государственного устройства Ранней Империи.

Изучение римского общества времени гражданских войн и начала Империи предполагает освоение огромного интеллектуального наследия, созданного поколениями антиковедов. Автор стремился учесть основные точки зрения по ключевым проблемам, но исчерпать всю литературу оказалось невозможным. Нередко приходилось себя останавливать, чтобы не уводить читателя в бесконечные комментарии по частным аспектам, как бы сами по себе интересны они ни были. При этом не покидало чувство благодарности к упомянутым по ходу изложения, в примечаниях и в библиографии исследователям, чьи наблюдения постоянно наталкивали на новые мысли.

Книга получилась довольно объёмной. Многие разделы можно читать как самостоятельные очерки. Некоторые факты и мысли повторяются, освещаясь под разными углами зрения. Ориентации служат подробное оглавление, перекрестные сноски и указатели. Для кого-то может оказаться полезным предварительное чтение после I — сразу X главы и «Заключения». Но лишь все разделы, сложенные вместе, дадут цельную картину исторического феномена «восстановленной республики» Августа в её сопряжении с Империей.

Импульсом к продолжению работы послужили пожелания моих учителей и оппонентов А. И. Немировского, И. С. Свенцицкой и Г. С. Кнабе. Автор признателен коллегам по бывшей кафедре всеобщей истории Калужского государственного университета: Н. А. Богодаровой, Н. О. Майоровой, А. Е. Барышникову, которые высказали полезные замечания, позволившие улучшить текст рукописи. В ее редактирование внесла значительный вклад В. М. Межеричкая, которой я обязан постоянной поддержкой. А. В. Преображенская и Ш. Ной (Stephan Neu) помогли уточнить формулировки в аннотациях.

Рецензенты: В. И. Козловская, В. Н. Парфенов, А. Л. Смышляев — очень внимательно отнеслись к работе и помогли избежать отдельных неточностей. Смышляев, любезно согласившись также редактировать рукопись, сделал важные критические замечания. Дискуссии способствовали уточнению ряда положений. По некоторым пунктам оказалось невозможным полностью согласиться с мнением коллег, так что ответственность за выводы, как и возможные пробелы, безусловно, ложится на автора. О замеченных неточностях и опечатках просьба сообщать по адресу: iakovmezh@mail.ru

Август 2014 года
Я. Ю. Межеричский

I. Мифы и реалии Августова века

I.1. Анкирская надпись. Фрагмент оригинала

1. *Августов век: рубеж эпох* – 15
2. *О «республике» и «империи Римского народа»:
предварительные замечания о терминах* – 18
3. *Задачи и структура работы* – 24
4. *Некоторые особенности подхода
к источникам* – 30
5. *Свидетельства участников, очевидцев,
младших современников (проза)* – 32
6. *Произведения поэтов «Августова века»* – 39
7. *Надписи* – 42
8. *Монеты, памятники искусства и архитектуры* – 46
9. *Последующая античная традиция* – 51

I.1. Августов век: рубеж эпох

Отрезок римской истории, соответствовавший годам жизни основателя Империи (63 до н.э. — 14 н.э.) называют «веком Августа»¹. Не только по насыщенности событиями, но главное — по глубине преобразований — ему мало равных². В относительно узких временных границах завершился период Римской республики и началась эпоха Империи³. Качественные изменения, произошедшие тогда в обществе, характеризуются историками с помощью выразительных словосочетаний «рождение Римской империи»⁴, «римская революция», «Августова революция»⁵. К этому ряду относятся также «римская культурная революция» и «золотой век римской поэзии (литературы)», которые выражают не только достижения, но и фундаментальные сдвиги

¹ Светоний сообщает, что предложение назвать этот период *saeculum Augustum* было выдвинуто в сенате после смерти Августа. Правда, эта почеть, в числе некоторых других, была сочтена неуместной (Suet. Aug. 100.3; cf. Verg. ecl. 4. Cf.: Kirsch W. Die Augusteische Zeit. Epochenbewußtsein und Epochebegriff // Klio. Bd. 67. 1985. S. 43–55). Октавиан-Август начал играть заметную роль в римской политике после смерти Юлия Цезаря в 44 г. до н.э., в 43 г. стал триумвиром, с 31 г. до н.э. до 14 г. н.э. фактически единолично контролировал государство.

² Некоторые из произошедших тогда событий: консулат Цицерона, завоевание Цезарем дикой Галлии, гражданские войны, диктатура Юлия Цезаря и его смерть, вновь гражданские войны, смерть Цицерона, Антония и Клеопатры. Список можно долго продолжать.

³ По установившейся ранее традиции, римскую историю принято делить на Царский период (754/3–510/9 гг. до н.э.), эпоху Республики (510/509 – 31 гг. до н.э.), эпоху Империи (с 30 г. до н.э.). Традиционно Империя подразделяется на: Раннюю (до к. II в. н.э.), или Принципат; время Кризиса III века; Позднюю Империю (IV–V вв., для Западной Римской империи раньше использовалось также определение «Доминат»). В новейшей литературе говорится об эпохе Империи (до 284 г. н.э.) и «Поздней античности» (с IV до V–VII вв.). При этом, с одной стороны, обращается внимание на отсутствие резкого разрыва между Республикой и Империей, с другой — между двумя последними периодами (см.: Bleicken J. Prinzipat und Republik. Überlegungen zum Charakter des römischen Kaisertums. Stuttgart, 1991; id. Prinzipat und Dominat. Gedanken zur Periodisierung der römischen Kaiserzeit. Wiesbaden, 1978; Christ K. Die Römische Kaiserzeit. Von Augustus bis Diokletian. München, 2011⁴. S. 7 f.). Дальнейшие разъяснения по поводу некоторых из использованных здесь обозначений будут даны в следующем разделе и далее по ходу изложения.

⁴ Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. Пг., 1918 (переизд.: М., 2003).

⁵ Syme R. The Roman revolution. Oxf., 1939. При этом споры о том, является «переход от Республики к Империи» революцией или нет, представляются нам лишены особого смысла. Сама постановка вопроса методологически некорректна уже по причине неопределенности терминов «Республика», «Империя», «революция». Поэтому не имеют шансов на успех попытки систематизировать позиции и аргументы сторон. Сравн.: Чеканова Н. В. К проблеме перехода от Республики к Империи: революция или реформа? // Мнемон. Вып. 1. 2002. С. 163–174; ее же. Римская диктатура последнего века Республики. СПб., 2005.

в психологии и общественно-политических ориентациях, смену картины мира, преобразования в материальной и духовной жизни⁶. Все это и многое другое указывает на рубежный характер рассматриваемого времени⁷.

В центре нашего внимания находятся политические и идеологические аспекты происходивших тогда перемен. В современной исторической литературе образовавшуюся форму государства именуют «принципатом». Но хотя политический режим действительно характеризовался исключительным положением «принцепса» (*princeps civitatis*, букв. — первенствующий гражданин), необходимо заметить, что во времена Августа такое определение римской государственности было неизвестно⁸. Обладая определяющим влиянием и фактической властью, принцепс признавал верховенство закона. Сохранялся ряд традиционно-римских, республиканских институтов и установлений. Потому основанный Августом режим называют иногда «монархической республикой» или «республиканской монархией».

Для заголовка данной книги выбрано то обозначение учрежденного Августом порядка, которые встречается в памятниках рассматриваемого времени — «восстановленная республика» (*res publica restituta*). Как будет показано далее, оно отвечало представлениям римских граждан и замыслу Августа.

«Восстановление республики» было попыткой политического и социального урегулирования на основе возрождения нравственных и религиозных устоев, «обычаев предков». Социальные конфликты и войны едва не разрушили Римское государство. Сами римляне осмысливали происходившее в терминах концепции «упадка нравов»⁹. Лозунг «восстановления республики» (*res publica restituta*) соответствовал психологическим установкам, системе жизненных ценностей гражданского населения Империи. Миф, порожд-

⁶ См.: Wallace-Hadrill A. Rome's cultural revolution // JRS. Vol. 79. 1989. P. 157–164; Habinek T., Schiesaro A. (eds.). The Roman cultural revolution. Cambr., 1997; Millar F. Rome, the Greek world, and the East. Vol. I. Roman republic and the Augustan revolution. L., 2002. Part III. The Augustan revolution. P. 240–376 (политический аспект); Wallace-Hadrill A. Rome's cultural revolution. Cambr. etc., 2008; 2010² (with corr.). Понятия «золотая латынь», «золотой век римской литературы», «золотой век римской поэзии» широко распространены. В обозначении хронологических рамок встречаются довольно значительные разночтения, но центральный отрезок, как правило, совпадает с правлением Августа. См., напр.: Малеин А. И. «Золотой век» римской литературы (эпоха Августа). Пг., 1923; Штаерман Е. М. Принципат Августа // История Европы. Т. 1. Древняя Европа. Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1988. С. 549 («...ко времени Августа относится "золотой век римской культуры"»).

⁷ В современной литературе историческая роль Августа оценивается очень высоко. К примеру, Дж. Ричардсон, отмечая, что Римская империя была бы иной, если бы Август умер в 23 г. до н.э., констатирует: «Его успехи и неудачи, предопределившие историю Рима на следующие два столетия, были результатом долгой жизни и несомненно сделали его главной фигурой в истории Европы» (Richardson J. S. Augustan Rome 44 B.C. to A.D. 14. The restoration of the republic and the establishment of the empire. Edinburgh, 2012. P. 240). О сравнительно новом понятии «порог Августа» в политологии см. раздел II.6. с примеч. 245.

⁸ Эти и некоторые другие обозначения являются изобретениями ученых нового времени. Они общеприняты, но не бесспорны. О *princeps*, *principatus* и «принципате» см. разделы V.1 и X.7, а также по указателю терминов.

⁹ Сравн.: Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима III–I вв. до н.э. М., 1977. С. 158–181 (глава «Теория упадка нравов и идея нравственной реформы»). См. разделы VI.1 и 5.

дённый историческим опытом народа, был затребован действительностью, стал её составным элементом, порождая в свою очередь новую реальность.

После длившихся столетие гражданских смут и войн (133–31 гг. до н.э.) вернулся мир. Изменения коснулись не только Города (для своих граждан Рим был Городом с заглавной буквы — *Urbs*). Важным по своим историческим последствиям было то, что Рим и завоеванные страны и регионы начали объединяться в Империю. Она стала плавильным котлом этносов, языков, религий. Через несколько столетий на части этих территорий сформировались народы и образовались страны, определившие облик новой Европы¹⁰.

Римская империя времени Августа включала десятки стран и сотни народов с населением примерно 60 млн. человек. Гражданский мир, безопасные удобные пути сообщения обеспечили невиданные ранее возможности развития. В границах единого государства при наличии унифицированной денежной системы и в условиях правовой защищенности свободно перемещались люди и товары, технические достижения, религиозные культы. Беспрепятственно рождались, влияли друг на друга и распространялись философские идеи и религиозные верования. Христианство как «мировая религия» было одним из продуктов этого процесса¹¹. В итоге вся совокупность кардинальных изменений образовала некий водораздел времен, от которого стали отсчитываться не просто безликие цифры «нашей эры», но также история современной европейской цивилизации¹².

¹⁰ Общая характеристика эпохи: Штаерман Е. М. Ук. соч. С. 539–558; Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990; Смышляев А. Л. Рим: эпоха Принципата // Всемирная история. Т. 1. Древний мир. Отв. ред. В. А. Головина и др. М., 2011. С. 603–639; История Древнего мира. Под ред. В. И. Кузищина. М., 2000 (Рим); Немовский А. И. История древнего мира: Античность. М., 2007². С. 605 слл.; Холланд Р. Октавиан Август — крестный отец Европы. М., 2010. С. 338–348. О месте Августа в истории: Heuß A. Römische Geschichte. Paderborn etc., 1998⁶. S. 272 ff. und 582 ff.; Bleicken J. Augustus. Reinbek, 2010. S. 678 ff.; Hoff R., Stroh W., Zimmermann M. Divus Augustus. Der erste römische Kaiser und seine Welt. München, 2014.

¹¹ Об образовании Римской империи как предпосылке возникновения христианства см.: Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1987. С. 11–23; ее же. Первые христиане и Римская империя. М., 2003. С. 6–27. Следует иметь в виду, что точная датировка и синхронизация событий истории раннего христианства затруднительна. Так, Ирод умер в 4 г. до н.э., в то время как цenz по указанию Августа проводился в 6/7 гг. н.э. (сравн.: Luc. II.1). На эти несоответствия указал уже более века тому Эмиль Шюпер: Schürer E. Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. 2 Bd. 1886–1890; 2-е изд. в 3-х томах, 1901–1902; цит. по англ. переводу: The history of the Jewish people in the age of Jesus Christ (175 B.C. – A.D. 135). Vol. I. Edinburgh, 1973. P. 399 ff. В современной литературе рождение Иисуса датируется временем между 12 и 4 гг. до н.э. Но независимо от точной датировки миф об Августе как важном участнике важнейшего события в мировой истории (его правление подготовило приход Христа) прочно укоренился в христианской традиции. См., напр.: Holland R. Augustus: godfather of Europe. Stroud, 2005; Dahlheim W. Augustus. Auführer — Herrscher — Heiland. München, 2010 (2013³). S. 370–384; Richardson J. S. Augustan Rome 44 B.C. to A.D. 14. The restoration... P. 1 ff.

¹² М. Грант утверждал, что Август «был центральной фигурой центрального периода мирового развития» (Grant M. Roman history from coins. Cambr., 1958. P. 18). См. также специально посвященную всемирно-историческому месту Августа статью: Stockson D.L. Augustus sub specie aeternitatis // Thought. Vol. 55, N 216. 1980. P. 5–17. Весь этот номер журнала “Thought” был посвящен двухсотлетию юбилею труда Э. Гиббона и двухтысячелетнему — со времени Августа «урегулирования» 23 г. до н.э.

Данная книга — не биография, но главное действующее лицо уже названо. В анналы истории основатель нового Римского государства вошел как Август. Он известен и под другими именами, которые в определенной мере характеризуют как его статус, так и общую ситуацию в Риме на тот или иной момент.

В 63 г. до н.э. родился Гай Октавий¹³. После посмертного усыновления диктатором Юлием Цезарем в 44 г. его имя стало Гай Юлий Цезарь Октавиан (*Caius Iulius Caesar Octavianus*). В начале 27 г. до н.э. сенат даровал Октавиану имя «Август». Во 2 г. до н.э. ему преподнесли почетный титул «Отец отечества», так что официальное краткое имя вплоть до смерти в 14 году н.э. было: Император Цезарь Август, сын божественного (Юлия), Отец отечества (*Imperator Caesar Augustus divi filius pater patriae*)¹⁴.

Здесь чаще всего будет употребляться имя Август. Октавиан (иногда: юный Цезарь)¹⁵ используется, когда речь идет о событиях середины 44–27 гг. до н.э. Оба имени объединяются, когда требуется подчеркнуть, что имеется в виду политическая карьера как до, так и после 27 г. до н.э. В Древнем Риме «Октавиан-Август» не применялось, дефис подчеркивает, что соединение условное (аналогия: «династия Юлиев-Клавдиев»)¹⁶.

1.2. О «республике» и «империи Римского народа»: предварительные замечания о терминах

Одним из обстоятельств, затрудняющих исследование и описание римского общества и государства является то, что многие термины в современных европейских языках далеко ушли по своим значениям от своих латинских кор-

¹³ Отец будущего императора, также Гай Октавий, стал первым сенатором во всадническом роде. Он умер, достигнув ранга претория, когда сыну было 4 года. Октавии происходили из городка Велитры (совр. Velletri) примерно в 30 км к юго-востоку от Рима. Там, в усадьбе деда или в Риме, 23 сентября 63 г. до н.э. родился будущий император. Светоний называет имя при рождении: Гай Октавий Фурий / *Caius Octavius Thurinus*, Кассий Дион — Гай Октавий Кайпий / *Gaius Octavius Kaipias* (Suet. Aug. 1–7; Dio XLV.1.1; cf.: Kienast D. Augustus. Darmstadt, 2009. S. 1 ff.).

¹⁴ Типичное употребление имени Августа в надписи: *Imperator Caesar divi f. Augustus, pontifex maximus, cos. XIII, tribunicia potestate XXXII, imp. XXVI, pater patriae* (ILS 104). См.: Егоров А. Б. Проблемы титулатуры римских императоров // ВДИ. 1988. № 2. С. 161–172, здесь 165 сл. Значения имен и титулов будут уточняться в ходе дальнейшего изложения, в частности, см. разделы IV.9, V.1, VI.3 и VII.4.

¹⁵ Чтобы отличать от покойного Юлия Цезаря. Сам он предпочитал просто «Цезарь», никогда не употребляя «Октавиан».

¹⁶ Ещё одно заслуживающее внимания, хотя не безупречное по содержанию толкование: «С одной стороны, триумvir Октавиан — это тот, кто представляет собой заключительный пункт республиканской истории; с другой, принцепсу Августу удалось надолго основать в Риме монархию» (Sion-Jenkis K. Von der Republik zum Prinzipat: Ursachen für den Verfassungswechsel in Rom im historischen Denken der Antike. Stuttgart, 2000. S. 158 (раздел III.3 назван "Octavian-Augustus"). На наш взгляд, понятия «принцепс» и «монархия» применительно ко времени Августа относятся к различным сферам: первое — к Риму и Италии, второе — к империи Римского народа». Их смешение ведет к путанице.

ней¹⁷. Разумеется, расхождения обязаны прежде всего различиям обществ. Для того, чтобы выяснить специфику понятия *res publica*, следует изначально быть готовым к некоторым мыслительным «неудобствам». А именно, к несовпадению смыслов при передаче римских реалий современными государственно-правовыми понятиями¹⁸.

Технически в данном тексте указанные особенности выражаются посредством оригинальных латинских слов. При их передаче с помощью кириллицы используются кавычки. Особенности выражаются также заглавными или строчными буквами. Тем самым подчеркивается, что, скажем, «республика» (*res publica*) — это не совсем то, и даже нечто вовсе иное, чем республика (будь то Французская, Чешская или Российская Федерация), а слово «император» в период Римской республики имело иное значение, чем в эпоху Империи или в титуле «Император и самодержец Всероссийский». То же относится к производным словам и понятиям: «республиканский», «имперский» и «императорский», «империя» и «Империя», как и многим другим. Подобные нюансы будут ещё проясняться в контексте, иначе их истолкование потребовало бы введения, которое невозможно преодолеть, а соответственно, добраться до основной темы.

Ключевым является понятие “*res publica*”. В современном государственном-правовом словаре республикой называется форма правления, в которой высшие органы государственной власти либо избираются, либо формируются общенациональными представительными учреждениями. В этом смысле республика противопоставляется монархии. Данное значение стало употребительным со времени образования Первой французской республи-

¹⁷ Разъяснения предваряют содержание некоторых последующих разделов. Оправданием пусть послужит замечание Цицерона, вложенное в уста Сципиона Эмилиана: «Я исполню ваше желание, как сумею, и приступлю к рассуждению, руководясь правилом, которым, полагаю, следует руководствоваться при обсуждении всех предметов, если хотя бы избежать ошибки: если насчет названия предмета исследования все согласны, то надо разъяснить, что именно обозначают этим названием; если насчет этого тоже согласятся, то только тогда будет дозволено приступить к беседе; ибо никогда нельзя понять свойства обсуждаемого предмета, если сначала не уяснить, что он собой представляет. Поэтому, так как мы изучаем вопрос о «республике» (ориг.: *de re publica quaerimus*), рассмотрим сперва, что собой представляет именно то, что мы исследуем» (Cic. гер. I. 38, мы следуем переводу В. О. Горенштейна, кроме передачи *res publica* как «государство» и других небольших корректур).

¹⁸ В дополнение к фундаментальным работам по семиотике полезна работа Виктора Клемперера «LTI. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога». (М., 1998, orig.: Klemperer V. LTI. Notizbuch eines Philologen. Berlin, 1947). Важнейшие работы, посвященные политической лексике рассматриваемого периода: Béranger J. Recherches sur l'aspect idéologique de principat. Basel, 1953 (классическая работа, анализирующая политическую лексику принципата); Suerbaum W. Vom antiken zum frühmittelalterlichen Staatsbegriff: über Verwendung und Bedeutung von Res publica, Regnum, Imperium und Status von Cicero bis Jordanis. 1977². Bes. S. 1–70 ff. etc. Вопрос о значении тех или иных латинских терминов в соотношении с современными привлекает заслуженное внимание исследователей. Для проверки наших трактовок оказались важны работы: Pabst A. Comitia imperii: Ideelle Grundlagen des römischen Kaisertums. Darmstadt, 1997; Richardson J. The language of empire: Rome and the idea of empire from the third century B.C. to the second century A.D. Cambr. 2008; Wilkinson S. Republicanism during the early Roman empire. L., 2012 etc.

ки (1792). Принцип «представительства» был ранее сформулирован Никколо Макиавелли (нач. XVI века) на основе опыта городов-государств современной ему Италии. Но в Древнем Риме он не рассматривался как условие существования «республики»¹⁹. Это еще раз говорит о том, что слово *res publica* имело иное значение.

Цицерон понимал ее как политическую организацию общества, которая служит совместным интересам граждан. Согласно одному из самых важных определений, данных этим автором, “*est... res publica res populi*” («республика» — достояние, или сфера интересов народа)²⁰. Для большинства римлян последнего века Республики *res publica* была ценностным понятием, ассоциировавшимся с приоритетом интересов гражданского коллектива над чьими бы то ни было личными, с верховенством традиции и закона, со «свободой», связанной с функционированием народных собраний, сената и магистратур. При этом не исключалась, а в чрезвычайных обстоятельствах предполагалась особая роль выдающейся личности (вплоть до «царя» древнего образца) как защитника и выразителя интересов «республики».

Широко употребляемо также определение «Римская республика» — для конкретного государства, которое существовало почти пять веков (509–31 гг. до н.э.). Но и это — конструкт современной историографии. Официально государство римлян всегда именовалось *senatus populusque Romanus* («сенат и Римский народ»). Судя по всему, слова для понятия «государство вообще» вплоть до времени Августа (и даже несколько позднее) у римлян не было²¹. В эпоху Империи для обозначения государственности эпохи Республики использовали выражение *libera res publica*.

В дальнейшем изложении три основных значения, как правило, довольно ясно различаются по контексту. Во избежание путаницы автор придерживается следующих правил: при использовании в современном государственно-правовом смысле пишется просто республика (без кавычек). Таким же образом употребляется это слово, когда имеются в виду два и более значений. Республика (или: Римская республика) с заглавной буквы обозначает государство и конкретный период римской истории (510–31 гг. до н.э.)²². Наконец, для обозначения фундаментального римского понятия используется оригинальное латинское обозначение *res publica* или кириллицей — «республика» в кавычках (см. раздел IV.5).

¹⁹ См.: Everdell W. R. The end of kings. A history of republics and republicans. N.Y.; L., 1983. P. 2 f.

²⁰ Cic. rep. I. 39. О *res publica* см. далее, особенно раздел IV.4 сл.

²¹ Само наличие государства у римлян, особенно в ранний период, не столь уж бесспорно. См. раздел II.5 с примеч. 203.

²² Иногда используется употребительное в литературе обозначение «Римская республика до 49 года до н.э.» (= «Республика до Рубикона»), то есть, до периода единовластия Цезаря, который начал решительно разрушать традиционные институты.

«Конституцией» здесь называется не какой-то особый документ, вроде «Основного закона» современных государств. Под римской конституцией понимается: (1) предусмотренное совокупностью принятых норм государственное устройство */rei publicae status/*; (2) сами эти регулирующие государственную жизнь законы и нормы, записанные и неписанные; (3) то и другое вместе взятое, на том или ином этапе эволюции римской государственности²³.

В Риме не было и «правительства» в современном понимании. В эпоху Республики политическое и текущее руководство осуществляли сенат и выборные магистраты. Для времени Ранней Империи слово «правительство» применяется главным образом для обозначения неформальной группы людей, которые были уполномочены принимать решения на государственном уровне, прежде всего император и некоторые из «друзей» (доверенные лица, советники, помощники). Среди них могли быть сенаторы, всадники, но аппарат составляли также доверенные вольноотпущенники и рабы (они назывались *ministri*).

О правлении Августа в данном тексте иногда говорится как о «режиме» (фр. — *régime*). Слово употребляется как синоним определений «государственный строй», «образ правления», «форма правления» без характерных для современной политологии отрицательных коннотаций. Мы предпочитаем этот термин тогда, когда желательно подчеркнуть неустоявшийся, конституционно незакрепленный характер правления.

Выражение «режим (государство, держава) Августа» в большинстве случаев позволяет также избегать употребления распространенного термина «принципат Августа». Как будет показано в дальнейшем, это искусственное понятие (частично) отражает особенности римской «республиканской» государственности только в Риме и Италии (см. разделы V.1 сл.). В отношении к провинциям с самого начала складывался иной образ правления. Он был отчасти результатом завоеваний, отчасти — продолжением местных, преимущественно эллинистическо-монархических традиций. Далее в работе обозначение «принципат» употребляется (в кавычках и без них), лишь поскольку оно принято в литературе. В последней, X главе представляется возможным обосновать недостаточность этого термина для определения новой государственности — Империи.

Вдумчивого обращения требует термин «империя». Об исходном понятии *imperium* будет сказано в разделах X.5 сл. В современном русском, как и во многих европейских языках, он имеет два основных значения: 1) Структура,

²³ Полезный обзор с указаниями на лит.: Дементьева В. В. «Римская конституция»: проблема правовой и исторической корректности понятия // *Forum Romanum*. Доклады III международной конференции «Римское частное публичное право... / Отв. ред. В. В. Дементьева. Ярославль; Москва, 2003. С. 18–26.

охватывающая обширные владения (например, промышленная, финансовая империя). В данном контексте важно обозначение словом «империя» крупного государства, объединяющего обширные территории, множество этносов. Подразумевается важная роль военного насилия и отношения господства–подчинения центра и провинций. Культурный обмен, постепенное выравнивание и синтез наиболее вероятны, если в положении политически подчиненных оказываются более развитые народы. В этом случае может возникнуть территориальная империя. Для таковой характерен нивелирующий подход к входящим в нее народам и территориям. 2) Первое значение с дополнительным смыслом — монархия, то есть, империя во главе с единоличным правителем — императором (монархом во главе империи)²⁴. В авторском тексте данной книги слово «империя» во втором смысле не используется.

Когда в современной исторической литературе используются выражения «Римская империя» («Империя»), «Ранняя Империя», «Поздняя Империя»²⁵, имеется в виду Римское государство определенного времени и соответствующие исторические периоды (эпохи). Поскольку Римская империя в период правления Августа начала формироваться как единое государство, то он часто именуется в данной книге «основателем Империи» («Римской империи», а не «империи Римского народа»). Лишь позднее слово «империя», помимо географического, приобретает также государственно-правовое (монархическое) значение.

Так же полисемично слово «император». Если в эпоху Республики это было отличие победоносного полководца, то в эпоху Римской империи оно превратилось в титул правителя, подчеркивавший военный и «имперский» компоненты власти. Императором в этом смысле, от Августа и до нового времени, мог именоваться единоличный правитель, претендовавший на господство без границ, то есть над всем «кругом земель» (*orbis terrarum*, нечто вроде «Поднебесной» в китайской традиции). В российской истории, и соответственно, в языковой традиции, это слово также многозначно. Для

²⁴ В некоторых языках проводить это различие между двумя значениями легче, чем в русском, поскольку его можно обозначить словами, образованными от разных корней. Напр., в английском: *empire*, но — *kingdom* (империя, но королевство); в немецком: *Reich* — территориальная держава, крупное владение (империя в первом значении); *Kaisertum* — монархическая власть (второе значение); *Kaiserreich* — империя (1), управляемая монархом (может объединять оба значения слова «империя»); *Königreich* (королевство, царство) — в основном моноэтническое государство во главе с монархом — королем или царем. Это самое схематичное разъяснение, имеется множество других оттенков значений. См. раздел II.6 с примеч. 236 и X.5 сл. (особенно о понятии *imperium*).

²⁵ В современной литературе употребляются обозначения «Римская империя» (для времени 30/27 гг. до н.э. — 284 г. н.э.) и «Поздняя античность» (после 284 г.). См. примеч. 3. В этой книге мы используем «Ранняя Империя» для обозначения эпохи (I–II вв. н.э.), но не государственного строя. По существу, это сокращение от «Ранняя Римская империя» (то есть имеется в виду не империя вообще, а период истории конкретного государства, под «Империей» имеется в виду «Римская империя»), а потому оба слова должны начинаться с заглавной буквы. То же относится, например, к «Поздней Республике» и т. п. Эти детали важны для общей логики изложения.

обозначения единоличной власти употребляют также слово «царь», которое не используется по отношению к римским реалиям эпохи Империи (хотя применяется ко всем другим, например, древневосточным или даже к раннеримским «царям»). В рассматриваемом контексте оно могло бы оказаться полезным, когда необходимо подчеркнуть монархический, но не территориальный аспект власти. Употребление слова «царь» было бы тем более оправдано, что оно происходит от Caesar (греч.: *“Kaisar”* — «кесарь» — «цесарь» — «царь») — имени, превратившегося со времени Августа в один из важнейших титулов носителей власти²⁶. Но в данном случае нет особой необходимости нарушать традицию, тем более, что русское «царь» (лат.: *rex*) включает коннотации, которые не соответствуют специфике эпохи. Также следует учитывать ограниченную применимость термина «монарх» (соответственно и «монархия») по отношению к римским правителям времени Ранней Империи. Тогда не существовало твердого порядка престолонаследия, принцепс считался гражданином — «первым среди равных». Поэтому при характеристике исключительного влияния Августа предпочтение будет по возможности отдаваться таким неспецифическим обозначениям, как «единоличный правитель», «единоличное правление» или «монократия». Это не мешает рассмотрению монархических элементов власти или тенденций развития. Разумеется, слово «монархия» сохраняется при цитировании других авторов.

Нельзя сводить суть проблемы к семантике отдельных слов. Минимальные разъяснения сделаны во избежание путаницы. Далее этим и некоторым другим терминам будет уделено внимание по мере их употребления в различных ситуациях и контекстах. Необходимость предварительных комментариев диктуется особенностью темы и соответствующего ей подхода к материалу. «Век Августа» является переходным временем, когда менялись не только видимые (например, римские форумы), но и ускользающие от поверхностного наблюдения ментальные структуры. Нет ничего удивительного в том, что нам, спустя две тысячи лет, нелегко открыть истинный смысл многих примет Августова века. В ту эпоху быстрых изменений даже современники, принадлежавшие к разным социальным группам, или к различным, пусть даже следующим друг за другом поколениям, часто неадекватно понимали события, произошедшие всего лишь десятки лет тому назад. Примером может служить Тацит, который осознавал наличие этой проблемы, но сам (что совсем не удивительно) оценивал эпоху Августа сквозь призму своего времени (см. раздел IX.3).

²⁶ Подлинное латинское произношение Caesar устанавливается по аналогии с греч. [*kaisar*], сравн. нем.: Kaiser. Ему соответствует русское «царь», а не «император». О концепции «Москва — третий Рим» см. раздел 1.2 с примеч. 39.

Поскольку речь идет о терминах, попутно поясним и употребление некоторых относительно новых, избежать которых нам вряд ли удастся. «Идеология» — слово, набившее оскомину на всех языках, присутствуя также в бытовой, политической и научной лексике. Имеется немало определений, которые здесь незачем ни оценивать, ни улучшать²⁷. В данном тексте оно используется без пейоративной нагрузки. Под идеологией имеется в виду комплекс, система идей, замысел, лежащие в основе политики. Под «программой» понимается в той или иной мере продуманный комплекс мероприятий (например, социальная программа правительства). В обоих значениях (идеология и программа вместе или по отдельности) может употребляться «проект». Целенаправленная деятельность по распространению идей именуется пропагандой.

1.3. Задачи и структура работы

Особый интерес к веку Августа обусловлен осознанием того, что происходившее тогда надолго определило судьбы Рима и значительной части мира. Действительно, без ясного представления об этом времени невозможно понять смысл многих событий, по крайней мере, в последующие десятилетия. Примерно таким же образом нельзя рассчитать статику строения, если не знать, что заложено в фундамент и как устроен несущий каркас. В ходе поиска открывались новые аспекты основной проблемы. Множились и уточнялись задачи.

В конечном счете необходимо определить макроструктуру и характер римской государственности периода Ранней Империи. В литературе можно встретить довольно широкий спектр характеристик основанного Августом государственного строя: от республики до монархии и военной диктатуры. Немало добросовестных исследователей приходили к выводу о невозможности дать определение в современных государственно-правовых или политологических терминах. И тогда в заключение того или иного капитального труда констатировались «противоречивость» и «парадоксальность».

Но правительство Августа эта «противоречивость», похоже, не беспокоила. Возникает вопрос: не следует ли искать ее источник в головах историков. В той реальной логике, по которой в действительности совсем неплохо функционировала основанная Августом государственная система, «парадоксальность» не обнаруживается. Что касается противоречий, то их достает в любом обществе.

²⁷ Т. Иглтон перечисляет 16 различных определений термина «идеология». См.: Eagleton T. Ideology. An introduction. Verso, 1991. P. 1 ff. Cf.: Davis P.J. Ovid and Augustus. L., 2006. P. 23 f.

Чтобы объяснить, как государство справлялось со своими задачами, следует реконструировать его устройство. Это невозможно сделать без понимания идеологии и замысла проекта, без изучения его генезиса. Рассмотрение этих аспектов обнаружило всю сложность задач, стоявших перед теми, кто пытался вылечить (реформировать) Римское государство в период смуты и гражданских войн. Приходило понимание того, почему это не удалось таким незаурядным людям, как Гракхи и Сулла, Цицерон и Помпей, — и даже Юлию Цезарю.

Это получилось у Августа, и потому так важно расшифровать секрет его успеха. Совершённые в огромных масштабах преобразования не могли оказаться лишь случайным результатом применения метода проб и ошибок. Поиски плана, которым мог руководствоваться основатель нового государственного строя, привели к пониманию важности идеи «восстановления республики». Для раскрытия ее смысла пришлось обратиться к содержанию важнейшего понятия римской политической мысли — *res publica*. Опорой служит словоупотребление Цицерона.

Истоки всего комплекса «восстановительной» идеологии и политики Августа опирались в конечном счете на все еще жизненную идеологию римской гражданской общины. Ее носителями были широкие слои римско-италийского населения, особое место занимала интеллектуальная элита. Представители наиболее влиятельного умственного течения видели выход из кризиса в возрождении «нравов предков». В то же время немалое влияние приобретала греческая политическая философия.

В какой мере сам Август был знаком с указанными идеями? В этом пункте биография соприкасается с такими фундаментальными проблемами, как соотношение стихийных и сознательных, объективных и субъективных факторов, наконец — с вопросом о роли личности в истории. Речь должна идти об образе мыслей и соответственно, — об уровне притязаний основателя нового режима. Возникает необходимость познакомиться с факторами, повлиявшими на его мировоззрение, с сохранившимися текстами Августа, сопоставить это с политической практикой.

В работе показано, что политика «восстановления республики» отвечала римской реставраторской идеологии, в то время как проект создания «наилучшего государства» лежал в русле греческой политической мысли. Их неразрывная связь — один из результатов совершавшейся тогда культурной революции.

Необходимо рассмотреть, как «восстановление республики» осуществлялось в разных областях общественной жизни: от регулирования властных отношений — до политики в области культуры. Метаморфозы, происходившие в общественном сознании, отразились также в литературе своего

времени. Только выясняя, как менялось отношение к новому режиму, можно понять его эволюцию.

Понятие «смешанная конституция» (элементом которой был «принципат») характеризовало государственное устройство в рамках гражданской общины, то есть, в основном в Риме и Италии. Чтобы определить место «восстановленной республики» в средиземноморской державе в целом, необходимо выяснить, как соотносилась Италия с провинциями, которые считались владениями Римского народа.

Так, шаг за шагом, решались основные задачи работы: раскрыть замысел преобразований и определить сущность заново устроенного Римского государства. Августу удалось отрегулировать разнородные элементы державы так, чтобы они перестали противостоять друг другу. Каждому Август находил свою «полочку», точнее — место в сложнейшей системе огромной империи. Если увидеть эту менявшуюся диалектику согласуемого правительством взаимодействия общины и империи, смешанной конституции и монархии, то для парадоксов, возможно, не останется места.

Речь идет об алгоритме, который лежал в основе политики и государственной деятельности Августа. Разумеется, планы Августа не могли полностью воплотиться в практику, основанная им государственная система была далеко не совершенной, а нашу попытку реконструкции следует рассматривать как гипотезу.

Необходимо сделать еще несколько замечаний, касающихся особенностей изложения и трактовок происходившего. Приписывание тех или иных достижений (как и ошибок) конкретному историческому лицу в значительной мере является персонификацией определенных исторических процессов. В какой-то мере это происходит уже по соображениям экономности и стиля. Когда мы говорим «Август», часто имеется в виду круг единомышленников, советников, «друзей» и многих других, кто принимал участие в обдумывании, выработке и проведении политики. Кроме того, «политика Августа» была результатом сознательного, и не только, учета умонастроений значимых социальных групп. Реконструировать соотношение всех находившихся в сцеплении факторов невозможно.

Невозможно отрицать роль отдельных выдающихся деятелей. Но специфика Ранней империи задавалась политической ситуацией, сложившейся в Италии и Средиземноморье в целом. Не меньшую роль играли процессы в умонастроениях и системе жизненных ценностей, психологии и общественной мысли. Они объединяются понятием «менталитет». В дальнейшем рассмотрении, учитывая названные аспекты, термин «менталитет» используется для недифференцированного обозначения совокупности ценностных, культурно-исторических и социально-политических установок (ори-

ентаций) определенной социальной общности. Примерно в этом же смысле употребляется и выражение «ментальная среда». Сравнимое содержание вкладывается в слово «ментальность», но уже в применении к индивиду (см. также раздел IV.2 с примеч. 20). Метаморфозы идеи «республики» в течение активной политической жизни Августа во многом определяли те рамки, в которых он считал возможным и необходимым направлять политику и осуществлять государственное строительство, а также оформлять свои влияние и власть.

Исходя из описанного подхода, рассмотрение событий и личностей, включая Августа, не является самостоятельной целью. В какой-то мере это позволяет высвободить место для главного. События освещаются лишь в той мере и так, как это требуется для проникновения в мир чувств, мыслей, политических идей и решений²⁸. Ту же цель мы будем преследовать, заглядывая в соседние области: социальные отношения, право и религию, философию и мораль, искусство и литературу и другие.

Изложенные соображения обусловили структуру книги. Многоплановость и многослойность содержания потребовали расчленения тем, на самом деле взаимосвязанных. Главы, как и некоторые небольшие разделы, можно читать как отдельные очерки. При необходимости им предпосланы краткие введения в проблематику исследований. К освещению некоторых проблем автор возвращается под разными углами зрения. Перекрестные ссылки предоставляют дополнительные возможности увидеть важные связи. Отбор материала диктуется логикой рассмотрения и в то же время необходимостью дать достаточно убедительные ответы на поставленные вопросы. Хочется надеяться, что исключение некоторых важных аспектов не нанесло существенного ущерба рассмотрению центральной проблемы²⁹.

²⁸ Для сравнения: в фундаментальной монографии Н. А. Машкина («Принципат Августа») из 606 страниц текста примерно 250 посвящены предшествовавшим собственно принципату событиям, в основном связанным с деятельностью Юлия Цезаря и гражданскими войнами после его смерти. В остающейся до сего дня самой подробной биографии В. Гартгаузена (*Gardthausen V. Augustus und seine Zeit. 3 Teile in 6 Bd. Leipzig, 1891–1904*) событиям после установления единовластия Августа уделены 2/3 объёма, хотя даже чисто хронологически, не говоря уже об исторической значимости, эти 45 лет составляют ¾ его политической карьеры. Ещё большую часть занимает предыстория «принципата» в объёмной биографии Й. Бляйкена (*Bleicken J. Augustus*): почти половину. В какой-то мере это обусловлено состоянием источников. Кассий Дион посвятил 17 главам между убийством Цезаря и установлением принципата (44–27 гг. до н.э.) девять книг, а 41 году после (до 14 г. н.э.) — только четыре книги. Хорошая изученность темы, и особенно предыстории принципата Августа, в какой-то мере освобождает нас от подробного изложения соответствующего фактического материала. Как сказал Мишель Фуко, «уже наступили те времена, когда историки могут позволить себе раскрывать, описывать, анализировать структуры, не заботясь о том, не упускают ли они при этом живую, нежную и трепетную историю» (Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 13 сл.).

²⁹ Разумеется, более подробный анализ литературы Августовского века, особенно отраженных в ней политических настроений, мог бы лишь обогатить предпринятую реконструкцию интеллектуальной жизни. Успешные завоевания были очень важным элементом укрепления авторитета, популярности и власти императора. Но эта тематика хорошо изучена, и мы сочли возможным ограничиться ссылками.

Предполагается, что у читателя сложится многомерная картина, дающая представление о характере Римского государства времени Августа.

Две начальные главы выполняют функцию введения и поясняют особенности методологии. Первая глава завершается кратким обзором источников. Принципиальное значение имеет их деление по времени создания и, соответственно, по отраженным ментальностям. Во второй главе место традиционной историографии занимает своего рода панорама идей. Содержащаяся там полемика поможет читателю познакомиться с проблематикой и состоянием исследований.

Две последующие главы посвящены генезису идеологии «восстановленной республики». В III главе, на фоне событий, последовавших за убийством Юлия Цезаря, показаны идеи и настроения, которые в конечном счете определили исход гражданской войны и характер нового государственного устройства. Краткий очерк становления Римской государственности в связи с историей гражданской общины необходим для понимания «республиканской» политической традиции. Политические платформы Цезаря, Цицерона и Антония сквозь призму событий предстают как конкурирующие варианты выхода из кризиса.

В IV главе разъясняется, что *res publica* обозначала тогда не форму государства, а прежде всего принцип организации гражданской общины, заключавшийся в приоритете совместных интересов ее членов. «Республикой» также признавалось государство, в котором этот принцип соблюдался. Идеи «республики» и необходимости ее возрождения сохраняли свою жизненность во времена гражданских катаклизмов. Но для их воплощения в реальную политику требовалась незаурядная личность. Ставится вопрос о том, был ли Август человеком такого масштаба. Предпринятая реконструкция его «интеллектуальной биографии» позволяет также подойти к ответу на вопрос о роли идей в создании новой римской государственности.

В V главе режим Августа рассматривается как сложная эволюционирующая система. Авторская концепция разъясняется на основе таких ключевых категорий, как «восстановленная республика» и «наилучшая форма государства». Показано, что «принципат» был одним из элементов «смешанной конституции». Также указана роль институтов, которые не входили в число государственно-правовых, в первую очередь, клиентелы. Особое внимание уделено взаимодействию различных элементов нового режима в пределах римской гражданской общины.

Последующие главы посвящены рассмотрению отдельных аспектов идеологии Августовского режима. Реставрационная составляющая особенно очевидна в мероприятиях по возрождению древней религии, старинных нравов и семьи (глава VI). Здесь раскрывается тесная связь политики Августа

с основами римского мировоззрения. Даже нововведения вписывались в идеологию восстановления «нравов предков».

Далее Август представлен в тех сферах, в которых он до наших дней считается непревзойденным. Их называют по-разному: пропаганда, наглядная агитация, презентация или общение с подданными. Первые разделы главы VII посвящены тому, как правительство пыталось представить себя и режим согражданам и подданным. Здесь разъясняются предварительно вводимые понятия: *res publica*, *libertas*, *princeps*, *auctoritas*, *virtus*, *imperator*, *pater patriae* и некоторые другие. В качестве важнейшего документа, непосредственно отразившего политическое мировоззрение Августа и идеологию его правления, анализируется “*Res gestae divi Augusti*”. Также рассматриваются идеологические и политические аспекты изображений императора, в том числе скульптурные портреты и монетные чеканы.

В VIII главе речь идет о деятельности Августа и его сподвижников, направленной на благоустройство и украшение столицы империи. Она имела как утилитарные, так и политические цели. Принято говорить о строительной политике и монументальной пропаганде. Здесь, как и в других сферах, прослеживается эволюция идеологии режима. Если мавзолей, задуманный в контексте борьбы с Антонием, превратился в памятник династии, то одной из задач форума Августа было вписать принцепса в череду славных мужей Республики — творцов римского величия.

В IX главе предпринята попытка выявить отношение современников к происходившим переменам и к самому принцепсу. Ставится вопрос, когда в общество пришло осознание совершенного политического переворота. Важным критерием является время появления «республиканской» оппозиции режима. Первые симптомы ее зарождения появились на заключительном этапе правления Августа, однозначные свидетельства относятся к последней трети правления Тиберия.

В главе X подводятся итоги исследования. Автор пытается еще раз определить сущность основанного Августом нового Римского государства. Анализируется соотношение важнейших понятий. Обозначены этапы развития режима. Специфическая ситуация в Риме и Италии увязывается с положением в державе в целом. Показано, что трудности в подыскании дефиниции для государственного строя, установившегося при Августе, заключаются прежде всего в том, что исследователям приходится иметь дело с разнородным образованием. Тогда только началось слияние двух важнейших структур: «Римского народа» и его «империи». Контролируемые одним человеком, они начали интегрироваться в единое целое — Римскую империю. В заключении (XI) резюмируются важнейшие выводы.

В приложении помещены хронологическая таблица, указатели имен, географических названий, терминов. Постраничные примечания ограничиваются указаниями на важнейшие источники и литературу по узловым проблемам. Более подробными ссылками подкрепляются положения, которые являются нетрадиционными или спорными. При первом (или единственном) упоминании указаны основные выходные данные. При повторных ссылках они сокращены. Подробные библиографические данные содержатся в разделе «Избранная библиография». Оглавления, картосхемы должны помочь ориентированию в материале. Иллюстративный материал (в основном фотографии памятников) дополнит представление об эпохе.

1.4. Некоторые особенности подхода к источникам

Состав имеющихся источников определяется, с одной стороны, «продуктивностью» изучаемой эпохи, и в этом отношении интересующий нас период выгодно отличается от многих других³⁰. На время Августа пришлось выдающиеся литературные труды, тогда же велась энергичная строительная деятельность, известно о замечательных произведениях изобразительного искусства. С другой стороны, за прошедшие две тысячи лет круг источников во много раз сузился в результате гибели рукописей и других памятников античной культуры. Направление стихийного отбора, с позиций источниковедения, в минимальной мере отвечало требованиям репрезентативности. Так, из латинских сочинений сохранились главным образом те, что использовались учителями школ эпохи Поздней античности, а затем заинтересовали ученых монахов средневековья³¹.

³⁰ Подробное описание источников по времени Августа см.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 113–121, 311–337, 568–604, 611–647. Это позволяет нам ограничиться кратким обзором. См. также: Gabba E. *The Historians and Augustus* // Millar F., Segal E. (eds.). *Caesar Augustus. Seven aspects*. P. 61–88. Подборка источников: Ehrenberg V.; Jones A. H. M. *Documents illustrating the reigns of Augustus and Tiberius*. Oxf., 1955 (1976)² (Ehrenberg & Jones). В переводе на английский: Chisholm K. and Ferguson J. (eds.). *Rome, the Augustan age. A source book*. Oxf., 1981. Сравн.: Braund D. C. *Augustus to Nero: A sourcebook*. L.; Sydney, 1986. Важнейшие издания источников указываются далее в ссылках, а также даны в библиографии, где также указаны переводы. Наиболее полный обзор литературных источников на русском языке: Альбрехт М. фон. *История римской литературы*. Пер. с нем. М., 2002–2004. Т. 1–2 (особ. Т. 2. М., 2004. Третья глава. Литература эпохи Августа. С. 705–973). Оригинал: Albrecht M. von. *Geschichte der römischen Literatur*. Bd. I–II. München, 2004 u. a. Ausgaben; Schanz M.; Hosius C. (Bearb.). *Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian*. 1 Teil. *Die römische Literatur in der Zeit der Republik* (1927⁴), 2. Teil. *Die römische Literatur in der Zeit der Monarchie bis auf Hadrian*. (1935⁴). ND: München, 1966–1967 (указаны источники, литература до 1935 г., цитируются важнейшие пассажи).

³¹ По некоторым подсчетам, из 772 известных по именам латинских авторов практически все книги сохранились от тридцати семи, 43 сохранились в большей части своих сочинений, от 64 исследователи полагают немногим, в то время как сочинения 628 авторов полностью утрачены. См: Jerome Th. S. *Aspects of the study of Roman history*. N. Y., 1962. P. 443. Отмечая «ущербность» и «недостаточность» источников по римской истории, Т. Джероум, в частности, цитирует Т. Моммзена, утверждавшего, что литературная

Дело заключается не только в количественных потерях информации. Применительно к «веку Августа» особенно важно, что утрачены почти все исторические повествования об интересующих нас событиях, написанные их участниками и современниками. Поэтому значительная часть сведений взята из вторых и третьих рук. Благодаря развитию культурологии, исторической и сравнительной психологии стоящие за этим проблемы приобретают все более отчетливые очертания. Речь идет не просто об информированности автора, но и о потерях информации, неизбежно происходивших в ходе ее трансляции из одной ментальности в другую, даже отстоящую на небольшой исторической дистанции в одно-два поколения. Изменения смысла нередко еще усугубляются процедурой переноса значений в современную культурную среду.

Сказанное особенно важно учитывать при реконструкции идей и умонастроений. Передача подобной информации от поколения к поколению невозможна без искажений и потерь³². Поэтому при исследовании данной темы должен быть резко дифференцирован подход к первоисточникам и вторичным источникам.

Поздние сочинения, которые являются вторичными источниками, незаменимы для восстановления хода событий, поскольку утрачены первоисточники. В этом отношении, при надлежащей критике, такие материалы достаточно надежны. Пример — «Римская история» Кассия Диона. Другое дело — чувства и идеи современников Августа. Уже для живших спустя десятки лет историков они были тайной за семью печатями — не меньшей, чем для нас. Скорее большей — поскольку они эту проблему столь остро не осознавали. Если для достоверного изложения фактов в основном достаточно было внимательности и добросовестности, то реконструировать мотивацию и образ мыслей в принципе возможно только с некоторой степенью достоверности. Даже содержание слов, обозначавших важные социально-политические реалии, менялось вместе с быстрой перестройкой общества. В сочинениях более поздних авторов могут встречаться адекватные отблески духовных исканий изучаемой эпохи. Но поскольку сами эти писатели понимали мир по-другому, они невольно вкладывали в некоторые ключевые слова новые смыслы³³. Несинхронные сочинения отражали менталитет своей эпохи, неосознанно перенося его смыслы в эпоху изображаемую.

традиция императорского периода в конечном счете «не просто не имеет формы и цвета, но фактически в большей части бессодержательна» (ibid. P. 442).

³² Это так называемые семантические помехи или шумы, если определить суть проблемы в терминах социолингвистики и теории коммуникации. Некоторые примеры были предварительно рассмотрены в разделе I.2.

³³ Сравни. развёрнутое обсуждение общей проблематики применительно ко времени раннего принцепата: Flaig E. Den Kaiser herausfordern. Frankfurt a. M., 1992 (особ.: S. 14–37: Methodische Einleitung: Die Unordnung des Diskurses. Überlegungen zum Umgang mit den Quellen).

Поэтому первым шагом в критике источников должна стать их систематизация по времени, по поколениям. Ключевым в любом случае остаётся содержательный анализ. В качестве примера может служить сообщение Светония о намерении Октавиана восстановить «республику» и учредить наилучшее государственное устройство. Таким считалась «смешанная конституция». Биограф, исходящий из реалий своего времени, понял сделанный тогда выбор как решение основать монархию (Suet. Aug. 28.2). Этому ходу мыслей ещё через сто лет следует Кассий Дион, у которого исходный замысел «смешанной конституции» в данном контексте исчезает почти бесследно. Тем не менее, мимоходом упоминая соответствующие факты, которым не придается значения, эти авторы помогают найти ключик к пониманию первоначального замысла творца нового государственного устройства (см. разделы I.9; IV.4 и др.).

Первоисточники, как правило, не могут не содержать информации о своем времени. Выявив по ним «метки» — специфические черты политической идеологии переходного периода — можно с большей уверенностью дальше реконструировать всю мозаику и в конечном итоге попытаться изнутри рассмотреть сущность идеологических противостояний времени Августа, адекватно оценивая не только факты, но также мотивы, в частности, природу «республиканской» идеологии режима. Сопоставляя эту информацию с содержащейся в более поздних источниках, можно попытаться восстановить многомерную и приближающуюся к исторической действительности картину изучаемых событий.

I.5 Свидетельства участников, очевидцев, младших современников (проза)

Первостепенное значение имеют для нас произведения выдающегося оратора, писателя, политика Марка Туллия Цицерона (106–43 гг. до н.э.). Выступая на заседаниях сената и в судах в качестве адвоката, он не обходил стороной острые политические проблемы своего времени. Важную информацию содержит также переписка с родственниками, друзьями и политическими деятелями, содержащая иногда скрытые намеки, а иногда откровенные мысли и оценки. Эти сочинения помогают не только восстановить ход событий, но также их социальную и идейную подоплеку³⁴. Для реконструкции идеоло-

³⁴ Важнейшие издания: M. Tulli Ciceronis opera quae supersunt omnia. Leipzig bzw. Stuttgart (Bibliotheca Teubneriana); Cicero. Works. Lat.-engl. L; Cambr., Mass. (Loeb Classical Library), а также в сериях: "Oxf. classical texts"; "Collection Budé". Имеются многочисленные издания отдельных работ, в частности: Cicero, M. Tullius. De re publica. Kommentar von K. Büchner. Heidelberg, 1984; Cicero, M. Tullius. Drei Reden vor Caesar (pro Marcello etc.). Lateinisch/deutsch. Übers. und hrsg. von M. Giebel. Stuttgart, 2005 etc.

гического и культурного фона событий большое значение имеют трактаты Цицерона «О государстве» (*De re publica*), «О законах» (*De legibus*), «Об обязанностях» (*De officiis*) и ряд других. В них содержатся важные идеи, несомненно, активно обсуждавшиеся тогда в политических кругах. Некоторые, в частности, об «утрате республики» и необходимости ее «восстановления», о наилучшем государстве, были использованы для теоретического обоснования нового режима.

Влияние, а тем более, «участие» Цицерона в идеологической подготовке нового режима, конечно, оказалось косвенным, хотя бы уже потому, что ко времени выбора курса на «восстановление республики» (29/28 гг.) его давно не было в живых. Не следует также обязательно представлять дело так, что из книг Цицерона вычитывались какие-то конкретные идеи и лозунги (хотя это не исключено, и тому есть подтверждения). Главная ценность сочинений Цицерона как исторических источников заключается в том, что они отражают тот менталитет, в котором сформировалась идеология Августовой «восстановленной республики». Данные о личных контактах юного Октавия, позднее Октавиана, с оратором, как и сообщение Плутарха, согласно которому младший из триумвиров пытался защитить своего бывшего союзника, согласуются с мнением о влиянии Цицерона на политическую программу юного Цезаря³⁵.

Разумеется, Цицерон был не единственным выразителем идей своего времени. Золотой век римской литературы ярко представлен также политическим оппонентом Цицерона — Юлием Цезарем (100–44 гг. до н.э.). Полностью сохранились «Записки о галльской войне», которые являются образцом не только классического краткого, «изящного» стиля (римского аттицизма), но и политической самоапологии. Это сочинение, в частности, помогает понять и характер талантливого политика. Он умел принимать самостоятельные решения, но не желал вести долгие «бесполезные» разговоры.

Одним из самых известных римских историков был Гай Саллюстий Крисп (ок. 86–35 гг. до н.э.). В монографии «Заговор Катилины» он описал события 63 г. до н.э. Эпизод смутного времени дал историку, имевшему немалый опыт политической деятельности, повод критически оценить всю эпоху. Главный герой сочинения изображен как представитель морально разлагающейся аристократии. По мнению Саллюстия, Рим начал вырождаться из-за честолюбия и корыстолюбия, особенно стремительно — с исчезновением карфагенской угрозы. Убедительно сформулированная историком концепция нравственного упадка как причины кризиса республики отразила

³⁵ Plut. Cic. 46. Вопрос о роли Цицерона в формировании мировоззрения Октавиана рассматривается в разделе IV.6. Корпус сочинений Цицерона особенно важен для реконструкции менталитета, из которого выросла идеология Августова принципата. Это объясняет, почему именно он, а не Кассий Дион или Светоний, является наиболее часто цитируемым автором, особенно в главах III–IV.

взгляды, широко распространённые в римском обществе. Позднее подобные настроения побудили Августа предпринять ряд реформ, направленных на возрождение древней религии и нравов предков³⁶.

Остается лишь сожалеть об утрате большей части литературных первоисточников. Это различные «Записки» (*commentarii*) мемуарного характера, самоапология Антония (*de ebrietate sua*), памфлеты, сочиненные триумвирами и их сторонниками. Трудно представить, насколько ценными оказались бы, к примеру, мемуары Кв. Деллия, который одного за другим поддерживал Долабеллу, Кассия, Антония, был посредником между последним и Клеопатрой, а затем дезертировал на сторону Октавиана³⁷. Среди несохранившихся исторических сочинений современников и участников событий следует назвать «Истории» Азиния Поллиона (75 г. до н.э. — 4 г. н.э.), который описал события с 60 г. до н.э. до битвы при Филиппах (42 г.) или до поражения Секста Помпея (36 г. до н.э.). Из его труда многое заимствовал Аппиан³⁸.

Из дошедших сочинений необходимо упомянуть небольшую по размерам биографию Тита Помпония Аттика, известного корреспондента Цицерона, друга Варрона, имевшего личные связи с Антонием и Октавианом и многими другими политическими деятелями. Книга была написана Корнелием Непотом. Из содержания ясно, что она была начата до смерти Аттика в конце марта 32 года, а завершена до 27 г. до н.э., когда Октавиан получил имя «Август». Исключительное значение данного источника состоит не только в том, что это единственная биография римского всадника. Атик — один из представителей высшего сословия, которые не хотели участвовать в гражданских усобицах, сознательно отказались от политической карьеры и достигли личного благополучия. Атик был автором несохранившихся сочинений, в т.ч. «Анналов» (Nep. Att. 13,6), а также занимался книгоиздательством. Вместе с Овидием, Аннеем Мелой и рядом других известных лиц Атик в изображении Корнелия Непота является важным примером того, как отдельные образованные представители интеллектуальной элиты освобождались от стереотипов. Вначале это было результатом знакомства с идеями философии эллинизма. В дальнейшем отказ от полисных ценностей во

³⁶ Саллюстий Крисп, Гай. Сочинения. Пер. и комм. В. О. Горенштейна. М., 1981. О мерах по возрождению «древних нравов» см. гл. VI.

³⁷ Plut. Ant. 29, cf. 25 etc.; см.: Wissowa G. Dellius Q. // RE. Bd. IV.2. (Hb. 8). 1901. Sp. 2447 f.

³⁸ Сохранившиеся фрагменты утраченных исторических сочинений см.: Peter H. (Ed.). *Historicorum Romanorum reliquiae*. I–II. Stuttgart, 1967 (Kopie von 1906–1915). Об Азинии Поллионе: Groebe P. *Asinius 25 — C. Asinius Cn. f. Pollio* // RE. Bd. II 2. (Hb. 4). 1896. Sp. 1589–1602 etc. Заслуживает также упоминания историческое сочинение Тита Лабиена, сожженное по решению сената (Sen. rhet. contr. praef. 5, см. раздел IX. 6 с примеч. 159 слл.). Исследованию поэтического описания битвы при Акции, сохранившемуся на папирусе из Геркуланума, посвящена монография: Zecchini G. *Il Carmen de Bello Actiaco: storiografia e lotta politica in eta augustea*. Stuttgart etc., 1987.

все возрастающей мере определял умоностроения римлян, а в итоге — судьбы Города и Империи³⁹.

Сочинение Корнелия Непота примыкает к чрезвычайно важному и популярному направлению исторических штудий, к сожалению, почти не сохранившихся. Это антикварная (и антикварно-биографическая) литература, появление и расцвет которой был связан, с одной стороны, со стремлением римских «нобилей» обосновать свои права на исключительное положение в государстве, а с другой — с ностальгией по «старым добрым временам» и нравам. Важной задачей было также приобщение к римским традициям муниципальной знати, влившейся в ряды господствующего класса. К этому жанру, в частности, обращался и Аттик. Самым выдающимся представителем «антикварианизма» был Марк Теренций Варрон (116–27 гг. до н.э.). Крупнейший римский ученый-энциклопедист был автором 74-х научных трудов в 620 книгах, в большей части не сохранившихся (утраченные сочинения цитировали Августин, Авл Геллий, Фест, Макробий и другие поздние авторы). В их числе были «Древности человеческие и божественные» в 41 книге и «О жизни римского народа» в 4 книгах⁴⁰. Своими разысканиями древних обычаев и обрядов Варрон подготовил «реставрационные» мероприятия Августа⁴¹. В определенной мере результаты антикварных изысканий авторов конца Республики — начала Империи представлены в труде Дионисия Галикарнасского «Римские древности» в 20 кн. Автор переселился в Рим ок. 30 г. до н.э., а свой труд (сохранилась примерно половина) опубликовал в 7 г. до н.э. Трудом антикваров широко пользовался также Валерий Максим⁴².

Выдающимся историком — современником Августа (и близким императору) был Тит Ливий (59 г. до н.э. — 17 г. н.э. или 64 г. до н.э. — ок. 12 г. н.э.)⁴³,

³⁹ На роль этого феномена указал в своей работе И. М. Гревс: *Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во времена Империи)*. СПб., 1899. Т. 1, очерк второй: «Т. Помпоний Атик как представитель особого типа земельных магнатов в переходную эпоху от республики к империи». С. 237–438. К данной теме обращался также Фергюс Миллар: Millar F. *Cornelius Nepos, "Atticus" and the Roman revolution* // G&R. Vol. 35, N 1. 1988. P. 40–55 (= Millar F. *Rome, the Greek world, and the east*. Vol. I. Chapel Hill, 2002. P. 183–199); id. *Atticus: Picture of a witness of the Roman revolution* // Alföldy G. (ed.) *Vom frühen Griechentum bis zur römischen Kaiserzeit...* Stuttgart, 1989; Dortmund A. *Römisches Buchwesen um die Zeitenwende*. War T. *Pomponius Atticus (110–32 v. Chr.) Verleger?* Wiesbaden, 2001. Об Овидии см. раздел IX.5.

⁴⁰ Peter H. *Historicorum romanorum reliquiae*. Lipsiae, 1883. Bd. 1 (собрание фрагментов из сочинений ранних римских историков III–I вв.); M. Terentius Varro. *Antiquitates rerum divinarum*. 2 Bd. (Teil 1: Die Fragmente, Teil 2: Kommentar). Wiesbaden, 1976; Salvatore M. (Hrsg.) *M. Terenti Varronis fragmenta omnia quae extant*. 2 Bd. Hildesheim, 1999–2004.

⁴¹ Сидорович О. В. *Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I в. до н.э.* М., 2005 (Теренцию Варрону и антикварам посвящена глава 3, с. 165–273, о количестве работ Варрона см. с. 190). Подробнее об антикварах см. далее, раздел VI.1.

⁴² См.: Rawson E. *Intellectual life in the late Roman republic*. L., 1985. Ch. 15 f. О Валерии Максиме см. раздел I.9 с примеч. 80.

⁴³ См.: Кузнецова Т. И., Миллер Т. А. *Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий*. М., 1984; Немировский А. И. *Социально-политические и философско-религиозные взгляды Тита Ливия* // ВИ. 1977.

автор римской истории «От основания Города» в 142 книгах. Уроженец Патавия (ныне Падуя) на севере Италии, он стал первым из римских историков, не имевших опыта политической деятельности. Грандиозный труд Ливия обосновывал «реставрационную» идеологию нового режима, который представлял как усовершенствованное продолжение «древней» республики.

К сожалению, большая часть сочинения Ливия, в том числе книги CXXVI–CXLII, освещавшие события с 44 по 9 гг. до н.э., утрачена. Об их содержании можно судить лишь по сохранившимся оглавлениям и изложениям позднейших авторов. Судя по всему, Ливий имел собственный взгляд на происходившее, и к концу жизни придворным историком овладели сомнения и скептицизм. Для изучения идеологии Августовских мероприятий представляет интерес уже общий замысел грандиозного труда. Не менее важна задача отдельных эпизодов, а также некоторые комментарии, встречающиеся по ходу изложения.

Когда Тацит писал, что «не было недостатка в блестящих дарованиях и для повествования о времени Августа» (Тас. ann. I. 1), он несомненно имел в виду также историков, которых можно назвать писателями «пограничного» времени: они начинали свой творческий путь при Августе, а завершали его уже при Тиберии. Их сочинения по большей части не сохранились. Это относится и к «Истории» Аннея Сенеки Ритора (Старшего), охватывавшей время от Гракхов до к. 30-х гг. н.э. Проживший долгую жизнь ритор был младшим современником Августа. Он обладал феноменальной памятью. Суждения и оценки, выработавшиеся в ходе исторических штудий и размышлений над недавним прошлым, отразились в сохранившихся риторических сочинениях — «Контроверсиях» и «Суазориях». Они в значительной части сохранились и содержат множество интересных фактов и высказываний, помогающих ощутить дух времени⁴⁴. Рассказы и образ мыслей Сенеки Ритора должны были сказаться на формировании взглядов сына — Аннея Сенеки Философа (Младшего), о котором еще будет сказано далее.

Авл Кремуций Корд зачитывал свои «Анналы», рассказывавшие о гражданских войнах и первых годах нового режима, самому Августу. Но это не помешало клеветам Сеяна в 25 г. н.э. обвинить историка за содержащиеся в его труде похвалы Бруту и Кассию. Корд покончил с собой, а его труд

№ 7. С. 103–117; Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия — образ, миф, история // Тит Ливий. История Рима от основания города. М., 1993. Т. III. С. 590–655; Токмаков В. Н. Тит Ливий как зеркало римской историографии // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура. М., 2005. С. 114–134; Dorey T. A. (ed.) Livy. L., 1971; Burk E. (hrsg.) Wege zu Livius. Darmstadt, 1967, 1977; Walsh P. G. Livy: his historical aims and methods. Cambr., 1961; id. Livy. Oxf., 1970, 1974² etc. О взаимоотношениях Ливия и Августа, соотношении идейных установок Ливия и других авторов с идеологией нового режима см. раздел IX.6.

⁴⁴ Seneca rhetor. Oratorum et rhetorum sententiae divisiones colores. Leipzig: Teubner, 1989. См. также: Rossbach O. Annaeus 16. // RE. Bd. I.2. 1894. S. 2237–2240; Whitehorne J. E. G. The Elder Seneca. A review of past work // Prudentia. Vol. I. 1969. P. 14 ff.; Fairweather J. Seneca the Elder. Cambr. etc., 1984.

был приговорен к сожжению. К сожалению, он не дошел до нас, хотя дочь историка Марция спасла тогда экземпляр «Истории». Автором еще одного несохранившегося исторического повествования, охватывавшего период от смерти Цицерона до 31 (возможно, до 47) г. н.э., был Ауфидий Басс. Среди других не дошедших до нас трудов о временах смуты и годах правления Августа были книги будущего императора Клавдия⁴⁵.

Из дошедших до нас трудов греческих авторов значительный интерес представляет «География» Страбона из Амазии (ок. 40 г. до н.э. — 25 г. н.э.). Он был также автором несохранившегося исторического труда. Большую часть жизни Страбон провел в Риме. «География», впервые опубликованная в 6 г. до н.э., а затем, в доработанном виде, переизданная в конце жизни автора, содержит не только конкретную информацию об Империи, но и общий взгляд на новую государственность с позиций образованного грека⁴⁶.

Николай Дамасский (64 до н.э. — после 14 г. н.э.) был воспитателем детей Антония и Клеопатры, а также Цезариона. По-видимому, он оставил двор Птолемеев еще до Акция. Позднее историк стал советником и близким другом Ирода Великого. Его покровитель также вовремя порвал дружбу с Антонием, сумев со временем заручиться поддержкой и даже дружбой с Августом (Jos. ant. Jud. XV.361). Царь Иудеи посылал своего доверенного советника с ответственными поручениями в Рим, также к самому Августу. Он выполнял их с успехом, используя эти поездки также для литературных разысканий. Николай был знаком с Дионисием Галикарнасским, Кринагором, Страбоном, Тимагеном и другими учеными того времени. Перу Николая Дамасского принадлежало множество трудов, в т.ч. всеобщая история в 144 книгах. Почти все произведения утрачены, биография Августа сохранилась во фрагментах⁴⁷. Ее ценность обусловлена не только эрудированно-

⁴⁵ Burck E. Das Bild der Revolution bei römischen Historikern // *Gymnasium*. Bd. 73. 1966. S. 86–109; Momigliano A. *Claudius*. Oxf., 1934. P. 1 ff. См. раздел IX.6.

⁴⁶ Страбон. География. Пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского. М., 1994². См.: Арский Ф. Н. Страбон. М., 1974; Грацианская Л. И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // *Древнейшие государства на территории СССР*. 1986. М., 1988. С. 6–175; Dueck D. *Strabo of Amasia. A Greek man of letters in Augustan Rome*. L., N. Y., 2000.

⁴⁷ Jacoby F. *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Berlin, 1926. 2A. S. 324–420; II C. S. 261–291, 343; Nicolaus of Damascus. *Life of Augustus*. Ed. and trans. Bellemore J. Bristol, 1984; Nikolaos von Damaskus. *Leben des Kaisers Augustus*. Hrsg., übers. und kommentiert von J. Malitz. Darmstadt, 2003, 2011³ (с подробной библиогр. Далее: Malitz J. Nikolaos...); Николай Дамасский. О жизни Цезаря Августа и его воспитании. Пер. под ред. Е. Б. Веселаро // ВДИ. 1960. № 4. С. 218–237. Лит.: Wacholder B. Z. Nicolaus of Damascus. *University of California studies in history*. Vol. 75. 1962; Dobesch G. Nikolaos von Damaskos und die Selbstbiographie des Augustus // *Grazer Beiträge*. Bd. 7. 1978. S. 91–174 (= id. *Ausgewählte Schriften*. Band I. Köln etc., 2001. S. 205–273); Toher M. The “Bios Kaisaros” of Nicolaus of Damascus: An historiographical analysis. *Ann Arbor (Mich.)*, 1987. Обзор литературы: Kienast 2009. S. 272 f. mit Anm. 212–215. О юности Августа см. раздел IV.7, о судьбе Цезариона — раздел V.2 с примеч. 45. О взаимоотношениях Ирода, «третьего человека в Империи», с Августом и Агриппой см.: Baltrusch E. *Herodes*. S. 108–174.

стью автора, но и личным знакомством с императором. Взаимопониманию (и дипломатическим успехам) способствовала также принадлежность к одному поколению, возможно, близость литературных интересов⁴⁸. Когда Август умер, Николаю было 76 лет. Есть мнение, что лишь тогда и было написано панегирическое жизнеописание Октавиана “Bios Kaisaros”. Согласно другой точке зрения, сочинение, частично основанное на автобиографии Августа “De vita sua” (ок. 24 г. до н.э.), было завершено и опубликовано уже к концу 20-х гг. до н.э. Возможной целью, поставленной не без участия Ирода, было нейтрализовать воздействие многочисленных памфлетов, распространявшихся на греческом Востоке Антонием. Дошедшие фрагменты «Биографии» относятся к юности и к началу политической карьеры основателя Империи (до поездки в Кампанию в 44 г.). Впрочем, содержание «Введения» допускает, что жизнеописание Николая Дамасского доходило до 27 г. до н.э.⁴⁹

Враждебная Августу традиция во многом обязана памфлетам и «Историям» Тимагена, проживавшего в Риме с 50 г. до н.э., некоторое время в доме принцепса. Известно, что после их ссоры Тимаген сжег свое описание правления Августа и переселился к Азинию Поллиону⁵⁰.

Особое место среди письменных первоисточников по нашей теме занимают «Деяния божественного Августа» (“Res gestae divi Augusti”) — своеобразный отчет императора о своих заслугах перед Римским народом, дошедший в виде надписей на камне в латинском и греческом вариантах. Если труды Цицерона являются важнейшим источником для понимания идейной среды, в которой формировалась концепция «восстановления республики», то сравнительно небольшое сочинение основателя нового режима дает возможность познакомиться с его интерпретацией собственных свершений, а также их мотивов. Этот памятник, ввиду выдающегося значения для изучения новой государственности, рассматривается отдельно⁵¹. Менее

⁴⁸ Известно, что историк регулярно посылал императору его любимые финики, которые тот называл по имени отправителя «финиками Николая». Подробнее о Николае, с дальнейшими ссылками, см. указанное издание: Malitz J. Nikolaos... S. 1 ff.

⁴⁹ Аргументация Малитца в пользу «ранней» датировки биографии Августа представляется достаточно убедительной (Malitz J. Nikolaos... S. 5–8.). Об автобиографии Августа см. также тексты докладов состоявшейся в 2005 г. конференции: Smith C.; Powell A. (eds.). The lost memoirs of Augustus and the development of Roman autobiography. Swansea, 2009 (среди докладов: Smith C. The Memoirs of Augustus: testimonia and fragments. P. 1–14; Toher M. Divining a lost text: Augustus' autobiography and the bios kaisaros of Nicolaus of Damascus. P. 125–144; Powell A. Augustus' age of apology: an analysis of the memoirs – and an argument for two further fragments. P. 173–194). Rec.: Walter U. // HZ. Bd. 292, 3. 2011. S. 743–751 etc.

⁵⁰ Sen. major. Controversiae 10.5.22. cf.: Laquer R. Timagenes // RE. Bd. VI A, 1, Sp. 1063–1071; Sordi M. Timagene di Alessandria: uno storico ellenocentrico e filobarbaro // ANRW. Bd. II 30.1. 1982. S. 775–797.

⁵¹ Современный книжный вариант одного текста занимает 10–12 страниц. Проблемы интерпретации содержания «Деяний», а также вопросы, связанные с целью и временем создания рассматриваются в разделах VII.5 сл. О находках и изучении надписей см. далее, в разделе I.7. Там же указаны важнейшие публикации.

известны, прежде всего по причине плохой сохранности, другие тексты, вышедшие из-под пера Августа или при его участии. Тем не менее, имеющиеся фрагменты, а также упоминания, ссылки и сохранившиеся эдикты составляют немалый объем. В их числе пассажи из произведений различного жанра, писем, цитируемых более поздними авторами (в т.ч. Светонием), а также надписи на камне и папирусы. Считается, что количество текстов, к которым был так или иначе причастен сам император, исчислялось пятизначным числом. Самое известное издание сохранившихся фрагментов Энрики Мальковати, выдержавшее пять изданий (1921–1969), содержало 294 отрывка. В последнем, подготовленном Клаусом Брингманом и Дирком Вигантом, добавлено еще 16, так что оно насчитывает 310 названий. Многие из них заслуживают самого внимательного прочтения⁵².

Почти полная утрата исторических повествований о времени Августа, принадлежавших участникам событий, вызывает серьезные трудности, особенно при попытках восстановить происходившие в интересующий нас период изменения в политических настроениях и взглядах. Этот недостаток следует по возможности восполнить другими первоисточниками, в которых непосредственно отразились переживания и мысли современников. Среди них — творения великих поэтов и безыскусные надгробные надписи, запечатленные на камне официальные документы и сочинения юристов, монеты и памятники архитектуры.

1.6. Произведения поэтов «Августова века»

Вместе с сочинениями, появившимися в последние десятилетия Республики, поэзия и проза времени Августа составляют славу «золотого века» римской литературы⁵³. Ценность произведения литературы как источника не обязательно соответствует его художественным достоинствам. Порой без-

⁵² Weichert A. *Imperatoris Caesaris Augusti scriptorum reliquiae*. Fasc. 1. Grimaе, 1841; 1846; Malcovati H. *Imperatoris Caesaris Augusti operum fragmenta*. 1969⁵. Фрагменты включены также в издание Г. Петера, указанное далее. Новейшее, самое полное издание фрагментов и высказываний Августа: Bringmann K.; Wiegandt D. (hg.). *Augustus. Schriften, Reden und Aussprüche*. Darmstadt, 2008 (далее: Bringmann; Wiegandt). Книга также содержит комментарии и переводы латинских и греческих текстов на немецкий. По мнению Брингмана и Виганта, авторство 15 фрагментов сомнительно. См. также далее о биографии императора, при написании которой Николай Дамасский использовал *de vita sua* самого Августа. О литературном творчестве Августа см. также раздел IV.7.

⁵³ История римской литературы. В 2 т. М., 1959–1962; Полонская К. П. Римские поэты эпохи принципата Августа. М., 1963; Гаспаров М. Л. Греческая и римская литература I в. до н.э. Греческая и римская литература I в. н.э. // История всемирной литературы. М., Т. 1. 1983. С. 437–485; Альбрехт М. фон. История римской литературы; Griffin J. *Latin poets and Roman literature in the early empire*. Berkeley, 1978; *The age of Augustus*. The *Cambr. history of classical literature*. Ed. E. J. Kenney and W. V. Clausen. *Cambr.*, 1983. Vol. II. Part 2; Doody M. A. *The daring muse: Augustan poetry reconsidered*. *Cambr. etc.*, 1985; Schmidt E. A. *Augusteische Literatur. System in Bewegung*. Heidelberg, 2003; Gall D. *Die Literatur in der Zeit des Augustus*. Darmstadt, 2006 (компактное введение с библиографией) etc.

ыскусная надгробная надпись, еще и с грамматическими ошибками, или с трудом читаемая долговая расписка могут рассказать о своем времени не меньше, чем прекрасно обработанная декламация или даже стихотворение выдающегося мастера слова. Текст часто открывает историку нечто иное, чем намеревался сообщить автор. Между строками можно прочесть то, о чем писать было нельзя, а иногда — услышать фальшь слов, которые автор вынужден был произнести. Сказанное имеет прямое отношение к нашей теме, и при знакомстве с поэзией начала Империи следует иметь в виду влияние нового политического режима на содержание произведений.

И ранее наблюдалось стремление употребить литературу в борьбе за власть. С установлением почти безраздельного влияния Августа использовавшаяся для этого традиционная форма покровительства людям творческих профессий приобрела новый характер. В изложениях литературы века Августа непременно всплывает имя Гая Цильния Мецената (ум. в 8 г. до н.э.), одного из ближайших сподвижников принцепса. Мецената и членов его «кружка» связывала не только любовь к искусству (сам Меценат, как и Август, сочинял стихи, оба без особого успеха), но и узы патроната — клиенты. При этом существенная материальная помощь поэтам предполагала их лояльность по отношению к режиму.

Взаимоотношения литераторов с государством никак не укладываются в понятия «подкуп», «давление», «лесть» и подобные, предполагающие сознательное искажение истины в интересах целенаправленной лживой «пропаганды». Влияние на сограждан (как, в конечном итоге, и почетное место в истории мировой литературы) было обусловлено тем, что великие римские поэты выразили сложнейшую гамму настроений и мыслей, которые были характерны для современников. Ведь не можем мы подозревать в неискренности едва ли не все общество, оказавшееся на счастливом мирном распутье между буйством честолюбивых амбиций в конце Республики и неприкрытым подавлением гражданских свобод уже в правление преемников Августа⁵⁴.

Расцвет культуры, конечно и поэзии, определялся благосостоянием высших слоев, уровнем образованности и интересами, наличием слушающей и читающей аудитории. Общество вкусило плоды мира и находилось в состоянии легкой эйфории в надежде на благополучное будущее. Покровителем литераторов выступал не только сподвижник Августа Меценат, известны также люди, вполне независимые от правительства. Такие патроны, как крупный полководец и оратор М. Валерий Мессала Корвин (в «кружок»

⁵⁴ Можно вспомнить апорию Зенона о жителе Крита, который сообщил пришельцу, что все критяне — лжецы. Мы осознаем, что вопрос о психологии оппортунизма «большинства» не столь прост, это показала также последующая, в том числе новоевропейская история. Как правило, запуганное большинство «не знает» о беззакониях правительства, если они его не затрагивают, и не хочет знать, если в результате имеет выгоду.

которого входил, в частности, Тибулл), а также государственный деятель, оратор и историк Азиний Поллион, придерживались особых политических взглядов. И все же величайшие из римских поэтов, как, например, Вергилий и Гораций, были близки к Меценату и к Августу, что тоже едва ли является случайностью.

Публий Вергилий Марон (ок. 70–19 гг. до н.э.) происходил из скромной италийской семьи, но получил прекрасное образование в Кремоне, Медиолане и Риме. Он бесспорно разделял овладевший Италией дух патриотизма и ориентации на древние образцы, который был идейным фундаментом нового режима. Эти настроения и мысли Вергилий выразил в «Эклогах», «Георгиках» и особенно в эпической поэме «Энеида», начатой по совету Августа.

Квинт Гораций Флакк (65–8 гг. до н.э.), отец которого был вольноотпущенником, сражался в армии Брута при Филиппах, затем отошел от политики, а по возвращении в Рим вошел в «кружок» Мецената. Со временем Гораций все более убеждался в необходимости и благодетельности установившегося порядка, однако всегда сохранял стремление к внутренней независимости. Эволюция взглядов поэта отразилась в сборниках его стихов: «Эподах» («Ямбах»), сатирах, названных «Беседы» (*Sermones*), «Посланиях» (*Epistulae*), «Одах», или «Песнях» (*Carmina*). Гораций по заказу Августа сочинил «Секулярный гимн» программного содержания, исполнявшийся на грандиозных празднествах в 17 г. до н.э.

К младшему поколению поэтов «золотого века» принадлежал Публий Овидий Назон (43 г. до н.э. — 18 г. н.э.), который в полной мере смог испытать блага Августова «мира». Отказавшись от политической карьеры, он окунулся в удовольствия столичной жизни. В книгах стихов Овидия: «Любовные элегии», «Героиды», а особенно «Искусство любви» и «Лекарства от любви», — отразились новые ценности римского «света», утратившего общественные идеалы и стремившегося лишь к праздному досугу. Стихи легкомысленного любимца муз слишком диссонировали с усилиями Августа, направленными на возрождение старинных добродетелей. Вместе с некоей загадочной «виной» они послужили причиной ссылки Овидия в городок Томы на западном побережье Понта Эвксинского (с 8 г. н.э.). Оттуда в Рим доходили стихи, в которых можно встретить неумеренные славословия в адрес принцев (книги «Скорбные элегии» и «Письма с Понта»).

Из еще не упомянутых авторов Августова века, сохранившиеся фрагменты произведений которых содержат важную информацию, назовем лишь нескольких: Гай Вальгий Руф (консул 12 г. до н.э.) — поэт, друг Горация и Мецената; Гай Юлий Гигин (64 г. до н.э. — 17 г. н.э.) — поэт, мифограф, астроном, вольноотпущенник Августа, заведовавший Палатинской библиотекой; Марк Веррий Флакк (55 г. до н.э. — 20 г. н.э.) грамматик, филолог, антиквар,

по происхождению вольноотпущенник, воспитатель Гая и Луция Цезарей; Марк Витрувий Поллион (80/70 — после 15 г. до н.э.) — инженер и архитектор, автор сохранившейся «Истории архитектуры»; Марк Антистий Лабейон (ум. в 10 или 11 г. н.э.) — юрист и филолог; Секст Аврелий Проперций (50 г. до н.э. — 15 г. н.э.) — поэт. При том, что большинство имен вообще кануло в Лету, известно не менее 50 имен поэтов, от которых по большей части не дошло ни строчки.

1.7. Надписи

Большое количество кратких и пространных, частных и официальных надписей — одна из особенностей античной цивилизации. В современной литературе в связи с этим ставятся вопросы о предназначении надписей на твердых предметах (прежде всего на камне), их читателях («аудитории») и, соответственно, их «эффективности». В самом деле, многие ли могли читать тексты, записанные в «лапидарном» стиле, с помощью особой графики? Да и кто испытывал желание изучать предписания декретов, выстроившихся на городской площади неизвестно с каких времен, или кладбищенские эпитафии? Что может дать исследование таких памятников? Однако сколько бы подобных и еще более коварных вопросов ни изобретали скептики, гиперкритический подход исключается уже тем, что надписи, стоившие достаточно дорого, все же изготавливались. Соответственно, необходимость использования этих источников не может ставиться под сомнение, при том, что документальность и синхронность изучаемым событиям сообщает им особую ценность. Речь должна идти о выяснении специфики памятников и выработке методов их адекватной интерпретации⁵⁵.

Эпиграфический материал времени Августа обширен⁵⁶. Огромная работа по собиранию, обработке, систематизации и публикации надписей, начало которой положил Т. Моммзен, позволила в последующие десятилетия расширить тематику исследований за рамки интриг императорского двора и успешных военных кампаний. Появилась возможность сосредоточить

⁵⁵ См.: MacMullen R. The epigraphic habit in the Roman Empire // *AJPh*. Vol. 103. 1982. P. 233–246; Harris W. V. Literacy and epigraphy. I // *ZPE*. Bd. 52. 1983. P. 87–111; Alföldy G. Augustus und die Inschriften: Tradition und Innovation. Die Geburt der imperialen Epigraphik // *Gymnasium*. Bd. 98. 1991. S. 289–324. См. также обзор: Meyer E. A. Epigraphy and communication // Peachin M. (ed.). *The Oxf. handbook of social relations in the Roman world*. Oxf., 2011, esp. P. 205 ff. Важнейшие собрания надписей: начавший издаваться с 1863 Т. Моммзеном *Corpus inscriptionum latinarum*, выходящий с 1888 ежегодник *Année épigraphique*, а также *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* — содержат более 300 тыс. надписей.

⁵⁶ Классические издания латинских надписей: *Corpus inscriptionum Latinarum*. Berolini, 1863 (CIL), esp. Bd. IV, VI; Dessau H. *Inscriptiones Latinae selectae*. Berolini, 1892–1916; 2 ed: 1954–1955 (ILS); *Inscriptiones Italiae*. Roma, 1936–1953. T. I–XIII; Bruns C. G. *Fontes iuris Romanis antiqui*. Tubingae. 1909⁷ (Bruns) etc. Обзоры за пятилетие помещает *The Journal of Roman studies*.

внимание на провинциальном управлении, истории армии и других социальных проблемах. Сохранились эпитафии и посвящения, постановления муниципальных и провинциальных органов власти, декреты сената и самого принцепса. Многочисленные надгробные надписи сообщают важную информацию о представителях высших слоев населения, дают возможность выявить социальную мобильность, которая во многом определяла эволюцию режима. Уже тот факт, что в частных надписях основное внимание продолжало уделяться *cursus honorum*, свидетельствует о жизненности традиционной, полисной системы ценностей. Просопографические штудии позволили проследить карьеры множества сенаторов и наместников провинций⁵⁷. Каменные надгробия с надписями были доступны широкому кругу обеспеченных граждан: представителям высших сословий, муниципалам, офицерам, солдатам и ветеранам. Что касается идеологического содержания, то надписи «оппозиционной» направленности неизвестны, и это молчание дает пищу для размышлений⁵⁸.

Среди наиболее известных частных надписей — “*Laudatio Turiae*”⁵⁹, похвальное слово мужа покойной жене, которая, как становится ясно из содержания, спасла его от проскрипций триумвиров. За повествованием о достоинствах Турии всплывают ужасы гражданских войн и картина установившегося после всех бедствий долгожданного мира. Обнаруживаемый в тексте образ мыслей отразил настроения широких кругов населения Италии⁶⁰.

Важные сведения можно почерпнуть из фаст (записей наиболее примечательных событий), которые продолжали вести в различных городах Италии, в частности, в Пренесте, Кумах, Остии⁶¹. Большой материал, рассказывающий о некоторых аспектах генезиса и эволюции императорской власти, имеется в многочисленных надписях из различных провинций, как Западных, так и Восточных. Среди публикуемых в последние годы текстов

⁵⁷ Персоналии представителей высших сословий Ранней Империи собраны в *Prosopographia Imperii Romani* (PIR). Berlin, 1897–1898, 2 Aufl.: Teil 1–5. 1933–1983. См. также: Eck W. (Hrsg.) *Prosopographie und Sozialgeschichte. Studien zur Methodik und Erkenntnismöglichkeit der kaiserzeitlichen Prosopographie*. Köln, 1993; Nitschke J. *Dignitas und auctoritas: der römische Senat und Augustus; prosopographische Überlegungen zur Karriere der Konsuln und Statthalter 30 v. Chr. bis 14 n. Chr.* München, 2001 etc.

⁵⁸ Отчасти сработывала некая «цензура», в первую очередь, самоцензура. Cf.: Braund D. C. *Augustus to Nero. Introduction*.

⁵⁹ CIL VI.1527, 31610, 37053 (= ILS 8393 = Bruns n.126). Ранее персонажи надписи идентифицировались с Кв. Лукрецием Веспиллоном и его женой Турией, которая спасла мужа во время проскрипций в 43 г. (Val. Max. VI.7.2; App. b. c. IV. 44). М. Дюрри в 1950 году показал необоснованность и неправдоподобность этой версии (Durry M. *Éloge funèbre d'une matrone romaine*. P., 1950. P. LIV ff.).

⁶⁰ Wistrand E. *The so-called Laudatio Turiae*. Götheborg, 1976; Flach D. *Die sogenannte Laudatio Turiae. Einleitung, Text, Übersetzung und Kommentar*. Darmstadt 1991, cf.: Horsfall N. *Some Problem in the Laudatio Turiae* // *BICS*. 1983. T. 30 P. 85–98; Millar F. *Rom...* Vol. I. 2002. P. 55 f.; Похвала Турии. Перевод и комментарий В. О. Горенштейна: ВДИ. 1970. № 4. С. 217–223. См. также: Albrecht M. von. *Geschichte...* I. Bern, 1992. 3. Kap. III B. S. 691, с указ. на лит. (русский перевод: Альбрехт М. фон. История...).

⁶¹ *Fasti praeen.* // CIL 12. P. 230–239; Vidman L. *Fasti Ostiensis*. Prague, 1982 etc.

из Афродисия наибольший интерес представляют письма и решения, исходившие как лично от Октавиана, так и принятые совместно с коллегой по триумвирату Антонием. В нач. 1970-х гг. на стене театра в Афродисии была обнаружена группа важных надписей. Они дополняют данные о конституционном положении Октавиана в 30-е годы⁶². Многие документы носили характер государственных распоряжений, причем содержание ряда надписей обнаруживает преобладание Октавиана на территории, формально контролируемой Антонием. Там ясно проявляется также авторитарная власть молодого Цезаря, поскольку в провинциях она не была ограничена традиционной римской «конституцией»⁶³. В то же время сохранились многие прежние конституционные формы, а ряд надписей показывает «в деле» весь механизм республиканской процедуры⁶⁴.

Самым выдающимся эпиграфическим памятником Августова времени являются «Деяния божественного Августа» (*Res gestae divi Augusti* — далее: RG). Текст составлен самим принцепсом, который подвел в нем итоги своей государственной деятельности. Он редактировал «Деяния» до последних лет своей жизни; в окончательном варианте, оригинал которого предназначался в первую очередь для мавзолея Августа в Риме, прослеживаются следы предшествующих версий, предположительно относящихся к 28, 23, 8 и 2 гг. до н.э. Сочинение носит характер самоапологии, что отнюдь не лишает его ценности как первоисточника, содержащего достоверный фактический материал и официальную оценку событий, данную самим создателем режима. Принимается или нет его трактовка как достоверная, важен уже тот факт, являющийся из RG, что сам Август стремился представить себя восстановителем «республики».

Все копии памятника и фрагменты были найдены в Малой Азии (совр. Турция), причем на территории римской провинции Галатии. Первая копия «Деяний», на латинском языке с греческим переводом, была обнаружена еще в 1555 г. в Анкаре (римский город Анкира, главный город провинции Галатия). Анкирская надпись была высечена на плитах, вмурованных в стену храма Ромы и Августа. Позднее фрагменты греческого варианта были найдены еще в Аполлонии (1821 и 1930 гг., область Писидия, ныне Улуборлу), а латинского — в Антиохии (1914 и 1926 гг., Писидия/Фригия, недалеко от совр. Ялвача). Эти находки помогли более достоверно восстановить некоторые лакуны. Особенно важно было прочтение фрагмента 34.3 ла-

⁶² Опубликованы: Reynolds J. M. *Aphrodisias and Rome. Documents from the excavation of the theatre at Aphrodisias*. L., 1982. Речь идет об Афродисии (*Aphrodisias*) Карийской в ю.-з. части полуострова М. Азия (ныне Турция).

⁶³ Reynolds J. *Op. cit.* Esp. P. 36–106 and docs. 6–13. Особенно важен сохранившийся там *senatus consultum* 39 г. до н.э. (док. 8).

⁶⁴ Reynolds J. *Op. cit.* P. 39–40. Cf. Millar F. *Empire and city, Augustus to Julian...* // JRS. Vol. 63. 1973. P. 50–67.

тинской версии. Вместо Моммзеновского *dignitate* правильным оказалось восстановление *auctoritate*, так что фрагмент читается так: “*post id tempus auctoritate omnibus praestiti*” — «после этого я превосходил всех своим авторитетом», что справедливо поставило категорию *auctoritas* в центр исследования Августа «принципата»⁶⁵.

В 2005 году был издан еще один новый фрагмент “*Res gestae*” (34.1) из Антиохии, уточняющий текстовое восстановление Моммзена. Известный пассаж, читавшийся ранее как “*per consensum universorum potitus rerum omnium rem publicam ex mea potestate in senatus populi que Romani arbitrium transtuli*”, теперь читается “*per consensum universorum potens rerum omnium...*”. Это чтение отражает более самоуверенный тон Августа и подтверждает, что к 28 г. он уже обладал (а не получил ее) полной властью⁶⁶.

Пять эдиктов из Киренаики (совр. Ливия), которые датируются временем с 7 до 4 гг. до н.э., изданные в 1927 г., предоставили информацию о механизмах решения юридических споров. Они показали, что при необходимости Август без колебаний вмешивался в решение вопросов в провинции, которая номинально управлялась сенатом и Римским народом («сенатские провинции») ⁶⁷.

Пока вызывает сомнение подлинность бронзовых досок из северной Испании с эдиктами Августа. Тексты регулируют территориальное деление региона и финансовые обязанности населения. Эдикты, похоже, были составлены Августом в Нарбоне в 15 г. до н.э., после побед в Кантабрии и Астурии. В преамбулах, и это первый известный случай, наряду с трибунской властью для определения государственно-правового положения Августа используется термин *proconsul*⁶⁸.

Две важные надписи, проливающие дополнительный свет на положение в государстве в конце правления Августа и в первые годы Тиберия, были не так давно найдены на территории римской провинции Бетика (Испания). Они важны для понимания общественных настроений после смерти Авгу-

⁶⁵ Классические комментированные издания (некоторые с переводами): Mommsen T. (1883²), Gage J. (P., 1935), Berini C. (Roma, 1937), Malcovati E. (Roma, 1937); Volkmann H. (Berlin, 1969³); Brunt P. A. and Moor J. M. (Oxf., 1967); Weber E. (Düsseldorf, 1999⁶); Giebel M. (Stuttgart, 2004²) etc. Фрагмент Анкирской надписи изображен на заставке данной главы (илл. I.1). См. также разделы I.5 и особенно VII.5.

⁶⁶ Комментированные научные издания, учитывающие современные дополнения и интерпретации: Scheid J. (ed.). *Res gestae divi Augusti. Hauts faits de divin Auguste*. P., 2007; Cooley A. E. *Res gestae divi Augusti. Text, Translation, and Commentary*. Cambr., 2009; repr. 2010; Möller L. (Hrsg.) *Meine Taten: res gestae divi Augusti*. Wiesbaden, 2014. Подробнее о RGDA см. в разделах VII.5 сл.

⁶⁷ De Visscher F. *Les édits d'Auguste découverts à Cyrène*. Louvain; P., 1940 (= SEG IX.8 = Ehrenberg & Jones, doc. 311). См: Ferrary J.-L. *À propos des pouvoirs d'Auguste* // CCG. T. 12. 2001. P. 101–54, 137–138 (= engl.: *The powers of Augustus* // Edmondson J. *Augustus*. P. 90–136, p. 117–118 etc.) Сравн.: Машкин Н. А. Эдикты Августа из Киренаики // ВДИ. 1938. N 3. С. 180–192.

⁶⁸ Опубликовано: AE 1999, 915 = 2000, 760; Richardson J. S. *The new Augustan edicts from northwest Spain* // JRA. Vol. 15. 2002. P. 411–415 (Ричардсон выражает сомнение в подлинности надписи).

ста. *Tabula Siarensis* (найдена недалеко от Севильи) содержит постановление сената от декабря 19 г., определявшее почести умершему в октябре Германику. Вместе с *Lex Valeria Aurelia*, а также ранее открытой *Tabula Hebana* (Этрурия) и фрагментами еще двух надписей из Рима и Тоди (Перуджия), *Tabula Siarensis* образует своего рода пакет документов, которые сообщают о мерах, предпринятых для контроля за выборами высших магистратов⁶⁹. В этой надписи также отразился отказ Тиберия от политики Августа в отношении Германии. Еще один документ времени Тиберия — *Senatus consultum de Cn. Pisone patre*, которым завершился процесс против обвинявшегося в убийстве Германика Кальпурния Пизона. Надписи не только служат для проверки достоверности литературной традиции, в данном случае — сообщений Тацита о событиях, связанных с последними годами жизни Германика (Тас. ann. II. 55, 57, 69–73, 75–83, III.12–18; cf.: Suet. Cal. 1–6)⁷⁰. Они дают возможность выяснить неизвестные ранее нюансы римской политической жизни.

Краткие надписи на глиняных черепках (остраконах) и тексты на папирусах, которые находят в основном в Египте, содержат важную информацию. В частности, в папирусах находят сведения об организации армии, о провинциальном управлении и взаимоотношении местной администрации с центром. Иногда делаются «находки» в известных европейских собраниях и музеях. Таков заново открытый фрагмент папируса, т.н. «Кёльнский папирус». Он содержит греческий перевод речи Августа на похоронах М. Агриппы в 12 г. до н.э. В частности, там указаны полномочия ближайшего соратника Августа⁷¹.

I.8. Монеты, памятники искусства и архитектуры

Благодаря усилиям ряда выдающихся специалистов по римской нумизматике: Г. Маттингли, Э. Сайденхэма, К. Сазерлэнда, М. Гранта и др., монеты уже немало рассказали о политике и идеологии времени триумvirата и прав-

⁶⁹ Ehrenberg & Jones, Nr. 94a (*Tabula Hebana*), AE 1984. P. 508 (*Tabula Siarensis*), cf.: Crawford M. H. *Roman statutes*. 2 vols. L., 1996. Vol. I, Nr. 37–38. P. 507–543; Rowe G. *Princes and political cultures. The new Tiberian senatorial decrees*. Ann Arbor, 2002; Millar F. *Imperial ideology in tabula Siarensis* // Millar F. *Rome...* P. 350–359 etc. См.: Князев П. А. Кто смерти поддаться не должен был вовсе. Самара, 2005, в т.ч. публикации и переводы таблицы из Сиара и постановления о Гнее Пизоне (с. 46–75).

⁷⁰ См.: Lebek W.D. *Welttrauer um Germanicus. Das neu gefundene Originaldokument und die Darstellung des Tacitus* // *Antike und Abendland*. 36. 1990. S. 93–102; Eck W. *Die Täuschung der Öffentlichkeit. Der Prozess gegen Cnaeus Calpurnius Piso im Jahre 20 n. Chr.* // *Große Prozesse der römischen Antike*. München, 1997. S. 128–145; Damon C. (Hrsg.). *The Senatus consultum de Cn. Pisone Patre. Text, translation, discussion*. Baltimore, 1999.

⁷¹ Публикации: Koenen L. *Die Laudatio funebris...* // ZPE. Bd. 5. 1970. S. 217–283 (= P. Köln I 10) etc. Издание, включающее вновь найденный фрагмент: Gronewald M. *Ein neues Fragment der Laudatio Funebris des Augustus auf Agrippa* // ZPE. Bd. 52. 1983. S. 61–62; Ehrenberg & Jones, doc. 366. Подробнее см. далее, раздел V.4 с примеч. 106 сл.

ления Августа⁷². Значение этого вида источников, по мнению некоторых исследователей, обусловлено тем, что монеты с их изображениями и легендами играли в античном мире ту же роль, что и современные средства массовой информации, доходя до самых глухих уголков ойкумены. Значение и достоверность данных, извлекаемых из монет, не остаются вне критики. При использовании данных нумизматики нелишне поставить некоторые вопросы. Неясно, в частности, какие надежды возлагало правительство на распространение определённых идей посредством монет, и соответственно, насколько серьезно оно подходило к созданию новых чеканов. От этого зависит, в свою очередь, оценка значимости извлекаемых из них сведений. Возникают также вопросы об адресатах «монетной пропаганды» (если таковая имела место) и ее эффективности, о создателях чеканов и адекватности содержания последних общественным настроениям.

Рестаурационно-республиканская идеология «принципата» отражена на легендах, вроде IMP CAESAR COS VI LIBERTAS RP VINDEX или RESPUBLICA RESTITUTA. Подлинное содержание подобных лозунгов менялось в зависимости от политического контекста. Ценные наблюдения могут быть сделаны на основе изучения стилистики изображений портретов принцев и членов их семей, символов, вроде лаврового венка или предметов жреческого обихода. Во всяком случае, уже тот факт, что изображения и легенды менялись с переходом власти от одного правителя к другому и даже в соответствии с поворотами политики в рамках одного правления (причем без изменения номинала), свидетельствует, что правительство возлагало на монеты не только финансовые, но и определенные идеологические функции⁷³. Дешифровка этого языка образов и символов помогает понять некоторые стороны информационной / идеологической политики «принципата». Из сравнительно недавних находок назовем приобретенный Британским музеем в 1995 г. ауреус 28 года до н.э. На реверсе изображен Октавиан, сидящий на курульном кресле (*sella curulis*), со свитком в правой руке. Надпись гласит: LEGES ET IVRA P R RESTITUIT. Содержание монеты не только подтверждает сообщение Кассия Диона о постепенном (а не единовременном)

⁷² Важнейшие публикации монет времени Августа: Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. 5 vols. L., 1923–1950; id. A Catalogue of coins of Roman empire. L., 1976 (repr. ed. 1923). Vol. I. Augustus to Vitellius; Carson R. A. G. Principal coins of the Romans. Vols. 1–2. L., 1978–1980; Sutherland C. H. V. and Carson R. A. G. The Roman imperial coinage. Vol. I. 31 B.C.–A.D. 69. L., 1984²; Mattingly H.; Sydenham E. A. The Roman imperial coinage. 10 vols. L., 1923–1994. Vol. I. Augustus to Vitellius, 31 v. Chr. – 69 n. Chr. (rev. ed.: Sutherland C. V. H. From 31 B.C.–A.D. 69. L., 1984 = RIC 1); Burnett A., Amandry M., Ripollès P. P. Roman Provincial Coinage (10 vols. 1992–). Vol. I: Julio-Claudian period. L., 2006³. Сравн.: Фролова Н. А., Абрамзон М. Г. Римские монеты в собрании Государственного Исторического музея. Каталог. Ч. 2. Ранняя империя. От Августа до Коммода. М., 2001. См. также раздел VII.9.

⁷³ Jones A. Numismatics and history // Essays presented to H. Mattingly. Oxf., 1956. P. 13 ff.; Crump G. Coinage and imperial thought // The craft of the ancient historian. N.Y.; L., 1985. P. 425–441. О «пропагандистской войне» Октавиана и Антония см. разделы III.6 сл.

процессе «возвращения республики». Символика и надпись демонстрируют, сколь большое внимание уделялось при этом восстановлению законности и правопорядка⁷⁴.

При рассмотрении способов воздействия правительства на население необходимо также обратить внимание на общественные постройки. Такие сооружения всегда были элементом политики в античном мире, где карьера и даже судьба государственного деятеля зависели от престижа в гражданском коллективе. Все крупные римские политики, начиная с первых царей, стремились заслужить расположение и авторитет посредством сооружения водопроводов и клоак, крепостных стен и дорог, амфитеатров и храмов, устройства зрелищ и раздач. Театр Помпея и форум Юлия (хоть и недостроенный при жизни диктатора) были свежими примерами, указывавшими на значение «монументальной пропаганды». Август превзошел всех своих предшественников. Масштабы и детали строительной деятельности Августа раскрываются в ходе археологических работ и совершаемых на их основе исследований и реконструкций. Привлекаются также письменные источники. Неоценимые сведения о строительной технике своего времени сообщает Витрувий (вт. пол. I в. до н.э.), посвятивший Августу свои «Десять книг об архитектуре».

Строительная политика должна была не только продемонстрировать блага Августова «мира». Выработывался особый язык «образной пропаганды». Здания, алтари, скульптуры, малые формы служили обозначением определенных идей, напоминали о конкретных акциях, подчеркивали заслуги императора, его выдающиеся личные качества, сообщая образу правителя дополнительную «харизму». Особые задачи возлагались на грандиозные комплексы. Одним из них стал форум Августа — уникальное сооружение, представлявшее собой замкнутое архитектурное пространство с храмами, портиками, скульптурами, снабженными соответствующими надписями. Язык зрительных образов выражал идеологическую программу режима и был рассчитан на определенный психологический, а в конечном счете — политический эффект⁷⁵.

⁷⁴ Опубликовано: Rich J. W. and Williams J. H. C. *Leges et iura p. R. restituit: a new aureus of Octavian and the settlement of 28–27 B.C.* // NC. Vol. 159. 1999. P. 169–213. Восстановление "*leges et iura p(opuli) R(omani) restituit*" вместо "*leges et iura p(opulo) R(omano) restituit*", по Rich and Williams, убедительно предложил Mantovani D. *Leges et iura p(opuli) R(omani) restituit: principe e diritto in un aureo di Ottaviano* // Athenaeum. Vol. 96. 2008. P. 5–54. Мантовани также обратил внимание на другой экземпляр ауреуса, который с 1946 г. находится в коллекции музея города Блэкбэрна (Blackburn) на с.-з. Англии. О находке еще одного экземпляра такой монеты: Abdy R., Harling N. *Two important new Roman coins* // NC. Vol. 165. 2005. P. 175–177.

⁷⁵ Данный аспект идеологической политики Августа систематически рассмотрен в книге известного германского ученого Пауля Цанкера: Zanker P. *Augustus und die Macht der Bilder*. München, 1987 (engl.: *The power of images in the age of Augustus*. Ann Arbor, 1988), 2009⁵. Далее названы также другие работы ученого.

Среди многочисленных археологических памятников Рима, рассматриваемых в соответствующих разделах данной книги, следует назвать Алтарь Августа мира (*Ara Pacis Augustae*). Как сам алтарь, так и высеченные на нем изображения являются не только ценными источниками по идеологии Августа «принципата», они рассказывают о религиозных ритуалах и даже о членах семьи принцепса. Алтарь представлял собой часть большого археологического комплекса в северной части Марсова поля (*campus Martius*). Он привлек к себе особое внимание после того, как в 1979–1981 гг. были обнаружены остатки грандиозного сооружения, связанного с наблюдениями за солнцем. Так называемый горологий (*horologium*), упоминаемый Плинием Старшим (Plin. n. h. XXXVI. 72–73) был установлен Августом в 10 г. до н.э. Его главным элементом был доставленный из Египта обелиск. Исследователь горология Э. Бюхнер на основе находок и слишком далеко зашедших догадок предложил эффектное объяснение, основанное на космологических построениях. Оно увлекло не только широкую общественность, но было также принято авторитетными учеными, пока не обнаружились серьезные погрешности в астрономических и математических расчетах. Это один из примеров драматургии, на протяжении веков и десятилетий «украшающей» историю изучения Августа правления. Но и за вычетом постоянно появляющихся в средствах массовой информации сообщений о «сенсационных» находках, успехи римской археологии достаточно внушительны⁷⁶.

Поскольку в фокусе рассмотрения находится Рим как центр империи, мы не будем останавливаться на серьёзных достижениях археологии провинций. Ограничимся здесь двумя примерами. Новые находки на правом берегу Рейна подтверждают серьезность планов Августа по завоеванию Большой Германии. Впечатляет обнаружение ряда постоянных военных лагерей, принадлежавших императору рудников по добыче свинца, городского поселения Вальдгирмес в долине Лана. Как известно, попытка Августа создать провинцию *Germania magna* потерпела крах после гибели легионов Вара в 9 г. н.э.⁷⁷

Процесс формирования идеологии нового режима отразился в памятниках основанного Октавианом города Никополь на северо-западном побережье Греции. Там, на террасе, возвышающейся над городом, где располагался

⁷⁶ Сооружения времени Августа в северной части Марсова поля рассматриваются в разделах VIII.3–5. К разряду гипотез относится пока трактовка раскопанного в последние годы позднеимператорского строения у подножия Палатина как дома, где родился будущий император Август (см. также раздел VIII.8).

⁷⁷ Обзор проблематики: Межерицкий Я. Ю. Римская экспансия и гибель легионов Вара в 9 г. н.э. // Норция. Вып. VI. Воронеж, 2009. С. 80–112; его же. Colonia Claudia ara Agrippinensis / Кёльн — центр Римской провинции Нижняя Германия // «Античный мир и археология». Вып. 15. Саратов, 2011. С. 100–147, где также указаны важнейшие публикации. Открытие в 2011 г. еще одного римского лагеря времени походов Друза на реке Липпе подтверждает, что последнее слово в римской археологии Большой Германии еще не сказано. Речь идет о раскопках вблизи небольшого местечка Ольфен (Olfen), недалеко от Мюнстера.

его военный лагерь, был построен мемориал по случаю победы при Акции. Лицевую стену огромного памятника украшали бронзовые тараны, снятые с кораблей Антония и Клеопатры. Частично сохранный латинская надпись была посвящением Нептуну и Марсу (сравн.: Suet. Aug. 18.2). Раскопки ведутся там с 1913 г. Сравнительно недавно было обнаружено более 21 тыс. фрагментов скульптурного фриза. Он украшал алтарь или пьедестал, стоявший в центре террасной платформы. На фризе изображены суда, возможно, также Амазономахия, военные трофеи. Центральное место должен был занимать Октавиан, едущий в триумфальной процессии в сопровождении видных римлян, а также представителей других народов. Это, по-видимому, было первое такого рода изображение принцепса. В триумфальной колеснице его сопровождают два ребенка (мальчик и девочка). Среди предположений специалистов: Александр Гелиос и Клеопатра Селена (дети Марка Антония и Клеопатры); Юлия и Друз (дочь Августа и его пасынок); Антоний и Клеопатра, бюсты которых были выставлены напоказ в триумфе. Полная публикация материалов должна дать пищу для новых предположений и выводов⁷⁸.

Изучение архитектурных памятников и других археологических материалов Рима, Италии и провинций вносит все более существенный вклад в раскрытие тех аспектов политической и культурной жизни, которые не отразились в трудах античных авторов. Сложнейшей задачей является интерпретация постоянно менявшихся знаковых языков, характерных для каждого из видов памятников. Необходимо знать, к кому были обращены те или иные средства пропагандистского воздействия или идеологического общения правительства и народа. В отличие от монет, без которых не обходились представители всех сословий в разных уголках Империи (но которые, по мнению некоторых исследователей, чаще всего чеканились для выплаты солдатам), постройки предназначались прежде всего для жителей столицы и других городов, официальные надписи — для представителей администрации и имеющих досуг привилегированных слоев населения крупных городов, а поэзия и историография были рассчитаны на интеллектуальную элиту, которую стремились расположить к себе все разумные правители. Для правильного прочтения информации, заключенной в словах и художественных средствах, важно учитывать, что каждый предмет и знак, который часто по необходимости рассматривается изолированно от создавшей его среды, был рассчитан на восприятие в определенном контексте, в котором он только и получал свое истинное освещение, звучание, смысл. Восстано-

⁷⁸ Murray W. M., Petsas P. M. Octavian's campsite memorial for the Actian war // TAPS Vol. 79, 4. 1989; Zachos K. L. The tropaeum of the sea-battle of Actium at Nikopolis: interim report // JRA. Vol.16. 2003. P. 65–92; Zachos K. L. Nikopolis // ibid. P. 93–107; Edmondson J. Augustus. P. 13 f.

вить эту изначальную семантику знаков и текстов — одна из первейших задач исторического исследования.

I.9. Последующая античная традиция

Исторические сочинения и другие литературные памятники, созданные в послеавгустовскую эпоху, являются вторичными (производными) источниками. Это значит, что они написаны на основе произведений современников событий, оказавшихся в основной своей массе утраченными. Но хотя они светят отраженным светом, не приходится их недооценивать, тем более что без них было бы невозможно создание связной истории эпохи. Несмотря на серьезные потери, речь идет об обширном литературном корпусе, состоящем из произведений различных жанров и направлений, написанных на одном из ведущих языков Римской империи, греческом или латинском.

Важным свидетелем эпохи был автор «Римской истории» Веллей Патеркул (20/19 гг. до н.э. — ок. 31 г. н.э.). Первую половину своей сознательной жизни он прожил при Августе, но уже тогда служил под командованием Тиберия. С его приходом к власти Веллей чувствовал себя особенно связанным с этим императором. Преданный службе офицер стремился всегда «идти в ногу» с вышестоящими, следовать в своих оценках официальному курсу. Поэтому известное суждение о том, что Август и в самом деле восстановил «старинную форму правления» (Vell. II.89.4), можно воспринимать как цитирование некоего правительственного заявления Тиберия. Не исключено, что это интерпретация несколько прямолинейно мыслящего офицера. В труде, посвященном вступлению в должность консула 31 г. н.э. Марка Виниция, Веллей предстает как искренний приверженец нового порядка, типичный представитель италийского среднего класса⁷⁹. К сожалению, сочинения его более профессиональных современников, историков, критично относившихся к режиму, не сохранились. Откровенно льстивые по отношению к Августу оценки содержатся в собрании исторических примеров — «Памятных деяниях и изречениях» Валерия Максима, который в 31 г. посвятил свой труд Тиберию⁸⁰.

⁷⁹ Новейшее издание: Watt W. S. (Hrsg.) Vellei Paterculi historiarum ad M. Vinicium consulem libri duo. Stuttgart, 1988 (verbessert: 1998); Комментарий: Woodman A. J. Velleius Paterculus: The Caesarian and Augustan narrative (2.41–93). Cambr., 1983 (paperback 2004); Schmitzer U. Velleius Paterculus und das Interesse an der Geschichte im Zeitalter des Tiberius. Heidelberg, 2000. Также см. комментированный перевод со вступительной статьей: Немировский А. И., Дашкова М. Ф. «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж, 1985 (Первое изд.: ВДИ. 1983. N 4; 1984. № 1–4; 1985. № 1); переиздано: Малые римские истории. Веллей Патеркул. Анней Флор. Луций Ампейлий. Изд. подг. А. Немировским. М., 1995.

⁸⁰ Valerius Maximus. Factorum et dictorum memorabilium libri IX. Hrsg. von C. Kempf. Teubner, 1888 etc.; Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения. Пер. с лат. С. Ю. Трохачева. СПб., 2007 со статьей Трохачева «Валерий Максим и его история в поучительных анекдотах» (с. 3–15). См. также: Wiegand I.

Время Августа очень скоро заняло особое место в историческом сознании римлян, и к нему в связи с различными сюжетами обращались многие авторы. Сын Сенеки Ритора (см. раздел I.5), известный писатель, философ-моралист и крупный политический деятель Сенека Младший (Философ) должен был помнить обстановку последних лет жизни Августа и был о многом наслышан от своего отца. Его образование и опыт дали этому незаурядному человеку возможность первым глубоко осмыслить природу нового режима. Эссе, трактаты, трагедии сделали Сенеку популярнейшим писателем. В свою очередь, это дает основание считать наблюдения и политические оценки философа достоверным отражением эпохи⁸¹.

К поколению людей, уже не заставших в живых основателя Империи, относится ученый-энциклопедист, крупный императорский чиновник Плиний Старший (23–79 гг. н.э.)⁸². Он служил в Германии, где установил дружеские отношения с будущим императором Титом. При Веспасиане и Тите Плиний был императорским прокуратором, командовал мизенским флотом. На этом посту он погиб во время извержения Везувия (Plin. ep. VI.16). Исторические сочинения Плиния не сохранились, ряд важных упоминаний об Августе содержится в «Естественной истории» в 37 книгах. Предисловие к труду, посвященное Титу, наполнено лестью и восхвалениями в его адрес. С другой стороны, на страницах сочинения часто встречается осуждение в адрес Юлиев-Клавдиев, особенно Нерона, который был для него «бичом и врагом рода человеческого» (Plin. n. h. VII.8 (6). 45). Известный отрывок из VII книги, посвященный Августу, появляется в связи с обсуждением вопроса об удаче. Плиний показывает, что даже в судьбе человека, которого весь свет считает счастливым, было немало неблагоприятных поворотов судьбы. Каталог болезней, семейных неурядиц, военных поражений и политических неудач превосходит все, что известно из других источников⁸³.

Nequere libere neque vere. Die Literatur unter Tiberius und der Diskurs der res publica continua. Tübingen, 2013. Bes. S. 1 ff.; 33 ff.; 106–146 (Velleius), 147–183 (Valerius Maximus) etc.

⁸¹ См.: Jal P. Images d'Auguste chez Sénèque // REL T. 35 (8). 1957. P. 242–264; Griffin M. T. Seneca: a philosopher in politics. Oxf., 1976; Межерицкий Я. Ю. Принципат Юлиев-Клавдиев в произведениях Сенеки // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 95–109; Грималь П. Сенека, или совесть империи. Пер. с фр. М., 2003; Шалимов О. А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в сер. I – нач. II в. н.э. М., 2000. С. 19–22, 40–61, 144–164. См. также раздел IX.7.

⁸² C. Plinii Secundi naturalis historiae libri XXXVII. Stuttgart, 1967–2002. См.: Альбрехт М. История римской литературы. Т. 2. М., 2004. С. 1376–1388; Tränkle H. Augustus bei Tacitus, Cassius Dio und dem alteren Plinius // WSt. NF 3. 1969. 108–130, hier 121; Tautz B. Das Bild des Kaisers Augustus in der Naturalis Historia des Plinius. Trier, 1999.

⁸³ Plin. n. h. VII.147–150. В том числе упомянуто, что Октавиан три дня вынужден был провести в болоте во время битвы при Филиппах, многократно хотел покончить с собой, сообщается о плане его дочери Юлии убить отца и о страданиях принцепса после гибели легионов Вара.

Его младшим современником, расцвет творчества которого относился к эпохе Антонинов, был выдающийся историк раннеимператорской эпохи Корнелий Тацит (ок. 55–120 гг. н.э.). «Анналы» Тацита начинаются с подведения итогов правления Августа и описания прихода к власти его преемника Тиберия — «пролог» (Тас. ann. I.1–5 etc.). Важны также сообщения, разбросанные по всему корпусу сочинений. Интерес представляют не только сообщаемые историком факты, но и общие суждения, основанные на критическом подходе к основанному Августом режиму⁸⁴. Картина, представленная Тацитом, была отправным пунктом самых строгих обличителей Августа в историографии нового времени.

Из более поздних латинских текстов важно жизнеописание Августа, составленное Гаем Светонием Транквиллом (ок. 70 — ок. 140 гг. н.э.). Он находился на государственной службе уже в правление Траяна, а при Адриане возглавлял ведомство *ab epistulis* в императорской канцелярии. Биографии первых двенадцати «Цезарей» основаны поэтому не только на сообщениях современников, но и на архивных документах. Добротная информация систематизирована по рубрикам, представляя как апологетическую, так и враждебную императорам традиции. Монархическая сущность режима была для Светония само собой разумеющимся фактом⁸⁵. В то же время в центре его рассмотрения находились моральные качества императоров, которые оценивались по их *virtutes*. В этом отношении императорский служащий Светоний не сильно отличался ни от панегириста Веллея Патеркула, ни от представителей сенатской историографии анналистического направления. Тацит также заявлял о намерении приводить только те высказывания в сенате, которые представлялись «либо достойными всяческой похвалы, либо примечательными по своей исключительной низости». Он считал «главнейшей обязанностью анналов сохранить память о проявлениях добродетели и противопоставить бесчестным словам и делам устрашение позором в потомстве» (Тас. ann. III. 65.1). Эта моралистическая установка была характерна и для Августа, который призывал возвратиться к доблестям и добродетелям «предков».

В жанре биографической литературы работал также известный греческий философ-моралист Плутарх из Херонеи (ок. 46 — после 119 гг. н.э.).

⁸⁴ Среди комментированных изданий и комментариев Тацита особенно важны: Furneaux H. The Annals of Tacitus. Vol. I. Books I–VI. Oxf., 1896; Koestermann E. Annals I. Buch. 1–3. Heidelberg, 1983; Goodyear F. R. D. The Annales of Tacitus. Vol. I. 1–54. Cambr., 1972. См. также: Gerber A; Greef A. Lexicon Taciteum. Leipzig, 1903; Suerbaum W. Vom antiken... S. 71–127. См. также раздел IX.3.

⁸⁵ Suetonius. Divus Augustus. Ed., introd., comm. by J. M. Carter. Bristol, 1982. См. также: Гаспаров М.Л. Светоний и его книга // Светоний Транквилл, Гай. Жизнь двенадцати Цезарей. М, 1964 (и переиздания). С. 263–278; Штаерман Е.М. Светоний и его время // там же. С. 249–262; Wallace-Hadrill A. Suetonius: The scholar and his Caesars. L., 1995²; Lambrecht U. Herrscherbild und Principatsidee in Suetons Kaiserbiographien: Untersuchungen zur Caesar- und zur Augustus-Vita. Diss. Bonn, 1984 etc.

В его «Параллельных жизнеописаниях» в данном контексте особенно важны биографии Юлия Цезаря, М. Юния Брута, Антония и Цицерона. В них противоречиво соединяются промонархическая и республиканская оценки событий после смерти Цезаря, берущие начало из различных первоисточников⁸⁶.

Важнейшим из сохранившихся повествований о последнем отрезке эпохи Республики является «История Рима» в 24 книгах греческого историка (и крупного императорского служащего) из Александрии Аппиана (ок. 100–170 гг. н.э.). Особый интерес представляют книги XIII–XVII с описанием гражданских войн, где изложение доведено до 35 г. до н.э. (смерть Секста Помпея). Четыре книги с описанием войны Октавиана с Антонием и Клеопатрой, а также еще три о времени от Августа до Траяна не сохранились. Аппианом использованы сочинения, написанные в конце правления Августа и в первые годы Тиберия, которые в свою очередь восходят к историческим книгам Азиния Поллиона, Тита Ливия, Кремуция Корда, а также мемуарам самого Августа и Валерия Мессалы⁸⁷.

Рассказ о времени Августа содержится в «Римской истории» в 80 кн. греческого писателя Кассия Диона Коккеяна (ок. 160–235 гг. н.э.). Он был крупным администратором Империи. При Септимии Севере (в нач. III в.) этот уроженец Никеи в Вифинии (М. Азия) достиг первого консулата. Исторический труд был доведен до второго консульства Диона (229 г., когда правил уже Север Александр). Почти полностью сохранились лишь кн. XXXV–LIV, описывающие события с 68 по 10 гг. до н.э. Дальнейшее повествование имеется в сокращенном изложении византийских авторов XI–XII вв., в частности, у Иоанна Зонары, пользовавшегося извлечениями Ксифилина.

Дион Кассий был искушен в правилах придворной жизни, знал, что документы могли уничтожаться и фальсифицироваться. Он говорит об этом, рассказывая о событиях 27 г. до н.э., в частности заметив, что многое произошедшее после этого «осталось неизвестным» (Dio LIII. 19. 2–4). При описании событий времени Республики и Ранней Империи Кассий Дион пытался осмыслить политические проблемы своего времени. Убеденно-

⁸⁶ Plutarchi vitae parallelae (Teubner). 4 Bd. Stuttgart; Leipzig, 1960–1996; Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-т. Пер. с древнегреч. С. П. Маркиша. М., 1961–1964 (Переизд.: СПб., 2001). См.: Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М., 1973 (переизд. в его кн.: Образ античности. СПб., 2004). Дальнейшие указания на лит. см.: Hünemörder Chr. Plutarchos // DNP. Bd. 9. 2000. Sp. 1159–1175.

⁸⁷ Аппиан Александрийский. Римская история. Пер. с древнегреч. под ред. С. А. Жебелева, О. О. Крюгера, Е. С. Голубцовой, Л. Л. Кофанова. М., 2002 (см. также приложения). Об Аппиане: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 117–119; Заборовский Я. Ю. Аппиан и римская *civitas* в последний век существования Республики: к вопросу об источниках и характере «Гражданских войн» Аппиана // ВДИ. 1981. № 4. С. 138–144; Gabba E. Appiano e la storia delle guerre civili. Florence, 1956; ANRW II. Bd. 34,1. 1993. S. 339 ff. (несколько важных работ об Аппиане) и др.

му стороннику монархии приходилось задумываться о сохранении привилегий сенаторского сословия и способах ограничения деспотического произвола⁸⁸. Он отрицательно оценивал цезареубийц, представлявших себя как освободителей, но ввергших государство в хаос. Особый интерес представляет фиктивное сопоставление точек зрения Агриппы и Мецената о перспективах развития Римского государства после Акция. Развивая мысль о необходимости единоличного правителя при наличии авторитетного сената, Дион устами Мецената выражает свое представление об оптимальном управлении Империей (Dio LII). Историк высоко оценивает Августа как сумевшего соединить «демократию» с монархией, свободу с безопасностью и порядком (Dio LIII.11f., 20). Хотя Кассий Дион, как и другие авторы времени Империи, плохо ориентировались в специфике республиканских установлений, использовавшихся при оформлении нового режима, данные «Римской истории» о конституционном развитии Августова «принципата» заслуживают самого внимательного анализа⁸⁹.

Наибольшие трудности при использовании поздних источников⁹⁰ обусловлены тем, что возникает необходимость вычленения дошедшей в них достоверной информации из повествования, в котором она подвергнута некоторым искажениям. Здесь сказалась не столько умышленная фальсификация, которой больше грешили современники, сколько неизбежное переосмысление материала с позиций иной эпохи. Это можно себе представить как переструктурирование смыслов в менявшемся политическом

⁸⁸ Millar F. A study of Cassius Dio. Oxf., 1964, esp. p. 74–77; Manuwald B. Cassius Dio and Augustus... Buch 45–56. Wiesbaden, 1979; Bleicken J. Der politische Standpunkt Dios gegenüber der Monarchie (1962) // idem. Gesammelte Schriften II. Stuttgart, 1998. S. 876–899; Rich J. W. Dio on Augustus // Cameron A. (ed.). History as text: the writing of ancient history. L., 1989. P. 86–110; Марков К. В. К вопросу о хронологии работы Диона Кассия над «Римской историей» // ВДИ 2008. № 2; Махлаюк А. В., Марков К. В. Историк и вызовы современности: «Римская история» Диона Кассия как памятник исторической и политической мысли III в. н.э. // ВДИ. 2008. № 2; Махлаюк А. В. Первый век принципата в «Римской истории» Кассия Диона // Из истории античного общества. Н. Новгород, 2010. Вып. 13. С. 216–246; Марков К. В. Consilium principis в концепции идеальной монархии Диона Кассия // Studia historica. Vol. 4. M., 2004. С. 121–125. Сравн. далее, раздел IV.8.

⁸⁹ Некоторые новые издания, коммент. и переводы: См.: Reinhold M. From republic to principate. A historical commentary of Cassius Dio's Roman history Books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta, 1988; Rich J. W. (ed. and trans.) Cassius Dio: The Augustan settlement (Roman History 53–55.9). Warminster, 1990; Swan P. M. The Augustan succession: an historical commentary on Cassius Dio's "Roman history", books 55–56 (9 B.C.–A.D. 14). Oxf., 2004; Кассий Дион. Римская история. Книга LII. Пер. с древнегреч. К. В. Маркова под ред. А. В. Махлаюка; комм. А. В. Махлаюка // ВДИ. 2008. № 2. С. 218–235; № 3. С. 254–267. См. также: Кассий Дион. Римская история. Книги LVII и LVIII в пер. В. М. Строецкого // Методические указания к семинарам по истории Древнего Рима, Горький, 1983, 1984, 1985, 1987; Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX. Перевод с древнегреч. А. В. Махлаюка, К. В. Маркова, Н. Ю. Сивкиной, С. К. Сизова, В. М. Строецкого. СПб., 2011.

⁹⁰ Некоторые важные детали сообщают авторы компиляций, позднеантичных бревиариев, хроник и других трудов. В их числе Авл Геллий, Евтропий, Секст Аврелий Виктор, Павел Орозий и некоторые неизвестные авторы. См. полезную подборку переводов: Парфенов В. Н. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001. Раздел «Август и его эпоха глазами позднеимперских историков», с. 224–253.

и культурном контексте. Более того, поскольку речь идёт о переходной эпохе, то перемены были кардинальными и относительно быстрыми. Представляется, что мало кто из античных (как и современных) историков был способен оценить как размах проведенных тогда преобразований, так и масштаб осуществлявших их личностей. Восстановление первоначальных значений требует, и особенно настоятельно там, где речь идет о трактовке и оценке событий, проверки поздних сообщений с помощью пусть фрагментарных и скудных, но синхронных первоисточников. Эти нюансы, различия в подходе к информации разновременного происхождения имеют принципиальное значение для изучения идеологии, общественного сознания и психики⁹¹.

Следует учитывать целый ряд особенностей античной историографии, накладывающих отпечаток на картину эпохи. Историки Рима были прекрасными рассказчиками. Многие из них уделяли большое внимание сбору информации, изучению документов, беседам с участниками и очевидцами описываемых событий. Они глубоко анализировали материал. В то же время эти авторы не замечали многих сторон действительности, о которых мы хотели бы знать. И дело здесь не только в недостаточной информированности, но также в круге интересов: мы ставим вопросы, которые тогда не возникали (как и наоборот). Основное внимание уделялось происходившему в столице. В поле зрения традиционно были войны, тем более, что армия и полководцы стали важными политическими игроками. С установлением единоличной власти внимание все больше сосредоточивалось на взаимоотношениях и интригах в рамках императорского двора. События объяснялись в основном психологическим и персональным факторами. Для римских историков характерны ссылки на моральное состояние общества. Расположение богов, решавших в конечном счете судьбы Рима и отдельных императоров, зависело от почтительного к ним отношения и соблюдения традиций. Политическая философия более глубоко осмысливала проблемы общества и государства, но ее достижения редко находили приложение в исторических повествованиях. Отсутствие статистики или прикладной социологии, математических методов исследования общественных явлений или моделирования — все это было не просто «недостатком» античной на-

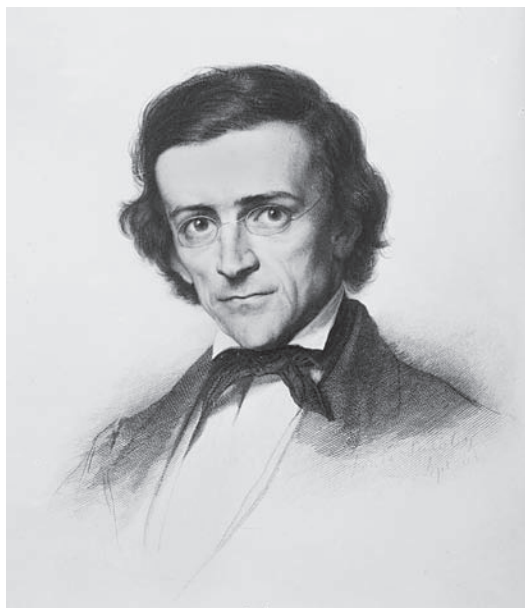
⁹¹ Исследователи обращали внимание на искажения, допускавшиеся античными авторами вследствие изменившейся политической ситуации. Но речь шла, как правило, о некоторых конкретных aberrациях. Для Тацита и Светония (как и уже для Сенеки Младшего) важно было акцентировать внимание на положительных или отрицательных чертах правления тех или иных императоров, как и самих личностей. В какой-то мере это отвечало пропедевтическим задачам историографии — демонстрации хороших и плохих примеров для современных правителей. Вопрос о государственно-правовой форме как таковой для этих авторов, в сущности, уже не стоял. Об этом, в частности: Vittinghoff F. *Der Staatsfeind in der römischen Kaiserzeit. Untersuchungen zur damnatio memoriae*. Bonn, 1936; Scheid J. *La mort du tyran. Ique de quelques morts programmées // Du châtiment dans la cité*. Rome, 1984. P. 177–190, cf.: Jacques F.; Scheid J. 1998. *Rom und das Reich in der hohen Kaiserzeit. Bd. I. Die Struktur des Reiches*. S. 4.

уки, а отражало качественные особенности общества, вытекало из определенного образа мыслей. Жизнь простых людей, политические взгляды различных слоев населения, как и многие другие области жизни, не привлекали специального внимания античных историков.

Исследователям нашего времени, в соответствии с запросами общества и интересами читающей публики, приходится реконструировать целый ряд важных элементов, особенно относящихся к мыслительной и психической сферам. Без этого невозможно объяснение исторических событий, отвечающее на вопросы современности. Привлекаемый во все большем объеме массовый материал, в том числе археологический и эпиграфический, в совокупности с литературными источниками, позволяет создавать все более полную и убедительную картину прошлого. Постепенно она обогащается деталями, красками, измерениями. Заметное место заслуженно занимает та сфера, которая составляет главную специфику человека и общества: переживания и размышления, надежды и заблуждения, идеи и лозунги, психические и мыслительные структуры. Невидимые, они определяют жизнь индивида и общества в целом. В современной литературе вся эта материя обозначается словом «менталитет». Реконструировать ее структуру двухтысячелетней давности на основе сохранившихся источников — задача не одного поколения историков⁹².

⁹² Одним из первых, кто подчеркнул важность этой материи, и в частности, применительно к Ранней Империи, был Георгий Степанович Кнабе. Он подчеркнул, что говорить о «республиканизме» Римской империи как об обмане было бы недопустимым упрощением. Ученый высказал мысли, которые могут рассматриваться как подступы к разгадке уникальности принципата. Приведём их в одной из первых авторских редакций: «Переход от Республики к Империи непосредственно выражался в том, что вооружённые силы государства перешли в подчинение одного человека — их главнокомандующего, императора, который благодаря этому и получил возможность проводить политику, учитывавшую интересы всей бескрайней державы, а не только олигархии города Рима. В новых условиях и для решения новых задач принцепсы должны были бы разрушить некогда сложившийся в недрах городской общины и приспособленный к её нуждам аппарат управления и уничтожить сенат, воплощавший интересы старой республиканской аристократии. В призывах и поползновениях такого рода недостатка не было, физическая возможность их осуществления тоже была очевидна всем. И тем не менее императоры его ни разу не воспользовались. И в окружавшем их обществе, и в глубине их собственной души этому, очевидно, противостояла сила, которую не могли одолеть никакие легионы. Республиканский аппарат управления сохранился полностью. В официально идеализированном представлении император правил не потому, что располагал вооружённой силой, а потому, что его в соответствии с республиканским законом утвердил сенат... Императорам ничего не стоило с помощью военной силы вынудить то или иное сенатское постановление. Соответственно, решение сената не имело, казалось бы, никакого значения, но те же императоры не воспринимали свою власть как подлинную, пока она не было утверждена сенатом» (Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 33, сравн. его же. Древний Рим — история и повседневность. М., 1986. С. 27. Эта мысль неоднократно высказывалась Георгием Степановичем и в других работах).

II. Интерпретации принципата и «восстановленной республики»

II.1. Теодор Моммзен

1. Современная августиана — 61
2. О трактовках принципата и «восстановленной республики»: до Моммзена включительно — 68
3. Обращение к неправовым источникам власти. Теории «фасада» — 72
4. «Республиканизм» как существенный фактор политики Августа — 84
5. Лабиринты «восстановленной республики» — 108
6. «Республиканские» и «имперские» горизонты изучения Августова Рима — 115

II.1. Современная августиана

Литература по Римской истории переходного периода и времени Августа насчитывает тысячи названий, прикнижные библиографии составляют десятки страниц¹. Попытка систематического анализа историографии Августова принципата примерно до последнего десятилетия XX века предпринята в предыдущей книге автора². Данная глава состоит из двух неравных частей. Первый раздел носит характер обзора литературы, последующие имеют целью представить идеи, стимулировавшие наши поиски.

Введением в историографию Августова века может служить раздел монографии Н. А. Машкина, которая, вместе с многочисленными статьями, явилась эпохой в истории отечественной августианы. Поскольку историографическая глава написана в условиях партийной цензуры, необязательно относить хлесткие оценки зарубежных («буржуазных») коллег только на счет автора³. Ценным дополнением является обзор М. Л. Гаспарова⁴. Проблемы истории, идеологии и культуры Поздней Республики и Ранней Империи ис-

¹ Наиболее важные обзоры: Wickert L. *Princeps (civitatis)* // RE XXII 2.1954. Sp. 1998–2296; id. *Neue Forschungen zum römischen Prinzipat* // ANRW Bd. II.1. S. 3–76; Haller B. *Augustus und seine Politik: Ausgewählte Bibliographie* // ANRW Bd. II.2. S. 55–74; Kienast D. *Augustus. Prinzeps und Monarch*. Darmstadt, 2009⁴. S. 531–577. У Д. Кинаста полезны также краткие, но содержательные сводки по частным вопросам, помещенные в подстрочных примечаниях. Такого же рода постраничные примечания, собранные в конце книги, с библиографией, имеются в биографии Августа, написанной Й. Бляйкеном (Bleicken J. *Augustus*. Reinbek, 2010². S. 689–792). Обширную библиографию содержит указанный далее X том Кэмбриджской древней истории. Англоязычная литература преобладает в книгах Б. Левика (Levick B. *Augustus*. N. Y., 2010) и Дж. Эдмондсона (Edmondson J. (ed.). *Augustus*. Edinburgh, 2009, в т.ч. см. редакторское введение на с. 1–29 и библиогр. на с. 509–530). В новой книге Hoff R, Stroh W., Zimmermann M. *Divus Augustus*. S. 295–331 даны краткие раздельные обзоры литературы по истории, археологии и литературе времени Августа.

² Межеричкий Я. Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994 (Далее: МРМА). С. 33–112 (историография), 384–393 (библиография). Новые аналитические обзоры: Hurler F. *Une décennie de recherches sur Auguste. Bilan historiographique (1996–2006)* // *Anabases*. T. 6 Toulouse, 2007. P. 187–218; Hurler F., Dalla Rosa A. *Un quindicennio di ricerche su Augusto*. Un bilancio storiografico // *Studi classici e orientali*. T. 55. Pisa, 2009. P. 169–233.

³ Машкин Н. А. *Принципат Августа*. М.–Л., 1949. Раздел «Принципат в историографии нового и новейшего времени». С. 338–376.

⁴ Гаспаров М. Л. *Зарубежная литература о принципате Августа* // ВДИ. 1958. N 2. С. 221–233. Также и другие работы этого выдающегося знатока литературы века Августа в полной мере сохраняют свою актуальность (см. библиографию).

следованы в работах С. Л. Утченко⁵, Е. М. Штаерман⁶, Г. С. Кнабе⁷, А. И. Немировского⁸ и ряда других ученых. Книга И. Ш. Шифмана остается полезным введением в изучение времени Августа⁹. Важные аспекты становления императорского культа исследованы в статьях И. С. Свенцицкой¹⁰. Проблематика истории раннего принципата широко представлена в работах А. Б. Егорова¹¹. Монографии и статьи В. Н. Парфёнова освещают важные аспекты деятельности Августа и его правления, в первую очередь военную политику¹². Работы А. Л. Смышляева посвящены изучению проблем провинциального управления и анализу современной литературы по Ранней Империи и Поздней Республике¹³. Становление власти Октавиана-Августа рассматривалось в монографии и статьях Ф. А. Михайловского¹⁴. Ряд интересных, хотя и спорных наблюдений содержится в опубликованной диссертации А. Н. Токарева об идеологии Августовского принципата¹⁵.

Из обобщающих трудов, которые освещают Августов век, следует выделить X том второго издания «Кэмбриджской древней истории» (1996)¹⁶.

⁵ Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики (Из истории политических идей I до н.э.). М., 1952; его же. Кризис и падение Римской республики. М., 1965; его же. Политические учения... и другие работы.

⁶ Штаерман Е. М. Эволюция идеи свободы в Древнем Риме // ВДИ. 1972. № 2. С. 41–61; ее же. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима: в 2 т. (отв. ред. Е. С. Голубцова). М., 1985. Т. 1. С. 22–105; Штаерман Е. М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. № 2. С. 76–94; ее же. Кризис античной культуры. М., 1975; ее же. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987 и др.

⁷ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981; его же. Древний Рим — история и повседневность. М., 1986; его же. Рим Тита Ливия — образ, миф, история // Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. III. М., 1993. С. 590–655; его же. Римское общество в эпоху ранней империи // История древнего мира. Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М., 1982 (и переиздания). Кн. III. С. 76–105 и др.

⁸ Немировский А. И. Веллей Патеркул и его время // Немировский А. И., Дашкова М. Ф. «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж, 1985. С. 3–49; коммент.: С. 159–187; Малые римские историки. Веллей Патеркул. Анней Флор. Луций Ампейлий. Перевод с лат. с коммент. А. И. Немировского. М., 1996 и др.

⁹ Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990.

¹⁰ См. далее, примеч. 31.

¹¹ Егоров А. Б. Рим на грани эпох: Проблемы зарождения и формирования принципата. Л., 1985; его же. Добродетели щита Августа // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 280–293; его же. Вопрос о роли римского сената в политической системе принципата в историографии XIX–XX вв. // Мнемон. СПб., 2002. С. 175–190 и др. (см. также раздел II.6).

¹² Парфёнов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987; его же. Император Цезарь Август... и др. Ряд статей указан в последующих главах и в библиографии.

¹³ Смышляев А. Л. Римская императорская власть эпохи принципата в современной зарубежной историографии // РЖ. Общественные науки за рубежом. Серия 4. Государство и право. 1991. 5. С. 67–78; его же. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара) // ВДИ. 2003. № 3. С. 46–60 и др. См. далее, раздел 6, с примеч. 158 сл.

¹⁴ Михайловский Ф. А. Власть Октавиана-Августа. М., 2000.

¹⁵ Токарев А. Н. Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков, 2011 (см. раздел II.7).

¹⁶ Bowman A. K., Champlin E., Lintott A. (eds.) The Augustan Empire 43 B.C. – A.D. 69. CАН². Vol. X Cambr., 1996. Сохранил свое значение соответствующий том первого издания: CАН X. Ed. by S. A. Cook, S. A. Adcock, M. P. Charlesworth. Cambr., 1934.

Главы, написанные рядом ведущих исследователей (Кр. Феллинг, Дж. Крук, Э. Грюн, Э. Уоллис-Хэдрилл, Р. Талберт, А. Баумен, Н. Пэрсел, С. Р. Ф. Прайс и др.), раскрывают политическое, экономическое и культурное своеобразие эпохи. Большой интерес представляют обобщающие работы А. Хойса, К. Криста, В. Дальгайма, Дж. Шайда, К. Уэллса и другие, которые содержат к тому же историографические разделы и обширные библиографии¹⁷. Целый ряд исследований последних десятилетий во многом уточнили наше понимание политической и государственно-правовой структуры Ранней Империи. Среди них — труды Ф. Миллара, Э. Флайга, Й. Бляйкена и др.¹⁸

Различные аспекты изучения истории и культуры раннеимператорской эпохи отражены в грандиозном международном издании «Подъём и упадок Римского мира», которое состоит уже из более чем 40 томов и насчитывает более тысячи авторов¹⁹. Не потеряли своего значения подборки важных статей прошлых десятилетий в сборниках серии “Wege der Forschung”. Они удачно дополняются тематическими антологиями работ современных исследователей²⁰. Они снабжены постатейными или общими библиографиями.

Необходимо обратить внимание на некоторые тенденции, оказывающие существенное влияние на изучение избранной темы. Важным фактором является расширение круга источников и совершенствование методи-

¹⁷ Heuß A. *Römische Geschichte*. Braunschweig 1960; Paderborn etc., 1998⁶ (hrsg., eingeleitet und mit einem neuen Forschungsteil versehen von J. Bleiken, W. Dahlheim und H. J. Gehrke); Christ K. *Geschichte der römischen Kaiserzeit*. München, 2005²; Dahlheim W. *Geschichte der römischen Kaiserzeit*. München, 1999²; Jacques F.; Scheid J. *Rome et l'intégration de l'Empire. Tome I. Les structures de l'Empire romain. 44 av. J.-C. – 260 ap. J.-C.* P. Stuttgart etc., 1996⁵ (dt.: Rom und das Reich in der hohen Kaiserzeit. Bd. I. Die Struktur des Reiches. 1998); Wells C. *The Roman Empire*. Cambr. (Mass.), 1995² (dt.: Wells C. *Das Römische Reich*. München, 1994⁴) etc.

¹⁸ Millar F. *The Emperor in the Roman World, 31 B.C.–A.D. 337*. L., 1977 (1992²); Flaig E. *Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich*. Frankfurt a. M., 1992; Bleicken J. *Verfassungs- und Sozialgeschichte des Römischen Kaiserreiches*. Bd. 1–2. Paderborn, 1995⁴–1994³; Bellen H. *Grundzüge der römischen Geschichte*. Bd. I: Von der Königszeit bis zum Übergang der Republik in den Prinzipat. Darmstadt, 1992²; Bd. II: Die Kaiserzeit von Augustus bis Diocletian. Darmstadt, 2010². Отдельные работы по государственно-правовой проблематике будут рассмотрены в последующих разделах, а также в V главе.

¹⁹ Haase W., Temporini H. (hrsg.). *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* (далее: ANRW) *Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung*. Berlin; N. Y., 1972–1998–. Опубликовано 4 тома по Республике и 37 томов, посвящённых принципату. Издание было временно приостановлено.

²⁰ Schmitthenner W. (Hrsg.) *Augustus*. Darmstadt, 1985²; Binder G. (Hrsg.) *Saeculum Augustum*. 3 Bd. Darmstadt, 1987–1991³; Millar F., Segal E. (ed.) *Caesar Augustus. Seven Aspects*. Oxf., 1984; Raaflaub K.; Toher M. (ed.) *Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and his principate*. Berkeley, 1990; Galinsky K. (ed.) *The Cambr. Companion to the Age of Augustus*. Cambr., 2005; Edmondson J. (ed.) *Augustus*. Edinburgh, 2009. Первые два названия содержат статьи в переводе на немецкий, последующие — на английский языки. Важные темы получили освещение в тематическом сборнике: Riviere Y. (ed.) *Des réformes augustéennes* (Collection de l'École Française de Rome; 458). Rome, 2012. См. также материалы конференции: Hurlet F. (ed.) *Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la Res publica restituta*; [actes du colloque de l'Université de Nantes, 1er – 2, juin 2007]. Rennes, 2009. По случаю 2000-летия со дня смерти опубликован сборник статей: Horster M.; Schuller F. (Hg.) *Augustus. Herrscher an der Zeitenwende*. Regensburg, 2014 (для рассматриваемой темы особенно важны статьи: С. М. Girardet и W. Eck, в которых уделяется внимание «республиканской» природе римского государства времени Августа).

ки их анализа. Произведения литературы, архитектуры и искусства давно исследуются филологами, искусствоведами, археологами. Всё же разделы, освещавшие культуру, включались ранее в исторические труды в основном как необязательное дополнение или подборка иллюстраций к излагаемым событиям. В последние десятилетия искусствоведы сильно продвинулись в осмыслении художественных произведений как части духовной и политической жизни. Применительно ко времени Августа серьезный шаг сделал историк искусства Пауль Цанкер в книге «Август и власть изображений»²¹. Полученные результаты были введены автором в общеисторический контекст, значительно обогащая картину эпохи. Работа нашла широкий отклик и была продолжена рядом исследователей²². Интересный синтез римской культуры времени Августа, в основном опирающийся на изучение поэзии, удался Карлу Галински²³.

Значимое направление исследований было открыто книгой Клода Николе «Описание земель», показавшей роль пространственных представлений в определении политики, в создании системы управления Империей, а также в формировании имиджа победоносного императора. В последние годы появился целый ряд работ, посвящённых инвентаризации, организации и использованию географических или городских пространств для решения идеологических, политических, административных, эстетических и других задач²⁴.

Перечисленные примеры демонстрируют важность изучения ментальности и культуры в самом широком смысле слова. Августовы преобразо-

²¹ Zanker P. *Augustus und die Macht der Bilder*. Попытки исторической трактовки изображений, особенно на монетах, предпринимались и другими исследователями: Неверов О. Я. Портрет в римской глиптике I в. до н.э. и его роль в формировании и утверждении идеологии принципата. Автореф. Л., 1962; его же. Античные камеи в собрании Эрмитажа. Каталог. Л., 1988 и другие работы этого автора; Simon B. *Die Selbstdarstellung des Augustus in der Münzprägung und in den Res Gestae*. Hamburg, 1993; Абрамзон М. Г. Римский императорский культ в памятниках нумизматики. Магнитогорск, 1993; его же. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. Автору оказалась пока недоступна диссертация: Schachinger W. *Die Propaganda des Augustus im Spiegel seiner Münzprägung*. Wien, 2010. См. также главы VII сл.

²² Favro D. *The urban image of Augustan Rome*. Cambr., 1996; Spannagel M. *Exemplaria principis. Untersuchungen zu Entstehung und Ausstattung des Augustus Forums*. Heidelberg, 1999; Haselberger L. *Urbem adornare. Rome's urban metamorphosis under Augustus*. Portsmouth, RI, 2007; Boschung D. *Die Bildnisse des Augustus*. Berlin, 1993; Rose C. B. *Dynastic commemoration and imperial portraiture in the Julio-Claudian period*. Cambr., 1997; Hölscher T. *The language of images in Roman art*. Cambr., 2004; Andreae B. *Römische Kunst von Augustus bis Constantin*. Darmstadt etc., 2012. S. 49ff. etc.

²³ Galinsky K. *Augustan culture. An interpretive introduction*. Princeton, NJ, 1996; cf.: id. *Augustus: Introduction to the life of an Emperor*. Cambr. etc., 2012 (рец. Я. Ю. Межевицкого // ВДИ 2013. № 3. С. 222–231); deutsch: *Augustus: sein Leben als Kaiser*. Darmstadt, 2013.

²⁴ Nicolet C. *L' inventaire du monde: géographie et politique aux origines de l'Empire romain*. Nouvelles études historiques P., 1988 (engl.: *Space, geography, and politics in the early Roman empire*. Ann Arbor, 1991; cf.: Purcell N. *Maps, lists, money, order, and power* // JRS. Vol. 80. 1990. P. 178–182; de Angelis F. (ed.) *Spaces of justice*. Leiden; Boston, 2010; Ewald B. C., Norena C. F. *The emperor and Rome: space, representation, and ritual*. New Haven, Conn., 2011 etc..

вания все отчетливее предстают как продукт эллинистическо-римской цивилизации. По мнению ряда ученых, в частности, Эндрю Уоллис-Хэдрилла, масштаб изменений даёт основание говорить об (Августовой) «культурной революции»²⁵. Формирование новой римской государственности было обязано переменам в общей картине мира не менее, чем геополитическим сдвигам. Складывались новые ценностные ориентации, разумеется, и у представителей политического класса. В этом контексте раскрывается дополнительный смысл многих практических мероприятий Августа. Э. Уоллис-Хэдрилл высказал мнение, что накопление знаний и рост значения профессионалов подорвали монополию римской аристократии. У императора появилась возможность создания небольшого, но эффективного аппарата для управления Империей. Если этот частный тезис еще нуждается в дополнительном обосновании, то неразрывная связь мировоззренческих метаморфоз и перестройки политических и государственных структур в целом вряд ли может вызывать сомнения. Работа по выявлению и конкретизации механизмов взаимодействия различных сфер социальной жизни еще предстоит.

Ученые, принадлежавшие различным поколениям, видели в событиях переходной эпохи разные «революции». В первой половине XX века М. И. Ростовцев и Р. Сайм писали о «рождении Римской империи» и социально-политической революции. Во второй половине того же столетия стала привлекать все большее внимание «Августова революция» и «революция в сознании» (Ф. Миллар). На рубеже тысячелетий начала выкристаллизовываться обобщающая концепция «римской (Августовой) культурной революции» (Э. Уоллис-Хэдрилл). Растет понимание роли не только настроений и состояния умов, но и стереотипов — своего рода «социальных генов» — характерных для того или иного общества и проявляющихся в образе его жизни. Важным направлением является изучение политической культуры²⁶. Интерес исследователей сосредоточился в основном на времени Республики, когда формировались характерные черты менталитета римского гражданства²⁷. Гораздо меньше работ, посвященных времени Ранней Империи, хотя функционирование нового режима во

²⁵ Habinek Th.; Schiesaro A. (Hrsg.). *The roman cultural revolution*. Cambr., 1997; Wallace-Hadrill A. *Rome's cultural revolution*. Cambr. etc., 2008; Spawforth A. *Greece and the Augustan cultural revolution*. Cambr. etc., 2012 (I. "Greece and the Augustan age". P. 1–58) etc.

²⁶ См. обзор: Дементьева В. В. *Современное антиковедение: изучение римской политической культуры* // *Античная история и классическая археология*. М., 2006. С. 50–63.

²⁷ Hölkeskamp K.-J. *Rekonstruktionen einer Republik: die politische Kultur des antiken Rom und die Forschung der letzten Jahrzehnte*. München, 2004; id. *Senatus Populusque Romanus: die politische Kultur der Republik. Dimensionen und Deutungen*. Stuttgart, 2004; id. (hrsg.). *Eine politische Kultur (in) der Krise? Die "letzte Generation" der römischen Republik*. München, 2009 (mit Beiträgen von H. Beck, F. Bücher, J.-M. David, E. Flaig, T. Hölscher, M. Jehne, R. Morstein-Marx, W. Nippel, U. Walter, G. Zecchini).

многим также определялось традициями, правилами взаимоотношений и нормами поведения²⁸.

В какой-то мере в силу переходного характера рассматриваемого периода появлению и нарастанию монархических тенденций уделяется больше внимания, чем сохранению влияния политических традиций Республики. Еще в XIX веке Л. Фридлендер обратил внимание на императорский двор и церемониал²⁹. Позднее появились работы А. Альфёльди, в которых дан анализ внешних атрибутов власти, символики и ритуалов³⁰. В последние десятилетия много внимания уделялось императорскому культу, особенно в провинциях³¹. Параллельно с этим изучаются и другие линии становления и укрепления единоличной власти. Это касается, например, правовых и внеправовых аспектов «принципата», которым будет уделено внимание в последующих разделах³².

Эффективность новых подходов не означает, что традиционные трактовки потеряли свое значение. Развитие науки говорит о том, что различные взгляды дополняют друг друга и обогащают наше понимание исторической действительности. Так, более адекватное понимание мотивов, образа мыслей, эмоций, жизненных ценностей творцов, участников и современников изучаемых исторических феноменов даёт возможность лучше понять события и институты, которые существовали и действовали не в вакууме, а в определённой ментальной среде. Это в полной мере относится к идеологии и политике «восстановленной республики».

²⁸ См, напр.: Flower H. I. The art of forgetting: disgrace & oblivion in Roman political culture. Studies in the history of Greece and Rome. Chapel Hill, N.C. etc, 2006. В частности, о периоде правления Августа: С. 115 сл., 160 сл.

²⁹ См. Friedländer L. F. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine. 4 Bd. (1. Ausgabe) 1862–1871. Перевод: Фридлендер Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до Антонинов. Т. 1. Пер. с фр. СПб., 1914. С. 31–98.

³⁰ Alföldy A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreich. Darmstadt, 1970³; id. Die zwei Lorbeerbäume des Augustus. Bonn, 1973; cf.: Winterling A. Aula Caesaris: Studien zur Institutionalisierung des römischen Kaiserhofes in der Zeit von Augustus bis Commodus (31 v. Chr. – 192 n. Chr.). München, 1999² etc.

³¹ Свенцицкая И. С. Восприятие царя и царской власти в эллинистических полисах (по данным эпиграфики) // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 97–108; ее же. Особенности культа императора в малоазийских провинциях в I в. н.э. // История и языки Древнего Востока: памяти И.М. Дьяконова. СПб., 2002. С. 259–267; ее же. Знаки власти в изображениях римских императоров // Власть и образ: Очерки потестарной имагологии. СПб., 2010. С. 106–109; Fears J. R., Princeps a diis electus: the divine election of the Emperor as a political concept at Rome. Rome, 1977; Wlosok A. (Hrsg.). Römischer Kaiserkult (WdF). Darmstadt, 1978. Clauss M. Kaiser und Gott. Herrscherkult im römischen Reich. Stuttgart, 1999; Witulski T. Kaiserkult in Kleinasien. Göttingen, 2007; Herklotz F. Prinzeps und Pharaos: der Kult des Augustus in Ägypten. Frankfurt a.M., 2007; Pfeiffer S. Der römische Kaiser und das Land am Nil. Kaiserverehrung und Kaiserkult in Alexandria und Ägypten von Augustus bis Caracalla (30 v. Chr. – 217 n. Chr.). Stuttgart, 2010 etc.

³² Cotton H. M.; Jakobson A. Arcanum imperii: The powers of Augustus // Clark G.; Rajak T. (eds.). Philosophy and power in the graeco-roman world: essays in honour of Miriam Griffin. Oxf., 2002. P. 193–209; Girardet K. M. Rom auf dem Weg von der Republik zum Prinzipat. Bonn, 2007 (переиздание статей, посвященных переходному периоду).

Значительное место в августиане занимают публикации, посвященные биографии императора в контексте его времени. Ввиду своей популярности, они имеют большой удельный вес и могут служить хорошим введением в изучение темы³³. Основополагающей и до сих пор непревзойдённой по охвату доступных в то время источников является вышедшая на рубеже XIX–XX вв. трёхтомная работа Гардтгаузена³⁴. Как и большинство других работ этого жанра, она сосредоточена не столько на подробностях личной жизни (о них, несмотря на биографические сочинения Николая Дамасского и Светония, нам известно не так уж много), а на политической и государственной деятельности. Эти книги содержат также достаточно основательные описания «века Августа». Целый ряд биографий и обзоров Августова правления, принадлежащих известным исследователям, впервые опубликован или переиздан с необходимыми корректурами в последние годы³⁵.

Даже краткий обзор показывает, насколько широкий круг вопросов затрагивается при рассмотрении Августова века. Особое внимание исследо-

³³ О проблемах биографии Августа и об особенностях жанра как такового см.: Bringmann K. *Kaiser Augustus. Grenzen und Möglichkeiten einer Biographie* // *Gymnasium* 115. 2008. S. 169–183. Специфике, проблемам изучения и возможностям жанра посвящен сборник статей: Winterling A. (Hrsg.). *Zwischen Strukturgeschichte und Biographie. Probleme und Perspektiven einer römischen Kaisergeschichte (Augustus bis Commodus)*. München, 2011 (применительно к теме особенно важны статьи D. Timpe, U. Walter, A. Winterling).

³⁴ Gardthausen V. *Augustus und seine Zeit*. 3 Teile in 6 Bd. Leipzig, 1891–1904 (ND: Aalen, 1964). Среди важных биографий Августа, вышедших во второй пол. XX века, см.: Bengtson H. *Kaiser Augustus: sein Leben und seine Zeit*. München, 1981; Vittinghoff F. *Kaiser Augustus*. Göttingen, 1991³; Shotter D. *Augustus Caesar* (1991). L., N. Y., 2005²; Kienast D. *Augustus – Prinzeps und Monarch* (1982). Darmstadt, 2009⁴; Giebel M. *Augustus* (1985). Hamburg, 2006⁸; Lacey W. K. *Augustus and the principate: the evolution of the system*. Leeds, 1996; Cardoso J. *Um retrato de Augusto: subsidios para o estudo da sua personalidade*. Braga, 1996²; Neraudau J.-P. *Auguste: la brique et le marbre*. P., 1996; Southern P. *Augustus*. L., N. Y., 1998; Bleicken J. *Augustus. Eine Biographie* (1998). Berlin, 2010; Eck W. *Augustus und seine Zeit* (1998). München, 2009⁵ (engl.: *The age of Augustus*. Oxf., 2003; 2007²; Hoboken, 2012, online-Ressource); Fraschetti A. *Augusto*. Rome etc., 1998 etc.

³⁵ Некоторые книги биографического и общего характера последних лет: Renucci P. *Auguste le revolutionnaire*. P., 2003; Mellor R. *Augustus and the creation of the Roman empire: a brief history with documents*. N. Y., 2006; Levick B. *Augustus. Image and Substance*. L., 2010; Bringmann K. *Augustus*. Darmstadt, 2012²; Dahlheim M. *Augustus. Aufrührer, Herrscher, Heiland*. München, 2010; Yavetz Z. *Augustus*. Rheinbeck, 2010; Richardson J. *Augustan Rome 44 B.C. to A.D. 14: the restoration of the republic and the establishment of the empire*. Edinburgh, 2012; Pabst A. *Kaiser Augustus: Neugestalter Roms*. Stuttgart, 2014; Goldsworthy A. *Augustus: first emperor of Rome*. New Haven, Conn. etc., 2014. Не прошла незамеченной круглая дата – две тысячи лет со дня его смерти. В Риме и в Париже в 2013–2014 гг. состоялась юбилейная выставка (каталог: La Rocca E. etc. *Augusto*. Milano, 2013). Известные журналы, и не только в Италии, посвятили юбилею иллюстрированные выпуски с популярными очерками ряда специалистов, например: *Auguste ou le gouvernement du monde. Dossier spécial* // *L'Histoire*. № 395. P., 2014. P. 37–83.; Erenz B. (Hrsg.). *Roms erster Kaiser – Augustus: Tyrann oder Lichtgestalt?* Hamburg, 2014 (= *Die Zeit. Zeitgeschichte*. 2014. Heft 2). Не было недостатка и в попытках применить опыт Августа к современным событиям. См., напр., Günther H.-C. *Augustus nach 2000 Jahren* // id. (Hrsg.). *Augustus und Rom: 2000 Jahre danach. Akten des Symposions Augusto e Roma, 2000 Anni dopo Roma*. 2014. Nordhausen, 2015. S. 15–46 (Августу посвящен почти весь сборник статей); Riedel V. *Augustus und die Errichtung des Prinzipats aus der Sicht des 20. Jahrhunderts: zur publizistischen, wissenschaftlichen und literarischen Rezeption einer "konservativen Revolution" in Deutschland* // id. *Verklärung mit Vorbehalt*. Jena etc., 2015, S. 141–155 etc.

вателей привлекает проблема характера новой государственности. Это легко объяснимо. Заново устроив Римскую державу, Август сумел прекратить длившиеся в течение столетия неурядицы и заложить фундамент успешного развития Империи.

II.2. О трактовках принципата и «восстановленной республики»: до Моммзена включительно

Последующие разделы данной главы следует рассматривать не как традиционную историографию. Это скорее панорама идей, под влиянием которых сформировалось авторское видение изучаемой темы. Содержащаяся здесь полемика имеет целью четче обозначить проблематику исследования. Критический анализ отдельных работ должен выявить «узкие места» в имеющихся концепциях принципата, и, соответственно, возможные направления дальнейшего поиска.

Созданная Августом сложная социально-политическая система не вписывается в узкие государственно-правовые рамки. Тем не менее, принимая в расчёт сложившуюся традицию изучения Ранней Империи, преобладающую тематику и состояние исследований, автор считает необходимым начать рассмотрение с трактовок «принципата», которые предлагают специалисты по римскому государственному праву. При этом учитываются особенности римского менталитета, важной составной частью которого было правовое сознание.

Вопрос о «республике», «свободе» и «тирании» имел в Риме непреходящую актуальность. По-видимому, мероприятия Августа были темой салонных бесед и нешумных реплик на форумах уже при его жизни. Младший современник Августа, Веллей Патеркул, около 30 г. н.э. настаивал на том, что Августом была восстановлена «та самая, древняя форма республики». Ещё через семьдесят лет Тацит изложил содержание пересудов в Риме после кончины принцепса. Сам историк склонялся к мнению, что Август «под видом принципата установил монархию»³⁶. Поздние римские историки писали о нем как об основателе Римской империи (как монархии), уже не вспоминая о «восстановленной республике». Раннехристианские мыслители предпринимали попытки отождествить *pax Augusta* и *pax Christiana*.

Варварские короли и средневековые европейские правители подражали римским императорам или играли роль их наследников. Начиная с Карла Великого (800 год) монархи, претендовавшие на статус «императоров», стремились короноваться в Риме. Август был примером образцового мо-

³⁶ Правда неясно, насколько *pro* и *contra* относятся к 14 г. н.э. или ко времени написания «Анналов». О свидетельствах Веллея и Тацита, а также других античных авторов, см. разделы I.4 слл., IV.8; IX.3 и слл.

Илл. II.2. «Крест Лотаря» в сокровищнице Аахенского собора. См. «Комментарии к иллюстрациям» в конце книги. Илл. II.3. Вмонтированная в «Крест Лотаря» античная гемма с изображением Августа

нарха³⁷, например, для императора Оттона I Великого, которого считали 77-м императором, начиная от Августа. Тогда была распространена идея перенесения царской власти/достоинства (*translatio imperii*) от римлян на франков. Так сформировалась и концепция основанной Оттоном (император: 962–973) Священной Римской империи (германской нации). Этим претензиям соответствовала титулатура: *imperator augustus* или *Romanorum imperator augustus*³⁸.

³⁷ См.: Frauenholz E. von. *Imperator Octavianus Augustus in der Geschichte und Sage des Mittelalters* // HJ. Bd. 46. 1926. S. 86–122; Hönn K. *Augustus im Wandel zweier Jahrtausende*. Leipzig, 1938; Pfeil S. von. *Der Augustustitel der Karolinger* // *Die Welt als Geschichte* 19. Stuttgart, 1959. S. 194–210; Leppin H. (Hrsg.). *Kaisertum im ersten Jahrtausend: wissenschaftlicher Begleitband zur Landesausstellung "Otto der Große und das Römische Reich. Kaisertum von der Antike zum Mittelalter"*. Magdeburg, 2012, bes. S. 364 ff.

³⁸ Истоки идеи *translatio imperii* следует искать в пророчестве Даниила (Дан. II. 36–40) о последовательно сменяющихся друг друга четырех империях. В средние века говорилось о переносе римской императорской власти на европейских монархов. Идея «реставрации империи» не была чужда уже византийскому императору Юстиниану I (527–565), а позднее — ряду германских правителей, особенно Салической (Франконской) династии. Коронация Карла папой римским 25 декабря 800 г. рассматривалась как *translatio imperii*. Среди новых публикаций на эту тему см. небольшой каталог выставки: Haag S. (Hrsg.). *Väter Europas: Augustus und Karl der Große; eine Kabinettausstellung des Kunsthistorischen Museums*, 27. Mai bis 21. September 2014. Wien, 2014. Ссылка на авторитет Августа была существенна для правителей Священной Римской империи. Показателен пример матери и регентши Оттона III Феофано (регентство:

На происхождении своей власти от Августа, через Друза-Пруса и Рюрика, а также через Византию, настаивали также российские цари. Появилась известная концепция «Москва — Третий Рим». «Мы от Августа кесаря родствомъ ведемся», — не преминул указать Иван Грозный в своём письме от 1573 года шведскому королю³⁹.

Идеологи Просвещения (Монтескье, Вольтер) пытались развенчать авторитет Августа — монарха *par excellence*. Они рассматривали его как узурпатора, путём насилия и обмана под видом «республики» установившего единовластие. В этом пафосе обличения просветители, не особенно вникая в исторические детали, следовали трактовке Тацита — «бича тиранов». Тогда «республика» вошла в политический словарь новой Европы в значении «свободное государство, управляемое выборной властью». В этом историческом контексте утвердилась периодизация римской истории, согласно которой с установлением власти Августа началась эпоха Империи, что также означало — «монархии». На этом процесс переоценок не завершился. Учреждение в 1794 г. Директории, после ужасов якобинской диктатуры, сравнивали с установлением принципата — уже со знаком плюс.

До второй половины XIX в. Август рассматривался как основатель монархии в Риме, а история эпохи во многом сводилась к описанию правлений отдельных правителей. Новая историография истории Ранней Империи открылась трудами Теодора Моммзена (1817–1903), в частности, его «Римским государственным правом» (*Römisches Staatsrecht*). Оно издавалось с 1871 г., третье, переработанное издание появилось в 1887–1888 гг.⁴⁰

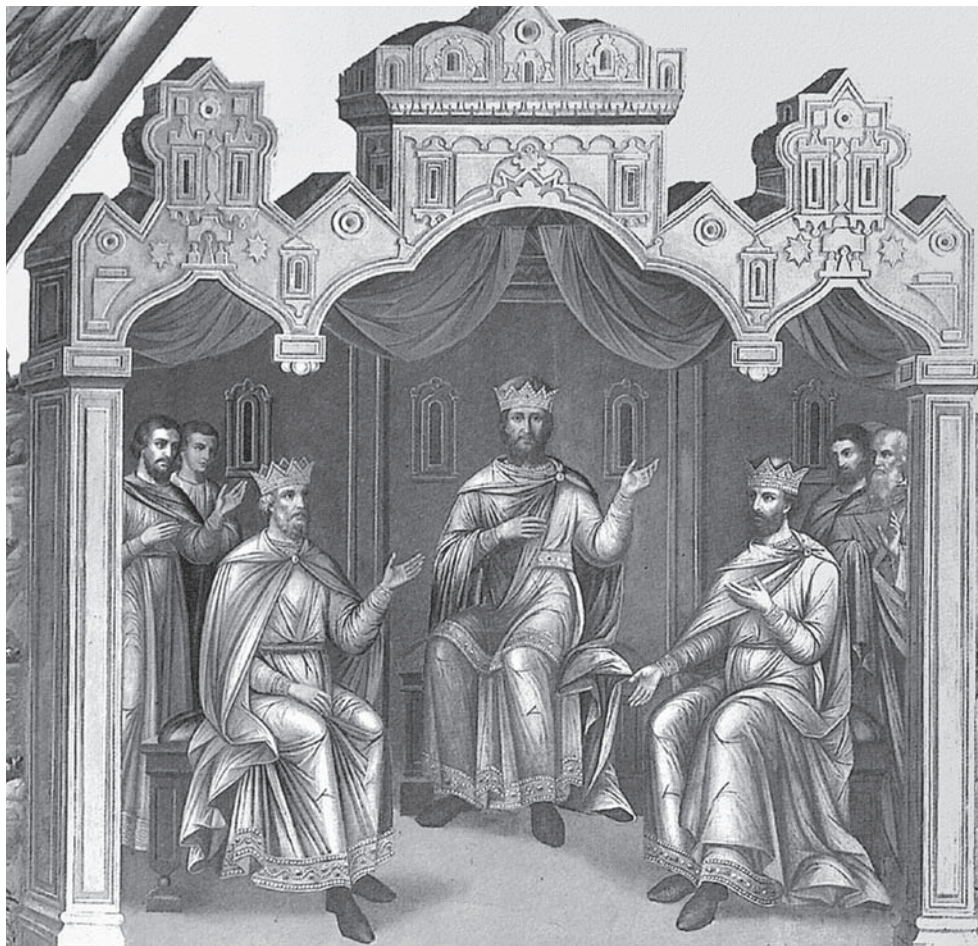
Моммзен обратил внимание на «республиканский» элемент в восстановленном Августом государстве. Оно определялось как «диархия» (греч.: двоевластие) и «принципат» (правление принцепса, от лат.: *princeps*)⁴¹. Под

983–994), которая называла себя *Theophanis gratia divina imperator augustus* (См.: Бульст-Тиле М. Л.; Йордан К., Флекенштейн Й. Священная Римская империя: эпоха становления. Пер. с нем. СПб., 2008. С. 113). Империя просуществовала с 962 до 1806 г. (Указание на «германскую нацию» в названии государства стало появляться с сер. XV века). См.: Schieffer R. *Otto Imperator — In der Mitte von 2000 Jahren Kaisertum* // Leppin H. (Hrsg.) *Kaisertum im ersten Jahrtausend...* S. 355–374, hier S. 364 ff.; Рапп Ф. Священная Римская империя германской нации. СПб., 2009.

³⁹ Послание шведскому королю Юхану III (Johan III) 1573 года. Подготовка текста Е. И. Ванеевой, перевод и комментарии Я. С. Лурье // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. (Электронные публикации Института русской литературы / Пушкинского дома РАН); Легендарные историко-политические сказания о происхождении русских князей от императора Августа и о дарах Константина Мономаха // *L'idea di Roma a Mosca secoli XV–XVI. Идея Рима в Москве XV–XVI века*. Отв. Редакторы Р. Catalano, В. Т. Пашуто. Roma, Mosca, 1989. С. 11–64. См. также другие тома серии “Da Roma alla terza Roma”. Documenti e studi. Dir. P. Catalano etc.

⁴⁰ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht. Handbuch der Alterthümer*. 3 Bde. (bes. Bd. II.1–II.2). Leipzig, 1887–1888³. О Моммзене см.: Маяк И. Л. Теодор Моммзен как историк // ВДИ. 2005 № 1. С. 168–179, и литературу в следующих сносках.

⁴¹ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II. 2: *Der Principat*. Leipzig, 1887³ (ND Darmstadt, 1963); Cf.: id. *Abriß des Römischen Staatsrechts*. Bd. III. 2. Leipzig, 1907² (ND Darmstadt, 1974). S. 1262 ff.; id. *Abriß des römischen Staatsrechts // Systematisches Handbuch der Deutschen Rechtswissenschaft* I, 3. 1983. S. 148 ff., 270 ff., cf.: Heuss A. *Theodor Mommsen und das 19. Jahrhundert*. Kiel, 1956 (ND Stuttgart, 1996);

Илл. II.4. Роспись с изображением Августа в Грановитой палате московского Кремля

выполнял важные административные, законодательные и судебные функции, управлял самыми богатыми провинциями. Только сенат мог легитимировать статус принцепса. Этот орган являлся также резервом кадров для управления Империей.

Анализируя полномочия Августа и его преемников, Моммзен разъяснил связь между принципатом и республикой. Она лежала «как в дальнейшем существовании аристократии управления, так и в наличии общих упорядочивающих рамок, в которых протекала общественная жизнь принципата»⁴³.

Heuss A. Th. Mommsen und die revolutionäre Struktur des römischen Kaisertums // ANRW II. Bd. 1.1 (1974). S. 77–90.

⁴² Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. II. 2. S. 748 f.

⁴³ Ibid. S. 1133, cf.: Bleicken J. Augustus. S. 681.

Победитель при Акции должен был выбрать: идти по стопам диктатора Цезаря или приспособить свою власть к традиционной политической культуре. Август решил на второе. Избрав государственно-правовую систему республики, он установил границы собственной власти. Этим самоограничением Август также подал пример наследникам.

Т. Моммзен описывал юридические рамки, в которых функционировал режим. Он, конечно, понимал, что опираясь на ресурсы Империи, Август контролировал важнейшие рычаги власти и пользовался практически неограниченным влиянием. До Моммзена историки описывали в основном ход событий, биографии отдельных императоров, уделяя внимание их причудам, а также рассуждениям о благах единовластия или его пороках. Моммзен стал основателем научного исследования принципата, определив направление его изучения на многие десятилетия вперед⁴⁴. Авторитет выдающегося ученого обусловил долгое преобладание государственно-правового подхода. Со временем начало выявляться значение также иных аспектов «принципата». Сам Август заявлял, что превосходит своих коллег по магистратурам не (магистратской) властью (*potestas*), а лишь своим влиянием (*auctoritas*, RG 34). По ряду причин, которые нам еще предстоит выяснить, основатель принципата не стал подробно рассказывать, на чем покоилась эта *auctoritas*.

II.3. Обращение к неправовым источникам власти. Теории «фасада»

В XX веке горизонты истории Римской империи раздвинулись. Общество поставило перед исследователями новые вопросы, а введение в оборот эпиграфических, нумизматических, археологических источников открыло возможность на некоторые из них ответить. Приоткрылись те стороны общественной жизни, которые не интересовали античных историков и не получили освещения в их трудах. Важный шаг был сделан М. И. Ростовцевым (1870–1952), который сумел решительно перейти от описания придворных

⁴⁴ Как известно, Моммзену так и не удалось завершить «Римскую историю», за которую он был удостоен Нобелевской премии по литературе. Отсутствует IV том, посвященный Ранней Империи (в вышедшем V речь идёт о провинциях). История Республики (том III) завершается апофеозом Юлия Цезаря. Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф, с которым Моммзен обсуждал планы продолжения своего труда, говорил в этой связи о «тяжёлой несправедливости по отношению к Августу». См.: Wilamowitz-Moellendorf U. von. *Erinnerungen: 1848–1914*. Leipzig, 1928. S. 161. Сравни.: Christ K. *Mommsens Kaisergeschichte* // id. *Von Caesar zu Konstantin. Beiträge zur römischen Geschichte und ihrer Rezeption*. München, 1996. S. 178–214; id. «...die schwere Ungerechtigkeit gegen Augustus» // *ibid.* S. 215–225. В своём курсе лекций Моммзен высоко ставил «гениального» Юлия Цезаря и скромно оценивал личность Августа, пусть признавая его заслуги. (Mommssen Th. *Römische Kaisergeschichte*. Nach den Vorlesungsmitschriften von S. und P. Hensel 1882/86. Hrsg. von B. und A. Demandt. München, 1992. S. 67–144). Оценки Моммзена надолго укоренились в исторической литературе.

интриг и войн к изучению социальных и экономических аспектов, впервые обратив самое пристальное внимание на провинции⁴⁵. Появился более широкий взгляд и на государственность Империи.

Идея принципата-диархии сохранила свой эвристический потенциал уже потому, что игнорировать «республиканский» элемент было невозможно. В то же время государственно-правовой подход, характерный особенно для германской историографии⁴⁶, был дополнен другими. На методах и результатах исследований сказывались как влияние других социальных наук, так и политическая ситуация⁴⁷. Все это с новой остротой поставило вопрос о сущности Августова режима и основанной им государственности. Основным пунктом расхождений была и до сего времени остаётся «республиканская» составляющая.

Можно говорить о двух полярных позициях, которые в определённом смысле вышли из теории «диархии» Моммзена. Для одной из них характерен акцент на фактически неограниченном влиянии принцепса. Любые шаги и мероприятия Октавиана-Августа трактуются как направленные на укрепление своей единоличной власти. Соответственно, в соблюдении им конституционных рамок усматривается мимикрия или даже сознательный обман (используются «фасад», «ширма» и подобные образные сравнения). Другой подход, напротив, ориентирован на государственно-правовые основы, сохранившиеся почти неизменными со времён Республики. Для удобства рассмотрения можно обозначить первую позицию как «монархическую» и «прагматическую» (ее оборотной стороной является теория «фасада»), а вторую — как «республиканскую» и «конституционалистскую»⁴⁸. Эти определения являются лишь ориентиром

⁴⁵ В данном контексте особенно важен труд: Rostovtzeff M. I. The social and economic history of the Roman empire. Oxf., 1926, 1957². Переводы: Общество и хозяйство в Римской империи. В 2-х томах. М., 2000–2001; Gesellschaft und Wirtschaft im Römischen Kaiserreich. 2 Bde. Leipzig, 1930 (ND 1985) и др. Событиям Августова века посвящена небольшая книга: Ростовцев М.И. Рождение Римской империи. Пг., 1918 (М., 2003³), с очень краткой, но точной характеристикой противостояния Антония и Октавиана на с. 93–96.

⁴⁶ По поводу традиционного внимания немецких ученых к государственно-правовым проблемам Р. Сайм процитировал Вольтера («Век Луи XIV», гл. II), который заметил, что государственное право — это нечто типично немецкое (Syme R. Rec.: Siber H. Führeramt... // JRS. Vol. 36. 1946. P. 158). См. также: Strack P. Der augusteische Staat // Strack P. u.a. Probleme der augusteischen Erneuerung. Frankfurt a.M., 1938. (Serie: Auf dem Wege zum nationalpolitischen Gymnasium. Nr. 6). S. 5–27; Kienast D. Der augusteische Prinzipat als Rechtsordnung // ZRG Rom. Bd. 101. 1984. S. 115–141; Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. Zum Charakter des Zweiten Triumvirats. Göttingen, 1990; Girardet K. Der Rechtsstatus Octavians im Jahre 32 v. Chr. // RhM. Bd. 133. 1990. S. 322–350; id. Imperium "maius": politische und verfassungsrechtliche Aspekt. Versuch einer Klärung // id. Rom auf dem Weg... 2007. S. 461–521 (orig. in: Giovannini A. [Hrsg.] La Révolution Romaine après Ronald Syme... Genève, 2000. P. 167–236) etc.

⁴⁷ См.: Stahlmann I. Imperator Caesar Augustus. Studien zur Geschichte des Principatsverständnisses in der deutschen Altertumswissenschaft bis 1945. Darmstadt, 1988; Nippel B. etc. (Hrsg.). Theodor Mommsens langer Schatten. Hildesheim etc., 2005.

⁴⁸ Сравн., на наш взгляд, не совсем точные обозначения «конституционалистской» («республиканской») школы, в отличие от «континентальной» («монархической»): Wallace-Hadrill A. Civilis princeps // JRS. Vol.

для приближения к содержательному анализу проблемы. На самом деле в необъятной литературе по принципату существует множество промежуточных вариантов, оттенков, составляющих радугу переходов от одной крайней позиции к другой.

Скептицизм в отношении к конституционным факторам естественно подталкивал историков к поискам иных, реально определявших властные отношения в Римской империи. В поле зрения попали социологические, философские и другие «основы принципата». Значительным явлением стала диссертация Матиаса Гельцера «Нобилитет Римской Республики»⁴⁹. В ней он уделил серьезное внимание такой важной опоре власти Августа, как патронат-клиента. Этот традиционно римский институт явно не вписывался в привычные государственно-правовые концепции.

К классике «монархического» направления относится книга А. Премерштайна «Становление и сущность принципата». Учёный сосредоточился на «социологических» основах власти Августа⁵⁰. В качестве важнейшей из них также рассматривалась клиентела, которая уже была основой влияния (*auctoritas*) политиков Республики. Тогда клиентелу составлял вооружённый народ, а после реформ Гая Мария — во всё большей мере профессиональное войско. Автор отметил особую роль *auctoritas*, опираясь на заново прочтенную им главу «Деяний божественного Августа»⁵¹. Истоком *auctoritas* Октавиана-Августа Премерштайн считал принесённую в 32 г. до н.э. клятву жителей Италии и Западных провинций⁵². Отсюда выводилась особая функция принцепса — «забота и попечение о республике» (*cura et tutela rei publicae*)⁵³.

В целом, согласно Премерштайну, основой практически неограниченной власти принцепса были неформальные факторы. Будучи основаны на римских традициях, они не вписываются в рамки современных государственных

72. 1982: P. 32; cf.: Levick B. Augustus. L., 2010. P. 8. Смысл предлагаемых условных названий понятен. Определение «прагматический» прояснится дополнительно из дальнейшего изложения. Следует иметь в виду, что значительная часть исследователей, указывающих на существенное значение «республиканских» элементов в государстве времени Августа, признаёт в целом монархический характер принципата.

⁴⁹ Gelzer M. Die Nobilität der römischen Republik. Leipzig., Berlin, 1912.

⁵⁰ Premerstein A. von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats. München, 1937. Bes. S. 13–116. Термин «социологический» использовался тогда в самом широком смысле, сравнимом с современным понятием «социальный».

⁵¹ Premerstein A. Vom Werden... S. 176–225. См. RG 34, сравн. раздел 7.3.

⁵² Точка зрения о происхождении *auctoritas* из клиентелы подверглась позднее заслуженной критике. В отношении 32 г. до н.э. П. Герман показал, что тогда имела место носившая ситуативный характер воинская клятва. См.: Herrmann P. Der römische Kaisereid. Untersuchungen zu seiner Herkunft und Entwicklung. Göttingen, 1968.

⁵³ Тезис о том, что *cura et tutela rei publicae universa* была официально предоставлена Августу, был отвергнут рядом исследователей, в том числе вновь: Dettenhofer M. Herrschaft und Widerstand... P. 74–77; Ferrary J.-L. The powers of Augustus // Edmondson J. Augustus. P. 97 f. with notes 23 ff. (с обзором мнений).

но-правовых понятий⁵⁴. Премерштайн также обратился к «философским основам» принципата, отметив те его черты, которые находят параллели у Цицерона и у представителей Средней Стои⁵⁵. Историк уделил внимание также государственно-правовым аспектам⁵⁶. Справедливо указывая, что идеи, законы, исторические деятели эффективно функционируют только при наличии достаточной социальной поддержки⁵⁷, он тем не менее излишне противопоставлял правовые и внеправовые факторы власти принципса.

Недооценка значения конституционных основ власти Августа и усиленное внимание к неправовым было особенно характерно для «монархического» направления. Его приверженцы сводили роль «восстановленной республики» к прикрытию монархии. Сторонники теории «фасада» в ее умеренном варианте признают, что республиканское государственно-правовое оформление единоличной власти было объективно необходимо. Оно учитывало преобладавшие настроения и было направлено на спасение гибнущего государства (см. далее о Р. Сайме).

В крайне критическом толковании принципат Августа оказывается военной диктатурой или законченной монархией, закамуфлированной лозунгом или вывеской «восстановленной республики». Как правило, при этом предполагается сознательный обман. Установление принципата представлено как узурпация, продиктованная прежде всего своекорыстными мотивами Августа. М. Гельцер характеризовал этот строй как военную монархию с ложным республиканским фасадом⁵⁸. Ф. Мэрш — как «целостную и тонко отрегулированную систему, где реальности были замаскированы изощренно разработанными юридическими фикциями»⁵⁹; Л. Р. Тэйлор определяла «цезаризм» как «откровенную монархию, рядившуюся в «катонизм»⁶⁰.

Крайние трактовки преобладают сегодня главным образом в популярной и художественно-исторической литературе. Образ коварного злодея

⁵⁴ Premerstein A. Vom Werden... Bes. S. 117–148; id. Die fünf neugefundenen Edikte des Augustus aus Kyrene. Weimar, 1928; cf.: Ramsay W. M. Monumentum Antiochenum: Die neugefundene Aufzeichnung des "Res gestae divi Augusti" im pisidischen Antiochia. (1927) repr.: Aalen, 1963; cf.: Christ K. Klios Wandlungen: die deutsche Althistorie vom Neuhumanismus bis zur Gegenwart. München, 2006. S. 42–44. Премерштайн умер в начале 1935 г., рассматриваемую книгу издал один из учеников. О восстановлении *auctoritas* вместо *dignitas* см. разделы II.6, VII.3.

⁵⁵ Premerstein A. Vom Werden... S. 3–12.

⁵⁶ Ibid. S. 225–266.

⁵⁷ Ibid. S. 13 ff.

⁵⁸ Gelzer M. Caesar und Augustus // Marcks E. u.a. (Hgg.). Meister der Politik. Bd. I2. Stuttgart, 1923. S. 147–195, cf.: Heinze R. Kaiser Augustus // Hermes. Bd. LXV. 1930. = id. Vom Geist des Romertums. Darmstadt, 1960³. S. 163–171, hier. S. 164.

⁵⁹ Marsh F. B. The reign of Tiberius. L., 1931. P. 16.

⁶⁰ Taylor L. R. Party politics in the age of Caesar. Berkeley etc., 1961³ (1-st ed.: 1939). P. 180. О «катонизме» см. раздел IX.7.

интригует и легче приковывает внимание читателя, чем рассудительный и взвешивающий каждый шаг политик. Вместо обмана ударение делается порой на выдающихся способностях Августа как мастера пропаганды⁶¹. В любом случае «монархисты» отталкиваются от данных литературных источников, прежде всего, от оценок Тацита. Политический режим оценивается с «практических» позиций, при этом обращается особое внимание на жестокость Октавиана-триумвира, а также почти неограниченную власть Августа в период его принципата.

Правовое оформление интересует представителей этого направления лишь в той мере, в которой оно подчёркивает его власть (череда консулатов до 23 года, затем — *imperium proconsulare maius* и *tribunicia potestas*). Особое внимание уделяется контролю над армией, распоряжению огромными материальными и финансовыми ресурсами провинций, императорскому культу и другим аспектам политики Августа, которые доказывали бы «монархическую сущность принципата». Усилия направлены на то, чтобы продемонстрировать неистинность, неискренность, преднамеренную фальшь «республиканизма».

Во второй трети XX века, на фоне обострившегося противостояния буржуазных демократий и тоталитарных режимов, рассматриваемая тематика приобрела особую идеологическую остроту. Итальянский фашизм, но также германский нацизм, пытались найти в Древнем Риме обоснование своей агрессивной политики. В Риме были предприняты грандиозные по масштабам, хотя далеко не всегда отвечавшие требованиям науки археологические раскопки, выставки, приуроченные к пышно отпразднованному двухтысячелетию со дня рождения основателя принципата⁶². Они были инициированы Б. Муссолини, который представлял себя преемником Августа и создателем новой империи. В Италии и в гитлеровской Германии некоторые историки и псевдо-учёные пытались представить Августа народным вождём, воплощением особого духа нации, прообразом дуче или фюрера⁶³.

⁶¹ Scott K. The Political Propaganda of 44–30 B.C. // MAAR. Vol. 11. 1933. P. 7–49; Charlesworth M. P. The virtues of the Roman emperor. Propaganda and the creation of belief // ProcBritAc. Vol. 23. 1937. P. 105 ff.; Johnson J. R. Augustan propaganda: the battle of Actium, Mark Antony's will, the *fasti capitolini consulares*, and early imperial historiography. Ann Arbor, Mich. (microfilm), 1981 (публикация оказалась недоступной); Schall U. Augustus. Kaiser, Rächer, Komödiant. Masken und Metamorphosen eines Herrschers. Pfungstadt bei Darmstadt, 1990 etc. См. след. примеч. и далее о книге Сайма, с примеч. 65, а также разделы VII.1 слл., VIII.1 слл.)

⁶² Об использовании Муссолини мифа о «третьем Риме», и в частности, о стремлении проводить параллели с Августом, см.: Schumacher L. Augusteische Propaganda und faschistische Rezeption // ZRGG. Bd. 40. 1988, S. 307–330.; Nelis J. From ancient to modern: the myth of romanità during the ventennio fascista: the written imprint of Mussolini's cult of the "third Rome". Bruxelles etc., 2011 (about Augustus: P. 104–120, 142 f.) etc.

⁶³ Типичные примеры: Levi M. F. Ottaviano capoparte. Firenze, 1933; Weber W. Principes: Studien zur Geschichte des Augustus. Bd.1. Stuttgart, 1936. Вебера так и не приняли в Берлинскую академию наук, члены которой старались остаться в стороне от политики. Единственным членом академии, который решился выйти из неё в качестве протеста против дискриминационных мер правительства (в частности, против «каризации»), был Альберт Эйнштейн. Что касается книги Вебера, то холодный приём колле-

Политизация вела к неизбежному упрощению и искажению картины⁶⁴. Это вызвало естественную реакцию в историографии либерального толка.

Особый резонанс приобрела вышедшая в 1939 году «Римская революция» Рональда Сайма. Книга была своеобразным ответом на попытки тоталитарных вождей опереться в своей пропаганде на авторитет основателя принципата. Отвергая все «республиканские ухищрения» Августа, Сайм отталкивался от фактического распределения власти, поэтому новый режим оценивался однозначно как монархия. Соблюдение республиканских законов было «благотворительной ложью» по отношению к политической элите. Этот камуфляж прикрывал абсолютную власть, опиравшуюся на армию.

Преобразования Августа характеризовались Саймом как «революция». Её содержание заключалось прежде всего в том, что новая знать сменила уничтоженный в ходе проскрипций и гражданских войн нобилитет. Происходившая в значительной мере из итальянских муниципиев, она сознательно создавалась триумвирами, а затем Августом, и безоговорочно поддерживала новую власть. Наблюдения Сайма основывались на мастерски применённом просопографическом методе. Историк прослеживал биографии отдельных людей, а также истории семей на основе совокупности всех доступных источников. Значительную роль сыграло использование опубликованных к тому времени надписей. Согласно выводам Сайма, «республиканская» вывеска была сознательным обманом, при том что Август был непревзойдённым пропагандистом⁶⁵.

Исследования Р. Сайма нашли отклик у многочисленных приверженцев⁶⁶. Использование Августом пропаганды для маскировки реальности нового режима является одной из тем в работе А. Маделена⁶⁷. В ней исследовано значение *auctoritas* для легитимации статуса принцепса. В не менее известной работе М. Гранта это ключевое понятие изучено на основе нумизматического материала. Изображения и надписи на монетах рассматрива-

гами (несмотря на ряд ценных наблюдений, особенно касающихся "Res gestae", S. 102–240), побудил автора отказаться от подготовки запланированного второго тома. О положении в Берлинской академии при нацистском режиме см.: Rebenich S. Zwischen Anpassung und Widerstand? Die Berliner Akademie der Wissenschaften von 1933 bis 1945 // Näf B. (Hrsg.): Antike und Altertumswissenschaft in der Zeit von Faschismus und Nationalsozialismus. Mandelbachtal, 2001. S. 203–244.

⁶⁴ См. также: Siber H. Das Führeramt des Augustus. Leipzig 1940. Rec.: Syme R. // JRS. Vol. 46. 1946. P. 149–158 (deutsch: Syme R. // Schmitthenner W. (hrsg.) Augustus. S. 153–175). См.: Stahlmann I. Imperator Caesar Augustus etc.

⁶⁵ Syme R. The Roman Revolution. Oxf., 1939. Эта тема исследовалась Саймом также в целом ряде последующих работ, в т.ч. "The Augustan aristocracy" (Oxf., 1986). См. также «Библиографию».

⁶⁶ «Монархическое» направление представлено работами ряда известных учёных, относящихся к послевоенным десятилетиям: Martino F. de. Storia della costituzione romana. Neapel, 1962–1965. Vol. IV; Flach D. Tacitus in der Tradition der antiken Geschichtsschreibung. Göttingen, 1973; Heuss A. Der Caesarismus und sein antikes Bild // Festschrift K. D. Erdmann. Neumünster 1980. S. 13–40 etc.

⁶⁷ Magdelain A. Auctoritas principis. P., 1947; Grant M. From Imperium to Auctoritas. Cambr., 1969².

лись Грантом как сознательно употреблявшееся правительством средство воздействия на общественное мнение⁶⁸.

В середине прошлого века изучению монетных чеканов уделялось особое внимание, в последние десятилетия предметом тщательного исторического анализа стали также императорские портреты, другие произведения искусства, а также архитектуры. Их весьма успешно использовали для «разоблачения» монархических черт принципата. Но в этих же памятниках выявляются некоторые «республиканские» компоненты. Как и другие свидетельства, художественные изображения обнаруживают оба начала режима: «республиканское» и монархическое. Захвативший многих авторов энтузиазм по поводу трактовки монет как чуть ли не средства массовой пропаганды в древних обществах сменился со временем скептицизмом. Монетам возвращена их основная функция денег, а занятый портретом правителя аверс рассматривается по большей части как проявление местных инициатив⁶⁹.

Теме пропаганды отдал должное и Ж. Беранже. Его исследования идеологии принципата отличаются глубоким анализом политической терминологии⁷⁰. Автор не признавал значения юридических объяснений принципата. Он считал неприемлемым рассмотрение принцепса как магистрата. Идеология, по мнению автора, не даёт прямого ответа на вопрос о «сущности принципата», поскольку она обслуживала интересы правительства и носила панегирический характер. В проправительственной трактовке принцепс предстаёт как защитник государства и всего человечества. Он взваливает на себя этот огромный груз с благословения богов. Идеи служения и умеренности (*moderatio*) принцепса демонстрировала процедура отказа от власти⁷¹. Этот ритуал должен был также подтвердить лояльность населения и тем самым легитимировать очередного правителя.

За всеми ключевыми словами идеологии принципата, по мнению Беранже, стоит политическая философия эллинизма, идеалом которой был разумный и умеренный царь. Реальные полномочия принцепса изначально ничем не ограничивались. Август, победивший в гражданской войне, никогда не выпускал из рук контроля за армией. У ворот Города (а со времени Тиберия — в пределах городских стен) находились преторианские когорты. *Res*

⁶⁸ Grant M. From imperium to auctoritas. A historical study of aes coinage in the Roman empire. 49 B.C.–A.D. 14. Oxf., 1969².

⁶⁹ Различным аспектам «власти изображений» и пропаганды посвящены главы VII и VIII.

⁷⁰ Béranger J. Recherches sur l'aspect idéologique du principat. P. 135–278 et pass.. См. далее о развёрнутой рецензии В. Кункеля на эту монографию и статью Л. Викерта. В дальнейшем Беранже ещё возвращался к отдельным аспектам темы, см.: Béranger J. Principatus. Études de notions et d'histoire politiques dans l'antiquité gréco-romaine. Genève, 1973, 1975. В книге собраны статьи 1940–60-х годов, посвящённые политической идеологии конца Республики и времени Принципата.

⁷¹ Béranger J. Recherches... P. 137 ff. — о процедуре "le refus du pouvoir".

publica restituta с самого начала существовала по милости Цезаря (Августа). Он имел возможность вмешиваться в функции любых «республиканских» органов. Исходя из реального распределения власти, принципат был опирающийся в первую очередь на войско абсолютной монархией. «Республиканское оформление» не играло никакой реальной роли⁷².

Сходных позиций придерживался и автор статьи “*Princeps (civitatis)*” в “*Realencyklopädie*” Лотар Викерт⁷³. Его позиция была даже более радикальной. С Августа началась эпоха монархии, и в этом, пишет Викерт, единодушны все историки⁷⁴. Монархическое самосознание самого Августа отразилось в «Деяниях». Его заявления о «восстановлении республики» и «свободе» не принимались всерьёз «независимым общественным мнением»⁷⁵. В устах цезарей *libertas* означала не республиканскую свободу, а лишь «безопасность» (*securitas*). Власть принцепса Викерт приравнивает к праву собственности, в частности, пытаясь подтвердить это словами Августа в отношении войска: *exercitus meus, milites mei*⁷⁶. По его мнению, поскольку император как «господин государства» имел всю власть, Рим и империя «не в юридическом смысле, но в действительности» были его собственностью⁷⁷. Нет противоречия между значениями слов *principatus* и *regnum*⁷⁸. Соответственно идентичны термины *princeps* и *dominus*, ведь «принцепс мог даже стать тираном»⁷⁹. То, что цезари принимали во внимание сенат, — лишь «видимая лояльность» и ничего не говорит о «действительном соотношении властей». Положительные примеры взаимопонимания при Августе, Тиберии и даже Клавдии — «лишь свидетельство политического искусства цезаризма»⁸⁰. Тем не менее Л. Викерт и Ж. Беранже, как и многие другие исследователи, считавшие принципат монархией (*regnum*), отмечали, что затрудняются определить основу этой власти в современных юридических категориях⁸¹.

⁷² Принципат, по Беранже «практически» являлся абсолютной монархией, см.: Béranger J. Principatus... P. 273–284 (p. 284: “pratiquement, c’était l’absolutisme”).

⁷³ Wickert L. Princeps (civitatis)..., сравн. его же более поздний обзор: id. Neue Forschungen zum römischen Prinzipat // ANRW II. Bd. 1. S. 3–76. См. также другие работы Л. Викерта в списке литературы.

⁷⁴ Wickert L. Princeps. Sp. 2068 ff.

⁷⁵ Ibid. Sp. 2069 f., 2080 ff., cf. 2090 ff.

⁷⁶ Ibid. Princeps... Sp. 2100 ff.

⁷⁷ Ibid. Sp. 2105 (с примером Tac. hist. I. 16. 1) и далее; cf. Béranger J. Recherches... P. 278–284. Подобная аргументация Викерта некорректна. К примеру, выражения вроде «моя страна», «мои родители» или «мой легион» не имеют ничего общего с претензиями на право собственности.

⁷⁸ Wickert L. Princeps... Sp. 2118, Z. 50 ff.

⁷⁹ Ibid. Sp. 2136, Z. 4 f.

⁸⁰ Ibid. Sp. 2136, Z. 52 ff.

⁸¹ Béranger J. Recherches...1953. P. 132f., 284 (*regnum*); Wickert L. Princeps. Sp. 2295f., с обзором точек зрения; Sp. 2118 (*regnum*). Характерно заглавие одного из разделов книги Р. Сайма: “The principate baffles definition” — «Ускользающее определение принципата» (Syme R. Roman revolution. P. 323).

Викерта и Беранже объединяет также отрицание принципиального различия принципата и домината, как и деления истории Римской империи на соответствующие эпохи⁸². Эта точка зрения находит сторонников. Работы обоих исследователей сохраняют своё значение. Со времени их появления авторы, придерживающиеся «монархическо-прагматической» трактовки, не представили принципиально новых аргументов⁸³.

В центре внимания Эгона Флайга — попытки узурпаций императорской власти в I веке⁸⁴. В монографии «Бросить вызов Цезарю» государственное устройство Ранней империи представлено как монархия, основанная на приятии (акцептировании) личности правителя тремя самыми значимыми социальными группами: плебсом, сенатом, армией, — а также провинциями⁸⁵. Флайг обратил внимание на то, что узурпации против ожидания происходили в основном не при смене принцепсов, когда должна была проявляться неурегулированность порядка наследования. Это значит, что под вопрос ставилась не легитимность положения принцепса, а его личность. По мнению Флайга, это и означает, что принципат был системой, в которой фактор акцептирования был наиболее выражен в сравнении с другими известными истории империями. Автор исследовал политическую семиотику действий и жестов, которые благоприятствовали акцептации правителя различными группами населения или разрушали её⁸⁶.

Подчеркивая специфику римской политической жизни, Флайг отвергает значение государственно-правового подхода: «Чтобы концептуально определить политическую систему римской монархии, следует отбросить принятое конституционное определение. Объем властных полномочий, которые предоставлялись консульским или проконсульским империем или трибунской властью был таков, что ими невозможно объяснить даже функционирование Римской республики»⁸⁷.

При всей свежести взгляда Флайга на ранний принципат следует заметить, что лояльность влиятельных групп населения — универсальное условие дееспособности и стабильности любого правительства, будь то республиканского или монархического. В этом же смысле говорится о «социальной опоре» государственной власти. Приятие может иметь место

⁸² Wickert L. *Principes...* Sp. 2135, Z. 4 ff.

⁸³ При реферировании обеих работ учтена развёрнутая рецензия В. Кункеля. Его критика, как и собственная концепция, представлены чуть далее.

⁸⁴ Flaig E. *Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich*. Frankfurt etc., 1992.

⁸⁵ Flaig E. *Den Kaiser herausfordern. Kapitel IV "Das Akzeptanz-System"*. S. 174–207. Автор употребляет термины *Akzeptanz*, *Akzeptanz-System* (лат.: *acceptare* — принимать, признавать), имея в виду лояльность по отношению к правителю — вплоть до его поддержки.

⁸⁶ Flaig E. *Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom*. Göttingen, 2003 (2004).

⁸⁷ Flaig E. *Den Kaiser...* S. 174.

в большей или меньшей степени, приобретать различные формы, поддерживаться разными средствами: от политики, соответствующей интересам референтных групп, до подкупа, демагогии и насилия. Позитивно (или негативно) приниматься обществом может как конкретный правитель (на чём настаивает Флайг), так и сам режим и даже, что особенно важно в рассматриваемом нами случае, форма государства, правовые нормы (или их отсутствие), которые им поддерживаются и на которых он основан. Но как государственно-правовые основы нельзя сводить к отдельным полномочиям правителя, так же и отношения граждан или подданных к государству — к акцептированию. Повторим, правовые и внеправовые факторы придают власти максимальную эффективность и стабильность лишь в сочетании⁸⁸.

М. Детенгофер в книге, посвящённой «конкуренции между «республикой» и «домом Августа» рассмотрела этапы становления принципата, уделяв особое внимание второй половине единоличного правления. После 23 года Август поставил три задачи: превращение сената в дееспособный, но послушный орган, ослабление консулата и изменение принципов отношений между общественной и личной сферой. Принцепс уже обладал всей полнотой власти, в то время как сенат был органом, который мог разве что аплодировать, магистратуры низведены до чисто почётных должностей. Август вплотную занялся поиском наследника. Конечной целью было соединить воедино свою семью с государством, связать процветание «республики» с родом Юлиев. Детенгофер приходит к весьма спорному выводу, что «в ходе борьбы за укрепление власти Август добился того, что поставил *res publica* на одну ступеньку со своим *domus...* Континуитет Августовой династии стал основой благополучия *res publica*»⁸⁹.

«Монархическая» позиция получает дополнительную аргументацию по мере интенсивного исследования провинций. С одной стороны, становится очевидной их растущая в период Ранней Империи экономическая и политическая роль, с другой — характерная для провинций явно монархическая позиция императора, особенно на востоке Империи. Важную роль в исследовании провинциальной политики сыграли работы Фергюса Миллара, ко-

⁸⁸ Как вариацию на тему акцептирования можно рассматривать мысль К. Галински о различии двух видов правления: Первое — “transactional” — функционирует на основе компромисса, учитывающего прагматические интересы сторон. Второе Галински называет “transforming” — это форма лидерства, основанного на инспирировании подданных правителем. Ко второму автор относит и правление Августа (Galinsky K. Augustan culture. P. 41). Критические замечания по этому поводу Барбары Левик: Levick B. Augustus: image and substance. P. 11 with n. 41 etc.

⁸⁹ Dettenhofer M. Herrschaft... S. 216. На наш взгляд, самое большее, чего можно было добиться (и это осуществил Август, при самой активной поддержке Ливии) — это монополизировать позицию принцепса для представителя семьи. Но приоритетным оставалось благополучие «республики». Об этом говорит и Детенгофер в заключительном предложении цитированного текста.

торый, в частности, убедительно показал, что императоры имели неограниченные возможности вмешиваться в управление, независимо от того, шла ли речь о провинциях «императорских» или «сенатских». Хотя и ранее были известны отдельные факты подобного рода, работы Миллара, основанные на тщательном изучении большого материала, в том числе эпиграфического, сильно пошатнули Моммзеновскую концепцию «диархии», особенно в части тезиса о разделении провинций на «императорские» и «сенатские»⁹⁰. В то же время трудно согласиться с некоторыми суждениями Миллара, относящимися к ситуации в центре Империи. К примеру, не убеждает вывод, что в период триумvirата римская конституция была более действенна, чем после урегулирования 28/27 годов⁹¹. Создаётся впечатление, что Миллар склонен переносить фундированные результаты, полученные им на восточном материале, на Италию и западные провинции. Это ведёт к недооценке особенностей идеологии и политики *rei publicae restitutae*. А ведь при Августе политический центр Империи определенно находился в Риме.

Можно вспомнить, что теория «фасада» долгое время преобладала и в отечественной историографии. Она присутствует в той или иной степени в работах многих ведущих советских историков, включая Н. А. Машкина, С. Л. Утченко, Е. М. Штаерман, И. Ш. Шифмана. Но здесь не обязательно искать результат «партийного влияния». Скорее напротив, в «теории фасада» усматривались прозрачные и весьма нелицеприятные параллели с современной ситуацией⁹². С другой стороны, в работах М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, А. Б. Егорова Ю. Г. Чернышова, в некоторых поздних публикациях Е. М. Штаерман и целого ряда других исследователей «республиканизм» рассматривается как важный сущностный компонент принципата.

Теория «фасада» продолжает находить авторитетных сторонников. В своей статье Э. Д. Фролов сравнивает принципат Августа с тиранией Дионисия Старшего в Сицилии⁹³. Автор проводит параллели по целому ряду критериев, от обстоятельств возникновения режимов до структурных особенностей. Указав на их появление в условиях социально-политических смут, при опоре на «политических соратников-друзей и наемные войска», Фролов продолжает: «Вместе с тем для авторитарных режимов, рождавшихся в лоне

⁹⁰ Millar F. G. B. "Senatorial" provinces: an institutionalized Ghost // *Ancient World*. Vol. 20. 1989. P. 93–97 (= *id. Rome...* Vol. 1. 2002. P. 314–320); Millar F. G. B. *The Emperor in the Roman World*. L., 1977, 1991².

⁹¹ Millar F. G. B. *Triumvirate and Principate* // *JRS*. Vol. 63. 1973. 50–61, esp. P. 63 ff. См. также Millar F. *Rome...* Vol. 1. Об интерпретации Милларом мавзолея Августа см. раздел VIII.3.

⁹² О советской историографии Августова принципата см. также МРМА. С. 64 слл.

⁹³ Фролов Э. Д. *Греческая тирания и римский принципат (опыт типологического сопоставления)* // Мнемон. СПб., 2002. С. 91–98. Сравн.: Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 221 сл.; Вержбицкий К. В. Правовое оформление и реальные основы власти Августа // *Проблемы античной истории*. СПб., 2003. С. 260–282, здесь с. 279 слл. (вывод автора сводится к уникальности как Римской империи, так и принципата, с. 282). Сравн. раздел V.9 с примеч. 217.

гражданского общества, характерно было использование конституционных прикрытий, следование мнимо легитимным путем»⁹⁴. Для обоснования этого тезиса в применении к Августу используются датирующиеся столетием позднее трактовки Тацита и Светония⁹⁵. Но даже свидетельства тенденциозно настроенного Тацита не дают оснований столь уверенно относить Августов режим к авторитарным⁹⁶. Настаивая и далее на стремлении режима Октавиана-Августа «облечь свою по сути монархическую власть в республиканские формы»⁹⁷, автор отмечает, что в отличие от тирании Дионисия, которая скоро развилась в «откровенную царскую власть», «в Риме республиканское прикрытие монархического режима» сохранялось чуть ли не до времени домината. Э. Д. Фролов объясняет это «большей консервативностью римского гражданского общества и традиционным авторитетом его главного представительного учреждения — сената»⁹⁸.

Типологическое сравнение различных государств и режимов обещает важные открытия, справедливо привлекая значительное внимание исследователей (см. далее, раздел II.6). Необходимо определить критерии сопоставления. Исключительное положение Августа в государстве и стремление к республиканской легитимации не вызывают сомнений. Но отмеченную здесь Э. Д. Фроловым тенденцию вряд ли можно считать некоей особенностью. Желание тирана или любого правительства укрепить свою власть ссылкой на законность скорее универсально. Ведь редко какой диктатор (без явных психических отклонений) открыто заявляет о своём стремлении безраздельно властвовать над согражданами. Поиски параллелей требуют обращения не только к формам, методам управления, но также к ценностям, принципам, мотивам и целям, которые лежат в основе той или иной политики.

Здесь были названы лишь некоторые из многочисленных работ, которые объединяет не только то, что государственный строй, определяемый как принципат, однозначно оценивается как монархия. «Монархически-прагматическая» позиция характеризуется тем, что все «республи-

⁹⁴ Фролов Э. Д. Греческая тирания... С. 92.

⁹⁵ Там же. С. 93 сл.

⁹⁶ Тацит различал начальный и заключительный этапы правления Августа (Тас. ann. I. 1. 2), признавая наличие в то время свободы слова (Тас. ann. I. 72. 2; IV. 34 etc.). О принципиальной важности времени происхождения источников и о концепции Тацита см. разделы: I.9 и IX.3.

⁹⁷ Фролов Э. Д. Греческая тирания... С. 96.

⁹⁸ Там же. С. 97. Теория «фасада» сохраняет свое место и в зарубежной историографии. Охотно используя «коммуникативную» и «театральную» терминологию, авторы повторяют такие известные характеристики, как «парадокс», «маскировка», «камуфляж», двуликость (букв.: «янусоголовость»). Характерна статья в престижном каталоге: Gotter U. Monarchen ohne Monarchie. Augustus und die Geburt des "Prinzipats" // Puhle M., Köster G. (hg.) Otto der Große und das Römische Reich. Kaisertum von der Antike zum Mittelalter. Regensburg, Dresden, 2012. P. 57–62. О разработке безусловно важной проблематики римской «церемониальной культуры» и «политического театра» см., в частности: разделы III.1 с примеч. 37–40 и VIII.7 с примеч. 103.

канские» элементы, от сената и народных собраний до стремления Августа соблюдать традиционные нормы, рассматриваются как видимость, призванная затушевать монархическую сущность режима. Конституционным («республиканским») элементам отводится роль фасада, ширмы, камуфляжа, а существенные функции приписываются лишь неправовым (экономическим, социальным, военным и др.) факторам. При этом часто игнорируется, что неправовые факторы играли немалую роль и в эпоху Республики. С другой стороны, конституционные магистратские полномочия использовались для укрепления единоличной власти Августа и его преемников.

Толкование «республиканской» составляющей политики и идеологии только как маскировки является недопустимым упрощением. Оно противоречит недвусмысленным указаниям источников на самое серьезное значение «республиканской» легитимации. Здравый смысл заставляет усомниться в том, что незаурядный политик строил свой режим на явном обмане, а римские граждане были легковерны и беспомощны. Подобной версии противоречит также факт, что основанная Августом система успешно развивалась по крайней мере на протяжении двух веков, обеспечивая процветание средиземноморской Империи.

II.4. «Республиканизм» как существенный фактор политики Августа

Особое положение Августа в Римском государстве, его почти неограниченное влияние и власть вряд ли могут вызывать сомнение. В то же время многие обстоятельства указывают на существенную роль «республиканизма». Такого мнения придерживается целый ряд исследователей, для которых формула *res publica restituta* соответствовала сущности режима, по меньшей мере, отражала реальные и значимые элементы политики Августа. Следуя за Т. Моммзеном, эти историки настаивают на преемственности институтов Республики и Империи. Разумеется, они уделяют большое внимание правовой системе принципата. Среди современников Моммзена по этому пути пошёл Г.Ф. Пелхэм, позднее В. Кольбе⁹⁹. В искреннем стремлении Августа восстановить республику был уверен Г. Ферреро¹⁰⁰.

Существует множество промежуточных, переходных позиций и нестандартных интерпретаций. Содержащиеся в них продуктивные идеи

⁹⁹ Pelham H. F. *Essays on Roman History*. Oxf., 1911. P. 31; Kolbe W. *Von der Republik zur Monarchie* (1931) // Schmitthenner W. (Hg.). *Augustus*. Darmstadt 1969. S. 72–99; cf.: Jacques F., Scheid J. *Rom und das Reich*. Stuttgart etc., 1998. S. 7.

¹⁰⁰ Ferrero G. *Grandezza e decadenza di Roma*. T. I–V. Milano, 1902–1907; перевод: Ферреро Г. *Величие и падение Рима*. Т. 1–5. М., 1915–1923. См. т. 3. С. 339 слл.

следует учитывать при изучении вопроса о «республиканизме» принцепата. В историографии начала XX века важное место заняли работы известного историка древности Эдуарда Майера. Рассматриваемой теме посвящена его монография под многозначительным названием «Монархия Цезаря и принцепат Помпея». По его мнению, Цезарь хотел создать, следуя Александру Македонскому, мировую эллинистическую монархию. Но Август последовал примеру его соперника — Помпея, заимствовав у того концепцию «принцепата». Он, как и Помпей, хотел безраздельно первенствовать в Римской республике, не нарушая её основные установления. При Августе продолжали функционировать старые государственные институты. В итоге по большому счёту поражение потерпел Цезарь, в то время как идейную победу одержал поверженный им и убитый египтянами Помпей. Хотя построенные Майером линии преемственности от Александра к Цезарю и от Помпея к Августу не выдерживают строгой критики, ряд высказанных им соображений, в частности, об истоках Августовой модели принцепата, заслуживают внимания¹⁰¹.

Исследователи, склонные расценивать «республиканизм» как существенный элемент режима, во многом опираются на конституционные, правовые установления. Это диктует необходимость ознакомления с аргументацией историков права. Одним из авторитетнейших знатоков римского права второй половины XX века был Вольфганг Кункель¹⁰². Он рассматривал Августову реставрацию *rei publicae* в качестве исторической и закономерной реальности и утверждал, что представление о «республиканизме» как лжи (или лжи во благо) основано на предвзятом отношении к фактам. Примечательно, что критика Кункелем «монархистов» опиралась не только на юридическую аргументацию, но и на глубокое понимание идейных и социально-психологических основ римской политики. Свои взгляды он изложил в курсе римского права, отдельных статьях и наиболее подробно — в развёрнутой рецензии на упоминавшиеся работы Ж. Беранже и Л. Викерта¹⁰³.

¹⁰¹ Meyer Ed. *Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus*. Innere Geschichte Roms von 66 bis 44 v. Chr. Stuttgart, Berlin, 1918, 1922³ (ND 1963); ders. *Kaiser Augustus* // id. *Kleine Schriften I*. Halle, 1924². S. 423–471. Весьма продуктивна для понимания эпохи Ранней Империи мысль Э. Майера о борьбе вариантов единовластия. Сопоставление Помпея и Цезаря: Baltrusch E. *Caesar und Pompeius*. Darmstadt, 2011³. См. также раздел IV.2 сл.

¹⁰² Учебники Вольфганга Кункеля (1902–1981), переведённые также на другие языки, до сих пор переиздаются в Германии, считаясь во многих отношениях непревзойдёнными, например: Kunkel W., Schermaier M. J. *Römische Rechtsgeschichte*. Köln, 2005¹⁴ (ND 2012). В литературе отмечалось достойное поведение Кункеля в нацистский период.

¹⁰³ Kunkel W. Bericht über neuere Arbeiten zur römischen Verfassungsgeschichte III (Rez. über: Jean Beranger "Recherches sur l'aspect idéologique du principat" (1953) und Lothar Wickert. *Princeps...*) // ZRG Rom. Bd. 75. 1958. S. 302–352. Ausschnitt: Kunkel W. Um Freiheitsbegriff der späten Republik und des Prinzipats // Klein R. *Prinzipat und Freiheit*. Darmstadt, 1969. S. 68–93.

В. Кункель упрекнул авторов в игнорировании «идеологического фундамента Августова принципата» и подчеркнул неразрывную связь идеологии как с социальными факторами, так и с республиканской конституцией¹⁰⁴. Кункель не отрицал, что правление Августа было монархическим с точки зрения «чистого распределения власти». Но власть — не единственная политическая реальность, тем более в Риме, где властные отношения применялись в соответствии с традицией и моралью¹⁰⁵. Кункель полемизировал с Беранже, указывая на значимость различия между *princeps* и *dominus*, которую всегда подчёркивал Август¹⁰⁶. Автор обратил внимание на важность личности основателя принципата, который руководил государством, но умел выстраивать ситуацию таким образом, что действовал посредством своей *auctoritas*, а не *potestas*. Это не удалось Тиберию, несмотря на его первоначальное серьёзное желание осуществить на практике идеологию принципата. Взаимное доверие с сенатом не сложилось, и вскоре неограниченная власть принцепса стала очевидной¹⁰⁷.

Со временем утрачивалось политическое искусство принцепсов, но также и необходимость в прежней изощрённости: даже сенат, постоянно обновлявшийся за счёт неримских жителей Империи, терял прежнее представление о *res publica*¹⁰⁸. Уровень ожидаемой «свободы» понижался, сводясь постепенно к безопасности. При хороших принцепсах можно было отважиться высказать своё мнение в сенате. «Соблюдение *libertas rei publicae* требовало от принцепса чуть ли не сверхчеловеческого самообладания и искусства дипломатии. Лишь истинная *auctoritas* принцепса и... настоящее доверие сената могли смягчать жуткое напряжение, которое неизбежно следовало из парадокса Августовой концепции государства¹⁰⁹. Вопреки всему, эта концепция не была просто ложью или голым эвфемизмом. Кто так думает, недооценивает значение образа, а также власти традиции в жизни римлян... Август, облачив своё господство в одежду принципата, ограничил самого себя в применении своей неограниченной власти... Он поставил себя ниже закона и отказался от собственной роли законодателя. Он включил себя в сенат и подчинил действовавшим для ординарных магистратур принципам годичности и коллегияльности. Тем самым он обязал себя уважать республиканские органы и давать отчёт о своих политических действиях»¹¹⁰.

¹⁰⁴ Kunkel W. Um Freiheitsbegriff... S. 68 f. mit Anm. 1.

¹⁰⁵ Ibid. S. 70, cf. id. Bericht... S. 306 f.

¹⁰⁶ Ibid. S. 71–79.

¹⁰⁷ Ibid. S. 88.

¹⁰⁸ Ibid. S. 90 f.

¹⁰⁹ Ibid. S. 92.

¹¹⁰ Ibid.

Кункель отмечает, что хотя самоограничение было в руках самого Августа и «не гарантировалось ничем иным, кроме идеологии принципата», указанные основы функционировали ещё два столетия после его смерти. Несмотря на отдельные отклонения, в целом принципат направлялся идеями гражданственности (*civilitas*), умеренности (*moderatio*) и справедливости (*iustitia*). Кункель подчёркивает, что основой этой идеологии был не стоический идеал царя, а «гораздо более трезвая и конкретная традиция римской *libertas rei publicae*, которую Август спас и перенёс в монархию»¹¹¹.

Учитывая особенности римской политической культуры, это толкование Кункеля достаточно убедительно объясняет поведение Августа в Риме и Италии. Все же вряд ли можно исключить влияние некоторых идей эллинистической философии. Следует также заметить, что у Кункеля происходит невольное смешение фундаментального принципа *rei publicae*, который стремился реанимировать Август, с чуждой цезарианцам идеологией *libertas rei publicae*. Тогда это был лозунг цезареубийц (см. гл. IV и раздел VII.2).

Сходные мысли развиваются В. Кункелем в статье под названием «О сущности Августова принципата»¹¹². Она носит концептуальный характер, содержит целый ряд точных наблюдений и всё же удивляет непоследовательностью, когда дело доходит до обобщений. В. Кункель исходил из того, что поскольку Республика уже показала свою неспособность справиться с проблемами управления мировой империей, Октавиану была ясна необходимость монархии¹¹³. Но оба известных римлянам варианта: восточно-эллинистический и собственно римский — царская власть (или диктатура) — были неприемлемы (сравн. раздел IV.5, V.2). Решение следовало искать в рамках традиционного государственного устройства, что было подобно задаче о квадратуре круга. К её решению Октавиан приступил, восстановив конституцию Римской республики¹¹⁴. Обладая практически всей полнотой власти, он передал *res publica* (т.е., государственные дела) в руки сената и Римского народа.

Кункель заключает: «Возвращение власти над *res publica* сенату и народу означало, следовательно, формальное признание /их/ суверенитета и тем самым правопорядка свободного государства. Это знаменовало отказ от вся-

¹¹¹ Ibid. S. 92 f.

¹¹² Kunkel W. Das Wesen des augusteischen Prinzipats // Gymnasium Bd. 68. 1961. S. 353–370 (= id. Kleine Schriften... Weimar, 1974. S. 383 ff. = Schmitthenner W. Augustus. Darmstadt, 1985². S. 311–335. Далее цит. по последнему изданию). Первоначальный вариант произнесён в 1960 г. как публичная лекция в Мюнхенском университете. К. Брингманн считает представленную в этой работе концепцию «наиболее взвешенной». См.: Bringmann K., Schäfer Th. Augustus und die Begründung des römischen Kaisertums. Berlin, 2002. S. 45 f., Anm. 1 (краткий обзор темы «конституция принципата»).

¹¹³ Kunkel W. Das Wesen... S. 316.

¹¹⁴ Ibid. S. 319 f.

кой основанной на законе позиции, которая была бы с этим порядком несовместима»¹¹⁵. Иными словами, конституционное обоснование монархии исключалось. «В этом, в большей или меньшей мере формальном смысле, утверждение Августа [о «возвращении республики — ЯМ»] следует принять вполне серьёзно». Потому, полагал Кункель, «изначально ошибочны все попытки представить принципат как монархическую должность, встроенную в республиканский порядок. Республиканская конституция представляла ему (Августу) лишь известные возможности использования власти, фундамент обоснования которой он находил в других сферах римского миропорядка»¹¹⁶. Вначале реализовывались возможности, которые представлял консулат. Кункель отметил, что «уже на этой стадии обоснование монархического положения Августа покоилось не на консульстве, которое он должен был делить с другими, но на его личном социальном и политическом превосходстве»¹¹⁷.

С 23 г. до н.э. использовались трибунская власть и проконсульский империй¹¹⁸. Во времена Республики трибулат рассматривался как низшая магистратура, патриции не имели к ней доступа. Проконсульская власть была ниже по достоинству, чем консульская. По Кункелю, в новых условиях эти «недостатки» перевешивались предоставлявшимися ими возможностями: трибунская власть обеспечивала принцепсу вмешательство в принятие любых политических решений, а проконсульский империй — контроль над войском¹¹⁹.

Август пользовался своими полномочиями, не будучи магистратом. Но отказываясь от чрезвычайных должностей, не говоря уже о монархической власти, он старался всячески поднять свой престиж и превзойти всех влиянием и авторитетом (*auctoritate omnibus praestiti*). Ведущее место в государстве подчеркивалось обращением *princeps* и почётным именем *pater patriae*. Фигура незурядного «принцепса», который приходит на помощь гражданам в кризисной ситуации, выведена у Цицерона в трактате “De re publica”¹²⁰. «Именно на этот, восстанавливающий свободу, спасающий государство принципат претендовал Август». Поэтому изображение им своей освободительной миссии¹²¹ не было исторической спекуляцией. Позицией

¹¹⁵ Ibid. S. 321. На наш взгляд, в этих рассуждениях Кункеля сомнение может вызывать лишь указание на «свободное» государство, поскольку *libertas* была характерна тогда для политического словаря цезарей (см. раздел VI.2). По существу, Кункель имел здесь в виду главенство конституции, а не «тирана».

¹¹⁶ Ibid.

¹¹⁷ Ibid. S. 322.

¹¹⁸ Ibid. S. 324.

¹¹⁹ Ibid. S. 327 ff., 330.

¹²⁰ В. Кункель ссылается здесь на Э. Лепоре: Lepore E. Il princeps ciceroniano e gli ideali politici della tarda repubblica. Napoli, 1954.

¹²¹ Кункель несколько раз говорит о *restitutio libertatis*, что, на наш взгляд, не бесспорно.

принцепса Август был обязан своим заслугам и свойствам личности, чему были прецеденты и что соответствовало республиканским установлениям. И далее: «Его положение *princeps* не является, следовательно, конституционной должностью, это никоим образом не конституционная монархия. Это социальное и политическое господствующее положение (*Vormachtstellung*), в котором может оказаться выдающаяся личность также в рамках чисто республиканского порядка, когда требует стечение обстоятельств»¹²².

Вслед за этим Кункель отметил, что «фундаментом власти» Августа была армия, включая преторианские когорты, а также контроль над государственными финансами. Отсюда следовало, что «его власть (*Machtstellung*)... была практически безгранична». И далее: «Несмотря на это, идеология принципата не была лишь фикцией, «ложью во благо». Хотя «свободная республика была уже позади..., её идеалы оставались образцом для использования неограниченной власти, оказавшейся в одних руках». А именно: «...Новый господин пообещал ограничить себя в использовании своей власти..., служить государству тем, что он над ним властвует... По большому счёту, Август своё обещание в течение 45-летнего правления держал...»¹²³.

Таким образом, по Кункелю, речь идёт о монархии¹²⁴, не конституционной, но управлявшейся в соответствии с идеалами «свободной республики». Даже если пока оставить в стороне тему «идеалов» и их воплощения в Римской республике, данную конструкцию Кункеля трудно признать убедительной. Тем более, в другом месте автор признал, что *libertas* с установлением монархии наполнялась другим смыслом в сравнении со временем Республики¹²⁵. Кроме того, В. Кункель недостаточно четко разграничивает Республику с понятием «свободная республика», которое было написано на знаменах цезареубийц, а затем — оппозиционеров времени Юлиев-Клавдиев.

Следует констатировать, что взгляд исследователя подметил многие важные черты нового государственного устройства. Но цельной картины не получилось. Несмотря на усилия автора, остаётся непонятным, как согласовывались Августовы «республика» и «монархия»¹²⁶. Неясно, что Кункель понимает под «республикой». На наш взгляд, «республика» и единоличная власть Августа не противоречили друг другу (см. раздел IV.5). Кроме того,

¹²² Kunkel W. Das Wesen... 334 f.

¹²³ Ibid. 335.

¹²⁴ В другой работе В. Кункель прямо назвал Августа «основателем монархии», а принципат — «монархической формой государства» (Kunkel W., Schermaier M. J. Römische Rechtsgeschichte. S. 62 f.).

¹²⁵ Kunkel W. Zum Freiheitsbegriff... S. 85 ff.

¹²⁶ По Тациту, принципат и свобода несовместимы: *principatus et libertas res olim dissociabiles* (также название 5 главы известной книги в редакции Х. Виршубски, где он использовал фразу из «Агриколы» (Тас. Agr. 3.1, cf.: Wirszubski Ch. Libertas as a political idea at Rome during the late republic and early principate. Cambr., 1950, ch. 5. P. 124).

В. Кункель, как и многие другие исследователи, оставил за рамками рассмотрения факт наличия двух составляющих складывавшейся при Августе новой государственности: «республики» и «империи Римского народа», где действовали различные политические и государственно-правовые традиции (см. разделы X.5–7).

В сущности, незначительно отличаются от изложенных взгляды Эрнста Майера. По его мнению, принципат был «юридически республикой, все же с чисто монархическим управлением», а вся власть находилась в руках императора, но суверенитет — у сената и народа¹²⁷. При том, что автору хорошо удалась общая картина развития государственного строя Ранней Империи, концепция представляется не особенно убедительной.

Важные мысли и наблюдения содержатся в интерпретации принципата и «восстановленной республики» Йогена Бляйкена. Его перу принадлежат исследования по социальной и государственно-правовой истории Римской республики и империи, а также не раз переиздававшаяся авторитетная биография Августа¹²⁸. Соединение юридического, социального и личностного подхода позволило автору сделать важные наблюдения. Режим, установившийся в январе 27 года, Бляйкен определяет не как диархию, а как «монархию в форме принципата»¹²⁹.

Такая формулировка не мешает Бляйкену говорить о реставрации *rei publicae*. Она состояла прежде всего в восстановлении основ государственного права и обеспечении свободного функционирования обычаев — но не в возвращении власти сенату. Новый политический порядок представлялся во многих пунктах настоящим продолжением республиканской системы, которая была дополнена новым элементом: привилегии, которые получил законным путем принцепс, и новые правила, которые из этого возникли. Отличие принципата от домината (граница пролегла между 235 и 284 гг.) заключалась в том, что вначале «император (Kaiser) номинально был лишь первым гражданином (*princeps*). Фактически являясь господином над подданными, он рассматривал своё господство как ограниченное правом. В отличие от этого, император в последующий период — «сам себе господин» (*Selbstherr*), свободный от правовых ограничений, *legibus solutus* (*dominus*)»¹³⁰.

¹²⁷ Meyer E. Römischer Staat und Staatsgedanke. Zürich, 1990⁵. S. 368 ff., 435 f.; cf.: id. Das politische Denken in Rom // MH. Jg. 45. 1988. S. 219–247, bes. S. 242 f. etc.

¹²⁸ Важнейшие публикации, имеющие непосредственное отношение к теме: Bleicken J. Lex Publica: Gesetz und Recht in der römischen Republik. Berlin, N. Y., 1975; id. Die Verfassung der Römischen Republik. Grundlagen und Entwicklung. Paderborn, 2008⁸; id. Verfassungs- und Sozialgeschichte des Römischen Kaiserreiches. Bd. 1. Paderborn, 1995⁵; id. Augustus. Reinbek, 2010 (1998) etc.

¹²⁹ Bleicken J. Augustus. Глава 7 называется «Установление монархии как принципата». См.: S. 297–370; 395 etc.; id. Verfassungs- und Sozialgeschichte... Kaiserreiches. Bd. 1. S. 9 etc.

¹³⁰ Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte... Kaiserreiches. Bd. 1. S. 12.

Далее Бляйкен показывает, что Августу удалось, также путём ряда «отборов» (*lectiones*) вновь превратить сенат в дееспособный орган, который через своих представителей управлял половиной провинций, а также принимал участие в ведении дел в Риме и Италии. Август, как главнокомандующий, занимал особое место в государстве. Полномочия не ставили его над другими институтами, как при диктатуре или триумвирате. Это была власть не вышестоящая, но конкурирующая с другими, традиционными правовыми властными органами¹³¹.

Неустаннрые усилия Августа, направленные на создание и сохранение правовых рамок для собственной реальной власти, не принимались всерьёз многими античными писателями, как и современными исследователями. Значение контроля над армией более очевидно. Поэтому, замечает Й. Бляйкен, «конституция принципата» (*Prinzipatsverfassung*) часто кажется только видимостью. «Такая оценка принципата не раскрывает сути дела, поскольку предполагает, что общество способно в длительной перспективе жить без чувства безопасности. А оно могло быть обеспечено лишь понятной формой (государства). Только так могло сохраниться огромное политическое образование, каким была римская Италия с подвластной ей территорией»¹³².

Август стремился к такому порядку, который обеспечивал бы его единение с римским обществом, и непременно с элитой. «Этот порядок мог прийти только из традиции, которая создала всё, чем был Рим» (там же). «Если Август протестовал против обращения к себе как «господину» (*dominus*), которое в то время было обычным не только со стороны рабов к господам, но и свободных по отношению к вышестоящим, это не являлось притворством, но относилось к самой сути нового порядка»¹³³. Сенат и магистраты не противопоставляли Августу своей конституционной власти по причине его превосходящей *auctoritas*. «Уступчивая покладистость сената и магистратов соответствовала самоограничению принцепса. Условиями (функционирования) «конституции» были определенные правила поведения обеих сторон» (там же). «Конституция принципата» была, по словам Бляйкена, «договором новой элиты с господином о войске». Она соответствовала реальному положению дел после крушения старой системы. Факт наличия монархии был общеизвестен и никто не стремился его скрыть. При этом огромную роль в каждодневной политике играла взаимная сдержанность и особенно — самодисциплина принцепса, который сам ограничивал свою власть»¹³⁴.

¹³¹ Bleicken J. Augustus. S. 372.

¹³² Bleicken J. Augustus. S. 374.

¹³³ Ibid. S. 376.

¹³⁴ Ibid.

Почти 800 страниц убогистого текста представляют собой не просто самую подробную современную биографию Августа, фундированное, учитывающее литературу изложение фактов, но также истолкования, объяснения и соображения, основанные на глубоком знании и осмыслении материала. Для рассматриваемой темы особенно важны мысли Бляйкена о существенной (а не чисто декоративной) роли «республиканизма»¹³⁵. В то же время значение политики «восстановления республики» автор в основном ограничил необходимостью считаться с настроениями сенаторов. Тем самым трактовка «восстановленной республики» в конечном счёте смыкается всё с той же концепцией «ложь во благо». Но таким образом трудно объяснить весь комплекс «восстановительных» мероприятий Августа, как и сохранение ряда «республиканских» форм ещё на протяжении веков, несмотря на полное изменение состава и функций сената¹³⁶.

В отличие от большинства пишущих об Августе авторов, которые замечали только его практичность, трактуемую преимущественно как хитрость и способность к мимикрии, Бляйкен указал на наличие замысла, в соответствии с которым должны были проводиться государственные реформы. Скептически высказавшись о личности своего героя, Бляйкен высоко оценил его заслуги, отметив, что по достигнутым результатам Августа можно сравнить с Александром или Цезарем. Но если те были разрушителями, Август стал «прорабом Римской империи» и «воспитателем» новой элиты¹³⁷ (с. 684–688). К сожалению, автор не попытался пойти дальше в раскрытии истоков и самого содержания упоминаемой им «идеи принципата»¹³⁸.

Своё понимание принципата не раз уточнял известный юрист и историк права, Франц Виакер. Среди многочисленных известных трудов по римскому праву ему принадлежит специальная статья «К конституционной структуре Августова принципата»¹³⁹. Пытаясь объективно и всесторонне осве-

¹³⁵ «При всём изобилии правовых полномочий властитель был обычным участником государственного управления... Он не был господином по отношению к конституции... Когда он протестовал против обращения «господин» (*dominus*)... это было не лицемерием, но касалось сущности нового порядка» (Bleicken J. Augustus. S. 376).

¹³⁶ Следует отметить, что в своих ранних работах Й. Бляйкен, неоднократно подчёркивавший значение права в жизни римлян, в то же время сводил роль «республиканизма» в политике первых принцев к декорации (сравн.: Castritius H. Der römische Prinzipat... S. 91 ff.). В биографии Августа он далеко ушёл от этой уже критикуемой им точки зрения.

¹³⁷ Bleicken J. Augustus. S. 684–688.

¹³⁸ Там же, главы 8 («Принципат как идея и реальность») и 16 («Эпилог»). Эта тема рассматривается нами далее, см. раздел V.1 и др.

¹³⁹ Wieacker F. Zur Verfassungsstruktur des Augusteischen Prinzipats // Im Dienste Deutschlands und des Rechtes: Festschrift für W. G. Grewe, hrsg. von F. J. Kroneck. Baden-Baden, 1981. S. 639–650 (далее цитируется эта статья). См. также: Wieacker F. Vom römischen Recht. Stuttgart, 1961². Bes. S. 38–44; Wieacker F. Römische Rechtsgeschichte. Bd. 2. Zweiter Abschnitt: Die Jurisprudenz vom frühen Prinzipat bis zum Ausgang der Antike. München, 2006, bes. S. 1–61 u. 339 ff.

тить суть явления, он стремился учесть также результаты исследований историков и политологов. Говоря об истоках новой государственной формы, Виакер отметил, что принципат возник в результате кризиса Республики и раскола нобилитета, неспособного адекватно отреагировать на ситуацию. Уже первый триумвират, а затем поражение сенатской партии при Филиппах означали гибель «свободного государства». Раскол в рядах цезарианцев «сблизил Октавиана с уцелевшими остатками сенатской партии и привел в конечном счёте к самоидентификации победоносного триумвира с республиканскими традициями, так что он решил создавать новый порядок под знаком *res publica restituta*»¹⁴⁰. Многие предпосылки возникновения монархии были подготовлены уже в период Республики. «Революционные полномочия» содержались в диктатуре и народном трибунате, особенно когда перестали строго соблюдаться их временные рамки. Конституционные ограничения нарушались также в отправлении консулатов и проконсулатов. Система экстраординарных полномочий составила ядро позиции первого принцепса. Это были испытанные формы, с помощью которых можно было, не вступая в явный конфликт с конституцией, институционализировать первоначально революционную власть¹⁴¹. Использование республиканских институтов для строительства монархии обусловило противоречивость принципата. Он имел персональный характер, отсюда — отсутствие закона о наследовании. Искключительное положение Августа основывалось на харизме, и лишь его (и отдельных преемников) личным качествам обязано длительное сохранение этого государства. По Виакеру, важным фактором была самопрезентация Августа, и в целом — идеология режима.

Автор обратил внимание на искажение исторической традиции, препятствующее адекватному пониманию принципата. Установленный Августом порядок был мифологизирован в имперской доктрине церкви (поздняя античность), затем — в мифе о *translatio imperii*, который должен был легитимировать власть средневековых монархов, а в новое время — в западной идее распространения цивилизации. Всё это затрудняет реконструкцию исторической реальности. Государственно-правовые основы могут быть адекватно поняты только из политической идеологии «освобождения»

¹⁴⁰ Wieacker F. Zur Verfassungsstruktur... S. 640 f.

¹⁴¹ Ibid. S. 641. «Революционный» означает в этом, и вообще в государственно-правовом контексте: незаконный, т.е. нарушающий традиции, конституционно не оформленный. Вопрос о том, можно ли называть события последнего века Республики и установление принципата революцией, как Р. Сайм (Syme R. The Roman revolution), много обсуждался в отечественной и зарубежной историографии. См. напр.: Утченко С. Л. Становление Римской империи и проблема социальной революции // ВИ. 1964. № 7. С. 106–118; Heuss A. Theodor Mommsen und die revolutionäre Struktur des römischen Kaisertums // ANRW II. Bd. 1. S. 77–90. Heuss A. u.a. (eds.) La rivoluzione romana. Napoli, 1982 (в том числе тексты докладов: Heuss A. P. 1 ff., Wieacker F. P. 76 ff.; Brunt. P. 238 ff. etc); Yavetz Z. The personality of Augustus: reflections on Syme's Roman Revolution // Raaflaub K. A., Toher M. (Hgg.). Between... P. 21–41; Burnett A. The Augustan revolution seen from the mints of the provinces // JRS. Vol. 100. 2010. P. 1–30.

и «восстановления республики», выросшей из ситуации заключительной фазы гражданских войн. Серьёзное внимание к социальным, историческим корням Августова «республиканизма» является, безусловно, сильной стороной рассматриваемой интерпретации.

Виакер отметил «дуальную конструкцию» властей: «В Риме и Италии конкурирующие *imperia* или *potestates* республиканских магистратов и принцепса; в провинциях территориальное соседство империев принцепса в «императорских провинциях» и республиканских магистратов в «сенатских провинциях» (при возможности вмешательства принцепса уже при Августе)». То же раздвоение имело место в управлении финансами¹⁴². Но это не означало ни «смешанного правления», ни «диархии» (в духе европейского конституционализма XIX в.). «Лишь потому, что принципат всем этим не был, в дальнейшем традиционные формальные полномочия могли без принципиальных дополнений в *lex de imperio* развиваться в унитарную имперскую монархию...». Такие тенденции были заложены в принципате с самого начала¹⁴³. Это была «монархическая власть за пределами территории города» [очень важное, хотя и вскользь упомянутое ограничение — ЯМ], без употребления слов «царь» или «диктатура»¹⁴⁴.

Вопрос о времени установления принципата, по мнению Виакера, решается в зависимости от наличия трёх критериев: установления принципата стали рассматриваться как обязательные самим властителем; режим был признан гражданами; новый порядок стал обязательным. Автор указывает, что условия были созданы тогда, когда, во-первых, в результате гражданских войн 40-х — 30-х годов все слои населения были истощены и осознали крайнюю необходимость в стабилизации, и во-вторых, когда пришли поколения, не знавшие свободного государства. С этого времени Августов принципат может быть описан и интерпретирован как «правовой строй». Такое состояние было, по мнению Виакера, достигнуто, начиная с 23 г. до н.э.¹⁴⁵.

Принципат был новым государственным устройством, а не «возвращением» или «реставрацией» (как у Суллы) свободного государства. Ясно выраженное Августом восстановление «республики» нельзя, упрощая, принимать за обманчивую видимость. «Правовое положение принцепса (не исключительная харизма, которую он называл *auctoritas*) покоилось исключительно на совокупности в отдельности отвечающих конституции ординарных или экстраординарных полномочий старой *rei publicae*»¹⁴⁶. В то

¹⁴² Wieacker F. Zur Verfassungsstruktur... S. 644.

¹⁴³ Ibid. S. 645.

¹⁴⁴ Ibid. S. 647.

¹⁴⁵ Ibid. S. 648.

¹⁴⁶ Ibid.

же время Виакер настаивает на том, что принципат был единовластием. Решения по важным вопросам были в руках у принцепса. Присутствие ряда старых властных или контролирующих органов он сравнивает с «мумией свободного государства», сохранение которой было жизненно необходимо для нового порядка. Это было единовластие под названием принципат. Монархия — не совсем подходящее название, поскольку власть не передавалась по наследству, а главное — не соответствовала менталитету римлян, как и собственным убеждениям Августа. *Princeps* восходило к республиканским предшественникам.

Для пояснения своих мыслей Виакер подыскивает исторические аналогии. Положение Августа он склонен сравнивать скорее с «властью лучшего», как у Кимона или Перикла, чем с таковой тиранов Писистрата или Дионисия Старшего из Сиракуз¹⁴⁷. По мнению Виакера, социальной основой власти Августа была его личная (не основанная на должностях) харизма, опирающаяся в свою очередь на его *auctoritas*. Этому соответствовали новые имена — *Augustus* и *pater patriae*, связанные с идеями *defensio* и *cura civium*. И всё же с точки зрения государственного права это лишь условия, но не обозначения конституционного положения принцепса¹⁴⁸. В частности, *auctoritas* (как и слово *princeps*), хотя и встречается в *lex de imperio*, при Августе ещё не имела правового значения. «В отличие от этого, такие полномочия свободного государства, как консульский *imperium* и *imperium proconsulare*, в сочетании с *tribunicia potestas*, вместе с *ius agendi cum patribus*, *cura morum* и *lectio senatus*, — хотя искаженные привязкой к одному лицу, — были ясно очерченными правовыми установлениями свободного государства, интегрированными в новый строй»¹⁴⁹.

Приходится констатировать, что сделав многие важные наблюдения и высказав ценные мысли, касающиеся различных аспектов принципата, Ф. Виакер тоже оказался не в состоянии предложить цельной непротиворечивой концепции нового государственного строя, учрежденного Августом. В заключение он отмечает, что такой сложный феномен, как принципат, поддаётся только совместному изучению историками конституционного права, антиковедами и политологами¹⁵⁰.

Существенную роль «республиканских» элементов признают и многие другие исследователи, предлагая свои гипотезы и объяснения. Своеобразным развитием моммзеновской концепции «диархии» явилась трактовка

¹⁴⁷ Ibid. S. 649. В отличие от Э. Д. Фролова, см. выше, с примеч. 93.

¹⁴⁸ Ibid. S. 649 f. Автор полемизирует с П. де Франчиши, В. Кункелем, А. Маделеном, А. Премерштайном, В. Вебером и другим учёными.

¹⁴⁹ Ibid. S. 650.

¹⁵⁰ Ibid.

принципата Августа как «смешанной конституции» Франческо де Мартино¹⁵¹. Значение этой модели государства в интерпретации Цицерона как прообраза Августова принципата отметил Ю. Г. Чернышов. Он также высказал предположение, что во многом благодаря влиянию Цицероновой теории «принципат в своем идеальном выражении символизировал собой не установление единовластия, а лишь как бы продолжение Республики»¹⁵². Один из самых авторитетных исследователей государственно-правовых аспектов принципата, А. Джоунз, заметил, что уже само по себе несомненное внимание Августа к «фасаду республиканской легитимности» свидетельствует о существовании «некоего значимого элемента в государстве». По Джоунзу, это «большой италийский средний класс», для которого были чрезвычайно важны конституционные моменты¹⁵³. М. Хэммонд считал, что Август искренно хотел восстановить республику и его практические шаги были направлены на достижение этой цели¹⁵⁴.

Сегодня все меньше специалистов по истории Римской империи сомневаются в наличии «республиканских» элементов в «принципате». Ф. Урле пишет о важности преемственности с Республикой особенно для сенатской аристократии. Он отмечает, что хотя режим «был по существу монархическим, положение принцепса могло быть приемлемым лишь настолько, насколько оно вписывалось в рамки традиционных городских учреждений». Представляя новое государство как *res publica restituta* или *conservata*, Октавиан не намеревался «возрождать Республику как политическую систему». Он имел в виду возврат «к традиционным установлениям, отмененным при триумвирате, а также создание видимости нормальной конституции, вызывающей доверие»¹⁵⁵. К сожалению, в ука-

¹⁵¹ De Martino F. Una rivoluzione mancata? // Labeo. T. 26. 1980. P. 98; cf.: De Martino F. Storia della costituzione Romana. Napoli, 1958–1975. Vol. IV, 1 (epoca del principato) 1974².

¹⁵² Чернышов Ю. Г. Теория смешанной конституции у Цицерона и система принципата // Древнее право — Ius antiquum. М., 1996. № 1. С. 95–101, цит. с. 100. В этом выпуске помещен также доклад А. В. Коптева: Princeps et dominus: к вопросу об эволюции принципата в начале позднеантичной эпохи (с. 182–190). В нем отмечено двойственное положение главы государства: «В качестве принцепса он был лидером, вождем гражданского коллектива. В качестве императора он выступал правителем всего населения империи» (с. 183). Эти тезисы (континуитет, смешанная конституция и двойная природа главы государства), по отдельности встречающиеся также в других работах, представляются нам важными, требующими обоснования и системного применения.

¹⁵³ Jones A. H. M. Studies in Roman government and law. N.Y. etc., 1968². P. 3–4. Заметим, что позиция италийского «среднего класса» землевладельцев определялась среди прочих факторов его связью с античным общинным укладом — т.е., с *civitas* и её *res publica*.

¹⁵⁴ Hammond M. The Augustan principate in theory and practice during the Julio-Claudian period. Cambr., MA etc., 1968²; id. The sincerity of Augustus // HSCPh. 1965. Vol. LXIX. P. 139–162.

¹⁵⁵ Jacques F., Scheid J. Die Struktur des Reiches. P. 54: «Принципат можно определить как реставрацию традиционных республиканских институтов, связанных с возвышающейся над ними фигурой “принцепса”». Важнейшие книги Ф. Урле, относящиеся к рассматриваемой теме: Hurllet F. Les collègues du prince sous Auguste et Tibère: de la légalité républicaine à la légitimité dynastique. Rome, 1997; Hurllet F. Le proconsul et le prince d'Augustus a Diocletien. Bordeaux, 2006. P. 184–201; 223–301; Hurllet F. Auguste:

занных, как и во многих других работах, авторы принимают во внимание в основном государственно-правовой аспект идеологии и политики «восстановления республики». На самом деле речь должна идти не столько об отдельных институтах, сколько о фундаментальных принципах античной гражданской общины.

Безусловную значимость республиканских элементов отмечает А.Б. Егоров¹⁵⁶. Он говорит о дуализме, который был имманентно присущ структуре принципата и постепенно преодолевался. По мнению автора, «принципат Августа явился переломным этапом борьбы территориальной монархии и полисно-республиканской системы. Монархия победила, но не полностью. Результатом стал компромисс: сочетание традиции и новации как в отношениях между монархической властью и республиканскими органами, так и в отношениях между центром и периферией»¹⁵⁷. На наш взгляд, следует подчеркнуть, что определяющим было структурное различие между римской гражданской общиной и территориальной державой, которой стала со временем Римская империя (при том, что в ее состав вошли сотни городских и сельских общин).

Развёрнутую характеристику основанного Августом государственного строя можно найти в обобщающей статье А. Л. Смышляева¹⁵⁸. Не

les ambiguïtés du pouvoir. P., 2015. Ф. Урле (вместе с Б. Минео) участвовал в организации colloquium, см.: Hurllet F., Mineo B. (sous la direction de). Le principat d'Auguste. Realites et representations du pouvoir. Autour de la res publica restituta. Actes du colloque de l'Université de Nantes, ler-2 juin 2007. Rennes 2009. Кроме того, перу ученого принадлежат историографические статьи (см. выше, раздел II.1 примеч. 2 и библиографию). В тексте процитирован краткий обзор: Hurllet F. Augustus. Life and carrée // Gagarin, Michael (ed.). The Oxford encyclopedia of ancient Greece and Rome. Vol. 1. Oxf. 2010. P. 332–344, цит. с. 332, 335 сл.

¹⁵⁶ Представляется, у А. Б. Егорова имеется некоторая непоследовательность в трактовке термина *res publica*. В одной из недавних статей сначала утверждается, что «в понимании римлян он /термин/ означал не республиканский строй или коллегиальное управление, а государство вообще, альтернативой которому является положение *nulla res publica*, т.е. отсутствие государства как такового». Далее следует утверждение, что «выходя за пределы нашего понимания республиканского строя, *res publica* не доходит до общего понятия «государство». Цицерон якобы обязательно связывает государство с властью народа (Cic. rep. I, 36, 42) и *libertas*, а следовательно, и с республиканским Римом...». Чуть далее говорится, что «римская республика является одной из древнейших в истории форм республиканского строя...». См.: Егоров А. Б. Античная демократия и римская политическая система (античные и современные политические теории) // Вестник СПбГУ, серия 2. вып. 4. 2009. С. 34–47, здесь с. 35 сл. Сравн. далее, разделы IV.4 сл., X.1.

¹⁵⁷ Егоров А. Б. Рим на грани эпох: Проблемы зарождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 129, сравн. с. 218 слл. Эта точка зрения получила развитие в последующих работах А.Б. Егорова, в т.ч.: Проблемы титулатуры римских принцевов // ВДИ. 1989. №2. С. 161–172; Добродетели щита Августа // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 280–294 и др. Для нашей темы важны также недавние работы А. Б. Егорова, посвященные теории смешанной конституции у Полибия, см. раздел III.1 с примеч. 59 и др.

¹⁵⁸ Смышляев А. Л. Характер принципата (цит. по публикации на сайте: ancientrome.ru; 11.03.2013. Нумерация страниц отсутствует). Ряд статей этого автора важен также для понимания системы провинциального управления в эпоху Ранней Империи. Она опиралась на городские гражданские общины. См.: Смышляев А. Л. *Civilis dominatio*: римский наместник в провинциальном городе // ВДИ. 1997 № 3; его же. Римский наместник как магистрат (к вопросу об особенностях римской государственности в эпоху Ранней Империи) // Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). М, 1998.

отказываясь от некоторых элементов «теории фасада», автор приходит в итоге к признанию важной роли «республиканского элемента». Вначале говорится о необходимости придать единовластие «хотя бы видимость законности». Далее автор продолжает эту мысль: «Итак, власть Августа и его преемников внешне выглядела как республиканская: формально она была выборной, срочной, а нередко и коллегиальной, и рассматривалась как своеобразная чрезвычайная магистратура. Вместе с тем, при всем своем республиканском антураже, эта бессрочная, никому не подотчетная и фактически неограниченная власть противоречила коренным принципам республиканского правления»¹⁵⁹. Последнее положение, которое является данью теории «фасада», не может быть принято по ряду причин. Даже если согласиться, что власть Августа была ограничена лишь формально, то на практике несоблюдение таких «формальностей» рассматривалось как нарушение неписаной конституции. Утверждение о «коренных принципах республиканского правления» требует пояснения: имеются в виду современные политологические доктрины или римский принцип *res publica*.

А. Л. Смышляев отмечает: «большинство римлян считали правление Цезаря тираническим, а Августа — законным и благотворительным». И далее, подводя итоги рассмотрению свидетельств об Августовом правлении: «Таким образом, в державе, которая предстает перед нами в изображении жителей римских провинций эпохи Принципата, всё, кроме ее правителя, полностью соответствует римским представлениям о правильном государстве (республике). И даже если это изображение является идеализацией, характерно, что полисный идеал государства сохраняется в эту эпоху». В заключение автор проводит мысль о взаимодействии и взаимосвязи монархической и «республиканской» составляющих принципата: «принцепс и римская гражданская община находились друг с другом в отношениях не столько власти и подчинения, сколько — взаимозависимости»¹⁶⁰.

Остается неясным, почему правитель не соответствовал представлениям о «правильном государстве (республике)», если режим Августа считался законным и благотворительным. В какой взаимозависимости находились принцепс и римская гражданская община? На наш взгляд, для ответа здесь

С. 282–295; его же. Римский наместник в провинциальном городе: *otium post negotium* // ВДИ. 1999. № 4. С. 59–70 и др. Сравн.: Haensch R. *Capita provinciarum. Statthalterssitze und Provinzialverwaltung in der römischen Kaiserzeit*. Mainz, 1997; Haensch, Rudolf (hg.). *Herrschen und Verwalten: der Alltag der römischen Administration in der hohen Kaiserzeit*. Köln, 2007.

¹⁵⁹ Смышляев А. Л. Характер принципата. Сравн. в более ранней работе: «...Дион закамуфлировал истинную суть своей идеальной монархии столь же мастерски, как Август — суть принципата» (его же. «Речь Мecenата» (Dio Cass. LII. 14–40): проблемы интерпретации // ВДИ. 1990. N 1. С. 54–66, здесь цит. с. 65). См.: его же. Римская императорская власть эпохи принципата... С. 69 слл.

¹⁶⁰ Смышляев А. Л. Характер принципата.

необходима более универсальная, чем мы пока располагаем, концепция учрежденного Августом государства. Она должна учитывать различные принципы функционирования центральной власти в центре и на периферии Римской державы. Результаты исследования полисных основ и механизмов провинциального управления следует соотнести с общинными (*civitas*) и имперскими элементами в центре державы. Это особенно важно при рассмотрении времени Августа, когда процесс интеграции в космополитическую Империю только начался.

Концептуально из общего ряда исследований выделяется монография Гельмута Кастрициуса под характерным заглавием «Римский принципат как республика»¹⁶¹. Уже название указывает на несогласие с чисто монархической трактовкой принципата в духе теории «фасада». Кастрициус понимает “*res publica restituta*” буквально. В то же время он подчеркивает, что это не республика в современном понимании, как и не государство вообще. Автор сравнивает *res publica restituta* не с до-Гракховской Римской республикой, а с практикой, существовавшей в ее последние десятилетия.

Августова *res publica restituta* была провозглашена в январе 27 г. до н.э., при этом полномочия принцепса были ограничены. Другие конституционные установления дали возможность реализовать эту формулу на практике, а законодательные меры 18 г. до н.э. завершили процесс восстановления «республики». С этого момента принцепс Август, как правило, имел равноправного партнёра по трибунской власти и военному командованию. «Более современно» Кастрициус пояснял ситуацию так: «Действовавшие консулы были президентами в *res publica Romana*, принцепс и его коллега лишь тогда обладали этой властью, когда сами были консулами». Сообщение Кассия Диона (LIV.10.5) о том, что с 19 г. до н.э. Август пожизненно обладал *imperium consulare*, следует понимать лишь как присвоение почетных отличий, в том числе — право иметь 12 ликторов и сидеть при официальных мероприятиях между двумя консулами¹⁶².

Характерными чертами «восстановленной республики» являлись порядок и законность, это была Цицеронова *res populi*. Август восстановил избирательные и законодательные функции народных собраний, выбор по жребию проконсулов, непосредственное управление (части) провинций сенатом, а также принципы сменяемости и коллегиальности магистратов. Даже полномочия самого Августа должны были регулярно возобновляться. Общепринятый термин «принципат» не носил конституционного характе-

¹⁶¹ Castritius H. Der römische Prinzipat als Republik. Husum, 1982; cf.: id. Das römische Kaisertum als Struktur und Prozeß // HZ. Bd. 230. 1980. S. 89–103. Далее цитируется первая из работ.

¹⁶² Castritius H. Der römische Prinzipat... S. 51 f. (об урегулировании 19 г.).

ра. В действительности принцепс был «обладателем совокупности должностных полномочий и дополняющих их прав и компетенций, которые ему по примеру Августа предоставлял сенат и перенесение которых ратифицировали комиции»¹⁶³. Этот строй существовал примерно до середины II века.

Кастрициус указывал на важную роль права в регулировании общественной жизни римлян. Расходясь с Моммзеном, который говорил о революционном характере Августова принципата, Кастрициус настаивает на конституционном континууме принципата с Поздней республикой¹⁶⁴. Возражая Бляйкену, утверждавшему, что «из расширения должностных прав республиканских магистратов возникло императорское право»¹⁶⁵, автор отмечает, что все эти изменения имели место уже в последние десятилетия Республики, и отмечает наличие временных ограничений магистратских полномочий Августа. Властные полномочия не являлись единственным фактором, определявшим сущность государства. Большую роль играли законы и обычаи, а также лежавшие в их основе представления и убеждения людей. Главным признаком, характеризующим государство, подчеркнул Кастрициус, является суверенитет. «Для нашего понимания принципата как республики решающим было сохранение суверенных прав Римским народом как источника и основы легитимации любого использования власти». Если это было так во времена Цицерона (следует цитата из Cic. leg. agr. II.17), «...то это не менее верно для так называемого времени принципата»¹⁶⁶.

Г. Кастрициус обратил внимание на некоторые важные черты режима, которые недооценивают сторонники «монархической» трактовки. Автор продемонстрировал, что институты и установления Поздней Республики продолжали существовать и функционировать в течение I века н.э.¹⁶⁷, лишь постепенно утрачивая своё значение. Кастрициус настаивал на том, что с государственно-правовой точки зрения не было разрыва между Поздней Республикой и «так называемым принципатом».

Конечно, суверенитет, который Кастрициус справедливо берёт как основной критерий для суждения о государственном строе, проявлялся не только в юридических процедурах и представлениях, но также в реальных властных

¹⁶³ Ibid. S. 9 f.

¹⁶⁴ Ibid. S. 110, cf.: Heuß A. Der Caesarismus und sein antikes Urbild // Boockmann H. (Hg.). Geschichte und Gegenwart. Festschrift für K. D. Erdmann. Neumünster, 1980. S. 13–40. S. 22 f.; ders. Theodor Mommsen und die revolutionäre Struktur des römischen Kaisertums. S. 77–90.

¹⁶⁵ Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte des Römischen Kaiserreiches. Bd.1. S. 34 f. Й. Бляйкен говорит о расширении, продлении и кумуляции отдельных республиканских по происхождению полномочий. По его мнению, эти количественные изменения в совокупности создавали новое качество.

¹⁶⁶ Castritius H. Der römische Prinzipat... S. 111. Автор считает, что постепенные изменения нашли завершение в конце правления Адриана, когда завершилось оформление *dignatio Caesaris* и закрепился порядок престолонаследия.

¹⁶⁷ Даже до времени Адриана, см.: ibid. S. 108 сл.

отношениях. Огромное влияние принцепса и императора прямо и косвенно ограничивало права сената и народных собраний. Это было фактическим перераспределением суверенитета, чего Кастрициус и не оспаривает. Его позицию не следует упрощать, и на этом основании игнорировать. Исследователь вынес за скобки своего рассмотрения как внеправовые основы власти императоров, так и вопрос о распределении власти в целом. За рамками работы остались также провинции. Заслуга Г. Кастрициуса состоит в том, что он вновь заострил внимание на проблеме: «принципат как республика», — вовсе не настаивая на том, что Ранняя Империя была только республикой, тем более, — республикой в современном смысле этого слова.

Вопрос о характере сосуществования и взаимодействия «республики» и «монархии» в единой государственной системе ждёт достаточно убедительного решения. Это подтверждают также новые исследования. Важную роль народных собраний в конституционной системе Римской империи показала Ангела Пабст. Как представитель суверена — Римского народа, собрание, позднее представленное армией, было инстанцией, утверждавшей императора (*comitia imperii*)¹⁶⁸. Автор приходит к очень важному выводу (очень близкому нашим наблюдениям), что «императорская власть» (*Kaisertum*) содержала два аспекта: имперский компонент и компонент принципата...». Первый из них обозначает «цезаря» (*Kaisar*) как обладателя *imperium*, а второй — человека (принцепса), который признается обществом как соответствующий этой роли. Вторая роль требует постоянного подтверждения и может быть оспорена конкурентами. Пабст справедливо отмечает, что большая часть разногласий проистекала из того, что исследователи считали необходимым для себя выбрать лишь один из компонентов¹⁶⁹.

В работе показано, что при постоянном усилении имперского начала компонент принципата (который мы предпочитаем называть «республиканским») не исчезает полностью вплоть до конца существования Империи. На наш взгляд, объясняя наличие обоих компонентов и указав в качестве одной из причин их происхождение, автор не уделил достаточного внимания их соотношению и взаимодействию, природе государственного дуализма Римской империи.

Интересную попытку объяснения двойственности принципата мы находим в статье Э. Уоллис-Хэдрилла с характерным названием «Принцепс-гражданин: между гражданином и царём»¹⁷⁰. По мнению автора,

¹⁶⁸ Pabst A. *Comitia imperii: ideelle Grundlagen des römischen Kaisertums*. Darmstadt, 1997.

¹⁶⁹ Ibid. S. 203 f. Сравн. (выше, примеч. 84 слл.) с концепцией «акцептирования» Э. Флайга (Flaig E. *Den Kaiser herausfordern*).

¹⁷⁰ Wallace-Hadrill A. *Civilis princeps: between citizen and king* // JRS. Vol. 72. 1982. P. 32–48. Буквально название можно перевести как «гражданственный принцепс». Впрочем, принцепс был гражданином по определению. См. также: МРМА. С. 108–110.

амбивалентность принципата выражала его глубинную сущность. «Республиканизм», проявлявшийся в символике и в поведении правителя, являлся «отличительным элементом римского монархического стиля»¹⁷¹. Он обуславливался континуитетом с республиканским прошлым, необходимостью опереться на гражданское население и восстановить социальную иерархию. Так осуществлялось «использование социальной структуры города-государства для организации и унификации столь разных народов империи»¹⁷². Последний тезис убедительно обоснован А. Л. Смышляевым применительно к стилю управления провинциального наместника¹⁷³.

Необходимо заметить, что эти принципиально важные наблюдения относятся в основном ко времени Антонинов. Тем более они подтверждают прочность полисных традиций. Все же не следует упускать из внимания серьезных различий между ситуацией в Риме с его «восстановленной республикой» и в провинциях. Разумеется, наместники стремились подражать поведению императора. Но в отличие от Августа, которому в столице было достаточно опереться на свою *auctoritas*, наместник пользовался в провинции почти неограниченными полномочиями (*imperium*). Сам Август, в отличие от Рима, в провинции не был «первым среди равных». В столице «гражданственное» поведение принцепса воспринималось как должное, как соблюдение верного тона в обращении с согражданами, особенно с сенаторами. В провинции это было скорее проявлением милосердия и великодушия, император почитался там как божество. Дистанция между статусами Рима и любого провинциального города была особенно значительной в правление Августа, когда процесс унификации империи только начинался.

На преемственности принципата Августа с республикой настаивает В. Эдер¹⁷⁴. Для него это — «связующее звено между республикой и империей». Автор справедливо подчеркнул значение «власти традиций», в частности, «республиканских», которые умело использовал Октавиан-Август для создания нового режима. Выделив пять основных периодов его

¹⁷¹ Wallace-Hadrill A. *Civilis princeps...* P. 41.

¹⁷² Ibid. P. 48.

¹⁷³ Ibid. P. 48; Смышляев А. Л. *Civilis dominatio*: римский наместник в провинциальном городе // ВДИ. 1997. № 3. С. 24–35; его же. Римский наместник как магистрат (к вопросу об особенностях римской государственности в эпоху ранней Империи) // Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). М., 1998. С. 282–295 и др.

¹⁷⁴ Eder W. *Augustus and the power of tradition: The Augustan principate as binding link between republic and empire* // Raaflaub K. A., Tocher M. (eds.). *Between...* P. 71–122, p. 84, 79–82.; id. *Augustus and the power of tradition* // Galinsky K. (ed.). *The Cambr. companion to the age of Augustus*. Cambr., 2005. P. 13–32. В. Эдер полемизирует с П. Цанкером, Кр. Майером и другими исследователями, склонными видеть здесь разрыв традиций.

развития, Эдер представил принципат Августа как процесс. Здесь имела место не разовая смена одной государственной формы другой, а процесс «сползания» к монархии. В связи с этим Эдер поставил, на наш взгляд, очень уместный вопрос о том, осознавали ли Август и его современники имевший место «качественный скачок». Действительно ли тогда было так просто различить, являлись они ещё согражданами принцепса или уже подданными Цезаря?¹⁷⁵

Роль республиканских традиций в оформлении императорской власти исследовал Ф. А. Михайловский. Его диссертация посвящена двум важнейшим полномочиям — империи и трибунской власти¹⁷⁶. Автор разделяет выводы нашей предыдущей работы о «республиканизме» как существенной составляющей принципата Августа¹⁷⁷. Империй «означал высшую повелевающую власть и традиционно связывал воедино все конституционное развитие Рима от его истоков при первых царях до принципата». «Он был выражением господства римлян над другими народами»¹⁷⁸. Дополнявшая империй трибунская власть применялась «как исключительно гражданская и республиканская по происхождению»¹⁷⁹. Михайловский приходит к выводу, что оба магистратских элемента власти «были ориентированы на республику». И далее: «Власть Августа была фактически неограниченной, но в государственно-правовом отношении он был лишь представителем республики, пользовавшимся магистратскими полномочиями для ее блага»¹⁸⁰. Михайловский не уточнил своего понимания «республиканизма». Он сознательно ограничил свое рассмотрение центром Империи, так что двойственная «республиканско-имперская» природа новой государственности осталась за рамками исследования.

Не так давно появились еще две работы, содержание которых не оставляет сомнений, по крайней мере, в существенной роли «республиканизма» в идеологии и политике государства времени Августа и всей эпохи Ранней Империи. К содержанию монографии С. Вилькинсона мы еще вернемся, в ней речь идет в основном о времени преемников Августа¹⁸¹. Популярный очерк (лекцию) А. В. Махлаюка можно рекомендовать всем, кто еще сомне-

¹⁷⁵ Сравн. обсуждение вопроса об идеологическом смысле мавзолея Августа в разделе VIII.3 и главу IX «Принципат Августа в восприятии современников».

¹⁷⁶ К сожалению, нам до последнего времени была недоступна книга Ф. А. Михайловского («Власть Октавиана-Августа». М., 2000). Последующие ссылки — на автореферат его докторской диссертации: Михайловский Ф. А. Становление принципата: республиканские традиции в оформлении императорской власти. М., 2000.

¹⁷⁷ Михайловский Ф. А. Становление... С. 15 сл., сравн.: МРМА.

¹⁷⁸ Там же. С. 45, 48.

¹⁷⁹ Там же. С. 46.

¹⁸⁰ Там же. С. 48.

¹⁸¹ Wilkinson S. Republicanism during the early Roman Empire. L., 2012. См. раздел IX.4 с примеч. 55.

вается в наличии существенных «республиканских» элементов в принципе¹⁸². Не пересказывая содержания, обратим внимание на некоторые бесспорные положения, но также и на те, которые указывают на необходимость дальнейшей концептуальной разработки темы.

Название очерка А. В. Махлаюка носит программный характер: «Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата». В кратком обзоре современной историографии автор отметил тенденцию к созданию многомерной картины принципата, для которой характерны отказ от формально-юридической трактовки и преобладание синтетического (или эклектического) подхода¹⁸³. Указывается на противоречивое единство «республиканско-полисных традиций» и «нивелирующих тенденций централизованной, монархически управляемой сверхдержавы»¹⁸⁴. Отмечается, что «сами римляне... вполне четко отличали принципат от царской власти... В то же время к середине I в. н.э. римляне достаточно хорошо понимали, что живут в государстве, существенно отличавшемся от прежней республики...»¹⁸⁵.

Существенная роль «республиканских» элементов принципата не подвергается Махлаюком сомнению. Юристы эпохи Империи рассматривали римское право как основанное на суверенитете Римского народа. «Этот суверенитет мыслился как перенесенный на императора, и потому законодательная власть императора считалась, по сути дела, делегированной»¹⁸⁶. «...Ее [власти императора — ЯМ] конечным источником в публично-правовом смысле был и оставался гражданский коллектив, представленный сенатом, комициями и войском из граждан (легионами и преторианской гвардией), которое провозглашало (аккламировало) претендента на престол императором»¹⁸⁷. Автор отказывается от устаревшего представления об империи как о «бюрократическом колоссе» и от оценки режима «как формы [государства — ЯМ], опирающейся на вооруженную силу диктатуры рабовладельческого класса»¹⁸⁸. Отмечено сохранение республиканских институ-

¹⁸² Махлаюк А. В. Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху Принципата // Античный полис. Курс лекций. Отв. ред. В. В. Деметьева, И. Е. Суриков. М., 2010. С. 176–226. В той же книге см. очерк В. В. Деметьевой «Римская *civitas* республиканской эпохи». С. 130–175.

¹⁸³ Махлаюк А. В. Цит. соч. С. 178 (здесь и далее в тексте цитируется указанное сочинение автора). Сравн.: МРМА. С. 61 слл., 90 слл. На наш взгляд, следует скорее говорить об отказе от абсолютизации легалистской трактовки, о необходимости ее сочетания с иными.

¹⁸⁴ Там же. С. 178.

¹⁸⁵ Там же. С. 189. В этом месте, как и во многих других, недостает пояснений, какое содержание автор вкладывает в слово «республика».

¹⁸⁶ Там же, со ссылкой на Ульпиана (I.4.1. pr.), Гая (inst. I.5) и *lex de imperio* (с. 190).

¹⁸⁷ Там же. С. 190. Сохранение суверенитета Римского народа в формально-юридическом смысле подчеркивается автором и в дальнейшем, напр. см. с. 209.

¹⁸⁸ Там же. С. 191.

тов, в частности, выборов магистратов, особенно роль преторов как судей. Категорически отвергаются обвинения Августа в демагогии¹⁸⁹.

А. В. Махлаук присоединяется к мнению исследователей, согласно которому «во времена Ранней Империи правительство (государство) не было резко отграничено от гражданского общества, но было в нем укоренено». В частности, автор ссылается на Е. М. Штаерман, отмечавшей, что «...существование стоящего над обществом государства не осознавалось даже во времена Империи, и поскольку единоличное правление не противоречило самому пониманию республики как «дела народа», самой идее *гражданственности* и свободе граждан, то заявления Августа о восстановлении свободной республики не были простой демагогией, но означали, что он покончил с господством «тиранов» и восстановил порядок и законность»¹⁹⁰. Характеризуя далее систему управления империей, автор отмечает, что она «строилась на общинно-республиканских порядках и нравах»¹⁹¹. Являясь властителями огромной державы, римские императоры «правили в контексте республики». Автор указывает на республиканский стиль их поведения в соответствии с идеалом *civilitas*¹⁹². «Принцепс как глава *Res publica* (так у автора — с заглавной) был одновременно и владыкой, и заложником ее институциональной системы... Иначе говоря, император мог осуществлять свою власть, только опираясь на республиканские институты...»¹⁹³. На наш взгляд, здесь было бы желательно дифференцировать характеристики, относящиеся к «принцепсам» и к «императорам». Ведь *imperium* был высшей властью применительно к армии и провинциям, а «республиканские институты» функционировали в рамках *civitas*.

Автор также указал на важнейшие неправовые источники власти, справедливо обратив внимание на роль армии как представительницы Римского народа. В целом, очерк учитывает современные представления о государственном устройстве Ранней Империи. Характерные черты римской государственности убедительно объясняются наличием общины граждан-собствен-

¹⁸⁹ Там же. С. 191 сл., 193, сравн. 219.

¹⁹⁰ Там же. С. 193. Аутентичных свидетельств о том, что Август заявлял о восстановлении «республики», нет, хотя вероятность таких высказываний высока. Сомнительно, что он провозглашал восстановление «свободной республики», — это был лозунг его врагов, цезареубийц (см. далее, раздел VII.2). В отношении «свободы граждан», следует иметь в виду расхождения в ее понимании различными группами населения. Слово *libertas* было еще и спустя десятилетия после смерти Августа острым оружием. Важно также отметить, что выражение *res publica restituta* означало не просто восстановление порядка и законности, а принципов существования гражданского коллектива, о которых упоминает и А. В. Махлаук (подробно см. далее, в разделе IV.4).

¹⁹¹ Там же. С. 195.

¹⁹² Там же. С. 200 слл. Выражение «правили в контексте республики» непонятно уже потому, что не сказано, о какой республике идет речь. Понятно, что речь идет о Риме. Но необходимо различать современное понятие «республика» и римское — *res publica* (см. раздел IV.4 сл.).

¹⁹³ Там же. С. 202. Следует полагать, автор имеет здесь в виду институты Римской республики («до Рубикона?»).

ников. «Римское гражданство как при Республике, так и при принципате... было в первую очередь совокупностью лиц, объединенных связями соучастия, едиными интересами и правопорядком... Поэтому и *res publica* как политическая форма *civitas* означала для римлян... скорее некий принцип, некую модель мира; она была не столько формой правления, сколько (и прежде всего) сферой совместного существования в рамках единого, правильно устроенного государственного организма. В этом смысле республика могла существовать даже при царской власти»¹⁹⁴. Последнее утверждение, взятое в отдельности, было бы бесспорно. Но как «политическая форма *civitas*» или как «форма правления» республика, конечно, исключает царскую власть. Это две разные формы правления, а понятия, употребленные в цитированном тексте, относятся к разным периодам римской истории¹⁹⁵. В преобразованиях основателя нового режима автор видит не реализацию заранее задуманного плана, а скорее результат реакций на текущую политическую конъюнктуру. Это плохо согласуется с отмеченным здесь же желанием Августа стать создателем наилучшего государственного устройства¹⁹⁶.

А. В. Махлаюк говорит об укреплении «автократической власти правителей Империи» посредством республиканских элементов¹⁹⁷ и констатирует «парадоксы» принципата, которые он, в частности, усматривает в таких определениях, как «республиканская монархия», «монархическая республика» или «конституционная монархия». «В самом деле, — констатирует автор, — по очень многим параметрам это было довольно-таки странное государство, которому очень сложно дать однозначное определение»¹⁹⁸. Но

¹⁹⁴ Ук. соч. С. 187, цитируются пассажи: Cic. *her.* I.39, cf. I.49; I.42. Здесь, на наш взгляд, А. В. Махлаюк наиболее близок к адекватному определению «республики». Можно было сказать и более определенно: *res publica* вовсе не означала форму правления, а прежде всего некий принцип, который также упоминает в другом месте автор очерка.

¹⁹⁵ Некоторые неточности в толковании важных категорий, возможно, обязаны тривиальным опечаткам. Тем не менее необходимо указать, по крайней мере, на важнейшие. В приведенной цитате «Республика» написано с заглавной буквы, в то время как «принципат» со строчной. По смыслу оба слова должны были бы означать период римской истории и тогда начинаться с заглавной (?). Но тогда следовало писать «в период Республики» или, если автор имел в виду форму государства, то — со строчной и с пояснениями, поскольку это не была республика в современном понимании этого слова. Следующие замечания имеют целью еще раз пояснить свой подход к рассматриваемой тематике. На наш взгляд некорректны: противопоставление города и монархии (с. 182), отождествление *res publica* с «государством» (с. 184). Двусмысленно выглядит фраза о том, что «...принцепс, не занимая никакой должности, но считаясь первым гражданином, обладал высшим империем...» (с. 198). Как известно, положение принцепса было связано с *auctoritas*, а не с *imperium*. *Auctoritas*, в отличие от *imperium* и *potestas*, некорректно называть властью, сам Август ее таковой не считал (сравн. с. 204 и сл.).

¹⁹⁶ Махлаюк А. В. Полисно-республиканские структуры... С. 215 сл.

¹⁹⁷ Там же. С. 217 сл.

¹⁹⁸ Там же. С. 181. Как мы уже видели, в этом своем затруднении автор далеко не одинок. «Парадокс» — весьма часто встречающаяся у ряда авторов характеристика режима, установленного Августом. Один из последних примеров: Alston R. *Rome's revolution. Death of the republic & birth of the empire.* Oxf.; N.Y., 2015. Первый параграф так и называется: «Проблема историка: Августов парадокс». С. 113; парадокс остается таковым и в середине книги, упоминаясь, например, в главе 14 «Августова республика»

в очерке отсутствует даже пусть сложное (но ясное) объяснение. Мало что поясняет формула: «компромисс» между республиканскими и монархическими элементами¹⁹⁹. Автор говорит о «структурах принципата», которые обеспечивали «юридический и административный инструментарий для управления державой». По его мнению, полисно-республиканские представления, традиции и институты служили для легитимизации императорской власти. Отсюда вытекает, что «...римский имперский «монархизм» складывался на совершенно иной основе, нежели эллинистический и тем более древневосточный». В то же время автор замечает, что наличие изображений как римских императоров, так и эллинистических царей на монетах свидетельствует об общности традиций единовластия сильнее, чем наличие и отсутствие диадем — против нее²⁰⁰.

Имперское управление объективно складывалось и сознательно организовывалось при опоре на римско-италийское гражданство и его легионы. Не менее существенно, что подходы центральной власти к «восстановленной республике» и к провинциям принципиально различались. В отличие от «реставрационной» политики по отношению к Риму и Италии, для управления «империей Римского народа» совершенствовались структуры, сложившиеся для эксплуатации «союзников» еще в эпоху Республики. Они комплектовались легатами, прокураторами, «друзьями» Августа, а также его вольноотпущенниками и рабами. Важным фактором был союз императора с местной знатью. Ограниченное самоуправление провинций и автономия городов обеспечивали достаточный уровень эффективности управления «империей без бюрократии». Учитывался опыт эллинистических монархий. Август и многие его преемники стремились проводить более последовательную провинциальную политику с учетом долговременной перспективы. Наказывались отдельные раскрытые злоупотребления. В целом, в сравнении с эпохой Республики и временем гражданских войн, баланс изменений был положительным (сравн. разделы X.6 сл.).

В рассмотренных работах приведено достаточно фактов и объяснений, которые неопровержимо доказывают: «республиканские» институты и традиции были существенными составляющими новой социальной и государственной системы. Это должно стать исходным пунктом для дальнейших изысканий. Вместо фактического игнорирования «республиканских» элементов как внешнего антуража и даже сознательного обмана, обозначенный подход стимулирует усилия, направленные на выяснение сущно-

(с. 237–256, с. 240), то же на заключительных страницах (напр., с. 333: «Если Августова республика всегда была парадоксом, это был полезный парадокс, который поддерживал режим»). В заключение читатель расстается с книгой, но не с окрепшим ощущением «парадоксальности».

¹⁹⁹ Там же. С. 215 сл., 217.

²⁰⁰ Там же. С. 219.

сти «восстановленной республики» и ее места в формировавшейся Римской империи.

В то же время отмеченные трудности говорят о том, что существует настоятельная необходимость дальнейшей разработки общей концепции государственности Ранней Империи.

II.5. Лабиринты «восстановленной республики»

Изучение историографии показывает, что различные, даже противоположные выводы, при устоявшейся в целом источниковой базе, в основном обязаны методологическим разночтениям. При этом некоторые, казалось бы, общеизвестные истины вызывают трудности, когда их требуется применить к решению конкретных вопросов. Подтверждением тому, что проблема не исчерпана, являются еще две новые публикации. Авторы знакомы с новейшей литературой вопроса, но тем не менее оказываются в затруднении, когда приходится привести в систему уже установленные факты. Одна из работ — опубликованная диссертация, другая — введение в тему, принадлежащее перу известного учёного. Работают они на противоположных сторонах земного шара. Анализ содержащихся в работах трактовок (и ошибок) представляется дополнительной возможностью найти слабые места используемых концепций, а возможно, — и обнаружить выход из запутанных методологических лабиринтов.

Книга А. Н. Токарева — исследование идеологии принципата Августа²⁰¹. Автор уделит внимание вопросу о «восстановленной республике», сделав ряд важных наблюдений. Его подход к толкованию понятий *res publica* и *res publica restituta* показывает, какие (методо)логические ловушки подстерегают здесь исследователя. Первый параграф второй главы называется: «Лозунг *res publica restituta* и «восстановление» Августом государства» (с. 127–145). Уже в заголовке сформулирована концепция — под указанным лозунгом Токарев понимает восстановление государства как такового²⁰². Но римское *res publica* не тождественно не только нашему «республика», но и современному понятию «государство»²⁰³. Согласно Цицерону, *res publica*

²⁰¹ Токарев А. Н. Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков, 2011. Далее в тексте цитируется данная работа. Вопрос по поводу заглавия: а была ли еще и «неофициальная» идеология принципата Августа?

²⁰² Остается непонятным, как это согласуется с отрицанием существования этого лозунга вообще, см. далее.

²⁰³ Специфика античной гражданской общины заставляет многих исследователей сомневаться в правомочности ее определения как «государства», но эта проблема выходит за рамки данного рассмотрения. См.: Штаерман Е. М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. № 2. С. 76–94; ее же. К итогам дискуссии о римском государстве // ВДИ 1990. № 3. С. 68–75. (В скобках заметим, что, по мнению Е. М. Штаерман, процесс становления Римского государства был завершен только при Августе, см.: ВДИ. 1989. № 2. С. 91). В числе участников обсуждения были Ю. В. Андреев, О. Г. Большаков, В. И. Кузищин,

была *res populi*. Иными словами, на такое определение могла претендовать лишь такая политическая организация общества, которая служила интересам граждан (удовлетворяя ещё целому ряду условий). Данный принцип обеспечивало должным образом устроенное государство. Это понимание «республики» должно быть отправным пунктом и ориентиром для суждений об Августовой *res publica restituta*²⁰⁴. В противном случае за неверными посылами следуют ложные выводы.

Исключив из рассмотрения ряд пассажей с выражением *res publica restituta* как недостоверные, а оставшиеся толкуя как «восстановленное государство» (какое?), Токарев продолжает: «На первый взгляд, такие выводы подтверждают мнение Ф. Миллара о том, что лозунг *res publica restituta* вообще не существовал. Однако эта точка зрения справедлива лишь в том случае, если выражение *res publica restituta* употребляется в значении «восстановленная Республика». Но если под ним понимать «восстановленное государство», то ситуация меняется»²⁰⁵. Непонятно, как может появляться или исчезать лозунг или просто выражение двухтысячелетней давности в зависимости от его понимания кем бы то ни было, будь это даже кэмденский профессор²⁰⁶.

Признав все-таки, что использование по крайней мере в двух случаях (Liv. III.20 и “Laudatio Turiae”) «документально подтверждает существование этого лозунга в эпоху Августа», Токарев пытается лишить этот тезис

И. Л. Маяк, К. Николе, А. Л. Смышляев (о государственности Ранней Империи), Н. Н. Трухина, В. А. Якобсон (там же, 1989. № 3–4). Дискуссия, в сущности, продолжается, см. напр.: Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000; Дементьева В. В. «Римская конституция»: проблема правовой и исторической корректности понятия // Forum Romanum. Доклады III международной конференции «Римское частное публичное право...» / Отв. ред. В. В. Дементьева. Ярославль-Москва, 2003. С. 18–26, здесь с. 24 сл.; Медведев А. П. Был ли греческий полис государством? // Античный мир и археология. Вып. 12. Саратов, 2006. С. 17–32 (с указаниями на литературу) и др. О *res publica* и римском государстве см. далее, раздел IV.4 с примеч. 57 сл. Свое представление о системе римской государственности времени Августа мы пытаемся сформулировать в главе X.

²⁰⁴ Отождествление *res publica* с «государством как таковым» некорректно во многих отношениях. Путаница ведет к неадекватному пониманию ряда явлений римской истории, в том числе политики «восстановления республики». Это заставляет нас подробно останавливаться на работах А. Н. Токарева и К. Галинского. Разбор ошибок должен послужить разъяснению наших позиций в этом совсем непростом вопросе. В дальнейшем той же цели служат комментарии к, казалось бы, хорошо известным рассуждениям Цицерона в трактате “De re publica” (в первую очередь в разделах IV.4 сл.).

²⁰⁵ Токарев А. Н. Становление... С. 134–135.

²⁰⁶ Ф. Миллар был кэмденским профессором с 1984 по 2002 гг. Свою позицию А. Н. Токарев разъясняет в следующем абзаце: «Абсолютно для всех сторонников «интегральной концепции» и «теории республиканизма Августа» само собой подразумевается, что лозунг *res publica restituta* в таком же виде заимствован из политического словаря *optimates*» (с. 135). Категорический тон автора (здесь, как и в других пассажах) не может заменить аргументации. Меня автор, кажется, причисляет по крайней мере к одной из названных здесь категорий. Должен заметить: с моей точки зрения, понимание *rei publicae restitutae* Октавианом-Августом никак не могло совпадать с трактовкой оптиматов и их идейных наследников — цезареубийц (см. главу III, раздел VII.2). Поскольку здесь нет места для подробного ответа на критику Токарева, отмечу, что обвинения в смещении «республиканизма» и «традиционализма» (напр., с. 118–126) бьют мимо цели: представления о *res publica* как *res populi* были неотъемлемой частью традиционных взглядов и системы жизненных ценностей.

политического содержания. Он утверждает, что *res publica restituta* следует интерпретировать на более широком фоне использования понятия *restitutio*, связанного не только с «восстановлением государства», но и с пропагандистскими заявлениями о «восстановлении» всех сфер римского общества». Далее автор приводит самые различные свидетельства источников о «восстановлении» обычаев, законов, институтов, пишет, что лозунг *restitutio* пользовался значительной популярностью²⁰⁷. Он, в частности, указывает на огромное число надгробных памятников с именем *Restitutus* (*Restituta*), которое римляне стали давать своим детям, начиная с эпохи раннего Принципата²⁰⁸. Приводятся также другие примеры, говорящие (вопреки концепции автора) в пользу как серьёзных намерений Августа, так и действенности его шагов²⁰⁹.

Выкладки самого А.Н. Токарева показывают, что не только лозунг, но и политика *rei publicae restituae* имели место в действительности. Тем не менее, из материала, который даже не требует комментариев, делаются неожиданные выводы: «Итак, подведем итог нашему разбору. Широко распространенная и глубоко укоренившаяся точка зрения о «восстановлении» Республики Августом в 27 г. до н.э. (всё равно, настоящем или мнимом [так у автора — ЯМ]), на наш взгляд, является неверной...»²¹⁰. Если бы Токарев говорил здесь о восстановлении Римской республики до Рубикона, то с ним оставалось бы только согласиться. Та Республика восстановлению не подлежала, что в современной литературе сомнению не подвергается. Но этой ясности мы в рассматриваемой книге не находим. Вместо этого, будучи все же вынужденным признать факт использования Августом лозунга *res publica restituta*, автор продолжает: «...*res publica* не было заимствованием из политического словаря *optimates*., а скорее соответствовала значению «общее дело», которое вкладывали в понятие *res publica* популяры»²¹¹. «...Служившее оправданием незаконного захвата власти Октавианом», выражение «не

²⁰⁷ Токарев А. Н. Становление... С. 135, 140.

²⁰⁸ Указанные примеры: CIL. II, N. 145, 367, 3659, 4118, 5968; III, N. 3643, 4731; V, N. 1270, 2126, 4270, 4860; VI, N. 23054; IX, N. 2711; AE. 1987, N. 1080; 1989, N. 26. См.: Токарев А. Н. Становление... С. 140.

²⁰⁹ Включая известный декрет Светония о намерении Октавиана-Августа основать не просто «республику», но «наилучшее государственное устройство» — Suet. Aug. 28. Этот документ специально рассматривается нами в разделе V.2.

²¹⁰ Токарев А. Н. Становление... С. 145.

²¹¹ Там же. В одной из своих статей, посвященной употреблению *res publica* в переписке Цицерона, Токарев пришел к противоположному выводу: Таким образом, понятие *res publica* как политический лозунг *optimates* (*res publica omnium bonorum*) означало в мирное время государственный строй, при котором *optimates* занимали господствующее положение в государстве. Во время гражданских неурядиц это понятие означало защиту «дела оптиматов», то есть, борьбу за старый государственный строй, восстановление прежнего положения *optimates* в государстве. Именно эту идею и выражал лозунг *Res publica restituta* (Токарев А. Н. *Res publica* в идеологии «оптиматов» // Laurea. К 80-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева. Харьков, 2007. С. 108. Цит. по: ancientrome.ru; 11.04.13).

имеет никакого отношения к «восстановлению Республики»²¹². Начиная с 20-х гг. до н.э., утверждает Токарев, выражение *res publica* трактовалось как «государство» или «государственные дела»²¹³.

Следует заметить: все группировки и «партии» Поздней республики пытались использовать лозунг *res publica* как «общее дело». Но для формирования Августовой идеологии он был важен не как «партийный» (как *libera res publica* для заговорщиков в 44 г. до н.э.), а в качестве основного ценностного понятия римской гражданской общины. Далее, выражение *res publica* действительно утрачивало со временем оттенки значений, которые были характерны для *civitas*. Но относить решительные перемены к первому десятилетию принципата было бы слишком рано. На наш взгляд (он обоснован в ходе дальнейшего исследования), «восстановление республики» было задумано и начало проводиться в русле менталитета, черты которого наиболее ясно выражены и сформулированы Цицероном в его трактате «О государстве»²¹⁴. В ходе борьбы с Антонием и Клеопатрой было решено и обещано восстановить не просто «государство», а то здоровое состояние общественных дел, которое разрушили «партийные» усобицы.

Август не намеревался ни восстанавливать Римскую республику (до Рубикона), ни следовать программам популяров или оптиматов. Речь шла о *res publica* как принципе, на котором была основана *civitas*. Цицерон в своём философском трактате сумел подняться над узко-партийными интересами и сформулировать фундаментальную идею римской политической мысли — идею общего блага как цели создания *civitas*. Эта система представлений продолжала жить в сознании римских граждан, а потому была положена в основу «надпартийной» идеологии «восстановленной республики». Роль лозунга *res publica restituta* никак не сводилась к инструменту «официальной» идеологии и пропаганды²¹⁵. Эволюционируя, идеология «республики» сохраняла значение ещё долгое время после Августа²¹⁶. А. Н. Токарев про-

²¹² Токарев А. Н. Становление... С. 188. Здесь не место обсуждать вопрос о легальности власти Октавиана. Это, как и другие категоричные утверждения Токарева, по крайней мере, нуждается в обосновании. Что касается «партийности» лозунгов, то сам автор указал на то, что деление на «оптиматов» и «популяров» уже в 30-е годы утратило своё значение (с. 124, 126).

²¹³ Токарев А. Н. Становление... С. 145.

²¹⁴ Важно обратить внимание на различие подхода Цицерона к понятию *res publica* в письмах (в названной статье А. Н. Токарева хорошо показано «оптиматское» употребление термина) и в трактате «De re publica».

²¹⁵ Необоснован и следующий вывод: «...Широкая агитация *restitutio*», «употребление лозунга *r. p. restituta*» и другие факты «позволяют нам утверждать, что это было не решением насущных проблем, а только пропагандистской акцией, призванной оправдать захват власти бывшим триумвиром» (с. 145).

²¹⁶ Живучесть «республиканизма», и в частности, особенно его роль как идеологии оппозиции в эпоху Ранней империи, довольно убедительно продемонстрирована в монографии С. Вилькинсона: Wilkinson S. Republicanism... Об идеологии «республиканизма» в период правления Августа см. далее, разделы VIII.4 слл.

шёл мимо специфики римской категории *res publica* в этом, фундаментальном смысле. В результате, проделав большую и серьёзную аналитическую работу, автор пришёл в общем-то к тривиальным «фасадно-пропагандистским» выводам.

Как уже было показано, затронутый круг вопросов вызывает трудности также у маститых учёных. Это обнаруживает и одна из последних работ Карла Галински, известного своими исследованиями «века Августа» и его культуры. Вышедшая в Кембриджском университетском издательстве книга «Август: Введение в жизнеописание императора» задумана как доступное изложение событий и проблем, отражающее современное состояние исследований²¹⁷. Но раздел, посвящённый государственному устройству, не вносит ожидаемой ясности в занимающие нас вопросы.

К. Галински отмечает, что в отличие от Юлия Цезаря Октавиан намерен был считаться с республиканскими традициями. После победы над Антонием он оказался перед дилеммой. С одной стороны, было очевидно, что следует покончить с чрезвычайными установлениями, с другой — Октавиан «хотел остаться у власти и никогда с ней не расставаться. Результатом стало долгое балансирование»²¹⁸. Далее складывается впечатление, что автор начинает балансировать вместе с главным персонажем своей книги. Цитируя легенду на монете 28 г. до н.э.: *leges et iura restituit*²¹⁹, Галински указывает, что она обозначала правление, основанное на законах и праве. Символическое значение решений января 27 года заключалось «не в возвращении к республике, какой она была до Рубикона, а в дистанцировании от триумvirата, когда, говоря словами Тацита, не было «ни нравственности, ни правосудия» (Тас. ann. III.28). Эти «негативные» определения не вызывают возражений.

Недоумение возникает, когда автор пытается определить, чем же всё-таки было Августово правление, то есть, дать позитивные определения. Галински замечает, что Август восстановил не конституцию Республики, а скорее «конституционное правление»²²⁰. Но само упоминание конституции, как его ни видоизменять («конституционное правление»), подразумевает лежащие в основе законы, установления, учреждения. И единственное, что могло бы

²¹⁷ Galinsky K. Augustus: Introduction to the life of an emperor. Cambr. university Press, 2012 (далее ссылки по этому изданию. Сравни нашу рец.: ВДИ. 2013. № 3. С. 222–231). Немецкое издание: Galinsky K. Augustus: Sein Leben als Kaiser. Darmstadt, 2013. Среди многочисленных работ этого автора уже упоминались: id. Augustan culture. (1996); id. (Hrsg.). The Cambr. companion to the age of Augustus etc.

²¹⁸ Galinsky K. Augustus... P. 63.

²¹⁹ Комментированное издание: Rich J. W., Williams, J. H. C. Leges et iura p. R. restituit: A new aureus of Octavian and the settlement of 28–27 B.C. // NC. Vol. 159. 1999. P. 169–213, ill. 20–21. См. также далее разделы IV.9, VII.9.

²²⁰ Galinsky K. Augustus... P. 68 (автор ссылается на Дж. Шайда), сравни.: Scheid J. Res gestae divi Augusti. P., 2007. P. 89.

подлежать «восстановлению», были установления времени Республики до Рубикона. Остается вопрос — какие из них?

Рассказав, как Август усердно поддерживал республиканские структуры: сенат, собрания, выборы магистратов, а также об отказе от любых должностей, несовместимых с «обычаями предков»²²¹, Галински заключает: «В сущности, это означало возвращение полномочий в ведение сената и формальное восстановление республики. Таким образом, мы можем принять, что *res publica restituta* выправила злоупотребления, допущенные в рамках республиканской системы в период триумvirата...»²²². Только теперь можно догадаться, что автор все-таки имеет в виду восстановление прежней Римской республики. Позиция спорная. Тем более, что Галински так и не разъяснил своего понимания термина *res publica*.

Что тогда с нежеланием Августа расставаться с властью? Автор отвечает словом «компромисс». Он был достигнут, когда сенат вручил Октавиану половину провинций, предоставил важные легитимные полномочия, как и особое имя *Augustus*²²³.

До сих пор мы нашли у К. Галински три обозначения режима: «восстановленная республика», «конституционное правление» (какое именно?) и «компромисс». Читатель ожидает разъяснений, какой же смысл вкладывает автор в эти термины. Вместо этого Галински дополняет их ещё тремя.

Изложив содержание воображаемой дискуссии Агриппы и Мецената, которые предлагали Октавиану соответственно установить республику и монархию (Dio LII, см. раздел IV.8), Галински заключает, что Август сконструировал из них «гибрид»²²⁴. Понимая необходимость пояснений, автор ссылается на данное им чуть ранее ещё одно определение — «конституция плюс» (*Constitution Plus*). Её он понимает как продолжение конституции Республики, дополненной «ведущей ролью» самого Октавиана-Августа²²⁵. Этой расплывчатой формулировкой явно недостаточно. Галински далее замечает, что многие античные авторы «не видели в республике, возглавляемой монархом, противоречия, но напротив, более совершенную форму республики»²²⁶. Само по себе это не вызывает возражений, но требует серьёзных комментариев. Дальнейшие рассуждения автора не добавляют ясности. Свой статус Август обозначал не титулами царя или диктатора, но как принцепс. Его исключительное положение обосновывалось не властью

²²¹ Galinsky K. Augustus... P. 65.

²²² Ibid. P. 66.

²²³ Ibid.

²²⁴ Ibid. P. 64.

²²⁵ Ibid. P. 59, cf. 64.

²²⁶ Ibid. P. 64.

магистрата (*potestas*), а авторитетом и влиянием (*auctoritas*). В целом, как бы по-республикански всё ни представлялось, «было очевидно, что Август занимал особое положение, но оно не было назойливо-вызывающим» (с. 72).

В итоге, возглавлял Август республику в качестве монарха или играл в ней ведущую роль в качестве «плюса», была конституция республиканской или монархической — право выбирать предоставлено читателю.

Довольно путанными и неубедительными выглядят объяснения Франка Бернштайна, две статьи которого также подтверждают необходимость дальнейшего вдумчивого изучения обозначенной проблематики. Здесь достаточно ознакомиться с положениями, кратко сформулированными в более поздней из работ²²⁷. «Установление Августом принципата означало необратимую перемену политической системы. Демонстративный отказ и осторожное принятие чрезвычайных полномочий, отделённых от должностей, как и необычных почестей и званий, шаг за шагом усиливали его позиции. Великолепное оформление некогда узурпированной власти вызывает уважение, если стоять на макиавеллистских позициях»²²⁸. И далее, имея в виду автора “*Laudatio Turiae*”: «Кто-то мог говорить о *res publica restituta*... Но это выражение... не имеет никаких подтверждений в источниках, а лишь вводит в заблуждение: «восстановлено» было «общество» лишь частями, поскольку старый порядок превратился в новый. Поэтому современные разговоры о трансформации *res publica* неточны. Новую форму приобрело не государство, а в большей мере римская политическая культура» (*ibid.* S. 53).

Следует согласиться с тезисом об изменении политической культуры, но непонятно: значит, по мнению Бернштайна, Римская республика сохранилась? Если форма государства осталась прежней, то что означают слова о «перемене политической системы»? Автор отмечает, что особенностью власти Августа, проявившейся в концепции *auctoritas*, является персональный характер, так что её было непросто передать по наследству. Поэтому как раз смены правителей открывают своеобразие развития раннего принципата. Автор приходит к предположению, что лишь пришедший после «года четырёх императоров» к власти Веспасиан конституировал принципат как институт. Отсюда следует вывод (который Бернштайн пытался подробно, но не более убедительно, обосновать в своей предыдущей работе): «Август был «только» *princeps*, но не «император» (*Kaiser*)»²²⁹. И далее, вме-

²²⁷ Bernstein F. Das Imperium Romanum — ein “Reich”? // *Gymnasium*. Vol. 117. 2010. S. 49–66; id. Der Anfang: das vermeintliche Kaisertum des Augustus // Leppin H. (Hrsg.) *Kaisertum im ersten Jahrtausend*. Regensburg, 2012. S. 17–54.

²²⁸ Bernstein F. Der Anfang... S. 51. Примерно так же: Bernstein F. Das Imperium... S. 63: «Политически умно Август оформил настоящую монархию как принципат».

²²⁹ В предыдущей работе (Bernstein F. Das Imperium... S. 49) автор был несколько ближе к истине. Он указал, что политика Августа превратила *imperium Romanum* в такую подвластную территорию, которая заслуживает имени «Римская империя» (*Römisches Reich*). Сравн. раздел X.7.

сто серьёзной аргументации: «Обозначение было видимо произведено от “Caesar”, первоначального прозвища [то есть, *cognomen* — ЯМ] диктатора..., которое Октавиан... сделал своим *nomen gentile*»²³⁰. Автор не стал объяснять, что он имеет в виду под «только принцепсом» и «кайзером». Это потребовало бы от него гораздо более ясного понимания сложной структуры Римской державы времени Августа.

Римляне пользовались для определения государственно-правовых явлений широким набором тонко дифференцированных абстрактных терминов. Эти слова принадлежали породившей их античной гражданской общине (*civitas*) и могут быть адекватно истолкованы только в таком социальном контексте. Игнорируя его, невозможно добиться адекватного понимания основанной Августом государственности. Ключевым здесь является *res publica*. Это понятие отражало принцип «правильной» организации общества. На него ориентировался Август, устраивая Рим и Италию как ядро государства. Но римская государственность включала также «имперский» компонент.

II.6. «Республиканские» и «имперские» горизонты изучения Августа Рима

Для понимания специфики государственности Ранней Империи важен также широкий (историософский, сравнительно-исторический, типологический) взгляд. Римская империя всегда привлекала внимание тех мыслителей, которые стремились к широким обобщениям, искали глобальные закономерности и смысл истории. Многие высказанные ими идеи легли в основу концептуальных построений современной историографии, как например, мысль Монтескье о несоответствии республиканского устройства огромной империи, образовавшейся в результате завоеваний (впрочем, она встречается уже у античных авторов). В современной социологии и политологии появляются новые подходы к данной проблематике, смещается центр тяжести научных интересов. Раньше историков и философов больше привлекали «негативные» аспекты: смена «свободной» республики «деспотической» монархией или кризис и падение Римской империи. Сегодня исследователей и политиков больше интересуют причины долговременной прочности римской государственности.

Еще в середине XX века почти безраздельно господствовал европоцентристский взгляд на процесс мировой истории, при котором Рим представлялся не только исходным пунктом европейской цивилизации, но и пара-

²³⁰ Bernstein F. Der Anfang... S. 5 (конец статьи).

дигмой в глобальном масштабе²³¹. Сегодня такие исторические феномены, как Римская республика, римский империализм, Римская империя изучаются в сравнении с подобными явлениями в иных регионах, например, на Ближнем и Среднем Востоке, в Индии или в Китае. В рамках Средиземноморья особое внимание уделяется роли городов как важнейших автономных структур Империи. Все это способствует появлению новых акцентов в трактовке римской государственности.

Поиск параллелей ведет также к обнаружению новых особенностей. В центре изучения оказывается система жизненных ценностей, экономические законы, принципы политической организации, — в целом, специфика античных обществ. В классических греческих полисах или в республиканском Риме отсутствовали или находились в зачаточном состоянии некоторые типичные признаки государства, в частности, отделенного от гражданского коллектива аппарата насилия. Опора правителя на наемников расценивалась как признак «тирании». Даже огромная Римская империя не имела ничего сравнимого с бюрократическими аппаратами многих современных государств (или некоторых древневосточных империй). Встает вопрос, насколько универсальна новоевропейская политологическая традиция, восходящая к Макиавелли и Гоббсу. Применима ли она к античности?

Что касается Рима, с одной стороны, подчеркивается, что родившееся в политическом сознании римлян уникальное понятие *res publica* по уровню абстракции не имеет аналогий в древнем мире²³². С другой стороны, в последние десятилетия все больше внимания обращает на себя тот факт, что реальный политический режим Римской республики не был совершенным воплощением абстрактной формулы «смешанной конституции» в трактовке Полибия. В реальном Римском государстве большую, если не решающую роль, играла социальная иерархия, основанная на статусе. Статус определялся происхождением, заслугами и могуществом, основанном на собственности и клиентеле. Всё это представляло собой неразделимый сплав.

Ранняя Империя в своем устройстве унаследовала некоторые патриархальные и общинные черты. В ней переплетались новые требования управления территориальной империей и традиционные социально-персональные факторы иерархии, личной зависимости, дружбы. Многие

²³¹ Например, у Ортеги-и-Гассета. Он, в свою очередь, учитывал в своих размышлениях о Римской империи работы М. Постовцева. (Ortega y Gasset J. Concord and liberty. N.Y., 1946. P. 11; cf.: Arnason J. Introduction // Arnason J. P., Raaflaub K. A. (eds.) The Roman empire in context: historical and comparative perspectives. Chichester, U.K.; Malden, MA, 2011. P. 2.

²³² См., напр.: Heinze R. Von den Ursachen der Größe Roms // id. Vom Geist des Römertums. Darmstadt, 1960³. S. 13, см. раздел IV.4.

исследователи видят в Империи шаг к «настоящему» государству с его характерными атрибутами. Важные аспекты осмыслены Клодом Николе в ставшей уже классикой книге «Описание земель: география и политика при возникновении Римской империи»²³³. Николе, в частности, показал, какое внимание уделял Август учёту территорий с их населением и всеми ресурсами: от Города, в котором были осуществлены необходимые меры, до самых дальних провинций. Их «опись» содержится в «Деяниях»²³⁴. Результаты деятельности Августа и его ближайшего сподвижника Агриппы были учтены Страбоном, Плинием Старшим, Аппианом в их географических описаниях и экскурсах²³⁵. За усилиями в области картографии, а также переписью населения и учётом ресурсов просматривается замысел создать из конгломерата городов и разноплеменных общин интегрированную, территориальную империю²³⁶. Начало осуществления этих планов прослеживается в проведенных Августом территориально-административных реформах Рима и Италии, а также шагах по упорядочению управления провинциями.

Политологическое осмысление эволюции римской государственности представлено в I томе известного труда Самуила Файнера «История правительства с древнейших времён»²³⁷. Концепция известного политолога сложилась как результат глобального историко-сравнительного исследования. Отсюда — иногда недостающий узким специалистам широкий взгляд, свободный от всякого пиетета перед «римскими древностями» и авторитетами. Не все выводы автора можно безоговорочно принять, но в любом случае они подталкивают к размышлениям.

С. Файнер, вслед за Р. Гайнце, обратил внимание на относительно высокий уровень абстракции понятия *res publica*. По мнению Файнера, это говорит о приближении к современным идеям государственности. В качестве

²³³ Nicolet C. L' inventaire du monde: géographie et politique aux origines de l'Empire romain. Nouvelles études historiques. P., 1988; итал. 1989; далее цит по (англ.): Space, geography, and politics in the early Roman empire. Ann Arbor, 1991.

²³⁴ RG 25–33, cf. Nicolet C. Space... P. 17 ff.

²³⁵ Nicolet C. Space... P. 171 ff.

²³⁶ Op. cit. P. 189 ff. В свое время Е. М. Штаерман высказывала спорное мнение о том, что лишь при Августе в Риме сформировалось государство в близком к современному смысле слова (К проблеме возникновения государства в Риме. С. 101, сравн. выше, примеч. 203). Несомненно, Римская империя, как государство, качественно отличалась от Республики. На наш взгляд, одним из принципиальных отличий, окончательно оформившихся в начале III века (*constitutio Antoniniana*), был универсальный подход к входящим в нее территориям, который нивелировал входящие в нее народы. Это отличало Римскую империю от Римской республики, которую определяли не территориальные границы, а гражданство. Римские граждане, где бы они ни жили в пределах «круга земель», составляли в совокупности *civitas* (общину-государство) и привилегированную группу населения. О значениях терминов «империя», «территориальная империя» см. раздел I.2, а также X.6 сл.

²³⁷ Finer S. E. The history of government from the earliest times. Vol. 1. Ancient monarchies and empires. Oxf., 1997 (далее цит. по этому изд., имеются репринты: 1999, 2003).

особенности он отметил также секулярный характер юридических норм, а также важную роль права в общественной жизни римлян²³⁸.

Автор резко противопоставил республику и принципат. Республику Файнер оценил как негодный политический режим. Конституция была просто нелепой (“preposterous”). Она была результатом череды манёвров и компромиссов с целью сохранить преобладание олигархии. Систему поддерживали традиции, но они же, когда наступил кризис, блокировали мысли об альтернативах (сравн. с концепцией Кр. Майера). В последнее столетие Республики «политическая практика в Риме была насквозь дегенеративной», напоминающей банановые республики Латинской Америки²³⁹. Рационалистично описанная Полибием смешанная конституция — не более, чем миф, прикрывавший несурзности. Источником иллюзий был успех в имперской политике.

Настоящим вкладом римлян в историю государства стал принципат, а его достижением — не завоевания, а стабильность и длительное существование империи. Лишь принципат достиг того согласования между политическим режимом и имперскими размерами, которое Полибий ошибочно приписал республике. Файнер отметил, что ряд принципов управления многоязычной империей был заимствован у монархий древнего Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья. Среди них — бюрократические методы, но и сохранение полуавтономных городских общин. Новое, что внесли римляне, связано не столько с формой правления, сколько с характером государственности. Главным было создание «консоциального» (*consocial*) государства²⁴⁰. Дальнейшие разъяснения позволяют перевести искусственно созданное Файнером понятие как «государство, представляющее собой соединение отдельных социумов». Имеются в виду самоуправлявшиеся города и общины, каждая из которых получала первоначально индивидуальный статус по заключённому с Римом договору или в соответствии с законом об образовании провинции. Важно, что они никак не были связаны между собой, но только с центральным правительством.

Непосредственное управление «социумами» доверялось местной олигархии. Она и составляла господствующий класс Империи (идея, уже развивавшаяся Р. Саймом и Ортегой-и-Гассетом). Это была «правлящая страта империи, независимо от национальности, языка, цвета кожи, религии или культуры, принадлежность к которой обуславливалась только богатством и региональным влиянием»²⁴¹. В работах ряда историков государства эти положения уточняются. В частности, указывается на то,

²³⁸ Finer S. The history... I. P. 604.

²³⁹ Ibid. P. 440.

²⁴⁰ Ibid. P. 601.

²⁴¹ Ibid.

что провинциальная элита не была стандартизована и объединена сверху. Более того, стратификация общества в отдельных частях империи была различной²⁴². В период Принципата сохранялись республиканские учреждения, а сенат, как верхушка аристократии, продолжал занимать особое место, не сливаясь с провинциальной олигархией. В центре во-круг императора выкристаллизовывалась властная структура, доходившая до различных уровней и контролировавшая разные регионы и сферы управления.

Файнер не упустил и такую важную черту «консоциального» государства, как его постоянный рост и распространение гражданства. Вначале был правящий город, затем привилегированная область (Италия), в период от Адриана до Диоклетиана образовалась политически унифицированная империя — «Романия»²⁴³. Слово означало сферу власти (*imperium*) римского императора (*imperator*)²⁴⁴. Это не была «империя» в современном смысле, поскольку выходила за пределы пограничных провинций. При этом правящий город сохранял свое особое значение как критерий идентичности «Романии».

В рассуждениях Файнера некоторые черты сходства Римского государства и государственного мышления с современными оцениваются как достоинства. Такой подход далеко не бесспорен. Ведь если считать античные общества и государства просто «не доросшими» до современных, то к чему их изучать? На самом деле всё более явственно обнаруживаются изъяны, имманентно присущие современной цивилизации. Прогрессиистские концепции не случайно утрачивают свою убедительность, привнося к тому же мало нового в понимание истории. Познавательная ценность исторических явлений обусловлена их спецификой, уникальностью. Благодаря этому они могут предложить неожиданные и эффективные решения, казалось бы, безвыходных проблем. Не случайно особенности римского античного общества обращают на себя все больше внимания исследователей²⁴⁵.

²⁴² См.: Rilinger R. *Ordo und dignitas. Beiträge zur römischen Verfassungs- und Sozialgeschichte*. Stuttgart, 2007. S. 153–180 (“Moderne und zeitgenössische Vorstellungen von der Gesellschaftsordnung der römischen Kaiserzeit”).

²⁴³ Finer S. *The history...* I. P. 602.

²⁴⁴ Сравн. далее, разделы VII.4 и X.6.

²⁴⁵ Опыт основанной Августом Империи привлекает внимание в связи с современным состоянием мировой политики. Американский автор Майкл Дойль ввел понятие «порог Августа», которым он обозначил переход от непрочного, подвергнутого угрозе распада состояния империи к стабильному и долговременному. Германский политолог Герфрид Мюнклер, развивая эту идею, указал на то, что Римская империя обязана своей относительной стабильностью тому, что она давала возможность некогда побежденным вкусить от общих плодов процветания. Применяя свои рассуждения к современности, Мюнклер ставит вопрос о том, сумеет ли современная империя — США — преодолеть этот «Августов порог». См.: Doyle M. *Empires*. Cornell studies in comparative history. Ithaca etc., 1986 (Риму посвящены с. 82–103); Münkler H.

Ни Август, ни его преемники не ставили своей целью создать унифицированную бюрократическую империю или нечто иное, подобное современному «взаправдашнему» государству. Особенностью (не обязательно слабостью) было то, что для решения новых задач были приспособлены испытанные инструменты и методы. Некоторые элементы управления приходилось создавать вне традиционных институтов, они не были составной частью «республики». Август начал охотно привлекать к государственной службе всадников. Важные государственные функции выполнялись императорскими рабами и вольноотпущенниками. Лично зависимых людей привлекали к выполнению различных поручений также магистраты времени Республики. Но теперь, принимая решения на самом высоком уровне, они могли приобретать огромное влияние на государственные дела (это стало очевидно при Клавдии). Выбор наследника принцепса фактически производился в рамках его «семьи». Государственный аппарат Империи был относительно невелик, что компенсировалось делегированием ряда функций управления городам (местным олигархиям)²⁴⁶.

Римское государство не было выстроено по единому плану (как города по гипподамовой системе). Это была сложная, зачастую в зависимости от обстоятельств складывавшаяся структура²⁴⁷. Уже поэтому трудно дать ему простое определение. Сравнение взглядов историков показывает, что расхождения в значительной мере являются результатом не только разночтений источников и различий в понимании некоторых ключевых терминов, но также фокусирования внимания на разных аспектах такого сложного феномена, каким был Рим (*civitas*) с его «империей Римского народа». Это напоминает известную древнеиндийскую притчу о странствующих мудрецах, которым предложили в полной темноте определить, на что похож слон²⁴⁸. Выявить назначение (и значение) отдельных составляющих невоз-

Imperien: die Logik der Weltherrschaft – vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten. Berlin, 2005⁴ (раздел "Imperiale Zyklen und augusteische Schwellen". S. 105–125).

²⁴⁶ См.: Смышляев А.Л. Государство без бюрократии (на опыте Ранней Римской империи) // Античность и современность. М., 1991; Eck W. Die Verwaltung des römischen Reiches in der hohen Kaiserzeit. Bd. I–II. Basel. 1995, 1998 (в т.ч. глава "Augustus' Reformen" // Bd. I. S. 83–158); Dettenhofer M.H. Herrschaft und Widerstand im augusteischen Prinzipat. Die Konkurrenz zwischen res publica und domus Augusta. Stuttgart, 2000 (2002); Winterling A. (Hrsg.). Zwischen "Haus" und "Staat": antike Höfe im Vergleich. München, 1997; Rilinger R. Ordo und dignitas. Stuttgart, 2007. S. 105 ff., 153 ff. etc.

²⁴⁷ Т. П. Евсеенко определяет Римское государство времени Поздней Республики как «сложную государственность» в форме гегемонистской симмахии. Она подготовила почву для создания в Средиземноморье новой, имперской государственности (Евсеенко Т. П. От общины к сложной государственности в античном Средиземноморье. СПб., 2005. С. 247).

²⁴⁸ В другом варианте это были слепцы, которым предложили определить, на что похож слон. Каждому предоставили возможность ощупать только одну часть тела. В зависимости от доступного фрагмента следовало суждение: нога — колонна, хвост — канат, хобот — ветвь, ухо — веер, бок — стена, бивень — труба (варианты различаются в частности). Мудрец подвёл итог: «Все вы правильно охарактеризовали признаки отдельных частей тела слона. В действительности же он представляет собой совокупность этих

можно без сопоставления с целым, а также без учёта развития и функционирования всего организма. Как отмечали историки права (Кункель, Викакер), вопрос о характере принципата не решается путём рассмотрения только юридических аспектов. Добавим, и не только в Риме, в Италии или в отдельных провинциях.

Важные наблюдения о соотношении «республиканского» и «имперского» элементов идеологии Августовского режима (в авторской терминологии — «принципата») сделал Э. С. Рэймедж. Терминологический анализ «Деяний», в сравнении с другими текстами, а также памятниками архитектуры и искусства, по его мнению, показывает, что правительство постоянно учитывало обе составляющие. При этом «республика остается в прошлом, а «империя», управляемая «императором» в лице Августа, следует за ней и даже вытесняет ее». Посвятив соотношению «республики» и «империи» главу и обратив внимание на важность *res publica* и *imperium* для «Августовой теории принципата», исследователь прошел мимо вопроса о различных смысловых оттенках рассматриваемых терминов и не уделил должного внимания стоявшим за ними реальным социально-политическим факторам — римскому гражданству и провинциям²⁴⁹.

Мысль о своего рода диверсификации управления Империей можно найти у А. Деманда. Автор также говорит о ее множественной легитимации: «Римская монархия предстает четырежды легитимированной: республиканской традицией (отсюда происходит понятие *princeps*), волей армии (об этом напоминает титул *imperator*), славой предшественников и предков (ее воплощает имя *Caesar*) и божественным миропорядком (на него указывает *Augustus*). Теория, которая обосновывает Империю, так же универсальна, как она сама»²⁵⁰.

Юридические нормы закрепляют изменения, произошедшие в общественной жизни. Ипостаси правителя специфическим образом отражали его статус и роль в различных составных частях Римской державы или представления о нём людей, принадлежавших к различным значимым соци-

и ещё многих других признаков и качеств». В англоязычной литературе этот сюжет известен в изложении Дж. Г. Сакса (1816–1887), на русском его изложил С. Я. Маршак под названием «Учёный спор». В европейской традиции аналогичные мысли иллюстрируются мифом о пещере в трактате Платона «О государстве» (Plat. polit. 514a sqq.).

²⁴⁹ Ramage E. S. The nature and purpose of Augustus 'Res gestae'. Stuttgart, 1987. P. 66. Ch. III. "Res publica and imperium", p. 38–72. В заключение главы автор еще раз возвращается к своей мысли: «Институт республики был приспособлен и даже вытеснен новой Августовой «свободой», так же, как республика была преобразована и в итоге заменена империей» (p. 72). На наш взгляд, для времени Августа говорить о таком вытеснении преждевременно.

²⁵⁰ Demandt A. Der Idealstaat: die politischen Theorien der Antike. Köln etc., 2000³. S.292 (XI.1y). Некоторые детали здесь вызывают сомнение, например, тезис о легитимации монархии «республиканской традицией» (в каком смысле?). Но в данной цитате важна сама идея множественной, в частности, «республикански-имперской, природы Римской империи.

альным группам. В качестве аналогий можно указать на египетского «царя Верхнего и Нижнего Египта» или на многочисленные титулы русских царей-императоров, символизировавших легитимации по отношению к разным частям империи²⁵¹. В этом контексте следует также вспомнить мысль Э. Уоллис-Хэдрилла о двойственной природе власти принцепса или о двух компонентах императорской власти, о которых пишет А. Пабст.

Перемещение центра тяжести исследований с властных, классовых, юридических или формальных признаков (отдельные полномочия принцепса, его титулы и так далее) на такие лишь приблизительно отражаемые современным языком, но специфически римские явления, как *res publica*, *civitas*, *auctoritas* и целый ряд других, требует соответствующего инструментария исследования. Это подразумевает особое внимание к сферам идеологии, социальной психологии, к системе жизненных ценностей и всему, что охватывается понятием «менталитет»²⁵². Данный подход подготовлен развитием исторической антропологии и культурологии, социальной и исторической психологии, ряда других дисциплин, а также введением в оборот широкого круга источников, преимущественно современных изучаемым событиям (эпиграфических, нумизматических и археологических в широком смысле слова). Большое значение имеет использование результатов исследований филологов, эпиграфистов, искусствоведов и других специалистов, введение их в широкий исторический контекст.

Объём имеющейся информации и её интерпретаций так велики, что налицо опасность потерять из виду картину в целом. Поэтому так важно не пренебрегать здравым смыслом и контролировать результаты исследования строгой логикой. Очевидно например, что лживая «республиканская» пропаганда, не имевшая ничего общего с действительностью, была бы неэффективна и не имела бы долговременного успеха. Уже поэтому заслуживают внимания наблюдения, указывающие на существенную роль политики «республиканизма». Она требует углубленного изучения с одной стороны, как ответ на определенный общественный запрос, а с другой — как фактор, определивший специфику созданной Августом государственной системы и обеспечивший ее эффективность.

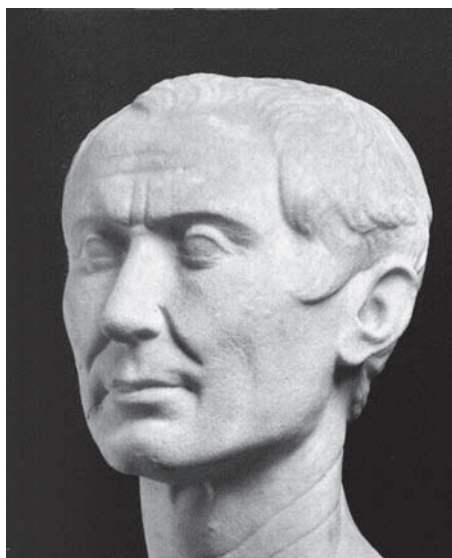
²⁵¹ Самая краткая титулатура Императорского Величества (в современном написании): «Божией милостью, мы, NN, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая». Полная титулатура насчитывала несколько десятков званий и перечислялась в 24 строках «Свода законов». Цит. по: Свод законов Российской Империи. Под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Т. I, часть 1, гл. 6.59–60. С. 4–5.

²⁵² Среди важнейших исследований общественной психики и идеологии в связи с особенностями полнисного и имперского мышления следует указать работы К. Андо, в частности: Ando C. Imperial ideology and provincial loyalty in the Roman Empire. Berkeley etc., 2000; id. Law, language, and empire in the Roman tradition. Philadelphia, 2011; id. From republic to empire // Peachin M. (ed.). The Oxford handbook of social relations in the Roman world. Oxf. etc., 2011. P. 37–67 (с лит.).

III. «Римская республика»: безальтернативный кризис и конкуренция альтернатив

III.1. Помпей

III.2. Юлий Цезарь

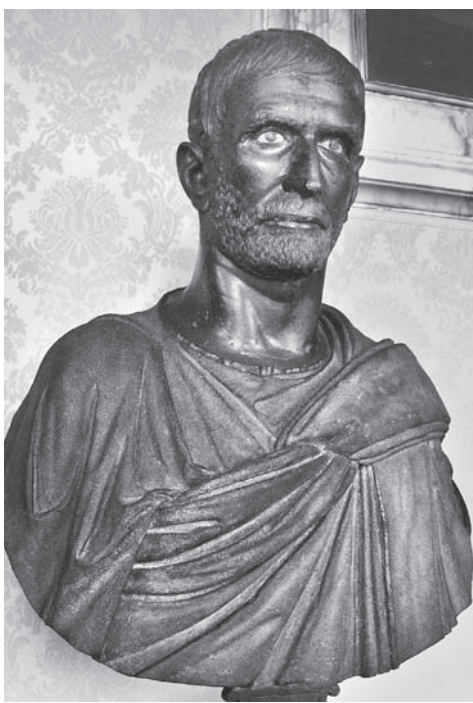
1. Исторический феномен, историографический конструкт и миф – 125
2. «Утрата республики» и проекты ее восстановления – 146
3. Борьба за наследство Юлия Цезаря – 157
4. Время выбора – 170
5. Италия: идея «республики» жива – 175
6. Антоний в мире грёз – 180
7. Запад против Востока – 187
8. Борьба за власть как отбор вариантов выхода из кризиса – 194

III.1. Исторический феномен, историографический конструкт и миф

В 31/30 гг. до н.э. после столетия гражданских смут установился мир. Октавиан стал хозяином положения на всей территории обширной Римской державы. Настало время привести в порядок государственные дела. В январе 27 г. были окончательно отменены чрезвычайные установления и в Риме установилось конституционное правление. Новый строй определялся как «восстановленная республика» — *res publica restituta*. Много говорилось о возвращении «древних» обычаев и доблестей. Но что за содержание вкладывало в эти слова правительство и как понимали их римские граждане? Вряд ли многие из соотечественников откликнулись бы на призыв поселиться не то что в землянке времен основания Города, но даже в построенной из грубых камней усадьбе великого Сципиона Африканского¹. Никто не хотел также возвращения к преддверию хаоса гражданских войн. Можно быть уверенным: эти варианты не рассматривались. Обретя мир, вкусив в той или иной мере прелести эллинистической цивилизации, римляне не собирались расставаться со своими богатствами или просто жизненными удобствами.

Ностальгические воспоминания о «древней республике» были продуктом иррациональных процессов, происходивших в коллективной психике. «Воспоминания» подпитывались идеологизированными конструкциями римских историков. Отдельные эпизоды и образы сливались со смутными преданиями. В течение многих поколений формировался «римский миф» — комплекс убеждений и установок, фактов и легенд, в которых своеобразно запечатлелись реальные события, религиозные верования, моральные ценности и политические нормы. В основе идеологии «восстановления» лежала коллективная память о временах взаимного согласия, гармонии интересов

¹ В 86-м письме Сенека красочно описывает посещение усадьбы победителя Ганнибала в Литерне. Сципион жил там уединенно в 184–183 гг. до н.э. Особенно поразила философа тесная, темная банька. Современник философа, глядя на эту «тараканью дыру», сказал бы: «Я не завидую Сципиону, он и вправду жил в ссылке, если так мысля» (Sen. ep. 88.4–12, пер. С. А. Ошерова). Можно понять Овидия, который радовался, что живет в свое комфортное и богатое развлечениями время, предоставляя другим ностальгически вздыхать о древних временах (Ovid. ars am. III. 121–122, см. также раздел IX.5 с примеч. 138 слл.). О благоустройстве Рима, зрелищах, постройках и произведениях искусства времени Августа см. разделы VIII.1 слл.

Илл. III.3. Портрет староримлянина

и гражданской солидарности, о доблестных «мужах», которым обязан своим величием Рим. В народной памяти существовал некий вневременной образ, терявшийся в далеком прошлом. В центре этих представлений находился период «классической республики», или ее «золотого века», к которому относилась первая половина II в. до н.э.²

Для оценки достоверности римской истории следует учитывать, что первый исторический труд появился около 200 г. до н.э. Тогда от принятой даты основания Города прошло

больше полутысячи лет. Риму, ставшему средиземноморской сверхдержавой, понадобилась славная история, и тогда детали стали «уточняться» и украшаться теми, кто формировал коллективную память. Можно считать, что дошедший до нас комплекс преданий и легенд — «римский миф» — сформировался в последние три века Республики³. В том, что обычно рассказывается как ранняя римская история, миф и некоторые с большей или меньшей степенью надежности установленные факты слиты воедино. Но этот сплав создали сами римляне, и он характеризует их мировоззрение, самоидентификацию народа. В данном контексте не ставится задача дать сколько-нибудь полную характеристику Римской республики. Речь идет

² Эти обозначения условны, как и определение длительности «золотого века» Республики. В литературе встречаются также определения: «высокая», «средняя» Республика, период расцвета Республики. Начало периода относят ко времени от окончания борьбы плебеев с патрициями (287 г.) до завершения второй Пунической войны (201 г.). Заключительными датами принято считать год разрушения Карфагена (146 г.) или начало периода гражданских войн (133 г. до н.э.). См., напр.: Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н.э.). М., 1986. С. 7 сл. (автор датирует «золотой век» 201–133 годами). Главным источником для характеристики устройства Республики является труд Полибия (см. далее).

³ Сущность «римского мифа», и в целом системы жизненных ценностей римлян в связи с особенностями *civitas* см. в: Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. М., 1975. С. 44 сл.; её же. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 82 сл.; Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до н.э.). М., 1977. С. 18 сл.; Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность. М., 1986. С. 19 сл.; Невмировский А. И. История древнего мира. Античность. М., 2007. С. 246–251.

прежде всего о том, чем она была в сознании людей «века Августа», о феномене, который определяется, в частности, как «память о Республике»⁴. Мы попытаемся выявить те характерные черты, которые сыграли важную роль в формировании идеологии *res publica restituta*.

Своеобразие римской исторической традиции, как и скудость первоисточников, порождают разногласия среди исследователей, начиная с вопроса о том, была ли Римская республика государством⁵. Не пытаясь дать полную картину, попытаемся выявить специфику политической организации римского общества, а также характер институтов и структур, выполнявших государственные функции. Их формирование в отражении исторической традиции связано с определенными событиями⁶.

В соответствии с преданием, Город был основан Ромулом, первым из семи царей, в 754/753 г. до н.э. Важнейшим рубежом в истории раннего Рима считалось изгнание последнего царя, Тарквиния Надменного, в 510/509 г. до н.э.⁷ Это произошло по инициативе и при самом активном участии знати — патрициев. Они вели свое происхождение от «отцов» (*patres*) — глав

⁴ Об «исторической памяти» римлян: Gowing A. M. *Empire and memory: the representation of the Roman Republic in imperial culture*. Cambr., 2003; Walter U. *Memoria und res publica. Zur Geschichtskultur im republikanischen Rom*. Frankfurt am Main, 2004; Flower H. I. *The art of forgetting: disgrace and oblivion in Roman political culture*. Chapel Hill, N.C., 2006; Samotta I. *Das Vorbild der Vergangenheit: Geschichtsbild und Reformvorschläge bei Cicero und Sallust*. Stuttgart, 2009; Galinsky K. (hrsg.). *Memoria Romana: memory in Rome and Rome in memory*. Ann Arbor, Mich., 2014 (статьи по методологическим проблемам и некоторым частным вопросам). О первых римских историках см. раздел VI.1.

⁵ В дальнейшем тексте говорится о римском государстве, и не только из-за краткости. По нашему мнению, дефиниция создается в результате обобщения исторических реалий, а не наоборот. Римское государство невозможно изъять из анналов истории. Вопрос в классификации государств, в которой римская община-государство (*civitas*) должна занять соответствующее место. Об обсуждении проблемы в отечественной историографии см. раздел II.5 с примеч. 202.

⁶ См.: История Древнего Рима. Под ред. В. И. Кузищина. М., 2000. Раздел 1; Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия — образ, миф, история // Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. III. М., 1993. С. 590–655; Культура Древнего Рима. Под ред. Е. С. Голубцовой. М., 1985. Т. 1. Е. М. Штаерман. Глава 1. 1. Римская республика; Немировский А. И. История древнего мира. Античность. М., 2007. С. 236 сл., 241–251, 483–512; Античный полис. Курс лекций. Отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М., 2010. Лекция 4. Дементьева В. В. Римская *civitas* республиканской эпохи. С. 130–175. Из обобщающих трудов важны тома Кембриджской истории античности: CAH². Vol. VII, part 2. *The Rise of Rome to 220 B.C.* Ed. F. W. Walbank etc. 1990²; Vol. VIII. *Rome and the Mediterranean to 133 B.C.* Ed. A. E. Astin etc. 1989²; Vol. IX. *The Last Age of the Roman Republic, 146–43 B.C.* Ed. J. A. Crook etc. 1994². Более компактное изложение, учитывающее новейшие исследования: Bringmann K. *Geschichte der römischen Republik. Von den Anfängen bis Augustus*. München, 2010² etc.

⁷ Вопрос об оценке достоверности ранней римской истории, дискутируемый со времен Б. Г. Нибура, не входит в наше рассмотрение. См.: Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962; его же. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964; Маяк И. Л. Рим первых царей (генезис римского полиса). М., 1983; ее же. Римляне ранней Республики. М., 1993; Cornell T. J. *The beginnings of Rome. Italy and Rome from the bronze age to the Punic wars (c. 1000–264 B.C.)*. L.–N.Y., 1995; Bleicken J. *Geschichte der Römischen Republik*. München, 1980; 1999² (ND: 2010²). S. 93–125; 263–274; Walter U. *Der Aufstieg Roms* // Erdmann E.; Uffelmann U. (hg.). *Das Altertum. Vom Alten Orient zur Spätantike*. Idstein, 2001. S. 129–163; Bringmann K. *Geschichte der römischen Republik*. S. 1–33 etc.

патриархальных семей — и составляли совет старейшин (сенат). Установившаяся тогда государственность обозначается в современной литературе как «Римская республика». Патриции создали историко-мифологическую традицию, согласно которой установление Римской республики было торжеством «свободы» (*libertas*) над тиранией. Они же преимущественно воспользовались плодами победы⁸. Изгнание Тарквиния стало одним из центральных событий в исторической традиции⁹.

Последовавший за этим период римской истории характеризовался борьбой плебеев за свои права и завоеванием Апеннинского полуострова. Плебеи были тогда частью свободного населения, не входившей в состав патрицианских фамилий. После установления Республики влияние патрициев усилилось. Плебеи, будучи ущемленными во всех отношениях, начали бороться за равноправие¹⁰. «Борьба сословий» длилась в течение почти двух веков¹¹. Первым серьезным завоеванием плебеев была запись законов («Законы двенадцати таблиц», ок. 450/449 гг. до н.э.). Они стали отправным пунктом становления правового государства¹². В 367 г. плебеи получили доступ к консулату (законы Лициния-Секстия). Ослаблению социальных противоречий способствовали военные успехи Рима, позволявшие решать внутренние проблемы за счет побежденных. Нуждающиеся граждане получали наделы земли в колониях, а также участвовали в разделе военной добычи. Закон Петелия 326 года запрещал порабощение граждан за долги. В 287 г. до н.э. по закону Гортензия решения плебейских собраний (*concilia plebis*) — *plebiscita*

⁸ Цицерон охарактеризовал *libertas* после установления Республики так: «Итак, в те времена сенат управлял государством (*res publica*) так, что хотя народ и был свободен, волей народа вершилось мало дел, а большая часть — решениями сената и по установившимся обычаям, и консулы при этом обладали властью, по времени лишь годичной, но по ее характеру и правам царской. А то, что имело наибольшее значение для упрочения могущества знати, соблюдалось строго: постановления народных комиций входили в силу только после одобрения их решением «отцов»» (Cic. rep. II. 56, пер. В. О. Горенштейна).

⁹ Память об этом событии сохранялась даже десятилетия и столетия спустя после того, как уже перестала существовать сама Республика. Об идеологических controversies, связанных с противопоставлением царской власти и республики, «тирании» и «свободы» см. далее, в частности, разделы III.3, IV.5, VII.2.

¹⁰ Параллельные (в том числе археологические) данные говорят о том, что позиции плебеев усилились благодаря изменениям в военном деле. Появление тяжеловооруженной, организованной в боевые подразделения пехоты уменьшило значение всадников. Применительно к Греции об этом пишет Аристотель (Aristot. pol. 1297b. 16–23). В города-государства Италии нововведение могло придти несколько позднее. Сравн.: Bringmann K. Geschichte...Republik. S. 24 f.

¹¹ По традиционной датировке 494–287 гг., более вероятно: ок. 450–287 гг. до н.э.

¹² Согласно Ливию, в основу римского законодательства было решено положить законы Солона. Три посла были отправлены в Афины не только для копирования текста, но и для изучения законодательств греческих государств. После возвращения все трое были включены в число децемвиров для записи законов (Liv. III. 31. 8; 33. 5). Факт указанного посольства ставится иногда под сомнения, но «греческий след» римских законов указан историком неслучайно. Тексты ранних законов (до 367 г. до н.э.) с комментариями: D. Flach, Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar in Zu-sammenarbeit mit S. von der Laehr. Darmstadt, 1994. Развитие правовой системы: Bleicken J. Lex publica. Recht und Gesetz in der römischen Republik. Berlin; N. Y., 1975.

стали обязательны также для патрициев. Так постепенно, шаг за шагом, плебеи добились выполнения своих требований. Снятие острых противоречий способствовало усилению Рима. Вскоре (265 г. — подчинение Вольсиний) под властью Рима оказался почти весь Апеннинский полуостров.

Принято считать, что «борьба сословий» завершилась образованием единой гражданской общины — *civitas*, аналогичной греческим полисам. Был сделан решающий шаг в становлении общества античного типа. Формировалось представление о *res publica* (общественное достояние)¹³. Интересы коллектива ставились выше личных интересов каждого гражданина в отдельности, но их не отменяли. Гражданин был свободен, его собственность и личность защищены общиной и правом. В то же время римляне различались по достоинству (*dignitas*) — в соответствии с их заслугами, происхождением и достатком, а также личными качествами. Все эти черты должны были характеризовать «классическую» Римскую республику в трактовке сенатской идеологии. Разумеется, реальность выглядела гораздо сложнее.

Изучение Римской республики изначально усложнено тем, что на заре нового времени она рассматривалась как образец государственного устройства в противоположность диктатурам и абсолютным монархиям. Началом этому было положено идеологами нарождавшейся буржуазии, начиная с Н. Макиавелли и Ш.-Л. Монтескье¹⁴. Фундамент научного изучения Римского государства заложил Т. Моммзен. Сегодня успешно примененный им правовой подход существенно дополняется социологическим и рядом других. Но предложенная Моммзеном трактовка остается исходным пунктом изучения римской государственности¹⁵.

В XX веке исследователи уделили особое внимание историческому развитию и социальным основам Римской республики¹⁶. В ходе углубленного

¹³ Римская *civitas* была разновидностью античной гражданской общины. Будучи типологически близкой эллинскому «полису», она обладала рядом специфических отличий. Одно из них заключалось в ее относительной открытости, она расширялась за счет предоставления прав гражданства. Количество римских граждан (взрослых мужчин) в сер. II в. до н.э. составляло примерно 300 тыс. чел. (См.: Baltrusch E. Caesar und Pompeus. Darmstadt. S. 2). Строго говоря, на этой стадии развития речь должна идти о квазиобщине (*quasi civitas*). Следует различать два значения *civitas*. В устоявшемся в отечественной литературе и употребленном здесь значении это уже сформировавшаяся в Риме античная гражданская община. В другом, более широком значении, *civitas* — это община-государство как субъект международных отношений. Так обозначали римляне сотни общин, с которыми они так или иначе вступали в контакт. В этом смысле Рим был *civitas* уже во времена царей. Принятое в нашей литературе значение во многом обязано «классовому» подходу. В соответствии с этим, завершение сословной борьбы и запрещение долгового рабства, обусловив переход к античному рабству, «сделали римскую общину тем, чем она была» (Штаерман Е.М. Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978. С. 66). Более подробно о *civitas* и *res publica* см. раздел IV.4.

¹⁴ См.: Lintott A. The constitution of the Roman republic. Oxf., 1999. P. 233–255 ("The republic remembered").

¹⁵ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Handbuch der Alterthümer. 3 Bde. Leipzig, 1871 ff.

¹⁶ Как попытку «историзировать» концепцию Моммзена можно рассматривать работу Г. Зибера: Ziber H. Römisches Verfassungsrecht in Geschichtlicher Entwicklung. Lahr, 1952. Значительным шагом вперед явилось исследование В. Кункелем и Р. Витманом республиканских магистратур: Kunkel W.; Wittmann R.

изучения ее органов и учреждений выявляются новые особенности государственного устройства. Серьезные трудности вызывают попытки определить место Римской республики в государственно-правовой систематике. В данном контексте особенно важен активно обсуждаемый в последние четверть века вопрос о степени «демократичности» Римского государства классического периода.

Проблема обнаружилась уже столетие тому, когда М. Гельцер, Ф. Мюнцер, А. Премерштайн и ряд их последователей обратили внимание на неправомерные регуляторы политической жизни Римской республики. Выявились особые механизмы, обеспечивавшие представителям господствующего сословия ведущие позиции в государстве¹⁷. Согласно сложившимся к середине XX века представлениям, их исключительное влияние (*auctoritas*) основывалось как на заслугах и личных качествах, так и на богатстве и обширной клиентеле¹⁸. Власть принадлежала политическому классу сенаторов, из которого происходили магистраты, полководцы и сенаторы (часто в одном лице). Внутри сенатского сословия выделялась элита — нобилитет (от *nobilis* — знатный, славный; *nobilitas* — слава, родовитость), который был своего рода служилой аристократией¹⁹. К нему принадлежали те, кто имел в роду хотя бы одного консула или другого высшего (курульного) магистрата. Эта группа наиболее могущественных людей Римской республики сформировалась после окончания сословной борьбы в результате слияния старого патрициата и плебейской верхушки. Нобили уже по рождению претендовали на высшие магистратуры. Их поддерживала многочисленная клиентела. 30–40 знатных фамилий были связаны родственными и другими узами. Они препятствовали допуску в сенат, и особенно к курульным магистратурам, «новых людей»

Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik. Zweiter Abschnitt: Die Magistratur. München, 1995. Систематическое изложение государственно-правовой системы (несколько оторванное от ее социальных основ) представляет собой труд М. Райнера: Rainer M. Römisches Staatsrecht. Republik und Prinzipat. Darmstadt, 2006.

¹⁷ См.: Gelzer M. Die Nobilität der römischen Republik. Leipzig, Berlin, 1912; Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920; Stein A. Die römische Ritterstand. München, 1927; Hill H. The Roman middle class in the republican period. Oxf., 1952; Nicolet C. L'ordre équestre à l'époque républicaine (312–43 av.J.-C.). 2 t. P., 1966–1974; Meier Ch. Res publica amissa. S. 45–63 (общая картина: Die Grundlagen der aristokratisch geprägten Verfassung); Смышляев А. Л. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара) // ВДИ. 2003. № 3. С. 46–60 (с лит.). Также см.: Смышляев А. Л., Одегова Е. А. Проблема римской демократии в современной зарубежной историографии // Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 74–75. Популярное изложение проблематики: Дементьева В. В. Римская *civitas* республиканской эпохи // Античный полис. Отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М., 2010. С. 130–175.

¹⁸ Это была типично римская система иерархических социальных связей, в которых состояли члены различных сословий. Взаимные обязательства патронов и клиентов считались священными, основанными на верности (*fides*). Отношения «дружбы» (*amicitia*) могли быть как иерархическими, так и равноправными. См.: Premerstein A. Clientes // RE. Bd. IV 1. 1900. Sp. 23–55; Meier Ch. Res publica amissa. S. 120 f.

¹⁹ Gelzer M. Die Nobilität... S. 42.

(*homines novi*)²⁰, то есть не принадлежавших к их кругу. В то же время нобили не позволяли приобрести слишком большое влияние кому-либо одному из своей среды²¹. В историографии Римская республика в соответствии с этими взглядами определялась как аристократическая и олигархическая.

Со временем стали все больше привлекать внимание «отклонения» от принятой картины. Исследования К. Гопкинса, Г. Бартона и ряда других ученых показали, что представления о замкнутости нобилитета были преувеличены. В последние столетия Республики нобилитету была присуща сравнительно высокая восходящая и нисходящая мобильность. 32% консулов добились высшей магистратуры первыми в своей семье и напротив: многие сыновья и родственники консулов более не достигали этого и даже не попадали в сенат. Народ в определенных ситуациях не ограничивался ролью статиста. Клиенты могли менять своих патронов и выбирать политические позиции в зависимости от меняющихся обстоятельств. Демократический компонент государства играл существенную роль благодаря соревновательному характеру аристократической политики²².

В пользу демократического характера Римской республики решительно выступил Ф. Миллар²³. Он утверждал, что «ортодоксальный» взгляд искажает действительное соотношение учреждений Римской республики. При этом ученый несколько упростил ситуацию, поскольку «ортодоксальная

²⁰ По определению Цицерона — тот, кто прославился благодаря самому себе, без «рекомендации» предков (Cic. Catil. I.28). В устах нобилей *homo novus* означало как «выскочка».

²¹ Хорошо документированная и в то же время яркая картина: Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. С. 20–45 (сословия и статусы); 45–60 (политические течения), 61–182 (характеристики ведущих политических деятелей «золотого века»: Сципиона Старшего, Катона Цензора и Сципиона Эмилиана на фоне важнейших событий).

²² В последние тридцать лет Республики от одной трети до половины известных преторов были потомками консулов и только 40 из 178 были «новыми людьми» из всадников (Gruen E. The last generation of the Roman republic. Berkeley etc., 1974. P. 162 ff., 176). Такие наблюдения позволяют прийти к заключению, что курульные магистратуры были более доступны для нобилей, но не закрыты и для «новых людей», которые должны были прилагать для этого гораздо больше усилий. Репрезентативные данные получены К. Гопкинсом и П. Бартоном, которые проанализировали данные по консулам в последние два столетия Республики. Лишь 4% консулов принадлежали к семьям, в которых консульствами владели 6 поколений подряд. Лишь две пятых консулов были сыновьями консуляров и только треть консуляров имела сыновей-консулов (Hopkins K.; Burton G. P. Political succession in the late Roman republic (249–50 B.C.) // Hopkins K. Death and renewal. Cambr. etc., 1983. P. 31–117, here p. 55 ff. with tables 2.2. and 2.3). В то же время известно немало сенаторов из самых знатных семей, потерпевших поражения на консульских выборах. (Broughton T. Candidates defeated in Roman elections: some ancient Roman “also-rans”. Philadelphia, 1991). См. также: Lintott A. Democracy in the middle republic // ZRG Rom Bd. 104. 1987. S. 34–52; id. The constitution... P. 170–173; North A. The Roman counter-revolution // JRS 79. 1989. P. 151–157; Wallace-Hadrill A. Patronage in Roman society: from republic to empire // ids (ed.). Patronage in Roman society. L., 1989. P. 68–87 etc.

²³ Millar F. The Political character of the classical Roman republic, 200–151 B.C. // JRS. 1984. P. 1–19 (= id. Rome... 109–142); id. Political power in mid-republican Rome: curia or comitium? // JRS 79. 1989. P. 138–150 (= Millar, Rome... P. 85–108); id. The crowd in Rome in the late republic. Ann Arbor, 1998 (обобщающая работа, особ. см. с. 197 слл.). Статьи Ф. Миллара на данную тему собраны в томе: id. Rome, the Greek world and the east. Chapel Hill; L., 2002. Vol. I. The Roman Republic and the Augustan revolution (далее: Millar F. Rome I). См.: Смышляев А. Л. Народ, власть, закон... С. 47 слл.

наука», как показано ранее, уже давно начала отходить от прямолинейной трактовки аристократической Республики.

В центре критики Миллара оказались два пункта. Во-первых, в его изложении традиционная наука трактовала участие народа в управлении Республикой как формальное, пассивное и номинальное, уподобляя его дирижируемому сверху «фарсу» или «конституционному фасаду». Народ и господствующий класс, вместе со всем населением Италии и провинций, был крепко вплетен в единую сеть связей патроната и клиентелы. Это позволяло «олигархии» контролировать и управлять голосованиями, законодательством и выборами. Так «олигархия» имела возможность воспроизводить себя и осуществлять свое господство через сенат²⁴.

Миллар категорически выступил против этих положений «традиционной науки». Он подчеркнул, что сенат не был парламентом и законодательным органом. Не сенат, а *populus Romanus* являлся главной инстанцией республиканской конституции. Миллар перечисляет все функции народных собраний, которые также избирали должностных лиц, решали судьбы людей, городов и народов. Эти полномочия определялись «конституционно». Но важнейшим основанием, по крайней мере формальным, считать Римскую республику демократией, являлось уже «исключительное право» собраний издавать законы²⁵.

Вторым важным пунктом критики Миллара был вопрос о наличии господствующего класса, вхождение в который определялось происхождением. На самом деле происхождение отнюдь не гарантировало получение магистратуры, жреческой должности или места в сенате. Да, соглашался Миллар, были «нобили», предки которых отправляли высшие магистратуры. Но это не давало им никаких конституционных преимуществ. Даже persona, которая была *patricius* и *nobilis*, должна была добиваться магистратур. Каждый делал это для себя в условиях жесткой конкуренции, независимо от принадлежности к элите²⁶.

Лишь учитывая перечисленные обстоятельства, можно, по Миллару, выявить характер *libera res publica* — истинным ее сувереном был *populus Romanus*. Поскольку при решении важнейших вопросов народ имел решающее слово, то главной фигурой политической жизни был не патрон, по указке которого действовали клиенты, а оратор, убеждавший толпу на форуме²⁷. Уточняя, автор даже называл Республику «прямой демократией», близкой афинской. По его мнению, Римская республика являет собой один из не-

²⁴ См.: Millar F. Rome... I. P. 111, 124, 127, 137, 145 f.; id. Crowd. P. 1, 4 ff., 7 ff., 197 ff., 216 etc.

²⁵ Millar F. Rome... I. P. 99, 115, 120 ff., 122 ff., 139, 149, 166, 170 f. etc.

²⁶ См.: Millar F. Crowd... P. 4; ders. Rome I. P. 126 f., cf. P. 87; 90 ff.; 95 f.; 104 f.; 111; 141.

²⁷ Millar F. Rome... I. P. 112, 124, 136, 142, 147, 150, 158, 161, 178.

многих исторических примеров политической системы, которые вообще заслуживают определения «демократии»²⁸.

Построения Ф. Миллара подверглись довольно острой, во многом справедливой критике²⁹. Прежде всего, было обращено внимание на то, что он представил «конституцию» Республики как некую прочно сложившуюся систему. На самом деле, это были нормы, постоянно изменявшиеся не только по содержанию, но также в своем применении — в зависимости от социально-политических условий и исторических обстоятельств³⁰. По мнению критиков, в своем намерении внести новое в изучение Республики в действительности Миллар возвратился к пониманию, которое в последние сто лет было преодолено усилиями поколений ученых³¹. Как исторический опыт XX века, так и развитие смежных социальных наук показали недостаточность формально-юридического анализа для суждения о реальном соотношении политических сил и о характере государственного устройства.

Неубедительность концепции Миллара обнаруживается в предложенном им сравнении Римской республики с Афинской демократией. В период расцвета Афинской демократии важнейший орган — экклесия — регулярно собирался 40 раз в году. Собрание вел эпислат, выбранный по жребию из правящей десятой части Совета пятисот, так что решения не зависели от архонтов или стратегов. Напротив, собрание посредством ряда процедур могло привлечь к ответу и контролировать этих должностных лиц. В ходе обсуждения любой участник мог взять слово. При голосовании учитывалось мнение каждого гражданина, по принципу: один человек — один голос³².

²⁸ Millar F. Crowd... P. 11 with n. 21 ("...one of relatively small group of historical examples of political systems that might deserve the label "democracy"); 209 ("direct democracy") and ff., 210, 225 ("democracy"); id. Rome... I. P. 112 (сходство с Афинской демократией); 132, 139, 148 (сравнения и параллели с Афинской демократией); 65 ("direct democracy") etc.

²⁹ Burckhardt L. The political elite of the Roman republic // *Historia*. Bd. 39. 1990. P. 77–99, esp. 89 ff.; Jehne M. Einführung: Zur Debatte um die Rolle des Volkes in der römischen Politik // *Demokratie in Rom?* S. 1–9; Hölkeskamp K.-J. *SENATVS POPVLVSQVE ROMANVS*. Die politische Kultur der Republik – Dimensionen und Deutungen, Stuttgart 2004. S. 9 ff. (= ders., Rekonstruktionen einer Republik. Die politische Kultur des antiken Rom und die Forschung der letzten Jahrzehnte, München, 2004. S. 1 ff., Смышляев А. Л. Народ, власть, закон... С. 47 слл.).

³⁰ Wieacker F. *Römische Rechtsgeschichte*. Erster Abschnitt: Einleitung, Quellenkunde, Frühzeit und Republik, München 1988. S. 345, 353, 378 f.; Lintott A. *Constitution...* P. 1 ff., 163 ff., 191 ff. etc.; Brennan T. C. Power and process under the republican constitution // Flower H. I. (ed.) *The Cambr. companion to the Roman republic*. Cambr. 2004. 31–65; North 2006; Nippel W. *Gesetze, Verfassungskonventionen, Präzedenzfälle* // Hölkeskamp K.-J., Müller-Luckner E. (hrsg.) *Eine politische Kultur (in) der Krise? Die "letzte Generation" der römischen Republik*. München, 2009. S. 87–97.

³¹ См.: Hölkeskamp K.-J. Die "klassische" Republik in der Forschung 1986–2011 – Themen und Tendenzen. S. XV mit Anm. 20 (с литературой).

³² Систематическая характеристика Афинского государства в середине IV в. до н.э. содержится в «Афинской политии» Аристотеля (о совете пятисот и народном собрании: *Aristot. Ath. pol.* 43–54). О современных трактовках Афинской демократии см.: Маринович Л. П. Античная и современная демократия. Новые

В Риме порядок был совсем иной. Полномочия народных собраний были ограничены как конституционно, так и фактически. Соборы проводились нерегулярно, их назначали и вели магистраты. Только магистраты могли представлять кандидатов для выборов или объявлять результаты голосований, и лишь после этого решения вступали в действие. Но магистраты могли также назначить повторное голосование или закрыть собрание без объявления каких бы то ни было решений. Только магистраты обладали правом законодательной инициативы. В ходе собрания нельзя было вводить изменения в законопроекты, — их можно было только одобрить или отвергнуть³³. Равной и прямой подачи голосов отдельных граждан в Риме не было. Окончательное решение принималось по результатам голосования далеко не равновеликих центурий или триб, поэтому не обязательно отражало мнение большинства граждан³⁴. В период «золотого века» Республики народ действительно был обладателем решающего голоса, но использовать его мог лишь в соответствии с режиссурой нобилитета и в весьма ограниченном диапазоне.

Плебс не выдвигал из своей среды политических вождей. Хотя ряды нобилитета постоянно разбавлялись «новыми людьми», примерно у 40% консулов отец или дед занимали высшую магистратуру («внутренняя элита»)³⁵.

подходы к сопоставлению. М., 2007²; Дементьева В. В., Суриков И. Е. Античная гражданская община: греческий полис и римская *civitas*. Ярославль, 2010 (раздел о греческом полисе написан И. Е. Суриковым); Stein-Hölkeskamp E. Werben um die Mehrheit: Demokratie und Agonalität im klassischen Athen // Flaig E. (hrsg.). *Genese und Dynamik der Mehrheitsentscheidung*. München, 2013. S. 65–78 (с литературой).

³³ Предварительное обсуждение проектов могло происходить на сходках (*contiones*), но они не принимали решений. Эти сходки могли созываться только магистратами, которые определяли регламент. Выступали представители политического класса. Они полемизировали между собой на возвышавшейся над форумом трибуне (ее называли «ростры»). Публика слушала, проявляя свое отношение к обсуждавшемуся вопросу. Явное неодобрение могло даже стать для автора законопроекта сигналом к отказу от него. Но рядовой гражданин не имел возможности высказать свое мнение. Преимущество имели действующие магистраты. Статус и ораторские данные обуславливали вес, который имело то или иное выступление. См.: Morstein-Marx R. *Mass oratory and political power in the late Roman republic*. Cambr., 2004. P. 7 ff.; 34 ff. and pass.; Pina Polo F. *Public speaking in Rome: a question of auctoritas* // Peachin M. (ed). *The Oxford handbook of social relations in the Roman world*. Oxf., 2011. P. 286–303; Jakobson A. *The people's voice and the speakers' platform: popular power, persuasion and manipulation in the Roman forum* // *SCI*. Vol. 23. 2004 P. 201–212; id. *Traditional political culture and the people's role in the Roman republic* // *Historia*. Bd. 59. 2010. S. 282–302, 293–297; Hölkeskamp K.-J. *Concordia contionalis*. Die rhetorische Konstruktion von Konsens in der römischen Republik // Flaig E. (hrsg.). *Genese und Dynamik der Mehrheitsentscheidung*. München, 2012.

³⁴ См. также: Flower H. I. *The imperial republic* // Barchiesi A., Scheidel W. (eds.). *The Oxf. handbook of Roman studies*. Oxf., 2010. P. 519–532 523 ff.; Eder W. *Who rules? Power and participation in Athens and Rome* // *City-states in classical antiquity and medieval Italy: Athens and Rome, Florence and Venice*. Eds. A. Molho, K. Raaflaub, J. Emlen. Stuttgart, 1991. P. 169–196; Ungern-Sternberg J. von. *Die Legitimitätskrise der römischen Republik* // *HZ*. Bd. 266. 1998. S. 607–624 (= id. *Römische Studien. Geschichtsbewußtsein — Zeitalter der Gracchen — Krise der Republik*, München etc., 2006. S. 391 ff.); Hölkeskamp K.-J. *Die "klassische" Republik... S. XVI*. После братьев Гракхов роль народных собраний росла параллельно с уровнем их коррумпированности. В конечном счете, это вовсе привело к утрате республиканскими органами реального влияния на государственные дела и к «падению Республики».

³⁵ Hopkins K., Burton G. *Political succession...* P. 62, 113, 117.

Даже «популярные» реформы пытались проводить представители политического класса, для которых плебс был прежде всего орудием политической борьбы и средством достижения собственных целей. Отмечая все эти обстоятельства, критики Миллара указывают, что конституционные функции народных собраний еще не дают оснований считать Римскую республику демократией.

Действительно, во всех формах политической жизни проявлялась иерархичная структура римского гражданства. Это скорее очевидно, чем нуждается в доказательствах. Гораздо сложнее ответить на другой вопрос: почему суверенный Римский народ не пытался изменить это устройство? Широкие полномочия магистратов, авторитет сената и особое место нобилитета в политической системе Республики были результатом пройденного Римом исторического пути. Как это известно также из других исторических примеров, устоявшийся порядок вещей до наступления чрезвычайных обстоятельств представляется единственно возможным.

В первые столетия существования Рима решающим фактором была постоянная военная угроза. Для противостояния ей требовалась сильная исполнительная власть, сплоченность и дисциплина, что способствовало военизации государства. В дальнейшем эти черты стали привычными и необходимыми. Они расценивались как достоинство уже потому, что оказались эффективными. Представители нобилитета привели Рим к господству в Италии, сделали его великой державой в Средиземноморье. Это была олигархия, но ее ведущее положение рассматривалась как заслуженное (поэтому ее обозначают также как «меритократию» (власть достойных)³⁶ Народ доверял ей политическое и военное руководство. К чему было менять то,

³⁶ Меритократия — современный термин, введенный в политологическую литературу в 1950-е годы Ханной Арендт. Образован от лат.: *mereo* — заслуживать, быть достойным, *merito* — по заслугам, *meritus* — заслуженный, достойный, — и греч.: *kratein* — властвовать, *kratos* — власть. То есть, это «власть заслуженных, достойных». Мысль о том, что власть должна принадлежать достойнейшим, была хорошо известна античности. Если Платон говорил в этом смысле о сословии «философов», то для Цицерона это были оптиматы (см. след. примеч.). Идеи меритократии приобретают влияние в современной политической мысли, подпитываясь не только от античных мыслителей, но и от конфуцианства. Наиболее известный опыт практической реализации идеи меритократии дает Сингапур. Следует отличать ее от технократических представлений (например, об отборе «социальных менеджеров» на основе IQ). См.: Янг М. Возвышение меритократии // Утопия и утопическое сознание. М., 1991. Применительно к нашей теме см.: Hölkeskamp K.-J. Die Entstehung der Nobilität. S. 204–240 (Kapitel V), S. 249 f. 318–331; ders. Rekonstruktionen einer Republik. Die politische Kultur des antiken Rom und die Forschung der letzten Jahrzehnte. München, 2004. S. 53 ff.; 61 ff. (engl.: id. Reconstructing the Roman Republic. An Ancient Political Culture and Modern Research. Princeton 2010. P. 48 ff.; 61 ff. (с лит.); Дементьева В. В. «Меритократия» Римской Республики: право, ритуал, политическая культура // IVS ANTIQVVM. Древнее право. Вып. 17. 2006. С. 55–65; Dement'eva V. V. Die römische «Meritokratie» und die Entwicklung politischer Untersuchungen zur modernen Theoriebildung und Historiographie // Dement'eva V., Schmidt T. (Hrsg.). Volk und Demokratie im Altertum. Bd. I. Göttingen, 2010. S. 107–141. Сравн.: Селецкий Б. П. Социальное и политическое значение слова «bonus» (*boni*) в «Переписке» Цицерона // ВДИ. 1976. № 2. С. 142–156; его же. Термин «optimates» в его первоначальном общепринятом значении в «Переписке» Цицерона // ВДИ. 1979. № 4. С. 117–126.

что хорошо функционировало и приносило успех? Иерархичность не только не противоречила принципам римской *civitas*, — она формировала остов ее организации.

Нобилитет и весь политический класс (сенаторы и всадники) занимали ключевое место в гражданском коллективе. Они не мыслили себя вне *civitas* и служили ей, соревнуясь между собой в доблести. В период расцвета Республики (и это было запечатлено в «римском мифе») представители высшего сословия стремились к первенству и признанию граждан. Та система жизненных ценностей, на которую они ориентировались, прекрасно вписывалась в общую систему представлений и интересов гражданской общины. Римская *civitas* предусматривала активную вовлеченность каждого гражданина в «общее дело», включая участие в народных собраниях, выборах, в принятии законов. Сюда же относились публичность политики, постоянное присутствие и максимальная активность политического класса в общественном пространстве. Но все это было характерно не исключительно для демократий, и даже не только для античных гражданских общин-полисов, но также для многих городов-государств доиндустриальной эпохи, к примеру, Венеции позднего средневековья или Флоренции времени Медичи. Без этого не мыслилась политическая жизнь античных гражданских общин.

Стоит прислушаться к одному из авторов новой концепции римской политической культуры К.-Й. Гёлькекампу. По его мнению, римская аристократическая (меритократическая) политическая культура предусматривала также центральную роль народа при «конституировании и репродуцировании» аристократии как политического класса. Римский народ выступал при этом «не только в качестве «избирателей» в комициях, но и как необходимый адресат и «оппонент» политической активности»³⁷. Важны были не только результаты выборов, которые в основном предопределялись предварительным отбором. Для своеобразного театрального действия необходимо было присутствие народа в Городе, в местах общественной активности. Без этого не мог состояться политический спектакль — он терял всякий смысл.

Нобилитет выработал систему самопрезентации, в которую входил широкий спектр ритуалов и церемоний: триумфы, погребальные спектакли на похоронах нобилей, «помпы», предшествовавшие религиозным празднествам и играм. В рассматриваемое время, как и в дальнейшем, число и разнообразие таких представлений быстро увеличивалось. К ним относились также театральные спектакли и гладиаторские бои, травли зверей и публичные казни. Люди, стремившиеся сделать политическую карьеру, не жалели уси-

³⁷ См.: Hölkeskamp K.-J. Die Entstehung der Nobilität. S. XXV.

лий и средств для строительства общественных сооружений, освящения храмов, установки статуй, которые снабжались надписями с указанием пожертвователей средств.

Ряд действ и ритуалов закреплял наглядную структуру гражданства, деление по сословиям, статусам, территориям. Особенно важны были цензы и люстрации, центуриатные и трибутные комиции, где каждый занимал свое место в общем строю. Определенную роль играла символика одежды сенаторов и всадников, сопровождавшие высших магистратов ликторы и толпы клиентов. Соблюдаемые всеми ритуалы обеспечивали в то же время коммуникацию, взаимодействие и ощущение единства общины. Все участники были одновременно действующими лицами и публикой. Роли были хорошо распределены. Это был своего рода театр размером в Город, в котором особое место занимали такие площадки для буквально тесного общения, как комиций, форум, Марсово поле³⁸.

«Церемониальная культура» была важной составляющей римской политической системы. Ритуал регулярно актуализировал коллективную мораль. Он легитимировал политический класс, с одной стороны, и воспроизводил «акцептирование и согласие» — с другой. Народ выполнял важнейшую роль хора: он был нейтральной стороной в ожесточенной борьбе знати за распределение должностей и в то же время — высшей и окончательной инстанцией. Решение собрания обжалованию не подлежало. Поэтому политики прилагали так много усилий для завоевания поддержки Римского народа. Это является лишним свидетельством тому, что занятие высших магистратур, как и принадлежность к нобилитету, не были наследственными³⁹.

Внимание, уделяемое коммуникативной стороне римской политики, обогащает общую картину республиканского Рима⁴⁰. Здесь все же необходима оговорка. Некоторые современные описания ритуалов и церемоний могут создать впечатление, что весь Рим представлял собой сцену, на которой можно было заказать и устроить любое представление. Но следует иметь в виду, что даже самые изощренные «коммуникативные» средства могли достичь желаемой цели только в том случае, если согласовывались с остальными элементами политической системы. В конечном счете, за прекрасными речами, красивыми жестами и грандиозными представлениями должно было стоять соответствовавшее убеждениям и

³⁸ См. красочную и в то же время точную характеристику римской тесноты в книге Г. С. Кнабе «Древний Рим — история и повседневность» (М., 1986. С. 153 сл.).

³⁹ О термине «акцептирование» см. раздел II.3 с примеч. 85 сл. Судя по всему, принадлежность к нобилитету должна была подтверждаться хотя бы в третьем поколении. О возникновении и характере нобилитета: Hölkeskamp K.-J. Die Entstehung der Nobilität. Pass. und bes. S. 204–240 (Kapitel V), 249 f. 318–331.

⁴⁰ Hölkeskamp K.-J. The Roman republic as theatre of power: the consuls as leading actors // Beck H. etc. (eds.). Consuls and res publica: holding high office in the Roman republic. Cambr. etc., 2011. P. 161–181.

интересам граждан содержание. Ведь не случайно никто из тех современников, которые размышляли о судьбах Римской республики и о причинах ее упадка, не поставил во главу угла неудачную театральную постановку, проигрыш чьего-то любимого возничего или даже нескладную речь перед согражданами.

На некоторые важные аспекты политического взаимодействия различных групп римского гражданства в период поздней Республики обратил внимание А. Якобсон в монографии о выборах в позднереспубликанском Риме⁴¹. Не удовлетворившись ни одной из крайних оценок Республики как олигархии или демократии, он рассмотрел механизмы политической борьбы. Якобсон обратил внимание прежде всего на выборы курульных магистратов, в частности, на поведение кандидатов. Высших магистратов избирали центуриатные комиции, которые оцениваются как оплот олигархии. Но факты подкупа, заискивание кандидатов перед простыми гражданами говорят о существенном влиянии городского плебса на исход голосования⁴².

С другой стороны, несмотря на значительное ослабление клиентской зависимости, и в целом демократизацию политической жизни Поздней Республики, олигархия играла важную (хоть и не абсолютно доминирующую) роль в политической жизни⁴³. Это не значит, что представители нобилитета автоматически получали высшие должности, — они были соискателями и добивались их в ходе жесткой конкуренции. Политическая элита (нобилитет) постоянно пополнялась за счет «новых людей». И все же представители аристократических семей имели лучшие шансы на достижение высших магистратур, чем «новые люди»⁴⁴. Якобсон убедительно объясняет этот факт прежде всего силой традиций, на которые все еще сильно ориентировалось римское гражданство, в том числе городской плебс. В сознании было глубоко укоренено убеждение, что потомок тех, кто уже успешно послужил «республике», *nobilis*, заслуживает большего доверия, чем безвестный *homo novus*⁴⁵. Автор еще раз обратил внимание на тот известный факт, что «нобили» преобладали и среди вождей «популяр»⁴⁶. Даже в условиях кризиса Республики, когда легитимация правящего класса ослабела, политика была отмечена «радикализмом в законодательстве, но социальным консерватизмом в выборе магистратов»⁴⁷.

⁴¹ Yakobson A. Elections and electioneering in Rome: a study in the political system of the late republic. Stuttgart, 1999.

⁴² Ibid. P. 11.

⁴³ Ibid. P. 12,

⁴⁴ Yakobson A. Elections... P. 210 ff., в частн., глава 7, раздел 9 "Petitio". P. 211 ff. Сравн. выше, примеч. 22.

⁴⁵ Ibid. P. 209 слл. (раздел «Социальный консерватизм электората»).

⁴⁶ Ibid. P. 207 сл.

⁴⁷ Ibid. P. 204.

Сопоставляя эту ситуацию с классической Элладой и оценками Аристотеля, автор замечает, что народ, как правило, избирает на самые ответственные должности аристократов в качестве «лучших». Он поступает так в собственных интересах. По мнению автора, «выборы магистратов народом могут равным образом рассматриваться как признак аристократии и демократии; принципиальная разница заключается в ...соотношении власти магистратов по сравнению с народом», в том, «насколько народное собрание действительно может направлять и контролировать политику государства». В современной представительной демократии народ тоже является главным источником власти. Но согласно античной классификации, подобную форму правления «лучше всего было бы определить как аристократию»⁴⁸.

Выборность магистратов легитимировала положение как магистратов, так и сената (состоявшего из бывших магистратов). Это должно было обеспечить гармонию — «правление сената в согласии с народом». Для сторонника такого согласия Цицерона свобода и власть народа при идеальной конституции отнюдь не были «показными». Это означало, что «правлящий класс (действительно) должен был стремиться править таким образом, чтобы добиться гражданского согласия»⁴⁹. Нам остается добавить, что это необходимое условие нормального функционирования полиса (*civitas*). Цицерон, как и большая часть его сограждан, мыслили себе Рим только в таком качестве.

Для рассматриваемой темы важны также рассуждения Якобсона о сущности кризиса Республики. Народ голосовал за нобилей не потому, что признавал легитимность системы, — она принималась, поскольку отводила место (пусть и ограниченное) и для рядовых граждан. Более того, система давала им ощутимые преимущества. Городской плебс Поздней Республики получал за свои голоса подачки от нобилей, а те взаимообразно — очередные высшие должности. Императоры предоставили городскому плебсу все эти выгоды в еще большем объеме, освободив нобилей от затрат и от заискивания перед народом. И если некоторые нобили были недовольны, то плебс принял это безоговорочно, рассматривая императора как гаранта своих интересов, а также мира. «Городской плебс поддерживал новую систему — но это не означает, что он разрушил старую. Это сделали не граждане, голосовавшие за Цезаря, а солдаты, которые следовали за ним в гражданской войне». Большая их часть происходила из беднейших слоев сельского плебса — той части гражданства, которая была наиболее далека от Республики и ее учреждений. Они не голосовали из-за удаленности от столицы и соответственно не получали ничего от честолюбивых политиков. Эта огромная масса оставшихся без средств существования крестьян

⁴⁸ Ibid. P. 197. Со ссылкой на: Cic. rep. I.47.

⁴⁹ Ibid. P. 206.

пополняла со времен Мария профессиональную армию. Республиканские учреждения не могли удовлетворить их нужды. Потому легионы пошли за полководцами, готовыми обеспечить своих ветеранов необходимыми средствами, в первую очередь землей. Эти две силы объединились вне системы *civitas*. Так «структурная» слепота правящего класса привела Республику к гибели⁵⁰.

В остальном существовавшая политическая система была хорошо урегулирована. Ее олигархический и популярный элементы были взаимосвязаны и взаимозависимы. В определенном смысле (и по сути), продолжает автор, любая политическая система представляет собой олигархию. А. Якобсон цитирует Р. Сайма: «Во все времена, при всех формах и названиях правления, будь то монархия, республика или демократия, за фасадом прячется олигархия». Функционально олигархией является также демократия, Римскую республику тоже можно определить как олигархию, или, более мягко, как аристократию. «Но форма и название правления — не только фасад. Олигархия присутствует везде, но не одна и та же. Демократическая или республиканская олигархия типа римской может сильно отличаться от монархической или (в узком смысле) олигархической олигархии». Все зависит от баланса и соотношения составляющих элементов⁵¹. В самом общем смысле приведенные соображения полезны для понимания того, как функционирует любое государство. Все же в данном случае важно понять специфику Рима, и потому для дальнейшего рассмотрения полезно оттолкнуться от замечания Якобсона, которым он завершает свою книгу: «Представляется, что Полибий, в конечном счете, знал, о чем рассказывал»⁵².

Греческий историк и философ безусловно был одним из самых вдумчивых и заслуживающих доверия наблюдателей Римской республики. Полибий был знаком и даже дружен со многими политиками эллинистического мира, тесно общался с влиятельными римлянами. Представитель знатной ахейской семьи впервые попал в Рим в 167/166 г. до н.э. в качестве заложника⁵³. В дальнейшем Полибий выполнял важные поручения римского правитель-

⁵⁰ Ibid. P. 229–331. В своих построениях Якобсон опирается на ряд работ, в т.ч.: Yavetz Z. Plebs and princeps. Oxf., (1966), 1969. P. 103–105; Brunt P.A. The army and the land in the Roman Revolution // JRS. Vol. 52. 1962. P. 69–84. О политической позиции и роли солдатской массы см. также важную работу: Botermann H. Die Soldaten und die römische Politik in der Zeit von Caesars Tod bis zur Begründung des Zweiten Triumphats. München, 1968 (1969). См. также след. сноску.

⁵¹ Jakobson A. Elections... P. 233, cf.: Vishnia R. State, society and popular leaders in mid-republican Rome, 241–267 B.C. L., 1996. P. 195–204 (по мнению автора популярный элемент в Риме поддерживал олигархический режим. P. 202); Syme R. The Roman Revolution... P. 7.

⁵² Ibid. P. 333.

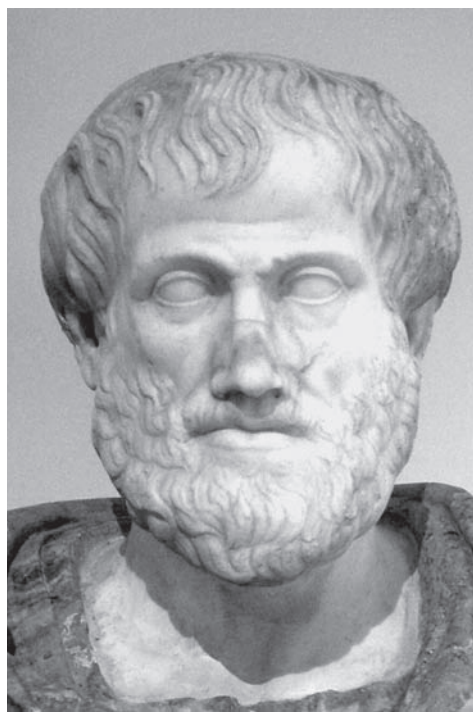
⁵³ В 150 г. выжившие заложники возвратились на родину, так что первое пребывание Полибия в Риме продлилось около 17 лет. См.: Тыжов А. Я. Полибий и его всеобщая история // Полибий. Всеобщая история. Том I. СПб, 1994. С. 6.

III.4. *Портрет Аристотеля*

ства. Особые узы связывали Полибия со Сципионом Эмилианом, для которого историк был наставником и советником (например, при осаде Карфагена). Римские обычаи Полибий изучал, несомненно будучи уже знаком с достижениями греческой политической теории. В частности, описывая устройство Римского государства, историк применил хорошо известное к тому времени учение о смешанной конституции.

Уже Платон в «Законах» указывал как на пользу смешения монархического и демократического элементов, так и на предпочтительность нахождения середины между ними при устройстве государства⁵⁴. Распространено было также представление о неизбежной порче государств и естественном процессе превращения государственных форм друг в друга. Развернутое учение о государстве и его формах содержится в сочинениях Аристотеля, в частности, в его «Политике». Там имеется известная классификация видов государств. По Аристотелю, можно выделить шесть основных видов государственных устройств, из которых три правильные, а другие представляют собой извращения (порчу) трех первых. Правильным видом является царская власть, когда один правит в интересах общего блага; ее извращение — тирания, когда один руководствуется своей выгодой. Аристократия представляет собой правление немногих лучших во благо всех; при олигархии власть у немногих богатых, пекущихся лишь о своих интересах. Полиция есть правление большинства, которое заботится об общем благе; демократия — своеволие неимущего большинства, преследующего лишь собственные интересы.

Два критерия кладет Аристотель в основу различения правильных и испорченных форм. Кроме приверженности правителей общему благу или

⁵⁴ Plato legg. III. 691e–692a, 693d f.; VI. 756e. Кроме этих пассажей, А. Линтотт указывает и на более ранние упоминания или намеки на умеренную или смешанную конституцию, в частности, у Солона, Фоклида, пифагорейцев, Пиндара, Геродота и Фукидида. См.: Lintott A. The constitution... P. 214 f.

собственной корысти, это проявление добродетели в условиях правильных форм и ее отсутствие при извращенных⁵⁵. Кроме того, необходимо, чтобы государство не было ни демократией ни олигархией, — но серединой между ними. Таковой Аристотель считал гоппитскую политику, то есть государственное устройство, в котором ведущую роль играют зажиточные граждане. Но поскольку даже хорошие простые формы неизбежно портятся, — это лежит в природе человека и общества, — следует предпочесть государственное устройство, при котором различные элементы посредством взаимного сдерживания и контроля предотвращают или по крайней мере замедляют порчу. В качестве государств со смешанной конституцией Аристотель характеризовал Лакедемон, Крит и Карфаген. Наиболее удачной была спартанская конституция, сочетавшая олигархию (герусию), монархию (цари) и демократию (эфоры)⁵⁶.

Подобным образом Полибий представил Рим. Но его задача была иной, чем та, которую ставил перед собой греческий ученый. Аристотель организовал и осуществил огромный исследовательский проект для сравнительного изучения существовавших государств. Он стремился к объективному анализу и обобщению полученных эмпирических данных. На этой основе вырабатывались практические рекомендации для политиков⁵⁷. Цель Полибия была скорее просветительской или даже пропагандистской. Следовало объяснить своим соплеменникам, почему небольшая никому не известная община победила могущественнейшие государства и создала огромную империю. При этом, в качестве посредника между римлянами и греками, Полибий пытался представить завоевателей в выгодном свете. Не будучи столь образованны и культивированы, римляне на практике, путем проб и ошибок, пришли к такому государственному устройству, которое греческие мудрецы и философы изобрели в ходе долгих размышлений. Понятно, что эта задача не способствовала созданию абсолютно объективной картины. Тем не менее, образование, знания и опыт Полибия сделали свое дело, и VI книга стала лучшим систематическим описанием устройства Римской республики⁵⁸.

⁵⁵ Aristot. pol. III. 4. 1 sqq. Аристотель начинает с характеристики государства вообще (*politeia*), которое изначально создается для всеобщей пользы и счастливой жизни. Это должно быть критерием оценки любого государства, что вновь подчеркивается в 4.7, 5.1 и неоднократно далее. В главе III. 5 Аристотель переходит к характеристике основных форм государства. См.: Доватур А. И. «Политика» Аристотеля // Аристотель. Соч. в 4-х томах. Т. 4. М., 1984. С. 38–52, здесь с. 41 сл.; его же. «Политика» и «Политии» Аристотеля. М., Л., 1965.

⁵⁶ Aristot. pol. II. 1269a–1271b (II. 6. 1). В последующих разделах главы в качестве примеров смешанных конституций рассматриваются также критский и карфагенский строй.

⁵⁷ А. И. Доватур предположил, что одной из важных целей Аристотеля было снабдить практическими рекомендациями своего ученика Александра Македонского, который на завоеванных им территориях основывал десятки новых городов. См.: Доватур А. И. «Политика» Аристотеля. С. 45; его же. «Политика» и «Политии» Аристотеля.

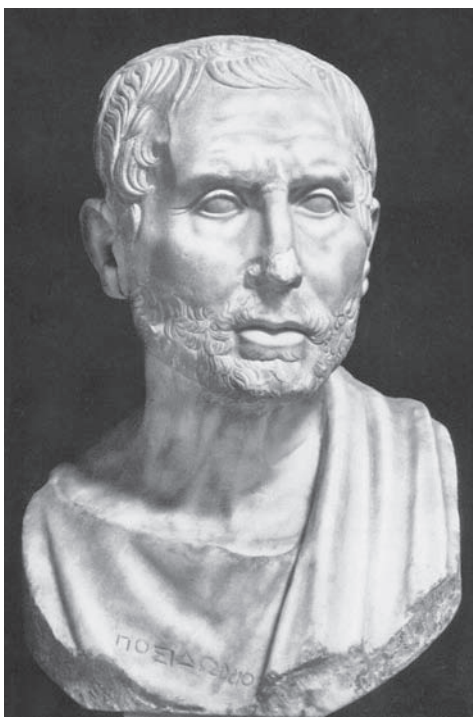
⁵⁸ См.: Lintott A. The constitution... Esp. P. 16 ff.

Историк подробно рассказал о государственных учреждениях, организации армии, воспитании подрастающего поколения и религиозных установлениях римлян (Polyb. VI.1 sqq.). Пытаясь убедить соотечественников, образованных греков, в благодетельности завоевания, историк показывал, что Римское государство соответствует их представлениям об идеальном политическом устройстве — смешанной конституции. При этом, по Полибию, консулы представляют монархический элемент, сенат — аристократический, народ — демократический (ibid. VI.10.13, 11.12)⁵⁹. Историк также отметил большое внимание, которое римляне уделяли религии, воспитанию молодежи, привитию ей гражданских качеств и уважения к традициям.

Следуя Аристотелю, Полибий считал, что любое государство, как и отдельный человек, переживает различные возрасты, от рождения до смерти. Простые государственные формы неизбежно подвергаются порче. Но их смешение способствует большей стабильности (Polyb. VI.5–9, cf. 18. 1–4). Каким бы совершенным ни казалось Римское государство, уже во времена Полибия было ясно, что оно не свободно от недостатков. Со временем знать «по заслугам» становилась знатью преимущественно по происхождению и богатству⁶⁰. Трудно было не заметить изменений, происходивших в обще-

⁵⁹ Вопрос о том, соответствует ли Полибиева трактовка Римской республики исторической действительности, является дискуссионным. Но указывая на упрощения с элементами идеализации, современные исследователи склоняются к мнению о достоверности трактовки греческого историка в целом. См.: Егоров А. Б. Античная демократия и римская политическая система // Вестник СПбГУ, серия 2. вып. 4. 2009. С. 34–47, см. с. 38 сл.; его же. Римская аристократия, ее сущность и историческая роль // Нобилитет в истории старой Европы. СПб., 2010. С. 120–139, см. с. 121 сл. О Полибии и его исторической концепции см.: Немировский А. И. Полибий как историк // ВИ. 1974. №6. С. 87–106; Мирзаев С. Б. Полибий. М., 1986; Самохина Г. С. Полибий: эпоха, судьба, труд. СПб., 1995; Беликов А. П. Рим и эллинизм. Проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 256 слл.; Fritz K. The theory of the mixed constitution in antiquity: a critical analysis of Polybius' political ideas. N. Y., 1954. (перевод: Фриц К. Теория смешанной конституции в античности: критический анализ политических взглядов Полибия. СПб., 2007); Walbank F. W. Polybius, Rome, and the Hellenistic world. Cambr., 2002; McGing B. C. Polybius' histories. Oxf., 2010; Dreyer B. Polybios. Leben und Werk im Banne Roms. Hildesheim, 2011 etc. См. также разделы IV.5 с примеч. 105, VI.1. с примеч. 13 и др.

⁶⁰ В этом смысле Цицерон говорил об оптиматах, различая истинно «лучших» и тех, кто не заслуживают этого наименования (Cic. ger. I.68 sq.; сравн. также его трактовку различия оптиматов и популяров: Sest. 96–99 sq.). «Лучшие» это прежде всего те, кто обладает *virtus* (буквально и прежде всего — «мужество», военная, гражданская «доблесть»). Со временем слово приобретало более широкий смысл, обозначая также целый спектр «наилучших» моральных качеств (не без влияния греч. *arete* — слово, обозначавшее как доблесть, так и совершенство в любой области, и не только у людей). Хотя знатное происхождение давало преимущество при прохождении *cursus honorum*, а богатство было предпосылкой успешной политической карьеры, они не приравнивались к истинной *virtus*, а рассматривались как *extraneae* («внешние») *virtutes*. Это были дары судьбы. Аналогично различались *virtus* и *felicitas* (счастье как следствие удачи). Если человек обладал богатством, знатным происхождением, силой и другими дарами судьбы, то его *virtus* оценивалась по тому, как он ими пользовался (Cic. orat. II.84/342, cf. 11/45 sq. etc.). *Virtus* присуща человеку, *felicitas/fortuna* зависит от расположения богов, богатство и происхождение — дары судьбы. Для римской общественной мысли времени Поздней Республики и Ранней Империи было характерно критическое отношение к росту богатств. Саллюстий, как и Катон Цензор, видели в нем один из разрушающих

Илл. III.5. Портрет Посидония

стве. В своей «Истории» Полибий запечатлел Сципиона Эмилиана, взиравшего на горевший Карфаген. Этот выдающийся полководец, против своего желания выполняя решение сената сровнять с землей цветущий город, не смог удержать слёз. Он знал, что и Риму в конечном счете уготована такая же судьба⁶¹.

Описание Полибия является важнейшим источником для изучения государственного строя «классической» Римской республики. Не менее важно и то, что мысли, высказанные Полибием, должны были лишний раз обратить внимание об-

разованных римлян на вопрос о наилучшем государственном устройстве⁶². Продолжателем «Всемирной истории» Полибия был Посидоний, крупнейший представитель Средней Стои (ок. 135–51 гг. до н.э.). Он тоже высоко оценивал успехи Рима, восхищался Помпеем. В свое время, на Родосе, среди его слушателей были Помпей и Цицерон.

В середине II века до н.э. *civitas Romana* (которую принято называть Римской республикой) переживала стадию расцвета. Она владела огромными территориями и все же оставалась гражданской общиной с правильной го-

государство факторов (Cato fr. 224 ORF2; Sall. Cat. II.4–7 etc.). Противопоставление корысти и славы читается в «Посланиях» Горация (Hor. ars poetica /epist. ad Pis. 323–332). В I в. н.э. осуждение богатства и роскоши становится едва ли не общим местом римской литературы (отец и сын Сенеки, Петроний, Марциал, Ювенал). См.: Earl D. The moral and political tradition of Rome. Ithaca, N. Y., 1967, esp. p. 20 ff, 45 ff., 81 ff., Eisenhut W. Virtus romana: ihre Stellung im römischen Wertsystem. München, 1973 (рассматриваются значения слова у римских авторов Республики и Империи, у Цицерона S. 57–76); id. Virtus // RE Suppl. Bd. XIV. Sp. 896–910; Fears J.R. The theology of victory at Rome // ANRW Bd. II.17.2. 1981. S. 747 f.; McDonnell, Myles Anthony. Roman manliness: virtue and the Roman republic. Cambr., 2006 etc. O clipeus virtutes см. раздел VII.4. Об отдельных неимоверных богатствах в позднереспубликанском Риме см., напр.: Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. Stuttgart, 2011⁴. S. 111–113 etc.

⁶¹ Polyb. VI. 9. 10–15, cf.: App. lib. 132. 628 sqq.; Diod. XXXII. 24.

⁶² В разделах IV. 4–5, V. 2 и V. 9 мы возвратимся к вопросу о теоретической разработке и практическом воплощении идеи «смешанной конституции» на римской почве.

сударственной организацией. В ней присутствовали три элемента власти. Демократический элемент нагляднее всего проявлялся в народных собраниях. Но для рядовых граждан не менее важными, чем политические, были их гражданские и имущественные права. Они гарантировались общиной, системой ее властных органов, правом, господствовавшими представлениями и ценностями.

В период расцвета Римской республики каждый из ее элементов (собрания, сенат, магистратуры) играл существенную роль. Преобладали общие интересы (*res publica*). Это заставляло искать и находить компромиссы, принимать решения на основе консенсуса. Следует подчеркнуть, что Рим не был демократией. В основном, перечисленные черты не были специфической античных демократий, — они были характерны для всех «правильно» устроенных гражданских общин⁶³.

Полибий изобразил устройство Римской республики в статике, как моментальный снимок. Зная историю Римской государственности, следует говорить о «динамической смешанной форме», в которой шла постоянная борьба между тремя изменяющимися во всех измерениях элементами. На исторически коротких промежутках они достигали относительного равновесия. В такие моменты консулы пользовались властью для достижения выдающихся побед во благо граждан, сенат — авторитетом для выбора курса государственного корабля, а народ поддерживал, терпел или отвергал отдельных принцепсов (первенствующих), используя их соперничество и пользуясь плодами общих побед. На таких условиях он сохранял верность своим вождям.

Решающую роль в этой равновесной системе играл сенат, и не столько по причине своих полномочий и состава (в него входили бывшие и настоящие магистраты, избранные народом). Сенаторы признавались коллективом граждан «лучшими» мужами и опорой государства. В этом смысле можно вслед за Полибием рассматривать Римскую республику периода ее расцвета как смешанную форму государства при ведущей роли «лучших» граждан.

⁶³ Проблема частично заключается в том, что в современной политологии, и особенно в политической публицистике, «демократии» там, где они действительно были или есть, без достаточных оснований идеализируются. С другой стороны, понятие «демократия» девальвируется слишком широким применением. Эта ситуация отражается также в антиковедческой литературе.

III. 2. «Утрата республики» и поиски альтернатив

Полибий наблюдал Римскую республику на вершине ее могущества и процветания. Один за другим покорялись богатейшие города и регионы. Тяжелогружённые корабли везли в италийские порты богатства из Азии, с Балкан, из Африки и Испании. Италию наводнили сотни тысяч рабов. Триумфы великих полководцев длились по несколько дней. Победители-императоры повелевали целыми странами, которые затем становились «провинциями Римского народа». Наместники-сенаторы, откупщики-всадники, собиравшие налоги, мелкие и крупные торговцы, пользуясь привилегиями победителей, за считанные месяцы сколачивали (или, точнее, «выколачивали» из провинциалов) целые состояния. Но вскоре оказалось, что достигнутая слава, и тем более богатство, ведут государство к катастрофе.

Поначалу грабеж побежденных давал возможность смягчать социальные проблемы. Граждане получали кто надел земли, кто раба, кто меру зерна на пропитание. Но хлынувшие в Рим сокровища и появившиеся возможности быстрой наживы неизбежно разрушали общинные устои. Это особенно проявилось в росте влияния и могущества удачливых полководцев. Опираясь на преданные им профессиональные армии и вкушая дурманящие рассудок почести, особенно в восточных провинциях, они «освобождались» от контроля общинных традиций. Марий и Сулла, Помпей и Цезарь все более ценили собственное достоинство (*dignitas*), влияние, могущество, богатство — в ущерб общественному благу. Ориентирами, вместо *res publica*, становились интересы «партий», легионов, личная нажива.

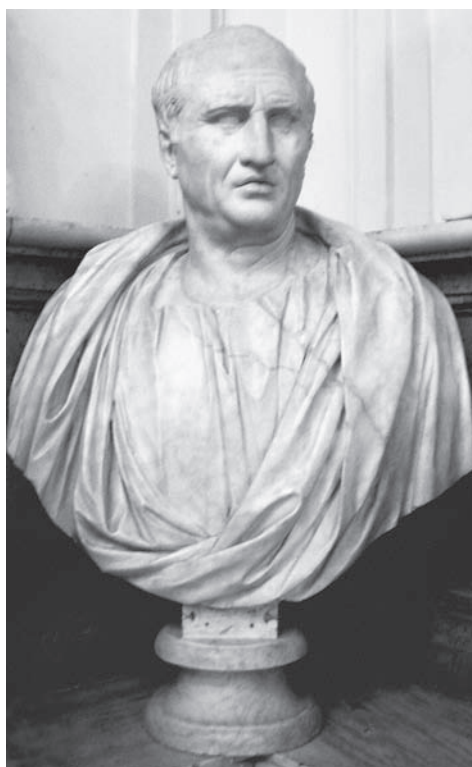
В основе всей социально-политической системы Римской республики лежали жизненные ценности *civitas*. Но численный рост числа граждан, особенно в результате Союзнической войны, а еще более — приток богатств — вели к перерождению прежней гражданской общины. Хотя идеалы гражданской солидарности оставались живы, в рамках новой общности, которую правильнее называть *quasi civitas*, происходила девальвация прежних, полисных ценностей. Изменение приоритетов элиты вело к тому, что общественные интересы оказывались в пренебрежении. Утрачивался такой важнейший аспект политической культуры, как стремление к компромиссу внутри гражданского коллектива. Меритократия как власть самых достойных начала вырождаться в олигархию — господство замкнутого круга богатых и знатных. Они считали себя лучшими, но утрачивали авторитет и доверие сограждан, поскольку стремились в основном к удовлетворению собственного честолюбия и к обогащению. Так нарушались общественные и политические связи, которые обеспечивали государству особую стабильность. Это было движение прочь от

Илл. III.6. Мраморный бюст Цицерона

«республики», к состоянию, которое в Риме обозначалось формулой «утраченная республика».

Римские писатели считали рубежным 146 год до н.э., когда были разрушены Карфаген и Коринф. А вскоре, с попыток реформ братьев Гракхов (133–122 гг. до н.э.), началось столетие смут и гражданских войн. К середине I в. до н.э., после побоищ на форуме и кровопролитных сражений между римскими войсками, проскрипций Суллы и гибели Помпея, положение в Риме многим казалось безнадежным. Не было видно конца усобицам и столкновениям. Устремления многих жителей сводились к выживанию, кто-то надеялся на своих покровителей и отстаивал их интересы, некоторые еще извлекали выгоду. Непросто было понять суть происходящего, а тем более найти выход из создавшегося положения. В дошедших до нас размышлениях кристаллизировались страхи и надежды, представления и убеждения современников. Некоторые из рождавшихся тогда идей могли привести к разрешению кризиса. Но нелегко было их узнать, а тем более, — воплотить в жизнь. И сегодня непросто восстановить хотя бы важнейшие направления, по которым пробивали себе дорогу спасительные решения.

Главным проводником по запутанным лабиринтам идеологических контроверз последних десятилетий Республики следует избрать Марка Туллия Цицерона (106–43 гг. до н.э.). Это был не только выдающийся оратор, крупный политический деятель, но и ведущий идеолог правящего класса, писатель, безошибочно чувствующавший и воспроизводивший в своих сочинениях тончайшие нюансы политической фразеологии⁶⁴. Рассчитанные

⁶⁴ Об общественно-политических взглядах Цицерона в связи с исторической обстановкой см.: Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972; 1975². См. также: Звиревич В. Т. Цицерон — философ и историк философии. Свердловск, 1988; Грималь П. Цицерон. Вступ. ст. Г. С. Кнабе. М., 1991 (ориг.: Grimal P. Ciceron. P., 1986²); Бобровникова Т. А. Цицерон: Интеллигент в дни революции. М., 2006. Классические работы: Gelzer M. Cicero.

на общественность судебные и политические речи, предназначавшиеся для друзей и близких достаточно откровенные письма, а также трактаты, в которых Цицерон пытался теоретически осмыслить фундаментальные аспекты общественного бытия, помогают проникнуть в хитросплетения политических интриг и увидеть контуры истинной подоплеку событий. Произведения находившегося в гуще событий Цицерона открывают возможность для изучения не только событий, но также их подоплеку. Трудность состоит в том, чтобы прочесть этого автора в историческом контексте.

Великий оратор оказывался подчас беспомощным политиком. Не только в сочинениях, но и в его судьбе просматривается истинный трагизм ситуации. Как в классической трагедии: прорицатели предостерегают, спасительные мысли произносятся вслух, — но исход предreshен, и все движется к неминуемой развязке. В отличие от историков, знающих исход событий, стиснутым рамками обстоятельств людям было нелегко понять, в которых из бесчисленных слов действительно звучит голос Провидения, а в каких — просто мелкая человеческая спесь, страх, зависть или преднамеренный расчетливый обман.

Цицерон словом и делом боролся за «республику». Как и некоторые другие римские интеллектуалы, в частности, историк Саллюстий, он предлагал пути разрешения кризиса⁶⁵. Когда в конце 48 г. Цезарь был ненадолго объявлен диктатором, власть его стала практически неограниченной. Диктатор обладал еще цензорскими полномочиями и трибунской властью. Сенат даровал Цезарю титул «императора» и звание «Отца отечества». От царского титула он отказался, но подозревали, что временно⁶⁶. Цицерон с самого начала карьеры Юлия Цезаря относился к нему с подозрением. Еще в 63 г., будучи консулом, оратор разоблачил заговор Катилины и настоял на казни заговорщиков⁶⁷. Цезарь пытался их спасти.

Ein biographischer Versuch. Wiesbaden, 1969; Rawson E. Cicero: a Portrait. Bristol, 1983²; Lacey W. K. Cicero and the end of the Roman republic. L., 1978; Fuhrmann M. Cicero und die römische Republik: eine Biographie. München, 1997⁴. Также см.: Ortmann U. Cicero, Brutus und Octavian — Republikaner und Caesarianer. Bonn, 1988; Wood N. Cicero and political thought. Berkeley, 1988; Stroh W. Cicero: Redner, Staatsmann, Philosoph. München, 2008; Everitt A. Cicero: the life and times of Rome's greatest politician. N.Y., 2001; Narducci E. Cicerone. La parola e la politica. Laterza, 2009; Bringmann K. Cicero. Darmstadt, 2010 (с кратким обзором изданий сочинений Цицерона, а также его биографий, с. 291–295) и др. Сравн. раздел I.5.

⁶⁵ О проектах реформ этих двух писателей, опиравшихся на изучение римской истории, см.: Samotta I. Das Vorbild der Vergangenheit: Geschichtsbild und Reformvorschläge bei Cicero und Sallust. Stuttgart, 2009.

⁶⁶ В августе 48 г. Юлий Цезарь нанес решающий удар Помпею в битве при Фарсале. В битвах при Тапсе (46) были разгромлены помпеянцы во главе с Метеллом Сципионом и Катонам Младшим, а при Мунде (45) — их остатки под командованием сыновей Помпея. Юлий Цезарь был объявлен пожизненным диктатором. См.: Raaflaub K. Dignitatis contentio. Studien zur Motivation und politischen Taktik im Bürgerkrieg zwischen Caesar und Pompeius. München, 1974 (война Цезаря с Помпеем рассматривается как борьба за *dignitas*); Baltrusch E. Caesar und Pompeius. Pass. etc.

⁶⁷ Сам Катилина погиб в битве при Пистории в нач. 62 г.

В 49 году в случае победы Юлия Цезаря Цицерон предвидел установление «царской власти» (Att. X. 8. 2), а после битвы при Тапсе (46 г.) писал об «утрате свободы» как о свершившемся факте (fam. IX. 20. 3.). В середине 50-х годов Цицерон констатировал, что на форуме — полный покой «скорее стареющего, чем отдыхающего государства» (Q. fr. II. 13. 4/5). Рассматривая историю римского красноречия, Цицерон высказал зависть к оратору Гортензию, умершему до начала гражданской войны, ибо ему не пришлось «оплакивать республику» (весна 46 г., см.: Brut. 4–6; cf. fam. IX. 17. 1). Ситуация в государстве характеризовалась как «ночь республики» (Brut. 330)⁶⁸. Собственное положение, при том, что Цезарь обласкал знаменитого оратора, представлялось Цицерону «рабским» (fam. IX. 7. 2; 26. 1). В памфлете «Катон» Цицерон воспел «последнего республиканца», самоубийством избавившего себя от «милосердия» победившего Цезаря⁶⁹.

В этом контексте следует обратить внимание на определение, встречающееся в разных вариантах не только у Цицерона: *res publica amissa*⁷⁰. Словоупотребление оратора позволяет заглянуть в реальность политического сознания римского гражданства смутного времени и лучше понять порожденную им «республиканскую» идеологию Августова принципата. В письме к Аттику от 20 января 60 г. Цицерон, говоря о *res publica amissa*, имел в виду утрату традиционного порядка, устройства — отчизны как таковой (Cic. Att. I.18.6, cf. 19.1 sq.). Это было изменой интересам *civitas*. Ход мыслей Цицерона нетрудно понять. Никто из влиятельнейших лиц: ни Помпей, ни Красс, ни оптиматы, — не выступили против народного трибуна Л. Флавия, выдвинувшего законопроект популярного аграрного закона. Согласно Цицерону, думая лишь о собственных интересах, они по глупости оставили *res publica* в беде, бросили на произвол судьбы⁷¹.

⁶⁸ См. также: Утченко С. Л. Цицерон... С. 273, 276. Сравн.: Камалутдинов К. Я. Цицерон и римская диктатура I в. до н.э. // Античная гражданская община. М., 1986. С. 69 сл.

⁶⁹ Цицерон выпустил в свет памфлет «Катон» в 45 г. Цезарь ответил «Антикатоном» (Suet. Iul. 56). И тот, и другой нашли множество последователей, а Катон стал на многие десятилетия символом верности «республике» и «свободе». См. раздел IX.7.

⁷⁰ Выражение *res publica amissa* использовал уже в III веке до н.э. Гней Невий, которого цитирует Цицерон (Naev. praetext. 7f. = Cic. Cato 20). Другое свидетельство использования этого выражения до Цицерона: ORF4 nr. 48 frg. 22 = Fest. p. 286. В обоих случаях под *res publica* скорее всего, подразумевалось общественное имущество. Об употреблении этого выражения см. также: Meier Chr. Res publica amissa. 1997³. S. 1–5, 118. Сравн.: Dahlmann H. Cicero, Caesar und der Untergang der libera res publica // Gymnasium. Bd. 75. 1968. S. 337–355 (= id. Kleine Schriften. Hildesheim; N.Y., 1970. S. 147–165). О понятии *res publica* см. разделы IV.4 сл.

⁷¹ В цитируемом (как и в ряде других) письме Цицерон говорит о *res publica*, имея в виду «общее достояние», «интересы *civitas*», «общественное благо», «сфера общественных интересов» (которая включала политическую организацию римского общества, государство). Перевод *res publica* — «государство» (как у В. О. Горенштейна — С. Л. Утченко) не передает римскую (античную) специфику, в частности, неотчужденность граждан от политической организации, общины от государства. Это было присуще римской *civitas*

О предательстве «республики» говорил Цицерон и в начале V книги трактата «О государстве». Цитируя известную максиму поэта Энния о том, что Рим крепок «нравами предков и мужами», Цицерон указывал на причины упадка, усматривая их в отсутствии людей, блюдущих старинные нормы. Он сокрушался, признавая, что из-за собственных пороков «...мы сохраняем республику (*rem publicam*) лишь по имени, по существу же мы ее давно потеряли»⁷².

В основе самосознания правящего класса в период «золотого века» Республики лежала идея органичной связи истинной «республики» с *mos maiorum* (нравами предков). Ведущие нобили — *principes* — стремились обосновать свое исключительное место в государстве особыми заслугами перед ним, а также выдающимися личными качествами. Все это в совокупности составляло *dignitas* — «достоинство», в котором они соперничали. *Dignitas* была результатом признания сограждан за заслуги государством, борьба за нее служила благу «республики»⁷³. Но в последние два века Республики на первое место стали выходить иные ценности и цели. Они имели мало общего с государственными интересами: должности, которых достигали путем демагогии и подкупа римской черни; политическое могущество, опиравшееся на преданность легионов; богатство, источником которого стал грабеж провинций.

Наиболее проницательные политики осознавали опасность такого развития. Некоторые государственные деятели, вроде Катона Старшего, пытались бороться с разрушением *mos maiorum*, стремясь укрепить нравственные устои государства. В качестве важного инструмента исправления

(только) в ее здоровом состоянии. В цитируемых письмах Цицерон органично связывает любовь к отечеству (*patria*) с заботой о состоянии *res publica* (Cic. Att. I. 19. 1 sq.). В письме Att. I. 18 термин *res publica* употреблен в этом смысле несколько раз. Цицерон подчеркивает, что своекорыстные интересы оптиматов преобладают над общественными. При этом глупость позволяет им надеяться, что при «утрате республики» им удастся сохранить привилегии и своих рыбок (см. I. 18. 6. Имеются в виду рыбки дорогих пород, которых богачи разводили в своих садках). Цицерон предостерегает: разрушение политического порядка приведет к утрате нобилитетом своих позиций. Дальнейшему разъяснению термина *res publica* посвящены разделы IV. 4 и 5.

⁷² Cic. rep. V. 1 sq. (= Aug. civ. II. 21). Августин, который сохранил этот пассаж, подчеркнул особое (в сравнении с его временем, когда словосочетание означало «государство» как таковое) значение *res publica* у Цицерона. Цитата из Энния: Enn. ann. 500: *moribus antiquis res stat Romana virisque*. Еще некоторые пассажи Цицерона, где говорится об «утраченной республике»: Cic. Att. 1.18.6 (*amissa re publica*); Q. fr. 1. 2. 15 (*rem publicam funditus amisimus*); Att. 4. 18. 2; rep. 5. 2; Att. 9. 5. 2; off. 2. 29; fam. 2. 5. 2 (*ei oppressa*); Att. 8. 11 D 6; nulla: orat. 1. 38; Q. fr. 3. 4. 1; 5. 4; fam. 9. 9. 3; off. 1. 35; cf.: Tac. ann. III. 27. 3: *corruptissima res publica*. Cf.: Meier Chr. Res publica amissa. S. 1 anm.1; Vogt J. Ciceros Glaube an Rom. S. 50, 76. Примерно то же стояло за словами Юлия Цезаря об отсутствии «республики» (Suet. Iul. 77, сравн. далее, раздел IV.3 с примеч. 26). Различались отношение к факту, его оценка и выводы, из него следовавшие.

⁷³ Традиционно *dignitas* была результатом признания согражданами заслуг перед *civitas*, а также его доблестей и добродетелей. Учитывались знатное происхождение и удача (сравн. примеч. 66). О нобилитете и социально-политических отношениях в республиканскую эпоху см.: Маяк И.Л. Римляне ранней Республики; Трухина... Политика и политики золотого века Римской республики...; сравн.: Hölkeskamp K.-J. *Senatus Populusque Romanus: die politische Kultur der Republik: Dimensionen und Deutungen*. Stuttgart, 2004. S. 11–48; id. *Die Entstehung der Nobilität: Studien zur sozialen und politischen Geschichte der Römischen Republik im 4. Jh. v. Chr.. Alte Geschichte*. Stuttgart, 2011².

общества рассматривались также законы. Право и мораль мыслились как неразрывное целое, освященное религией. Обеспечивая справедливые интересы граждан и общины, они лежали в фундаменте «республики». Это объясняет интерес политика Цицерона к правовой тематике, итогом изучения которой стал его трактат «О законах»⁷⁴. Не случайно и Цезарь в короткое время пребывания у власти уделил внимание судебной и законодательной деятельности.

Эд. Майер, посвятив рассмотрению законодательства диктатора специальную главу. Ученый указал на его соответствие теоретическим выкладкам Цицерона в речи за Марцелла (и на последующее воплощение этих идей Августом)⁷⁵. Мысли двух представителей господствующего класса пересекались, хотя трудно назвать их политическими единомышленниками. Это говорит о том, что весь комплекс идей, связанных с «республикой», с ее утратой и необходимостью восстановления и возрождения, не были ни кабинетным изобретением, ни результатом чьих-то коварных замыслов. Идеи носились в воздухе, они давно были темой, обсуждавшейся в аристократических домах, в сенате, на улицах города и в уединении вилл. Другое дело, никто ещё не знал, как их реализовать. Или не был готов к необходимым действиям.

Цицерон, всегда с недоверием относившийся к Цезарю, поддался великодушию диктатора, когда тот решил амнистировать своего старого врага Марка Клавдия Марцелла. Воодушевленный надеждами и полный энтузиазма, Цицерон в речи за Марцелла (сентябрь 46 г.) призвал Цезаря окончательно «потушить пожар гражданской войны» и «привести в порядок (устроить) республику»⁷⁶. Идея «восстановления республики» не была использована оратором по случаю. Круг мыслей, в котором она возникла, гораздо ранее развивался им в трактате «De re publica». Без преувеличения можно сказать, что «восстановление республики» было важной политической идеей, которую Цицерон не раз высказывал на протяжении десятилетий. Более того, это была общепринятая формула, означавшая установление определенного (не любого) социального порядка после гражданских смут. Она использовалась и «республиканцами», и цезарианцами, при том что ее практическая реализация представлялась по-разному⁷⁷. Стоявшее за этим

⁷⁴ Bleicken J. *Lex publica...* S. 168 ff.; 175 ff.; Nantos T. *Res publica constituta. Die Verfassung des Diktators Sulla.* Stuttgart, 1988; Girardet K. M. *Die Ordnung der Welt. Ein Beitrag zur philosophischen und politischen Interpretation von Ciceros Schrift De Legibus.* Wiesbaden, 1983. Связь религии, законов и морали рассматривается в главе VI, особенно см. раздел VI.5.

⁷⁵ Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 404–427, bes. 424.

⁷⁶ Cic. Marc. IX. 27: *in hoc elaborandum est, ut rem publicam constituas.* Cf. IX. 23, 29.

⁷⁷ Сравнительную трактовку политических взглядов Цицерона (как «институционалиста») и Цезаря (как «инструменталиста») см. в: Dickinson G. *Death of republic. Politic and political thought at Rome 59–44 B.C.* N.Y., L., 1963. P. 257 ff., 324 ff.

фундаментальное значение термина *res publica* будет еще раскрыто подробнее (разделы IV.4–5). Но уже сказанное достаточно ясно показывает, что речь шла ни о государстве как таковом, ни о конкретной форме государства (в современном понимании), — а о принципах организации римской гражданской общины.

Здесь уместно вспомнить об относящемся к примерно тому же времени (46 г. до н.э.) «послании Саллюстия к Цезарю». Независимо от решения вопроса об авторстве, содержание позволяет видеть в данном письме отражение реалий, сходных с известными по речи Цицерона за Марцелла⁷⁸. Пафос сочинения — в призыве восстановить расшатанные гражданской войной устои государства на основе морального возрождения. Саллюстиевой могла быть трактовка событий в свете концепции «упадка нравов», в то время как идея «восстановления республики» отражала широко распространенные настроения. Автор письма выступает как приверженец Цезаря, возлагая на него все надежды как на спасителя «республики». Это соответствует фактам из биографии историка. Известно, что Цезарь способствовал карьере Саллюстия.

В отличие от этого, вспыхнувшая у Цицерона надежда на Цезаря как «восстановителя республики» была порождена особым стечением обстоятельств. Ведь оппоненты диктатора (среди них в других случаях также Цицерон) изображали Цезаря не иначе, как губителем «республики». С другой стороны, реально только он имел тогда возможность провести необходимые реформы. И начал это делать. Приняв цезарианскую версию «восстановления», знаменитый оратор, с одной стороны, сделал заметный реверанс в сторону своих противников, с другой — поймал их на слове. Цицерон постоянно примерял роль спасителя «республики» то к одному, то к другому вождю (и конечно — к себе). Таким принцепсом выступал у Цицерона также Помпей Великий. В этом качестве представляет его также и Эд. Майер в монографии «Монархия Цезаря и принципат Помпея». Известный историк XX века считал, что Помпей был прототипом сконструированного Цицероном образа спасителя и восстановителя «республики», позднее воплощённого в реальность Августом⁷⁹. Речь за Марцелла — лишнее подтверждение

⁷⁸ Речь идет о первом по порядковому номеру послании. Впервые сопоставление речи Цицерона за Марцелла с письмами Саллюстия было осуществлено Эд. Мейером (Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 404–410). Разбор мнений и аргументацию в пользу авторства Саллюстия см.: Утченко С. Л. Политические учения... С. 164–166, 178–181. В посланиях встречаются некоторые анахронизмы, например, обращение к Цезарю как к «царю» (I. 1). Это результат риторической обработки в императорскую эпоху. С учетом сказанного, можно рассматривать послания как источник для изучения времени диктатуры Цезаря.

⁷⁹ Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* Особенно глава “Das Principat des Pompeius und Ciceros Bücher vom Staat”. S. 174–191. Точку зрения, что трактат “De re publica” был написан для Помпея, выдвинул Р. Гайнце: Heinze R. *Ciceros Staat...* 1924. S. 293 (= Klein R. (Hrsg.) *Das Staatsdenken der Römer*. Darmstadt, 1966. S. 291–314. Cf.: Ottmann H. *Geschichte des politischen Denkens*. Bd II.1. Die Römer. Stuttgart etc., 2002. S. 128 f. См. также раздел II.4 и IV.2.

тому, что подобные мысли постоянно сопровождали Цицерона и были, видимо, последней надеждой идеолога уходящей республики. И не только его и Саллюстия⁸⁰.

Речь за Марцелла была одновременно политическим ходом и актом искренней благодарности за «милосердие», проявленное победителем по отношению к поверженному противнику — помпеянцу. На фоне естественного при таких обстоятельствах энтузиазма (на что безусловно и рассчитывал Цезарь) промелькнувшее в речи словосочетание было каплей в непрерывном потоке благозвучного красноречия. Но сам Цицерон не знал в полной мере силы собственного слова. Вылетевшее из уст величайшего оратора Республики, оно должно было прийтись ко двору если не Цезарю, то другому политику, разбиравшемуся в тонкостях пропаганды⁸¹ и чувствовавшему пульс общественных настроений.

Усилия Цезаря, направленные на «восстановление республики», позволяют еще раз обратить внимание на роль термина *res publica* в политическом словаре, на нюансы его значений в различных сочетаниях и контекстах. Несмотря на недостаток почтения по отношению к сенатской республике и текущие заботы, Цезарь со всей серьезностью занялся приведением в порядок государственных основ. Еще во время гражданской войны он провел аграрные законы, закон о вымогательствах в провинциях, а также начал упорядочивать установления для муниципиев. Налаживалась работа суда. Цезарь планировал переработку и кодификацию всего законодательства (Suet. Iul. 41. 2, 43, 44. 2, Isid. orig. V. 1. 5).

Цезарь претендовал на роль нового основателя Рима. Начавшиеся строительство на Марсовом поле и осушение Помптинских болот к юго-востоку от Рима были наиболее масштабными проектами по благоустройству (Suet. Iul. 44. 1–2)⁸². Проведена перепись населения Города. Приняты меры для пополнения населения, и в то же время сокращено число получателей хлеба за счет казны (до 150.000 вместо 300.000). Во вновь основанные колонии (среди прочих на месте Карфагена и Коринфа) было выселено 80.000 пролетариев (ibid. 41. 3–42. 1). Проведена реформа календаря (ibid. 40). Некоторым группам жителей в давно романизованных западных провинциях было предоставлено римское гражданство⁸³. Пополняя сенат (который он расширил

⁸⁰ См.: Lehmann G. A. Politische Reformvorschläge in der Krise der späten römischen Republik: Cicero, De legibus III und Sallusts Sendschreiben an Caesar. Meisenheim am Glan, 1980. Pass.. Cf. Kienast D. Augustus. S. 38 f. mit Anm. 147.

⁸¹ О пропаганде см. разделы VII.1 слл., VIII.1 слл.

⁸² О других строительных проектах, начатых Цезарем и продолженных Августом, см. разделы VIII.1 слл.

⁸³ Римское гражданство было предоставлено жителям Транспаданской Галлии, города Сицилии и Нарбоннской Галлии получили латинское право. В другие провинции активно выводились колонии римских граждан. См.: Kornemann E. Coloniae // RE. Bd. IV (7 Hb.). 1900. Sp. 563.

до 900 членов), Цезарь ввел в него отдельных представителей провинциальной знати. Ранее говорилось о расширении коллегии магистратов (Suet. Iul. 41. 1; Dio XLI. 36, XLIII. 47. 3). Отрывочное, даже во многом беспорядочное, упоминание реформ у Светония соответствует короткому времени, отпущенному энергичному диктатору на их проведение. Биограф заканчивает свой обзор (мы указали лишь важнейшие мероприятия) характерной фразой: «Среди таких замыслов и дел его застигла смерть» (Suet. 44.4).

Даже краткое перечисление дает возможность оценить как размах деятельности, так и направление замыслов диктатора. Цезарь видел пороки существовавшего государственного строя и совсем не был склонен идеализировать ни олигархов, ни противостоявших им демагогов. Он пытался ладить с теми из них, кто шел на компромисс. Здесь преобладал расчет, пусть не во всем оправдавшийся. Пытаясь привлечь нобилей политикой милосердия, Цезарь подрывал их позиции тем, что пополнял сенат своими сторонниками. Будучи богатым и щедрым, он делал в то же время все возможное, чтобы сократить в столице численность пролетариев. Большое место в реформах занимала «имперская» политика, направленная, с одной стороны, на романизацию провинций, а с другой — на интеграцию всех территорий в единое целое. Это был перспективный курс, который мог привести к созданию хорошо организованной Империи. Юлий Цезарь был человеком блестящих способностей, который хотел создать жизнеспособное государство.

Первые шаги Цезаря по восстановлению основ «республики» могли породить надежды не только у плебса, но также в среде старого господствующего класса. Речь Цицерона за Марцелла стала одним из успешных результатов такой политики. И все же это был только эпизод. Программные установки политических деятелей не совпадали, выражая интересы разных социальных слоев. Цезарь вкладывал в «восстановление республики» совсем не тот смысл, что вожди сенатской олигархии или более широкие круги оптиматов, идеологом которых был Цицерон и даже цезарианец Саллюстий⁸⁴.

Цезарь владел широкой палитрой приемов римской политической культуры, умел обосновать свои действия, апеллируя к таким понятиям, как *imperium*, *amicitia*, *dignitas*. «Записки о галльской войне» показывают, насколько искусно этот выдающийся полководец пользовался словом, воздействуя на общественное мнение. Переход через Рубикон и развязывание гражданской войны в 49 г. он мотивировал необходимостью защитить «достоинство» народных трибунов и вернуть «свободу» Римскому народу,

⁸⁴ См.: Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М., 1976; 1984². С. 286–296. О политических взглядах Саллюстия см. также: Earl D. C. The political thought of Sallust. Cambr., 1961; repr.: Amsterdam, 1966; Syme R. Sallust. Berkeley etc., 1964; Schmal S. Sallust. Hildesheim, 2001; Samotta I. Das Vorbild der Vergangenheit: Geschichtsbild und Reformvorschläge bei Cicero und Sallust. Stuttgart, 2009 (в т.ч. представления обоих авторов о «республике»: с. 171 сл.).

оказавшемуся под властью малочисленной клики (Caes. civ. I.22.5). Прекрасный оратор, Цезарь знал, на каких струнах и когда надо сыграть, чтобы увлечь за собой воинов или народное собрание. При необходимости он готов был пустить в ход преданные ему легионы.

Соревновательность была присуща античному, в частности, римскому менталитету. Представители нобилитета стремились к деяниям, в первую очередь к военным победам, которые выдвигали их на первое место в «республике». В период расцвета Республики эти честолюбивые устремления умерялись не только взаимной конкуренцией, но и системой ценностей, в центре которой стояли интересы Рима. Сколь бы выдающимися ни были заслуги того или иного деятеля, он мог быть строго наказан за несоблюдение определённых правил поведения. Судьба победителя Ганнибала и самого выдающегося полководца периода расцвета Республики Сципиона Африканского Старшего — красноречивый пример тому. Дважды консул, цензор, принцепс сената, он был вынужден оставить политическую деятельность, удалившись в свое поместье под Кумами⁸⁵.

Юлий Цезарь жил в иное время. Он узурпировал власть, опираясь на преданное ему лично профессиональное войско, а Римская республика, ее властные органы были неспособны как-либо этому воспрепятствовать. Диктатор исходил из того, что «республика — ничто, пустое имя без тела и облика»⁸⁶. Его соперники тоже преследовали собственные корыстные интересы. В сравнении с Цинной, Марием, Суллой Цезарь был великодушен. Его милосердие (*clementia*) не случайно стало понятием нарицательным. Он щадил повергнутых врагов не столько потому, что рассчитывал превратить их в друзей. В глубине души он презирал кичившихся своим происхождением нобилей. Высокомерие диктатора было небезосновательно, но и опасно для него: те, кто заслуживает подобного отношения, менее всего готовы признать свою никчёмность.

⁸⁵ Liv. XXXVIII. 52 sq.; Dio XVII. 57. 55. Об этом поместье см. также примеч. 1 к этой главе. См.: Eberhard H. Triumph und Tragik: Leben und Wirken des Scipio Africanus d. Ä., Begründer des römischen Weltreiches. Frankfurt a. M., 2009. Ведя военные действия в Африке, Сципион Африканский чеканил монеты со своим изображением, имел личных телохранителей (App. b. c. VI. 84, VIII) и в качестве клиентов — местных царьков (ibid. VIII. 106). Сципион обладал особой харизмой (ibid. VI. 19, 23); cf.: Demandt A. Antike Staatsformen. Berlin, 1995. S. 443. Он превосходил коллег по сенату своим авторитетом, пользуясь большим влиянием среди сограждан. Суть конфликта между чрезмерным влиянием Сципиона и конституцией Республики через двести пятьдесят лет проанализировал Сенека. Он одобрил решение законопослушного Сципиона отправиться в добровольное изгнание, поскольку иначе в сложившейся ситуации «оказалась бы несправедливо ущемлена свобода Сципиона, либо напротив, Сципион нанес бы ущерб (общественной) свободе» (Sen. ep. 86.3: *...aut libertas Scipioni aut Scipio libertati faceret iniuriam*). О значениях слова *libertas* см. раздел VII.2 и по указателю.

⁸⁶ Suet. Iul. 77; обвинения в высокомерии и стремлении к тирании: ibid. 76–80.3. В сущности, приведенное высказывание Цезаря соответствует *“res publica amissa”* Цицерона. Разница была в отношении: Цицерон говорил об утрате «республики» с сожалением и надеялся ее восстановить, Цезарь — с пренебрежением, как о пройденном этапе.

Щедрость Цезаря вызывала в конечном счете не восхищение, а зависть, не благодарность, а чувство унижения и ненависть. Представители нобилитета дорожили своей *dignitas*, им не хотелось расставаться с претензиями на высшие посты в государстве (и соответствующие доходы), отдавшись милости диктатора. Признание превосходства Цезаря означало для них утрату «свободы» (*libertas*), «рабство» (*servitus*). Новые почести, среди них религиозные, всё больше выделяли Цезаря, одновременно изолируя его. Диктатор не хотел считаться с *dignitas* своих соперников, не хотел делиться ни с кем частью своей славы. Сплав реального превосходства с высокомерием оказался слишком крепким. Обладая незаурядным интеллектом, Цезарь не смог оценить всей опасности, которая могла исходить от ощущения ущемленного достоинства и унижения.

Пример Цицерона, который лишь на короткое время вдохновился великодушием Цезаря, типичен. Он показывает, насколько неприемлема была позиция Юлия Цезаря для представителей старого правящего класса. Как только рассеялись иллюзии по поводу «восстановления республики», Цицерон стал решительным противником диктатора.

Возникновение заговора, идейной основой которого были воспоминания о Тарквинии Надменном и возникновении республики, стало в создавшейся ситуации неизбежным. Исключительное место в государстве делало Цезаря персонификацией «тирании». Недовольные из числа представителей нобилитета пришли к мнению, что достаточно убрать диктатора, и вернется прежняя «свобода» (*libertas*). В числе заговорщиков оказались даже люди, которых Цезарь считал своими близкими сторонниками. Одним из них был обласканный Цезарем и даже упомянутый в завещании Децим Брут⁸⁷.

Все шире распространялись слухи, что перед началом похода на парфян диктатор собирается принять титул царя⁸⁸. Для римских нобилей это означало окончательную потерю свободы и порабощение. Такое развитие собы-

⁸⁷ Децим Юний Брут Альбин был легатом Цезаря во время Галльских войн, в 47/46 гг. управлял по поручению диктатора Галлией Коматой, а затем отправлял претуру. Известное предсмертное восклицание Цезаря: «И ты, Брут?!» (по версии Светония: «И ты, дитя моё?!»), см.: Suet. Iul. 82. 2; Plut. Brut. 17; App. b. c. II. 112, — относится к Марку Юнию Бруту, родственнику Катона Утического. Марку посвящена биография Плутарха, который сообщает весьма проблематичную версию, согласно которой он был незаконнорожденным сыном Юлия Цезаря (Plut. Brut. 5). В битве при Фарсале Марк воевал на стороне Помпея. Цезарь его помиловал и даже назначил в 47/45 гг. наместником ключевой провинции Цизальпинской Галлии. Получив в 44 г. до н.э. вместе с Кассием Лонгином претуру, оба тем не менее возглавили заговор против Цезаря.

⁸⁸ Вопрос о конечных целях Цезаря (в частности, добивался ли он царского титула) не отражен в достаточной мере в источниках и остается дискуссионным. См.: Cic. Phil. II. 84–87 (попытка Антония короновать диктатора на Луперкалиях); Suet. Iul. 79. 2; Plut. Caes. 61. Сравн.: Pöschl V. Caesar, Wandel einer Gestalt // Antike und Abendland. Bd. 33. H.2. B., N.Y., 1987. S. 172–182 (обзор деятельности Цезаря в историографии XIX–XX вв.); Ehrenberg V. Caesar's final aims // HSCPh 1964. Vol. 68. P. 149–161; Green P. Caesar and Alexander: *aemulatio, imitatio, comparatio* // AJAH 1978. N 3. P. 1–26; Clauss M. Kaiser und Gott. Stuttgart, 1999 (об обожествлении Цезаря S. 46 ff.); Dahlheim W. Julius Caesar: die Ehre des Kriegers und die Not des Staates. Paderborn etc., 2005. S. 231–234; Baltrusch E. (hg.). Caesar. Darmstadt, 2007 (антология работ, представляющая широкий спектр проблем цезарианы); Baltrusch E. Caesar und Pompeius (рассмотрение вопроса о стремлении Цезаря к царской власти: S. 131 ff.).

Илл. III.7. Форум Цезаря, современное состояние. Справа — храм Венеры Прародительницы с высоким подиумом. Там восседал диктатор, принимая стоявший внизу сенат

тий было несовместимо с их представлениями о сенатской «республике». Возник заговор римской знати во главе с Г. Кассием Лонгином и М. Юнием Брутом. В иды (15) марта 44 г. до н.э.⁸⁹. Юлий Цезарь был убит в сенате напавшими на него заговорщиками.

III.3. Борьба за наследство Юлия Цезаря

Вопреки ожиданиям заговорщиков, устранение «тирана» не вернуло «свободную республику», а привело к новым гражданским войнам, занявшим ещё полтора десятилетия⁹⁰. О содержании этой борьбы спорили уже в древности. Что касается участников, то одни провозглашали в качестве своей цели «свободу», другие — месть за «отцеубийство», и каждый по-своему — спасение и восстановление «республики». Но уже спустя столетие моралист

⁸⁹ Цезарь был убит в курии, находившейся в здании театра Помпея, у ног статуи Помпея Великого. В заговоре участвовало примерно 60 сенаторов, среди них ведущую роль играли Марк Юний Брут (племянник Катона Утического), Гай Кассий Лонгин, Деций Юний Брут Альбин.

⁹⁰ События 44–28 гг. исследованы и описаны в десятках книг и статей, назовем лишь некоторые важнейшие: Борухович В. Г. После мартовских ид 44 г. до н.э. // Античный мир и археология. Саратов. Вып. 5. 1983. С. 123–154; Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Саратов, 1987 (с указаниями на источники и лит.); Шифман И. Ш. Цезарь Август. С. 25–90; Syme R. The Roman revolution; Carter J. M. The battle of Actium: The rise and triumph of Augustus Caesar. L., N.Y., 1970; Millar F. Triumvirate and principate // JRS. Vol. 63. 1973. P. 50–67; Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. Zum Charakter des Zweiten Triumvirats. Göttingen, 1990; Pelling C. B. R. The triumviral period // CAH² X. P. 1–69; Osgood J. Caesar's legacy. Civil war and the emergence of the Roman empire. Camb., 2006.

и политик Сенека обвинял всех их в том, что разрывая «республику на части», каждый хотел присвоить себе кусок побольше⁹¹.

Реакция сподвижников диктатора на его убийство была неоднозначной. Утром 16 марта ближайший помощник, начальник конницы Эмилий Лепид, на сходке призвал солдат отомстить за своего полководца. Все же Антоний и другие влиятельные цезарианцы, ввиду сомнительности успеха, предпочли договариваться с заговорщиками. Достигнув, вместе с Лепидом, предварительного соглашения с ними, консул Антоний созвал сенат⁹². Некоторые приверженцы Брута и Кассия выступили с призывом объявить заговорщикам благодарность как «тираноубийцам»⁹³. В то же время окружившая место заседания толпа требовала мщения за смерть Цезаря⁹⁴. В сенате верх взяли соображения сугубо утилитарного порядка: в случае объявления Цезаря «тираном» и принятия формулировки заговорщиков многие из присутствовавших теряли все, что получили по распоряжениям покойного диктатора. В соответствии с предложением Цицерона (по версии Плутарха — Антония) была объявлена амнистия (греч.: «забвение»): убийцы оставались безнаказанными; в то же время утверждались все распоряжения Цезаря. Такое решение в определенной мере устраивало и ветеранов, которые надеялись удовлетворить свои требования без возобновления гражданской войны. Их мнение выражали вожжи цезарианцев в сенате⁹⁵.

Но во время похорон Цезаря (22 или 23 марта) Антоний, воодушевленный поддержкой плебса, принялся не только превозносить заслуги покойника, но и хулить виновников его смерти. Называя их душегубами и подлыми убийцами, Антоний потрясал одеждой Цезаря, изодранной и залитой кровью (Cic. Att. XVI. 10. 1; Phil. II. 90 sq.; App. b. c. II. 144–147). Народ, приведенный в крайнее возбуждение, прямо на форуме сжег тело Цезаря, а затем с пылающими головнями кинулся к домам заговорщиков. В результате Брут и его сторонники бежали из Рима, а Антоний, вокруг которого сплотились все цезарианцы, почувствовал себя чуть ли не самовластным правителем (Plut. Ant. XIV–XV). Но и тут он проявил полнейшую беспринципность.

⁹¹ См., напр., Sen. ep. 104. 29–32, cf. 14. 12 sqq., сравн. раздел IX.5 с примеч. 129.

⁹² Cic. Phil. I. I, II. 35. 89; Nik. Dam. fragm. 27 (106); App. b. c. II. 126; Dio XLIV. 22. Plut. Cic. 42; Ant. 14; Brut. 19. Cf.: Yavetz Z. The personality of Augustus // Raafaub K. A.; Toher M. (eds.). Between.... P. 29–30 (объяснение позиции Антония).

⁹³ В их числе был Тиберий Клавдий Нерон, отец будущего императора Тиберия. См. Suet. Tib. 4. 1.

⁹⁴ App. b. c. II. 130, Dio XLIV. 22. Наибольшую преданность памяти своего кумира выказал плебс: App. b. c. II. 118, 126; Dio XLIV. 22. 2; Nik. Dam. 27. 103. См.: Yavetz Z. Plebs and princeps; id. Caesar in der öffentlichen Meinung. Düsseldorf, 1979. Pass..

⁹⁵ Cic. Att. XIV. 2.; App. b. c. II. 125, 133. Сравн.: Plut. Ant. 12–14 — ряд дополнительных подробностей, свидетельствующих явно не в пользу Антония. См. также: Машкин Н.А. Принципат... С. 124–125. Специальные исследования политики в год между гибелью Цезаря и основанием второго триумvirата: Gotter U. Der Diktator ist tot! Politik in Rom zwischen den Iden des März und der Begründung des Zweiten Triumvirats. Stuttgart, 1996; Botermann H. Die Soldaten und die römische Politik... etc.

Когда движение плебса, который считал Цезаря своим заступником и добивался его обожествления, приобрело угрожающие размеры (движение Лже-Мария), Антоний, как консул, принял самое активное участие в его подавлении, вновь пойдя на сближение с сенатом⁹⁶. В конце марта — начале мая он осуществил ряд мероприятий просенатского, «республиканского» характера: провел закон об уничтожении диктатуры, предложил вызвать из Испании и поставить во главе флота Секста Помпея⁹⁷, пытался наладить контакт с Цицероном и даже с Брутом и Кассием (Cic. Att. XIV. 13a; fam. XI.2). Однако эти действия, как и следовало ожидать, имели следствием утрату популярности у антисенатски настроенных солдат, римского плебса и различных кругов италийцев.

Положение Антония осложнилось появлением нового политического игрока. Это был Октавий, внучатый племянник покойного диктатора, усыновленный по завещанию. Как вскоре стало ясно, он претендовал не только на материальное, но и на политическое наследство. Собственно, для Октавия вопрос так и стоял: все или ничего. Даже унаследованное им имущество Цезаря оказалось у Антония⁹⁸. Как приёмный сын диктатора, он получил имя Гай Юлий Цезарь Октавиан⁹⁹. Но юный Цезарь не обладал ни заслугами, ни авторитетом, ни опытом. Зато были здравый ум, образование, хорошие советчики¹⁰⁰ и имя. Последнее было крайне важно для завоевания симпатий

⁹⁶ Cic. Att. XIV. 15. 2. Сравн.: Phil. I. 2. 5, 16.2; Plut. Ant. XIV.

⁹⁷ Cic. Phil. I. I. 3; App. b. c. III. 4, 25.

⁹⁸ О завещании диктатора: Suet. Iul. 83. 2; Aug. 14; Nik. Dam. 30, 48; Liv. per. 116; App. b. c. II. 596 f.; Cass. Dio XLIV. 35. 23. Мнение, что «усыновление» было результатом махинаций самого Октавиана после смерти Цезаря, не встретило поддержки исследователей. См.: Schmitthenner W. Oktavian und das Testament Caesars. Munchen, 1973². Cf.: Rosendorfer H. Die angebliche Adoption des Augustus durch Caesar. Stuttgart, 1990. Усыновление-удочерение, которое было важным фактором в римской социально-политической жизни, подробно рассматривается в работе: Kunst Chr. Römische Adoption: zur Strategie einer Familienorganisation. Hennef, 2005 (в т.ч. случай Октавиана, с. 111). О начале политической карьеры Октавиана см.: Alföldi A. Octavians Aufstieg zu Macht. Bonn, 1976.

⁹⁹ Полное имя диктатора: *Gaius Julius Caesar*. Полное имя Гая Октавия после усыновления его Цезарем должно было звучать: *Gaius Julius Caesar Octavianus* (Dio XLVI. 47). Однако в таком виде оно не засвидетельствовано современными источниками. Брут в письмах к Цицерону называл его мальчиком или просто Октавием (Cic. Brut. I.16–17 etc.). Чаще всего употреблялось «Цезарь» (без «Юлий»), которое сам он предпочитал имени «Октавиан», напоминавшему о весьма скромном происхождении (Suet. Iul. 83. Cf.: Cic. Att. XIV. 10, 12.2; Plut. Brut. 22. 3, 57. 4; App. b. c. II. 143; Dio XLV. 3. 2). См.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 136, примеч. 49. О имени и титулах Октавиана после завоевания единоличной власти будет специально сказано в последующих главах. Далее используются общеупотребительные в современной литературе имена и титулы: Октавий (до посмертного усыновления Цезарем), Октавиан, Цезарь Октавиан, молодой Цезарь; для событий после 27 г. до н.э. — Цезарь Август, Август, принцепс, император, — в отличие от приемного отца: Юлий (!) Цезарь, диктатор. Сравн. разделы I.1 с примеч. 14 сл., VII.4.

¹⁰⁰ В литературе отмечается, что на Октавиана работал «мозговой трест», в который вначале входили Клавдий Марцелл, Бальб, Оппий и Сальвидиен Руф. А. Альфёльди особенно выделяет роль К. Бальба и Г. Оппия (Alföldy A. Octavians Aufstieg zur Macht. Bonn, 1976. S. 31–54). Со временем все большую роль играли Агриппа и Меценат. См.: Парфёнов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 12. В одной из работ подчеркнута также роль отчима будущего императора — Л. Марция Филиппа, от которого он якобы заимствовал «лицемерие и лживость» (Graw-Fow M. J. G.

ветеранов и плебса, и молодой Цезарь стремился извлечь из имени Цезарь максимальный выигрыш, выступая в роли «преданного» (*pious*) сына¹⁰¹.

Основой политического влияния Октавиана являлись симпатии армии¹⁰² и плебса, видевших в нем сына и наследника Цезаря¹⁰³. Преемственность следовало подчеркивать, чтобы популярность, авторитет и слава победоносного полководца, защитника плебса перешли к наследнику. Не менее важно было сохранить за собой многочисленную клиентулу диктатора. Октавиан организовал игры, учрежденные Цезарем в честь победы при Тапсе (*ludi Victoriae Caesaris*, 20–30 июля 44 г.). Но когда он попытался внести в театр золотое кресло диктатора и диадему, этому воспротивились народные трибуны, поддержанные Антонием¹⁰⁴.

После появления кометы, возвещавшей обожествление покойного диктатора, Октавиан поместил в храме Цезаря его статую со звездой на темени¹⁰⁵. При этом можно было убедиться, что толпа сочувственно встречала заявления о намерении отомстить убийцам отца, сопровождавшиеся обещаниями раздать завещанные народу деньги. Все же страсти, бушевавшие

A stepfather's gift: L. Marcius Philippus and Octavian // G & R. Vol. 35. 2. 1988. P. 184–197). Выявить вклад каждого из советников в разработку стратегии и тактики затруднительно. Тем более, что окончательное решение по принципиальным вопросам принимал сам Октавиан. О «друзьях» Августа см. также раздел IV.7 со сноской 169.

¹⁰¹ Далее мы условно передаем латинский термин *pietas* калькой «пиетет», имея при этом в виду, что римляне вкладывали в него целый спектр понятий и чувств, означавших преданность и почтительность по отношению к родителям, предкам, патрону, приверженность традициям и т.д. О *pietas* Октавиана см.: RG 2; Suet. Aug. 10; App. b. c. III. 29–30, 95; Plut. Brut. 27; Ant. 26; Dio XLV. 8, XLVI. 48. 1 sq. О происхождении *pietas* и ее роли в идеологической политике Цезаря, от которого берет начало использование этого понятия для обозначения особого рода отношений между правителем и подданным в период раннего принципата, см.: Weinstock S. Divus Julius. Oxf., 1971. P. 248–259.

¹⁰² Botermann H. Die Soldaten und die römische Politik... pass.

¹⁰³ Сравн. слова Антония, цитированные Цицероном: «...ты, мальчишка, который всем обязан своему имени» (*et te, o puer, qui omnia nomine debes* — Phil. XIII. 24). В целом, о событиях, последовавших после смерти Цезаря: Syme R. Roman Revolution. P. 97–175; Bleicken J. Augustus. S. 43–137. События хорошо отражены в сохранившихся источниках, первостепенное место занимает переписка Цицерона, особенно с Аттиком (Cic. Att. 14.1–16.16), с Марком Брутом, а также с родственниками (*Ad familiares*), а также 14 «Филиппик», произнесенных между 2 сентября 44 и 2 апреля 43 г. Кроме того, см. работы античных историков и биографов: App. b. c. II. 503–III. 391; Cass. Dio XLIV. 2–46, 49; Nik. Dam. 16–31, 37–139; Suet. Aug. 9–12; Plut. Cic. 42–49; Ant. 14–18; Brut. 18–27. На этих и других источниках основана обширная исследовательская литература. Еще некоторые основополагающие труды: Bengtson H. Die letzten Monate der Senatsherrschaft // ANRW I. 1. 1972. S. 967–981; Orthmann U. Cicero, Brutus, Octavian — Republikaner und Caesarianer. Ihr gegenseitiges Verhältnis im Krisenjahr 44/43 v. Chr. Bonn, 1988; Gotter U. Der Diktator ist tot. Politik in Rom zwischen den Iden des März und der Begründung des Zweiten Triumvirats. Stuttgart, 1996.

¹⁰⁴ App. b. c. III. 28. 107; Dio XLV. 6. 5; Nik. Dam. 28. Подробнее см.: Weinstock S. Divus Julius. P. 368–370.

¹⁰⁵ Ovid. met. XV. 749, 840, 850; Serv. bucol. IX.46; Suet. Iul. 88; Dio XLV. 6. 4–7. 2. См.: Weinstock S. Divus Julius. P. 370–384 (где подробно рассказывается о комете, а также о развитии астрального и солярного символизма в период раннего принципата); Ramsey J., Levis Licht A. The comet of 44 B.C. and Caesar's funeral games. Atlanta, 1997. См. также разделы VI.6 с примеч. 294, 315, а также VIII.5 с примеч. 96 — о комете и пророчестве Вулкания о смене веков.

в марте, уже поутихли¹⁰⁶, и молодой Цезарь не собирался их накалять. Как наследник и сын, Октавиан обязан был отомстить убийцам отца. Но «мщение» было для него в тот момент скорее дежурным штампом, необходимым для привлечения крайних цезарианцев, чем лозунгом, призывавшим к действию (Сравн.: Dio XLV. 5. 2).

Ключевым словом агитационной активности Октавиана на тот момент был «пиетет» (*pietas*), означавший в его трактовке желание быть верным сыном Цезаря, готовность принять его наследство со всеми вытекающими из этого обязанностями, стремление соблюсти волю покойного и чтить его память, не забывая об убийцах. Умеренная, выдержанная в традиционно-республиканских рамках позиция юного наследника трагически погибшего диктатора вызывала симпатии плебса и солдат. Преданность Октавиана к памяти отца апеллировала в свою очередь к чувству долга ветеранов. И все это пробуждало смутные надежды в самых различных кругах населения Италии, даже в сенате. Такой выдавший виды политик, как Цицерон, и тот, поддавшийся напускной простоте Октавиана, называл его «божественным юношей»¹⁰⁷, имея, видимо, определенные виды на его наивность.

Цицерон отсутствовал в Помпеевой курии в мартовские иды; он не был посвящен в планы заговорщиков (Cic. fam. X.28.I, XII.4.1). Известно, что ранее в письмах своему другу Атику Цицерон высказывал желание, чтобы Цезаря постигла участь тиранов (Att. XII.45.3, XIII.40.I). По свидетельству Диона Кассия, убийцы Цезаря вышли из здания курии с именем Цицерона на устах¹⁰⁸. После этих событий затаенная ненависть Цицерона к «царю» и «тирану» прорвалась с удесyтеренной силой¹⁰⁹. Но это была не столько месть за страх и унижения, сколько плата за разочарование. Смерть диктатора не имела ожидавшихся последствий. Уже в мае, с явной долей преувеличения причисляя себя к цезареубийцам, Цицерон с сожалением констатировал: «утешаться мартовскими идами теперь глупо; ведь мы проявили отвагу мужей, разум же, верь мне, детей. Дерево срублено, но не вырвано с корнем; поэтому ты можешь видеть, какие оно дает побеги» (Cic. Att. XV. 4.2).

¹⁰⁶ См. Машкин Н. А. Принципат Августа. С.141.

¹⁰⁷ Cic. Phil. V. 16. 43: *divinus adolescens*. Поиски союзников и колебания политических взглядов (скорее это было отсутствие четких ориентиров) Октавия прослежены в диссертации: Ortman U.M. Cicero, Brutus und Octavian – Republikaner und Caesarianer: ihr gegenseitiges Verhältnis im Krisenjahr 44/43 v. Chr. Bonn, 1988.

¹⁰⁸ Dio XLIV. 20. 4. Сравн. Cic. Phil. II. 25, 28, 30, 34.

¹⁰⁹ Подробнее см.: Утченко С. Л. Цицерон в годы гражданской войны // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1975. С. 184–185.

Цицерон всеми силами пытался воспрепятствовать нежелательному ходу событий, и прежде всего путем политической агитации. Всю мощь своего интеллекта, темперамент трибуна и борца Цицерон направил на развенчание «тиранического» правления, возбуждение антитиранических настроений, имевших глубокие корни в римской истории, обличение конкретных носителей тиранических амбиций. В таком контексте можно понять и новую трактовку деятельности Цезаря, изображенного как губителя государства. В последнем, так и не законченном трактате «Об обязанностях» Цицерон наиболее четко сформулировал мысль о гибели «республики». Когда господствовал один человек (Цезарь), утверждал Цицерон, «республики» вообще не существовало¹¹⁰. В условиях гражданских войн и атмосфере насилия «стоят и сохранились одни только стены Города.., что касается «республики», то мы ее утратили совершенно»¹¹¹.

В новой ситуации Цицерон видел главную опасность тирании в лице Антония. Бросившись в конце 44 года в решающую схватку с ним, Цицерон выступил против цезарианской версии «восстановления республики» Цезарем — «отцом отечества», противопоставив ей свою концепцию «убийства отечества»: «И право, может ли — бессмертные боги! — кому-нибудь быть полезным отвратительнейшее и омерзительнейшее отцеубийство отечества, хотя человека, запятнавшего им себя, угнетенные граждане и называют отцом?». Так Цицерон, ведущий идеолог «республиканцев», ясно обозначил противоположные позиции. Его трактовка смыкалась с идеологией заговорщиков: поскольку Цезарь был «убийцей отечества», то Брут и Кассий — его спасители и освободители¹¹². Эти высказывания были сделаны на фоне реальной опасности, грозившей как Римской республике, так и лично Цицерону. К власти рвался Антоний, его смертельный враг. Единственным спасением представлялось восстановление сенатской республики при «согласии сословий» (сенаторов и всадников). В отличие от теоретического рассмотрения темы в трактате “*De re publica*”, здесь Цицерон говорил о «свободной республике» (*res publica libera*)¹¹³.

¹¹⁰ “*Res publica... nulla esset omnino*” (Cic. off. II.3)

¹¹¹ “*Rem vero publicam penitus amisimus*” (off. II. 29) Некоторые другие случаи употребления Цицероном выражения “*amittere rem publicam*” Att. I. 18. 6, IV. 18. 2, IX. 5. 2; Q. fr. I. 2. 15; fam. VI. 2. 2, XI. 27. 8; Phil. II. 51 sq. Cf.: Meyer Chr. *Res publica amissa*. Wiesbaden, 1977. S. 1 f., 167 f.

¹¹² Цитата из: Cic. off. III. 83 (пер. В.О. Горенштейна). «Отцеубийство отечества» (*parricidium patriae*) — выражение, довольно часто встречающееся у Цицерона (см.: Утченко С.Л. Цицерон в годы гражданской войны. С. 232, примеч. 118). *Parricidium* (отцеубийство) — тягчайшее преступление, за которое убийцу вместе с животными зашивали в кожаный мешок и топили. Цезарь был провозглашен «отцом отечества» после битвы при Мунде (45 г.). О речи Брута, в которой убийство Цезаря обосновывалось необходимостью восстановления «свободы», сообщает Аппиан (App. b. c. II. 122, 137).

¹¹³ О рассмотрении Цицероном различных форм «республики» (VI книга трактата “*De re publica*”) включая монархическую, см. раздел IV.4 сл. Там же — рассуждения о порче и отсутствии «республики» в случае захвата власти тираном. Сравн. выше об «утрате республики».

Выражение «убийство отечества» — не случайная фраза, сорвавшаяся с уст в пылу перепалки, а свидетельство идейного размежевания между двумя враждебными политическими лагерями. Это подтверждается параллельными ходами Антония. В начале июня он провел закон об обмене провинциями, согласно которому получил Галлию, владение которой помогло некогда Цезарю осуществить самые смелые планы. Взамен Дециму Бруту была отдана Македония¹¹⁴. Примерно тогда же, в ответ на вопрос заговорщиков о ветеранах, собирающихся в Рим, Антоний издал эдикт с оскорблениями и угрозами в адрес М. Юния Брута и Г. Кассия Лонгина (Cic. fam. XI. 2. 2, 3. I). Свой разрыв с «республиканцами» консул озаменовал тем, что приказал под статуей Цезаря, поставленной на рострах, сделать посвящение: «Отцу за величайшие заслуги» (*parenti optimo merito*). Соответственно заговорщики рассматривались им не только как изменники и предатели, но и как «отцеубийцы» (*parricidae*), что и разъяснил Г. Кассию Цицерон¹¹⁵.

В течение лета обстановка еще более накалилась. В письмах близким и Атику Цицерон говорил об угрозе гражданской войны, упрекал всех в бездеятельности, а затем решил бежать из Италии (Cic. Att. XV. 19). Об опасности войны предупреждали Антония Брут и Кассий (Cic. fam. XI. 3). Все более влиятельным становилось выступавшее под лозунгом «свободы» крайнее крыло сенатской партии. Его ориентации на конфронтацию соответствовали действия М. Юния Брута и Кассия, которые направились соответственно в Македонию и Сирию для вербовки войск и сбора средств. Их положение на Востоке постфактум легализовал сенат, предоставив чрезвычайные полномочия¹¹⁶.

С другой стороны, происходила радикализация цезарианцев. Настроения ветеранов и солдат, видимо небезосновательно, внушали серьезные опасения Цицерону¹¹⁷. Вначале, как уже говорилось, их сдерживала перспектива гражданских войн. Воины не только не присоединились к движению Лже-Мария, но и приняли участие в его подавлении. Однако чем более откладывалось и затягивалось полное и окончательное решение вопроса о наделении ветеранов землей и закреплении за ними уже занятых участков, тем яснее цезарианцы видели, кто этому препятствует.

¹¹⁴ Антоний получил провинции Цизальпинскую и Трансальпинскую Галлии на 44–43 гг. (для Трансальпинского наместничества было продлено до 40 г. до н.э.). В ноябре 44 г. он осадил в Мутине Децима Брута.

¹¹⁵ См. Cic. fam. XII. 3. 1 sq. (письмо от нач. октября 44). Идеологическое значение *parens patriae* в отношении Цезаря подробно рассмотрено: Weinstock S. Divus Julius. P. 200–205; об алтарях, посвященных Цезарю — там же. P. 364–367. Гай Кассий Лонгин — зачинщик и один из главных, наряду с Брутом, заговорщиков против Цезаря (Plut. Brut. 8–10; App. b. c. II. 113, cf. 117; Dio XLIV. 14; Nik. Dam. 25 etc.).

¹¹⁶ Cic. Phil. X. 26, XI. 30 f. См.: Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. С. 36 слл.; Wistrand E. The policy of Brutus the tyrannicide. Goteborg, 1981; Girardet K. M. Die Rechtsstellung der Caesarattentäter Brutus und Cassius in den Jahren 44–42 v. Chr. // Chiron. Vol. 23. 1993. S. 207 ff. Сравн. Bleicken J. Augustus. S. 703.

¹¹⁷ Cic. Att. XV. 5. 3. Cf.: XIV. 10. 2; fam. XI. 2. 1.

Подобные настроения создавали благоприятную обстановку для гальванизации не исчезнувшего после волнений в марте религиозного почитания Цезаря¹¹⁸. Культ погибшего вождя был идейным знаменем, вокруг которого должны были сплотиться антисенатские силы, убедившись, что конституционным путем они не смогут удовлетворить свои интересы. С этим была связана очередная резкая переориентация Антония. В марте при его участии жестоко преследовались те, кто требовал обожествления убитого диктатора, и с его, по крайней мере молчаливого, согласия уничтожались статуи Цезаря. В июле Антоний воспрепятствовал внесению в театр золотого кресла и диадемы Юлия Цезаря (предпринятому по инициативе Октавиана). Но со временем Антоний усвоил, что его положение в Риме полностью зависит от настроений воинов и ветеранов Цезаря. В летние месяцы он с помощью своих братьев, народного трибуна Луция и претора Гая, а также коллеги по консулату Долабеллы, провел через комиции, минуя сенат, ряд законов, призванных продемонстрировать верность цезарианцам: закон, повторно подтвердивший распоряжения покойного диктатора¹¹⁹, аграрный закон, предусматривавший раздел между ветеранами и плебсом остававшихся во владении государства земель¹²⁰, законы о введении центурионов в состав судебных комиссий¹²¹ и о возвращении всем гражданам, включая солдат, права апелляции¹²². Наконец, по настоянию Антония на заседании сената было принято постановление о добавлении в честь Цезаря одного дня ко всем молебствиям, что приравнивало его к олимпийским богам (Cic. Phil. I.5. 12-6.13). По мнению Цицерона, это было святотатство (Cic. Phil. I. 5, 12-6, 13).

Накануне заседания сената 1 сентября 43 года, на котором были учреждены религиозные почести Цезарю, в город возвратился Цицерон. Однако в курию он не явился, что послужило Антонию поводом для самых резких нападок. Их смысл сводился к тому, что Цицерон подстрекал к убийству Юлия Цезаря. Это было очень опасное обвинение, заставившее знаменитого оратора идти ва-банк. На следующем заседании прозвучала первая «филиппика» (по аналогии с речами Демосфена против Филиппа Македонского) против Антония.

¹¹⁸ Cic. fam. XI. 2. 2 (Брут и Кассий обращают внимание Антония, что ветераны собираются восстановить жертвенник Цезарю).

¹¹⁹ Cic. Att. XVI. 16c.11; Phil. II. 97-100.

¹²⁰ Cic. Phil. V. 6-7, 9, 20, 33, VI. 13, XI. 13, XIII. 37; Dio XLV. 9. 1. В январе 43 г. закон был отменен. См.: Cic. Phil. VI. 5. 14, VIII. 9. 26; Dio XLV. 9.

¹²¹ Cic. Phil. I. 19-20, V. 12, XIII. 3, 5. Из слов Цицерона трудно точно восстановить точный смысл *leges iudicariae* Цезаря. Cf.: Baltrusch E. Caesar und Pompeius. S. 138.

¹²² Cic. Phil. I. 8.19, 9. 21. См.: Машкин Н.А. Принципат Августа. С. 146; Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. С. 13.

«Филиппики», которые создавались как инструмент политической пропаганды, являются ценными историческими источниками. В них отразились взгляды самого Цицерона и его сторонников, позиции противников, и в целом — устроения общества. Содержание речей, в частности, показывает, по каким линиям происходило идеологическое размежевание партии сената, идейным вождем которой был Цицерон, и цезарианцев.

Уже в первой речи Цицерон назвал убийц Цезаря «освободителями отечества»¹²³, но в то же время пытался призвать Антония заботиться о сохранении мира и восстановлении «свободы» (Cic. Phil. I. 13. 31–14. 34). Со временем антагонизм позиций становился все очевиднее. И чем непримиримее были противники, тем более резким становилось идейное размежевание. И хотя свою агитацию против Антония выдающийся оратор стремился, как и ранее, вести под «общепризнанными» лозунгами «защиты отечества», «Филиппики» ясно обнаруживают усиливавшийся процесс поляризации сил: «Мы защищаем храмы бессмертных богов, мы защищаем стены, мы защищаем и жилища римского народа; его алтари, очаги, могилы предков; мы защищаем наши законы, наши суды, свободу наших жен, детей, родину! Мы защищаем их против Марка Антония, который сражается с нами, чтобы все расстроить, опрокинуть; владения римского народа он считает своими по праву войны. Наше имущество он уничтожит или разделит между своими солдатами-убийцами. В случае неудачного исхода войны самое главное несчастье это то, что Антоний обещал своим разбойникам наши дома, город предназначен для раздела, затем из всех ворот пойдут выводить в колонии всех, кто куда захочет. Кафоны, Саксы и вся та зараза, которая следует за Антонием, — они предназначают себе лучшие дома, сады, Тускуланские и Альбанские виллы. И этих грубых людей, если только они люди, а не скот, влечет тщеславная надежда добраться до всего, вплоть до (Байских) источников и ПUTEОЛ»¹²⁴.

Цицерон не без оснований разделял страх с другими представителями своего класса. Крупные собственники Италии, интересы которых выражал сенат, не намерены были ни с кем делиться своими богатствами и привилегиями. Но эти же сенаторы, аристократы, богачи были в глазах простых солдат «цезареубийцами». Их ненависть была смешана, что хорошо понимал Цицерон, с завистью и желанием пограбить. По мере того, как накалялась обстановка вокруг аграрного вопроса, становившегося и вопросом о власти, среди солдатской массы все более актуализировался лозунг «отмще-

¹²³ *Patriae liberatores* — Cic. Phil. I. 2. 6. Cf.: I. 14. 35; 15. 36.

¹²⁴ Cic. Phil. VIII. 3. 9. Перевод цит. по: Машкин Н. А. Принципат... С. 157, с небольшими изменениями Кафоны и Саксы — типичные простонародные имена. Байи и ПUTEОЛЫ — излюбленные места отдыха и развлечений римской знати на берегу Неаполитанского залива, где были расположены роскошные виллы.

ния». Он должен был объединить всех цезарианцев, от ветеранов и простых солдат до полководцев, в стремлении получить отставку, землю и денежные подарки, закрепить уже полученное, поживиться за счет аристократов, захватить богатства и власть.

Цезарианцы с одной стороны и заговорщики с другой были движимы отнюдь не только высокими идеями. Но первые были готовы объединиться под «справедливым» лозунгом «отмщения», в то время как вторые претендовали на роль защитников «свободы».

Антоний, на волне настроений солдатской массы, выступил в качестве вождя цезарианцев. Иного реального выбора у него не оставалось: аристократы-республиканцы явно не признавали его своим, а плебс не доверял душе телу движения Лже-Мария. Солдаты же нуждались в энергичном, опытным военачальнике, который был одним из ближайших сподвижников Цезаря. Отсутствие альтернатив оказалось выигрышным для Антония, не имевшего какой-либо продуманной программы действий. Помогло ему на первых порах и то, что опаснейший соперник — Октавиан оказался в ситуации, которая не позволяла ему проводить самостоятельную политику. Антоний стремился всячески принизить его в глазах цезарианцев¹²⁵.

Ситуация подталкивала Октавиана к поискам союзников, которых он нашел сначала в умеренных «республиканцах»; их идейным вождем был Цицерон. На такую рискованную двусмысленность позиции, заставлявшую Октавиана действовать фактически в союзе с убийцами своего отца, решился бы не всякий даже искушенный политик. Но юный Цезарь, балансируя между, казалось бы, взаимоисключающими лозунгами: «пиетет» по отношению к убитому диктатору и «защита республики от тирании», — сумел извлечь из этой своеобразной ситуации немалые дивиденды.

Симбиоз был выгоден обеим сторонам: Цицерон получал возможность опереться на вооруженную поддержку Октавиана, а молодой Цезарь — на авторитет знаменитого оратора. Навербовав в Кампании трехтысячный отряд ветеранов и ведя агитацию в войсках на основе цезарианских лозунгов, Октавиан жаловался солдатам на притеснения и несправедливости Антония, а сенаторов уверял, что будет, в отличие от последнего, верным слугой и послушным гражданином отечества (App. b. c. III. 41). Это удостоверял республиканец Цицерон, который ратовал за «свободу», соответственно квалифицируя Антония как «тирана» и «врага отечества» (Cic. Phil. III. 1. 1).

¹²⁵ Как уже указывалось, Антоний завладел наследством Цезаря. Подробнее о политической борьбе после смерти Цезаря, в том числе о ее финансировании см.: Alföldy A. Oktavians Aufstieg zur Macht. Bonn, 1976. Pass., bes. S. 76–123.

Идейное, духовное родство с Цицероном — одна из проблем, которой придётся еще не раз касаться в ходе рассмотрения деятельности Октавиана-Августа. Встреча в 44 г. до н.э. была не случайной, хотя и продиктованной чрезвычайными обстоятельствами. Есть основания предполагать, что они и до того уже были лично знакомы. В рассказе об одном из чудес, связанных с необычайными качествами Октавия, Светоний сообщает, как кажется, до сих пор незамеченную деталь, которая могла отразить реальную ситуацию. А именно, оба, Цицерон и бывший еще ребенком Октавий, оказались в свите, сопровождавшей Юлиа Цезаря, который направлялся на Капитолий для жертвоприношения (Suet. 94.9). Плутарх не упоминает об этой встрече, зато из его сообщения вытекает, что благодаря рассказу Цицерона о чудесном сне Цезарь выбрал Октавия как наследника. Оратору якобы приснилось, что Юпитер выбрал Октавия как будущего владыку Рима. Сам Цицерон после этого при каждой встрече беседовал с мальчиком, похоже, к обоюдному удовольствию. Молва это принимала за основания их дружбы (Plut. Cic. 44 sq.)¹²⁶. Более того, Тертуллиан, рассказывая о пророческом сне Цицерона, добавляет, что нашел сообщение об этом в автобиографии Августа¹²⁷. Скорее всего, история имела своим источником легенду, сочиненную в окружении Августа и запущенную в оборот с его ведома. Каким образом в ней переплелись реальность и вымысел, установить теперь непросто. Вскоре после мартовских ид, 22 апреля 44 года, Октавий посетил Цицерона, который был рад такому вниманию, хотя и настроен несколько скептически. Тон

¹²⁶ Согласно преданию, 23 сентября 63 года, в день, когда родился Октавий, консул Цицерон раскрыл заговор Катилины. Мунаций Планк в одном из писем Цицерону, относившемся к 43 г., исходит из того, что Цицерон знал раньше внучатого племянника Цезаря (Cic. fam. X. 24. 4. Cf.: Malitz J. Nikolaos von Damaskus. 2003. S. 182, Komm. 372). Традиция сохранила смутные сведения о личных привязанностях Цицерона и Октавиана в легенде о вешем сне Цицерона: Юпитер якобы указал на мальчика Октавия как на будущего владыку Рима. (Plut. Cic. 44, cf.: Suet. Aug. 94. 5–8), — а также в предании о словах похвалы императора Августа в адрес Цицерона (ibid. 49). О роли Цицерона в возвышении Октавиана см.: Bellen H. Cicero und der Aufstieg Oktavians // Gymnasium. Bd. 92. 1986. 161 ff. (= id. Politik — Recht — Gesellschaft. Stuttgart, 1997. S. 47 ff.). См. также раздел IV.8 с примеч. 233 слл.

¹²⁷ Tert. de an. = Bringmann; Wiegandt. 190F = Malcovati IV, сравн. Plut. Cic. 46 (см. далее, примеч. 145). Таким образом, в написанной в расчете на широкого читателя самоапологии Август не избегал упоминаний о Цицероне. Он даже ссылаясь на известного борца за «республику» при изложении легенды о своей сверхъестественной природе. «Автобиография» датируется 23 г. до н.э. (см. раздел VII.6 с примеч. 131 слл.). Примечательно также продвижение по служебной карьере сына Цицерона (тоже Марк Туллий), и это несмотря на то, что он воевал на стороне Помпея против Цезаря, а затем за Брута против триумвиров и был проскрибирован, а потом еще служил у Секста Помпея. Кроме того, он отличался большим пьянством, чем усердием и способностями. Аппиан специально отмечает, что Октавиан-Август продвигал Цицерона-сына, чтобы как-то загладить несправедливость по отношению к отцу (App. b. c. IV. 51. 220). Когда Марк в 39 г. вернулся в Рим, он был избран в коллегию понтификов. В 30 г. он стал консулом-суффектом (с Октавианом, cos. IV), потом дважды или трижды — наместником провинций (RE Hb. 14. 1948. Sp. 1281–1286, Tullius 30; Nitschke J. Dignitas und auctoritas: der römische Senat und Augustus; prosopographische Überlegungen zur Karriere der Konsuln und Statthalter 30 v. Chr. bis 14 n. Chr. München, 2001. S. 84, 178; Kreiler B. M. Statthalter zwischen Republik und Prinzipat. Frankfurt am Main, 2006. S. 219–221, 252 f. (с источн. и лит.)).

сообщения Цицерона не исключает их предшествовавшего знакомства (Cic. Att. XIV. 12. 2).

Логика политической борьбы заставляла юного Цезаря постоянно учитывать реальное соотношение сил. По мере их размежевания положение Октавиана, сидевшего между двумя стульями, становилось все более опасным: действуя в союзе с «республиканцами» против Антония, он рисковал потерять популярность цезарианцев. Это означало утрату влияния среди солдат и ветеранов, что сделало бы его ненужным и сенату. Но риск был не только вынужденным. Грозившая стать самоубийственной политика была основана на холодном и точном расчете. Вначале, используя любые средства, в том числе поддержку сената и Цицерона, следовало легализовать свое положение в государстве. Затем, действуя в качестве не только сына Цезаря, но и магистрата, нейтрализовать враждебные замыслы Антония. Так можно было, опираясь на армию, попытаться вести независимую политику. Требовалось тонкое чувство меры и хорошая реакция на быстро менявшуюся обстановку.

Вынужденные временно сотрудничать, ни Цицерон, ни Октавиан не отказывались от собственных целей. Каждый из них по-своему относился к памяти Юлия Цезаря, ориентировался на своих сторонников, рассматривал другого как временного союзника, скорее попутчика. Расстановка политических сил оставляла ничтожные шансы для прочного союза. Но tandem маститого оратора, выдавшего виды политика с честолюбивым расчетливым юношей не был чужд некоторой эмоциональной окраски. В годы учения Октавий вряд ли избежал увлечения знаменитым оратором. Речи Цицерона в школах риторов анализировались и заучивались как образцы. Это был видный политик, с которым вынужден был считаться также Юлий Цезарь. Все это и многое другое было известно Октавиану.

Старое знакомство могло облегчить контакт. Октавиан прилагал немалые усилия, чтобы Цицерон узнал о его симпатиях¹²⁸. При исключительном самомнении Цицерона нетрудно было переоценить силу чувств молодого интригана. В то же время сенатор рассчитывал использовать предполагаемые симпатии юноши для решения собственных задач¹²⁹. Стоит ли кого-ни-

¹²⁸ Плутарх сообщает об откровенном заискивании Октавиана, называвшего Цицерона «отцом» (Plut. Cic. 45). Трудно принять это буквально, поскольку Цицерон считался идеологом цезареубийц. В то же время сообщение не согласуется с мнением, что Плутарх в изложении событий этого времени ориентировался на «Автобиографию» Августа. Выбор Цицерона в качестве временного союзника не был случайным. Подробнее вопрос об идейном родстве Октавиана-Августа и Цицерона рассматривается в разделе IV.8.

¹²⁹ Брут в негодованием писал другу Цицерона, Атику, что Цицерон угождает Октавиану из страха перед Антонием, а стало быть, ищет не свободы для отечества, а доброго господина для себя (Cic. Brut. I. 16; Plut. Cic. 45, cf. 46). С другой стороны, Цицерон сохранял по отношению к Октавиану высокомерное пренебрежение. См. напр.: Cic. fam. XI. 20. 1: *“laudandum adulescentem, ornandum, tollendum”*. Cf.: ibid. XXI.1. Сложные взаимоотношения в этом «треугольнике» исследованы в работе: Ortman U. Cicero, Brutus und Octavian – Republikaner und Caesarianer. Bonn, 1988.

будь винить в стремлении использовать свой шанс? Если реализованы были далеко не все возможности союза великого оратора с наследником Цезаря, то причинами тому были скорее не наивность Цицерона или двуличие Октавиана, а недальновидность коллег Цицерона по сенату.

Между тем Антоний, следуя опыту Юлия Цезаря, направился в Цизальпинскую Галлию. Её не собирался уступать укрепившийся в Мутине Децим Брут. Начались военные действия. В Риме Цицерон не устал агитировать за объявление Антония «врагом отечества» и начало гражданской войны. В курии оратору противостояла группировка, поддерживавшая Антония; были и колеблющиеся. В начале января Октавиан был введён в состав сената. Девятнадцатилетнему юноше дали право подавать голос вместе с консулярами, а также на 10 лет ранее положенного срока добиваться магистратур. Кроме того, ему был предоставлен *imperium* и поручено в качестве пропретора командование войском¹³⁰. Вскоре Октавиан вместе с консулом Гирцием начал военные действия против Антония, который осаждал в Мутине Децима Брута. Конец колебаниям сената положил ответ Антония на очередное послание. Он был составлен в самых резких выражениях в адрес не только Децима Брута, Октавиана, Цицерона, но и сената в целом. Антоний заявлял, что будет бороться с убийцами Цезаря, мстя за его смерть (Cic. Phil. XIII.10.21). После соответствующих комментариев Цицерона (ibid. XII, XIII) сенат отправил против Антония второго консула, Пансу, во главе новых легионов¹³¹.

В апреле 43 г. до н.э. войска Антония были разгромлены в ряде сражений при Галльском Форуме и Мутине¹³². Октавиан достиг своих первоочередных целей: был повержен основной соперник в борьбе за влияние на цезарианское войско; сам он стал сенатором и магистратом, к тому же преуспевшим как «защитник отечества» против «тирана». Положение Октавиана в лагере сената казалось еще более выигрышным, поскольку в сражениях удивительным образом погибли оба консула, Гирций и Панса¹³³, так что он был единственным оставшимся в живых «императором» в консульских армиях, сражавшихся при Мутине. Однако этот выигрыш чуть было не обернулся полным крахом.

Сенат осмелился наконец проголосовать за провозглашение Антония «врагом отечества». Одновременно сенаторы пришли к выводу, что сделавший свое дело Октавиан «может уйти». Поэтому, если участвовавшему

¹³⁰ RG I; Liv. per. 118; App. b. c. III. 51; Dio XLVI. 29.

¹³¹ Оба консула были умеренными «цезарианцами». Такова же, собственно, была на тот момент и позиция Октавиана.

¹³² См.: Cic. fam. X. 30 (письмо Сульпиция Гальбы Цицерону); id. Brut. I. 4; Plut. Brut. 22. 3; App. b. c. III. 66 sqq. См.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 167–168.

¹³³ Ходили слухи о причастности Октавиана к гибели консулов. См.: Cic. Brut. I. 3. 4., 6. 2; fam. XI. 9. 1 etc.; Suet. Aug. 11; Tac. ann. I.10.

в войне против Антония Дециму Бруту предоставлялся триумф, то Октавиану — лишь овация¹³⁴. Ориентацию сената на крайних антицезарианцев отражало и предоставление новых полномочий Марку Бруту и Кассию. Командование флотом было поручено Сексту Помпею. Это должно было насторожить Октавиана. Ему грозило по меньшей мере оказаться не у дел.

Все более шатким становилось положение победителя и в войске. В сражениях на севере Италии полководцам удалось, играя на соперничестве и личных счетах, столкнуть бывших военных товарищей. «Воины Антония, — пишет Аппиан, — собирались отомстить воинам Марсова легиона за то, что они перешли к врагу и оказались изменниками делу Цезаря; Марсов легион хотел наказать их за равнодушное отношение к убитым в Брундиции... Так они ринулись друг на друга, разгневанные, обуреваемые честолюбием, больше следуя собственной воле, чем приказу полководцев, считая эту битву своим личным делом...» (App. b. c. III.68.). Однако неизбежно должно было проявиться главное: цезарианцы не должны воевать друг против друга, поскольку у них общие интересы и общие враги. Не случайно Октавиан после победы отверг благодарность Децима Брута и не присоединился к нему для преследования и уничтожения войска Антония (Cic. fam. XI.13.1). По мнению Цицерона, дело заключалось в том, что «...ни Цезарю нельзя приказать, ни Цезарь не может приказать своему войску» (ibid. XIII. 10. 4; cf.: Plut. Cic. 45).

Октавиан должен был учитывать волю своих солдат, но и сам не хотел переступать черту, которая отделяла его от полной измены «делу Цезаря». Он милостиво обошелся с воинами Антония, попавшими в плен, привлекая их на свою сторону или просто освобождая; пропустил, позволив соединиться с Антонием, один из шедших тому на помощь отрядов. Таким образом, Октавиан предварительно обозначил свою позицию в новой обстановке: сведя счеты с Антонием, он остался своим для цезарианцев, не намереваясь действовать заодно с убийцами отца.

III.4. Время выбора

Цицерон стремился сохранить союз с умеренным цезарианцем Октавианом, поскольку это представлялось ему единственной возможностью избежать худшего — «тирании» Антония. Цицерон поддержал основные требования Октавиана. Не говоря уже об ожидавшихся за военные победы почестях, необходимо было вознаградить воинов. Однако большинство в сенате испытывало головокружение от успехов: непосредственная угроза миновала, цезарианцы разбиты руками цезарианцев, под знаменем Брута и Кассия со-

¹³⁴ Cic. Brut. I. 5., I. 15. 8; App. b. c. III. 74; Dio XLVI. 39–40. *Ovatio* считалась «малым триумфом». Она предоставлялась сенатом, когда не были соблюдены все требования к настоящему триумфу.

брались значительные контингенты войск. Избранная сенатом комиссия децемвиров отказалась произвести обещанные солдатам Октавиана раздачи по 20 тыс. сестерциев. Выплачивалось, и то в половинном размере, лишь тем воинам IV и Марсова легиона, которые переходили в лагерь Децима Брута. Что касается наделения земель, то оно затягивалось на неопределенный срок¹³⁵. Эти действия сенатского большинства способствовали радикализации настроений в армии Октавиана.

Недовольству воинов соответствовало нараставшее раздражение самого командующего. Отношения Октавиана с Цицероном начали охлаждаться (Cic. fam. XI.20.1). Ветераны во всех своих бедах обвиняли оратора. Армии становилось ясно, что удовлетворения интересов можно достичь не с помощью сената, а объединенными усилиями всех цезарианцев. Под давлением своих воинов Антоний и Лепид заключили в конце мая союз¹³⁶. Обеспокоившись, что к ним примкнет Октавиан, сенат поручил ему ведение военных действий против объединенной армии цезарианцев, объявленной вне закона, а тем временем призвал в Италию Марка Брута и Кассия (App. b.c. III.84–85).

Октавиан не торопился выполнять распоряжения сената. Он уже не соглашался на вторые роли, а стал при поддержке своих воинов добиваться консулата. Цицерон, встретив резкое осуждение крайних «республиканцев», отказался выступить коллегой юного Цезаря¹³⁷. В середине июля в сенат прибыла очередная делегация воинов Октавиана, потребовавшая, помимо выплаты вознаграждения и реабилитации Антония, избрания своего полководца консулом. Сенат отказал (Suet. Aug. 26; App. b.c. III. 88; Dio XLVI. 43). Тогда по настоянию воинов Октавиан двинул легионы на Рим, который капитулировал без боя. 19 августа юный Цезарь был избран консулом вместе со своим родственником Квинтом Педием¹³⁸.

Следует заметить, что совершая в сущности государственный переворот¹³⁹, Октавиан стремился, как и в других случаях, обставить все «по-республикански», сохраняя конституционный антураж. Поход на Рим был на-

¹³⁵ Cic. fam. XI. 14. 1 sq., XX.3; Brut. I. 16. 7, 17. 4; Phil. XIV. 28. 37 etc.; Suet. Aug. 36; App. b. c. III. 82, 86, 88; Dio XLVI. 40 sq., 42. 4 sqq.

¹³⁶ Cic. fam. X. 35. 1 etc.; Vell. II. 63. I; App. b. c. III. 83 sqq. О роли армии в политике после мартовских ид: Парфёнов В. Н. Начало военно-политической карьеры Октавиана // АМА. 1979. № 4. С. 104–124.

¹³⁷ Cic. Brut. I. 10. 3; fam. X. 13; Dio XLVI. 42.

¹³⁸ RG 1. 2; Vell. II. 62. 5; Suet. Aug. 2. 6. 1; Dio XLVI. 45 sqq. etc. Ход и подоплека этих событий, с анализом источников, подробно изложены в работах: Rice Holmes T. The architect of the Roman Empire. I P. 64–68; Syme R. The Roman revolution. P. 176–186; Frisch H. Cicero's fight for the republic. Copenhagen. 1946. P. 296–299 и др. Проблема датировки избрания Октавиана рассматривается в статье: Bosworth A. B. Augustus and Augustus: some pitfalls of historical fiction // HSCPh. 1982. Vol. 86. P.151–170. Автор отвергает датировку Веллея Патеркула – 22 сентября (Vell. II. 65. 2.).

¹³⁹ Сравн.: Alföldi A. Der Einmarsch Octavians in Rom, August 43 v. Chr. // Hermes. 1958. S. 480–496.

чат «по принуждению воинов» (Dio XLVI. 43. 6.). Воины приняли клятву не воевать против цезарианцев (ibid. 42.3 f.). Им же принадлежала инициатива отправки посольств к сенату. Даже вступив в Рим и захватив государственную казну, Октавиан удалился за померий, чтобы не мешать «свободным» выборам консулов. В дальнейшем он подчеркивал, что получил консулат от народа (RG 1.4), а от сената — назначение главнокомандующим, дополнительные войска и право их набора (Dio XLVI.47. 2–3; 51.5). В отсутствие Октавиана и якобы без его ведома, а по желанию армии, его коллегой по консулату был проведен закон о снятии опалы с Антония и Лепида (App. b.c. III.94; Dio XLVI. 52.4). Умеренная, осторожная и квазиконституционная тактика объясняется не только тем, что «даже после 19 августа Октавиан и его «команда» все же не решились полностью обнаружить свою политическую программу и план действий на будущее»¹⁴⁰. Представляется, что для того времени еще рано говорить о продуманной программе. Но сознавая необходимость объединения цезарианцев и использования силы, Октавиан, вследствие изначально усвоенных им «республиканских» представлений и ценностей, предпочитал по возможности держаться традиций и конституционных установлений. Они сохраняли для него нормативное значение¹⁴¹. Если со стороны Октавиана и его окружения здесь и была «маскировка», то продиктованная не только циничным расчетом, но и неким шестым чувством, указывавшим, что несмотря на годину жестокости и беззакония, «республиканизм» как система жизненных ценностей и правил сохранял свое место в сознании общества.

Следующим шагом по выбранному пути был закон Квинта Педия: убийцы Цезаря лишались «огня и воды». Это было одной из мер, ориентированных на солдатские массы и плебс и вновь подчеркивавших пиетет Октавиана в отношении своего приемного отца (RG 2; App. b.c. III.95 etc.). Через куриатные комиции был проведен закон, утверждавший усыновление (App. b. c. III.94; Dio XLVI.47.4.). На выпущенных монетах упоминался «божественный Юлий» и «сын божественного». Юный Цезарь все более четко обозначал свои позиции. Готовилось жизненно необходимое для всех цезарианцев, вождей и рядовых воинов, объединение, ради которого предстояло поступиться на время «республиканскими» симпатиями.

В конце октября 43 г. вожди цезарианцев, Марк Антоний, Октавиан и Марк Лепид встретились в Бононии (совр. Болонья). В результате обсуждения был заключен договор о совместных действиях. Прежде всего было решено уничтожить главных врагов. 27 ноября народное собрание приняло закон (*lex Titia*), по которому Октавиан, Антоний и Лепид объявлялись три-

¹⁴⁰ Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. С. 30.

¹⁴¹ См. раздел IV.7 о воспитании и образовании Октавия.

умвирами для приведения в порядок государственных дел на 5 лет (*tresviri rei publicae constituendae*)¹⁴².

Первые важнейшие решения касались распределения провинций, подготовки войны против цезареубийц, а также вознаграждения воинам после победы. Особый манифест триумвиров объявлял «проскрипции» — списки людей, объявлявшихся вне закона. Их следовало выдавать и убивать без суда и следствия в расчете на вознаграждение. Обоснованием этого жестокого мероприятия была месть за предательское и святотатственное убийство Юлия Цезаря. Указывалось также на необходимость дать «некоторое удовлетворение» «оскорбленной и раздраженной армии»¹⁴³. Число и состав проскрибированных — 300 сенаторов и 2 тыс. всадников (App. b. c. IV 5.20., 7.28), — в сравнении с количеством заговорщиков (60 чел. — Suet. Iul. 80) и учитывая бегство убийц Цезаря из Италии, указывает на дополнительные мотивы. Далеко не на последнем месте стояли материальные интересы: имущество проскрибированных конфисковывалось в пользу триумвиров; нередко сводились личные счеты; армия получила возможность удовлетворить свою злобу к знати и богачам¹⁴⁴. Последний из указанных мотивов проявился в убийстве Цицерона, которого люто ненавидел Антоний. Октавиан, как рассказывает Плутарх, в течение двух дней отстаивал оратора, но вынужден был сдаться¹⁴⁵. Светоний сообщает, что Октавиан вообще вначале

¹⁴² Важнейшие источники: RG 1, 7; App. b. c. IV. 2–4, 7, 27; Dio XL. 55. 3, XLVI. 54–6, XLVII. 2. 1 f.; Liv. per. 120. Плебисцит был проведен 27 ноября. Срок чрезвычайных полномочий был определен по 31 декабря 38 г. По их истечении (шла борьба с Секстом Помпеем) триумвирские полномочия продлили по 31 декабря 33 года, позднее — еще на 5 лет Тарентийским договором 37 г., также подтвержденным плебисцитом (App. b. c. V. 396 sqq.; Dio XLVIII. 54. 6). Август говорит о десятилетнем триумвирате (RG 7). В литературе этот вопрос дискутируется. В 36 г. из триумвирата был исключен Лепид, в 32 г. Антоний был объявлен «врагом» (*hostis*). Подробнее см.: Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat...; Машкин Н. А. Ук. соч. С. 176–178; Парфенов В. Н. Ук. соч. С. 33–35; Rice Holmes T. The architect of the Roman empire. I. P. 72 ff., 231 ff.; Levi M. A. Ottaviano capoparte; Syme R. Roman revolution. Ch. VII–XXI; Jones A. H. M. Augustus. P. 23, 31; Bringmann K. Das zweite Triumvirat // Alte Geschichte und Wissenschaftsgeschichte. Festschrift zum 65 Geburtstag von K. Krist. Darmstadt, 1998. S. 22–38; Millar F. Triumvirate... P. 50–54.

¹⁴³ Изложение эдикта в переводе на греческий дает Аппиан: App. b. c. IV. 8–11. Cf.: Conway R.S. The proscription of 43 b. c. // Harvard lectures on the Vergilian age. Cambr., Mass., 1928. P. 3–13; Hinard F. Les proscriptions de la Rome republicaine. P., Roma, 1985. P. 227 ff.

¹⁴⁴ О количестве проскрибированных, кроме указанного пассажа Аппиана, см.: Liv. per. 120; Orosius VI. 18. 10; Florus II. 16. 3. Характерный штрих: в ходе проскрипций Октавиан охотился за вазами из коринфской бронзы, и на пьедестале его статуи появилась соответствующая эпиграмма (Suet. Aug. 70).

¹⁴⁵ Plut. Cic. 46. О смерти Цицерона см. также: Sen. suas. VI. 17; Liv. per. 120; Val. Max. V. 3. 4; App. b. c. IV. 19–20; Dio XLVII. 8 etc. О попытке Октавиана спасти Цицерона Плутарх, как и Тертуллан (см. ранее, примеч. 127), мог узнать из «Автобиографии» Августа (возможно, через Николая Дамасского). В любом случае, известные факты свидетельствуют о благоприятном отношении Августа к памяти оратора. Но некоторые данные говорят о об использовании Плутархом также других источников. Если бы распределение ролей между Антонием и Октавианом было иным, вряд ли имела бы место хвалебная ода Цицерону столь преданного Тиберию Веллея Патеркула (Vell. II. 66.1–5, сравн. раздел 9.6). Ряд исследователей указывают на то, что у Октавиана не было смертельных врагов среди римской знати, так что расправы только навредили его имиджу. Скорее всего, проскрипции начались не по его инициативе.

пытался возражать против проскрипций, но после того, как решение было принято, превзошел в беспощадности и Лепида, и Антония (Suet. Aug. 27).

Примечательно отсутствие в эдикте о проскрипциях даже «республиканской» фразеологии. Ни один из триумвиров еще не осознал в достаточной мере значения соответствующих идей. По инерции они оставались в фарватере политики покойного диктатора¹⁴⁶. Как идеологическое обоснование проскрипций и триумвирата в целом можно рассматривать акцию, носившую явно не республиканский характер. В январе 42 г., через месяц после официального учреждения триумвирата, был принят закон о признании Юлия Цезаря новым римским божеством¹⁴⁷. Если в введении проскрипций триумвиры последовали сорокалетней давности примеру диктатора Суллы, то в официальной дивинизации Цезаря — единственному римскому прецеденту многовековой давности — обожествлению первого царя¹⁴⁸. Некогда царская власть не устраивала патрициев, и римская традиция сохраняла предание о том, что Ромула, пользовавшегося поддержкой народа, устранила знать. Вряд ли об этом нужно было напоминать современникам Варрона и Тита Ливия¹⁴⁹.

Так завершилось идейное и политическое размежевание между двумя лагерями. В одном были заговорщики-«республиканцы», они же защитники «свободы», «тираноубийцы», а с позиции цезарианцев — «предатели», «отцеубийцы». Другой лагерь составляли цезарианцы, они же — мстители за «отца отечества», преследователи «предателей», а по определению «республиканцев» — «тираны», губители «республики» и «свободы». Позиции цезарианцев должна была укрепить деификация Юлия Цезаря, превращавшая его убийц в святотатцев, ставившая их вне закона не только челове-

См.: Homeyer H. Die antiken Berichte über den Tod Ciceros und ihre Quellen. Baden-Baden, 1964, bes. S. 12; Kienast D. Augustus. S. 39 f. mit Anm. 150.

¹⁴⁶ На наш взгляд, те «республиканские» наклонности, которые были у Октавиана всегда, к тому времени еще не успели выкристаллизоваться, подавляясь к тому же превосходящим влиянием обоих коллег. Эта точка зрения будет обоснована далее.

¹⁴⁷ Suet. Iul. 88; App. b. c. II. 148; Dio XLVII. 18. 3.

¹⁴⁸ И. С. Свенцикая в свое время обратила внимание на обожествление Суллы в Афинах. На греческом Востоке, как известно, в паре с богиней Ромой обожествлялись и другие римские полководцы. Это было симптомом кризиса Римской республики и «республиканской» системы ценностей, поскольку отражало огромную власть военачальников в провинциях, как и влияние в Риме. Субъективным условием было согласие этих полководцев на свое обожествление, их внутренняя готовность почитаться вместе с богиней Ромой, их гипертрофированное самомнение. В этом смысле Суллу также можно считать одним из предтеч Цезаря, триумвиров и первых императоров. Все же официальная деификация Цезаря в Риме была явлением принципиально новым. Следует отметить, что она была с энтузиазмом встречена плебсом (Suet. Iul. 88 etc.).

¹⁴⁹ Тит Ливий передает, что Ромул был любим простонародьем и растерзан патрициями. См.: Liv. I. 15. 8–16. 8; cf.: Cic. rep. II. 10. 20; Dion. Hal. ant. II. 56. (Е. М. Штаерман. Социальные основы... С. 167 считала, что аналогичная судьба постигла еще одного царя — Сервия Туллия. Рассказ Ливия этого не подтверждает: Liv. I. 46–48). Деификация Ромула была своеобразным подарком «отцов», призванным успокоить народ (Liv. I. 16. 3–8). Культ Ромула слился впоследствии с культом одного из самых почитаемых римских божеств Квирина (см. также: Маяк И. Л. Рим первых царей. гл. VI, в частн., с. 249).

ского, но и божественного. Круги замкнулись: у каждой стороны оказалось свое отечество и его враги, свои святыни и святотатцы, как и представления о «республике». Одни и те же выражения на одном, казалось бы, языке, приобрели противоположные значения. В каждом лагере были свои табуированные слова. Триумвиры избегали в своем лексиконе выражений, содержащих *“libertas”*. Это слово, которое было едва ли не заклинанием в лагере заговорщиков, вызывало в рядах цезарианцев раздражение, смешанное с ненавистью. Значило ли это, что Октавиан распрощался с традиционными римскими представлениями и ценностями?

В 42 г. заговорщики-«республиканцы», возглавлявшиеся Кассием и Брутом, были разгромлены в битве при Филиппах в Македонии¹⁵⁰. Здесь, а также в результате проскрипций, были физически уничтожены почти все последовательные сторонники старой сенатской республики¹⁵¹. Цель, провозглашенная триумвирами, была достигнута, важнейшая часть их официальной программы — «отмщение цезареубийцам» — была выполнена. Их общий идейный арсенал опустел, а честолюбивые планы обусловили расхождение путей¹⁵². Перед каждым триумвиром встал вопрос о выдвижении собственной политической платформы, формулировке идей и лозунгов, которые обеспечили бы достаточно сильную и надежную социальную опору. Выявились различие интересов, обострились былые разногласия. Это была очередная развилка истории.

III.5. Италия: идея «республики» жива

В особо сложном положении оказался Октавиан. Оставшемуся по соглашению между триумвирами в Италии, ему следовало обеспечить 50–60 тыс. ветеранов наделами¹⁵³. Поскольку в Италии столько свободной земли не было, её пришлось конфисковывать у прежних владельцев. Это вызвало не только озлобление непосредственно пострадавших, но и враждебность значительной части населения. Возмущение, естественно, обратилось на организатора

¹⁵⁰ О не вполне героическом поведении Октавиана под Филиппами, когда он три дня пролежал в лихорадке и потом лишь по случайности избежал смерти, см.: Plin. n. h. VII. 148; Plut. Brut. 41.6 sqq.; Suet. Aug. 13.1, 91.1; Dio XLVII.41.3, 49.2. Подробнее см.: Парфенов В. Н. Рим... С. 53; его же. Последняя армия Римской республики // ВДИ. 1983. N 3. С. 53–65; Bleiken J. Augustus. S. 155 ff.

¹⁵¹ Vell. II. 70–72 рассказывает о битве и о гибели множества выдающихся римлян. Число участников сражения и потери оценивает П. Брант: Brunt P. A. Italian Manpower 225 B.C. – A.D. 14. Oxf., 1971. P. 485 ff.

¹⁵² Лепид почти с самого начала триумвирата играл второстепенную роль. О триумвирате в целом: Pelling Chr. The triumviral period // CAH². Vol. X. Cambr., 1996. P. 1–69.

¹⁵³ О распределении обязанностей между триумвирами после Филипп см.: Suet. Aug. 13; App. b. c. V.3; Dio XLVIII. I. 3 sq. Цифра в 50–60 тыс. ветеранов — результат современных умеренных подсчетов, в частности, Бранта. Аппиан указывает 170 тыс. легионеров (App. b. c. V.5). Следует иметь в виду, что после огромных потерь в битве при Филиппах в строю оставалось еще 250–300 тыс. легионеров (Brunt P. A. Italian manpower. P. 326 ff, 488 ff., cf.: Keppie L. Colonisation und veteran settlement in Italy 47–14 B.C. L., 1983. P. 58 ff.; Парфенов В. Н. Рим... С. 54 сл.; Bleicken J. Augustus. S. 178 f.).

конфискаций, чем не замедлили воспользоваться политические противники. С другой стороны, утверждалось, что Антоний, вернувшись с Востока, собирается сложить с себя чрезвычайные полномочия и удовольствоваться консулатом¹⁵⁴. Октавиана обвиняли в узурпации власти. Воинские командиры Октавиана и Луция Антония (брата триумвира), собравшись для их примирения, вынесли решение, по которому триумвиры не должны были препятствовать консулам управлять «по обычаям предков»¹⁵⁵.

Воспользовавшись недовольством, выступление против Октавиана возглавили жена Антония, Фульвия, и его брат, консул Л. Антоний, который взял на вооружение «республиканскую» фразеологию. Свои действия он обосновывал желанием восстановить «демократию», строй отцов и власть консулов¹⁵⁶. Октавиан осадил противников в городе Перузии (Перузинская война, 41–40 гг.). Там начался голод, положение было безнадежным, и в конце февраля Луций Антоний капитулировал. Солдат и офицеров Октавиан пощадил благодаря заступничеству собственных легионеров. Город был отдан солдатам на разграбление и сожжен¹⁵⁷. Аппиан сообщает, что жители были помилованы. Члены городского совета, а также схваченные римские сенаторы и всадники были казнены¹⁵⁸.

¹⁵⁴ О сближении Антония с уцелевшими республиканцами на Востоке сообщает Аппиан (b. c. V. 4; 7).

¹⁵⁵ App. b. c. V. 20. Сравн.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 224, 227, 231.

¹⁵⁶ Аппиан вкладывает в уста Луцию Антонию речь, в которой тот выступает перед своим войском как поборник «демократии» (так греки передавали латинское *res publica*). Затем Луций излагает эту позицию также перед Октавианом, где ратует еще и за восстановление господства оптиматов (App. b. c. V. 39, 42–44, сравн. 54). См.: Roddaz J.-M. Lucius Antonius // Historia. Bd. 37. 1988. S. 317–346. X.-M. Роддац принимает республиканские намерения Луция как вполне достоверные. Р. Сайм считал, что Октавиан в качестве революционного лидера утопил под Перузией свободу Рима и Италии в крови (Syme R. Roman revolution. P. 216). На наш взгляд, особенно учитывая, что речи были сочинены историком, близок к истине Й. Бляйкен, который заметил, что тогда не было ни Октавиана-революционера, ни свободы, которую можно было уничтожить. На трактовку Аппиана большое влияние могло оказать недодешедшее историческое сочинение Азиния Поллиона (Bleicken J. Augustus. S. 710, cf. 696). В то же время в изложении Аппиана неслучайны постоянные упоминания о распространявшихся в Италии «республиканских» настроениях. Они были направлены против триумвиров (к рассматриваемому времени (42–35 гг. до н.э.) см.: App. b. c. V. 12, 19, 20, 25, 30, 31, 3–43, 68. Недовольная толпа забрасывала камнями Октавиана и Антония, их статуи были опрокинуты (Dio XLVIII. 31. 5 etc.). О Поллионе см. в разделе IX.6.

¹⁵⁷ См.: Holmes R. The architect... I. P. 92 ff.; Syme R. The Roman revolution. P. 207 ff.; Gabba E. The Perusina war and triumviral Italy // HSCPh. Vol. 75. 1971. P. 139–160; Парфёнов В. Н. Из предистории Перузинской войны и Брундизийского мира // AMA. 1983. № 5. С. 46–64; Ахиев С. Н. Идеологические аспекты Перузинской войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 3–11; Bleicken J. Augustus. S. 189 mit Anm. S. 711 etc.

¹⁵⁸ Светоний и Кассий Дион сообщают, что в мартовские иды 40 г. Октавиан велел принести в жертву на алтаре Божественного Юлия триста сенаторов и всадников. Аппиан не называет цифры (Suet. Aug. 15; App. b. c. V. 201 sqq.; Dio XLVIII. 14. 3ff., cf. Sen. clem. I.11). В научной литературе сам факт, а еще в большей мере цифра, подвергаются сомнению. Октавиан пощадил Фульвию и Л. Антония, поскольку не мог еще пойти на конфронтацию с Марком Антонием. См.: Wallmann P. Triumviri rei publicae constituendae. Frankfurt, 1989. S. 129 f.; Gowing A. M. The Triumviral Narratives of Appian and Cassius Dio. Ann Arbor, 1992. P. 84; Bleicken J. Augustus. S. 193, 711; Bringmann K. Augustus. S. 77. Kienast D. Augustus. S. 45f. mit Anm. 169.

«Республиканская» фразеология с успехом эксплуатировалась в это время также Секстом Помпеем¹⁵⁹. Используя имя отца, а также неудовлетворённость политикой триумвиров, он собрал под свои знамена остатки разбитых войск заговорщиков-«республиканцев», бежавших в Сицилию уцелевших аристократов, а также всех желающих: отпущенников, рабов и даже пиратов. Не вдаваясь в подробное рассмотрение социального состава движения и целей, преследовавшихся Помпеем, отметим, что во многом его влияние среди различных кругов гражданского населения были обусловлены тем, что сына Великого рассматривали как последнего защитника «республики»¹⁶⁰.

Положение в Италии было очень напряженным. Экономика была подорвана гражданскими войнами, конфискации привели к расстройству сельского хозяйства. Помпей блокировал Италию с моря и тем самым нарушил снабжение Рима хлебом, плебс голодал. В городах по ночам грабили, в сельской местности и на дорогах орудовали банды разбойников (App. b. c. V.132 etc.). Население Рима было крайне недовольно правлением триумвиров. Они обвинялись в том, что сражаются за собственные интересы, обрекая народ на страдания. С риском для жизни Антоний и Октавиан подавили бунт, стихийно возникший на Римском форуме¹⁶¹. Лозунги о возвращении к прежнему порядку приобретали особую актуальность. Октавиан реагировал на тревожные сигналы не только решительной борьбой с Секстом Помпеем, но также переосмыслением своей политической программы.

Продолжая использовать в армии лозунг борьбы против врагов отца (App. b. c. V. 98), в пропаганде, рассчитанной на гражданское население, Октавиан пытался развенчать Помпея как вождя рабов и пиратов. Даже спустя

¹⁵⁹ Секст Помпей, сын Помпея Великого, был включен триумвирами в проскрипции. Имея в распоряжении флот, он захватил Сицилию и начал морскую блокаду Италии. По Мизенскому соглашению с Антонием и Октавианом (39 г.) Секст получил дополнительно острова взамен снятия блокады. Но в 38 г. она возобновилась. В 36 г. Агриппа в двух сражениях разбил флот Помпея, тот вынужден был ретироваться, вскоре погиб (35 г.). См. Машкин Н.А. Принципат Августа. С. 252 сл., 258 сл.; Парфенов В.Н. Рим... С. 68–87; Hadas M. Sextus Pompey. Geneva, N.Y., 1930; ND: N.Y, 1966; Welch K. Magnus Pius: Sextus Pompeius and the transformation of the Roman Republic. Swansea, 2011.

¹⁶⁰ Об аплодисментах при появлении в театре изображения Нептуна, покровителя С. Помпея, сообщает Кассий Дион (XLVIII. 31). ПUTEОЛАНСКИЙ договор триумвиров с Помпеем был заключен в значительной степени под влиянием господствовавших в Италии настроений. В нем был пункт о возвращении управления государством народу через 4 года (см.: App. b. c. V. 73, сравн.: Vell. II. 77. I; Dio XLVIII. 36. 2). О том, что Секст Помпей рассматривался как защитник республики, возможно, свидетельствует Гораций (epod. IV. 19; IX. 7 sq.). Черты сходства идеологии С. Помпея и в дальнейшем Августа еще раз отмечены в статье: Рязанов В.В. Политические цели и методы Секста Помпея и Октавиана Августа // Норция. Вып. 3. Воронеж, 1999, сравн.: Парфенов В. Н. Рим... С. 75–81.

¹⁶¹ Крайнее недовольство городского населения красочно описывает Аппиан. Голодная толпа едва не насмерть забросала камнями самого Октавиана и пришедшего к нему на помощь Антония. Бунт был жестоко подавлен, вызвав еще большую ненависть к обоим триумвирам (App. b. c. V. 67–68).

полвека, в своих «Деяниях», он не преминул назвать события 38–36 гг. «рабской войной». Этой версии соответствовали, после разгрома С. Помпея, возвращение хозяевам или казнь беглых рабов¹⁶². Таким образом, Октавиан подчеркнул свою приверженность основам социального порядка. Гражданское население, особенно зажиточные слои, оценило эту линию поведения. Борьба с разбойниками была поручена консуляру Кальвизию Сабину, который покончил с ними в течение года. Дороги Италии были покрыты сетью военных постов. Тогда же, видимо, Меценату было доверено командование преторианцами, и он навел порядок в Риме¹⁶³. Такая политика имела определенный успех и сыграла свою роль в изоляции Секста Помпея, а в итоге — в его поражении (36 г.)¹⁶⁴. Аппиан также сообщает, что в это же время (36/35 гг.) Октавиан вернул некоторые полномочия магистратам в соответствии с «отцовскими законами» и обещал после возвращения Антония из похода против парфян восстановить прежний государственный строй¹⁶⁵. Позднее Октавиан, вынужденный считаться с тем, что имя Помпеев отождествлялось с «республикой», стремился снять с себя ответственность за смерть Секста, возложив ее целиком на Антония. Но этот ход последовал еще через пять лет¹⁶⁶.

За десятилетие после смерти Юлия Цезаря многое изменилось. Заговорщики были физически уничтожены. Жители Италии устали от смут и беззаконий, усиливалась тоска по добрым старым временам. Мысль о возвращении «республики» посещала даже тех жителей Италии и солдат, которые прежде об этом не задумывались. Вспомнили о «республике» и сторонники Антония, да и он сам, недавно пытавшийся увенчать царской короной Юлия Цезаря. Не Антония ли обвинял в стремлении к «тирании» защитник «республики» Цицерон, поплатившись за это головой?

Октавиан получил немало уроков «большой политики», для которой самые громкие лозунги служат лишь разменной монетой в борьбе за власть.

¹⁶² Было передано хозяевам 30 тыс. рабов. Те 6 тыс., владельцы которых не были найдены или не хотели их брать, были распяты (RG 25. 1; App. b. c. V. 131). Октавиан не последовал примеру Суллы, некогда превратившего 10.000 своих рабов в отпущенников.

¹⁶³ App. b. c. V. 132; ILS. Bd. I. 2488. Cf.: Brunt P. Italian manpower. P. 291 note 6; Kienast Augustus. S. 57 mit Anm. 209.

¹⁶⁴ После гибели отца Секст Помпей воевал против Юлия Цезаря в Африке и Испании. В 44 г. по инициативе Антония получил от сената командование флотом, а потом, захватив Сицилию, блокировал Италию с моря. В 43 г. объявлен вне закона, в 36 разбит объединенными силами триумвиров. Бежал в Азию, где был убит людьми Антония. См.: App. b. c. V. 1–145; Dio XLIX.1–12. Сравн.: Hadas M. Sextus Pompey. N.Y., 1930; 1966 (repr.); Kienast D. Augustus. S. 50–58.

¹⁶⁵ App. b. c. V. 132, сравн.: Suet. Aug. 28. 1. Аппиан указывает, что Октавиан провел эти меры, когда ему было 28 лет. Ситуацию в целом см. в работах: Galinsky K. Augustan culture. Cap. 2; Kienast Augustus. S. 50–58; Bleicken J. Augustus. S. 173–236.

¹⁶⁶ Вначале, узнав об убийстве С. Помпея, Октавиан, изъявляя благодарность Антонию, не мог сдержать своей радости (Dio XLIX. 18. 6). Сравн.: App. b. c. V.127; Dio L. 1. 4.

Но здесь просматривалось нечто большее. Становилась очевидной жизненность и сила «республиканских» идей. В середине 30-х годов они ещё воспринимались как опасные, ассоциируясь с идеологией цезареубийц. С другой стороны, представления о Римской республике и вся система ценностей *civitas* были не чужды и самому триумвиру. Мирное правление по возможности в соответствии с традициями «предков» было Октавиану больше по душе, чем проскрипции и полные опасных неожиданностей сражения. Требовалось время и некоторые события, чтобы осмыслить новые наблюдения и сопоставить с усвоенными еще в детстве представлениями. Политическая обстановка подталкивала к поискам.

Контуры нового политического курса начали намечаться в ходе и после завершения борьбы с Секстом Помпеем. Следовало отходить от односторонней ориентации на армию, тем более, что требования ветеранов были в основном удовлетворены. Была необходима широкая социальная опора¹⁶⁷. Юному Цезарю, в отличие от Антония, не приходилось надеяться на богатый Восток — все необходимое для упрочения своего положения предстояло найти прежде всего в Италии. Стало ясно, насколько важно было добиться перелома в неблагоприятном пока общественном мнении. Октавиан решил продемонстрировать твердое намерение действовать прежде всего в интересах гражданского населения.

Возвращаясь после победы над Секстом Помпеем в Рим, Октавиан объявил, что гражданская война закончена, в Италию возвращаются спокойствие и порядок. Отменяются чрезвычайные налоги, прощаются недоимки. В дальнейшем было отдано распоряжение сжечь все документы, относившиеся ко времени смут¹⁶⁸. Это подкрепляло обещание восстановить прежние порядки. Некоторые симптомы подтвердили: пульс настроений нащупан верно. В Октавиане увидели того, кто прекратит наконец ужасы гражданских войн и вернётся к установлениям, завещанным предками¹⁶⁹. Изображения наследника Цезаря ставились в итальянских городах рядом со статуями божеств-покровителей, сенат даровал ему, как некогда приемному отцу, пожизненную

¹⁶⁷ Согласно Диону Кассию, Октавиан уже в 41 г. принял к сведению, что с помощью оружия невозможно вызвать дружеские чувства сограждан (Dio XLVIII. 8. 4). См.: Gabba E. The historians and Augustus // Millar F.; Segal E. (eds.). Caesar Augustus... P. 70.

¹⁶⁸ App. b. c. V. 130; Dio XLIX. 5, 15; RG 25. См.: Kienast D. Augustus. S. 55 mit Anm. 201. О сожжении документов времени второго триумvirата см.: App. b. c. V. 132. Э. М. Гоуинг рассматривает эту меру, наряду с принятой несколько позднее отменой публикации *acta senatus* (Suet. Aug. 36), как пример манипулирования исторической памятью (Gowing A. M. Empire and memory. Cambr., 2003. P. 17). В данном случае эта цель могла преследоваться как попутная. В первую очередь здесь имелись в виду амнистия и превращение сената в работоспособный орган. Сравн. раздел VI.6 с примеч. 305 о сожжении пророческих книг.

¹⁶⁹ О концентрации общественных чаяний на личности Октавиана, в том числе в связи с надеждами на восстановление свободы и республики, в контексте римских общественно-политических и религиозных традиций, см.: Clark M. E. Spes in the early imperial cult: "the hope of Augustus" // Numen. Vol. XXX. fasc. I. Leiden, 1983. P. 80–105, esp. 80, 94 ff.; CAN¹ X. P. 55–65.

трибунскую власть (App. b.c. V.132; Dio XLIX.15). Для закрепления успеха нужно было смелее разворачивать курс своего политического корабля. Необходимый для этого, хотя и неприятный ветер, задул с Востока.

III.6. Антоний в мире грёз

Полемизируя с Р. Саймом, который считал Антония сторонником республиканских традиций¹⁷⁰, Н. А. Машкин справедливо обращал внимание на монархические предпочтения триумвира. В то же время он отметил, что Антоний стремился к власти действием, не выдвигая какой-либо политической программы, всецело подчиняя свою политику обстоятельствам момента»¹⁷¹. На самом деле, долговременным продуманным планом не располагал никто из триумвиров¹⁷². Скорее можно говорить об определенных ориентациях, которые способствовали, в соответствии с обстоятельствами, политическому выбору и принятию конкретных решений. В меняющихся условиях ценностные и психологические установки приводили Антония к поступкам, которые выстраиваются в определенную линию поведения.

Шаги Антония сразу после гибели Цезаря и его дальнейшая судьба дают основание охарактеризовать этого цезарианца, триумвира и повелителя Востока как типичного политического деятеля эпохи кризиса идеологии античной гражданской общины, оказавшегося к тому же под сильным идейным влиянием эллинистического монархизма. Структурообразующими для римского политического сознания были «полисные» традиции. По мере их размывания освобождалось всё больше места для индивидуализма. То и другое сосуществовало очень долго. В каждом конкретном

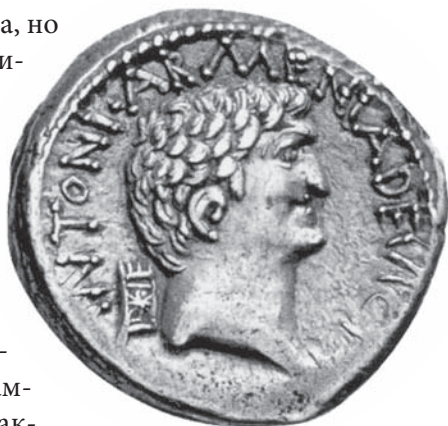
¹⁷⁰ Syme R. The Roman revolution. P. 105–106, 108, 122. Сайм характеризовал Антония как аристократа и крупного политика, в противоположность Октавию — авантюристу, террористу и деспоту. Его пристрастные оценки были основаны в основном на сравнении людей, их окружавших (окружение Антония — p. 266 ff., Октавиана — p. 234 ff. Оценка Антония в целом (со склонностью к идеализации) — p. 239 ff.). На самом деле найти республиканцев в окружении Антония в последние годы его жизни нелегко. См.: Syme R. The Roman revolution. P. 234 ff. (об Октавиане), P. 266 ff. (об Антонии); сравн.: Alföldy G. Sir Ronald Syme, "Die römische Revolution" und die deutsche Althistorie. Heidelberg 1983. S. 11 ff.; Glauning A. E. Die Anhängerschaft des Antonius und des Octavian. Diss. Leipzig, 1936; Bleicken J. Augustus. S. 295f. mit. Anm. S. 721. Об окружении Октавиана сравн. раздел VIII.8 с примеч. 199.

¹⁷¹ Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 213–215, сравн. с. 158–159. См. также: Buchheim H. Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius. Ihre Voraussetzungen, Entwicklung und Zusammenhang mit den politischen Ereignissen in Italien. Heidelberg, 1960; Chamoux F. Marcus Antonius: Der letzte Herrscher des griechischen Orients. Gernsbach, 1989 (orig. franz. 1986); Huzar E. G. Mark Antony. L. ets., 1978; repr. 1986; Roberts A. Mark Antony. Worcestershire, 1988; Bengtson H.: Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher des Orients. München, 1977 (engl.: Mark Antony. Southern 1998); Halfmann H. M. Antonius. Gestalten der Antike. Darmstadt, 2011 etc.

¹⁷² Неоправданным комплиментом Антонию является предположение о «маятниковых действиях», якобы специально запланированных для введения в заблуждение своих противников. Кроме того, подобные «игры» слишком дорого обходились самому организатору. Сравн.: Парфенов В. Н. Рим... С. 8 и примеч. 7 (со ссылкой на книгу: Rossi R. F. Marco Antonio... Trieste, 1959).

случае выбор зависел не только от количества, но и от меняющейся соподчиненности, ранжирования целей, он был результатом ускользающей в своем единстве диалектики целей и средств. Это общее рассуждение помогает уяснить ментальные истоки противоречивости поступков Антония, которую по-разному объясняли и оценивали античные и современные авторы.

В поведении Антония прослеживается соединение и борьба индивидуалистических амбиций и жизненных ценностей *civitas*. Характерна позиция Антония (или её отсутствие?) после мартовских ид. Ближайший соратник покойного пытался достичь соглашения с сенатом, даже с убийцами. Приверженность Антония «свободной республике» должен был продемонстрировать принятый по его инициативе закон об уничтожении (навечно) диктатуры, а также ряд других шагов. Но за всем этим проглядывает стремление занять место Цезаря в Римском государстве любым путем, пусть через компромисс с цезареубийцами и даже под их лозунгами. Доминанта честолюбия, замешанная на беспринципности и неразборчивости в средствах, вызывала естественное неприятие Цицерона. Намерения Антония и его характер в полной мере проявились на похоронах диктатора¹⁷³. Но вскоре, предав ожидания плебса (подавление движения Лже-Мария), он решил выступить уже против сената. Потерпев поражение в Мутинской войне, Антоний связал свои притязания с опорой на армию и ветеранов Цезаря. При этом ему пришлось заключить союз с Октавианом, которого он раньше пытался всячески третировать. Как и следовало ожидать, это был очередной тактический ход. В дальнейшем векторы политической эволюции Антония и Октавиана вновь разошлись, причины чего следует искать не только в сложившихся обстоятельствах, но и в политических установках.

Илл. III.8. Изображение Антония на денарии 32 г. до н.э.

¹⁷³ Характер Антония, наряду с указанными установками, также объясняет его поведение. Будучи незаурядным полководцем, он значительно уступал Юлию Цезарю как стратег, а Октавиану — как политик. Антоний был открытым и простодушным человеком, следующим не столько расчету, сколько своим чувствам, не особенно задумываясь о последствиях. Он был неспособен заранее рассчитывать и контролировать каждый свой шаг, как Октавиан. Аппиан не раз упоминает о его великодушии и хорошем характере (Арр. б. с. V. 4, 7, 141 etc.), не умалчивая о влюбчивости (V. 8, 76 etc.). Антоний мог с риском для жизни броситься спасать своего соперника Октавиана (V. 68) и коварно расправиться с бывшими соратниками (V. 70 f. — о Мурке и Вифинике). Такие люди могут быть опасными врагами и ненадежными друзьями.

Первоначально Восток представлялся Антонию средством¹⁷⁴. Поставленные цели — разгромить Парфию и овладеть ее богатствами, отомстить за позор Красса — были вполне легитимными. Для Антония, как и для любого римлянина, апробация жизненного успеха мыслилась только в Городе, любое достижение, победа приобретали ценность лишь при одобрении согражданами, например, при избрании на должность или во время триумфа. Антоний вполне обоснованно рассчитывал, что успешный парфянский поход окажется ключом ко всем остальным проблемам¹⁷⁵. Но в том и состоит коварная диалектика целей и средств, что они могут незаметно переходить друг в друга, меняя в ходе событий и в окружении череды обстоятельств не только свою форму, но и самое глубинное содержание. Если Октавиан после Филипп все более ориентировался на Италию и Запад, то Антоний, задержавшись на Востоке, вслед за Помпеем, Цезарем и другими честолюбцами, захотел пойти по стопам Александра Великого, завоевателя Азии¹⁷⁶.

В том, что Марк Антоний отправился на Восток, реализовалось его преобладание в триумvirате. Оно проистекало, в частности, из решающей роли, которую Антоний сыграл в битве при Филиппах. Как признанный полководец, он должен был взять реванш за поражение Красса. Октавиану предстояло провести тяжелые и непопулярные меры в разоренной гражданскими войнами Италии, а Антоний получил шанс сравняться со славой самых известных триумфаторов. К тому же, в сфере влияния Антония оказывались богатейшие страны Востока¹⁷⁷. И здесь задуманное представилось импульсивному, увлекающемуся (и внушаемому) Антонию почти свершившимся. То, что в Риме могло ощущаться лишь как смутные, ежеминутно сдерживаемые желания, здесь становилось совершенно естественным,

¹⁷⁴ Важнейшие сообщения античных авторов о пребывании Антония на Востоке: Plut. Ant. 33–87; Dio XLIX. 19–51; Vell. II. 82–88; Suet. Aug. 17 sq. См.: Свенцицкая И. С. Марк Антоний и малоазийские полисы // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 119–134; Bengtson H. Marcus Antonius...; Buchheim H. Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius. Heidelberg, 1960 etc.

¹⁷⁵ См.: Смыков Е. В. Марк Антоний и политика *clementia Caesaris* // «Античный мир и археология». Вып. 7. Саратов, 1990. С. 56–65, где автор убедительно показал, что Антоний «милосердием» сумел расположить к себе население восточных провинций. Но его желание завоевать популярность, неважно, у кого и какой ценой, еще не свидетельствует о политических дарованиях.

¹⁷⁶ См.: Штаерман Е. М. Александр Македонский в идеологии Рима // Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 5–17; Michel D. Alexander als Vorbild für Pompeius, Caesar und M. Antonius. Brussels, 1967; Rawson E. Caesar's heritage: hellenistic kings and their Roman equals // JRS. Vol. 65. 1975. P. 148–159; Weippert O. Alexander-imitatio und römische Politik in republikanischer Zeit. Augsburg, 1972; Carlsen J. (ed.) Alexander the Great: reality and myth. Rome, 1997. Сравн. об отношении Октавиана-Августа к Александру далее, примеч. 209, а также раздел IV.7 с примеч. 183 и X.6 с примеч. 49.

¹⁷⁷ Распределение задач, начавшееся осуществляться после битвы при Филиппах, сопровождалось впоследствии закреплением сфер влияния. Это разграничение было оформлено Брундизийским договором (40 г.) и закреплено Брундизийским соглашением (37 г.). Италия формально была в общем ведении триумвиров, но фактически там все более утверждался Октавиан. Лепиду досталась провинция Африка. См.: App. b. c. V. 65; Plut. Ant. 30 sq.; Dio XLVIII. 28. 3–30. 1.

Илл. III.9. Голова Клеопатры

доступным, получало реальное воплощение, превосходившее самые дерзкие надежды. Местное население встречало Антония, вслед за другими римскими полководцами, как полубога. Нетрудно было и самому поверить в свою сверхъестественную миссию, счастье, удачу. В Эфесе Антоний появился в образе Нового Диониса¹⁷⁸, в Афинах за него «выдали замуж», да еще с солидным приданым, богиню-покровительницу города¹⁷⁹. Такое непомерное восхваление, вседозволенность и вседоступность могли ввести в соблазн и не такую податливую душу.

В довершение судьба столкнула Антония с Клеопатрой. Царственность, величие и сказочные богатства Востока — все, о чем он мечтал и к чему стремился, — воплотилось для Антония в наследнице древних фараонов, Александра и Птолемеев, возлюбленной Юлия Цезаря, царице Египта¹⁸⁰. Неудивительно, что в данном случае не избежали крайностей два выдающихся исследователя XX века: Р. Сайм, усматривавший в союзе Антония и Клеопатры лишь прагматические мотивы¹⁸¹, и В. Тарн, утверждавший, что триумvir потерял полмира за любовь¹⁸². Не будем слишком строги к выдающимся ученым: Антоний, в 37 г. женившийся на египетской царице, наверняка и сам не смог бы как следует объяснить, почему он это сделал.

¹⁷⁸ Plut. Ant. 23. См.: Смыков Е. В. Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония) // АМА. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 80–106; Halfmann H. M. Antonius (в частн., Антоний в роли Диониса — S. 120 ff.).

¹⁷⁹ Sen. suas. 7; Plut. Ant. 33, 60; Dio LVIII. 39; CIA. Vol. II. 482. Сравн.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 255–256. Антоний на греческом Востоке: Halfmann H. M. Antonius. S. 104 ff.

¹⁸⁰ Клеопатра и Рим: Lindsay J. Cleopatra. L., 1970; Volkmann N. Cleopatra: A study in politics and propaganda. L., 1958 (transl. from deutsch: München, 1953); Kleiner D. Cleopatra and Rome. Cambr., MA 2005; Goldsworthy A. Antony and Cleopatra. New Haven, 2010; Schiff S. Cleopatra: a life. N.Y., L., 2010.

¹⁸¹ Syme R. The Roman revolution. P. 271, 275.

¹⁸² Tarn W. // САН X¹. P. 66; cf.: Tarn W., Charlesworth M. Octavian, Antony and Cleopatra. Cambr., 1965.

Брак с обеих сторон образовался как сцепление материальных, политических интересов, естественных человеческих чувств и совершенно не понятных с позиций современного рационализма представлений и надежд. Эллинистически образованная, расчетливая и искушенная во всех соблазнах царица верила, что она — дочь древнеегипетского солнечного бога Ра. Вместе с Антонием они составили «божественную» пару Исида-Афродиты и Осириса-Диониса. Дети их были названы Александром Гелиосом (Солнцем) и Клеопатрой Селеной (Луной)¹⁸³. Здесь были игра, бутафория, карнавал, разыгрывавшиеся на глазах миллионов людей и десятков народов. В своем апогее они становились в сознании зрителей и даже актеров самой подлинной действительностью. Реальность политики смыкалась и сливалась с повседневностью будней¹⁸⁴.

Союз с Антонием был жизненно необходим царице. Египет оставался последней из крупных держав, сохранившейся как остров в захлестываемом смерчами римских завоеваний Средиземноморье. Брак с самым выдающимся римским полководцем того времени, обладавшим закаленным, боеспособным войском, сулил возможность не только уцелеть, но и кое-что отобрать у своих соседей, а там..., почему бы не приручить хищную Рому в лице ее не слишком дальновидного вождя?

Вряд ли необходимо, следуя анти-Антониевой традиции, настаивать, что инициатива союза принадлежала исключительно Клеопатре и изображать триумвира жертвой ее козней. Амбиции Антония не могли быть удовлетворены без материальных ресурсов Египта, прежде всего продовольствия и денег, чтобы кормить войско и платить ему жалование. Не последнюю роль сыграли и честолюбивые грезы триумвира, о которых уже шла речь. Не случайно на монетах Антония, начиная уже с первых лет триумvirата, появлялись изображения солнца, шара (державы, обозначающей власть над миром), рога изобилия и других символов, ассоциировавшихся с восточными монархическими идеями¹⁸⁵. После битвы при Филиппах изображения Антония увенчивались также солнечными лучами; известен аналогичный чекан 37 года до н.э.¹⁸⁶. Ряд подобных наблюдений позволяет говорить о том, что триумvir охотно поддавался влиянию восточных представлений о власти. Складывался своего рода союз-симбиоз триумвира и царицы. Он су-

¹⁸³ Здесь нет возможности раскрыть богатую религиозную символику и подробно комментировать идеологическую политику Антония и Клеопатры. См. блестящую статью: Tarn W. Alexander Helios and the golden age // JRS. Vol. 22. 1932.; Машкин Н.А. Эсхатология и мессианизм в последний период Римской республики // Изв. АН СССР, сер. ист. и фил. 1946. Т. III. № 5.

¹⁸⁴ Об отражении соответствующих идей и символов на монетах см.: Grant M. Op. cit. P. 368–374. О связи культа Диониса с культом Осириса см: Fraser P. M. Ptolomaic Alexandria. 1972. P. 201–207.

¹⁸⁵ См.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 214, 256 (в т.ч. о монете, выпущенной между 38 и 36 гг.: на аверсе изображался Антоний в платье авгура, на реверсе — олицетворенное солнце), 269–270.

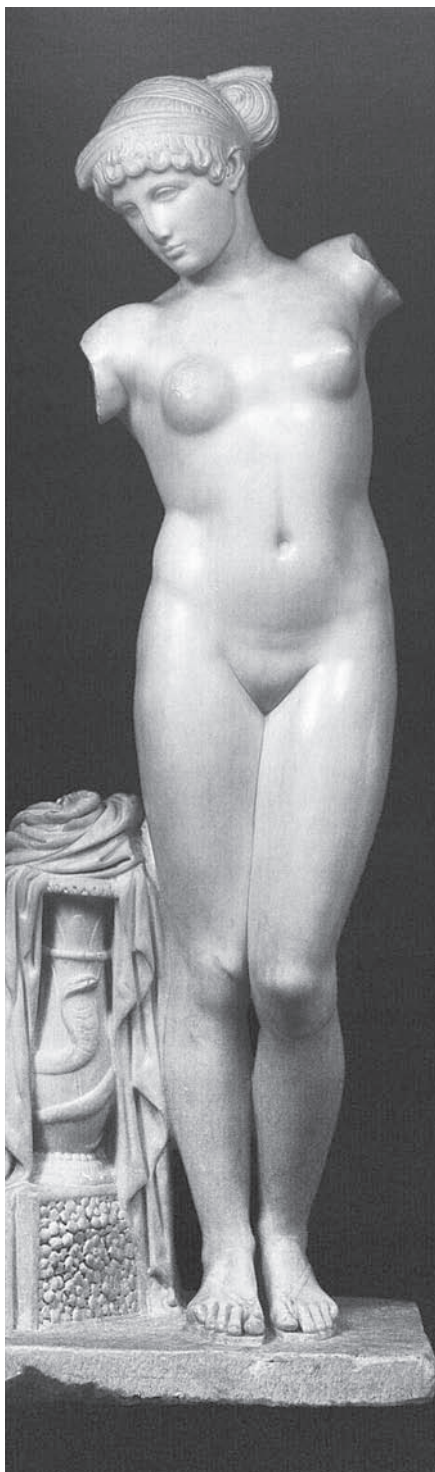
¹⁸⁶ См.: САН¹. Vol. ill. IV. Ill. N 196 к., 196 в.

Илл. III.10. *Эсқвиллинская Венера* – предполагаемое идеализированное изображение Клеопатры

лил немалые выгоды обеим сторонам, представляя реальную угрозу для противников.

Солярная символика, использовавшаяся Антонием, имела по преимуществу восточно-эллинистическое происхождение. Этот культурный комплекс давно не был чужим и в Риме. Все же было одно обстоятельство, для понимания которого требовалась большая компетентность в подобного рода играх, чем у триумвира: на Востоке, испытывавшем все прелести римского господства, самые безобидные на первый взгляд вещи приобретали опасную анти-римскую окраску. В Риме, с подачи Августовой пропаганды, именно так и были со временем истолкованы многие поступки триумвира.

Лучезарное солнце в различных ипостасях давно почиталось не только в Египте, но и в других странах Ближнего Востока. В последние века до н.э. оно заняло особое место в социальных чаяниях различных народов Средиземноморья. Согласно прорицаниям кумской Сивиллы, правление Солнца должно было предшествовать Золотому веку. Ямбул связывал в своей утопии Золотой век с Солнцем. Государство Солнца провозгласил Аристоник; возглавленное им движение в малоазийском государстве Пергам было жестоко подавлено Римом. Имя Гелиос получил сын Антония и Кле-

опатры — в этой символикe отражались самые смелые и далеко идущие чаяния родителей.

Вначале предполагалось осуществление грандиозных планов в результате победоносного парфянского похода. Но завоевание Азии провалилось¹⁸⁷. Все же в руках «божественной» четы была богатейшая часть Средиземноморья: Греция, Малая Азия, Сирия, наконец Египет. Кто мог помешать им упиваться своим могуществом и божественностью? Неужто хилый и трусливый «сынок» диктатора, ненавидимый разоренной и обескровленной Италией? На Востоке утонувшему в потоках лести и восхвалений триумвиру все казалось осуществимым и достигаемым.

После второго, и тоже в сущности неудачного, похода (34 г.) празднуется армянский триумф — не в Риме, а вопреки обычаям и здравому (римскому) смыслу — в Александрии; принимает дары полководца не Юпитер Капитолийский, а Клеопатра. В александрийском гимнасии между детьми египетской царицы распределяются целые страны, принадлежащие римскому народу¹⁸⁸. Жажда почестей, кажется, не знает границ, поражения не отрезвляют, а напротив, подстегивают безумие. Клеопатра провозглашается Царицей царей. Её сына от Юлия Цезаря Антоний признает законным сыном диктатора (демарш, для Октавиана чреватый самыми неприятными последствиями) и Царем царей¹⁸⁹. А тем временем на Востоке все шире распространяются пророчества о грядущем торжестве Азии, предрекается победа Клеопатры над порочной Ромой. Это должно явиться началом конца текущего мирового периода, предшествующего царству мессии. Так начнется Золотой век, когда объединятся Азия и Европа, а на земле воцарятся справедливость и любовь¹⁹⁰.

¹⁸⁷ О парфянском походе 36 г. до н.э., оказавшемся неудачным для Антония и стоившем ему больших потерь см.: Смыков Е. В. Парфянский поход Марка Антония (36 г. до н.э.) // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1987. С. 111–120; Halfmann H. M. Antonius. S. 153–161.

¹⁸⁸ «Раздаривания» Антония, означавшие создание новой системы клиентских княжеств, проходили поэтапно. В 37 г. были проведены изменения в управлении (Dio XLIX. 32. 3; 33. 2) и затем первые «дарения» Клеопатре (Plut. Ant. 36; Dio XLIX. 32. 4). В 34 г. до н.э. Антоний подарил Клеопатре и ее детям обширные территории, провозгласив их царями (Plut. Ant. 54. 5–9; Dio XLIX. 40 f.). Р. Сайм положительно оценивал мероприятия Антония, указывая, что Помпей слишком рано учредил провинции на Востоке. Республика была не в состоянии ими как следует управлять. Антоний решил децентрализовать управление, учредив вассальные княжества (Syme R. Roman revolution. P. 272 etc.). Эта точка зрения не была принята. Подробнее о восточной политике Антония: Buchheim H. Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius. Ihre Voraussetzungen, Entwicklung und Zusammenhang mit den politischen Ereignissen in Italien. Heidelberg 1960, bes. S. 49 ff.; Schrapel Th. Das Reich der Kleopatra. Quellenkritische Untersuchungen zu den "Landschenkungen" Mark Antons. Pass. (детальное рассмотрение «дарений» на основе сообщений Плутарха и Кассия Диона с привлечением надписей и монет). См. также: Bleicken J. Augustus. S. 257 ff., 718 ff.

¹⁸⁹ См. Suet. Iul. 52. 2; Plut. Ant. 54; Dio XLIX. 41; L. I. 5.

¹⁹⁰ Sibyll. III. 46–54, 75–92, 350–361, 367–380. Об оракулах Сивиллы см.: Parke N. W. Sibylls and sibylline prophecy in classical antiquity. L., N.Y., 1988; Tarn W. Alexander Helios... P. 142–145; Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Новосибирск, 1992. Ч. 1. С. 68–75.

III.7. Запад против Востока

Отношения между Октавианом и Антонием никогда не были дружескими и доверительными. Их объединение под цезарианскими знаменами диктовалось необходимостью противостоять опасному фронту «республиканцев», ориентировавшемуся на заговорщиков. Однако когда внешняя опасность была ликвидирована, стало ясно, что соперничество между двумя триумвирами неизбежно. Для этого каждому из них требовался прочный плацдарм, материальные и людские ресурсы. Антоний искал все это на Востоке. В свою очередь Октавиану необходимо было приобрести поддержку ветеранов, симпатии гражданского населения Италии и доверие имущих классов западных провинций. Следовало зарекомендовать себя приверженцем «республиканских», исконно римских традиций. Также был необходим имидж удачливого военного вождя, стремящегося к гражданскому миру.

Пропагандистские цели и ставились прежде всего перед Иллирийскими походами (35–33 гг.), в которых Октавиан показал себя победоносным полководцем и храбрым воином¹⁹¹. Разумеется, все понимали, что Иллирия — не Парфия, но здесь были реальные победы, а не поражения, скрашивавшиеся псевдотриумфами и безобразными шабашами в восточных столицах. На средства, добытые в Иллирийских походах, ремонтировались общественные здания, приводилась в порядок дренажная система в Риме. Большую роль в привлечении городского плебса сыграл эдилитет Агриппы (33 г.), осуществлявшего активную строительную политику и устраивавшего пышные зрелища, а также аналогичные шаги Мецената и других сподвижников Октавиана. Повышенное внимание уделялось религии. Это проявлялось в восстановлении и украшении храмов, а также старинных религиозных обрядов, поощрении некоторых греческих культов. Сам Октавиан был авгуром и фециалом, впоследствии он также состоял в других жреческих коллегиях. Особое место в пантеоне отводилось Аполлону, считавшемуся личным покровителем триумвира. В то же время запрещались и преследовались азиатские, сирийские и египетские культы. В том же русле патриотической, традиционалистской политики следует рассматривать высылку из Рима магов¹⁹².

¹⁹¹ Иллирийцы совершали набеги на Италию, эту опасность следовало устранить, с чем Октавиан вполне успешно справился. См.: Малеваный А. М. Иллирийские походы Октавиана (35–33 гг. до н.э.) // ВДИ. 1977. № 2. С. 129–142; Таривердиева С. Э. Причины и итоги иллирийских кампаний Октавиана // *Studia historica*. Вып. 12. М., 2012.; Swoboda E. *Octavian und Illiricum*. Wien, 1932; Syme R. *Some notes on the legions of Augustus* // *JRS*. Vol. 23. 1933. P. 66; Schmitthenner W. *The armies of the triumviral period*. Oxf., 1958. P. 189 ff.

¹⁹² Аналогичные мероприятия осуществляли также сторонники Антония. Поллион реставрировал *atrium Libertatis* и основал первую публичную библиотеку, Созий начал строить свой храм Аполлона, Агенобарб восстановил храм Нептуна (который считался покровителем Секста Помпея). О религиозной политике

Мероприятия обоих триумвиров были направлены прежде всего на привлечение симпатий римского гражданства. Постоянно имея в виду соперника, ни один из них не решался пойти на разрыв: в армии еще было сильным влияние ветеранов Цезаря, Италия и все Средиземноморье жаждали мира. Исподволь готовилось общественное мнение, шел естественный процесс омоложения армии. В то время, как Октавиан имел в своем распоряжении ресурсы Италии, Антоний вербовал солдат из числа жителей Восточных провинций. Развязка неуклонно приближалась и политика Антония на Востоке делала столкновение неотвратимым. С середины 30-х годов все явственнее начал обозначаться перевес Октавиана. Некоторыми своими действиями (например, не давая ему обещанных италийских легионов) Октавиан подталкивал соперника в объятия египтянки, вынуждая во все большей степени ориентироваться на Восток с его людскими и материальными ресурсами, а вместе с тем — традициями и обычаями¹⁹³.

То, что известно о политическом и идейном противоборстве Октавиана с Антонием из сочинений Веллея и Светония, Плутарха и Диона Кассия, из других источников, несет на себе отпечаток ожесточенной «психологической» войны. Во взаимных обвинениях и поношениях использовались действительные и придуманные недостатки и ошибки: от военных неудач и политических промахов до физических недостатков и прегрешений в личной жизни¹⁹⁴. За сознательными искажениями и неизбежными абберациями ясно прослеживается главная линия обвинений со стороны Октавиана: приверженность Антония восточным обычаям (порокам), измена исконно римским, италийским интересам и традициям. Этот угол обстрела противника отражал усиление традиционалистско-республиканской ориентации Октавиана. Так все отчетливее стал проявляться стержень его политики на многие годы вперед.

Антоний в какой-то мере осознавал значение борьбы идей и не хотел уступать. Последовали взаимные обвинения в нежелании «восстановить респуб-

Октавиана Августа см. раздел VI.2 сл.; строительная политика освещается в гл. VIII. В частности, о портике Свободы и библиотеке Поллиона см. раздел VIII.8.

¹⁹³ Таким образом, дело было не только в изначальном «ориентализме» Антония: скорее он был всеяден в своих честолюбивых устремлениях и амбициях. Так, по прибытии на Восток Антоний пытался привлечь к себе и уцелевших «республиканцев» (App. b. c. IV.136, V.4.7). О взаимосвязи восточной политики Антония с событиями в Италии см.: Buchheim H. Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius: ihre Voraussetzungen, Entwicklung und Zusammenhang mit den politischen Ereignissen in Italien. Heidelberg, 1960.

¹⁹⁴ Данные античных авторов: Suet. Aug. 69 (об одном из писем Антония); Plin. n. h. XIV. 148 (о самоополении Антония «De sua ebrietate» (О моем опьянении/пьянстве); Suet. Iul. 52. 2; Plin. n. h. XXXIII. 50 (нападки Октавиана). В исследовательской литературе «пропагандистская война» Антония и Октавиана активно исследуется с рубежа 20–30-х годов нашего века: Scott K. Octavian's propaganda and Antony's de sua ebrietate // CPh. 1929. Vol. 24. P. 133–141; id. The political propaganda of 44–30 B.C. // MAAR. Vol. 11. 1933. P. 7 ff.; Charlesworth P. Some fragments of the propaganda of Mark Antony // CQ. 1933. Vol. 27. P. 172–177; CAH X. P. 90 ff.; cf.: Geiger J. An overlooked item of the war of propaganda between Octavian and Antony // Historia. Bd. 29. 1980. P. 112–114; Huzar E. The literary efforts of Mark Antony // ANRW II. Bd. 30,2. 1982. P. 639–657 etc.

блику»¹⁹⁵. У Октавиана уже был надежный тыл. В сознание граждан упорно и небезуспешно насаждался образ восстановителя традиций. Недавний «республиканец» Гораций утверждал, что Октавиан своим попечением защитил «Италию и святыни богов»¹⁹⁶. Тем временем в Рим продолжали поступать обрастающие домыслами и преувеличениями (не без стараний Октавиана и его сторонников) сведения об Антонии и Клеопатре. Эмиссары Октавиана в городах и муниципиях Италии муссировали эти слухи и распространяли свою версию событий: Антоний поработен иноземной царицей, раздаривает владения Римского народа, Италии грозит опасность. Потому необходимо объединяться, разумеется, под началом Октавиана. Патриотизм и страх, здоровое нравственное чувство и предрассудки — все это пробуждалось и усиленно эксплуатировалось целенаправленной пропагандой.

В начале лета 32 г. Антоний сделал шаг, лишивший его симпатий народа: послал официальный развод своей римской жене Октавии, сестре Октавиана (Liv. per. 132; Plut. Ant. 57. 4; Dio LIII. 2). Вся Италия была наслышана о ее верности долгу, о том, как Октавия долгие годы воспитывала детей Антония, также от Фульвии¹⁹⁷, как, несмотря на требования брата, отказывалась покинуть дом своего мужа.

Вскоре появился еще один документ — завещание Антония. Хранившееся у весталок, оно было отнято у них силой и зачитано сенату. В нем не только подтверждалось признание Птолемея Цезаря законным сыном Юлия Цезаря и Клеопатры (Plut. Ant. LVIII. 4–11; Dio L. 3. 3–4. 2, 5. 1 sqq.; Suet. Aug. 17. 1). Это было опасным выпадом против Октавиана — он становился вторым по значению наследником диктатора. Различные права и привилегии предоставлялись детям Антония и Клеопатры. Кроме того, предписывалось похоронить самого триумвира рядом с египетской царицей в Александрии. А это истолковывалось как намерение перенести туда столицу. Теперь все действия Антония представлялись не просто чудачествами или неблагоприятными поступками, разоблачающими его низменные страсти и дурные человеческие качества (уже это ставило под сомнение *dignitas* триумвира). Пропагандистская кампания была повернута в «патриотическую плоскость»¹⁹⁸.

¹⁹⁵ Suet. Aug. 28. 1. Сравн.: Plut. Ant. 53; Dio L. 7. 1, 22. 4.

¹⁹⁶ Hor. sat. I. 6.34–35, II. 2. 105 sq.

¹⁹⁷ Фульвия была третьей официальной женой Антония, Октавия четвертой, Клеопатра — пятой (Plut. Ant. 10, 87. 1 etc.). Об Октавии см.: Портнягина И. П. Октавия, сестра Октавиана — идеальная матрона в век эмансипации // Мнемон. Вып. 5. 2006. С. 307–318.

¹⁹⁸ Suet. Aug. 17; Plut. Ant. 58; Dio LIII. 3–5. В литературе высказывались сомнения в подлинности завещания. См.: Kienast D. Augustus. S. 66 f. mit Anm. 235. По К. Крафту, Октавиан решил построить в Риме мавзолей с целью подчеркнуть, в противовес Антонию, свой патриотизм (Kraft K. Der Sinn des Mausoleum des Augustus // Historia 1967. Bd. 16. Hft. 2. S. 196). См. также раздел VIII.3 (о цели постройки мавзолея).

Речь шла о судьбах Рима и его империи. Эта версия в глазах простых людей усиливалась и другими обвинениями, частью фальсифицированными, частью тенденциозно истолкованными: Антоний дал царице римских телохранителей (Ios. ant. iud. XV. 7. 3.), был в Александрии гимнасиархом, передвигался на носилках царицы или скакал с ней рядом верхом¹⁹⁹. Такое пренебрежение отеческими обычаями было воспринято как прямая измена. Все это в подаче Октавиана свидетельствовало, что Антоний окончательно предал Рим и готов вести на него врагов, став «вторым Пирром»²⁰⁰.

Еще удобнее было выдвигать самые страшные обвинения против Клеопатры: распутная женщина, продавшая себя за обладание властью сначала Юлию Цезарю, а потом Антонию и околдовавшая его зельями; царица евнухов, почитающая звероподобных богов²⁰¹, пьяница и т.п. Во всё это охотно верили, в основе лежал умело возбужденный страх перед иноземной властью, уже собиравшейся с помощью Антония воцариться в Риме. Осенью 32 г. эмоции накалились до предела²⁰². Город за городом, община за общиной принимали клятву верности (*coniuratio*) Октавиану, который должен был возглавить Италию в борьбе против безумного и хищного Востока. Затем клятва была принята также муниципиями Западных провинций²⁰³. Такое единодушие позволило пойти на следующие решительные шаги: Антоний был лишен власти триумвира и консула на 31 г. (Dio L. 4. 3).

¹⁹⁹ О предосудительном смысле передвижения на носилках в Риме см.: Кнабе Г.С. Древний Рим — история и повседневность. С. 110 слл.

²⁰⁰ См.: Tarn W.; Charlesworth M. Octavian, Antony and Cleopatra. Cambr., 1965 (dt.: Octavian, Antonius und Kleopatra. München, 1967); Егоров А. Б. Антоний и Клеопатра. Рим и Египет: встреча цивилизаций. СПб., 2012; Broadbent V. Augustus, Egypt, and Propaganda. Waterloo, Ontario, 2012. P. 14 ff. Разумеется, сохранилась по преимуществу традиция, враждебная Антонию. Она содержит трактовки Октавиана, который подчеркивал свой патриотизм и приверженность римским нравам.

²⁰¹ Имелись в виду божества, представлявшие египтянам как (полу-)животные, что было своеобразным пережитком первобытного тотемизма. См.: Коростовцев М. А. Религия древнего Египта. М., 1976. С. 10 слл.

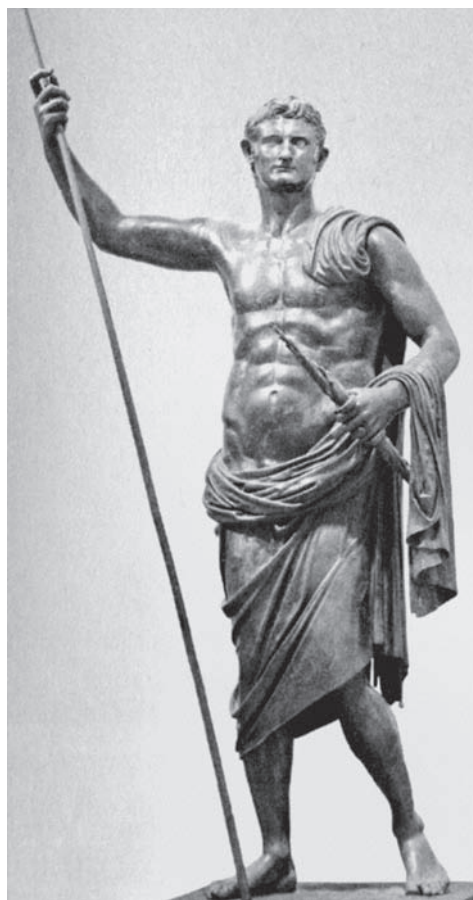
²⁰² О результативности пропаганды против Антония и неодобрительном отношении к нему римского общества позволяют судить некоторые литературные источники. См., напр.: Griffin J. Propertius and Antony // JRS. Vol. 67. 1977. P. 17 ff. О «пропагандистской войне» Антония и Октавиана см. также: Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи... Ч. 1. С. 125–133.

²⁰³ RG 25; Suet. Aug. 17. 2. См.: Syme R. The Roman revolution. P. 284 ff.; Premierstein A. Wom Werden und Wesen des Prinzipats. S. 26 ff. А. Джоунз отмечает, что спонтанный процесс принятия клятвы был для Октавиана единственным решением вопроса об оформлении власти, поскольку триумвирские полномочия истекли в конце 33 г. Возобновлять их он не желал — это противоречило бы обещаниям «восстановить республику», а кроме того, означало бы одновременно возобновление власти Антония. Джоунз считает, что о тексте клятвы дает представление присяга пафлагонцев Августу, принесенная через 30 лет после описываемых событий (Ehrenberg & Jones. Documents. 315, cf. Jones A. H. M. Augustus. P. 37 f. О «клятве» см.: Herrmann P. Der römische Kaisereid. Untersuchungen zu seiner Herkunft und Entwicklung. Göttingen, 1968 (в частности, о значении этой клятвы как прецедента в эпоху Империи); Fadinger V. Die Begründung des Prinzipats. Berlin, 1969. S. 284; Linderski J. Rome, Aphrodisias and the Res gestae: the genera militiae and the status of Octavian // JRS. Vol. 74. 1984. P. 74–80. См. также раздел V.8 о внеправовых основах власти Августа.

Илл. III.11. *Октавиан-Август
в образе Юпитера*

Никто уже не замечал, что ни Антоний, ни Клеопатра не проявляли агрессивных намерений. Октавиан в качестве фециала исполнил обряд объявления войны — но не Антонию, поскольку выступать инициатором гражданской войны, даже при такой подготовке, не прибавило бы вождю популярности, а войску — энтузиазма. Война была объявлена иноземному врагу — Клеопатре (Dio L. 4.5). Пропагандистские усилия не ослабевали и в период напряженной подготовки к экспедиции, и в ходе ее проведения. Октавиан, ссылаясь на покровительство классически уравновешенного Аполлона, издевался над дионисийским безумием и пьянством Антония²⁰⁴. Тот, дескать, попал под влияние порочной и необузданной в своих желаниях Клеопатры. Италия и Западные провинции сплывались на почве патриотизма, неразрывно связанного с имперскими притязаниями. За идеологическом наступлением Октавиана последовали военные действия.

Решающая морская битва произошла при Акции 2 сентября 31 г. до н.э.²⁰⁵. Флот Антония и Клеопатры был практически уничтожен, остатки армии перешли на сторону победителя. Теперь Октавиан единолично контролировал Римское государство. Все же слишком упрощенным является мнение, согласно которому победа означала также установление монархии. На самом деле, овладев властью, Октавиан лишь получил возможность приступить

²⁰⁴ Plin. n. h. XIV. 22. Cf.: Scott K. Octavian's propaganda... P. 133; Mannsperger D. Apollon gegen Dionysos. Numismatische Beiträge zu Octavians Rolle als Vindex Libertatis // Gymnasium. Bd. 80. 1973. S. 381–404 etc.

²⁰⁵ Объявление войны Клеопатре: Dio L. 4. 4; Plut. Ant. 60. 1 (и далее о ходе событий). См.: Парфенов В. Н. Битва при Акции: легенда и действительность // Античный мир и археология. Саратов, 1986. С. 5–73; Kromayer J. Actium. Ein Epilog // Hermes. 68. 1933. S. 361–383; Tarn W. W., Charlesworth M. P. Octavian, Antonius und Kleopatra. Cambr., 1965; Carter J. M. The battle of Actium. L., 1970 etc.

к устройству Рима и его империи в соответствии с определенным замыслом. Процесс формирования нового государственного устройства занял несколько десятилетий, при том, что Рим еще долго сохранял отдельные черты своей «республиканской» специфики.

Исход битвы при Акции, как и всей кампании, был предreshен идейно-политическим поражением Антония²⁰⁶. Италия, где в то время только и могла быть создана самая боеспособная армия, пошла за Октавианом. Еще во время словесной перепалки с Антонием он успешно начал создавать себе имидж миротворца, сторонника отеческих обычаев и «республики». Победа была увековечена на грандиозном памятнике, сооруженном близ Акция. Ключевыми в надписи на пьедестале были слова о «войне, которую Октавиан вел за республику» (*bello quod pro re publica gessit*)²⁰⁷.

Остальное было делом времени²⁰⁸. Менее чем через год Октавиан торжественно вступил в Александрию. Великолепие столицы Египта, богатство и роскошь других стран, где он побывал в ходе войны, пышные встречи и неумеренные восхваления, принятые там, не могли не произвести впечатления на молодого покорителя Востока. Призрак Александра потревожил и его честолюбивую душу. Демонстративно отказавшись почтить память Птолемеев, он поклонился гробу великого завоевателя Азии, который на всю жизнь остался предметом его сдержанного почитания²⁰⁹. Видимо, тогда же Октавиан начал носить кольцо с печатью, изображавшей Александра²¹⁰. И все же судьба Антония должна была послужить уроком для осторожного политика. Октавиан, хорошо понимавший значение Италии, не мог слишком далеко заходить в своих ориенталистских симпатиях. Открыто проявлялось лишь положительное отношение к классической Греции и к отдель-

²⁰⁶ Антоний не принял предложение Октавиана прибыть для пробы сил в Италию, понимая, что битва за нее уже проиграна. См.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 270.

²⁰⁷ См.: Murray W. M., Petsas P. M. Octavian's Campsite Memorial for the Actian War. Philadelphia 1989. P. 62–76; Gurval R. A. Actium and Augustus: The Politics and Emotions of Civil War. Ann Arbor, 1995. P. 65 ff.

²⁰⁸ Первоочередной задачей, успешно выполненной, было восстановление господства Рима над Востоком: RG 27. Cf.: Verg. georg. II. 171, III. 30, IV. 560 sqq.

²⁰⁹ Suet. Aug. 18. 1; Plut. Ant. 80. 2; Dio LI. 16. Жители Александрии опасались мести Октавиана, но он смиростивился, в том числе почитая память основателя города. В дальнейшем Август (другое дело — искренно или из осторожности) умерял свои восторги. Однажды он услышал, что Александр, в 32 года завоевав почти весь известный мир, не знал, что делать дальше. Принцепс на это заметил, что управление империей было бы более значимым, чем завоевание, см.: Bringmann, Wiegandt. S. 294, fragm. 254F (Plut. araphth. Caes. Aug. 8 = mor. 270C/D, Nr. 8). См также.: Mette H. J. "Roma" (Augustus) und Alexander // Hermes. Bd. 88. 1960. S. 458–462; Instinsky H. U. Die Siegel des Kaisers Augustus. Baden-Baden, 1962. S. 31 ff. etc; Kienast D. Augustus und Alexander // Gymnasium. Bd. 76. 1969. S. 430–456 etc. Сравн. выше примеч. 176.

²¹⁰ Plin. n. h. XXXVII. 10; Suet. Aug. 50, cf. Suet. Tib. 58. Это изображение, сменившее сфинкса, принцепс мог носить до 27 или, что менее вероятно, до 23 г. до н.э. Потом его сменило кольцо с резным портретом Августа, изготовленным Диоскуридом. Как отметил Г. Инстински, это были личные (а не государственные) печати, которые имели все представители римской знати со времен Республики. Третье кольцо унаследовал Тиберий, в дальнейшем именно оно стало, как отметил Светоний, императорским, по крайней мере, до времени Северов (Instinsky H. U. Die Siegel... S. 39 ff., 43).

ным эллинистическим государствам, считавшимся дружественными Риму. Оказывая уважение эллинским богам, он не опасался оскорбить национальные чувства италийцев, для которых они давно уже не были чужими. Приписывая свой успех покровительствовавшему божеству, Октавиан расширил храм Аполлона Акцийского, а местный праздник, подобно тому, как это уже ранее было с александрийскими птолемаидами, сделал по образцу олимпийского пятилетним.

В. Тарн отметил многочисленные факты, указывающие на стремление Октавиана подражать Антигониду, некогда успешно соперничавшим с будущими врагами Рима. Уникальный десятикорабельный трофей из судов Антония, посвященный Аполлону, должен был стать аналогией посвящения Антигоном Гонатом флагамена «Истмия» тому же божеству²¹¹. Недалеко от места сражения Октавиан основал город Никополь. В него были переселены жители большинства городов Акарнании и Эпира. Это символизировало победу над «вторым Пирром», в то время как первый был окончательно повержен тем же Антигоном Гонатом. Никополь одновременно мог быть аналогией Деметрии, основанной победителем Птолемея после победы в морском сражении у Саламина Кипрского²¹². Того же Деметрия не случайно напоминает также монета Октавиана с изображением Нептуна, одной ногой стоящего на глобусе. Еще одна серия монет Октавиана имела изображение Ники Самофракийской — статуи, воздвигнутой Антигоном Гонатом для увековечения косской морской победы²¹³.

Перечисленные реминисценции и аналогии имели целью не только привлечь на сторону Октавиана местную знать²¹⁴, но и расставить важные иде-

²¹¹ Имеется в виду Антигон II Гонат, царь Македонии (276–239). См.: Tarn W. W. Octavian... P. 179. Соглашаясь с Тарном, М. Грант отметил, что Октавиан представлял себя «наследником великих Антигонидов». Автор даже утверждал, что Август способствовал «возрождению на Востоке духа эллинистической монархии» (Grant M. From imperium... P. 375).

²¹² Речь идет о морской победе Деметрия Полиоркета над сатрапом (вскоре ставшим царем) Египта Птолемеем I в 306 г. до н.э. Об этих событиях см.: Королёв К. Войны античного мира. Македонский гамбит. М., СПб., 2003.

²¹³ САН X¹ 1934. P.113. Морское сражение у Коса было завершающим аккордом Хремонидовой войны (267 – ок. 261 гг.), в которой Македонский царь Антигон Гонат боролся с союзом Афин, Спарты и Птолемея II. Особые симпатии Октавиана к Антигону Гонату могут объясняться его славой царя-философа, друга стоика Зенона. Он общался и с другими греческими поэтами и учеными. Антигон Гонат был известен приверженностью стоической концепции «служения» подданным. В отличие от других эллинистических властителей он избегал крайностей проявления культа правителя. О нем: Polyb. II. 43–45, IX. 29, IX. 34; Plut. Demetrius, Pyrrhus, Aratus. Сравн.: Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 171–198; Tarn W. W. Antigonos Gonat. Pass.; Gabbert J. J. Antigonos II Gonatas. A political biography. L., N. Y., 1997.

²¹⁴ Н. А. Машкин (Принципат Августа. С. 286) высказал предположение, что «политике Антония, искавшего опоры в восточных династиях, Октавиан противопоставлял греческие города». Р. Сайм отметил, что несмотря на объявленный «крестовый поход» в защиту Рима и Италии от Востока, Август сделал все возможное для привлечения на свою сторону бывшей клиентелы Антония (Syme R. History in Ovid. Oxf., 1978. P. 106–107. Cf.: id. The Roman revolution P. 300 f.; id. Tacitus. P. 506 f.). На различии в политике Антония и Октавиана по отношению к эллинистическим государствам справедливо акцентировала внимание И. С. Свенцицкая (Марк Антоний и малоазийские полисы. С. 124, 133–134). При подобных сопоставле-

ологические акценты. Прежде всего было отмечено значение победы над последней представительницей династии Птолемеев. Включая акцийскую победу в череду подвигов блестящих преемников Александра Великого, Октавиан хотел придать событию эпический размах. Это была также попытка прикрыть неприглядную сущность гражданской войны облагораживающей патиной эллинизма.

III.8. Борьба за власть как отбор вариантов выхода из кризиса

В многочисленных работах, посвященных генезису новой государственности, убедительно показано (*post factum* это поняли также древние), что события последнего века Республики с неумолимой неизбежностью вели к установлению в Риме единоличной власти. Неспособность римского общества преодолеть социально-политический хаос, беспомощность господствующего сословия, выразила известная формула Кристиана Майера — «кризис без альтернативы»²¹⁵. Поиски решения замкнулись в рамках давно и прочно усвоенных понятий, норм, ценностей. Сформировавшиеся веками стереотипы помогали сохранять стабильность, были привычны и удобны, мысль вращалась в очерченном раз и навсегда круге. Но по мере изменения обстановки старые формулы перестали соответствовать действительности и препятствовали восприятию новой реальности. Это был системный кризис сенатской республики, из которого она самостоятельно выйти уже не могла. Сенат оставался олицетворением римского величия, в нем состояли люди, которые обладали большим опытом руководства. Они носили те же имена, что славные герои и принцессы древней республики. Но потомки отцов-основателей были неспособны выйти за рамки собственных интересов и амбиций. Им недоставало тех качеств, благодаря которым предки становились консулами и триумфаторами. Некому больше было брать на себя ответственность, принимать смелые решения. «Так было всегда и приносило успех, значит, должно оставаться, проблемы порождаются нарушениями порядка, заведенного славными предками» — в рамках только таких представлений выход найти было невозможно²¹⁶.

ниях необходимо также иметь в виду эволюцию восточной политики самого Октавиана: как до и после Акция, так и на различных этапах развития его принципата.

²¹⁵ О «безальтернативности» в римской политической мысли: Meier Chr. Augustus. Die Begründung der Monarchie als Wiederherstellung der Republik // ders. Die Ohnmacht des allmächtigen Dictators Caesar. Frankfurt, 1980. S. 223–287. München, 1978. S. 111 ff.; id. Res publica amissa. S. 201 ff.; Bleicken J. Gedanken zum Untergang der römischen Republik // Sitzungsberichte der Wissenschaftlichen Gesellschaft an der J. W. Goethe-Universität Frankfurt. Bd. 33. Nr. 4. Stuttgart, 1995. S. 99.

²¹⁶ Фактическая сторона дела детально изложена в книге: Gruen E. S. The Last Generation of the Roman Republic. Berkeley, Los Angeles 1974 (Paperback 1995). О кризисе сенатской республики, наряду с книгой Кр. Майера, см.: Bleicken J. Gedanken zum Untergang der römischen Republik...; Deininger J. Zur Kontroverse

Впрочем, по мнению некоторых исследователей, Римская республика имела достаточный запас прочности и располагала ресурсами, которые позволяли ей справиться с кризисом. Решающую роль в ее падении сыграли отдельные ошибки и роковые личности. Мимо подобных аргументов нельзя пройти хотя бы уже потому, что они обращают внимание на некоторые важные обстоятельства.

Недоверие к «глубоко лежащим причинам» и «абстрактным объяснениям» высказал Э. Грюен в известной работе «Последнее поколение Римской республики»²¹⁷. По его мнению, падение Республики было результатом ошибочных политических расчетов Помпея и Цезаря накануне гражданской войны²¹⁸. Мнение о неизбежности перехода к монархии решительно оспорил К. Жирарде, который также выдвинул на первое место личностный фактор. В посвященных государству сочинениях Цицерона автор обнаружил реалистичную программу сохранения Республики²¹⁹. В последующем Жирарде, в частности, полемизируя с Кр. Майером, резко обвинил в разрушении Республики Юлия Цезаря²²⁰. Все, или примерно все, что мог предъявить Цезарь, это «инстинкт власти», «жажда власти», «средства достижения власти» и «техника» ее достижения. Его «программой» было патологическое стремление к *dignitas*, что проявилось уже в первом консулате как «преступное правление», «правительственный терроризм». Это вело к нескончаемой «мировой гражданской войне» и «физическому уничтожению большей части оппозиции из правящего слоя», а завершилось «тоталитарной диктатурой»²²¹. При этом «вождь путчистов и диктатор» Цезарь не имел никакой настоящей политической концепции и при учреждении «республики» не только потерпел неудачу, но «по чисто личным мотивам» «систематически и целенаправленно ее разрушал». Эти и другие аргументы привели Жирарде к заключению, что «политическая фигура Цезаря... может быть определена как самый главный кризисный фактор»²²². Этой «преступной энергии» Цезаря противопоставляется Ци-

über die Lebensfähigkeit der Republik in Rom // Kneissel P., Losemann V. (Hrsg.). Imperium Romanum. Studien zu Geschichte und Rezeption. Festschrift für Karl Christ. Stuttgart, 1998. S. 123–136.

²¹⁷ Gruen E. S. The last generation... Esp. P. 4, 498–507.

²¹⁸ Ibid. P. 504.

²¹⁹ Girardet K. M. Die Ordnung der Welt: ein Beitrag zur philosophischen und politischen Interpretation von Ciceros Schrift de legibus. Wiesbaden, 1983.

²²⁰ Girardet K. M. Politische Verantwortung im Ernstfall. Cicero, die Diktatur und der Diktator Caesar // Mueller-Goldingen Chr., Sier K. (Hg.). Lenaika: Festschrift für C.W. Müller... Stuttgart-Leipzig, 1996. S. 217–251 (= Girardet K. M. Rom auf dem Weg von der Republik zum Prinzipat. Bonn, 2007. S. 199–234). Cf.: Meier Chr. Caesar. Berlin, 1982. О взаимоотношениях Цезаря и Цицерона говорится также в следующем разделе.

²²¹ Girardet K. M. Politische Verantwortung im Ernstfall. S. 224, 231, 235, 247 etc.

²²² Ibid. S. 246; 247; 249.

церонова концепция *princeps civitatis*, который мог бы за короткое время прекратить кризис²²³.

К.-В. Вельвай, обходясь без ярких эпитетов, не менее критически оценивает Цезаря, отводя ему и Августу решающую роль в разрушении Республики²²⁴. Вельвай тоже не видит в переходе к монархии исторической необходимости. Многое свидетельствует о том, что Республика не обнаруживала никаких фундаментальных слабостей. Ее сущность не была затронута также переходом Рубикона. Обстановку существенно не изменило консульство без коллеги Помпея²²⁵. К началу гражданской войны 49 г. ничто не указывало на неспособность сената и Республики выполнять свои функции²²⁶. По мнению Вельвая, недостатки в интеграции Италии и в управлении провинциями обычно преувеличиваются²²⁷. Автор также противопоставляет предложения Цицерона по реформированию республиканской конституции отсутствию «имперской концепции» и перспективного видения у Цезаря²²⁸. Ни один римлянин в 50 г. до н.э. не видел «исторической необходимости» в монархе²²⁹. О том, что не было никакой исторической необходимости в «монархической системе», говорит, по мнению Вельвая, также «открытость» ситуации как в 49 г., так и после убийства Цезаря в 44 г. Говоря о принцепате, автор не забывает отметить (имея в виду «республиканские» черты), что это была не «просто монархия», также и в понимании древних²³⁰.

Не все аргументы противников исторической необходимости перехода к монархии («монархии» у цитируемых авторов) столь безупречны, как кажется на первый взгляд. Нельзя серьезно принять противопоставление идеального «принцепса» Цицерона и вынужденного принимать быстрые решения в реальной обстановке Цезаря. Следует признать: при всех заслугах великого оратора, ему не удалось сыграть столь желанную роль «устроителя республики».

Если исходить из «открытости» ситуаций в 49 и 44 годах, то о чем, кроме «исторической необходимости», говорит развитие событий в направлении

²²³ Ibid. S. 227 f., vgl. 230 f.

²²⁴ Welwei K.-W., *Caesars Diktatur, der Prinzipat des Augustus und die Fiktion der historischen Notwendigkeit* // *Gymnasium*. Bd. 103. 1996. S. 477–497 (= Welwei u.a. (eds). *Res publica und Imperium*. 2004. S. 196–216. Цезаря автор определяет как политически самого беззащитного римлянина своего времени, который отличился «ведением войны посредством геноцида» (S. 497, 490).

²²⁵ Ibid. S. 482.

²²⁶ Ibid. S. 483.

²²⁷ Ibid. S. 485 f.

²²⁸ Ibid. S. 497, cf. 486, 492.

²²⁹ Ibid. S. 489.

²³⁰ Ibid. S. 493, 496.

к единоличной власти в обоих случаях? И разве не то же самое подтверждает аналогичный выбор в 14, 37 или 41 годах н.э.? Представляется, здесь нет смысла повторять обширные аргументации сторон. Попытаемся кратко сформулировать собственный подход к проблеме.

Установление единоличной власти было не единовременным событием, а процессом. Выбор одного из актов в качестве решающего было и будет предметом разногласий. Важнее тот факт, что развитие действия с участием многих «героев»: Гракхов, Суллы, Цезаря, Августа, Тиберия, — шло в одном направлении.

Известный нам задним числом ход событий, конечно, не был жестко предопределен. Современники Цицерона, Цезаря и Августа не знали, куда придет Рим через 10 и тем более — через 100 лет. Переход от Республики к Империи (под которой участники дискуссии имеют в виду прежде всего единоличное правление), был результатом длинной череды альтернатив и решений. На каждом из перекрестков истории те или иные факторы, также «персональные», обуславливали выбор из ряда очевидных и скрытых возможностей. Не приходится отрицать, что векторы развития определяли человеческие интересы и предпочтения, а решения лидеров оказывали особое влияние на ход событий. Но интересы и ход мыслей «вершителей истории» тоже не возникали на пустом месте. Они определялись как условиями формирования личности, так и сложившимися на момент принятия решения обстоятельствами, не в последнюю очередь — общественными настроениями. И только те «вожди» имели шансы на успех, которые эти обстоятельства умели видеть и учитывать. Это диалектика «объективных» (закономерных?) и «персональных» (случайных?) факторов, которые в действительности друг без друга не существуют.

В каждом обществе, среди формальных и неформальных лидеров, имеются созидатели и охранители, разрушители и противники социального порядка, авантюристы и консерваторы, оппортунисты и оппозиционеры. В силу тех или иных обстоятельств они могут захватить влияние, инициативу, власть, стать кумирами общества и даже «вождями». В этом смысле можно принять некоторые аргументы К. Жираде, К.-В. Вельвая и их единомышленников, но в конечном счете, даже дьявольски одаренные личности действуют в поле имеющихся возможностей²³¹. А результаты их активности создают новую «объективную» реальность. Поэтому признание роли отдельных персон никак не противоречит точке зрения, согласно которой кризис Римской республики объективно вел к установлению монархии²³².

²³¹ Сравн.: Deininger J. Zur Kontroverse... S. 128 ff.

²³² Развернутое изложение этой концепции с марксистских позиций: Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. Сравн.: Syme R. The Roman revolution. Oxf., 1939; Heuss A. Der Untergang der römischen Republik und das Problem der Revolution // HZ. 1956. Bd. 182. S. 1–28; Christ K. Krise und Untergang der römischen Republik. Darmstadt, 2008⁶ (Nd: 2010); Bleicken J. Gedanken zum Untergang

Римская *civitas* (*quasi civitas*): ее органы управления и властные структуры, моральные и религиозные нормы, вся система социальных отношений — не была приспособлена к управлению огромной державой, включавшей всю Италию и провинции. Это было государство, организация которого была рассчитана на достижение консенсуса в относительно однородном коллективе общины. В лучшие времена он достигался путем ориентации интересов граждан на «республику», то есть, на то, что составляло сферу общих интересов граждан (см. раздел IV.4). В новых условиях государство зачастую оказывалось беззащитным против демагогов, опиравшихся на подкупленную обещаниями или раздачами толпу, или тем более — на армию²³³. Успехи выдающихся полководцев, начавшиеся осуществляться грандиозные планы Юлия Цезаря, указывали на необходимость новых инструментов и методов управления выросшей квазиобщиной и особенно — огромной империей. Но умудрённых политическим и государственным опытом сенаторов не посещала мысль о смене формы государства.

Если и говорилось о необходимости перемен, то таких, которые бы восстановили «республику предков» или вернули «свободную республику» (*res publica libera*), свергнув «тирана». Тех, кто не пострадал в очередном побоище, ситуация в целом устраивала. Они принадлежали к народу победителей, пользуясь плодами завоеваний. Представители господствующих сословий располагали почти неограниченными возможностями обогащения. Борясь между собой за власть, они не только не стремились — но не хотели и боялись каких-либо существенных изменений системы. При таком подходе это был «кризис без альтернативы»²³⁴.

Община-государство проглотила огромную империю, но еще труднее оказалось переварить такую добычу. Приближался коллапс. Кардинальной перекройки системы господствующий класс не хотел. Больной отвергал терапию — приближался момент, когда помочь мог только скальпель. Оставалось поставить диагноз, осуществить операцию и предложить план реабилитации. Все это в немалой степени зависело от того, кто будет хирургом и чем сочтет необходимым пожертвовать, чтобы спасти пациента.

der römischen Republik...; Deininger J. Zur Kontroverse über die Lebensfähigkeit der Republik in Rom // Kneissel P.; Losemann V. (Hrsg.). Imperium Romanum. Studien zu Geschichte und Rezeption. Festschrift für Karl Christ. Stuttgart, 1998. S. 123–136 etc.

²³³ Римская республика была государством без обычных для нового времени государственных органов насилия, например, полиции. Это побуждает некоторых историков сомневаться в наличии государства как такового, см. раздел II.5. с примеч. 203. Ф. Миллар, отмечая отсутствие отчуждения Римского государства от *populus* и отсутствие ряда типичных учреждений, считает, что оно «во многих важных чертах не было государством» (Millar F. The crowd... P. 212 ff.).

²³⁴ Характеристика «кризиса без альтернативы» следует концепции Кристиана Майера: Meier Chr. Res publica amissa: eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Frankfurt a. M., 1997³. Глава V. «Krise ohne Alternative», bes. S. 201 ff., 301 ff.

Дальнейшие события убедительно показывают, что альтернативы были. Задним числом историк может рассмотреть то, чего не могли или не хотели видеть, а главное, принять современники. Уже почти столетие тому Эдуард Майер в монографии, посвященной «монархии Цезаря и принципату Помпея»²³⁵ показал, как два крупнейших политика планировали и осуществляли мероприятия, которые могли стать попытками разрешения кризиса. В то время как Цезарь, пренебрегая традициями, стремился к монархической власти эллинистического типа²³⁶, Помпей, даже будучи господином положения в Риме, всегда старался оставаться на почве республиканской конституции. Его политическое поведение напоминало созданный Цицероном образ «управляющего государственными делами» (*gubernator rei publicae*)²³⁷. По мнению Эд. Майера, Август следовал этому образцу.

Подход Майера не свободен от некоторых натяжек. Но он позволил уйти от рассмотрения борьбы двух претендентов на исключительное место в Римском государстве только в узких рамках личного соперничества. В развитии событий после Цезаря также проявились контуры двух политических платформ. Если Октавиан, отказавшись от прямого следования курсу своего приемного отца, разворачивался в направлении «восстановления республики», то Антоний, отчасти вынужденно, оказался в фарватере династической политики Птолемеев.

Дальнейшее развитие режима при преемниках Августа, начиная с Юлиев-Клавдиев, обнаруживает три обозначившихся еще в последние десятилетия Республики и в период гражданских войн тенденции развития римской государственности. Первая ориентировалась на «республиканские» традиции. Речь идет об ориентации на *res publica* как воплощение ценностей римской гражданской общины (*civitas*), её установлений и традиций. Этот комплекс жизненных ценностей и идей воплотился в программе «восстановления республики» Августа, повлиял на специфику государственности Ранней Империи, сохраняя четкие контуры по крайней мере до эпохи Антонинов. Рассмотрению предпосылок возникновения, психологических и теоретических основ связанного с этим комплекса представлений посвящена значительная часть следующей главы.

С Августовой концепцией «восстановленной республики» и новой формы государства постоянно соперничали другие, давно известные модели: «цар-

²³⁵ Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 174–191; 465–472 und pass. Критический (гиперкритический) анализ: Машкин Н. А. *Принципат Августа*. С. 45 сл., 344–348 и др. Сравн.: Утченко С. Л. *Цицерон и его время*. С. 182, 186, 382 и др.

²³⁶ К. Крафт настаивал на том, что Цезарь, который не понаслышке знал об эллинистических правителях и был знаком со свойственными им обычаями, тем не менее оказывал предпочтение царской власти этрусско-раннеримского образца: Kraft K. *Der goldene Kranz Caesars und der Kampf um die Entlarvung des Tyrannen* // *JbNG* 3/4, 1952/53. S. 7–97 (= *Libelli*. Bd. 158. 103 S. Darmstadt 1969).

²³⁷ Точнее было бы сказать: управляющего общими делами граждан (см. раздел IV.4).

ская власть» и восточно-эллинистическая монархия²³⁸. За этими время от времени то всплывающими, то прячущимися, как миражи, парадигмами стояли определенные реальности. Если «республиканская» модель отталкивалась от установлений римской *civitas* и традиций Римской республики, то и две другие имели истоки в средиземноморских традициях государственности. Модель «царской» власти опиралась на авторитет предания о раннеримских (этрusco-ских) царях и некоторые традиции магистратского империя. Что же касается третьей модели, то она брала начало в полузабытых традициях древневосточных деспотий, в империи Александра Великого и монархиях его эпигонов, а также в политической философии греков²³⁹. Эта эллинистическая модель опиралась на реальную власть императора в провинциях, особенно восточных, и на менталитет их населения. Здесь тоже была реальная почва, на которой потом произрастали «тиранические» претензии Калигулы или Нерона.

Следует иметь в виду, что даже обнаружив свое важное место в сознании римского гражданства, «республиканизм» не был готовой к употреблению идеологией общественного устройства и государственного строительства. Октавиана настораживала и отталкивала тесная связь «республиканизма» с идеологией цезареубийц. Дело было не только в том, что наследие Цезаря было источником первоначальной легитимации Октавиана. Была ясна полная практическая непригодность сенатской «свободной республики». Восстановление *res publica libera* в том виде, какой она была до Гракхов, было немислимо. Это привело бы к возобновлению гражданских войн.

Для установления прочного мира требовалась общенациональная идея, которая объединила бы римское гражданство. Следовало найти решение, не скомпрометированное прошлыми спекуляциями, простое и понятное. Для этого недостаточно было владеть искусством интриги и даже незаурядной политической интуицией. Чтобы учредить стабильный государственный строй, требовалось прежде всего понимать тончайшие нюансы римского политического сознания. Поскольку речь шла также о всем Средиземномо-

²³⁸ Мысль о «конкуренции» возможных типов единовластия применительно ко времени преемников Августа: Межеричкий Я. Ю. «Модели» единоличного правления в идеологии раннего принципата // Античная гражданская община. М., 1984. С. 104–115. Разумеется, эллинистические монархии различались между собой. Не случайно птолемеовский Египет был для римлян воплощением восточной деспотии в самом отталкивающем варианте.

²³⁹ Последнюю из названных моделей можно дифференцировать. В отечественной и в мировой литературе значению различных этнокультурных политических традиций в эволюции Империи уделено еще недостаточно внимания. Мысль о смене римской парадигмы власти эллинистически-монархической при Адриане высказал Г. С. Кнабе (Корнелий Тацит. М., 1981. С. 178 слл.). О двух традициях обоснования принципата упоминает А. Демант: римско-республиканском суверенитете народа и восточно-эллинистическом представлении о правителе божьей милостью (Demandt A. Der Idealstaat: die politischen Theorien der Antike. Köln etc., 20003. XI.1b–d. S. 281 f.). Поиски предшественников привели нас к обнаружению подобной мысли у Юлиуса Кэрта (Kaerst J. Scipio Aemilianus, die Stoa und der Prinzipat // Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung 5. Leipzig etc., 1929. S. 678). Наличие различных парадигм власти соответствует множественности ее форм (компонентов) в Римской империи, см. раздел X.7.

рье, требовался проект, приемлемый также с позиций исторического опыта и теоретических исканий эллинского мира.

В огне гражданских войн испытывались на совместимость, сталкиваясь и мутируя, различные идеи. Так рождалась идеология «восстановления республики», которая не противоречила бы необходимости централизации Империи. Только отслеживая эти метаморфозы, можно понять, как возникло уникальное государство, для римлян приемлемое в качестве «республики», потомками оценивавшееся как монархия, специалистами именуемое «принципатом», а каждому школьнику известное под названием Римская империя.

IV. «Возвращение республики»: идеи, замысел, осуществление

IV.1 Ауреус 28 г. до н.э.,
реверс: Август возвращает
законы (и правопорядок)

1. Италия после бури: прозрения и надежды – 205
2. Еще о неосуществившихся попытках спасения «республики»: Сулла и Помпей – 208
3. Наследие диктатора и пиетет наследника – 212
4. *Res publica* – достояние Римского народа – 218
5. Формы «республики» – 230
6. Поиски главного архитектора – 238
7. Эскиз к интеллектуальному портрету правителя – 246
8. В начале было слово – 266
9. «Возвращение республики» – 280

IV.1. Италия после бури: прозрения и надежды

Логика борьбы отбраковывала один за другим варианты разрешения кризиса. Некоторые люди задумывались о происходящем и выдвигали здравые идеи, но процесс отбора решений обществом был во многом иррациональным. Во многих явлениях угадываются проявления коллективной психики, но долго не прослеживается наличие коллективного разума. Сенат, в котором должен был концентрироваться политический опыт и мудрость поколений, оказался в тех условиях недееспособен, сенаторы были не в состоянии выйти за рамки сословных и своекорыстных интересов. Стороны ожесточились, — решение могло прийти только после полной победы одной из сторон, с уничтожением или подавлением противников. Когда наконец показался свет в конце тоннеля, инициаторов конфликта уже не было в живых.

Это не значит, что рациональные факторы не играли никакой роли. Но решения вождей базировались на распространенных стереотипах, были ограничены привычным ходом мыслей и принятыми способами решения конфликтов. На суше и на море сражались легионеры, на форуме состязались за влияние ораторы, в курии дискутировали сенаторы. На своих виллах, в прохладе перистилей аристократы и философы беседовали о прошлом, настоящем и будущем Рима. Поля сражений, бурлящий страстями форум, библиотеки, наполненные сокровищами мудрых мыслей, — где и как в конечном счёте определялся выбор пути?

Октавиан после гибели Антония стал хозяином положения в огромной державе. Ещё почти год он провел на Востоке. Приводились в порядок дела в провинциях. Необходимо было расположить к себе те влиятельные круги, которые недавно поддерживали соперника. Но даже среди повседневных забот правителя как было не заметить роскошных дворцов, не обратить внимания на красоту и богатство эллинистических городов? Как уберечься от разлитого в воздухе фимиама лести и религиозного обожания? Чудеса Египта и Азии, воспоминания об Александре и сыпавшиеся на победителя почести завлекали, подобно голосам сирен. Но горький опыт предшественников заставлял Октавиана взвешивать чувства на весах рассудка. Трагические судьбы Красса и Помпея, роковые иды марта и участь Антония действовали

отрезвляюще. Не следовало мечтать о короне Ромула, и уж вовсе — о Птолемеевском урее. Сограждане ждали от победителя совсем иного.

Судьбы всех вождей республики решались в Риме, а Город и Италия давно присматривались к победителю. Цена каждой ошибки могла оказаться слишком велика, чтобы поддаваться велениям страстей и сиюминутным желаниям. Эту особую атмосферу настороженности чувствовал и понимал Меценат, который все время оставался в Городе как «министр внутренних дел» и главный эксперт Октавиана по изучению и формированию общественного мнения¹. Но сам Цезарь обладал на этом поприще непревзойденными способностями.

Италия, как и вся империя, жаждала мира. Все устали от постоянного ощущения опасности и неуверенности в завтрашнем дне. Души людей были потрясены увиденными и перенесенными жестокостями. На их глазах рушилось и попиралось самое святое: здание империи, основы республики, семейные устои. Вооруженный легионер приходил на форум и в курию, диктуя свою волю суверенному Народу и Сенату; узурпатор раздаривал римские владения чужеземным царям; раб, а еще чаще сын, движимые алчностью и ненавистью, выдавали власть имущим своего хозяина и отца. Ураган сокрушительной силы уничтожал, сметал со своего пути все, что хоть немного возвышалось над элементарными потребностями и устремлениями: сохранить свое или захватить чужое, просто — выжить.

В итоге не осталось ни прежних вождей, ни партий, ни самой «республики». Вдруг открылось, что «общественное достояние» была фраза, которой прикрывали свои корыстные интересы власть имущие, «свобода» обернулась анархией, едва не погубившей веками возводившееся здание империи. Мало кого мог вдохновить пример Катона Утического. Но римляне были готовы заплатить самую высокую цену за восстановление законности и порядка, возвращение безопасности и благополучия. В сознании людей, разуверившихся в демагогах и политиканах, проснулась неясная тоска по древней, истинной «республике». Смутные грезы освещались робкими проблесками надежды, мечтами о Золотом веке, которые сменялись чувством тревоги. Римлянами овладевал то ужас при воспоминаниях о пережитом, то страх перед угрозой рецидивов; присутствовали усталость, безразличие, пессимизм².

¹ См. рассуждения Мецената у Диона Кассия (LII. 15) о трудностях управления государством, которое раздирается противоречивыми устремлениями различных групп населения. О роли Мецената как организатора «пропаганды» см.: Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. С. 96; Шифман И. Ш. Цезарь Август. С. 143–144. André J.-M. Mécène, essai de biographie spirituelle. P., 1967; Giebel M. Maecenas: Freund und Förderer der Talente in Rom, Patron der Stifter. Fürstentfeldbruck, 2000.

² Сравн.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 234–252 (раздел «Социальные утопии времен Перузинской войны и Брундизийского мира»); его же. Эсхатология и мессианизм в последний период Римской республики. Представляется, что Машкин несколько преувеличивал влияние восточных идей на общественные

Но это была не духовная пустота, при которой парализуется воля и с людьми можно делать все, что угодно. Убеждения народа, господствовавшего над всем миром, невозможно было изменить при жизни одного поколения. Самосознание римской гражданской общины, со своими ценностями и установками, продолжало самовоспроизводиться. Граждане не хотели утратить свои провинции и привилегированное положение³. Этой устойчивости, упорства и духа корпоративности не оценили ни Юлий Цезарь, ни Антоний. Патриотический подъем Италии, вставшей во всей мощи своих сил против призрака восточной угрозы, показал, что именно здесь все еще находится военно-политический центр Средиземноморья.

Октавиан чувствовал особое состояние духа своих сограждан лучше других вождей. Он не забыл ни о ненависти заговорщиков к его приемному отцу, ни о популярности лозунгов Секста Помпея. События, оказавшиеся для многих политиков роковыми, помогли наследнику Юлия Цезаря понять смысл преобладавших чаяний и надежд. Помимо прекращения гражданских войн римляне хотели «восстановления республики», национального единения на основе традиционных ценностей *civitas*. То же было необходимо для сохранения их господствующего положения в империи.

Судя по всему, победитель и сам в определенной мере разделял подобные настроения, входя в роль «спасителя республики»⁴. Был ли Октавиан готов к ее исполнению? Для этого было недостаточно уметь агитировать солдат и плести интриги, привлекать союзников или, не задумываясь, наносить смертельные удары врагам. Востребовалось иное — способность анализировать, делать выводы и созидать. В сознании римского гражданства будущее выкристаллизовывалось в идее «республики» — конечно, не сенатской *res publica libera* оптиматов, вернуть которую хотели заговорщики-цезареубийцы. Да, момент был неподходящим для литературной полемики. Но чтобы верно сформулировать идеи и рассчитать отвечающие моменту практические шаги, следовало внимательно учесть известный опыт.

настроения в Риме. В частности, утопические идеи и настроения были знакомы так же западно-средиземноморским, как и другим народам древнего мира. Сравн.: Tarn W. Alexander Helios and the golden age // JRS. Vol. 22. 1932; Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи... Ч. I. С. 21–53. Некоторые аспекты социально-психологических и теоретических основ идеологии «восстановления республики», эскизно намеченные в этом разделе, освещаются более подробно в следующих главах. Там же указана специальная литература.

³ Ф. Миллар отметил, что идея «республики» на протяжении эпохи гражданских войн, и в частности, в период триумvirата сохраняла и свою «материальную оболочку», что также обеспечивало ее жизнеспособность (Millar F. G. B. Triumvirate and Principate // JRS. Vol. 63. 1973. P. 50–61).

⁴ См.: Rostovtzeff M. A history of the ancient world. Vol. II. Rome. P. 176. С другой стороны, Октавиан должен был выполнять обещания «вернуть республику», дававшиеся ранее триумвирами. Это обстоятельство подчеркивает, например, Д. Кинаст: Kienast D. Prinzeps... S. 81.

IV.2. Еще о неосуществившихся попытках спасения «республики»: Сулла и Помпей

События последних десятилетий Республики изучены достаточно хорошо. Но еще не открылись все внутренние пружины, главные из которых — интересы, чувства и мысли людей в их сплетении и взаимодействии. Важнейшим источником, позволяющим увидеть многие нюансы политической борьбы, является корпус сочинений Марка Туллия Цицерона. Свои аргументы, советы, размышления он формулировал в речах по конкретным случаям, как адвокат, магистрат и сенатор, а также в письмах и философских трактатах. Установить, как использовались те или иные сочинения Цицерона, других римских и греческих историков и философов при разработке тех или иных мероприятий вряд ли когда-либо удастся. Но не вызывает сомнений, что сформулированные Цицероном положения, с одной стороны, выражали распространенные настроения, с другой — были в числе главных действующих факторов происходивших событий. В его рассуждениях отразились не только теоретические и политические позиции, но также установки и поступки современников. Цицерона причисляют к философам-эклектикам, которые не стремились к следованию одной из школ. В какой-то мере это относится и к его политическим позициям: они могли применяться к обстоятельствам, за что сенатор нередко подвергался критике⁵. Но эта «всеядность» Цицерона способствовала тому, что в его литературном наследии запечатлился широкий спектр взглядов и настроений. Они же были средой, в которой и из которой вырос новый режим.

Рассматривавшаяся ранее речь Цицерона в защиту Марцелла в сентябре 46 г. до н.э. — один из примеров, важных в связи с приложением идеи «восстановления республики» к конкретной политической ситуации (сравни раздел III.2). Тогда Цицерон был готов увидеть устроителя и управителя «республики» в Юлии Цезаре. Но, оказывается, подобные мысли высказывались Цицероном и гораздо раньше, при диктаторе Сулле⁶. Примером

⁵ Эта непоследовательность Цицерона повредила его посмертной славе. Характерна двойственная оценка Тита Ливия, который критиковал недостаток твердости и непоколебимости, которые политик проявил лишь в свой смертный час. Но, заключил историк, «если сравнить его ошибки с достоинствами: он был выдающимся, деятельным, замечательным человеком, таким, что для хвалебной речи ему необходим такой оратор, как Цицерон» (Liv. CXX, цит. по: Sen. suas. VI. 17). См. также биографию Цицерона у Плутарха. Один из эпизодов, свидетельствующих скорее об открытости, а не беспринципности Цицерона, рассматривается в статье: Антоненц Е. В. Поэма Цицерона о Цезаре: история создания и проблемы идентификации // ВДИ 2013. № 4. С. 44–61.

⁶ Из новых работ о Сулле: Инар Ф. Сулла. Ростов-на-Дону, 1997; Егоров А. Б. Партия Суллы: союз аристократов и маргиналов // Studia historica. 2006. № 6. С. 128–152; Короленков А. В., Смыков Е. В. Сулла. М., 2007; они же. Из новейшей литературы о Сулле // ВДИ. 2010. № 1. С. 218–229; Christ K. Sulla. Eine römische Karriere. München, 2002. Некоторые специальные работы указаны далее.

может быть речь на процессе Секста Росция Америкейского (80 г.)⁷. Резко отозвавшись о жестокостях проскрипций, Цицерон тем не менее представил Суллу защитником нобилитета и борцом за дело «республики»⁸. В речи обличаются пороки единоличного бесконтрольного правления, проявившиеся в злоупотреблениях сподручных диктатора. Но тон остается лояльным по отношению к нему самому⁹. Представляется, что оценки Цицерона вызваны не только тактическими соображениями, хотя не принимать их во внимание нельзя, но и принципиальными установками. Помимо просенатской политики Суллы в целом, здесь были ожидания, связанные с некоторыми конкретными мероприятиями. Организовав, вскоре после получения диктаторских полномочий (ноябрь 82 г.), выборы консулов и проведя ряд соответствующих законов, он «возвратил» полномочия сенату и авторитет знати (Cic. Rosc. Am. 139), тем самым ясно обнаруживая свои дальнейшие намерения. В сер. 81 г. были закрыты проскрипционные списки. Дальнейшее, по Цицерону, уже зависело от самой знати: «Если те, кому они (полномочия и авторитет) возвращены, хотят их сохранить, они смогут получить их навсегда» (ibid.). Разумеется, Цицерон выдает желаемое за действительное, когда утверждает, что можно говорить всё и «судить справедливо и по закону» (ibid. 138), — этому противоречит вводная часть той же речи. Но это и не просто лесть в адрес диктатора. Выступление Цицерона говорит о том, что оратор и те, кто стоял за ним, считали момент благоприятным, хотя и не вполне безопасным для Секста Росция и его заступников. Процесс явился смелой политической акцией, направленной против Суллы и его клевретов.

Дальнейшие события, по крайней мере если взять внешнюю канву, развивались по сценарию, который вполне соответствовал планам и намерениям патронов Секста Росция (и самого Цицерона): сенат формально был поставлен во главе государства, восстановлены магистратуры, ограничены демократические институты. А вскоре после вступления в должность консулов 79 года Сулла сложил с себя диктаторские полномочия и стал частным лицом. Произошло это после того, как он выполнил миссию, для которой, собственно, и была ему предоставлена диктатура по закону Валерия — *dictator perpetuus legibus scribundis et rei publicae constituendae*. С данным «республиканским» жестом, как и с просенатским характером мероприятий Суллы, и были связаны симпатии Цицерона. Вплоть до последних месяцев своей жизни Цицерон оставался непримиримым врагом «тирании», отрицательно отзывался о жестокостях Суллы, о преследовании в корыстных интере-

⁷ См. Cic. off. II. 51. Сравн.: Н. А. Машкин. Принципат Августа. С. 4 (исследователь относил возникновение концепции спасения государства одним из *principes* лишь ко времени борьбы с Катилиной в 63 г.).

⁸ Cic. Rosc. Am. 16, 80, 84, 89–90, 124–125, 137, 153; Сравн.: Q. fr. 51. См.: Смирин В. М. О политической позиции Цицерона в годы сулланской диктатуры // ВДИ.1958. N 4. С. 88–103.

⁹ Cic. Rosc. Am. 136, 141–142.

сах богатых людей. В то же время защитник «республики» оставлял место для уважительного слова о мерах по восстановлению авторитета сената¹⁰.

Цицеронова концепция «устроителя республики» не была чистой утопией. Ее практическое воплощение узнаётся не только в примерах древних героев республики, реставрационных мерах Суллы или в некоторых поступках самого оратора¹¹. Даже Цезарь, однажды всего одиннадцать дней пробыв в должности диктатора, сложил с себя чрезвычайные полномочия — правда, лишь после того, как был избран консулом на следующий год (осень 49 г.). Через три года некоторые мероприятия Цезаря вновь дали основания Цицерону говорить о нем как об «устроителе республики» (речь «за Марцелла», см. раздел III.2). Но в итоге пожизненный диктатор не оправдал надежд сторонников сенатской «свободы». В гораздо большей мере реальность построений Цицерона подтверждал пример прославленного полководца Помпея¹². В самом деле, в разгар гражданских смут, когда судьба республики уже не раз решалась мечами не только на полях сражений, но и на форуме, Помпей Великий не воспользовался находившимися в его полном распоряжении войсками. Более того, он добровольно дважды (в 70 и 62 гг.) распускал их. Абсолютное законопослушание было наглядным примером следования установлениям предков.

Такое поведение Помпея вызывало удивление и противоречивые оценки как в древности, так и в новое время¹³. Т. Моммзен (преклонявшийся перед гениальностью Юлия Цезаря) мог объяснить его только бесхарактерностью, отсутствием мужества и «царственной смелости» у Помпея¹⁴. Более историчным представляется толкование Эд. Майера, который считал «принципат Помпея» прообразом Августа. Их ученый противопоставлял

¹⁰ См.: Cic. off. II. 27; Att. IX.21.3; сравн.: VII. 7. 7, VIII. 2 .2, IX. 2. 3, 7. 3 и др. Cf.: Hantos Th. *Res publica constituta. Die Verfassung des Dictators Sulla*. Stuttgart 1988; Diehl H. *Sulla und seine Zeit im Urteil Ciceros*. Hildesheim etc., 1988.

¹¹ Мысль, что Цицерон имел в виду прежде всего самого себя, высказывалась когда-то Р. Ю. Виппером (Очерки истории Римской империи. М., 1908. С. 275) и Ф. Эдкоком (Edcock F. // САН IX. Р. 624). См.: Cic. Q. fr. III. 5–6. 1. Сегодня это уже почти общее место в литературе.

¹² Глубокий анализ политических позиций Помпея, в том числе в связи с идеями Цицерона, принадлежит Эд. Майеру: Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 4 f., 174 ff. Классической является также биография: Gelzer M. *Pompeius. Lebensbild eines Römers*. Stuttgart, 2005 (ND mit dem Forschungsbericht 1984/2004) (Orig.: 1949; 1959²). Из новых работ см: Greenhalgh P. A. L. *Pompey: the republican prince*. L., 1981; Leach J. *Pompey the Great*. L., 1986; Christ K. *Pompeius. Der Feldherr Roms. Eine Biographie*. München, 2004; Holland T. *Rubicon — The triumph and tragedy of the Roman republic*. L., 2004; Seager R. *Pompey the Great: A political biography*. Oxf., 2002; Southern P. *Pompey the Great: Caesar's friend and foe*. Gloucestershire, UK, 2002 (dt.: Essen, 2006); Baltrusch E. *Caesar und Pompeius etc.*

¹³ Обзор мнений и рассмотрение проблемы см., в частности: Машкин Н. А. *Принципат Августа*. С. 45–52, а также указанные далее работы С. Л. Утченко.

¹⁴ Моммзен Т. *История Рима*. Т. III. М., 1941. С. 82–84, 88, 162–166. К оценке Моммзена близок М. Гельцер, отмечавший непоследовательность, несамостоятельность, нерешительность Помпея и отсутствие у него ясных политических целей (Gelzer M. *Pompeius*. München, 1959². S. 259–263).

«абсолютной монархии Цезаря». По его убеждению, именно Помпея имел в виду Цицерон, когда в *De rep.* II. 51 писал о “*quasi tutor et procurator rei publicae*” и “*rector et gubernator civitatis*”¹⁵.

Значение трактата “*De re publica*”, как и концепции Цицерона в целом, не сводится к идеологическому обоснованию положения Помпея в 54–52 гг.¹⁶ или действий иных лиц. Чем глубже вскрывает теория общественные явления, тем меньше шансов обнаружить ее прямые связи или поверхностные аналогии с конкретными фактами. Личность и роль Помпея в некоторые моменты римской истории и теоретические построения Цицерона должны рассматриваться не как объект и его зеркальное отражение, а как порождение одной эпохи и одного менталитета.

Убедительную трактовку личности Помпея дал С. Л. Утченко¹⁷. Совершенно справедливо указав на распространенный в исторической литературе предрассудок, в соответствии с которым незаурядность и гениальность политического деятеля связываются со стремлением к захвату единоличной власти и умением удержать ее, Утченко оценивал Помпея как человека дела и долга, «с ранних лет воспитанного в духе аристократического уважения к римским законам и обычаям», который «по своей собственной инициативе ни разу не нарушил ни законов, ни традиции и поступал так, как должно». Ему приходилось иногда искать «окольные пути», но ни разу он не действовал «антиконституционно». Утченко писал даже о «гипертрофированной лояльности» Помпея, признавая меткой следующую фразу Моммзена: «Он... охотно поставил бы себя вне закона, если бы только это можно было сделать, не покидая законной почвы»¹⁸. В то же время, по мнению советского ученого, вряд ли прав Эд. Майер, считавший, что Помпей без всякого притворства отказался бы от царской короны, если бы она ему была преподнесена: «...Какие у нас могут быть основания считать, что если бы все было проведено и оформлено «должным образом», он вел бы себя иначе, чем после принятия законов Габиния и Манилия или после предложения Бибула, поддержанного Катонам, об избрании его консулом *sine collega?*»¹⁹

Характеристика, данная С. Л. Утченко, может быть дополнена. Лояльность Помпея по отношению к «республике» представляется не «гипертрофированной», а самой что ни на есть естественной, пусть и отличающейся от поведения других вождей сравнительно неиспорченным традиционализ-

¹⁵ Meyer Ed. *Caesars Monarchie*... S. 4 f., 178 ff., 189; cf.: Holliday V. L. *Pompey in Cicero's correspondence and Lucan's Civil war*. P., 1959.

¹⁶ См.: Машкин Н. А. Ук. соч. С. 51.

¹⁷ См.: Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976. С. 80–86; его же. Цицерон и его время. М., 1972. С. 181–191. Далее цит. по первой из названных книг.

¹⁸ Моммзен Т. История Рима. Т. III. С. 164–165. См.: Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 84.

¹⁹ Утченко С. Л. Ук. соч. С. 85.

мом. В этом отношении Помпей — прямая противоположность Антонию, так не «по-римски» проявившему себя в Египте. Помпей не только своими исключительными полномочиями, но и «республиканским» поведением предвосхитил некоторые черты режима, установленного Августом. Сходство не было результатом сознательного следования отдельным конкретным решениям «попечителя республики» (хотя использование опыта могло иметь место) и тем более гипотетической «системе» Помпея: оно стало проявлением принадлежности к общему миру мыслей, переживаний, устремлений, которые можно определить как «республиканский менталитет» или просто — «республиканизм»²⁰. Порожденный *civitas*, живущий в ее традициях, он был характерен для политического мировоззрения римского гражданства. Во времена Помпея, Цезаря, Цицерона это был все еще полный внутренней энергии мир социально-психологических установок и взглядов — при том, что несколько прямолинейно мысливший Помпей и большинство других представителей правящего класса не представляли себе иной «республики», кроме сенатской. А она была ко времени окончания гражданских войн вычеркнута из списка реалистичных вариантов устройства новой «республики».

IV.3. Наследие диктатора и пиетет наследника

Среди предтеч Августа, несомненно, его приёмный отец — Гай Юлий Цезарь.²¹ Нет необходимости доказывать, что без усыновления Цезарем своего внучатого племянника Октавиан-Август просто не мог бы состояться. Речь — о роли Цезаря как «первопроходца» пути к римскому монархизму, о значении его практического и идейного опыта в формировании Августовой модели единовластия. Многие историки считают именно Юлия Цезаря основателем монархии в Риме²². Наличие преемственности бесспорно: Ок-

²⁰ Поскольку имеются различные трактовки этой сферы бытия, необходимо кратко сформулировать позицию автора. Под менталитетом мы понимаем единство психики и сознания, в котором взаимодействуют сознательное и бессознательное, индивидуальное и коллективное. Индивидуальные ментальности Помпея и Цицерона (и не только) в тех или иных пропорциях включали в себя «республиканский» менталитет своего общества. С другой стороны, менталитет есть результат взаимодействия ментальностей отдельных людей. Данное явление носит социальный характер, что не исключает также его физической природы. По словам Ле Гоффа, это то наиндивидуальное содержание сознания, которое «является общим у Цезаря с последним солдатом его легионов» (Le Goff J., Nora P. (eds.) *Faire de l'histoire*. T. III. P., 1974. P. 76. Цит по: Girardet K. M. *Rom auf dem Weg von der Republik zum Prinzipat*. Bonn, 2007. S. 437 ff. Некоторые предварительные разъяснения были уже сделаны в разделе I.3. О «республиканизме» применительно к I в. н.э. см.: Wilkinson S. *Republicanism*... P. 12 ff. Следует заметить, что С. Вилькинзон трактует «республиканизм» несколько односторонне, понимая его прежде всего как идеологию оппозиции.

²¹ О Юлии Цезаре см. также раздел III.2, где указана литература.

²² Светоний, открыв Юлием Цезарем список двенадцати первых «цезарей», следовал принятой в правление Траяна и Адриана трактовке римской истории. Один из современных исследователей, Курт Рауф-

тавиан опирался на славу, авторитет и популярность Цезаря в ходе борьбы за власть. Как сын, наследник и мститель, он собрал под свои знамена ветеранов, привлек симпатии городского плебса и приобрел много других сторонников.

В то же время, неизменно проявляя почтительность к памяти Цезаря, Август с большой осторожностью перенимал его опыт. Некоторые исследователи даже указывали, что основатель принципата осознанно и последовательно дистанцировался от наследия диктатора. Этому мнения придерживался, например, Рональд Сайм²³. В специальном исследовании Дитмар Кинаст убедительно показал, что на самом деле идея божественного происхождения рода Юлиев, популярность Цезаря и его победы занимали в идеологии Августова режима одно из центральных мест²⁴. Чрезвычайно важен был моральный фактор: римляне оценили *pietas* — пиетет Октавиана по отношению к отцу. Отмщением заговорщикам он выполнил свой непреложный долг (надо заметить, в противном случае его шансы в римской политике были бы равны нулю). Октавиан унаследовал у отца симпатии и антипатии различных социальных группировок: деятельность Цезаря усилила поляризацию армии и плебса с одной стороны, и аристократии — с другой. Все это, вместе с подозрениями на царистские претензии диктатора, необходимо было как-то согласовывать с начавшими все четче обозначаться контурами идеологии «восстановления республики» — задача совсем непростая для начинающего политика. Октавиан справился с ней блестяще. Как и в других случаях, сильной стороной Октавиана-Августа оказалось то, что он умел отделять политику от эмоций, подчинять сиюминутные выгоды долгосрочным интересам.

Для Октавиана-Августа, так же как для Помпея или Цицерона, первостепенными, по крайней мере теоретически, были интересы *civitas*. Шкала ценностей, которыми руководствовался Цезарь, выглядела по-иному. Интересы Рима учитывались лишь постольку, поскольку он сам первенствовал в Городе. Не было ничего, что заставило бы Цезаря поступиться своей

лауб, считает гражданскую войну 49/48 гг. «примечательным поворотным моментом на пути развития от республики к монархии». По признакам, которые прослеживаются в 45 и 44 гг., «система Цезаря, если бы он смог ее реализовать, могла бы рассматриваться как структурный перелом» (Raaflaub K. A. *Poker um Macht und Freiheit: Caesars Bürgerkrieg als Wendepunkt im Übergang von der Republik zur Monarchie* // Linke B. etc. (Hrsg.). *Zwischen Monarchie und Republik*. Wiesbaden, 2010. S. 161–186, hier S. 186).

²³ Syme R. *Roman Revolution*. P. 317 ff.; Tacitus. 2 Vols. Oxf., 1958. P. 432 ff. Аналогично: Ramage E. S. *Augustus' treatment of Julius Caesar* // *Historia*. Bd. 34. 1985. P. 223–245; Donié P. *Untersuchungen zum Caesarbild in der römischen Kaiserzeit*. Hamburg, 1996. S. 3 ff., 10 ff. (по мнению автора, Август дистанцировался от строительной политики Цезаря. См. также разделы VIII.1 f.).

²⁴ Kienast D. *Augustus und Caesar* // *Chiron*. Bd. 31. 2001. S. 1–26, bes. S. 1 ff. und 25. Cf.: Wickert L. *Caesars Monarchie und der Prinzipat des Augustus*; Toher M. *Julius Caesar and Octavian in Nicolaus* // Cairns F. (ed.). *Caesar against liberty?*... Cambr., 2003. P. 132–56; Raaflaub K. A. *Caesar und Augustus als Retter römischer Freiheit?* // Baltrusch E. (Hrsg.). *Caesar*. S. 229–261. К. Гатшер отметил роль харизмы Цезаря, которую унаследовал не обладавший ею Август (Hatscher Ch. R. *Charisma und res publica*. Stuttgart, 2000. S. 221 f.).

аристократической честью — *dignitas*²⁵. Как триумвир, консул, командующий или диктатор, он смело и решительно проводил меры, которые считал необходимыми, опираясь на преданную ему армию и плебс, не дожидаясь одобрения сената.

К Республике и её традициям диктатор относился безо всякого почтения. И дело не только в его известной фразе, цитируемой Светонием: «Республика — ничто, пустое имя без тела и облика»²⁶. Немало шагов Цезаря можно трактовать как направленные на разрушение республиканских институтов и установлений²⁷. Авторитет консулата подрывался уже тем, что сам он занимал эту должность четыре раза в течение шести лет (49–44), хотя согласно традиции повторное избрание разрешалось лишь через 10 лет. Мало того, в 45 г. Цезарь отправлял эту должность без коллеги, чтобы неожиданно и без видимых причин в октябре сложить с себя полномочия и провести на консулат двух своих приверженцев. Ранее дополнительные выборы были возможны лишь в результате смерти консула. Когда один из новых консулов умер в середине дня 31 декабря, на оставшиеся часы был срочно избран ещё один, некий Каниний Ребил. Й. Бляйкен не без оснований оценивал это как «циничное неуважение», «сознательное и намеренное унижение республиканской магистратуры»²⁸. Но здесь усматривается и пренебрежение к показавшим свою неэффективность республиканским учреждениям. Цезарь торопился, готовясь к широко задуманной парфянской экспедиции, и его усилия были направлены на то, чтобы оставить у себя за спиной надежное и преданное ему правительство. Как

²⁵ По словам самого Цезаря, «для него *dignitas* значила всегда более, чем жизнь» (Caes. civ. IX.2: *sibi semper primam fuisse dignitatem vitaeque potioorem*). Л. Р. Тэйлор обратила внимание на то, что термин *dignitas* особенно часто встречается в первой книге «Гражданских войн» Юлия Цезаря: Caes. civ. I. 4; 7; 8; 9; 32, cf. Cic. Att. 7. 11. 1 (Taylor L. R. Party politics in the age of Caesar. Berkeley etc., 1949. P. 163 with n. 3 on p. 236). Согласно Р. Сайму, *dignitas* — это «ранг, престиж и честь» (Syme R. Roman revolution. P. 13 etc. cf.: Nitschke J. Dignitas und auctoritas... München, 2001).

²⁶ *Nihil esse rem publicam, appellationem modo sine corpore ac specie* (смысл: один звук — ни формы, ни содержания; одно название — без тела и души). Светоний заимствовал цитату у историка-помпейца Тита Амлия. Биограф привёл и другие заносчивые высказывания Цезаря (Suet. Iul. 77). Эта позиция и была глубинной причиной краха надежд, которые Цицерон возлагал на Юлия Цезаря как «восстановителя республики». Разумеется, нельзя представлять себе Юлия Цезаря как прописного злодея — губителя республики. Но трудно согласиться с А. Б. Егоровым, который считает, что диктатура Цезаря носила во многом традиционный характер, а его политика в отношении сената нашла продолжение в мероприятиях Августа (Егоров А. Б. Цезарь, Август и римский сенат // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2002. С. 125–136, особ. с. 135 сл.). Августу пришлось заново формировать этот институт. На наш взгляд, политика Цезаря в отношении «республики» была узко-прагматичной. Говоря языком современной политологии, он был «технократом», сознательно игнорировавшим традиции как помеху для решения назревших задач и достижения своих целей.

²⁷ См. в частности: Jehne M. Der Staat des Dictators Caesar. Köln etc., 1987. S. 80 ff., 392 ff., 110 ff., 416 ff.; Bleicken J. Augustus. S. 22 ff. (сравн. предыдущую сноску).

²⁸ В Риме горько шутили, что в консульство Ребила никто не завтракал. А когда почтенные сенаторы торопились на организованную им по случаю пирушку, Цицерон съязвил, что следует поторопиться, пока консулат Ребила не подошёл к концу. См.: Plut. Caes. 58. 2 sq., cf.: Cic. fam. VII. 30. 1, cf. Bleicken J. Augustus. S. 22 f.

отметила Л. Р. Тэйлор, система республиканских учреждений в этом смысле не могла его устраивать²⁹.

В том же направлении — подрыв авторитета и ослабление влияния — были направлены шаги Цезаря в отношении двух других основных институтов Римской республики: сената и народного собрания. Он расширил состав сената за счёт италийцев и собственных сторонников (с 600 до 900 членов), превратив в малоэффективный и послушный диктатору орган³⁰. Что касается народных собраний, то их полномочия и влияние ослаблялись тем, что диктатор мог издавать законы от своего имени. Кроме того, он оказывал решающее влияние на выборы магистратов как председатель в комициях, а также путем «рекомендаций» (*commendatio*). Поскольку римский плебс пользовался щедрыми подачками удачливого полководца, то функция собраний сводилась к одобрению кандидатов Цезаря.

Цезарь стремился использовать в своих интересах традиционные институты. Со времён братьев Гракхов плебс, в первую очередь городской, начал гораздо более активно участвовать в политике. Это было связано как с его быстрым количественным ростом, так и с тем, что сенат утрачивал свое влияние³¹. Юлий Цезарь повёл плебс и армию за собой, образовав, в сущности, одну «партию» — клиентелу, лояльную по отношению к вождю (по мнению Л. Р. Тэйлор, эту политику «цезаризма» смог позднее реализовать Август, соединив её с «республиканизмом»). Переходя Рубикон и вступая в борьбу с сенатом, Цезарь представлял это как освобождение свое и народа (*se et populum Romanum*), от тирании меньшинства, олигархии, (*factio paucorum*)³².

Энергичный, быстро просчитывавший ситуации и самоуверенный, Цезарь не был склонен считаться с настроениями людей, тратить время и силы на их переубеждение и привлечение на свою сторону. Он спешил, не обращая внимания на отставание окружающих. Решив, что старая республиканская система управления государством нежизнеспособна, Цезарь относился не только к ее институтам, но и ко всем связанным с ней представлениям, ценностям и даже носителям с пренебрежением. Его презрение к общепринятым обычаям, заносчивость не знали границ, что вызывало, в свою оче-

²⁹ Taylor L. R. Party politics in the age of Caesar. Berkeley etc., 1949. P. 172 f.

³⁰ Цицерон по этому поводу заметил, что членом совета города (сената) легче стать в Риме, чем в захудалых Помпеях (Macrob. Sat. II. 3. 11).

³¹ См.: Brunt P. A. Social conflicts in the Roman republic. L., 1971; Nippel W. Public order in ancient Rome. Cambr., 1995; Yavetz Z. Plebs and princeps. Oxf., 1969 etc.

³² По словам Л. Р. Тэйлор, «цезаризм означал отождествление Римского народа с Цезарем». По ее мнению, цезаризм был в этом пункте противоположен катонизму, идеалом которого была республика. Отмечая роль клиентелы как важнейшего фактора политики в Риме, она выразила признательность А. Премерштайну и Р. Сайму, «немецкому и британскому учёным, которые в 30-е годы независимо друг от друга интерпретировали политическую борьбу этого периода в свете усиления национал-социализма» (Taylor L. R. Party politics. P. 162 f., cf.: Premierstein A. Vom Werden...; Syme R. Roman revolution).

редь, ненависть со стороны сенаторов. Она достигла точки кипения, когда диктатор встретил сенат в полном составе, не поднявшись с кресла, на подиуме нового храма Венеры Прародительницы³³.

Римский календарь был заполнен днями рождения, побед и праздников в честь диктатора. Все это, вместе с церемониалом его появления в свете, должно было продемонстрировать некую нечеловеческую природу представителя рода Юлиев. Цезарь обувал красного цвета высокие сапоги царей Альба Лонги, носил пурпурную, как у триумфаторов, выступавших в роли Юпитера, тогу. В сенате и на суде он заседал в золотом кресле. Вызовом выглядели скульптурные изображения диктатора, увенчанные золотыми коронами этрусских царей. Одна статуя, вместе с изображениями богов, использовалась жрецами в религиозных процессиях. Вторая, в качестве предмета поклонения, стояла в святилище Квирина, самого почитаемого в Риме божества, с надписью *deo invicto*. Третья была установлена в ряд с семью древними римскими царями. Юлий Цезарь был первым из живущих римлян, чей портрет появился на монетах. В начале 44 г. сенат провозгласил диктатора Божественным Юлием, постановив воздвигнуть храм его «милосердию» (Suet. Iul. 76; Plut. 57, 60 sq.).

Октавиан, хоть и не сразу, понял неприемлемость такой политики. Подобная вызывающая позиция была непродуктивна и опасна. Дело было не только в чисто прагматических соображениях. Октавиан сумел за внешней мишурой старых, недееспособных республиканских учреждений рассмотреть жизненность и силу представлений, составлявших суть римского духа. Было ясно, что невозможно выстроить прочное государственное здание, игнорируя «республиканизм» — основу социально-политических убеждений римского гражданства. Собственное почтительное отношение к традиции, в соединении с определёнными политическими идеями, привели Октавиана к выбору курса на «восстановление республики». В этом было принципиальное отличие от установок приемного отца³⁴. Отсюда вытека-

³³ Эти и другие проявления высокомерия Цезаря и его честолюбивых устремлений перечисляет Светоний: Suet. Iul. 76–79. М. Йене, описывая диктаторский стиль принятия решений Юлием Цезарем, объясняет его полной уверенностью в своей правоте и нежеланием отклоняться от избранной линии поведения. Попытки корректировать его действия воспринимались политиком как ненужные помехи. Это прослеживалось с самого начала карьеры. Цезарь также игнорировал выработанный поколениями обходительный стиль поведения республиканских политиков. См.: Jene M. Der Diktator und die Republik. Wurzeln, Formen und Perspektiven von Caesars Monarchie // Linke B. etc. Zwischen Monarchie und Republik. S. 186–211. И это при том, что Цезарь был прекрасно подготовлен к политической деятельности, владея всем арсеналом средств римского политического ритуала. Об этой стороне римской политики см: Flaig E. Ritualisierte Politik. Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom. Göttingen, 2003. Применительно к указанному случаю существует мнение, что Цезарь не в состоянии был встать навстречу сенаторам, поскольку страдал от тяжелой болезни.

³⁴ С. Л. Утченко считал роковой ошибкой Юлия Цезаря то, что «его «режим» не имел никакого официально выраженного наименования». В то же время исследователь утверждал, что «официальное название» режима Августа — *res publica restituta* — не соответствовало его «внутреннему содержанию», и это «великолепно понимал сам Август» (Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 346). Второе, на наш взгляд, не отражает сути феномена.

Илл IV.2 Храм Божественного Цезаря на Римском форуме, современное состояние

ли и другие различия. Цезарь делал ставку на создание личной клиентелы (прежде всего, привязывая к себе армию). Октавиан, не пренебрегая персональными связями, стремился реанимировать традиционные институты, начиная с сената и магистратур. Они должны были выполнять существенные функции в «восстановленной республике», а также занимать отведенное им, пусть скромное место в начавшейся строиться Империи. Целью молодого Цезаря было построить стабильное государство, не подверженное гражданским смутам. В противоположность Юлию Цезарю, он представлял себя как защитника, восстановителя и гаранта «республики»³⁵.

Всё это не помешало Октавиану-Августу многое заимствовать из опыта Цезаря, признавая его незаурядные способности и заслуги. Солдаты получили обещанные Цезарем подарки и наделы. Улучшались условия жизни римского плебса. Август сумел привлечь на свою сторону также всадников, и в конце концов, большинство сенаторов. По масштабам завоеваний, при том, что он лично был не самым одарённым военачальником, Август превзошел римских полководцев всех времен. Продолжалась и проводившаяся Цезарем политика колонизации. Перечисление можно было бы продолжить.

К памяти приемного отца Август относился с подчеркнутым пиететом. Дни рождения Юлия Цезаря, включенные им в календари, отмечались еще

³⁵ Овидий в «Тристиях» не случайно отождествлял Августа с «республикой»: *res est publica Caesar* (Ovid. trist. IV. 4. 15).

пять веков. До времени Траяна устраивались учрежденные Августом празднества, *ludi Victoriae Caesaris*. Завершение строительства базилики Юлия, возведение храмов Божественного Цезаря на Римском форуме и Марса Мстителя на Форуме Августа, — всё это также показывает, что ни о каком «разрыве» с памятью Цезаря не было и речи. Слишком сильны были узы, многое вошло в плоть и кровь «восстановителя республики». Даже программный лозунг «освобождения от клики», открывающий «Деяния божественного Августа», восходил к «Запискам о гражданской войне»³⁶. На закате жизни Август из последних сил решил зачитать вслух «Возражения Бруту о Катоне», где выступил против нападков на отца³⁷. Не случайны позитивные упоминания о Цезаре у таких лояльных по отношению к Августу писателей, как Страбон, Диодор и Веллей Патеркул³⁸.

«Республика», преждевременно похороненная Цезарем, была реанимирована. При этом уста Октавиана-Августа никогда не произнесли ни слова осуждения в адрес «антиреспубликанской» политики диктатора. Напротив, Цезарь, его деяния и победы занимали в презентации нового режима одно из центральных мест³⁹. «Тиранические» устремления Юлия Цезаря, как и многие поступки самого Октавиана в годы гражданской войны, стали темами, которые не выносились на общественное обсуждение. Замалчивание было достаточно действенным приемом в обращении с нелицеприятными фактами.

IV.4. *Res publica* — достояние Римского народа

Поначалу Октавиан открыто заявлял, что хотел бы получить все почести, которые были у Юлия Цезаря⁴⁰. Со временем он умерил свои претензии. Триумvir был чувствителен к идеям, которые «носились в воздухе». Эту атмосферу можно ощутить с помощью Цицерона. Главное не вызывает со-

³⁶ Мотивируя свое вторжение в Италию, Юлий Цезарь ссылался на необходимость вернуть изгнанным из Рима народным трибунам достоинство, а себе и римскому народу — свободу, подавленную немногочисленной кликой: (Caes. civ. I. 22. 5: *ut se et populum Romanum factione paucorum oppressum in libertatem vindicaret*). Август в RG I. 1 говорит об освобождении «республики». Цицерон применил это выражение по отношению к Цезарю: *...privato consilio rem publicam... Caesar liberavit* (Cic. Phil. III. 3–5).

³⁷ Suet. Aug. 85. 1, оригинальное название: *rescripta Bruto de Catone*. См. раздел IX.7.

³⁸ См.: Kienast D. Augustus und Caesar // Chiron. Bd. 31. 2001. S. 1–26; id. Augustus. S. 522 ff.; Donié P. Untersuchungen zum Caesarbild. S. 70 ff. Данная проблематика довольно убедительно рассмотрена в статье: White P. Julius Caesar in Augustan Rome. Phoenix. Vol. 42, No. 4. 1988. P. 334–356.

³⁹ Syme R. Tacitus. Oxf., 1958. Vol. I. P. 432 ff. Cf.: Kienast D. Augustus und Caesar; Toher M. Julius Caesar and Octavian in Nicolaus // Cairns F., Fantham E. (Hgg.), Caesar against liberty?.. P. 132–56.

⁴⁰ Cic. Att. XVI. 15. 3: *ita sibi parentis honores consequi liceat*. Цицерон передает слова Октавиана, рассказывая о выступлении того на сходке. При этом «мальчик» протянул правую руку к статуе Цезаря на рострах (о Римском форуме см. раздел VIII.6). Письмо Аттику отправлено из Арпинской усадьбы до 9 декабря 44 г. до н.э. Подобные слова должны были вызвать настороженность не только у Цицерона. См. также: Syme R. Roman revolution. P. 125; Kienast D. Augustus. S. 17 m. Anm. 67.

мнения: оратор до конца жизни мечтал о восстановлении *res publica*. Но в этом пункте необходима осторожность. Для того, чтобы следовать мыслям Цицерона, придется освободиться от некоторых современных клише, в которых представления о республике сплавлены с демократией и свободной конкуренцией.

Мы рассматриваем произведения Цицерона как отражение менталитета значительной части римского гражданства. Будучи одним из ведущих политиков своего времени, он находился в постоянном контакте с другими видными деятелями Республики. Цицерон общался с согражданами в сенате, при ведении судебных дел, во время личных встреч, с некоторыми состоял в переписке. Свои мысли Цицерон часто высказывал применительно к конкретным ситуациям и людям, что повышает ценность его сочинений как исторических источников⁴¹. Популярность указывает на созвучность высказываний Цицерона настроениям значительной части римских граждан⁴². В то же время это был широко образованный, серьезный мыслитель, хорошо знакомый с политической философией своего времени. Потому ход мыслей, аргументация Цицерона, использовавшаяся им терминология, значения, которые он вкладывал в те или иные слова — окно в мир политических событий и идеологических дискуссий того времени.

Важнейшие политические идеи сформулированы в трактатах-диалогах Цицерона, в частности, “*De re publica*” (О «республике»)⁴³ и “*De legibus*” (О законах). Они были написаны в 54(56)–51 годах, благодаря вынужденному «досугу», когда оратор оставил активную политическую деятельность в период первого триумvirата. Тогда *res publica* находилась, по убеждению Цицерона, в самом жалком состоянии (Cic. fam. II. 4 sq.), она была утрачена⁴⁴. Пришло время еще раз задуматься над судьбами Рима. Цицерон вновь взялся за серьезное изучение философии. Главным авторитетом был для

⁴¹ Из необъятной литературы по Цицерону следует обратить внимание на некоторые работы, которые имеют прямое отношение к затрагиваемой здесь политологической тематике: Büchner K. Cicero. Bestand und Wandel seiner geistigen Welt. Wiesbaden, 1962; Heidelberg, 1964; Kaerst J. Scipio Aemilianus, die Stoa und der Prinzipat // NJbWJb. Bd. 5. 1929. S. 653 ff.; Pohlenz M. Antikes Führertum // Neue Wege zur Antike. 1934. Bd. II. 3; Pöschl V. Römischer Staat und griechischer Staatsgedanke bei Cicero. Berlin, 1936. См. также раздел I.5 с примеч. 34 (издания сочинений).

⁴² Cic. rep. I. Fragm. 1: «Не [пишу я] для ученых. Чтоб Манилий, Персий прочитали, не хочу. Пусть Юний Конг читает». Марк Юний Конг Гракх был историком и интересовался римскими древностями. Смысл отрывка в том, что сочинение предназначено широкому кругу читателей.

⁴³ При цитировании сочинений Цицерона используются, с небольшими изменениями, переводы В. О. Горенштейна под ред С. Л. Утченко. Латинское *res publica*, по уже изложенным причинам, передается кириллицей как «республика». Из дальнейшего будет ясно, почему мы не считаем возможным передавать название трактата посредством слова «государство». В своей последней книге С. Л. Утченко, указал на «не совсем правильный» перевод термина *res publica* как в тексте, так и в названии трактата (сравн.: Утченко С. Л. Политические учения... С. 25).

⁴⁴ *Amissa res publica* — Cic. Att. I. 18.6. См. раздел III. 2 с примеч. 70 слл. Сравн. о *res publica* разделы IV.4 сл.

него Платон, по определению оратора — «бог среди философов». На это указывают уже названия трактатов Цицерона, представляющие собой перевод заголовков диалогов греческого мыслителя⁴⁵. В своих размышлениях Цицерон, опираясь на богатый политический опыт и знание римской истории, отталкивался также от рассуждений Аристотеля, стоиков и Полибия. При этом многое говорит о решающем влиянии Стагирита⁴⁶.

Особенно важным является Цицероново понимание «республики». Не случайно написанный в трагическую для Цицерона и его родины пору трактат называется “*De re publica*”. Когда Цицерон приступил к работе в 54 г., рабочим заголовком было «О лучшем устройстве гражданской общины и о лучшем гражданине». Позднее появилось более краткое “*De re publica*”⁴⁷. На наш взгляд, в рабочем названии сформулирована тематика диалога, а в окончательном — идея, выражающая суть социального мировоззрения римлян.

Важно объяснить, почему за исходный пункт для понимания политики «восстановления республики» следует взять то употребление термина *res publica*, которое характерно для данного трактата. Оно отличается от некоторых значений, которые мы иногда встречаем в письмах, посвященных обсуждению различных злободневных вопросов. Переписываясь со своими коллегами, политик чаще имел в виду ту «республику», которая выражала интересы его сословия⁴⁸. В трактате “*De re publica*” перед нами иной Цицерон. Это государственный муж и философ, который решил непредвзято и ответственно осмыслить судьбы Римской республики в тяжелую годину её истории. В этом сочинении содержатся выкованные историей и выверенные писателем мысли и определения. Главный вопрос, стоявший перед Цицероном: как спасти «республику»? Ответы, которые даются в трактате,

⁴⁵ Cic. rep. IV. 5; Att. IV. 17. 3 (о Платоне). Названия диалогов Платона: *politeia, nomoi*.

⁴⁶ О влиянии Аристотеля на Цицерона применительно к предмету нашего рассмотрения см., в частности, в: Pahnke E. Studien über Ciceros Kenntnis und Benutzung des Aristoteles und die Herkunft der Staatsdefinition: rep. I 39. Freiburg, 1962. А. Линтотт считает, что наиболее очевидно влияние Аристотеля, во всяком случае, поскольку невозможно проследить роль Дикеарха. Сходство с Аристотелем прослеживается в признании вариативности путей развития, а также в мысли о том, что общество возникло скорее из естественного стремления к объединению на основе закона, а не только из-за слабости отдельного человека (Lintott A. The constitution... P. 221 with n. 25–27 — с указанием пассажиров). Важное отличие от Полибиевой картины заключается и в том, что Цицерон отводит гораздо большее место разумному началу в создании римской смешанной конституции, вклад в которую сделали уже римские цари. Так, Ромул, подобно Ликургу, создал сенат (Cic. rep. II. 15, 17), Нума ввел народные выборы царя (ibid. 23–25), Сервий Туллий утвердил свою власть (*imperium*) посредством *lex curiata*, а также ввел *comitia centuriata*, в которых больше ценились голоса богатых граждан (ibid. 37–41). Дикие римляне оказались мудрее лакедемонянина Ликурга, выбирая в цари не по происхождению, а по доблести и мудрости (ibid. 24). Об Аристотеле и Полибии см. раздел III.1.

⁴⁷ Рабочее название: *de optimo statu civitatis vel de optimo cive* (ad Quint. frat. III. 5. 1); о втором: Tusc. I. 53; de div. II. 3. Сообщение об альтернативном заголовке позволяет еще раз подчеркнуть неточность перевода: «О государстве».

⁴⁸ В том числе под обозначением *libera res publica*, см. разделы IV.4 сл., VII.2 и X.1.

должны были задать направление реформ и лечь в основание совершенного государства⁴⁹.

Сочинение состоит из шести в большей или меньшей мере сохранившихся книг. Передается содержание вымышленной беседы, которая велась на вилле прославленного консуляра (консул 147 и 134), триумфатора, разрушителя Карфагена, Сципиона Эмилиана⁵⁰. Участниками разговора был ряд членов его «кружка», среди которых оказались друг хозяина Лелий (консул 140), Фурий Фил (консул 136), Манилий (консул 149), Спурий Муммий (брат разрушителя Коринфа) и Муций Сцевола (консул 117), позднее известный авгур. Цицерон не случайно решил вложить свои мысли в уста столь авторитетных в Риме людей. Кроме того, что важной была тема, для потенциальных читателей могли оказаться неожиданными некоторые положения и выводы⁵¹.

Обсуждавшимися проблемами были: наилучшее государственное устройство (первый день); его юридические и моральные основы (второй день); наилучший гражданин (третий день). К третьему же дню относится «Сон Сципиона», составляющий шестую книгу. Беседу направлял хозяин дома, Сципион, в уста которого вложены важнейшие мысли Цицерона.

В трактате дано определение «республики», которое справедливо оценивается исследователями как центральное и нормативное для времени написания: *“Est... res publica res populi”* — «республика есть достояние (сфера интересов) народа»⁵². Оно содержится в следующем рассуждении Сципио-

⁴⁹ А. Линтотт подчеркивает актуальность трактата, который был теоретическим вкладом в текущие политические дебаты (Lintott A. The Constitution... P. 220).

⁵⁰ Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший (185–129 гг. до н.э.) — полководец, отличившийся в ряде войн и разрушивший Карфаген. Консул, цензор, принцепс сената, противник Тиберия Гракха. В его доме собирались как римские политики, так и выдающиеся представители римско-эллинистической культуры, в том числе философ-стоик Панэций, философ и историк Посидоний, комедиограф Теренций. Цицерон отнес сконструированный им диалог к Латинским празднествам 129 г. (О Сципионе Эмилиане см.: Münzer F. // Cornelius 335 // RE Hb. 7. 1900. Sp. 1439–1462; Astin A. E. Scipio Aemilianus. Oxf., 1967; Трухина Н. Н. Политика и политики..., гл. 3–4 (с. 115–164); Короленков А. В. Из новейшей литературы о Сципионе Эмилиане // Studia historica. Вып. VIII. М., 2008. С. 211–223).

⁵¹ «Кружок Сципиона» — конструкция историков нового времени. Само обозначение Цицерон употребил лишь один раз мимоходом (Lelius 69). Под ним понимают круг людей, близких по духу (в первую очередь эллинофилов и греков), которые в разное время общались со Сципионом Эмилианом (Strasburger H. Der “Scipionenkreis” // Hermes. 94. 1966. S. 60–72 etc). Более подробно о названных и неназванных нами участниках диалога см.: Büchner K. M. Tullius Cicero. De re publica. (Kommentar). Heidelberg, 1984. S. 28–36. Ценный комментарий обобщает многочисленные работы, в том числе самого К. Бюхнера, о Цицероне и рассматриваемом сочинении. К сожалению нам оказалось недоступно последнее издание с незначительными корректурами (19874).

⁵² Cic. rep. I. 25/39 (cf.: 26/41, 32/48 etc.). Эти слова открывают речь авторитетнейшего участника обсуждения — Сципиона. Он начинает с самого очевидного, общепринятого, от чего отталкиваются все дальнейшие рассуждения. Прежде, чем говорить о формах «республики», определяется сам этот предмет разговора. Указывая на это, Карл Бюхнер подчеркивает фундаментальное значение цитируемой дефиниции. Данное понимание «республики» разделял также Варрон (Schol. Vat. Mai, praef. 5, cf.: Büchner K. M. Tullius Cicero. De re publica (Kommentar). Heidelberg, 1984. S. 123). О Варроне см. также раздел VI.1.

на Эмилиана: «Итак, “республика” (*res publica*) есть достояние народа, а народ — не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов. Первой причиной для такого объединения людей является не столько их слабость, сколько, так сказать, врожденная потребность жить вместе»⁵³.

Один из лучших комментариев этого пассажа Цицерона принадлежит филологу-классику Рихарду Гайнце: «*Res publica* мы переводим обычно как «государство», и это недалеко от истины, но ни в коем случае не исчерпывает понятия. *Res publica* для римлян идентична *res populi*. Это значит — «принадлежащее» народу, преимущественно в самом общем смысле — «дело народа». Не в конкретном вещном смысле, но отвлеченно — то, что охватывает всю сферу интересов народа как общности. Возникновение этого понятия, вошедшего в плоть и кровь каждого римлянина, представляется ясным симптомом сильно выраженного и своеобразно ориентированного римского государственного сознания. ...Естественность, с которой данное слово выражает факт, что народ имеет общие, принадлежащие одновременно каждому члену коллектива интересы, а также степень абстракции определения, которым охватывается всё, что касается сообщества, ...предполагает некий уровень политического сознания, до которого видимо не поднялся ни один другой народ на подобной относительно низкой стадии своего развития»⁵⁴.

В первом предложении цитаты говорится, что перевод *res publica* как «государство» недалек от истины. Из дальнейших разъяснений станет понятным, почему это не (вся) истина.

⁵³ Здесь Цицерон процитирован в переводе В. О. Горенштейна. Латинское *res publica* мы передаем как «республика», перевод «государство» неисторичен, что разъясняется далее. Оригинал: “*Est igitur res publica res populi, populus autem non omnis hominum coetus quoquo modo congregatus, sed coetus multitudinis iuris consensu et utilitatis communione sociatus*”. Cic. rep. 1.39. Определение *res publica* через *res populi* в этом произведении можно найти также в следующих пассажах: I. 41, 43, 48; III. 43. (44), 45. (46); в том числе использование *res populi* в смысле *res publica*: I. 48; III. 43. См.: Suerbaum W. Vom antiken... S. 1 m. Anm. 3, S. 347 ff. Обзор исследований: Schmidt L. Cicero “De re publica”. Die Forschung der letzten fünf Dezennien // ANRW I. Bd. 4. 1973. S. 262–333 (названо около 250 публикаций).

⁵⁴ Heinze R. Von den Ursachen der Größe Roms // Vom Geist des Römertums. S. 13. Рихард Гайнце (1867–1929) был одним из крупнейших филологов-классиков своего времени, особенно известный своими толкованиями римской поэзии как самобытного явления мировой культуры. Цитируется произнесенная в 1921 г. речь при вступлении в должность ректора Лейпцигского университета (с сокращением некоторых длиннот). Представление о *res publica* как о важной идее или даже о некоей коллективной духовной субстанции в большей или меньшей мере разделяли многие исследователи. Это особенно характерно для германской историографии XX века. См., напр.: Stark R. Ciceros Staatsdefinition (1954) // Klein R. (Hrsg.). Das Staatsdenken der Römer. Darmstadt, 1966. S. 332–347; Wieacker F. Vom römischem Recht, Stuttgart 1961². S. 18–44; Meyer E. Römischer Staat und Staatsgedanke. Zürich, 1964³. S. 250 ff.; Büchner K. M. Tullius Cicero, de re publica (Kommentare... 1984). S. 14 ff. etc. Библиография и обзор: Schmidt P. L. Forschungsbericht de re publica // ANRW Bd. I. 4. 1973. S. 262–333; Suerbaum W. Vom antiken... S. 307–342. Обзор мнений о содержании термина *res publica* в автореферате А. М. Браговой может служить для знакомства с историографией вопроса, но не дает возможности составить ясное представление о предмете (Марк Туллий Цицерон об идеальном гражданстве и государстве. Автореферат. Н. Новгород, 2005. <http://www.jourclub.ru/21/1674/2/>. 19.06.2014).

Слово *publicus* происходит от *populus*⁵⁵, но определение Цицерона не является тавтологией. Речь идет об объекте и субъекте. Понятие *res publica* важно как противопоставление *res privata*: все то, что входило в круг дел, предметов и интересов народа как целого, будучи высшей ценностью, противопоставлялось личным делам и интересам каждого отдельного гражданина, составлявшего народ⁵⁶. Выражение *res populi* в Цицероновом определении акцентирует внимание на роли Римского народа как единого общественного организма, суверена, субъекта, которому и принадлежит *res publica*⁵⁷.

Выяснение указанных смысловых оттенков термина *res publica* имеет первостепенную важность. Оно должно стать ключом к пониманию замысла *res publica restituta*. Ведь рассуждения Цицерона отразили ту ментальную среду, в которой формировалось политическое мышление создателей нового режима. Возвращаясь к классическому определению: *res publica = res populi*, необходимо обратить внимание на два подчеркнутых в нем различных, даже в некотором роде противоположных, смысла. С одной стороны, вполне материальное слово *res* («вещь», «предмет»)⁵⁸ употреблено преимущественно в абстрактном смысле: «все, относящееся к сфере, области интересов» общества, народа. Таким образом сформулированы понятия общественной собственности, общественного блага, общественных (и государственных) интересов. С другой стороны, все это абстрактное и общее принадлежит живому и конкретному *populus*, а именно, Римскому народу⁵⁹.

⁵⁵ Stark R. Ciceros Staatsdefinition 1954 // Klein R. (Hrsg.). Das Staatsdenken der Römer. Darmstadt, 1966. S. 332–347, hier S. 335.

⁵⁶ Исчерпывающий анализ употребления термина *res publica* здесь невозможен. В корпусе Цицерона он встречается от трех до четырех тысяч раз. Количество пассажей оценил Э. Кёстерман: Köstermann E. "Status" als politischer Terminus in der Antike // RM. Bd. 86. 1937. S. 225–240, hier S. 236.

⁵⁷ Выражение *res publica* для обозначения «общего дела», «общественного достояния» (нем.: *Gemeinwesen*, англ.: *commonwealth* как «всеобщее благо»), известно со времени Катона Старшего (Walde A.; Hofmann J. Lateinisches Etymologisches Wörterbuch³. Bd. II. Heidelberg, 1956. S. 430, s. "res"). Об изменении значения выражения *res publica* от Цицерона до поздней античности см.: Suerbaum W. Vom antiken zum frühmittelalterlichen Staatsbegriff. Münster, 1977³ и др. указанные далее работы.

⁵⁸ Наиболее полная подборка пассажей с *res publica* у Цицерона см.: Drexler H. Res publica // Maia N. S. Bd. 9. 1957. S. 247–281 (hier S. 249); Bd. 10. 1958. S. 2–37. Здесь цитируется по переработанному варианту работы: Drexler H. Politische Grundbegriffe der Römer. Darmstadt, 1988. S. 1–30, hier S. 3 ff. См. также: Stark R. Res publica. Göttingen, 1936/1937 (= Oppermann H. (Hg.). Römische Wertbegriffe. 1967. S. 42–110 (Nachträge, S. 99–110).

⁵⁹ Данный аспект исследован в фундаментальной монографии Эрнста Майера: Meyer E. Römischer Staat und Staatsgedanke. Zürich, 1964³ pass., bes. S. 250 ff. Важный обзор проблематики государственно-правовых понятий у ряда римских и раннесредневековых авторов содержится в работе Вернера Зуербаума: Suerbaum W. Vom antiken... В частности, понятие *res publica* у Цицерона на S. 1–37. Понятие *res publica* включало также конкретный, «вещественный» аспект достояния Римского народа, в том числе, землю, храмы, стены и другие постройки Города, «провинции римского народа». Это была общественная собственность. Очень хорошее и точное разъяснение понятия *res publica* можно найти у С. Л. Утченко, оттакававшегося от работ К. Бюхнера и Р. Штарка (Политические учения... С. 83–85). На наш взгляд, Утченко не всегда последовательно применял собственные дефиниции «республики».

Существенно, что не *res publica*, а *populus Romanus* служило определением Римского государства⁶⁰, дополняясь в официальных документах упоминанием сената: *senatus populusque Romanus* (SPQR)⁶¹. Это было юридическим обозначением римской *civitas* и предполагало наличие определенных органов (сенат, магистратуры, собрания), права и законов. Римский народ был носителем суверенитета и государственно-правовым субъектом (см. Cic. *rep.* I. 48), в отличие от «республики», которая была объектом, собственностью, сферой общих интересов коллектива римских граждан. Поэтому в цитируемой Варроном молитве цензоров встречается выражение *res publica populi Romani Quiritium* (Varro I. lat. VI. 86). Понятно, что в этом, фундаментальном значении, *res publica* не может переводиться как «государство». Государство, точнее, выполнявшие его функции институты, еще не отделенные от гражданской общины (*civitas*), составляли лишь часть «республики».

Как духовная реальность, производная от своего значения в системе представлений о мире, *res publica* могла восприниматься как субъект⁶². Именно так, как высшая ценность, святыня, она тоже упоминается римскими авторами, в том числе Цицероном: *res publica qua nihil sanctius est* (Cic. *Sest.* 147)⁶³. Ради «республики» граждане должны быть готовы пренебречь личной враждой, пожертвовать своей жизнью⁶⁴. Свое поведение в 54 г. до н.э. Цицерон обосновывает тем, что *res publica* является для него высшим смыслом жизни (Cic. *fam.* I.9). Иными словами, по Цицерону, *res publica* — центральная жизненная ценность Римского народа и каждого гражданина, то, что является душой и основой нормальной жизни общества⁶⁵.

⁶⁰ Здесь мы выносим за скобки вопрос о специфике этого государства, см. разделы II. 5 и X.1.

⁶¹ Сокращение SPQR употреблялось в надписях и на монетах, мы будем его иногда использовать в целях экономии места.

⁶² Сравн.: Stark R. *Res publica*. S. 33: *Res publica* "wurde niemals soweit als handelnde Person empfunden, daß sie etwa Trägerin staatsrechtlicher Funktion geworden wäre". Прочитав Штарка, Дрекслера добавляет, что исключение возможно лишь, поскольку *res publica* «стала некоей обязывающей идеей» (zu einer verpflichtenden Idee geworden ist). См.: Drexler H. *Politische Grundbegriffe...* S. 17.

⁶³ Cic. *Mur.* 86; *rep.* II. 27 (о вечности «республики» сравн.: Tac. *ann.* III. 6. 3 — *principes mortales, rem publicam aeternam esse*, — слова императора Тиберия). Множество других пассажей см.: Drexler H. *Politische Grundbegriffe...* S. 23 ff., 25 ff., сравн. S. VII, — общие замечания и выводы о «республике» как высшей ценности римлян.

⁶⁴ Cic. *prov.* 20; *Planc.* 90, cf. *Gell.* 3. 7. Cf. Drexler H. *Res publica*. 1958. S. 20.

⁶⁵ Это духовное, ценностное содержание «республики» можно сопоставить с греческим понятием *politeia*. А именно, «политейя» примерно таким же образом происходит от «полис», как «республика» от «популюс». Согласно Исократу, «политейя» соотносится с «полисом» как душа с человеком или разум с телом (Исократ VII. «Ареопагитик» 14, см. перевод К.М. Колобовой // ВДИ. 1966. № 2; то же в книге: Исаева В. И. *Античная Греция в зеркале риторики* М., 1994. С. 203–214, здесь с. 205). Проблематика изучения сущности «политейи»: Доватур А. И. Социальная и политическая терминология в «Афинской политике» Аристотеля // ВДИ. 1958, № 3; Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966. С. 90; Исаева В. И. Ук. соч. с. 84–99. Steinmetz P. *Politeia und res publica: Beiträge zum Verständnis von Politik, Recht und Staat in der Antike*. Wiesbaden, 1969 и др.

Таким образом, фундаментальная формула *res publica = res populi* объединяла (в возрастающей степени абстракции и сакральности): материальное имущество гражданской общины (начиная с *ager publicus*), завоеванные территории, храмы; государственные институты; несколько более абстрактную сферу государственных и политических интересов, включая решавшиеся на основе консенсуса или властных механизмов внутриобщинные проблемы; признанные всеми нормы, закрепленные в праве и обычаях; духовную общность, в центре которой была религия, освящавшая единство общины и ее устройство; наконец, подразумевавшийся за всем этим сакральный элемент, особую связь *civitas* с божествами, покровительствовавшими ей, определявшими процветание или упадок, а в конечном счёте — самое существование или гибель Рима⁶⁶.

Понятие *res publica* описывало принцип, цель существования общины и смысл жизни каждого римлянина. Важнейшей функцией коллектива граждан (*civitas*), представленного в этом смысле *senatus populusque Romanus*, было обеспечивать защиту общих интересов граждан («республику»), а также гарантировать их индивидуальные свободы и права. Гражданский коллектив в целом был носителем суверенитета, органы управления состояли из граждан, являлись частью коллектива и элементом «республики». Практически отсутствовал государственный аппарат, отделенный от общины.

Существенной особенностью Римского государства был его личностно-коллективный характер. Этому соответствовала специфика гражданства — оно могло даваться и сохраняться независимо от того, где жили его обладатели. Все *cives Romani* теоретически могли принимать участие в народных собраниях в Городе. Государство не выступало как некая отчужденная абстрактная власть, которой они обязаны подчиняться и служить, являясь частью их общего достояния — «республики». Это было не тер-

⁶⁶ Эти нюансы следует, по-видимому, иметь в виду, рассматривая известный ауреус 12 г. до н.э., на реверсе которого изображен Август, поднимающий «республику» с колен (Vermeule C. C. Un aureo augusteo del magistrato monetale Cossus Lentulus // Numismatica. N. s. Vol. 1. 1960. P. 5–11. Fig. 2; RIC I. 1984. 413). Представленное здесь понимание «республики» снимает проблему, возникавшую при трактовке этого чекана. Август поднимал с колен не Римскую республику (историографический и политологический конструкт нового времени!) и не Римский народ = Римское государство (*senatus populusque Romanus*). Тогда это могло бы рассматриваться как «оскорбление величия Римского народа». Октавиан-Август упорядочил, «поставил на ноги», а затем и вернул народу его достояние — *res publica = res populi*. В этом не было указания на господство по отношению к согражданам (*dominatio*). Подтверждением нашего толкования может служить приведенная Дж. Ричем и Дж. Вильямсом легенда аверса денария 16 г. до н. э. (RIC2. 358). Они предполагают, что там процитировано постановление сената об обетовании игр в честь благополучного возвращения Августа, поскольку *per eu(m) r(es) p(ublica) in amp(liore) atq(ue) tran(qui)lliore s(tatu) e(st)* (благодаря ему *res publica* находится в более процветающем и мирном состоянии). В последующем подобная тактичность в определении статуса императора постепенно утрачивалась. На монетах Траяна и Адриана император поднимает с колен персонификации Италии и провинций (Rich J. W.; Williams J. H. C. Leges et iura p. R. restituit. P. 209 with notes 118–120). Сравн. раздел IV.9 с примеч. 253 сл. об ауреусе, на котором изображен Октавиан, возвращающий *leges et iura* и см также. илл. IV.1 и IV.5.

риториальное государство, а община-государство (*civitas*)⁶⁷. И даже тогда, когда она начала разрушаться, некоторые свойства общины сохранялись. *Civitas Romana* не растворялась полностью в Империи еще долгое время после Августа⁶⁸.

Необходимо определить термин *civitas* в его отношении к *res publica*⁶⁹. В применении к римской античности *civitas* имеет три основных значения: организованное единство свободных граждан (гражданская община); статус гражданина (право гражданства); территория, где проживает большая часть граждан⁷⁰. Здесь важно первое, основное значение. Именно его имел в виду Цицерон, когда устами Сципиона Африканского вещал в знаменитом «Сне Сципиона»: «... ничто так не угодно высшему божеству, правящему всем миром, — во всяком случае, всем происходящим на земле — как собрания и объединения людей, связанные правом и называемые *civitas*...»⁷¹

Сами римляне крайне редко употребляли это слово для самоидентификации — *civitas Romana*, или *nostra* (напр., Pomp. dig. I. 2. 2. 1). В основном оно применялось для обозначения других общин (государств) — *civitas peregrina*, которые могли иметь по отношению к Риму различные статусы: *civitas stipendiaria* (платящая подать), *civitas foederata* (союзная) и *civitas libera* (свободная). Что Рим был *civitas*, то есть, общиной граждан и субъектом международного права, доказывать и даже объяснять не приходилось. Поэтому,

⁶⁷ Особенности организации «Римской республики» (общепринятое современное обозначение, не соответствующее синхронному пониманию) как государства рассматриваются в разделе III. 1. Как мы еще раз убедились, это была община-государство — *civitas Romana*, официально называвшаяся *senatus populusque Romanus*.

⁶⁸ Подчеркнем, речь здесь может идти только о рабочем определении одной из фундаментальных категорий античности. Это необходимо ввиду разнообразия имеющихся толкований. О специфике полиса-*civitas* как античной гражданской общины см.: Утченко С. Л. Политические учения... С. 18 сл., а также работы Е. М. Штаерман, Г. С. Кнабе, указанные в разделе III.1. Важные специальные исследования этой проблематики применительно к раннему и раннереспубликанскому Риму принадлежат И. Л. Маяк: Рим первых царей. С. 5–31, историографический обзор; ее же. Римляне ранней Республики. М., 1983, см. указатель на *civitas*. Как введение в тему полезна лекция: Дементьева В. В. Римская *civitas* республиканской эпохи // Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М., 2010. С. 130–175. Cf.: Kunkel W., Schermaier M. J. Römische Rechtsgeschichte. Köln, 2005¹⁴. S. 18 f.; Meyer E. Römischer Staat... S. 251; Suerbaum W. Vom antiken... S. 3 f. и работы в след. сносках. Об «империи Римского народа» и Империи см. далее, разделы X.5–7.

⁶⁹ См.: Kornemann E. Civitas // RE Suppl. Bd. I. 1903. Sp. 300–317; Lübtow U. Das römische Volk... S. 470, 635 ff., 641, 651, 663 f.; Lombardi G. Su alcuni concetti del diritto pubblico romano : civitas, populus, res publica, status rei publicae. Modena, 1941; Suerbaum W. Vom antiken... Bes. S. 66–70; Galsterer H. Civitas // NP. Bd. 2. 1997. Sp. 1224–1226.

⁷⁰ Эти значения вслед за Дж. Ломбарди выделяет В. Зуэрбаум, основываясь на определении Авла Геллия (Gell. XVIII.7.5). Первое из значений является основным (Isidor orig. XV. 2. 1). Cf.: Lombardi G. Su alcuni concetti...; Suerbaum W. Vom antiken... S. 66 f.

⁷¹ Cic. rep. VI. 13. Прекрасный литературный перевод В. О. Горенштейна: *quae civitates appellantur* — «называемые государствами» не передает важных полутонов, по которым только и можно различить понятия *civitas* — и *res publica*.

когда говорилось о *populus Romanus*, подразумевалось, что Римский народ — одна из *civitates* (свободная, суверенная и наделенная особой миссией)⁷².

Слово *civitas* означало не всякое государство (например, не эллинистическую или иную территориальную державу, вроде Парфянской), но организованную на основе взаимного согласия и законов гражданскую общину. На наш взгляд, понятие римская *civitas* в основном тождественно определению *populus Romanus*. Территория, властные органы и другие учреждения — лишь «приложения», собственность и атрибуты. Можно дискутировать о том, в самом ли деле, как считают некоторые исследователи, обязательным для *civitas* было обладание всеми тремя элементами государственной власти: магистратурами, советом старейшин и народными собраниями⁷³. Ясно лишь, что не во всех *civitates* (как и в греческих полисах) три элемента власти были «равномерно смешаны» (не случайно даже в теории это предполагалось только для «наилучшей» государственной формы, см. след. раздел). При установлении «царской» власти или «тирании» некоторые из них, по крайней мере фактически, не функционировали. Но нигде нельзя встретить указания на то, что такие государственные образования переставали рассматриваться как *civitates*.

Ведя войны с соседними или дальними общинами, заключая с ними договоры, римляне не особенно интересовались, насколько совершенно их внутреннее устройство. Решающим было наличие надежного и лояльного партнера. Поэтому поддерживалась местная знать и олигархия. Но и после оформления соглашения, когда община становилась зависимым *socius*, она продолжала оставаться отдельной *civitas*. А войдя позднее в состав римского государства, италийские города сохраняли органы местного самоуправления.

Хрестоматийной римской *civitas* считается община, объединенная в результате завершения борьбы плебеев с патрициями. С другой стороны,

⁷² Э. Корнеманн считал *civitas* синонимом *populus* (Kornemann E. Civitas... Sp. 300). У. фон Любтов соглашается с тезисом Р. фон Игеринга: «Римское государство — это Римский народ» ("Der römische Staat ist das römische Volk" См.: Jhering, Rudolf von. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. 3 Teilen (1907). Aalen, 1993⁴¹. I. S. 210; II.1. S. 236. Цит по: Lübtow U. von. das römische Volk. Frankfurt, 1955. S. 469). Следует также согласиться с Любтовым, который указал, что *populus* с его местонахождением в *urbs*, так же как *civitas*, выступает как субъект, в то время как *res publica* — как объект. Также справедливо, что *civitas*, как и «полис», нельзя передавать как «город-государство». «Полис и *civitas* означают независимую по отношению к другим гражданскую общину». Добавим: город, как и земля — собственность полиса, общины граждан, но не его составная часть. Любтов также подчеркнул наличие прямого, а не представительного способа осуществления гражданами своих политических прав (Lübtow U. Das römische Volk. Sein Staat und sein Recht. Frankfurt a. M., 1955. S. 470 f.).

⁷³ На этом настаивал Г. Ломбарди, который, в частности, отталкивался от описания Т. Ливием положения Капуи после ее наказания за помощь Ганнибалу: «... город был городом только по имени: не было в нем ни гражданства, ни сената, ни народного собрания, ни должностных лиц» (Liv. XXVI. 16. 9, пер. М. Е. Сергеев). См. Lombardi G. Su alcuni concetti... P. 195; Suerbaum W. Vom antiken... S. 68). Следует иметь в виду, что подавляющее число «союзных» общин обладало лишь ограниченным суверенитетом. Строго говоря, это были квазиполисы и *quasi civitates*.

важнейшими признаками *civitas*, в сущности, обладала уже община-государство патрициев в царский период. Здесь, как и при рассмотрении других аспектов, мешает терминологическая неясность. В литературе принято считать, что Рим стал полисом / *civitas* в результате слияния патрицианской и плебейской общин. Но по-видимому, как для самих римлян, так и для соседей, их патрицианская община со времен первых царей также была *civitas*, имея соответствовавшую внутреннюю организацию⁷⁴. Цицерон без оговорок говорит об основанной Ромулом общности как о «новой гражданской общине» (*nova civitas*)⁷⁵.

Не отрицая историчности и методологического значения особой формы общины-государства, образовавшейся в Риме в результате борьбы сословий, в дальнейшем изложении мы будем ориентироваться на более общее понимание *civitas* как общины полноправных граждан, однотипного с греческим полисом, независимо от конкретных исторических форм.

Римская *civitas* состояла из всех полноправных граждан, а потому и называлась *populus Romanus*. Внимание могло акцентироваться на различных сторонах этого исторического феномена — носителя суверенитета (*populus*) и субъекта международного права (*civitas*) под официальным названием SPQR. До второй половины I в. н.э. трудно найти в Риме понятие «государ-

⁷⁴ Достаточные основания для такого, расширенного понимания термина мы находим у И. Л. Маяк. Сама она не решилась выйти за рамки общепринятой в советской историографии трактовки *civitas* как результата «борьбы сословий». В монографии о царском периоде Маяк заключает: «Рим еще не был ни полисом, ни «монархией»» (Маяк И. Л. Рим первых царей. С. 259). С другой стороны, подзаголовок книги звучит как «Генезис римского полиса». В работе «Римляне ранней Республики» также утверждается, что только... «в рамках ранней Республики образовался римский полис, т.е. *civitas*» (с. 61). Тем не менее охарактеризованная исследовательницей община-государство царского периода вполне соответствует определению *civitas*. Так, говорится, что термин *cives* встречается уже в законах XII таблиц. «Значит, в середине V в. до н.э. римляне осознавали себя гражданами. Разумеется, они стали ими раньше. Вероятно, все свободное римское население было объединено этим термином благодаря реформе Сервия Туллия (VI в. до н.э.)» (С. 85). Автор не указывает, гражданами чего. Но в другом месте указывается, что гражданство подразумевает государственность (там же, с. 139). Трудно обозначить ее точнее, чем *civitas*. Если «с начала правления царей складывался *ager publicus*, а со времени Сервия — гражданский коллектив», то если даже «их развитие в правление Тарквиния Гордого было приостановлено» (с. 140), за предыдущие полтора столетия эти устои *civitas* имели возможность пустить достаточно глубокие корни. Что и проявилось во время переворота 510/509 гг.

⁷⁵ Cic. *de rep. II*. (7) 12; сравн. также I. 41 sq. (слово *civitas* относится к любой гражданской общине, в т.ч. управляемой царской властью). Цицерон использует *civitas* при характеристике Рима царского периода (II. 34, 46) или времени начала сословной борьбы (II. 57). Г. Ломбарди также указывает, что термин *civitas* в широком смысле слова применим к первому этапу царского периода (до Тарквиния Надменного). При том, что согласно его определению *civitas* должна обязательно обладать всеми тремя элементами власти, Ломбарди обосновывает свою точку зрения тем, что при *regnum* остальные два элемента не исчезают вовсе. Это происходило лишь в случае тирании, о чем говорит и Тит Ливий (Liv. I. 49. 3). В этом смысле переход к Республике был возвращением к первой фазе царского периода. Поэтому обе формы государства имели характер *civitas* (Lombardi G. *Su alcuni concetti...* P. 196 n. 2. Это мнение поддержал Suerbaum W. *Op. cit.* S. 68 f. m. *Anm.* 179.). Эти соображения нам близки, в отличие от совершенно неприемлемого мнения Ломбарди о том, что *civitas* является одним из вариантов *res publica*, или *status rei publicae* (Lombardi G. *Op. cit.* P. 209 ff.).

ство» как таковое⁷⁶. Вместо этого в разных контекстах те или иные аспекты римской государственности отражались посредством разных терминов. Иногда создается впечатление, что это чуть ли не синонимы, также *civitas* и *res publica*⁷⁷. Для адекватного понимания решающим является контекст. Следует также учитывать, что *res publica* не всегда использовалась в строгом значении слова. Тем не менее, слово прилагалось к государственным образованиям определенного типа (только к части тех, которые можно было отнести к *civitas*, о чем сказано в следующем разделе). Главное же заключается в том, что те учреждения, которые мы относим к государственным (сенат, магистратуры, народные собрания, культ) были для римлян лишь частью «республики» — достояния народа. Субъектом, сувереном, телом государства, что передавалось и его официальным названием, был Римский народ. *Res publica* в основном значении была его достоянием, принципом, атрибутом, — объектом.

Только сочетание различных характеристик в историческом контексте может адекватно определить сущность Римского государства на протяжении первых столетий его существования. *Populus Romanus* передавал и умножал свое материальное и духовное наследие (*res publica* = *res populi*) от поколения к поколению; *populus* же, состоявший из граждан (*cives*), связанных между собой религией, законами и взаимными обязательствами, образовывал *civitas*; эта гражданская община непрестанно меняла свою форму, но при этом постоянно так или иначе ориентировалась на принцип «общей пользы» (*res publica*); — и все это вместе, несмотря на пробежавшие столетия и перемалывавшие сотни тысяч людей постоянные войны, сохраняло в некоем гомеостазе свою римскую сущность, набирало силу и мощь, внушая страх, смешанный с ненавистью, восхищение с уважением — и называлось *senatus populusque Romanus*.

Римляне, жившие в период Республики и первые десятилетия Империи, вкладывали в понятие *res publica* смысл совершенно иной, чем республика — одна из современных государственных форм⁷⁸. Разъяснения Цицерона

⁷⁶ У. фон Любтов, указывая на отсутствие у римлян понятия для обозначения «государства» вообще, справедливо замечает, что дело «не в недостатке развитого абстрактного мышления, но в установке: политическая жизнь была основана на взаимодействии всех граждан». В этом он близок к Р. Гайнце (см выше). В отличие от этого, отсутствием способности к абстракции объясняет смешение римлянами понятий *civitas* и *res publica* Ломбарди (Lombardi G. Op. cit. P. 209, cf.: Suerbaum W. Op. cit. S. 67).

⁷⁷ В этом отношении особенно интересны главы I. (26) 41–42 и (32) 48–49 «De re publica» Цицерона, где он чередует в основном два термина: *civitas* и *res publica*. На первый взгляд может показаться, что это делается из чисто стилистических соображений. Но при внимательном чтении оказывается, что *civitas* используется преимущественно, когда речь идет об общине, коллективе граждан, то есть, субъекте. *Res publica* используется преимущественно там, где говорится об объекте, достоянии общины (что в переводах часто передается словом «государство», которое на самом деле было одним из элементов этого объекта — «общего достояния»).

⁷⁸ «Республиканизм» является одной из актуальных тем современной политической философии. Краткий обзор проблематики, включая соотношение с римским понятием *res publica* см.: Naakonssen K.

позволяют нам увидеть идею *res publica* в её самом общем и экзистенциальном для римлян значении. На этом уровне абстракции «республика» оказывается принципом организации общества, заключавшемся в том, что приоритет имеют не личные интересы, а потребности всего коллектива граждан, обеспечиваемые правом порядком. Только отталкиваясь от этого понимания, лежавшего в основе мировоззрения римлян, можно объяснить все другие нюансы идеологических и политических перипетий переходного времени. Именно такой смысл вкладывал в понятие «республика» Цицерон, когда говорил об «утрате республики» (*res publica amissa*) в период политических неурядиц и господства клевел. Суть дела очень хорошо понимал Августин, которому, несомненно, был доступен весь трактат “*De re publica*”, благодаря чему восстанавливается цитировавшийся ранее фрагмент⁷⁹. Глубинное содержание термина «республика» подразумевалось и тогда, когда во времена Цицерона и Августа говорилось о *res publica restituta*.

IV.5. Формы «республики»

Политик Цицерон не мог себе представить Римское государство иначе, чем направляемое сенатом⁸⁰. Поэтому в практической политике он был обречен на поражение. Но Цицерон был не первым и не последним в истории, кому не удалось в полной мере применить свои теоретические знания и ясный ум на практике. Это не снижает значения его диалогов как исторических источников — уже потому, что в них запечатлился мир политических идей переходного периода. Писатель Цицерон находился на высоте научных знаний своего времени. Его заслуга заключалась не только в передаче своим соплеменникам достижений греческой науки. Находясь в гуще событий, он сумел перевести в ясные слова политической философии «республиканский» менталитет своих сограждан. Как римский мыслитель, Цицерон, даже вопреки своим политическим симпатиям и антипатиям, показал, что «республика» может существовать не только при аристократии, но также при единоличной власти и даже (хоть это едва реализуемо) в условиях «демократии».

Вернёмся к трактату “*De re publica*”. После известного определения «республики» как дела народа (Cic. rep. I. 39) Цицерон обратился к рассмотрению конкретных форм государственной организации «республики». Важ-

Republicanism // A companion to contemporary political philosophy. 2 vols. Eds. R. E. Goodin and Ph. Pettit. Cambr., 2007². Vol. II. Ch. 43. P. 729–735, с литературой.

⁷⁹ Cic. rep. V. 1, cf. Aug. civ. II. 21. См. раздел III. 2 с примеч. 72.

⁸⁰ См.: Suerbaum W. Vom antiken... S. 41 ff.; Meier Chr. Res publica amissa... S. 1 ff.; Kienast D. Augustus. S. 17. mit Anm. 68.

но помнить, что для Цицерона и его современников *res publica* — прежде всего — принцип формирования общества (и общество, на этом принципе основанное), а Римское государство (SPQR) — конкретная форма, которая должна была обеспечивать осуществление этого принципа применительно к римской *civitas*.

Следуя за общепринятой греческой классификацией, Цицерон называет и характеризует три главные правильные формы государства: царская власть, господство оптиматов и народоправство (I. 42–46 etc.). Тот факт, что Цицерон под *res publica* не имел в виду конкретную форму государства, еще более очевиден из того, что для обозначения понятия форм государства Цицерон использует словосочетания: *status rei publicae* (I. 42, 68; II. 57, 60, 62 etc.), *genus (genera) rei publicae* (I. 44, 45, 64, 65 etc.), *modus rerum publicarum* (I. 46, 69), *forma rei publicae* (I.53 etc.), *constitutio rei publicae* (I.69)⁸¹. Наряду с этим встречаются словосочетания с *civitas*: *status civitatis*, *genus civitatis*, *forma civitatis*⁸². Далее будет показано, что определение «республика» действительно использовалось Цицероном применительно к обществам с различными (но не любыми) формами государственного устройства.

Важно не упустить уже установленное нами в предыдущем разделе соотношение понятий «республика» и «государство». Упомянувшиеся в сочетании с *res publica* слова: *status*, *genus*, *modus*, *forma*, *constitutio* — иногда сокращенно для удобства передаются как «форма республики». Но при этом следует иметь в виду полный и буквальный перевод: «форма политической (государственной) организации «республики»»⁸³. В латинском языке времени Цицерона не было термина, обозначающего «государство» как таковое. Связано это было уже с тем, что у римлян, как отмечалось, не было государства, подобного современным — в большей или меньшей мере отчужденного от общества. Из-за этих различий в критических пунктах следует вновь и вновь возвращаться к оригинальным исходным терминам⁸⁴.

В диалоге “De re publica” характеризуются различные государственные формы, также власть ранних римских царей. Обращает внимание, что ав-

⁸¹ Эти выражения, разумеется, встречаются и в других сочинениях: *forma rei publicae* — Cic. Phil. V. 25; Liv. III. 15. 3; *status rei publicae* — Cic. Verr. II. 1. 18; har. 60; Pis. 4; cf.: Liv. XXI. 62. 10 etc. См.: Drexler H. Politische Grundbegriffe... S. 12.

⁸² Подробнее см.: Drexler H. ibid. S. 1–30; Suerbaum W. Vom antiken... S. 17 f. mit Anm. 50.

⁸³ Или: «форма государства, обеспечивающего «республику»», даже так: «форма государства, обеспечивающего именно *res publica*, а не любое (в новом понимании) государство».

⁸⁴ Из сказанного ясно, что словосочетание *status civitatis* (и тем более — *res publica*) у Цицерона не могло значить «государство», как это предполагает В. В. Дементьева. В Риме в рассматриваемое время в применении к общинам-государствам применялось слово *civitas*. Сравн.: Дементьева В. В. Римская *civitas*... (2010). С. 152 слл. Несомненно, слово *status* послужило исходной формой для формирования понятия «государство» в некоторых европейских языках (скорее всего, начиная с итал. stato).

тор не пытается избежать термина *res publica* там, где речь однозначно идет о царской власти (*regnum*)⁸⁵. С. Л. Утченко отметил лишь один положительный отзыв о ней Цицерона в трактате “*De re publica*”⁸⁶. Но сочинение изобилует благоприятными оценками данной формы правления. Царская власть — лучшая из «простых» (*de rep.* II. 43; III. 46–47; V. 3), она необходима и благодетельна для подданных (I. 62–64). Царь (*rex*) уподобляется Юпитеру (I. 50, 56)⁸⁷. Большое место в трактате отведено апологетическим описаниям первых римских царей, особенно Ромула (II. 4–23) и Нумы (*ibid.* 24–27), но также Тулла Гостилия (31–2), Анка Марция (33), Луция Тарквиния (35), Сервия Туллия (37 sq.)⁸⁸. С осуждением говорится лишь о Тарквинии Надменном (*Superbus*) (II. 44–47), который представляет собой один из примеров вырождения царской власти⁸⁹. Собственно из-за него только, считает Цицерон, народу стало ненавистно само имя «царь»⁹⁰. При этом непосредственные результаты изгнания Тарквиния оцениваются крайне отрицательно (I. 62 sq.) Особо подчеркивается важность и необходимость сохранения хотя бы элементов царской власти при «республиканском» правлении, что особенно важно в моменты внешней опасности, а также в связи со склонностью народа к своеволию (I. 62 sq.; II. 52 sq.).

Отрицательные суждения Цицерона в трактате “*De re publica*” связаны не с царской властью как таковой, а с ее вырождением и превращением

⁸⁵ Напр., *rep.* I. 42: *regnum eius rei publicae statum*.

⁸⁶ *De rep.* I. 54, где Сципион прямо говорит о том, что из «простых» форм ставит на первое место царскую власть (Сравн.: Утченко С. Л. Политические учения... С. 211, примеч. 31; Камалутдинов К. Я. Цицерон о роли и месте *princeps* в политической системе римского общества // АМА. Вып. 6. 1986. С. 28 сл.). На этот пассаж (не говоря уже о других) не обратил внимания Н. А. Машкин. Имея в виду *Cic. rep.* I. 52, он утверждал, что Цицерон «...несомненно, соглашается с тем из своих героев, который говорит о предпочтительности того государственного строя, когда во главе управления стоят оптиматы» (Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 47). Но содержание этой и следующей глав не столь однозначно, тем более, что действующим лицом в них является не Сципион, устами которого предпочитает говорить автор. Важную перспективу темы единоличного правителя раскрывает работа: Шалимов О. А. Образ идеального правителя... Сравн.: Межеричкий Я. Ю. Принципат Юлиев-Клавдиев в произведениях Сенеки; его же. Модели единоличного правления в идеологии раннего принципата // Античная гражданская община. М., 1984. С. 104–115. См. также раздел IX.7 примеч. 242.

⁸⁷ Сравн.: *Verg. Aen.* IX. 105; X. 2, 115; *Cic. nat.* II. 4; *Lact. epit.* IV. 1–3.

⁸⁸ Сравн.: Коптев А. В. Царь Сервий Туллий в роли создателя Римской республики // *Studia historica.* М., 2011. Вып. 10. С. 52–88.

⁸⁹ В правлении последнего римского царя проявились потенциальные пороки носителей любой бесконтрольной власти: злоупотребление своим исключительным положением в личных целях, пренебрежение интересами сограждан. Выражаясь языком «моральной оппозиции» времени Юлиев-Клавдиев, это было стремление «тирана» превратить сограждан в «рабов» (*Sen. benef.* II. 12. 1–2 etc.). Еще через полвека Траян предписал своему префекту претория в подобном случае обратить оружие против него самого (*Aur. Vict. de Caes.* XIII. 9). Выражаясь языком политической философии нового времени, тирания была таким нарушением «общественного договора», которое делегитимизировало монарха.

⁹⁰ Мысль о том, что дело не в недостатках царской власти как таковой, а в пороках конкретного царя, встречается у Цицерона и в других сочинениях, напр.: *Cic. leg.* III. 15. На самом деле, как показывает традиция, слово *rex* было ненавистно не народу, а политическому классу.

в «тиранию». Различию и противопоставлению царя и тирана посвящены пассажи I. 50, 65; II. 47–49; III. 47. При тиране «республика» отсутствует: *ergo ubi tyrannus est, ... nullam esse rem publicam* (III. 43). «Тирания» характеризуется Цицероном крайне негативно и в других сочинениях⁹¹. Теория «порчи» царской власти глубоко раскрывается в *de rep.* I. 52; II. 43, 47, 50. Помимо ее ненадежности и неустойчивости, коренящейся в ее сути и в природе человека, фундаментальным изъяном, при неограниченности полномочий монарха, является отсутствие свободы. Ведь жизнь даже при справедливейшем и мудрейшем из царей, вроде Кира (по Ксенофону), подобна рабству; за самым лучшим из царей скрывается жесточайший Фаларид (*ibid.* I. 43, 44; II. 43).

Цицерон видит непривлекательные черты, как и потенциал опасных тенденций, также у других «простых» форм государства. По его мнению, народо-властие в этом смысле гораздо опаснее единоличного правления. Цицерон не склонен разделять со своевольным народом оценку любой единоличной власти как тирании (I. 66–67). Напротив, «величайшая свобода порождает тиранию и несправедливейшее и тяжелейшее рабство» (I. 68). Два минуса царской власти: опасность вырождения в тиранию и недостаток свободы — побуждают Цицерона предпочесть ей смешанный государственный строй (II. 41, 65). Но и в рамках смешанной конституции, которую он считал наилучшим состоянием государства, явно указывается на необходимость незаурядной, выдающейся личности, вроде Сципиона, главного действующего лица диалога⁹².

Цицерон не помышляет об исключении царской власти из общего понятия «республика», более того — он утверждает, что из простых форм «республики» царская власть (*regnum*) — наилучшая (I. 54; II. 43)⁹³. Что эта оценка не случайна, свидетельствуют и другие пассажи. Царское правление напоминает отеческое, принятое в семье (I. 54). Оно проявляется и на Олимпе, где руководит Зевс и надо всем правящий дух (I. 56). В третьей книге говорится о «монархической / царской республике» (*regalis res publica* —

⁹¹ Cic. off. III. 19, 32, 82, Att. XIV. 4 (720); fam. XII. I. 2 (720), cf.: Verg. Aen. 320.

⁹² См.: *de rep.* II. 67–9; VI. 12. В целом «Сон Сципиона»: VI. 10–29. Об образе гуманного государственно-го деятеля у Цицерона см.: Звиревич В. Г. Цицерон: философ и историк философии. Свердловск, 1988. С. 75–79. Сравн. мысль М. Л. Гаспарова о том, что в цитируемом трактате Цицерон «бессознательно сам обнаруживал монархические тенденции» (Гаспаров М. Л. Греческая и римская литература I в. до н.э. С. 443). Более того, представляется, дело заключается в том, что в античной политической мысли монархическое правление рассматривалось как самое естественное. Это неудивительно: оно было в древности самым распространенным.

⁹³ В. Кольбе (в полемике с Р. Гайнце присоединяясь к Р. Райтценштайну и Эд. Майеру) показал, что Цицерон, вслед за Платоном, очень позитивно оценивал монархию, если она удовлетворяла ряду условий. Основные из них: мудрость правителя, легитимность, служение всему обществу. Кольбе далее доказывал, что Август следовал этому идеалу (Kolbe W. Von der Republik zur Monarchie // Schmitthenner W. (Hrsg.). Augustus. 1985 (1931). S. 72–99, hier. S. 95 ff.).

III. 47), как и о «народной, или демократической республике» (*popularis res publica*, соотв. греч. *demokratie* — III. 48)⁹⁴. Эта совершенная естественность понятия «монархическая республика» лишний раз свидетельствует о неправомерности толкования *res publica* как формы государства. Совершенно ясно, что *res publica* — это совсем не та конкретная форма государства, которая в современном политическом словаре называется республикой⁹⁵. Как практический политик Цицерон был сторонником сенатской республики. Но в трактате “*De re publica*” он поднялся над своими партийными интересами, руководствуясь не только теорией и логикой. Он прекрасно знал менталитет римского гражданства. Автор не случайно привлек к обсуждению проблемы не учителей философии, но людей, имевших за плечами богатый римский (!) политический опыт. Цицерон знал, что для подавляющего большинства граждан *res publica* — нечто иное, чем власть нобилитета, и при этом, как и для него самого, — более важное⁹⁶.

Понятие *res publica* могло относиться к различным государственным формам. Но это совсем не значит, что оно приложимо к любому государству⁹⁷. В конце третьей книги ясно говорится о том, что при трех «испорченных» формах государства «республики» не существует (III. 43–45). Здесь заложена фундаментальная для римского понимания этого термина мысль. Её игнорирование неизбежно ведёт к серьёзным ошибкам, также в трактов-

⁹⁴ Дрекслер считает такие словосочетания «в принципе невозможными», поскольку исходит из распространённого понимания *res publica* как обозначения формы государства. (Drexler H. *Res publica*. S. 265 f. См. полемику с ним В. Зуэрбаума, с которым мы в данном случае полностью согласны (Suerbaum W. *Vom antiken....* S. 11 f. mit Anm. 35, S. 22). Конечно, выражение *regalis res publica* правильнее переводить как «царская республика» или, еще точнее: «устроенная на принципах *res publica* гражданская община во главе с царем». О монархии, царской власти и монархии см. также раздел I. 2.

⁹⁵ Представляется, в этом пункте заблуждается А. Демант. Он согласился с В. Зуэрбаумом, обратившим внимание на «формы республики». Тем не менее, рассматривая словоупотребление у Цицерона, Демант утверждает: «*Res publica* в узком смысле слова означает немонархическое свободное государство в отличие от *regnum*, то есть монархии». Исходя из этого, автор объясняет использование *res publica* позднейшими императорами — так они указывали на происхождение своей власти от соединения республиканских полномочий (Demandt A. *Antike Staatsformen*. 1995. Abschnitt I. 4a. S. 23 f.). На наш взгляд, предположение весьма сомнительное.

⁹⁶ Веллей Патеркул рассказывает о том, что Кв. Лутаций Катул (консул 76 г. до н.э.) выступил на сходке против закона А. Габиния о предоставлении особой проконсульской власти Помпею для борьбы с пиратами (67 г.). Катул мотивировал свое возражение в том числе вопросом, кого можно будет поставить на место Помпея, если с ним что-то случится. На что все в один голос воскликнули: «Тебя, Квинт Катул!» (Vell. II. 31 sq.). Этот эпизод показывает, что по крайней мере римский плебс ничего не имел против наделения достойного человека чрезвычайными полномочиями, если речь шла о необходимости защиты жизненных интересов *civitas*. О законе Габиния см. также: Plut. Pomp. 25; Dio XXXVI. 30. О позиции Веллея см. далее, раздел IX. 8.

⁹⁷ Даже некоторые из исследователей, которые проводят границу между римским и современным понятием «республика», удовлетворяются тем, что переводят *res publica* как «государство» вообще. Это упрощение может вводить в заблуждение. Сравн.: Suerbaum W. *Vom antiken...* S. 16 ff.; Meier C. *Res publica amissa*. S. 1 Anm. 3.

ке «восстановленной республики». По словам Сципиона, если правит тиран⁹⁸, речь должна идти не просто о плохой «республике» — в этом случае ее нет (*nullam esse rem publicam*). Народу в этом случае не принадлежало ничего. Напротив, сам народ принадлежал одному [человеку] (III. 43). То же относится и к правлению «клики» (*factionis potestas*). В качестве примеров приводятся правление «тридцати тиранов» в Афинах (404 г. до н.э.), третий год правления децемвиров в Риме (III. 44), то есть, события 449 г. до н.э. Цицерон устами Сципиона подробно комментирует тему тирании в книге II. 62. А в дополнение, устами мудрого Лелия Цицерон еще дважды подчеркивает, что отказ называть такое государство «республикой» объясняется отсутствием «республики» — общего дела, достояния (*populi nulla res erat*).

Далее Сципион еще раз ставит точки над *i*. Ни прекрасный город Сиракузы, — утверждает он, — ни даже Афины древняя слава и великолепные постройки не делали «республикой»: «В самом деле, где же было “достояние” афинян тогда, когда после великой пелопоннесской войны этим городом совершенно незаконно правили тридцать мужей? Разве древняя слава городской общины, или прекрасный внешний вид города, или театр, гимнасии, портики, или прославленные Пропилеи, или крепость, или изумительные творения Фидия, или величественный Пирей делали Афины “республикой”?»⁹⁹. Это исторические примеры аналогичны тем, которые применительно к Риму определялись Цицероном как “*res publica amissa*” (Cic. Att. I. 18. 6 etc., сравн. раздел II.2).

Наибольшие теоретические затруднения могла вызывать оценка третьего варианта «испорченного» государства. Кажется, что всем распоряжается народ. В самом деле, разъясняет автор, неистовствует толпа. Она одних обрекает на казнь, других подвергает гонениям. Произвольно грабят, захватывают, расточают все, что заблагорассудится. Описывая подобную ситуацию, Сципион как будто провоцирует своих собеседников. Ведь согласно основному определению, *res publica* — это и есть *res populi*. В отличие от двух предшествовавших испорченных форм, такое государство, казалось бы, отвечает определению «республики», поскольку управляется большинством. Но Цицерон устами Лелия отрицает за этой формой правления право называться «республикой» еще более решительно, чем в случае с тиранией и оли-

⁹⁸ Речь идет о Дионисии Сиракузском. Это имя носили отец и сын, которые правили, в том числе Дионисий II, с перерывами, с 405 по 344 гг. до н.э.

⁹⁹ Cic. rep. III. 44, сравн. III. 43 о Сиракузах. Цитируемый пассаж свидетельствует о том, что определение *res publica* было приложимо также к «заморским» полисам / *civitates* при «нормальном» правлении (более раннее свидетельство также в отношении Афин: C. Gracchus fr. 22 // Malcovati ORF). Полис и «республика» для Цицерона, прежде всего, — определенным образом структурированная община граждан, а не город. Афины являются для Цицерона, как и для Платона, примером катастрофических последствий безответственной демократии (Cic. Flac. 16. Cf.: Demandt A. Der Idealstaat: die politischen Theorien der Antike. Köln etc., 2000³. S. 231 mit Anm. 44).

гархией, поскольку подобное собрание людей — это и есть самый свирепый тиран. Ссылаясь на данное в начале беседы Сципионом определение, Лелий поясняет, что в таком государстве всем распоряжается масса (*multitudo*). Оно совершенно не соответствует такому важнейшему признаку «республики», как правопорядок (Cic. *rep.* III. 45, cf.: I. 39). Цицерон подчеркивает, что народом может считаться только такое сообщество людей, в котором действует согласие относительно закона (*consensus iuris*). В противном случае ни о какой «республике» говорить не приходится.

Анализ трактата показывает, что *res publica* не означала у Цицерона конкретную форму государства, вроде современной республики или греческой «демократии»¹⁰⁰. Это и не «государство» вообще. *Res publica* прежде всего — принцип формирования любого «истинного», то есть здорового, сообщества людей, независимо от того, управляется оно демократическими, аристократическими или монархическими учреждениями (притом, что эти формы не встречаются в чистом виде). Принципом «республики» является приоритет общих интересов (*utilitas communis*) народа (*populus*). «Республикой» было также общество, в котором осуществлялся этот принцип (представляется, это могло быть всем понятное сокращение). При этом народ — это не любое собрание людей, масса (*multitudo*), то, что греки понимали под толпой («охлос»), а люди, объединенные общими интересами (*res publica*) на основе признания общих законов. Поэтому непременным свойством «республики» является справедливость (*iustitia*), которая обеспечивалась соблюдением законов¹⁰¹. Это позволяет некоторым исследователям говорить о правовом государстве в применении к античности¹⁰².

Если не забывать, что законы, писанные и неписанные, составляли у римлян неделимое единство с традициями и установлениями, начиная с религи-

¹⁰⁰ Римская республика времени расцвета (III — сер. II вв. до н.э.) имела мало общего с демократией. Это представление об олигархическом устройстве было общепринятым, см., напр.: История Древнего Рима. Под ред. В. И. Кузищина. М., 2004. С. 62: «Магистраты и сенат пользовались фактически всей полнотой государственной власти в Римской республике, которая получила ярко выраженный аристократический характер» (характеристика относится к V–III вв.); Heuss A. *Römische Geschichte*. Braunschweig, 1960. S. 37–39; id. *Der Caesarismus und sein antikes Urbild* // Boockmann H. (Hg.). *Geschichte und Gegenwart...* Neumünster, 1980. S. 13–40, hier S. 21–23. О римской республике см. также раздел III.1.

¹⁰¹ Настоящий панегирик законам, которые являются оплотом «республики», произнес Цицерон в 66 г. до н.э. в речи за Авла Клуенция Габита (Cic. *Cluent.* LIII. 146 sq.).

¹⁰² А. Джованнини считает возможным без ограничений рассматривать Римское государство как правовое в современном смысле этого слова (Giovannini A. *Die Rechtsschprechung im alten Rom: Rechtsstaat oder magistratische Willkür* // Girardet K. M. (Hrsg.). *Menschenrechte und europäische Identität — die antiken Grundlagen*. Stuttgart, 2005. S. 49–61, hier S. 61). Как правовое с сер. V в. до н.э. характеризует его В. В. Деметьева («Современная античность и античная современность // ВДИ. 2008. № 3. С. 212–223, с. 220). На наш взгляд, во избежание путаницы следует осторожно пользоваться категорией, имеющей определенное устоявшееся содержание. Римской гражданской общине по определению был чужд целый ряд признаков, без которых современное правовое государство немислимо: разделение властей, защита прав человека от государственного насилия, наличие исполнительных органов и адвокатуры и др.

озных, то Цицероном для «республики» была поставлена довольно высокая планка. «Республику» и «не республику» (извращенная форма государства = отсутствие «республики») разделяла не формальная, а содержательная, включая этические и правовые критерии, граница. Для истинного государства приоритетными являются общественные интересы (*res publica*) = интересы народа (*res populi*). Решающей предпосылкой были «древний уклад и мужи» (приверженные общественному благу и законам) как опора «республики»¹⁰³. Важно, чтобы у руля были «лучшие», мудрейшие, а не их количество (Cic. rep. III. 35). Эти представления лежали в основе рассуждений Цицерона тогда, когда он скорбел об «утрате республики» (*res publica amissa*) во время гражданских неурядиц.

Наличие *res publica* как общего достояния было характерно для государства, в котором не подверглась извращению одна из трех здоровых форм. В сущности, это отвечает «правильным» формам государства у Аристотеля. Его извращенным формам соответствует Цицеронова *res publica amissa*. Для испорченного полиса-*civitas* характерно отсутствие «республики» как объединяющего центра, основы системы ценностей и морали¹⁰⁴. Причина порчи — в самой человеческой природе. При царской власти бесконтрольная власть одного грозит насилием над гражданами, при аристократии растёт власть денег, так что она вырождается в олигархию. Демократия чревата произволом толпы (Cic. rep. I. 43 sq.). Любой из этих вариантов ведет к разрушению (утрате) «республики». Для Цицерона подобная судьба Рима была просто немыслима. Но как предотвратить вырождение, сделать *civitas* вечной (ibid. III. 34)?

Оставаясь в рамках обсуждения государственных форм, Цицерон следует Полибию, который охарактеризовал Римскую республику как «смешанную конституцию» (Polyb. VI. 11. 11–13). В таком государстве элементы всех трех простых форм взаимодействуют таким образом, что проявляются преимущества каждой из них и в то же время взаимно сдерживаются негативные тенденции¹⁰⁵. Так, сильная исполнительная власть в лице высших магистратов (монархический элемент) удерживается от злоупотреблений

¹⁰³ Цитата из «Анналов» Квинта Энния: Cic. rep. V. 1 (= Warmington E. H. (ed.). *Remains of old Latin: Livius Andronicus, Naevius, Pacuvius and Accius*. L. etc., 1961. Fr. 467 = Aug. de civ. dei II. 21).

¹⁰⁴ Здесь подход Цицерона соответствует таковому у Аристотеля (Aristot. pol. II. 1269a–1271b), а также у Полибия. См. раздел III. 1.

¹⁰⁵ Cic. rep. I. 45, 69. Цицерон в своей характеристике смешанной конституции следует Полибию, Платону (Plat. leg. 712; Менекх. 238 CD), и конечно, Аристотелю. Эти авторы были в Риме хорошо известны. Некоторые исследователи, в их числе К. Фриц, пытаются отрицать знакомство Полибия с Платоном и Аристотелем: Фриц К. Теория смешанной конституции. С. 43, 53 сл., 81 сл. См. Егоров А. Б. Античная демократия и римская политическая система. С. 38. Cf. Aalders G. J. D. *Die Theorie der gemischten Verfassung im Altertum*, 1968; Demand A. *Der Idealstaat*. Kap. VIII, esp. P. 209–214, bibl. P. 428. О Римской республике см. также раздел III. 1.

народными трибунами — представителями народа (Cic. fin. III. 16 sq.). Необходим и аристократический компонент — различие в достоинстве (*gradus dignitatis*), когда лучшие граждане пользуются большим почетом и влиянием (в современной политологии — «меритократия»)¹⁰⁶. Поэтому оплотом Римской *civitas* был для Цицерона сенат. К демократии, представленной народными собраниями, он относился более чем сдержанно. Нельзя доверять большинству, особенно в кризисных ситуациях. Голоса следует не считать, а взвешивать, учитывая прежде всего мнения добропорядочных, — настаивал Цицерон, придерживаясь правила «геометрического равенства»¹⁰⁷.

Следует подчеркнуть, что Цицерону мы обязаны ясным и достоверным толкованием важнейшего понятия в политическом словаре римлян — *res publica*. В самом общем и фундаментальном смысле слова оно означало *res populi*. В нём отразился тип организации общества, характерный для римской гражданской общины — *civitas*. Это была глубоко укоренённая в общественном сознании парадигма, в течение веков обросшая обычаями и практическими установлениями, законами и мифами¹⁰⁸. Римская политическая мысль уже впитала многие достижения греческой философии, и в трактатах Цицерона видны результаты этого культурного синтеза. В частности, Цицерон применил греческое учение о государственных формах к римским представлениям о «республике». Он показал, что наилучшие возможности сохранить «общественное достояние» предоставляет «смешанная форма». Для её учреждения, организации необходима незаурядная личность — *rector* (*moderator, curator*) *rei publicae*.

IV.6. Поиски главного архитектора

Разрушение старого, выбор обществом новых путей во многом происходят стихийно, методом проб и ошибок, ценой страданий и, как правило, невинных жертв. В противоположность этому в созидании большую роль играет

¹⁰⁶ *Gradus dignitatis* — ранг, достоинство, определяемые личными качествами (*virtus*), заслугами, должностью, авторитетом, происхождением (сравн.: *gradus honorum*). Этот принцип был противоположен совершенно неприемлемой для Цицерона «уравниловке» — *aequatio honorum*, как и власти денег (Cic. ger. I. 51). В то же время защита собственности рассматривается как одна из важнейших функций государства (id. off. II. 73).

¹⁰⁷ См.: Cic. rep. VI. 1. cf.: Plat. leg. 757 B, Gorg. 508 AB; Cf.: Demandt A. Der Idealstaat. S. 231, cf. 105.

¹⁰⁸ Основного значения римского понятия *res publica* «не замечают» те исследователи, которые отрицают существенную роль «республиканского» элемента в Августовой политике реставрации. Даже если они, как Джадж, признают, что Август действительно «восстановил республику», то лишь в смысле «государство вообще», что игнорирует специфику режима. В сущности, все четыре с таким тщанием показанные им значения латинского термина оказываются неточными, поскольку игнорируют ключевое, ясно сформулированное Цицероном (Judge E. A. "Res publica restituta": a modern illusion? // J. A. S. Evans (ed.). Polis and Imperium... Toronto, 1974. P. 280–285).

рациональный момент, оно невозможно без определенного замысла. Требуются люди мыслящие и способные претворить свои идеи в жизнь. Применительно к рассматриваемой ситуации в памяти всплывают прежде всего два имени — Цицерон и Октавиан-Август. Первый боролся за спасение «республики», вскрывая природу ее болезни и настойчиво предлагая свои рецепты спасения. Второй сумел овладеть реальной властью и получил шанс заново устроить Римское государство. Соедини история эти возможности в одном лице — и вопроса об архитекторе Римской империи не существовало бы. Но исходя из реальности, придется внимательнее присмотреться к обоим названным персонам.

Цицерон пришел к выводу, что спасителем «республики» может стать выдающийся гражданин. Получив чрезвычайную власть, он должен прекратить распри, восстановить и устроить «республику», провести необходимые реформы. Одним из наиболее употребительных обозначений такого героя, наследника выдающихся мужей древности был *rector* (руководитель) *rei publicae*. Это дало некоторым исследователям основание видеть в Цицероне идейного предтечу принципата и монархии. По мнению Р. Ю. Виппера, *rector rei publicae* Цицерона, в сущности, — некий «монархический президент»¹⁰⁹; Г. Ферреро характеризовал Цицерона как апологета принципата¹¹⁰, а Ф. Тегер и Р. Райтценштайн писали о его монархических симпатиях¹¹¹ и монархическом идеале¹¹². Исследователи указывали на совпадение терминологии, которой пользовались, с одной стороны, Цицерон, а с другой, Август в «Деяниях» (в частности, *auctoritas* и *princeps*)¹¹³. Замечено, что качества, которые Цицерон приписывал первым римским царям: *virtus*, *clementia*, *pietas*, — входили также в число «добродетелей» Августова щита¹¹⁴.

Иначе подошел к проблеме В. Шур, который обратил внимание на эволюцию Цицерона: первоначально твердо стоявший на республиканских позициях, он вынужден был пойти на уступки «монархической действительности», и со временем слово *princeps* стало наполняться монархическим содержанием. Шур сделал вывод, что Цицерон подготовил почву для монархической трактовки принципата. Историк даже назвал Августа «непосред-

¹⁰⁹ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 271.

¹¹⁰ Ферреро Г. Величие и падение Рима. М., 1916. Т. II. С. 75–76, 104, 156.

¹¹¹ Taeger F. Die Archäologie des Polybios. 1924. S. 34.

¹¹² В частности, Р. Райтценштайн писал, что трактат «О государстве» был «учебником для полного надежд принца» (Reitzenstein R. Die Idee des Principats bei Cicero und August // Nachrichten der göttinger Wissenschaften. Bd. 3. 1917. S. 399–436, 481–488. 1917. S. 399, 436 ff.).

¹¹³ Об употреблении термина *auctoritas* у Цицерона и Августа см.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 385–391.

¹¹⁴ RG 34; cf. Cic. rep. II. 17; 27; VI. 6. См. раздел VII.3 сл.

ственным учеником Цицерона»¹¹⁵. Л. Викерт более осторожно указывал на определенную связь принципата Августа с идеями Цицерона. По мнению Х. Виршубского, полемизировавшего с Эд. Майером, трактат “De re publica” был скорее лебединой песнью по республиканской конституции, чем указателем на будущее¹¹⁶. В этом разнообразии мнений подчас можно заметить смешение разных вопросов: первое, был ли оратор «монархистом»; второе, повлиял ли он непосредственно и сознательно (если да, то насколько) на планы Октавиана-Августа; и третье, были ли мысли, сформулированные Цицероном, питательной средой, в которой выросла (ли?) монархия.

«Монархизация» Цицерона никак не согласуется уже с поведением в известных политических ситуациях (от подавления заговора Катилины до противостояния диктатуре и её опасности в лице Антония). Р. Гайнце убедительно показал, что идеалом Цицерона была аристократическая республика, его *principes* — это сенатские деятели, и соответственно, *auctoritas* — понятие, свойственное сенатской идеологии¹¹⁷. Критически оценивая взгляды ряда исследователей и анализируя сочинения Цицерона, С. Л. Утченко вслед за Р. Гайнцем обратил внимание на то, что государственный деятель-реформатор обозначается у Цицерона не термином *princeps*, а — *rector rei publicae (civitatis)*¹¹⁸, к которому никак не приложим «монархический оттенок». Цицерон имел в виду аристократов-реформаторов вроде Сципиона (Эмилиана), Л. Эмилия Павла, Катона, Гракха-отца, Лелия, Сципиона Назики (см. De rep. VI). «А так как иногда Цицерон сопоставляет и самого себя с идеальным *rector rei publicae*, то немонархический характер этого понятия совершенно ясен»¹¹⁹. Утченко также указывал, что Цицерон акцентировал внимание на обязанностях «ректора», его нравственных и гражданских достоинствах, а не полномочиях. Цицерон имел в виду не единственного руководителя, а, как правило, нескольких лиц. Из этих и других наблюдений Утченко сделал вывод, что «государственный деятель Цицерона никак не «монарх» и даже не «президент», а просто выдающийся муж, идеальный гражданин». И далее: «...Ни термин “*rector*”, ни термин “*princeps*” не имеют никакого монархического привкуса, и употребление их Цицероном вовсе не может рассматриваться как свидетельство монархических симпатий автора»¹²⁰. Развивая эту мысль, автор утверждал, что «с точки зрения своих субъективных и осознанных симпатий»

¹¹⁵ Schur W. Sallust als Historiker. Stuttgart, 1934. S. 36 ff. См. Утченко С. Л. Политические учения... С. 213–214. Обзор мнений: Suerbaum W. Vom antiken... S. 47 mit Anm. 120.

¹¹⁶ Wickert L. Princeps. Sp. 2229; Wirszubski Ch. Libertas... P. 87.

¹¹⁷ Heinze R. Ciceros “Staat” als politische Tendenzschrift // Hermes. Bd. LIX. 1924.

¹¹⁸ О *rector* и *gubernator rei publicae* см.: Cic. rep. V. 3. 5, 4. 6, 6. 8; VI. 1. 1; также сравн.: II. 29. 51; V. 7. 9; VI. 8. 8.

¹¹⁹ Утченко С. Л. Политические учения... С. 214–215 и примеч. 43.

¹²⁰ Там же. С. 215–217.

Цицерон — «убежденный сторонник традиционной, аристократической Римской республики»¹²¹.

С. Л. Утченко ограничивал роль Цицерона в идеологической подготовке принципата выработкой консервативных, реставрационно-охранительных, общепатриотических, «надклассовых» лозунгов, настаивая на том, что тот оказался «невольным идеологическим предтечей принципата»¹²² только в этом смысле, никак не будучи сторонником единоличного правления. Все же исследователь испытывал здесь некоторые сомнения. Сделав заключение, что «монархическое толкование политических тенденций трактата «О государстве» оказывается несостоятельным», он тут же отметил, что «между признанием царской власти, неограниченной монархии и концепцией принципата все же никоим образом нельзя ставить знака равенства». Чуть далее автор указал на односторонность утверждения о «традиционно-республиканских воззрениях» Цицерона: «Конечно, нельзя считать Цицерона апологетом монархии, но неправильно было бы расценивать его и как апологета традиционной республики — и только»¹²³.

Представляется, что противоречивость оценок обусловлена стремлением Утченко защитить Цицерона от обвинений в «пособничестве» Августу, «погубившему республику». Но даже если встать на позиции Тацита, сожалевшего о потере аристократической «свободы», вопрос о моральной ответственности оратора за пороки режима, возникшего не по его желанию и после его гибели, вряд ли правомерен. С другой стороны, нет необходимости «идеализировать» Цицерона, изображая его последовательным республиканцем в современном значении этого слова, что также не соответствует действительности. Направление мыслей римского политика определялось не столько сравнением государственных форм, сколько жизненной необходимостью сохранения Римского государства как такового.

В условиях кризиса нормальные институты гражданского общества и законы не функционировали. Для Цицерона и его сограждан это значило, что «республика утеряна» (*res publica amissa*), она отсутствовала¹²⁴. В такой ситуации следовало всеми силами спасти достояние Римского народа. Решение такой задачи было под силу только незаурядной личности. По большому счету, Цицерон был свободен от предубеждения против любой «правильной» формы государства. Он являлся непримиримым врагом тирании,

¹²¹ Там же. С. 218, сравн. также 221.

¹²² Там же. С. 219–221.

¹²³ Утченко С. Л. Политические учения... С. 218. Представляется, что «апологет» здесь слово вообще неподходящее, т.к. невозможно быть апологетом того, чего еще не было.

¹²⁴ Важный пункт отличия от современного понятия «государство». В рамках современной политологии можно говорить, к примеру, о государстве правовом и диктаторском, мафиозном и тоталитарном, — но последние три означали бы, что *res publica* в Цицероновом понимании отсутствует (налицо «тирания»).

а не противником монархии и тем более — временного исключительного положения выдающегося гражданина во имя «республики». Для Цицерона ее спасение было важнее, чем победа одной из «партий». Этого не понимали или не принимали ни цезареубийцы, ни Антоний. «Апологетом принципат» Цицерон не мог стать уже потому, что до его установления он не дожил. Но главное — он был убежденным приверженцем «республики» — такого состояния общества, где одни граждане не являются «рабами» других.

Вопрос о Цицероновом *rector rei publicae* может быть решён только с учётом этого, фундаментального понимания «республики» и её форм. Цицерон высоко оценивал роль республиканских принцепсов. Здесь он следовал исторической традиции. Она изобиловала деяниями героев, воплощавших типичные римские добродетели. В первую очередь, это были патриции и представители нобилитета. Мужеству Луция Юния Брута и его сподвижников республика была обязана своим появлением. Благодаря заслугам удачливых полководцев и храбрых солдат Римский народ занял ведущее положение в мире и создал свою империю. Согласно Цицерону, известные деятели римской истории, выступавшие в роли *moderator* и *rector rei publicae*, выполняли функцию «примирителей», «устроителей» в критические моменты — при внешней опасности или внутренних неурядицах. При необходимости они основывали новые государственные институты. Целью было благо «республики», Римского народа, а не удовлетворение личных, корыстных интересов.

Гражданские неурядицы и войны вызвали потребность в политическом деятеле такого масштаба. Наделенный чрезвычайными полномочиями, он должен был потушить пожар усобиц, восстановить согласие сословий и тем самым — возродить «утраченную республику». Упорядочив государственные дела, примиритель должен был сложить свою власть, «вернув» ее сенату и народу. Цицерон подыскивал кандидатуры на роль подобного управителя делами «республики». Претендентами на роль *rector*, *moderator* или *gubernator rei publicae*¹²⁵ Цицерон видел то Суллу, то Цезаря, охотнее всего — себя.

Политические и государственные взгляды Цицерона нельзя обозначить, отталкиваясь от ложной альтернативы: монархист или демократ. Он не был ни тем, ни другим, поскольку мыслил в иных категориях. Граница приемлемого лежала для него между «правильными» и «испорченными» формами, или, в римской интерпретации: между «республикой» и «не республикой».

¹²⁵ О *rector* u *gubernator rei publicae* см.: Cic. rep. V. 3. 5, 4. 6, 6. 8; VI. 1. 1; cf.: II. 29. 51; V. 7; VI. 8. 8 etc. См.: Утченко С. Л. Цицерон и его время. С. 256–257. О роли Цицерона как идейного предтечи принципата см.: Reitzenstein R. Die idee des Prinzipats bei Cicero und Augustus; Schäfer M. Cicero und der Prinzipat des Augustus // Gymnasium. 1957. Bd. 64. S. 310–335; Cambeis H. Das monarchische Element und die Funktion der Magistrate in Ciceros Verfassungsentwurf // Gymnasium. Bd. 91. 1984. S. 237–260.

Ко второму разряду относились любые тирании (будь-то царя или толпы). Такие состояния общества и государства, характеризовались формулой «утраченная республика». Это был важный вклад в римскую политическую мысль. Мы знаем, что Цицерону не удалось претворить свои планы в жизнь. Но можно предположить, что идеи, им сформулированные, нашли применение при создании Октавианом-Августом нового Римского государства.

Закономерен вопрос, что общего между этими двумя людьми: выдающимся оратором, образованнейшим римлянином своего времени, философом, писателем, — и юнцом, прорвавшимся к власти? Образ Октавиана-Августа у античных авторов, а также историков нового времени, скорее непривлекателен. Это властолюбец и расчетливый интриган, который даже с собственной супругой разговаривал по конспекту¹²⁶. Вырисовывающийся на основе литературных источников Август, несмотря на изрядные порции славословий у Вергилия и Горация, Николая Дамасского и Веллея Патеркула, — отнюдь не герой. Его главный соперник, Антоний, третировал юного Цезаря как неопытного мальчишку, только и имевшего в своем багаже, что имя покойного диктатора¹²⁷. Хрестоматийный Август — тщедушный и болезненный¹²⁸, в моменты опасности проявлявший трусость¹²⁹; бесцветная личность, вначале благодаря стечению обстоятельств оказавшаяся на гребне событий, а затем хитростью, помноженной на неразборчивость в средствах, пришедшая к власти. Вслед за Моммзеном, а в XX веке — Р. Саймом, критики часто не видят в Августе крупной исторической фигуры, признавая в нем в лучшем случае непревзойденного мастера пропаганды¹³⁰.

Основатель новой государственности действительно уделял самопрезентации самое пристальное внимание. Свидетельством серьезного отно-

¹²⁶ Suet. 84. 2. Решающее влияние на новую историографию оказал Тацит (см. раздел IX. 3). Репутация Августа в современном антиковедении была выразительно резюмирована И. Ш. Шифманом (протицируем лишь начальные фразы): «...это виртуоз лицемерия, постоянно приспособлявавшийся к изменявшимся жизненным обстоятельствам; это посредственность, подхватывавшая и усваивавшая чужие идеи и лозунги, ...это расчетливый политик, неуклонно стремившийся к достижению единовластия...». Сам автор оценил Августа иначе. Отметив, что «он был «человеком, оказавшемся вовремя на своем месте», Шифман продолжил: «Его общественно-политическая деятельность полностью соответствовала требованиям эпохи, именно ему принадлежат оптимальные решения... социальных проблем Римского государства, и именно поэтому Август как общественный, политический, государственный деятель превосходит своих современников — не только таких, как Помпей или Антоний, но и таких блестящих людей, как Цицерон или Цезарь» (Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990. С. 6). Этой высокой оценке противоречит оценка «республиканизма» как обмана. Об урегулировании 13 января 27 г. Шифман пишет: «Конечно, эта комедия никого не могла обмануть...» (С. 96).

¹²⁷ Цицерон процитировал это выражение из письма Антония консулам Гирцию и Пансе: Cic. Phil. XIII. 24 sq.

¹²⁸ О болезненности Октавия см., напр., Suet. 80–83. См. также раздел IV.7.

¹²⁹ Источниками таких сведений были слухи, исходившие из лагеря Антония накануне и в период Актийской войны. См., напр. анекдоты о сражении при Галльском форуме в апреле 43 г. (Suet. Aug. 10. 4–11, cf.: Tac. ann. I. 10. 2) или о трехдневном пребывании Октавиана в болоте во время битвы при Филиппах (Plin. n. h. VII. 148).

¹³⁰ См. раздел II. 3 о «теории фасада», а также главы VII сл.

шения к «работе с общественностью» может служить шлифовка, вплоть до последних месяцев жизни, «Деяний» или грандиозные строительные программы (см. главы VII и VIII). Артистические способности, особенно умение скрывать и сдерживать свои чувства, политику необходимы. Было ли это главным, что характеризовало личность «восстановителя республики» и его деятельность? Некоторые биографы пытаются свести его способности к лицедейству¹³¹, но соответствует ли подобная «критика» выяснению истины? Главный недостаток таких реконструкций заключается в том, что только камуфляжем не объяснить серьезных достижений Августа в области государственного строительства: техника исполнения не могла заменить содержание. При значительных, революционных изменениях в обществе, при проведении глубоких реформ невозможно ограничиться ссылкой на «основные инстинкты»: честолюбие, властолюбие — и даже на более «высокий» мотив — желание прославиться и войти в историю.

С. Л. Утченко указал на «редкий, вернее даже исключительный, случай огромного несоответствия, разрыва между ничтожеством деятеля и величием содеянного» в изображении новой историографии. Сам Утченко признавал «политический гений Августа — явление почти устрещающее». Но «гениальность», в трактовке исследователя, сводилась к «дальновидному расчету», «окрыленному блестящей интуицией»¹³². Отмечая, что «...«режим» Августа — ...явно политическая система» и что форма правления получила «официально признанное наименование» «восстановленная республика», историк утверждал, что название не отвечало внутреннему содержанию. Отсюда следовал вывод, что «принципат Августа — едва ли не первый в истории пример режима, основанного на политическом лицемерии»¹³³. На наш взгляд, Утченко недооценил содержание Августовых замыслов и реформ, что помешало с должным вниманием отнестись к проблемам теоретической подготовки и сущности новой социально-политической системы.

В самом деле, возможно ли было только жестокостью и пусть самым искусным обманом добиться прекращения длившихся столетие гражданских смут, остановить развал общества — и заложить основы политической системы, пережившей основателя режима на века? Ответ совершенно очевиден для любого, кто интересуется античной, и не только, историей. Здесь угадывается харизматическая фигура с глобальным видением ситуации, незаурядным интеллектом и кругозором. Конечно, одной из предпосылок

¹³¹ См.: Suet. Aug. 99. 1, сравн.: Dio LVI. 30. 4. Биограф добросовестно передавал дошедшие слухи. Но Светоний не сводил способности и деятельность Августа к игре, как это делают некоторые современные популяризаторы. В качестве примера: Schall U. Augustus. Kaiser, Rächer, Komödiant. Masken und Metamorphosen eines Herrschers. Pfungstadt bei Darmstadt, 1990.

¹³² Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 194–195 и слл.

¹³³ Там же. С. 209 сл.

была власть, дававшая возможность с помощью легкого движения дирижерской палочки направлять мелодию в нужное русло. Но необходимой предпосылкой были композитор и автор партитуры. И наконец — высочайшего уровня дирижер. Личность подобного масштаба на римском политическом небосклоне вычисляется по аналогии с открытием невидимой планеты: её присутствие выдают траектории уже известных небесных тел. Вопрос в том, был ли такой величиной Октавиан-Август?

Свидетельства, касающиеся воспитания, образования, круга интересов основателя Империи, показывают, что укоренившийся в исторической традиции образ оказывается еще одной стороной мифа об «установлении империи». Он был создан еще в античности, дополняясь в последующие столетия, вплоть до наших дней. Подобные мифы, в которых действительность до неотличимости перемежается с досужими домыслами, а то и с намеренными искажениями, воспринимаются как особенно «правдивые». И в случае с Августом все элементы хорошо подогнаны друг к другу: основатель монархии (плюс губитель республики и свободы, коварный узурпатор), знаток общественных настроений (пиарщик, сумевший обвести и уничтожить своих противников, а заодно обмануть весь Римский народ), приемный сын убитого диктатора, не без вмешательства Фортуны оказавшийся на вершине власти (бездарная, серая посредственность, только и преуспевшая, что в лицедействе и «пропаганде»). Историки не упускают некоторые пикантные подробности из личной жизни, которые должны подчеркнуть двуличие морализировавшего ханжи. Но очень мало сделано для того, чтобы понять, какими качествами, особенно интеллектом, образованием и кругозором, должен был обладать тот (или те), кто явился основателем одной из наиболее удачных государственных систем в истории.

Несмотря на обилие исследований, восстанавливающих ход интересующих нас событий, а также множество новых биографий Августа, некоторые стороны его личности, которые важны для ответа на поставленные вопросы, освещены недостаточно. Даже в самых подробных и добротных жизнеописаниях, если и говорится о воспитании и образовании будущего императора, беглое рассмотрение темы заканчивается моментом гибели Юлия Цезаря¹³⁴. Отчасти это объясняется тем, что сохранившаяся часть «Жизне-

¹³⁴ Не представляет в этом смысле исключения и самый подробный до сих пор труд об Августе и его времени: Gardthausen V. Augustus und seine Zeit. Bd. 1.1. Leipzig, 1891 (детские годы и образование: S. 45–55.). См. также: Parker E. R. The education of heirs in the Julian-Claudian family // *AJPh*. Vol. LVII (No. 265). 1946. P. 29–50, esp. 29–33 («обучение Октавиана завершилось со смертью Юлия Цезаря», хотя отмечено, что император навсегда сохранил интерес к наукам — с. 29, сравн. с. 33); то же в работе: Bringmann K. Augustus. S. 24–34 (раздел I. 2. Jugendjahre. Die Vorbereitung auf ein Leben für die Politik). Указанные разделы работ Е. Р. Паркера и К. Брингмана представляют собой сводки данных об образовании Октавия в детстве и юности. См. также: Malitz J. "O puer qui omnia nomini debes". Zur Biographie Octavians bis zum Antritt seines Erbes // *Gymnasium* Bd. 111. 2004. S. 381–409; Pabst A. Kaiser Augustus. Stuttgart, 2014. S. 68–91 (детство и семейное воспитание). Специальное внимание личности Октавия-Августа уде-

описания Цезаря» Николая Дамасского обрывается на событиях октября 44 г. Большинство биографов предполагают, что после мартовских ид, когда началась борьба за власть, круг интересов Октавиана ограничился войнами, интригами и «пропагандой», так что думать о каких-либо «высоких материях» политику было уже некогда.

Имеющиеся данные показывают, что это не так. Для того, чтобы установить истину, следует непредвзято рассмотреть все свидетельства, начиная уже с написанного или продиктованного самим Августом¹³⁵. Некоторые данные можно почерпнуть из надписей, монет, археологических материалов. Поскольку в литературе вопрос освещен недостаточно, придется обратить внимание на некоторые подробности. Необходимо выяснить, был ли Октавиан-Август только честолюбцем, любой ценой стремившимся к власти, или также мыслящим государственным деятелем, который стремился к политическим преобразованиям. Речь идет не столько о личных достоинствах, сколько о созидательном потенциале творца режима, и соответственно — о предполагаемых исторических и теоретических основах нового государства. Обнаружение достаточно обоснованного замысла реформ могло бы придать нашей реконструкции большую отчетливость и дополнительную глубину.

IV.7. Эскиз к интеллектуальному портрету правителя

Был ли Октавиан-Август личностью такого масштаба, который позволяет предположить в нем реформатора с теоретически обоснованными и далеко идущими замыслами? Речь должна идти о характере, убеждениях и образованности, необходимых для выработки твердых политических взглядов, формулировки задач, нахождения решений и претворения их в практику.

Уже рассмотрение первого этапа самостоятельной политической деятельности Октавиана (в предыдущей главе) показывает, что его достоинства не ограничивались талантами интригана и посредственного артиста. Постепенно формировались контуры новой политики. Без умения привлекать нужных людей, организовывать сторонников, убеждать, а главное — учиться и на ходу исправлять неизбежные ошибки — были бы невозможны результаты, достигнутые уже к 30 г. до н.э. Теперь тридцатитрехлетнему победителю пришлось решать задачу необычайной сложности — заново обустроить Рим и всю его средиземноморскую империю.

лил также Явец (Yavetz Z. Kaiser Augustus. S. 339–354), высоко оценивший его данные политика. Уровень образованности основателя Империи и связанный с этим вопрос о его потенциале как реформатора, как ни странно, остались практически за рамками внимания биографов.

¹³⁵ Важнейшие издания указаны в разделах I. 5 и I. 7. Также см. след. раздел.

Определение целей, выработка программы действий, выбор конкретных шагов, и создание имиджа нового режима требовали широкого кругозора и постоянного осмысления опыта. Следовало решительно отказываться от действий, которые могли скомпрометировать политику наследника Юлия Цезаря и «восстановителя республики». Чуткость к общественным настроениям сочеталась со знанием традиций, с чувством меры и самодисциплиной. В отличие от Антония, Октавиан не поддавался соблазнам излишеств и роскоши эллинистических дворов. Сдержанность и такт были обязаны не только характеру и природной интуиции, но и воспитанию. Октавий с детских и юношеских лет усвоил дух италийских муниципиев, а в дальнейшем хорошо изучил «кодекс чести» римской аристократии.

Тацит в «Диалоге об ораторах» приводит воспитание Августа его матерью Атией в качестве образца. Это было строгое и требовательное отношение к сыну, способствовавшее усвоению наук и успехам в других важных занятиях (Тас. dial. 28.5). Значительная роль матери в домашнем воспитании детей не являлась исключением, хотя источники скупо освещают эту сторону жизни римской семьи¹³⁶. В данном случае можно довериться свидетельству Тацита — строгого судьи и язвительного критика Августа, тем более, что оно хорошо согласуется с сообщениями Николая Дамасского, подробно рассказавшего о воспитании мальчика¹³⁷. В сохранившихся извлечениях из «Жизнеописания Цезаря» мать Октавия упоминается чаще, чем какое бы то ни было другое лицо, — около двух десятков раз.

Первые месяцы после рождения (23 сентября 63 г. до н.э.) Октавий жил в доме родителей в небольшом италийском городке Велитры¹³⁸. Плебейский род Октавиев происходил из муниципальной знати. Отец будущего императора, Гай Октавий, переселился в Рим и добился претуры (61 г.). Одержав военную победу в Македонии он хотел баллотироваться на консульских

¹³⁶ См.: Dixon S. Roman mother. L., 1988. Конкретных сведений о воспитании и особенно образовании Октавия в раннем возрасте немного, следует исходить из того, что содержание обучения подчинялось определенным сложившимся обычаям. Они описаны в ряде работ, в т.ч.: Rawson B. Children and childhood in Roman Italy. Oxf., 2003; Обзоры проблематики исследований и литературы (с библиографией) по различным стадиям и аспектам воспитания и обучения в Риме см. в сборнике: Peachin M. (ed.). The Oxf. handbook of social relations in the Roman world. Oxf., 2011 (статьи J. Osgood, M. Horster, J. Connolly, J. Hann, J.-U. Krause. P. 69–143, 623–642).

¹³⁷ Nik. Dam. Bios Kaisaros // FrGrH 2 A. Nr. 90. F. 125–130. S. 324–430. Далее цитируется это сочинение Николая. При необходимости содержание сверялось с новым комментированным изданием: Malitz J. (Hrsg.) Nikolaos von Damaskos. Leben des Kaisers Augustus. Darmstadt, 2003 (далее: Malitz J. Nikolaos...), — при сохранении прежней нумерации. В русском переводе цит. по: Николай Дамасский. О жизни цезаря Августа и его воспитании. Пер. Е. Б. Веселаго // ВДИ 1960. № 4. С. 218–237. Об авторе, а также изданиях см. в разделе I.5 с примеч. 47 слл. Данные Николая Дамасского существенно дополняются Светонием (Suet. Aug. 1–8), Кассием Дионом (XLV. 1–2), а также Веллеем Патеркулом (Vell. II. 59).

¹³⁸ Местом рождения Октавия, будущего Августа, принято считать Рим, хотя мы не можем окончательно отвергнуть версию о Велитрах, которую излагает Светоний. Сравн. раздел VIII.8 с примеч. 126 сл.

выборах, но вскоре заболел и умер (нач. 58 г.)¹³⁹. Мальчик с матерью вернулись в Велитры, но когда она вступила в новый брак, Октавий проводил большую часть времени в доме своей бабки по матери. Это была Юлия, сестра Юлия Цезаря¹⁴⁰. Патрицианский род Юлиев, хотя к тому времени не очень богатый, возводил своё происхождение к Энею (и его сыну Юлу) и Венере. Юлий Цезарь был уже одним из первых людей в государстве. В год рождения Октавия (63) он стал верховным понтификом, в 59 — консулом и заключил политический союз с Помпеем и Крассом (первый триумвират), а в следующем отправился завоевывать Галлию (58–51 гг.). В доме Юлии мальчик усваивал правила римского высшего света. После смерти бабушки (51 г.) и с началом развязанной Цезарем гражданской войны Октавий прибыл в Велитры, где жил с матерью и ее вторым мужем Луцием Филиппом, принадлежавшим к нобилитету¹⁴¹.

Возможно, мать и отчим были не в восторге от некоторых привычек отрока, приобретенных в аристократическом доме Юлиев. Они со всей серьезностью взялись за его воспитание в старо-италийском духе¹⁴². Родители внимательно следили за поведением Октавия, ежедневно спрашивая учителей и слуг о каждом шаге своего сына (Nik. Dam. 127.5). Немного изменилось по достижении совершеннолетия, когда мальчик в возрасте 15 лет надел тогу¹⁴³. «Мать его все так же не позволяла ему выходить из дома куда-либо, кроме тех мест, куда он ходил раньше, когда был ребенком... Только по закону он был мужчиной, а во всем остальном оставался на положении ребенка» (ibid. 127.10–11). Подчеркивая воздержность Октавия также в молодежных развлечениях, скромность в целом (ibid. 128. 28f., 136; 130. 44), Николай Дамасский, в соответствии с замыслом своего сочинения, противопоставлял поведение и моральный облик будущего принцепса распущенности его коллеги по триумвирату (не называя имени Антония)¹⁴⁴.

Атия еще долго сохраняла влияние на сына. Так, в 46 г. она не разрешила Октавию отправиться вместе с Цезарем в Африку, где предстояла война

¹³⁹ Когда умер отец, Октавию было четыре года (Suet. Aug. 8. 1; cf. Vell. II. 59. 2). Сообщения об отце и его фамилии: Suet. Aug. 1.4; Cic. Phil. III. 6. 15; Nik. Dam. 127. 7; Vell. II. 59. 2.

¹⁴⁰ Юлия занималась воспитанием внука примерно с 58 г. до ее смерти в 51 г. Двенадцатилетний внук произнес тогда посвященную ей речь (Suet. 4. 1, 8. 1, Quint. XII. 6. 1. Nik. Damask. 3 (по-видимому, неточно указывает 54 г. cf.: Münzer F. Iulius Nr. 546 (Iulia) // RE. Hb. XIX. 1918. Sp. 894).

¹⁴¹ Nik. Dam. 127. 7: подробнее об отчине: Fündling J. // NP. Bd. VII. 859. Цезарь перешел Рубикон 10/11 января 49 г. Октавий вернулся в Рим спустя два месяца, после бегства Помпея из Италии.

¹⁴² Светоний сообщает о маленькой детской комнате Октавия, похожей скорее на кладовую, в загородной усадьбе под Велитрами (Suet. Aug. 6. 1).

¹⁴³ О датировке этого события сказано далее, см. примеч. 160.

¹⁴⁴ Важную роль играло стремление матери укрепить здоровье юноши (128. 36). Возможно, панегирист несколько преувеличивает, пытаясь защитить своего героя от более поздних обвинений в сексуальной распущенности (см. особ. Nik. Dam. 127. 12; сравн. Suet. 68–71).

с помпеянцами¹⁴⁵. Известно, что из одной из экспедиций Октавий отпросился у Цезаря для встречи с матерью¹⁴⁶. Мнение Атии и в последующем оставалось для него значимым, если не определяющим. В Риме он проводил время в основном в доме родителей, поселившись рядом с ними (Nik. Dam. 128.34). Характерно, что когда погиб Юлий Цезарь, Атия, сообщив сыну о случившемся и призывая вернуться к ней, решила добавить: дескать, ему уже пора действовать «как мужчине, своим умом решать и поступать соответственно своему положению и обстоятельствам» (ibid. 128. 38, сравн.: App. b. c. III. 10).

По-видимому, Атия и сама уже тяготилась своей функцией советчицы, поскольку Октавий по привычке всегда к ней обращался. Но на этом почти комичная история взаимоотношений мамы и сына не завершилась. Как известно, отчим Филипп, опасаясь за жизнь пасынка, советовал не принимать имя и наследство Цезаря. Атия же, хотя также беспокоилась за сына, все же не стала отговаривать его от рискованного решения. Октавий давно научился читать мысли матери. Хотя он прибег также к помощи других советчиков, представляется, позиция Атии и на сей раз оказалась определяющей. Николай Дамасский сообщает, что она (видимо, на семейном совете, который предшествовал совещанию с друзьями) «согласилась с тем, чтобы он принял имя Цезаря, и сама первая его похвалила» (Nik. Dam. 130. 54). С этого дня Октавию пришлось действовать самостоятельно, все реже обращаясь к родителям (ibid. 130. 126). Иногда Атия еще пыталась опекать сына. Ему приходилось скрывать некоторые рискованные шаги, чтобы мать не противилась его действиям (ibid. 130. 132–34).

Атия была женщиной неординарной, привыкшей принимать самостоятельные решения. Именно племяннице Юлий Цезарь завещал устройство своих похорон. Не ее вина, что возбужденная консулом Антонием толпа нарушила запланированный ритуал, проведя сожжение тела в центре форума (ibid. 130. 48). Диктатор доверял не только организационным способностям и сильному характеру Атии, но и верности долгу, *fides*. Судя по всему, матери, как и велитрийскому окружению и духу, будущий принцепс был обязан своими базовыми «республиканскими» политическими ориентациями¹⁴⁷.

¹⁴⁵ Nik. Dam. 127. 14. Причиной могла быть болезнь. О плохом состоянии здоровья вообще см.: Suet. Aug. 80–82; Nik. Dam. 127. 14 f.; 19–21. Тем не менее, Октавий участвовал в африканском триумфе Цезаря (Nik. Dam. 127. 14, сравн. 17). Для юноши слушаться мать по староримским понятиям не было зазорным. Позднее Тацит приводит как положительный пример Агриколу, который последовал совету матери отказаться от изучения философии (Тас. Agr. 4. 2–4).

¹⁴⁶ Откуда отпрашивался Октавий, не указано, возможно, из Испании. По прибытии, зная, что Атия не признала родственником некоего самозванного сына Гая Мария, Октавий тоже отказался это сделать, сославшись при этом на Цезаря как главу фамилии (Nik. Dam. 128. 31–33).

¹⁴⁷ Сравн.: Becher I. Atia, die Mutter des Augustus: Legende und Politik // Schmidt E. G. (Hrsg). Griechenland und Rom. Erlangen, Jena, 1996. S. 95–116.

Важное место в процессе обучения занимало воспитание со ссылками на примеры (*exempla*) и нравы предков (*mos maiorum*). Оно начиналось с рассказов о римских героях, готовых пожертвовать собой для блага отчизны. Воспитание и образование было основано на принципах, сформулированных еще консулом 195 г. до н.э. М. Порцием Катонем и целым рядом его единомышленников. В их основе лежало убеждение, что римляне своими институтами и законами (*instituta et leges*), доблестями и добродетелями (*virtutes*) превосходят все другие народы. Спустя полтора века Цицерон, признавая превосходство греков в эрудиции и в различных жанрах литературы, утверждал, что даже у них нельзя найти присущих римлянам по природе основательности (*gravitas*), постоянства (*constantia*), душевного величия (*magnitudo animi*), верности (*fides*) и целого ряда других важных качеств (см.: Cic. Tusc. I. 2).

О первых учителях Октавия известно немного. Среди них был «педагог» Сфер — грамотный раб с греческого Востока. Он присматривал за каждым шагом мальчика¹⁴⁸. Мать и бабушка не только подбирали знающих и строгих наставников, но и сами занимались с ребенком. Он рано научился читать, писать и считать. Обучение уже на раннем этапе было двуязычным, на латинском и греческом. Сохранились сообщения о первых успехах. Когда Октавию было 9 лет, он удачно выступил перед каким-то большим собранием¹⁴⁹. В возрасте 12 лет мальчик произнес речь на похоронах своей бабушки¹⁵⁰. Это был возраст, когда обычно начинался второй этап обучения — средняя школа. Наряду с грамматикой, включавшей изучение литературы¹⁵¹, всё большее место занимало красноречие, заучивание примеров из классиков и практические упражнения — декламация. Известно имя учителя Октавия, Марка Эпидия, который имел в Риме латинскую риторскую школу. Среди его известных учеников был еще один будущий триумвир — Антоний (Suet. vir. ill. 28), а также Верги-

¹⁴⁸ Dio XLVIII. 33. 1; cf.: Nik. Dam. 127. 5. Несмотря на строгость, воспитанник сохранил к своему бывшему «дядьке» признательность. Став взрослым, он даровал Сферу свободу, а когда тот умер в 40 г., то, несмотря на опасную для него самого ситуацию, позаботился о его похоронах (Dio XLVIII. 33. 1).

¹⁴⁹ Подробности неизвестны, краткое сообщение см.: Nik. Dam. in FrGrH 127. 4. Если Николай имел в виду выступление на похоронах Юлии, то в указании возраста ошибка, возможно, умышленная. См.: далее: Malitz J. Nikolaos... S. 104, комм. 23, также для след. сноски.

¹⁵⁰ Suet. Aug. 8.1; Quint. XII. 6. 1. Квинтилиан считал этот возраст необычно ранним для публичного выступления несовершеннолетнего (*praetextatus*). Здесь Октавий следовал Цезарю (Suet. Iul. 6, cf. Plut. Caes. 5. 1–2). В последующем это был пример для юных членов императорской фамилии. Август способствовал тому, что его внук Гай появился на публике уже в 6 лет (Suet. Aug. 56. 1; Dio LIV. 27. 1; LV. 9. 1; о Тиберии и Калигуле: Suet. Tib. 6. 4; Cal. 10. 1).

¹⁵¹ Об обучении грамматике: Bonner S. F. Education in ancient Rome. From the Elder Cato to the Younger Pliny. Berkeley, 1977. P. 47–64, 189–249; Christes J. Sklaven und Freigelassene als Grammatiker und Philologen in Rom. Wiesbaden, 1979; Rawson E. Intellectual life in the Later Roman republic. Baltimor, 1985. P. 117–131, 267–281.

лий¹⁵². Греческой риторике Октавий учился у Аполлодора Пергамского — знаменитого ритора, сочинения которого переводились на латинский язык. О значении уроков Аполлодора для Октавия свидетельствует сообщение Страбона о сохранившейся надолго дружбе ученика и учителя. Правда, принцепс самокритично относился к своему греческому. Аполлодор, в соответствии с представлявшимся им направлением в риторике («аттицизм»), должен был способствовать выработке и совершенствованию деловой, без вычурности, манеры речи¹⁵³. Все, что нам известно об ораторской и литературной активности Августа, свидетельствует о том, что годы учебы были не напрасны. Он на всю жизнь стал человеком читающим, произносящим речи и пишущим. Октавиан-Август постоянно работал над слогом как устной, так и письменной речи, достигая простоты и ясности¹⁵⁴.

Физическая и военная подготовка была обязательной для всех юношей, готовившихся к государственной карьере. Сюда входили плавание и верховая езда, владение мечом и другим оружием. Как и основы красноречия, эти умения постоянно оттачивались в состязаниях со сверстниками. В занятиях, предполагавших физическую силу и выносливость, Октавий не имел шансов оказаться в первых рядах, хоть регулярно упражнялся вплоть до окончания гражданских войн (Nik. Dam. 127. 5 sq. cf.: Suet. Aug. 73).

По мере его взросления все большее внимание своему внучатому племяннику уделял Юлий Цезарь. В ходе бесед он убеждался в уме и сообразительности подростка. «Увидев его /Октавия/ остроумие и сметливость, краткость речи, в которой давались самые точные ответы на поставленные вопросы, он /Цезарь/ полюбил и оценил его ещё больше» (Nik. Dam. 127. 24). Юлий Цезарь, у которого не было сына, давно задумывался об усыновлении Октавия. Он лишь не хотел спешить, чтобы не избаловать мальчика¹⁵⁵, но

¹⁵² Названные лица учились у Эпидия в разное время. Он был известным учителем риторики, но прослыл также клеветником (*calumniator* — Suet. vir. ill. 28 — где в числе его учеников названы Антоний и Август). Об обучении Вергилия у Эпидия упоминается в античном жизнеописании поэта. См.: Schanz M.; Hosius C. Geschichte... I. S. 582 f.; Brzoska J. Epidius 2 // RE. Bd. VI. Sp. 59; Strzelecki W. Epidius // KP. Bd. II. S. 306.

¹⁵³ Об Аполлодоре см. Suet. Aug. 89. 1, cf.: Strab. XIII. 4. 3; Quint. III. 1. 17 sq. По его имени называлась одна из двух соперничавших риторских школ эпохи — аттическая, наряду с азиатской школой Теодора из Гада-ры (учителя Тиберия). В частности, Квинтилиан сообщает о переведенном на латынь учебнике риторики Аполлодора. В приверженности строгой аттической речи Август следовал Юлию Цезарю. Этого стиля придерживались ораторы Кальв, Саллюстий, Азиний Поллион. Сравн.: Parker E. R. The education... P. 32.

¹⁵⁴ Октавиан совершенствовал свои ораторские качества даже во время Мутинской войны. То же сообщается об Антонии (Suet. Aug. 84. 1; vir. ill. 25). О работе Августа над слогом и критике им риторических излишеств (азианизма?) у Мецената, Антония, Тиберия и Агриппины Старшей и других — Suet. Aug. 86, в частности, отрывок из письма Августа Меценату у Макробия: Macrobian. Sat. II. 4. 12. Октавию-Августу с ранних лет мешали проблемы с голосом. Поэтому иногда ему приходилось поручать зачитывание подготовленных текстов другим лицам: Suet. Aug. 84. 2, сравн.: Nik. Dam. 128. 36; Dio LIV. 25. 5.

¹⁵⁵ Nik. Dam. 128. 30. В другом месте, рассказывая об участии Октавия в африканском триумфе Цезаря, Николай Дамасский сообщает, что Юлий Цезарь усыновил мальчика еще при жизни, видимо, имея в виду

исподволь готовил его к государственной деятельности, в частности, заботясь об основательном и всестороннем образовании¹⁵⁶. Октавий продолжал усердно изучать риторику, а также принялся за философию, — предметы, которые составляли основу высшего образования. Названные науки, получившие особое развитие в эллинистический период, римляне считали наиболее полезными¹⁵⁷. Серьезное внимание уделялось «практической философии», то есть поведению человека, этике, а также политологии. На первом месте стояли стоические авторы. Их доктрина, учившая ответственному отношению к выполнению долга, более всего соответствовала римской системе ценностей. Появлению интереса к этой проблематике у Октавия способствовали как школа, так и пребывание в окружении эллинизированной римской аристократии в доме бабки и в окружении Цезаря.

О серьезных занятиях Октавия свидетельствует сочиненное им «Поощрение к философии» (*hortationes ad philosophiam* — Suet. Aug. 85. 1). Это был плод первого погружения в греческую мудрость, несомненно, оставившего серьезный след в мировоззрении. Подобные работы были важной частью школьного обучения. Примером может служить сочинение Цицерона «О разысканиях (расположении) материала» в двух книгах¹⁵⁸. Следует обратить внимание, что сам Цицерон считал себя, как оратора, обязанным прежде всего не усвоенным им риторическим приемам, а философской подготовке (Cic. orat. 12). С другой стороны, он подчеркивал необходимость единства обеих дисциплин, философии и риторики, что обеспечивало соответствие формы и содержания (de orat. III. 54–143). Нельзя исключить, что сочинение Октавия было откликом на опубликованный Цицероном в 45 г. философский трактат «Гортензий» (*Hortensius*)¹⁵⁹.

фактическое признание родства (127. 17). Этот вопрос породил целую литературу, но в данном контексте не имеет принципиального значения. О посмертном усыновлении (официально оформленном приблизительно в июне 44 г.) см.: Bleicken J. Augustus. S. 37 ff., 692 f. (с указаниями на источники и литературу).

156 Программа всесторонней подготовки представителя высшего сословия к прохождению *cursus honorum* тщательно рассмотрена в опубликованной недавно диссертации: Scholz P. Den Eltern folgen: Sozialisation und Erziehung der republikanischen Senatsaristokratie. Berlin, 2011. Рассмотрение обучения представителей господствующего класса в значительной мере отвечает на вопрос о причине незаменимости таких кадров в период Ранней Империи. Сравн. также очерк Р. Сайма «Образование аристократа», в котором говорится о постановке образования в период правления Августа, но не о нем самом (Syme R. The Augustan aristocracy. Oxf., 1986. P. 346–366).

157 Об усердии Октавия в *studia liberalia* сообщает Светоний (Aug. 84. 1; cf.: Vell. II. 59. 3; Dio XLV. 2. 7). Об идеале образованности в то время: Sen. cons. ad Marc. 24. См. известные работы: Marrou H. I. Geschichte der Erziehung im klassischen Altertum. München, 1977 (fr. orig.: Histoire de l'éducation dans l'antiquité. P., 1976); Bonner S. F. Education...; Bringmann K. Die Bedeutung der Philosophie in Rom zur Zeit der späten Republik // Piepenbrink K. (Hrsg.) Philosophie und Lebenswelt in der Antike. Darmstadt, 2003. S. 149–161 etc.

158 Юношеское сочинение Цицерона *de inventione* в двух книгах было написано примерно между 85 и 80 гг. до н.э. Позднее знаменитый оратор неодобительно отозвался о своем первом опусе. См.: Грималь П. Цицерон. М., 1991. С. 68 сл.

159 «Гортензий» открыл ряд философских работ Цицерона. См.: Bringmann, Wiegandt. S. 183 (Dok. 179 T mit Kommentar). О распространении греческой философии в Риме и философских интересах Августа см. также раздел V.2 (о Юлии Цезаре см. примеч. 31 слл. с дальнейшими указаниями).

Интеллектуальному развитию Октавия должно было благоприятствовать сочетание теории и практики. Юлий Цезарь энергично содействовал восхождению Октавия по лестнице должностей. Карьера юноши начиналась со стремительностью, характерной лишь для отпрысков знатнейших родов. Способности мальчика всячески поощрялись. Как уже упоминалось, когда ему исполнилось 15 лет, 18 октября 48 г., Октавий прошел торжественный обряд совершеннолетия¹⁶⁰. Тогда он в тоге гражданина (*toga virilis*) успешно выступил на форуме (Nik. Dam. 127.7). В октябре 47 г. до н.э. Октавий был избран членом высшей жреческой коллегии понтификов. Это могло произойти только по инициативе Юлия Цезаря — верховного понтифика, тогда уже победителя в битве при Фарсале (август 48 г.). Вакансия освободилась, поскольку в сражении погиб Луций Домиций Агенобарб¹⁶¹. По-видимому, в том же 47 году Октавий стал префектом по организации одного из празднеств (*Feriale Cumanum*) в столице (Nik. Dam. 127.13). В сентябре 46 г. он участвовал в африканском триумфе Цезаря (ibid. 127. 17), а в 45 г. последовал за диктатором в Испанию, где шли военные действия (ibid. 127. 21–23; Suet. Aug. 8. 1). Согласно повествованию панегириста, Октавиан, к великой радости Юлия Цезаря, прекрасно проявил себя в войсках, а также как администратор и судья (Nik. Dam. 127. 23–27).

Октавий рос в страшное время. Шла гражданская война, лились реки крови, гибли многие лучшие люди Рима. Юноша часто находился в кругу политиков, которые знали и, без сомнения, обсуждали подробности происходившего. Находясь рядом со своим могущественным дядей, Октавий оказывался в центре событий, присутствуя при обсуждении важнейших государственных вопросов. Это была жестокая школа жизни, с её впечатлениями и переживаниями сверялось то, что говорили учителя. При Цезаре юноша набирался не только военного и политического опыта, но и продолжал шлифовать свое перо. Вслед за дядей и с его подачи Октавий написал своего «Анти-Катона» (Suet. Aug. 85. 1, см. раздел IX.7).

Биограф сообщает, что благодаря растущему престижу Октавия в Риме вокруг него начала собираться группа сверстников (Nik. Dam. 127. 5). Среди них был и друг на всю жизнь, Марк Випсаний Агриппа. Октавий попросил Цезаря помиловать брата Агриппы, сражавшегося на стороне республиканцев. Заступничество, как и в других случаях, имело успех (ibid. 127. 16, cf. 18). Это должно было способствовать известности Октавия, чего и добивался дядя.

¹⁶⁰ Число и месяц устанавливаются по надписи, посвященной *Feriale Cumanum* — ILS 108. 5. Далее мы принимаем убедительную аргументацию Й. Маркварта, которой следует К. Брингман. Из нее следует, что утверждение Николая Дамасского о прохождении Октавием церемонии совершеннолетия в 14 лет ошибочно. См.: Bringmann K. Augustus. S. 28 mit Anm. 43 (S. 254 f.)

¹⁶¹ Nik. Dam. 127. 9; Cic. Phil. II. 71. Датировка вступления в коллегию понтификов октябрем 47 г. см. в: Malitz J. Nikolaos... S. 109 (Komment. 38).

Юлий Цезарь внимательно наблюдал за развитием подростка, старался не отпускать далеко от себя, возлагая на него большие надежды. В завещании, составленном 13 сентября 45 г., Цезарь записал свое решение усыновить Октавия и сделать главным наследником в случае, если при его жизни не родится кровный сын (Suet. Iul. 83. 1; Nik. Dam. 128. 30)¹⁶². Юлий Цезарь планировал взять юношу с собой в парфянский поход. Имеются сообщения о том, что диктатор назначил его на 44 г. до н.э. «начальником конницы» (*magister equitum*) — вторым лицом в государстве¹⁶³. По ходатайству Цезаря Октавий был причислен к сословию патрициев (Nik. Dam. 128. 35)¹⁶⁴.

Серьезная учеба способствовала раннему развитию Октавия. Не удовлетворившись теми возможностями, которые предоставлял Рим, Цезарь послал будущего наследника учиться в греческую Аполлонию, «чтобы свободными науками и искусствами развить исключительное дарование юноши...»¹⁶⁵. Но уже через четыре месяца из Рима пришла весть о смерти диктатора. Октавию пришлось срочно вернуться в Италию и с головой окунуться в большую политику¹⁶⁶.

Убийство Юлия Цезаря резко изменило судьбу Октавия и должно было произвести переворот в образе мыслей. Он не оставил свои занятия риторикой, продолжал читать. Потрясение побудило еще напряженнее задуматься над происходящим и над судьбами Рима. Создававшаяся полная опасностей и рисков ситуация заставила искать союзников и единомышленников, личные контакты и беседы потеснили на время книги. Литературные интересы, однако, сохранились. Неизгладимое впечатление должны были оставить состоявшиеся тогда немногие встречи с Цицероном

¹⁶² О завещании Цезаря и условиях усыновления Октавия см.: Bleicken J. Augustus. S. 35 ff., 692–694. В этой связи следует упомянуть спорный вопрос об отце Цезариона (Птолемея XV), сына и соправителя Клеопатры. Мать в свое время настаивала на отцовстве Юлия Цезаря. После покорения Египта Октавиан приказал его убить, поскольку он был опасным соперником. См.: Heinen H. Caesar und Kaisarion // Historia 18. 1969. S. 181–203.

¹⁶³ App. b. c. III. 30; Dio XLIII. 51. 7. Эти свидетельства вызывают сомнения. Как следует из свидетельства Плиния Старшего, накануне испанской экспедиции Юлий Цезарь предпочел в качестве начальника конницы Октавию Лепиду (Plin. n. h. VII.147). См.: Gesche H. Hat Caesar den Octavian zum Magister equitum designiert? // Historia. Bd. 23. 1973. S. 468–478; Kienast D. Augustus. S. 3 f. mit Anm. 14.

¹⁶⁴ См.: Weinstock S. Divus Iulius. Oxf., 1971. S. 307; Schmitthenner W. Oktavian und das Testament Caesars. Eine Untersuchung zu den politischen Anfängen des Augustus, München 1997³. S. 7 f. Принадлежность к патрициату обуславливалась рождением или усыновлением, но могла также присваиваться за заслуги.

¹⁶⁵ Suet. Aug. 8. 1. Аполлония — греческий город в Илирии. Его остатки расположены рядом с совр. деревней Пойани (*Pojani*), регион Фиер в Албании. Там Октавий усердно занимался науками под руководством Афинодора из Тарса. Позднее Антоний посмеивался над греческими штудиями Октавия (App. b. c. III. 3. 76). Обычно юноши из богатых семей отправлялись в Афины (Plut. Cic. 45. 2). Возможно, выбор Аполлонии был связан с расположением невдалеке римских легионов. Их офицеры посетили Октавия (App. b. c. III. 9. 31).

¹⁶⁶ Аппиан сообщает о шестимесячном пребывании в Аполлонии (App. b. c. III. 9. 32).

(знакомство, скорее всего, произошло еще при жизни Цезаря). Трактаты и речи великого оратора были событиями для всех, кто интересовался политической жизнью. Для молодых людей поколения Октавия Цицерон (как и почитаемый оратором Сципион Эмилиан) являлся примером для подражания¹⁶⁷.

Октавиан формировался как политик, склонный скорее к обдуманым шагам, чем к авантюризму. Эти черты были характерны и для зрелого государственного мужа — Августа. Принятию решений предшествовали совещания с друзьями. Серьезное отношение к государственной деятельности предполагало как основательную подготовку к выступлениям, так и непрерывное самообразование (Suet. Aug. 84. 1 sq.).

Август любил и умел окружать себя знающими, учеными людьми, которые составляли значительную часть его «друзей» (*amici*)¹⁶⁸. Это были правители и философы, врачи и писатели, историки и поэты, архитекторы и художники. Из самых известных можно назвать иудейского царя Ирода и спартанского правителя Г. Юлия Эврикла, римского историка Тита Ливия и греческого историка и риторика Тимагена, поэтов Вария Руфа, Вергилия и Горация, юристов Требатия Теста и Атея Капитона, врача М. Астория Асклепиада и ряд других. Круг общения расширяли также многочисленные посетители и друзья Ливии и Агриппы, Октавии Младшей (сестры Августа), Антонии (вдовы Друза) и других членов его семьи, которые жили рядом на Палатине. Количество контактов росло благодаря образованности и щедрости Мецената, а также терпимости принцепса по отношению к бо-

¹⁶⁷ Сципион Эмилиан и Цицерон как образцы подражания для юношества: Polyb. XXXI. 25; Plut. Cic. 2. 2.

¹⁶⁸ В понятие *amici* римляне вкладывали особое содержание. Круг «друзей» знатного римлянина времени Поздней Республики мог включать десятки и более людей, от самых близких, доверенных, — до политических приверженцев, ежедневно утром приходивших для приветствия (*salutatio*). На более низкой ступеньке были клиенты, ожидавшие очередной подачи или приглашения к обеду. Для эпохи Ранней Империи известны *amici Augusti* как полуофициальный статус. В зависимости от разряда, к которому они принадлежали (их было по крайней мере три), *amici* претендовали на соответствующие должности в государстве. См.: Crook J. *Consilium principis*. Camb., 1955 (repr. 1975). P. 148 ff.; Kierdorf W. *Freundschaft und Freundschaftskündigung. Von der Republik zum Prinzipat* // Binder G. (hg.). *Saeculum Augustum I*. 1987. S. 223–245; Портнягина И. П. Интеграция неформальных общественных связей в систему принципата: совет друзей принцепса // Мнемон. Вып. 2. СПб., 2003. С. 227–240 (время Августа и Тиберия); Goldbeck F. *Salutationes. Die Morgenbegrüßung in Rom in der Republik und der frühen Kaiserzeit*. Berlin, 2010; Winterling A. *Freundschaft und Klientel im kaiserzeitlichen Rom* // *Historia*. Bd. 57. 2008. P. 298–316 (engl.: id. *Politics and Society in Imperial Rome*, Maiden etc. 2009. P. 34–57); id. *Die Freundschaft der römischen Kaiser* // Winterling (Hrsg.). *Zwischen Strukturgeschichte...* S. 207–232 (в том числе состояние изучения, с. 209 ff.). Винтерлинг, в частности, отмечает складывавшийся уже при Августе институт формальной, институциональной «дружбы». Изъявление лояльности с одной стороны и благоволение принцепса с другой были условиями занятия ответственных должностей. Все *nobiles*, находившиеся в Риме, приходили каждое утро для *salutatio* в качестве *amici principis*. Другой, узкий круг лиц составляли доверенные друзья: Меценат, Г. Прокулей, Саллюстий Крисп, Агриппа, Статилий Тавр и другие (см.: Портнягина. Ук. соч. С. 229 сл.; Winterling. *Die Freundschaft der römischen Kaiser...* S. 223, 231 f.). Влияние друзей и клиентов из числа образованных помощников, советников, учителей, ученых на формирование политики принцепсов не привлекло еще должного интереса исследователей.

лее независимым покровителям деятелей культуры. Наиболее известны Валерий Мессала, Азиний Поллион, Элий Галл, Л. Кальпурний Пизон. Их друзья и клиенты также были вхожи в дом Августа. Обстановка благоприятствовала обмену мнениями, поощряла к творчеству. Дом Августа на Палатине превратился не только в важный политический и религиозный, но также в духовный и интеллектуальный центр¹⁶⁹.

Август ценил ученых и просто хорошо образованных людей даже скромного происхождения и статуса. Среди них были отпущенники: сочинитель Гай Мелисс, который заведовал библиотекой в портике Октавии (Suet. gramm. 21); писатель и руководитель канцелярии Августа (*a memoria*) Юлий Марат (Suet. Aug. 79.2) и известный автор басен грек Федр, выполнявший обязанности придворного воспитателя. Из Египта происходили философ-платоник, математик и астролог Фрасилл (был приближен также к Тиберию, см. Suet. Aug. 98.4 etc.), математик и астроном Факунд Новий, рассчитывавший «солярий Августа» (Plin. n. h. XXXVI.72). Многие другие также прибыли из различных уголков средиземноморского мира¹⁷⁰.

Широта интересов и компетентность правителя нашли отражение во вкладе, внесенном Августом в самые различные области римской жизни. В качестве примеров, помимо множества государственных реформ и новых законов, необходимо назвать совершенствование календаря, а также новое административное деление Италии и провинций, которое он осуществлял вместе с Агриппой. После смерти своего верного помощника Август довел до конца работу по созданию «карты Агриппы», которая демонстрировала грандиозные масштабы завоеваний. Но географические знания были чрезвычайно важны также для управления огромной державой и для успешной внешнеполитической деятельности. Сюда относится и проведенная перепись населения всей Империи, что позволило упорядочить налогообложение и администрацию¹⁷¹.

¹⁶⁹ Отношения Августа со своими друзьями повял специальной главкой Светоний (Suet. Aug. 66). О названных персонах и других лицах см. также: Kienast D. Augustus. S. 308 ff. mit Anm. 325 ff.; Bleicken J. Augustus. S. 422 ff., 736 f. О поддерживавших Октавиана бывших друзьях и клиентах Юлия Цезаря см. также разделы III.6 с примеч. 170, V.8 с примеч. 199.

¹⁷⁰ О том, что Август окружал себя учеными людьми, через три с половиной века (360 г.) особо упоминает в своем кратчайшем описании Аврелий Виктор (Aur. Vict. de Caes. I). О *solarium Augusti* см. далее, раздел VII.5. Д. Кинаст называет также «придворных» Августа: ритора Теодора из Гадары, воспитателя Тиберия; придворного поэта Кринагора из Митилены; поэта Парфения из Никеи и ряд других (Kienast D. Augustus. S. 313 f. mit Anm. 340 ff.). О «доме» (комплексе построек) Августа на Палатине и бывавших там ученых и литераторах см. раздел VIII.8.

¹⁷¹ Strabo IV. 1. 1; Plin. n. h. III. 17, 46, 49–126; Cf.: Sallmann K. Die Geographie des Älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Varro. Berlin, 1971. S. 191–236; Winkler G. (Hg.) Plinius, Naturkunde III. München, 1988. S. 466–493; Thomen R. The Italic regions from Augustus to the Lombard invasion. Kopenhagen, 1947; Eck W. Die staatliche Organisation Italiens in der hohen Kaiserzeit. München, 1979. S. 132 ff. cf.: Bringmann; Wiegandt. S. 185–189. К убедительному выводу о самом непосредственном участии Августа в составлении своего рода географического кадастра Италии и провинций пришёл К. Николе (Nicolet C. Space... P. 178 etc.).

Об уровне культуры свидетельствуют не только собственные знания и интересы Августа, но и внимание к образованию своих внуков и потенциальных наследников. Около 10 г. до н.э. Август пригласил на Палатин М. Веррия Флакка, по происхождению вольноотпущенника. Он отличался особенно эффективной методикой преподавания. Флакк давал аналогичные задания ученикам примерно равных способностей с тем, чтобы провести между ними состязание. Победитель получал ценный приз, как правило, ему вручался список редкого сочинения. Флакк был не только талантливым учителем, но также известным ученым-грамматиком и лексикографом. Он был автором сочинений об орфографии, об этрусских и римских праздниках и ряда других. Самым значительным был труд «О значении слов» (*de verborum significatu*), известный по извлечениям Помпея Феста и Павла Диакона (из Феста). В нем объяснялись редкие и устаревшие слова. Также Веррию Флакку принадлежал комментарий римского календаря. Результаты его работы использовал Овидий и последующие авторы. Выжимкой календаря является сохранившийся текст Пренестинских фаст — календаря знаменательных дат времени Августа. Выбор Августом Веррия Флакка как учителя был не случаен. Августу пришлось назначить ученому жалование в сто тысяч сестерциев в год, а также уступить желанию взять с собой также прежних учеников. Таким образом, в комплексе на Палатине оказалась целая школа¹⁷².

Специальное художественное образование для юношей из знатных семей в те времена не предусматривалось. Но созданные по заказам Августа произведения архитектуры и искусства говорят о художественном вкусе. Немало скульптур и картин перекочевало по его распоряжению из Эллады в столицу, украсив, например, храм Божественного Юлия на Римском форуме¹⁷³. Впечатляет художественное качество фресок в доме Августа на Палатине. Принцепсу безусловно пошло на пользу тесное общение с теми архитекторами и художниками, которые выполняли многочисленные правитель-

О «карте Агриппы», горологии и календаре см. также раздел VIII.5, об оставленном Августом вместе с заведением описании государственных дел см. разделы VII.5 и X.7 с примеч. 102.

¹⁷² Fasti praen. // CIL I.2. P. 285; Suet. gramm. 17 (Verrius Flaccus). Веррий Флакк преподавал в атриии дома Катула, включенного в комплекс «дома» Августа на Палатине (см. раздел VIII.8). В роскошном доме Луция Катула, победителя кимвров в 101 г. до н.э., и жил учитель — бывший раб, прославившийся благодаря своей учености. Это относится ко времени примерно между 8 и 1 гг. до н.э. Он умер в 22 г., при Тиберии. См. также: Ломмэ М.-К. Веррий Флакк при дворе Августа: эрудит на службе принцепса // Древнее Средиземноморье. М., 2005. С. 210–229 (в примечаниях выдержки из текстов и литература); Christes J. Sklaven und Freigelassene als Grammatiker und Philologen. Wiesbaden, 1979. S. 83 ff.; Kienast D. Augustus. S. 270 mit Anm. 208, S. 313 mit Anm. 340 etc.

¹⁷³ П. Цанкер отметил, что Август предпочитал архаические и классические оригиналы, поскольку древность сообщала им особую сакральную ауру. Классика ценилась в первую очередь как выражение морального совершенства (Zanker P. Augustus und die Macht... S. 240 ff.). В то же время трудно представить, чтобы существенной роли не играли также эстетические критерии.

ственные поручения, строили храмы, изготавливали портретные бюсты императора и членов его семьи. Некоторые мастера могли какое-то время находиться при дворе, например, известный резчик по камню, изготовитель гемм и оригинальной печати Августа Диоскурид (Plin. n. h. 37. 8; Suet. Aug. 50). Август мог посещать находившиеся недалеко от его дома скульптурные и бронзолитейные мастерские, выполнявшие правительственные заказы. О значении, которое Август придавал архитектуре, убедительно говорит осуществленная им грандиозная программа строительства и наполненная гордостью фраза о том, что он «принял Рим кирпичным, а оставляет мраморным». О проявленном Августом интересе к предмету свидетельствует также посвящение ему Витрувием труда «Об архитектуре»¹⁷⁴.

Искусство времени Августа ориентировалось на шедевры высокой и поздней классики, учитывая достижения раннеэллинистического периода. Выбор был обусловлен идеологией «восстановления республики», важной составляющей которой было возрождение «древних нравов». Эстетика классической соразмерности отражала гармонию, свойственную как политике — «республике», так и космосу. Такие предпочтения предполагали достаточную компетентность. Представляется само собой разумеющимся, что принцепс принимал участие в обсуждении важнейших проектов и должен был дать добро на освящение храмов, на тиражирование собственных портретов или на росписи стен в собственном жилище¹⁷⁵.

Интересы Августа обнаруживает также создание Аполлоновой библиотеки на Палатине (*bibliotheca Apollinis*, или *bibliotheca Palatina*). Она являлась частью храмового комплекса Аполлона — избранного триумвиром и затем императором личного бога-покровителя¹⁷⁶. Эта первая государственная публичная библиотека в Риме состояла из двух отделений, латинского и греческого¹⁷⁷. На должность заведующего Август в 28 г. поставил вольноотпущенника Г. Юлия Гигина¹⁷⁸. Он учился у Корнелия Александра Милетского, выдающегося ученого Пергамской школы. Гигин известен как

¹⁷⁴ Suet. Aug. 28. 3, cf. 29; RG 19–21 etc. См. также: Поляков Г. П. Витрувий и Август (К проблеме Витрувия как исторического источника) // ВДИ. 1938. N 4. С. 146–160.

¹⁷⁵ См. разделы VII.7 сл. (о скульптурных портретах Августа) и главу VIII (об архитектуре).

¹⁷⁶ О библиотеке Аполлона на Палатине: Iacopi I., Tedone G. Bibliotheca e Porticus ad Apollinis // MDAI(R). Bd. 112. 2005/6. P. 351 ff.; Balensiefen L. Bibliotheca Palatina — Die Apollo-Bibliothek // Hoffmann A., Wulf U. (Hrsg.), Die Kaiserpaläste auf dem Palatin in Rom. Mainz, 2004 (2006²). S. 100–111 (как памятник археологии); id. Die Macht der Literatur. Über die Büchersammlungen des Augustus auf dem Palatin // Hoepfner W. (Hrsg.). Antike Bibliotheken. Mainz, 2002. S. 97–116 (библиотека как интеллектуальный центр). См. также раздел VIII.8.

¹⁷⁷ Suet. Aug. 29. 3; Dio LIII. 1. 3. Первую частную публичную библиотеку в Риме, по-видимому, также двухязычную, основал Г. Азиний Поллион при храме богини Свободы. Он же ввел рецитации новых литературных произведений. Подробнее о нем см. в разделе IX.6.

¹⁷⁸ С. Iulius Hyginus. Первоначально устройство библиотек было поручено Помпею Макру, о чем сказано чуть далее.

филолог, историк и географ. Прозвище *Polyhistor* (букв.: «многознающий») означало, что он был универсальным ученым. Перу Гигина принадлежали многочисленные, к сожалению, утраченные труды. Он был дружен с Овидием¹⁷⁹. Гигин создал крупную библиотеку высокого уровня. В помещениях было достаточно места для ученых занятий и рецитаций. Скорее всего, именно в одном из них впервые читались вслух «Энеида» Вергилия, главы исторического труда Тита Ливия и многие другие сочинения, составившие славу Августова века. На рецитациях нередко присутствовал принцепс. Собственные произведения он читал преимущественно в кругу своих близких. Лишь те, которые представлялись особенно актуальными и значимыми (например, своего «Анти-Катона»), Август зачитывал публично, в Аполлоновой библиотеке. Принцепс поддерживал ученых и писателей, особенно поощряя латинских авторов. Вместе со своим патроном — богом Аполлоном — он выступал как покровитель наук и искусств¹⁸⁰.

Сравнительно недавно были открыты еще помещения личной, домашней библиотеки Августа. Две симметрично расположенные комнаты имели характерные встроенные шкафы с полками для латинских и греческих свитков. Аналогичные библиотеки известны в некоторых богатых виллах вокруг Везувия, Августова отличалась большими размерами. По мнению Л. Балензифен, полученные данные указывают на «обширные знания и ученость пользователя». Библиотека «позволяет увидеть в первом принцепе более, чем просто образованную, культурную или приобщенную к цивилизации личность; скорее она указывает на него как на исследователя и ученого». Авторизованная Августом норма — деление библиотек на две части — означала, что он «лично выразил претензии Рима на роль не только нового политического, но и культурного центра мира. В силу своего интеллекта Август был достоин этой роли»¹⁸¹. В оценке исследовательницы замечен восторг одной из первооткрывательниц. Тем не менее, уже сам факт наличия такой библиотеки в «доме Августа», наряду с целым рядом других свидетельств, говорит об определенной атмосфере, характеризовавшей не только правителя и ближайшее окружение, но и его правление в целом.

Книги, находившиеся на Палатине в трех собраниях: публичной библиотеке на территории храма Аполлона, подборке священных книг в самом хра-

¹⁷⁹ Cf.: Ovid. trist. III. 14. Судя по противоречивым свидетельствам, Гигин мог родиться в Испании, получить образование в Александрии, откуда в качестве раба был доставлен в Рим Юлием Цезарем. Август освободил его от рабства. Видимо, позднее Гигин впал в немилость у принцепса, поскольку умер в нищете (Suet. gramm. 20). См.: Schanz M.; Hosius C. Geschichte... II. S. 368–372; Schmidt P. L. Hyginus 1. KP II. Sp. 1263; Albrecht M. von. Geschichte... Bd. I. Bern, 1992. S. 693.

¹⁸⁰ См.: Christes J. Sklaven und Freigelassene... S. 72 ff.; Balensiefen L. Die Macht der Literatur. S. 107 etc.

¹⁸¹ Balensiefen L. Die Macht der Literatur. S. 115.

ме у ног статуи Аполлона¹⁸² и личной домашней библиотеке принцепса, — содержали знания, сакральные и научные, которыми не пренебрегал основатель Империи. Август продумывал ответственные шаги, сверяя их с мыслями греческих философов и опытом римских *summi viri*, взиравших на его деяния с высоты постаментов нового форума (см. раздел VII.6).

При чтении Август всегда обращал особое внимание на полезные примеры и наставления. Особенно удачные находки рассылались близким, друзьям и должностным лицам. При обосновании некоторых мероприятий, ссылаясь на обычаи предков, принцепс зачитывал вслух перед сенатом целые книги, народу они оглашались в специальных эдиктах (Suet. Aug. 89. 2). Иногда с целью воспитания Август обращался к деяниям современности. Он красноречиво восхвалял Друза перед народом, призывая следовать этому примеру. На захоронении Друза принцепс поместил собственные стихи и написал воспоминания о его жизни (Suet. Claud. 1. 5).

История была для Августа не только сокровищницей примеров (*exempla*). Он был достаточно сведущ в тех событиях и эпохах, которые считал для себя поучительными, среди них — история Греции и эллинистического мира. Находясь в Александрии, Октавиан оказал самые высокие почести Александру Македонскому. На его гроб, вынесенный из гробницы, Октавиан возложил золотой венец и усыпал мумию цветами. Юный Цезарь подчеркнул, что поклоняется Александру, как истинному царю, в противоположность явному пренебрежению к Птолемаем. Из эпигонов симпатиями Октавиана пользовались Антигониды¹⁸³.

Осмотрительно, со знанием дела, черпал Август также из римской исторической традиции. У Ромула был заимствован имидж основателя Города, но не монарха. Октавиану, как известно, предлагали титул второго Ромула. Но он не захотел ни удовлетвориться вторым местом (позднее его всё же величали «вторым основателем Рима»), ни тем более предстать на политической сцене в качестве царя. Август не пошел и по пути диктатора Юлия Цезаря.

Август осознавал значение истории как важного фактора, формирующего политические взгляды. Его «Автобиография» (*De vita sua*) в 13 книгах, доведенная до Кантабрийской войны (25 г. до н.э.), должна была задать тон как трактовкам личности императора, так и интерпретации важнейших событий¹⁸⁴.

¹⁸² Создание этого собрания свитков было результатом тщательного отбора, в ходе которого было сожжено две тысячи пророческих книг, ходивших по рукам (Suet. Aug. 31. 1). Это тоже был результат самого серьезного (в данном случае в пейоративном смысле) отношения Августа к книге.

¹⁸³ Suet. Aug. 18. 1; с другой стороны, известно, что трупы Птолемеев, в отличие от Александра, были по указанию Октавиана сожжены. Об отношении к Александру см. в разделах III.6. с примеч. 176., III.7 с примеч. 209, к эллинистическим правителям — III.7 с примеч. 211 слл.

¹⁸⁴ Сочинение имело посвящение Меценату и Агриппе в знак признания заслуг этих его ближайших сподвижников (Plut. comp. Dem. et Cic. 6). Тринадцать книг «Автобиографии» в современном печатном издании могли составить примерно 450 стандартных страниц (См. Malitz J. Nikolaos... S 10, Anm. 54 und S. 11

Его первым опытом истолкования и оценки исторических событий было уже упомянутое полемическое сочинение «Возражения Бруту о Катоне»¹⁸⁵. К сожалению, исторические сочинения Октавиана-Августа не сохранились.

Известно о тесных контактах принцепса с Титом Ливием и постоянное внимание принцепса к его работе. Ливиева концепция раннего Рима соответствовала «реставрационной» идеологии режима. Установлено также, что изложение событий гражданских войн в «Истории Рима» в основном следовало трактовке «Автобиографии» императора. Август не упускал из поля зрения также других современных авторов, мягко направляя их интересы и при необходимости корректируя трактовки. Светоний заметил, что о себе принцепс позволял писать только «лучшим» сочинителям. Легко представить, что уже интерес, проявляемый к текстам, должен был произвольно включать у авторов фактор самоцензуры¹⁸⁶.

Известны также примеры «заказных» сочинений. Николай Дамасский сочинил панегирическую биографию Августа, используя его «Автобиографию». Вдохновителем труда был друг императора Ирод, адресатом панегирического сочинения — читающая публика на греческом Востоке¹⁸⁷. Другой монарх, царь Мавритании Юба, также учитывал позиции своего римского патрона в своих сочинениях¹⁸⁸. В конечном счёте литературные интересы принцепса не могли быть свободны от политических.

Август был прежде всего государственным деятелем, а не эстетствующим ценителем изящной словесности. Но образованность помогала политику ценить значение и силу литературы. Так, видимо, следует понимать специальное поручение Помпею Макру по «устроению библиотек» (*ordinandas bibliothecas*). Как следует из сообщения Светония, в сферу его полномочий входили не только чисто организационные, но также издательские и цензорские функции. В одном из «коротких и ясных» писем Август запретил Помпею Макру издавать некоторые детские и юношеские сочинения Юлия Цезаря¹⁸⁹. В данном случае, скорее всего, причина была довольно безобид-

mit Anm. 58). Это сочинение должно было служить ориентиром для биографии, написанной ненамного спустя Николаем Дамасским. См. разделы I.5 и VII.6 с примеч. 131 слл.

¹⁸⁵ К этому сочинению мы вернемся в разделе IX.7.

¹⁸⁶ О Тите Ливии, Азинии Поллионе, Кремуции Корде см. раздел IX.6 сл. Сравн.: Kienast D. Augustus. S. 270 f.

¹⁸⁷ «Жизнеописание императора Августа». Для его опубликования требовалось по крайней мере согласие императора. Сравн. раздел I.5 с примеч. 47.

¹⁸⁸ См.: Jakoby F. FGrH Nr. 275; Kienast D. Augustus. S. 272 f. mit Anm. 216.

¹⁸⁹ Suet. Iul. 56.7. Среди запрещенных сочинений Светоний называет «Похвалу Геркулесу», трагедию «Эдип», «Собрание изречений». Cf.: Crook J. Consilium principis. P. 179, Nr. 268; Syme R. Ovid. P. 73 f. etc. Помпей Макр был сыном известного историка Феофана из Митилены, поэт, в т.ч. автор героического эпоса и трагедии. После описанного эпизода занимал в 21–17 гг. должности прокуратора в Сицилии и Азии. Был дружен с Овидием (Ovid. ep. ex Pont. II. 10. 21; Strab. XIII. 618. Cf.: Hanslik R. Pompeius 10 // KP. Bd. IV. 1972. S. 1030 f.). Творческий уровень и статус Помпея Макра лишний раз говорят о значении, которое Август придавал контролю над изданием и распространением литературы. О Гигине см. выше, примеч. 178 сл.

ной — детские сочинения не соответствовали «божественному» статусу Цезаря. Но цензура могла иметь и более серьезные применения, как, например, в случае с запрещенными сочинениями Овидия или с сожжением незаконизированных оракулов¹⁹⁰.

Все же Август отнюдь не ограничивал применение своих обширных знаний «политикой в области литературы и искусства», был не только прилежным учеником и восторженным слушателем. Он составлял законы и другие государственные документы, активно занимался литературной деятельностью. Общее количество текстов, вышедших из-под его пера или созданных при непосредственном участии принцепса, должно было исчисляться пятизначным числом¹⁹¹. К сожалению, из работ, к составлению которых был причастен Август, сохранились лишь немногие, и те в основном фрагментарно или известны только по названиям. Особого упоминания заслуживают надписи, содержащие в основном официальные документы (числом 30). Всего в новейшем издании собрано 310 фрагментов текстов, вышедших из-под пера основателя Римской империи. Кроме документов, в подготовке которых Октавиан-Август принимал участие «по долгу службы» (эдикты, судебные решения и декреты, мандаты), это также множество речей, писем, записок, которые он адресовал сенату, должностным лицам, Ливии и членам своей фамилии, провинциальным общинам.

Самое известное из сохранившихся сочинений Августа — его «Деяния» (*res gestae*). Подготовленное для посмертной публикации, оно является примером уважения к слову и мастерской работы над текстом. В этом своего рода политическом завещании, над которым Август работал не один год, возвращаясь к редактированию и корректурам вплоть до последних месяцев жизни, взвешено каждое предложение, каждая буква. В этом небольшом произведении — ключ к пониманию концепции Августовского правления¹⁹².

Владение ораторским искусством было непременным условием успешной карьеры римского политика времен Республики. Судя по всему, для Августа это было не менее важно. Известны его речи самого различного характера. Август выступал перед сенатом, народом, солдатами. Даже Тацит, который отнюдь не симпатизировал Августу, отмечал его легкую и свободную, достойную принцепса речь¹⁹³.

¹⁹⁰ О сожжении пророческих книг см. выше примеч. 182 и раздел VI.6 с примеч. 305. Примеры цензуры см. также в разделе IX.5 слл.

¹⁹¹ См.: Bringmann; Wiegandt. S. 19–23 (введение с общей характеристикой сохранившегося корпуса). Сравн. раздел I.5 с примеч. 52.

¹⁹² См. также разделы VII.5 сл.

¹⁹³ Tac. Ann. XII. 3. 2: *Augusto prompta ac profluens quaeque deceret principem eloquentia fuit*. Уже Цицерон отмечал зажигательность речи честолюбивого Октавиана (Cic. Att. XVI. 15. 3, ноябрь 44 г.).

Об уровне общей культуры свидетельствуют также сочинения, созданные вне связи с основной деятельности, на досуге. Впечатляют уже широта интересов и разнообразие жанров, в которых Август попробовал свои силы. Ни в одном из них он не достиг головокружительных высот, но вершины и хребты были обозначены такими гигантами, как Цицерон, Вергилий, Гораций, а также еще десятками немногим им уступающих. Сам Август достаточно самокритично оценивал свои успехи на литературном поприще. Это относится к стихотворным сочинениям, особенно на греческом. Свою трагедию «Аякс» юноша Октавиан оценил как неудавшуюся и уничтожил. Светоний упомянул написанную гекзаметром «Сицилию» и эпиграммы в двух книгах¹⁹⁴. Нравам времени соответствовали до неприличия острые сатирические стихи, сочиненные во время Перузинской войны, в частности, эпиграмма против Фульвии и фесценнина в адрес Г. Азиния Поллиона¹⁹⁵.

Широкие литературные и научные интересы Августа не были тогда чем-то из ряда вон выходящим. Городские и загородные дома римской знати украшались греческими статуями и их многочисленными копиями. Библиотеки и портики служили местами ученых занятий и философских бесед. Образцом загородного дома высшей знати может служить Вилла папирусов в Геркулануме, а о содержании происходивших там разговоров можно составить представление по диалогам Цицерона. Высокий уровень культуры имущих классов отражает римская литература «золотого» и «серебряного» веков, юриспруденция и историография, блестящие достижения в области градостроительства и архитектуры, сохранившиеся памятники искусства. Используя достижения всего Средиземноморья античная цивилизация переживала расцвет. В определенной среде это означало высокие стандарты образования, рафинированный художественный вкус, разнообразные интеллектуальные интересы. На таком фоне образованность Августа может быть оценена как типичная для представителя политического клас-

¹⁹⁴ Suet. Aug. 85. 2, cf. Plin. ep. V. 3. 2–5. Cf. Bringmann; Wiegandt. S. 25 (Dok. 2 f.).

¹⁹⁵ Неприличная эпиграмма в адрес жены Антония Фульвии была процитирована Марциалом, который приводит ее в оправдание своих откровенных излияний (Mart. XI. 20, сравн. Bringmann, Wiegandt. Dok. 4). В латинской поэзии рамки дозволенного весьма широко раздвинул уже Катулл (напр. Carmina 16; 57). В некоторое оправдание Октавиану следует также заметить, что в обстановке жестокой гражданской войны триумвир, с одной стороны, хотел нанести Фульвии наибольший моральный урон, а с другой — потрогать вкусам солдаты. Как известно, роли сексуальных партнеров по римским понятиям отражали отношения властвования и подчинения. Это обыгрывают надписи, обнаруженные под Перузией на свинцовых снарядах для катапульта (CIL XI. 6721, Nr. 14). Они были адресованы Луцию Антонию и Фульвии (О ней см.: Белкин М. В. Фульвия — фурия римской революции // Мнемон. Вып. 8. СПб, 2009. С. 233–248). Не менее острой могла быть фесценнина Поллиону (см. Bringmann, Wiegandt. Dok. 8). *Carmina Fescennina* (versus Fescennini) — народные сатирические стихи, песни, часто весьма вольного содержания. Октавиан любил острое словцо. Так, будучи спрошен, что делает его (трагедия) Аякс, Октавиан ответил, что тот бросился на губку (Suet. Aug. 85. 2; Macrobian Sat. II. 4. 2. Аякс, в частности у Софокла, бросился на меч, а губкой поэты стирали неудачные места в рукописи).

са. Но это не умаляет достоинств создателя Империи. В правителях такого масштаба редко обнаруживается столь удачное сочетание необходимых качеств характера, незаурядных способностей и культуры.

Личность основателя новой государственности сформировалась в суровое время гражданских распри, он не мог позволить себе витать в облаках. В моменты, когда речь шла о жизни и смерти, Октавиан использовал все средства, и они не противоречили его убеждениям. Триумвира не останавливали ни угрызения совести перед бывшими союзниками, ни кровь сограждан. На войне Октавиан действовал расчётливо-жестко (в результате — жестоко), но не ожесточился. Ему редко изменяло чувство меры, испытания не разрушили личность. Своей уравновешенности, психической устойчивости (как и слабому физическому здоровью) Октавиан был обязан наследственности, но не только. Политические взгляды и принципы сформировались на основе первых детских впечатлений. Они были почерпнуты в тихих, сохранявших патриархальный дух Велитрах, под воздействием ближайшего окружения. Основополагающими были усвоенные с младых ногтей ценности гражданской общины. С ними органично соединились ставшие уже своими для образованных людей того времени достижения греко-эллинистической культуры.

Никто из античных авторов не упрекает Августа в высокомерии, заносчивости, гордыне. Присущие Августу обходительность в обращении с окружением, согражданами и подданными — тоже продукт «республиканского» воспитания в соответствии с «нравами предков». Особый стиль поведения был в течение столетий выработан патрициями в отношении к плебеям, нобилитетом — к плебсу. Он входил в арсенал политических жестов, подчеркивая как принадлежность к гражданскому коллективу — Римскому народу, так и уважение к «свободе» (*libertas*) и достоинству (*dignitas*) отдельного гражданина. Качеством, которое обозначалось как *civilitas*, *liberalitas*, *comitas* (в данном контексте — приветливость, учтивость, вежливость, противоположные заносчивости и высокомерию) отличались все лучшие принцепсы¹⁹⁶. В отличие от *clementia*, которая могла подразумевать неравенство

¹⁹⁶ Об обходительности, мягкости, скромности Октавиана-Августа см., напр.: Cic. fam. X. 24. 4; Nik. Dam. 125. 1 (*philantropia* etc.), 126. 2, 127. 27, 128. 29; Suet. Aug. 51, 98. 2 etc. Эта форма поведения как политический инструмент (жест, знак), игравший важную роль в эпоху Республики, описана Мартином Йене: Jehne M. Jovialität und Freiheit. Zur Institutionalität der Beziehungen zwischen Ober- und Unterschichten in der römischen Republik // Linke B; Stemmler M. (Hgg.). Mos maiorum. Untersuchungen zu den Formen der Identitätsstiftung und Stabilisierung in der römischen Republik. Stuttgart, 2000. S. 207–235 (с указаниями на лит.). Йене определяет это качество как Jovialität (нем. от лат. *jovialis* — качество, присущее Юпитеру). Сравн.: Heuer K.-H. Comitas — facilitas — liberalitas. Studien zur gesellschaftlichen Kultur der ciceronischen Zeit. Lengerich (Westf.), 1941. S. 24–45 (применительно ко времени Цицерона); Wallace-Hadrill A. Civilis princeps: Between citizen and king // JRS 72. 1982. P. 32–48, esp. 42 f. (эпоха Ранней Империи); Kloft H. Liberalitas principis. Köln, 1970. Kap. III. Die liberalitas des Augustus. S. 73 ff. М. Йене замечает, что значение жестов «обходительности» с установлением принципата не уменьшилось, сам

сторон (в т.ч. «милосердие» победителя к побежденному, хозяина к — рабу), *civilitas* воплощала в себе доброжелательность¹⁹⁷, подразумевая *humanitas* (дословно: человечность). Понятие, которому не случайно уделил внимание Цицерон, обозначало также образованность, духовность и, таким образом, было близко к эллинской *paideia*¹⁹⁸. Во времена расцвета Республики политический класс умел находить компромиссы и поддерживать социальный мир. Смуты начались, когда «лучшие», сохранив свои претензии, утратили качества, необходимые для руководства как согражданами, так и подданными.

Поведение, стиль общения Августа соответствовали «республиканской» идеологии и политике. Уважительное отношение к сенату, такт в обращении с окружающими помогали, не вызывая излишнего раздражения, постепенно и последовательно проводить свою линию. Это позволило, минуя опасные рифы бесконтрольного произвола и пассивной вседозволенности, уверенно вести государственный корабль в тихую гавань под названием *pax Augusta*.

Рассмотренные факты представляют нам Августа в новом свете. Это был просвещенный правитель, подготовленный к стоявшим перед ним грандиозным задачам. Личные качества реформатора, круг интересов и общения, политическая и общая культура во многом объясняют его успехи. Октавиан, опираясь на друзей, советников, ветеранов, большинство граждан и жителей провинций, уничтожил своих врагов. Установив мир и порядок, он сумел ввести процесс стихийного выбора в русло всем понятной политики. Рим оставался центром власти. Его гражданство, понеся многие десятки тысяч жертв, подтвердило свой выбор в пользу «республики».

Здание, в котором бы умещались, сотрудничая, а не мешая друг другу, Рим, Италия и «империя», следовало построить заново. Такое сложное сооружение не могло появиться стихийно или в результате случайных совпадений. Познакомившись с личностью главного архитектора и прораба, мы понимаем это ещё лучше. Октавиан-Август не изобрёл плана «восстановле-

Август был непревзойденным мастером этого искусства. Особенно он старался не подчеркивать свою власть в отношении сенаторов, представляя себя как *primus inter pares*. К сожалению, в конечном счёте автор сводит дело к «артистическим» способностям Августа (Jehne M. Jovialität... S. 229 f.). «Гражданский» («республиканский») стиль управления в той или иной мере распространялся на всю Империю в первые века ее существования. Это, в частности, убедительно показано в работах А. Л. Смышляева: *Civilis dominatio*: римский наместник в провинциальном городе // ВДИ. 1997. № 3. с. 24–35; Римский наместник как магистрат (к вопросу об особенностях римской государственности в эпоху Ранней Империи) // Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). М, 1998. С. 282–295 и др.

¹⁹⁷ Буквально *civilitas* можно перевести как «гражданственность» — «качество, свойственное гражданину», в отличие от высокомерия тирана. Примером последнего был *Tarquinius Superbus* (Тарквиний Надменный, или Спесивый). Под *civilitas* подразумевались также внутренняя культура, воспитанность, такт (частично сродни уходящему специфически русскому понятию «интеллигентность»).

¹⁹⁸ См.: Schadewaldt W. *Humanitas Romana* // ANRW I. Bd. 4. 1973 (о концепции *humanitas* у Цицерона — с. 47); Büchner K. *Humanitas* // KP. Bd. II. 1967. S. 1241–1244. Специальная глава посвящена *liberalitas* Августа в книге: Kloft H. *Liberalitas principis*. S. 73–84.

ния республики» и вообще не был оригинальным мыслителем. Но он имел хороших наставников, был способен учиться, воспринимать новое и — реализовывать свои замыслы.

Далеко не все человеческие качества основателя нового режима можно назвать привлекательными. Некоторые поступки Октавиана в период гражданской войны поражают жестокостью и заслуживают осуждения. Но не следует забывать, что военное время диктует свой кодекс поведения. Гражданские войны отличаются особой беспощадностью. Дополнительный отпечаток на действия Октавиана накладывал долг мести за приемного отца и как следствие — непримиримость по отношению к противникам. В противоположность этому правление Августа после установления мира характеризовалось скорее терпимостью и разумностью, подчас даже великодушием. Это черты незаурядного государственного деятеля, пусть даже в их основе лежала холодная рассудочность.

IV.8. В начале было слово

Пока Цезарь (Октавиан) упорядочивал управление в восточных провинциях, утверждая там свою власть, Рим готовился к встрече с ним. При вступлении в должность 1 января 29 г. консулы произнесли клятву, в которой содержалось имя императора. Через 10 дней по постановлению сената были закрыты ворота храма Януса, что символизировало установление долгожданного мира¹⁹⁹. С победителем были связаны все дальнейшие надежды, на него обращены взоры сограждан. Ещё в 43 г. триумвиры провозгласили своей задачей приведение в порядок республики, её восстановление продолжали обещать Антоний и Октавиан и позднее, каждый в отдельности²⁰⁰. Что же теперь скажет тот из них, кто с таким трудом заполучил в свои руки полный контроль за состоянием государственных дел? Каким образом он собирается это делать?

В самом деле, был ли у Октавиана некий проект, замысел, в соответствии с которым он хотел устроить государственные дела? Проводя зиму

¹⁹⁹ Об этом Август с особой гордостью сообщает в своих «Деяниях» (RG 13, сравн. далее, раздел VII.5 и др).

²⁰⁰ Об обещаниях триумвиров восстановить или вернуть республику (у Диона Кассия — «демократию») упоминается неоднократно: в 36 г. Цезарь (Октавиан) сказал, что возвратит *res publica*, когда Антоний вернется из парфянского похода (App. b. c. V. 132/548); к 34 г. относится письмо Антония сенату о желании сложить полномочия и передать управление государством сенату и народу (Dio XLIX. 41. 6); в 32 г. Антоний пообещал, что через два месяца после победы он откажется от своих полномочий и передаст всю власть сенату и народу (ibid. L. 7. 1); согласно Светонию, Октавиан дважды задумывался о возвращении *res publica*: после победы над Антонием (30 г.) — в ответ на частые обвинения Антония, что *res publica* не восстановлена единственно из-за него, — а также во время приступа тяжелой болезни в 23 г. (Suet. Aug. 28); в 29 г. Цезарь (Октавиан) тоже планировал передать управление государством сенату и народу (Dio LII. 1. 1). Cf.: Millar F. Rome... Vol. I. P. 266 f. Подобные сообщения поздних авторов обязаны их неадекватному пониманию программы *res publica restituta*.

30/29 гг. на Самосе, победитель собирался с мыслями, обсуждал дальнейшие планы с друзьями и советниками. Август не был теоретиком, но в то же время был человеком, руководствовавшимся скорее рассудком, чем эмоциями.

Содержание и характер преобразований, настойчиво осуществлявшихся Октавианом-Августом на протяжении полувека, позволили Р. Гайнце высказать мнение, что действия основателя принципата отвечали определённым политико-философским воззрениям. К. Райтценштайн, которого не удовлетворял преимущественно юридический подход Т. Моммзена, рассматривал, как основу программы национального возрождения, концепцию Цицерона. Р. Холмс сформулировал своё отношение к проблеме уже в заголовке своего труда. Не приукрашивая поведение Октавиана в период триумvirата и его ошибки, историк изобразил Августа как архитектора и строителя нового государства²⁰¹. А. Домашевский указывал, что Август черпал из греческой политической философии, обогащенной римской традицией и опытом. Указывая на частичное совпадение «добродетелей Августова щита» с гражданскими качествами, восхваляемыми Платоном, исследователь обращал внимание на римское происхождение таких основополагающих понятий, как *virtus* или *princeps civitatis*²⁰². К вопросу о теоретических основах принципата обращались Й. Кэрст, В. Пёшель, У. Knoхе, М. Шэфер, как и В. Вебер — хрестоматийный пример национал-социалистского антиковедения²⁰³.

Случайно ли проблема идейных истоков нового режима особенно привлекала немецких исследователей? Представляется, в числе других факторов свою роль сыграли бравшие начало в романтизме поиски «римского духа». Немалую роль сыграл также социальный опыт историков, переживших опыт первой мировой войны, Веймарской республики и затем — на-

²⁰¹ Holmes Th. R. The architect of the Roman empire. 2 vols. Oxf., 1928–1931.

²⁰² См.: Heinze R. Ciceros politische Anfänge (1909) // id. Vom Geist des Römertums. S. 87–141; Reitzenstein R. Die idee des Prinzipats bei Cicero und Augustus // Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse aus dem Jahre 1917. Berlin, 1918 (Heft 3). S. 399–436, 481–488; Domaszewski A. Die philosophische Grundlage des augusteischen Prinzipats // Karo G., Salin E. (Hrsg.) Bilder und Studien aus drei Jahrtausenden... München etc., 1923; Kaerst J. Scipio Aemilianus, die Stoa und der Prinzipat // NjBWJb. Bd. 5. 1929; Harder R. Die Einbürgerung der Philosophie in Rom // Die Antike. Bd. 5. 1929. S. 291–316. (ND: ders. Kleine Schriften, hg. von W. Marg. München 1960. S. 330–353 = Büchner K. (Hg.). Das neue Cicerobild. Darmstadt, 1971. S. 10–37; Pöschl V. Römischer Staat und griechisches Staatsdenken bei Cicero. Berlin, 1936 (ND: Darmstadt 1962; 1974); Knoche U. Die geistige Vorbereitung der augusteischen Epoche durch Cicero // Das neue Bild der Antike. Bd. 2, 1941, S. 200 ff. (= Klein R. (Hg.). Das Staatsdenken der Römer. Darmstadt, 1966. 405–428; Schäfer M. Cicero und der Prinzipat des Augustus... etc.

²⁰³ В. Вебер говорил о кажущемся «революционным», а на самом деле консервативном создателе *novus status*. Он указывал, имея в виду Цицерона и Аристотеля, на наличие теоретических основ принципата, отмечал, что «порядок как состояние предполагает его устроителя» (Weber W. *Principes: Studien zur Geschichte des Augustus*. Bd.1. Stuttgart, 1936; ND: Aalen, 1969. S. 27 f. m. Anm. 136 f.).

цистской диктатуры. В любом случае не следует преуменьшать значение данного направления исследований. Очищенное от расистских наслоений, оно заслуживает внимания и находит продолжение в изучении особенностей римского менталитета, процессов эллинизации, проникновения в Рим греческой философии и её роли в формировании мировоззрения правящего класса и культуры в целом.

К рассматриваемой теме и смежным вопросам обращались ученые также во второй половине XX и начале XXI вв. На связь Августа принципата с некоторыми идеями античной политической философии указал С. Л. Утченко²⁰⁴. В последние десятилетия эта тема получила освещение в работах П. Бранта, М. Гриффина, К. Брингмана²⁰⁵. Наличие определённой концепции реформ предполагают многие исследователи Августа. Так, Г. Беллен говорит о пяти законодательных комплексах. Они дают «ясную картину практического воплощения концепции, в основу которой, по собственному свидетельству Августа (RG 8), он положил свои *novae leges*». При этом «определяющими понятиями» служили *exempla maiorum* и *exempla Augusti*²⁰⁶. Вместе взятые, они производят впечатление «превосходно продуманной (букв.: централизованной) системы. Её центральным пунктом было новое состояние, в которое Август привёл Римское государство, точнее: *utilitas rei publicae*, которая по существу определяла *novus status rei publicae*»²⁰⁷.

Об «идее принципата», «идее нового порядка» не раз упоминает в биографии Августа Й. Бляйкен²⁰⁸. Он подчёркивает, что принципат был «искусственным» продуктом. «...Поискам практических возможностей всегда предшествовали мысли. Принципат Августа представляется слишком обусловленным рассудком ("kopflastig")». Это относится и к брачному законодательству, «идея которого, как и практическое претворение, пропитана духом не имеющей прецедентов воли к преобразованию; оно является творением перспективного упорядочивающего образа мышления, исходящего из социальных реалий»²⁰⁹. К сожалению, Бляйкен, как и многие другие

²⁰⁴ Утченко С. Л. Древний Рим. С. 303–315; сравн. его же. Политические учения... С. 219.

²⁰⁵ См.: Brunt P. A. Stoicism and the principate // PBSR. Vol. 43. 1975. P. 7–35; Gruen E. S. Studies in Greek culture and Roman policy. Leiden etc., 1990; Bringmann K. Die Bedeutung der Philosophie in Rom...; Barnes J.; Griffin M. (eds). Philosophia togata. Vol. I & II. Oxf., 1989 (1996²)–2007 etc.

²⁰⁶ Bellen H. Novus status — novae leges. Kaiser Augustus als Gesetzgeber // Binder G. Saeculum Augustum. Bd. I. Darmstadt, 1987. S. 308–348. S. 344.

²⁰⁷ Ibid. S. 346.

²⁰⁸ Bleicken J. Augustus. Глава 8 книги Йогена Бляйкена называется «Принципат как идея и реальность» (с. 371 сл.). В этой главе и других разделах неоднократно говорится о "Idee des Principats" (S. 377) и "Idee der neuen Ordnung" (S. 395, cf. S. 679 etc.). О концепции этого автора см. также раздел II.4 с примеч. 128 сл.

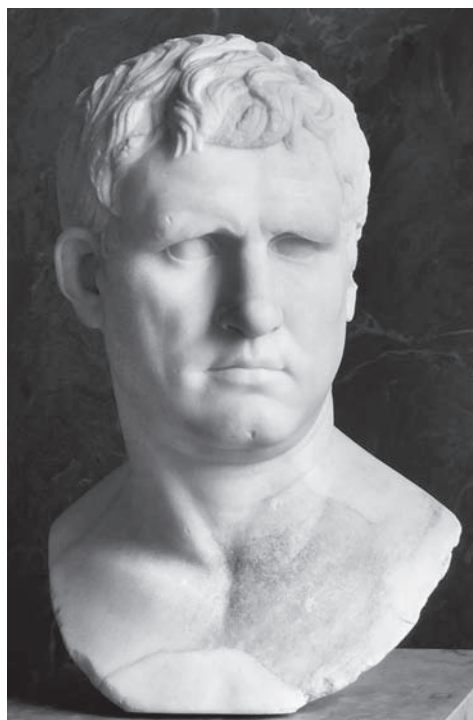
²⁰⁹ Ibid. S. 682. «Принципат» Августа появился в результате тщательного обдумывания — данная мысль лежала в основе концепции Бляйкена. Это подчеркнул в послесловии к посмертному изданию книги коллеги ученого — Уве Вальтер (Walter U. Prinzipat, kopflastig: Jochen Bleicken "Augustus" // ibid. S. 801–816, bes. S. 815).

Илл. IV.3. Портрет Агриппы (ок. 25–24 гг.)

исследователи, не конкретизировал эти интересные мысли. В итоге между идеями, сформулированными в самом общем виде, и практическими мерами остаются пустоты неопределенности. Они находятся там, где хотелось бы обнаружить содержательные планы и решения.

Историк Кассий Дион спустя примерно два с половиной века после описываемых событий излагает свою версию выработки плана действий после того, как Октавиан овладел властью. «Римская история» является основным нарративным источником для изучения Августова правления. В данном контексте особенно важна ЛII книга, где представлено совещание Октавиана с ближайшими соратниками: Агриппой и Меценатом²¹⁰. Многие авторы, античные и современные, априори исходили из намерения Октавиана стать монархом. Дион, также не сомневаясь в этом, считал все же необходимым реконструировать обсуждение аргументов «за» и «против»²¹¹.

Толчок был дан самим Цезарем (Октавианом), который «вознамерился сложить свои полномочия и передать власть сенату и народу» (Dio LII.1.1). Пропустим пока вопрос, изображена ли какая-то конкретная встреча, изобразил ли Дион дискуссию, в которой собраны не дошедшие до нас разобщенные данные, или вся эта глава — чистый вымысел. Вначале рассмотрим содержание речей Агриппы и Мецената. В них изложены планы, диаме-

²¹⁰ Сравн. слова Августа об Агриппе и Меценате как своих лучших советниках: Sen. benef. VI. 32. 2. Судя по контексту, совещание должно было происходить летом 29 г. По Кассию Диону, к этому моменту прошло 725 лет от основания Рима (Dio LII. 1. 1). Нам представляется, что вся сцена носит собирательный характер.

²¹¹ Сам Дион уделил своему повествованию о переходе к «монархии» особое внимание. Исследователи обратили внимание, что одна книга по данному периоду (книги 36–52 для 69–29 гг.) посвящена в среднем 3,3 годам, а при изложении дальнейшей истории (книги 53–80, 28 г. до н.э. — 229 г. н.э.) — 16,4 годам. См.: Rich J. W. The Augustan settlement (Cassius Dio. Roman history 53–55.9). Warminster, Engl., 1990. P. 13. п. 66. Цитаты из книги LII в переводе на русский приводятся по изданию: Дион Кассий. Римская история. Книга LII. Пер. с древнегреч. К. В. Маркова и А. В. Махлаюка; комм. А. В. Махлаюка // ВДИ. 2008. № 2. С. 218–235; № 3. С. 254–267. См. также лит. в разделе I.9 с примеч. 88 сл.

трально противоположные не только по содержанию, но даже по тону и характеру аргументации.

Относительно краткая речь Агриппы (LII.2–13)²¹² следует за сообщением о намерении Октавиана сложить с себя полномочия²¹³. Агриппа предстает убежденным сторонником «демократии», — слово, которое он применяет для обозначения латинского *res publica*²¹⁴. Свои взгляды Агриппа подкрепляет аргументами из греческой политической философии, показывая, что «демократическое» правление соответствует человеческой природе. Он убежден, что только этот путь ведет к стабильности государства, а также к безопасности и доброй славе Октавиана. Выступление Агриппы наполнено далекими от реальности общими рассуждениями, что совершенно не характерно для известного практической хваткой соратника Октавиана-Августа.

Напротив, рассуждения Мецената²¹⁵ в пользу установления монархии (LII. 14–40) оказываются развернутой системой мер и аргументов. Меценат указывает на то, что приход Октавиана к власти был следствием убийства его отца. «Ты защищался, и каждый определит это как верное и справедливое» (Dio LII. 18. 2 sq.). Линия поведения Октавиана отвечала *pietas* сына и соответствовала представлениям римлян о справедливых войнах²¹⁶. В построении Мецената месть не только оправдывает поступки Октавиана, но и объясняет

²¹² Марк Випсаний Агриппа (64/63–12 г. до н.э.) — ближайший сподвижник Октавиана-Августа, одержавший для него важнейшие победы в гражданской войне. В последующем был вторым лицом в государстве, играя решающую роль в реализации ряда важнейших направлений политики Августа. См.: Reinhold M. Marcus Agrippa. Geneva, N. Y., 1933. Roddaz J. M. Marcus Agrippa. Rom, 1984. См. также раздел V.7 с примеч. 163 (о теории «двойного принципата»), VIII.1 о строительной деятельности; там же о карте Агриппы — примеч. 29, илл. X.3.

²¹³ Поэтому представляется несколько странным, что Агриппа, выступая в поддержку заявленного намерения Октавиана, начинает отговаривать его от монархии.

²¹⁴ Dio LII. 9. 2, сравн. XLIV. 2. Обращаясь к такому специфически римскому явлению, как «царская власть», Агриппа трактовал ее как «тиранию» (LII. 9. 5). Этот термин он использует еще 5 раз: LII. 5. 1, 9. 1, 9. 3, 11. 1, 13. 6. «Демократия» передавала у греческих авторов *res publica* как в широком, фундаментальном, так и в узком смысле слова (республиканское правление). Слово «демос» использовалось греками как для обозначения всего народа, так и для «простонародья». У Диона это по преимуществу первое значение, то есть, *populus*. См.: De Ste. Croix G. E. M. The class struggle in the ancient Greek world from the archaic age to the Arab conquests. L., 1981. P. 322 f., 614 f.; Reinhold M. From republic to principate. An historical commentary of Cassius Dio's Roman history. Books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta, Georgia, 1988. P. 168 f.; Rich J. W. The Augustan settlement... P. 13; Махлаук А. В. [Комментарий] // ВДИ 2008. № 2. С. 219 с примеч. 1.

²¹⁵ Гай Цильний Меценат (ум. в 8 г. до н.э.) — близкий доверенный Октавиана-Августа, всадник, происходивший из знатного этрусского рода. Не занимая официальных должностей, выполнял ответственные поручения, в частности оставался уполномоченным Августа в Риме на время его отсутствия. Принято считать, что он был экспертом по организации общественного мнения. Более всего известен как покровитель поэтов, в этом качестве имя «Меценат» стало нарицательным. См. также: Смышляев А. Л. «Речь Мецената» (Dio Cass. LII. 14–40): проблемы интерпретации // ВДИ. 1990. N 1. С. 54–66; Giebel M. Maecenas. Fürstfeldbruck, 2000.

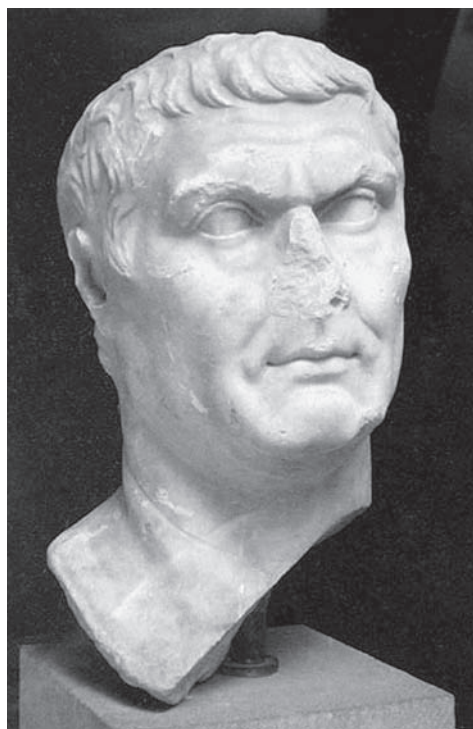
²¹⁶ См. напр.: Cic. rep. III. 35; Diod. XXX. 18, cf. RG 2.

Илл. IV.4. Портрет Мецената (ок. 25–16 гг.)

завоеванное в ходе её осуществления положение в государстве²¹⁷. Меценат считает монархию лучшей формой государства, особенно предпочтительной ввиду размеров римской державы. Сравнивая ситуацию в период гражданских войн с терпящим бедствием кораблём, он призывает Октавиана спасти государство от гибели²¹⁸. В его трактовке это означает — установить монархию.

Меценат излагает детальную программу деятельности (вплоть до снабжения Рима хлебом и организации ночной стражи — ЛП. 24. 6). Она впечатляет осведомленностью в политических реалиях. Прагматизм Дионова Мецената, стоящего целиком на римской почве, в глазах большинства исследователей подчеркивает необоснованность позиции «абстрактного гуманиста» Агриппы. Таким образом, выбор Октавиана, отбросившего сентиментальные слабости и принявшего сторону Мецената, изображен как единственно верный (ЛП. 41). В дальнейшем выясняется, что и Агриппа превратился в горячего приверженца монархии (Dio LIV. 29. 3).

Если бы мы знали, что Кассий Дион изложил реально имевшую место дискуссию, то многие вопросы, связанные с установлением нового устройства Римского государства, были бы решены. К сожалению, дело обстоит почти как раз наоборот. В речи Агриппы имеются несоответствия и даже несуразности. К тому же известно, что в действительности он отнюдь не был демократом, и тем более, не философом. Обращает на себя внимание,

²¹⁷ Как отметил А. Демант, месть служила в глазах римлян обоснованием преемственности мстителя по отношению к отмщенному. В этой связи можно вспомнить о Веспасиане, который представил себя мстителем Вителлию за Гальбу (Tac. hist. III. 7) и о Септимии Севере, отомстившему Дидию Юлиану за Пертинакса (Dio LXXV. 4), сравн.: Demandt A. Der Idealstaat... S. 285. Ранее уже говорилось, что месть Октавиана убийцам отца была долгом, не выполнить которого он не мог.

²¹⁸ Dio LII. 15. 6–16. 4; cf.: XLIV. 1. 2; XLVII. 39. 4–5; LIII. 19. 1; LIV. 6. 1; LVI. 44. 2. Cf.: Syme R. Augustan aristocracy. Oxf., 1986. P. 444–454; Manuwald B. Cassius Dio und Augustus... Wiesbaden, 1979. S. 8–26; Rich J. W. Dio on Augustus // Cameron A. (ed.) History as text.... P. 87–110, here p. 92–97 etc.

что позиция самого Диона также не отличается особой последовательностью. Историк считал монархию наилучшим государственным устройством, Август у него — образец разумного правителя, но в то же время все шаги основателя нового строя, свидетельствующие об умеренности, стремлении соблюсти традиции и сохранить республиканские институты Дион разоблачает как проявления корыстного обмана (Dio XXXVII. 52. 2; XLI. 24. 2 etc.).

Описанная Дионом сцена совещания Октавиана — явно не зеркальное отражение исторической реальности. Перед нами — не подлинные речи Агриппы и Мецената, которые (якобы) выступают, соответственно, за «демократию» и за «монархию». В исторической литературе преобладает мнение, что изображённая у Диона ситуация, и особенно аргументация Мецената, в большей мере основана на собственном опыте Диона, сенатора и крупного администратора Империи начала III в. н.э., чем на реалиях времени Августа²¹⁹. Утверждается, и не без оснований, что мысли, вложенные Дионом в уста Агриппы, «не представляют собой реалистической альтернативы императорскому правлению, а служат для демонстрации старомодности и непрактичности демократических идей, как в контексте мировой империи I в. до н.э., так и в III в. н.э.»²²⁰. Некоторые исследователи прямо говорят о сознательной фальсификации историка, стремящегося развенчать демократическую альтернативу монархии²²¹. Речь Мецената рассматривается прежде всего как источник для изучения политических взглядов Диона и его предложений по реформированию Империи времени Северов. При этом эпоха Августа почти не берётся во внимание²²².

Конечно, Кассий Дион трактовал реалии века Августа с позиций своего времени. Кроме того, излагать аргументы в пользу «демократии» слишком убедительно было по крайней мере неуместно. Неслучайно историк, вопреки законам жанра, в самом начале книги, ещё не поставив вопроса, дал ответ: «...римляне вновь начали управляться, по существу, монархически...». Только после этого сообщается о намерении Цезаря (Октавиана) передать

²¹⁹ Так думал ещё Эрнст Майер: Meyer E. *De Maecenatis oratione a Dione ficta*. Berlin, 1891. Cf.: Schwartz Ed. *Cassius Dio* // RE. Bd. III. (Hbd. 6). 1899. Sp. 1686 ff.; Hammond M. *The significance of the speech of Maecenas* // TAPA. 1932. Vol. 63. P. 88 ff.; Bleicken J. *Der politische standpunkt Dios gegenüber der Monarchie* // Hermes. Bd. 90. 1962. H. 4. S. 445 ff.; Смышляев А. Л. «Речь Мецената»... и др.

²²⁰ McKehnie P. *Cassius Dios speech of Agrippa: a realistic alternative to imperial government?* // G & R 1981. Vol. 28, 2. P. 154.

²²¹ См. Millar F. *A study of Cassius Dio*. Oxf., 1964. P. 104–106. По мнению Э. Габбы, в речи Мецената формулируется исповедуемый Дионом идеал союза монарха с «лучшими» (Gabba E. *Sulla storia Romana di Cassio Dione* // Rivista storica Italiana. T. 71. 1959. P. 361. Cf.: id. *The historians and Augustus*. P. 70–75).

²²² Смышляев А. Л. «Речь Мецената»... исходит из того, что речь Мецената — своеобразная политическая программа самого Диона Кассия, выразившего интересы сенатской олигархии.

государственные дела сенату и народу (ЛП. 1. 1), затем излагается содержание «совещания» с Агриппой и Меценатом (1. 2). Можно назвать и целый ряд других обстоятельств, наложивших отпечаток на реконструкцию ситуации 29 года до н.э. Главным из них, на наш взгляд, было непонимание Дионом уникальной обстановки переходного периода, каким было время Октавиана-Августа.

Но аберрация, допущенная Кассием Дионом, не означает, что изображенная им сцена вообще не отразила никакой реальности Августова века²²³. В основу искаженного и «модернизированного» описания должны были лечь известные факты, отраженные в недошедших до нас историописаниях. К сожалению, доказать это можно только в отношении сведений, проверяемых по другим источникам. В качестве примера можно привести заключительные слова Мецената, обращенные к Октавиану: «Коль скоро ты на деле предпочитаешь монархический образ правления, но страшишься самого названия «царство» как подвергнутого проклятию, то не принимай его, но властвуй, именуясь Цезарем. Если же тебе понадобятся какие-либо иные наименования, то тебе предоставят имя императора...» (40. 1–2). В III веке подобный совет Диона вряд ли мог заинтересовать кого-либо из римских властителей. Естественным предположить, что он отразил реалии века Августа.

Это ещё в большей мере относится к «республиканской» программе Агриппы. Убеденный монархист Дион был скуп на подробности, но ввел в своё повествование эту вымышленную речь, поскольку не считал возможным полностью проигнорировать известные ему факты. Безжизненная, бледная тень «республиканизма» должна была иметь источник в идеологических контрверсах описываемой эпохи — в противном случае, зачем было Кассию Диону придумывать неуместные подробности? Вряд ли имеет смысл отрицать вероятность беседы (и не единственной) правителя со своими ближайшими сподвижниками на актуальнейшую политическую тему. В версии о «демократизме» Агриппы могли отразиться некоторые его мероприятия в области городского благоустройства, а также устройство увеселений для римского плебса²²⁴.

²²³ Представляется заслуживающим внимания мнение Дж. Рича: «Полемика Агриппы — Мецената и сообщение об урегулировании 27 г. показывает лучшее, на что Дион способен как политический аналитик и историк-мыслитель. Обсуждение, и особенно речь Мецената, часто рассматривается как нечто вроде политического памфлета, выдвигающего на первый план взгляды Диона о желательном развитии империи его времени. Это толкование ошибочно... Хотя одной из целей Диона является продвижение собственных реформаторских идей, Дион использует дискуссию, также чтобы дать анализ проблем, с которыми сталкивался Август, а также имперская система в её развитии при нём и его преемниках» (Rich J. W. The Augustan settlement... P. 14).

²²⁴ Как известно, Агриппа построил не только Пантеон (перестроенный затем Адрианом), но также акведуки, термы и другие значительные сооружения, привел в порядок канализационную систему Рима. От этого выиграл прежде всего городской плебс. См. раздел VIII.1 и слл.

В речи Агриппы содержатся и более важные в данном контексте указания на «урегулирование» января 27 г. до н.э. В частности, там содержится совет: «...передай в руки народа войска и провинции, государственные должности и казну» (иными словами, вещественное, материальное содержание «республики») ²²⁵. Далее Агриппа поясняет свой план, заставляющий вспомнить предложения Цицерона по «спасению республики»: «...Я отнюдь не советую тебе просто отказаться от власти, но предлагаю осуществить сначала все возможные меры в интересах государства, подобно тому, как в свое время сделал это Сулла...» (Dio LII. 13. 5, сравн. раздел IV.2). Эти моменты были неактуальны во времена Диона, но значимы два с половиной века тому.

Следует еще раз обратить внимание на используемые историком понятия. Дион называл режим, который в современной литературе принято называть «принципатом», «монархией» и не уделил внимания специфике Августова правления. С другой стороны, его Агриппа не видит особой разницы между монархией и тиранией. Ещё важнее иметь в виду, что говоря о «демократии», Дион-Агриппа, в сущности, описывал *res publica*, причем фактически — как *res populi*. Ничто в 4 главе LII книги не противоречит этому определению Цицерона, как и проекту *res publica restituta* Октавиана-Августа. Обратим внимание на некоторые характерные мысли в этой части «речи Агриппы».

Вначале равноправие («исономия»), которое здесь используется как синоним «демократии», обосновывается общей природой людей, которые «...принадлежат одному племени, воспитаны в одних и тех же началах и на единых законах и сообща отдают в распоряжение отчизны как тела свои, так и души...». Агриппа продолжает: «...разве не справедливо, чтобы и во всём остальном они имели равную долю, и не в том ли состоит величайшее благо, чтобы не отличались ничем, кроме доблести?» (4. 1–2). И ещё: «И если они живут при таком государственном строе, то они и радости, и напасти считают общими, никакого зла никому из граждан не желают и вместе просят о лучшей судьбе для всех и каждого» (4. 6). В итоге: «Таково устройство демократических государств» (5. 1).

Ясно, что на самом деле здесь говорится об общинном устройстве (*polis/civitas*), в основе которого лежало (по крайней мере, по убеждению граждан) общее происхождение, законы, интересы. Это социальные принципы «республики». Они предстают ещё более ясно на фоне следующей тут же характеристики «тирании», когда «большинство людей пекутся лишь о своих собственных выгодах и ненавидят всех остальных» (Dio LII. 5. 2, сравн. с Цицероновой «утраченной республикой»). Далее

²²⁵ Dio LII. 13. 1, cf.: RG 34. 1.

Кассий Дион (устаами Агриппы) изобличает недостатки монархии, без оговорок отождествляя её с тиранией (6. 1–9. 3 и далее)²²⁶. Тирания приравнивается к царской власти, а демократия — к Римской республике (9. 4–5)²²⁷. Как известно, это государство демократией не было никогда. На самом деле в путаных рассуждениях Агриппы сквозь альтернативу «демократия» — «монархия» просвечивает классическое противопоставление здоровой формы государства — «республики» и испорченной — «тирании».

Римский сенатор III века не мог адекватно передать сущность политики *res publica restituta*. Будучи прагматиком и реалистом, он оценивал «принципат», учитывая его превращение в настоящую монархию. С позиций исторической ретроспекции именно Август представлялся ее основателем²²⁸. В своей трактовке Кассий Дион пошел по пути, проложенному ранее Тацитом. Тот изобразил Августа политиканом, под видом республики установившим монархию²²⁹. Но времена Кассия Диона были другими, и представлять основоположника режима лжецом императорский служащий не мог. Функция громоотвода выпала Агриппе.

Совещание «тройки» у Диона, хоть в искажённом почти до неузнаваемости виде, отразило как безусловно имевшие место обсуждения и их тематику, так и важные особенности новой государственной системы. Октавиан не был доктринёром и не ставил перед собой задачи построить государство в точном соответствии с неким заранее утверждённым проектом. Как замысел, так и политика Октавиана-Августа в действительности вбирали

²²⁶ Тем не менее, в другом месте Дион-Агриппа указывает, что тирания — порождение монархии (Dio LII. 13. 6 сл.) и таким образом обнаруживает своё знакомство с учением о смене государственных форм.

²²⁷ В другом месте Дион-Агриппа говорит об «этом Городе, который в течение стольких лет имел демократический образ правления» (Dio LII. 13. 3). Кассий Дион передает греческим *demokratia* латинское *res publica*. На наш взгляд, в этом сомнительном отождествлении тем не менее отразилась глубокая историческая память о *res publica* как *res populi* (сравн. разделы IV.4–5). К. В. Марков отметил, что в основе этого отождествления лежал в том числе тот факт, что «народ делегировал принцепсу высшую власть». Но еще важнее в этом контексте одна из важнейших функций императора — обеспечивать «народный» характер Римского государства. При соблюдении этого условия оно могло восприниматься как «истинная республика» («демократия»). Сравн. Марков К. В. Единовластие как «подлинная демократия» в трудах греческих авторов времен второй софистики: ирония, иллюзия, утопия или идеал? // ВДИ 2013. № 3. С. 52–74, цит. с. 70.

²²⁸ Эти трудности Кассия Диона подметил А. Л. Смышляев: «...идеальное государство Диона имеет лишь внешнее сходство с абсолютной монархией, а по сути представляет собой, так сказать, принципат Августа наизыворот. Если Август был формально лишь первым сенатором, осуществляющим свою власть по воле сената и народа, а фактически — полновластным монархом, то римский император в проекте Диона Кассия оказывается формально неограниченным монархом, а фактически лишь первым сенатором, правящим по воле всемогущей сенатской олигархии» (с. 64–65). Отмечая двойственность «программы Мecenата», Смышляев не ставит вопрос о степени достоверности изображенной Дионом картины, относя всю проблематику к ситуации, сложившейся в правление Александра Севера. На наш взгляд, не совсем оправдано говорить об Августе как о монархе. Сравн. раздел X.7.

²²⁹ О позиции Тацита см. разделы I.9 и IX.3. О неадекватной трактовке планов Октавиана Светонием см. раздел V.2.

в себя и реализовывали три элемента: принципы «республики», учреждения старой Римской республики (до 50 г. до н.э.) и инструменты монархического правления.

Кассий Дион располагал достаточным количеством источников, что подтверждается уже подробным описанием фактов и событий в уцелевшей части его труда. В дальнейшем будет показано, что ему было известно даже о попытке Октавиана-Августа создать «смешанную конституцию» (Dio LVI. 43. 4, см. раздел V.2). Лишь шоры убеждений, стереотипов и предрассудков помешали историку увидеть и адекватно реконструировать деятельность основателя нового режима. Но в представленную им искаженную картину оказались вкраплены элементы, которые из окружающей его действительности Кассий Дион взять не мог. Они подтверждают некоторые данные, известные из других источников, в частности, актуальность «республиканских» идей и лозунгов.

С трудом узнаваемое в реконструкции Кассия Диона, значение «республиканской» идеологии в политической жизни последних десятилетий Республики совершенно ясно обнаруживается в синхронных источниках. Можно было бы усмотреть особый цинизм триумвиров в том, что союз был назван в согласии с формулировкой проскрибированного ими Цицерона — *tresviri (triumviri) rei publicae constituendae* — «союз трех мужей для приведения в порядок (устроения) «республики»²³⁰. На самом деле было использовано расхожее выражение, к тому времени укоренившееся в политическом словаре²³¹. Подобных примеров немало.

«Восстановительную» идею не раз помещали на свой щит деятели последнего столетия Республики. Так была раньше обозначена миссия диктатора Суллы — *dictator perpetuus legibus scribundis et rei publicae constituendae*. Цезарю диктатуры формально предоставлялись для ведения войн (*rei gerendae causa*), но многие его мероприятия носили характер общегосударственных реформ, направленных на оздоровление общества и укрепление его важнейших учреждений. Отдельные шаги даже вызвали энтузиазм Цицерона, который призвал тогда диктатора «упорядочить республику»²³². Задача устроения общественных дел с тех пор не снималась, напротив, она становилась всё более злободневной.

²³⁰ Такое наименование получил второй триумвират по плебисциту народного трибуна П. Тиция. Об этом законе см. Kienast D. Augustus. S. 38 f. mit Anm. 145 ff. (с литературой). Кинаст подчеркнул, что после всех насилий необходимость *constitutio rei publicae* стала более чем необходима.

²³¹ Следует иметь в виду, что несмотря на чрезвычайные установления, никто не отменял республиканскую конституцию в целом. Ф. Миллар характеризует время второго триумвирата как более «республиканское», чем период после 27 г. до н.э. (Millar F. G. B. *Triumvirate and Principate* // JRS. Vol. 63. 1973. P. 50–61). Тезис, по меньшей мере, спорный.

²³² Cic. Marc. IX. 27: *rem publicam constituas* (см. раздел III. 2). Сравнение диктатур Суллы и Цезаря: Ingrisch F.: *Sullas "dictatura rei publicae constituendae" und Caesars "dictatura rei gerendae". Ein Vergleich*. Berlin, 2007. Соответствующие мероприятия предлагал также Саллюстий (или Псевдо-Саллюстий) в своих *Epistulae ad Caesarem*.

Изучение идейной атмосферы времени второго триумvirата убедительно показывает, что лозунг «восстановления республики» не был ширмой. Он соответствовал настроениям и мыслям, имевшим значительное влияние в обществе. Мир и «восстановление республики» были главными чаяниями различных групп гражданского населения Италии. Требовалось, чтобы кто-то принял их как руководство к действию и сумел воплотить в реальную политику.

Как некоторые современники (Брут), так и позднейшие критики, начиная со времени Юлиев-Клавдиев, не могли понять кажущейся «всеядности» Цицерона. Проецируя в его эпоху свое понимание республики и монархии, они, к своему неудовольствию, не находили у того бескомпромиссного осуждения единовластия²³³. Но во времена гражданских смут и хаоса на первом месте стояли другие проблемы, вырисовывались иные альтернативы. Дихотомия, представлявшаяся позднее фундаментальной, занимала тогда подчиненное положение. На повестке дня стоял вопрос о сохранении «республики» как таковой. Для Цицерона-философа, в соответствии с его пониманием сущности «республики» (как принципа организации *civitas*, а не формы государства), важно было не количество людей, стоявших у руля государства, а их качества и поступки. Это не было изобретением Цицерона. Он в изобилии черпал из греческой политико-философской литературы. Более того, эти представления имели тогда широкое хождение среди образованных людей. Сочинения Саллюстия и других писателей свидетельствуют, что осмысление причин кризиса, поиски путей выхода из него волновали общественность, живо обсуждались в различных кругах. В такой духовной среде вырос и Октавиан.

Не следует упрощать картину: Октавиан не планировал те или иные шаги со свитком Цицерона в руках. Он читал некоторые сочинения своего старшего современника и был знаком с содержащимися в них идеями. Для юноши известные речи и трактаты были живительным воздухом, жадно поглощавшимся среди римской суеты и в тишине Аполлонии. Стремление Октавиана к союзу с Цицероном было основано не только на расчете — тем легче смог обмануться великий оратор. Полулегендарная традиция, передаваемая Плутархом, смутно намекает на некое духовное родство учителя и ученика²³⁴.

Идеология Августовых преобразований вобрала в себя многие взгляды, которые присутствовали в сочинениях Цицерона. Речь идет не только об основополагающей идее «республики», вместе с рассуждениями о ее «утрате» и «восстановлении», но и о таких ее элементах, как едва ли не мессианская роль выдающегося гражданина. В этом ряду — также мысли о моральном

²³³ Брут считал, что Цицерон ведет себя по-рабски по отношению к Октавиану (Cic. Brut. I. 16–17). См. также: Habicht C. Cicero the Politician. Baltimor, 1990. P. 79.

²³⁴ Plut. Cic. 44–45; сравн. Suet. Aug. 94. 9. См. раздел IV.6, где, в частности, говорится о возможном знакомстве Октавия с Цицероном ещё с детских лет.

превосходстве «принцепса», его сопричастности миру богов и ряд подобных идей, ставших весьма актуальными в период Ранней Империи.

В 43 г. до н.э., пусть в пылу полемики, когда оратор был готов использовать все доступные приемы в борьбе с Антонием, он набросал эскиз (идеализированного) портрета будущего основателя Империи. В пятой «Филиппике» оратор представил Гая Цезаря (Октавиана) посланцем богов для спасения сограждан (Phil. V.43, 49). Сравнивая его с юным Гнеем Помпеем, с победителем Ганнибалом Сципионом и даже с Александром Великим, Цицерон назвал девятнадцатилетнего юношу «спасителем государства» (ibid. III. 14) и «отцом отечества» (ibid. XIII. 25)²³⁵.

Цицерон положил начало карьере Октавиана как республиканского магистрата, легализовал его положение в государстве. Благодаря влиянию оратора молодой человек был наделен пропреторскими полномочиями (*imperium pro praetore*). Тем самым он был избавлен от статуса заговорщика, введен в сенат и получил возможность баллотироваться затем на должность консула²³⁶. Это не значит, что Цицерон хотел возвести Октавиана на трон — для Цицерона юный Цезарь был ещё пешкой в политической игре, и никто не мог сказать, как далеко ей удастся пройти. Оратор был движим как государственными, так и личными интересами. Он боролся за республику — и сенат получил оружие в борьбе против Антония, который был также личным опасным врагом Цицерона. Цицерон помог Октавиану пройти на высшие этажи власти Римской республики. В последующем партнёры переориентировались. Но Октавиан знал, кто его поддерживал после смерти приемного отца. Пропреторский империй открыл путь к его последующей аккламации солдатами как императора, а затем, при поддержке тех же солдат, — к консулату. Но не менее важным было идейное влияние Цицерона, который, как мог, словом и делом, боролся за республику²³⁷.

²³⁵ Сравн.: Bleicken J. Augustus. S. 104 mit Anm. S. 702; Eder W. Augustus and the Power of Tradition // Galinsky K. (ed.). The Cambridge companion to the age of Augustus. Cambr., MA etc., 2005. P. 18 ff. (В ту пору «отцу отечества» было 20 лет. Прошло еще более 40 лет, пока Августу официально было преподнесено это почетнейшее имя).

²³⁶ См.: Kienast D. Augustus. S. 31 f. mit Anm. 119–125; сравн. раздел III. 4 с примеч. 144 и слл.)

²³⁷ Следует согласиться с В. Эдером, который со ссылкой на Cic. Phil. V. 8. 23, 19. 53, 17. 48 пишет: «Несомненным достижением Цицерона является то, что он ввел Октавиана в духовную и политическую традицию республики своими советами и действиями. Превознося лидерские качества Октавиана, его мужество, целеустремленность, добродетели и влияние, он сравнивал его *expressis verbis* с такими выдающимися мужами Республики, как Сципион Африканский, Т. Фламиний, Помпей, которые как юные герои совершили великие дела во имя *res publica*» (Eder W. Augustus and the power of tradition: the Augustan principate as as binding link between republic and empire // Raaflaub K. A., Toher M. (Hgg.), Between republic and empire. Berkeley etc., 1990. P. 71–122, p. 91). Еще более выразительно заключил свою статью Г. Беллен: «Без Цицерона в этой важной фазе его жизни не было бы катализатора, который вызвал реакцию, связавшую его с *res publica*. Преувеличивая можно сказать: это работа Цицерона возвратила 13 января 27 г. до н.э. *res publica* из его /Октавиана/ власти в распоряжение сената и народа» (Bellen H. Cicero und der Aufstieg Oktavians. S. 189).

Август не мог, да и не хотел, поскольку это было связано с его имиджем и политикой, но также со всем строем мыслей «восстановителя республики», отречься от подобного идейного родства. Публичному признанию препятствовали как приверженность бывшего покровителя сенатской республике, так и слишком хорошо известные всем обстоятельства гибели Цицерона²³⁸.

При несомненном идейном влиянии, оказанном на него Цицероном, складывавшаяся ситуация не позволяла Октавиану оставаться почтительным и робким учеником. В пылу борьбы невозможно следовать даже самой совершенной теории. Ученичество наследника Юлия Цезаря закончилось рано, и ему пришлось вооружаться не столько логикой теоретических рассуждений, сколько искусством политических компромиссов и интриг, искать поддержки жаждавших добычи легионов. Но идейные узы учителя и ученика оказались на удивление крепки (не это ли вменяли в вину и Аристотелю, когда его воспитанник уже сгорел в лихорадке бесконечных завоеваний?). Даже разведённых по разные стороны вала гражданской войны, их связывало нечто такое, чего Октавиан никогда не мог бы до конца объяснить. Но образ Цицерона оказывался иногда более близок, чем союзники и «друзья», будь то Антоний, Лепид или даже проверенные в испытаниях Агриппа и Меценат.

«Восстановленная республика» — комплекс идей, представлений, ценностных установок — была тем, что объединяло менталитет значительной части римского гражданства, концепцию Цицерона и Августово видение будущего Рима и его Империи. В зависимости от социального положения и политического статуса, образования и интеллекта мог различаться уровень осмысления: от смутных чувств и желаний до политико-философских абстракций и ясной постановки задач.

Октавиан-Август, и в этом его историческая роль, стал тем «устроителем республики», который распознал важность и жизненность многим казавшихся уже отжившими свое идей. Он не только выбрал одну из них, ключевую, в качестве лозунга, но и наметил способы осуществления преобразований. Практические меры не могли в точности следовать советам мастера слова — Цицерона. Но благодаря соединению идей с реальностью был найден путь от «утраченной» республики к её «восстановлению» и к «наилучшему» государственному устройству. Его основой должна была стать *res publica restituta*. Это был в тех условиях единственно возможный способ реа-

²³⁸ В своих мемуарах, посвящённых Агриппе и Меценату, Август вспомнил о поддержке, которую оказал ему Цицерон (Plut. Dem. et Cic. III). Некоторые исследователи находят совпадения формулировок у Цицерона и Августа: Schafer M. Cicero und der Prinzipat des Augustus // Gymnasium Bd. 64. 1957. 310–20, сравн. также: Cambeis H. Das monarchische Element und die Funktion der Magistrate in Ciceros Verfassungsentwurf // Gymnasium. Bd. 91. 1984. S. 237–60, esp. 241, 258.

лизации принципа “*res populi*”, который все еще сохранял свою жизненность в сознании римского гражданства.

IV.9. «Возвращение республики»

В августе 29 г. Октавиан прибыл в Рим²³⁹. В его действиях обнаруживалась определенная политическая линия. Начиная книгу LII, Кассий Дион об этом времени сообщает, что прожив при царской власти, республике (*demokratia*) и тирании 725 лет, римляне вновь вернулись к монархии, хотя Октавиан задумывался о том, чтобы сложить оружие и передать власть сенату и народу (Dio LII. 1. 1). Дион опирался на тот факт, что окончательная победа над Антонием (Клеопатрой) в Египте фактически привела Октавиана к единовластию. Египетский триумф поставил точку на периоде триумvirата²⁴⁰.

Но в важнейших мероприятиях победителя было бы напрасно искать какие-то решительные меры, направленные на оформление монархии. Предпринимавшиеся шаги говорили о том, что завершились тяжелые времена и в Рим начала возвращаться едва не утраченная «республика».

Октавиан пышно отпраздновал тройной триумф: в честь побед в Иллирии, при Акции и в Египте²⁴¹. Ореол победоносного полководца, пользу-

²³⁹ Октавиан-Август пробыл в Риме с августа 29 до лета 27 г. до н.э. Важнейшим источником по этому периоду является «Римская история» Кассия Диона (Dio LIII. 1.1–2.5). См.: Manuwald B. Cassius Dio und Augustus. Wiesbaden, 1979. S. 77–86; Reinhold M. From Republic to Principate. An Historical Commentary of Cassius Dio's Roman History Books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta, 1988; Crook J. Political History, 30 B.C. to A.D. 14 // CAH². Vol. X. P. 75 ff.

²⁴⁰ Перед этим в качестве эпохального события Кассий Дион указывает битву при Акции, после которой началось единовластие Октавиана и монархия (Dio LI. 1. 1 f., cf. L. 1. 1 f.; LVI. 30. 5). Очевидно, что в основе лежали две различные традиции, которые пытался учесть Дион. М. Хэммонд, Й. Бляйкен, Э. Кёстерман датировали начало принципата 29 годом. Андерсен называет два пункта, 31 и 29 годы, а Габба добавляет к ним ещё третий — 27 г. до н.э. (на основании LIII. 17. 1, 19. 1). Для Миллара это 31 и 27 гг., а хронологию Диона в начале LII книги он объясняет лишь как введение к выступлениям Агриппы и Мецената (725 лет со дня основания Рима). См.: Hammond M. P. The Augustan principate in theory and practice during the Julio-Claudian period. Cambr., MA etc., 1968². P. 89; Bleicken J. Der politische Standpunkt Dios gegenüber der Monarchie: die Rede des Maecenas Buch 52.14–40 // Hermes. Bd. 90. 1962. S. 446; Koestermann E. Tacitus, Annalen. Bd. I. Heidelberg, 1963. S. 471; Andersen H.-A. Cassius Dio und die Begründung des Principates. Berlin, 1938 (ND: N.Y., 1975). S. 50 mit Anm. 140; Millar F. A study of Cassius Dio. Oxf., 1964. P. 98, 103; Manuwald B. Cassius Dio und Augustus. Wiesbaden, 1979. S. 77 ff.; Reinhold M. From Republic to Principate. Atlanta, 1988. P. 118 f., 169 f.; Rich J. W. The Augustan settlement... P. 14 f. В какой-то мере взгляд Диона на эпохальное значение победы Октавиана над Антонием и Клеопатрой соответствует трактовке Аппиана, который считает итогами гражданской войны завоевание Египта и установление монархии (App. proem. XIV.60, cf. Manuwald B. Op. cit. P. 84 ff.). С Августа начинается *saeculum nostrum* у Сенеки (Sen. benef. III. 26 sq.; cf. id. ep. 88. 13–15 etc., cf.: Tac. ann. I. 1. См. далее, раздел IX.3 сл.). О том, что после победы над Антонием Август задумался о восстановлении республики, но решил оставить власть за собой, пишет также Светоний (Suet. Aug. 28.1 sq.), сравн. раздел V.2.

²⁴¹ Degraasi A. Inscriptiones Italiae XIII. 1. P. 64 f., 534: Fasti triumphales Capitol. В Город Октавиан въезжал три раза в дни триумфов, 13–15 августа 29 г. См.: RG 4. 1; Vell. II. 89.1; Verg. Aen. VIII. 714–23; Suet. Aug. 22; Dio LI. 21. 5–9. О многочисленных отличиях, предоставленных в связи с этим Октавиану, сообщает Дион Кассий (Dio LI. 19. 3). Необходимо отметить, что сенат в качестве исключения постановил сохранить за ним титул *imperator*, который всегда слагался при проведении триумфа (Dio LII. 41). См.: Holmes R. The

ющего особым расположением богов и выступающего в триумфальном шествии как воплощение Юпитера, в Риме был почти обязательным условием большой политической карьеры. Также важно было, в противоположность поверженному сопернику, подчеркнуть приверженность римским традициям. Скорее всего, в этой же связи следует рассматривать и начало строительства мавзолея Августа (см. раздел VIII.3). Имя Антония нигде не упоминалось. Октавиан старался представить себя не как вождя одной из партий, боровшейся против другой, а как спасителя и восстановителя «республики» и римского величия. На это Октавиан не жалел ни усилий, ни денег. Были потрачены огромные суммы на устройство празднеств, зрелищ, на щедрые раздачи плебсу. Большое внимание уделялось храмовому строительству (раздел VI.2). Прощались долги по налогообложениям и сжигались соответствующие документы, были отменены распоряжения времени триумвирата и гражданских войн²⁴².

На всем понятном языке политической терминологии и символики это означало, что период смут закончился, и о нем следует как можно скорей забыть (как и об участии самого Октавиана в проскрипциях, о перузинской резне и прочих компрометирующих его фактах). Наступала новая эпоха мира и процветания, возвращались исконные, т.е. «республиканские», порядки. Еще раньше были закрыты ворота храма Януса²⁴³. Значительно сокращена армия (с 60 до 28 легионов). Воинов щедро вознаградили; ветеранов, по возможности без ущерба для землевладельцев, наделили землей. Эти мероприятия прокладывали пути к намечавшемуся всестороннему политическому урегулированию.

Линия на умеренность и «республиканизм» отчетливо прослеживалась в конституционной сфере. Будучи хозяином положения, Октавиан тем не менее избегал каких-либо чрезвычайных полномочий. С 29 года до н.э. он регулярно избирался консулом, и всегда с коллегой (в 29 и 28 гг. —

architect... I. P. 171 ff.; Syme R. The Roman revolution. P. 303 ff.; id. Livy and Augustus // HSCPh. Vol. 64. 1959. 43 ff.; Ogilvie R. M. A commentary on Livy, book 1–5. Oxf., 1965. P. 563 ff. О происхождении и значении титула «император» см.: Syme R. Imperator Caesar: a study of nomenclature // Historia. Bd. 7. 1958. H. 2. P. 172–188 (= id. Roman papers I. P. 36 ff.); Payne R. The Roman Triumph. L., 1962. P. 146 ff.; Combès R. Imperator. P., 1966; Schneider R. M. Augustus und der frühe römische Triumph // JbDAI. Bd. 105. 1990. S. 167–205 etc. 15 августа до сих пор отмечается в Италии как *ferragosto*, от лат. *feriae Augusti*, на этот день приходится также католическое Вознесение Богородицы (в православии — Успение Богородицы — и та же дата по юлианскому календарю). О триумфах Октавиана см. также раздел VII.4.

²⁴² Dio LIII. 1 f.; Vell. II. 89. Cf. Rich J. W. The Augustan settlement... Comment. on p. 132 ff.;

²⁴³ Тема мира (*pax*) имела особое значение в идеологии Августова принципата. В литературе она рассматривается в связи с проблематикой римского «империализма». См.: Brunt P. A. Laus imperii // Imperialism in the ancient world. Cambr., 1978. P. 159–191; Holscher T. Victoria Romana. Mainz, 1967; Weinstock S. Pax and the «Ara pacis» // JRS. Vol. L. 1960. P. 44–58 etc. Как известно, именно при Августе были сделаны наибольшие приращения к территории Римского государства. Потому столь разноречивые мнения исследователей вызывает совет, якобы данный Августом Тиберию, не расширять далее границ Империи (Dio LVI. 33). О римском империализме, империи и представлениях о мире см. также в разделе X.6.

с Агриппой). Сограждане отметили, что консулы, в соответствии с древними обычаями (и в противоположность порядкам «смутных» лет), пребывают в столице, со всей ответственностью исполняя свои обязанности²⁴⁴. Октавиан решительно отказался от должности цензора, которая ставила бы его над сенатом²⁴⁵, не уклоняясь однако от проведения ценза в качестве одного из консулов²⁴⁶. В дополнение к трибунской власти и неприкосновенности, которыми он обладал с 36 г., Октавиан получил еще право «трибунской помощи» (*auxilium*), а также разбора и решения дел по апелляции. Все это выглядело весьма скромным в сравнении с тем, чем обладали, скажем, Сулла, Помпей или Цезарь. И вряд ли многие обратили внимание на мелочь: не будучи членом коллегии трибунов, Октавиан не зависел от вето своих коллег, его власть не была ограничена ни сроком, ни границами померия. В сущности, это придавало трибунской власти новое содержание, но внешне, при соответствующей подаче, Октавиан представлял выразителем интересов и заступником народа²⁴⁷.

Действуя так же осторожно, как и последовательно в других областях, Октавиан утверждал свое особое место первого гражданина, но не диктатора или царя. Не желая нарушать древние установления, он оставил Лепида в должности великого понтифика, хотя фактически взял руководство религиозной жизнью Рима под свой неусыпный контроль. Октавиан занимался пополнением жреческих коллегий, лично участвовал в различных религиозных церемониях и восстанавливал древние ритуалы (см. раздел VI.2).

Традиционалистская политика начала приносить определенные плоды, общественное мнение все более склонялось в пользу Октавиана. Сенат постановил, что в его честь следует совершать возлияния на всех пирах, а жрецы и народ должны возносить молитвы за спасителя государства. Его имя было включено в молебен одной из древнейших жреческих коллегий Рима — в литанию салиев. В 29 г. сенат и народ посвятили Октавиану монумент на форуме с надписью *re publica conservata* — «за сохранение республики»²⁴⁸.

²⁴⁴ Август фактически ограничил консульство гражданскими обязанностями, исключив командование армией. См.: Giovannini A. *Consulare Imperium*. Basel, 1983; Girardet K. M. *Die Entmachtung des Konsulats im Übergang von der Republik zur Monarchie und die Rechtsgrundlagen des augusteischen Prinzipats* // Görler W., Koster S. (Hrsg.). *Pratum Saraviense, Festschr. P. Steinmetz*. Stuttgart, 1990. S. 89–126.

²⁴⁵ Dio LIV. 13. 1. О цензорских полномочиях Августа см.: Jones A. H. M. *Studies in Roman government and law*. N. Y., 1968². Ch. II.

²⁴⁶ Это соответствовало древним установлениям, действовавшим до введения должности цензора в 443 г. до н.э. В ходе ценза 28 года сенат был очищен от «недостойных членов». См.: Dio LIII. I; RG 8.

²⁴⁷ См.: RG 2. 21; App. b. c. V. 132; Dio XLIX. 15; LI. 19. О дальнейшей эволюции трибунской власти Октавиана-Августа см. раздел V.5 сл.

²⁴⁸ CIL VI. 873; ILS 81. 06 арке см.: Gurval R. A. *Actium and Augustus: the politics and emotions of civil war*. Ann Arbor, 1995. P. 36–47; Bleicken J. *Augustus*. S. 298 f., cf. Raaflaub K. *Caesar und Augustus als Retter römischer Freiheit?* // Baltrusch E. (Hrsg.). *Caesar*. S. 231 f., Anm. 8.

Консул этого года Валерий Потит назначил государственное жертвоприношение и клятву в его честь. Были отчеканены монеты с легендой *libertatis populi Romani vindex* «Спаситель свободы Римского народа»²⁴⁹. Это были проявления в какой-то мере управляемого энтузиазма, и все же настроения подтверждали правильность избранного курса. Октавиан был бесспорным победителем и хозяином положения, и в то же время общественное мнение было готово и хотело видеть в нем восстановителя гражданского мира, согласия граждан, «республики».

Завоеванный престиж был необходимой предпосылкой для более ясно-го определения своего места в «спасенной республике». План «урегулирования» окончательно сложился к 28 году. Будучи в шестой раз консулом, Октавиан разделял с Агриппой использование фасциев²⁵⁰. Провинция Азия была возвращена в управление сената. В ходе пересмотра списка сенаторов первым было поставлено имя Октавиана — он стал принцепсом сената²⁵¹. Был издан эдикт, согласно которому 31 декабря 28 г. (конец шестого консульства принцепса) аннулировались все чрезвычайные постановления времени гражданских войн и возобновлялось действие республиканских законов²⁵².

О возврате к нормальному судопроизводству и правопорядку как неотъемлемой части «восстановления республики» говорит сравнительно недавно найденный ауреус 28 года. На его аверсе изображен Октавиан (Император Цезарь) и указано шестое консульство, на реверсе он изображен сидящим на курульном кресле: в правой руке свиток, а впереди — круглый ларец с другими папирусными книгами. Легенда однозначно указывает на упомянутый эдикт и другие меры, направленные на возвращение конституции: *LEGES ET IVRA P(opulo) R(omano) RESTITVIT*²⁵³. Речь шла

²⁴⁹ Ehrenberg & Jones, doc. 17–18 etc. Cf.: Welwei K.-W. Augustus als vindex libertatis. Freiheitsideologie und Propaganda im frühen Prinzipat // AU. Bd. 16,3. 1973. 29–41 = Welwei, K.-W., M. Meier and M. Strothmann, Res publica und imperium: Kleine Schriften zur römischen Geschichte. Stuttgart, 2004. S. 217–229.

²⁵⁰ Dio LIII. 1, cf. RG 34. 3. По принимаемому многими исследователями толкованию Т. Моммзена, с 28 года ликторы с 24 фасциями, сопровождавшие Октавиана, были разделены на две части: по 12 у Октавиана и Агриппы (см., напр.: САН X. 1934. P. 123). Р. Сайм считал такое толкование недоразумением, поскольку речь у Диона шла не о разделении, а о ежемесячной ротации одних и тех же 12 фасциев (*insignia imperii*), что видимо соответствует действительности. См.: Syme R. Tacitus. Oxf., 1958. P. 365; id. History in Ovid. Oxf., 1978. P. 169, n. 2; id. The Augustan aristocracy. P. 1, n. 1; Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 39 f.

²⁵¹ Dio LIII. 1. Хотя здесь это событие помещено у Кассия Диона в повествование о 28 г., на самом деле это должно было случиться еще в 29 г., когда был пересмотрен список сенаторов (Dio LII. 42). Справ. Rich J. W. The Augustan settlement... P. 132. Принцепсом сената Август оставался до самой смерти. В RG 7. 2 он с гордостью сообщает, что он является princeps senatus уже 40 лет, это должен был быть 12 год н.э.

²⁵² Dio LIII. 2. 5. Тацит также сообщает, что Цезарь Август, обеспечив себе власть, отменил распоряжения, сделанные им в период триумвирата, и дал законы, по которым римляне получили мир и принцепса (Tac. ann. III. 28. 2). Иронический тон историка факта не меняет. О значении эдикта для обоснования принципатизма см.: P. Grenade, Essai sur les origines du principat. P., 1961 и рецензию: Brunt P. A. // JRS. Vol. 51. 1961. P. 236–238.

²⁵³ Монета впервые опубликована: Numismatica ars classica AG. Zürich. Auction 5. 25th February 1992. S. 68. Nr. 400. Тогда это был уникат, который вызывал сомнения в подлинности. (Kaenel H.-M. von. Die antike Numismatik und ihr Material // Schweizer Münzblätter Bd. 44. Heft 173. 1994. S. 1–12, hier S. 2 f.).

о восстановлении законности и правопорядка. При этом понятие *iura* не просто дублировало или усиливало *leges* (как обозначение отдельных законов), но имело более широкий смысл — совокупность правовых норм как опоры «справедливости» и традиционного социального порядка, восстановление правового поля как составного элемента *res publica*²⁵⁴.

В последний день года Октавиан, согласно республиканским порядкам, поклялся, что отправлял консульские обязанности в соответствии с государственными установлениями²⁵⁵.

Все, что известно о VI–VII консульствах Октавиана-Августа, ясно говорит о намерении претворить в жизнь идею *res publica restituta*. Она уже начала реализовываться. Уже сама настойчивость и последовательность, примеры чего множились в последующее время, говорят о том, что это было программной установкой устроителя государства. Все же некоторые авторы пытаются подвергнуть реальность политики «восстановления республики» сомнению. С одной стороны, отрицается само наличие этого лозунга. С другой, выражение *res publica restituta* лишается специфического смысла, истолковываясь как восстановление «государства» в самом общем смысле этого слова.

Свою статью с эффектным названием «*“Res publica restituta” — современная иллюзия?*» Эдвин Джадж начал с заявления: «Нет никаких свидетельств тому,

Первая научная публикация: Rich J. W., Williams J. H. C. *Leges et Iura* P. R. Restitut. A new aureus of Octavian and the settlement of 28–27 B.C. // NC. Bd. 159. 1999. P. 169–213, tab. 20–21. 1999. После этого спорный aureus получил подтверждение подлинности находкой другого чекана: Abdy R., Harling N. Two important new Roman coins // NC. Vol. 165. 2005. P. 175–178. См. титульный лист и заставку к данной главе (илл. IV.1) с пояснениями в приложении. См. также раздел VI.5 о значении, которое придавалось праву и законам.

²⁵⁴ Рич и Вильямс, рассматривая данную легенду, верно указывают на «справедливость» и другие абстрактные коннотации слова *iura*, включая *libertas*, *religiones*, *mores* и другие. Они отмечают, что Цицерон часто связывает *lex* или *leges* с *ius* или *ius civile* в работах, посвящённых политической или моральной философии. «Они находятся в центре его представлений о том, что объединяет граждан в человеческое сообщество» (Rich J., Williams J. *Leges et iura* p. R. restituit. P. 181 f.). Добавим, имелось в виду общество, организованное на здоровых началах, «республика». Рич и Вильямс, показав неисторичность трактовки Кассия Диона и указывая на неоднозначность понятия *res publica*, (P. 204 f., 208 f.), признавая правильность восстановления Моммзена для Пренестинских фаст *[rem publicam p R rest[it]u[it]*, в заключение своего содержательного исследования приходят к тривиальному выводу: «Однако это не даёт оснований полагать, что Август восстановил Республику или утверждал, будто восстановил её» (P. 213). Остается непонятным, что авторы имели здесь в виду.

²⁵⁵ Несомненно, подразумевался и окончательный отказ от триумвирских полномочий. Их срок формально истек еще в 33/32 году, но фактически Октавиан продолжал ими пользоваться. Триумвирские полномочия оставались в силе, пока не был осуществлен официальный акт их сложения — *abdicio*. В сущности, это была узурпация власти. Не случайно в RGDA 7. 1 Август указывал только десятилетний срок (с 43 года). Но монеты, на которых он продолжал именоваться триумвиром, выдают истинное положение дел. Еще раньше вопрос о сложении триумвирских полномочий был предметом пропагандистской перепалки между Антонием и Октавианом. Антоний обязывался сложить их с себя, если то же сделает Октавиан (Dio L. 7). Однако Октавиану удалось провести одностороннее решение только в отношении Антония (Dio L. 4; Plut. Ant. 60). Возможно, положение триумвира было использовано Октавианом для исключения из сената негодных лиц в 29/28 г. (Suet. Aug. 35; Dio LII. 42). Кроме триумвирских полномочий, все это время Октавиан мог опираться также на присягу, которую принесло ему в 32 году все население Италии, а также Западных провинций (см. раздел V.8).

что Август когда-либо заявлял, что «восстановил республику», а также неясно, использовалось ли вообще подобное выражение в древности в том смысле, который связывается с ним сейчас»²⁵⁶. Фергюс Миллар не видит сколько-нибудь значительного «республиканского» элемента в политике Августа и утверждает, что принципат Августа был менее республиканским, чем второй триумвират. Оба автора подвергают сомнению общепринятые реконструкции и толкования двух известных надписей. Одна из них содержит фасты города Пренесте, а другая, известная под названием «Похвала Турии», представляет собой помещенный на погребальной стеле элогий²⁵⁷. Как Миллар, так и Джадж приходят к отрицанию значения этих свидетельств, которые содержат выражение *res publica restituta* и являются подтверждением историчности политики «восстановления республики». Здесь нет места подробно останавливаться на аргументации обоих авторов, тем более, что ни их критика принятых восстановлений, ни истолкования не были приняты коллегами.

Позиции Джаджа и Миллара также объединяет утверждение, что встречающееся в текстах времени Августа выражение *res publica* не означает «Республика» (т.е. Римская республика в ее исторической форме до Рубикона), а всего лишь просто «государство», которое и восстановил Август. К этой позиции, в сущности, присоединяется А. Н. Токарев: «...Миллар пришел к принципиально важному заключению, что единого термина, обозначающего *status novus*, не существовало, а выражение *res publica* означало «государство, государственные дела», а вовсе не Республика»²⁵⁸. Что касается первого термина, то *status novus* (как будет показано в разделе V.3), и является одним из определений нового государства римлян. Оно же именовалось *optimus status* (наилучшее, то есть, смешанное государственное устройство). Следует признать, что эти дефиниции для рядовых римлян не предназначались, да и мало их интересовали. Не более убедительной представляется и вторая часть «важного заключения». Как уже было показано, для Цицерона, Августа и их сограждан *res publica* в первую очередь означала не Республику (какой она была до 50 г. до н.э.), никак не республику в новоевропейском понимании, но и не государство или «государственные дела» вообще, а объединяющее сограждан достояние (морального и материального свойства), общность, удовлетворяющая вполне определенным требованиям (*res publica = res populi*).

²⁵⁶ Judge E. A. "Res publica restituta": a modern illusion? // J. A. S. Evans (ed.). *Polis and imperium: studies in honour of E. T. Salmon*. Toronto, 1974. P. 279–311, p. 279. С Джаджем можно согласиться, если иметь в виду современное употребление слова республика, но не Августову *res publica restituta*.

²⁵⁷ CIL I2. P. 230–239; CIL VI. 1527, 31610, 37053. См.: Millar F. *Triumvirate and Principate*. P. 63. Сравн. также раздел I.8 с примеч. 59 сл.

²⁵⁸ Токарев А. Н. Становление... С. 128 с примеч. 7, сравн. с. 131 сл. и др. (сравн. раздел II.5). Автор ссылается на работы Ф. Миллара и Э. Джаджа. О позиции Миллара см. также раздел VIII.3.

На наш взгляд, это последнее (и тогда важнейшее) значение термина *res publica* вновь не учитывает Ф. Миллар, когда он анализирует пассаж Тита Ливия в III книге его “*ab Urbe condita*”, написанной примерно через два года после урегулирования 27 г. Там говорится о реакции патрициев на речь консула 460 г. Л. Квинтия Цинцинната: «...патриции уверились в том, что *res publica* спасена» (Liv. III. 20. 1). Принято считать, что это выражение Ливий мог позаимствовать из современного ему политического языка. Миллар подчеркивает очевидное отсутствие указаний на конкретное государственное устройство: «*Res publica* означает здесь «государство» или «состояние государственных дел», но определенно не может означать ничего подобного «Республике» [то есть, Римской республике до 50 г. — ЯМ]. И далее: «Этот пассаж, таким образом, служит доказательству того, что если бы даже современные источники постоянно использовали выражение *res publica restituta* применительно к изменениям 27 года, это бы не значило, что «восстановлена Республика»²⁵⁹. На первый взгляд рассуждение представляется убедительным. Но в этом построении есть уже встречавшееся нам «небольшое» упущение. Действительно, Ливий не имел в виду ни Римскую республику до Рубикона, ни республику как конкретную форму государства. Но тогда, когда Тит Ливий записывал третью главу своего труда, под *res publica* понималось и не любое «состояние государственных дел» и не «государство», а *res populi*. Соответственно, под *res publica restituta* разумелось не восстановление «государства» вообще²⁶⁰, а лишь такое, которое соответствовало определённым стандартам (*res publica* = *res populi*). Это было то значение, в котором выражение понимали современники Цицерона и Августа, этот нюанс не учел Ф. Миллар²⁶¹. Подобные, и нередко встречающиеся упущения, должны послужить нам некоторым извинением за возможно слишком развернутые разъяснения, казалось бы, очевидных вещей.

Необходимо подчеркнуть, что речь идет не столько о словах, сколько о содержании Августовых реформ. И даже если бы выражение *res publica restituta* и сходные по смыслу (*r. p. conservata* etc.) не встречались в чудом

²⁵⁹ Liv. III. 20. 1, cf.: Millar F. Rome... I. 2002. P. 263 f.

²⁶⁰ По Ф. Миллару, государство, в частности, Римская республика, функционировала и при триумвирах. Но тогда и восстанавливать было бы нечего. См.: Millar F. Triumvirate and principate. P. 50–61 (= id. Rome... I. 2002. P. 264 ff.). Автор доказывает, что триумвират был республикой, причем в большей мере, чем «восстановленная республика» Августа.

²⁶¹ Указанное упущение, как уже показано в разделе II.5, встречается также у других исследователей. Нет смысла анализировать здесь другие примеры, поскольку речь идет о системной ошибке. Случаи употребления выражения *res publica restituta* / *reddita*: CIL I2. P. 231 (laudatio Turiae); Degraffi A. Inscriptiones Italiae XII. 2. 1963. P. 112–113 (fasti praen. за 13 января 27 г.); cf.: Ovid. fast. I. 589; RG 34 cf. 1; Vell. II. 89. 3 sq. Легенды на монетах: RIC. Vol. I. Augustus no. 10; Sutherland C. H. V. Coinage in Roman Imperial Policy, 31 B.C.–A.D. 68. L. etc., 1951. P. 31; Sutherland C. H. V., Okay N., Merrington K. E. The Cistophori of Augustus. L., 1970. P. 89–90 etc.

сохранившихся текстах, на наш взгляд, не вызывает сомнений сам смысл мероприятий правительства, направленный на реанимацию *res publica* как *res populi*, что подразумевало (дозированное) восстановление важнейших институтов Римской республики²⁶². Отдельные, взятые сами по себе свидетельства можно поставить под сомнение (например, восстановление отдельных букв в надписи), но попытки отвергнуть всю совокупность находящихся в логической связи фактов говорят о (возможно неосознанной) предвзятости или нежелании понять суть дела. Как правило, это связано со стремлением подогнать факты под имеющуюся трактовку «принципата Августа» как империи и монархии.

Как будет показано далее, Августова концепция «восстановленной республики» не находилась в абсолютном противоречии с монархическим характером основанной им Империи. Для адекватного понимания политики Октавиана-Августа необходимы как историчное толкование понятий, так и дифференцированное изучение структур и уровней, которые включала формировавшаяся при Августе сложная система средиземноморской державы. В любом случае, *res publica restituta* является аутентичным, по букве и духу, обозначением учрежденного Августом в Риме и Италии порядка. Несмотря на утраты и искажения в последующей традиции, сохранилось достаточно указаний, которые не поддаются другим убедительным истолкованиям. Они ясно говорят как о намерениях и действиях правительства (правительственная идеология), так и о восприятии их обществом.

Важнейший шаг в упорядочении государственных дел был сделан при вступлении Октавиана в седьмое консульство²⁶³. 13 января 27 года он произнес в сенате речь, в которой отказался от верховной власти, ссылаясь на налагаемые ею тяготы и одновременно подчеркивая свои заслуги как «спасителя республики» (Dio LIII. 3–10). О передаче «республики» сенату и Римскому народу, а также последовавшем за этим предоставлении высших государственных почестей, с гордостью сообщает Август в своем «по-

²⁶² О месте этих институтов в наилучшем, смешанном государственном устройстве Августовой «республики» см. разделы V.9.

²⁶³ События 27 г. описаны Кассием Дионом: Dio LIII. 2. 6–22. 5. Cf.: Andersen H. A. Cassius Dio und die Begründung des Principates. S. 56–63; Millar F. A study... P. 92–102; Manuwald B. Cassius Dio und Augustus. S. 86–97; Rich J. W. The Augustan settlement... P. 134–157 (комм. к «урегулированию» и дальнейшим событиям 27 г.) etc. Другие важнейшие источники по «урегулированию» января 27 г.: Ehrenberg & Jones, P. 45 (календари); Ovid. fast. I. 589–616; Liv. per. 134; Vell. II. 89; Suet. 28. 1. Cf.: CAH X. P. 227 f.; Syme R. Roman revolution. P. 313–330; Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 310; Wickert L. Princeps. S. 2270 ff.; Salmon E. T. The evolution of Augustan principate // Historia. Bd. 5. P. 456 ff.; Jones A. H. M. Studies in Roman government and law. Oxf., 1960. P. 4–6; Sattler P. Augustus und der Senat. Untersuchungen zur römischen Innenpolitik zwischen 30 und 17 v. Chr. Göttingen, 1960. S. 36–57; Brunt P. A.; Moor J. M. Res gestae divi Augusti. Oxf., 1967. P. 8–9, 75–80; Carthledge P. The second thoughts of Augustus of the res publica in 28/27 B.C. // Hermanthena. Vol. 119. 1975. P. 30–40; Lacey W. K. Octavian in the senat // JRS. Vol. 64. 1974. P. 176–184 (= id. Augustus. P. 77–99); Kienast D. Augustus. S. 83–98; Bleicken J. Augustus. S. 324–335 etc.

литическом завещании» (RG 34). Разумеется, перед нами типичный тенденциозный документ, но приукрашивая мотивы и результаты, Август не мог фальсифицировать известные всем факты²⁶⁴.

Дифференцированный подход необходим также к сообщению Кассия Диона, который подробно рассказывает об этих событиях, в частности, излагая выступления Октавиана в сенате (Dio LIII. 2–13). Уже выспренные выражения и анахронизмы позволяют усомниться в аутентичности приводимой речи. Всё же следует принять достоверность как факта отказа Октавиана от чрезвычайных (триумвирских) полномочий (Dio LIII.2.7 sqq.), так и вызванное этим смятение сенаторов. Другое дело — истолкование Дионом происшедшего. В соответствии со своим пониманием событий, он изображает дело так, что все «республиканские» жесты были лишь тактическими маневрами — Октавиан с самого начала вёл дело к установлению монархии и достиг этого (Dio LIII. 2. 6; 12. 1; 17. 1; 19. 1, сравн.: Тас. I. 1. 1; 9. 4–5). Но трудно ожидать от Диона, по прошествии двух с половиной веков, понимания всех нюансов переходного характера Августова правления.

После настояний сената Октавиан согласился взять на себя ограниченное определенными рамками «попечение» (греч. *epimeleia*, лат. *cura*) о государстве. В частности, речь шла о провинциях (см.: Dio LIII. 11. 4–13. 1). Дион рассказывает о распределении провинций²⁶⁵, при этом Октавиан принял «заботу» о незамиранных провинциях, оставив сенату освоенные и спокойные²⁶⁶. Египет находился под исключительным контролем Октавиана. Поскольку легионы стояли в основном в пограничных провинциях, контроль над ними также получал Октавиан. Следует иметь в виду, что войны были преданы ему как своему победоносному «императору». Цезарь обладал к тому же «империем» (*imperium*) как консул²⁶⁷. Непосредственно он управлял своими провинциями через легатов (*legati pro praetore*). Император мог давать указания также наместникам других провинций²⁶⁸. Ф. Миллар убедительно показал, что не следует абсолютизировать введенное Т. Моммзеном деление про-

²⁶⁴ О заседании сената 13 января: Dio LIII. 1–16; Ovid. ffast. I. 590; Strabo XVII. 3. 24 f.; Suet. Aug. 47 etc. См.: Lacey W. K. Augustus. P. 77–98 etc.

²⁶⁵ «Возвращение республики» как «общественного достояния» включало, естественно, и возвращение Римскому народу его провинций. Сравн. также: Ovid. fasti. 589. О значении *provincia* (греч. *eparchia*) см. раздел X.7.

²⁶⁶ О разделении провинций: Dio LIII. 12. 4–9; об их управлении: ibid. 13. 2–15. 6. См.: Simpson C. J. "Reddita omnis provincia": ratification by the people in January, 27 B.C. // Deroux C. (ed.). Studies in latin literature and Roman history. Vol. 7. Brussels, 1994. P. 297–309.

²⁶⁷ Вопрос о том, пользовался ли Октавиан тогда консульским или проконсульским империумом, остается предметом дискуссии. См.: Bleicken J. *Imperium consulare / proconsulare* im Übergang von der Republik zum Prinzipat // ders. (hg.) Colloquium aus Anlaß des 80. Geburtstages von Alfred Heuß. Kalimünz 1993. S. 117–133.

²⁶⁸ Об этом, в частности, свидетельствует надпись из малоазийских Кум: SEG XVIII. 1962. n. 555 = Die Inschriften von Kyme, hg. von Helmut Engelmann (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 5. Bonn, 1976. Nr. 17. S. 46–57, cf.: Strabo XVII. 3. 15 (C 840) .

винций на «сенатские» и «императорские». В современной литературе охотнее употребляются следующие описанию Страбона обозначения *provinciae populi Romani* и *provinciae Caesaris*. Это соответствует известным фактам вмешательства Августа в дела всех провинций²⁶⁹. Эту возможность предоставлял ему не только *imperium (maius)* и неформальное влияние, но и признанный статус доверенного лица Римского народа и попечителя *rei publicae*²⁷⁰.

Сенаторы встретили урегулирование с энтузиазмом (это было преобладающее настроение в курии). Были ли слова и действия Октавиана приняты за чистую монету, буквально — как «возвращение (восстановление) республики»? Осознавали ли сенаторы и все граждане, что принятые решения легитимируют исключительное положение бывшего триумвира — нынешнего принцепса и императора? Один из современных исследователей, Ф. Бернштайн, выражает в этом сомнение, констатируя, что «безграмотные политики на самых высоких государственных постах известны всегда, при любой системе». Автор упрощает ситуацию: римский сенат составляли опытные, а по преимуществу ещё и хорошо образованные политики. Гораздо более убедительным представляется мнение о том, что принятые решения были заранее подготовленным и согласованным с влиятельными сенаторами «компромиссом»²⁷¹.

В тот момент самым важным, и не только для сенаторов, но и для большинства населения Рима, Италии и провинций был мир и возвращение тех традиционных ценностей, которые охватывались понятием «республика». В сравнении с этим вопрос о форме правления занимал подчиненное место. Государство должно было обеспечивать интересы граждан. При этом сенат сохранял почётное место в государстве, его члены — привилегированное положение. Значительная часть сенаторов, особенно введенные в это сословие благодаря Октавиану, без колебаний поддерживала его политику.

Об отношении сената и Римского народа к «возвращению (восстановлению) республики» и об оценке этой политики говорит целый ряд отличий и почестей, предоставленных Октавиану. Уже 13 января сенат преподнёс ему *corona civica*. Это был дубовый венок, который давался за спасение жизни гражданина. Чествование в качестве *conservatoris civium* хорошо согласо-

²⁶⁹ См.: Strabo XVII. 3. 24 f.; Suet. Aug. 47; Dio LIII. 12, LVI. 40. 2. Cf.: Millar F. The Emperor, the Senate and the Provinces // JRS 56. 1966. P. 156–166; id. "Senatorial" provinces: an institutionalized Ghost // Ancient World. Vol. 20. 1989. P. 93–97. См. также разделы X.5–7.

²⁷⁰ О формальных и неформальных (внеправовых) полномочиях и основах власти Августа см. раздел V.8.

²⁷¹ Bernstein F. Der Anfang: das vermeintliche Kaisertum des Augustus. S. 39. Г. Бёрн и В. Гафенер утверждают, что позиция Октавиана уже к январю 27 г. основывалась на внеправовых основаниях. Поэтому «передать» было нечего, а «государственный акт» был инсценировкой (Börm H, Havener W. Octavians Rechtsstellung im Januar 27 v. Chr. und das Problem der "Übertragung" der res publica // Historia. Bd. 61, N. 2. 2012. S. 202–220. См. также: Schmitthenner W. Augustus' spanischer Feldzug und der Kampf um den Prinzipat (1962) // id. (hrsg). Augustus. Darmstadt, 1985². S. 414, 477; Kienast D. Augustus. S. 91 f.; Galinsky K. Augustus. P. 66 etc.

вывалось с имиджем спасителя и устроителя *rei publicae*. «Гражданский венок» украсил входную дверь его дома. По сторонам были ещё прикреплены две лавровые ветви (*duae laureae*), врученные принцепсу на заседании сената 16 января. Тогда же сенат решил установить в самой курии золотой щит (*clipeus aureus*), который должен был постоянно напоминать присутствовавшим о «добродетелях» принцепса: *virtus, clementia, iustitia, pietas*, — поэтому он ещё известен как «щит добродетели» (*clipeus virtutis*)²⁷². Ему также была принесена благодарность за возвращение республики Римскому народу (*quod rem publicam p. R. restituit*)²⁷³.

Наконец, ещё одно, особое отличие, которого удостоился тогда же Октавиан — имя *Augustus*. В «Деяниях» эта почесть названа первой, и она действительно была исключительной, поскольку этот *cognomen* указывал на расположенность к нему богов, и соответственно, на особенную природу носителя этого имени. То, что это отличие было предложено бывшим сторонником Антония — Луцием Мунацием Планком — было дополнительным символом компромисса²⁷⁴. С этого времени принцепса официально звали *Imperator Caesar Divi (Iuli) filius Augustus*.

Подытоживая свои заслуги, Август представляет события января 27 г. до н.э. по существу как «восстановление республики» (букв.: «передал республику из своей власти в ведение сената и Римского народа»). Далее автор подчеркивает, что с указанного момента он превосходил остальных магистратов лишь своей *auctoritas*, будучи равным им в отношении *potestas*, что должно дополнительно акцентировать внимание на «республиканском» характере урегулирования (RG 34)²⁷⁵. Заслуживающее внимания определение этого акта (не сомневаясь в монархических устремлениях Октавиана) дал Тацит. Указывая, что не было иного выхода, кроме установления единовластия, историк сообщает официальное наименование установленного порядка и указывает

²⁷² Напрашивается коннотация — принцепс как щит (защита, оплот) *rei publicae*. Мраморная копия щита изображена на илл. VII.2 (Arles, Musée Lapidaire). О почестях, предоставленных Августу: RG 34. 2, cf. CIL VI. 876, IX. 5811; Suet. Aug. 7. Они рассматривались в современной литературе во всех деталях и аспектах. Основополагающими были исследования А. Альфёльди, в т. ч.: Alföldi A. Die zwei Lorbeerbaume des Augustus. Bonn, 1973. См. также: Шифман И. Ш. Цезарь Август. С. 96 сл.; Егоров А. Б. Добродетели щита Августа // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 280–293 и др.

²⁷³ Fasti praen. под 13 янв. 27 г. // Ehrenberg & Jones, doc. 45; Degraffi 1963: 113, 396. См.: Mackie N. K. Res publica restituta: a Roman myth // C. Deroux (Hg.). Studies in Latin Literature and Roman History. IV. Brüssel, 1986. P. 325 ff.; Rich J. W., Williams J. H. C. Leges et Iura P. R. Restituit. P. 208–210; Raaflaub K. A. Caesar und Augustus als Retter römischer Freiheit? // Baltrusch E. (Hrsg.). Caesar. S. 232 mit Anm. 8.

²⁷⁴ RG 34. 2, cf. Suet. Aug. 7. 2. Подробнее о добродетелях щита и значениях имени Август см. раздел VII. 3 сл. Подробнее о Мунации Планке см. раздел VIII. 9 с примеч. 176.

²⁷⁵ Некоторые исследователи не придают «урегулированию» 27 года важного значения. Г. Дессау считал, что оно имело, главным образом, личное значение для Августа: Dessau H. Livius und Augustus // Hermes. Bd. XLI. 1906. S. 142–51; сравн.: Millar F. Triumvirate and principate // JRS. Vol. LXIII. 1973. P. 50–67, esp. 50; id. State and subject: The impact of monarchy // Millar F., Segal E. (eds.). Caesar Augustus: seven aspects. P. 37–60, esp. 45–47. Об *auctoritas* в связи с понятием *princeps* см. также разделы V.1 и VII.3.

на его важную особенность: «...устроивая республику, он не присвоил себе ни царского титула, ни диктатуры, а принял наименование принцепса»²⁷⁶. Из сообщения Тацита следует, что Октавиан, устроивший *res publica* в соответствии с представлениями граждан, стал общепризнанным *princeps civitatis*²⁷⁷.

Пренестинские фасты зафиксировали под 13 января 27 года: «Октавиан возвратил (*rest[it]u[it]*) республику Римскому народу»²⁷⁸. Под *restitutio rei publicae* имелось в виду сложение Октавианом с себя чрезвычайных полномочий, *triumviralis potestas*. Это хорошо корреспондирует с оценкой самого принцепса, данной спустя много лет в *Res gestae*. Поскольку его влияние (*auctoritas*) сохранялось и после передачи, также на основе «всеобщего согласия» (*per consensum universorum*), Август имел в виду передачу «республики» из своей должностной (триумвирской) власти (*ex mea potestate*) в распоряжение сената и Римского народа²⁷⁹.

Приведённые свидетельства, как и легенды аналогичного содержания на монетах, а в определённой мере также мнение Тита Ливия (Liv. per. 134), выражали официальную версию. Все они говорят о последовательной и согласованной во всех областях политической линии. Восприятие происходившего рядовыми гражданами передаёт известная надпись — “*Laudatio Turiae*”: “*Pacato orbe terrarum res[titut]a re publica quieta deinde n[obis et felicia] tempora contigerunt...*”²⁸⁰. В этих словах угадывается охва-

²⁷⁶ Tac. ann. I. 9. 5: *non regno tamen neque dictatura, sed principis nomine constitutam rem publicam*. Сравн.: Tac. ann. I. 1. 1; RG 5. 1; Vell. II. 89. 5; Suet. Aug. 52; Dio LVI. 39. 4. В посмертном слове (*laudatio*) Тиберий воздавал хвалу Августу, который мог править один, но сложил всё к ногам сената. См.: Köstermann E. Cornelius Tacitus. Annalen 1–4. Bd. 1. Buch 1–3. Heidelberg, 1963. S. 98; Goodyear F. The annals of Tacitus. Bd. 1, books 1–6. Cambr., 1972. P. 158 обратил внимание на возможную параллель с функциями Октавиана как триумвира: *triumvir rei publicae constituendae*. Как уже отмечалось, вопрос о восстановлении и об устройстве «республики» по крайней мере со времен Суллы не сходил с повестки дня.

²⁷⁷ Тацит, который постоянно, чаще всего подтекстом, противопоставляет (*libera*) *res publica* и *regnum* (*regnum*, в его трактовке, путем обмана установил Август), в данном случае все же говорит об «устроении республики». С одной стороны, это косвенное признание конституционного характера Августова правления, а с другой — свидетельство появления расширительного («государство» как таковое) понимания термина *res publica*. Отношение Тацита к Августу и вопросы эволюции политического сознания в правление Августа и в первые десятилетия после его смерти рассматриваются далее, в IX главе. В. Зуэрбаум насчитал у Тацита примерно 180 употреблений выражения *res publica* в значении «государство». Все, кроме трех, относятся к Риму. Отмечено использование выражения в целях «пропаганды»: принцепсы стремились показать, что действуют в интересах «республики». См.: Suerbaum W. Vom antiken... S. 72 и далее разбор характерных пассажей; S. 78 f. («пропаганда»), 281 (резюме); cf. Gerber A., Greef A. Lexicon Taciteum. Leipzig 1903 (res p.). См. также: Syme R. Tacitus. Vol. II. Oxf., 1958. P. 809–823; Wickert L. Princeps // RE. Bd. XXII. 1954. Sp. 2072 ff., 2108 ff. etc.

²⁷⁸ Fasti praen. // CIL I2. P. 230 sq.; (Inscriptiones It. XIII 2. P. 113, 115); Feriale Cumanum // Inscriptiones It. XIII 2. P. 279; Dio LIII. 2. 7–12.

²⁷⁹ RG 34. 1: *In consulatu sexto et septimo (28–27 rr.) postqua[m] b[er]e[re] la civil[em] exstinxeram per consensum universorum p[ro]t[er]ens re[st]itu[er]e om[n]i[u]m rem publicam ex mea potestate in senat[us] populi[que] R[om]ani l[ib]e[r]it[er]ium transtuli*. Когда Август это записал, никто не стал уточнять дату формального завершения триумвирских полномочий, после его смерти — тем более.

²⁸⁰ CIL VI. 1527. 2.25 = ILS 8393. 25–26. Cf.: Wistrand E. The so-called “*Laudatio Turiae*”. Introduction, text, commentary. Gothenburg, 1976. P. 26 f.

Илл. IV.5 Октавиан-Август
поднимает *res publica* с колен

тившее всех чувство облегчения и удовлетворения. Автор воспринимал эти события как важный поворот в своей жизни. Закончились непрерывные страхи, связанные с преследованиями времени гражданских войн. Человек, переживший многие испытания, смог свободно вздохнуть и наслаждаться жизнью вместе со спасавшей его в смутные времена женой Турией²⁸¹.

Почему Октавиан избрал такой непростой способ устройства государственных дел, как «восстановление республики»? Он понимал, что власть не может быть прочной, пока ее условием будет насилие. Собственный опыт переманивания войск соперников с помощью денег и обещаний убедил

Октавиана в ненадежности этой «материальной опоры». Население Рима и Италии устало от неурядиц и войн и стремилось к возрождению на основе все еще живых в народном сознании представлений о «республике». Римляне хотели иметь стабильное правительство и заслуживающего доверия правителя. А ему была необходима поддержка широких слоев населения. «Восстановление республики» стало реализацией этих интересов.

Трудно с абсолютной точностью установить, что лежало в основе мотивов Октавиана: стремление к власти, желание установить мир в государстве или приверженность традиционным ценностям. После пройденной им школы гражданских войн, проскрипций и интриг это был не наивный ученик, ожидающий хорошей оценки за выполнение задания по «нравам предков». Но выбор стратегии был безошибочен. Настойчивость, с которой она реализовывалась в течение длительного правления, вряд ли была возможна без внутреннего согласия и убежденности в правильности избранного пути. Процедура «отказа»²⁸², как и весь комплекс проведенных в связи с изложенными событиями мероприятий, говорит о последовательности Октавиана в проведении политики «восстановления республики». Свои

²⁸¹ Перевод: «Когда был умиротворен круг земель, восстановлена «республика», нам были дарованы спокойные и счастливые времена». Ориг. цит. по: Flach D. Die sogenannte laudatio Turiae. Darmstadt, 1991. S. 60. В этой фразе можно увидеть указание на закрытие храма Януса в январе 29 г. и жест сложения Октавианом с себя чрезвычайных полномочий на заседании сената 13 января 27 г. Об ощущении радости и указания на параллели с RG 34. 1 и Vell. II. 89. 2 см.: Wistrand E. Op. cit. P. 51. О надписи см. также раздел I.7 с примеч. 59 сл.

²⁸² Обряд «отказа» от высшей власти стал частью обязательного церемониала ее принятия. Он, например, хорошо известен в случае с Тиберием (Tac. ann. I. 11–13; Vell. II. 124. 2; см. раздел VII.1). Отказ Цезаря от диадемы показывает, что Октавиан не был здесь первооткрывателем.

новые полномочия Октавиан получил от сената и народа. Комициям было возвращено право избирать (правда, из одобренных принцепсом кандидатур) магистратов²⁸³. Оживилась, наряду с восстановлением сенатской *auctoritas*, также законодательная деятельность народных собраний. Сенату были возвращены провинции, которыми он распоряжался до установления триумvirата²⁸⁴. Проводя целый ряд мероприятий, открывших новую главу римской истории, Октавиан постоянно и настойчиво подчеркивал реставрационный характер своей политики.

Акт 13 января 27 г. до н.э. был одним из решающих в целой серии шагов, как до, так и после этого события. Речь идет о продуманных акциях, опиравшихся на хорошее знание общественных настроений в Риме и Италии, анализ ситуации и видение перспектив. Надежно обеспечивая Октавиану место устроителя государственных дел, принимавшиеся меры были созвучны мыслям Цицерона об «утрате республики», как и его призывам к ее «восстановлению»²⁸⁵.

Обнаруживается ли в мероприятиях 28/27 годов что-либо противоречившее республиканско-реставрационной идеологии? Почести, предоставленные Октавиану, в основном были известны и желанны для самых выдающихся полководцев Римской республики по крайней мере с III в. до н.э. Нововведением было почетное имя Август (*Augustus* — возвеличенный, избранный богами, божественный), присвоенное также месяцу секстилию. Если отвлечься от закрепившегося за ним в последующие века монархического смысла, первоначально здесь не было чего-то принципиально отличного от некоторых известных республиканских прецедентов. Достаточно вспомнить прозвища Суллы — Феликс («Счастливый», «Удачливый»), Помпея — Магн («Великий»)²⁸⁶. Все они подразумевали сакральный и даже мистический элемент, порождая подчас слишком смелые ассоциации. В *Augustus* содержалось нечто большее, особенно если иметь в виду потенциальный веер значений. Но явным вызовом традиции это не было, успехи победителя всегда подразумевали по крайней мере расположение и покровительство богов. Единственное обращение, которое допускал по отношению к себе в Риме Август, было «принцепс» (*princeps*), издавна обозначавшее в Риме «первенствующего» гражданина.

²⁸³ Suet. Aug. 40: *comitorum pristinum ius reduxit*.

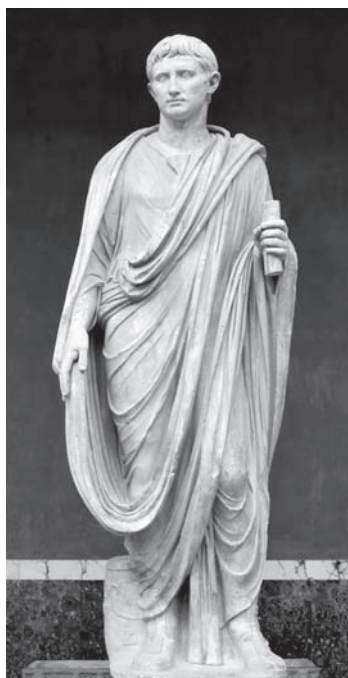
²⁸⁴ Cf.: Ovid. fast. I. 589: *redditaque est omnis populo provincia nostra*. Правда, три из возвращенных провинций: Галлия, Дальняя Испания и Сирия — но уже на «законных» основаниях, по решению сената — были тут же предоставлены Октавиану, причем сразу на 10 лет (Dio LIII. 12, LIII. 16 — о последующем продлении полномочий). Само собой разумеющимся считалось право Октавиана на Египет.

²⁸⁵ Сравн.: Bringmann K. Von der res publica amissa zur res publica restituta. Zu zwei Schlagworten aus der Zeit zwischen Republik und Monarchie // Spielvogel J. (Hrsg.). *Res publica reperta*. Stuttgart, 2002. S. 112–123.

²⁸⁶ Об имени Augustus см.: Suet. Aug. 7. 2; Dio LIII. 16. 8; Ovid. fast. I. 590 sqq. (сопоставление *Augustus* с другими римскими почетными именами); 609 sqq. Cf.: Bosworth A. B. *Augustus and August*. P. 151–170. См. также разделы VI.3 и VII.4.

«Республиканские» настроения и идеи сохраняли свою жизненность и силу в сознании римского гражданства. Октавиану-Августу не пришлось придумывать лозунги «восстановления» или «возвращения республики», чтобы затем использовать для некоего тайного плана захвата власти. Слова, которые обозначали возрождение традиционного устройства, к тому времени были уже в обращении десятки лет. Важнейшие идеи наиболее ясно выразил защитник сенатской республики Цицерон. Окончательно план урегулирования оформился на заключительном этапе борьбы с Антонием. Октавиан, покончивший с гражданскими неурядицами и войнами, получил полный контроль над политической жизнью Рима. Добившись этого не в последнюю очередь благодаря «республиканским» лозунгам, он провозгласил *res publica restituta*.

v. «Восстановленная республика» и её смешанная конституция в теории и на практике

Илл. V.1. Август,
облаченный в тогу

1. Принцепс, принципат и «восстановленная республика» – 297
2. «Наилучшая форма» для «восстановленной республики» – 307
3. Аprobация установлений 27 года:
настораживающие сбои – 326
4. Заговоры и урегулирования 23 года до н.э. – 330
5. Популизм и республиканизм – 338
6. После начала «нового века» – 346
7. «Династическая политика» – 355
8. Внеправовые истоки полномочий правителя – 366
9. Смешанная конституция в действии – 374

V.1. Принцепс, принципат и «восстановленная республика»

«Принципатом» называют режим, установившийся в Риме в 28–27 гг. до н.э. Также время Ранней Империи (I–III вв. н.э.) именуют Принципатом (эпохой Принципата). Эти термины приняты в литературе и позволяют не смешивать уникальный государственный строй с другими. Всё же следует иметь в виду, что «принципат» в этом смысле (форма государства) — изобретение науки нового времени, а обозначение первого лица в государстве — *princeps* — отражало статус правителя только с точки зрения римских граждан, которые составляли примерно десятую часть населения Империи.

Дальнейшие сложности обнаруживаются при попытках определить принципат в современных государственно-правовых терминах. Не случайно в течение уже почти полутора веков, с тех пор, как Теодор Моммзен ввел в науку понятие «принципат», вокруг него не прекращаются дискуссии¹. Одним из элементов установленного строя являлось положение принцепса (*statio principis*). Слово *princeps* (первенствующий) известно со времен Республики: оно отражало характерное для античной, и в частности римской, психологии агонистическое начало. Это черта римской политической культуры, присущая прежде всего представителям политического класса — аристократии. Изначально слово употреблялось как предикат (логическое сказуемое). К примеру: человек, который возглавляет список сенаторов, первенствует в сенате — *princeps senatus*². Данный статус был предметом устремлений и гордости римских нобилей.

¹ Развернутые трактовки понятия «принципат»: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II. S. 763. Weber W. *Principes: Studien zur Geschichte des Augustus*. Stuttgart, 1936. Pass.; Wickert L. *Principes...*; id. *Neue Forschungen zum römischen Prinzipatus* // ANRW II. Bd. I. 1975. S. 3 ff. (обзор лит.); Benario U. W. *Augustus Principes* // ANRW II. Bd. 2. 1975. S. 75–85 (библиография); Bleicken J. *Verfassungs- und Sozialgeschichte des römischen Kaiserreiches*. 2 Bd. Paderborn, 1994–1995⁴; Ferrary J.-L. *À propos des pouvoirs d'Auguste* // *Cahiers du Centre G. Glotz* 12. 2001. 101–154 (engl: *The powers of Augustus* // Edmondsdon J. (ed.). *Augustus* 2009. P. 90–136). Крюков А. С. «Principatus» у Тацита // *Норция*. Вып. 3. 1999. С. 109–123; его же. *Поэтика исторической прозы Тацита*. Дисс.... докт. филол. наук. СПб., 2002. С. 140 слл. См. также разделы I.2–6 об историографии вопроса.

² О *princeps senatus*: Mommsen T. *Römisches Staatsrecht...* Bd. II. S. 418 ff.; Meier Chr. *Die ersten unter den ersten des Senats* // Norr D., Simon D. *Gedächtnisschrift für Wolfgang Kunkel*. 1984. S. 185–204. О *principes iuventutis* — «первенствующие» среди всаднической молодежи см.: Liv. II. 12. 15, VI. 13. 7, IX. 14. 16, XLII. 61. 5. На взгляд римлян, свои *principes*, из числа знати или вожди, имелись также у других народов.

«Принцепс» в применении к властителям времени Ранней Империи ведёт своё происхождение не от специального *princeps senatus*, а от более общего обозначения *principes civitatis* — выдающихся граждан, занимавших ведущее положение в гражданской общине (*civitas*) эпохи Республики³. Более всего шансов стать *principes viri* («первенствующими мужами») периода расцвета Республики имели представители верхушки высшего сословия — нобили (*nobilis* — «славный», «родовитый»). К нобилитету относились выходцы из немногих семей, в роду которых уже были консулы (самая краткая дефиниция нобилитета). В качестве исключений, особенно в последние десятилетия Республики, в числе «принцепсов» могли оказаться и «новые люди» (*homines novi*). Так назывались представители высших сословий, ставшие первыми консулами в своем роду. Среди наиболее известных можно назвать М. Порция Катона, Гая Мария или М. Туллия Цицерона⁴.

Statio principis — положение в римском обществе в качестве одного из «первенствующих» — обуславливалось таким образом не только происхождением, но и особыми заслугами перед государством, высокими гражданскими добродетелями. Принцепс — не магистратура или другая должность, которая обеспечивала бы определенные «конституционные» полномочия. Положением, статусом принцепса, могли обладать не только действующие, но и бывшие консулы — консуляры, а также экстраординарные магистраты⁵.

В Римской республике имелось, как правило, одновременно несколько принцепсов, пусть и различавшихся между собой в степени влияния и достоинства (*gradus dignitatis*). Соперничество между знатными фамилиями и отдельными представителями нобилитета препятствовало чрезмерному возвышению одного из них, что таило бы в себе опасность «тирании». Такие

³ Эта точка зрения общепринята в современной литературе, вопреки мнению Мериваля (Merival Ch. History of the romans under the empire. Vol. III. L., 1851. P. 452–457), а также Райса Холмса, полемизировавшего с Г. Пелхамом (Pelham H. F. Essays on the Roman History. Oxf, 1911. P. 49–60). См.: Holmes Th. R. The architect of the Roman empire. Oxf., 1928. P. 263–5.

⁴ В источниках можно найти только определение слова «нобил» как антонима понятия «новый человек» (Cic. Catil. I.28). См.: Gelzer M. Die Nobilität der römischen Republik. Leipzig, Berlin, 1912 (ND: Stuttgart, 1983); Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la république. P., 1972. P. 437 ff.; Nicolet C. Le métier de citoyen dans la Rome républicaine. Bibliothèque des histoires. P., 1976. (engl.: The world of the citizen in republican Rome. Berkeley, 1980); Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 33–40 (нобилитет), 40–45 (новые люди); Hölkeskamp K.-J. Die Entstehung der Nobilität: Studien zur sozialen und politischen Geschichte der Römischen Republik im 4. Jh. v. Chr. Stuttgart, 2011².

⁵ О приобретении словом *statio* некоего специфического смысла, возможно, говорит словоупотребление Веллея Патеркула. По словам историка, сенат настаивал на том, чтобы Тиберий занял положение отца — *statio paterna*, а тот отказывался стать принцепсом, желая оставаться равным другим гражданам (Vell. II. 124. 2). Если доверять словоупотреблению Авла Геллия, то Август выражал желание передать свой статус — *statio mea* — Гаю Цезарю (Gell. XV. 7. 3 = Bringmann, Wiegandt. Fragm. 35. S. 45). Бляйкен усматривает в этом обозначение политико-правового монархического положения принцепса. (Bleicken J. Augustus. S. 680 f. mit Anm. S. 769 f.). «Статус принцепса» хорошо вписывается в общую картину смешанной конституции «восстановленной республики» (см. след. раздел).

поползновения жестко пресекались, невзирая на заслуги. Можно вспомнить о Марке Манлии, который отстоял Капитолий от галлов, будучи разбужен гусями (ок. 387 г. до н.э.). Тем не менее, когда знаменитый герой, уже консуляр, один из принцепсов, выступил за освобождение плебеев от долгового рабства, знать обвинила его в стремлении к тирании. В результате М. Манлий Капитолийский был в 384 г. осужден на казнь и сброшен с Тарпейской скалы⁶. Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (235–183 гг. до н.э.), знаменитый победитель Ганнибала, одержавший также множество других славных побед, цензор, дважды консул, принцепс сената, вынужден был последние месяцы жизни провести вне Рима, в своем поместье Литерне. Противники, во главе с Катонем Старшим, обвинили его в присвоении государственных денег, нарушении республиканской конституции и «царских» притязаниях (Liv. XXXVIII. 50–56 etc).

В эпоху кризиса республики равновесие нарушилось, так что некоторые принцепсы, например, Корнелий Сулла, Гней Помпей, пользовались исключительным влиянием⁷. Всё же первый добровольно сложил с себя в 79 г. диктаторские полномочия, второй — в конце 62 г. до н.э. распустил свою армию, хотя имел возможность установить единоличный контроль над государством. Юлий Цезарь пошел дальше в нарушении республиканских норм. Он не сложил своих полномочий по требованию сената, а добился бессрочной диктатуры (49 г. до н.э.). В конечном счете это привело к заговору и убийству «тирана». Следует отметить, что Цицерон не считал возможным называть господство Цезаря в период диктатуры принципатом (*principatus*), поскольку он достиг его противозаконно⁸. Не был принцепсом и диктатор Сулла. Принципат предполагал признанный моральный авторитет, который можно было завоевать только в рамках закона (сравн. разделы II.1–2).

После окончания гражданских войн (30 г. до н.э.) Октавиан бесспорно первенствовал в государстве. По своему влиянию, могуществу, заслугам и должностям Октавиан фактически давно занимал положение одно-

⁶ Liv. VI. 11 sq.; 14 sqq. М. Манлий был одним из героев, существенно дополнявших миф об основании республики в сенатской интерпретации. Другим был Спурий Мелий, который во время голода 440 и 439 гг. продавал народу зерно по дешевой цене, чтобы затем быть избранным консулом и якобы даже стать царем. Его убил Г. Сервилий Ахала (Liv. IV. 12 sqq.; Dion. Hal. ant. XII. 1 sqq. etc.). Третьим был консул Спурий Кассий Вецеллин, казненный в 486 г. за жажду царской власти (Liv. II. 41 etc.). Эти три *exempla*, как и клятва не допускать «царства», были инструментализированы, используясь против попыток подорвать существовавший порядок. См., например: Cic. Brut. I. 17. 6; пер. II. 49, 60.

⁷ См. также раздел II.2 с примеч. 85 о Сципионе Старшем.

⁸ Cic. off. I. 26: *Declaravit id modo temeritas C. Caesaris, qui omnia iura divina et humana pervertit propter eum, quem sibi ipse opinionis errore finxerat principatum*. Cf. ibid. I. 42; fam. VI. 6. 5. В другой ситуации это было правомерно: Cic. dom. 66. Сравн.: Suet. Iul. 29. 1. Подробнее см.: Марченко Г. М. Античная традиция о *princeps civitatis* // Вестник ЛГУ, серия история, язык, литература. Вып. 3. 1974. N 14.

го из принцепсов⁹. Недоставало морального обоснования и формального признания статуса. В 28 г. до н.э., при пересмотре состава сената, молодой Цезарь поставил себя в начале списка, т.е. стал *princeps senatus*, что давало возможность выступить первым при голосовании. Обычно принцепсом сената становился один из старейших членов этой правящей коллегии Римской республики из числа нобилей и консуляров. То, что 35-летний Юлий Цезарь Октавиан занял эту позицию, могло вызвать скептические усмешки (их следовало упрятать в складки белоснежных тог — никто не успел забыть ни проскрипций, ни заклания 300 сенаторов и всадников на алтаре Цезаря после взятия Перузии). Важнее другое: формальное признание Октавиана принцепсом сената, не предоставляя конкретных властных полномочий, стало важным шагом на пути к легитимации уже занятого им особого места в «восстановленной республике».

Ведущее положение было достигнуто военной победой над всеми противниками. Победитель опирался не только на поддержку и симпатии значительной части населения, но и на клятву верности, данную «всей Италией» и Западными провинциями в 32 г. Присяга связывала Октавиана с «народом». Она не случайно фигурирует не только в 25, но и в итоговой 34 главе «Деяний»¹⁰. Но присяга не легитимировала исключительное положение в государстве. Более того, особая, минув сенат и все республиканские институты, связь с народом была явлением неконституционным, «не-республиканским»¹¹. Лишь признанные заслуги в спасении отечества от иностранной угрозы и тирании (как преподносилась «победа над Клеопатрой»), установление долгожданного мира и дальнейшие шаги по «восстановлению республики» со временем обеспечили истинную *statio principis*, основанную также на *auctoritas*.

К числу достоинств статуса принцепса относилась его неотягощенность монархическими ассоциациями. *Princeps* был «первым среди равных», и данное обозначение вполне вписывалось в контекст «республиканской» идеологии. Статус не имел чётких государственно-правовых характеристик. Его можно сопоставить с *Augustus* в сакральном смысловом поле (но не с Юпитером или тем более с прижизненным обожествлением). Благодаря юридической неопределенности обозначение *princeps* могло вбирать в себя дополнительные оттенки и атрибуты власти, в отличие, например, от *imperium*

⁹ Одним из «первенствующих» наследник Юлия Цезаря, несмотря на юный возраст, фактически являлся уже с 43 г. до н.э., когда он стал претором, сенатором-консуляром, консулом, а затем одним из триумвиров. См.: Егоров А. Б. Проблемы титулатуры римских императоров. С. 165 слл. Там же указания на литературу. О титулатуре см. также раздел VII.4.

¹⁰ Потому можно не сомневаться, что присяга сохраняла свое значение и после 27 г. до н.э. Присяга приносилась и преемникам Августа, войском — ежегодно.

¹¹ Вопрос о правовых и внеправовых основах власти Августа рассматривается в следующих разделах.

/ *imperator*, которое содержало явные военные коннотации, очерченные территориальные и временные ограничения. В этом отношении *princeps* образует смысловое единство с *auctoritas* («авторитет, влияние» — данное понятие будет прокомментировано отдельно) на которой основывалось его «первенство». Август подчеркивал, что он превосходил своих коллег только *auctoritas*, но не властью (*potestas* — RG 34, см. раздел VII.3).

Став во главе списка сенаторов (*princeps senatus*), победитель удостоился публичного признания в качестве одного из *principes civitatis* (сравн.: Нер. Att. 19. 2). Фактически он и до того контролировал государство. В свою очередь, сенат получил гарантии своей «свободы» (*libertas*), т.е. сословных привилегий, со стороны всемогущего победителя. Так был достигнут компромисс между силой и правом. Следующий важнейший шаг в направлении оформления республиканской легитимности *stationis principis* был совершен в январе 27 г. до н.э. Вступая в свое седьмое консульство, Октавиан сложил с себя все чрезвычайные полномочия, «вернув республику» сенату и Римскому народу (RG 34. 1). С государственно-правовой точки зрения он остался только республиканским магистратом, консулом. На этом основании Август потом утверждал, что обладал властью не большей, чем коллеги по магистратуре, превосходя их лишь своей *auctoritas* (ibid. 34. 3). Это была *auctoritas principis*, овеванная ореолом славы выдающихся создателей Римской республики и ее империи. Октавиан был приобщен к этой славе, как спаситель и восстановитель «республики». Благодарные и зависящие от милости победителя сенаторы, среди которых было уже немало ставленников Октавиана, приняли его особый статус. Постепенно он становился не только бесспорным, но и само собой разумеющимся.

Указание на особое положение в «восстановленной республике» соответствовало собственным представлениям Октавиана-Августа. В «Деяниях» он неоднократно говорит о себе как *princeps*, причем без дополнений *senatus*, *civium* или *populi Romani*¹². Иногда контекст показывает, что имелось в виду. В 13 главе Август вспоминает, что за время, когда он первенствовал (*me principe*), по решению сената трижды закрывался храм Януса. Подчеркнуто, что ранее, то есть от основания Рима до рождения Августа, это случилось всего дважды. Такое указание рубежа требовало по меньшей мере смелости и может рассматриваться как косвенное свидетельство о наличии концепции «века Августа» (далее указаны другие примеры). Поскольку действующим субъектом в тексте выступает сенат, остается некая вероятность того, что звание принцепса относилось к коллективному органу (принцепс се-

¹² Сравн.: Cic. off. III. 105, cf. RG 12 (*principes viri* — «ведущие граждан»). Это «просто принцепс», возможно, лучше всего раскрывает уровень претензий Августа. Оно соответствует встречающимся в «Деяниях» выражениям вроде *classis mea* или *exercitus meus* (RG 26; 30).

ната). Но скорее всего, мы имеем дело с привычным для Августа приёмом внесения некоторой неопределённости. Основной смысл высказывания заключается в превознесении собственных заслуг, засвидетельствованных решениями сената.

В 30 главе RG Август говорит о себе как принцепсе вне всякой связи с сенатом. Здесь римская история делится на время его «первенствования» и время до того (*ante me principem*). На таком фоне и в самом деле «принципат» не требует никаких дополнений, исключительность статуса подразумевается. Важны и другие детали. О «принципате» речь идёт в связи с военными победами. Он не ограничивается рамками Рима и Италии, а приобретает имперские масштабы, поскольку далее сообщается, что победы поставили паннонцев и даков под власть Римского народа (*imperium populi Romani*). Они достигнуты при верховном командовании Августа, а потому причисляются к его личным заслугам. Примечательно, что Август представляет себя не как «императора»-главнокомандующего (непосредственно военные действия велись под командованием Тиберия), а просто как «принцепса». В 32 главе, где Август также сообщает о своих внешнеполитических успехах, в частности, о различных царях, которые искали его покровительства, сенат также не назван. Зато вновь говорится о времени его «первенствования» (*me principe*). Как и в 30 главе, принцепс выступает здесь как представитель Римского народа, под «империем» которого находится круг земель. О важном значении наименования *princeps* свидетельствует также словоупотребление других авторов¹³.

Приведённые примеры разъясняют смысл слов *princeps* и *principatus*. Института под названием «принципат» не существовало, не было такой должности или титула¹⁴. *Principatus* означал прежде всего статус, особое положение Августа в обществе и государстве. Оно не было еще юридически оформлено. Сами принцепсы тоже понимали его как *statio*¹⁵. Принцепс был согражданином, «первым среди равных» (*primus inter pares*). *Statio principis* ко многому обязывало: заботиться об общественном благе и согласии (Tac. hist. I.49), о благополучии Римского народа, в том числе о войске (RG 26, 30),

¹³ О высоком статусе принцепса свидетельствует славящий Августа Гораций. Разбиравшийся в тонкостях идеологических игр Августа поэт не случайно ставит «принцепс» рядом с «отец (отечества)»: *hic ames dici pater atque princeps* (Ног. carm. saec. I. 2. 50). Все же не следует забывать, что упоминаемые здесь тексты предназначались прежде всего для «внутреннего потребления» (для римских граждан).

¹⁴ Неправомерным также было бы считать принципат неким особым государственным органом, параллельным республике — как, солидаризуясь с Де Франчиши, думал Г. Зибер (Siber H. Das Führeramt des Augustus. Leipzig, 1940. S. 71 m. Anm. 4; cf.: De Francisci P. La costituzione Augustea. Pavia, 1929. P. 89, 94 f., 99).

¹⁵ Gell. XV. 7. 3 (Malcovati fr. 22 = Augustus epist. = Bringmann, Wiegandt. Frg. 35. S. 45); SC Pisone // AE 1996. S. 885, 2. 130 (*paternae stationis*); cf.: Vell. II. 124. 2; Plin. pan. 86. 3 etc. Cf.: Köstermann E. Statio principis // Philologus. Bd. 87, 1932. S. 358–368; id. "Status" als politischer Terminus in der Antike // RhM. Bd. 86. 1937. S. 225–240. О «статусе республики» говорится в разделе V.2 и далее.

о плебсе, обо всех и всём остальном. Это ожидалось от выдающегося гражданина, радеющего о *civitas* и согражданах.

Слово *principatus* в применении к Августу и его времени со стороны других лиц засвидетельствовано лишь после его смерти. И тоже не для обозначения формы государства, а в качестве указания на статус, ведущее место среди граждан. Около 30 г. н.э. Веллей Патеркул использовал выражение *principatus eius* — «его /Августа/ принципат» (II. 89. 6). Имелось в виду «первенствование» конкретного лица в государстве, а не государственное устройство. Так же обозначал Веллей положение действующего правителя — Тиберия¹⁶. Сенека, через 30 лет, говорил о принципате Августа: *a principatu suo* (начиная от его /здесь: Августа/ принципата» — Sen. clem. I. 9. 1). К своему подопечному, юному Нерону, философ-наставник обращался со словами: *tuus principatus* («твой принципат», I. 1. 6). Спустя почти ещё полвека Тацит в первой главе «Анналов» сообщает, что Август принял под свою власть государство («республику») под именем принцепса. Чуть далее Тацит признаёт приемлемость и легитимность положения принцепса, противопоставляя его титулу царя или власти диктатора. Общий критический тон историка лишь повышает важность его свидетельств¹⁷.

В формулировке Тацита (ann. I. 1. 1) следует также обратить внимание на смысловое разделение (если не противопоставление) «имени принцепса» и «власти» (*imperium*): Август принял (город Рим) под свой империум (все-го лишь) под именем принцепса (*nomine principis sub imperium accepit*). Представляется, здесь отражена очень важная деталь: принцепс как таковой не обладал никакой исключительной властью. Но он всегда (как и во времена Республики) как носитель высшего достоинства и авторитета, обладавший наибольшим влиянием, был претендентом на *imperium* и *potestas* — в рассматриваемый период это были *imperium maius* и *tribunicia potestas*. Поэтому неточны выражения вроде «вручение власти принцепса» или «передача власти принцепса» (уместен был бы дательный падеж)¹⁸. С учетом сказанного

¹⁶ Другие примеры из Веллея: *solis huic (sc. Tiberio) contigit paene diutius recusare principatum quam, ut occurrerent eum, alii armis pugnaverunt* (II. 124. 2: «Он /Тиберий/ — единственный, кто отказывался от принципата едва ли не дольше, чем другие сражались оружием, чтобы его захватить»); *quasi universa principatus Ti. Caesaris forma* (II. 129. 1: «нечто вроде общей картины принципата Тиберия Цезаря»). Cf.: Edmondson J. Augustus. P. 2, note 4.

¹⁷ Tac. ann. I. 1. 1: *qui cuncta discordiis civilibus fessa nomine principis sub imperium accepit*. Tac. ann. I. 9. 5: *non regno tamen neque dictatura, sed principis nomine constitutam rem publicam*. См. также: Köstermann E. (hrgs.). Cornelius Tacitus, Annalen. Bd. I. Heidelberg, 1963. S. 58 f., 98 etc. Об особенностях Тацитовой трактовки Августа см. также раздел IX.3.

¹⁸ Великанова Е. Н. Процедура вручения Тиберию и Калигуле власти принцепса // Политика. Идеология. Культура. Проблемы всемирной истории. Ярославль, 2006. С. 59, сравн. с. 62 сл. Та же неточность встречается и в другой статье автора: *Initium* принцепса: порядок передачи власти первым преемникам Августа // ВДИ 2007. № 3. С. 163–174, на с. 164 и др. Термин *princeps* обозначал в первую очередь не «власть», а статус, влияние, обусловленные *auctoritas*. С другой стороны, «авторитет» Тиберия основывался не столько на личных заслугах, сколько на статусе наследника Августа. Высшая власть обозначалась

следует попытаться рассмотреть порядок первых передач власти, в частности, Тиберию. Как сын, наследник, соправитель и обладатель равных с Августом полномочий, Тиберий был «вторым» человеком в государстве. После смерти Августа он стал автоматически первым — «принцепсом». Таким образом, наследник при нормальном ходе событий, то есть, если предыдущий принцепс действительно обладал *auctoritas*, получал в семье и в государстве освободившееся «место» на высшей ступеньке иерархии *rei publicae*. Именно с этого начинался процесс инвеституры: войско, сенат, народ (как носитель суверенитета) в соответствии с давними традициями предоставляли конкретные полномочия тому, кто уже был принцепсом, то есть самому достойному. Так все выглядит у Светония в случае с Тиберием. Он сразу принял *principatus* и окружил себя охраной как символом господства (*dominatio*), но на словах долго отказывался от власти (*imperium*). Поскольку это происходило первый раз, то складывалось несколько сумбурно¹⁹. В дальнейшем «имя принцепса» превратилось в наименование властителя, а процедура, став рутинной, завершалась принятием *lex de imperio*.

Начиная со времени Августа, *princeps* стало самым употребительным обозначением правителя Рима в течение трех веков, особенно в Риме и в сенате. Слово «принцепс» не входило в титулатуру, но как обращение ясно указывало на статус правителя²⁰. Это нашло отражение в сенатской историографии, а оттуда перешло в историческую литературу нового времени. Лишь Т. Моммзен вновь «изобрел» термин «принципат» как обозначение специфического государственного строя в эпоху ранней Римской империи. В раннеимператорском Риме *principatus* — первенствование конкретного лица — не было названием формы государства.

Слова «принцепс» и «принципат» соответствовали традициям Римской республики. В новых условиях они ясно указывали на исключительное положение в государстве единственного Принцепса при отсутствии явных монархических коннотаций. Идея первенствования одного из граждан на основе выдающихся личных качеств и заслуг (сравн. раздел VII.3–4) не противоречила концепции «восстановленной республики».

Установив единоличный контроль над государством, Октавиан провозгласил «восстановление республики» (*res publica restituta*). Сохранившиеся свидетельства показывают, что урегулирование 28/27 гг. было принято боль-

как *imperium (maius)* и *tribunicia potestas*. Потому известный закон назывался *lex de imperio*, исчисление правления — *dies imperii*.

¹⁹ Suet. Tib. 24. 1. Об *initium* Тиберия см. также разделы V.1 с примеч. 19 и V. 9 с примеч. 176 слл., VII.1 с примеч. 2 слл.

²⁰ Этим *princeps* отличалось от другого обозначения позиции в государстве и обращения — *imperator*. Примеры обозначения позиции: Tac. ann. XIV. 2. 1: *profani principis imperium*; Sen. clem. I. 16. 2: *imperat princeps civibus suis*. Сравн.: Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. II. S. 774. О титулатуре Августа см. также раздел VII.4.

шинством граждан с энтузиазмом. Неизвестно ни одного синхронного высказывания в Риме и Италии, в котором оно рассматривалось бы как узурпация власти. Государство не разрывалось более на куски алчущими власти партиями, оно вновь стало «общим достоянием граждан» — *res publica*. Римские граждане радовались «восстановлению республики», при том что государственное управление сосредоточилось в руках одного человека. Нет ли здесь противоречия? Истории известны случаи, когда большинство ошибалось. Следует ли и здесь предположить, что Октавиану удалось ввести всех в заблуждение и «восстановление республики» было обманом? Или чего-то недопонимаем мы? Попытаемся абстрагироваться от идеологии новоевропейской демократии и в силу своих возможностей рассмотреть ситуацию с позиций людей того времени.

Принципиальное значение имеет адекватное толкование римского понятия *res publica*. Современная классификация определяет монархию и республику как (противоположные) государственные формы²¹. Но римская политическая мысль проводила совсем иную границу: между «республикой» и ее отсутствием. Для того, чтобы раскрыть замысел, в соответствии с которым было осуществлено урегулирование 28/27 гг., необходимо ориентироваться на то содержание, которое вкладывали в выражение *res publica* современники Цицерона, одним из них был и Октавиан (см. раздел IV.5. Формы «республики»).

Важно учитывать, что тогда (после 44 г. до н.э.) в рамках гражданского общества было два основных понимания *rei publicae*. Одно из них, которого придерживались заговорщики, обозначалось как «свободная республика». Профиль этой интерпретации формировался путём противопоставления «тирании». С точки зрения заговорщиков тираном был диктатор Юлий Цезарь. Под *res publica libera* они понимали такое государство, в котором власть фактически принадлежала бы «лучшим» (*optimi*), то есть нобилитету. Это был бы возврат к аристократической и олигархической Римской республике (до 49 г. до н.э.). Такое правление показало свою недееспособность и скомпрометировало себя в течение последних ста лет²².

²¹ Монархия — букв. «единовластие» (греч.), форма правления, при которой власть принадлежит одному лицу, и как правило, передается по наследству. В противоположность монархии, для республики в современном понимании характерна выборность главы государства, как и всех руководящих органов. Помимо этого, в современной политологии большое внимание уделяется классификации «режимов» (от лат. *regimen* — управление, руководство), которая учитывает не только устройство государственных органов, но всю совокупность находящихся в постоянном изменении форм и методов осуществления политического руководства обществом. Под «политической системой» (политической организацией общества) понимается, как правило, сложившийся и относительно стабильный, длительно сохраняющийся режим.

²² Разъяснение трёх значений понятия «республика» см. в разделе IV.4. Кассий Дион для обозначения *res publica libera* использует «демократия» (что характерно для греческих писателей эпохи Империи, см. раздел IV.8). Это неточно, поскольку республика в Риме была аристократической и олигархической, такой же хотели ее восстановить заговорщики. Но ход мыслей Диона понятен. Он писал о многовластие

Не было возврата и к «древней республике». Потому заговорщики не нашли достаточной поддержки среди населения Города, как и Италии в целом. Что касается Октавиана, то он не только не собирался восстанавливать сенатскую олигархическую республику — вместе с другими триумвирами молодой Цезарь безжалостно истреблял «цезареубийц», верша месть за своего приёмного отца. Возврата к прежней Римской республике (к «республике до Рубикона») не было.

Провозглашая восстановление, Октавиан имел в виду отнюдь не сенатскую олигархическую Республику. В его формуле под *res publica* подразумевалась *res populi* в том фундаментальном смысле, который лежал в основе римских представлений о гражданском обществе, о *civitas*, как их сформулировал Цицерон в трактате «О государстве» (Cic. *rep.* I.39). Лозунг «восстановленной республики» Октавиана-Августа соответствовал желаниям и интересам широких кругов римского гражданства. Имелась в виду столь же мало «демократия», как и прежняя сенатская олигархия. Речь шла о восстановлении гражданского общества. Для осуществления этого требовалась сильная личность, некто вроде Цицероновского «управляющего делами республики» (*rector / curator / gubernator rei publicae*). Эту роль принял Август.

Урегулирование 28/27 гг. предусматривало «восстановление республики» как «общего достояния». И в этом смысле суть установленного порядка соответствовала названию. Вопрос о форме государственной организации, после пережитых всеми ужасов, занимал подчиненное место. Никто не помнил и фактически не знал, какой была Республика при Цинциннате, Сципионе и Катоне Старшем. Большинство тогда мало этим интересовалось. Главным для римских граждан и всего населения Италии было «восстановление республики», под которым понимались гражданский мир, безопасность, гарантии собственности, сохранение привилегий граждан и «империи Римского народа».

Наряду с этим предусматривалось также сохранение норм и целого ряда учреждений Римской республики, но лишь в той мере, в какой они могли быть вписаны в задуманную Октавианом-Августом «наилучшую форму государства» (*optimus status*). В этом проекте государственного устройства «республики» ключевую позицию занял принцепс.

(на самом деле — не демократии, но олигархии), которому противопоставлялась «монархия» как более подходящая форма правления для огромной империи (Dio XLIV. 2).

V.2. «Наилучшая форма» для «восстановленной республики»

Вопрос о форме государства был немаловажен для тех, кто взял на себя решение задачи организации общества после гражданских войн. Октавиан не мог ограничиться «восстановлением республики» вообще. Он должен был определиться с социальными и политическими приоритетами, организовать эффективное управление столицей, Италией и империей. Ранее обращалось внимание на то, что изображённое Кассием Дионом совещание «тройки»: Октавиана, Агриппы и Мецената — импровизация на политические темы III века н.э. Но что вопрос об устройстве государства после Акция действительно стоял на повестке дня, обдумывался и оживлённо обсуждался, не вызывает сомнения (сравн. раздел III.8). Как будет показано далее, Октавиан имел в своём распоряжении советников — специалистов в области политической философии. Всё же представляется, что та относительно ясная и логичная картина, которую мы пытаемся восстановить в этом разделе, была не заготовленным перед началом реформ планом, а результатом долгого экспериментирования, опиравшегося на некоторые основополагающие убеждения и идеи.

Оказавшись в роли «устроителя республики», Октавиан обратился в своих мыслях к тому учению о государстве, которое на римский лад подробно изложил и прокомментировал Цицерон. В его сочинениях говорилось о различных вариантах «республики» (*status, genus, modus, constitutio, forma rei publicae*). Согласно “*De re publica*”, принцип общественного блага теоретически мог быть реализован при одной из четырех правильных, здоровых, форм: трех простых (монархия, аристократия и демократия), а также смешанной конституции (см. разделы IV.4 сл.). Октавиан был по крайней мере знаком с этим учением. Которую из разновидностей «республики» он предпочёл в качестве образца?

Ответ несколько облегчается тем, что две версии — демократия и аристократия — практически исключались. Первая отвергалась римлянами уже исходя из хорошо известного греческого, в частности, афинского опыта. Никто не хотел катастрофы, постигшей этот город в результате Пелопонесской войны и последующих событий. Смуты последнего века Республики, с постоянной борьбой «партий», демагогией и подкупом, побоищами на форуме и гражданскими войнами, послужили дополнительной прививкой от «демократии», представшей во всей своей охлократической прелести. Аристократическая республика также развенчала себя как модель, которую стоило бы восстанавливать.

Из простых форм оставалась ещё монархия, установление которой и приписывают Августу его «обличители». Но мог ли тогда сколько-нибудь

разумный политик решиться на введение единоличной власти? Эксперименты Антония скомпрометировали её ориенталистско-эллинистические варианты. Царская власть отечественного образца, демонизированная аристократией со времён Тарквиния Надменного, получила новый отрицательный заряд стараниями цезареубийц. Хотя большая часть их была физически уничтожена, влияние «антииранической» идеологии полностью не иссякло. В сенате, который Август (и последующие принцепсы) еще не раз «очищал» и пополнял своими приверженцами, она находила себе сторонников еще спустя десятки лет.

Октавиан-Август очень хорошо знал римские традиции и политические настроения своих сограждан. Поэтому он не просто отвергал роль царя, а всеми способами стремился избегать хоть каких-то коннотаций, на основании которых его могли бы обвинить в стремлении к *regnum*, что означало бы в тех обстоятельствах — к тирании. Не намереваясь восстанавливать господство олигархии, он хотел, чтобы его власть не выглядела как вызов традициям Республики. До конца жизни основатель принципата упорно повторял, что после урегулирования января 27 года его преимущество перед другими магистратами заключалось лишь в мере *auctoritas*, но не *potestas*, а исполнявшиеся обязанности не противоречили *mos maiorum* (RG 34. 3; cf.: 6. 1). Следует думать, что по крайней мере с формально-правовой точки зрения это заявление имело основания: не таков был автор, чтобы так легко дать себя уличить.

В самом деле, ни одно полномочие Августа, взятое в отдельности, не выходило за рамки известных прецедентов времени Республики. Проконсульская власть (*imperium proconsulare*)²³ в незамиранных провинциях, где расквартировывалась большая часть войск, находила прямую аналогию с положением признанного «республиканца» Помпея Великого, которым тот обладал в соответствии с Габиниевым законом. Подобные проконсульские полномочия получили после совещания в Лукке (56 г.) участники первого триумvirата, причем тот же Помпей управлял своей провинцией через легатов. Правда, Октавиан с 31 по 23 гг. был еще консулом. Но и здесь был прецедент — положение Помпея в 52 г. Внешне всё представлялось «по-республикански», тем более, обязанности и полномочия были приняты Августом по настойчивым просьбам сената и народа. Примеров бережного обращения Октавиана-Августа с республиканскими традициями более чем достаточно. Если предпо-

²³ Термин *imperium proconsulare* в оформлении власти Октавиана в 27 г., видимо, не использовался. Эта дефиниция появилась несколько позднее. Мы используем его применительно к данным обстоятельствам как общепринятый. См.: Salmon E. T. A history of the Roman world from 30 B.C. to A.D. 138. L., 1950. P. 339–340; Girardet K. M. “Imperium maius”: Politische und verfassungsrechtliche Aspekte. Versuch einer Klärung // Giovannini A. (ed.). La revolution romaine après Ronald Syme. Bilans et perspectives. Genève, 2000. S. 167–236 (ND // Girardet K. M. Rom... 2007. S. 461–521).

ложить его стремление к монархической власти, то оставалось бы только удивляться непонятной нерешительности или излишней осторожности Августа даже в те моменты, когда она, казалась, сама шла к нему в руки.

Более того, как раз нежелание нарушать «республиканские» установления порождало серьезные трудности и даже опасности. По мере рассеивания эйфории все более явной становилась некая двусмысленность положения принцепса. Это тревожило, особенно в кризисных ситуациях, не только его самого, но и широкие круги населения, от сенаторов до городского плебса. Все понимали, что огромная конструкция империи скреплялась «авторитетом» одного человека с очень широкими и в то же время достаточно неопределенными функциями. В этих условиях стремление Августа конституционно закрепить свое исключительное влияние было бы вполне понятным. Плебс не раз требовал от него принять чрезвычайные полномочия. Но принцепс всеми силами сопротивлялся.

Следует отдать должное политическому чутью Августа, его способности адекватно оценить ситуацию. Он постоянно находился перед альтернативой. Без юридического оформления широких полномочий Август вынужден был считаться с уязвимостью своего положения. Более того, неясность правового статуса была одним из факторов, который мог провоцировать заговоры. Но не меньшая опасность таилась и в четком юридическом оформлении единоличной власти: некоторые точки над *i* могли бы вызвать отторжение определённых слоев общества.

Балансирование между указанными нарушениями «республиканизма» составляло объективно заданную диалектику раннего принципата²⁴. Эта двойственность, имевшая глубокие корни в структуре Римского государства и в менталитете политически значимых социальных слоев, обусловила важнейшие конституционные эксперименты первых десятилетий Империи. Август был сценаристом, режиссером и главным лицедеем в драме, подготовленной всей предшествующей историей Рима. Для того, чтобы не ошибиться в выборе средств, он должен был знать и учитывать все тонкости римского менталитета.

Итак, ни одна из трёх простых форм (монархия, аристократия, демократия) не могла быть взята в качестве образца для «восстановленной республики». Но теоретикам античной политической философии была известна ещё одна — смешанная, она же наилучшая, форма государства, или смешанная конституция.

Цицерон не случайно поместил обсуждение важнейшей проблемы античной политической философии — о наилучшей форме государства — на

²⁴ Эта диалектика применительно ко времени Флавиев блестяще вскрыта Г. С. Кнабе (Корнелий Тацит. С. 33 и др.).

вилле Сципиона Эмилиана. В ходе длившихся три дня бесед этот выдающийся римский политик проявил себя убежденным сторонником «смешанной» формы государства. В своё время Полибий, который был одним из участников «кружка» Сципиона, увидел её в устройстве Римской республики времени расцвета. Этим совершенством государственного устройства он объяснял успехи Рима, который смог так быстро завоевать Средиземноморье. Цицерон придерживался аналогичной точки зрения. Правда, как и другие его сограждане, он подчёркивал, что римляне ни у кого не научились, а пришли ко всему своим умом.

Процитируем небольшую главу из трактата «О государстве», в которой Цицерон устами Сципиона характеризует преимущества смешанного правления:

«Ввиду всего этого, из трех указанных вначале видов государственного устройства, по моему мнению, самым лучшим является царская власть, но самое царскую власть превзойдет такая, которая будет образована путем равномерного смешения трёх наилучших видов государственного устройства. Ибо желательно, чтобы в государстве было нечто выдающееся и царственное, чтобы одна часть власти была уделена и вручена авторитету первенствующих людей, а некоторые дела были предоставлены суждению и воле народа. Такому устройству, прежде всего, свойственно, так сказать, [великое] равенство, без которого свободные люди едва ли могут долго обходиться, затем — прочность, так как виды государственного устройства, упомянутые выше, легко превращаются в свою порочную противоположность, — вследствие чего царь оказывается властелином, оптиматы кликой, народ изменчивой толпой, — и так как эти самые виды государственного устройства часто сменяются новыми, тогда как при этом объединенном и разумно смешанном государственном устройстве этого не случается почти никогда, разве только при большой порочности первенствующих людей. И действительно, нет причины для перемен там, где положение каждого прочно и ему некуда сорваться и свалиться²⁵.

Цицерон, вслед за своими греческими предшественниками и вместе с римскими интеллектуалами, считал смешанную форму правления оптимальной и самой стабильной. Ранее говорилось о большом влиянии знаменитого оратора на мировоззрение Октавиана-Августа. Логично предположить, что Октавиан, когда пришло время задуматься над устройством «восстановленной республики», не мог пройти мимо смешанной формы. То, что в ней было место для выдающейся личности, могло стать дополнительным аргументом в её пользу.

²⁵ Cic. rep. I. 69 (цит. в переводе Г.О. Горенштейна); cf.: I. 45, 70, II. 65 sq. (в применении к Риму) etc.; Sest. 98 sqq.; fam. I. 4. 7 sqq.; Plat. rep. VIII. 543A – 545C; Aristot. pol. II. 3. 10. См.: Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 290 слл.; 1972. С. 251; его же. Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до н.э.). М., 1977 (гл. 7). С. 141 слл., особ. 151 слл.

И всё же, не являются ли подобные предположения слишком умозрительными? Имеются ли на этот счёт конкретные свидетельства, относящиеся к Августу, его образу мышления, замыслам и планам? Наконец, соответствует ли всему этому хоть в какой-то мере тот государственный строй, который был создан Октавианом и был передан Августом своим преемникам? На эти вопросы, поскольку предлагаемая здесь гипотеза во многом является новой, следует ответить несколько подробнее.

К числу убедительных свидетельств в пользу плана Августа организовать государственную власть в «восстановленной республике» в форме смешанной конституции относятся: 1) факты, указывающие на серьёзный интерес Октавиана-Августа к греческой политической теории, что подтверждается важной ролью философов в его окружении; 2) ряд совершенно недвусмысленных сообщений античных авторов, также Светония, цитирующего эдикт самого Августа; 3) настойчивое стремление Августа сохранить те установления Римской республики, которые позволяли ещё Полибию считать её смешанной конституцией; некоторые из них сохранялись на протяжении многих десятков лет после основания принципата.

Проблема влияния греческой политической философии на формирование Августова принципата привлекает недостаточное внимание исследователей. В какой-то мере это можно объяснить характером современной политической жизни с преобладанием текущих проблем и конъюнктурных вопросов. В первые десятилетия XX в. тема заинтересовала некоторых авторов, в основном немецких. По-видимому, это не случайность. С одной стороны, передовая для того времени классическая филология была подвержена влиянию идей романтизма. Это проявилось в поисках специфики «римского духа». С другой стороны, некоторые исследователи, сопротивляясь этому потоку, стремились подчеркнуть влияние греческой культуры, в том числе эллинистической философии, на формирование принципата. Ситуация политического и идеологического кризиса (который в итоге привел к установлению нацистской диктатуры) побуждала к интенсивным духовным поискам. Появились специальные работы, посвященные «идейной подготовке Августова принципата»²⁶.

Вопрос о роли греческой философии в формировании римской политики вновь заинтересовал ряд известных исследователей во второй половине

²⁶ Reitzenstein R. Die idee des Prinzipats bei Cicero und Augustus // Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse aus dem Jahre 1917. Berlin, 1918. Heft 3. S. 399–436, 481–488; Domaszewski A. Die philosophische Grundlage des augusteischen Prinzipats // Karo G., Salin E. (Hrsg.). Bilder und Studien aus drei Jahrtausenden. München etc., 1923. S. 61–72; Kaerst J. Scipio Aemilianus...; Kolbe W. Von der Republik zur Monarchie. (1931) // Schmitthenner W (hrsg.) Augustus. Darmstadt, 1985. S. 72–99; Pöschl V. Römischer Staat und griechisches Staatsdenken bei Cicero. Berlin, 1936; Knoche U. Die geistige Vorbereitung... См. также разделы IV.5 и V.2 о теории смешанной конституции.

XX века²⁷. Указанная проблематика разрабатывалась П. Брантом, Э. Раусон, Г. Бауэрсоком, М. Гриффин, К. Брингманом главным образом в связи с более широкими темами эллинизации римской культуры и в русле интеллектуальной истории. Хотя интересующим нас аспектом политики Августа специально никто не занимался, проделанная значительная работа делает возможными следующие шаги.

Но был ли Август человеком, который руководствовался в своей деятельности теорией? Сложившийся в античной и современной историографии образ ничем не напоминает Марка Аврелия. Это скорее прагматик и интриган, чем философ на троне. Да и время было не то: укоренившееся в Риме недоверие к грекам, в особенно к философам, также даёт основания для сомнений. И всё же не следует забывать, что это был век, когда эллинизация римской культуры стала уже свершившимся фактом. Ранее было показано, что Октавиан получил основательное образование (раздел III.7). Остаётся вопрос, был ли он в достаточной мере знаком с политической философией своего времени.

Имеется немало свидетельств об интересе Октавиана-Августа к проблемам теории государства, о наличии окружения, в котором он мог серьёзно обсуждать соответствующие вопросы. Но в век Августа, в отличие от века Антонинов, римское общество ещё не было готово к принятию правителя-философа. Даже греческие советники присутствовали только на Палатине, разумеется, им нечего было искать ни на форумах, ни в курии²⁸. Основное, официальное определение римской *civitas* — «восстановленная республика» — лежало в русле отечественной традиции.

Замысел создания идеального государственного устройства, источником которого была греческая теория, ориентировался на избранных, тех, кто мог его по достоинству понять и оценить. Август и его советники были достаточно умны и осторожны, чтобы «всенародно» не представлять принцепса бородатым философом, стремящимся перестроить мир в соответствии со спекуляциями греков. Как и тайная склонность к египетским мотивам в искусстве (см. раздел VIII.8) или восхищение Александром Великим, план был предназначен для «внутреннего потребления». Он не получил свободного

²⁷ Schäfer M. Cicero und der Prinzipat des Augustus...; Griffin M. T. Philosophie, politics and politicians at Rome // *Philosophia togata* I. Oxf., 1989. P. 1–37; Gruen E. S. *Studies in Greek culture and Roman policy*. Leiden etc., 1990; Bringmann K. *Die Bedeutung der Philosophie in Rom...*; Brunt P. A. *Philosophy and religion in the late Republic* // *Philosophia togata* I. P. 174–189; id. *Stoicism and the principate*; Clark G.; Rajak T. (eds.). *Philosophy and power in the Graeco-Roman world: essays in honour of Miriam Griffin*. Oxf., 2002.

²⁸ Известно, что римляне свысока смотрели на представителей завоёванных народов, даже эллинов, которых они презрительно называли «гречишками» (*graeculi*). Это словечко встречается даже у Цицерона, который стольким был обязан греческой учёности. Несомненно, оно было в ходу в самых широких кругах (*graeculi* у Цицерона: *Cic. orat.* I. 47, 102; *Flac.* 23; *Tusc.* I. 86; *Scaur.* 4).

допуска в историческую традицию. Август тщательно направлял процесс формирования собственного имиджа²⁹.

Даже в качестве участников решающего совещания по вопросу о выборе формы государства для «восстановленной республики» Кассий Дион изобразил не философов-профессионалов — а они были в окружении Октавиана. Советниками представлены лишь Агриппа и Меценат, которые были «друзьями» принцепса (Dio LII. 1–41; см. раздел IV.8). Их статус вполне соответствовал римским обычаям («темное» происхождение Агриппы было куда более простительно, чем профессия греческого философа). Хотя многих римских аристократов ещё со времён Республики окружали учёные греки, учившие их «мудрости», персону философа-советника при магистрате, да ещё при первом лице государства, диссонировала бы с обычаями и со всей идеологией реставрации³⁰. Позднее та часть проекта реформирования государства, которая основывалась на достижениях греческой политической философии, не была открыто отвергнута преемниками Августа. Все же воплощать ее по тем или иным причинам было некому. Не сбылись его мечты о славе мудреца. Пришли другие времена и люди, замыслы Августа были мало кому интересны и почти не получили отражения в источниках.

В сохранившейся исторической традиции можно рассмотреть едва проглядывающие отпечатки философских «грешков» основателя принципата. Внимательное прочтение этих следов обнаруживает, что Октавий-Октавиан-Август всегда проявлял интерес к политической философии и окружал себя носителями соответствующих идей. О первом серьёзном знакомстве с греческой мудростью говорит сообщение Светония о юношеском сочинении Октавия под названием «Поощрение к философии» (Suet. Aug. 85). Мы мало знаем о философских пристрастиях (если они были) его дяди. Юлий

²⁹ Противоположные примеры предоставляют преемники Августа: ухудшение имиджа Тиберия, окружившего себя на Капри чуждыми обычаями и людьми; извращения Калигулы, способствовавшие созданию образа «неримского» царя; грекофильство Нерона — все это значительно облегчило действия их противников.

³⁰ Представляется, Цицерон в дискуссии о формах государства не случайно изобразил только римских участников кружка Сципиона Эмилиана (все 9 участников диалога), но не Полибия и Панэция. Так Цицерон стремился отнять у оппонентов формальный повод отвергнуть важное содержание по формальному поводу — влияние «иноземцев». Ещё примеры: философ Блоссий из Кум, наряду с другим греком, ритором Диофаном из Митилены, были советниками современника и родственника Сципиона — Тиберия Гракха. Кроме того, Плутарх упоминает в качестве человека, близкого Тиберию, известного стоического философа Антипатра из Тарса (Plut. Tib. 8). В римском (и это скорее не исключение) менталитете долго сохранялось предубеждение против влияний чужеземцев (и женщин) на государственные дела. У греков были известны такие пары, как Агамемнон и Нестор, Перикл и Анаксагор, Александр и Аристотель и другие. В римской традиции едва ли не единственным положительным примером мудрого и мирного реформатора на троне был Нума Помпилий. Но даже Цицерон устами Сципиона решительно опровергал влияние на него Пифагора (Cic. rep. II. 28–29). Широкий исторический фон темы «философы и правители» в греческом и римском мире см.: Rawson E. Roman rulers and the philosophic adviser // Barnes J., Griffin M. *Philosophia togata*. I. Oxf., 1989. P. 233–258.

Цезарь был высокообразованным человеком, но трудно представить его приверженцем определённого учения. Вряд ли рассудительные высказывания в сенате, позрачный намек Катона на безбожие аристократа (Sall. Cat. 51. 1 sq., cf. 52. 13) или наличие друзей-эпикурейцев могут свидетельствовать о принадлежности к этой школе. Всё же прагматично и порой цинично (тоже вполне в духе времени) мысливший Цезарь интересовался философскими вопросами. Лукиан сообщает о его советнике, философе Аристоне. Аппиан изобразил Цезаря, скромно, среди прочего люда, слушавшего в Александрии выступления философов³¹. Он был достаточно подготовлен для предстоявших государственных преобразований. С собой в Рим Цезарь захватил узких специалистов: астронома Созигена для реформы календаря, а «философов» — для составления карты империи³². Из Александрии происходил также стоик Арей — наставник его внучатого племянника³³.

При том, что тогда в Риме широкое распространение получил также эпикуреизм (сравн. раздел IX.5), следует предположить решающее воздействие на Октавия стоических идей³⁴. Стоя учила необходимости следовать долгу и призывала, за исключением крайних обстоятельств, к активному участию в общественной жизни. Этим она в наибольшей мере соответствовала римской политической культуре и приличествовала политикам. Эпикуреизм в большей мере выражал установки людей, сделавших выбор в пользу частной жизни, посвященной собственному спокойствию и личному счастью (эпикурейский идеал «атараксии»).

Приверженцы стоической школы всегда были как среди друзей, так и среди учителей принцепса. Особую роль сыграли упоминавшийся Арей Александрийский (или Дидимский, ок. 83 г. до н.э. — после 9 г. н.э.) и Афинодор из Тарса (сын Сандона, известный также как Кананит, 74 г. до н.э. — 7 г. н.э.)³⁵. Эти философы, в согласии со стоической доктриной, не чуждались практической деятельности. Они выполняли подчас сложные политические поручения, оправдывая полное доверие Августа.

³¹ Cic. Att. XIII. 52. 2 (беседа Цезаря с Цицероном на литературные темы); Lucian., Lexiphanes 1 (о советнике Цезаря — Аристоне из Александрии, который в течение некоторого времени возглавлял «старую академию»); App. b. c. II. 89 (по Аппиану, Цезарь, притворяясь любопытствующим зевакой, хотел снискать симпатии александрийцев). См. Rawson E. Roman rulers... P. 242; cf. Flashar H, Ueberweg F. (hrsg.). Grundriss der Geschichte der Philosophie. Die Philosophie der Antike. Bd. IV. 2. S. 967 f. (Aristos).

³² Об этом сообщает *Iulius Honorius* (Schmidt P. L. Honorius 8, I. Honorius // KP. Bd. II. Sp. 1549.). *Geographi latini minores* (Hrsg F. A. Riese). Heilbronn, 1878. Dok. 21, cf.: Rawson E. Roman rulers... P. 243.

³³ См.: Rawson E. Roman rulers... P. 243. См. также далее об Афинодоре.

³⁴ Плутарх заметил, что эпикурейцы писали трактаты о царстве, чтобы учить, как сторониться царей, а если киники и высказывались иногда о хороших царях, то сами чаще вообще не вписывались в обстановку двора (Plut. mor. 1127 A, cf. Rawson E. Roman rulers... P. 233).

³⁵ Кана была деревней под Тарсом, из которой Афинодор был родом. Цицерон называет его ещё *Calvus* (Лысый), чтобы отличить от другого Афинодора.

Афинодор, предположительно ученик Посидония из Апамеи³⁶, был с юным Октавием уже в Аполлонии, позднее был приглашен принцепсом в Рим. Долгое время Афинодор находился в кругу самых доверенных лиц Октавиана-Августа. Также по его поручению философ занимался с будущим императором Тиберием. Э. Раусон обратила внимание, что Афинодор ни разу не упоминается Светонием и римскими историками. В целом, взгляд на Августа как императора, не чуждого философии, может стать неожиданностью для всякого, кто начинает изучение вопроса с источников, имеющих римское происхождение³⁷. В самом деле, только сообщения греческих авторов, несмотря на их краткость, немного проясняют картину. Некоторые случайные факты говорят о роли Афинодора в окружении Августа и степени доверия, которой философ пользовался у принцепса. Однажды он велел пронести себя в женском паланкине в покои принцепса и выскочил оттуда с кинжалом, указав своему патрону на небрежность в организации охраны (Dio LVI. 43. 2, cf. LII. 36. 4).

Плутарх также рассказывает, что получив по причине преклонного возраста разрешение вернуться к себе на родину, Афинодор подготовил ученику письменные наставления. В частности, рекомендовалось, если овладевает гнев, прежде чем что-либо сказать, повторить весь алфавит. Август был так впечатлён этим простым и точным советом, что схватил руку философа и воскликнул: «Я всё ещё нуждаюсь в тебе!» — и оставил ещё на год (Plut. mor. 207 c). После 30 г. до н.э. Афинодор наконец вернулся в Тарс (где умер в возрасте 82 лет). Будучи далеко от Рима, он не терял контакт с семьёй принцепса. Известно, что он отправил Октавии утешение по поводу смерти её сына Марцелла³⁸.

Три сообщения указывают на политические интересы греческого философа. В 44 г. он помогал Цицерону при работе над третьей книгой трактата «Об обязанностях» (Cic. Att. XVI. 11. 4, 14. 4). В частности, Афинодор дал свои разъяснения по проблеме соотношения «полезного» и «должного». Здесь лежал один из водоразделов между стоической и эпикурейской этикой. Как известно, Цицерон стремился развенчать теорию и практику абсентеизма, утверждая приоритет долга гражданина перед «республикой». В этом пункте позиция Афинодора оказалась ему чрезвычайно близка.

Страбон упоминает о том, что Афинодор по возвращении сумел освободить Тарс от демагогов (поддерживавшихся ранее Антонием) и учредить

³⁶ Как уже указывалось в разделе III.1, Посидоний из Апамеи был учеником Панэция и стал крупнейшим представителем Средней Стои. Его исторический труд был продолжением Полибиева. Посидоний тоже восхищался успехами Рима. Среди его учеников на Родосе были Цицерон и Помпей.

³⁷ Cf.: Iulian. Caesares. 309 b–c, 326 a–b. Раусон отметила краткость сообщений Светония, совершенное отсутствие упоминаний о философах-советниках у Тацита и даже в развернутом перечислении достоинств и заслуг Августа у Веллея. См.: Rawson E. Roman rulers... P. 243.

³⁸ Plut. Poplic. 17. 8. М. Клавдий Марцелл был ранее усыновлён Августом и рассматривался как его наследник. Он умер в 23 г. до н.э.

новую конституцию (Strabo XIV. 674 sq.). По-видимому, это было самое важное, чем он мог осчастливить свою родину. Как стоик, Афинодор безусловно занимался проблемами этики и политики. На основании имеющихся данных можно предположить, что одной из областей его специальных интересов были конституции (государственные устройства). Выступив на этом поприще советником Октавиана, Афинодор решил использовать свои знания и опыт также в Тарсе. Об этом может косвенно свидетельствовать и специальный труд *peri Tarsou* («О Тарсе»). Страбон также ссылается на Афинодора, когда описывает законопослушный характер набатеев (Strabo XVI. 779). Речь могла идти о сочинении Афинодора, в котором говорилось об устройствах государств. К сожалению, прямых указаний на такой труд традиция не сохранила³⁹.

Другой ведущий наставник Октавиана, Арей, был учителем в греческом и философии, а затем — близким другом и советником. Он известен прежде всего как доксограф, автор древнейшего изложения стоической философии на греческом языке, а также работы по этике. В целях преподавания он создал антологии из произведений философов различных направлений. В то же время это был достаточно самостоятельный мыслитель, стоявший на позициях Стои⁴⁰. О. Мюррей предположил, что советник Августа Арей Дидимский⁴¹ был тем самым Ареем, который полемизировал с Цицероновой *de re publica*⁴². Раусон в данной связи указала, что эта тематика соответствует роли философа-советника. Она в сущности исходила из того, что Арей, будучи сторонником монархии, должен был и Августу указать на предпочтительность этой формы государства⁴³. Но это не так уж бесспорно.

³⁹ Этот Афинодор (Цицерон называет его А. Кальвус) был сыном Сандона из деревни Кана под Тарсом. См. также: Dio LII. 36, LVI. 43. 2 sq.; Moralia 207. 7; Zosimus I. 6; etc. Cf.: Parker E.R. The education of heirs in the Julio-Claudian family // AJP. Bd. 67. 1946. P. 29–50, here 33; Dörrie H. Athenodoros 3 // KP. Bd. I. Sp. 705; Cichorius C. Der Hofphilosoph Athenodoros von Tarsos // Römische Studien. VII: Aus dem Kreise des Augustus 5. Stuttgart, 1922. S. 279–282; Grimal P. Auguste et Athénodore // REA. T. 47. 1945. P. 261 ff.; T. 48. 1946. P. 62 ff.; Bowersock G. W. Augustus and the Greek world. Oxf., 1965. P. 32, 34, 39 f.; Flashar H, Ueberweg F. (hrsg.). Grundriss... Bd. IV. 2. S. 711 f.; Rawson E. Roman rulers... P. 245. Учителем Клавдия был другой Афинодор, которого некоторые авторы путают с Кананитом (cf.: Suet. Claud. 4. 5).

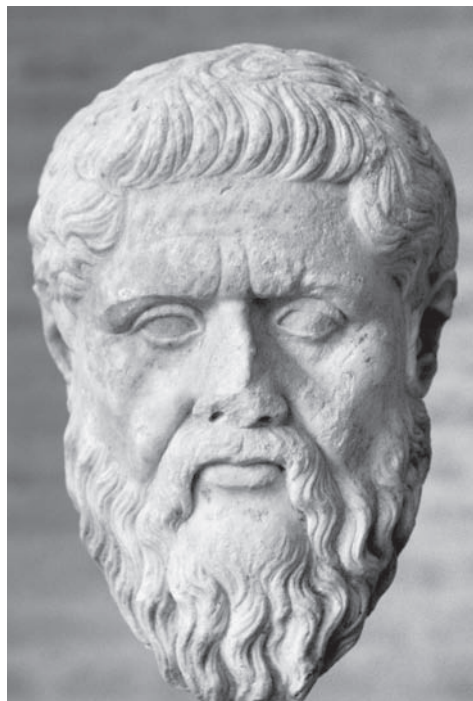
⁴⁰ Арей Дидим (Areios Didymos) родился в Александрии: Strabon XIV. 670; Plut. Ant. 80. Фрагменты Ароя Дидима см. в: Diels H. Doxographi Graeci. S. 447 ff. См. также: Wachsmuth D. // KP. Bd. I. Sp. 523 f.; Bowersock G. W. Augustus and the Greek world. P. 33 f., 39–41; Flashar H, Ueberweg F. (hrsg.). Grundriss... Bd. IV. 2. S. 711 f., 714 ff. (указаны издания фрагментов Афинодора и Ароя, а также лит.) etc. Есть мнение, что Ароя, советника Августа, следует отличать от ученого-доксографа Ароя из Дидимы (Gombocz W. L. Geschichte der Philosophie. Bd IV. Die Philosophie der ausgehenden Antike und des frühen Mittelalters. München, 1997. S. 415).

⁴¹ Murray O. Peri basileias: studies in the justification of monarchic power in the Hellenistic world. Oxf., 1971. P. 175 n. 1 (эта работа оказалась нам недоступна, цит по: Rawson E. Roman rulers... P. 244); Другие предполагаемые здесь носители имени Дидим: грамматик Didymus Chalcenterus (Amm. Marc. XXII. 16. 16 etc.) или Claudius Didymus менее вероятны. См.: Arnim. Areios 12 // RE Hb. III, 1895. Sp. 626; Colin L. Didymos 3 // RE. Bd. V. 1905. Sp. 444, 471 f. (Арим предполагал, что речь должна здесь идти о Клавдии Дидиме).

⁴² О резко критическом сочинении сообщает Аммиан Марцеллин: Amm. Marc. XXII. 16. 16.

⁴³ Сравн.: Rawson E. Roman rulers... P. 244.

Илл. V.2. Платон, древнегреческий философ, к которому восходит ряд важных мыслей о государственном устройстве

Действительно, на греческом Востоке монархию считали совершенно естественным государственным устройством. Но Арей Дидимский был не просто грек, а философ и политический советник очень высокого уровня. Советовать Октавиану установить в Риме монархию эллинистического образца было бы просто неумно⁴⁴. Можно со значительной долей уверенности предположить, что Арей рекомендовал Октавиану некий вариант смешанной конституции. Что касается расхождений с Цицероном, поводом могли быть неизвестные нам детали. Установить их невозможно: диалог Цицерона сохранился далеко не полностью, а о произведении Арея известно лишь благодаря случайному упоминанию Аммиана. Надо думать, искушённый в эллинистической политике советник должен был выше оценивать роль монархического элемента. Ведь именно он посоветовал молодому Цезарю убить Цезариона, прочитав стих из «Илиады» о вреде многовластья⁴⁵.

Данные о сотрудничестве Арея с Октавианом (а также с Меценатом) скудны, но красноречивы. Достаточно упомянуть, что Октавиан вступил в Александрию, беседуя с философом и держа его за руку. Это свидетельство особого уважения должно было возвысить Арея в глазах сограждан. Потом Цезарь заявил публично, что прощает город, прежде всего, ради его основателя Александра и своего друга Арея. В Александрии среди тех, кого пощадил Октавиан, был неприятный ему из-за самонадеянности софист

⁴⁴ Это было позволительно Кассию Диону три века спустя, настоящий Меценат этого делать не стал бы. См. раздел IV.8.

⁴⁵ Сравн.: Homeros. Ilias II. 204; Julian ad Them. 265 c–d; 266a. Сравн. раздел IV.7 с примеч. 162. Об участии Цезариона (Птолемея Цезаря) см.: Dio XLIX. 39. 2 sqq.; Plut. Ant. 54, 81. 2. Подробнее с указанием всех источников см.: Fadinger V. Die Begründung des Prinzipats. Quellenkritische und staatsrechtliche Untersuchungen zu Cassius Dio und der Parallel Überlieferung. Bonn, Berlin etc., 1969. S. 150 ff.; cf.: Syme R. No son for Caesar // Historia. Bd. 29. 1980. P. 422 ff; Kienast D. Augustus. S. 61 mit Anm. 220 etc.

Филострат. Но Цезарь сделал это, по словам Плутарха, только ради того, чтобы избавить от зависти Арея (Plut. Ant. 80; Dio LI. 16. 3 sq., cf. LII. 36. 4).

Вникнув в римские дела, Арей должен был, исходя из всего сказанного, предложить такой вариант смешанного государственного устройства, который бы обеспечивал ключевое место принцепса. По крайней мере, этот вариант был осуществлен Октавианом-Августом. О вкладе отдельных советников, друзей, учителей и самого Августа в разработку проекта можно лишь догадываться.

Арей еще многие годы верой и правдой служил Августу. Известно правда, что он отказался от роли управляющего финансами Египта (*idios logos*)⁴⁶, но был одно время прокуратором в Сицилии. В 9 г. до н.э. Арей написал «утешение» Ливии по случаю смерти ее сына Друза, которое цитировал Сенека (Sen. cons. ad Marc. IV. 3 — V. 6). Вскоре после этого он умер в Коринфе (Lucian., *verae historiae* II. 22). Позднее доверенными Августа стали также сыновья Арея, Дионис и Никанор. После смерти Арея его место советника занял стоик Феон из Александрии⁴⁷.

Арей и Афинодор должны были оказать значительное влияние на политическое мировоззрение основателя принципата. Оно сказалось на формировании теоретических и идеологических основ нового режима. У Сенеки и других стоиков Август является единственным позитивным примером среди первых императоров⁴⁸. Эта традиция отразилась в сочинении Юлиана о цезарях, где Август представлен последователем Зенона. Его особое место среди императоров объясняется наставлениями Афинодора и Арея. Фемистий как-то заявил, что Август был так велик потому, что рядом с ним всегда были Арей и Фрасилл⁴⁹.

Хотя стоицизм лучше всего соответствовал политической культуре римлян, при дворе Августа было место и для представителей других школ. Учителем усыновленного Августом Марцелла был академик Нестор, который

⁴⁶ *Idios logos* (греч.) — управляющий финансами в эллинистическом Египте. Об отказе Арея см.: Iulian ep. ad Them. 265 c–d, 266a. Cf.: Bowersock G. W. Augustus and the Greek world. P. 40 f.; Rawson E. Roman rulers... P. 244 n. 63.

⁴⁷ Suet. Aug. 89. 1.; Plut. mor. 207 b; Strabo XIV. 670; Dio LI. 16. 3 f. etc. Cf.: Koestermann E. *Statio principis*. S. 404 mit Anm.; Fortenbaugh W. W. (ed.). *On stoic and peripatetic ethics. The work of Arius Didymus*. L., 1983. Феон стал потом «идиос логос» и приобрёл большие владения в Египте.

⁴⁸ См. напр.: Sen. Polyb. VII. 2 etc. Сравн: МРМА. С. 107 сл.

⁴⁹ Themist. V. 63 d; cf.: Suet. Aug. 98. 4. Светоний упоминает здесь Фрасилла как спутника Тиберия, а в биографии Тиберия, как и Тацит в «Анналах», говорит о нём лишь как об астрологе (Tib. 14. 4, 62. 3; Cal. 19. 3; cf.: Tac. ann. VI. 21; Dio LV. 11). Э. Раусон отметила, что Тиберий (в отличие от Августа) «не ассоциируется с философами» (Rawson E. Roman rulers... P. 246). Но Фрасилл не был, как многие выдававшие себя за астрологов, шарлатаном, а серьёзным исследователем и философом. Он систематизировал труды Демокрита и Платона, сформулировал принципы учений пифагорейцев и платоников, занимался теорией музыки. См.: Schol. Iuven. VI. 576; Diogen Laert. III. 56, IX. 37 etc. Cf.: Vetter W. *Thrasyllus 7* // RE. Hb. XI. 1936. Sp. 581–584.

потом перенял власть у Афинодора в их родном Тарсе (Strabo XIV. 5. 14), а также перипатетик Афиней из Селевкии. Страбон сообщает также о своём учителе перипатетике Ксенархе из той же киликийской Селевкии, который находился в дружбе с Августом и Ареем и прожил в почёте до старости. Афиней был заподозрен в участии в заговоре Мурены и схвачен. Когда обнаружилась его невиновность, Афиней вернулся в Селевкию (id. XIV. 5. 4)⁵⁰.

Совокупность разрознённых, случайно уцелевших сведений позволяет заключить, что при дворе Августа регулярно встречались, обменивались мнениями политики, философы, интеллектуалы, творческие люди самых разных профессий и убеждений. Идеальным местом для этого были колоннада и вся территория храма Аполлона с его колоннадами и библиотекой, а также помещения «дома Августа», выделенные для школы⁵¹.

Нет ничего удивительного в том, что выросший в просвещенный век, в окружении эллинизированной элиты римского общества, окруженный философами-советниками Октавиан-Август имел виды на место в небесах, изображенных в «сне Сципиона». Право на это должно было обеспечить осуществление задуманного «нового статуса» (формы) Римского государства. Сказанное подтверждается не только несомненным интересом Августа к философии и постоянной потребностью в услугах греческих любителей мудрости. Имеются прямые свидетельства о замысле учредить смешанное государственное устройство. Оно должно было, по убеждению Октавиана-Августа, обеспечить оптимальное управление «восстановленной республике» и нетленную славу своему творцу.

Убедительное свидетельство в пользу нашего предположения приводит Светоний. В 28 главе биографии Августа он сообщает, что Октавиан дважды задумывался о «восстановлении республики» (*de reddenda re publica bis cogitavit*): сразу после победы над Антонием и ещё раз — после тяжелой болезни. Но по зрелом размышлении, поняв, что и ему будет небезопасно оказаться частным лицом, и её («республику») неразумно доверять своеволию многих, он оставил власть за собой (Suet. Aug. 28. 1). Об этом решении, пишет Светоний, Октавиан многократно объявлял и даже засвидетельствовал в эдикте, отрывок из которого приводит биограф⁵².

⁵⁰ См. о них также: Bowersock G. W. Augustus and the Greek world; Rawson E. Roman rulers... P. 246 f. Этих философов из окружения Августа и его семьи, а также Юлиев-Клавдиев и Антонинов, упомянула в своей обзорной статье «Философия, политика и политики в Риме» Мириам Гриффин. Она также подчеркнула, что ориентации Августа на стоицизм следовали его преемники на протяжении двух веков См.: Griffin M. T. Philosophie, politics and politicians at Rome // Barnes J., Griffin M. (eds.). *Philosophia togata* I. 1989 / 1997². P. 1–37. P. 7 ff.; cf. Rawson Op. cit. P. 237.

⁵¹ См. также разделы IV.7 (учителя и образование Августа), VIII.8 (палатинские библиотеки), IX.7 (рецитации).

⁵² Suet. Aug. 28. 2 = Malcovati H. 1969⁵. Edicta X = Bringmann, Wiegandt Nr. 118. S. 131 f. Некоторые специальные работы: Ceausescu P. Das programmatische Edikt des Augustus // *RhM N.F.* Bd. 124. 1981. S. 348–353; Girardet M. Das Edikt des Imperator Caesar in Suetonius Augustus vita 28.2: politisches Programm und

Прежде, чем вслед за Светонием цитировать документ, отметим, что Октавиан никогда не заявлял (и все, что нам известно, говорит о том, что этого просто не могло быть) о принятии единоличной власти. Неточность, допущенную биографом, можно объяснить как неадекватным пониманием ситуации, так и политическими соображениями⁵³. В самом эдикте, конечно же, говорится не о монархии. Каждому, кто знаком с античными теориями государственной власти, также в изложении Цицерона, ясно, что имеется в виду «смешанная форма». Остается удивляться тому, что эта ясно читаемая программа до сих пор не привлекла должного внимания:

«Итак, да будет мне дано установить государство («республику»!) на его основе (на месте пребывания) целым и незыблемым, дабы я, пожиная желанные плоды этого свершения, почитался творцом лучшего государственного устройства, и при кончине унёс бы с собой надежду, что заложенные мною основания («республики»!) останутся (на своем месте) непоколебленными»⁵⁴.

Сделанные в скобках дополнения к переводу несколько нарушают стиль, но в данном месте необходимы для того, чтобы не пропустить важную информацию Светония, предполагающего открытое провозглашение монархии Августом. Биографа совершенно не смущает повторяемое в декрете словосочетание *res publica*. За полтора века в этом термине начало превалировать новое значение — «римское государство вообще». Это относится к Светонию, но разумеется, не к автору эдикта. Неизменное место основания «республики», вероятно, указывает на скрытую (но не для современников Августа) полемику. В противоположность Антонию, который был готов перенести столицу империи в Александрию (подразумевалось: ориентируясь на государственное устройство Птолемеевско-

Publikationszeit // ZPE. Bd. 131. 2000. S. 231–243; Wardle D. Suetonius and Augustus "programmatic edict" // RhM. Bd. 148. 2005. P. 181–201. По мнению Д. Уордла, Светоний цитировал не собственно эдикт, а фрагмент молитвы и обета Октавиана богам (*votum*), который затем был опубликован как эдикт (с. 194). См. также комментарий Уордла на 28 главу с указаниями на литературу: Suetonius: Life of Augustus. Ed. Wardle D. Oxf., 2014. P. 215–223. На наш взгляд, предлагаемый Уордлом и некоторыми другими авторами перевод «о возвращении государства» (about handing back the state, P. 216) не соответствует контексту.

⁵³ О неадекватном понимании ситуации Тацитом и Кассием Дионом см. разделы I.9, IX.3. То же относится и к Светонию. Возможно, он не хотел противопоставлять «республиканский» статус Августа более монархическому положению Адриана.

⁵⁴ Suet. Aug. 28.2 (= Malcovati 1969⁵, Edikta n. X p. 65 = Bringmann, Wiegandt. 118 F, S. 131 f.): *Ita mihi salvam ac sospitem rem p. sistere in sua sede liceat atque eius rei fructum percipere, quem peto, ut optimi status auctor dicar et moriens ut feram tecum spem, mansura in vestigio suo fundamenta rei p. quae iecero*. Цит. в перев. М. Л. Гаспарова, уточнения автора в скобках. Пояснения следуют далее. Уордл, кроме своего перевода декрета, цитирует ещё 12, некоторые из которых существенно отличаются друг от друга (Wardle D. Op. cit. P. 194 f., note 46). Сообщение Светония перекликается с важным документом, автором которого был сам Август. В цитируемом Авлом Геллием (сер. II в. н.э.) письме внуку Гаю Цезарю Август выразил желание увидеть *res publica* в счастливом состоянии: *...Deos autem oro, ut, mihi quantumcumque superest temporis, id salvis nobis traducere liceat in statu reipublicae felicissimo andragathounton hymon kai diadechomenon stationem meam*. (Gell. XV. 7 3).

го Египта), Октавиан подчеркнул непреходящее значение Рима⁵⁵. Вместе с характером документа как заявления о намерениях, это указывает на наиболее вероятное время появления эдикта — после победы над Антоном и возвращения в Рим летом 29 г. (тогда же начал строиться мавзолей) — до января 27 г. до н.э.⁵⁶ Акт «возвращения республики» в ведение сената и Римского народа знаменовал для Августа переход от этапа красивых планов и деклараций к повседневным заботам, связанным с обустройством государства. По мере необходимости заявленные планы корректировались, уточнялись, но никогда не отменялись.

Ключом к замыслу Октавиана является заявленная им претензия стать творцом «наилучшего состояния (государства)» — *optimus status*. В античной политической мысли так называлось государство со «смешанной конституцией / правлением (*mikté politeia*)». В римском контексте это был *optimus status rei publicae*⁵⁷. В предложении, видимо, представлявшем собой вступительное заявление к декрету, чудом уцелевшее благодаря дотошности императорского архивариуса, мы видим основателя принципата во весь рост его притязаний. Наследник Цезаря не стремился к роли узурпатора и тирана, его не удовлетворили лавры триумфатора, не прельстили короны Верхнего и Нижнего Египта, даже слава Ромула. Честолюбивый потомок Вены (по усыновлению), представитель эллинистически образованной римской элиты, он хотел вечной и незапятнанной славы, сравнимой со славой древних мудрецов-основателей государств.

⁵⁵ Загадочность слов о «неизменном месте» отметил П. Чаушеску (Ceausescu P. Das programmatische Edikt... S. 349 ff.) Указанный мотив корреспондирует с замыслом постройки мавзолея, см. раздел VIII.3. См.: Wardle D. Op. cit. P. 186 f. with note 18–21. Другое толкование *in sua sede* — метафорическое, как указание на правовой характер урегулирования, на восстановление, возвращения всего на свои места. Оба толкования хорошо согласуются с концепцией «восстановления республики».

⁵⁶ Сравн. эдикт Октавия об отмене несправедливых установлений триумвиров в последний день его шестого консульства (31 декабря 28 г.), о котором сообщает Кассий Дион (Dio LIII. 2. 5), см. раздел IV. 9 слл. В литературе появление эдикта датируется от 29 г. до н.э. до 14 г. н.э. Обзоры см.: Maniwald B. Cassius Dio und Augustus. Wiesbaden, 1979. S. 79 ff.; Wardle D. Op. cit. P. 198–201; П. Катлер датирует размышления Октавиана о восстановлении республики 30 годом (Sattler P. Augustus und der Senat. Göttingen, 1960. S. 24). Следует заметить, что размышления, даже эдикт с заявлением о намерениях — это не план действий. Был замысел. Конкретные меры вырабатывались и претворялись в жизнь на протяжении всего правления Августа. Поэтому проблему датировки эдикта нельзя считать решенной.

⁵⁷ Представляется, другие интерпретации на этом месте выглядят неубедительно. Мы присоединяемся здесь к П. Бранту, который считал очевидным, что здесь под «статусом» имелся в виду *status (civitatis)*, а также П. Чаушеску, который трактовал *status* как «конституцию» (Brunt P.A. «Augustus» e la «res publica» // Heuss A. u.a. (eds.) La rivoluzione romana. Napoli, 1982. P. 238–244, here p. 239; Ceausescu P. Op. cit. S. 348). Рассмотрение словоупотребления Цицерона не оставляет сомнения в том, что в данном месте речь идет не просто о некоем «прекрасном состоянии» государственных дел, а об учреждении наилучшего (смешанного) государственного устройства. Ещё точнее: «наилучшего устройства республики». Сходное мнение высказывал Ю. Г. Чернышов: Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. В 2-х частях. Новосибирск, 1992. Ч. 2. С. 9; его же. Теория смешанной конституции у Цицерона и система принципата. // Древнее право — *ius antiquum*. № 1. 1996. С. 95–101. Обзор трактовок слов *optimus* и *status*: Wardle D. Suetonius and Augustus' «programmatic edict». P. 188 f.

В юности Октавиан восхищался свершениями ученика Аристотеля Александра Македонского. Позднее он пришёл к мнению, что Александр был велик как завоеватель, но не как хранитель достигнутого (Plut. mor. 270 C/D, N. 8; сравн. раздел X.6, примеч. 49). Цицерон устами Сципионов учил, что величие завоевателей преходяще, но слава устроителей совершенных государств вечна. Более того, «всем тем, кто сохранил отечество, помог ему, расширил его пределы, назначено определенное место на небе, чтобы они жили там вечно, испытывая блаженство. Ибо ничто так не угодно высшему божеству, правящему всем миром, всем происходящим на земле, как собрания и объединения людей, связанные правом и называемые государствами (*civitates*); их правители и охранители, отсюда отправившись (18), сюда же и возвращаются»⁵⁸. Этим словам Цицерона, вложенным в уста Сципиона, соответствует сообщение Светония: «После бессмертных богов он /Август/ более всего чтит /память/ вождей (*ducum*), которые вознесли державу Римского народа из ничтожества к величию» (Suet. Aug. 31. 5). На вершине власти и в расцвете сил Октавиан-Август стремился к нетленной славе правителей-мудрецов, учредителей «наилучших» государств. Он хотел превзойти Солона и Ликурга, тем более что осуществлял свои реформы не в маленьком полисе, а в масштабах всего подвластного Риму «круга земель» (*orbis terrarum*).

Последующие главы Светония сообщают о реформах и мероприятиях, которые можно рассматривать как реализацию задуманного. В литературе не обращалось должного внимания на тесную связь следующих за сообщением о декрете семнадцати глав (Suet. Aug. 28. 3–46. 1), занимающих центральное место в жизнеописании Августа, с самим декретом. Они не случайно завершаются фразой: «Вот каким образом он устроил дела в Городе» (46.1). Остальное содержание этой небольшой главки (46) посвящено Италии, и лишь потом говорится о провинциях и армии (47–50). Статистика здесь неуместна, и всё же сама структура центральной части повествования, которая помещена после рассказа о триумвирате и полномочиях (до 27.5), не была произвольной. Надо думать, она отразила имевшиеся в распоряжении биографа источники, которые, следуя логике преобразований, связывали декрет с устройством «восстановленной республики», то есть Рима и Италии, по окончании гражданских войн.

В самом деле, Светоний повествует о благоустройстве и украшении Города (который принял кирпичным, а оставил мраморным), о восстановлении

⁵⁸ ...omnibus, qui patriam conservaverint, adiuverint, auxerint, certum esse in caelo definitum locum, ubi beati aevo sempiterno fruuntur; nihil est enim illi principi deo, qui omnem mundum regit, quod quidem in terris fiat, acceptius quam concilia coetusque hominum iure sociati, quae civitates appellantur; harum rectores et conservatores hinc profecti huc revertuntur (Cic. rep. VI. 13, cf. VI. 29 etc.) Русский текст цитируется в переводе В. О. Горенштейна с небольшими сокращениями.

религиозных установлений и храмов, общественного порядка, о законодательной деятельности, реформах сената и пересмотре его состава. Светоний не преминул сообщить об усилиях Августа по привлечению возможно большего количества граждан к управлению «республикой» (*res publica*), указав на специальные привилегии для сенаторов и всадников (37–40).

Важной составляющей возрождения «республики», наряду с возвращением авторитета высшим сословиям и магистратам, было оздоровление гражданства. Для этого была произведена перепись населения по кварталам (викам), восстановлен древний порядок выборов (и суровые наказания за подкуп). Особое внимание Август уделил «сохранению в чистоте» Римского народа. В частности, был ограничен отпуск на волю рабов (которые затем в качестве отпущенников приписывались к городским трибам) и предоставление гражданства иностранцам⁵⁹. Даже Тиберию и Ливии он отказал в частных хлопотах соответствующего содержания (40.3). Эта строгость становится понятной как практическая мера против манипуляций голосами бывших рабов на выборах. Но настолько же важным мотивом (особенно если вспомнить римские представления о «рабской душе»)⁶⁰ было стремление Августа возродить древние римские нравы. Неслучайно в этот же контекст Светоний поместил сообщение о том, что Август порицал появление граждан в общественных местах без тоги (40.5).

Во всём, что касалось соблюдения древних нравов и обычаев, принцепс, в других случаях отличавшийся щедростью и терпимостью, был неумолим, даже строг с народом, как и полагалось Отцу отечества. А ведь отказами выполнить необоснованные требования о раздачах, порицаниями слишком наглых зрителей, распределением мест в театрах по рангам, наказаниями актёров (Suet. Aug. 41–45) он рисковал вызвать недовольство. В своем комментарии Светоний не случайно подчеркнул, что Август «заботился не о собственной славе, а об общем благе»⁶¹. Указанные и многие другие сообщения вполне укладываются как в программу «восстановления республики», так и в задуманный Августом проект её «наилучшего устройства», т.е. смешанной конституции.

Менее информативно само по себе, но важно в совокупности с уже приведенными свидетельствами брошенное вскользь замечание Тацита. Оно носит отвлечённый характер, историк рассуждает о трех простых формах

⁵⁹ Об этом см., напр.: Щетинин М. Н. Император Август и распространение римского гражданства в провинциях // Мнемон. СПб., 2004. Вып. 3. С. 285–304.

⁶⁰ О презрительном отношении к рабам как к существам низшим и порочным см.: Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971. С. 167–170; о расовых предрассудках римлян: Sherwin-White A. N. Racial prejudice in Imperial Rome. Cambr., 1967; Thompson L. A. Romans and blacks. L, 1989; Bauman R. A. Human rights in ancient Rome. L, N.Y., 2000. P. 120 ff.

⁶¹ Suet. 42. 1: *Sed ut salubrem magis quam ambitiosum principem scires* (в тексте цит. в переводе М. Л. Гаспарова).

правления, после чего замечает: «наилучшую из них, смешанную форму республики (*delecta ex iis et consociata rei publicae forma*), легче превозносить на словах, чем осуществить на деле, а если она и встречается, то не может быть долговечной». Это общее рассуждение, предваряя повествование об установлении нового режима, а затем о правлении Тиберия и процессе Кремуция Корда, позволяет предположить, что Тацит имел в виду замысел Августа. В любом случае, оно свидетельствует об актуальности темы в описываемое время⁶².

Неслучайны также упоминания о совершенном государственном устройстве римлян у греческих современников Августа. У Страбона оно сопровождается мыслью о желательности управления обширной империей одним лицом. Автор был хорошо информирован, и не только о политической географии Римской империи⁶³. Актуальность идеи «смешанной конституции» при Августе лишний раз подтверждает Дионисий Галикарнасский. Он вложил ее в уста оратору V века до н.э., который подчеркивал преимущества *mikté politeia*⁶⁴.

Приведённые факты пришлось бы считать предположениями, не будь они столь многочисленны. К тому же они подкрепляются прямым свидетельством. Дион сообщает об осуществлении Августом замысла учредить смешанную конституцию: «Они /скорбящие о смерти Августа римляне/ потому так о нём тосковали, что он соединил монархию и демократию и тем самым сохранил для них свободу, обеспечив порядок и безопасность. Таким образом они могли жить без своеволия, которой отличаются демократические порядки, и одновременно без злоупотреблений тирании, в умеренной свободе и в то же время в монархии, которая не сопровождается страхом. Они были, хотя и подчинены монарху, ни в коем случае не рабами, и хотя жили в демократии, обходились без раздоров» (Dio LVI. 43. 4)⁶⁵. Кассий Дион, упрощая, искажает картину, говоря об аристократии (сенате) как о «демократии». Но это не снижает ценности свидетельства о самом факте осуществления своего рода смешанной конституции. Если в цитируемом Светонием декрете речь идет скорее о намерениях, то в сообщении Кассия Диона — об их осуществлении. Усечённая (двучленная) смешанная конституция, о которой говорили современники после смерти Августа, была тем,

⁶² Tac. ann. IV. 33. 1. Подробнее об отношении Тацита к Августу см. раздел I X. 3.

⁶³ Strabo VI. 4. 2 (цитату см. в разделе X.7). Мысль о необходимости единоличного правителя для огромной державы высказывал Сенека (Sen. clem. I. 1. 1, I. 3. 5, I. 4. 1 sq. etc.), Тацит (Tac. hist. I. 16. 1 — слова Гальбы; IV. 74. 3 etc.) и другие авторы времени Империи.

⁶⁴ Dion. Hal. ant. VII. 55 f. Cf.: Demandt A. Der Idealstaat... Köln etc., 2000³. S. 231.

⁶⁵ См.: Wickert L. *Principes...* Sp. 2095 f.; Aalders G. J. D. *Die Theorie* 1968. S. 120 m. Anm. 1; Millar F. *Study*. P. 75. Сравн. с описанием «здоровой» монархии в Dio LII. 14. 3 сл. В отличие от этого в LVI. 43. 4 — речь о смешанной конституции. См.: Gabba E. *Sulla storia Romana di Cassio Dione* // RSI. T. 67. 1955. P. 289–333, p. 320, n. 1; Manuwald B. *Cassius Dio und Augustus*. S. 24 m. Anm. 68.

что осталось от проекта Августа после постепенной утраты значения народных собраний и передачи ряда их полномочий сенату⁶⁶. Здесь от Кассия Диона не следует ждать точности (значительная часть функций народных собраний была передана сенату Тиберием)⁶⁷. Важно, что он представляет установленный Августом строй как своего рода смешанную форму.

Свидетельства ясно говорят о стремлении Октавиана-Августа учредить смешанную конституцию и о претворении (другое дело — насколько удачном) замысла в жизнь. Они прекрасно согласуются с тем, что нам известно о возможном ходе мыслей основателя принципата, его окружении, интересах. Этому соответствуют сведения об умеренности, уважительном отношении к согражданам (*civiliter* — по-граждански, учтиво)⁶⁸. Скучность сохранившейся информации и особенно отсутствие прямых упоминаний в важнейшем итоговом документе Августова правления — «Деяниях», может говорить о скромности результатов. Но это не единственно возможное объяснение. Ведь представил же Август германскую кампанию, несмотря на катастрофу в 9 году, как одно из своих блестящих достижений (RG 26. 1). В данном случае, как будет показано далее (раздел V.11), речь шла об идеологии и политике, которых Август придерживался до конца своей жизни. Скорее всего, зная предубеждения своих соотечественников против любых «греческих новшеств» и выступая восстановителем и хранителем «отеческих обычаев», Август не предназначал эту тему для пропаганды своих достижений.

Optimus status, задуманный Августом, не следовал буквально построениям Платона или Полибия так же, как *res publica restituta* не была точной реконструкцией Римской республики её «золотого века». Основатель прин-

⁶⁶ В своём «Похвальном слове Риму» (155 г.) греческий ритор Элий Аристид, пусть и приукрашивая картину, подмечает важную особенность характера римского правления: «Вы единственные из всех правите свободными людьми... Нельзя сказать, что народ этой страны кому-то повинует, словно отданный в рабство тому, кто и сам не свободен. Но как граждане одного полиса назначают правителей, чтобы они защищали и заботились о них, так и вы, управляя всем населенным миром, как единым полисом, назначаете правителей как бы посредством выборов для защиты и заботы о подвластных, а не для того, чтобы распоряжаться ими как рабами» (Aristeid. Eis Rómen 36, цит. в переводе С. И. Межерицкой). Уподобление римской державы одному громадному полису встречается у многих греческих авторов этого времени. В панегирике Элия Аристида отразились его наблюдения над общинным устройством Рима и всё еще имевшими место выборами магистратов, а также своеобразным сочетанием полиса и империи, которое было одной из характерных черт Римской державы того времени. Элий Аристид говорит о преимуществах империи перед полисной демократией: так, после городского суда остается еще возможность обратиться в высшую инстанцию (ibid. 38 sq.).

⁶⁷ Более подробное обсуждение см. Manuwald B. Op. cit. S. 24 f., 141 ff., 153 ff. (об отношении Тацита и Диона к общим для них источникам).

⁶⁸ Дион Кассий, в частности, говорит о том, что Август обращался с согражданами так, как если бы они жили при «демократии» (Dio LIII. 33. 1, LIV. 3. 1, LV. 4. 2). Но в других случаях историк мог сказать, что Август стремился и достиг меры «демократии» (LV. 4. 2, LVI. 43. 4), но также, что Август хотел казаться «демократичным» (LIII. 12. 1). См. также: Wallace-Hadrill A. Civilis princeps: between citizen and king // JRS. Vol. 72. 1982. P. 32–48.

ципата и его советники опасались возобновления гражданских раздоров в Риме, знали о крахе греческих демократий и учитывали опыт эллинистических монархий. Не случайно Светоний и Кассий Дион, как и другие авторы, сообщают об установлении единовластия или о ведущей монархической компоненте режима. В умозрительных (и уже потому неосуществимых) построениях Цицерона *rector rei publicae*⁶⁹ должен был сделать своё дело и уйти. Август уходить не собирался, да и некуда было: республики Сципионов и Катона Цензория уже не существовало.

В той смешанной конституции, которую Август изобрёл при содействии греческих философов и на которой остановился с одобрения своих самых надёжных «друзей», для него было предусмотрено важное, ключевое место. Этот элемент проекта был одновременно самым простым, но и самым сложным. Простым, поскольку Октавиан-Август уже контролировал всё государство, сложным, поскольку в существовавшей конституции не были определены полномочия Принцепса и Императора. Их следовало найти эмпирически, как и методы взаимодействия с институтами классической смешанной формы, доставшимися от прежней республики. Такие прецеденты истории были ещё неизвестны, требовалось осторожно искать, пробовать, исправлять и нарабатывать опыт. Риму повезло, что в тот исторический момент у государственного штурвала оказался такой благоразумный и подготовленный государственный деятель.

Политическая система, созданная Августом, постоянно находилась в состоянии становления и изменения. Особенно важно рассмотреть дошедшие сведения о событиях и мероприятиях в области организации государственного управления в период формирования.

V.3. Апробация установлений 27 года: настораживающие сбои

Согласно цитируемому Светонием декрету, Август стремился устроить дела «республики» на века (Suet. Aug. 28. 2). Взрыв энтузиазма, которым было встречено «урегулирование», давал основание удовлетвориться первыми результатами. Убежденные действиями принцепса, люди хотели спокойно наслаждаться благами мира, славя своего защитника и избавителя. Лично проследив за ходом консульских выборов (консулом на следующий год вместе с Августом был избран один из его бывших полководцев Статилий Тавр), осенью 27 г. император отбыл на несколько лет в Галлию и Испанию. Рим был оставлен сенату и магистратам (Dio LIII. 22; Liv. Ep. 134).

⁶⁹ *Rector et gubernator civitatis* (Cic. rep. III. 29. 51).

Дело было не только в необходимости ведения военных действий самим принцепсом и его желании повысить свой престиж как полководца. Опыт Цезаря подсказывал, что выгоднее и безопаснее находиться в военном лагере среди преданных полководцу воинов, чем уже своим постоянным присутствием в сенате вызывать раздражение у аристократов. Нельзя исключить также искушение испытать надежность достигнутого равновесия, подобно тому, как это сделал Солон за несколько веков до, а Диоклетиан — после него. Для того, чтобы отработать тонкие механизмы взаимодействия с органами классической смешанной конституции, следовало понаблюдать, как они функционируют в отсутствие регулирующей инстанции.

Разумеется, Август не собирался пускать дело на самотёк. В столице оставались доверенные и испытанные единомышленники, армия была предана своему императору, в сенате было достаточно сторонников, гражданское население Италии и ветераны были готовы в любой момент сказать веское слово в поддержку принцепса. В его распоряжении были огромные ресурсы провинций, которые контролировались надёжными людьми.

Последующие события, подтвердив принципиальную правильность принятых решений, обнаружили также узкие места в системе управления, изъяны государственного механизма. Наблюдались также изменения в общественных настроениях. Наконец, самое главное: естественный процесс нормализации после столетия гражданских войн и неурядиц сопровождался переструктурированием всей социально-политической системы. Новое государственное устройство было в стадии становления и требовало совершенствования, экспериментов, урегулирований⁷⁰.

Государственно-правовое положение самого Августа было не бесспорным. Ведь формально продолжала действовать республиканская конституция (то есть общепринятые нормы времени Республики). В ней, как уже отмечалось, не было предусмотрено место для высшей регулирующей и контролирующей инстанции, которой фактически уже стал принцепс. Все чрезвычайные законы были давно отменены. По замыслу Августа, функции медиатора и «куратора республики» он должен был осуществлять посредством ординарных магистратур, опираясь на превосходящую *auctoritas*.

Отправившись в провинцию в качестве проконсула, Август не сложил консульских полномочий, как предполагал обычный порядок. Знать вос-

⁷⁰ О конституционных «урегулированиях» Августа в целом: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 309–405; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 88–103; Chilver G. E. F. Augustus and the Roman constitution // *Historia*. Bd. 1, 3. 1950. P. 408–435; Salmon E. T. The evolution of Augustan principate // *Historia*. Bd. 5. 1956. P. 456–478. P. 456 ff.; Grenade P. Essay sur les origines du principat; Syme R. The Roman revolution. Ch. XXII–XXIII; Jones A. H. M. Studies in Roman government and law. Ch. I, II; Hammond M. Augustan principate... pPass.; Ferrary J.-L. The powers of Augustus // Edmondson J. Augustus. P. 90 ff.; Bleicken J. Augustus. S. 297 ff. etc.

приняла это с недоверием⁷¹. Ответственным за поддержание порядка в столице был оставлен Мессала Корвин. Фактически он стал первым со времен царей *praefectus Urbis*. Но через 5 дней после отбытия принцепса Мессала отказался выполнять свои обязанности, сославшись на неспособность справиться с поручением⁷². За этой формулировкой могло стоять мнение критически настроенных сенаторов, считавших назначение неконституционным⁷³. Для них новый «принцепс» всё еще был выскочкой, а возникшая в январе 27 г. ситуация, с точки зрения «республиканских» обычаев, — временной. Её новизна и непривычность вызывали брожение и некоторую нервозность в политически активной части общества. Это отражалось и на самом принцепсе, который ощущал неустойчивость своего положения, а потому и неуверенность. Поскольку источники не дают исчерпывающей картины, в отношении многих событий, и особенно их подоплёки, приходится ограничиваться предположениями.

К 27 (26) г. относится не совсем обычное «дело» Корнелия Галла, известного поэта и первого префекта Египта (с 30 г.)⁷⁴. Как и казненный в 40 г.

⁷¹ Лишь Помпей, вступив в консульство 52 г., не отказался от управления провинцией, но это был дурной «пример» для восстановителя «республики». См.: Jones A. Augustus. P. 48.

⁷² Tac. ann. VI. 11. 3. Марк Валерий Мессала Корвин — в прошлом известный «республиканец», при Филиппах сражался под началом Брута, после поражения сдался Антонию (Plut. Brut. 40 f.; App. b. c. IV. 160; Vell. II. 71. 1). В дальнейшем перешел к Октавиану, успешно воевал с Секстом Помпеем, Антонием, с местными племенами в Иллирии и других регионах. Стал коллегой Августа по консулату 31 г. (до 31 мая). Мессала известен как один из «друзей» Августа. Описываемое событие произошло в самом начале 26 г. В 11 г. Мессала стал также первым *curator aquarum*. Во 2 г. до н.э. Мессала от имени сената приветствовал Августа званием *pater patriae*. См.: Syme R. The Augustan aristocracy. Oxf., 1986. P. 211 ff.; Kienast D. Augustus. S. 264 mit Anm. 189.

⁷³ П. Сатлер считал неудачу Августа при попытке ввести должность префекта Города в 26 г. результатом деятельности республиканской оппозиции (Sattler P. Augustus und Senat. S. 59–61). На самом деле можно предположить недовольство сенаторов неконституционными полномочиями Мессалы, но никаких данных об оппозиции в это время не имеется (см. раздел IX.4, cf.: Raaflaub Kurt A., Samons L. J. Opposition to Augustus // Raaflaub K. A., Bowersock G. (eds.). Between republic and empire. P. 417–454, here p. 434.). Некогда префект председательствовал в суде и выполнял прочие необходимые функции в отсутствие царя и консулов. В период гражданской войны с Антонием Октавиан оставлял в Риме и Италии Мецената. Уже после описываемых событий префектами города при Августе были Статилий Тавр и Пизон. См.: Sattler P. Op. cit. P. 59 f.

⁷⁴ Особый статус Египта обуславливался стратегическим расположением, наличием огромных централизованных ресурсов, а также ролью житницы Рима. Сенаторам и видным всадникам не дозволялось посещать Египет без специального разрешения (Tac. ann. II. 59. 3). Некоторые исследователи говорят о Египте как о владении императора (Weber E. Meine Taten. Darmstadt, 1999. S. 86 f. / “Krongut”, 126 f.; Berkener E. Agyptos // KP Bd. I. 1964. Sp. 170). Август почитался там как преемник фараонов. Страна управлялась префектом всаднического ранга, назначавшимся императором и подчинявшимся ему лично. В «Деяниях» говорится о подчинении Египта «империи Римского народа» (RG 27, cf.: CIL III. 14147 = ILS 8995 — надписи в Филэ). На наш взгляд, этот империй по отношению к Египту и был полностью делегирован Августу. Организация данной административной единицы относится к 1 секстилию 30 г. до н.э. Макробий указывает, что это было дополнительной причиной последующего переименования месяца в август (Macrob. Sat. I. 12. 35). О завоевании Египта и организации управления см. также: Bawman A. K. Egypt // CAH X². P. 676 ff. 679 ff.; Herklotz F. Prinzeps und Pharao: der Kult des Augustus in Ägypten. Frankfurt a. M., 2007; Pfeiffer S. Der römische Kaiser und das Land am Nil: Kaiserverehrung und Kaiserkult in Alexandria und Ägypten von Augustus bis Caracalla (30 v. Chr. — 217 n. Chr.). Stuttgart, 2010. S. 40 ff., 217 f. с литературой (в частности,

Сальвидиен Руф⁷⁵, Корнелий Галл был человеком скромного происхождения, которого Октавиан выдвинул на очень ответственный пост. Удачливый военачальник, хороший администратор, он был одним из старых друзей принцепса. Еще до битвы при Филиппах Корнелий Галл разбогател и приобрел влияние, благодаря чему смог вытащить из нужды Вергилия. В Египте он прекрасно проявил себя как военный командир и наместник. Неожиданно Август отозвал префекта и лишил его своей дружбы. Не совсем ясно, в чем заключалась его вина. Согласно одной версии, Галл вздумал в подражание фараонам украшать стены египетских храмов самовосхваляющими грандиозными надписями. По другой — его, после обильных возлияний, подвел язык, так что он непочтительно высказывался об Августе. На него донес один из друзей. Сенат, обвинив Корнелия Галла в «оскорблении величия», приговорил его к ссылке и конфискации имущества. Галл покончил с собой и сенат назначил по этому поводу благодарственные молебны. Август прислал сенату письмо с двусмысленными сожалениями о случившемся. Это не помешало принцепсу ни получить конфискованное имущество погибшего, ни позднее приписать себе достижения Корнелия Галла, как и его преемника Элия Галла, в Египте⁷⁶.

Вряд ли Август счел выходки чересчур романтического и поддавшегося очарованию египетских чудес поэта серьезной угрозой своему господству. Ни о каком заговоре не было и речи⁷⁷. Возможно, чудачества друга насто- рожили принцепса, который решил проучить его в назидание другим провинциальным наместникам, но не ожидал такого исхода. Гораздо серьезнее мог воспринять поползновения префекта Египта сенат. Римское общество

о делегировании Римским народом Октавиану империя для управления Египтом. Император, в свою очередь, поручал управление префекту); Kienast D. Augustus. S. 74, 189, 466 mit Anm. etc.

⁷⁵ Квинт Сальвидиен Руф, один из лучших полководцев, наряду с Агриппой; был другом Октавиана еще со времен пребывания того в Аполлонии в 44 г. В 40 г. по инициативе Октавиана обвинен сенатом в измене и покончил с собой. Его вина заключалась в том, что он хотел переметнуться на сторону Антония. Подробнее: Bauman R. A. The crimen maiestatis in the Roman Republic and Augustan Principate. 1970. P. 177 f. О «друзьях» в Риме вообще и «друзьях» Августа в частности см. также раздел IV.7 со сносками 168 сл.

⁷⁶ Suet. Aug. 66. 1 sq.; Dio LIII. 23. 5–24. 3; Ovid. trist. II. 445 sq. (о болтливом языке Галла). Подробнее о Корнелии Галле и его деле см.: Woucher J.-P. Gaius Cornelius Gallus. P., 1966; Manzoni G. E. Foroiulensis poeta. Vita e poesia di Cornelio Gallo. Milano, 1995; Jones A. Augustus. P. 49–52; Kienast D. Augustus. S. 99 f.; Bleicken J. Augustus. S. 340 f. Имя Корнелия Галла было, похоже, выскоблено с обелиска, который затем попал в Рим (Alföldy G. Der Obelisk auf dem Petersplatz in Rom. Heidelberg 1990. S. 68 ff.). Предполагается, что это было сделано согласно постановлению сената, т.н. *damnatio memoriae* (Eisenhut W. Die angebliche *damnatio memoriae* des Cornelius Gallus // Festschrift R. Werner. Konstanz, 1989. S. 117 ff.). О предпочтительности датировки события 27 г., по Иерониму, а не 26 г., по Кассию Диону см.: Manuwald B. Cassius Dio und Augustus. S. 111 f. Август, как верховный главнокомандующий, под ауспциями которого велись войны, считался победителем (в т. ч. императором и триумфатором). См. также: Stickler T. «Gallus amore peribat»? Cornelius Gallus und die Anfänge der augusteischen Herrschaft in Ägypten. Rahden, Westfalen 2002; Hoffmann, F., Minas-Nerpel M., Pfeiffer, St.. Die dreisprachige Stele des C. Cornelius Gallus. Berlin, N. Y., 2009 (о Галле S. 5–9); Парфенов В. Н. Император Цезарь Август. С. 56–59.

⁷⁷ О заговорах в связи с вопросом об оппозиции см также в разделе IX.4.

сравнительно недавно было «привито» против ориентализма. Предположение, что со стороны некоторых представителей знати расправа с Корнелием Галлом явилась предостережением самому Августу, который по стопам своего приемного отца отправился на Запад в поисках воинской славы, скорее всего, лишено оснований⁷⁸.

В следующем, 25 г., сенат принял решение об освобождении принцепса от необходимости соблюдения некоторых законов⁷⁹. В начале 24 г. Август возвратился в Рим, будучи консулом в десятый раз. Эти нарушения республиканской традиции должны были нейтрализоваться тем, что коллегой императора стал бывший сторонник Секста Помпея и Антония — Норбан Флакк. Тогда же сенат даровал чрезвычайные почести отличившимся в испанских походах родственникам императора, его племяннику Марцеллу (сыну Октавии от первого мужа) и пасынку Тиберию Клавдию Нерону (старшему сыну Ливии от первого брака). Марцелл был введен в сенат в ранге претория, ему было предоставлено право занимать все посты за 10 лет до установленного возраста, Тиберию — за 5 лет. Вскоре Марцелл был избран эдилом, Тиберий стал квестором. Это было беспрецедентное продвижение в карьере для столь молодых людей (им было по 18 лет), если не считать сенатусконсульта, принятого некогда в отношении самого Октавиана⁸⁰. Но речь шла о фамилии принцепса, и это был один из путей укрепления его позиций.

V.4. Заговоры и урегулирования 23 года до н.э.

Таким же двусмысленным, как и дело Корнелия Галла, был происходивший в начале 23 года (в консульство Цезаря Августа и Теренция Варрона Мурены) процесс над проконсулом сенатской провинции Македонии Марком Примом. Он обвинялся по «закону о величии». Проконсул вел войну против одного из фракийских племен, одрисов, вне территории своей провинции, без санкции сената. В свое оправдание Прим пытался сослаться на распоряжения самого Августа, а затем — на Марцелла. Принцепс опроверг эти утверждения. Об исходе процесса источники не сообщают. В литературе общепринято, что хотя некоторые судьи проголосовали за оправдание, в заключение был вынесен обвинительный приговор. В качестве наказания, видимо, были применены конфискация имущества и ссылка⁸¹.

⁷⁸ См.: Kierdorf W. *Freundschaft und Freundschaftskündigung*. S. 239, Anm. 46.

⁷⁹ Кассий Дион (Dio LIII. 28. 2), проецируя в прошлое современные ему порядки, утверждал, что Август якобы вообще был поставлен над законом.

⁸⁰ См.: Jones A. *Augustus*. P. 53. Об ускоренной карьере Октавия при поддержке Юлия Цезаря см. раздел IV.7.

⁸¹ Процесс подробно описан Кассием Дионом (Dio LIV. 3). Он датирует процесс Прима 22 г. до н.э., но большинство исследователей считают это ошибкой. О Марке Приме и его деле см.: Hanslik R. *Primus* 3 // RE. Bd. XXII.2. (44 Hb.) 1954. Sp. 1996; Gardthausen V. *Augustus* Bd. I. S. 631; Bd. II. S. 1055, 1343 f.; Atkinson K.

Речь шла о превышении полномочий правителем подвластной территории. На сей раз император присутствовал на суде, что вызвало подчеркнуто недоуменный вопрос выступавшего в качестве защитника Мурены (Dio LIV. 3). Как и в случае с Корнелием Галлом, события имели место в одной из восточных провинций. Беспокойство принцепса и сената объяснимо с точки зрения эффективности контроля над Востоком и расквартированными там армиями.

Загадочно выглядели ссылки обвиняемого на распоряжения Августа и особенно Марцелла. М. Грант утверждал, что имелись в виду некие юридические полномочия, поскольку Марцелл (умерший осенью 23 года в девятнадцатилетнем возрасте) не мог обладать достаточной *auctoritas* традиционного типа⁸². Принимая во внимание гипотезу Гранта, следует учесть, что Август обладал консульским империем, который в соответствии с республиканскими нормами давал ему возможность вмешиваться в дела провинций⁸³ (но не принимать решение об объявлении войны). Марцелл был известен как предполагаемый преемник Августа⁸⁴. В любом случае за сложившейся ситуацией просматривается экстраординарное влияние семьи принцепса, окутанное завесой недосказанности. Никто не решался обвинить Августа в превышении власти, но недовольство республикански настроенного крыла правящего класса проявилось в разгоревшейся на заседании сената дискуссии и выпаде Мурены против принцепса.

В том же контексте следует оценивать заговор Фанния Цепиона и Лициния Мурены против принцепса, раскрытый вскоре после дела Прима. Обвиняемые бежали, но они заочно были приговорены к смерти, задержаны и тотчас казнены. Обстоятельства заговора неизвестны, не исключено, что целью было устранение принцепса. Для Августа особенно неприятен был тот факт, что против него выступил Авл Теренций Варрон Мурена, его товарищ по консулату и представитель одного из знатнейших римских родов. К тому же он был шурином (братом жены) Мецената. Жена Мецената, которой тот проговорился о раскрытии заговора, предупредила брата, так

Constitutional and legal aspects of the trials of Marcus Primus and Varro Murena // *Historia*. Bd. IX. H. 4. 1960. S. 440–473 etc. Эткинсон придерживается датировки Кассия Диона.

⁸² Grant M. From imperium to the auctoritas. P. 84.

⁸³ Cf.: Cic. Phil. IV. 9; Att. VIII. 15. 3. Cf.: Jones A. Augustus. P. 53 (в частности, о распоряжении консулов 27 г. Августа и Агриппы проконсулу Азии).

⁸⁴ Речь идет прежде всего об ускоренном прохождении *cursus* (о чем говорилось ранее) и женитьбе Марцелла на Юлии. См., в частности, отмеченные М. Грантом изображения голов Марцелла и Юлии на монете 25 г. из Византия (Grant M. From imperium... P. 81). Но нет оснований делать вслед за Грантом вывод, что Марцелл действовал на основании легитимизированной *auctoritas* или видеть во всей этой ситуации проявление некоей иной особой всеобъемлющей власти Августа в сенатских провинциях (cf.: Atkinson K. Constitutional and legal aspects... P. 441 f.).

что тот смог поначалу бежать. Таким образом, заговор проник в ближайшее окружение Августа⁸⁵.

Не все исследователи придерживаются мнения, что в заговоре участвовал тот же ординарный консул 23 г., который был рьяным защитником Прима⁸⁶. Имеются разногласия и в датировке обоих дел. Многие авторы (например, Р. Сайм, М. Грант, А. Джоунз), рассматривают их как предпосылку или повод нового «урегулирования», соответственно датируя временем до середины 23 года. Другие исследователи (в т.ч. Р. Ханслик, К. Эткинсон) принимают время, указанное Дионом Кассием — 22 г. до н.э. Хотя вопрос о датировке должен считаться открытым, можно констатировать, что разногласия касаются лишь меры причинной сопряженности указанных «дел» с урегулированием 23 года, сам факт наличия некоего общего политического контекста вряд ли может вызывать особые сомнения⁸⁷.

1 июля 23 г. Август сложил свои консульские полномочия в пользу известного «республиканца» Л. Сестия Квиринала. Его имя некогда стояло в проскрипционных списках. Сестий воевал на стороне М. Юния Брута и, будучи помилован, оставался его открытым почитателем. Ранее не менее известный «республиканец» Гн. Кальпурний Пизон, воевавший еще на стороне Помпея, а также принимавший участие в битве при Филиппах против триумвиров, сменил в качестве консула-суффекта заговорщика Мурену⁸⁸.

⁸⁵ См.: Dio LIV. 3; Vell. II. 91; Suet. Aug. 19. 1, 56. 4, 66. 3; Suet. Tib. 8.

⁸⁶ Fasti Capitolini называют А.Т[erentius A. f. n. Var]ro Murena как коллегю Августа по XI консульству. См.: Ehrenberg & Jones, doc. P. 36. Р. Сайм предполагает полное имя А. *Terentius Varro Licinius Murena* (Syme R. The Roman revolution. P. 325, n. 5). Против идентификации заговорщика с консулом и защитником Прима довольно аргументированно выступила К. Эткинсон, которая считает, что заговорщик был кузеном консула (Atkinson K. Constitutional and legal aspects...). С некоторыми оговорками ее поддержал Р. Бауман: Bauman R. A. Tiberius and Murena // Historia. Bd. 15. 1966. P. 420 ff. Возражения: Stockson D. Primus and Murena // Historia. Bd. 14. 1965. P. 38 ff.; Jameson Sh. 22 or 23? // Historia. Bd. 18. 1969. P. 204 ff. etc. Л. Дейли утверждал, что Мурена был смещен с консульства между процессом Прима и предъявленными ему вместе с Цепионом обвинениями (Daly L. J. Varro Murena, cos. 23 B.C. // Historia. Bd. 27. 1978. P. 83 ff.).

⁸⁷ Так, П. Кафф настаивал, что дело Мурены должно рассматриваться как один из «различных причинных факторов этой решающей, если не критической стадии в процессе, который Э. Т. Сэльмон четверть века тому назвал «эволюцией Августова принципата» (Cuff P. J. The settlement of 23 B.C.: a note // Rivista di filologia e d'istruzione classica. Vol. 101. 1973. P. 474). Л. Дейли утверждает, что «убийство Варрона Мурены Августом» было результатом не заговора, а «циничных махинаций первого принцепса» с целью совершения переворота 23 года (Daly L. J. Augustus and the murder of Varro Murena. His implication and implications // Historia. Bd. 66. Hf. 1. 1984. P. 157–169). К. Эткинсон, датируя дело Прима и заговор Мурены 22-м годом, естественно, отрицает их значение в подготовке «урегулирования» (Atkinson K. M. T. Constitutional and legal aspects...). Эта точка зрения получила поддержку и является преобладающей. См.: Raaflaub Kurt A. / Samons L. J. Opposition to Augustus // Raaflaub K. A., M. Toher (Hgg.). Between republic and empire. Interpretations of Augustus and his principate. Berkeley et al. 1990. P. 417–454.

⁸⁸ Fasti feriarum Latinarum // Inscr. It. XIII 1. S. 151 (cf. Fasti consulares Capitolini // ebd. S. 59); Cassius Dio LIII. 31. 3 f.; Deißmann-Merten M. Sestius 3 // KP Bd. 5 Sp. 149; Gundel H. G. Calpurnius 24 // KP Bd. I. Sp. 1021. Основной источник по административным реформам 23 г. до н.э.: Cass. Dio LIII. 32. 3–6. О неудавшейся попытке Августа ввести должность третьего консула: Suet. 37. Различные аспекты урегулирования 23 и 19 гг. до н.э. подробно рассматриваются в работах: De Martino. Costituzione Romana. Vol. IV. 1. P. 168–211; Meyer E. Römischer Staat und Staatsgedanke. 1948, 1975⁴. S. 357–362; Béranger J. L'aspect idéologique du

Официальным предлогом отказа от должности было слабое здоровье принцепса. Август и в самом деле серьезно болел в 25 и в 23 гг., когда он готовился расстаться с жизнью⁸⁹. Незадолго до этого были разоблачены опасные заговоры. Под вопрос было поставлено все: с таким трудом добытые победы и дело всей жизни, судьба близких и друзей, будущее Рима.

Решения, принятые в этот критический момент, бросают свет на понимание Августом как текущего состояния государственных дел, так и на его замысел в целом. Окружающие ожидали, что принцепс передаст власть своему племяннику, девятнадцатилетнему Марцеллу, которого он, судя по всему, готовил к роли наследника⁹⁰. Но Август на это не пошел. Он отдал свой перстень с печатью Агриппы, что означало лишь наследование положения главы фамилии, клиентелы и личного имущества⁹¹. Важнейшие государственные документы, включая отчет о финансах и войсках, Август вручил коллеге по консулату Пизону⁹². Это был ясный жест, который показывал, как Август понимал, или по крайней мере хотел представлять обществу, государственное устройство. Поскольку тем не менее циркулировали слухи, что наследник был определен, после выздоровления принцепс предложил сенату зачитать свое завещание, но большинство от этого отказалось⁹³.

Поведение Августа соответствовало принципу «восстановленной республики» (приоритет общественных интересов). В ее «наилучший статус»

principat. 1953. P. 106 ff.; Kunkel W. Über das Wesen des augusteischen Prinzipats // Gymnasium. Bd. 68. 1961. S. 353 ff. (= Schmitthenner W. (Hrsg.). Augustus. 1969. S. 321 ff.); Kienast D. Augustus. S. 99 ff.

⁸⁹ Нельзя принимать всерьез версию А. Джоунза и некоторых других авторов о болезни как инсценированном предлоге для сокрытия истинных мотивов и намерений Августа (Jones A. Augustus. P. 54; id. Studies... P. 7). Слабое здоровье являлось старой проблемой Октавиана-Августа, и было бы слишком легкомысленно, подчеркивая это, ставить под удар и без того еще неокрепший режим. О болезни Августа и его исцелении Антонием Музой: Suet. 28. 1, 59; 81. 1; Dio LIII. 30. 1–3. О состоянии здоровья Октавиана-Августа в целом см.: Suet. 80. 1–82. 2. Сравн.: Esser A. Caesar und die julisch-claudische Kaiser im biologisch-ärztlichen Blickfeld. Leiden, 1958. S. 52 ff., 60. Слабое здоровье мешало Октавию уже с детских лет. См. раздел IV.7.

⁹⁰ О привилегиях сыну Октавии М. Клавдию Марцеллу уже в 29 г., в частности, при тройном триумфе Октавия: Suet. Aug. 22; Tib. 6. 4; Dio LI. 21. В 25 г. Марцелл женился на дочери Августа, Юлии. После возвращения Августа из Испании в 24 г. Марцелл вошел в коллегию понтификов, был как квестор введен в сенат. На 23 г. он получил должность курульного эдила с правом на 10 лет ранее установленного срока претендовать на консульство (Dio LIII. 27. 5, 28. 3 sq., cf. Tac. ann. I. 3). По причине всех этих привилегий и его особого положения у Марцелла были напряженные отношения с Агриппой и Тиберием (Vell. II. 93. 2 etc.; Tac. ann. VI. 51 etc.).

⁹¹ См.: Sattler P. Augustus... S. 67 f., cf. Instinsky H. U. Siegel... S. 36 f.

⁹² Cass. Dio LIII. 30. 1–3. Светоний заявляет, что в 23 г. (как и в 27 г.), Август задумался о восстановлении республики. Он собрал у себя дома сенаторов и магистратов, чтобы передать им книги государственных дел, но затем решил оставить власть за собой (Suet. Aug. 28. 1, сравн. 59, 81. 1). О нашей реконструкции замыслов Августа в связи с заявлением о намерениях в декрете, цитируемом Светонием в главе 28, см. раздел V. 2. О вражде Агриппы и Марцелла рассказывает Веллей (Vell. II. 93).

⁹³ См.: Kienast D. Augustus. P. 102 f. mit Anm. 78. Марцелл вскоре после этого умер, возможно, уже в конце лета, во всяком случае, до конца 23 г. (Dio LIII. 30. 4 etc.).

были вплетены и на этот раз еще раз подтверждены такие установления конституции старой Республики, как ненаследуемый статус принцепса, признание консула высшим магистратом, подчеркнутое уважение по отношению к сенату. Разумеется, во всем случившемся были также прагматические мотивы: молодость и совершенно недостаточный авторитет и опыт Марцелла, его, видимо, непростой характер и сложные отношения с Агриппой и Тиберием, возможно, еще и позиция Ливии⁹⁴.

Заговоры, болезнь и общее напряжение в Риме заставили серьезно задуматься над сложившейся к тому моменту ситуацией. Недостаточно эффективный контроль над провинциями и армией со стороны принцепса сопровождался нарастающим брожением в рядах господствующего класса. Провоцирующим фактором была концентрация власти в руках Августа и его семьи. Особое неудовлетворение вызывало удерживание императором консулата. Он был предметом воцелений честолюбивых членов сената, в первую очередь — уцелевших потомков республиканской знати. В 23 г. Август вступил в одиннадцатое консульство, что было явным нарушением республиканской конституции.

Важное указание содержится в краткой, но надо думать, как всегда политически точной характеристике Веллея Патеркула. Заговорщик Мурена описывается как муж, который до этого мог быть принят за порядочного, или достойного (*bonus*). По мнению А. Джоунза, слово обозначало в устах Веллея «цезарианца»⁹⁵. В этом случае Август мог усмотреть недовольство и в той части правящей верхушки, которая всегда была самой надежной опорой режима. К сожалению, не все обстоятельства сложившейся тогда обстановки поддаются точной реконструкции. Но напряженность обстановки не вызывает сомнения, как и то, что Август осознал неизбежность серьезных корректив. Передача консульств «республиканцам» обнаруживает осознанную им необходимость уступок в пользу привилегированной части господствующего класса⁹⁶.

Отказ Августа от перманентного консульства был очевидным важным шагом эволюции принципата. За этим шагом важно увидеть трансформацию идеологических основ нового режима. Мероприятия и лозунги с те-

⁹⁴ О Марцелле и обстоятельствах описываемого эпизода см. также: Gaheis A. Claudius 230 // RE. Bd. III. 1899. Sp. 2764–70 (с указаниями на источники); Kienast D. Augustus. S. 100 ff., 108 f. etc.; Bringmann K. Augustus. 2012. S. 141 etc.

⁹⁵ Vell. II. 91. 2. Cf.: Jones A. Studies... P. 7. Впрочем, Вудман, ссылаясь на Эллегара, сильно сомневается в этом. Он считает, что в данном случае имелись в виду моральные качества, а не политическая позиция, тем более, что Мурена противопоставляется здесь «худшему» (*pessimus*) — Эгнацию Руфу. См.: Woodman A. Velleius Paterculus. Cambr., 1983. P. 270 f., cf. Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République. P., 1972². P. 673 f.

⁹⁶ Дион Кассий утверждает, что в 27 г. сенат не знал о стремлении Августа к перманентному консульству (Cass. Dio LIII. 11). На самом деле тогда этот вопрос просто не стоял в повестке дня.

чением времени меняли свой политический смысл, свою «валентность». Незаметные вначале перемены в нюансах настроений могли со временем вести к переосмыслению ситуации, переориентации позиций, раздражению. Отследить такие подспудные движения нелегко. Когда в 28 г. Октавиан поделился фасцами со своим коллегой по консулату (Агриппой) или при вступлении в седьмое⁹⁷ консульство в январе 27 г. «вернул республику» сенату и народу, ни у кого не появилась мысль, что он уже долго удерживает высшую магистратуру. Ведь главным был отказ от каких бы то ни было чрезвычайных полномочий.

Всего за четыре года взгляд на вещи изменился. Напряженность была вызвана слишком сильной привязанностью принцепса к республиканской магистратуре. Появилась ли достаточно влиятельная группировка, для которой «республиканские» установления и традиции сохраняли или вновь приобрели значение? Или дело заключалось просто в неудовлетворенном честолюбии? Не исключено переплетение того и другого. Можно предположить, что в 27 г. потенциальные соперники рассматривали «первенство» Августа как явление временное, преходящее. Но наблюдая его уже одиннадцатое консульство подряд, они начали терять терпение. Постоянное занятие принцепсом одной из консульских вакансий сокращало шансы на занятие высшей магистратуры у других претендентов. Август решил посторониться, уступив по этой уже ставшей второстепенной позиции и тем самым укрепив союз с сенатом⁹⁸.

Расставание с консульством отразило также перемены в ценностных ориентациях самого Августа. Двадцать лет прошло с тех пор, когда получив консулат, он осуществил свою заветную мечту⁹⁹. Четыре года тому, отказавшись от чрезвычайных полномочий, принцепс удержал его не только как инструмент власти, но и как желанную награду, свидетельство признания заслуг перед «республикой». В урегулировании 23 года чувства были подчинены политическому расчету. Консулат из цели превратился в средство, и в таком качестве был принесен в жертву другим способам контроля над армией и империей, а также начавшей последовательно проводиться, невзирая на препятствия политического и личного характера, «династической политике». Тем не менее отказ от высшей магистратуры, как и её удержание в 27 году, был обставлен как «республиканский» жест¹⁰⁰. Постепенно

⁹⁷ Прецедент Гая Мария, который был консулом 7 раз, явно говорил не в пользу Августа.

⁹⁸ О взаимоотношениях Августа с сенатом см.: Sattler P. Op. cit.; Машкин Н. А. Август и сенаторское сословие // МГУ. УЗ. Вып. 143. М., 1950. С. 3–26; Портнягина И. П. Сенат и сенатское сословие в эпоху раннего принципата. Калинин, 1989; Егоров А. Б. Цезарь, Август и римский сенат // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире СПб, 2002.

⁹⁹ Первые консулаты Октавиана состоялись в 43 и 33, затем подряд с 31 по 23 гг. См.: Fasti Capitolini; Suet. Aug. 26. 2; cf.: Vell. II. 89. 5.

¹⁰⁰ Таков был также смысл передачи в управление сената дополнительно двух провинций — Нарбоннской Галлии и Кипра (Dio LIV. 4. 1).

освобождаясь от иллюзий, принцепс не собирался расставаться с «республиканизмом» в качестве идеологии нового режима. Это была политическая константа и одна из важнейших основ режима, которая обеспечивала поддержку широких кругов римского гражданства.

Следует обратить внимание на то, что отказавшись от консулата, который был высшей республиканской магистратурой, Август сохранил свою ключевую роль в государстве. Она основывалась, как подчеркивал сам принцепс, не на какой-либо отдельной должности, а на *auctoritas* (RG 34), которая была неким не измеряемым, но постоянно растущим и в итоге — всеобъемлющим влиянием. Как будет видно из дальнейшего, при необходимости Август мог получить любое полномочие. Неисчерпаемым резервом его фактической власти была *auctoritas*. Где был ее источник — другой вопрос.

В итоге очередного «отказа от власти» нечто было утрачено, но не Августом, а консулатом как институтом. Он всё более превращался из властной магистратуры в почётное отличие, которое представители господствующего класса получали за заслуги перед государством и лично перед принцепсом — фактически из его рук. Не менее важна была потеря консулатом военного империя. *Imperium militiae* резервировалось теперь для Августа. Полномочия консулов ограничивались (ослабленными) гражданскими функциями в столице¹⁰¹.

Принцепс как носитель превосходящей *auctoritas*, гарант «восстановленной республики» и наилучшей формы государства, он же сын божественного Юлия и император — главнокомандующий армией и глава провинциального управления — неизбежно приобретал власть, стоявшую над всеми традиционными органами и учреждениями. Предоставлявшиеся ему сенатом или народным собранием официальные полномочия служили решению конкретных задач и повышению авторитета, не меняя сути дела. Незвестно ни одного случая, когда эти традиционные органы отказывались бы предоставить Августу необходимые ему полномочия. Но предлагавшиеся экстраординарные полномочия категорически отказывался принять сам Август. Кассий Дион по этому поводу заметил, что избегая ненужных зави-

¹⁰¹ Giovannini A. *Consulari imperium*. Basel, 1983; Girardet K. M. Die Entmachtung des Konsulates im Übergang von der Republik zur Monarchie und die Rechtsgrundlagen des augusteischen Prinzipats // Görler W., Koster S. (Hg.). *Pratum Saraviense, Festschrift für P. Steinmetz*. Stuttgart, 1990. S. 89–126 (= Girardet K. M. Rom auf dem Weg von der Republik zum Prinzipat. Bonn, 2007. S. 385–424 und 425–434). Переход от высших ординарных магистратур к промагистратурам начался еще в эпоху Республики. Это вытекало из необходимости завершить военные кампании и упорядочить дела в далеких странах. При Сулле магистраты с империем управляли в Риме, а после этого, уже как промагистраты, командовали войсками в провинциях (иногда в нескольких). Служивший основой военной власти Августа и его преемников проконсульский империй (*imperium proconsulare*, иногда называемый *imperium maius*) был аналогом республиканского. Официально он предоставлялся сенатом, этот день считался началом правления (*dies imperii*).

сти и ненависти, Август и без того обладал большей властью и почетом, чем диктаторы (Dio LIV.1.4 sq.).

Вскоре сенат предоставил Августу постоянный проконсульский империй (*imperium proconsulare*), который, в виде исключения, не должен был слагаться при въезде в померий, т.е. при пересечении границы Города. Власть Августа на любой территории объявлялась большей, чем полномочия других правителей в своих провинциях¹⁰².

Со времен Т. Моммзена в литературе принято обозначение этого империя как «высшего», *imperium proconsulare maius*¹⁰³. Й. Бляйкен выразил сомнение в наличии такого «высшего» империя. Он считал, что никакой особый консульский империй Августу был не нужен, поскольку он обладал проконсульским. Согласно его толкованию, *imperium proconsulare* и был консульским империем, который действовал в провинциях. Август получил от сената привилегию не складывать его при пересечении померия, так что никакой необходимости получать его вновь (как консульского) не было¹⁰⁴. Поддержавший его Кр. Майер тем не менее пришел к выводу, что для обеспечения возможности действовать также в «сенатских» провинциях Август получил такой *imperium proconsulare*, который давал возможность вмешиваться в распоряжения любого наместника¹⁰⁵.

Дискуссия об *imperium maius* оживилась после публикации «Кёльнского папируса», который содержит фрагмент речи Августа при погребении Агриппы (март 12 г. до н.э.) на греческом¹⁰⁶. В. Амелинг, опираясь на прочтение папируса, показал, что там говорится о полученном Августом в 23 г. *imperium aequum*. Подобный империй, которым обладал также Агриппа (на чем настаивал Й. Бляйкен), не распространялся на померий, но и не должен

¹⁰² См.: Dio LIII. 13, 14, 7, 15, 4, 16, 2, LIV. 12. 4 sq. Cf.: Ulpianus apud Dig. 1. 16, 8, 18, 4. Речь идет о «высшем империи», вызывающем нескончаемую полемику в литературе о принцепате. См. предыдущую и следующие сноски.

¹⁰³ Mommsen T. Römische Staatsrecht. Bd. II. S. 262, 1156. Термин *imperium maius* заимствован исследователями у Цицерона (Cic. Att. IV. 1. 7). Наличие такого рода особой власти подтверждается эдиктами из Киренаики, а также эдиктом в изложении Иосифа Флавия (SEG IX. 8; Jos. Ant. Jud. XVI. 162–165, cf. 169–170; Plin. ep. X. 99.) А. Джоунз показал, что империй, который не требовалось слагать и восстанавливать каждый раз после пересечения померия, тем не менее, возобновлялся каждые 5 или 10 лет (Jones A. Studies... P. 8 and 177, n. 15, cf. Eck W. Augustus. 2009. S. 53 f.). Надо иметь в виду, что наличие *imperium maius* установлено лишь со времени Тиберия.

¹⁰⁴ Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 93–105. cf.: id. Augustus S. 349 f. Сходной точки зрения придерживается Ф. А. Михайловский (Становление принцепата... С. 38).

¹⁰⁵ См.: Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte des Römischen Kaiserreiches. Bd. 1. S. 38 f.; ders. Imperium consulare / proconsulare im Übergang von der Republik zum Prinzipat...; Girardet K. M. Imperium "maius" Politische und verfassungsrechtliche Aspekte. Versuch einer Klärung // id. Rom auf dem Weg von der Republik zum Prinzipat. S. 461–522 und Discussion, S. 515–522 etc.

¹⁰⁶ Gronewald M. Ein neues Fragment der Laudatio Funebris des Augustus auf Agrippa // ZPE. Bd. 52, 1983. S. 61–62. Публикации «Кёльнского папируса» указаны в разделе I.7. Одно из первых обсуждений: Castritius H. Der römische Prinzipat... S. 40–42.

был каждый раз возобновляться при необходимости действовать в провинциях. Не исключено, что империй Август получил по решению народного собрания, минуя сенат¹⁰⁷. Постоянный проконсульский империй был важным полномочием, которое позволило Августу более эффективно контролировать легионы, а также привнести большую стабильность в управление империей Римского народа¹⁰⁸.

Предоставление особого империя Августу в обмен на возвращение потомкам аристократии вакансии консула можно считать вынужденной уступкой принцепса, компромиссом. Если рассматривать урегулирование 23 года как сделку, она была заключена между двумя партнерами — важнейшими властями новой «формы республики» — принцепсом и сенатом. Слов нет, Августу было неприятно уступать. Но принять решение помог точный расчёт: пожертвовав фигурой в Риме, Август укрепил свои позиции на большой доске создававшейся им Империи.

V.5. Популизм и «республиканизм»

Проконсульская власть была важна для сохранения контроля над провинциями и находившимися там войсками. В Риме и Италии *locus standi* Августа обеспечивался предоставленной тогда же пожизненной трибунской властью (*tribunicia potestas*)¹⁰⁹. Полномочия народных трибунов, завоеванные еще в ходе борьбы плебеев с патрициями, проявили себя как достаточно действенные. Трибуны обладали правом вносить любые вопросы и законопроекты на рассмотрение сената и народных собраний, а также препятство-

¹⁰⁷ Ameling W. Augustus und Agrippa. Bemerkungen zum Papyrus Köln VI, 249 // Chiron. Bd. 24. 1994. S. 1–28; Meier C. Augustus. Die Begründung der Monarchie als Wiederherstellung der Republik // ders. Die Ohnmacht des allmächtigen Dictators Caesar, Frankfurt 1980. S. 223–287. S. 269; Dettenhofer M. H. Herrschaft und Widerstand im augusteischen Prinzipat. S. 109–112; Kienast D. Augustus. S. 108 f. По Е. Грэю, Агриппа в 23 г. получил *imperium aequum* и только в 13 г. *imperium maius*. К. Бригманн, опираясь на новый фрагмент, утверждал, что Агриппа в 23, 18 и 13 гг. до н.э. получал привилегию не подчиняться *imperium maius* Августа в тех частях империи, где он выступал как коллега принцепса. Gray E. W. The imperium of M. Agrippa. A note on p. Colon. inv. nr. 4701 // ZPE. Vol. 6. 1970. S. 227–238; Bringmann K. Imperium proconsulare und Mitregenschaft im frühen Prinzipat // Chiron. Bd. 7. 1977. S. 220–238 (= Ausgewählte Schriften. Frankfurt am Main. 2001. S. 263 ff.); Bringmann K., Schäfer Th. Augustus und die Begründung... S. 321 f.

¹⁰⁸ То, что свой *imperium proconsulare* с *maior potestas* Август использовал как проконсул, документально подтвердила опубликованная в 1999 г. надпись: *Imp(erator) Caesar Divi fil(ius) Aug(ustus) trib(unicia) pot(estate) \ VIII{f} et pro co(n)s(ule) dicit. [...]*. // AE 2000. S. 760 Z. 1 f.: Cf.: Bernstein F. Der Anfang: das vermeintliche Kaisertum des Augustus... S. 17–54, hier S. 44 mit Anm. 50.

¹⁰⁹ Во многих документах срок высшей власти Августа исчислялся со дня получения *tribunicia potestas* — 1 июля (или 1 августа) 23 года. См.: Tac. ann. III. 56; RG 10 (где Август различает *sacrosanctitas* и пожизненную *tribunicia potestas*). Аппиан и Орозий, видимо, ошибаются, понимая предоставление в 36 г. «священной неприкосновенности» (*sacrosanctitas*) за полную *tribunicia potestas*, как и Дион Кассий, таким же образом квалифицировавший предоставленное в 30 г. право трибунской «помощи» (*auxilium*): App. b. c. V. 132; Orosius VI. 18. 34; Dio XLIX. 15. 5 sq.

вать осуществлению уже принятых решений должностными лицами республики, вплоть до консулов.

Почему Август приобрел только соответствующую власть, но не саму должность (*tribunus plebis*)? В свое время при содействии Юлия Цезаря он был зачислен в патриции и теперь не имел права стать народным трибуном. В данном случае, как и всегда, когда это не противоречило его жизненно важным интересам, Август предпочитал не нарушать древние традиции. По тем же соображениям не следовало быть трибуном несколько сроков подряд. Найденное решение помогло аккуратно, без вызова, обойти принятый порядок.

Приобретенный статус давал целый ряд дополнительных преимуществ. Обладатель его стал частным лицом с полномочиями должностного. Имея власть трибуна, Август мог решать вопросы без участия коллег — по существу, закон приспосабливался под правителя¹¹⁰. Нововведение компенсировало утрату консулата в черте Города, при этом старые установления модифицировались¹¹¹. Представителей нобилитета оно устраивало: консульская вакансия освободилась, трибунат их мало интересовал. Отказ принцепса от ежегодно занимаемого консульства был воспринят с одобрением, и на фоне этого «республиканского» жеста остальные новации прошли едва замеченными. Трибунскую власть Август получил от комиций, где он пользовался, как правило, неограниченной поддержкой¹¹².

Некоторые исследователи не склонны придавать трибунской власти Августа серьезного значения в качестве инструмента власти. А. Джоунз считал, что ее приобретение (и все урегулирование 23 г.) решало прежде всего не административные и конкретно-политические, а идеологические и пропагандистские задачи¹¹³. Полученные Августом вместе с полной трибунской властью и отсутствовавшие у него ранее полномочия были полезны, но ни настолько важны, чтобы без них нельзя было обойтись, ни столь авторитетны с точки зрения римской «конституции», чтобы заменить в полной

¹¹⁰ «Трибунская власть» Августа в значительной мере отличалась от власти народных трибунов, которая, особенно после данного нововведения, все более утрачивала свое значение. Не говоря уже о том, что она была бессрочной, власть Августа не ограничивалась обычной коллегиальностью: принцепс не входил в число 10 трибунов, а имел власть не меньшую, чем вся коллегия. Пытаясь оправдаться от обвинений в обладании такими в сущности экстраординарными полномочиями, Август в «Деяниях» утверждал, что пятикратно просил дать ему коллегу по трибунской власти (RG 6).

¹¹¹ Подробнее: Last H. On the "tribunicia potestas" of Augustus // *Rendiconti del Istituto Lombardo di Scienze e Lettere* 84. 1951. P. 93–110 (= Schmitthenner W. (Hg.). *Augustus*. 1969². S. 241–263 (неп. на нем.); Premerstein A. *Vom Werden und Wesen des Prinzipats*. München, 1937. S. 260 ff. (А. Премерштайн считал, что Август постепенно приобретал все новые трибунские полномочия); Wickert L. *Princeps (civitatis)*. Sp. 1998 ff.; ders. // *ANRW II*. Bd. 1. S. 73 f. с литературой; Bleicken J. *Augustus*. S. 351 f.

¹¹² См.: Dettenhofer M. *Herrschaft...* S. 103–109; Bernstein F. *Der Anfang...* S. 43.

¹¹³ Jones A. *Studies...* P. 10 and 178, n. 21 f. Cf. S. 246 ff. with n. 6 f.

мере консулат¹¹⁴. Практически он их почти не использовал, действуя через своих сторонников в сенате и магистратов. А. Джоунз утверждал даже, что «Август вряд ли вообще нуждался в использовании *tribunicia potestas*, поскольку мог достичь того же посредством своей *auctoritas*. Не требовалось формального вето, когда было достаточно намека; не было необходимости лично вносить предложения в сенат или собрание, когда другие, действовавшие по его «совету», могли реализовать необходимые инициативы»¹¹⁵. Трудно согласиться с Джоунзом по этому пункту. Действительно, у Августа было достаточно рычагов реальной власти, но пренебрежение к праву было ему несвойственно. Стремление, пусть хоть к внешнему, соблюдению принятых норм, безусловно, способствовало стабилизации режима.

Несмотря на недостаточную эффективность, «тяжеловесность» и «непрактичность», именно трибунская власть стала, по Тациту, «обозначением высшей власти» (*summi fastigii vocabulum*), которой исчислялось правление Августа и посредством предоставления которой впоследствии указывался преемник¹¹⁶. Не разделяя нигилистической оценки государственно-правового значения *tribunicia potestas*, следует обратить внимание на указанные Джоунзом «идеологические» мотивы выбора трибунской власти. Во-первых, «безобидная прерогатива» давала возможность скрывать «истинную конституционную основу власти» (т.е., высший проконсульский империй, обеспечивавший контроль над войсками). Во-вторых, учитывалась популярность трибуната, который возбуждал «сентиментальные чувства» плебса. Принятие трибунской власти оказывалось многозначительным жестом — демонстрацией готовности принцепса защитить плебс перед «оптиматами»; для последних это служило предупреждением о возможности обращения к народным чувствам по примеру Цезаря¹¹⁷.

¹¹⁴ На самом деле после утраты консулата Августу недоставало некоторых полномочий, в частности, права первоочередного внесения предложений сенату (*ius primae relationis* — см. Dio. LIII. 32. 5.), права созыва сената (ibid. LIV. 3. 3). Они входили, наряду с правом председательствовать в курии и некоторыми другими, в число консульских привилегий, но ими пользовались также народные трибуны.

¹¹⁵ Jones A. Studies... P. II.

¹¹⁶ Tac. ann. III. 56. 1, 57. Cf. Vell. II. 99. 1. В связи с предоставлением *tribunicia potestas* праздновался день 26 июня. См.: Mommsen T. Römische Staatsrecht II. 3. S. 797. Позднее императоры считали своим *dies imperii* дату получения высшего империя. Это, в частности, установлено в отношении Веспасиана. Он считал таким днем 1 июля 69 года, когда его провозгласили императором египетские легионы. При этом он не собирался отказываться от «республиканских» титулов, обозначавших трибунскую власть, консульство и понтификат. См.: Buttrey T. V. Documentary evidence for the chronology of the Flavian titlature. 1980; Greenidge A. N. J. Roman public life. P. 359; Isaak B. Vespasian's titlature in A. D. 69 // ZPE. Bd. 55. 1984. P. 143–144.

¹¹⁷ Jones A. Studies... P. II. Следует также обратить внимание, что в 45 г. до н.э. Юлий Цезарь, не удовлетворившись диктатурой, посчитал необходимым получить ещё трибунскую неприкосновенность (Liv. per. 116; Dio LIV. 49, 50. 1; App. b. c. II. 106). О значении трибуната в эпоху Республики см.: Bleicken J. Das römische Volkstribunat. Versuch einer Analyse seiner politischen Funktion in republikanischer Zeit // Chiron. Bd. 11. 1981. S. 87–108 (ND: // ders. Gesammelte Schriften I. Stuttgart, 1998. S. 484–505).

Принятые Августом трибунские полномочия имели также практическое значение. Предоставленные комициями, они ясно свидетельствовали о поддержке народа и уже поэтому создавали противовес чрезмерным претензиям сенаторов, особенно нобилей. Обращение к трибунской власти на фоне отказа от консулата могло рассматриваться как поворот к плебсу. В то же время *tribunicia potestas* оказывалась в руках императора довольно эффективной. Право вето давало возможность отменить неприемлемое решение любого органа и магистрата. Посредством трибунской власти Август мог при необходимости созвать не только народное собрание, но и сенат. Светоний упомянул о *tribunicia potestas* как о пожизненных (*perpetua*) полномочиях (Suet. Aug. 27. 5), а Тацит отметил, что Август изобрел использование трибунской власти в качестве высшей, чтобы избегая титулов царя или диктатора, превосходить других магистратов (*id summi fastigii vocabulum Augustus repperit, ne regis aut dictatoris nomen adsumeret ac tamen appellatione aliqua cetera imperia praemineret* — Tac. ann. III. 56. 2)¹¹⁸.

Популистские черты трибунской власти Августа противоречили традициям аристократии с её идеалом *res publica libera*. Но Август и не стремился к односторонней ориентации на сенатскую республику. Его «восстановленная республика» выражала интересы широких слоев гражданства (разумеется, с учетом социального ранга). Трибунская власть традиционно защищала интересы народа и Август усиливал таким образом «демократическую» составляющую смешанной конституции. В свою очередь, всё это соответствовало фундаментальному представлению о *res publica*, которое разделяли широкие слои гражданства. Сенаторам приходилось мириться с шагами Августа, являвшимися существенной частью его политики *res publica restituta*. О том, что принятие трибунской власти нельзя сводить к тактическому ходу, свидетельствует живучесть заложенной Августом традиции. Его преемники считали годы правления от момента получения трибунской власти.

Мероприятия 23 и 22 годов вызывают разногласия среди исследователей по самым различным аспектам. А. Сэлмон, настаивавший на постепенности и спонтанности процесса монархизации режима, подчеркивал, что высший империй понадобился Августу не для исполнения некоего далеко идущего плана, а вследствие чисто практической необходимости. Он собирался посетить ряд сенатских провинций, и принятые полномочия позволили придать этому более «конституционный вид», чем альтернативный вариант — принятие данных провинций под непосредственное руководство

¹¹⁸ См. также: Fasti consulares Capitolini // Inscr. It. XIII, 1. P. 59. Cf.: Yavetz Z. Plebs and Princeps. Oxf., 1969. P. 92–96; Lacey W. K.. Augustus and the principate. Leeds, 1996. P. 100–116 (= id. Augustus and the senate, 23 B.C. // Antichthon. Vol. 19. 1985. 57–68; первая ред.: Summi fastigii vocabulum. The story of a title // JRS 69. 1979. S. 28–34) etc.

императора¹¹⁹. Тем не менее, известный исследователь считал 23 год неким рубежом, подчеркивая значение трибунской власти: «В 27 году его (Августа) положение было республиканским, в 23 — нет». И. Т. Сэлмон утверждал, что именно в 23 г. был принят акт, предшествовавший «Закону об империи Веспасиана». Своеобразно оценивалось предоставление Августу пожизненной трибунской власти: «Это юридическое признание исключительного положения одного лица означало, что республика формально сделалась империей. Разумеется, фактически это произошло на несколько лет ранее»¹²⁰.

А. Джоунз, напротив, усматривал в урегулировании 23 года отступление Августа, который из-за личных переживаний и страха заговора зашел в своих уступках сенату (имеется в виду отказ от консулата) «дальше, чем собирався». Исследователь отметил, что представление об урегулировании 23 г. как о некоем финальном акте, установившем счастливое правление, явилось результатом «длительной и действенной агитации». В последующем Август, часто вынуждавшийся к принятию дополнительных полномочий, вернул себе, «хоть и в менее навязчивой форме, большую часть той власти, которой обладал до 23 года»¹²¹.

Уже разногласия в оценках должны предостеречь от абсолютизации частных эпизодов и правовых актов. Складываемая поколениями исследователей мозаика оставляет место для догадок и предположений. В то же время общее направление эволюции нового режима вырисовывается вполне определённо. Обстоятельства второго урегулирования показывают, что особое место Августа в формировавшейся системе властных отношений не было предметом дискуссий. Речь могла идти о частностях, которые касались престижа сената или честолюбивых устремлений отдельных представителей знати.

В силу реальных отношений власти, отражающих интересы влиятельных социальных групп, принцепс постоянно укреплял свои позиции, как бы ни изменялись их обозначения. Его исключительное место не определялось только конкретными полномочиями: их можно было менять, как перегородки и мебель. На капитальных опорах необозримого здания империи это не сказывалось — они выдерживали потрясения и следовавшие за ними усовершенствования. При обнаружении изъянов производился текущий ремонт. Как в добротном построенном здании, невидимый фундамент и несущие элементы оказались соединены таким образом, что колебания и на-

¹¹⁹ О намерении посетить провинции действительно сообщает Кассий Дион (Dio LIV. 7). Передача Кипра сенату возможно и явилась следствием получения Августом высшего империя (cf.: Dio LIV. 4. 1; Cf.: Salmon E. T. The evolution... P. 470).

¹²⁰ Salmon E. T. A history of the Roman world... L., 1950. P. 15, n. 3.

¹²¹ Jones A. Studies... P. 12, 3, 17.

грузки лишь выявляли немалый запас прочности конструкции. Связующим веществом были представления о «республике» — основа консолидации римского гражданства во главе с принцепсом.

Некоторая неопределенность системы власти и возникавшие на этой почве осложнения и эксцессы подталкивали к новым экспериментам по усовершенствованию государственного механизма. В 22 г. в Риме вспыхнуло волнение в связи с нехваткой продовольствия, последовавшей за прошлогодней эпидемией, а теперь еще сильнее наводнением Тибра¹²². После сложения Августом консулата плебс был обеспокоен по поводу недостатка конституционных полномочий принцепса. Жители Города сомневались в способности традиционных властей справиться с кризисной ситуацией. Народ потребовал, чтобы Август стал диктатором и цензором. Категорически отказываясь от навязывавшихся ему чрезвычайных полномочий (RG 5, сравн. Dio LIV. 1), Август вынужден был в конце концов взять на себя контроль за снабжением Рима хлебом (*cura annonae*). Непосредственное руководство было возложено на двух ежегодно назначавшихся сенаторов преторского ранга.

Во время новых волнений, связанных с консульскими выборами, плебс, настаивавший на кандидатуре Августа, потребовал, чтобы он принял постоянные консульские полномочия, наподобие трибунских (RG 5. 3, сравн. Dio LIV. 6. 1–2). Находившийся уже на Востоке Август, твердо придерживаясь выработанного «республиканского» курса, послал в Рим Агриппу, который должен был затем отправиться в Галлию. Тот, однако, не обладал признанным конституционным статусом¹²³. С немалым трудом ему удалось добиться избрания второго консула на текущий 21 г. и провести выборы на следующий.

Во время выборов на 19 г. народ настаивал на резервировании вакансии для Августа. После категорического отказа принцепса, на эту должность начал претендовать некий М. Эгнаций Руф, который после эдилитета (21 г.) и отправляя должность претора (20 г.), хотел выставить свою кандидатуру. Консул Г. Сентий Сатурнин воспрепятствовал нарушению закона. Народ, у которого Эгнаций Руф сумел завоевать популярность не только с помощью демагогии, но и эффективной борьбой с пожарами, поддерживал его. Ситуация настолько накалилась, что сенат принял *senatusconsultum ultimum*. Август рекомендовал на вакантное место ранее проскрибированного и затем помилованного Кв. Лукреция Веспиллона и

¹²² См.: Sattler P. Augustus und der Senat. S. 72 ff.; Gilbert. R. Die Beziehungen zwischen Princeps und stadtrömischer Plebs im frühen Principat. Bochum, 1976; Yavetz Z. Plebs and Princeps. New Brunswick, 1988². P. 26 f., 93 f.; Dettenhofer M. H. Herrschaft...S. 121 f. mit Anm. 44.

¹²³ Dio LIV. 10. 2. В. Гартхаузен считал, что Агриппа был назначен префектом города (Gardthausen V. Augustus... T. I. S. 809); А. Премерштейн настаивал, что Август направил Агриппу в Рим на основе своей *cura et tutela* (Premierstein A. Vom Werden... S. 117); Э. Сэлмон также подчеркивал неопределенность статуса Агриппы в Риме в 21–20 гг. (Salmon E. T. The evolution... P. 471).

сам поспешил в Италию. В дальнейшем Эгнаций был обвинен в заговоре против принцепса и казнен¹²⁴.

Даже самые честолюбивые аристократы поняли, что без мощной руки принцепса им не сохранить свои, пусть и урезанные, привилегии. Сенат направил в Кампанию навстречу принцепсу целую делегацию, а позднее посвятил возвращению Августа ежегодный праздник и алтарь Фортуне возвращения (*Fortuna redux*)¹²⁵.

По прибытии в Рим Август получил дополнительные привилегии: пожизненное *imperium consulare*, включая права на 12 фасций и на занятие курульного кресла (*sella curulis*) между консулами, а также на назначение префекта Города¹²⁶. Обычно считают, что полномочия компенсировали утраченное ранее консульство. Некоторые исследователи оценивают их лишь как почетные отличия, оформившие уже имевшуюся власть¹²⁷.

Для того, чтобы в полной мере оценить те или иные нововведения, следует учитывать, что Август во всем ценил меру и ничего не предпринимал (и не позволял делать это другим) только для удовлетворения собственного тщеславия. Получив названные привилегии, он располагал как всеми необходимыми полномочиями, так и внешними знаками первого лица «республики»¹²⁸. Даже если принять, что это были чисто внешние отличия, следует согласиться с В. Дальгаймом, что они «завершили включение существенных составляющих консульского *imperium* во властное положение первого человека в государстве»¹²⁹.

¹²⁴ Об этих событиях и Эгнации Руфе см.: Vell. II. 91. 3–93. 1; Sen. brev. IV. 5; clem. I. 9. 6; Tac. ann. I. 10. 4; Dio LIII. 24. 4–6; LIV. 10.1 f. Датировка эдилитета и претуры Эгнация 26 годом в первом из названных пассажей Кассия Диона противоречит другим источникам и не согласуется с контекстом событий (Dio LIII. 24. 4–6). Веллей пишет, что Эгнаций хотел убить Цезаря Августа. См.: Dettenhofer M. H. Herrschaft... S. 121 f. mit Anm. 44 (с лит.); Bringmann K. Augustus. S. 153 f. mit Anm. 118 etc.

¹²⁵ Dio LIV. 10. 1–3; RG 11 f.; RIC 12, Augustus Nr. 53–56. Август вступил в Рим 12 октября 19 г. до н.э.

¹²⁶ Dio LIV. 10. 5–7. О назначении префекта Города Августом см.: Tac. ann. VI. 11 (исторический экскурс); Dio LIV. 19. Cf.: Salmon E. T. Evolution... P. 473, n. 106; Bernstein F. Der Anfang... P. 46.

¹²⁷ В литературе дискутируется вопрос о том, был Августу осенью 19 года предоставлен консульский империй или только инсигнии. Первой точки зрения придерживался А. Джоунз. Отсутствие подтверждения в «Деяниях» исследователь объяснял нежеланием Августа рекламировать не вполне «республиканскую» власть. Это касалось также проконсульского империя в отношении своих провинций (Jones A. Studies... P. 13–17; cf.: id. Augustus. P. 59–61). Также о получении полноценного *imperium consulare* писали Л. Викерт, Д. Кинаст и другие (см.: Kienast D. Augustus. S. 112 f. mit Anm. 114). Й. Бляйкен считал, что никакой особый консульский империй Августу был не нужен, поскольку он обладал проконсульским (Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. S. 93–105. cf.: id. Augustus S. 349 f.; Bernstein F. Der Anfang... P. 46). Г. Кастрициус, говоря об уже имевшемся пожизненном *imperium consulare*, считал полученные в 19 г. отличия чисто внешними (Castritius H. Der römische Prinzipat... S. 51 f.; о получении консульских инсигний, поскольку империем Август уже обладал, говорит Ф. А. Михайловский (Становление принципата... С. 39). Проведение ценза на основе *imperium consulare*: RG 8. 1–4; cf.: Dio LIV. 12. 4.

¹²⁸ Следует подчеркнуть, что даже *ornamenta praetoria* могли получить только члены семьи принцепса, а консульские знаки отличия — никто, кроме него самого (см.: Kienast D. ibid. S. 156 Anm. 18). О дискуссии относительно *imperium consulare*, *imperium maius*, а также *imperium aequum* см. выше раздел V.4 с примеч. 102 и сл.

¹²⁹ Dahlheim W. Die römische Kaiserzeit. München, 2013. S. 17.

Многие исследователи оценивали урегулирование 19 г. до н.э. как важный момент в эволюции режима. Придавая решающее значение сосредоточению в руках Августа различных империев, что в отличие от *auctoritas* давало возможность оперативно вмешиваться во все сферы государственного управления и эффективно контролировать армию, А. Джоунз рассматривал мероприятия 19 г. до н.э. как завершение процесса создания принципата. По мнению Е. Флайга, в это время была институционализирована монархия, причем таким образом, что персона монарха была интегрирована в политические формы республики. В. К. Лэйки считает, что с этого года, собственно, начался принципат. Этих и других авторов объединяет мысль о том, что к 19 г. до н.э. были заложены правовые основы исключительного положения Августа¹³⁰.

Иначе видит эволюцию принципата М. Детенгофер. По ее мнению, достигнутый после Акция материальный и военный перевес был достаточен лишь для того, чтобы обеспечить незаконное продолжение консулата для победителя. Однако эту магистратуру в 23 г. до н.э. Август вынужден был отдать под массивным общественным давлением. На ее место пришли два новые полномочия, полученные от народного собрания: *tribunicia potestas* и *imperium aequum*. После этого для укрепления своего положения принцепс поставил перед собой новую цель — слить семью, или *gens Iulia*, с государством. Согласно данной концепции «непрерывность Августовой династии стала основой для благополучия *res publica*»¹³¹.

Применительно к итогам урегулирования 19 года важно, что Август уже раньше хотел учредить для себя должность третьего консула. Тогда сенат воспротивился этому¹³². Теперь это желание было фактически удовлетворено, причем в самом изящном исполнении. Легко представить себе картину: возвышающийся над собранием император Цезарь Август с двумя консулами по сторонам. Всем было ясно, кто тут главный, присутствие консулов лишь подчеркивало значимость каждого слова принцепса. Это была прекрасная иллюстрация к роли принцепса в смешанной конституции. В то же время отказ от диктатуры и предпочтение, отданное пусть преобразенной, но все-таки ординарной магистратской (трибунской и консульской) власти,

¹³⁰ Flaig E. Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich. Berlin, 1992. S. 208; Lacey W. K. Augustus and the principate. The evolution of a system. Leeds, 1996. P. 132 ff. Флайг говорит о «монархии». Но она предполагает установленные правила наследования и ряд других характеристик. На наш взгляд, применительно ко времени Августа, учитывая все особенности государственной структуры, можно говорить лишь о фактическом единовластии. Сравн. раздел V.9 и гл. X.

¹³¹ Dettenhofer M. H. Herrschaft und Widerstand. Pass. und S. 216. Нам представляется, что вопрос о государственно-правовых полномочиях и семье принцепса хоть и были связаны, но лежали в разных плоскостях. О книге М. М. Детенгофер см. также в разделе II.3 с примеч. 89.

¹³² Suet. 37. Это могло иметь место в 23 г. до н.э. (см. раздел V.4.). Сенат выступил против этого, якобы не желая умалять достоинства принцепса. Тогда Август остался без консулата вообще.

демонстрировали стремление сохранять преемственность с республиканскими традициями¹³³.

Принятые по возвращении с Востока решения подвели итог очередному этапу эволюции режима (23–19 гг. до н.э.). Сенат, на сей раз в условиях мирного времени, проявил свою неспособность руководить даже Городом. Угроза смут и новых гражданских войн умерила амбиции потомков римской аристократии, добавив им чувства реализма. Для Августа оказалось достаточным выждать, пока плод созреет, не поддаваясь соблазну немедленно получить неограниченную власть. В нужный момент он точным движением остановил посередине весов стрелку, которую каждая противоборствующая сторона безуспешно пыталась перетянуть на свою сторону. Выступая в роли примирителя сословий, медиатора (как тут не вспомнить о Цицероновом *moderator rei publicae*?) и отказываясь от чрезвычайных полномочий, Август укрепил свое положение, одновременно стабилизировал ситуацию в государстве.

В 23 и 19 гг. до н.э. было достигнуто относительное равновесие. Это не означало остановки, процесс формирования новой государственности был еще далек от завершения. Традиционная структура, которая легла в основу смешанной конституции, не соответствовала сложности и масштабу поставленных задач даже в границах Города и Италии, не говоря уже об огромной «империи Римского народа». Внутри смешанной конституции должно было постоянно укрепляться положение принцепса, опиравшегося на свою *auctoritas* и обладавшего рядом конституционных полномочий. Он был главным несущим элементом и гарантом «восстановленной республики». Как уполномоченный сената и Римского народа Август должен был к тому же работать над выстраиванием и совершенствованием параллельной структуры — аппарата управления провинциями. Объектом постоянного внимания императора также была армия.

V.6. После начала «нового века»

Десятилетие понадобилось принцепсу для сколько-нибудь ясного обозначения своего места в восстановленной им *res publica*. Теперь следовало, опираясь на достигнутые результаты, добиваться упрочения режима. Соответственно, активность правительства в Риме и Италии перемещалась из

¹³³ Имея в виду стремление Августа скрыть беспрецедентную концентрацию в своих руках власти после 19 г. (проконсульский империй в «своих» плюс «высший» империй во всех провинциях, наряду с пожизненным консульским империем в Риме и Италии), А. Джоунз отмечает: «Концентрация столь многих империев в руках одного человека грозила, очевидно, картине восстановления республики, в то время как популярные полномочия плебейского трибуна могли удерживаться пожизненно безо всякого ущерба» (Jones A. Augustus. P. 61).

государственно-правовой в другие, связанные между собой области: «династическую» политику и идеологическое обоснование исключительного положения принцепса. Постепенно менялись акценты в пропагандистской деятельности правительства. Рубежом явились с помпой отпразднованные в 17 г. до н.э. Секулярные торжества, которые должны были ознаменовать наступление Нового века (см. раздел VI.6). Это означало, что в «восстановленной республике» Августа осуществилось то, что предсказывали сивиллы и пророки Востока и Запада. Был дан важный сигнал всему населению Рима, Италии и провинций: испытания миновали, эксперименты завершены, новый порядок прочен, принцепс и император уверенно ведет государственный корабль. Всё остальное — никому не нужные лже-пророчества и прочие вредные мысли¹³⁴.

Кардинальных изменений в политическом курсе более не предвиделось. Проводившиеся после 17 г. мероприятия в государственно-правовой сфере носили характер небольших корректур. Август решал текущие вопросы, не упуская из виду долгосрочные интересы. Отдельные мероприятия в административной области способствовали дальнейшей модификации принципата. В 16 г. до н.э. Август, опираясь на свой *imperium*, назначил префекта города¹³⁵. В последующие годы он пользовался и другими предоставленными ранее правами¹³⁶.

Различные аспекты политики Августа получают дополнительное освещение при рассмотрении его цензорской деятельности. Здесь требовались организационный талант, решительность и в то же время чувство такта. Важнейшей задачей цензоров была перепись граждан и определение их имущественного класса для включения в соответствующие сословия и центурии¹³⁷. Особенно болезненным после периода смут должен был стать пересмотр состава сената. Юлий Цезарь вводил в состав этого органа своих сторонников, руководствуясь текущими интересами. При этом число сена-

¹³⁴ О Секулярных играх см. раздел VI.6. Стабильность и процветание «республики» — эти лозунги запечатлены на денарии 16 г. с легендой: “...*res publica in ampliore atque tranquilliore statu est*” (Sutherland C. H. V. Coinage in Roman imperial policy. L., 1951. P. 51 and Pl. V. 5 (RIC I, Augustus 358). Вряд ли можно сомневаться в «республиканском» прочтении денария, пытаясь противопоставить этому желание Августа стать творцом «наилучшего государства» (Токарев 2011. С. 143, 144, со сносками 1 и 2, где автор полемизирует с нашей работой (МРМА 1994. С. 268 со сноской 68). Как показано в разделах V.2 и 9, *optimus status* должен был стать, и в определённой мере Августу удалось это осуществить, государственной формой для упрочения *rei publicae*. Таким образом, это не две противоречащие друг другу концепции, а составные части одного проекта. Надпись говорит о процветающем и безмятежном состоянии «республики» (конечно, в основополагающем значении — *res populi*).

¹³⁵ Краткий очерк происхождения этой важной должности дает Тацит. Он, в частности, указывает, что после не справившегося с обязанностями Мессалы Корвина эту должность превосходно отправлял Ста-тилий Тавр (Тас. ann. VI. 11; cf.: Dio LIV. 19; ILS III. S. 391).

¹³⁶ См.: Salmon E.T. The evolution... P. 472–473.

¹³⁷ Об этой магистратуре см.: Kubitschek J. W. Censores // RE. Bd. III (6 Hb.). 1899. Sp. 1902–1908.

торов возросло с 600 до 900. Потом сенат пополнялся, взамен проскрибированных и погибших во время гражданской войны, сторонниками триумвиров. Количество членов дошло до тысячи человек, среди них находились случайные и просто недостойные люди¹³⁸. Конечно, Октавиану-Августу необходим был сенат прежде всего лояльный. Но это был также важный инструмент государственного управления. Сенат оставался питомником кадров для армии, администрации, управления провинций. Не менее важной оставалась репрезентативная функция — он олицетворял достоинство и стабильность Римского государства.

Сенат следовало сократить, избавившись от недостойных членов и явных политических противников. Август рассказывает, что проводил цензы сената (*lectiones senatus*) 3 раза (RG 8. 2). В 29/28 г. до н.э. число сенаторов было уменьшено на 190 членов, причем первые 50 из них сами покинули сенат после увещаний принцепса, признав себя недостойными. Их имена не были обнародованы, и эти люди даже сохранили некоторые привилегии¹³⁹. В 19/18 г. Август намеревался сократить число сенаторов до 300 членов, как это было в «древние времена». Сам он при этом считал, что невозможно найти даже такое количество действительно достойных (Dio LIV. 14. 1). Принцепс, обладавший к тому времени всеми необходимыми полномочиями, решил возложить неприятную работу хотя бы отчасти на самих сенаторов. Вначале он отобрал тридцать самых достойных, каждому из которых было предоставлено право назвать еще пять кандидатур. Затем эти пять тянули жребий и один из них называл еще пять и так далее. Процедура длилась несколько дней, пока не выяснилось, что не все были достаточно добросовестны. В конце концов Августу пришлось довести комплектование сената до 600 членов самому (Dio LIV. 13. 1–14. 1). Далее Кассий Дион сообщает еще о двух ревизиях сената, в 13 и 11 гг. до н.э. Возможно, это был один акт, растянувшийся на два года¹⁴⁰.

Хотя принцепс делал все возможное, чтобы сделать «чистки» сената менее болезненными, они понятным образом вызвали сильное недовольство

¹³⁸ Согласно исторической традиции, при Ромуле было 100 сенаторов, после присоединения сабинов прибавилось еще столько же, при Тарквинии Приске их стало 300. Это число сохранялось, пока Сулла не удвоил число членов сената (Dion. Hal. ant. II.12, 47, 57; III.67). Светоний говорит о более чем тысяче сенаторов по окончании гражданских войн, сообщая, что Антоний вводил в сенат по знакомству или за взятку. Таких в народе называли «замогильными» сенаторами» (Suet. Aug. 35. 1, cf.: Dio LII. 42. 1, cf. LIV. 12. 1 f.).

¹³⁹ Suet. Aug. 35. 2; Dio LII. 42. 2 f. С другой стороны, Август пополнил сенат немногими достойными людьми, а также увеличил число патрициев (RG 8. 1; Dio LII. 42. 4 f.). Как уже упоминалось, в ходе этого пересмотра списка сената Октавиан стал его принцепсом. Буквально *lectio senatus* значило «зачитывание списка сената». Отсутствие имени означало, что сенатор вычеркнут.

¹⁴⁰ В литературе имеются некоторые расхождения в датировке отдельных цензов и «чисток» сената. Следует иметь в виду, что нормальная периодичность люстра составляла пять лет, а цензоры и во времена Республики избирались на 18 месяцев. См.: Jones A. H. M. Studies... P. 22 f.; Talbert R. J. A. The Senate of Imperial Rome. Princeton, 1984. 131 ff., cf. 9 ff. (о количественном составе и формировании сената в эпоху принципата).

выбывавших. Август опасался за свою жизнь, потому являлся в сенат с поддетым под одежду панцирем и при оружии. Принцепса охраняли десять преданных сенаторов, а подпускали к нему лишь поодиночке и предварительно обыскав¹⁴¹.

В своих деяниях Август специально указывает, что в 28 г. он проводил ценз вместе с Агриппой. Это должно было лишний раз подтвердить нежелание принимать какие бы то ни было чрезвычайные полномочия (RG 8. 1). В тяжелом 22 г., отказавшись от диктатуры, принцепс отверг предложение избрать его пожизненно цензором. Он настоял на избрании Эмилия Павла и Мунация Планка. Но они оказались небезупречны в своих поступках и неспособны справиться со своими обязанностями. Их значительную часть Августу все равно пришлось взять на себя¹⁴². Эмилий Павел и Мунаций Планк были последними частными лицами, избранными на должность цензора (в дальнейшем цензорами были некоторые принцепсы). Можно предположить, что сообщения Веллея Патеркула и Кассия Диона должны были объяснить, почему в 19 г. до н.э. Август все-таки согласился с собственным избранием на должность куратора нравов. Тогда же, и тоже на 5 лет Август принял обязанности цензора, как и пожизненные консульские полномочия (Dio LIV. 10. 5).

При рассмотрении событий 23–18 гг. обнаруживается непростая ситуация, в которой действовал принцепс. В смешанной конституции присутствовали республиканские органы и магистратуры. Но они оказывались неэффективны. Дело было не только в том, что Август урезал их прерогативы: магистраты оказались неспособны управлять Римом и его империей задолго до Октавиана. Мало того, Август постоянно сталкивался как со скрытым, так и с явным недовольством. Неумело организованные заговоры без ясной программы действий были не столь опасны, как пассивное сопротивление, чуть ли не переходящее в саботаж. Даже сторонники Августа понимали, что размытость ответственности на важнейших направлениях политики очень опасна. Это было причиной стихийных (или не совсем) бунтов не против, а за принцепса. Плебс требовал от Августа принятия тех или иных ординарных и экстраординарных полномочий, которые обеспечили бы четкость работы государственного аппарата.

¹⁴¹ Suet. Aug. 35. 1 sq.; Dio LIV. 12. 3. Светоний рассказывает о мерах предосторожности со ссылкой на Кремуция Корда. Кассий Дион в связи с чистками рассказывает об угрозах покушений, вспышках недовольства в сенате, заговорах и казнях (Dio LIV. 12. 3; 14. 2 f.; 15. 1–4).

¹⁴² Луций Мунаций Планк был братом проскрибированного, а Эмилий Павел и сам был тогда приговорен к смерти. Кассий Дион отметил, что это были два последних частных лица, избранных на данную должность, да и то, когда они поднялись на трибунал для того, чтобы приступить к своим обязанностям, тот рухнул (Dio LIV. 2. 1 f.). Веллей сообщает, что они провели цензорство в раздорах, будучи сами — один непригоден к этой деятельности, а другой — запятнан проступками, за которые судил других (Vell. II. 95. 3). Этот случай иллюстрирует неспособность политического класса Республики «править по-старому».

Важными мероприятиями, направленными на восстановление социальной структуры, были переписи гражданского населения. Октавиан-Август проводил их трижды. Заключительным актом был всегда люстр (*lustrum*) — обряд очищения, сопровождавшийся жертвоприношением. Он был особенно важен в 28 году до н.э., по завершении гражданских войн. К тому времени мероприятие не проводилось уже 40 лет, за которые число граждан выросло с 900.000 до 4.063.000 человек. Октавиан проводил этот ценз совместно со своим коллегой по консулату Агриппой, что подчеркивало «республиканский» характер его деятельности. Второй ценз в 8 г. до н.э. он проводил сам, третий, в 14 г. н.э., — вместе с Тиберием¹⁴³.

Возникает вопрос, как согласовать фактически единоличные цензуры, о которых сообщает Кассий Дион, и очень категоричное заявление в RG 6 о том, что когда в 19, 18 и 11 годах до н.э. сенат и народ единодушно избирали Августа куратором законов и нравов с высшей властью, он не принял этой должности, поскольку она противоречила обычаям предков. Тем не менее, следуя желанию сената, пишет Август, он выполнил намеченное, пользуясь властью народного трибуна. На наш взгляд, расхождения лежат как в различной природе источников, так и в разделяющем их промежутке почти в два с половиной столетия. Кассий Дион уже не различал все нюансы описываемых событий. Август оттенял выгодные ему аспекты своей деятельности, ему важно было подчеркнуть, что он не принял звучавшей злое для сенаторов должности «полновластного и единоличного куратора законов и нравов», которой обладал некогда Юлий Цезарь. Август мог обходиться без чрезвычайных полномочий, поскольку пользовался практически неограниченной поддержкой в различных слоях населения¹⁴⁴. Некоторая расплывчатость полномочий соответствовала сознательно сохранявшейся неопределенности

¹⁴³ RG 8.1–4. Cf.: Syme R. The Augustan aristocracy. P. 457 f.; Suet. Aug. 27. 5; Dio LIV. 10. 5, 30. 1. См.: Jones A. The censorial powers of Augustus // id. Studies... P. 21 ff. В литературе расходятся мнения по поводу столь резкого роста граждан, да еще в период войн, забравших многие тысячи жизней. Одни (Й. Белох, А. Тойнби, П. Брант и др.) предполагают включение в число граждан женщин и детей. Другие (Г. Пьерри, П. Брун и др.) указывают на то, что в отличие от установки нобилитета, не желавшего вводить новых граждан в центриатные комитисы, Август включил в общий счет списки местных цензоров. См. Kienast D. Augustus. S. 81 f. mit Anm. 14 (с лит.). Ценз 8 г. до н.э. был видимо увязан с административной реформой, по которой город Рим был разделен на 14 регионов и 265 вигов (см. раздел VIII.1). Он показал наличие 4.233.000 граждан. Общеперский ценз 14 г. н.э. смог учесть 4.937.000 граждан (RG 8). Эти переписи граждан следует отличать от введенных Августом провинциальных цензов, целью которых был учет населения провинций (без граждан) с целью упорядочить взимание налогов. Такая перепись упоминается в евангелии от Луки (Luc. 2.1–3). Сравн. раздел I.1 с примеч. 11.

¹⁴⁴ "...*curator legum ut morum summa potestate solus*". Уже *solus* подчеркивало нереспубликанский характер должности, навязывавшейся Августу, так как подразумевавшаяся магистратура цензора была коллегиальной. По всей вероятности, речь тогда шла о брачно-семейном законодательстве. Августу предлагалась высшая власть (*summa potestas*) для введения законов независимо от народа и сената. Но Август, как он сообщает далее, вполне обходился трибунской властью, посредством которой мог провести закон через народное собрание. При этом он подчеркивает, что получал по собственной просьбе коллегу с аналогичной властью (RG 6. 2). Это были в 18 и 13 гг. до н.э. Агриппа, а затем Тиберий.

правового статуса правителя. Их недостаток мог быть при необходимости компенсирован специальными привилегиями и *auctoritas principis*.

Полномочия Августа, которыми он пользовался в течение многих лет или пожизненно, не были постоянными. Они должны были, в соответствии с республиканскими традициями, обновляться или предоставляться ему вновь (исключением были трибунская власть и консульская власть). Одним из таких важнейших полномочий, обеспечивавшим контроль над ресурсами провинций и армией, был проконсульский империй. Предоставленный в 27 г. на 10 лет, он возобновлялся затем на 5 лет в 18 и 13 гг. до н.э., а затем еще три раза: в 8 г. до н.э., в 3 и 13 гг. н.э. — вновь по 10 лет¹⁴⁵.

В литературе существуют расхождения в отношении предназначения отдельных полномочий Августа. В 8 г. до н.э., пользуясь консульской властью (*consulari cum imperio*), Август проводил ценз. А. Джоунз отметил, что консульский империй — чересчур тяжеловесный инструмент для проведения ценза, предполагаются также иные мотивы. Джоунз указал на смерть Друза (9 г. до н.э.), который вместе с Тиберием много лет командовал войсками на севере. В этой же связи Э. Т. Сэлмон обратил внимание на необходимость личного присутствия Августа на фронте военных действий (Dio LIV. 6. 1). Кроме того, империй требовался для проведения набора в войско. Аналогичные полномочия понадобились Августу и позднее, когда надо было пополнить армию после Паннонского восстания и потери легионов в Тевтобургском лесу¹⁴⁶.

Август стремился проводить назревшие мероприятия и реформы в рамках конституции и законности. Этим объясняются периодические избрания на высшую магистратуру, несмотря на имевшиеся и без того трибунские полномочия и консульскую власть. Август еще дважды, в 5 и 2 гг. до н.э., становился консулом. Официальной (она же может считаться общепринятой в литературе) мотивировкой было желание принцепса со всеми почестями ввести в политическую жизнь своих внуков, Гая и Луция (Suet. Aug. 26; Dio IV. 9. 9). Не исключены и другие соображения. Г. Ф. Пэлхем указал на необходимость возобновления проконсульских полномочий¹⁴⁷. Сэлмон привел ряд аргументов в пользу того, что именно в 5 г. до н.э. был введен порядок предварительного отбора кандидатов на должности (*destinatio*), который должен была помочь продвижению «новых людей», преданных императору¹⁴⁸. Судя по консульским фастам, во 2 г. до н.э. сроки консульств окон-

¹⁴⁵ Dio LIII. 13. 1, 16. 2; LIV. 12. 4 sq.; LV. 6. 1, 12. 3; LVI. 28. 1. См.: Wickert L. *Principes*. Sp. 2270 ff.

¹⁴⁶ См.: Jones A. *The imperium of Augustus* // JRS. Vol. 41. 1951. P. 118; Salmon E. T. *The evolution...* P. 473–474.

¹⁴⁷ Перечисление консульств Августа см. у Светония (Suet. Aug. 26). Сравн.: Pelham H. F. *Essays on the Roman History*. Oxf., 1911. P. 63–65. Cf. Salmon E. T. *The evolution...* P. 474.

¹⁴⁸ Salmon E. T. *Op. cit.* P. 476. Вопрос о воздействии императора на ход выборов магистратов заслуживает специального рассмотрения. Здесь придется ограничиться констатацией, что и в этой области Август

чительно определились в шесть месяцев (ординарии вступали в должность 1 января, суффекты 1 июля)¹⁴⁹. Это было еще одним из признаков относительной стабилизации государственной системы.

Распространено мнение, что решения Августа легко проводились через послушный сенат. Если даже так, важно, что всесильный принцепс не мог игнорировать формальности. Подмечено, что он относился к процедурам собственного избрания или продления полномочий со всей серьёзностью. Август (как и Агриппа) для этого всегда появлялся в Риме: не только, чтобы избежать неожиданностей, но в знак уважения к сенату — одному из оплотов «восстановленной республики».

Август никогда не позволял себе пренебрегать конституционными процедурами, пусть буква установлений соблюдалась не всегда. Неудобные правила аккуратно обходились, другие слегка видоизменялись, вводились новые процедуры и нормы. Но в противоположность времени триумвирата, произвола или диктата по отношению к коллегиальным органам смешанной конституции не допускалось. Прохождение самим Августом процедур выборов в консулы или утверждения проконсульских полномочий должны были укрепить доверие к «республиканской» идеологии принципата. Подчеркнутое уважение к законности было данью концепции (а не только пропаганде) «восстановленной республики», которая лежала в основе всех его преобразований. Август не хотел своим примером разрушать то, что им же создавалось с таким трудом и терпением.

Для успеха преобразований и стабильности их результатов был важен стиль обращения принцепса с окружающими, предписанный его статусом «первого среди равных». «Обходительность» Августа лежала в лучших традициях римской политической культуры (см. также IV. 7). Чтобы справляться с ролью военачальника и быть избранным на высшие должности, обеспечить лояльность провинциалов и поддержку своей клиентелы, аристократ должен был обладать, наряду с *virtus* и *severitas*, такими качествами, как *clementia*, *liberalitas*, *humanitas* и подобными им. Неизменно уважительное отношение принцепса к согражданам, а особенно к коллегам-сенаторам, давало им возможность сохранять своё лицо и должно было несколько подсластить горечь расставания с *libertas*¹⁵⁰.

Признанием особых заслуг перед Римским народом и «республикой» стало дарование Августу во 2 г. до н.э. титула «Отца отечества» (*pater patriae*).

действовал не путем кардинальных нововведений: он использовал давно известные формы поддержки видными республиканскими политиками своих родственников, клиентов и «друзей», вроде *suffragatio*.

¹⁴⁹ См.: Fasti consulares. Ординарии (*consules ordinarii*) давали имя году, их статус был более почетным. Суффекты (*suffecti*) сменяли их, как правило, по прошествии полугода. См.: Syme R. The Augustan aristocracy. P. 455–458.

¹⁵⁰ Kloft H. *Liberalitas principis: Herkunft und Bedeutung. Studien zur Prinzipatsideologie*. Köln etc., 1970. S. 35–72 (II. Die Freigebigkeit in Rom), 73–84 (III. Liberalitas des Augustus).

Сообщение об этом, как о венце всей его карьеры, включает текст знаменитых Августовых «Деяний»¹⁵¹. Речь идет об очень важном моменте развития принципата, знаменовавшем очередной этап в его идеологическом оформлении. Вряд ли однако можно согласиться с мнением Э. Т. Сэлмона, что тем самым государственная система получила тогда «завершенную, аутентичную форму»¹⁵². Даже если иметь в виду только правление Августа, то предстояло еще многое предпринять, в частности, в «династической» политике. Тем более неправомерно утверждение, что принятие титула *pater patriae* означало открытое провозглашение монархии. Этот титул, также как обращение «принцепс» или звание «Август», не подразумевал конкретных полномочий и вообще не был государственно-правовым¹⁵³.

Ни один из титулов, так же, как и любое полномочие или иной элемент *statio principis*, взятые в отдельности, вне социально-политического контекста, не имели определяющего значения. Специфика основанной Августом политической системы заключалась в том, что для оформления исключительного положения одного человека использовались главным образом традиционные, пришедшие из времен Республики институты и обозначения. Не добавление должностей или титулов меняло характер государственной власти — но перерождение постоянно обновлявшейся структуры власти на основе глубинных метаморфоз, происходивших в обществе, по большей части незаметно для действующих лиц, преображало смысл, казалось бы давно известных понятий и прерогатив. К их числу относился и титул «Отца отечества». Подобной чести уже удостаивались, правда очень немногие, выдающиеся герои Республики за спасение Города. Это отличие легко вписывалось в идеологию «восстановления республики». Ведь Август выступил как «спаситель», которому Рим и его граждане были обязаны жизнью¹⁵⁴.

¹⁵¹ RG 35. 1, comp: fasti praen. (5 февраля); ILS 8744a; Ovid. fast. II. 127; Suet. Aug. 58. 1; Dio LV. 10. 10.

¹⁵² Salmon E. T. The evolution... P. 436.

¹⁵³ Мысль о монархическом характере звания Отца отечества в различных вариациях высказывалась Сэлмоном (Salmon E. T. The evolution... P. 437–438). К примеру: «Если какой-либо титул или почесть и обнаруживает монархический статус Августа, то именно этот» (ibid. P. 437). Сэлмон, в частности, указывает, что подобно тому, как семья была во власти отца семейства (*potestas patri familias*), так и государство во власти *pater patriae*. При этом он ссылается на Страбона, сравнивавшего властителя римского государства с отцом (Strabo VI. 4. 2; cf.: Dio LII. 18. 3). Монархический характер власти Августа, в том числе в связи с титулом *pater patriae*, подчеркивали также А. Премерштейн и А. Альфельди (Premerstein A. Der Werden... S. 116 ff.; Alföldi A. Die Geburt der kaiserlichen Bildsymbolik. III. Parens patriae, 1 // MH. Bd. X. 1953. S. 103–124). А. Джоунз, напротив, считал *pater patriae*, наряду с *Augustus* и *pontifex maximus*, чисто символическими титулами (Jones A. Studies... P. 16). Собственно, и Сэлмон признает, что титул *pater patriae* был почетным, ничего не добавляя к юридическим полномочиям (Salmon E. T. Op. cit. P. 436–437; cf.: Mommsen Th. Römisches Staatsrecht³. Bd. II. S. 780). Действительно, в отличие от *pater familias*, титул *pater patriae* не имел юридического значения, что исключает прямую аналогию. Сравн.: Смирин В. М. Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян // Культура Древнего Рима. Т. 2. М., 1985. С. 5 слл.

¹⁵⁴ Отцом отечества (*pater patriae*, ранняя форма — *parens patriae*) был, например, некогда провозглашен Камилл (Liv. V. 49. 7, он имел также почетное имя второго Ромула), позднее — Юлий Цезарь (Suet. Iul. 85; Dio XLIV. 4. 4, см. раздел III.2 слл.). Цицерон величался друзьями Отцом отечества после пода-

Вопрос состоит не только в том, почему звание «Отец отечества» было даровано основателю принципата во 2 г. до н.э., но и в том, почему это не было сделано ещё в 27 г. Разумеется, дело не в пришедшем вдруг решении «установить монархию», а в изменении обстановки. Титул «Отец отечества» был скомпрометирован в период пропагандистской борьбы вокруг наследия Цезаря. Долгое время препятствием служила также молодость Октавиана, который вступил в гражданскую распрю в качестве сына Юлия Цезаря¹⁵⁵. Даже предоставленное в 28 г. звание *princeps senatus* предполагало гораздо более солидный возраст. В такой ситуации претензии на титул «Отца отечества» не только выглядели бы вызовом общественному мнению, но и стали бы поводом для насмешек. Принятие титула *pater patriae* при игнорировании двух необходимых предпосылок: общепризнанных заслуг перед отечеством и солидного возраста — могло быть воспринято как явное проявление «тирании»¹⁵⁶.

Четверть века изменили ситуацию. Принцип Августа — «поспешать, не торопясь»¹⁵⁷, присущее ему чувство меры и такт позволили в этом, как и в других случаях, избежать конфликта с идеологией *res publica restituta*. Жертвуя сиюминутным успехом, он обеспечивал долговременный результат. Судя по всему, Август понимал, что титул или полномочие эффективны лишь в соответствующей системе общественных отношений. Его статус «первенствующего» в коллективе сограждан (*status principis*), как и магистратские полномочия, предоставленные сенатом титулы, действовали только в «республике», в данном случае, в форме *rei publicae restitutae*. Это было одной из причин того, что Август стремился восстановить «республику», её традиции и то, на чём она всегда держалась — «древние нравы».

вления заговора Катилины (Cic. Pis. III. 6; Sest. 121). О значении различных имен и титулов Августа см. также раздел VII.4.

¹⁵⁵ Как курьез можно вспомнить, что Цицерон называл Октавиана Отцом отечества в 43 г. до н.э. (Cic. Phil. XIII. 25. Сравни. раздел IV.8 с примеч. 235 и VII.6).

¹⁵⁶ Не случайно Тиберий, подчеркивая республиканский характер своей власти, отказался от звания *pater patriae*, как и от имени *Imperator*: Suet. Tib. 26. 2 (сравни.: 50. 3 — отверг *"mater patriae"* для Ливии); Tac. ann. I. 72. 2; Dio LVIII. 8. 1, LVIII. 12. 8 etc.

¹⁵⁷ Suet. Aug. 25, где Светоний приводит еще две излюбленные поговорки Августа, на греческом (в том числе стих из Еврипида, «Финикиянки» 599) и на латинском языке, аналогичного содержания. Еще одним примером не только «неторопливости», но и «республиканизма» Августа является его нежелание смещать Лепиду с поста верховного понтифика. Он вступил на него лишь в 12 г. до н.э., после смерти бывшего коллеги по триумvirату. И это уважение к традициям было одной из причин широкой поддержки граждан, которые в огромном количестве собрались со всей Италии (RG 10; Dio LIV. 27.2). Cf. Bowersock G. W. The pontificate of Augustus // Raafaub K. (ed.) Between... P. 380–394.

V.7. «Династическая политика» Августа

Усилия Августа, направленные на обеспечение преемственности власти, рассматриваются как одно из свидетельств монархического характера государства¹⁵⁸. Наличие и укрепление монархической составляющей нового режима (превосходящего влияния-власти Цезаря Августа) вряд ли может вызвать сомнения. Но учрежденная в Риме и Италии новая государственность отнюдь не была типичной монархией. С государственно-правовой точки зрения это была сохранившая преемственность с Римской республикой смешанная конституция.

Еще одной особенностью, не позволяющей безоговорочно называть «принципат» монархией, было отсутствие установленного порядка передачи власти по наследству¹⁵⁹. Неопределенность в данной области порождает непростую дилемму. Следовало, не нарушая конституцию, обеспечить стабильность и преемственность власти. Неудивительно, что современным исследователям затруднительно определить характер единоличной власти Августа. В Риме тогда (и позднее) не было не только закона о престолонаследии. Не было и «престола», который следовало или можно было занять. «Принципат», как уже отмечалось, имел персональный характер и по сути своей наследоваться не мог (см. раздел V.1). Поэтому не было и династической политики в буквальном смысле¹⁶⁰.

Август стремился передать свои позиции в государстве достойному преемнику. И это, кроме личных амбиций, было обусловлено государственными

¹⁵⁸ См. напр., раздел «Династическая политика» в книге Н. А. Машкина «Принципат Августа». С. 535 слл. Конституция отсутствия законодательства, устанавливавшего порядок престолонаследия, автор исходил из того, что «признание монархии влекло за собой и признание права императора передавать власть по наследству» (С. 535). На наш взгляд, здесь наглядно проявилась характерная ошибка: из наличия монархии выводится «династическая политика», которая в свою очередь подтверждает монархический характер государства в целом (сравн. также: Шифман И. Ш. Цезарь Август. С. 125–135. Парфенов В. Н. Юлии или Клавдии: Август и проблема наследования принципата // Из истории античного общества. Вып. 6. Новгород, 1999. С. 90–111.). Важнейшие правовые и конкретно-исторические аспекты наследования верховной власти в эпоху принципата рассматривались также в специальных работах: Hammond M. The transmission of the power of the Roman emperor from the death of Nero in A. D. 68 to that of Alexander Severus // MAAR. 1956. 24. P. 61–132; Parsi B. Designation et investiture de l'empereur romain (Ier-IIe siècle apres J.-C.). P., 1962; Timpe D. Untersuchungen zur Kontinuität des frühen Prinzipats. Wiesbaden, 1962; Dettenhofer M. Herrschaft... etc.

¹⁵⁹ О порядке наследования власти в эпоху принципата см.: Mommsen Th. Staatsrecht... Bd. II. S. 1135; Premerstein A. Vom Werden... S. 267; Wickert L. Princeps. Sp. 2137; Rainer J. M. Römisches Staatsrecht. Darmstadt, 2006. S. 214–220.

¹⁶⁰ Монархия — форма правления, при которой источником власти является одно лицо (царь, император, король), а власть передается по наследству. Под династией обычно понимается «ряд монархов одного рода, последовательно сменявших друг друга на троне по праву наследования» (Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2009). Ситуация в рассматриваемое время явно не вписывается в эти определения. Источником власти в Риме оставался Римский народ. «Наследование принципата» было тогда немыслимо примерно так же, как сегодня — звание лауреата какой-либо премии или олимпийского чемпиона. Примерно то же — с наследованием титулов «император» или «Отец отечества» (см. также раздел VII.4).

ми резонами. Надежда на коллективный разум сената и народа рассеялась давно. Предоставить с таким трудом устроенный государственный корабль воле политических волн было бы преступным. Передача эстафеты кому-то из членов семьи была желательна не только из честолюбия. Имя Цезарей было окружено магической аурой и становилось первоначальным политическим капиталом преемника. Примером могли служить первые шаги Октавиана-Августа. В то же время ни о каком официальном назначении наследника не могло быть и речи. В 23 году, когда Август после выздоровления хотел зачитать сенаторам свое завещание, он обозначил свою позицию в этом вопросе. Ведь подозрения в назначении преемника (и на каком посту?) могли инициировать эффект, сравнимый с тем, что вызвало обнародование завещания Антония в 32 г. Под ударом могла бы оказаться вся «республиканская» конструкция Августа. С другой стороны, отсутствие преемственности власти грозило вновь ввергнуть Рим в пучину гражданских войн. Итак, следовало без формального назначения политического наследника обеспечить переход власти в надежные руки. Как могло выглядеть решение проблемы в рамках традиционных установлений и в согласии с «республиканской» идеологией нового режима?

Ранее было отмечено, что в римской политической мысли важнейшая граница проходила не между монархией и республикой, а между «республикой» и «не республикой» (см. разделы IV.4 сл.). В основе «республики» лежали общие интересы граждан (*res publica*), охраняемые законами. Единоличная власть-влияние принцепса, который был попечителем «восстановленной республики», не вызывала в системе этих понятий никаких сомнений, и усилия Августа по сохранению преемственности власти в рамках «новой смешанной конституции» были оправданы и легитимны. Требовалась достойная кандидатура, выбор которой рассматривался как обязанность Августа. Кроме того, подразумевалась «республиканская» процедура закрепления статуса опекуна и гаранта «республики», в которой бы участвовал носитель суверенитета — *senatus populusque Romanus*. И в самом деле, на эту теоретическую схему ориентировались легальные процедуры вступления во власть последующих принцепсов-императоров.

Первые попытки обеспечить преемственность управления государством Август начал предпринимать по крайней мере уже после урегулирования 27 года. На соответствующие мысли наталкивало собственное слабое здоровье (Suet. Aug. 81). На протяжении жизни Август дважды чудом избежал смерти от удара молнии. Не раз присутствовала угроза покушения. Согласно римским обычаям, он руководствовался двумя важнейшими критерия-

ми выбора кандидата на роль принцепса. Первый — выбор достойнейшего и имеющего наибольшие заслуги перед государством. Второй принцип заключался в том, что главным наследником становился сын или по крайней мере кто-то из членов семьи. Август стремился сочетать оба критерия отбора. Правда, положение в семье не предоставляло широкого выбора, тем более, что сына у него не было.

Октавиан-Август женился три раза. Для упрочения триумvirата он скорее по желанию войска, чем по собственному, заключил брак с Клодией (расторгнув для этого обручение с Сервилией, дочерью П. Сервилия Исаврика). Клодия была падчерицей Антония и дочерью его жены Фульвии от ее первого брака с печально известным народным трибуном 58 г. до н.э. Публием Клодием Пульхром. Клодии не было тогда еще и 12 лет (конец 43 г.). Через два года, разводясь с ней, Октавиан заверил под присягой, что фактически брака не было (Suet. Aug. 62.1). После этого он женился на Скрибонии, которая была значительно старше Октавиана и имела уже от двух браков с консулярами из рода Корнелиев нескольких детей. Тогда у них родилась дочь Юлия (Старшая). Но и со Скрибонией Октавиан расстался, «устав от ее дурного нрава» (цитату приводит Светоний, *ibid.* 62.2). Вскоре он женился на Ливии Друзилле (17 января 38 г.), отобрав её, беременную Друзом, у Тиберия Клавдия Нерона. Старшим сыном Ливии был будущий император Тиберий, родившийся еще в 42 г. до н.э. Друз (Старший) появился на свет 14 января 38 г. до н.э., через 3 месяца после развода родителей и за 3 дня до официальной женитьбы Августа на его матери. Ходившие слухи о том, что Друз — сын Августа, недостаточно обоснованы¹⁶¹.

Не имея сыновей (а от Ливии — вовсе детей), Август обратил взгляд на ближайших родственников. В 25 г. он выдал дочь Юлию за своего племянника Марка Клавдия Марцелла¹⁶². Марцелл был введен в сенат, получил эдильство и право быть избранным консулом на 10 лет ранее установленного возрастного ценза. Аналогичные привилегии (в усеченном виде) получил пасынок Августа Тиберий.

¹⁶¹ Тиберий Клавдий Нерон был мужем Ливии Друзиллы. Их сыновьями были будущий император Тиберий и Друз. Тиберий Клавдий Нерон воевал против Октавиана в Перузинской войне (41–40), помилован Октавианом в 39, умер в 33 г. до н.э. См.: Gundel H.G. *Claudius* 23 // KP. Bd. I. Sp. 1208. О Ливии и ее детях см.: Suet. Aug. 62. 2, 63, cf. 69. 1 sq.; Tib. 4. 3; Claud. 1. 1; Dio XLVIII. 44. 1–5; Vell. II. 96. Друз был рожден в доме Октавиана, но Тиберий Клавдий Нерон признал его сыном, так что Октавиан почти сразу отправил младенца к нему в дом. В современной литературе вопрос об отцовстве продолжает дискутироваться. В. Н. Парфенов заметил, что Август не женил Друза на своей дочери от второго брака Юлии, поскольку этот брак был бы кровосмесительным (Император Цезарь Август... С. 128). Ряд аргументов в пользу отцовства Октавиана вновь выдвинут в статье: Barbos A.-R., Nedu D. *Livia Drusilla's marriage with Octavian and Drusus Maior's paternity* // *Danubius*. Vol. 31. 2013. P. 15–29.

¹⁶² Марцелл был сыном сестры Августа Октавии от первого брака с Гаем Клавдием Марцеллом, также видным «республиканцем» и противником Цезаря. Детям, внукам в доме Августа и его усилиям по воспитанию потенциальных наследников Светоний посвятил 4 главы: Suet. Aug. 63–65.

Илл. V.3. Портрет Марцелла (справа). Илл. V.4. Портрет Ливии (слева)

23 год до н.э., когда состоялось второе «урегулирование», оказался важным и для «династической» политики Августа. На принцепса обрушилась тяжелейшая болезнь. Будучи при смерти, он передал перстень с печатью Агриппе, а государственные счета — консулу Пизону (Dio LIII. 30. 2). Именно тогда Август со всей серьезностью задумался над необходимостью обеспечить плавный переход власти в случае смерти. В конце лета того же года неожиданно умер Марцелл (Dio LIII. 33). Наиболее подходящим претендентом на роль преемника был Агриппа. Поэтому Август, разведя его предварительно с дочерью Октавии Марцеллой, женил на вдове Марцелла Юлии (Suet. Aug. 63; Plut. Ant. 87). Со временем Агриппа получил важнейшие полномочия, которые ставили его, по мнению некоторых исследователей, в положение соправителя: *imperium proconsulare* и *tribunicia potestas*¹⁶³. Августа не смутило, что Агриппа не мог похвастаться знатным происхождением (по римским понятиям он, как зять, стал членом фамилии принцепса).

После смерти Агриппы (12 г. до н.э.) принцепс приблизил к себе и ранее не оставшихся без внимания пасынков (сыновей Ливии) — Тиберия и Друза

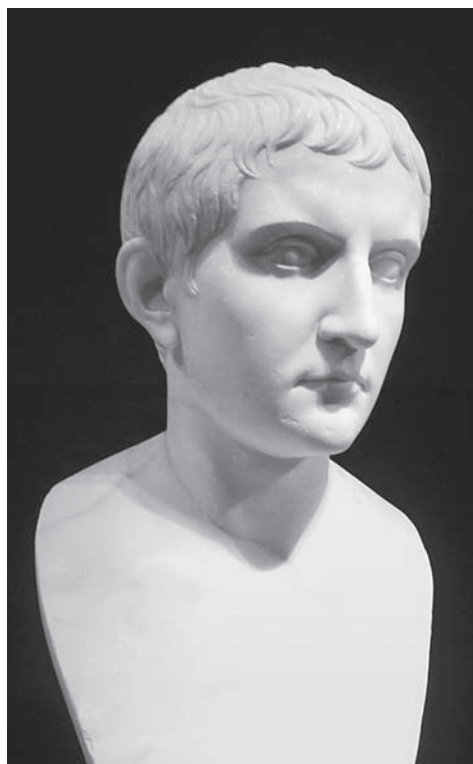
¹⁶³ Dio LIV. 12. 2 sqq.; 28. Автором теории «двойного принципата» был Э. Корнеманн: Kornemann E. Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium Romanum. Leipzig; Berlin, 1930 (Gröningen, 1968?), сравн.: Машкин Н.А. Принципат Августа. С. 537. См. также: Bringmann K. Imperium proconsulare und Mitregentschaft...

Илл. V.5. Друз Старший

Клавдиев Неронов, которые успешно командовали войсками в Паннонии и Германии. Август принудил 30-летнего Тиберия развестись с женой Випсанией Агриппиной и жениться на вновь овдовевшей Юлии (11 г. до н.э.)¹⁶⁴. К большому горю Августа, Друз, женатый на племяннице Августа Антонии (дочь Октавии от М. Антония), умер в 9 г. до н.э.¹⁶⁵

Еще раньше Август усыновил двух своих внуков, детей Агриппы и Юлии — Гая и Луция Цезарей (Suet. Aug. 64; Dio LIV. 8. 18). Принцепс всячески способствовал ускоренному прохождению ими ступеней политической карьеры: они еще подростками получили право присутствовать на заседаниях сената, всадники выбрали их предводителями юношества (*principes iuventutis*), в обход всех возрастных ограничений Гаю и Луцию предоставлялись магистратуры (RG 14. 1). В честь юных Цезарей были отчеканены монеты, имевшие особенно широкое хождение в Восточных провинциях¹⁶⁶. Им были предоставлены и другие привилегии, в частности, разрешено уже в двадцатилетнем возрасте отправлять консулат¹⁶⁷. Было ясно, что Август готовит преемников.

Брак Тиберия с Юлией был неудачным. Усиленное продвижение Луция и Гая показывало, что ему отводится второстепенная роль, и Тиберий уда-

¹⁶⁴ Suet. Tib. 7. 2 sq.; Dio LIV. 35. 4. Випсания Агриппина была дочерью Марка Випсания Агриппы от Помпони, дочери Помпония Атика, друга Цицерона.

¹⁶⁵ См.: Vell. II. 96; Suet. Aug. 63; Suet. Tib. 7; Dio LIV. 35.

¹⁶⁶ О Тиберии, а также Гае и Луции Цезарях как наследниках Августа см.: Hurlet F. Les collègues du prince sous Auguste et Tibère: de la légalité républicaine à la légitimité dynastique. Rome. 1997. P. 79–162, 415–484; Levick B. Julians and Claudians // G&R n.s. Vol. 22. 1976, P. 29–38; id. Tiberius the Politician. L., 1999²; Bowersock G. W. Augustus and the East: Problems of Succession // Millar F., Segal E. (eds.). Caesar Augustus: seven Aspects, Oxf., 1984. P. 169–188.

¹⁶⁷ Предоставленные Гаю и Луцию Цезарям привилегии: RG III. 14; Tac. ann. I. 3; Suet. Aug. 64. 3; Dio LIV. 8. 5, 27. 1, LV. 6. 4, 9. 2.

лился из Рима (6 г. до н.э.). Его пребывание в течение нескольких лет на Родосе было своего рода ссылкой. Тем временем поведение Юлии, подозревать которую имел основания еще Агриппа, становилось просто скандальным. Август принял решение развести ее с Тиберием и сослать, в соответствии с законами о супружеской измене, на один из пустынных островов (2 г. до н.э.). Жестоко были наказаны соучастники оргий, в т.ч. Юл Антоний, сын триумвира. А через три года был возвращен в Рим Тиберий, вначале при условии не принимать участия в государственных делах¹⁶⁸.

Август распоряжался судьбами своих близких, не считаясь с их желаниями. В какой-то мере его действия оправдывались «государственными интересами». Принцепс хотел обеспечить переход власти к наследнику, а также предотвратить покушения на собственную жизнь. Что было главным для принцепса в данном случае: интересы «республики», которая в противном случае могла опять погрузиться в пучину гражданских войн, или стремление сохранить власть за собственной семьей? То и другое были в тех условиях нераздельны. Не было безответственного протектирования членам семьи — напротив, они принуждались подчас к болезненным жертвам во имя государства. Сам начав с браков по расчету, Август трижды, не считаясь ни с чьими желаниями, выдавал замуж дочь Юлию. Также другие браки совершались по воле *pater familiae*. Но это не противоречило обычаям, сложившимся в республиканском Риме. В результате правящий дом оказался породненным с самыми влиятельными родами: Клавдиями, Корнелиями, Сципионами, Эмилиями Лепидами, Валериями и Фабиями¹⁶⁹. Это была не только тактика, преследующая семейные интересы, но и стратегия, направленная на обеспечение преемственности нового режима с «древней республикой», на консолидацию политического класса.

Против принцепса, казалось, ополчилась сама Фортуна, наносившая ему удар за ударом. Последовавшая вскоре смерть Луция, а затем и Гая Цезаря (2 и 4 гг. н.э.) вновь со всей остротой поставила вопрос о преемнике. Ливия, пользовавшаяся все большим влиянием на Августа, всеми силами поддерживала своего сына Тиберия. В 4 г. н.э. император усыновил его. Тиберий получил *imperium* и *tribunicia potestas*, став главным претендентом на роль наследника престола. По-видимому, империй был особый, как у самого Августа. За этим последовала высылка из Рима двух из оставшихся в живых детей Агриппы и Юлии — Агриппы Постума и Юлии Младшей (в 7–8 гг. н.э.). Первого наказали за «тяжкий и строптивый нрав» (возможно, имелась

¹⁶⁸ См. Suet. Tib. 7. 2 sq., 11. 4–14. 1; Vell. 103. 1 sq. etc.; Sattler P. Julia und Tiberius // Studien aus dem Gebiet der alten Geschichte. Wiesbaden, 1962. S. 1–36, bes. S. 23–36 (о процессе над Юлией и возвращении Тиберия).

¹⁶⁹ См. Syme R. The Roman revolution... P. 379.

Илл. V.6. Ливия Друзилла – Юлия Августа

в виду душевная болезнь); Юлия, подобно своей матери, обвинялась в нарушении законов против адюльтера. В литературе по необходимости кратко изложенные здесь события не без оснований связываются с борьбой за власть внутри императорской семьи, в частности, с растущим влиянием Ливии¹⁷⁰. Следуя за кульминацией Августова «принципата» во 2 г. до н.э., они знаменуют его заключительный этап: с истощением созидующих способностей стареющего творца режим обнаруживал имманентно присущие ему антагонизмы¹⁷¹.

Положение Тиберия упрочивалось благодаря военным успехам. В последнее десятилетие принципата Августа он являлся самым видным полководцем Империи. К моменту смерти принцепса Тиберий (как и сам Август) обладал двумя важнейшими полномочиями: проконсульским империем и трибунской властью. Вместе с Августом он в мае 14 г. проводил ценз сената и перепись населения¹⁷². По завещанию Тиберий стал главным наследником имущества императора¹⁷³. Переход к нему верховной власти оказался практически предпрешенным. Ход событий после смерти Августа (19 августа 14 г. н.э.) подтвердил это. Не было ни «республиканской» оппозиции, ни реаль-

¹⁷⁰ См.: Dettenhofer M. H. *Herrschaft und Widerstand im augusteischen Prinzipat*. S. 180 ff., 185 ff. Severy-Hoven B. *Augustus and the family at the birth of the Roman empire* N. Y., L., 2000. P. 62 ff., 77 f.

¹⁷¹ Изложенные здесь коспективно события обросли обширной литературой, в которой глубоко и всесторонне исследованы как отдельные аспекты, так и общие проблемы преемственности власти при Юлиях-Клавдиях: Syme R. *The crisis of 2 B.C.* München, 1974 (= id. *Roman papers*. Oxf., 1984. Vol. III); id. *The Roman aristocracy*. Oxf., 1986. P. 119 f.; Lacey W. K. *2 B.C. and Julia's adultery* // *Antichthon*. 1980. Vol. 14. P. 127–142; Ferril A. *Augustus and his daughter: a modern myth* // *Studies in Roman literature and Roman history*. Ed. C. Deroux. Brussels, 1980. Vol. 2. P. 332–346; Levick B. *Tiberius' retirement to Rhodes in 6 B.C.* // *Latomus*. T. 31 (3). 1972. P. 779–813; id. *The fall of Julia the Younger* // *Latomus*. T. 35. 1976. P. 301 ff.; id. *Julians and Claudians* // *G & R*. Vol. XXII(1). 1975. P. 29–38; Meise E. *Untersuchungen zur Geschichte der Julisch-Claudischen Dynastie*. München, 1969; Kienast D. *Augustus*. S. 114 ff.; Raaflaub K. A., Samons L. J. *Opposition to Augustus*. P. 428–431 etc.

¹⁷² Август подчеркнул, что провел этот ценз вместе со своим сыном Тиберием Цезарем (RG 8. 4).

¹⁷³ Suet. Aug. 101. 2; сравн. Vell. II. 121. 1, 123.

ных конкурентов. Власть шла к Тиберию как бы сама собой, и оставалось лишь умело подхватить ее. Немаловажную роль сыграла поддержка Ливии. Не останавливаясь на всех перипетиях событий, отметим, что наибольшие видимые осложнения возникли в паннонских и рейнских легионах. Возникшие бунты удалось усмирить собственными силами и привести к присяге благодаря твердости полководцев — Друза Младшего и Германика¹⁷⁴.

Заседание сената 17 сентября, на котором власть Тиберия получила оформление и юридическую санкцию, многие исследователи, следуя за Тацитом, рассматривают как формальность, ничего в сущности уже не способную изменить, а отказ Тиберия от верховной власти — как притворство и лицемерную игру¹⁷⁵. Но Тиберий ориентировался на «республиканскую» идеологию режима. Он следовал примеру самого Октавиана-Августа, сложившего с себя чрезвычайные полномочия и отказавшегося от власти, чтобы получить все необходимое уже на конституционных основаниях от сената и народа (см. раздел IV.9). Затянувшаяся до пародийности (усиленной Тацитом) процедура частично объясняется характером Тиберия. К тому же он осторожничал, вспоминая судьбу Юлия Цезаря¹⁷⁶. Но по большому счету, инсценировка требовалась для легитимации власти. Уговоры сената сыграли роль суррогата одобрения всего гражданского коллектива. Вся процедура должна была означать, что Тиберий против своей воли, по настоянию сената и воле народа принимает тяжкую ношу ради «республики». «Отказ от власти» (*recusatio imperii*), по описанию Веллея Патеркула напоминавший театральное действие, стал необходимым элементом «инвеституры» в период Ранней Империи¹⁷⁷.

Переход власти к Тиберию окончательно открыл глаза на монархический аспект власти принцепсов, и в этом смысле явился одним из важнейших эпизодов истории раннего принципата. В то же время частично сохраняв-

¹⁷⁴ Об обстоятельствах, сопровождавших вхождение Тиберия во власть, и в частности, о бунтах легионеров см. Tac. ann. I. 7, 16–49, cf.: Schmitt H. H. Der pannonische Aufstand des Jahres 14 n. Chr. und der Regierungsantritt des Tiberius // Historia 1958. VII. S. 378–383; Flash D. Der Regierungsanfang des Tiberius // Historia Bd. 22. 1973. S. 552–569; Shotter D. C. A. Julians–Claudians and the accession of Tiberius // Latomus. T. 30, 4. 1971. P. 1117–1123; Kienast D.: Der Regierungsantritt des Tiberius // Lagom (Festschrift Peter Berghaus), hrsg. von Th. Fischer–P. Ilisch. Münster, 1981. S. 41 ff. = Kleine Schriften. S. 413 ff.; etc. Значение присяги в исторической перспективе см.: Herrmann P. Der römische Kaisereid. Göttingen, 1968. Сравн. о значении присяги для Октавиана в 32 г. в разделах III.7 и V.8.

¹⁷⁵ Tac. ann. I.7, 11–14, cf. 46. Cf.: Marsh F.B. The reign of Tiberius. Oxf., 1931; Camb., 1959². P. 45 f. Подробнее о *recusatio* Тиберия см. VII.1. О необъективности Тацитовой трактовки принципата Августа см. раздел IX.3.

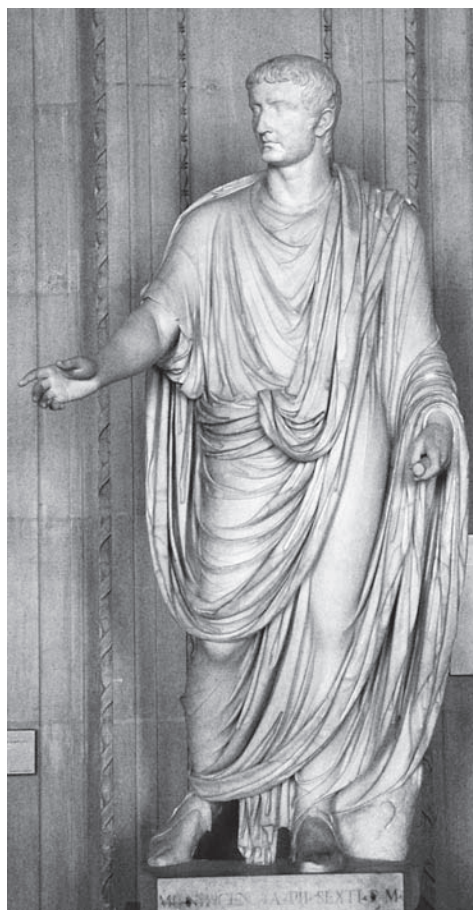
¹⁷⁶ Светоний передает слух, характеризующий как занудство Тиберия, так и чувство юмора, присущее Августу. После одной из тайных бесед с Тиберием Август произнес про себя: «Бедный римский народ, в какие он попадет медленные челюсти!» (Suet. Tib. 21. 2, перевод М. Л. Гаспарова, cf.: Tac. ann. I.7 — о медлительности Тиберия в речах, но также о его страхах, в частности, по причине роста популярности Германика, находившегося во главе рейнских легионов).

¹⁷⁷ Vell. II. 124. 2. В то же время Тацит указывает, что Тиберий считался с общественным мнением (Tac. ann. I. 7). См. также: Huttner U. Recusatio Imperii: Ein politisches Ritual zwischen Ethik und Taktik. Hildesheim etc., 2004.

Илл. V.7. Тиберий как принцепс, в тоге гражданина (*togatus*), первые годы после смерти Августа

шаяся ориентация на гражданские принципы и стремление соблюсти «республиканский» церемониал соответствовали как политическому мировоззрению правящего класса, так и ценностям, на которые, вслед за Августом, ориентировался в начале своего правления новый принцепс¹⁷⁸.

Многочисленные усилия Августа в поисках наследников дают возможности определить критерии персонального выбора. Предварительным условием была принадлежность к семье и личная преданность. Из кандидатур, отвечавших этому, а также ряду других признаков (пол, возраст, карьера и заслуги), претенденты отбирались по личным качествам. Так, был исключен из числа возможных преемников внук Августа, Агриппа Постум¹⁷⁹. Особенности характера, но возможно также политические взгляды поставили вне политики сына Друза, Клавдия¹⁸⁰. Об ответственном отношении к дальней-

¹⁷⁸ О принцепате Тиберия, его «республиканизме» и приверженности, по крайней мере на первых порах, курсу Августа, см.: Егоров А. Б. Рим на грани эпох... с. 130–157; Kornemann E. Tiberius. Stuttgart, 1960; Timpe D. Untersuchungen zur Kontinuität...; Seager R. Tiberius. L., 1972; Prinz H. Tiberius: Der Republikaner auf dem Caesarenthron (Biogr.). München, 1980; Levick B. M. Tiberius the politician. L., 1976, 1999² (перераб. изд.); Storoni Mazzolani L. Tibère ou la spirale de pouvoir (trad. de l'ital.). P., 1986; Ober J. Tiberius and the political testament of Augustus // Historia. Bd. 31(3). 1982. S.306 ff.; Shotter D. C. A. Tiberius and the spirit of Augustus // G & R. 1966. Vol. XIII. P. 207–212 etc. Schrömbges P. Tiberius und die Res publica Romana. Bonn, 1986; Yavetz Z. Tiberius. Der traurige Kaiser. München, 1999. Обзор и библиография: Balsdon J. V. D. The principates of Tiberius and Gaius // ANRW II. Bd. 2. 1975. P. 86–94; Downey G. Tiberiana // ibid. P. 95–130.

¹⁷⁹ Считавшийся психически больным и сосланный ранее на о. Планазию, Агриппа Постум после кончины Августа был убит по распоряжению Тиберия или Ливии (Tac. ann. I. 6 etc., см.: Scharf R. Agrippa Postumus. Landau, 2001).

¹⁸⁰ Заслуживает внимания, что несмотря на презрительное отношение к Клавдию даже его матери, Антонии Младшей, Август самым серьезным образом заботился о его воспитании. Светоний приводит в этой

Илл. V.8. Тиберий в образе Юпитера

шей судьбе «республики» говорит тщательный выбор учителей для младших членов семьи¹⁸¹.

Все говорит о серьезном отношении к отбору кандидатов. Путь Тиберия к власти был совсем не прост. Несмотря на заслуги в качестве полководца и поддержку Ливии, ее сын долгое время был вне узкого круга претендентов. Можно предположить, что некоторые его качества вызывали у принцепса большие сомнения. Позднее Тацит высказал едкое замечание, что Август выбрал Тиберия для того, чтобы подчеркнуть собственные достоинства (Тас. ann. I. 10, cf. 4). На самом деле он остался единственным кандидатом, удовлетворявшим основным требованиям.

В усилиях Августа по выбору наследников прослеживается не столько забота о «крови» будущего преемника, сколько государственные интересы. Конечно, он должен был учитывать, что у представителя дома Юлиев были наибольшие шансы обеспечить правопорядок и гражданский мир. Уже само имя Цезарь немало значило для армии, римского плебса и широких слоев населения Империи. В то же время браки Августа, в частности, прочный и длительный брак с Ливией, не обнаруживают чисто династических целей (что было бы типично для монархии). Не имея от Ливии на протяжении нескольких десятков лет собственных детей, Ав-

связи три отрывка из писем Августа к Ливии: Suet. Claud. 4, 1–7. См.: Levick B. M. Claudius. L. 1990, esp. 89 ff.; Межерицкий Я. Ю. Клавдий: историк и император // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Нижний Новгород, 1991. С. 56–71, особ. 63 слл. О Клавдии см. также раздел IX.6 (с лит.).

¹⁸¹ Тацит посвятил «династической политике» Августа целую главу. Целью историка было продемонстрировать стремление принцепса укрепить свое господство. Итогом стало изменение государственного строя. В то же время Тацит показал серьезное отношение Августа к воспитанию и образованию юных членов своей семьи (Тас. ann. I. 3–4. 1; cf.: Suet. Aug. 63–65, cf.: Charlesworth M. P. Providentia and aeternitas // HThR. Vol. 29. 1936. P. 107–132).

густ даже не помышлял о вступлении в другой брак. В полном соответствии с республиканской традицией Август использовал римский институт усыновления.

Опорой трона долгие годы был Агриппа. Его детей мужского пола от Юлии Август усыновил в качестве будущих наследников. В конечном счете, к власти пришли потомки Ливии, то есть, род Клавдиев. Нет никаких указаний на то, что Августа очень беспокоил этот факт. В соответствии с римскими представлениями, важна была принадлежность к семье по праву, а не по крови. Юлии-Клавдии не были династией в собственном смысле слова, ни один из них не был прямым потомком Августа. Но это не значит, что в императорском Риме отменили сложившийся веками обычай предпочтения сына и ближайших родственников при выборе наследников¹⁸². Важно было при обосновании выбора не забывать также о деловых и гражданских качествах политического преемника.

По поводу отсутствия твердого порядка наследования власти Т. Моммзен заметил, что со смертью принцепса умирал и принципат. В этом видят слабость созданной Августом системы. Но принципат и законы о наследовании власти были несовместимы. Переход власти к Тиберию был обеспечен благодаря уже занимавшемуся им исключительному месту в государстве. Оно определялось не только властными полномочиями, но также заслугами. Авторитет Тиберия был несравним с Августовым, но бесспорно выделял Тиберия из числа других возможных претендентов.

Отвечая на вопрос о соответствии «династической» политики Августа «республиканской» концепции принципата, следует отметить, что мероприятия, направленные на передачу власти тому или иному лицу из числа членов своей семьи, не были прямым вызовом традиции. Выдающиеся деятели эпохи Республики заботились о передаче наследникам не только своего материального достатка, но и по мере возможности, высокого общественного статуса. На этом, собственно, покоилась Римская аристократическая республика, поэтому столь важен был институт усыновления. Никого не удивили (за исключением возраста) претензии Октавиана на наследство Юлия Цезаря, нет также сведений о том, что династическая политика (если её можно так назвать) ставилась в вину Августу кем-либо из современников. Похоже, что это выросло в проблему только в историографии нового времени. На наш взгляд, идея «конкуренции между

¹⁸² Гальба у Тацита, заявлявший о необходимости выбора лучшего во всем государстве, противопоставлял себя Августу, который «искал преемников в пределах своей семьи» (Tac. Hist. I. 15–16). Но предпочтение сына или родственника в качестве наследника было само собой разумеющимся. Об этом свидетельствует Плиний Младший, который просит Юпитера, чтобы он послал Траяну «... преемника, рожденного им самим, им же воспитанного, уподобленного ему через усыновление, или, если уже судьба в этом откажет, чтобы ты (Юпитер) помог ему советом при выборе, указал бы ему, кого усыновить в святынях Капитолия» (Plin. pan. 94. 5, перевод В. С. Соколова).

домом Августа и республикой» представляется надуманной. Август и его семья скорее выполняли функцию центрального элемента «смешанной конституции» и опоры «республики»¹⁸³. Принцепс не пытался утаить соответствующие шаги, как например, ускорение *cursus* или поддержку своих потенциальных наследников на выборах. Напротив, Август ставил эти действия себе в заслугу (RG 14. 1; Suet. Aug. 26. 2).

Правовая неурегулированность порядка престолонаследия соответствовала некоторой неопределенности всего статуса Августа как единоличного правителя. В формально-юридическом смысле, держа в своих руках важнейшие рычаги власти, в Италии Август не был монархом и всячески старался избегать сравнения даже с римскими царями, тем более с чужеземными деспотами. Обращение к нему в Городе как к «господину» или к «царю» было недопустимо. Стремясь к лидерству и славе в традициях античной, в частности, римской, агональной культуры, Август допускал собственное прославление в Риме только в традиционных формах и в рамках, подходящих образу устроителя процветающей «республики».

Характер передачи власти, заложенный Августом, сохранялся в течение всей эпохи Ранней Империи. Обычно, говоря об отсутствии твердого порядка престолонаследия, отмечают, что это было Ахиллесовой пятой принцепата¹⁸⁴. Однако, как и в случае с гомеровским героем, без такого недостатка не было бы и самого выдающегося ахейского воина. Несовершенный механизм (а не только ритуал) отбора кандидатов среди потенциальных наследников принцепса был неотъемлемой частью идеологии «республиканизма», как и всей политической системы Ранней Империи.

V.8. Внеправовые истоки полномочий правителя

В созданном Августом «наилучшем государственном устройстве» его собственная роль, при том, что продолжали функционировать три классических элемента смешанной конституции, была ключевой. Магистратские полномочия «ректора республики» не могли сами по себе обеспечить почти неограниченного влияния Августа на все государственные дела. Власть Августа невозможно вычислить только посредством сложения официальных привилегий и должностей — результат не отвечает реальной картине. В полученной сумме недостаёт существенной величины. Ситуация чем-то напоминает тёмную материю: её не видно, но она проявляет себя мощным воздействием на окру-

¹⁸³ Сравн.: Dettenhofer M. H.: *Herrschaft und Widerstand im augusteischen Prinzipat. Die Konkurrenz zwischen res publica und domus Augusta*. Stuttgart, 2000.

¹⁸⁴ Предание о раннеримских царях также не дает оснований говорить о династии и твёрдом порядке престолонаследия.

жающий мир. Можно ли найти эту незаметную невооружённым глазом, но явно присутствовавшую составляющую реальной власти принцепса?

После окончания гражданских войн Октавиан сложил с себя чрезвычайные (триумвирские) полномочия, получил взамен более скромные (консульские), затем отказался и от них. Но лишаясь должностей, Август оставался признанным главой государства и даже укреплял свои позиции. Постоянные эксперименты с магистратурами, как и замысловатые комбинации с назначением наследников, сонаследников и регентов, перетряски состава сената — все это подчас походит на шахматную игру по неизвестным правилам: фигуры переставляются левой рукой, в то время как правая крепко придерживает доску. В итоге оказывается, что фигуры могут размещаться как угодно, даже сниматься — дело в доске!

Но если конкретные властные prerogatives оказывались необязательными, по крайней мере, не они решали дело — на что опирался принцепс, сохраняя исключительное место в государстве и проводя свою политику? Какие механизмы, недоступные его противникам, он мог запускать для проведения своих решений? Как осуществлялась позднее передача невидимой материи — власти — без закона о престолонаследии и на чём она держалась между двумя правлениями? Как обнаружить рычаги и приводные ремни, существовавшие всегда или созданные заново основателем принципата, которые обеспечивали функционирование государства?

Документ, в котором зашифрованы тайны власти Августа — его «Деяния». В нем содержится авторская трактовка проекта «восстановления республики»¹⁸⁵. Она ценна не менее, чем интерпретируемые факты.

Первая глава начинается с заявления, не отличающегося особой скромностью: «Деятнадцати лет отроду по собственной инициативе и на свои средства я снарядил войско, с помощью которого вернул свободу «республике», угнетённой господством клики»¹⁸⁶. Под кликой (*factio*) имелись в виду сторонники Антония, имя которого в «Деяниях» не упоминается¹⁸⁷. Оставим в стороне самовосхваление, заставляющее вспомнить барона Мюнхгаузена. Внимания заслуживают упоминаемые принцепсом вроде бы самые обыденные вещи. Здесь не только средства (*impensa*), которые нашлись у девятнадцатилетнего юноши для того, чтобы набрать целую армию

¹⁸⁵ О «Деяниях божественного Августа» см. также разделы I.7 и VII.5 сл.

¹⁸⁶ RG I. 1: "Annos undeviginti natus exercitum privato consilio et privata impensa comparavi, per quem rem publicam a dominatione factionis oppressam in libertatem vindicavi".

¹⁸⁷ Брут и Кассий, как и их сторонники — цезареубийцы, сразу бежали в Грецию. Их в данном контексте Август, понятно, также упоминать не стал. Замалчивание — известный прием основателя принципата. Заговорщики 44 г. были борцами за *libera res publica*, а этот лозунг на момент составления «Деяний» был уязвимым элементом идеологии *res publica restituta*. Во второй главе RG Август говорит о них как об «отцеубийцах», естественно, без имен. Таким образом, в первой главе RG речь идет об Антонии (эти события освещались в III главе).

(*exercitum*), и сама его армия. Почти мальчик (по словам Антония, «мальчишка»), будучи частным лицом, взялся защищать «республику». Заметим, то была Римская республика, господствовавшая тогда почти над всем известным миром.

Август невольно раскрывает и то, что по зрелом размышлении совсем необязательно было выставлять напоказ. Ведь он, со своими сторонниками и армией, представляли собой, в сущности, такую же «клику» (*factio*), как и та, от которой они собирались «освободить республику». В то же время приемный сын и наследник Цезаря не был обычным рядовым гражданином. Помимо оставленных диктатором немалых средств¹⁸⁸ и славного имени, Октавий мог рассчитывать на обширную клиентелу Юлия Цезаря¹⁸⁹. Три фактора в совокупности: имя, средства, клиента — могли стать стартовой площадкой большой политической карьеры. Они же способны были погубить её в самом зародыше.

Завещание Цезаря содержало одно важное условие. Наследник должен был из полученных денег уплатить каждому, кто числился в сословии *plebs urbana*, 300 сестерциев, что для 300.000 человек составляло 90 млн.¹⁹⁰ На наследнике лежало также обязательство обеспечить деньгами или земельными участками тысячи ветеранов Цезаря (App. b. c. II. 120, 135). Кроме того, появились истцы, требовавшие возвращения имущества людей, пострадавших в период его правления (ibid. III. 20, 22). Но каким образом мог это сделать Октавий, если деньги были в распоряжении Марка Антония? Будучи консулом, тот получил их вместе с завещанием от вдовы диктатора, Кальпурнии¹⁹¹. Юлий Цезарь контролировал все государственные средства, и провести четкое различие между ними и частным имуществом было трудно. Но распоряжение деньгами являлось важной предпосылкой политического влияния. Антоний, прекрасно понимавший значение всех этих обстоятельств, не спешил выплачивать деньги наследникам. Сенат, со своей стороны, был заинтересован в том, чтобы все средства заполнили вначале государственную казну (*aerarium*). В этом случае ветераны получили бы вы-

¹⁸⁸ По завещанию Октавиану предназначалось $\frac{3}{4}$ имущества диктатора: Suet. Iul. 83. 2; Plut. Ant. 16. 1; App. b. c. III. 22 sq., 94. Цезарь к концу жизни был одним из богатейших людей Рима, скорее всего, самым богатым. Правда, деньги покойного диктатора оказались вначале у Антония. Вопрос о деньгах Юлия Цезаря рассматривался Р. Саймом и рядом других авторов. См.: Syme R. The Roman revolution. P. 107, 130 f.; Schmitthenner W. Oktavian und das Testament Caesars..., München, 1997³. S. 87 f.; Alföldi A. Oktavians Aufstieg zur Macht. S. 76 ff. etc.

¹⁸⁹ Уже имя обеспечивало юному Цезарю обширную клиентелу. Значение имени подчеркивает Плиний (Plin. n. h. II. 28 sq.). См. Alföldi A. Oktavians Aufstieg zur Macht. Bonn, 1976. S. 23. Все же Октавиану было не просто повести солдат против Антония (App. b. c. III. 42 sq. etc.).

¹⁹⁰ Это была огромная сумма, которой бы хватило, к примеру, для выплаты содержания 10 легионам в течение двух лет. К тому же диктатор завещал народу свои сады на берегу Тибра. См.: RG 15; Suet. Iul. 83. 2; App. b. c. II. 143, III. 13; Plut. Ant. 16. 1; Brut. 20; Dio XLIV. 35. 3. Сравн.: Bleicken J. Augustus. 2010. S. 37.

¹⁹¹ Plut. Ant. 15. 1. См.: Alföldi A. Oktavians Aufstieg zur Macht. S. 80 ff.

ходные пособия по инициативе сената от имени *res publica* и таким образом оказались бы освобождены от обязательств перед домом Цезаря.

Не следует думать, что Октавий и в самом деле был беспомощным юношей, каким его изображал и хотел бы видеть Антоний. Ему пришлось рано брать политические уроки. Уже на пути из Аполлонии в Рим, не обладая никакими соответствующими полномочиями, Октавий завладел военной кассой, приготовленной Цезарем для парфянской войны, а также годовым налогом богатейшей провинции Азия¹⁹². Решив принять усыновление, он опирался на официальное признание сенатом 17 марта всех распоряжений покойного (*acta Caesaris*). Октавий не только всеми силами представлял себя как преданного (*pius*) сына, но ясно давал понять, что все усилия лишить его наследства направлены против людей, ожидавших выплат. Это подтверждалось действием: часть денег Октавий выплатил из имеющихся уже у него «личных» (также захваченных) и взятых займы средств¹⁹³. Так был совершен еще один важный шаг для завоевания симпатий ветеранов и особенно плебса, который и без того не очень благоволил к Антонию¹⁹⁴.

Имя Цезаря было на этом этапе важнейшим элементом внеправового влияния юного Октавия¹⁹⁵. В заключении завещания Цезарь указал, что принимает Октавия в семью и дает свое имя. Разумеется, политические позиции диктатора наследоваться не могли. Но решение Октавия принять усыновление и наследство обозначали уровень политических претензий. Тем более, что еще при жизни Юлий Цезарь совершенно открыто (что также соответствовало правилам республиканской политики) продвигал своего внучатого племянника на ответственные позиции в государстве. Пятнадцатилетний Октавий вошел в состав коллегии понтификов, позднее введен в патрициат, а в ходе подготовки к парфянской экспедиции стал начальником конницы и тем самым — вторым лицом в государстве¹⁹⁶. Юный Цезарь сумел оценить и использовать предоставившиеся ему шансы. Более чем в течение года он добивался дополнительной легализации усыновления

¹⁹² См.: Dio XLV. 3. 2; App. b. c. III. 11; cf.: Alföldi A. Oktavians Aufstieg... S. 82 ff.; Kienast D. Augustus. 2009. S. 26 mit Anm. 100.

¹⁹³ App. b. c. III. 21–3, 28 sq.; Plut. Brut. 22. 3; Schmitthenner W. Oktavian und das Testament Cäsars. München, 1973². S. 85 ff. (об источниках средств).

¹⁹⁴ App. b. c. III. 28 sq.

¹⁹⁵ В начале мая Октавий принял завещание у претора (App. b. c. III. 49). С середины июня Цицерон называет его в письмах Октавианом, что предполагало принятие к сведению факта нового имени — Гай Юлий Цезарь Октавиан (Cic. Att. XV. 2. 3, 12. 2, XVI. 9. 1, 11. 6. Можно понять Цицерона, которому трудно было произнести или написать полное (одиозное для него) имя диктатора. По иным, тоже понятным причинам, этого избегал также Антоний. Близкие люди, а также солдаты и простые люди, называли Октавиана «Цезарь».

¹⁹⁶ Подробнее о продвижении Октавия по ступенькам *cursus honorum* см. раздел IV.7.

специальным законом, принятым куриатными комициями (лето 43 г.)¹⁹⁷. Это может служить указанием на определенный строй мыслей и линию поведения молодого политика. Он стремился к реализации своих планов в рамках республиканской конституции.

Октавиан быстро овладевал различными приемами политической борьбы. Немаловажную роль играло умение выступать и отточенное перо. Инструментарий юного Цезаря, стремившегося к власти, содержал также демагогию и подкуп. Эти не им изобретенные методы Октавиан применял для подкрепления своих законных, с точки зрения представителя знатного рода Юлиев, претензий.

Оформление усыновления означало не только получение наследства, но и переход к юному Гаю Юлию Цезарю многочисленной клиентелы приемного отца. Опираясь на нее, Октавиан сумел свои личные задачи превратить в государственные: следующим шагом был проведенный через его сонаследника и коллегу по консулату Квинта Педия закон об отмене амнистии убийц Цезаря и учреждении чрезвычайной комиссии для их преследования (*lex Pedia*)¹⁹⁸. Так были продемонстрированы *pietas* юного Цезаря и его *dignitas*. Наказание цезареубийц особенно отвечало настроениям ветеранов и колонистов, которые стремились к закреплению собственности на полученные от Юлия Цезаря участки (App. b. c. III. 41).

К Октавиану довольно рано примкнули не только значительная часть солдат и ветеранов Цезаря, городской плебс, но также представители других групп населения и сословий. Аппиан упоминает в этой связи богатых вольноотпущенников (App. b. c. III. 41). Об этом известно немного. Бывшие друзья диктатора поддерживали теперь его сына, следуя долгу *pietas*. С Октавианом пошли по рискованному пути сотоварищи по учению, Кв. Сальвидиен Руф и М. Випсаний Агриппа, а также Г. Цильний Меценат. В решении денежных вопросов молодому Цезарю помогали Бальб, Матий и Оппий. Отдельные мероприятия финансировали сенатор Г. Рабирий Постум и Гостилий Сазерна. Немало сторонников было у Октавиана в сенате, особенно из числа прошедших низшие магистратуры и вновь введенных в высший государственный орган Юлием Цезарем. Среди них можно назвать народных трибунов Т. Каннутия, Д. Карфулена, Л. Кассия Лонгина, квестора Л. Эгнатулея. Представители нобилитета относились к сыну Цезаря настороженно, но

¹⁹⁷ Ранее, в начале лета 44 г., принятию такого закона воспрепятствовал Антоний. Эта *lex curiata* была принята после второго похода на Рим в июле — августе 43 г. Тогда Октавиан добился консулата после гибели ординарных консулов Гирция и Пансы. См.: RG 1; Dio XLVI. 45. 5, XLVII. 4–5; App. b. c. III. 94. Аппиан объясняет необходимость куриатного закона наличием у Юлия Цезаря многих богатых вольноотпущенников. Политические аспекты принятия наследства и имени Цезаря рассмотрены в ряде специальных работ: Schmitthenner W. Oktavian und das Testament Caesars; Gesche H. Hat Caesar den Octavian zum Magister equitum designiert? // Historia. 22. 1973. S. 468–478 etc. Обзоры с указанием литературы: Bleicken J. Augustus. S. 35–42, 692 ff.; Kienast B. Augustus. S. 4 ff.

¹⁹⁸ Vell. II. 69. 5; Dio XLVI. 48. 2; Plut. Brut. 27. 3; Ant. 19. 2; App. b. c. III. 52, 95.

и среди них находились сторонники. Кроме того, с Октавианом сотрудничали консулы А. Гирций и Г. Панса. Если группировка в сенате, с самого начала поддерживавшая Октавиана, и не могла предпринять активных действий, то по крайней мере, не пропускала явно враждебных решений¹⁹⁹.

Институт патроната-клиентелы был традиционно римским, «республиканским». Во времена расцвета Римской республики всегда было несколько соперничавших принцепсов, которые имели свои клиентелы. И все вместе следили за тем, чтобы никто из них не стал слишком влиятельным, а то и единственным принцепсом, что таило в себе угрозу «тирании». В период Поздней Республики уравнивавшие механизмы перестали срабатывать. Марий и Сулла, Помпей и Цезарь продемонстрировали возможности использования организованной клиентелы, особенно вооруженной, для достижения власти. На протяжении всей дальнейшей политической деятельности Октавиан-Август постоянно стремился расширить свою клиентелу и привязать ее к себе. Над одним из ключевых эпизодов вновь приоткрывают завесу «Деяния» (RG 25). Август с гордостью вспоминает, как в 32 г. до н.э. вся Италия добровольно²⁰⁰ принесла ему присягу верности и потребовала, чтобы Октавиан стал вождем в войне, в которой была одержана победа при Акции (имена Антония и Клеопатры умышленно не названы)²⁰¹. К клятве (*coniuratio*) присоединились также все Западные провинции: галльские, испанские, Африка, Сицилия и Сардиния. Август не забыл упомянуть, что под его знаменами было более 700 сенаторов, включая бывших и будущих консуляров, а также около 170 жрецов. По форме это была клятва воинов своему полководцу перед решающим сражением, а по содержанию — закрепление отношений патроната-клиентелы между вождем и народом. Автор подчеркивает персональный аспект клятвы. Не менее важен идеологический аспект — смертельный поединок

199 Р. Сайм, сравнивая окружение двух триумвиров, характеризовал Антония как аристократа и масштабного политика, а Октавиана как авантюриста, террориста и деспота — Syme R. *Roman Revolution*. P. 234 ff. (Octavian), 266 ff. (Antonius), P. 128 ff. ("Octavians party"). Это происходило из оценки Октавиана как «революционера» (Р. 130) и всей эпохи с 60 г. до н.э. по 14 г. н.э. как «революции». О концепции Сайма см.: раздел II.3 и МРМА С. 53 слл.; Guizzi F. *Il Principato fra "res publica" e potere assoluto*. Napoli, 1974. P. 215 ff.; Kienast D. *Augustus*, 2009. S. 15–16. О ближайшем окружении Октавиана в начале его карьеры см. раздел III.6 с примеч. 170, сравн. IV.7 с примеч. 169 и V.8 с примеч. 199.

200 Здесь, как и всегда, Август излагает далеко не всю правду. Публичное зачитывание завещания Антония в сочетании с пропагандой вызвали такую истерию, что даже приверженцы Антония в Риме вынуждены были присоединиться к большинству. Лишь немногие решились уклониться от присяги, например, граждане городка Бононии (Suet. Aug. 17. 2; cf. Dio L. 6. 3). О связи присяги с *consensus universorum*: Kunkel W. *Über das Wesen des augusteischen Prinzipats* // Schmitthenner W. (hrsg.) *Augustus*. S. 311 ff.; Fadinger V. *Die Begründung des Prinzipats. Quellenkritische und staatsrechtliche Untersuchungen zu Cassius Dio und der Parallelüberlieferung*. Berlin, 1969. S. 320. Исторический контекст см. в разделе III.7 с примеч. 198 слл.

201 Ключевое предложение: "*iuravit in mea verba tota Italia sponte sua, et me belli, quo vici ad Actium, ducem depoposcit*" (RG 25.2).

Запада и Востока. В этом смысле речь шла о присяге верности римско-италийским традициям *rei publicae*. Здесь уже содержалось «реставрационное» ядро идеологии принципата²⁰².

«Всеобщее согласие», оно же «одобрение», или «всенародная поддержка» и тому подобные обоснования политики используются при недостатке истинной легитимации. Так было и в рассматриваемом случае²⁰³. Октавиан по ряду причин не мог объявить войну Антонию. Прежде всего, он не хотел нарушать фикцию, согласно которой с победой над Секстом Помпеем гражданские войны были завершены. Из этого следовало, что триумвирские полномочия стали излишни. Их десятилетний срок истек 31 декабря 33 года²⁰⁴. Лепид был отстранён от власти еще в 36 году. В середине 32 г. сенат и комиции лишили всех полномочий Антония. Триумвирата больше не существовало, ни теоретически, ни фактически, не могло быть триумвирских полномочий и у Октавиана²⁰⁵. Ему недоставало легитимации еще и потому, что значительная часть сената и оба консула бежали к Антонию. Таким образом, «добровольная клятва» и «всеобщее согласие» были необходимым условием легитимированной войны (*iustum atque pium bellum*). Лишь заручившись клятвой, Октавиан в качестве фециала объявил войну Клеопатре (Dio L. 4. 6).

Значение произошедшего не ограничивалось успехом Октавиана по формированию общественного мнения и организации мощной военной группировки, обеспечившей разгром Антония. Данная Августом в 25 главе «Деяний» картина спонтанного и добровольного единодушия жителей Италии и Западных провинций служила одним из важнейших обоснований его положения (*statio*) и в дальнейшем. Клятва тесно связана с тем «всеобщим согласием» — *consensus universorum omnium* — которое Август подчеркивает в 34 главе «Деяний» и в итоге представляет как основу своей единоличной власти.

Государственно-правовой аспект клятвы вызывает некоторые вопросы. Если своей присягой все жители Италии и провинций (также негражда-

²⁰² В изложении клятвы по неизвестной причине пропущен Иллирик. Примерно 300 сенаторов поддерживали Антония. В RG 25 используется *“iuravit in mea verba”*, у Светония говорится о необходимости присягать его делу — *“coniurare pro partibus suis”* (Suet. Aug. 17. 2). Вергилий (описание щита) говорит о союзе Октавиана со всей Италией, сенатом, народом и богами против царицы (Verg. Aen. VIII. 678 sqq.). См.: Hermann P. Der römische Kaisereid. 1968. S. 78 ff.

²⁰³ На это обратил внимание Г. Инстински: Instinsky H. U. Consensus universorum // Hermes 75. 1940. S. 265–178 (ND: Oppermann H. (hg.). Römische Wertbegriffe. Darmstadt 1967, S. 209–228).

²⁰⁴ RG 7. 1, cf.: Liv. per. 132. По менее надежному свидетельству Аппиана (App. b. c. III. 28), срок триумвирских полномочий истек на год позднее, но в данном случае это мало что меняло.

²⁰⁵ Т. Моммзен считал, что триумвирские полномочия не могли прекратиться по сроку, а лишь будучи сложными. Но это мнение далеко не общепринято. Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. II 3. S. 720, 745. Сравни. Wilken U. Der angebliche Staatsreich Octavians im Jahre 32 v. Chr. // Schmitthenner W. (hrsg.). Augustus. 1985 (Orig. 1925). S. 38–71.

не?) предоставили Октавиану высшую военную власть (*imperium*), то это было бы самым серьезным нарушением римской конституции всех времен. Не случайно итальянский историк М. А. Леви расценивал клятву в обход сената и магистратов как самое революционное мероприятие после смерти Юлия Цезаря. В противоположность ему Ф. де Фишер исключал возможность того, что аккуратно обращавшийся со всеми «республиканскими» традициями Октавиан применил открыто неконституционные методы. Де Фишер обратил внимание на то, что именно Италия потребовала Октавиана возглавить военный поход (*ducem depoposcit*), в сущности, предоставив ему *imperium*, в то время как о провинциях, присоединившихся к клятве, сказано в отдельном предложении (RG 25. 2). Таким образом, высшая власть была предоставлена Римским народом, обладателем верховного суверенитета, что не противоречило основам римской конституции²⁰⁶.

В 25 главе «Деяний» Августа важно было показать, что истоки его власти, не имея ничего общего с чрезвычайными полномочиями времени триумвирата, берут начало в поддержке Римского народа. Эта глава открывает последнюю треть «политического завещания» Августа, в котором (кроме последних, 34 и 35 глав) говорится о его военных успехах (RG 25–33). Структура памятника, как и каждое слово в нем, не случайно — как и то, что внешнеполитические достижения составляют заключительную часть, которая должна была произвести особое впечатление и остаться в памяти. Для любого деятеля Римской республики, пусть самого знатного, образованного и богатого, было невозможно и немыслимо стать одним из «принцепсов», не прославившись военными победами, присоединением территорий и триумфами. Необходимо было привнести нечто существенное в воплощение «римского мифа», прирастить «империю» и, конечно, обеспечить добычу войску и раздачи плебсу. Таким образом, картина, представленная Августом, вполне соответствует республиканским представлениям и традициям. Путь легитимации, начавшийся с клятвы верности, кульминирует во всеобщем согласии Римского народа (RG 34. 1), чьи интересы (*res publica*) всеми силами и средствами отстаивал и защищал принцепс.

Государство, которое возвращал сенату и народу, восстанавливал и заново выстраивал основатель принципата, было правовым. Для Августа, при всем влиянии и могуществе, всегда сохраняла значение легитимация власти. Она обеспечивалась не только магистратурами, которые были одновременно важными инструментами для проведения тех или иных меропри-

²⁰⁶ De Visscher F. Die rechtliche Stellung Octavians im Jahre 32 v. Chr. // Schmitthenner W. (hrsg). Augustus, 1985². S. 199–229 (orig. ital. 1938, mit Nachtrag 1949). Cf.: Levi M. A. Ottaviano capoparte. Vol. II. Firenze, 1933. P. 177–181. Присяга была важным элементом единоличной власти, в армии и в провинциях она играла роль, сравнимую с *auctoritas* в Риме. После Августа ее значение росло. См.: Кулаковский Ю. А. Вновь открытая присяга на имя Августа // Филологическое обозрение. Т. XX, кн. 2. М., 1901. С. 159–179.

ятий. Не меньшую роль играли такие квазимагистратские полномочия, как трибунская власть (без занятия должности в коллегии народных трибунов), проконсульский империй, а также некоторые дополнительные функции, лишь на первый взгляд чисто символические.

В то же время основатель принципата осознавал, что любые должности и знаки власти превращаются в мишуру, если за ними не стоят интересы и симпатии политически значимых, достаточно активных и влиятельных групп населения. Это были римское гражданство (также легионеры и ветераны), а также во все большей мере — население провинций. Юлий Цезарь создал обширную клиентелу, Октавиан сумел добиться ее активной поддержки, Август смог приумножить и укрепить ряды своих сторонников. Для них, для сената, римского гражданства и для всего населения Империи немаловажным было постоянное внимание принцепса к легитимации своего статуса как гарантии стабильности.

V.9. Смешанная конституция в действии

Укрепляя собственные позиции, Август избегал явных нарушений конституции и стремился по возможности продемонстрировать приверженность римским обычаям. Восстанавливались и поддерживались институты и установления, которые соответствовали представлениям о «республике». Они же являлись элементами «смешанной конституции». Была это только видимость или за традиционными органами власти действительно оставались важные функции в новой государственной системе? Играли ли они сколько-нибудь важную роль в «восстановленной республике» или использовались лишь для сокрытия истинного положения вещей? Как соотносились с этим растущее влияние и власть принцепса?

Предварительный ответ на эти вопросы мы получили у Светония (Suet. Aug. 28. 3–46. 1; см. раздел V.2). Но биограф не хотел или не мог говорить о замысле Августа — осуществить собственный проект смешанной конституции — а возможно, и не совсем понимал, о чём шла речь. Он собрал из источников примеры достаточно красноречивые, но вписанные в его собственную схему. Поэтому их трудно воспринять как реализацию плана Августа. Указанные 18 глав посвящены в основном устройству общественной жизни в Городе, включая организацию народных собраний и сената, а также различных зрелищ. Далее следует глава (46), посвящённая Италии и еще три — о провинциях (47–49). Уже распределение внимания между составными частями державы дает некоторое представление о значении ее «республиканской» составляющей. Данные Светония необходимо дополнить сведениями из других источников. Некоторые «республиканские» принци-

пы и институты смешанной конституции проявлялись еще десятилетия после Августа²⁰⁷.

Вначале обратимся к «демократическому» элементу смешанной конституции. Римская республика никогда не была демократией, тем не менее, государство римлян отождествлялось с Римским народом (*populus Romanus*). Народ во времена Августа и на протяжении всей эпохи Ранней Империи считался носителем суверенитета и источником государственной власти. Это реализовывалось в структуре органов государственной власти, как через выборных представителей, так и непосредственным выражением воли граждан в народных собраниях (выборы и плебисциты).

Народные собрания функционировали даже в период триумvirата, они избирали магистратов, хотя часть кандидатов и назначалась триумвирами²⁰⁸. Август «восстановил исконные права комиций»²⁰⁹. Несмотря на привилегию Августа рекомендовать часть кандидатов²¹⁰, выборы курульных магистратов в центуриатных комициях²¹¹ проходили столь бурно, что вели порой к серьёзным беспорядкам (Vell. II. 92; Dio LIV. 6. 1, 10. 1). Судя по всему, в 5 г. н.э. Августу пришлось вернуться к предварительному отбору кандидатов. Тем не менее без народных собраний обойтись было нельзя. Для голосований еще Юлий Цезарь начал строить специальное сооружение, завершённое в 26 г. до н.э. Агриппой — септу Юлия на Марсовом поле.

Изменения в практике выборов высших магистратов, которые проводились в центуриатных комициях, выявляются благодаря надписям. Особенно важны *tabula Hebana* и *tabula Siarensis* (см. раздел I.7). В них содержится постановление сената, утвердившего посмертные почести Германику. Там же помещён законопроект (*rogatio*), внесённый на народное собрание в 20 году (*lex Valeria Aurelia*). Он дополнил принятый в 5 г. н.э. закон Валерия Корнелия (*lex Valeria Cornelia*), по которому были созданы избирательные центурии из сенаторов и всадников. Их собрания предварительно рассматривали кандидатуры на должности консулов. Этот этап был завершён третьим законом, принятым в 23 г. в связи со смертью сына

²⁰⁷ Действие элементов смешанной конституции в более позднее время со значительной долей уверенности можно считать подтверждением их наличия при Августе. См. также раздел II.4, где излагаются многочисленные аргументы исследователей (В. Кункеля, Й. Бляйкена, Г. Кастрициуса, А. В. Махлаюка и других) в пользу серьезных намерений и усилий Августа по восстановлению республиканских учреждений.

²⁰⁸ Известно около сорока законов, принятых (предполагается, собраниями) в период между мартом 44 и 32 г. (Millar F. *Triumvirate and Principate*. P. 51 ff.).

²⁰⁹ Suet. Aug. 40. 2 (*comitiorum quoque pristinum ius reduxit*), cf.: Vell. II. 89. 4; Dio LVI. 40. 4; cf. LIII. 21. 6.

²¹⁰ В 7 / 8 гг. Август даже вывесил список своих кандидатов. См.: Suet. Aug. 56. 1 sqq.; Cass. Dio LV. 34. 2. См.: Frei-Stolba R. *Untersuchungen zu den Wahlen in der römischen Kaiserzeit*. Zürich, 1967. S. 116 ff.

²¹¹ Это были всё те же 193 центурии, разделённые на пять классов (Nicolet C. *Le métier de citoyen*. P., 1976. P. 299–303). О *tabula Siarensis*, которые сообщают о мерах, предпринятых для контроля за выборами высших магистратов см.: Князев П. А. Кто смерти поддаться не должен был вовсе (сравн. раздел I.7 с примеч. 69).

Тиберия Друза (Tac. ann. IV. 9. 2; CIL VI. 31200)²¹². Специальные центурии голосованием определяли кандидатов, которые предлагались затем народу (*destinatio*). Центуриатным комициям оставалось утвердить как предложенных принцепсом, так и отобранных специальными центуриями кандидатов²¹³. В течение десятилетий народные собрания были «органом обязательного согласия»²¹⁴.

Август планировал реформу народных собраний (Vell. II. 124. 3). Трудно сказать, в какой мере этим планам соответствовали изменения, принятые Тиберием. Тенденция заключалась в том, что центурии для предварительного отбора теряли своё значение, так как всё большую часть кандидатов номинировали принцепс и сенат. Скорее всего, процедура завершалась аккламацией специальных центурий или народного собрания. Тацит сообщает о перенесении Тиберием выборов магистратов из комиций в сенат²¹⁵, отметив отсутствие протестов по этому поводу, «если не считать лёгкого ропота»²¹⁶. Но не следует понимать сообщение историка буквально, поскольку за номинированием принцепсом и отбором в сенате следовало утверждение магистратов комициями. Комиции продолжали существовать (пусть именно так) и долгие десятилетия спустя, что известно из случайных, отрывочных сообщений. Вителлий отстаивал своих кандидатов на консульских комициях (Tac. hist. II. 91. 2); Траян сам избирался комициями в консулы (Plin. pan. 63. 2); Дион Кассий говорит о «призраках» комиций при Северах (Dio LVII. 20. 4). Г. С. Кнабе в статье об историческом времени в Древнем Риме убедительно объяснил сохранение, казалось бы, совершенно ненужных учреждений. «Необходимость их (комиций) ликвидации диктовалась административными и правовыми соображениями: необходимость их сохранения, следовательно, вытекала не из актуальных и прагматических обстоятельств. Она коренилась не

²¹² По-видимому, в 5 г. было создано 10 центурий, которые избирались из сенаторов и всадников, в 19 / 20 и в 23 гг. было добавлено ещё по 5 центурий.

²¹³ См.: Frei-Stolba R. Untersuchungen... S. 120 ff.; Demougin S. L'ordre équestre sous les Julio-Claudiens. Rome, 1988. P. 392 ff.; Это убедительно показано в статье Б. Левик: Levick B. M. Imperial control of the elections under the early principate: commendatio, suffragatio and nominatio // Historia. Bd. 16. Hft. 2. 1967. S. 207–230; cf.: Jones A. H. M. The elections under Augustus // JRS. Vol. 45. 1955. P. 9 ff. (= id. Studies in Roman government... P. 29 ff.); Lacey W. K. Nominatio and the elections under Tiberius // Historia. Bd. 12. 1963. P. 167 ff.; Rainer J. M. Römisches Staatsrecht. Republik und Prinzipat. Darmstadt, 206. S. 241–246 etc.

²¹⁴ Кратковременной была попытка оживить деятельность комиций со стороны Калигулы (Suet. Cal. 16. 2). На протяжении длительного времени сохранялся порядок, сложившейся к концу правления Тиберия (см.: Demougin S. L'ordre équestre... P. 431 ff.).

²¹⁵ Tac. ann. I. 14. 4–15. 1. См.: Albers J. Campus Martius. Wiesbaden 2013. P. 100, 119. Веллей Патеркул сообщает о его номинировании кандидатом для претуры как Августом, так и Тиберием; по-видимому, речь идет о 14 г.: Vell. II. 124. 4; сравн. также: Dio LVIII. 20. 3–5; ILS. 944. Об этом см. также далее.

²¹⁶ Tac. ann. I. 15. 1. Сравн. с волнениями по поводу наводнений и угрозы голода.

Илл. У.9. Фрагмент септы Юлия

в структуре империи, а в структуре массового сознания, которую императоры должны были постоянно учитывать...»²¹⁷.

Всё же вряд ли стоит противопоставлять административные, правовые — и идеологические факторы. Государство могло оставаться стабильным и эффективным лишь при условии соответствия его институтов убеждениям и ценностным установкам граждан. Основателю принципата удалось добиться оптимально возможной в тех условиях гармонии элементов. Его преемники в силу своих способностей, с большим или скорее меньшим успехом пытались сохранять меняющееся, неустойчивое равновесие. Речь идёт о взаимоотношении «республиканского» и имперского секторов Римской державы, к чему мы еще вернемся в главе X.

Положение в столице требовало постоянного внимания. Огромное разношёрстное население, скопление больших масс людей в общественных местах и на различного рода мероприятиях и увеселениях, пожароопасная обстановка на узких улицах вызывали необходимость как организации самоуправления, так и специальных административных мер по наведению общественного порядка. В частности, начала создаваться городская администрация, подчинённая непосредственно императору. Возврат к произволу толпы, ведомой и подкупаемой демагогами и честолюбцами, был недопустим.

Оценивая роль «демократической» составляющей нового режима, следует учитывать ряд основополагающих особенностей Римской республики. Она никогда, тем более в период своего расцвета, не была демократией. Со времени Гракхов наиболее демократичные трибутные комиции стали эффективным инструментом популяров. Их активное использование в политической борьбе и привело к расстройству политической системы Республики. Решительное пресечение Августом деятельности Эгнатия Руфа говорит о понимании опасностей, исходивших от подобного рода демагогов. Такого развития Август стремился избежать. Демократические процедуры сокращались, вводились в регулируемое русло, но никогда не отменялись. Документы, относящиеся уже к правлению Тиберия: *Tabula Hebana* и *Tabula Siarensis*, — которые взаимно дополняют друг друга, показывают, что и после 14 г. народные собрания продолжали функционировать. Хотя предварительный отбор высших магистратов осуществлял сенат, но без утверждения Римским народом ни избрание на должность, ни новый закон

²¹⁷ Кнабе Г. С. Историческое время в Древнем Риме // его же. Материалы к лекциям... С. 290–291. На фоне этого суждения слишком упрощенными выглядят суждения некоторых современных авторов, к примеру: «Не зная иной политической системы кроме республиканской, римские императоры продолжали упорно цепляться за формулу *Senatus Populusque Romanus*, давно уже ставшую пустым звуком» (Вержбицкий К. В. Республиканские традиции и имперские инновации в системе принципата Августа // Мнемон. Вып. 10. СПб, 2011. С. 271).

были недействительны. В этой связи Ф. Миллар указывал на влияние народа и чувствительность правительства к его настроениям²¹⁸.

Чтобы дать плебсу возможность ощутить свою причастность к «республике» и выразить свои настроения, использовались также другие возможности. Уже в последние десятилетия Республики важную роль играли массовые зрелища. Цирк, театр, амфитеатр использовались крупными политиками для развлечения и увеселения масс, привлечения их на свою сторону. Здесь происходили управляемые и контролируемые выплески энергии недовольства. При новом режиме данная функция сохранилась, получив важное развитие. Народ встречался с императором глаза в глаза, и тогда, пользуясь безнаказанностью при обезличенности в массе, каждый мог высказать свое отношение к правительству: выкриками, общим гулом, жестами, даже молчанием. Устроители старались расположить к себе зрителей размахом зрелищ, их красочностью, накалом страстей, а также щедростью. Политики Поздней Республики, а тем более все императоры, начиная с Августа, очень серьёзно относились к организации зрелищ, не считаясь с затратами. Симпатии и поддержка народа были необходимы для легитимации режима. А во внимании и заботе принцепса реализовывалась привилегия быть римским гражданином для плебса. Вместе с регулярными раздачами и рядом преимуществ столичной жизни это компенсировало ограничение активного участия в политической жизни²¹⁹.

Основатель принципата вложил немалые средства в строительство театра Марцелла, Большого цирка и других сооружений, как и в организацию представлений. Его дом на Палатине находился совсем недалеко от *circus maximus* (см. раздел VIII.8). Сознание того, что сам Август находится рядом и слышит рев толпы, придавало состязаниям колесниц и другим зрелищам особый смысл. Еще больший эффект производило появление принцепса на обращённой к цирку террасе его дома, тем более — в специальной ложе Большого цирка, в театрах и других общественных местах. Энтузиазм плеб-

²¹⁸ Тацит, без комментариев сообщая о переносе выборов магистратов в сенат, упрощает картину (Tac. ann. I. 15. 1). О *Tabula Hebana* и *Tabula Siarensis* сказано в разделе I.7 с примеч. 69. См.: Millar F. The Roman city-state under the emperors, 29 B.C.–A.D. 69. P. 370 ff.; Rowe G. Princes and political cultures: the new Tiberian senatorial decrees. Ann Arbor, 2002.

²¹⁹ О стремлении Августа заслужить расположение народа см., напр.: Tac. ann. I. 2. 1; Dio LV. 9. 10; о посещениях им театра и участии в работе народных собраний: Suet. Aug. 56. 1 f.; Dio LV. 34. 2. Сравн.: Sünskes Thompson J. Demonstrative Legitimation der Kaiserherrschaft im Epochenvergleich. Zur politischen Macht des stadtrömischen Volkes. Stuttgart, 1993. S. 6 mit. Anm. 12, 63 f. mit Anm. 172 (также при последующих императорах, с лит.). Не только плебс, пользуясь своей многочисленностью, мог выразить свое отношение к императору и его политике. Светоний сообщает, как всадники, недовольные законом о браках, на играх стали требовать от Августа смягчения предписаний. Судя по контексту, речь идет о *lex Julia de maritandis ordinibus* от 18 г. до н.э., за которой в 9 г. н.э. действительно последовал менее строгий закон Papia Poppea. О взаимоотношении плебса с императорами на широком историческом фоне см.: Veyne P. Le pain et le cirque; Yavetz Z. Plebs and princeps.

са был выражением неразрывной связи принцепса с Римским народом. Но в случае проведения непопулярных мер или в особых обстоятельствах зрители могли показать императору свое неодобрение, что было сигналом не только неприятным, но и предвещавшим самые серьезные последствия²²⁰. Так функционировал «демократический» элемент смешанной конституции Августа в столице.

В италийских общинах сохранялось самоуправление. Согласно фундаментальному исследованию Вернера Эка, первые *curatores rei publicae* (т.е. уполномоченные императора) в италийских городах засвидетельствованы лишь со времени Траяна, возможно, они появились чуть ранее. На территории Италии императоры, начиная с Августа, занимались проведением дорог, иногда постройкой новых крупных сооружений. В отличие от города Рима, правительство не видело необходимости вмешиваться в административные вопросы италийских общин, поскольку там не усматривалось угроз для центральной власти²²¹. Август и его преемники оказывали различные благодеяния и в отношении провинциальных городов, но эти меры уже не имели отношения к «восстановленной республике».

Аристократическое начало «наилучшего государственного устройства» Августовой «республики» было представлено сенатом. Вместе с принцепсом этот орган составлял, по Моммзену, «диархию», т.е. двоевластие. Август принимал меры, с одной стороны, к тому, чтобы обеспечить лояльность сената, с другой, стремился наладить рабочие отношения и возложить на него некоторые важные обязанности по управлению государством. Этому должен был способствовать пересмотр состава сената. Количество сенаторов последовательно сокращалось и было доведено до 600²²². Август действовал очень осторожно, считаясь с их самолюбием. Он давал возможность сенаторам самим принять участие в отборе коллег. В дальнейшем был установлен имущественный ценз (1.200.000 сестерциев), необходимый для вхождения в сенат²²³. Но чтобы сохранить в составе высшего сословия немногих уцелевших аристократов, Август пополнил их состояния из собственных средств (Тас. ann. I. 75). Для новых членов также требовалось достойное

²²⁰ Ощутимым признаком недовольства народа было то, что он рукоплескал не вознице Калигулы, а другим. Тогда император высказал пожелание, чтобы у Римского народа была только одна шея — чтобы расправиться с ним одним махом (Suet. Cal. 30. 2). В действительности и Калигула вынужден был считаться с плебсом.

²²¹ Eck W. Die staatliche Organisation Italiens in der hohen Kaiserzeit. München, 1979. S. 190 ff., 267 ff.

²²² Dio XLIV. 13 sq., комментарий: Sattler P. Augustus und der Senat... S. 95 ff.; Wiseman T. P. New Men in the Roman Senate. Oxf., 1971. P. 10 f.; Nicolet C. Le Cens senatorial sous la République et sous Auguste // JRS. Vol. 66. 1976. P. 30 ff.

²²³ Suet. Aug. 41; Dio LVI. 41. 3; Тас. ann. I. 75. Тацит для времени Тиберия называет ценз в миллион сестерциев. Пересмотр состава сената при Августе проводился в 29 г., затем в 13 / 11 г. до н.э. и 4 г. н.э. В дальнейшем известны цензы при Клавдии в 48 и Тите в 73 / 74 гг. Также см.: Talbert R. The senate of imperial Rome. Princeton, NJ, 1984. P. 131 ff.

происхождение; знатность могла быть компенсирована особыми заслугами и благоволением принцепса. Задаче сохранения и преумножения высших сословий, сенаторского и всаднического, а та же укреплению их авторитета, служило также брачное законодательство (см. раздел VI.4).

В представлениях римлян и жителей Империи сенат был воплощением стабильности Римского государства. Следует учитывать не только его огромный авторитет, но и незаменимую роль как кузницы кадров. Сенаторы занимали высшие должности. Из их числа император назначал наместников провинций, командиров легионов и других высших администраторов. До конца существования римского государства его официальным названием было *senatus populusque Romanus*. Если носителем суверенитета считался Римский народ, то олицетворением традиций и воплощением государственной мудрости — сенат.

Сенат при Августе сохранил как установившиеся в течение столетий процедуры, так и свои традиционные компетенции²²⁴. Усилилась его роль в судопроизводстве. Принцепс советовался с сенатом по ряду вопросов, касающихся благоустройства Города и Италии, включая строительство дорог, акведуков, общественных зданий, снабжения продуктами. Постепенно сенат перенимал у народных собраний такие функции, как законодательство²²⁵ и выборы высших магистратов. Но при этом ему оставалось фактически утверждать на высшие должности тех кандидатов, которых рекомендовал принцепс. Правда, предварительный отбор кандидатов на многочисленные должности производился не без помощи и участия сенаторов.

Сенатские решения (*senatus consulta*) во времена Республики имели только ранг рекомендаций для магистратов. Подобные рекомендации, как и советы, дававшиеся отдельными сенаторами с общепризнанным «авторитетом», как правило, принимались к исполнению. В эпоху Империи они приобрели законодательную силу (Gai. inst. I. 4; Ulp. dig. I. 3. 4). В определённой мере законодательная деятельность сената, особенно в вопросах поддержания общественного порядка и статуса лиц, в частности, отпущенников, возмещала ее прекращение со стороны народного собрания.

²²⁴ См.: Abele T. A. Der Senat unter Augustus. Padeborn, 1907; Машкин Н.А. Август и сенаторское сословие // МГУ. УЗ. Вып. 143. М., 1950. С. 3–26; Talbert R. The senate of imperial Rome. 1984. P. 372 ff., cf. id. Talbert R. The senate and the equestrian posts // CAH² X. 1995. P. 324–343; Brunt P. A. The role of the senate in the Augustan regime // CQ. Vol. 34. No. 2. 1984. P. 423–444 (в частности, Брант обратил внимание на то, что Кассий Дион и Светоний подчас изображают решения, проведённые через сенат, как личные распоряжения Августа, — р. 437); Eck W. Senatorian self-representation. Developments in Augustan period // Millar F., Segal E. (eds.) Seven aspects... P. 129–167; Lacey W. K. Augustus and the senate: 23 B.C. // Antichthon. Vol. 19. 1985. P. 57–68; Портнягина И. П. Сенат и сенатское сословие в эпоху раннего принциата; Егоров А. Б. Цезарь, Август и римский сенат. С. 125–136 и др.

²²⁵ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. III. 2. S. 1238. Позднее сенат обладал законодательной функцией наряду с императором.

Известна активность сената в процессах о величии (*maiestas*) со времени после Акция (App. b. c. III. 95) и при Тиберии²²⁶. Судебная и законодательная деятельность со временем занимала всё большую часть повестки дня сената. Она охватывала главным образом дела, касающиеся общественных и государственных интересов: дела о злоупотреблениях и вымогательстве (*de repetundis*), о превышении полномочий властями (*vis publica*). Процессы велись в сенате, когда в такие дела были вовлечены сенаторы или дело приобретало широкий общественный резонанс. В таких процессах мог участвовать и принцепс сената, также как в предварительном следствии по делам о «величии»²²⁷.

В ведении сената оставались также вопросы, касающиеся общественной безопасности в Риме и Италии, пусть не без надзора и растущего вмешательства принцепса. Об этом говорят, в частности, запреты религиозных групп, в которых усматривалась угроза безопасности, и, в целом, — решения, регулировавшие вопросы отправления культа, местные конфликты, а также постановления, касавшиеся празднеств, представлений и коллегий (Tac. ann. II. 85, XIV. 17; Ios. ant. iud. XVIII. 83 etc.).

Сенат с 27 года до н.э. назначал наместников в ряд провинций. Со времен Т. Моммзена их называли «сенатскими», сегодня их именуют «провинциями Римского народа», в отличие от «провинций Цезаря». Ф. Миллар и его последователи убедительно показали, что император давал инструкции и указания проконсулам, которых назначал в эти провинции сенат. Он контролировал и мог вмешиваться в управление этими провинциями. И всё же (при некоторых изменениях границ и названий) количество таких провинций оставалось неизменным до конца II века²²⁸. В ряде случаев сенат привлекался к урегулированию отношений с союзниками²²⁹.

Налоги из сенатских провинций поступали при Августе в государственную казну — *aerarium Saturni*. В дальнейшем она постепенно скудела, поскольку Август учредил еще одну казну, над которой имел полный кон-

²²⁶ В 26 г. до н.э. (Dio LIII. 23. 7, cf. Talbert R. Op. cit. 1984. P. 463 ff.); в 8, 12 и 13 гг. (Tac. ann. I. 72. 4, II. 79, III. 68. 1; Dio LVI. 27. 1).

²²⁷ Tac. ann. IV. 15, 62 sq.; Suet. Tib. 30. Cf.: Jacques F.; Scheid J. Rom und das Reich in der hohen Kaiserzeit. Bd. I. Stuttgart etc., 1998. S. 80 f. Сенат обладал исключительным правом судить лиц сенаторского звания (Tac. ann. III. 10. 3; Dio LII. 31. 3).

²²⁸ При Августе сенат потерял отведённые ему вначале Иллирию и Сардинию, но Нерон вернул их сенату. Происходили своего рода обмены провинциями. См. также. разделы IV.9 с примеч. 265–269, о провинциях см. разделы X.5 слл.

²²⁹ В 29 г. до н.э. в сенате слушалось дело царя Коммагены Антиоха II, по приказанию которого расправились с посольством его брата, направлявшегося в Рим (Dio LII. 43. 1, cf. Kienast D. 2009. S. 168 f. mit Anm. 59). По решению сената царя казнили. При преемниках Августа эта сфера деятельности сената, как и самостоятельность его решений в целом, постепенно ограничивались. Некоторые примеры подобной активности сената, так или иначе контролировавшейся принцепсом: Tac. ann. II. 35 (при Тиберии); ibid. XII. 62 (время Клавдия); ibid. XV. 22 (правление Нерона).

троль — фиск (*fiscus*), туда со времени Клавдия в основном стекались все средства²³⁰. Читающиеся на бронзовых монетах надписи *ex s.c.* или *s.c. (ex senatus consulto* — «по решению сената») обычно трактуются как свидетельство сенатской самостоятельности, но это далеко не бесспорно. Разумеется, здесь также мог вмешиваться император. Обозначение *s.c.* указывало на решение, принятое центральным правительством, в отличие от местных монет, которые могли чеканиться в провинциях. На серебряных и золотых монетах ставить такой знак не было необходимости, поскольку их выпуск был исключительной прерогативой императора²³¹.

Формально авторитет сената укреплялся тем, что Август был одним из его членов и принцепсом — первым среди равных. Римский сенат оставался олицетворением Римского государства. Можно даже говорить о возрастании значения этой роли, поскольку сенат перенял ряд важных функций народных собраний. Немаловажно, что этот орган утверждал императора, а также решал его посмертную судьбу. Только сенат мог официально ввести в должность императора, без чего тот считался самозванцем. Ведая вопросами религии, он определял посмертные почести императору и членам его фамилии. В уже упоминавшихся *tabula Hebana* и *tabula Siarensis* отражена роль сената в определении таких почестей Германику (19 / 20 гг.). Покойный император мог быть причислен к богам, но память «тирана» подвергалась проклятию²³².

Фактически этот орган играл вспомогательную роль, не имея возможности принимать ответственные государственные решения без участия или предварительного согласия принцепса. Но большинство сенаторов уже во времена Августа вряд ли особенно сожалели об этом. Даже немногие выжившие потомки древних знатных фамилий потеряли надежду вернуть «свободу» по своему разумению и в собственных интересах делить «империю Римского народа». Большинство членов обновлённого сената принимали новый порядок, при котором они за верную службу императору имели надежные и почетные места в государственной иерархии и соответствующие доходы.

²³⁰ *Aerarium populi Romani* — государственная казна по месту пребывания в храме Сатурна на Римском форуме называлась также *Aerarium Saturni* (Tac. ann. I. 75, XIII. 31, XV. 18; Suet. Aug. 36). О *fiscus Caesaris* см.: Sen. benef. VII. 6. 3. См. также: Kubitschek J. W. *Aerarium* // RE. Bd. I, 1. Stuttgart, 1893. Sp. 667–674; Brunt P. A. The “*fiscus*” and its development // JRS. 56. 1966. P. 75–91; Talbert R. The senate... (1984). P. 375 ff. Должность префекта эрария спустя примерно сто лет после Августа занимал Плиний Младший (Plin. ep. I. 10. 9).

²³¹ Эти вопросы рассматривались в: Bay A. The letters S.C. on Augustan aes coinage // JRS. Vol. 62. 1972. P. 111–122; Sutherland C. The emperor and the coinage. *Julio-Claudian studies*. L., 1976. P. 11; Wallace-Hadrill A. Image and authority in the coinage of Augustus // JRS. Vol. 76. 1986. P. 66–87 etc.

²³² Решение сената о посмертном обожествлении Августа — Dio LVI. 46. 1–4. Решение о «проклятии памяти» (*damnatio memoriae*) было принято в отношении Нерона, Домициана, позднее — Максимины Фракийца.

Сенат пополнялся бывшими магистратами, в свою очередь поставляя кадры для занятия высших должностей «восстановленной республики» и всей Империи. Согласно Полибию, монархическое начало в старой Республике, представлявшей собой смешанную конституцию, воплощал в себе консулат. Эта высшая магистратура, как и во времена Республики, была желанной целью как для представителей знатных фамилий так и для честолюбцев, сделавших карьеру благодаря своим заслугам. Сохранённые коллегиальность и ежегодная выборность консулов и других магистратов соответствовали республиканским принципам.

Всё же по существу содержание и значение консулата и других магистратур изменилось. Хотя консулат был доступен примерно лишь каждому второму представителю высших сословий, вступившему на путь почестей (*cursus honorum*), консулов в годовом пересчёте стало намного больше. Как и раньше, 1 января в должность вступал консул, дававший имя году (*ordinarius*). Но через считанные месяцы его могли сменить «дополнительные» консулы-суффекты. Сообщение Авла Геллия о ежемесячной смене фасцев при Августе, возможно, указывает на периодичность смены суффектов (Gell. II. 15). Во второй половине правления Августа ординарии сохраняли консулат полгода, далее шла очередь суффектов. При Юлиях-Клавдиях и в дальнейшем число консулов колебалось между 6 и 10, но могло составлять и много больше (в 190 году — 25 консулов, в их числе император). Ординарные консулаты резервировались для императора и членов его фамилии, особенно приближенных, при Августе и его преемниках — также для потомков знати²³³.

Консулы имели право вмешиваться в исполнение функций низшими магистратами, например, отменять судебные решения, вынесенные преторами, или штрафы, наложенные народными трибунами. Они могли принимать решения по делам сенаторов и всадников, по злоупотреблениям магистратов. В компетенции консулов оставались смертные приговоры, которые они могли приводить в исполнение через своих ликторов. За консулами оставалось право вести заседания сената и народные собрания, распоряжаться государственным имуществом и землями. Они ведали важнейшими религиозными обрядами, жертвоприношениями, проводившимися от имени Римского народа. В выполнении их полномочий в границах померия им должны были помогать низшие магистраты (преторы, эдилы, квесторы и другие). Но фактически престиж консульств уменьшался не только обратно пропорционально их количеству, но также за счет сокращения компетенций. Даже те, что формально сохранялись, могли реализовываться далеко не полностью.

²³³ См.: Jacques F., Scheid J. Rom und das Reich in der hohen Kaiserzeit. Bd. I. S. 66.

Возможности консулов принимать серьезные решения были сведены к минимуму. Консулат утратил реальные политические полномочия, как и высшую военную власть (*imperium*)²³⁴. Полномочия консулов (и тем более — других магистратов) распространялись на Город, в меньшей мере — на Италию. В целом, ограниченная компетенция традиционных органов, которые стали частью «смешанной конституции» (государственной организации *civitas*), распространялась лишь на «восстановленную республику»²³⁵.

Введение должности назначавшегося императором городского префекта и других префектур сокращало реальные полномочия консулов даже в границах померия. Традиционные магистратуры превратились, с одной стороны, в почётные синекуры, с другой — в ступеньки карьеры. Наибольшие возможности предоставлялись на службе императору. Сенатор-консуляр, если он пользовался достаточным доверием принцепса, мог занимать действительно ответственные должности в городской или имперской администрации. Это могли быть кураторы по регулированию русла и берегов Тибра, по надзору за акведуками, по снабжению Города зерном и его распределению, а также целый ряд других. Новые должности, на которые назначал сам император, давали право на ношение претексты, на курульное кресло и сопровождение двумя ликторами за границами померия. Следующей ступенькой становилась должность наместника одной из императорских провинций в ранге *legatus Augusti propraetore*. Среди них существовала определённая иерархия, в зависимости от численности войск, функций (например, финансами распоряжались не все императорские легаты), а также права ведения военных действий. При достаточной длительности жизни такой заслуженный консуляр мог получить в управление одну из богатейших провинций — Африку или даже Азию. Вершиной карьеры могла стать также должность префекта Города, назначавшаяся самим императором. Вначале, при Августе и при Тиберии, она вводилась при необходимости, а позднее (с 27 г. н.э.) превратилась в постоянную²³⁶. Главной задачей городского префекта было поддержание общественного порядка в Городе, он также имел судебные полномочия. Позже Тиберий для эффективного выполнения функций придал префекту три городских когорты (*cohortes urbanae*). Понятно, что это еще больше сузило возможности традиционных магистратов: консулов, преторов, эдилов.

²³⁴ Этот вопрос исследовал К. Жирарде: Girardet Kb. Die Entmachtung des Konsulates im Übergang von der Republik zur Monarchie und die Rechtsgrundlage des Augusteischen Prinzipats (1990) // Girardet K. M. Rom auf dem Weg von der Republik zum Prinzipat. Bonn, 2007. S. 385–424.

²³⁵ Назначение наместников в некоторые провинции производилось под контролем императора, а торжественный приём посольств в сенате не менял того существа дела, что ответственные решения в конечном счёте принимались императором.

²³⁶ В 26 г. до н.э. от неё отказался Месссала Корвин, посчитав недостаточно конституционной (*civilis*). См. выше, раздел V.3 с примеч. 72.

Итак, традиционные политические институты Республики при Августе не были отменены. Народные собрания, сенат, магистратуры сохранились. Постепенно, год за годом, десятилетие за десятилетием, они утрачивали свои компетенции, но существовали, некоторые как атавизмы, еще столетия спустя. Это было наследие Римской республики и «улучшенной смешанной конституции» Августа. Но ничто не осталось неизменным. Если Полибий рассматривал консулов как монархический элемент в «смешанной конституции» Римской республики, то в Августовом Риме это начало было представлено принцепсом. Как написал в начале своего труда Тацит, Август «...под именем принцепса принял под свой империй истомлённый гражданскими раздорами /город Рим/»²³⁷. Можно добавить: с его «восстановленной республикой» и «смешанной конституцией»²³⁸.

Являлись традиционные институты реальными элементами государственной власти или предназначались только для маскировки? Иначе: обладали ли аристократический и демократический компоненты достаточной силой, чтобы выполнять роль уравнивающего фактора в «смешанной конституции»? Важнейшие ресурсы державы и армия контролировались императором. В отношении обладания реальной властью и влиянием: *potestas*, *imperium*, *auctoritas* — особенно в их сочетании, монархическое начало имело явное преобладание. Но это превосходство не было таким, чтобы принцепс мог элиминировать сенат или игнорировать Римский народ²³⁹.

Поздняя Республика рухнула из-за порчи отдельных составляющих, по причине разрушения механизмов их взаимодействия. Новое государство использовало частично регенерированные элементы прежней системы. Но они не могли нести колоссальное здание империи. Этот груз перенимал, в качестве центральной опоры, принцепс, взявший на себя ответственность за «республику». Его растущая *auctoritas* оформлялась официальными полномочиями, почетными именами, званиями и титулами. Исключительный

²³⁷ "...qui cuncta discordiis civilibus fessa nomine principis sub imperium accepit." (Tac. ann. I. 1. 1). Тацит употребил слово *imperium*, хотя в Городе Август опирался прежде всего на свою *auctoritas*. Примерно так же описывает историк ситуацию в одной из следующих глав (*ibid.* I. 9. 5). О тенденциозности Тацита см. раздел IX.3.

²³⁸ Сравн. формулу Дж. Шайда: «Принципат можно определить как реставрацию традиционных республиканских институтов, связанных со стоящей над ними фигурой принцепса» (Jacques F., Scheid J. *Rom und das Reich in der hohen Kaiserzeit*. Bd. I. S. 54).

²³⁹ Представляется неоправданным называть «восстановленную республику» «официальной утопией» (сравн.: Чернышов Ю. Г. Теория смешанной конституции... С. 99; его же. Социально-утопические идеи... Ч. 2. С. 6 сл.). Это был замысел, основанный на учете политической реальности. В той мере, в которой это диктовали и позволяли обстоятельства, он был воплощен в действительность. Другое дело, что в основе реформ, а также их идеологического обоснования, лежали в числе других идеи, бравшие начало в «римском мифе».

статус, влияние и власть Августа в смешанной конституции были вплетены в установления старой и новой «республики»²⁴⁰.

Вокруг принцепса и императора формировалось правительство, Его основу составлял «двор»: друзья и советники, члены семьи, магистраты, военные командиры и другие высшие чиновники. Из них, а также из рабов и отпущенников Августа начал формироваться административный аппарат. Заботясь о стабильности заново организуемого государства, принцепс не пренебрегал традициями, использовал старые, по необходимости усовершенствованные, методы для управления Городом, опирался на поддержку римских граждан.

Всё вместе представлялось как «усовершенствованная смешанная конституция». Это устройство обеспечивало интересы основных групп гражданского населения — *“res publica”*. Разумеется, *res publica restituta* понималась не как «древняя» «свободная» (т.е. аристократическая) Римская республика — но как восстановленное гражданское согласие в новых условиях, на основе принципа *res publica = res populi*.

Обозначением внутреннего государственного устройства Римского народа (*forma rei publicae*) на языке политической философии того времени следует считать не диархию, монархию или республику, а «новую смешанную форму». Она же — новое наилучшее устройство «восстановленной республики» (*novus optimus status, optima forma rei publicae*). *Princeps civitatis* был ее спасителем, восстановителем, управляющим, попечителем и гарантом. «Принципат» — то есть первенство, идеологически обоснованное *auctoritas principis*, — был органичной составляющей новой смешанной конституции²⁴¹.

В современной исторической литературе форму государства, характерную для ранней Римской империи, называют «принципатом». Слово удобно тем, что подчеркивает ее уникальность. Все же следует иметь в виду, что в

²⁴⁰ Следует обратить внимание, что «император» изначально был республиканским статусом. Со временем, в конце Республики, императоры начали противопоставлять себя гражданской общине. Мы не можем согласиться с Э. Рэймеджем, который считает, что в новом государстве Август, как император, противостоявший «старой республике», опирался на превосходящую *auctoritas*. В этом пункте автор противоречит собственным рассуждениям и аргументам, убедительно показывающим «республиканское» происхождение и природу *auctoritas* (Ramage E.S. The nature... P. 53, cf. 52 f.). О соотношении «республики» и «империи» см. раздел 10.7.

²⁴¹ Изложенная концепция близка теории «диархии» Т. Моммзена. Он показал, что принципат с государственно-правовых позиций не был монархией. Формально власть осуществлялась принцепсом и сенатом от имени Римского народа — таким образом, в этой концепции так или иначе присутствовали три элемента всё той же смешанной конституции. Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. II.2. S. 748 f. Моммзен определял таким образом правовую структуру власти. С позиций фактических властных отношений он определял принципат как «автократию, умеряемую революцией, непрерывной с правовой точки зрения» (ibid. S. 1133). О роли Августа как попечителя государства сообщает Кассий Дион (Dio LII. 12. 1, cf.: Strabo XVII. 3. 25. Cf.: Premierstein A. Vom Werden... S. 117–133; Liebeschuetz J. The settlement of 27 B.C. pass.; Rich J. Cassius Dio. P. 139 f.; id. Leges... P. 212).

рассматриваемое время этот термин вообще (и для обозначения формы государства в частности) не употреблялся. Слово *princeps* обозначало статус конкретного человека. В государственно-правовом смысле римская *quasi civitas* с ее «восстановленной республикой» была «новой смешанной формой». Развитие описанной полисной структуры все более определялось взаимодействием с провинциями, так что в период правления Августа Город начал превращаться в столицу и тем самым в одну из составных частей Римской империи. Вопрос о государственной форме этого нового образования еще предстоит рассмотреть в заключительной X главе.

VI. Древние мифы для нового века

Илл. VI.1. *Воображаемый
буколический ландшафт*

1. Римский миф, антиквары и идеология «реставрации» – 391
2. Возрождение древней религии – 403
3. Культ правителя в империи и в «восстановленной республике» – 418
4. Прокрустово ложе законов о браках – 444
5. Старинные нравы и новые законы «восстановленной республики» – 457
6. Секулярные торжества и новый век – 468

VI.1. Римский миф, антиквары и идеология «реставрации»

*Вины отцов безвинным ответчиком
Ты будешь, Рим, пока не восстановлены
Богов упавшие жилища,
Их изваяния в черном дыме.
Да! Рим — владыка, если богов почитит:
От них начало, в них и конец найдем.
За нераденье боги много
Бед посылают отчизне горькой
...
В грехом обильный век оскверняются
Сначала браки, семьи, рождения;
Отсюда выйдя, льются беды
В нашей отчизне, во всем народе.
...
Чего не портит пагубный бег времен?
Ведь хуже дедов наши родители,
Мы хуже их, а наши будут
Дети и внуки еще порочней.*

(Hor. carm. III. 6. 1–9; 17–20; 45–48.
Перевод Н. Шатерникова)

Смуты и гражданские войны были позади, но оставили тяжелые шрамы на теле, а еще глубже — в душе римского общества. Погибли десятки тысяч граждан, воевавших друг против друга в легионах. Представители высшего сословия беспощадно истреблялись не только в ходе борьбы «партий», но уже из-за своего происхождения и возбуждавшего зависть богатства, а также по множеству других поводов. Рабы выдавали господ, сыновья — отцов. Проскрипции, конфискации земель, чрезвычайные налогообложения и кон-

трибуции, «наказания» целых городов и общин посеяли неуверенность и страх за жизнь, имущество, будущее детей у миллионов людей в Италии и провинциях. Происходящее складывалось в картину разрушения и гибели всего привычного порядка жизни, в воздухе витало предчувствие всемирной катастрофы. Глобальному масштабу катаклизмов должны были соответствовать причины такого же фундаментального характера. Римлянам нескончаемые беды представлялись наказанием богов, чему было достаточно оснований: древние обряды не соблюдались, полуразрушенные храмы и алтари были заброшены и засыпаны мусором, обычаи предков давно забыты¹.

Ожидание конца мира кажется не самым благоприятным фоном для устройства совершенного государства — в случае, если утрачена надежда. Но в Риме, при, казалось бы, полном крушении общественных устоев, были все еще живы глубоко укорененные вековые традиции. Потомки Ромула искали и находили опору в славном прошлом. Оно виделось сквозь розовый туман преданий и подкреплялось желанием вернуться к нормальной жизни. В памяти всплывали воспоминания об услышанных в детстве легендах. Пережитое придавало этим настроениям ностальгическую окраску, вносило мистические тона. Одновременно вырастало убеждение, что лишь религиозное и нравственное возрождение могут быть залогом спасения Рима и мира². Так полнейшая растерянность на заключительном этапе гражданской войны начала сменяться усиливавшейся тягой к реанимации жизненных ценностей, которые считались атрибутами «древней республики». Историческое (мифологическое) сознание, несмотря на глубокие изменения в римском обществе, сохраняло прежние ориентиры и оставалось

¹ Современная наука, в отличие от древних, использует рационалистические объяснения. Указывается на кризис республики и *civitas*, на социально-экономические или социально-психологические явления, фундаментальные изменения в области культуры. Процессы духовного брожения, секуляризации мировоззрения представителей высших сословий, новые явления в области римской религии освещены в ряде специальных и общих работ. См.: Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 107 сл., 164; Latte K. *Römische Religionsgeschichte*. München, 1976³. S. 264 ff. (где все изменения и появление новых культов трактуется как упадок религии); Ogilvie R. M. *The Romans and their gods in the age of Augustus*. L., 1969 etc. Дж. Либешютц обратил внимание на распространение рационализма: Liebeschuetz J. *Continuity and change in Roman religion*. Oxf., 1979. P. 29 ff. На то, что не следует абсолютизировать упадок религии в последние десятилетия Республики, обратил внимание Wardman A. *Religion and statecraft among the Romans*. L., 1982. P. 64–66. Авторы обобщающего труда: Beard M., North J., Price S. *Religions of Rome*. 2 vols. Cambr., 1998–1999, — показывают, что в утверждениях об упадке религии и запустении храмов во многом просматриваются взаимные обвинения враждебных политических группировок. Под влиянием эллинистических идей и чужеземных культов проявления и формы религиозности становились более разнообразными, что также могло восприниматься как упадок и разложение традиционной религии (Vol. I. P. 114–166). Сравн. далее примеч. 32, 38.

² О том, что всегда сохранялось место и для позитивных идей, говорят, в числе прочих фактов, постановление сената в 44 г. до н.э. о возведении храма *Concordia nova* (Dio XLIV. 4. 5), или появление монет с надписью *Pax* (Sydenham E. A. *The coinage of the Roman republic*. L., 1952. N. 1065); Latte K. *Die augusteische Restauration* // Binder G. (hrsg.). *Saeculum Augustum*. Bd. II. 1988. S. 31, Anm. 25 f. Подобные примеры показывают, что важнейшие элементы идеологии Августа принципат появились не вдруг.

важной опорой просыпавшегося народного духа. Приобретали все новых сторонников идеи о необходимости возрождения «нравов предков» и обращения к отечественным богам³.

Современники Цицерона и Октавиана знали, что «настоящие римляне», на которых следует равняться, жили очень давно, но они же находились всегда рядом: духи предков (маны) охраняли потомков, домашние очаги и сам Город. Из поколения в поколения передавались рассказы о славных героях прошлого и их доблестях⁴. Создателей римского величия отличали прежде всего преданность Республике, безусловная готовность жертвовать собой ради ее спасения, блага и могущества. В иерархии достоинств гражданина на первом месте находились характеристики и деяния, направленные на благо отчизны, затем — на благо родных, лишь на последнем месте стояла забота о собственном благополучии⁵. Патриотизм опирался на мужество, дисциплинированность, воздержанность, свободолюбие, высокое понятие о долге, уважение к божеским и человеческим законам. Эта система ценностей запечатлена и в эпитафиях, в частности, в надгробных надписях Сципионов (CIL I. 2.9 sq.). В них отражена еще одна важная черта особого понимания смысла жизни — необходимость апробации достоинств гражданина коллективом.

Возвышающие человека в глазах сограждан качества иллюстрировались запоминавшимися с детства образами героев: основатель республики и первый консул Юний Брут, осудивший на смерть своих сыновей, которые были

³ Изучение исторической памяти как основы римской идентичности является в современной историографии одним из важнейших направлений исследований. Наиболее важные работы: Walter U. *Memoria und res publica. Zur Geschichtskultur im republikanischen Rom*. Frankfurt, 2004 (в т.ч. обзор методологической проблематики на с. 26–35); Gowing A. *Empire and Memory. The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture*. Cambr., 2005; Hölkeskamp, K.-J. *History and Collective Memory in the Middle Republic* // Rosenstein N. and Morstein-Marx R. (eds.), *A Companion to the Roman Republic*. Maiden, 2006; Galinsky K. (ed.) *Memoria Romana. Memory in Rome and Rome in Memory (MAAR. Suppl. vol. 10)*. Ann Arbor, 2013 / 2014. Следует также назвать подготовленный коллективом авторов том с очерками, посвященными важнейшим персоналиям и памятникам, которые на протяжении веков являлись опорными пунктами римской исторической памяти: Stein-Hölkeskamp E., Hölkeskamp K.-J. *Erinnerungsorte der Antike. Die römische Welt*. München, 2006.

⁴ Традиционная римская система ценностей оказалась в центре внимания ведущих советских исследователей уже в 60-е годы XX века в связи с изучением античной гражданской общины (греческий «полис» и его римский вариант «цивitas»), обсуждением проблемы кризиса и падения Римской республики. Наше по возможности краткое изложение опирается на работы: Утченко С. Л. *Кризис и падение Римской республики*. М., 1965; его же. *Древний Рим. События. Люди. Идеи*. М., 1969. С. 220 сл.; его же. *Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до н.э.)*. М. 1977. С. 68 сл.; Штаерман Е. М. *Кризис античной культуры*. М., 1975. С. 44 сл., 75 сл.; Кнабе Г. С. *Древний Рим — история и повседневность*. М., 1986. С. 19 сл.; его же. *Современная Европа и ее антично-римское наследие*. М., 2010. С. 23 сл.; его же. *Европа с римским наследием и без него*. СПб., 2011. С. 25 сл. Важная роль религии в функционировании всех институтов Римской республики освещена в работе: Квашнин В. А. *Политика, право и религия в жизни римской гражданской общины (III–II вв. до н.э.)*. Вологда, 2006. См. также раздел III.1.

⁵ С. Л. Утченко подчеркивал, что эта иерархия приоритетов практически одна и та же у Гая Луцилия (Lucil. fr. 1337 sqq.) и через сто лет — у Цицерона (Cic. off. I. 57 sq.). См.: Утченко С. Л. *Древний Рим... С. 220 сл.; его же. Политические учения... С. 70.*

Илл. VI.2. Настенная роспись: Эней с отцом Анхизом на плечах и с сыном Асканием бегут из горящей Трои. Классический пример проявления одной из главнейших римских добродетелей — *pietas*. Рядом — Илл. VI.3. Карикатура на тот же сюжет.

замешаны в заговоре в пользу изгнанного царя Тарквиния; Муций Сцевола, сжегший на костре свою руку с целью продемонстрировать мужество римских юношей, чем устрасил этрусского царя Порсенну; полководец Цинциннат, тотчас после победы вновь взявшийся за свой плуг; Курций, бросившийся в разверзшуюся на форуме пропасть, чтобы отвести от Рима гнев богов; консул Деций Мус, пожертвовавший своей жизнью для того, чтобы обеспечить победу своему войску; победитель Пирра, консул Курий Дентат, который вернулся к обработке своего скромного участка, отказавшись от своей доли добычи, и многие другие⁶.

Моральные ценности и добродетели, на которых держалась «республика», были обожествлены, им посвящались храмы и алтари. Со вт. пол. V в. до н.э. известен храм Верности — *Fides*. Эта богиня, тесно связанная с верховным богом Юпитером, была гарантом верности клятве, освящая взаимные обязательства патрона и клиента, полководца и солдата, гражданина и Города, Рима и союзников. *Pietas* (Благочестие) указывала на почтительное отношение к отеческим богам, а также к родителям, обычаям, преданность родине. *Virtus* означала доблесть как таковую, вместе с благородством, порядочностью, — и особенно — мужество и храбрость, стойкость, выдержку и другие воинские качества. Нопог олицетворял за-

⁶ Эти и другие примеры см.: Штаерман Е. М. Кризис... С. 45; подробно: Маяк И. Л. Римляне ранней Республики. С. 22–62 (гл. 2. «Рим ранней Республики и его герои»).

служенные одобрение и почет, его знаками могли быть внешние отличия, например, венок или триумф. Согласно (*Concordia*) в 367 г. до н.э. был посвящен храм в знак примирения плебеев с патрициями. Почитались Справедливость (*Aequitas*), Свобода (*Libertas*) и бесчисленное количество других божеств. Римский пантеон в целом был ориентирован на гражданские качества, в центре его была *civitas*. «Римский народ — *populus Romanus*, свобода народа, долг служить всеми силами Риму на любом месте, в любой роли — такова была основа системы ценностей римлян периода расцвета их города-государства»⁷.

Немногие народы так ценили свое прошлое и хранили о нем память, как римляне. «Нравы предков были для них наставлением, идеалом и нормой, а движение времени вперед, соответственно, нарушением идеала и нормы и, следовательно, — утратой, разложением, порчей». Так характеризует особенность римского самосознания Г. С. Кнабе⁸, цитируя по этому поводу несколько характерных текстов. Приведем лишь два самых кратких. Сенатское постановление 92 г. до н.э. гласило: «Новшества, противные обычаям и нравам наших предков, нам не нравятся и не представляются правильными». Спустя полтора века, в 61 г. н.э., знаменитый правовед Гай Кассий Лонгин произнес в сенате: «Меры, которые принимались в старину в любой области, были лучше и мудрее, а те, что впоследствии менялись, менялись к худшему»⁹.

Основания для таких высказываний — не только упорное желание держаться за старое, но и стремление остановить разрушение традиционных норм, в частности, противостоять явлениям, которые в современной историографии обозначаются как кризис полиса и идейно-политический кризис Римской республики. Порча традиционной морали, религии, политических институтов усиливались по мере разложения римской гражданской общины. Этот процесс был следствием завоеваний, оборотной стороной военных успехов, притока богатств, преодоления как физических, так и духовных рамок *civitas*. Оказываясь вдали от Города, в другой стране, среди людей, готовых отдавать победителям божеские почести, римские полководцы чувствовали себя менее зависимыми от оценки сограждан. Огромные средства, оседавшие в Риме, распределялись неравномерно, что разрушало прежде сравнительно однородный коллектив. Невозможно переоценить результаты влияния эллинистического Востока: появление вкуса к роскоши, тяга к обогащению, индивидуализм. Некоторые консервативно мыслявшие

⁷ Штаерман Е. М. Кризис... С. 48.

⁸ Кнабе Г. С. Древний Рим... С. 19.

⁹ Первая цитата приведена по «Аттическим ночам» Авла Геллия (Gell. XV. 11), вторую воспроизвел Тацит в «Анналах» (XIV. 43. 1). См. Кнабе Г. С. Древний Рим..., сравн. его же. Европа... С. 25.

представители римской элиты пытались оказать противодействие этим набравшим силу тенденциям.

Ярким эпизодом внутривластной борьбы в Риме была цензорство Катона Старшего (184 г. до н.э.). Он неустанно боролся против «гнусных новшеств» (*nova flagitia*). Будучи, несмотря на сопротивление самых влиятельных политиков, избран на должность цензора, он изгнал из сената целый ряд членов, нарушивших древние установления. Одним из главных пунктов программы Катона была борьба с роскошью. Этот порок стоял на первом месте среди тех, которые цензор обличал также в своих сочинениях, в частности, в «Поэме о нравах». За роскошью и корыстолюбием шли тщеславие, порождавшее все предвыборные махинации, затем бесстыдство, распутство, грубость, высокомерие, жестокость, необузданность, бездельность, лень и т.д.¹⁰ Катону-цензору лишь ненадолго удалось остановить натиск пороков. Вскоре они устремились на Рим с новой силой вместе с добычей победоносных войн.

Греческих авторов интересовали прежде всего государственные формы. Платон говорил о вырождении олигархии в демократию, демократии в тиранию. Мысли о «порче» государства развивал Аристотель, разработав учение о правильных и извращенных формах правления¹¹. Римляне, как Катон, видели происходившее иначе: все беды проистекали из порчи нравов, из отступления от обычаев предков (*mores maiorum*). Нравственность была органичным элементом политической жизни. У римлян не могло появиться представления о государственном деятеле — «технократе». Политический имидж был неотделим от личных качеств, любая акция требовала моральной и религиозной санкции. Влияние магистрата или сенатора зависело от его *auctoritas*, которая обозначала «авторитет», но и «вес», влияние политика, определявшиеся не в последнюю очередь его моральным обликом¹².

Разработанная греками теория о закономерной смене государственных форм соединялась с римским «учением об упадке нравов». Его первыми теоретиками были представители римской Стои, греки по происхождению, Полибий (200 — ок.120) и Посидоний (135–51). Полибий увидел Рим на вершине его могущества. Он объяснял внешнеполитические успехи прежде всего совершенным государственным устройством. Посидоний наблюдал начало политического кризиса римского общества, связав его с моральной деградацией. Фрагменты его сочинения, сохранившиеся у Диодора, содержат указания на *metus Punicus* (карфагенскую угрозу) как фактор, который сдерживал

¹⁰ См.: Plut. Cato maior; cf. Gell. n. A., сравн.: Утченко С. Л. Политические учения... С. 76 слл.

¹¹ Plato. Resp. 562 a–b; Arist. pol. III. 4. 1–5. 7; V. 1–9. Сравн. Утченко С. Л. Политические учения... С. 158 сл. См. также раздел III. 1.

¹² Об «*auctoritas*» см. подробнее раздел VII.3.

стремление к роскоши и моральную распущенность. Согласно этим позднее широко известным представлениям, после падения Карфагена в 146 году до н.э. началось катастрофическое разрушение устоев римского общества вследствие ничем более не сдерживавшихся алчности и корыстолюбия¹³.

Римская историография появилась довольно поздно. Первый известный историк, Квинт Фабий Пиктор, писал по-гречески (ок. 200 г. до н.э.). Историография развивалась в рамках различных жанров, важнейшими из которых были анналистика и антиквария. Анналисты ориентировались на изложение римской истории по хронологическому принципу, «от основания Рима» (*ab urbe condita*). Им принадлежали яркие описания героических подвигов предков, которые стали «примерами» (*exempla*) подражания для поколений римлян¹⁴. В отличие от этого, в центре внимания антикваров оказались древние «обычаи» в самом широком понимании¹⁵.

Характерно, что в Риме историописанием занимались многие люди с высоким социальным статусом — государственные мужи, вышедшие в отставку. Для них это был *cum dignitate otium* — «достойный досуг», поскольку таким образом они продолжали служить *rei publicae*. Трактруя события с позиций политического класса, они формировали и цементировали идеологию Римской олигархической республики.

В одной из своих статей А. Момильяно заметил, что Августова реставрация была бы невозможна без Марка Теренция Варрона (116–27 гг.)¹⁶. Итальянский исследователь имел в виду широкое умственное движение и влиятельное направление римской науки — антикварию. Оно было представлено плеядой ученых самого различного происхождения и убеждений. Помпеянец и друг Цицерона П. Нигидий Фигул (ок. 100–45 гг.) умер в ссылке¹⁷. Вольноотпущенником был известный грамматик времени Августа

¹³ См.: Утченко С. Л. Политические учения... С. 158–181 (VIII глава «Теория упадка нравов и идея нравственной реформы»), сравн.: Edwards C. The politics of immorality in ancient Rome. Cambr., 1993. О Полибии и его взглядах см.: Тыжов А. Я. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история. Том I. СПб., 1994; Самохина Г. С. Полибий: эпоха, судьба, труд; Фриц К. фон. Теория смешанной конституции в античности: критический анализ политических взглядов Полибия. СПб., 2007 (со вступительной статьей А. Б. Егорова); Dreyer B. Polybios. Leben und Werk im Banne Roms. Hildesheim, 2011 etc.

¹⁴ О римской историографии в целом см.: Утченко С. Л. Политические учения... С. 99–116; Штаерман Е. М. Социальные основы религии... С. 152–162; Немировский А. И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж, 1989. С. 226 сл.; Pöschl V. (Hrsg.) Römische Geschichtsschreibung. Darmstadt, 1969; Mehl A. Römische Geschichtsschreibung: Grundlagen und Entwicklungen. Stuttgart etc., 2001; Flach D. Römische Geschichtsschreibung. Darmstadt, 2013⁴ (об «Анналах» на с. 56 слл. с лит. на с. 79).

¹⁵ См.: Сидорович О. В. Анналисты и антиквары... (об антикварах и Варроне с. 165–279). Издания фрагментов сочинений Варрона указаны в разделе I.5 примеч. 40 сл.

¹⁶ Momigliano A. Ancient history and the antiquarian (repr.) // id. Contributo alla storia degli studi classici. Roma, 1955. P. 72.

¹⁷ Нигидий Фигул происходил из плебейского рода и прошел путь до претора, воевал против Юлия Цезаря на стороне Помпея. Нигидий известен как ученый-натуралист и грамматик. Антикварные интересы проявились как в труде *Commentarii grammatici* (ок. 30 книг), так и в сочинении об аугурациях и истолко-

М. Веррий Флакк¹⁸. Подавляющая часть антикварных сочинений не сохранилась, разве что в извлечениях и ссылках более поздних авторов. Известны в основном имена ученых (иногда ещё названия некоторых работ): консул Кв. Лутаций Катул (ок. 152–87 гг.), вместе с Г. Марием разбивший кимвров; Л. Элий Стиллон, всадник, учитель Варрона и Цицерона; Аврелий Опилий; М. Антоний Гнифон (114–64 гг.) учил Цезаря и Цицерона; Л. Атей Претекстат/Филолог (до 97 — после 29 гг.), друг Саллюстия и Азиния Капитона; Г. Требаций Теста, юрист, друг Цицерона; Граний Флакк, посвятивший книгу Цезарю; Аппий Клавдий Пульхр, авгур, консул 54 г.; М. Валерий Мессала Руф, консул 53 г., авгур; Элий Галл, префект Египта в 27/26 г.; выдающийся юрист М. Антистий Лабейон, претор в 5 г. н.э., ум. ок. 10 г.; Г. Атей Капитон, известный юрист, консул-суффект 5 г. н.э., ум. в 22 г., Август поручил ему подготовку к Секулярным играм, когда ему было всего 20 лет¹⁹. Антиквары, проявляя особый интерес к причинам и истокам (*origines*) тех или иных явлений, тяготели к исследованию древностей на основе широкого использования первоисточников (в частности, документов жреческих коллегий). Их сочинения изобиловали цитатами из древних авторов, опирались на методы «грамматики», в частности, этимологии и глоссологии. Специальное внимание антиквары уделяли религиозным обычаям и политическим институтам, не стремясь, в отличие от собственно историков, к последовательно-хронологическому изложению событий и литературному изяществу.

Расцвет антикварии в Риме относится к сер. I в. до н.э. Это явление обнаруживает специфические ферменты духовного брожения, особое направление мыслей. Проявившийся в антикварии подход к рассмотрению явлений окружающей жизни соответствовал общественным потребностям. Политический кризис сопровождался кардинальными изменениями в духовной сфере. Приходили в забвение древние обычаи, терялись жизненные ориентиры. Антиквария пыталась противостоять этому процессу потери национальной идентичности. Изучение и описание древностей имело целью создание своего рода «банка данных», который был необходим для сохра-

ваниях снов. Авл Геллий и Сервий упоминают его вместе с Варроном (Gell. XIX. 14; Serv. Aen. X. 175). См.: Schmidt P. L. Nigidius Figulus // KP. Bd. IV. Sp. 91 f.

¹⁸ Через его сочинение *De verborum significatu* последующая традиция смогла перенять некоторые результаты исследований Варрона. См.: Suet. gramm. 17. 4 etc. Cf.: Schmidt P. L. Verrius 2 // KP. Bd. V. Col. 1209 f.; Ломмэ М.-К. Веррий Флакк при дворе Августа: эрудит на службе принцепса // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура. М., 2005. С. 210 слл.

¹⁹ О Лабейоне и Капитоне см. раздел IX.6. Об антикварах см. также: Ломмэ М.-К. Ук. соч. С. 220–224 (приложение-таблица 1. Антиквары конца Республики). Следует иметь в виду, что официальными толкователями законов и сакральных установлений могли быть лишь обладатели соответствующих должностей. Профессиональные ученые-эрудиты, рабы и вольноотпущенники, тот же Веррий Флакк, считались грамматиками, т.е. комментаторами. Тем не менее, научный авторитет их трудов был очень высок.

нения и возрождения традиций, политических, моральных и религиозных, столь необходимых для самоидентификации.

Наиболее продуктивным и значительным из историков этого направления и был Варрон, он же справедливо считается самым выдающимся римским ученым-энциклопедистом (*polyhistor*)²⁰. Среди его сочинений — труды по грамматике, юриспруденции, истории литературы, искусству, агрономии и другие. Истории Рима, древним традициям и обычаям в числе других были посвящены фундаментальные «Древности человеческие и божественные» в 41 книге и «О жизни римского народа» в 4 книгах. Варрон, вместе с другими антикварами, собрал и систематизировал огромный фактический материал. Признанием выдающихся заслуг ученого в развитии римской культуры явилось то, что он, единственный из живших тогда римлян, был удостоен памятника в открытой Азинием Поллионом первой римской публичной библиотеке²¹.

Свой главный труд Варрон посвятил Юлию Цезарю. Это было обусловлено не только должностью — диктатор был великим понтификом. Их связывали также какие-то общие взгляды, Цезарь безусловно ценил знания ученого. Не случайно именно Варрону он поручил организацию в Риме греческих и латинских библиотек (Suet. Iul. 44. 2). К услугам эрудита обращались и другие государственные деятели, в частности, Помпей (Gell. XIV. 7). В «*Res divinae*» Варрона содержалось подробное описание, частично с реконструированными деталями, божеств, жреческих коллегий с их функциями, обрядов, мест и сроков исполнения богослужений, проведения праздников²². Эти знания понадобились позднее Августу и его помощникам для возрождения государственных культов после периода смут.

Свою особую признательность Варрону высказал Цицерон: «Нас, бывших в собственном городе странниками, нас, блуждавших здесь, словно иноземцы, твои книги вернули домой, чтобы мы наконец узнали, кто мы и где находимся» (Cic. ac. post. I.9). Варрон был одним из тех, кто резко критиковал проявления упадка нравов в среде правящего класса²³. Можно сказать, что этот выдающийся ученый-энциклопедист, вместе с другими ин-

²⁰ По охвату наук, основательности и авторитетности в последующие века с Варроном можно сравнивать лишь Плиния Старшего. О Варроне см.: Cardauns B. Varro und die römische Religion. Zur Theologie, Wirkungsgeschichte und Leistung der "Antiquitates Rerum Divinarum" // ANRW II. Bd. 16, 1. S. 80–103; id. Marcus Terentius Varro. Einführung in sein Werk. Heidelberg, 2001; Baier Th. Werk und Wirkung Varros im Spiegel seiner Zeitgenossen von Cicero bis Ovid. Stuttgart, 1997 etc. Издание фрагм.: Salvatore M. (Hrsg.): M. Terenti Varronis Fragmenta omnia quae extant. 1–2. Hildesheim, 1999–2001.

²¹ Plin. n. h. VII. 115. О библиотеке Поллиона см. также в разделе VIII.8.

²² Из 41 книги главного труда Варрона последние 16 были посвящены «божественным древностям». Cardauns B. Varro... S. 80 ff.

²³ См.: Сидорович О. В. Анналисты и антиквары... С. 264–266. Варрона, Цицерона и Аттика связывали, хоть и не совсем простые, дружеские узы (там же, с. 185–189).

теллектуалами, духовно подготовил Августову программу «восстановления республики».

Цицерон не случайно начал свой трактат “De re publica” с перечисления древних мужей. Они отличались прежде всего доблестью и выше всего ставили благо «республики» (Cic. *гер. I. 1*). Вторая книга трактата представляет собой обширный исторический (анналистическо-антикварный) экскурс. В ней Цицерон, по примеру Катона Старшего, ведет повествование от «начал римского народа», повествуя, «как государство наше нарождалось, росло, зрело, и наконец, стало крепким и сильным...» (*ibid. II. 3*). В другом трактате, «О законах», он тоже немало рассуждает о римских традициях. Обращаясь к «Законам XII таблиц», Цицерон рассказывает о деятельности децемвиров, обязанностях других магистратов и прочих «древних» установлениях (*leg. II. 15 ff.*). В речи «За Марция», обращенной к Цезарю, призывая диктатора «устроить (привести в порядок) республику» (*ut rem publicam constituas*), Цицерон говорил: «Тебе одному, Гай Цезарь, придется возрождать все то, что, как ты видишь, неизбежно оказалось подорванным в ходе войны: учреждать суды, восстанавливать кредит, обуздывать низкие страсти, заботиться о будущих поколениях и связывать суровыми законами все то, что уже распалось и готово окончательно исчезнуть»²⁴. Цицерон предлагал комплекс необходимых преобразований, при этом традиции, моральные и юридические аспекты должны были играть в возрождении общества ключевую роль.

Убедительным свидетельством глубокого влияния идеи упадка нравов на римскую социально-политическую мысль являются исторические труды Гая Саллюстия Криспа (86–35 гг. до н.э.)²⁵. Хотя Саллюстий даже не пытался, отдавая дань традиции, предпослать своим сочинениям сжатого очерка «от основания Города», концепция, имманентно присутствующая в его сочинениях, учитывала всю римскую историю, выходя на поверхность в известных «регрессиях». Саллюстий оказался самым глубоким интерпретатором концепции «упадка нравов», объяснявшей разразившийся с конца II в. кризис. Исторические произведения Саллюстия с их отсутствием введений “*ab Urbe condita*” — классический пример исключения, как нельзя лучше подтверждающего правило. Правило это — римский историзм, который можно

²⁴ Cic. *Marc. 23*, cf. *27*. См. Утченко С. Л. Политические учения... С. 178 сл. Подробнее об этой речи Цицерона см. раздел III.2.

²⁵ О распространенности теории упадка нравов свидетельствуют приписываемые Саллюстию «Письма к Цезарю» (50–46 гг. до н.э.). Содержательный анализ темы, избавляющий нас от необходимости подробного рассмотрения, см.: Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба. С. 79–160; его же. Древний Рим. С. 243–289; его же 1977. С. 163–178. Саллюстий призывал Юлия Цезаря употребить свою власть для укрепления государственных устоев и восстановления «добрых нравов». В более позднем из двух писем автор подробно остановился на моральном состоянии современного общества, изобличая его главные пороки — роскошь и алчность.

определить как тип социального мышления, основанный на соотнесении всего происходящего в реальной жизни с «древностью», с опытом и нравами предков.

В развернутом виде концепция Саллюстия изложена в его монографии «Заговор Катилины»²⁶. Заговорщики, задумавшие насильственным путем захватить власть в государстве и обогатиться за счет сограждан, представлены как продукт своего времени. В специальном экскурсе Саллюстий излагает свою концепцию римской истории. По его мнению, время расцвета продолжалось от изгнания Тарквиния Суперба (Надменного) до разрушения Карфагена. Процветание и могущество Рима основывалось на замечательных качествах его граждан: «...для таких мужей не существовало ни непривычного труда, ни недоступной и непроходимой местности, ни внушающего страх вооруженного врага; их доблесть превозмогала все. Но между собой они энергично соперничали из-за славы; каждый спешил поразить врага, взойти на городскую стену, совершить такой подвиг на глазах у других; это считали они богатством, добрым именем и великой знатностью. До похвал они были жадны, деньги давали щедро, славы желали великой, богатств — честных» (Sall. Cat. 7. 5–6). «...И во времена мира, и во времена войны добрые нравы почитались, согласие было величайшим, алчность — наименьшей. Право и справедливость зиждились на велении природы в такой же мере, в какой и на законах» (ibid. 9. 1). Но постепенно богатство и безделие начало расслаблять воинов. Как особенно пагубное для нравов Саллюстий отмечает время Суллы, при котором его сторонники получили ко всему возможность безнаказанно грабить и совершать преступления против граждан (ibid. 11. 4–8).

Богатство, по Саллюстию, было главным фактором, разрушавшим прежнюю доблесть: «Когда богатства стали приносить почет и сопровождаться славой, властью и могуществом, то слабеть начала доблесть, бедность — вызывать презрение к себе, бескорыстие — считаться недоброжелательностью. И вот из-за богатства развращенность и алчность наряду с гордыней охватили юношество, и оно бросилось грабить, тратить, ни во что не ставить свое, желать чужого, пренебрегать совестливостью, стыдливостью, божескими и человеческими законами, ни с чем не считаться и ни в чем не знать меры» (ibid. 12. 1–2). Примечательно, что ссылкой на богатство одних и бедность других распалял боевой пыл своих сторонников и сам Катилина, в передаче историка (ibid. 20. 5–13). Для усиления аргументации Саллюстий цитирует выступление Марка Порция Катона (Утического) на заседании сената. Стоик противопоставил своим коллегам славных предков, которые возвысили Рим своей доблестью. Их отличало «на родине — трудолюбие,

²⁶ Заговор имел место в 63 г., книга написана Саллюстием ок. 41 г. до н.э.

за рубежом — справедливая власть, в советах — свобода духа, не отягощенная ни совершенными проступками, ни пристрастием. А у нас вместо этого — развращенность и алчность, в государстве — бедность, в частном быту — роскошь, мы восхваляем богатства и склонны к праздности; между добрыми и дурными людьми различия нет; все награды за доблесть присваивает честолюбие. И ничего удивительного: так как каждый из вас в отдельности думает только о себе, так как в частной жизни вы рабы наслаждений, а здесь — денег и влияния [могущественных людей], то именно поэтому государство, оставшееся без защиты, и подвергается нападению»²⁷.

Теория упадка нравов, столь выразительно представленная в позднереспубликанской историографии, была теоретическим осмыслением широко распространенных взглядов, в центре которых находилась мифологизированная история Города — «римский миф». Это была своего рода метаидеология народа, на протяжении всего своего исторического бытия с пиететом равнявшегося, или в трудные времена по необходимости озиравшегося, на предков²⁸. Римский историзм как эволюционирующая система идей, убеждений, ценностей, ориентировал мировоззрение в историческом пространстве и времени. Он во многом определял образ мыслей политиков и интеллектуалов последних поколений Римской республики.

Мифологизированная история была отправным пунктом и идейной основой Августовых реформ. Она была органичной частью самосознания народа, так что ссылки на этот миф не требовали дополнительных пояснений и доказательств. Август не был в этом смысле ни новатором, ни дьявольски хитрым изобретателем. Римляне хотели возвращения к «республике» — такому состоянию общества и государства, когда на первом месте стоят интересы всего гражданского коллектива, а не отдельных вождей и их клик. Это, в свою очередь, предполагало возрождение «древней религии» и «древних нравов». Поэтому курс на «восстановление республики» с ее обычаями, законами и добродетелями был в тех условиях единственно безошибочным.

Опора на казалось бы утопические и имевшие мало общего с реальностью настроения и идеи дала возможность Октавиану-Августу восстановить «согласие сословий» и на его основе возвести прочное государственное здание. Разумеется, практическое воплощение не могло точно следовать предложениям Цицерона или любым другим теоретическим выкладкам. Ключевыми

²⁷ Sal. Cat. 52. 21–23, перевод В. О. Горенштейна. С. Л. Утченко справедливо подчеркивал, что обличения Саллюстия относятся прежде всего к представителям господствующего класса — нобилитету (Утченко С. Л. Политические учения... С. 173 слл. и др.).

²⁸ Проблема соотношения преемственности и обновления в римском восприятии исторического времени специально исследована Г. С. Кнабе: Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. II. Гл. 3. С. 108–166 (особ. с. 135–166). Историческое время в Древнем Риме // его же. Материалы... 1993. С. 278–298 и др. О «римском мифе» см. также раздел III.1.

словами Августова проекта были *res publica restituta* и *mores maiorum*. За этим стояли ценности, представления и идеи, формировавшиеся в течение столетий. В основе была традиционная вера во всемогущество богов, которые связаны с Римским народом взаимными обязательствами. Легенды об основании Рима, предания о героических подвигах, спасавших Город и принесших ему величие и славу, рассуждения о выдающихся моральных качествах предков впитывались римлянами с молоком матери и составляли ядро менталитета, на который ориентировался основатель принципата. Это была духовная реальность, которая стала главной опорой нового режима.

VI.2. Возрождение древней религии

Центральное место в мировоззрении римлян занимала религия. Она играла большую роль в общественной и частной жизни, будучи неотъемлемым элементом идеологии *civitas*²⁹. В раннем Риме, как и в других традиционных обществах, религия выполняла важнейшую интегративную функцию. Не случайно в римской исторической традиции учредителю религиозных культов и правил, второму царю Нуме Помпилию, уделяется не меньше внимания, чем основателю Города Ромулу (которому также приписывался ряд важных установлений в этой области)³⁰. Характерно, что усилия Нумы в равной мере были направлены на религиозное и социально-политическое обустройство нового государства: он разделил граждан на сословия, учредил ремесленные и жреческие коллегии, ввел законы. Религия была органичным элементом социальной организации, цементом, скреплявшим составные части общества, основой государственного порядка³¹.

Разрушение *civitas* сопровождалось ослаблением веры в отеческих богов. Перестали пополняться жреческие коллегии, не ремонтировались храмы, не приносились с должной регулярностью жертвы. Но главное, в десятилетия беззакония и безнадежности испарялась вера в традиционных богов и в те ценности, которые они воплощали. *Religio* включала не только богослужение

²⁹ О религии времени Августа и его религиозной политике см.: Nock A. D. // CAH X. 1952. P. 465 ff.; Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1960. S. 294 ff. (= Binder G. /hrsg./ Saeculum... Bd. II. S. 21–51); Kienast Augustus. S. 220–260; Clarke M. L. Roman mind. N.Y., 1968. P. 66 ff.; Ogilvie R. J. M. The Romans and their gods in the age of Augustus. L., 1969; Liebeschuetz J. Continuity... P. 55 f.; Price S. R. F. The place of religion: Rome in the early empire // CAH² X. P. 812 ff.; Galinsky K. Augustan culture. Princeton, NJ, 1996. P. 288 ff.; Scheid J. Augustus and Roman religion: continuity, conservatism, and innovation // Galinsky K. (ed.). The Cambr. companion... 2005. P. 175–193; Beard M. The Roman triumph. Cambr., MA, 2007. P. 167–210.

³⁰ Dionys. Hal. ant. II. 18. 1: поскольку Ромул понимал, что хорошее правление может быть обеспечено лишь благоволением богов; ibid. 21. 2: нельзя назвать ни одного вновь основанного города, в котором с самого основания было так много жрецов и служителей богов.

³¹ О религиозности римлян как предпосылке величия Города: Cic. nat. II. 3. 8; har. 19; Sall. Cat. XII. 3; Polyb. VI. 6. 8; 56. 6.

Илл. VI.4. Часть стены храма Юпитера Капитолийского Величайшего

жение и обряды, набожность и благочестие, но также совестливость и добросовестность, имея целый ряд коннотаций этого смыслового ряда. Они были связаны с множеством добродетелей и доблестей, которые все вместе служили нормальному функционированию общества. В конечном счете, эти моральные и религиозные устои обеспечивали стабильность общества и внешнеполитические успехи Рима.

Октавиан-Август понимал значение религии, со временем все более настойчиво выступая в качестве поборника исконно римских верований и обрядов. В своё время верховный понтифик Юлий Цезарь, заботившийся о карьере юного Октавия, способствовал его избранию на должность понтифика. В период триумvirата Октавиан вступил в самые влиятельные коллегии авгуров (41 г.) и квиндецемвиров (37 г.), что ранее никогда не было доступно одновременно одному лицу. Уже в заключительный период гражданских войн началась обширная деятельность по восстановлению полуразрушенных, забытых и осквернявшихся храмов³². Октавиан не пу-

³² Храм Юпитера Феретрийского, основанный по преданию Ромулом, остался без крыши, стены обваливались, когда за его реконструкцию по совету Аттика взялся Октавиан (Nep. Att. 20); храм Юноны Соспиты был завален мусором и нечистотами и проч. См.: Буасье Г. Римская религия. С. 158. А. Вардман (Wardman A. Religion and statecraft among the Romans. L., 1982. P. 48) все же показал, что упадок религии не охватывал все сферы, коснувшись прежде всего частного сектора сакральной практики. Следует иметь в виду, что сгущение красок в изображении упадка религии преследовало определенные политические

скал случая продемонстрировать свою приверженность религии предков, делая это в пику предавшемуся чужеземным обычаям Антонию³³. О том, что здесь не обошлось без теоретических познаний и советов сведущих людей, говорит известный факт: мысль о необходимости восстановления разрушенных храмов, и в частности, храма Юпитера Феретрийского на Капитолии, была внушена Октавиану небезызвестным Аттиком, другом покойного Цицерона³⁴.

После окончания гражданских войн мероприятия, связанные с возрождением традиционной религии, стали частью политики «восстановления республики»³⁵. В «Деяниях» Август сообщает о восстановлении в свое шестое консульство (28 г. до н.э.) 82 храмов³⁶. Тит Ливий называл Августа «основателем или восстановителем всех храмов»³⁷. Со стороны историка это была очень высокая оценка, особенно если иметь в виду, что речь шла не просто о строительной деятельности. Заброшенные, полуразрушенные храмы и алтари производили на всех удручающее впечатление³⁸. За этим стояло нечто гораздо более важное, чем неэстетичный пейзаж. Упадок религии предвещал дальнейшие беды. Римский народ был связан со своими богами-покровителями взаимными обязательствами и должен был со своей стороны оказывать им должное почтение (*pietas*), также отправляя богослужение и принося жертвы. Иначе божества могли отвернуться от людей. Минувшие десятилетия были тому убедительным свидетельством. Чтобы вернуть расположение богов, следовало восстановить святыни и возобновить обряды.

Среди первых отреставрированных, кроме святилища Юпитера Феретрийского, были храмы Квирина на Капитолии, Минервы, Юноны Царицы,

цели. В частности, на таком фоне более значительными выглядели цели и достижения тех, кто боролся за ее «возрождение». Важный шаг в развенчании ряда мифов в современной литературе, в частности, об «упадке религии» чуть ли не с III в. до н.э., сделал в своей книге Дж. Шайд: Scheid 2003. P. 5 ff.

³³ Об обряде объявления войны Клеопатре, в котором Октавиан участвовал в качестве фециала, см. выше, раздел. III.7. Конечно, этот акт носил ярко выраженный пропагандистский характер.

³⁴ Об этом факте и переписке между Аттиком и Октавианом сообщает Корнелий Непот в биографии Аттика: Nep. Att. 20. 1–3. См.: Millar F. Cornelius Nepos, "Atticus" and the Roman revolution // G & R. Vol. 35. N 1. 1988. P. 53.

³⁵ См. Машкин Н.А. Принципат Августа. С. 559 сл.; Штаерман Е.М. Социальные основы... С. 167 сл.; Latte K. Römische Religionsgeschichte. S. 294; Dumezil G. Ancient Roman religion. Chicago, 1970. P. 533; Syme R. The Augustan aristocracy. P. 3–5.

³⁶ RG 20. 4. Это было также знаком завершения смут, гражданских войн, начала эпохи мира. Сравни. раздел IV.9. Список восстановленных и заново отстроенных храмов см.: Gros P. Aurea Tempia. Recherches sur l'architecture religieuse de Rome à l'époque d'Auguste. Rome 1976. P. 32 f. О строительной политике Августа см. также гл. VIII.

³⁷ Liv. IV. 20: ...*Augustus Caesar templorum omnium conditor aut restitutor*.

³⁸ Цицерон, который состоял в коллегии авгуров, сожалел о жалком состоянии религии и пренебрежении обычаями: Cic. leg. II. 33; nat. II. 7, 9; div. I. 25, 27–28; cf.: Att. VI. 7. 3; жалобы Цицерона на заброшенность святилищ и храмов: Cic. nat. I. 82, cf.: Dion. Hal. ant. Rom. II. 62; Plin. n. h. X. 20; Liv. IV. 20. 7; Prop. II. 6. 3. 5 sq.; III. 13. 47. См. также: Gros P. Aurea templa. Roma, 1976. P. 21 ff.; Galinsky K. Augustan culture. P. 289 and n. 6.

Юпитера Освободителя на Авентине, позднее — особенно почитавшийся Капитолийский храм Юпитера, Юноны и Минервы, сгоревший в 9 г. до н.э., и другие³⁹. В масштабное мероприятие Октавиан вовлек представителей всех сословий⁴⁰. Многие с энтузиазмом поддерживали инициативу принцепса. Забота о храмах была всем понятным посланием, свидетельствовавшим о соблюдении древнего культа и об уважении к отеческим богам. Это качество, обозначавшееся словом *religio*, вместе с *pietas*, считалось необходимым условием общего благополучия (*salus publica*)⁴¹.

Вновь сооружаемые храмы, вместе с восстанавливаемыми древними, должны были, демонстрируя приверженность традициям, в то же время обосновывать особое место принцепса в «республике»⁴². Храм Марса Ультора (Мстителя) начал строиться по обету, данному Октавианом еще в 42 г. до н.э., когда он поклялся отомстить убийцам Цезаря⁴³. Не остался без внимания и построенный еще Цезарем на его форуме храм Венере Прародительнице (*Venus Genetrix*), к которой восходил род Юлиев. Хотя Август отмежевывался от определенных тенденций политики своего приемного отца, он всегда подчеркивал свой сыновний «пиетет». Божествам, связанным с Юлиями: Марсу, Аполлону и Венере (которая считалась их родоначальницей), — уделялось особое внимание. Эти три божества составляли так называемую Палатинскую триаду, и посвященные им храмы были тесно связаны с домом Августа на Палатине⁴⁴.

Из новых храмов выделялся также храм Юпитеру Громовержцу (*Juppiter Tonans*). Это была благодарность за чудесное спасение Августа в Испании в 26 г., когда молния убила шедшего с ним рядом раба. Храм из мрамора,

³⁹ RG 20; 19. 2. Cf.: Suet. Aug. 30 (о даре храму Юпитера).

⁴⁰ Suet. Aug. 57. 1, 91. 2; CIL VI. 456 etc. Cf.: Latte K. Römische Religionsgeschichte. S. 294, Anm. 4.

⁴¹ О религиозности (*religio*) как «национальной» черте римлян см. примеч. 31. По отношению к богам *pietas* означала почтение вплоть до «священного трепета». См., в частности: Weinstock S. Divus Julius. Oxf., 1971. P. 248 ff.

⁴² Строительная политика Августа рассматривается в гл. VIII.

⁴³ Храм был воздвигнут на заново сооруженном форуме Августа во 2 г. до н.э., что было отмечено игройми. С. Вайнсток полагает, что клятва была принесена в 42 г. триумфирами совместно (Weinstock S. Divus Julius. P. 131). По Диону Кассию (Dio LIV. 8. 3), после выдачи Фраатом штандартов Красса (20 г. до н.э.) было принято решение о строительстве храма Марсу Ультору на Капитолии (Dio LIV.8). Там (или в храме Юпитера) и были выставлены первоначально штандарты. Об этом, возможно, свидетельствуют монеты 19–18 гг. до н.э. с легендой MAR ULT. См.: Simpson C. J. The date of dedication of the temple of Mars Ultor // JRS. Vol. 67. 1977. P. 91–95; Romer F. E. A numismatic date for the departure of C. Caesar // TAPA. Vol. 108. 1978. P. 192–196; Wardman A. Religion and statecraft... P. 68 f. and n. 10 on p. 186. Проблема отношения Августа к наследию приемного отца рассматривается в разделах IV.3 и др.

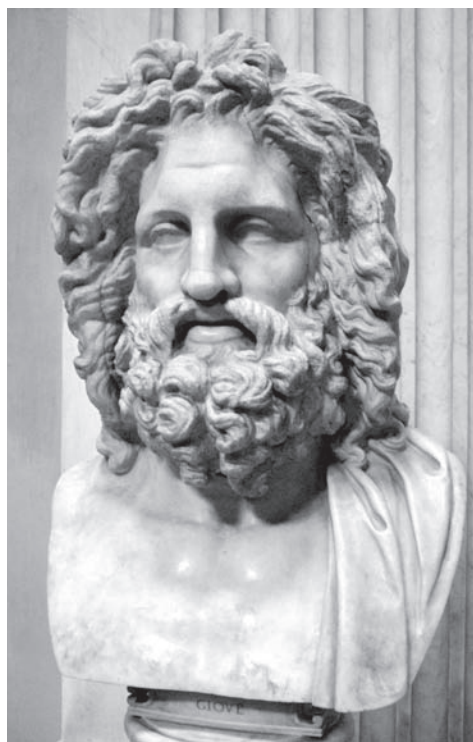
⁴⁴ См. RG 19–21. Возможно храмы, упомянутые в этих главах «Деяний», вошли в указанное число 82 (RG 20.4), хотя некоторые из них сооружены и восстановлены явно в иные сроки. Так, если храмы Аполлона и Юлия были освящены в 29–28 гг., то храм Квирина и Минервы — в 16 г.; Юноны — до 17 г. до н.э. Точная датировка большинства храмов неизвестна. Сравн.: Штаерман Е. М. Социальные основы религии... С. 167. Развернутый комментарий с подробной подборкой данных: Gage J. RGDA. P. 107–118; Cf.: Brunt P. A., Moor J. M. RGDA. P. 61–62.

Илл. VI.5. Бюст Юпитера

освященный в 22 г., был построен у подножия Капитолия и украшен изготовленными в Италии, но также и оригинальными греческими статуями. Автором культового изображения был Леохар (IV в. до н.э.)⁴⁵.

Особенно дорог был Августу Аполлон. Небольшой храм этого бога находился недалеко от места битвы при Акции, и считалось, что Стреловец помог своему любимцу Октавиану. Поэтому появился не только новый храм Аполлону Актийскому у места морского сражения; в Риме рядом с дворцом принцепса начали сооружать знаменитый храм Аполлона Палатинского из белого каррарского мрамора⁴⁶.

Образ Аполлона, игравший важную роль еще в период борьбы с Антонием (которому, как считалось, покровительствовал Дионис), продолжал нести важную идеологическую нагрузку во времена мира и созидания. Аполлон давно уже не был для римлян чужеземным божеством, почитание его не противоречило идеологии традиционализма⁴⁷. Предводитель муз был воплощением эстетики греческой классики, на которую ориентировалось искусство времени Августа. Классический идеал воплощал гармонию, соразмерность, разумность и стабильность создававшегося на древнем рим-

⁴⁵ Светоний сообщает о сне Августа, в котором Юпитер Капитолийский жаловался, что Громовержец отбывает у него посетителей. После этого принцепс подарил Капитолийцу колоссальную статую Зевса работы Мирона: Suet. 29. 1. 3; 91. 2; cf. Dio LIV. 4. 2–4; Strabo XIV. 637b (о статуе Мирона). Сохранившиеся храмы на Бычьем форуме — см. цветные иллюстрации 1 и 2.

⁴⁶ Священный участок Аполлону на Палатине был отведен после того, как ударила молния в 36 г. См.: Suet. Aug. 29. 3. О значении Аполлона: ibid. 18. 2, 52, 70. 1–2, 94. 4; Dio LIII. 13; Verg. Aen. VIII. 704 sqq., 720 sqq. et comment. Serv.; Prop. II. 31; Hor. carm. I. 31. I sqq. Храм был освящен 9 октября 28 г. О празднествах, посвященных открытию храма: Prop. II. 31; Hor. I. 31. Подробнее об архитектуре форума Августа и его постройках на Палатине говорится в разделе VIII.8.

⁴⁷ Храм Аполлону Исцеляющему был освящен в Риме еще в 431 г. до н.э. консулом Гнеем Юлием, что было связано с эпидемией чумы 433 г. (Liv. IV. 25. 3, 29. 7). Победитель Вей диктатор Камилл в 396 г. отправил дельфийскому Аполлону десятую часть добычи (ibid. V. 23. 8–11). Сравн.: Штаерман Е. М. Социальные основы... С. 90.

ском фундаменте нового здания империи⁴⁸. Значение Аполлона подчеркивалось также в ритуале Секулярных игр и в гимне Горация (раздел VI.7).

В Городе было, кроме того, установлено множество статуй Аполлона, среди них доставленные из Греции оригиналы (Plin. n. h. XXVI. 34–35). Изображения божества, живописные и скульптурные, украсили также храм Согласия Августа (*Concordia Augusta*), освященный Тиберием. Тогда (12 или 10 г. н.э.) он уже был усыновлен принцепсом⁴⁹. Здесь преобладали произведения позднеклассического периода. Символическое значение имела группа Аполлона и Юноны греческого скульптора Батона (Pliny n. h. XXXIV. 73). Примирение богов, враждовавших во время Троянской войны, знаменовало как гражданский мир, так и гармонию в фамилии Августа. Кроме *Concordia Augusta*, в Риме появились алтари, посвященные другим абстрактным добродетелям (атрибутам) принцепса: Справедливости (*Iustitia Augusta*), Миру (*Pax Augusta*), Могуществу (*Ops Augusta*). Еще одна богиня — *Fortuna Redux* (Возвращающая) вернула императора в Рим в 19 г. до н.э.⁵⁰ Эти нововведения, взятые по отдельности, сами по себе не противоречили обычаям, сопрягаясь с общей концепцией возрождения религии. Поражали невиданные размах строительства и роскошь, с которой украшались ранее скромные святилища суровых римских богов.

Храмовое строительство мыслилось как составная часть программы по возрождению обрядов и благочестия. В древние святилища нужно было вдохнуть новую жизнь, поскольку в них уже давно не отправлялось богослужение, забылись религиозные церемонии. Избалованные потомки Ромула не хотели обременять себя излишними хлопотами и расходами. Справедливо полагая, что здесь наиболее действенной будет сила личного примера, Август сам принимал участие в возрожденных обрядах, будучи членом важнейших жреческих коллегий: понтификов, авгуров, квиндецемвиров (хранителей Сивиллиных книг), эпулонов, арвальских братьев, тициев и фециалов (RG 7. 3). Некоторые из коллегий, например, арвальских братьев, были восстановлены Августом из полного забвения⁵¹.

⁴⁸ Политическое, идеологическое и эстетическое значение культа Аполлона при Августе рассматривается в монографии: Gage J. Apollon romain. P., 1955. О связи с культом императора: Lambrechts P. La politique "apollinienne" d'Auguste et le culte impérial // La Nouvelle Clío. T. 5. 1953. P. 65–82, deutsch in: Binder G. (hrsg.) Saeculum... Bd. II. S. 88–107. О значении и смысле «классической» ориентированности искусства Августовского века см.: Zanker P. The power of images... P. 100 ff. См. разделы VII.7 сл.

⁴⁹ Об этом храме см.: Kellum B. The city adorned: programmatic display at the aedea Concordiae Augustae // Raaflaub K. A., Toher M. (eds.). Between republic and empire. Berkeley etc., 1990. P. 276–307; cf. Galinsky K. Augustan culture. P. 297.

⁵⁰ См.: Galinsky K. Augustan culture. P. 299 with note 30 on p. 423.

⁵¹ Во всяком случае, древнейшие сохранившиеся надписи, упоминающие эту коллегию, относятся ко времени Августа (CIL VI. 2023–2119, 32338–32398). До «реставрации» эту коллегию один раз упомянул лишь Варрон, и то в сочинении о латинском языке (Varro l. lat. I. 1. 5). См.: Syme R. Some arval brethren. Oxf., 1980 (With rev.: North J. A. // JRS. 1983. Vol. 73. P. 216–218). К. Галински особенно

Важно было укомплектовать жреческие коллегии, тем более, что многие вакансии давно оставались незаполненными. В 11 г. до н.э., после долгого промежутка в 76 лет (с 87 г. до н.э.), был назначен фламин Юпитера (*flamen Dialis*)⁵². Непросто было заполнить вакансии весталок, поскольку никто не хотел отдавать туда своих дочерей (Suet. Aug. 31. 3). Для привлечения кандидатов на различные жреческие должности были сделаны различные послабления, выделены дополнительные субсидии. Так удалось сформировать коллегии арвальских братьев и титиев⁵³. Ряд жреческих должностей, которые в предшествовавший период могли занимать вольноотпущенники, был зарезервирован для представителей всаднического сословия. Это известно о коллегиях луперков, малых понтификов и малых фламингов. Другие культы, например, Великой Матери (Кибелы) могли обслуживаться вольноотпущенниками⁵⁴.

Были возобновлены древние праздники и обряды, давно не соблюдавшиеся. Среди них Светоний упоминает гадание о благе государства, праздник перекрестков и другие. В числе важнейших церемоний были реанимированы *auguria salutis* — молитвы о благе государства (Dio LI. 20). Во всем блеске вновь праздновались луперкалии⁵⁵; несколько дней добавили к сатурналиям (Macrob. Sat. I. 10. 23). Возросло общее количество жрецов и жриц, при этом Август приложил усилия для того, чтобы обеспечить им должный почет и привилегии, в особенности весталкам — хранительницам священного огня (Suet. Aug. 31). Были введены строгие правила, по-видимому, препятствовавшие искажению должного смысла священнодействий. Так, безусым юношам было запрещено участвовать в беге луперков, а на Вековых играх юноши и девушки допускались на ночные зрелища только в присутствии старших родственников (Suet. Aug. 31. 4). Подобные правила, как и роспуск несанкционированных коллегий, ограничение египетского культа Исиды или выступление Агриппы против

подчеркивает политические мотивы Августа при организации этого культа (Galinsky K. Augustan culture. P. 292 f.).

⁵² Tac. ann. III. 58, cf. IV. 16; Dio LIV. 36. 1. Ранний Рим знал трех великих фламингов: *flamen Dialis* (Юпитера), *f. Martialis* (Марса), *f. Quirinalis* (Ф. Квирина). Они назначались из знатных патрицианских семей. Позднее появились еще 12 т.н. младших фламингов. Фламин Диалис, пользовавшийся особым почетом, но вынужденный к строгим ограничениям, был назначен после вступления Августа в должность великого понтифика впервые после 87 г. до н.э. Beard M., North J., Price S. Religions of Rome. P. 15, 130 ff., 193 etc.

⁵³ RG 7. См.: Lewis M. W. H. The official priests of Rome under the Julio-Claudians: a study of the nobility from 44 B.C. to 68 A.D. Rome, 1955. P. 136 ff.; Gagé J. Les sacerdoce D'Auguste et ses réformes religieuses. // Mélanges d'Archeologie et d'Histoire de l'Ecole Française de Rome. T. 48. 1931. P. 75–108 (deutsch: // Binder G. (hrsg.). Saeculum Augustum II. S. 52–87); Stepper R. Augustus et sacerdos: Untersuchungen zum römischen Kaiser als Priester. Stuttgart, 2003. S. 40–45.

⁵⁴ См. Latte K. Römische Religionsgeschichte. S. 294 ff. und Anm. 9; Kienast D. Augustus S. 222 und Anm. 62.

⁵⁵ Suet. Aug. 31. Луперкалии праздновались 15 февраля. О них как о празднике всадников см.: Val. Max. II. 2. 9, cf.: Wrede H. Statuae lupercorum habitu // RM. Bd. 90. 1983. S. 185–200.

астрологов в 33 г. до н.э., также следует оценивать в русле политики восстановления нравов предков⁵⁶.

Мероприятия в области религии, как и в других областях, не были копированием древних установлений (образцы и описания часто отсутствовали). При необходимости вводились дополнения и изменения — некоторые исследователи с полным основанием говорят о «переструктурировании» древних культов⁵⁷. Но даже осуществляя нововведения, принцепс умело вводил их в общее русло «реставрационной» деятельности. Новации выглядели как естественное продолжение традиции и приведение ее в соответствие с духом времени. Организовывая церемонию закрытия храма Януса, он пошел навстречу господствовавшему в обществе стремлению к миру. При этом ритуал, который был учрежден Нумой, а затем проведен только по случаю завершения первой пунической войны в 235 г. до н.э., пришлось, опираясь на разрозненные сведения, разрабатывать заново⁵⁸.

Понимал ли сам Август и его сподвижники, что провозглашая возрождение древней религии, они создают новую реальность? В своей политике основатель принципата безусловно ориентировался на психологию и систему ценностей широких слоев гражданского населения. Но насколько мероприятия в области религии соответствовали взглядам и убеждениям правящего класса⁵⁹? Как могли воспринимать идеи возрождения староримских культов представители эллинистически просвещенной интеллигенции? Их мировоззрение отразили такие выдающиеся мыслители, как Варрон, Цицерон, Лукреций. Судя по их высказываниям, отношение римской интеллектуальной элиты к религии, конечно не оставалось в рамках древних верований, частично сохранившихся в среде сельского плебса⁶⁰.

Римская религия, религиозность и религиозные представления имели целый ряд специфических черт, без понимания которых трудно оценить значение указанных мероприятий. Важнейшее место занимал ритуал, его буквальное соблюдение было необходимо для эффективности культовых действий по правилу *“do ut des”* — «даю, чтобы ты дал» (т. е., чтобы получить от божества просимое за добросовестное исполнение ритуала). Практицизм, связь с повседневностью, не противоречил освящению моральных

⁵⁶ Suet. Aug. 32. 1; Dio LIV. 6. 6. Два обелиска, доставленные из Египта в Рим, были посвящены давно укорененному в Риме Deo Soli (CIL VI. 701, 702). Cf.: Lambrechts P. Augustus en de Egyptische Godsdienst. Brüssel, 1956. S. 21 ff.; Becher I. Augustus und seine Religionspolitik gegenüber orientalischen Kulturen. // Binder G. Saeculum... II. S. 143–170.

⁵⁷ Price S. R. F. The place of religion... P. 820. Cf. Tac. ann. IV. 16.

⁵⁸ RG 13; Suet. 31. 4; Dio LI. 20. 4, LIII. 27. 1. При Августе ритуал проводился трижды: в 29 г. после победы над Антонием и Клеопатрой, в 25 г. после Кантабрийской войны и между 8 и 1 гг. до н.э.

⁵⁹ См.: Speyer W. Das Verhältnis des Augustus zur Religion... // ANRW II. Bd. 16, 3. S. 1777–1805.

⁶⁰ Штаерман Е. М. Социальные основы... С. 163.

установлений и всей системы жизненных ценностей. Например, *pietas* подразумевала как уважение и почтение к богам, так и к родителям, предкам, а значит — и к традициям; ею же обозначалась преданность *civitas* и даже справедливость по отношению к противнику (как бы своеобразно она ни понималась). Ритуалы, установления, нормы входили в освященную традицией и религией парадигму поведения. Это совсем не значит, что правила никогда не нарушались⁶¹.

Варрон, сделавший больше всех для изучения отеческих традиций, тем не менее поместил в начале своего сочинения древности человеческие, поскольку рассматривал религиозные обряды как изобретения людей. Его грандиозный труд преследовал практическую цель восстановления веры в отеческих богов и, тем самым, — укрепления Римского государства. С этих позиций он считал полезной веру толпы в божественное происхождение правителей⁶².

Под этим углом зрения следует воспринимать и рассуждения Цицерона о божественной природе выдающихся политических деятелей в трактате «О государстве» (54–51 гг.). Полемизируя с эпикурейцами, Цицерон всеми способами прославляет деятельность во имя величия Рима. Уже во введении, начав со ссылок на «предков» вообще и на выдающиеся «примеры» от Камилла до Сципиона Африканского и Катона Старшего (*de rep.* I. 1), писатель настойчиво проводит мысль об особом характере и достоинстве государственной деятельности, говорит о боговдохновенности мудрого правителя (I. 45). Он утверждает, что «ни в одном деле доблесть человека не приближается к могуществу богов более, чем это происходит при основании новых государств и при сохранении уже основанных»⁶³. Кульминацией рассуждений является «Сон Сципиона» (*“somnium Scipionis”*, *Cic. rep.* VI *pass.*), где подчеркивается, что души государственных деятелей приходят с небес, а души добросовестно выполнивших свой долг перед отечеством опять на небеса возвращаются. Но вряд ли кто-либо из коллег по сенату понял эти рассуждения Цицерона как призыв боготворить Помпея или поклоняться Цезарю. Они носили дидактический характер. Вложенный в уста Сципиона Эмилиана рассказ о посмерт-

⁶¹ Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить П. Клавдия Пульхра, консула 249 г. до н.э. Перед морским боем при гадании цыплят не хотели брать корм. Тогда он швырнул их в море со словами: «Пусть пьют, если не хотят есть!». Вопреки этому неблагоприятному знамению он вступил в сражение, но был разбит (*Cic. nat.* II. 7 *etc.*; cf.: Latte K. *Römische Religionsgeschichte.* S. 266). О диалектическом (добавим — вечном) противоречии между должным и действительным, традицией и ее нарушением в Риме очень убедительно писал Г. С. Кнабе, например, в книге «Европа с античным наследием и без него» (М., 2011). С. 25 *слл.*

⁶² Varro *fr.* I. 24, cf.: *Cic. nat.* I. 3. И через полвека — циничное замечание Овидия: «наличие богов полезно, и раз это выгодно — давайте в них верить» (*expedit esse deos et, ut expedit, esse putemus* — *Ovid. ars am.* I. 637).

⁶³ *Cic. rep.* I. 12, пер. В. О. Горенштейна.

ном вознаграждении за труды и подвиги во имя Рима должен был служить воспитанию нового поколения политиков. С той же целью, в качестве поощрительного аванса, Цицерон и юного Октавиана называл «божественным юношей»⁶⁴. Как известно, ученик подхватил идею великого интригана на лету.

Цицерон не то чтобы умышленно обманывал (как если бы он знал, что все обстоит совсем наоборот). Надо думать, идея бессмертия души была ему внутренне близка. О божественном происхождении и харизматической природе ряда выдающихся деятелей римской истории (например, Брута, Камилла, Сципиона, Суллы, Помпея) Цицерон упоминал не только в *“De re publica”*⁶⁵. Под влиянием душевного потрясения после смерти дочери он отвел и ее душе место на небесных сферах⁶⁶.

Как истинному римлянину, идея вознаграждения на небесах была Цицерону особенно близка в сочетании с мыслью о награде за служение отечеству. Похоже, он не сомневался, что заслужил это и сам. Оратор не страдал излишней скромностью, высоко оценивая собственные заслуги перед государством. Но напрасно было бы искать у него слепую веру во всемогущество богов. В том же «Сновидении» на фоне пифагорейских, рационалистических представлений о мире недостает пиетета по отношению к традиционным богам. В картине Космоса, с вдохновением комментируемой Сципионом Африканским, отсутствуют олимпийцы или боги капитолийской триады. Вместо этого — описание известных частей земного шара, небесных сфер, учение о периодическом уничтожении и новом рождении вселенной, о едином духовном Боге, в себе самом имеющем источник движения⁶⁷.

Подобные взгляды разделялись многими римлянами, особенно просвещенными представителями правящего класса⁶⁸. Октавиан-Август был с ними несомненно знаком⁶⁹. В одной из инвектив Антония Октавиан изображен с друзьями на разнузданной пирушке: компания пародировала пир на Олимпе. Происходили такие непристойности, что боги закрыли себе лица, чтобы не видеть их, а Юпитер вынужден был покинуть Капитолий (Suet. Aug. 70. 1). Скорее всего, это не описание достоверного факта, а типичная сценка из жизни римской «золотой молодежи», к кругу которой принад-

⁶⁴ Cic. Phil. V. 16. 43, сравн. раздел III.3.

⁶⁵ Cic. Rosc. Am. 45; Manil. 14. 16; Sest. 68–69; rep. VI. 13 sqq. Сравн.: Штаерман Е.М. Социальные основы... С. 140.

⁶⁶ Cic. Att. XII. 36. См.: Утченко С. Л. Цицерон и его время. С. 293–295.

⁶⁷ Cic. rep. VI. 17–24.

⁶⁸ Цитируя Гая Луцилия, автор прямо говорит о том, что сочинение предназначалось для широкой публики (Cic. l. fragm. 1).

⁶⁹ Об образовании Августа см. раздел IV.7, о влиянии Цицерона на его взгляды — I V. 8.

лежали и сам Антоний, и Октавиан⁷⁰. Надо думать, что и наследник Юлия Цезаря не всегда был поборником чистоты римской религии. Так, около 42 г. до н.э. он совместно с коллегами по триумвирату участвовал в сооружении храма египетскому богу Серапису (Dio XLVII. 15).

Избрав идеологию социального реставраторства, в Риме Август демонстрировал по отношению к чужеземным божествам, прежде всего к египетским, подчеркнутое презрение (это не относилось к политике Августа — «басилевса» и «фараона» в Египте)⁷¹. Нежелательным Август считал и распространение мистических культов. Когда во время процесса о привилегиях жрецов аттической Цереры речь зашла о таинствах, Август, отправив прочь зрителей и судей, один выслушал истцов и ответчиков. Дело здесь было не в происхождении божества — многие эллинские культы давно стали в Риме своими⁷². У римлян подозрение и неприятие вызывали тайные и экстатические культы вообще, достаточно вспомнить процесс о вакханалиях 186 года до н.э. Они не соответствовали римским представлениям о религии, воспринимаясь как чужеродные и опасные. Для Августа бесконтрольное распространение пророчеств было нежелательным. Это грозило смутой, особенно в кризисных ситуациях. Поэтому множество списков было собрано и сожжено, кроме тщательно отобранных и хранимых в надежном месте (Suet. Aug. 31. 1, сравн. раздел VI.6 с примеч. 305).

В роли принцепса Август строго придерживался правил римской религиозной обрядности. Ему приходилось скрупулезно (и демонстративно) подчиняться правилам поведения, которые накладывались многочисленными жречествами. К примеру, Август не носил одежды, кроме как сотканной руками жены или дочерей (Suet. Aug. 73). Он не позволял себе пропускать заседания жреческих коллегий, в которых он состоял. В религиозной цере-

⁷⁰ Некоторые исследователи принимают эту историю за сплетню (Weinstock S. *Divus Julius*. P. 15; Nock A. D. *Religious development...* // *CAH*¹, vol. X. Ch. XV. P. 474). Д. Фишвик предполагает, что Октавиан, облачившись в одеяние Аполлона, подчеркивал связь со своим покровителем, прославляя его по эллинистическому образцу (Fishwick D. *The imperial cult in the latin West: studies in the ruler cult of the Western provinces of the Roman empire*. 3 vols. Leiden, 1987–2004. I. Vol. 1. P. 81 and n. 63–64). Во всяком случае, если не детали, то контекст представляется вполне правдоподобным.

⁷¹ Несмотря на их чрезвычайную популярность. См.: Roulet A. *The Egyptian and Egyptianizing monuments in imperial Rome*. Leiden, 1972. P. 2. Путешествуя по Египту, Октавиан не захотел свернуть с дороги, чтобы посмотреть на Аписа, сказав: «Я почитаю богов, а не быков» (Dio LI. 16, cf.: Suet. Aug. 93, cf.: Pfeiffer S. *Der römische Kaiser und das Land am Nil*. Stuttgart, 2010. С. 217 ff.). Как римлянин, он относился с недоверием ко всем восточным культам. Август похвалил своего внука Гая за то, что проезжая через Иудею, тот отказался совершить молебствие в Иерусалиме (Suet. Aug. 93, в отличие от Агриппы, посетившего Иудею в конце 15 г. и совершившего жертвоприношение Яхве, см.: Baltrusch E. *Herodes*. S. 162). В то же время никаких препятствий отправлению иудейского культа там не чинилось. Царь Ирод и его советник Николай Дамасский были «друзьями» Августа (см. также разделы I.5 с примеч. 47 и IV.7). Во всем этом трудно отличить искреннее предубеждение от имевшей политическую подоплеку самопрезентации. Сравн. также о египтизирующем оформлении кабинета Августа на Палатине в разделе VIII.8.

⁷² Об этом случае, как и о посвящении Октавиана в Элевсинские мистерии в 30 г. до н.э. сообщает Светоний (Aug. 93).

монии арвальских братьев Август участвовал за несколько месяцев до смерти, несмотря на болезненную слабость⁷³. Когда он читал надгробные элогию своим близким, его отделяло от трупа покрывало, поскольку верховному понтифику запрещалось смотреть на мертвых (Dio LIX. 28. 33). Известная статуя изображает основателя принципата в одеянии жреца, с покрытой углом тоги головой, что должно было указывать на погруженность в богослужение⁷⁴. Известно множество изображений Августа при выполнении религиозных церемоний: молитв, жертвоприношений и т.п.⁷⁵

Все это показывает, что Август очень серьезно относился к своим жреческим обязанностям. Если в этом и была подчас некоторая нарочитость, то следует помнить, что строго регламентированное отправление культа считалось необходимым, чтобы «обязать» богов выполнить свои функции в отношении цивитас, фамилии или гражданина. Чувства исполняющего обряд были его личным делом. Но преувеличение, и тем более фанатизм, вызывали подозрение и осуждение. Как мы видели, Август был весьма умерен в своих притязаниях на божественность, в вопросах культа его интересовала скорее политическая лояльность. В то же время принцепс верил в существование сверхъестественных сил.

Известно, что даже хрестоматийные античные «философы-материалисты» не были атеистами в нашем понимании этого слова, признавая так или иначе существование богов, судьбы и сверхъестественного⁷⁶. Не стоит преувеличивать и скептицизм Августа. Еще будучи в Аполлонии, он поднялся вместе с Агриппой на башню к астрологу Аполлонию. Узнав дату рождения Октавиана, тот бросился к ногам юноши, и с тех пор Октавиан настолько уверовал в свою судьбу, что обнародовал свой гороскоп и выпустил монету со знаком покровительствовавшего ему Козерога⁷⁷. Светоний приводит красноречивые

⁷³ См.: Буасье Г. Римская религия. С. 61.

⁷⁴ Сервий разъясняет, что голова покрывалась, чтобы никакое смутное видение не могло отвлечь молящегося (Serv. Aen. III. 407). По той же причине при молитвах сохранялось полное молчание (ibid. V. 71). См.: Штаерман Е. М. Социальные основы... С. 101.

⁷⁵ См.: Vierendeel K., Zanker P. (hrsg.). Die Bildnisse des Augustus. München, 1979; Burnett A., Walker S. The image of Augustus. L., 1981 etc. Наиболее выразительным памятником этого рода является Алтарь мира (см. раздел VIII.4).

⁷⁶ Ограничимся несколькими примерами, относящимися к рассматриваемой эпохе. Лукреций писал, что даже самые неверующие закалывают черных овец и приносят жертвы душам умерших (Lucr. de rerum nat. III. 52). В лагере Помпея было множество гадателей, непрерывно предсказывавших ему победу (Cic. div. II. 24, 47). Пророчество некоего матроса в Диррахии перед Фарсальской битвой повергло в смятение всех, в том числе не только сообщавшего об этом Цицерона, но даже Катона и Варрона (ibid. I. 32). Кассий, который был эпикурейцем, незадолго до битвы при Филиппах говорил Бруту, что очень желал бы верить, будто боги помогают правой стороне, поскольку это придало бы ему веры в успех (Plut. Brut. 37). См. также: Буасье Г. Римская религия. С. 56; сравн. с. 49–50 (примеры, относящиеся к предшествующим десятилетиям).

⁷⁷ Suet. Aug. 94. 12, cf.: Terio S. Der Steinbock als Herrschaftszeichen des Augustus. Münster, 2006. В 33 г. Агриппа, разумеется, не без ведома Октавиана, изгнал астрологов из Рима (Dio XLIX. 43. 5). В 28 г. за колдовство

примеры его суеверности. Принцепс до вечера находился в ожидании неприятностей, если утром случайно надевал башмак не на ту ногу, никогда не отправлялся в путь в день, следующий за нундинами и не начинал важного дела в ноны; раз в год он становился у дверей своего дворца и протягивал прохожим руку за подаванием, чтобы избежать несчастий, возвещенных неким сном⁷⁸. Что касается проявившейся таким образом непоследовательности, то ее в избытке можно найти даже у Цицерона, который усердно изучал проблемы религии, работая над посвященными ей трактатами⁷⁹.

Религиозную политику Августа нельзя таким образом сводить к холодному циничному расчету. Активность и настойчивость принцепса на поприще религиозного обновления показывают, что его питали здесь самые серьезные надежды. Рассчитывая на религию как на инструмент своей политики, сам Август в значительной мере разделял настроения и заблуждения современников. В религиозную жизнь не вводилось ничего, что воспринималось бы согражданами как чужеродное. Процесс модернизации, тесно связанный с социально-политическими изменениями в постоянно развивающемся римском обществе, начался давно⁸⁰. В последние десятилетия Республики он был теоретически осмыслен и описан Варроном, Цицероном, Лукрецием, Саллюстием и другими интеллектуалами. Они выразили происходившие изменения и их очевидные результаты в терминах концепции упадка религии и разложения нравов предков. Варрон не только сформулировал задачу возрождения древней религии, но приступил к ее реализации доступными ему методами, создав в частности, капитальный труд «Божественные древности»⁸¹.

был сослан Анаксилей из Лариссы, см.: Cramer F. H. *Astrology in Roman law and politics*. Philadelphia, 1954. P. 83, 85 f. В большинстве случаев следует предполагать сопутствующие политические мотивы.

⁷⁸ Suet. Aug. 90–94; Plin. n. h. II. 24; Dio LII. 35. Cf.: Wardman A. *Religion and statecraft*... P. 66 and n. 4 с лит. Нундины — базарный день в Риме; ноны — пятый или седьмой день месяца, считавшийся неблагоприятным.

⁷⁹ В работе Е. М. Штаерман убедительно показана социальная ориентированность пассажей религиозного содержания в речах Цицерона, в зависимости от того, были ли они адресованы в первую очередь простонародью (на народных собраниях) или сенату. Если в первом случае аргументация основана на чувстве страха перед карой со стороны богов, то во втором — на политических последствиях отступления от древних установлений, угрожавших позициям знати (Штаерман Е. М. *Социальные основы*... С. 136 сл., сравн.: 139–140; Буасье Г. *Римская религия*. С. 45 сл.).

⁸⁰ Органичность процесса эволюции религии, сопровождавшегося абсорбированием различных «иноземных» культов, показана в ряде работ, напр.: Liebeschuetz W. *Continuity and change in Roman religion*. Oxf., 1979; Scullard H. *Festivals and ceremonies of Roman republic*. Ithaca (N.Y.), 1981 и др. Предложенная в них трактовка направлена, в частности, против господствовавших по крайней мере более полувека представлений о глубоком упадке и «параличе» римской религии, изложенных в работе В. Фаулера: Fauler W. *The religious experience of the Roman people*. L., 1911. P. 428–429 et pass. Проблема традиции и новизны в римской религии интересующего нас периода рассматривается в статье: North J. A. *Religion and politics, from Republic to Principate* // JRS. Vol. 76. 1986. P. 251–258; cf. Wardman A. *Religion and statecraft*... P. 74–76.

⁸¹ М. Terentius Varro. *Antiquitates rerum divitiarum*. Сохранившиеся отрывки опубликованы: Cardauns B. 2 Bd. Wiesbaden, 1976. Дж. Норт заметил, что Варрон изобрел «упадок римской религии» (North J. *Religion*

Храмы реставрировались и раньше⁸². Как правило, потомки магистрата, воздвигнувшего общественную постройку, о чем свидетельствовала соответствующая надпись, поддерживали ее в хорошем состоянии. Но Август и не стремился к оригинальности и тем более к оригинальничанию. Традиционность политики и ординарность конкретных мер давали ему возможность, опираясь на прецеденты, авторитет ученых мужей, и главное, — господствующие общественные настроения, осуществлять назревшие мероприятия. Это позволяло реализовывать реформы в выгодных для себя вариантах, завоевывая к тому же популярность.

И все же, хотя Август не был творческим мыслителем и пророком, новатором и радикалом, результаты его деятельности в области религии оказались в конечном итоге очень значительными по своим масштабам, содержанию и историческому значению⁸³. Ни один политический деятель Республики или династ времени гражданских войн не осуществил такого количества реформ, не сосредоточивал в своих руках так много религиозных должностей, не имел столько посвященных себе храмов. И если каждое мероприятие в отдельности не содержало в себе ничего (или почти ничего) противоречащего традиции, то их совокупный эффект оказался впечатляющим. Важным итогом, который современники даже не успели в полной мере осознать, было то, что вдобавок к различным «материальным» и социально-политическим, еще и религиозные рычаги воздействия на общество оказались в одних руках. В центре государственной религии стали боги — покровители правителя, а объединяющим символом империи — его культ.

В 12 г. до н.э. Август стал верховным понтификом (*pontifex maximus*)⁸⁴. Занимавший ранее эту должность Лепид был отстранен от власти еще в 36 г. до н.э. Уже тогда имелись определенные основания, не говоря уже о возможности, для смещения его также с высшей жреческой должности. Но Август предпочел ждать десятилетия, чтобы не нарушить традицию ее пожизненности. Лишь после естественной смерти Лепида, соблюдая установленные правила и проведя решение через комиции, Август не только фактически, но и формально возглавил религиозную жизнь Рима⁸⁵.

and politics... P. 254). См. также: Штаерман Е.М. Социальные основы... С. 153 сл.; Сидорович О. В. Анализ и антиквары. С. 165 сл.

⁸² См., к примеру, об аналогичной деятельности Цезаря: Weinstock S. *Divus Julius*. Oxf., 1971. P. 28 ff., 80 ff., 308 ff. etc. Cf.: North J. *Religion and politics*... P. 254.

⁸³ Cf.: Scheid J. *Augustus and Roman religion: continuity, conservatism, and innovation* // Galinsky K. (ed.). *The age of Augustus*. P. 175–193.

⁸⁴ RG 7, 10. 2; Suet. Aug. 3.

⁸⁵ История с понтификатом Августа противоречит утверждению Диона Кассия, что эта должность уже во времена Цезаря была наследственной (Dio XLIV. 5. 3). Слабость позиции Лепида заключалась не в праве Августа наследовать эту должность от Цезаря, а в том, что его верховный понтификат не был проведен через народное собрание. Ранее, без звания верховного понтифика, входя одновременно в важнейшие

Избрание Августа *pontifex maximus* вызвало волну народного энтузиазма, сам он с гордостью пишет об этом в «Деяниях». Небывалое стечение народа со всей Италии для участия в выборах было свидетельством правильности политического курса (RG 10. 2). Основатель принципата не упустил возможности, чтобы подчеркнуть связь этого события с “*restitutio rei publicae*”, с почестями 27 года до н.э., а также с обожествлением Цезаря. С другой стороны, сигнал поддержки, поданный не только из столицы, но и со всей Италии, подвиг Августа на дальнейшие шаги, направленные на укрепление своего влияния⁸⁶.

Долгий путь принцепса к должности великого понтифика подтверждает репутацию большого политика, способного отказаться от сиюминутных выгод, если они таят в себе угрозу достижению отдаленных стратегических целей. И в самом деле, как раз максимально возможное соблюдение «республиканских» традиций (и тем самым продиктованных господствующими настроениями правил политической игры) вело ко все большему укреплению единоличной власти.

Встречающееся в литературе мнение, что задача реанимации религии была заведомо неразрешимой, поскольку древние традиции не соответствовали новым формам общественной жизни, верно лишь в самом общем, а значит, далеком от исторической конкретики смысле. Август не был столь наивен, чтобы рассчитывать на полный и буквальный возврат к дедовским верованиям, как не собирался сводить Рим к границам Ромулова померия⁸⁷. Сила его политики, в частности религиозной, заключалась в способности оценивать сложившуюся обстановку, брать в расчет реальные условия и умения употребить их в свою пользу. Особое внимание уделялось общественным настроениям. При восстановлении храмов и обрядов Август действовал вполне в римском духе: государство контролировало обряды, но не вмешивалось в духовную жизнь граждан. Даже в провинциях введение культа императора не означало ущемление древних обычаев, местные религиозные верования не ограничивались. С другой стороны, возрождая в Риме традиционные культы и вводя некоторые новые, можно было надеяться, что поступок породит мысль, как мысль побуждает к поступку. Тщательно соблюдая обряды, Август ожидал, что

жреческие коллегии, Август имел решающее влияние на религиозную жизнь Рима. Еще в 29 г. Октавиан получил право назначать жрецов в любую из коллегий (Dio LI. 20. 3).

⁸⁶ О значении верховного понтификата в контексте Августова принципата см. подробно: Bowersock G. W. The pontificate of Augustus // Raaflaub K., Toher M. (eds.). Between republic and empire. P. 380–394. Значение верховного понтификата, особенно ввиду тесной связи государственной власти и религии, вновь подчеркнул Дж. Шайд: Scheid J. Auguste et le grand pontificat. Politique et droit sacré au début du Principat // Revue Historique de Droit français et étranger. T. 77. 1999. P. 1–19.

⁸⁷ Тиберий позднее ссылался на то, что Август приспосабливал завещанное суровой древностью к нуждам своего времени. Он имел в виду как раз организацию культа (Tac. ann. IV. 16).

его примеру вольно или невольно последуют окружающие. И было бы ошибочным утверждать, что усилия принцепса были тщетны; другое дело, что в силу различных обстоятельств результаты не всегда полностью отвечали ожиданиям.

Важно иметь в виду, что Август предпринимал ответственные шаги в различных областях с учетом их многостороннего взаимодействия. Восстановление храмов и религиозных культов, кроме своей прямой цели, должно было уверить народ в искренней приверженности правительства традициям, серьезности и долговременности его намерений, способности претворить их в жизнь, в стабильности режима, открывшего эру процветания. Храмы, как и другие общественные сооружения, во множестве выставившие среди развалин и трущоб, оказывались зримыми свидетельствами истинности всего того, что возвещал принцепс. Это были убедительные в своей монументальности, постоянно и даже помимо сознания действовавшие средства пропаганды и психологической пропедевтики; они должны были служить опорами и точками роста новой общественной ментальности.

VI.3. Культ правителя в империи и в «восстановленной республике»

Культ правителя в Римской империи является предметом интенсивного изучения и дискуссий⁸⁸. Не пытаюсь охватить весь предмет, необходимо выяснить, как религиозное почитание Августа соотносилось с характером новой государственности.

Важно отказаться от некоторых штампов и предубеждений. В XX веке с его опытом тоталитарных диктатур сформировалось представление о культе личности как отклонении, политическом или культурном. Нега-

⁸⁸ Введение в проблематику: Свенцицкая И. С. Культ императора в Римской державе: от персонального обожествления к формальному культу носителя власти // Суриков И. Г. и др. Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. 2/3. М., 2005. С. 236–254. Другие обобщающие работы: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 546 сл.; Штаерман Е. М. Социальные основы... С. 165 сл.; Абрамзон М. Г. Римский императорский культ в памятниках нумизматики; Herzog-Hauser E. Kaiserkult // RE. Suppl. Bd. IV. Sp. 806–853; Nock A. D. The institution of ruler-worship // CAH X. Ch. XV, IV. P. 481 ff.; Price S. R. F. Between man and god: sacrifice in the Roman imperial cult // JRS. Vol. 70. 1980. P. 28–43; Taeger F. Charisma: Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. Bd. 1–2. Stuttgart, 1957–1960; Taylor L. R. The divinity of the Roman emperor. Middleton, Conn., 1931. Repr.: N.Y., 1975; Chico, 1981; Wlosok A., von (hrsg.). Romischer Kaiserkult; Fishwick D. The imperial cult in the latin West. Vol. I. Leiden, 1987 (с библиографией); Scheid J. Honorer le prince et vénérer les dieux: culte public, cultes des quartiers et culte impérial dans la Rome augustéenne // Belayche N. (ed.). Rome, les Césars et la Ville aux deux premiers siècles de notre ère. Rennes, 2001. P. 85–105 (engl. in: Edmondson J. Augustus. 2009. P. 275–301); Wardle D. Suetonius on Augustus as god and man // CQ. Vol. 62. 2012, Nr. 1. P. 307–326. Некоторые работы названы далее, по ходу изложения. Более подробно проблематика, связанная с культом Августа, рассмотрена в разделе, подготовленном автором для коллективной монографии: «Боги среди людей» — культ правителей в эллинистическом и постэллинистическом мире» (в печати).

тивная по отношению к обожествлению людей традиция ведет происхождение от иудео-христианского монотеизма. В этой системе понятий различие между человеком и Богом является абсолютным. Не случайно история культа императора завершилась с превращением христианства в государственную религию Римской империи⁸⁹. Но исторические и социально-психологические корни культа правителя, как и религии вообще, лежат неизменно глубже, чем опыт одного или даже десятка поколений. Человеческой психике присуща потребность в объекте поклонения или по крайней мере в авторитете, на который можно возложить ответственность за происходящее. Он выбирается в зависимости от обстоятельств, внушаемости и уровня абстрактного мышления.

Для понимания природы римского императорского культа важно различать две концепции божественности древних правителей. Так, в египетских фараонах видели воплощение богов, в то время как в Месопотамии правители считались их избранниками и ставленниками. Вторая из этих традиций отражена и в Библии, где Яхве избирает царя и путем помазания придает ему сверхъестественные свойства. Данный тип обожествления стал характерен для европейского монархизма, в то время как первый воспринимался скорее как отклонение. Кроме того, культ всегда накладывался на множество местных обычаев. Можно сказать, что он по-своему проявлялся не только в каждой стране, этнической и социальной группе, но и у каждого отдельного человека. Например, в почитании эллинистических царей значительное место занимал момент благодарности. Селевкидам скорее всего не поклонялись, как настоящим богам, но почитали за особые заслуги, как мифологических героев. Императорский культ на местах перенимал в той или иной мере все эти особенности.

Серьезную трудность для понимания культа императора создает отсутствие систематического описания и теоретического обоснования. Это характерно и для других «языческих» религий. Древние не нуждались в определениях, тезисах, теологиях, «символах веры» — в богословии. Все, что было — сами культы: их устройство, организация, отправление. Потому базой для их реконструкции служит то, что осталось от алтарей и храмов, надписей и изображений, а также отрывочные сообщения античных авторов о различных ритуалах.

Менталитет римлян на протяжении столетий впитывал идейные влияния Средиземноморья, сохраняя значительное своеобразие. Первые римские цари считались связанными с миром богов-покровителей общины,

⁸⁹ О неудачной попытке Константина занять после смерти место среди апостолов и последующем отказе церкви от сакрализации императоров см.: Виноградов А. Император и апостолы: храм и мавзолей // Власть и образ: Очерки потестарной имагологии. Отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. СПб., 2010. С. 111–124.

они также возглавляли религиозный культ. Обоготворение живых людей как богов было исключено. Но согласно исторической традиции, Нума осуществил обряд посмертного обожествления Ромула⁹⁰. В эпоху Республики архаические представления о богоизбранности выдающихся людей продолжали жить. Считалось, что *imperium* высших республиканских магистратов унаследовал некую субстанцию царской власти. Сверхъестественный компонент империя включался в результате дивинации⁹¹. К этому же ряду явлений относилась, например, и священная неприкосновенность (*sacrosanctum*) народных трибунов. Незыблемой была вера в то, что Рим находится под особым покровительством богов, в первую очередь Капитолийской триады: Юпитера, Юноны и Минервы. Особое могущество Римского народа, его активная божественная сила почиталась как *Numen*.

Знатные римские роды возводили свое происхождение к богам. Их покровительству были обязаны своими успехами победоносные полководцы. Триумфатор появлялся в торжественной процессии как Юпитер Наилучший Величайший⁹². Харизматические лидеры — Сулла Счастливый или Помпей Великий — не говоря уже о Юлии Цезаре, претендовали на исключительное расположение небожителей. Цезарь настаивал на особой связи с миром богов, возводя свою родословную к Венере. Антоний на Востоке охотно представлял себя Новым Дионисом.

Указанные примеры показывают, что наряду с отрицательным отношением римлян к обоготворению живущих людей, в их мировосприятии отсутствовала абсолютная граница между миром людей и миром богов. Значит, не было и непреодолимого барьера, который бы препятствовал обожествлению правителя⁹³. А необходимость этого появилась: ведь особая связь с миром богов была самым убедительным обоснованием его исключительного положения. Все же перед Августом, который избегал в Риме любых

⁹⁰ Dionys. II. 63, cf.: Cic. rep. II. 10. 20 etc. См. Немировский А.И. Идеология и культура Раннего Рима. Воронеж, 1964. С. 135, сравн.: Маяк И. Л. Рим первых царей. С. 249 и слл.

⁹¹ Важные государственные решения можно было принимать только в соответствии с *augurium* (гадания по полету птиц), *haruspicium* (гадание по внутренностям жертвенных животных) или по толкованию Сивиллиных книг, что входило в компетенцию *quindecimviri*. См.: Wissowa G. Religion...523–549; Liebeschuetz J. Continuity... P. 7 ff.

⁹² Описания триумфа: Liv. X. 7. 10; Suet. Aug. 94; Plin. n. h. XV. 134, XXXIII. 111; Serv. bucol. VI. 22, X. 27. Изначально триумф был религиозным актом, в котором вождь-царь играл роль избранника богов. Обряд и одевание триумфатора восходили к этрускам. В эпоху Империи аналогично выглядела официальная одежда правителя. См. также раздел VII.7, с. 531 ff.

⁹³ В мировоззрении римлян было место для обожествления правителя. При этом они различали, с одной стороны, «настоящих» (капитолийских и иных традиционных) богов, а с другой, Ромула-Квирина, божественного Юлия или Августа. Слова Нерона «принцепс не удостоивается божеских почестей, пока не оставит свою человеческую деятельность» (Tac. ann. XV. 74.5) перекликаются с ироническим высказыванием Веспасиана о перспективе собственного посмертного обожествления: «Кажется, я уже становлюсь богом» (Suet. Vesp. 23. 4).

чрезвычайных полномочий и даже сравнения с царями, встала непростая задача. Она решалась неодинаково в разных регионах.

Первые проявления культа Августа засвидетельствованы в Восточных провинциях. Тому были по крайней мере две причины. Во-первых, в отличие от Рима и Италии, здесь не было необходимости строго соблюдать республиканские нормы. Во-вторых, культ Октавиана-Августа возник на востоке на почве тысячелетних древневосточных и эллинистических традиций, хоть и не являлся их непосредственным продолжением⁹⁴. Уже культ наследников Александра Македонского существенно отличался от почитания древнеегипетских или месопотамских царей. Эллинистических царей могли называть богами, желая отметить их заслуги, но это совсем не означало, что их считали бессмертными и всемогущими. Таким же образом рассматривались пришедшие им на смену римские завоеватели. Уже во времена Республики в Греции и в ряде городов Ближнего Востока учреждались культы победоносных римских полководцев совместно с богиней Ромой⁹⁵. Неудивительно, что победа Октавиана над Антонием, превратившая его в единоличного повелителя империи, стала достаточным основанием для почитания нового квазибожества.

Учреждение культа предусматривало наличие храма и жрецов, а также отправление служб и проведение празднеств. Все это по-разному, в зависимости от местных условий, реализовывалось в культах провинциальных, городских и частных.

Частные культы были результатом личной инициативы. Их отправление, основываясь на традициях, не регулировались какими бы то ни было гласными правилами. Бесчисленные посвятельные надписи и статуи говорят о благодарности подданных императору⁹⁶. В значительной мере она была вполне искренней: наконец провинции избавились от хищнического грабежа, вначале со стороны полководцев, наместников, откупщиков, а затем еще — вождей периода гражданских войн. Провинциалы нуждались в мире, соблюдении законности и справедливом суде. Все это могла предоставить

⁹⁴ Ф. Миллар настаивает на том, что императорский культ даже на Востоке, не являясь продолжением традиции, был «организованным новшеством» со стороны правительства: Millar F. *State and subject: the impact of monarchy* // Millar F.; Segal E. (eds.). *Caesar Augustus...* P. 53, 54 и сл. Обзор точек зрения: Штаерман Е. М. Социальные основы... С. 171 слл.

⁹⁵ Согласно Плутарху, первым был учреждён культ полководцу Фламинину в нач. II в. до н.э. в городе Халкида (Plut. Flam. 16). В 195 г. Смирна построила храм богине Роме (Tac. ann. IV. 56). Август запретил культы, посвящённые действующим наместникам (Dio LVI. 25. 6). Монополизация культа, так же как триумфа и других почестей должны были укрепить единоличную власть. См. также раздел VII.4.

⁹⁶ См.: Habicht Chr. *Die augusteische Zeit und das erste Jahrhundert nach Christi Geburt* // Reverdin O. (publ.). *Le culte des Souverains dans l'Empire Romain*. Genf, 1973. S. 39–88, hier S. 42–44; Chaniotis A. *Der Kaiserkult im Osten des Römischen Reiches im Kontext der zeitgenössischen Ritualpraxis* // Cancik H., Hitzl K. (Hg.), *Die Praxis der Herrscherverehrung in Rom und seinen Provinzen*. Tübingen, 2003. S. 3–28, hier S. 19.

только стабильная власть. Поэтому жители провинций были готовы почитать Октавиана-Августа как правителя, благословленного свыше.

Городские культы учреждались по инициативе и по решению советов, состоящих из самых богатых граждан. Культ императора распространялся в ходе своего рода соревнования городов, которые в то же время заимствовали друг у друга те или иные элементы. Здесь играли роль соображения выгоды (расчет на льготы со стороны провинциальных или центральных властей), местного патриотизма и престижа. Часто культ Августа присоединялся к культу главного местного божества — покровителя города. Как правило, городские магистраты сообщали Августу об оказанной ему чести, отправляя в Рим специальную делегацию, реже посылалось письмо. Средства на строительство и организацию культа предоставляли состоятельные местные жители⁹⁷.

Официальный, (полу-)государственный характер носили провинциальные культы Августа. Они учреждались в главных городах, по инициативе местного населения, по крайней мере, это выглядело так. Почитание по распоряжению наместника означало бы обязательное участие в культе римских граждан. Известно, что Август запрещал это, даже в Малой Азии⁹⁸. Ходатайства о разрешении учредить культ подавали через своих посланников в столице провинциальные собрания. Они состояли из делегатов городов. Август разрешал строительство храмов, учреждение городских и провинциальных культов лишь с двойным посвящением: как правило, богине РOME (*dea Roma*) и самодержцу (автократору) Цезарю (Октавиану)⁹⁹.

Первыми разрешение возвести храмы РOME и Октавиану получили провинции Азия и Вифиния в 29 г. до н.э. Храм в Пергаме (Азия) был сооружен в 27 г. Затем появились храмы РOME и Августа в Никомедии (Вифиния), Миласе (Кария), Анкире (Галатия) и других городах Востока¹⁰⁰. Проведя необ-

⁹⁷ См.: Habicht Chr. Die augusteische Zeit... S. 45–50, 65; Kienast D. Augustus. S. 251 mit Anm. 150.

⁹⁸ Не означает ли это, что при отсутствии запрета римские граждане были готовы активно участвовать в отправлении культа? Или их нежелание принимать участие создавало бы нежелательный диссонанс с настроениями провинциалов? Но главное, Августу достаточно было вспомнить успех собственной пропагандистской кампании против Антония и Клеопатры, чтобы не забывать про осторожность в этом вопросе.

⁹⁹ См.: Tac. ann. I. 2. 2; Suet. Aug. 52; Dio Ll. 20. 6 sqq. Тиберий у Тацита ссылается на Августа, который решил такой культ себе и РOME в Пергаме (Tac. ann. IV. 37). Исключением был Египет, а также Кипр, там почитали Августа без РOME в специальных храмах. В египетских храмах отправлялись культы местных богов, которым приносили жертвы также за императоров. См.: Jones A. H. M. Augustus. P. 151; Herklotz F. Prinzeps und Pharao: der Kult des Augustus in Ägypten. Frankfurt a. M., 2007; Pfeiffer S. Der römische Kaiser und das Land am Nil: Kaiserverehrung und Kaiserkult in Alexandria und Ägypten von Augustus bis Caracalla (30 v. Chr. – 217 n. Chr.). Stuttgart, 2010, S. 317; cf.: Deininger J. Die Provinziallandtage der römischen Kaiser. München, 1965. S. 16 ff. Имеются данные, что в отличие от городских, в учреждении провинциальных культов активное участие принимало центральное правительство. В городах почитание Августа нередко осуществлялось в храме местного бога-покровителя.

¹⁰⁰ Dio Ll. 206. Об учреждении императорского культа в М. Азии см.: Price S. R. F. Rituals and power: the Roman imperial cult in Asia Minor. Cambr. etc., 1984 (and repr.); Witulski Th. Kaiserkult in Kleinasien. См. также обзор археологических свидетельств: Hesberg H. Archäologische Denkmäler zum römischen Kaiserkult // ANRW Bd. II. 16. 2. S. 911–995.

ходимую подготовку, собрания провинций избирали для святилища высшего жреца. Об одном из первых жрецов Августа (17/16 г.) свидетельствует надпись из Кирены¹⁰¹. Должность, к которой стремились даже самые выдающиеся представители местной аристократии, была величайшей честью для провинциала. Желающих принимать участие в отправлении культа было достаточно. В восточных провинциях приходилось несколько умерять энтузиазм, вводить его в определенные рамки.

На западе империи традиции религиозного почитания правителей не были столь сильны, потому, как правило, требовалась инициатива центральной власти¹⁰². Она опиралась на поддержку легионеров и ветеранов. Поскольку все же использовались обычаи почитания местных вождей или царей, у населения введение культа Августа почти не встречало сопротивления¹⁰³. В 12 г. до н.э. Друз Старший собрал представителей 60 общин Галлии Коматы для учреждения культа Ромы и Августа; спустя два года в Лугдуне, при слиянии Роны и Соны, был освящен алтарь (CIL XII. 4333). Через несколько лет аналогичный алтарь был сооружен в Городе убиев, на западном берегу Рейна. Во 2 г. до н.э. полководец Л. Домиций Агенобарб возвел алтарь Ромы и Августа на Эльбе (Dio LV. 10a. 2)¹⁰⁴. Известны подобные алтари в Тарраконе, наличие еще одного предполагается в Лузитании. Ни в Нарбонской Галлии, ни в Африке, где было много римских колоний и муниципиев, императорский культ не учреждался в течение еще двух поколений. Но известно, что при Веспасиане культ императора уже отправляли во всех Западных провинциях¹⁰⁵.

Возникновение императорского культа в Риме и Италии имело свои существенные особенности. Обычай прижизненного обожествления был

¹⁰¹ SEG 9. 133. Cf.: Lepelley C. (hrsg.). *Rom und das Reich in der hohen Kaiserzeit II. Die Regionen des Reiches*. S. 333 f.

¹⁰² Как правило, организаторами культа были здесь императорские легаты, в том числе члены фамилии императора. См.: Fishwick D. *The imperial cult in the latin West*; id. *Numen Augustum* // ZPE. Bd. 160. 2007. P. 247–255 etc.

¹⁰³ О местных культах в Испании, Галлии, Нумидии и Мавритании: Штаерман Е. М. *Социальные основы...* С. 175 сл. с лит.

¹⁰⁴ Примерно ок. 7 г. до н.э. на левом берегу Рейна, на территории будущей Колонии Агриппинцев (совр. Кёльн), был установлен алтарь Убиев. Установка алтаря Домицием Агенобарбом (по-видимому, деревянного и очень недолго простоявшего) на правом берегу Эльбы (примерно на рубеже н.э.) отразила настроения армии. См.: Межеричкий Я. Ю. *Colonia Claudia Ara Agrippinensis / Кёльн — центр Римской провинции Нижняя Германия*. С. 109–112 (об алтаре Убиев, который видимо планировался как алтарь Германцев, а также об алтаре Галлов в Лугдуне); его же: *Римская экспансия и гибель легионов Вара в 9 г. н.э.* С. 91 (алтарь на Эльбе). Утверждение культа императора в легионах — особая тема.

¹⁰⁵ Jones A. *Augustus*. P. 151–152; Latte K. *Römische Religionsgeschichte*. S. 41 f. mit Anm. 51; Deininger J. *Die Provinziallandtage der römischen Kaiser*. München 1965. S. 21 ff., 99 ff.; Fishwick D. *The Development of Provincial Ruler Worship in the Western Roman Empire* // ANRW II. Bd. 16. 2. S. 1201–1253, hier S. 1204 ff.; Habicht Chr. *Die augusteische Zeit und das erste Jahrhundert nach Christi Geburt* // Reverdin O. (hrsg.). *Le culte des Souverains dans l'Empire Romain*. T. 1. Genf, 1973. S. 39–88, hier S. 39 ff.; Claus M. *Kaiser und Gott*. S. 66 ff.

чужд римлянам. Попытки Юлия Цезаря ввести свой культ, в сочетании со стремлением к царской власти, сыграли роковую роль в событиях 44 г. до н.э. Цезарь не только настаивал на сверхъестественном происхождении своего рода, что само по себе не выходило за рамки честолюбивых претензий многих патрицианских семей, но похоже, добился обожествления при жизни и даже имел храм со жрецом¹⁰⁶.

Заявление Октавия после смерти Цезаря о том, что он стремится к тем же почестям, что и его приемный отец, было встречено, судя по Цицерону, весьма настороженно (Cic. Att. XVI. 15. 3). Через несколько месяцев, уже став Цезарем, он удовлетворился честью называться «сыном божественного» (*divi filius*). Юный Цезарь, если верить Плинию Старшему, не расставался с мыслью о своем особом предназначении (Plin. n. h. II. 93 sq.). Цицерон называл Октавиана «божественным юношей», посланным богами (Cic. Phil. V. 43; cf. XII. 9), что соответствовало распространявшимся идеям о providенциальной миссии спасителя (греч.: *soter*). Подобные ассоциации должна была вызывать также легенда об *augustum augurium* Октавиана при вступлении в первое консульство¹⁰⁷.

Обстановка в Италии способствовала усилению сотериологических настроений. Ожидание спасения и чуда переносились и на личность Октавиана¹⁰⁸. Формированию представлений о его исключительности способствовали и другие обстоятельства. После победы над Секстом Помпеем при Навлохе в 36 г. Октавиану была предоставлена пожизненная священная неприкосновенность народного трибуна. Началось строительство храма бога-покровителя Октавиана — Аполлона на Палатине (Dio XLIX. 15. 5 sq.). В некоторых городах Италии триумвир приравнивался к местным богам-покровителям. Но став «сыном божественного», Октавиан не торопился с дальнейшими шагами к самообожествлению, предоставив это поле деятельности Антонию¹⁰⁹. Он действовал более «прагматически»: вся Италия и Западные провинции

¹⁰⁶ Жрецом храма Цезарю и Милосердию был Антоний (Dio XLIV. 6, cf. LI. 22; Cic. Phil. II. 110. См.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 72–73). Е. М. Штаерман аргументированно настаивала на том, что стремление Юлия Цезаря к обожествлению равнялось на римскую традицию (Ромул), а не на эллинистические образцы (Штаерман Е. М. Социальные основы... С. 166 сл.). По мнению С. Вайнстока, хотя Юлий Цезарь и не достиг желаемого, начиная с него и на века культ правителя стал одной из важнейших опор римского владычества (Weinstock S. Divus Julius. Oxf., 1971. P. 414).

¹⁰⁷ Suet. Aug. 7; Dio LII. 16. 5–7. Не исключено, что это более поздняя легенда, обосновывавшая сверхъестественную природу основателя принципата.

¹⁰⁸ Титир Вергилия в первой эклоге славил Октавиана как спасителя и бога (*deus*), о рождении спасителя идет речь в четвертой эклоге. См. также App. b. c. V. 314. Сравн. разделы VI. 6 (о секулярных торжествах) и I X. 5 (в т. ч. о Вергилии).

¹⁰⁹ См.: Pollini J. Man or god: divine assimilation and imitation in the late republic and early principate // Raaflaub K., Tocher M. (eds.). Between... P. 334–363, here 345.

Илл. VI.6. Денарий с изображением Октавиана-Августа, на реверсе итифаллическая герма с атрибутами Зевса

принесли Октавиану в 32 г. до н.э. клятву верности¹¹⁰. Она содержала сакральный элемент.

В Риме сразу после Акция, еще в отсутствие победителя, сенат и народ в порыве энтузиазма стали назначать Октавиану неумеренные почести. С 30 г. каждые 5 лет проводились игры во исполнение обета за его здоровье. Другие празднества были учреждены в честь благополучного возвращения в Рим. В 28 г. до н.э. декретом сената имя Цезаря (Октавиана) было включено во все государственные молитвы, а также в древнейший гимн салиев, вместе с богами¹¹¹.

Не отказываясь от спонтанных проявлений лояльности, победитель не спешил, осторожно прощупывая дорогу к обоснованию исключительного положения в государстве. Иногда отменялись шаги, оказавшиеся неуместными. Так, Октавиан остановил производство своих изображений в Риме¹¹². Серебряные статуи, установленные частными лицами, было приказано переплавить. Средства были использованы для принесения даров храму Аполлона на Палатине¹¹³. Не получила продолжения чеканка монет, на которых обнаженный Октавиан был изображен в образе Нептуна. В то же время начал сооружаться мавзолей. Исследователями отмечено, что это было время

¹¹⁰ RG 25. 2; Dio L. 6. 6. См. раздел V. 10, сравн.: Syme R: The Roman revolution, ch. 20.

¹¹¹ RG 10. 1; Dio LI. 19. 7, 20. 1 etc.

¹¹² Возможно, ложно понятым сигналом для их производства стала установленная в Палатинской библиотеке статуя Октавиана в образе Аполлона, с инсигниями бога (Serv. bucol. IV. 10; cf.: schol. ad Horat. epist. I. 3. 17).

¹¹³ RG 24; Suet. Aug. 52; cf.: Dio LI. 20. 8, LIV. 35. 2 sq. Cf.: Scott K. The significance of statues in precious metals in emperor-worship // TAPA. Vol. 62. 1931. P. 101–123.

поиска новой символики¹¹⁴. Этап экспериментирования завершился в 28 г.¹¹⁵ Поворотным пунктом стало «возвращение республики» (см. раздел. IV.9). Тем самым было исключено как возложение короны, так и официальное обожествление. Но аура многочисленных почестей уже окутала императора Цезаря.

Особым отличием стало имя «Август». Оно было преподнесено сенатом 16 января 27 года в благодарность за спасение и возвращение «республики»¹¹⁶. При выборе имени тщательно учитывались идеологические подтексты, исторические традиции и актуальные политические нюансы¹¹⁷. О безошибочном решении говорит также его история как титула монархов в течение последующих двух тысячелетий¹¹⁸.

Прежде всего, *Augustus* означало «великий и возвышенный», но не столько в обычном, человеческом смысле, а и в сакральном: «божественный, возвышенный или благословенный богами»¹¹⁹. При этом исторически слово приобрело целый ряд особых коннотаций. Оно вызывало воспоминание о Ромуле, который основал Город по предначертанию богов (букв: по священному птицегаданию — *augusto augurio* — Suet. Aug. 7. 2; Liv. I. 7), а затем, посмертно, был принят в их сонм. Фраза Энния "*Augusto augurio condita Roma*", в соответствии с рассказами других авторов, в частности, Светония, Плутарха и Тита Ливия, толковалась так, что Город был основан на том

¹¹⁴ На монетах начала 20-х годов Октавиан изображался в образе Аполлона, Юпитера и Нептуна (R1C 12. № 270–272; cf. Zanker P. The power... P. 40 ff.). Октавиан следовал примеру представлявшегося Нептуном Секста Помпея. На другом чекане изображение Октавиана почти копирует тетрадрахму Деметрия Полиоркета (ок. 305 г. до н.э.). См: Pollini J. Man or god. P. 346 f.; cf. Galinsky K. Augustan culture, ill. 2. P. 314 f., 147 сл. Об идеологическом смысле мавзолея см.: МРМА. С. 317 и сл.; здесь раздел VIII.3. О датировке строительства мавзолея: Donderer M. Zur Datierung des Augustus-Mausoleums // ÖJh 78. 2009. S. 69–77.

¹¹⁵ См. Galinsky K. Augustan culture. P. 314 и примеч. 62 с указаниями на литературу. О мавзолее и его идеологическом смысле см. раздел VI.3.

¹¹⁶ RG 34. 2; fasti praen., 16 января; feriale Cumanum; Ovid. fast. I. 587 sqq.; 609 sqq. (Овидий ошибочно датировал это событие 13-м января); Vell. II. 91. 1; Suet. Aug. 7. 2; Dio LIII. 16. 6 sqq.; Ehrenberg & Jones. P. 45 Fasti Cum et Praen. Cf.: Erckell H. Augustus, Felicitas, Fortuna. Göteborg, 1952. P. 9–39; Brunt P, Moor J. RGDA. P. 77 f.; Чернышов Ю. Г. Социально-утопические... II. С. 34 Galinsky K. Augustan culture. P. 315 ff.; Kienast D. Augustus. S. 79–80; Был известен греческий эквивалент *Augustus* — *Sebastos* (почитаемый, священный). Все же Кассий Дион, поясняящий это, употребляет везде греческую транслитерацию «Август». См.: Dio LII. 16. 8. По-видимому, историк следовал здесь принятому при Северах обычаю (Rich J. W. Cassius Dio. The Augustan settlement. Warminster, 1990. P. 20). Об исторической ситуации см. раздел IV.9.

¹¹⁷ Имя «Август», при всей его исключительности, имело чисто отечественное происхождение. Мунаций Планк, консул 42 г., который внёс предложение на заседании сената, был сторонником республиканцев, затем Антония и лишь в мае 32 г. перешел на сторону Октавиана. Прощённый победителем, он должен был символизировать примирение и компромисс (Vell. II. 91. 1; Suet. Aug. 7. 2 etc.; Dio LIV. 2. 1).

¹¹⁸ Август, как и Цезарь, стало неотъемлемым элементом имен римских императоров. Следует подчеркнуть, что при возникновении принципата «Август» был почетным именем, эпитетом, не имея значения титула и не будучи официальным обозначением особого места в государстве, как это стало в дальнейшем.

¹¹⁹ См.: Dio LIII. 16. 8. По мнению И. Граделя, фактически *augustus* было своего рода замаскированным синонимом более прямолинейного *divinus*, не вызывая прямого отторжения у сограждан, особенно сенаторов. Они удовлетворились тем, что имя «Август» не подразумевало дополнительных полномочий, а также, как в случае с *Divus Iulius*, наличия храма со жрецом. Сравн.: Gradel I. Emperor worship... P. 114 f.

месте, где приземлились 12 коршунов¹²⁰. Это считалось благоприятным предзнаменованием (благословением богов). Октавиану, совершавшему ауспиции в свой первый консулат, тоже якобы показались 12 коршунов¹²¹. Октавиану предлагалось имя Ромула, которое соответствовало бы претензиям стать основателем «наилучшего государства». Но он отказался по ряду причин¹²². Октавиан избегал любых намеков на царскую власть. К тому же, согласно преданию Ромул, превратившись в бога, слился с Квирином (Plut. Numa 2). Достоинством имени «Август» было то, что связывая принцепса с истоками Города и с его основателем, оно было свободно от отрицательных ассоциаций, связанных с братоубийством, царской властью и претензиями на обожествление. Овидий в «Фастах» показал, что Август превзошел Ромула во всех отношениях (Ovid. fast. II. 123–144)¹²³. Вряд ли это мнение противоречило представлениям принцепса.

Овидий обратил внимание на важнейшее преимущество имени Август перед другими почетными именами: Африканский (Сципион) или даже Великий (Помпей), Максим (Фабий) и другими — это все человеческие почести. В отличие от этого «Август» связан с Юпитером, с миром богов, со всем священным для римлян¹²⁴. «Август» удачно и существенно дополнял в официальном имени характеристику «сын божественного Юлия». Имя указывало на божественное происхождение, вплоть до Венеры, которая была матерью Энея и бабушкой Юла. Согласно Кассию Диону, «Август» возвышался над миром людей, приближаясь к богам (Dio LIII. 16. 8)¹²⁵.

¹²⁰ Ennius. Ann. 502 (494), cf.: Suet. Aug. 7. 2; Prop. IV. 6. 43 sq. (cf. 38); Plut. Rom. 9; Liv. I. 7. 1; Dio LII. 16. 5 sqq. Augurium от augeo (возвеличивать, возвышать, увеличивать, умножать). О значениях см.: Сидорович О. В. Аугурии и ауспиции: содержание понятий // Античный мир и археология. Вып. 13. Саратов, 2009. С. 151–158.

¹²¹ Это произошло 19 секстилия (позднее переименованного в август) 43 г. См.: Suet. Aug. 95; App. b. c. III. 94; Dio XLVI. 46. 2.

¹²² О том, что у самого Октавиана первоначально было желание получить имя «Ромул», см.: Dio LIII. 16. 7; cf.: Suet. Aug. 7. 2; 95; об отождествлении Августа с Ромулом в литературе и изобразительных памятниках Августова века см.: Неверов О. Я. Портрет в римской глиптике... О значении имен Ромул и Август см.: Scott K. The identification of Augustus with Romulus-Quirinus // TAPA. 56. 1925. P. 82–105; Merkelbach R. Augustus und Romulus (Hor. carm. 1. 12. 37–40) // Philologus. Bd. 104. 1960. S. 149–153; Ungern-Sternberg J. von. Die Romulushachfolge des Augustus // W. Schuller (Hg.), Politische Theorie und Praxis im Altertum, Darmstadt, 1998. S. 166–82 etc.

¹²³ Тем не менее установлено, что образ Ромула играл значительную роль в идеологии принципата, причём не только на начальном этапе правления Августа (о так называемом "Romulusperiode": Kienast D. Augustus. S. 93). См. также раздел IV.9.

¹²⁴ Ovid. ffast. I. 587–616 (январские иды); comp: II. 130–134 (воспевает отца отечества, сравнивая с Юпитером на небе, намекает на его превосходство перед Ромулом); cf. Dio LIII. 16. 8: Август — имя «более, чем человеческое; все самые почитаемые и священные предметы называются *augusta*». Подробнее см.: Galinsky K. Augustan culture. P. 315 ff.

¹²⁵ См.: Neumann K. J. Augustus // RE. Bd. II.2. Stuttgart 1896. Sp. 2370–2372; Машкин Н.А. Принципат... 1949. С. 384; Kienast D. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt, 2010⁴. S. 25; Jacques F., Scheid J. Rom... Bd. I. 1998. S. 18; Kienast D. Augustus. S. 93 f. mit Anm. 47; Шайд Дж. Религия римлян. 2006. С. 165; Токарев А. Н. Становление... С. 161–177.

Слово употреблялось изначально для характеристики предметов и явлений освященных, связывавших богов и людей¹²⁶. Особый характер слова «Август» подтверждается тем, что решение о его присвоении принимал не только сенат, но и высшая жреческая коллегия — понтифики (Lydus. de mensibus 111).

Обосновывая свою исключительность и особую связь с миром богов, Август не бросал вызова традициям, чутко отслеживая настроения современников. Завоевание доверия к лозунгу «восстановления республики» требовало самоограничения¹²⁷. У Светония сообщения об отказе Августа от религиозного почитания, от диктатуры, от обращения «господин» (*dominus*) помещено в контекст, где речь идет о «республиканской» умеренности принцепса (Suet. Aug. 52–53. 1 sq.). Такая линия поведения позволяла наладить взаимное доверие и сотрудничество с сенатом. Строгое следование древним установлениям было проявлено в вопросе о должности Великого понтифика. Ее после гибели Юлия Цезаря занимал Эмилий Лепид. После отстранения Лепида от государственных дел в 36 году и позднее предлагалось лишить его также этой должности в пользу Октавиана. Но Октавиан-Август отказывался нарушить правило, согласно которому верховный понтифик — должность пожизненная. Он вступил в должность только после смерти Лепида в 12 г. до н.э., приветствуемый огромным множеством народа, собравшегося со всей Италии¹²⁸.

Отказ Августа от любых даже намеков на «тиранические» устремления был важен прежде всего для сената. Но при всей его важности, недостаточно было ориентироваться только на высшее сословие. Если говорить о Риме и Италии, следовало учитывать интересы, симпатии и предрасудки городского плебса, всего гражданского населения, ветеранов и армии. Римляне были убеждены в том, что их благополучие зависит от воли богов¹²⁹. Особенно важно, чтобы покровительством высших сил

¹²⁶ В сакральном смысле Augustus означало «обладающий сакральной силой», которая дает возможность выполнения соответствующей миссии (Ж. Дюмезиль). Греческий вариант — *Sebastos* (священный, почтенный). См.: Strab. III. 3. 8, XII. 8. 16; Paus. III. 11. 4 etc.

¹²⁷ Подчеркнутое уважение Августа к республиканской традиции и последовательность в реализации религиозной политики настойчиво подчеркивает Дж. Шайд: Scheid J. Augustus and Roman religion: continuity, conservatism, and innovation // Galinsky K. (ed.). The age of Augustus. P. 175–193, here P. 189 ff.

¹²⁸ RG 10. 2. Задолго до получения верховного понтификата Август был членом всех важнейших жреческих коллегий и мог оказывать решающее влияние на религиозную жизнь Рима. Подробно о принятии Августом верховного понтификата см.: Bowersock G. W. The pontificate of Augustus... P. 380–394, cf.: Scheid J. Auguste et le grand pontificat. Politique et droit sacré au début du Principat // Revue Historique de Droit français et étranger. T. 77. 1999. P. 1–19.

¹²⁹ После того, как Август отказался от постоянного консульства, Рим начали преследовать природные катастрофы. Это рассматривалось как гнев богов. Толпа окружила курию и угрожала ее поджечь, если Август не станет вновь консулом. Затем от него потребовали принятия звания диктатора и цензора. Августу с большим трудом удалось отказаться от этих требований, пообещав, что будет и без того контролировать снабжение Города хлебом (Dio LIV. 1. 2–4). См. раздел V.4 сл. Представления

пользовались первые лица государства, будь то цари, консулы, полководцы, принцепс или император. И Августу было необходимо подтверждать свою избранность и удачливость. Этому служили достижения в различных областях, особенно военные победы. В широких слоях гражданского населения существовала потребность в харизматическом лидере. Плебс настойчиво, и не раз, требовал от Октавиана-Августа, чтобы он, как некогда Юлий Цезарь, принял диктаторскую власть. Светоний сообщает, что Августу приходилось, применив все средства убеждения, на коленях, спустив с плеч тогу и обнажив грудь, умолять народ избавить его от этой чести (Suet. Aug. 52, сравн. выше: Dio LIV. 1. 2–4). Плебс был готов и к обоготворению своего спасителя. А позицию правящей элиты в этом вопросе отразили Варрон и Цицерон, которые считали полезным почитание народом достойных правителей¹³⁰.

Возможно, некоторые слухи о сверхъестественной природе императора, которые циркулировали в Италии, распространялись не без ведома правительства. Примером могут служить истории о чудесах и таинственных знаках, которые наблюдались до рождения Гая Октавия и сопровождали его всю жизнь (ibid. 6; 94–97 etc.). Но даже если инициатива шла сверху, сведений о каком-либо неприятии подобных слухов или сопротивлении шагам по внедрению культа не имеется. Действия Августа несомненно ориентировались на общественные настроения и соответствовали им. Для укрепления своего положения в религиозной жизни принцепс сумел использовать чисто римские, народные, «демократические»¹³¹, обычаи и культы: семейный (почитание предков — покровителей *pater familias*), домашний (пена-тов) и городских кварталов (ларов)¹³². Восстановление и поднятие престижа

о сакральных силах у римлян см.: Linke B. *Antike Religion*. München, 2014. S. 10 ff., 88–94 (состояние изучения вопроса).

¹³⁰ Cic. rep. V. 3. 5, 4. 6, 6. 8; VI. 1. 1; VI. 13 et VI pass. (“*somnium Scipionis*”); Serv. Aen. XI. 785, 787 (о рационалистическом отношении Варрона к религии). См.: Штаерман Е. М. Социальные основы... С. 162 сл. Представления Цицерона и его современников о божественной природе некоторых людей и посмертном обожествлении выдающихся государственных деятелей см. в: Cole S. *Cicero and the rise of deification at Rome*. Cambr., 2013, esp. p. 85 ff., 89 f. etc. В целом, в отличие от плебса, для элиты было характерно гораздо более рациональное, прагматическое отношение к религии (см. предыдущий раздел).

¹³¹ О «совершенной демократии» Римской империи с явной издевкой писал в начале 50-х годов Ч. Старр (Starr Ch. *The perfect democracy of the Roman empire* // *The American historical review*. Vol. 58, N 1. 1952. P. 1–16). Он хотел подчеркнуть показной и извращенный характер этой «демократии». Все же нельзя пройти мимо низовых, «народных» традиций, чувств, политических установок, по крайней мере потенциально всегда содержавших монархический компонент. Недоверие к аристократии порождало, особенно в периоды нестабильности, тягу к сильной личной власти «народного заступника», «доброго царя» и т.п. Эти устремления легко приобретали религиозную окраску. Отдельного рассмотрения заслуживает связь мессианизма и римского монархизма.

¹³² Пенаты (*penates*) — покровители домашнего очага. Лары (*lares*) — обожествлявшиеся духи умерших. Они считались божествами-покровителями коллективов (фамилий, родов, общин) и территорий, принадлежавших этим коллективам. Лары рассматривались, в сравнении с Великими богами, как божества

этих традиционных институтов и верований хорошо вписывалось в «реставрационную» политику нового режима. Немаловажным было также, что данные культы, в отличие от государственных, меньше подверглись упадку и забвению в годы политических потрясений.

В атмосфере послевоенной эйфории нетрудно было включить в названные древнейшие культы Гений (божество-покровитель)¹³³ Августа. Решением сената он вошел в повседневную жизнь Рима: при каждой частной или общественной трапезе Гению Августа должно было совершаться возлияние¹³⁴. К этому акту может относиться ряд домашних алтарей из Помпей, на которых иногда изображен гений императора как *togatus* с покрытой головой. Подобное приобщение принцепса к наиболее близким каждому римлянину святыням в разных обстоятельствах становилось данью признательности умиротворителю, выражением особой лояльности своему вождю или откровенной лестью по отношению к всесильному правителю. По мере умножения прецедентов уклонение от обрядов становилось по меньшей мере неудобным. Подражание, конформизм, оппортунизм порождали эффект «снежного кома».

Решающий шаг в направлении внедрения Гения Августа в локальные культы был сделан в ходе административной реорганизации Города (между 12 и 7 гг. до н.э.)¹³⁵. Упорядочение управления было необходимо для обеспечения безопасности и налаживания повседневной жизни. В то же время перенесение границ являлось сакральным актом, начало этой реформы совпало с избранием Августа великим понтификом. Август воспользовался административной реформой для усиления своего идеологического влияния. Рим был разделен на 14 регионов (*regiones*) и 265 кварталов-вигов (*vici*). Жители кварталов были организованы в компитальные коллегии (своего рода общины) во главе с выборными лицами. Их центрами были перекрестки (*compita*). Коллегии отвечали за порядок на своей территории, а также

низшего порядка. Античные комментаторы сравнивали ларов с обожествленными греческими героями. См.: Wissowa G. Religion... S. 161–175; Штаерман Е. М. Социальные основы... С. 49 сл.

¹³³ Гений (*genius*) – у римлян сверхъестественное существо, дух или божество, покровительствовавшее мужчинам (для женщин эту функцию выполняла Юнона). День рождения считался праздником гения человека, смерть означала также конец гения. Его изобразительным символом была змея, бородатый муж или юноша. Первоначально символизируя жизненную (также мужскую) силу, гений со временем приобретал социальные функции, выступая также защитником семьи (гений *pater familias*), общины, государства. Если в эпоху Республики был известен *Genius populi Romani*, то в дальнейшем большую роль играл Гений императора, которому приносилась клятва. См.: Wissowa G. Religion... S. 175–181; Krause-Kunkel H. Der römische Genius. Heidelberg, 1974 (в частности, об изображениях Гения); Latte K. Römische Religionsgeschichte. S. 103 ff.. etc.

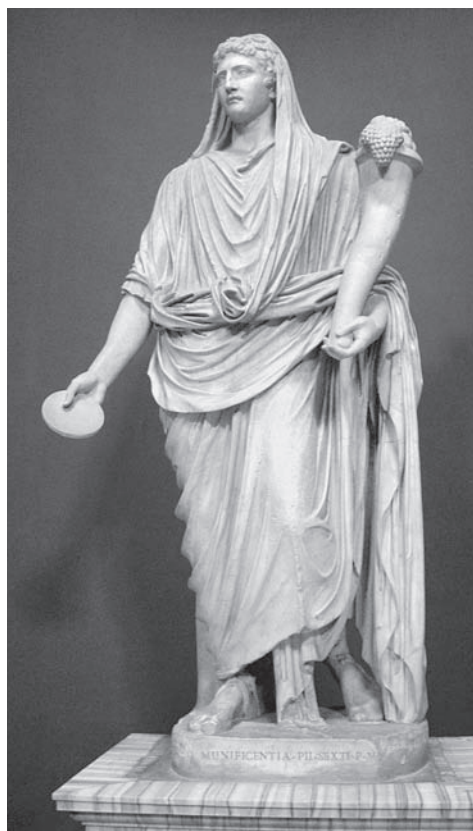
¹³⁴ Dio LI. 19. 7. Alföldy A. Die zwei Lorbeerbäume des Augustus, Bonn 1973. S. 24 f.; Liebeschuetz G. Continuity and change in Roman religion. Oxf., 1979. P. 68 f.

¹³⁵ 7-м г. до н.э. датирует административную реформу Дион Кассий и ряд надписей. Скорее всего, тогда были проведены важнейшие мероприятия. См.: Gradel I. Emperor worship... P. 116 ff. О ситуации в Риме после окончания гражданских войн и о мерах по санации и благоустройству см. раздел VIII.1.

Илл. VI.7. Статуя Геня Августа

за отправление компитальных культов ларов. Центральный храм Ларов был заново отстроен рядом со Священной дорогой (где позднее была возведена арка Тита), а храм Пенатов — на Веллии¹³⁶.

Восстановление коллегий, которые в период гражданских войн превратились в очаги мятежных настроений среди низших слоев плебса и рабов, стало смелым ходом основателя принципата¹³⁷. Эта мера способствовала не только нейтрализации компитальных коллегий, но и превращению их в важную опору режима¹³⁸. Значительную роль здесь, как и в провинциях, играли разбогатевшие вольноотпущенники. Иногда в надписях, кроме этих *magistri* (*vicomagistri*), появляются также *ministri* — рабы, выполнявшие служебные функции¹³⁹. Магистры были выборными и выполняли свои обязанности, также по обслуживанию культа, по поручению жителей своего квартала. Будучи частными лицами, они дей-

¹³⁶ RG 19. 2; Suet. Aug. 31. 1. Cf. 61; Wissowa G. Religion... S. 77; Alföldi A. Die zwei Lorbeerbäume... S. 18–36; Liebeschuetz J. Continuity... P. 69–71; Latte K. Römische Religionsgeschichte. S. 42 ff.; Beard M., North J., Price S. (eds.). Religions of Rome. P. 184 ff.; Lott J. B. The neighborhoods of Augustan Rome. Cambr., 2004.

¹³⁷ Эти *collegia* использовались П. Клодием Пульхром (народный трибун 59 г.) для политической борьбы против сената, затем ограничены Юлием Цезарем. Уже в 22 г. до н.э., когда они стали средоточиями беспорядков, Август вынужден был вновь объявить некоторые вне закона. Dio LIV. 2. 3; Suet. Aug. 32. 1 Светоний сообщает о роспуске «новых» коллегий, под прикрытием которых собирались разбойники. См.: Kienast D. Augustus. S. 104 mit Anm. 80 (лит.), 110 mit Anm. 104 etc.

¹³⁸ О ларах Августа и гения Августа см., напр.: Ovid. fast. V. 145; Dio LI. 20. «Демократический» характер культа ларов и Гения императора подчеркивала Е. М. Штаерман (Социальные основы... С. 169–170). См. также: Taylor L. R. The worship of Augustus in Italy during his lifetime // TAPA. Vol. 51. 1920. P. 116–133; Kienast D. Augustus. S. 196–198.

¹³⁹ См.: Hano M. A l'origine du culte impérial: les autels des lares Augusti // ANRW II. Bd. 16,3. P. 2333–81. P. 2340 f. No 6. Характеристику компитальных культов и функций *magistri vici* и *ministri vici* (тех и других было обычно по четыре человека) см.: Gradel I. Emperor worship... P. 116–128.

Илл. VI.8 Ливия в образе богини-благотворительницы

ствовали под контролем городской администрации¹⁴⁰. Важность выполняемых магистрами обязанностей подчеркивалась тем, что во время компитальных праздников им разрешалось носить тогу, отороченную, как у магистратов, красной полосой (*toga praetexta*)¹⁴¹. Членство в коллегии должно было способствовать социализации широкого слоя городского населения и формированию благоприятного отношения к режиму.

Синтез нового с традиционным шел естественным путем, требуя лишь легких корректировок сверху. Поскольку культ домашнего очага обычно не отделялся строго от культа предков и Гения главы фамилии, в него без особых препятствий проникал и Гений Августа (*genius Augusti*). Это облегчалось еще и тем, что выражение *lares augusti* («почитаемые, или священные лары») было известно и раньше¹⁴². Оно легко преобразовывалось в *lares Augusti* (Лары Августа), которые могли отождествляться с *lares*

compitales. Детали этих превращений, происходивших неравномерно, в течение многих лет, проследить невозможно¹⁴³. Квазиобожествление императора интегрировалось в основополагающий для традиционного уклада жизни

¹⁴⁰ Ibid. P. 2347 f. No. 15b. Cf. Galinsky K. Augustan culture. P. 307–309, fig. 144 (посвящение от рабов), 145 (а, с — от женщин).

¹⁴¹ См.: Gradel I. Emperor worship... P. 118 ff.

¹⁴² ICL I2. 753 (CIL V. 4087) надпись относится к 50-м гг. до н.э.; CIL V. 4865. См.: Штаерман Е. М. Социальные основы... С. 169 слл.; Galinsky K. Augustan culture. P. 300 f. etc.

¹⁴³ Новое административное деление Города и внедрение Гения Августа в квартальные культы было в основном завершено в 7 г. до н.э. См., напр.: Alföldy A. Die zwei Lorbeerbäume... S. 18 ff. Cf.: Latte K. Römische Religionsgeschichte... S. 307 (относит эти реформы ко времени от 12 до 7 гг. до н.э.); Niebling G. Laribus Augustis magistri primi. Der Beginn des Compitalkultes der Lares und des Genius Augusti // Historia. Bd. 5. 1956. S. 303–331. См. также раздел VIII.1 с примеч 23 сл.

Илл. VI.9. Алтарь ларов с вика Асклети в Риме

и самый что ни на есть демократичный культ фамилии, дома, семейного очага, а также городских кварталов и общин. Процесс получил все предпосылки для своего логического завершения, когда во 2 г. до н.э. Августу было даровано имя Отца отечества (*pater patriae*), что уже предполагало почитание его Гения как составной части государственного культа. Об успешности и результативности этих сложных метаморфоз в области народно-государственной религии свидетельствуют как литературные источники (Овидий пишет о «тысячах Ларов и Гении вождя» в Городе)¹⁴⁴, так и многочисленные сохранившиеся компитальные алтари и другие памятники и надписи. Только в Риме сохранились по крайней мере 14 алтарей Ларов Августа, это лишь немногим более 5 процентов от общего количества известных.

Один ватиканский экземпляр (7 г. до н.э.) содержит на лицевой стороне изображение Гения Августа в тоге. В правой руке находится жертвенная чаша для возлияний (*patera*). Рядом — танцующие лары с рогами для вина в поднятых руках. Надпись содержит посвящение ларам Августа и Гению императора, а также имена ответственных магистров. На каждой из боковых сторон изображены *magistri* при исполнении жертвоприношения. На обратной стороне алтаря между ветвями лавра появляется *corona civica* Августа. Другой алтарь из *vicus Aescleti* (2 г. н.э.) показывает четыре *magistri* при жертвоприношении, вместе с их персоналом и жертвенными животными, в то время как лары сдвинуты на боковые стороны алтаря. У алтаря из *vicus Sandaliarius* на обратной стороне — снова дубовый венок между лаврами, на правой стороне Виктория, которая укрепляет щит на трофее. Этот

¹⁴⁴ *mille lares geniumque* (Ovid. fast. V. 145).

мотив объединяет два известных памятника в Юлиевой курии: там после Акция была установлена скульптура богини Виктории с трофеем и «щитом добродетелей»¹⁴⁵.

Вслед за Римом культ Гения Августа быстро распространяется в италийских общинах, где также происходит объединение культа ларов и Гения Августа в культ Ларов Августа¹⁴⁶. Надпись от 9 г. до н.э. из Непета упоминает первых магистров-августалов (CIL XI. 3200). В Помпеях с 1 г. до н.э. два магистра пага Стеллатина соорудили за свой счет святилище и статую Августу (CIL XI. 3040). Иногда культ Гения Августа интегрировался в давно функционировавшие коллегии, в других случаях прежний культ вытеснялся. Например, в Тибуре *magister fabrum V. Silani M. f.* был одновременно *magister Herculaneus et augustalis* (CIL XIV. 3665). В Грумете известны *augustales Herculanei* и *augustales Mercuriales* (об августалах см. далее). Ряд примеров можно продолжить. Источники свидетельствуют о популярности императора и его культа. Посредством внедрения в культ ларов Гений Августа оказывался всюду¹⁴⁷. Как и в Риме, исполнение вменялось в обязанность коллегиям *vicomagistri* и *vicoministri*. Они формировались (как и в период Республики), соответственно, из вольноотпущенников и рабов. Это предполагало с их стороны определенные затраты, но давало более прочное положение в обществе. Такая мотивация не исключала ни указаний «сверху», ни лести или просто желания выслужиться.

Коллегии Августалов (*Augustales, seviri Augustales*)¹⁴⁸ появились в Италии, за пределами столицы. Они широко распространились на западе Империи после посмертного обожествления Августа. Принятое прежде мнение, что коллегии августалов состояли из вольноотпущенников, в последнее время пересматривается. В эти коллегии стремились также зажиточные и заслуженные граждане городов, которые по тем или иным причинам не могли стать декурионами и использовали этот шанс для того, чтобы повысить свой социальный статус. В коллегиях состояли представители местного гражданского населения, а также военные. Это соответствовало политике

¹⁴⁵ Краткое описание трех алтарей: Bringmann K., Schäfer T. *Augustus und die Begründung des römischen Kaisertums*. Berlin, 2002. S. 261–264 (с фотокопиями). В качестве примеров алтарей в Риме времени Августа укажем еще два: Ehrenberg & Jones, doc. 139 = ILS 3612 (ок. 7 г. до н.э.); ibid. 140 = ILS 9250 (ок. 2 г. до н.э.). О *clipeus virtutis* сказано в разделе IV.9.

¹⁴⁶ CIL VI. 445–454; 30954–30962. См.: Latte K. Op. cit. S. 43 f. О быстром распространении культа Августовых Ларов см.: Latte K. *Römische Religionsgeschichte*. S. 273 f.

¹⁴⁷ Эти и другие примеры приводит Е. М. Штаерман (Социальные основы... С. 174–184), cf.: Gradel I. *Emperor worship and Roman religion*. Oxf., 2002; Price S. *The place of religion: Rome in the early empire* // *CAH*² X. P. 812–847; Galinsky K. *Augustan culture*. P. 300–310; Alföldi A. *Redeunt Saturnia regna*. Bonn, 1997 (две последние книги, особенно сборник статей Альфельди, содержат множество фотографий алтарей).

¹⁴⁸ *Seviri* — сокращенное от *sexviri* по аналогии с шестью мужами, которым предоставлялась честь возглавлять ежегодный парад всадников в Риме.

Августа, направленной на укрепление сословной структуры и в то же время — на интеграцию представителей всех слоев в общественную жизнь. Со временем августалы образовали своего рода сословие, заняв место между декурионами и городским плебсом¹⁴⁹.

Разнообразные формы, в которых происходило развитие императорского культа в Италии, демонстрируют надписи, в числе которых выделяется календарь из Кум. Он был сделан еще при жизни Августа, но не раньше 4 г. н.э., поскольку Тиберий и Друз уже именуются Цезарями. В календаре отмечены примечательные даты из жизни принцепса и членов его фамилии. Указано, к каким богам обращаться в эти дни. Например, в юбилей возвращения Августа из провинций — к Фортуне Возвращающей, в день освящения Алтаря мира — к Империи Августа, в день его первой победы — к Виктории Августе, в день первого провозглашения императором — к Счастью Империи и т.д.¹⁵⁰. От этого почитания обожествленных абстракций недалеко до обожествления самого императора. Есть основания полагать, что путь был пройден еще при жизни Августа, чему способствовала длительность правления, а также осторожная, неспешная политика основателя принципата.

Поэты-современники славили Октавиана-Августа как божество¹⁵¹. Вергилий в «Георгиках» пишет о будущем апофеозе Октавия, ему уже зарезервировано место на небесах (georg. I. 24–42). В своих комментариях к Вергилию Сервий (приблизительно конец IV в. н.э.) отмечал, что если обычно императоры получали храмы посмертно, то Август — уже при жизни¹⁵². Это позднее свидетельство, но имеется масса синхронных примеров, где Август приравнивается к богам. В своей фантазии выдающиеся художники обыгрывали представления и мысли, которые витали в воздухе: Августу не только уготовано обожествление после смерти, — и они молят о том, чтобы это случилось как можно позднее¹⁵³, — но он является богом уже при жизни.

¹⁴⁹ Одним из первых обратился к изучению рассматриваемых коллегий М. Н. Крашенинников (Августалы и сакральное магистерство. СПб., 1895.) См.: Duthoy R. Les Augustales // ANRW II. 16, 2. 1978. S. 1254–1309; Wlosok A. (hrsg.). Römischer Kaiserkult. S. 32 ff.; Clauss M. Kaiser und Gott. Herrscherkult im römischen Reich. München, 1999. S. 387 ff. Из последних исследований особенно важны: Abramenko A. Die municipale Mittelschicht im kaiserlichen Italien. Zu einem neuen Verständnis von Sevirat und Augustalität. Frankfurt a/M, 1993 (показано, что августалы представляли собой нечто вроде среднего класса итальянских городов); Gradel I. Emperor worship and Roman religion. Oxf., 2002 (об августалах см. с. 229 сл.). П. Цанкер провел аналогию между привлечением представителей различных, в том числе низших слоев общества, к императорскому культу и наличием для них зрительских мест на зрелищных мероприятиях (Zanker P. Augustus und die Macht der Bilder. S. 319 f.)

¹⁵⁰ См.: Inscr. It. Vol. XIII. fasc. 2; CIL. Bd. 12. P 205–339; Ehrenberg & Jones. P. 32–55. Комментарии см. также: Штаерман Е. М. Цит. соч. С. 179.

¹⁵¹ См.: Griffin J. Augustus and the poets: “Caesar qui cogere posset” // Millar F., Segal E. (eds.). Caesar Augustus... P. 189–218, сравн.: Мелихов В. А. Культ императоров в римской поэзии «Золотого века». М., 1915.

¹⁵² Serv. bucol. I. 7; georg. I. 24. См. Штаерман Е. М. Цит. соч. С. 179 сл.

¹⁵³ Hor. carm. I.2; Ovid. met. XV. 860; trist. II. 53, 57.

Гораций постоянно сравнивает принцепса с Меркурием, Геркулесом, Кастором и Поллуксом, Юпитером¹⁵⁴. Поэт указывает на подчиненность верховному божеству (напр., *Hor. carm. I. 12. 49–60*), но иногда сравнивает Августа с Юпитером чуть ли не как равных (*carm. III. 5*). Перечисление обожествленных героев: Ромула, Диониса, Кастора и Поллукса — кульминирует именем Августа. Тебе, присутствующему, — обращается Гораций к принцепсу, — мы возведем алтари, на которых будем присягать твоей божественной сущностью (*numen* — *epist. II. 1. 15 sq.*). Поэт пишет, что готов оказывать Августу почести, которые обычно предоставляются лишь после апофеоза¹⁵⁵. Гораций называет Августа *divus* (*Hor. carm. III. 5*) и говорит о его пребывании в виде звезды в окружении Юпитера (*ibid. III. 35*). В послании к Августу Гораций сообщает, что принцепсу воздаются божеские почести, ему воздвигаются алтари и люди клянутся его именем (*Hor. epod. I. 1*). Вергилий обещает поставить Дафнису (подразумевается Август) алтари и приносить жертвы (*Verg. ecl. V. 56. 1*). На наш взгляд, эти признания должны рассматриваться в одном ряду со свидетельствами о частных культах Августа, формы организации и отправления которых определялись отдельными лицами.

У Овидия сопоставление Августа с олимпийскими богами было уже почти столь же естественным, как и у греков¹⁵⁶. Поэт сравнивает императора с Юпитером и подчеркивает святость имени Август (*Ovid. fasti I. 607–612, cf. 528 sq.*). В доме Августа живут три бога: Феб, Веста и он сам (*ibid. IV. 950 sq.*). Как уже отмечалось, для Овидия монархическая и божественная природа принцепсов вообще не стояла под вопросом. По-видимому, он над этим особенно и не задумывался (сравн. раздел IX. 5).

Кажущиеся преувеличенными восхваления и обожествление Августа поэтами-современниками согласуются с другими данными. Важный аспект почитания императора раскрывается при рассмотрении *numen Augusti*¹⁵⁷. В самом общем смысле *numen* — это «божественность» как свойство, присущее богам, их воля и могущество. В эпоху Республики *numen* почиталось

¹⁵⁴ *Hor. carm. I. 2. 41 sqq., I. 12. 49 sqq., III. 3. 9 sqq., 5. 1 sqq., IV. 4. 35 sq.; ep. II. 1. 15 sqq. etc.* Сравнение Августа с Юпитером, в поэзии см.: Fears, J. R. The cult of Jupiter and Roman imperial ideology // *ANRW II. 17, 1. 1981. P. 3–141, P. 3 ff.*; в искусстве: Zanker P. Augustus und die Macht der Bilder. S. 230 ff., 317 f. По мнению Граделя, изображения Августа с дубовым венком на голове могут также указывать на сходство с Юпитером, см. Gradel I. Emperor worship. P. 110, note 4.

¹⁵⁵ См.: Brink C. O. Horace on poetry 3: Epistles book II: The letters to Augustus and Florus. Cambr., 1982. Pass., esp. p. 49 ff.

¹⁵⁶ *Ovid. trist. I. 1. 81, II. 143, III. 1. 33 sqq., V. 2. 46; fast. I. 650; ep. ex Pont. III. 1. 117 etc.* Сравн. с удивительной «свободой» поэта в отношении староримских традиций также в других отношениях: раздел IX. 5 с примеч. 138 слл. и X. 6 с примеч. 53–59.

¹⁵⁷ См.: Pötscher W. "Numen" und "Numen Augusti" // *ANRW II. Bd. 16. 1. 1978. S. 355–392*; Kienast D. 2009. S. 255 ff.; Fishwick D. 1989; id. 2007 etc.

также как божественной природы преображающая мощь и воля Римского народа¹⁵⁸. Оно также могло относиться к сенату (представлявшему *populus Romanus*), но в отличие от *genius* — никогда к отдельному человеку. По отношению к Августу слово *numen* употреблялось, поскольку он не воспринимался как частное лицо. Август был спасителем Рима, опекуном *populus Romanus*, гарантом *res publica* — он олицетворял государство. Вышедший победителем из гражданских войн и установивший мир император согласно мандату сограждан контролировал «круг земель». Он не только пользовался особым расположением богов, но и обладал сверхчеловеческой силой — *numen Augusti*.

17 января 6 г. н.э. Тиберий освятил алтарь — *ara numinis Augusti*¹⁵⁹. Тогда жрецы четырех больших коллегий принесли посвященную этому боже-ству жертву. Все это указывает на государственный культ, но посвященный не Августу, а его *numen*, имевшему отношение ко всему Римскому народу. В дальнейшем под *numen Augusti* разумелось сверхъестественное могущество, переходившее от одного императора к другому, — своего рода эманация богов, которая обеспечивала Риму могущество и волю для выполнения его особого предназначения. Принципиальным отличием *numen* от *genius* было, наряду с над-индивидуальным характером, его бессмертие, отвечавшее представлению о *Roma aeterna*¹⁶⁰. Применительно к правившему императору эти два понятия, *numen* и *genius*, временно совпадали. Гений императора, покровительствовавший ему лично, тем самым служил Риму, сливаясь в течение его жизни (или скорее правления) с *numen Augusti*, который был неотделим от *numen populi Romani*.

Процесс формирования нового культа относился ко времени, когда предпринимались усилия по возрождению древних обычаев. Если кому-то

¹⁵⁸ В современной литературе утверждается мнение, что древнейшему пласту римской религии соответствует не понятие *deus* — «бог», а *numen* — «божественная сила, мощь, власть». При этом одни исследователи считают, что *numen* означало могущество (антропоморфного) божества, в то время как по мнению других *numen* представлялось в качестве изначальной действующей силы, в действии которой только и проявлялось божество. См.: Linke B. *Antike Religion*. 2014. S. 90 f.

¹⁵⁹ *Fasti praen.*, 17 января (Ehrenberg & Jones. P. 46; Degraffi, *Inscr. Ital.* XIII 2, 115, Nr. 401; *Fasti praen.* // CIL 12. P. 231). Это событие относят ко времени между 5 и 10 гг. н.э. 17 января было также днем бракосочетания Октавиана и Ливии Друзиллы. Cf.: Alföldy A. *Die zwei Lorbeerbäume...* S. 39–45. Есть мнение, что это была *ara Providentiae* (Scott R. *Providentia Aug.* // *Historia*. Bd. 31. 1982. P. 436–459, here 438–450). См. также: Kienast D. *Augustus*. S. 256, Anm. 165a. Алтарь *numen Augusti* был сооружен рядом с Домом Августа на Палатине (и относился к нему?). Возможно, это была еще одна «самая малость», отделявшая этот акт от учреждения в столице официального государственного культа императора. Cf. Beard M. etc. *Religions...* P. 207.

¹⁶⁰ *Aeternitas Augusti* появляется уже на монетах времени Августа (BMC RE2. P. 39 f., 76). В надписи времени Тиберия об Августе говорится как о *natus ad aeternitatem Romani nominis* (CIL. XI. 4170). В дальнейшем *aeternitas* занимает важное место в имперской идеологии. См.: Charlesworth M. P. *Providentia and aeternitas* // *Harvard theological review*. Vol. 29. 1936. P. 107–132. Кинаст высказал мнение о том, что *genius Augusti* был близок низшим слоям населения, в то время как *numen Augusti* использовался для привлечения к участию в культе императора высших сословий (Kienast D. *Op. cit.* S. 256, cf. Beard M. etc. *Religions...* P. 207).

здесь и видится противоречие, то для современников оно осталось незамеченным. Возрождение «древней религии» не означало для них возвращения к первобытным верованиям, но прежде всего — восстановление *pietas*, неразрывно связанной с принципами *res publica*. Реализуя свои политические цели, Август действовал в высшей мере тактично, учитывая сложившиеся обстоятельства. Культ не навязывался согражданам силой. Незвестны и факты сопротивления или проявлений недовольства по поводу введения культа Августа в Риме и в Италии¹⁶¹. Уже обожествление Юлия Цезаря в Риме отвечало желаниям плебса. В соответствии с созревавшими потребностями новый культ, исподволь поощряемый правительством, способствовал заполнению лакуны, образовавшейся в общественном сознании во времена социальных смут¹⁶².

Противоречивость сообщений античных авторов о культе Августа при его жизни связана с тем, что информация относится к явлениям разного порядка, времени, локализации. По тем или иным причинам писатели считали излишними детали, которые имеют для нас принципиальное значение. По Светонию, строительство храмов Августа в столице не разрешалось (Suet. 52. 1, cf. Dio LI. 20. 6 sqq.), — речь шла о государственном культе. Но также верно (пусть с долей преувеличения) утверждение Тацита, что культ Августа был «во всех домах». Лишь упоминая изображения императора, историк ясно говорит о (частных) жреческих коллегиях (Tac. Ann. I. 73). Имелись в виду дома состоятельных граждан и квартальные культы. Когда же Тацит пишет об изображениях в храмах и обслуживающих культ Августа жрецах (ibid. I. 9. 6), то судя по всему имеет в виду провинции. Все это постепенно выстраивается в систему благодаря сопоставлению с другими данными.

Само собой разумеющимся стало посмертное обожествление (лат.: *consecratio*, греч.: *apotheosis*¹⁶³) Августа. Этот торжественный официальный акт несомненно был осуществлен в соответствии с замыслом

¹⁶¹ Сравн. сообщение Тацита (под 9 г. н.э.) о недовольстве германцев введением чуждых божеств (Tac. ann. I. 57. 2, cf. I. 59. См: Межерицкий Я. Ю. Римская экспансия... С. 91).

¹⁶² На подсознательный элемент когнитивной системы культа императора указал, в частности, С. Прайс (Price S. Between man and god... P. 29). Исследовавший возникновение и развитие императорского культа на территории Италии И. Градель исходит из того, что особенности культа, а также политики Августа в целом, соответствовали римским реалиям (Gradel I. Emperor worship and Roman religion. Oxf., 2002. P. 109 f. et pass.).

¹⁶³ Сохраняет свое значение статья Э. Бикермана (Bickermann E. Der romische Kaiserapothese // Archiv fur Religionswissenschaft. Bd. XXVII. 1929. S. 1–31 = Wlosok A. (hg.). Römischer Kaiserkult. S. 82–121). Похороны Августа подробно описал и прокомментировал В. Вебер: Weber W. Princeps. S. 75–101, cf.: Taeger F. Charisma. Bes. S. 216–220. Несколько устаревший обзор литературы: Richard J.-C. Recherches sur certains aspects du culte imperial: les funerailles des empereurs romains aux deux premiers siecles de notre ere // ANRW II. 16, 2. S. 1121–34 (= Klio. Bd. 62. 1980. P. 461–471). Из новых обобщающих работ см.: Price S. R. E. From noble funerals to divine cult: the consecration of Roman emperors // Cannadine D.; Price S. (eds). Rituals of royalty. Cambr., 1992. P. 56–105.

Августа. Он начал рано задумываться о своей посмертной славе. Перед мысленным взором основателя Империи всегда был пример Александра Македонского. Согласно распространенному еще в античности «Роману об Александре», царь был посмертно усыновлен Зевсом-Амоном¹⁶⁴. Об отношении современников к принцепсу не следует судить только по слухам, передаваемым Тацитом (см. раздел IX.3). Большого доверия заслуживает описываемое Веллеем Патеркулом ощущение конца света после смерти Августа. Испуг должен был охватить не только людей, связанных с новой властью, но и тех, кто слышал об ужасах гражданских войн от своих родителей (см.: Vell. II. 123. 1–124. 1). Этот страх заглушил и отодвинул на задний план начавшие появляться у кого-то мысли о «свободной республике». Похороны и обожествление императора, вместе с передачей власти Тиберию, поставили точку на переходном периоде, которым было правление Августа.

Август заблаговременно подготовил место для захоронения бранных останков, своих и членов семьи. Перед мавзолеем были установлены бронзовые доски с высеченным на них текстом «Деяний»¹⁶⁵. Это была лишь часть комплекса сооружений религиозного (и астрологического) характера в северной части Марсова поля. Кроме мавзолея, в него входили Алтарь Августова мира, горологий с доставленным из Египта обелиском и ряд других сооружений¹⁶⁶. По соседству находился и возведенный Агриппой к 25 г. до н.э. Пантеон¹⁶⁷. Церемония похорон следовала в основном порядку, обычному для римских нобилей времени Республики¹⁶⁸. Частично сохранившееся описание Кассия Диона (Dio LVI. 34 f.) и данные, относящиеся к другим членам императорской семьи, похороненным в Августовом мавзолее, дают возможность представить себе организацию похорон принцепса. Разумеется, она отличалась размахом и завершающей процедурой апофеоза¹⁶⁹. Траурная процессия проходила через форум, участники

¹⁶⁴ Издание: Kroll W. (Hrsg.). *Historia Alexandri Magni* (1926). Hildesheim, 1977.

¹⁶⁵ Копии текста RGDA были размещены в провинциях. См. разделы I.7, VII.5 сл. (о тексте); VIII.3 (о мавзолее).

¹⁶⁶ О горологии и комплексе сооружений в северной части Марсова поля см. раздел VIII.5.

¹⁶⁷ Август не позволил поместить собственную статую внутри Пантеона, так что она, вместе с изображением Агриппы, украшала входной портик (Dio LIII. 27. 2 sqq.). Трудно сказать, какие соображения сыграли здесь решающую роль. О рационалистическом отношении Августа к собственному бессмертию и божественности: Dio LIII. 9. 5 sq. О Пантеоне см.: Kienast D. *Augustus*. S. 229 f. mit Anm. 87 f. с лит.

¹⁶⁸ Известное описание принадлежит Полибию, который со всей серьезностью отнесся к экзотическим деталям помпезной церемонии, обратив внимание на воспитательный эффект обряда. Polyb. VI. 53–54. См.: Weinstock S. *Divus Julius*. Oxf., 1971. P. 346–355; Toynbee J. M. C. *Death and burial in the Roman world*. L., 1971. P. 43–64; Kierdorf W. *Laudatio funebris*. Meisenheim am Glan, 1980 etc. Сравн. с подробным описанием похоронной помпы Пертинакса у Кассия Диона (который, видимо, был участником церемонии): Dio LXXV. 4. 2–5. 5, cf. Price S. *From noble funerals...* P. 59 ff.

¹⁶⁹ Члены семьи Августа, похороненные в мавзолее, не были удостоены обожествления. При участии и под наблюдением Августа организовывались похороны пятерых его планируемых наследников. О по-

были в тогах темных цветов¹⁷⁰. Близкие родственники участвовали в шествии с восковыми масками предков и в одежде, соответствовавшей их рангам. Они восседали на ростральной трибуне в курульных креслах из слоновой кости (cf.: Polyb. VI. 53. 6–10), там же был выставлен оплакиваемый покойник. Достаточно вспомнить новый форум с галереями предков, чтобы не сомневаться: эта часть обряда была достойно представлена на похоронах Августа. После похорон Августа мужчины должны были соблюдать траур в течение нескольких дней, а женщины — в течение года, как и при смерти мужа или отца¹⁷¹. Это вытекало из почетного титула *pater patriae*.

Если консекрация Юлия Цезаря была осуществлена по инициативе и под руководством самого Октавиана-Августа¹⁷², то теперь бразды взяла в свои руки вдова, Ливия Друзилла. Она щедро заплатила одному из сенаторов, который под присягой засвидетельствовал, что видел вылетевшего из погребального костра орла. Орел, как воплощение Юпитера, должен был доставить на небо душу Августа, ставшего новым божеством¹⁷³.

Об обожествлении Августа Веллей упомянул дважды, но только мимоходом (Vell. II. 123. 2, 124. 3). Оба комментария содержат интересные указания на отношение к смерти и обожествлению. В первый раз сказано о возвращении души к небу и тем самым — к своим началам (*initia*), что отражает учение Стои. Второй раз, в соответствии с официальной трактовкой, говорится об уходе Августа к богам. При этом «тело его получило человеческие почести, а *numen* — божеские»¹⁷⁴. Менее чем через месяц после смерти, 17 сентября, сенат утвердил *consecratio*, объявив о появлении нового божества — *Divus Augustus*. После апофеоза Тиберий учредил новую коллегию августалов (*sodales Augustales*). В ее состав, кроме 21 жреца, входили чле-

смертных почестях Агриппе: Dio LIV. 28. 5; Германику: Tac. ann. II. 83; Юлии Августе (Ливии) — ibid. III. 64. Тацит указывает, что Друзу Младшему в 23 г. были назначены те же почести (несколько расширенные), что и Германику в 19 г. н.э. (Tac. ann. IV. 9). Порядок и процедура апофеоза императоров сохранились в основном вплоть до Диоклетиана. Из сохранившихся описаний похорон более поздних императоров наиболее подробные относятся к похоронам и консекрации Пертинакса в 193 г. (Dio LXXV. 4. 2–5. 5), а также Септимия Севера в 211 г. (Herodian IV. 2). См.: Bickerman E. Die römische Kaiserapothese; id. Consecratio // Reverdin O. (publ.). Le culte souverains dans l'empire Romain. Genève: Fondation Hardt, 1973. P. 1–37 (with discussion) 1973; Price S. From noble funerals... etc.

¹⁷⁰ См.: ILS. 139. 16–22 (похороны Луция Цезаря).

¹⁷¹ Dio LVI. 43. 1; Dionysius Hal. V. 48. 4; Ovid. fast. I. 35–6; FIRA. II. P. 535 f. Cf. Price S. From noble funerals... P. 64, n. 10.

¹⁷² На месте сожжения труп на Форуме Юлию Цезарю был установлен алтарь. Когда в июле 44 г. во время посвященных Цезарю торжеств (*Ludi Victoriae Caesaris*) появилась комета (*sidus Iulium*), она была с ним идентифицирована. В 42 г. сенат официально объявил Цезаря богом (*Divus Iulius*). Культ отправлялся в храме Венеры Прародительницы, пока в 29 г. до н.э. не был освящен специальный храм. См. раздел IV.3.

¹⁷³ О торжествах и обожествлении Августа: Tac. ann. I. 8, 10.8; cf.: Suet. Aug. 100. 2–4; Dio LVI. 34 sqq.

¹⁷⁴ *Post redditum caelo patrem et corpus eius humanis honoribus, numen divinis honoratum...* (Vell. I. 124. 3, перевод М. Ф. Дашковой и А. И. Немировского). О *numen* см. далее.

ны императорской семьи. Коллегия ведала отправлением культа, включая жертвоприношения¹⁷⁵.

Для эпохи Республики практика *consecratio* неизвестна. В то же время официальное обожествление Августа после его смерти не вызвало противодействия, протеста или какого-либо недовольства в Риме и Италии. Следует ли из этого, что общественное мнение было подготовлено к такому нововведению? Положительный ответ следует как из упоминавшихся ранее рассуждений Цицерона, так и из обожествления Юлия Цезаря. Идея вознаграждения на небесах была близка поэтам, особенно Овидию, который завершил «Метаморфозы» описанием апофеоза Августа и надеждой на собственное вознесение на небо за свои достижения (Ovid. met. XV. 869 sqq.). Поэты выражали религиозные взгляды и настроения своих современников. Остается согласиться с замечанием Э. Бикермана, что ожидание чуда и стремление людей к бессмертию подготовили благоприятную почву для обожествления императора¹⁷⁶.

Последние десятилетия отмечены повышенным вниманием к императорскому культу. Это происходит на фоне пересмотра взглядов на античную дохристианскую религию в целом¹⁷⁷. С одной стороны, указывается на отсутствие непреодолимой границы между людьми и богами, между политикой и религией¹⁷⁸. С другой, подчеркивается, что почитание императора как бога совсем не должно означать, что он действительно приравнивался к бессмертным. Учреждение культа было прежде всего оказанием наибольших возможных почестей¹⁷⁹. Император ставился на высшую ступень в обществе, дополняя (но не нарушая) традиционную социальную структуру.

¹⁷⁵ Tac. ann. I. 54. 1, II. 83. 1, III. 64. 3; hist. II. 95; Suet. Claud. 6. 2.; CIL III. 381. Cf.: Wissowa G. Religion... S. 564; Latte K. Römische Religionsgeschichte. S. 318; Clauss M. Kaiser und Gott. S. 390; Gradel I. Emperor worship... P. 181 f. with n. 25. Август умер 19 августа, похороны состоялись в начале (первой половине) сентября, постановление сената об обожествлении — 17 сентября (Kienast D. Römische Kaisertabelle. Darmstadt, 1990. S. 65; Bleicken J. Augustus. S. 777).

¹⁷⁶ Bickerman E. Consecratio. P. 5.

¹⁷⁷ См.: Liebeschuetz J. Continuity... P. 72; Price, Simon. R. F., Rituals and Power pass., esp. P. 15 ff.; Scheid J. An introduction...; Beard M., North J., Price S. Religions of Rome...; Linke B. Antike Religion etc.

¹⁷⁸ Христианская концепция, выразительно сформулированная в евангелии от Матфея («кесарево кесарю, а Божие — Богу», см. Матф. 22.21) была развернута Августином в учении о двух Градах. А. Д. Нок указывал, что разделение религии и политики отражает современные, а не античные представления (Nock A. D. Essays on religion and the ancient world. 1972. P. 241).

¹⁷⁹ А. Д. Нок подчеркивал, что обожествление было родом почести, а не религиозного обоготворения в буквальном смысле слова. Против этого возражал С. Прайс. См.: Nock A. D. Religious development from the close of the republic to the death of Nero // CAH1. Vol. X. Cambr., 1934. P. 465–511, 481 f.; Price S. Rituals and power... Vol. 1. Cambr., 1984 pass., esp. P. 15 ff.

Подходя к феномену императорского культа с разных точек зрения и соответственно формулируя свои выводы, исследователи подчас даже не пытаются прийти к согласованию своих позиций. М. Клаус ставит вопрос о том, рассматривался император как человек или как бог. Он обосновывает вторую точку зрения, указывая, что культ императора был в большей мере явлением религиозным, чем политическим. Этому соответствует заключение, что император почитался в Италии и во всей Империи как «присутствующий бог» (букв.: *deus praesens*). «Он был им с самого начала, со времени Цезаря и Августа, он был им при жизни, он был таковым не только на востоке, но и на западе Римской империи»¹⁸⁰.

Иначе подходит к вопросу И. Градель. Он констатирует, что «после Цезаря ни один живущий император не стал государственным богом»¹⁸¹. Оба исследователя изучают один феномен, но видят его по-разному и осмысливают в отличных друг от друга категориях. Градель считает, что понятия «политическое» и «религиозное» не отражают существа дела. Признавая заслуги Клауса и не вступая с ним в полемику, он предоставляет сравнение концепций читателю¹⁸². Согласно И. Граделю, дохристианская «*religio* была почтительностью, совестливостью, усердием по отношению к высшим, но не исключительно к богам»¹⁸³. Теологический вопрос о том, воспринимался император как человек или бог, нерелевантен для того времени¹⁸⁴. Исследуя ситуацию в Италии и Риме, Градель строго разделяет государственный и приватный культ. Императорский культ рассматривается прежде всего как структура связей, которая должна была выражать различие статусов между почитаемым и почитающим. По его мнению, такие «термины, как *deus* или *divinus*, *sacer* и *pumen* выражали... в первую очередь статус и могущество, а не природу (явления)»¹⁸⁵. Градель приходит к выводу, что в Риме и Италии для почитания живущего императора были распространены различные формы культа, но с правовой точки зрения это был частный культ. Государственный культ в Городе был возможен лишь после смерти императора. Его интенсивность определялась в результате взаимодействия правящего принцепса и сената. Понятие *deus* (и *divus*, которое было лишь различием) не имело ничего общего с Богом, который ведет к спасению души, как в монотеистических религиях. Речь шла о *praesens deus*, в случае с Ав-

180 Clauss M. *Deus praesens. Der römischer Kaiser als Gott* Klio 78. 1996. 400–433; id. *Kaiser und Gott. Herrscherkult im römischen Reich*. Stuttgart u.a., 1999. S. 17 etc.

181 Gradel I. *Emperor worship...* Oxf., 2002. P. 109.

182 Ibid. P. X. Сравн. с противоположными утверждениями Светония и Кассия Диона с одной — и Тацита с другой стороны, которые относятся к разным формам культа.

183 Ibid. P. 3 f. et sqq.

184 Ibid. P. X.

185 Gradel I. *Op. cit.* P. 268.

густом — о человеке, который затушил гражданские войны, обеспечивал мир, порядок, законность, а потому заслужил божеские (то есть, высшие возможные — равные тем, которых удостаиваются боги) почести¹⁸⁶.

В литературе справедливо отмечается, что культ был ритуалом, действием, имевшим социально-коммуникативную функцию. Но на этом основании нельзя упрощать картину. Примитивизация исходит из неисторичного сравнения с христианством и недооценки эмоциональных и когнитивных составляющих античных ритуалов. С. Прайс, который обратил внимание на эти аспекты, настаивает на необходимости смотреть на религиозный и политический компоненты императорского культа как на органичное единство. Опираясь на местные традиции, он служил средством, соединявшим власть с ее объектами: «...Культ был важнейшей частью властной ткани, формировавшей общественную структуру»¹⁸⁷.

Исследователи подчеркивают разнообразие вариантов почитания Августа, различавшихся как в зависимости от местных условий, так и на отдельных этапах институционализации императорской власти. «...В большей или меньшей степени могли ощущаться его божеские или человеческие свойства, его Гений, его *pater* или он сам как человек или бог»¹⁸⁸. Единого государственного культа правителя в Римской Империи не было, как и общеимперского стандарта его отправления. Но религиозное почитание Августа имело место везде: от столицы до отдаленных уголков *paes Romana*. Оно учитывало различные статусы правителя. В провинциях он был прежде всего императором, обладавшим монархической властью над подданными, и многие почитали его наряду с богами. Но централизованного государственного культа не было и для провинций.

В столице и Италии Август считался прежде всего первенствующим гражданином, Отцом отечества. Несмотря на масштабы, почитание Августа в Городе вписывалось в контуры домашнего и общинного, но в любом случае частного культа. Основанием, в соответствии с идеологией *civitas*, были заслуги перед согражданами. Таким образом, все проявления культа Августа при его жизни, в которых участвовали римские граждане, не вступали в противоречие с традиционными нормами, по крайней мере, формально.

¹⁸⁶ См.: Galinsky K. The Divinity of Augustus and the Imperial Cult // Rüpke J. (Hg.) Von Jupiter zu Christus. Religionsgeschichte in römischer Zeit. Darmstadt, 2011. P. 80.

¹⁸⁷ Price S. Rituals and Power. P. 248. А. Каниотис, занимающийся изучением императорского культа на греческом востоке, обращает внимание на заимствование его элементов из культов традиционных богов: Chaniotis A. Der Kaiserkult im Osten des Römischen Reiches im Kontext der zeitgenössischen Ritualpraxis // Cancik H., Hitzl K. (Hg.), Die Praxis der Herrscherverehrung... S. 3–28.

¹⁸⁸ Штаерман Е. М. Социальные основы... С. 178 сл., а также: Bowersock G. W. Augustus and the east: the problem of succession // Millar F., Segal E. (eds.). Caesar Augustus: seven aspects. P. 169 ff.; Cancik H. (Hrsg.): Die Praxis der Herrscherverehrung...; Gradel I. Emperor worship and Roman religion. Oxf., 2002; Bennett M. Der Kaiserkult in Judäa unter den Herodianern und Römern. Tübingen, 2007 etc.

Государственный характер носило посмертное обожествление *Pater patriae*. Оно выглядело как продолжение традиционного домашнего культа *pater familias* в масштабе Города, Италии и Империи. Культовое почитание Августа в разных частях римской державы соответствовало провозглашенной и проводимой им политике государственного строительства. Распространение культа отчасти опиралось на искреннюю благодарность, а также на признание заслуг и выдающихся личных качеств правителя. Это было особенно необходимо в переходный период, когда культ еще не стал «нормализованным» институтом. При наследниках Августа на первый план вышли властные и формальные факторы. Место чувств и воспоминаний заняли обязательные рутинные изъятия лояльности. Но сложившиеся при Августе формы культа выдержали испытания последующих десятилетий.

VI.4. Прокрустово ложе законов о браке

Законодательство было органичной частью «реставрационной» программы Августа. Законы рассматривались не просто как важный регулятор общественной жизни, но и средство для оздоровления общества. Одним из первых актов, символизировавших «восстановление республики», было запечатленное на ауреусе 28 г. до н.э. «возвращение законов», т.е. отмена чрезвычайных установлений времени гражданских войн и восстановление регулярного судопроизводства¹⁸⁹.

Право было важным элементом римской государственной системы. Кодифицированное при Юстиниане законодательство (529 г. н.э.) явилось конечным продуктом многовековой работы римских ученых-юристов. Важнейшие принципы римского законодательства соизмерялись с ценностями *civitas*. Источником служили обычаи, освященные религией. Исходным пунктом правосознания являлось представление о дозволенности или правомочности того или иного поступка с позиций религии — морали — интересов гражданской общины. Эта точка отсчета обозначалась словом *fas*: неписаный (он же — высший, божественный) закон, естественное право. Оно регулировало все сферы личной и общественной жизни, в том числе семейные отношения и культ, мораль и политику.

Гражданское право — *ius civile* — было производным от *fas*, а потому конфликт между ними исключался. Это относилось также к взаимоотношению права и обычаев (*mos maiorum*)¹⁹⁰, права и морали, которые, в свою

¹⁸⁹ Dio LIII. 2. 5, cf. Tac. ann. III. 28. 2. См. раздел IV.9 с примеч. 253 слл., в частности, об упомянутой монете (см. илл. IV.1).

¹⁹⁰ Hölskeskamp K.-J. *Exempla und mos maiorum. Überlegungen zum kollektiven Gedächtnis der Nobilität* // Gerke H.-J., Möller A. (Hrsg.). *Vergangenheit und Lebenswelt*. Tübingen, 1996. S. 301–338; id. *Rekonstruktionen*

очередь, были тесно связаны с религией¹⁹¹. Позднее разделившиеся сферы представляли собой первоначально единое целое. Римские юристы, по крайней мере с III в. до н.э., уже различали их. Но и в эпоху Империи, руководствуясь при вынесении приговоров законами, они ориентировались также на добрые традиции (*boni mores*)¹⁹². Подобному подходу соответствует римское понимание права как искусства определения доброго и равного (справедливого)¹⁹³. Понятие справедливости (*iustitia*, *Iustitia* — богиня правосудия) сформировалось в условиях гражданского коллектива. В этом единстве религии, морали и права — исходный пункт Августова законодательства и государственного строительства в целом. На него указывает также формулировка предлагавшихся Августу полномочий — *cura legum et morum* (RG 6. 1). Римская традиция обогатилась греческой теорией, уже ставшей составной частью политического сознания римского господствующего класса. Идеи «восстановленной республики» и «наилучшего государственного устройства» произросли на этой благодатной римско-эллинистической почве.

Необходимость вмешательства в сферу брачно-семейных отношений, помимо целого ряда практических целей, диктовалась общей концепцией реформ. В ее основе лежало оздоровление общества путем исправления нравов. Инструментом для этого должны были стать законы. Но государственное вмешательство в область брачно-семейных отношений было мерой очень серьезной и политически рискованной. Семья испокон веков подлежала исключительной власти ее домовладыки — *pater familias*. Он был связующим звеном фамилии с *civitas*. Практика регулирования брачно-семейных отношений посредством законов отсутствовала. Отец фамилии решал все по своему разумению на основе *mos maiorum*. С другой стороны, разрушение семейных устоев и распущенность зашли уже так далеко, что

einer Republik. München, 2004. S. 24–29; Кофанов Л. Л. (ред.). LEX et IUS: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. (= LEX et IUS: iuris romanis origo et augmen VIII–III saeculis a. c.). М., 2006.

¹⁹¹ Не случайно Цицерон, перечисляя необходимые для государства законы, называет в основном религиозные установления (Cic. leg. II. 18–25). Атик, со своей стороны, пишет, что они не отличаются от «наших обычаев» (*mores* — Cic. Att. II. 25). Гораций, в свою очередь, утверждает, что законы без нравов бессильны (Hor. carm. III. 24. 35). См.: Bellen H. Novus status — novae leges... // Binder G. (hrsg.). Saeculum Augustum. Bd. I. Darmstadt, 1987. S. 308–348, bes. S. 344 ff.; Galinsky K. Augustan culture. P. 289 f.

¹⁹² Non omne quod licet honestum est (Paulus Dig. L. 17. 144 pr., cf. Modest. Dig. L. 17. 197). Общая характеристика римского права: Mayer-Maly Th. Recht // KP. Bd. 4. Sp. 1354 ff.; Дождев Д. В. Римское частное право. М., 2008. О духе и принципах римского права: Schulz F. Prinzipien des römischen Rechts (1934). ND: Berlin, 2003; Wieacker F. Vom römischem Recht. Stuttgart, 1961²; Meier Chr. Res publica amissa 1980. 48–63; Kunkel W., Schermaier M. Römische Rechtsgeschichte. Köln, 2005¹⁴ etc.

¹⁹³ *Ius est ars boni et aequi* (Dig. I. 1. 1 pr., цитируясь Цельс). Сравн.: *ex bono et aequo ius constat* (ad Herennium II. 12. 20, cf.: Kunkel W. Römische Rechtsgeschichte. S. 31, 117 f.). Представляется, здесь следует искать истоки представлений о государстве как произведении искусства, которое дал полтора столетия тому Якоб Буркхард. Сравн.: Государство как произведение искусства: 150-летие концепции. Под ред. А. А. Гусейнова. М., 2011 (<http://philosophicalclub.ru/content/docs/sb-final.pdf>).

стали едва ли не нормой. И с этой точки зрения вторжение правительства в эту сферу назрело, но обещало стать нелегким предприятием.

Август решился на проведение новых законов¹⁹⁴, лишь достаточно прочно почувствовав себя в роли принцепса, а именно, по возвращении с Востока в 19 г. до н.э. Его личные командования, успешные действия полководцев (действовавших под империем Августа) и дипломатические победы создали ауру удачливого императора и обеспечили необходимый авторитет. Даже парфяне признали могущество римлян, возвратив захваченные некогда значки легионов и пленных, а на армянском престоле оказался ставленник Рима Тигран II¹⁹⁵. Август в девятый раз был провозглашен императором и получил триумф (скромно отказавшись его проводить). В ознаменование блестящих побед сенат решил построить триумфальную арку, учредить специальные празднества, а также выпустить монеты¹⁹⁶. За прошедшее после «возвращения республики» десятилетие стабилизировалось и внутриполитическое положение.

В империи царил мир, вновь создававшаяся администрация ограничивала произвол наместников, начался экономический подъем. Эти результаты «Августова мира» и располагали общественное мнение в пользу нового режима. Но на пути осуществления честолюбивых замыслов принцепса начали вырисовываться новые препятствия. Длившиеся десятилетиями неурядицы отнюдь не способствовали укреплению общественной морали. В среде представителей знати распространился нравственный нигилизм и абсентеизм. В условиях мира и достатка стала заметной тяга к роскоши и другие пороки. Состояние умов римской «золотой молодежи» выражал лозунг Горация *carpe diem*¹⁹⁷. Уже и самих отцов-сенаторов начала пугать безграничная свобода нравов. Они вспоминали непримиримого к «чужеземным обычаям» Катона Цензория. Дион Кассий красочно описывает относящееся к 18 г. до н.э. заседание сената, когда все стали жаловаться на царящий разврат, указывали на нежелание молодых мужчин и женщин вступать в брак и просили императора принять необходимые меры.

Августа должно было беспокоить не только недостойное поведение отдельных сенаторов и всадников, подрывавшее авторитет правящего класса.

¹⁹⁴ Мы ограничиваемся рассмотрением ряда законов, проведенных по личной инициативе Августа. Они получили название «Юлиевых». Политика принцепса во всех областях осуществлялась также от имени его соратников, друзей и сторонников.

¹⁹⁵ Август и этот шаг преподнес как образец следования примеру «предков», поскольку Армения не была превращена в провинцию (RG 27. 2).

¹⁹⁶ Подробнее см.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 523–524.

¹⁹⁷ Hor. carm. I. 11. Гораций об упадке нравов: Hor. carm. III. 6. 17–33, 45 sqq., cf. III. 24. 17 sqq. Сравн. подборку пассажей: Артамонова А. В. Отражение моральных устоев общества в поэзии эпохи принципата // Актуальные проблемы всеобщей истории. Йошкар-Ола, 2007. С. 12–20. Об эпикурейских настроениях см. раздел IX.5.

Речь шла об угрозе честолюбивым планам «восстановления республики» и создания Империи. Старый правящий класс был большей частью физически уничтожен, а его остаток лишен прежней сферы активности — борьбы за первенство в *civitas*. Утрата политической роли вела к болезненной перестройке социального поведения и сознания. Теперь был только один принцепс, соревноваться с ним было не только бесполезно, но и чревато неприятностями. Вместо этого следовало служить императору. Не все смогли освоить новые роли. Но огромная империя не могла функционировать без образованных кадров, воспитанных в римских традициях. Только представители высших сословий отвечали этим требованиям, лишь они могли выполнять ответственные поручения в армии и администрации. Август понимал, что весь его план государственных преобразований не мог осуществиться без такой элиты. Чтобы укреплять и расширять империю, необходимы были в достаточном количестве доблестные мужи, подобные «древним» *virī boni*, но при этом абсолютно лояльные к императору¹⁹⁸.

Принцепс давно пришел к мысли о необходимости проведения мер для оздоровления брака, семьи и общественной морали, но не хотел принимать чрезвычайных полномочий (RG 6). Согласно сообщению Кассия Диона, инициатива исходила от сената. Август вообще отказывался от вмешательства. На очередном заседании сенаторы продолжали настаивать, и принцепс сказал, что каждый должен, как это делает и он сам, наставлять жену с помощью советов. Все тут же захотели узнать о содержании наставлений Августа Ливии, так что ему пришлось высказаться о приличествующей одежде, украшениях и поведении женщин в обществе, а также о необходимых добродетелях. Дело кончилось тем, что сенат убедил принцепса превратить эти советы в законодательные установления (Dio LIX. 16)¹⁹⁹.

Август действовал от имени государства. Для осуществления запланированных мероприятий ему трижды (19, 18, 11 гг. до н.э.) предлагались специальные полномочия, включая право «надзора над законами и нравами» (*cura legum et morum*). Он их не принял, не желая нарушать традиционные установления (*mos maiorum*). Судя по всему, Август проводил законы через

¹⁹⁸ В этом смысле М. Кларк характеризует меры Августа, направленные на оздоровление семьи, как «социальную инженерию» (Clark M. Augustus, first Roman emperor: power, propaganda and the politics of survival. Exeter, 2010. Ch. 8 "Social engineering. Back to basics". P. 120–129).

¹⁹⁹ См.: Gardthausen V. E.. Augustus und seine Zeit. 3 Teile in 6 Bänden. Leipzig, 1891–1904. Bd. I. S. 897 ff., Bd. II. S. 518 (с указанием источников); Nörr D. Planung in der Antike. Über die Ehegesetze des Augustus // Baier H. (Hrsg.). Freiheit und Sachzwang. Beiträge zu Ehren Helmut Schelskys. Opladen 1977. S. 309–334; Baltrusch E. Regimen morum. Die Reglementierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Prinzipat. München, 1989; Mette-Dittmann A. Die Ehegesetze des Augustus. Stuttgart, 1991; Treggiari S. Roman marriage. Oxf., 1991 (and id. Social status and social legislation // CAH². Vol. X. P. 873–904, here 893 ff.); Friedl R. Der Konkubinat im kaiserlichen Rom. Stuttgart, 1996; Kienast D. Augustus. S. 165 ff. etc.

комиции на основе своей трибунской власти²⁰⁰. В 18–17 гг. были изданы два закона (или две серии законов): *Lex Iulia de maritandis ordinibus* и *Lex Iulia de adulteriis coercendis*²⁰¹.

Первый, «о браках сословий», приходится рассматривать вместе с изданным в 9 г. н.э. *Lex Papia Poppaea*, поскольку они излагаются в источниках по совокупности²⁰². Он касался лиц сенаторского и всаднического сословий, предписывая обязательное вступление в брак мужчинам до 60 и женщинам до 50 лет. При этом сенаторам запрещались браки с дочерьми вольноотпущенников. Не выполнившим требования закона запрещалось присутствовать на публичных зрелищах, на них также налагались ограничения при получении наследств по завещаниям. Видимо, подтверждалось поощрение деторождения — «право трех детей» (*ius trium liberorum*), которое обеспечивало предпочтение при занятии общественных должностей. Примечательно, что для обоснования закона в сенате Август велел зачитать речь цензора Кв. Метелла Македонского 131 года до н.э. По словам Тита Ливия, она чуть ли не буквально отвечала содержанию внесенного им законопроекта, так что Августу не оставалось ничего добавить. Самое главное, это было авторитетным подтверждением соответствия закона обычаям предков (*antiqui*)²⁰³. Отличие состояло в том, что цензор заставил граждан принести присягу с обязательством рожать в браке детей, закон же предусматривал за несоблюдение определенные карательные меры.

Закон «о наказаниях за прелюбодеяния» должен был укрепить семейные узы за счет повышения ответственности отца и мужа за поведение дочери и жены; вводились суровые наказания за адюльтер. Отец мог убить в своем доме соблазнителя дочери, но при условии, что убьет и ее саму (Dio XLVIII.

²⁰⁰ RG 6. Надо признать, что источники дают возможность по-разному датировать отдельные законы и определять детали их содержания. Дион Кассий сообщает, что Август принимал специальные полномочия на пять лет дважды, в 19 и 12 гг. (Dio LIV. 10. 5 sqq.; cf. 30.1). Светоний утверждает, что Август даже принял *cura legum et morum* пожизненно для проведения цензов (Suet. 27. 5). С ними соглашается, в числе других, А. Премерштайн (Premerstein 1937. S. 149 ff., сравн. 156–158), против выступил Ж. Беранже (Béranger J. Recherches... P. 207 ff.). Д. Кинаст считает, что Светоний и Дион ошибались (Кинаст следует за Е. Сэльмоном, вопреки А. Джоунзу). По его мнению, в 18 г. до н.э. Август проводил законы, пользуясь трибунскими полномочиями (Kienast D. Augustus. S. 112 f. mit Anm. 112 f.). Представляется, Август не пошел бы в «Деяния» на явный обман. В любом случае, он не мог принять чрезвычайные полномочия цензора без коллег. См. также: Raditsa L. 1980. S. 303; Bellen H. Novus status...(1987). S. 313 f. mit Anm. 31.

²⁰¹ RG 6; Dio LIV. 16. См.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 420 сл.; Corbett P. E. The Roman law of marriage. Oxf., 1930. P. 31 ff., 133 ff.; Last H. M. The social policy of Augustus // CАН. Vol. X. 1934. P. 425–464, 443 ff.; Csillag P. The Augustan laws on family relations. Budapest, 1976. P. 79 ff., 178 ff.

²⁰² Dig. XXIII. 2. 44; Bruns. 23 (p. 118); Crawford M. H. Roman Statutes. L., 1996. Vol. II. P. 801 ff., № 64, cf.: Dio LIV. 16; Источники не позволяют с уверенностью отнести отдельные положения законодательства Августа к 18 г. до н.э. или к 9 г. н.э. Представляется, что традиционное *ius trium liberorum* было подтверждено уже в первом «пакете» законов.

²⁰³ Фрагмент речи: Gell. I. 6. 2 etc. (= Malcovati ORF I4. P. 107 f.), cf: Liv. per. 59; Suet. Aug. 89. 2. М. Беннер заметила, что речь Метелла была процитирована и в специальном эдикте Августа, обращенном к народу (Benner M. The emperor says. Studies in the rhetorical style in edicts of the early empire. Göteborg, 1975. S. 82 f.)

5. 24)²⁰⁴. Муж имел то же право, но только в отношении определенных категорий людей (раб, вольноотпущенник данной семьи, «добывающий пропитание телом»)²⁰⁵. Как отец, так и муж могли привлечь нарушителей закона к суду, который лишал их значительной части имущества и ссылали на острова. Если же муж или отец, зная о недостойном поведении жены или дочери, не приняли мер в течение определенного срока, они сами привлекались к судебной ответственности в качестве сводников²⁰⁶. Что касается неверности мужа, то наказание наступало за связь со свободной женщиной, не записанной у эдила как проститутка²⁰⁷.

Ранее отмечалось, что проведение в жизнь брачно-семейного законодательства вызвало сильное сопротивление. Обеспокоенность правительства была тем более серьезной, что недовольство охватывало высший класс, на который стремился опереться Август в своей реставрационной политике. Постоянная борьба побуждала его совершенствовать законодательство²⁰⁸. Последним значительным мероприятием была *“Lex Papia Poppaea”*, которая смягчала некоторые условия по порядку наследования, однако усиливала стимулирование браков и деторождения²⁰⁹. В то же время вводились некоторые ограничения морального порядка, которые свидетельствуют против чисто демографического (и евгенического) истолкования законодательства. Например, если по Юлиевым законам вдове разрешалось не вступать в новый брак в течение года, а разведенной — 6 месяцев, то по закону Папия соответственно — два года и полтора²¹⁰.

Адекватная оценка мотивов законодательства о браке и семье может быть дана лишь в контексте ценностей и представлений, в котором оно вырабатывалось и применялось, с учетом специфики мышления творцов «восстановленной республики». В связи с этим следует обратить внимание и на мысль об отсутствии в римском сознании четкого разделения демографических и моральных соображений. В своей речи к всадникам, имевшим

²⁰⁴ Bruns Bd. 21 (p. 114); Biondi B. (ed.). *Leges populi Romani // Acta divi Augusti*. Ed. S. Riccobono. Roma, 1945. P. 101–223; Crawford M. H. *Roman Statutes*. L., 1996. II. S. 781 ff. № 60. См.: Kunkel W. *Quaestio // RE*. Bd. XXIV (Hb. 47). 1963. S. 770 f.; Bellen H. *Novus status...* S. 333 ff.; Kienast D. *Augustus*. S. 165 f.

²⁰⁵ Paul. sent. XI. 86. 4; Dig. LVIII. 5. 28. Различия в полномочиях отца и мужа рассмотрены в статье: Смирин В. М. Патриархальные представления... С. 49–50.

²⁰⁶ Dig. XLVIII. 5. 4, 12. Сравн.: XLVIII. 5. 1, 5. 5, 5. 6, 5. 12. 13, 5. 16. 6, 5. 40, IV. 4. 37; Justinian. *Inst.* IV. 18.3–4. Эти дела были подведомственны суду по уголовным преступлениям (*iudicium publicum*).

²⁰⁷ Dig. L. 16. 101, XLVIII. 5. 35. В отличие от *adulterium* («прелюбодеяние») жен, такая внебрачная связь мужа квалифицировалась как *stuprum* («бесчестие»). Впрочем, провести четкое различие между этими весьма широкими понятиями не так уж легко. См.: Biondi B. *La legislazione di Augusto // Paribenì R. (ed.). Conferenze Augustee*. Milano, 1939. 228 ff.; Csillag P. *The Augustan laws...* P. 134.

²⁰⁸ Last H. M. *The social policy...* P. 442–443.

²⁰⁹ Ibid. P. 452–456.

²¹⁰ Против чисто демографической интерпретации возражают: Last H. M. *The social policy...* P. 452; Csillag P. *The Augustan laws...* P. 131; Brunt P. A. *Italian manpower*. P. 561 ff.

семьи, Август, наряду с необходимостью пополнения римского населения, подчеркивал нравственность семейной жизни (Dio LVI. 2. 2, сравн. 3. 3). В обращении к неженатым представителям этого сословия холостая жизнь характеризовалась им, как в сущности аморальная²¹¹.

Многие аспекты брачного законодательства, например, продление допустимого срока безбрачной жизни по закону Папия, затруднительно объяснить с демографических позиций. Август опирался на римские нормы и опыт своего времени. Моральное состояние гражданского коллектива рассматривалось как важнейший фактор здоровья *civitas*, ее мощи и процветания. Принцепса действительно впечатляли примеры Цинцинната и Мания Курия Дентата. В то же время было ясно, что Рим не замыкался рамками древнего померия, а «лучшая» часть *populus Romanus* не помышляет о том, чтобы взяться за ручки плуга. Потому Август не стремился сравняться с Катонам Цензорием.

Современному читателю Проперция и Горация, Тацита и Диона Кассия²¹² законодательная активность Августа в обозначенной области может представляться экзотикой или чистейшей «пропагандой». Но как объяснить упорство, с которым принцепс проводил соответствующие меры на протяжении десятилетий? Неприятностей здесь было предостаточно. Для информации о противниках реформ принцепсу не нужно было разыскивать ходившие по рукам памфлеты или пользоваться услугами доносчиков: весьма прозрачные намеки на собственные прегрешения и обвинения в адрес членов императорской семьи можно было прочесть в имевшей широкое хождение литературе. Мало того, Августу приходилось лично выслушивать нападки по поводу законов на заседаниях сената и даже прилюдные требования всадников на играх отменить брачные законы²¹³. Всеми силами избегавший конфронтации, всегда стремившийся привлечь на свою сторону или по крайней мере нейтрализовать самые разные слои населения, политик в этом случае нарушал свои же правила игры, действуя как упрямый максималист.

Высказанные предварительные соображения должны предостеречь от легкого обращения с обозначенной проблемой. Комплекс мер по регулированию брачных отношений, направленных на оздоровление семьи,

²¹¹ Dio LVI. 6. 6–7. 2. Cf.: Galinsky K. Augustan legislation... P. 131–132.

²¹² Обзор источников по проблеме см.: Csillag P. The Augustan laws... P. 17 ff. Важнейшие нарративные источники: Prop. II. 7.; Hor. carm. III. 5; Vell. II. 89; Tac. ann. III. 25–28; Flor II. 34; Dio LIII. 21. 1 и LIV. 16. 1. Комментарий к ним: Badian E. Phantom marriage law // Philologus. Bd. 129. H. 1. 1985. S. 85–88.

²¹³ Все это было тем более неприятно и даже болезненно, что принцепс и в самом деле был отнюдь не безгрешен. Однажды в речи, обращенной к сенаторам, принцепс привел в пример свою семью. Тогда ему был задан вопрос, как он воспитывает своих детей, и Август нарисовал идеальную картину, отвечавшую римским представлениям о «древних нравах» (Dio LIV. 16; cf. Suet. Aug. 34. 2, 64). На деле все обстояло не совсем так, см. примеч. 216 сл.

являлся органичной частью политики «восстановления республики». Суждения исследователей о целях, мотивах и объективном содержании законодательной деятельности Августа связаны с общими оценками его принципата, так что здесь обнаруживается самый широкий спектр мнений²¹⁴. Для многих из них свойственен мотив осуждения с явным морализаторским оттенком.

Р. Сайм усматривал в брачном законодательстве Августа стремление продемонстрировать свою (разумеется, мнимую) добродетель²¹⁵. Этот взгляд находит многочисленных сторонников, тем более, что уже современники уличали Августа и его близких в вопиющих нарушениях собственных законов²¹⁶. При таком подходе обсуждение незаметно переводится в область современной системы моральных суждений и оценок, и на первое место выходит утверждение о двуличии не только самого Августа, но также проводников и глашатаев его политики: от авторов законов — до Мецената и Горация²¹⁷. Заметим все же, что и в этой весьма неблагоприятной для себя плоскости основатель принципата не остался вовсе без защитников, и известный знаток римских нравов нашел необходимым заметить по поводу различных толков, ходивших по поводу аморального поведения Августа: «Если даже зловонная бестактность римского воображения не может пред-

²¹⁴ Обобщающие работы: Last H. M. The social policy... P. 425–464; Treggiari S. Social status... P. 873–904; Raditsa F. L. Augustus legislation concerning marriage, procreation, love affairs and adultery // ANRW II. 1980. Bd. 13. S. 278–339; Brunt P. A. Italian manpower, 225 B.C.–A.D. 14. P. 558–566; Astolfi R. La lex Julia et Papia. Padova, 1986²; Mc. Ginn Th. Prostitution and Julio-Claudian legislation: the formation of social policy in early imperial Rome (Microf.). Ann Arbor, 1986; Wallace-Hadrill A. Family and inheritance in the Augustan marriage laws // PCPhS. 1981. Vol. 27 (N.S.). P. 58–80 (= Edmondson J. (ed.). Augustus. P. 250–274); Treggiari S. Roman marriage: iusti coniuges from the time of Cicero to the Time of Ulpian. Oxf., 1991; Cohen D. The Augustan law on adultery: the social and cultural context // Kertzer D. I. and Sailer R. P. (eds.). The family in Italy from antiquity to the present. New Haven etc., 1991. P. 109–126.

²¹⁵ Syme R. The Roman revolution. P. 443, 445.

²¹⁶ Скандальное поведение Августа в период триумvirата было общеизвестно благодаря памфлетам Антония. Со своей второй женой Скрибонией Октавиан развелся в день рождения их дочери Юлии (Старшей), чтобы жениться на Ливии, которую отобрал беременной Друзом Старшим у мужа. Но и после 30 г. до н.э. образ жизни Августа был далеко не безупречен. Сторонники могли оправдать его лишь тем, что император соблазнял чужих жен не по склонности к сладострастию, а из желания узнать мысли их мужей, любовников, родных и знакомых. Ливия, желая во что бы то ни стало оставаться женой Августа, не только не препятствовала ему, но сама подыскивала молодых красоток (Suet. Aug. 71). Скрыть скандальное поведение своей дочери Юлии Август уже был не в состоянии. В передаче Сенеки, она предавалась разврату со знатыми юношами едва ли не на тех самых рощах, с которых отец ее провозглашал законы против прелюбодеяний (Sen. benef. VI. 32. 1). В конце концов терпение Августа истощилось, и во 2 г. до н.э. он сослал Юлию на остров Пандатерия в Тирренском море. Нрав и повадки матери унаследовала дочь от Агриппы Юлия Младшая. Август сослал и внучку — на остров Тример в Адриатическом море (Suet. Aug. 65; cf. Tac. ann. III. 24). Отсюда, в частности, прочная античная традиция, согласно которой насколько Август был счастлив в делах государственных, настолько же несчастлив в семейных (к примеру: Tac. ann. III. 24. 1). См.: Федорова Е. В. Императорский Рим в лицах. М., 1979. С. 75–77.

²¹⁷ Обращают внимание, например, на явный интерес Августа к жене Мецената, и на то, что не только Вергилий и Гораций, но даже официальные авторы законопроектов Папий и Поппей сами были холостяками. См.: Csillag P. The Augustan laws... Pass.; Gardthausen V. Augustus... S. 898.

ставить более скандальных обвинений, то следует предположить, что он был человеком вполне приемлемой нравственности»²¹⁸.

Более убедительными и плодотворными представляются трактовки, вытекающие не из тех или иных нравственных позиций исследователя и свойственных ему жизненных воззрений, а из стремления понять данное направление деятельности Августа в общем контексте его политики. Обычно авторы ограничиваются выделением какого-то одного аспекта. Так Х. Ласт рассматривал брачное законодательство как один из стимулов увеличения гражданского населения, поредевшего за время гражданских войн²¹⁹, в то время как Дж. А. Филд, имея в виду сословную избирательность законов, утверждал, что законодательство было «в первую очередь евгеническим, и лишь потом — демографическим («популяционистским») в общем смысле этого слова»²²⁰. Филд имел в виду поддержание численности и сохранение этнического состава политического класса. Популяционистской трактовке противоречат приводимые Августом данные о значительном, в сравнении с 69 г. до н.э., скачкообразном росте гражданского населения — для этого не потребовалось особых мер²²¹. Что касается преимущественной направленности на сенаторское и всадническое сословия, то здесь находят также иные объяснения. Так, М. Леви, говоря о сословной направленности законов, оценивал их как средство шантажировать аристократию. В самом деле, моральный проступок — как раз то, что легче всего найти у намеченной жертвы²²². Эти объяснения довольно остроумны и могут содержать некоторое зерно истины, но они в значительной мере надуманны, поскольку не подтверждаются фактами.

Особый интерес представляет попытка Р. И. Фрэнка рассмотреть брачно-семейное законодательство в связи с ориентацией Августа на прошлое и «нравы предков»²²³. Этот аспект отмечает также автор специальной моно-

²¹⁸ Balsdon J. Roman women. L., 1962. P. 68–69.

²¹⁹ Last H. The social policy... Более осторожно то же мнение высказал Б. Бионди: Biondi B. La legislazione di Augusto // Paribeni R. (ed.). Conferenze... P. 198–232. Cf. Galinsky K. Augustus legislation... P. 127, n. 10. На серьезную ситуацию с падением рождаемости указывал П. Брант (Brunt P. Italian manpower... P. 558–566). Популяционные мотивы в политике Августа выдвигает на первый план Б. Шнег-Кёлер, упоминая в том числе эпидемию, которая нанесла серьезный урон населению Рима и Италии (Schneegg-Köhler B. Die augusteischen Säkularspiele. S. 248).

²²⁰ Field J. The purpose of the Lex Iulia et Papia Poppea // CJ. Vol. 40, N. 7. 1945. P. 398–416, here p. 414.

²²¹ Если последний республиканский ценз (69 г.) определил количество граждан в 910 тыс. чел., то по данным самого Августа в 28 г. насчитывалось 4063 тыс. (почти вчетверо больше); в 8 г. до н.э. — 4233 тыс.; в 14 г. н.э. — 4937 тыс. (RG 8). Значительный рост к концу гражданских войн мог быть результатом предоставления гражданства ряду общин и воинам вспомогательных легионов. Предполагается также включение с 28 г. в ценз женщин и детей. См.: Brunt P. A., Moor J. M. Res gestae... P. 51. Сравн. раздел V.6 с примеч. 143.

²²² Levi M. A. Augusto e il suo tempo. Milano, 1994, cf.: Field J. The purpose... P. 414.

²²³ Frank R. I. Augustus legislation on marriage and children // CSCA. Vol. 8. 1975. P. 50.

графии, венгерский ученый П. Циллаг²²⁴. В статье К. Галински законодательство ставится в связь с политикой и идеологией римского «империализма», необходимым элементом которого было осознание правящим классом своего морального превосходства²²⁵.

В отечественной историографии брачному законодательству Августа отводилось место в общих трудах²²⁶. В. С. Сергеев рассматривал его прежде всего как меру, направленную на «повышение рождаемости среди граждан», связанную также со стремлением сохранить [этническую? — ЯМ] «чистоту» римского²²⁷ народа. С. И. Ковалев подчеркивал нацеленность законов на укрепление семьи, повышение рождаемости, а также против распущенности нравов²²⁸. Примерно так же оценивается брачное законодательство и в работе А. Б. Егорова²²⁹.

Согласно оценке Н. А. Машкина, брачное законодательство, находившееся в центре внимания современников, соответствовало идеологии *pietas*, а следовательно — настроениям римских аристократов и представителей италийской знати. Оновременно законы «были удобным предлогом для преследования старой аристократии». По мнению Машкина, забота о росте населения и увеличении числа будущих солдат имела значение скорее как «официальный мотив брачного законодательства, чем как истинная его причина». Главное же заключалось в том, что семья была важнейшей ячейкой римского рабовладельческого общества, а потому брачное законодательство находилось «в тесной связи с политикой укрепления рабовладения»²³⁰. Эту трактовку брачного законодательства Августа в основном приняла Е. М. Штаерман, что не помешало ей обратить внимание на противоречие, заключавшееся во «вмешательстве государства в замкнутый некогда мир фамилии»²³¹.

Несомненно, укрепление семьи должно было сказаться на состоянии общества в целом и на взаимоотношениях господина с рабами. Август немало сделал для смягчения отношения к рабам и вольноотпущенникам, для со-

²²⁴ Csillag P. The Augustan laws... Esp. P. 138; idem. Das Eherecht des augusteischen Zeitalters // Klio. Bd. L. 1968. S. 111–138.

²²⁵ Galinsky K. Augustus legislation... pPass..

²²⁶ Из дореволюционных работ следует указать главу «К истории брачного законодательства Августа» в кн.: Покровский М. М. Очерки по римской истории и литературе. СПб., 1907 (оттиск из ЖМНП за тот же год). С. 24–58.

²²⁷ Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима. М., 1938. Ч. II. С. 403–404.

²²⁸ Ковалев С. И. История Рима. Л., (1948) 1986². С. 482–485.

²²⁹ По мнению А. Б. Егорова, комплекс законов Юлия и Папия Поппея «должен был поднять рождаемость среди римских граждан»; «брачные законы повысили рождаемость и укрепили основы семьи, хотя общего подъема общественной морали не было...» (Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 115–116).

²³⁰ Н. А. Машкин рассматривает данный сюжет в главе, посвященной «укреплению устоев рабовладельческого общества». См.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 418–426, особ. 425 сл.

²³¹ Штаерман Е. М. Ранняя Римская империя // Всемирная история. М., 1956. Т. II. С. 602; Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971. С. 192 сл., 229. О римской семье см. также: Rawson B. The family of ancient Rome. L., 1986; Treggiari S. Roman marriage...

хранения социального мира²³². И все же содержание законов о браке и семье не позволяет усматривать в этом их основную задачу. Если соответствующий эффект и имелся в виду, то скорее как дополнительный. Тем более, что здесь были приняты другие, специальные меры. Достаточно упомянуть Силанианский сенатусконсульт (9 г. н.э.), согласно которому в правление Нерона были казнены 400 рабов Педания Секунда²³³. Ни в одном из сохранившихся свидетельств о брачно-семейном законодательстве Августа рабы не упоминались. Вряд ли дело в попытке что-то скрыть: издавались же одновременно постановления, в которых о рабстве и рабах говорилось прямым текстом. И напротив: постоянным лейтмотивом в источниках звучит «внеклассовый» мотив упадка нравов.

Брачные установления Августа не были нововведением ни в теории, ни в практике римского законодательства. И во времена Республики государство пыталось регулировать социальное поведение господствующего класса, при необходимости вторгаясь и в область семейных отношений²³⁴. Политика поощрения рождаемости, соответствуя экспансионистскому характеру римской *цивитас*, восходила к республиканской эпохе. В числе различных мер были известны и налоги на холостяков, взимание которых, возможно, было прекращено во II в. до н.э. Повествуя об обращении Камилла цензора к сенаторам с призывом жениться и иметь детей, Фест и Валерий Максим, похоже, излагают миф о происхождении налога (*uxorium aes*)²³⁵. Для начала II в. до н.э. засвидетельствован, по-видимому обязательный, вопрос цензора к гражданину о наличии жены²³⁶. Характер изложения показывает, что Цицерон предполагал осведомленность читателя в этом обычае; скорее всего, этот вопрос продолжали задавать и в его время. Резюме Цицерона об обязанностях цензоров (*Cic. leg. III. 7*) ясно указывает на предосудительность для граждан холостяцкой жизни. Также поощрение деторождения не было нововведением. Наиболее раннее свидетельство о государственной поддержке многодетных отцов относится к сер. II в. до н.э. В одной из своих речей Сципион Эмилиан обличал фиктивных усыновителей, стремившихся воспользоваться незаслуженными льготами²³⁷. В *lex agraria* Юлия Цезаря

²³² См.: Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения... С. 195 слл.

²³³ Paul. sent. III. 5. 1–9; Dig. XXIX. 5. Префект Рима Педаний Секунд был убит своим рабом в 61 г. Тогда, в соответствии с Силанианским сенатусконсультом, за неоказание помощи хозяину были казнены 400 находившихся тогда в доме рабов (Tac. ann. XIV. 42–45).

²³⁴ См.: Baltrusch E. Regimen morum. Pass. Об обосновании моральных норм с помощью греческой философии: Gehrke H.-J. Römischer mos und griechische Ethik // HZ. Bd. 258. 1994. S. 593–622.

²³⁵ Festus. De verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome. Leipzig, 1913, s.v. Camillus (Paulus) 519 L; Val. Max. II. 9. 1.

²³⁶ См.: Cic. orat. II. 260, cf.: Gell. IV. 20. 1–6.

²³⁷ ORF4. Vol. 1. P. 126, fr.14.

59 г. они предоставлялись преимущественно отцам, имевшим как минимум трех детей²³⁸. По этому пути пошёл в своем законодательстве и Август. Если раньше при выдвижении кандидатур младший уступал дорогу старшему, то теперь по Юлиеву закону о браке преимущество получал тот, кто имел больше детей. Государство поддерживало тех, кто учитывал его потребности²³⁹.

И все же было бы упрощением ограничивать рассматриваемые законы поощрением рождаемости. К законодательству о браке примыкает закон 18 г. до н.э. против роскоши (*lex sumptuaria*). По этому закону нельзя было тратить на устройство каких-либо пиршеств более 400 сестерциев, если это был обыкновенный день, более 800, если это был праздник, более 1000, если — свадьба (Gell. II. 24. 14–15) — скромные суммы по сравнению с тем, что было тогда принято. Особый закон (*lex Iulia de vestitu et habitu*) запрещал роскошь в женской одежде, прежде всего употребление шелковых тканей; был также принят закон, направленный против излишних затрат при постройке зданий. После окончания гражданских войн представители знати воспользовались новыми возможностями, которые давал мир и достаток. Утратив свою «свободу», они стремились превзойти друг друга в роскоши. Это было оборотной стороной абсентеизма.

После смерти Августа вопрос о борьбе против излишеств встал вновь. Тацит относит один из пиков расточительства ко времени первых лет правления Тиберия. Описание этого явления обрамлено рассказами о процессах об оскорблении величия, которые еще яснее выявили характер режима (Тас. ann. III. 52–55). Меры, принятые Тиберием, лишь временно приостановили рост роскоши. В литературе последующего периода, у Сенеки Младшего, Марциала, Ювенала, можно найти десятки кажущихся порой неправдоподобными свидетельств расточительства римской знати²⁴⁰. Не меньше было при преемниках Августа также случаев сексуальной разнузданности. Пример подавали некоторые представители императорской семьи.

В связи с этим встает вопрос о значении принимавшихся Августом мер, в частности, его законов о браке и адюльтере. Известно, что они встретили сопротивление в верхах римского общества. О непопулярности законов свидетельствует успех поэмы молодого Овидия “*Ars amandi*”. Построенная по образцу руководств по ораторскому искусству, поэма обучала, как соблазнять женщин и поддерживать любовные связи. Доказано, что «Искус-

²³⁸ См.: Gardthausen V. Augustus und seine Zeit. Bd. I. S. 902, cf.: Badian E. A phantom marriage law. P. 89.

²³⁹ Свидетельства об учете семейного положения кандидатов: Тас. ann. II. 51. 1, XV. 19. 1 (оба пассажи дают примеры нарушений закона); Gell. II. 15; Dig. IV. 4. 2 /Ulp. 19/ Эти три свидетельства приводятся Б. Бионди: Biondi B. (ed.). Leges populi Romani... P. 174 f. Также см.: Plin. ep. VII. 16. 2; Dio LIII. 13. 2, LVI. 2. 1–3. 9 (изложение речи Августа к всадникам о браке и семье (9 г. н.э.), где говорится как о личных выгодах многодетных, так и о государственных интересах.

²⁴⁰ Baltrusch E. Regimen morum. S. 133 ff. (о законодательном регламентировании частной жизни).

ство любви» пародирует язык законов о прелюбодеяниях; на примерах, взятых из греческой мифологии, высмеиваются отдельные положения законов. Так, Овидий квалифицирует Менелая, оставившего под одной крышей свою жену Елену и Париса, как сводника (*leno*). В иронических тонах рассказывается о прелюбодеянии Марса и Венеры²⁴¹. Сочувствие поэта на стороне любовников, а не обманутого мужа Вулкана и доносчика Гелиоса. Поэма вызвала протест ригористов, что побудило Овидия сочинить новую поэму “*Remedia amoris*” — «Средства от любви». Написание “*Ars amandi*” должно было стать одним из поводов ссылки Овидия в Томи (сравн.: Ovid. trist. II. 207), откуда он уже никогда не вернулся.

Недовольство пресыщенных богачей и «золотой молодежи» не следует считать окончательным приговором истории. Август заявлял, что вернул забытые обычаи предков. То же утверждала и официозная литература. Гораций радовался тому, что «дети рождаются похожими на отцов»²⁴². Эта картина приукрашивала действительность. Тацит оценивал законы об адюльтере как идеологизированные и суровые, и тем самым — противоречившие «древнему милосердию» (Тас. ann. III. 24. 2). Историк утверждал, что в результате введения законов Папия и Поппея, в дополнение к Юлиеву, «супружества не стали чаще... и детей не рождалось больше, так как против желания оставаться бездетными эта мера оказалась бессильной...» (ibid. III. 25. 1, cf. 28. 2). Все же следует иметь в виду, что отрицательная оценка брачного законодательства Августа дана в связи с осуждением роста доношительства. Это пагубное явление Тацит, в частности, рассматривал как продукт излишнего законотворчества²⁴³.

Судить об эффективности и пользе тех или иных установлений трудно, поскольку невозможно проверить, что произошло бы при их отсутствии. Но они способны производить эффект уже самим своим появлением. Отвечая запросам времени, законы или даже манифесты могут мобилизовывать общественное мнение. И напротив, пассивность правительства оборачивается попустительством, которое поощряет антисоциальные тенденции. Восстановление «республики» как стового хребта Римской державы не мыслились Августом без доблестного гражданства. *Civitas* мыслилась как ядро империи. Для этого следовало восстановить ее структуру и оздоровить моральный дух. Особенно важно было состояние политического класса, призванного управлять «кругом земель». Брачное законодательство и борьба с роскошью стали органичной частью политики «реставрации».

²⁴¹ Ovid. ars am. II. 361–372, 561–590. По Овидию, пример римлянам подал сам Ромул — в изображенной Овидием картине похищения сабинянок явно преобладают эротические тона: ibid. I. 101–132.

²⁴² Hor. carm. IV. 5. 20–24, esp. 23.

²⁴³ Развитию этой мысли посвящен краткий очерк развития законодательства у Тацита: Тас. ann. III. 25–28. 4.

Они должны были служить как физическому воспроизводству полноценных граждан, так и поддержанию их гражданского духа. Подобные меры принимались не только задолго до Августа, но и после него²⁴⁴. Они начали отменяться только с превращением христианства в государственную религию. Это было связано с фундаментальным изменением не только норм сексуального поведения и семейной этики, но и всей системы жизненных ценностей²⁴⁵.

VI.5. Старинные нравы и новые законы «восстановленной республики»

Нравственное оздоровление общества с помощью законов не ограничивалось регулированием частной жизни²⁴⁶. *Lex Iulia de ambitu* (18 г.) была направлена против подкупов на выборах (Dio LIV. 16; Dig. XLVIII. 14). Возможно, тогда же были внесены изменения в *lex Iulia maiestatis*²⁴⁷. Большое значение имели законы о судопроизводстве (*leges Iuliae iudicariae*, 18/17 г. до н.э.)²⁴⁸. Они определяли порядок судопроизводства в судах по гражданским и уголовным делам. Были предусмотрены наказания в отношении наместников и других официальных лиц, применявших насилие и пытки к римским гражданам²⁴⁹. Также законы устанавливали, что выступавший

²⁴⁴ О сохранении *ius trium liberorum* свидетельствует Плиний Младший, который благодарил за это отличие Траяна. Характерно, что Плиний, будучи уже в третьем браке, еще не имел ни одного ребенка. Но написал, что жаждет его (Plin. Ep. X. 2). В это время привилегия могла предоставляться не только за пополнение гражданства, но и за другие заслуги перед отечеством. В эпоху Империи также действовали законы, которые препятствовали вступлению сенаторов в компрометирующие их браки. Ограничимся несколькими примерами: Iustinian. Dig. XXIII. 2. 23, 27, 42, 44 (со ссылкой на Юлиев закон), 47, 51 (см.: Дигесты Юстиниана. В пер. И. С. Претерского. М., 1984. С. 370–375).

²⁴⁵ Окончательно закон, известный в позднем законодательстве как *lex Iulia et Papia, или lex Iulia miscella* (*Codex Iustinianus*), был отменен в Византии в 531/534 гг.

²⁴⁶ О целой серии законодательных мер сообщает Светоний (Suet. Aug. 34. 1). О множестве принятых при Августе законов говорит Флор (Flor. II. 34 /65/) и другие авторы.

²⁴⁷ В закон о величии (*lex maiestatis*), известный во времена республики, были внесены изменения Юлием Цезарем (46 г.). Мнение Р. Баумана о том, что новый закон был принят в 27 или в 18 г. до н.э., остается спорным. В. Кункель и Б. Левик придерживаются мнения о том, что во времена Империи продолжал действовать закон, принятый Юлием Цезарем. См.: Bauman R.A. *Crimen maiestatis*. S. 266 ff.; Kunkel W. *Quaestio*. Sp. 772 f.; Levick B. *Poenae legis maiestatis* // *Historia*. Bd. 28. 1979. P. 358–379. Этот закон, ранее применявшийся при умалении величия Римского народа, в эпоху Империи (начиная с принципата Тиберия) использовался для преследования оппозиции. При Августе случаи применения закона по отношению к противникам режима или принцепса неизвестны. Кассий Север был обвинен по закону о величии, но по инициативе сенаторов, которых он порочил в своих сочинениях (Sen. rhet. contr. III. praef.; Plin. h. n. VII. 55; Tac. ann. I. 72, IV. 21 etc.). Подробнее о политических процессах см. раздел V. 4 сл., сравн. IX. 6 сл.

²⁴⁸ Так обозначены законы у Макробия (Macrob. Sat. I. 10. 4). В институциях Гая они называются *duae Iuliae* (B. Biondi (ed.) *Leges populi Romani*... P. 142–151. (Gai. inst. IV. 104). Это два закона: *lex Iulia iudiciorum publicorum* и *lex Iulia iudiciorum privatorum*.

²⁴⁹ См.: Biondi B. (ed.) *Leges populi Romani*... P. 143 ff.; FIRA (Riccobono) Bd. I. Nr. 67. 66 ff.; Crawford. *Roman statutes* II. 787 ff. Nr. 61, 62. Cf.: Bauman R.A. The “*leges iudiciorum publicorum*” and their interpretation in the

в качестве поверенного (адвоката), в соответствии с *exemplum maiorum*, не имеет права брать с подзащитного гонорара. Подобно другим случаям, Август дополнил «старинный» закон и усилил его штрафной санкцией. При нарушении штраф, как и в законе о вымогательствах, взыскивался в четырехкратном размере²⁵⁰. По другим параграфам, присяжным судьям запрещалось посещать дома тех, кто в текущем году подлежал их суду, также не допускались визиты подсудимых к судьям. При нарушении следовал штраф как по закону о злоупотреблениях (*lex Iulia de ambitu*, см.: Dio LIV. 18. 3; Dig. XLVIII. 14. 1. 4 etc.).

Смысл названных установлений совершенно прозрачен: речь идет о гарантиях независимости²⁵¹ и объективности суда. *Iustitia* была запечатлена на «щите добродетелей». Она открывала Августов принципат и всегда оставалась на его знамени. В последние месяцы жизни Августа его преемник Тиберий освятил изображение — *signum iustitiae Augustae*²⁵². Принцепс регулярно выполнял обязанности судьи, а также присутствовал на важных судебных заседаниях, например, на процессе М. Прима в 23 г. до н.э.²⁵³. Правосудие всегда рассматривалось как один из краеугольных камней «республики»²⁵⁴, то же место оно должно было занимать в «республике восстановленной», как и в параллельно упорядочивавшейся Августом Империи.

Закон о регулировании выборов на должности консулов и преторов, *lex Valeria Cornelia*, стал известен благодаря найденной в 1947 г. *Tabula Hebana*. Из надписи можно узнать, что по этому закону, изданному в 5 г. н.э., была создана специально образованная коллегия из трех высших судебных декурий сенаторов и всадников. Её члены (как все сенаторы и члены декурий)

republic, principate and later empire // ANRW II. 13. 1980. 103–233; id. Crime and punishment in ancient Rome. L., 1996. P. 50 ff.; Kienast D. Augustus. S. 117 mit Anm. 127a.

²⁵⁰ Ранее применялся закон от 204 г. до н.э. (*lex Cincia*). См.: Cic. Cato 10, cf. Tac. ann. XI. 5. 3; Dio LIV. 18. 2 (этот пассаж позволяет также датировать законы годом Секулярных игр (17 г. до н.э.).

²⁵¹ Не следует путать эту независимость с принципом разделения властей, одним из основополагающих в современных цивилизованных государствах. Он является продуктом эпохи Просвещения (хотя мысль о трех отраслях власти появилась уже у Аристотеля).

²⁵² Это было изображение, возможно скульптурное, добродетели принцепса, о чем сообщают Пренестинские фасты под 8 января 13 г. н.э.: Fasti praen. // Inscr. Ital. XIII. 2. P. 392. Хорошо знавший конъюнктуру Овидий написал об Августе: *legesque feret iustissimus actor* (Ovid. met. XV. 833). См. Bellen H. Novus status... S. 339 mit Anm. 122.

²⁵³ Dio LIV. 3. 3. Примеры, которые подчеркивают «государственные интересы» (*utilitas rei publicae*) при вмешательстве Августа, а затем и Тиберия в судебную сферу, рассмотрены Г. Белленом, в частности: Bellen H. Novus status... S. 339 mit Anm. 123–125 с указаниями на литературу.

²⁵⁴ Соблюдение законности было общепризнанным условием нормального функционирования общества. Восстановление порядка Суллой опиралось на законы. Панегирик законам у Цицерона: Cic. Cluent. LIII. 146 sq. (сравн. примеч. 101 в разделе IV.5). Октавиан начал «восстановление республики» с возвращения к нормальному правопорядку, обвязав также себя самого (а также своих преемников) действовать в соответствии с определенными законами и правилами. Примером такого поведения может также служить Траян. Соответствующую формулу сформулировал Плиний Младший: *non est princeps supra leges, sed leges supra principem* (Plin. Paneg. 65). Сравн.: Dahlheim W. Die römische Kaiserzeit. München, 2013. S. 27 f.

были отобраны императором. Эта специальная коллегия предлагала (дестинировала) кандидатов на высшие должности. Коллегия состояла из десяти центурий, которые были названы по именам умерших к этому времени Гая и Луция Цезарей (по пять центурий в честь каждого). В 19 г. по *lex Valeria Aurelia* было добавлено ещё пять центурий, названных в честь умершего тогда Германика (cf. Тас. ann. II. 83)²⁵⁵. В 23 г. к этому были добавлены пять центурий, названных в честь сына Тиберия, Друза. Так или иначе, отобранные высшими сословиями и, видимо, одобренные принцепсом кандидаты предлагались комициям. Фактически тем оставалось утвердить дестинированных коллегией и императором кандидатов²⁵⁶.

Эти меры, наряду с контролем принцепса над составом сената и всаднического сословия, а также целым рядом других, делали совершенно очевидными изменения, происходившие в политической системе. При этом следует подчеркнуть, что факты протеста со стороны комиций неизвестны. Большинство сенаторов только приветствовали нововведения, т.к. это экономило усилия на предвыборную борьбу, избавляя к тому же кандидатов от заискивания перед плебсом.

Ряд законов регулировал отпуск рабов на волю. Восстанавливая социальный порядок, принцепс демонстрировал строгость по отношению к либертинам. Законы Фуфия-Каниния (*lex Fufia Caninia*, 2 г. до н.э.) и Элия-Сентия (*lex Aelia Sentia*, 4 г. н.э.) ограничивали отпуск на волю рабов в процентном отношении к общему количеству у данного хозяина, по происхождению и возрасту, а также указывали максимальное число (от 30 лет и не более 20 рабов)²⁵⁷. Эти нормы учитывали возможные социально-политические последствия освобождения. Вольноотпущенники вливались в конечном счете в ряды плебса. Согласно современным оценкам, к концу Республики в некоторых районах Италии количество *liberti* могло составлять до 75% от числа свободнорожденных (*ingenui*). Дело было не только в том, что отпущенники, вливаясь по римским законам в ряды плебса, могли претендовать на раздачи. Новые граждане могли быть использованы своими патронами и в политических целях²⁵⁸.

²⁵⁵ Ehrenbeg & Jones. Doc. 94a (S. 76–79) = Freis H. (hg.). Historische Inschriften... 1984. Nr. 19; Brunt P. A. The *lex Valeria Cornelia* // JRS. Vol. 61. 1961. P. 71 ff.; Frei-Stolba R. Untersuchungen zu den Wahlen in den römischen Kaiserzeit. Zürich, 1967. S. 120 ff. etc. В комплексе с рядом других документов (*tabula Siarensis*, *lex Valeria Aurelia* и фрагментами из Рима и Тоди) и комм. см.: Crawford M. Roman statutes. Bd I. P. 507 ff. Nr. 37. Сравн. раздел 1.7 с примеч. 69 сл.

²⁵⁶ Ehrenbeg & Jones. Documents... doc. 94b. S. 79 f. = Crawford M. Id. Nr. 38. Сравн.: Kienast D. Augustus. S. 163 f. Этот порядок сохранялся до 14 г., когда выборы были перенесены в сенат, о чем сообщает Тацит (Тас. ann. I. 15).

²⁵⁷ Тексты законов: Biondi B. (ed.). Leges populi Romani... P. 205–219. Ограничения по возрасту господина (Gai inst. I. 38), возрасту рабов (ibid. I. 18), количеству рабов по завещанию (ibid. I. 42 sq.).

²⁵⁸ См.: Sherwin-White A. N. The Roman citizenship. Vol. 2. P. 327 ff.; Yavetz Z. Plebs and Princeps. New Brunswick, 1988². P. 96 f.; Kienast D. Augustus. S. 140 f. mit Anm. 206–209.

Правительство учитывало и растущее экономическое значение отпущенников. Закон Элия-Сентия делал отпускаемого на волю по завещанию раба (если он был назначен наследником) ответственным за долги хозяина. Не выполнявший обязанностей по отношению к своему патрону отпущенник мог быть наказан за неблагодарность (*accusatio ingrati liberti* — Dig. L. 16. 70 etc.). Но патрон, не кормивший нуждавшегося отпущенника, терял право на любые материальные притязания к нему (Dig. XXXVIII. 2. 33). Законами регулировались и другие аспекты их взаимоотношений. По закону Папия патрон мог претендовать на часть имущества богатого отпущенника. В то же время денежным поборам патрона и отработкам в его пользу были поставлены границы. По закону Юния Норбана отпущенные без соблюдения всех формальностей, при свидетелях (*inter amicos*), в отличие от республиканских установлений, не могли быть возвращены в рабство²⁵⁹. Особые послабления были сделаны разбогатевшим и влиятельным вольноотпущенникам. Некоторые получали «право кольца», что освобождало от обязательств по отношению к патрону и открывало путь в сословие всадников.

Уже в античное время ставился вопрос о мотивах проведения законов о рабах и вольноотпущенниках. Светоний считал, что Август руководствовался евристическими мотивами, предохраняя римский народ от порчи в результате примешивания крови чужеземцев и рабов (Suet. Aug. 40. 3). Поэтому им было поставлено множество препятствий на пути к свободе и к получению гражданства. Биограф привел примеры, когда даже Тиберий и Ливии принцепс отказал в ходатайствах о гражданстве, соответственно, для грека и галла (*ibid.*). Ни при каком условии не мог получить гражданства раб, хоть раз заключенный в оковы или побывавший под пыткой (*ibid.* 40. 4).

В основе Августова подхода лежали не расовые соображения, как подчас интерпретируется описание Светония (*ibid.* 40. 3). Судя по некоторым эпизодам, Август разделял новые идеи, пролагавшие путь к признанию человеческой природы рабов. Но это не могло поколебать убежденности в превосходстве и особой миссии римлян. Светоний не случайно поместил информацию об отношении принцепса к чужеземцам и всем негражданам в контекст повествования о сохранении и возрождении древних нравов и установлений (*ibid.* 40. 2–5).

Усилия Августа имели характер социального регулирования. Законы о рабах и отпущенниках, как и законы о семье, о браках между представителями различных сословий, преследовали цель восстановить расшатанные в период смут устои общества, укрепить традиционную структуру римского гражданства. Учитывалась численность рабов и вольноотпущенников

²⁵⁹ Этот закон, возможно, был принят уже в правление Тиберия (в 19 г.?). См.: Sherwin-White A. N. The Roman citizenship. Vol. 2. P. 332 ff.

в Италии, их значительная роль в экономике и политике. Был принят ряд самых строгих мер, направленных на предотвращение выступлений рабов против хозяев, в том числе уже упоминавшийся «Силанианский сенатусконсульт» (9 г. н.э.). Согласно этому закону, в случае убийства господина пыткам и казни подвергались все рабы, находившиеся в доме²⁶⁰.

Во всех случаях приоритетом являлось восстановление общественных структур, ориентированных на *civitas* и *mores maiorum*. Это было неременным условием восстановления «республики». Взаимоотношения с рабами и отпущенникам оказывались одним из аспектов социального порядка. Раньше для регулирования отношений внутри рабовладельческой фамилии вполне доставало власти домовладыки, обычаев и моральных обязательств (*fides*). Теперь на место пошатнувшейся морали должны были прийти новые законы.

Иную грань социальной политики Августа приоткрывает закон о строительстве — *Lex Iulia de modo aedificiorum*. Как и при проведении законов о браке, в сенате зачитали речь республиканского времени, на сей раз консула 105 г. до н.э. П. Рутилия Руфа (Suet. Aug. 89. 2). Ссылка на пример «древних» (*antiqui*) стала одним из существенных аргументов в пользу нововведения. Содержание закона дошло в самом кратком виде: Страбон сообщает, что во избежание опасности обвала зданий на оживленных улицах их высота ограничивалась семьюдесятью футами (21 м, см. Strabo V. 3. 7). Так был поставлен предел произволу богатых владельцев доходных домов — в интересах плебса и общественной безопасности. Вместе с другими мероприятиями по обеспечению порядка в Городе, сокращению опасности пожаров и благоустройству, это снизило социальную напряженность и привлекло на сторону режима городской плебс и другие слои малоимущих. Примерно тогда же в культ компитальных ларов ввели молитвы за Августа и поклонение его Гению (см. разделы VI. 3 и VIII. 1). Как в большинстве случаев, различные меры дополняли друг друга.

Мероприятия Августа в области религии, морали и права представляли собой сердцевину политики по возрождению «республики» как единственно мыслившейся организации римского гражданства. Как уже указывалось, традиции, моральные нормы и законы в своём единстве содержали нерасчленённый в традиционном сознании императив социального и политиче-

²⁶⁰ Август спас раба, которого хозяин Ведий Поллион намеревался за оплошность бросить на съедение муренам (Sen. ira III. 40 etc.). См.: Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабство..., главы 6 и 7. В частности, о политике Августа на с. 192–205; сравн.: Behrends O. Prinzipat und Sklavenrecht. Zu den geistigen Grundlagen der augusteischen Verfassungsschöpfung // Rechtswissenschaft und Rechtsentwicklung. Bd. 11. 1980. S. 53–88; Eck W., Heinrichs J. Sklaven und Freigelassene in der Gesellschaft der römischen Kaiserzeit. Textausw. und Übers. Darmstadt, 1993. S. 138–147 (Силанианский сенатусконсульт); S. 178–240 (освобождение и отпущенники); Bellen H. Antike Staatsräson // ders. Politik – Recht – Gesellschaft. Studien zur Alten Geschichte. Stuttgart, 1997. S. 283–297; Herrmann-Otto E. Sklaverei und Freilassung in der griechisch-römischen Welt. Hildesheim etc., 2009. S. 111–202 (Рим).

ского поведения. Естественно было рассчитывать, что ослабление одного из элементов может быть компенсировано за счёт другого. При этом вводимые законы должны были остановить упадок морали, забвение традиций и пренебрежение моральными нормами. Они же мыслились как инструмент для регенерации «старинных нравов» — опоры «республики».

«Восстановление республики» в 27/28 гг. до н.э. включало, в качестве одного из важнейших элементов, отмену всех чрезвычайных установлений, прекращение произвола и возвращение законности²⁶¹. Эта сторона «урегулирования» широко пропагандировалась, в частности, она запечатлена на монетах²⁶². Насколько легитимация власти была важна для основателя принцепата, демонстрируют шаги по оформлению полномочий и другие мероприятия: ни одно из них не проводилось без правового обоснования и оформления или, — что практически одно и то же, — без ссылки на соответствующее установление или обычай.

Август постоянно подчеркивал свою приверженность соблюдению законности и права. В 13 г. до н.э. он посвятил богине Правосудия (*Iustitia*) храм, введя таким образом ее культ²⁶³. В связи с этим по всей Италии были установлены статуи богини²⁶⁴. Сам принцепс активно выступал в роли судьи, причем помешать ему не могли ни позднее время суток, ни болезнь — в этом случае он вершил суд с носилок или дома, лежа в постели²⁶⁵. Он отправлял эти обязанности, даже находясь на отдыхе недалеко от Рима (Suet. 72. 2). И даже то, что новый форум Августа был местом судопроизводства, тоже было для всех ясным знаком. Упорядоченное и разумное управление огромной империей было невозможно без строгого соблюдения законов. Рим, как правило, оставлял в завоеванных странах местные судебные системы. Но для сотен судов не только в городах и общинах Италии, но и про-

²⁶¹ Последним днем действия чрезвычайных установлений было 31 декабря 28 г. до н.э. О соответствующем эдикте сообщает Кассий Дион (Dio LIII. 2. 5 = Bringmann; Wiegandt. S. 141 f. (134F); cf.: Tac. ann. III. 28. 2). О значении этого эдикта для основания нового режима см.: Grenade P. *Essai sur les origines du principat*. P., 1961 (rec.: Brunt P. // JRS. Vol. 51. 1961. S. 236–238). Заявления о намерении отменить чрезвычайные установления были сделаны Октавианом еще в осенью 36 г., когда был отстранен от власти Лепид. С этого времени Октавиан начал дистанцироваться от насильственных методов времени триумvirата (RG 25; App. b. c. V. 539 sq., 548; Dio XLIX. 5). Тацит, хоть и в саркастическом тоне, отмечает, что, обеспечив себе власть, Цезарь Август первым делом отменил распоряжения времени триумvirата и установил законы (Tac. ann. III. 28. 2). См. раздел IV.9.

²⁶² Особенно интересен ауреус, на реверсе которого изображен сидящий на курульном кресле Октавиан со свитком в вытянутой правой руке. Другие папирусные свитки (законы) помещены в стоящем у ног специальном круглом коробе. Подпись ясно говорит о содержании изображения: «Он вернул Римскому народу законы и права». См. раздел IV.9 с примеч. 253 сл.

²⁶³ Fast. Praenest.: *signum Iustitiae augus[tae]*; CIL VI. I. 2250 (*sacerdos iustitiae augustae*).

²⁶⁴ CIL IX. 4133, 5890. Latte R. *Römische Religionsgeschichte*. S. 300 mit Anm. 4. Cf.: Latte K. *Iustitia* // RE. Bd. X. 1919. Sp. 1339 etc.

²⁶⁵ Suet. 33.1. Светоний посвящает деятельности Августа как судьи две главы его биографии, особо останавливаясь на проявлениях милосердия принцепса (ibid. 32. 2–33, cf.: 51).

винций, судопроизводство на столичных форумах было образцом и ориентиром. В случае необходимости представители местного населения могли лично апеллировать к столичным судам и к самому Августу. Соблюдение законности и правопорядка было условием экономического и культурного расцвета, самого существования Империи цезарей²⁶⁶.

В «Деяниях» Август таким образом подчеркивает свои заслуги в законодательной сфере: «Внеся новые законы, я возродил многие обычаи предков, в наш век уже вышедшие из употребления, и сам передал потомкам много достойных подражания примеров»²⁶⁷. Продуманное (в данном документе, как указывалось, не раз продумывалось каждое слово) сочетание «новых законов» и «обычаев предков» — важная особенность концепции «восстановленной республики». Концепция представляется противоречивой, и в ней действительно присутствовали, казалось бы, с трудом согласовывавшиеся смыслы. Восстановление, возвращение ассоциируются с реставрацией чего-то старого, забытого. Но во всех областях своей деятельности: политике, законодательстве, религии, градостроительстве — Август отнюдь не был собирателем старины. Он смело осуществлял необходимые нововведения, опираясь на авторитет традиций. Здесь не было маскировки. Укоренённость в римском менталитете, знание обычаев и традиций позволяли Августу смело отбирать то, что соответствовало духу его времени и общественным потребностям. Но он не боялся и решительных нововведений. Они появлялись на основе глубокого понимания традиций и всего строя мыслей своих соотечественников — вся концепция «восстановленной республики» выросла из римской традиции и ещё живого «республиканского» духа. Августова «республика» была заново скроенным творением, опирающимся на этот дух.

В политике Римской республики всё, обозначавшееся словом «новое», имело отрицательный смысл. Например, *res novae* — в значении государственный переворот, *tabulae novae* — отмена долгов как популистский лозунг. Как *leges novae* обозначались законы, которые шли вразрез с неписаным правом. Поскольку его носителями являлись представители господствующего класса, то предлагавшиеся вразрез с ним нововведения оказывались, с позиций нобилитета, антиконституционными. Наиболее известные примеры: законы Гракхов или М. Ливия Друза²⁶⁸; так же обо-

²⁶⁶ Значение правопорядка в системе Августова принципата раскрыто в работе: Kienast D. Der Augusteische Prinzipat als Rechtsordnung // ZGR Rom. Bd. 101. 1984. S. 115 ff. = Kleine Schriften 1994. S. 387 ff.; Bellen H. Novus status... S. 347 f. mit Anm. (о значении и результативности законодательства Августа).

²⁶⁷ RG 8. 5: *Legibus novis me auctore latitis multa exempla maiorum exolescentia iam ex nostro saeculo reduxi et ipse multarum rerum exempla imitanda posteris tradidi*.

²⁶⁸ Sen. brev. 6. 1: *Livius Drusus... cum leges novas et mala Grachana movisset...* Этот и несколько других примеров этого раздела заимствованы из статьи Гайнца Беллена. Законы Августа трактуются Белленом как результат обновления республиканских установлений и традиций: Bellen H. Novus status... S. 308, Anm. 3.

значал Цицерон проскрипции Суллы, аграрные законы П. Сервилия Рулла, законопроекты Публия Клодия (например, о распределении вольноотпущенников по трибам)²⁶⁹.

Проводя законы и подчеркивая свои заслуги, Август, естественно, дистанцировался от пейоративного смысла, имея в виду позитивные прецеденты. Они упоминаются Титом Ливием: установления децемвиров, законы Валерия и Горация, Канулея, а также Суллы, который укрепил государство посредством новых законов²⁷⁰. Как фундаментальные рассматривались установления (*fundamenta rei publicae*), введенные вторым царем Нумой Помпилием²⁷¹. Таковыми позднее считались также законы, принятые децемвирами²⁷².

Август и свое законодательство оценивал как основополагающее для римского государства, о чем свидетельствует цитируемый Светонием эдикт. В трактовке биографа эдикт учреждал единоличную власть, что в самом тексте обнаружить невозможно: «Итак, да будет мне дано установить «республику» (г. р.) на месте пребывания целой и незыблемой, дабы я, пожиная желанные плоды этого свершения, почитался творцом лучшего государственного устройства (*optimus status*), и при кончине унёс бы с собой надежду, что заложенные мною основания «республики» (г. р.) останутся на своем месте непоколебленными»²⁷³. Наилучшее состояние «республики» — *optimus status [civitatis / rei publicae]*, Светоний в своем комментарии, следующем сразу за цитируемым эдиктом, называет *novus status*, т.е. «новым состоянием» [государства, «республики»] или «новым порядком вещей»²⁷⁴. «Новизна» соответствует употребленному самим Августом в «Деяниях» определению *novae leges* (RG 8.5). Согласно Кассию Диону, в 19 г. до н.э. по предложению сената законы были названы «Августовыми» (Dio LIV. 10. 6). На самом деле принцепс отверг это отличие. В сводах законов они именуются «Юлиевыми»

²⁶⁹ Cic. Rosc. Am. 126; leg. agr. II. 26; Mil. 89.

²⁷⁰ Liv. per. 89: *Legibus novis rei publicae statum confirmavit* (о Сулле). См. также: Liv. III. 33. 5 (децемвиры), III. 55. 4, 56. 13 (законы Валерия и Горация), IV. 1. 6 (законы Канулея). Третий смысл *leges novae* — недавно принятые законы — здесь нерелевантен. См. Bellen H. *Novus status...* S. 309, Anm. 9–13.

²⁷¹ Cic. nat. III. 5: *mihi ita persuasi, Romulum auspiciis Numam sacris constitutis fundamenta iecisse nostrae civitatis*. О Нуме см. также: Liv. I. 19. 1, Verg. Aen. VI. 810, Cic. rep. V. 3.

²⁷² О фундаментальном значении законов 12 таблиц: Pompon. Dig. I. 2. 2. 4.

²⁷³ Suet. Aug. 28. 2 (= Malcovati 1969⁵, Edikta n. X. P. 65 = Bringmann, Wiegandt. Augustus. Dok. 118. S. 131 f.). Оригинал цитируется в разделе V.2 примеч. 54 и сл. (комментарии).

²⁷⁴ *Fecit ipse se compotem voti nissus omni modo, ne quem novi status paeniteret* (ibid.). Такое сопоставление сделал уже П. Сайм: Syme R. *The Roman revolution* 1939 (repr. 1966). P. 320. П. Брант (Brunt P. A. "Augustus" e la "res publica" // Heuss A. u. a. (eds.) *La rivoluzione romana*. Napoli, 1982. P. 238–244, p. 239) считал, что уже претензия Августа на роль создателя наилучшего государственного устройства указывает на новизну этого *status (civitatis)*. См. также: Weber W. *Principes: Studien zur Geschichte des Augustus*. Stuttgart, 1936 (ND: Aalen, 1969). S. 27; Ceausescu P. *Das programmatische Edikt des Augustus* // RhM N.F. Bd. 124. 1981. S. 348–353; Bellen H. *Novus status...* (1987). S. 310.

(*leges Iuliae*). Но возможно, предложение сената побудило Августа (или придало ему смелости) назвать их «новыми»? Так или иначе, своими законами основатель принципата сознательно закладывал фундамент нового государственного порядка.

Хотя ключевым словом идеологии было «восстановление», и Август стремился все важнейшие мероприятия обосновывать ссылками на авторитет «предков», он гордился своими новациями как выдающимся достижением²⁷⁵. Август всегда подчеркивал свою исключительную роль в прекращении гражданских войн, установлении мира и «восстановлении республики». Важно, что самовосхваление всегда вписывалось в «республиканские» рамки — принцепс так или иначе подчеркивал, что действовал согласно неписаной римской конституции, «древним установлениям» и законам.

В самопрезентации принцепса присутствует еще один важнейший момент: принцепс всегда действовал в интересах «республики». В 6 главе «Деяний» подчеркивается, что единоличное кураторство для наблюдения над законами и нравами, со всеми полномочиями, ему трижды единодушно предлагали сенат и Римский народ. Август тем не менее отказывался от них по причине несовместимости с «обычаями предков». Но не уклонялся от обязанностей, а выполнял их посредством своей трибунской власти, причем с коллегами, назначавшимися по его просьбе. Таким образом, Август подчеркивал не просто приверженность конституции, но готовность решать (как и в случае с управлением самыми «опасными» провинциями) задачи, которые ставил перед ним сенат и народ, т.е. действовал в государственных интересах²⁷⁶.

Характерен эпизод, где засвидетельствован конфликт двух благ: законопослушания и общественной пользы. В самом начале «Деяний» Август повествует о своих, в сущности, неправовых действиях: по собственной инициативе, то есть, не имея на то конституционных полномочий, он «вернул свободу республике, попорченной кликой» (...*rem publicam a dominatione factionis oppressam in libertatem vindicavi* — RG I. 1). Но действия юного Це-

²⁷⁵ Август вошел в историю как основатель «Римской империи», т.е. нового государства, сравн. «Введение». Его законодательная деятельность в этой связи отражена, например, в «Аполоскынтозис» Сенеки, где Август говорит о себе: *legibus urbem fundavi* — выражение, соответствующее употребленному Вергилием для Нумы (Verg. Aen. VI.810). Оценка Тацита утрированно преувеличивает радикальность реформ: «Итак, основы государственного порядка претерпели глубокое изменение, и от общественных установлений старого времени нигде ничего не осталось» (Tac. ann. I.4.1). Сравн.: Urban R. Tacitus und die Res gestae divi Augusti // Gymnasium. Bd. 86. 1979. S. 66 ff. См. также раздел IX.3.

²⁷⁶ Используемая в RG 6 формула *senatu populoque Romano consentientibus* подчеркивает общее согласие. Также следует иметь в виду, что *senatus populusque Romanus* — классическое выражение для обозначения Римского государства как такового. См.: Suerbaum W. Vom antiken zum frühmittelalterlichen Staatsbegriff. S. 3 f. Сравн.: Bellen H. Novus status... S. 312: о формулах *ex usu rei publicae* (*lex imperio Vespasiani* // ILS 244, Z. 17) и важной дефиниции Цицерона *utilitas rei publicae*.

заря были оправданы тем, что он действовал в общих интересах²⁷⁷. Подразумевалась одна из ситуаций, известных также из истории Республики, когда выдающийся деятель вынужден был, нарушая обычные установления, брать на себя задачу спасения республики и ее свободы²⁷⁸.

Законотворческая деятельность Августа, которую он ставил себе в особую заслугу, также была проблематична с позиций республиканской легитимности: фактически один человек решал, какие законы необходимы государству. В истории Республики был лишь один прецедент — Сулла, и его законы Ливий называл *novae leges*²⁷⁹. Август мог заимствовать это обозначение. Но в данном случае отождествление одного человека с государством получало такое развитие, что его власть (по утверждению Августа, это была *auctoritas*) знала лишь пределы, поставленные им самим. В подчиненное положение были поставлены превалировавшие в прошлом интересы аристократии. Эти превращения меняли социальные основы Римского государства.

Реставрация и обновление представляли собой в сущности две стороны единого процесса. Среди огромного многообразия предпринятых основателем принципата преобразований мы не найдем ни одного, которое бы преподносилось как разрыв с традицией. Восстанавливались исконные культы и древние храмы, так что выдвижение на первый план новых божеств вписывалось в общую картину возрождения религии. Новые законы были направлены на восстановление нравов предков, даже введение культа правителя оказывалось продолжением старинных общинных и домашних обрядов. В такой своеобразной гармонии древности и новизны (подобно «скромной» законопослушности и самовосхвалению) проявилось не только тонкое ощущение общественных настроений, но и собственная приобщенность к менталитету, в течение многих поколений формировавшемуся и еще живому. Основатель принципата не усматривал противоречия между «реставрационным» и «созидательным» характером своей политики. Вектор новизны был продолжением вектора восстановления. Сплав того и другого был материалом для *fundamenta rei publicae*²⁸⁰.

Отношение Августа к религии-нравам-законам было проявлением его реформаторского замысла в целом, и это — ключ для понимания концепции «восстановленной республики». Ориентиром были «старинные» обычаи.

²⁷⁷ Это нашло также обоснование в «Филиппиках»: Cic. Phil. III. 5, V. 43 sq., XI. 28.

²⁷⁸ Сравн.: Caes. civ. I. 22; bell. Afric. 22; Cic. Manil. 61 sqq.; Brut. 212; rep. I. 48; fam. II. 5. 2 etc.

²⁷⁹ О компетенциях Суллы см. App. b. c. I. 99; о законах Суллы см. Liv. per. 89: *Legibus novis rei publicae statum confirmavit*. Задачей Суллы было укрепить позиции сената, он не стремился связать свои законы с *mos maiorum*. Cf.: Bellen H. Novus status... S. 313, 324 сл.

²⁸⁰ Suet Aug. 28. 2. Cf. Bellen H. Novus status... S. 329.

Отталкиваясь от них, он возрождал древнее, а при необходимости вводил новое, это касалось как культов, так и законов (*leges retractavit*). На этот опыт ссылался позднее Тиберий, указывая, что Август вносил необходимые изменения в древние установления²⁸¹.

Государственно-правовой статус принцепсов в Риме характеризуют две одинаково убедительно звучащие, но противоречащие друг другу формулы, зафиксированные в более позднее время. Одна из них принадлежит Плинию Младшему, который в своем панегирике Траяну сказал: *non est princeps super leges, sed leges super principem* («Не принцепс над законом, но закон — над принцепсом», Plin. pan. 65. 1). Вторая, лапидарная формула характеризует более поздний порядок вещей, когда принцепс стал абсолютным монархом: *princeps legibus solutus* («Принцепс свободен от законов» — Ulp. dig. I. 3. 31; Dio LIII. 18. 1). Какая из этих формул больше подходит ко времени Августа? Несомненно, сам он всегда стремился продемонстрировать свое законопослушание, подчеркивал, что следует старинным установлениям. Но никто не призвал Октавиана-Августа к ответу за смерть тысяч сограждан в период триумvirата. Эта диалектика права и власти получила свое развитие в последующие века.

Законодательство, наряду с личным примером, служило Августу инструментом для регулирования социальных отношений и исправления нравов. Держава не могла существовать без ядра — римско-италийской общности граждан, ориентирующейся на принципы «республики». Для управления создававшейся новой Империей Августу требовалась элита, не растерявшая римские добродетели. Ее нельзя было сотворить из ничего. Рассадником необходимых кадров, местом, где собирался и формировался старый новый политический класс, был сенат. Мораль и право, сенат и принцепс — все это и многое другое составляли единое целое. Масштаб Августа как государственного деятеля проявился не в отдельных эффектных поступках, а в умении согласовывать действия в, казалось бы, совершенно различных областях. За этим открывается способность политика видеть социальные взаимосвязи. Соответствующим образом и в нашем анализе его деятельности следует стремиться к системному рассмотрению. Лишь так можно оценить замысел и результаты совершенной Августом «тихой революции».

²⁸¹ Suet. Aug. 34. 1, cf. Tac. ann. IV. 16. 3: *sicut Augustus quaedam ex horrida illa antiquitate ad presentem usum flexisset*. Тацит далее противопоставляет этой политике Августа лицемерие Тиберия, который «прикрывал древними формулами только что измышленные беззакония» (ibid. IV. 19).

VI.6. Секулярные торжества и новый век

Секулярные торжества (*ludi saeculares*)²⁸² явились важной вехой в истории принципата Августа. Следует подчеркнуть, что отмечалось не десятилетие «возвращения республики», а мистическая дата, которая обозначала рубеж «нового века» Рима и всего мира.

Мероприятие, назначенное на 1–3 июня 17 г. до н.э.²⁸³, представляло собой особое зрелище, праздник, обряд²⁸⁴. В отличие от гладиаторских боев или цирковых ристаний, они не только отвлекали от обыденных проблем, но заставляли задуматься о прошлом, настоящем и будущем. Значимость Секулярных торжеств подчеркивалась тем, что все знали: в них невозможно было участвовать дважды²⁸⁵.

Торжества знаменовали границу двух веков. «Век» — так в самом первом приближении можно перевести слово *saeculum*, — но это не арифметические 100 лет²⁸⁶. В основе учения о смене веков лежали представления о неумолимом круговороте жизни. Вождество Августа, его предназначение, должны

²⁸² Замечание П. Дэвиса, который перевёл *ludi saeculares* как “secular festival” (секулярные празднества), вместо games (игры), побудили автора к поиску обозначения на русском языке. Наиболее адекватно передает суть дела слово «торжества». Для разнообразия мы продолжаем использовать и «празднества», а также «игры». Сравн.: Davis P. J. Ovid and Augustus: a political reading of Ovid's erotic poems. L., 2006. P. 25 and n. 18 on p. 136.

²⁸³ Иногда торжества датируются с 31 мая по 3 июня. Кроме главных трех, были добавлены еще семь дней для различных увеселений.

²⁸⁴ Важнейшими источниками для изучения Секулярных игр 17 г. до н.э. являются, кроме «Секулярного гимна» Горация и некоторых пассажей Вергилия, сообщения византийского историка V века Зосима (Zosimus, historia nea II. 4–7). Исключительное значение имеют фрагменты надписи с протоколом торжеств, найденные на месте их проведения (ILS Nr. 5050; более полно: CIL VI 4. 2. 32323), монеты (Simon B. Die Selbstdarstellung des Augustus in der Münzprägung und in den Res Gestae. Hamburg, 1993. S. 84 ff.). См.: Pighi I. B. De ludis saecularibus populi Romani libri sex. Amsterdam, 1965². P. 107 ff.; Schnegg-Köhler B. Die augusteischen Säkularspiele. München, 2002 (реконструкция текста с учётом всех доступных фрагментов и исследование). См. также: Kienast D. Augustus. S. 223 Anm. 65 etc.

²⁸⁵ Это подчеркивалось в сенатских декретах (CIL VI. 32323, строки 50–63). Организованные Клавдием и Домицианом «секулярные игры» воспринимались как фарс, наподобие «германского похода» Калигулы. Впрочем, Секулярные торжества Клавдия (47 г. н.э.) были приурочены к 800-летию Рима. Сравн.: Suet. Claud. 21. 2.

²⁸⁶ Секулярные игры, понятие “*saeculum*” вообще и в применении к Августову принципату в частности, довольно подробно изучены, хотя состояние источников не позволяет дать однозначные ответы на ряд вопросов. Среди старых работ важна работа Базинера «Ludi saeculares. Древнеримские секулярные игры». Варшава, 1901. Монография Ю. Г. Чернышова «Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме». В 2-х ч., кроме прочего, содержит важный анализ «утопической» составляющей идеологии Августова принципата (особ. ч. 2, с. 6–20 и сл.). См. также: Latte K. Römische Religionsgeschichte. S. 298 ff.; Gagé J. Recherches sur les jeux séculaires. P., 1934; Kloft H. Die Säkularspiele des Augustus und die Tradition der Herrscherfeste in der Antike. Soziale und kommunikative Aspekte // Binder G., Ehrlich K. (Hrsgg.). Kommunikation in politischen und kultischen Gemeinschaften. Trier, 1996. S. 51–74; Cancik H. Carmen und sacrificium... S. 99–113; Barker D., “The golden age is proclaimed”? The Carmen saeculare and the renaissance of the golden race // CQ. Bd. 46. 1996. P. 434–446; Herz P. Endzeitstimmung und Zukunftserwartung in augustäische Zeit // Leinsle U. G., Mecke J. (Hrsg.). Zeit — Zeitenwechsel — Endzeit: Zeit im Wandel der Zeiten, Kulturen, Techniken und Disziplinen. Regensburg, 2000. S. 157–169 etc.

были соотнести с движением мира. Секулярные игры синхронизировали его правление с космическими циклами. Хотя в документах и даже в Секулярном гимне Горация учение о смене веков не упоминается, мероприятие несомненно имело символическое значение, и оно может многое рассказать о замыслах основателя принципата²⁸⁷.

Слово *saeculum* многозначно, уже в античных источниках имеются разноречивые его толкования. Учение о смене веков римляне унаследовали от этрусков. В самом общем смысле *saeculum* имеет как минимум два значения: «человеческий век», т.е. длительность человеческой жизни, и — особая «эпоха», характеризующая теми или иными качествами. Под человеческим веком некоторые имели в виду «поколение», согласно этому пониманию *saeculum* составляло 25–30 лет. Авторы, заслуживающие доверия, в частности, Цензорин (III в. н.э.), отвергали такое толкование, понимая здесь максимальную длительность человеческой жизни, ограниченную рождением и смертью²⁸⁸. Цензорин оценивал ее, вслед за Платоном, в 100, но называл других авторов, указывавших 120 лет²⁸⁹. В литературе можно встретить различные гипотезы о расчете дат проведения очередных игр²⁹⁰. Предыдущие игры отмечались в 249 и в 149 (146) гг. до н.э.²⁹¹ По расчетам этруских гаруспиков, которые

²⁸⁷ Б. Шнег-Кёлер считает, что подготовка велась со времени кризиса 23/22 гг. По мнению многих, причина неприятностей, в том числе эпидемии, могла лежать в упущенном «очищении» (*lustrum*), необходимым при истечении очередного века. Это соображение Шнег-Кёлер противоречит её мнению о том, что концепция Августовых *ludi saeculares* не включала учение о смене веков (Schneegg-Köhler B. Die augusteischen Säkularspiele. S. 10 f.). На наш взгляд, это лишало бы празднества их основного смысла. Сравн.: Базинер О. *Ludi saeculares*. Древнеримские секулярные игры. Особ. с. 220–284; Wallace-Hadrill A. The golden age and sin in Augustan ideology // P & P 1982. N 95. P. 19–36; Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке»... Ч. II. С. 13 слл.; Bernstein F. *Ludi publici. Untersuchungen zur Entstehung und Entwicklung der öffentlichen Spiele im republikanischen Rom*. Stuttgart, 1998. S. 129–142.

²⁸⁸ Censorinus, de die natali XVIII. 2: *Saeculum est spatium vitae humanae longissimum partu et morte definitum*. Сочинение Цензорина относится к 238 г. н.э. Cf.: Plat. pol. 615 a.

²⁸⁹ Censorinus, de die natali XVII. 4. Срок в 100–120 лет примечателен с точки зрения исторической памяти. Это не только максимальная длительность одной жизни, но и время, вмещающее три поколения. При этом представитель последнего из них («внук») может воспринять предание (и непосредственное переживание) от участников и очевидцев, по необходимости переспрашивая и таким образом перепроверяя свидетельства.

²⁹⁰ Один из вариантов: Столетний промежуток предполагал бы 49 год, но из-за войны между Цезарем и Помпеем этот срок был пропущен, так же как и по истечении 110 лет — в 39 г. (напряженность в отношениях Октавиана и Антония, угроза Секста Помпея), затем еще один — из-за смерти Марцелла в 23 г. до н.э. Имеются и другие подсчеты, ясно одно — триумвирам было не до того. Затем квиндесцемвиры предложили 16 г. до н.э. но дата была передвинута на год вперед. О причине можно лишь гадать. По недоказанному предположению В. Гардтхаузена в начале 17 г. якобы появилась комета, которая была отождествлена в народе со «звездой Юлия». Подобное событие имело место в 44 г., когда и провели *ludi Victoriae Caesaris*. См. Kienast D. Augustus. S. 118 mit Anm. 129 (с литературой вопроса), 224.

²⁹¹ Это не бесспорно. Есть сведения о том, что первые игры были организованы в соответствии с греческими обычаями (*Graecus ritus*), несомненно связь с культом Аполлона и Сивиллиными оракулами. Возможно, Валерий Антиат и Варрон ошибочно назвали Столетними Тарентийские игры (*ludi Tarentini*) или это вообще была анналистическая фикция. Тем более сомнительны игры до 249 года. См.: Kienast D. Augustus. S. 223 Anm. 65; Yavetz Z. Kaiser Augustus. S. 112.

дифференцированно определяли сроки «веков» от 100 до 123 лет, пятый век должен был наступить в 16 г. до н.э.²⁹²

Выбирая время для проведения игр, Август руководствовался не только «дисциплиной» гаруспиков и иными вычислениями. Выкладки жрецов обычно отвечали задачам государства. В данном случае также следует думать, что расчеты были сделаны в соответствии с ритуалом, но результат соответствовал политическим резонам²⁹³.

Когда-то на юного Октавиана, как и на всех присутствовавших на играх в честь Юлия Цезаря (*ludi Victoriae Caesaris*), произвело сильнейшее впечатление появление кометы (*sidus Iulium*) и связанное с этим пророчество. Тогда гаруспик Вулкаций (Вулканий) истолковал это как указание на конец девятого и начало десятого веков и тут же испустил дух. Некоторые сообщения о событии дают основание предполагать, что наследник диктатора уже тогда связал появление звезды также с собственным (космическим) предназначением²⁹⁴.

Гражданские войны обострили ожидания чуда. Подобные настроения отразились в «Сивиллиных книгах». Особый жанр литературы брал начало в ближневосточных, в том числе вавилонских и древнееврейских, пророчествах. Наиболее известные из них содержатся в книге пророка Даниила, в документах Кумранской общины и в целом ряде апокрифов. Многие прорицания говорили о гибели Рима, в кризисные времена они распространялись также в Италии²⁹⁵. Новые предсказания находили себе благодатную почву, тем более что давно были известны благодаря этрускам. Непрерывавшиеся гражданские войны со всеми их испытаниями сеяли настроения страха и неуверенности. Распространялись призывы к бегству из гибнущего Рима, например, на «острова блаженных».

²⁹² Согласно гаруспикам, от 456 г. до н.э. первые четыре saecula насчитывали по 100 лет, пятый 123, а шестой и седьмой по 119 лет, в среднем ок. 110 лет (Censorinus, de die natali. XVII.6). См.: Strothmann M. Augustus — Vater der res publica. Stuttgart, 2000. S. 18 mit Anm. 24; Hall J. F. The saeculum novum of Augustus and its Etruscan antecedents // ANRW II. Bd. 16, 3. 1986. S. 2564–2589. Сравн. далее о пророчестве Вулкация, которое вовсе не вписывалось в Августову концепцию, но также не нарушило его планов.

²⁹³ Виссова считал, что Август выбрал дату Секулярных игр совершенно произвольно (Wissowa G. Gesammelte Abhandlungen zur römischen Religions- und Stadtgeschichte. München, 1904. S. 202. Cf.: Strothmann M. Augustus. S. 50 mit Anm. 25). На наш взгляд, это противоречило бы принципиальному подходу основателя принципата, который стремился по возможности ориентироваться на традицию.

²⁹⁴ О появлении звезды со шлейфом, которая сияла в небе 7 ночей, сообщает Светоний (Suet. Iul. 88). О пророчестве Вулкация (Vulcatius/Volcatius/Vulcanius) см.: Plin. n. h. II. 9. 93 sq.; Dio XLV. 7. 1; Serv. bucol. IX. 46 sq.; cf.: Gundel H. Vulcanius // RE. Bd. IX. 1967. Sp. 1281 (Гундель считает предпочтительным такое чтение имени); Cramer F. N. Astrology in Roman law and politics. P. 78 ff.; Weinstock St. Divus Julius. Oxf., 1971. P. 370 ff.; Kienast D. Augustus. S. 216 mit Anm. 44 f.; 224 Anm. 66; Pandey N. B. Caesar's comet, the Julian star, and the invention of Augustus // TAPA. Vol. 143. 2013, Nr. 2. P. 405–449 etc.

²⁹⁵ См.: Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи... ч. I. С. 68 слл. Общий обзор теорий кризиса в римской мысли Поздней Республики и Ранней Империи: Bracher K. D. Verfall und Fortschritt im Denken der frühen römischen Kaiserzeit: Studien zum Zeitgefühl und Geschichtsbewußtsein des Jahrhunderts nach Augustus. Wien etc., 1987². Pass.

Указанной теме посвящен XVI эпод Горация. Господствующее настроение произведения — глубочайший пессимизм. Римляне вот уже в течение жизни двух поколений истребляют друг друга в гражданских войнах, Городу грозит неизбежная гибель. Единственное спасение для благочестивых людей — отправиться на новые берега в Океане, где нераспаханная земля сама дает урожаи, где из дубов течет мед, коровы и козы несут в дома свое молоко, нет хищников, отсутствуют болезни. Несомненна связь настроений Горация с крушением его личных планов (поражение на стороне республиканцев при Филиппах в 42 г., потеря унаследованного от отца имущества). Но произведение начинающего поэта отразило духовный кризис широких слоев гражданского населения Италии в период Перузинской войны (41–40 гг.)²⁹⁶.

Примерно тогда же появилось одно из самых известных литературных сочинений эпохи — IV эклога Вергилия (ок. 40 г. до н.э.). В ней также описывается некое идеальное место для жизни, описание почти совпадает с Горациевым. В центре — изложение идеи о круговороте времен и возвращении, вместе с новым племенем людей («золотого рода»), Сатурнова царства. Особенно знаменитой сделал эклогу рассказ о рождении чудесного младенца. Не исключено, что разумелось поколение людей, которое будет жить в новом веке. В литературе можно найти сотни толкований и предположений о личности младенца: от сына Азиния Поллиона до Августа и даже Иисуса Христа. Большая их часть представляет интерес лишь как примеры рецепции античного мотива. В данном контексте важно другое: стихи Вергилия позволяют судить о настроениях общества, которое устало от неурядиц, насилий и войн; истосковалось по какой-то позитивной перспективе. Люди ждали чуда, которое в корне изменило бы их жизнь.

С мечтаниями о Сатурновом царстве, проникнутыми верой в невероятное, должны были рано или поздно соединиться римские исторические предания о «древней республике», которая процветала благодаря «нравам предков». Решающие шаги к такому синтезу идей могли быть сделаны Варроном и другими антикварами (см. раздел VI.1), которые изучали религиозные мифы, исторические предания, описывали «дела человеческие» и «дела божественные», исследовали происхождение и обычаи Римского народа. Они считали необходимым и возможным оздоровление Италии путем улучшения сельского хозяйства, возрождения крестьянства и древних нравов.

Первые явные признаки объединения мифа о Сатурновом Золотом веке с преданиями о римском прошлом встречаются у Вергилия. Особенно важны мысли, изложенные во II книге «Георгик» (после 37 г. до н.э.). Трижды

²⁹⁶ Подобные настроения отражены также в эклогах Вергилия. О панических настроениях и массовом бегстве из Италии после битвы при Филиппах сообщает Кассий Дион (Dio LVIII. 3, 13). Подробнее см.: Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи... Кн. I. С. 80 слл.

блаженна жизнь простых италийских селян, достойны их труд и человеческие качества (Verg. georg. II. 458–474)²⁹⁷. Италия характеризуется как «Сатурнова земля» (*Saturnia tellus* — georg. II. 173) — ведь бог вел здесь образ жизни крестьянина (ibid. II. 536 sqq.). Она превосходит по красоте, плодородию почв, благоприятному климату, иным природным богатствам другие страны, здесь же рождаются крепкие, закаленные мужи — ее опора. Некоторые описания Италии содержат всё те же признаки мифологических «островов блаженных»: обилие хлеба, вина, стад; отсутствуют ядовитые травы, хищники, змеи. Эти качества унаследованы Италией от Сатурнова века (Verg. georg. II. 136–176, 459).

В эпической поэме «Энеида» (29–19 гг.) Вергилий сформулировал концепцию сбывшегося Золотого века. Обсужденный с Меценатом первоначальный замысел написать поэму об Августе Вергилий осуществить не мог. Фальшиво петь он не умел, хотя способности позволяли подобрать контрапункт к любой теме. «Энеида» зазвучала так, какой она только и могла получиться у гения, вдохновленного величием родины и осознавшего ее непростую судьбу. Эта судьба и стала главной темой великого эпоса. Уже в первой книге Юпитер предрекает славное будущее Рима, включая краткое описание правления Августа (Verg. Aen. I. 254–296). Высокое предназначение Рима было предопределено постоянным вниманием олимпийских богов, от которых происходили его основатели. Вначале Эней, сын Анхиза и Афродиты (Венеры), и его сын Юл — основатель рода Юлиев, к которому принадлежал по усыновлению и Август. Затем — основатель Города Ромул, который вместе со своим братом-близнецом был рожден от Марса. После многочисленных приключений римляне, «племя владык», по воле Юпитера одолеют всех врагов. Цезарь (т.е., Император Цезарь Август), происходящий от троянцев, овладеет всеми землями до Океана и установит долгожданный мир.

*Век жестокий тогда, позабыв о сраженьях, смягчится,
С братом Ремом Квирин, седая Верность и Веста
Людям законы дадут; войны проклятые двери
Прочно железо замкнет...*

(I. 290–294, перевод С. Ошерова)

²⁹⁷ Это описание Вергилия коррелирует с характеристикой Варрона (Varro, rust. III. 1. 5). Сочинение Варрона могло быть сознательно направлено на поддержку широкой колонизационной политики Августа. Так же Вергилий не пытался скрыть, что посвящает «Георгики» Меценату (georg. III. 41 etc.), в кружок которого он к этому времени вошел. Ю. Г. Чернышов приводит подобные пассажи в пользу обосновываемой им мысли о переходном характере «Георгик»: от IV эклоги с предсказанным скорым наступлением Сатурнова царства — к «Энеиде», с ее картиной осуществленного Золотого века (ук. соч. I. С. 110–113).

В конце шестой книги, в пророчестве Анхиза Энею, данном в присутствии Сивиллы, кратко излагается история Рима, содержащая деяния царей и славных мужей времени Республики (VI. 753–859). В числе потомков Юла Эней указывает на Августа, предрекая, что тот вернет в Лациум, где некогда правил Сатурн, «золотые века» (VI. 792 sqq.): *Augustus Caesar divi genus aurea condet saecula...*

Трудно сказать, насколько идея об осуществившемся Золотом веке была продуктом поэтического творчества Вергилия и насколько — конструктом политического штаба Августа. Несомненно, у основателя принципата были основания подводить итоги первого десятилетия «восстановленной республики». Достигнув важных успехов, необходимо было их подкрепить, преподнеся в выгодном для себя свете. Слова Вергилия могли быть поэтическим переложением некоторых выводов, сделанных на Палатине.

Проведение Секулярных игр совпало по времени с важными событиями в фамилии принцепса. Таковым было рождение в 17 г. второго сына Агриппы от дочери Августа Юлии — Луция Цезаря. Тогда он, вместе со старшим братом Гаем, был усыновлен Августом²⁹⁸. Точные даты, даже месяцы событий, вызывают разногласия среди исследователей. Согласно сообщению Кассия Диона (Dio LIV.18), после усыновления внуков Август назначил праздник в честь богов *Honor* и *Virtus*, а затем, согласно оракулу Сивиллы, были проведены Секулярные игры. Имеются данные о том, что первое решение сената по этому поводу было принято в конце марта²⁹⁹. Связь между указанными событиями не исключается, но вряд ли можно говорить о их жесткой детерминированности. Такое тщательно готовившееся событие, как наступление Нового века, не могло быть обусловлено только семейными обстоятельствами. Для Августа появление внука было событием значимым прежде всего в связи с интересами государства. Они стояли у него на первом месте³⁰⁰.

В течение 10 лет после урегулирования 27 г. до н.э. государственное здание было подведено под крышу и выглядело внушительно и прочно. В Городе, Италии и империи царило спокойствие. Установление мира было символически подчеркнуто закрытием храма Януса³⁰¹. Принцепс и император пользовался неоспоримым авторитетом у сограждан и властью над армией. Верный соратник Агриппа, также обладавший проконсульским империем и трибунской властью, был дополнительной опорой режима. Двое его детей,

²⁹⁸ О них см.: PIR2 J 216 (Gaius Caesar), 222 (Lucius Caesar); Kienast D. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt, 2010⁴. S. 75, cf. S. 65.

²⁹⁹ Обзор точек зрения см.: Strothmann M. Augustus. S. 50 ff.

³⁰⁰ Требуемое до бескомпромиссности отношение Августа к обеим Юлиям: дочке, а позже и к внучке — лучшее тому свидетельство.

³⁰¹ О религиозном значении закрытия храма Януса, что считалось важной предпосылкой наступления «нового века», см. в разделе VI. 2.

усыновлением введенных в фамилию Цезарей, давали надежду на стабильность в будущем³⁰².

Незадолго до проведения игр, как и накануне «урегулирования» 27 года, Август предпринял не совсем простые, но по-видимому, оказавшиеся необходимыми шаги. Процедура «чистки» сената вызвала недовольство выбывших, но цель была достигнута — новый состав обеспечил принцепсу надежную поддержку. Обоснованием мероприятия было возвращение этому органу «достоинства», чему служило и введение ценза (Dio LIV. 13 sq.). В том же русле находились первые принятые тогда законы о браке и семье. Они вызвали такое противостояние, что принцепс вынужден был приходить в курию с пододетым под одежду панцирем (Suet. Aug. 35. 1).

И все же усилия Августа приносили плоды. Исследователи отмечают, что после 18/17 гг. происходившее в Риме стало меньше занимать римских авторов. По причине скудости источников и в современных изложениях хронологический принцип с этого года часто сменяется систематическим. «Бедность событиями» объясняется относительной стабилизацией режима в результате реформирования государства³⁰³. Случайно сохранившаяся надгробная надпись этого времени с текстом, известным как «Похвала Турии», передает состояние удовлетворения, когда сообщает: «Круг земель был умиротворен, республика восстановлена, тогда нам было даровано спокойное и счастливое время»³⁰⁴.

Пришло время громко объявить об успехе, лишив почвы ненужное брожение умов. Мечтания и чаяния хороши до определенного момента. Куда ещё могли завести разговоры о «Золотом веке» и прочие опасные прорицания? Было решено изгнать представителей «чуждых» культов, уничтожить «лишние» тексты с пророчествами. Но необходим был и мощный позитивный сигнал. Следовало ясно сказать: мечты сбылись, настали мирные будни, ничто не мешает созидательному труду. Всем еще сомневавшимся в стабильности римской власти, в дальней провинции и на передней скамье в курии, следовало усвоить, что новый режим — на века. Пришло время радоваться миру и безопасно наслаждаться благополучием.

³⁰² Кассий Дион указывает, что усыновления Гая и Луция Цезарей, которые рассматривались как указание на будущих наследников, уменьшало риск покушений на Августа (о LIV. 18. 1). Обсуждение см.: Kienast D. Augustus. S. 115 mit Anm. 122.

³⁰³ Д. Кинаст говорит о подавлении оппозиции (Kienast D. Augustus. S. 118 f.). На наш взгляд, сам тезис о наличии организованной оппозиции Августу и его режиму нуждается в проверке. См. раздел IX.4.

³⁰⁴ Laudatio Turiae II. 25: *pacato orbe terrarum, restituta re publica queta deinde nobis et felicia tempora contigerunt*. О том, что это настроение мужа Турии было созвучно официальной идеологии, говорит надпись на выпущенной в 16 г. до н.э. монете: *per eum res publica in ampliore atque tranquilliore statu est* (Mattingly H. Roman imperial coinage. Vol I. Augustus to Vitellius. L., 1966, cf.: Yavetz Z. Kaiser Augustus. S. 114 n. 54. *O laudatio funebris* см. далее, раздел VIII.6 с примеч. 103).

Ярким, запоминающимся событием должны были стать Секулярные игры. Они как нельзя лучше символизировали смену времен, дав толчок к переориентации общественного мнения. Неслучайно по сенатскому эдикту к Секулярным играм допускались, в качестве исключения, даже холостяки, лишенные права посещать общественные зрелища по законам о браке (CIL VI. 32323. S. 50 f.). Для привлечения зрителей свободному населению Рима заранее раздали факелы, чтобы обеспечить участие максимального числа людей также в ночных ритуалах.

Торжества спланировали на основе тщательного изучения древних записей, с привлечением компетентных экспертов и советников: антикваров, представителей жреческих коллегий и юристов. Были заново переписаны (при этом частью отредактированы, а частью реконструированы по сохранившимся фрагментам) Сивиллины книги³⁰⁵. Важную роль в «правильном» подсчете и обосновании даты, а также в выработке ритуала сыграл тогда еще двадцатилетний Гай Атей Капитон, будущий известный юрист (Zosimos II. 4. 2). Отправной точкой для разработки сценария послужили сведения о Тарентинских (Терентинских) играх. По преданию, в древние времена некоему Валезию, который хотел спасти своих детей от мора, боги посоветовали отправиться под парусами вниз по Тибру и далее по морю в Тарент, греческую колонию на юге Италии. Там следовало принести жертвы Дис Патеру (*Dis Pater*) и Персефоне³⁰⁶. Попад ночью на Марсово поле, он дал воды жаждущим детям, которые чудесным образом исцелились. В благодарность Валезий установил три ночи жертвоприношений и празднеств. Место в северо-западной части Марсова поля, где это случилось, называли Тарент (*Tarentum* или *Terentum*). На этом месте, где находился алтарь Дис Патера и Персефоны, и было решено устроить Секулярные игры³⁰⁷.

Август расставил новые смысловые акценты. Раньше центр тяжести лежал на очищении. Этому были посвящены ночные жертвоприношения зловещим богам подземного мира. Основным был ритуал искупления, расставания со старым веком, отягощенным проклятием вины. Следовало возратить благоволение богов.

³⁰⁵ Это был первый шаг к цензуре пророческой литературы (о сожжении документов времени второго триумvirата см. в разделе III.5 с примеч. 168). Второй был сделан после вступления в должность великого понтифика в 12 г. до н.э., когда Август велел собрать и сжечь все пророческие книги, греческие и латинские. Их происхождение неясно (Штаерман Е. М. Социальные основы... С. 164). Книг оказалось более двух тысяч. Отобрана была только часть Сивиллиных книг. Они хранились в храме Аполлона Палатинского (Suet. Aug. 31. 1). См. также раздел VIII.8 о библиотеке храма Аполлона.

³⁰⁶ *Dis (Dives) Pater* — «богатый отец», соответствовавший греч. Плутону. *Proserpina* — примерное соответствие греч. Персефоны, богини подземного царства и плодородия.

³⁰⁷ Zosimos, *historia nea* II.6 (опакул), 11. 1–3; Val. Max. 11. 4. 5. См: Pighi G. B. *De Ludis saecularibus Populi Romani Quiritium*. Mailand, 1941, Amsterdam, 1965². Cf.: Price S. R. F. *The place of religion* // *CAH*² X. P. 834; Beard etc. *Religions*... P. 201–206.

Игры 17 года также обозначали границу между прошлым и будущим, но ударение было сделано на новом веке. Ритуал очищения рассматривался как подготовка к наступающей счастливой эре. Даже роли богов были распределены в соответствии с замыслом Августа иначе, чем на Тарентинских играх. Дис Патер и Прозерпина, которым посвящались Тарентинские игры, даже не упоминались. На их место пришли богини Судьбы — Парки (греч. Мойры), богиня рождения Илития (*Eileithyia*) и Мать Земля (*Terra Mater*). Земля — символ плодородия, которое было одной из важнейших характеристик мифического Золотого века. Она играла особую роль во всей вновь созданной мифологии Августова века. Мать Земля — Италия, порождающая изобилие и славных мужей, была изображена также на *Ara Pacis* — Алтаре Августова мира (см. раздел VIII.4). Плодородие и изобилие олицетворялись также участвовавшими в Секулярных играх матерями, каждая из которых символизировала один из предстоящих 110 годов, а также хорами мальчиков и девочек.

Поскольку в центре оказались дневные торжества, то наряду с Юпитером и Юноной важное место в ритуале занял Аполлон и с ним другие члены палатинской триады — Диана и Солнечный бог, которые в предыдущих играх, скорее всего, вообще не фигурировали³⁰⁸. Ночные жертвы приносились на Марсовом поле, а дневные — на Капитолии; в последний день на Палатине — Аполлону, покровителю императора³⁰⁹.

Возглавлял весь церемониал сам принцепс, как один из четырех председателей коллегии квиндецемвиров. Он проводил ночные жертвоприношения, которые служили очищению государства от скверны прошлых грехов. Вместе с Агриппой Август руководил дневными церемониями, которые должны были обеспечивать светлое будущее³¹⁰. Каждая их молитва, посвященная Римскому народу, завершалась традиционной формулой: «За меня, мой дом и мою фамилию», что приобретало особое звучание после усыновления Августом сыновей Агриппы. Отдельная просьба богам о покровительстве потомку Анхиза и Венеры в Секулярном гимне также не оставляла сомнений по поводу центрального персонажа ритуала.

Основные идеи празднеств и характеристика наступающего века были сформулированы в «Секулярном гимне» (или: «Секулярной песне» — *carmen saeculare*). Гимн был заранее заказан Горацию самим принцепсом³¹¹.

³⁰⁸ См.: Kienast D. Augustus. S 225. Подробно о ходе проведения ритуалов, жертвоприношениях и играх: Pighi G. B. De Ludis... P. 275–365.

³⁰⁹ Реконструируемый на основе сохранившейся надписи порядок жертвоприношений: 1 ночь (с 31 мая на 1 июня) 9 овец и 9 коз мойрам, 1 день — 2 быка Юпитеру Величайшему, 2 ночь — 27 печений Илитии, 2 день — 2 коров Юноне Регине, 3 ночь — беременную свинью Матери Земле, 3 день — 27 печений Аполлону и Диане.

³¹⁰ RG 22.2; Suet. Aug. 31. 4; Dio LIV. 18. 2. Официально Агриппа был рядовым членом коллегии квиндецемвиров.

³¹¹ По мнению Цви Явеца, в этом произведении Гораций, «после долгих лет сомнений, стал полностью на службу Августу и сочинил то, что тот хотел услышать» (Yavetz Z. Kaiser Augustus... S. 114 f.).

Илл. VI.10. Август раздает народу
благования во время Секулярных
торжеств

Он исполнялся в третий, заключительный день празднеств хором в составе 27 мальчиков и такого же количества девочек из знатных римских фамилий. По-видимому, его пропели дважды: на Марсовом поле и на Палатине. Ода Горация перекликается с некоторыми темами пророчества Анхиза в «Энеиде». Но как бы это ни казалась странным, в «Секулярном гимне» мы не находим развернутой характеристики наступающего «века». Вместо пафоса — обычные мольбы к богам об урожае зерна и других плодов земли, о приплоде скота. Славятся Аполлон-Феб и Диана, а также Солнце, которое призывается всегда быть благосклонным к Риму (1–9). Обращение к паркам содержит просьбу продлить прежнее счастье в «новые века» (25–28). Далее — обращение к богине родовспоможения (?) Илитии (другие имена: Луцина и Гениталия). Илитию, кроме выполнения основной функции, призывают умножить род (римлян) и принести успех законам, которые призваны поднять деторождение (13–20; повторяется в стихе 47). Далее следовала молитва о внушении детям честного нрава (45). Для Августа — именуемого потомком Венеры и Анхиза, — исполнение всех его молитв, также, в частности, военных успехов. Благодаря ему власть Рима простирается вплоть до Индии (49–56). В Рим возвращаются добродетели: верность/*fides*, мир/*pax*, достоинство/*honor*, стыдливость и порядочность/*pudor*, доблесть/*virtus* (57–58), с ними вместе должно вернуться изобилие (59–60). От Феба ожидается исцеление в тяжких недугах (63–64), продление навеки мощи Рима, конечно и военной (66–67), новое счастье Лация из года в год (67–68).

После трех дней и ночей, когда были выполнены основные ритуалы молитв и жертвоприношений животных богам, последовали еще 7 дней празднеств с представлениями на латинском и греческом языках и организованными Марком Агриппой состязаниями колесниц. По распоряжению сената в память о Секулярных играх были выбиты надписи на бронзовой и мраморной досках на месте проведения игр (*commentarium*). Вторая, частично сохранившаяся, является для нас важным источником (CIL VI. 32323; Schnegg-Köhler B. Die augusteischen Säkularspiele. S. 16 ff.).

Секулярные торжества возвещали приход нового века. Но мы не найдем упоминаний о Золотом веке — ни в *commentarium*, ни в Секулярном

гимне. Гораций, в отличие от Вергилия, данное выражение по отношению ко времени Августа вообще не применял. Но это не значит, что идея смены веков вообще была исключена из замысла Августовых Секулярных игр³¹². Да, принцепс не говорил о начале Золотого века. Это означало бы сопоставление себя с Сатурном, который был божеством, царем, причем еще и деспотом. Кроме того, было известно, что «веку Сатурна» (*Saturnia regna*) соответствовало иное, золотое поколение людей. Август достаточно хорошо знал своих современников, чтобы не строить на сей счет никаких иллюзий. Он предпочитал говорить о «новом веке». Избегая даже намеков на царскую власть, Август претендовал на роль мудрого учредителя законов и государства вроде Ликурга, Солона и Ромула с Нумой вместе взятых (сравн. раздел IV.9). Основатель «восстановленной республики», отказываясь от вызова Сатурну, надеялся, что его время будет называться «Августовым веком»³¹³.

Нежелание Августа заявлять о наступлении Золотого века совсем не означало отказа от концепции смены веков как таковой. С Секулярными торжествами ассоциировались идеи и представления, шедшие из разных источников и относившиеся к различным уровням сознания и общественной психологии. Политическая идеология использовала их, не пытаясь привести в некую логичную систему. Скорее наоборот, важнее был неверифицируемый, но оттого не менее действенный набор штампов, опиравшихся на глубоко укорененные представления (вплоть до архетипов). Учение о смене веков разрабатывалось античными мыслителями, но коренилось уже в мифологиях народов Средиземноморья. Оно было важной составляющей частью исторических представлений. В соответствии с ними, наступление «нового века» не предвещало, как можно было бы думать в новое время, прорыва в светлое будущее. Максимум, о чем вообще можно было мечтать — возвращение к наилучшему состоянию. Наилучшим был первый, Золотой век (*aurea saecula*). Тогда жили люди золотого поколения³¹⁴. Последующие приносили лишь ухудшение и пор-

³¹² На отсутствии идеи смены веков в концепции Августовых Секулярных торжеств настаивает в своей работе Б. Шнег-Кёлер (Schnegg-Köhler B. Op. cit. S. 10 f. etc.).

³¹³ Представления о счастливом времени Августа начали распространяться уже при его жизни. См.: Hor. carm. IV. 15. 4 (*aetas Caesaris*), cf.: RG 13 (где сам Август выделил время от основания города до его рождения — *prius quam nascere*; наряду с указанием на период его первенства в государстве — *te principe*); Suet. Aug. 100.3 (предложение в сенате именовать время от рождения до смерти «веком Августа» — *saeculum Augustum*). Сравн.: Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи... II. С. 26. Существенно замечание Штротманн, что переименование в честь вступления в первое консульство месяца секстилия в август, которое произошло в 8 г. до н.э., показывает, что тогда ещё не пришло время отмечать таким образом месяц рождения принцепса — сентябрь (после смерти было предложение перенести название «август» на сентябрь — Suet. Aug. 100.3). См.: Strothmann M. Augustus... S. 71 f. cf. Kienast D. Augustus. S. 225 ff.

³¹⁴ Гесиод говорит не о веках, а о поколениях людей: золотое, серебряное, бронзовое, героическое, железное (Hes. 106–201). У Овидия речь уже об одноимённых веках, без героического (Ovid. met. 89–150).

чу. По представлениям этрусков, насчитывалось по крайней мере десять веков различной длительности, от ста лет и более³¹⁵. Согласно распространенным в рассматриваемое время стоическим представлениям, мир, прожив определенное количество веков, самовозгорался, а затем рождался вновь³¹⁶. Такое превращение не входило ни в планы Августа, ни его современников. В Августовой мифологии речь шла о смене *saecula* в рамках одного цикла.

«Новый век» мог быть хорош лишь постольку, поскольку он приблизился к Золотому, по крайней мере, к одному из первых в цикле. При вхождении в новый век самым важным было перенять, восстановить древние традиции, законы. Эта установка хорошо сочеталась с кругом идей, относившимся к «восстановительной» программе. «Новый век» мыслился как максимально возможное приближение к Золотому веку Сатурна, но не был ему тождественен³¹⁷. В соответствии с этим, установления, законы и нравы «восстановленной республики» должны были ориентироваться на обычаи предков (*mores maiorum*).

Говоря о культурном обновлении, П. Цанкер справедливо подчеркнул органичность всех мероприятий, которые осуществил Октавиан-Август в течение первых пятнадцати лет своего единоличного правления. При этом суть преобразований была настолько близка общественным настроениям, что принцепсу достаточно было лишь указать направление и намечать последовательность шагов. Все знали, что болезнь лежала в области религии и морали, но только Август решился лечить ее политическими методами. Можно лишь удивляться, пишет Цанкер, с какой «естественностью, почти наивностью», он осуществлял свои действия, пока счел возможным провозгласить наступление нового века. Благодаря внутреннему оздоровлению Италия вновь стала благодатным краем, какой хотел видеть ее Вергилий — «землей Сатурна» (*Saturnia tellus*)³¹⁸. Началась новая, счастливая эпоха, когда должны были реали-

³¹⁵ Десятый век упоминает Сервий: Serv. bucol. IV. 4. См.: Radke G. Saeculum // KP. Bd. 4. Sp. 1492. Наступление последнего, десятого века, предрек в 44 г. Вулций (Serv. bucol. IX. 46) См.: Schnegg-Köhler B. Op. cit. S. 245 mit Anm. 1; Kienast D. Augustus. S. 216 mit Anm. 45, S. 224 Anm. 66.

³¹⁶ Стоические представления о периодическом самовозгорании мира передает Филон («О вечности мира»), они были известны уже Цицерону (Cic. rep. VI. 23 sq.) и римским стоикам, включая Сенеку. См.: Heckel H. Zeitalter. // NP. Bd. 12. Sp. 706–709. Греческое учение об Эоне как о времени, эпохе и вечности, включающей периодические превращения, берет начало в древнейших представлениях разных народов. См.: Fauth W. Aion // KP. Bd. I. S. 185–188; Zuntz G. Aion, Gott des Römereiches. Heidelberg, 1989. Bes. S. 56 ff.

³¹⁷ Здесь, по-видимому, и следует искать причину отсутствия упоминания о Золотом веке в Секулярном гимне. Это не исключало желательности ассоциирования *saeculum Augustum* с *saeculum aureum* «в сознании римлян». Сравн.: Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи.... II. С. 13 сл.

³¹⁸ Verg. georg. II. 136–175, в частности, 173. Сравн. изображение Италии на алтаре Августова Мира (раздел VIII.4). В силу изложенных ранее соображений мы предпочитаем употребляемому Цанкером определе-

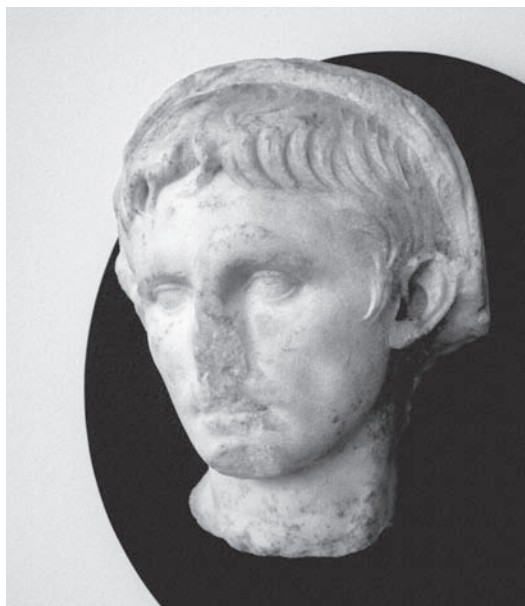
зоваться нераздельные религиозные и социально-политические народные чаяния. Все они оказывались так или иначе связаны с именем Августа: *pax Augusta*, *res publica restituta*, *leges Augusti*, *aetas Caesaris*, *saeculum Augustum*. В этот ряд входили также личный покровитель принцепса бог Аполлон, а в повседневной жизни — *Genius Augusti*, *lares Augusti* — и целый ряд других понятий и образов складывавшейся в то время императорской идеологии. В этом круге представлений формировался и культ императора.

Секулярные торжества 17 г. до н.э. стали важной вехой в формировании идеологии принципата. То, что раньше декламировалось элитарными поэтами, было отпраздновано всеми согражданами. Игры произвели должное впечатление³¹⁹. Новая мифология нашла свое место в сознании современников. Всё стало на свои места: *Res publica restituta* — наследница «республики предков», *optimus status* — усовершенствованная «смешанная конституция», *saeculum Augustum* — реальное подобие Золотого века.

нию «Золотой век» выражение «Новый век». Цанкер указывает важнейшие шаги Августовой политики обновления: религиозное обновление (*pietas*), осуществление программы общественных построек (*publica magnificentia*), возрождение римской доблести (*virtus*) в результате Парфянского похода, законодательство, направленное на моральное обновление. «На этом внутреннее оздоровление было завершено. Ничто не стояло более на пути Золотого века. Это было так просто» (Zanker P. *Augustus und die Macht...* S. 107 f.).

³¹⁹ Представление о наступлении нового счастливого века подкреплялось самыми различными средствами письменной и художественной выразительности. Так, с этого времени в провинциях уделяется особое внимание календарям. Распространяется обычай делать официальные надписи золотыми буквами. Также появляется новая модификация портрета Августа (тип Секулярных игр). См.: Alföldi G. *Augustus und die Inschriften: Tradition und Innovation* // *Gymnasium*. Bd. 98. 1991. S. 289–324; Grimm G. *Porträts der Triumphviren* // *MDAI(R)*. Bd. 96. 1989. S. 361 f.; Cf. Strothmann M. *Augustus*. S. 46 f., 49 f., 71 f.

vii. Самопрезентация нового режима: слово и образ

Илл. VII.1. Портрет
Августа

1. Пропаганда, риторика или общение с подданными? – 483
2. «Свобода» или «республика»? – 490
3. «Авторитет» с добродетелями на золотом щите – 498
4. Имена, добродетели, титулы принцепса и императора – 507
5. “*Res gestae divi Augusti*”: время создания и содержание – 520
6. От пропагандистской перепалки – к манифесту Отца отечества – 526
7. Эффект присутствия: портреты правителя – 530
8. Статуя из Прима Порта и Августова гемма – 542
9. Свидетельства монет: Кесарю – Кесарево, сенату – «почёт» – 548

VII.1. Пропаганда, риторика или общение с подданными?

Использование слова и образа для достижения определённого политического эффекта известно в Риме с давних времён. Религиозные праздники и ритуалы, постройки, помпы, триумфы и другие церемонии использовались как средства коммуникации и сплочения общины. Античные писатели не обошли вниманием также приёмы самопрезентации, пропагандистские акции и политические жесты первых принцев. К сожалению, современники не считали необходимым объяснять то, что казалось им естественным, а более поздние авторы порой уже и сами не понимали смысл тех или иных актов, вкладывая в них появлявшиеся в следующие десятки и сотни лет новые смыслы. Поэтому значение отдельных поступков, слов, образов, жестов, знаков требуют расшифровки и объяснения¹.

Вернемся к сцене «медлительности» (*cunctatio*) Тиберия в 14 г.² Приведём здесь три версии объяснения, данные еще в античности. (1) Как «самую бесстыдную комедию» трактует поведение Тиберия Светоний. Примерно так же оценивает процедуру перехода власти к Тиберию Тацит. Историк рассматривает отказы Тиберия принять власть как проявление хитрости и двоедушия: фактически наследник уже держал в своих руках важнейшие нити государственного управления, демонстрируя свою нерешительность только в сенате. Истинные мотивы, пишет Тацит, обнаружились лишь впоследствии: Тиберий хотел глубже проникнуть в мысли и намерения знати, чтобы исполь-

¹ Для данной работы особенно полезны оказались два исследования, посвященные анализу социальной семантики римской повседневной и политической жизни: Кнабе Г. С. Древний Рим: история и повседневность; Flaig E. Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom. Göttingen, 2003 (2004), а также: Bleicken J. Augustus. S. 509–540; Gowing A. Empire and Memory. The representation of the Roman republic in imperial culture. Cambr., 2005 etc. Интересные подходы к данной проблематике можно также найти в сборнике: Власть и образ: очерки потестарной имагологии. Отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010 с вступительной статьей М. А. Бойцова «Что такое потестарная имагология?» С. 5–37. Помещенный там же содержательный доклад И. С. Свенцицкой носит отпечаток «пропагандистского» подхода (о чем говорится далее): Свенцицкая И. С. Знаки власти в изображениях римских императоров // там же. С. 106–109.

² См. раздел V.7, где эта ситуация рассматривается в контексте вхождения Тиберия во власть. Там же указания на литературу о «республиканизме» Тиберия (примеч. 177 сл.).

зовать это затем для обвинений. (2) Но даже Тацит вынужден признать, что принцепс действовал в соответствии с ожиданиями римского гражданства. «Тиберий все же считался с общественным мнением и стремился создать впечатление, что он скорее призван и избран волей народной, чем пробрался к власти происками супруги принцепса и благодаря усыновлению старцем»³.

Другую трактовку (3) дал современник и очевидец событий Веллей Патеркул. Он использует образ театральной сцены, в которую превратилось все государство. На ней «сенат и Римский народ сражались с Цезарем, добиваясь, чтобы он наследовал отцовское место». Тиберий, с целью спасти гибнущее без его попечения государство, уступил. По Веллею, он был единственным, «кто отказывался от принципата едва ли не дольше, чем другие бились с оружием, чтобы его захватить»⁴. Современник, хорошо осведомленный в деталях, не пытался скрыть театрального характера всего действия, но оценивал его позитивно.

На наш взгляд, самый важный политический мотив содержится во втором объяснении Тацита. В сущности, на ходу создавалась процедура передачи власти. Наследовать положение принцепса, основанное на личных заслугах и качествах, было невозможно по определению. Тиберий не обладал авторитетом, сравнимым с Августовым. Установления, подобного «Закону о власти Веспасиана»⁵, еще не было, выборы или голосование в сенате исключались (это было бы возвращением ко времени смут). Необходим был ритуал, который бы легитимировал приход к власти нового принцепса. Ориентиром послужило заседание сената 13 января 27 г. до н.э. с отказом Октавиана от полномочий (*recusatio*), за которым также последовали просьбы сената и «вынужденная» уступка правителя.

Последующими шагами в легитимации римских принцепсов становилась присяга преторианской гвардии и легионов, желательной была также аккламация народного собрания. В целом, Тиберий и его преемники играли по правилам, определенным основателем принципата, пусть и в меру своих скромных артистических способностей (а потому подчас сильно переигрывая). Комплекс осуществлённых мероприятий, на языке политических символов того времени, должен был обозначить делегирование власти сувереном — Римским народом (с сенатом и армией) — принцепсу и императору.

³ Tac. ann. I. особ. 7; сравн. 11–13. Перевод А. С. Бобовича. Сравн.: Suet. Tib. 24 sq.; Dio LVII. 1. 1. См. также: Великанова Е. Н. *Initium* принцепса... О «принципате» см. раздел V.1.

⁴ Vell. II. 124. 2. Речь, скорее всего, шла о наделении Тиберия *imperium proconsulare*, неограниченного по времени.

⁵ Lex de imperio Vespasiani (CIL VI 930 = 31207 = ILS 244).

Тиберий действовал в соответствии с идеологией *res publica restituta*⁶. В то же время неуверенные, противоречивые действия эпигона, получившего в готовом виде практически никем не оспаривавшуюся власть, позволяет лучше оценить политическое искусство основателя режима. Август не только не стремился скрыть свое исключительное положение. Он с гордостью подчеркивал собственные заслуги, за которые получал от сената и Римского народа почести, выделявшие его из числа окружающих. Важно было лишь избегать таких слов и жестов, которые бы вызвали отрицательный эффект. На каждом этапе метаморфоз общественного сознания Август действовал в рамках того, что было приемлемо для политически значимых групп населения. Использовались старые, но также изобретались новые формы и способы преподнесения и распространения тех или иных идей. Осторожные, взвешенные меры, наряду с изменениями властных структур и всей жизни общества, вели к постепенным подвижкам в психологии и сознании общества. Так создавались условия для дальнейшего укрепления режима. Приведённый пример показывает, насколько сложным и дифференцированным набором инструментов для воздействия на общественное мнение должен был владеть основатель Империи.

Как далеко продумывались и планировались шаги, направленные на создание имиджа нового режима? Существовала ли определённая концепция, в соответствии с которой формировались лозунги, обозначения, конкретные методы влияния на общественное сознание? Или они возникали как побочные продукты деятельности правительства, были выплесками неконтролируемых проявлений чрезмерного тщеславия императора, продуктами неуправляемого творчества свободных художников, поэтов и других людей свободных профессий? Насколько демонстрации собственных успехов и заслуг согласовывались с идеологией «восстановления республики»? Воспринимались ли они как вызов современным обществом или какими-то его группами? Разумеется, здесь невозможно исчерпывающим образом ответить на все возникающие в ходе рассмотрения вопросы, но поставить их необходимо.

⁶ Тацит приводит и другие примеры отказа от чрезмерных почестей и «республиканского» поведения Тиберия в начале его правления (Тас. анн. I. 72. 1, 75. 1), а Светоний посвящает описанию его «гражданских» поступков и добродетелей в первые два года правления несколько глав (Suet. Tib. 26–38). Г. Кастрициус в трактовке поведения Тиберия усматривает доказательство того, что Римская республика с ее выборными органами и магистратурами продолжала функционировать, с чем вынужден был считаться преемник Августа (Castritius H. Der römische Prinzipat als Republik. S. 59–61). Ритуалу «отказа от власти», который практиковался и после Тиберия, посвящены важные исследования, включая классическую работу Ж. Беранже: Béranger, J. Le refus du pouvoir. Recherches sur l'aspect idéologique du principat // Mus. Helv. T. 5. 1948. P. 178 ff. (= id. Principatus... P. 165 ff.); Huttner U. Recusatio Imperii: Ein politisches Ritual zwischen Ethik und Taktik. Hildesheim etc., 2004; Flaig E. Falsche Bescheidenheit. Die Cunctatio des Tiberius. Ein misslungener Rite de passage // Reinhardt W. (ed.). Krumme Touren. Anthropologie kommunikativer Umwege. Wien etc., 2007. S. 77–105. Краткий обзор проблемы с указаниями на литературу: Kienast D. Augustus. S. 149 f. mit Anm. 235.

Нарративные источники неохотно или тенденциозно освещают интересующие нас аспекты. Письменные документы, постройки, произведения искусства, которые «участвовали» в событиях, могут существенно уточнить и сообщения античных авторов. Объективное и всестороннее исследование проявлений и демонстраций власти в период между смертью Юлия Цезаря и приходом к власти Тиберия становится возможным с накоплением и осмыслением эпиграфического и археологического материала. Этому способствует также развитие методологии и совершенствование инструментария историко-культурологических исследований, сравнительной этнографии, социальной антропологии, социологии, социальной психологии и ряда специальных смежных дисциплин. Новые штрихи в реконструируемой картине Августова правления появились благодаря политическому опыту XX века.

Правомерность использования слова «пропаганда» для характеристики античного общества иногда вызывает сомнение из-за слишком современного звучания. К концу XX века оно оказалось тесно связанным в массовом сознании с политикой тоталитарных режимов. Отчасти так произошло потому, что не только политики (в целях пропаганды), но и историки (с намерением разоблачить тех или иных правителей) и особенно популяризаторы и масс-медиа (чтобы повысить тиражи и завоевать публику) некорректно использовали исторические параллели. Это вызвало естественную реакцию современных исследователей, которые стремятся избежать не только поверхностной модернизации, но и слова «пропаганда». Всё же этот термин, очищенный от спекулятивных наслоений, передает суть дела: целенаправленная деятельность по распространению политических взглядов и установок, имеющая целью воздействовать на массовое сознание⁷. Разумеется, данная деятельность должна рассматриваться в историческом контексте. Хотя термин отсутствовал в римском политическом словаре, латинское происхождение оправдывает его использование⁸.

Кроме пропаганды, в данной главе будет идти речь также о более «мягких» способах влияния на общественное мнение. Выделяются вербальные

⁷ В таком же нейтральном смысле, используется в данной книге термин «идеология». Зародышем идеологии является идея, вырастающая в замысел. Собственно идеология — система в большей или меньшей мере концептуально оформленных взглядов и идей, положенных в основу практической деятельности. В данном случае имеется в виду главным образом политическая идеология (идеология принцепата, реставраторская идеология и т.д.). Идеология — не обязательно нечто застывшее (в этом случае она обречена). Идеология развивается, подпитываясь новыми идеями и получая импульсы от социальной действительности. Пропаганду можно рассматривать как деятельность по распространению идеологии, её внедрению в общественное сознание.

⁸ Propagare — распространять. Другие термины, используемые в современной журналистике, следует использовать ещё осторожнее: «манипуляция общественным сознанием», «промыывание мозгов», «пиар» (PR — public relations) или «реклама». Тем более не соответствует античным реалиям слово «политтехнологии», которое ассоциируется с эпохой технологических революций. Некоторые предварительные замечания см. также в разделе I.8.

(словесные: выступления и тексты) и невербальные (например, произведения искусства, постройки, церемонии, зрелища) методы. Среди них — демонстрация преимуществ данного политического режима и выдающихся качеств самого правителя, презентация достижений, программных положений, лозунгов (идеологии). Разновидностью такого рода деятельности была самопрезентация.

Вопрос о значении целенаправленного идеологического воздействия встал перед исследователями принципата в полный рост в XX веке, когда катастрофические потрясения в различных странах Европы выявили роль недооценивавшихся ранее политических факторов. Исключительное внимание идеологической обработке населения уделял Бенито Муссолини, выступивший в роли эпигона римских императоров. Для грандиозной пропагандистской кампании «дуче» использовал двухтысячелетний юбилей со дня рождения Октавиана-Августа, в частности, развернув в Риме бурную строительную деятельность. Пропаганда, также образная и монументальная, продолжает выполнять важные политические функции. Современные «достижения» заостряют взгляд и на исторические прецеденты.

Август, особенно в популярных публикациях, оценивается как выдающийся мастер пропаганды⁹. В соответствии с концепцией «фасада», под этим углом зрения изучается строительная активность принцепса и его приближенных, чеканка монет, творчество художников и поэтов. В XX веке этот подход был реализован Рональдом Саймом. В его «Римской революции» пропаганде отводилась подчас решающая роль в формировании нового режима¹⁰. Убедительно и остроумно (хотя не всегда доказательно) показывая передержки и обманные маневры Августа, Сайм способствовал пониманию политики современных тоталитарных правительств. На первый взгляд может показаться удивительным, что и в советской историографии принципата Августа прижилась теория «фасада», столь прозрачно намекающая на лживость любой политической пропаганды¹¹. Правда, главным объектом разоблачений были рабовладельцы. Вместе с другими эксплуататорами они должны были безответно принять на себя весь огонь «пролетарской» критики.

⁹ См.: Petersen Th. *PR-Arbeit in der Antike*. München, 2005. Книга, написанная в научно-популярном жанре, посвящена Августу. Разделы, посвященные пропаганде, имеются почти во всех его биографиях и общих трудах.

¹⁰ Syme R. *Roman revolution*. P. 275. Cf.: Millar F. *Style abides*. P. 146, 147 (где, в частности, Ф. Миллар возражает против мнения об эффективности «пропаганды» в императорский период). Необходимо отметить, что впоследствии Сайм пришел к взвешенной оценке роли пропаганды, отметив, в частности, что этот термин «приложим к периоду гражданских столкновений и вражды династов, но менее полезен для описания времени мира и порядка» (Syme R. *The Augustan aristocracy*. Oxf., 1986. P. 439 ff.).

¹¹ См.: МРМА. С. 47 слл., 53 слл., 64 слл. Сравн: Вулих Н. В., Неверов О. Я. Роль искусства в пропаганде официальной идеологии принципата Августа // ВДИ. 1988. N 1. С. 162–173. Эта содержательная статья явно выходит за рамки «пропагандистского» подхода.

Разработанный Р. Саймом обличительный подход проявился в трактовке самых различных источников. С наибольшей полнотой был интерпретирован огромный нумизматический материал. Легенды и изображения на монетах расценивались как эффективное средство «пропаганды» Августа и его режима. Такие авторитетные исследователи, как Г. Маттингли, К. Сазерлэнд, М. Грант утверждали, что император самолично занимался выбором чеканов, которые должны были акцентировать внимание на определенных идеях (к примеру, на его собственных «добродетелях»). Соответственно, монеты оказывали существенное идеологическое влияние на все население Империи¹².

Данная трактовка уже с 50-х годов XX века подверглась критике в работах А. Джоунза и ряда других исследователей. Они склонялись к рассмотрению монет прежде всего как к явлению экономической жизни; в отношении идеологической функции чеканов сегодня используются все более осторожные термины вроде «убеждения» или «общения»¹³. Слово «пропаганда» все чаще бралось антиковедами в кавычки. Это относилось в равной мере к изображениям и легендам на монетах, к архитектурным памятникам и надписям, обнаруженным в разных странах Средиземноморья. И дело не только в «политкорректности» историков принциата.

Новый подход к различного рода памятникам, выработанный в последние десятилетия, заключается в отказе воспринимать их лишь как средство целенаправленного воздействия правительства на пассивное, воспринимающее «пропаганду» население. Монеты и надписи, статуи и камни, алтари и храмы должны рассматриваться также как проявления объективно существовавших настроений, взглядов, позиций тех или иных политических сил и стоявших за ними групп населения. Речь идет об идеологическом процес-

¹² Mattingly H. The emperor and his clients. Sydney, 1948; Sutherland S. H. V. Coinage in Roman imperial policy. L., 1951. Грант указывал, что «автократы XX века» действовали аналогично римским императорам, и «их усилия отражены в зловещей пародии Дж. Оруэлла "1984", в которой описаны портреты "Великого Брата...". Грант сравнивал античные монеты с современными средствами массовой пропаганды. Впрочем, он считал, что усилия принцев были более эффективны и успешны, имея в виду в первую очередь основателя нового режима. И в этом смысле «Итилер... имел чему поучиться... у Августа» (Grant M. Roman history from coins. Cambr., 1958. P. 11, 13, 26). Вряд ли уместное сравнение. В целом «пропагандистский» подход помогает раскрыть существенные особенности режима. См.: Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. Важно только не забывать, что пропаганда — лишь одна сторона сложного процесса политического взаимодействия.

¹³ Jones A. H. M. Numismatics and history // Essays in Roman coinage presented to H. Mattingly. L., 1956. P. 13–33, on p. 15. (Repr. with bibl. addenda of M. Crawford: Jones A. H. M. The Roman economy. Oxf., 1974. P. 62–81); Belloni G. Significato storico-politico delle figurazione e delle scritte delle monete da Augusto a Traiano // ANRW II. Bd. 1. 1974. P. 997 ff.; Levick B. Propaganda and the imperial coinage // Antichthon. 1982. Vol. 16. P. 104–116; Crawford M. H. Roman imperial coin types and the formation of public opinion // Studies in numismatic method presented to Ph. Grierson. Cambr., 1983. P. 47–64 etc. Впрочем, понятие «монетной политики» не вышло из употребления: Sutherland C. H. V. The intelligibility of Roman imperial coin types // JRS Vol. 49. 1959. P. 46–55; id. The emperor and the coinage. L., 1976. P. 96–101; Lo Cascio E. State and coinage in Late Republic and Early Empire // JRS. Vol. 71. 1981. P. 76–86.

се с обратной связью. Так, чеканы времени Августа, с одной стороны, позволяют увидеть, каким хотел представить себя режим, какие идеи и установки распространить; но с другой, поскольку правительство ориентировалось на своих подданных (иногда на определенные группы населения) — то, как воспринимали или должны были воспринимать режим современники¹⁴. Эта, обратная, сторона важна для понимания сущности принципата. Поскольку речь идет не о пассивном зеркале, а об активных политических партнерах, то прочтение «отражения» — перспективная, но непростая задача. Ее решение потребует не меньше усилий, чем дешифровка загадочных языков.

Следует абстрагироваться от одиозного звучания, которое слово «пропаганда» приобрело в XX веке. Изучение конкретных форм влияния правительства на общественное мнение, отдельных памятников и документов, выяснение их политического смысла поможет не только ответить на многие вопросы, но и обнаружить новые важные грани формировавшегося режима. О соотносительной роли отдельных видов идеологического воздействия высказываются различные суждения. По мнению С. Прайса, монументальная скульптура была более важным средством убеждения, чем монеты. Наиболее действенными оказывались публичные ритуалы и церемониалы, связанные с императорским культом¹⁵. Интересные выводы о принципах общения правительства с народом сделала Маргарет Беннер. Исследование языка императорских эдиктов выявило, в частности, стремление Августа править «убеждением», посредством *auctoritas*, а не принуждением и командами, в чем, по мнению автора, проявилось «уважение к свободе управляемых»¹⁶. Значительное влияние на изучение образного языка времени Августа оказали исследования Пауля Цанкера¹⁷.

¹⁴ Wallace-Hadrill A. Image and authority in the coinage of Augustus // JRS Vol. 76. 1986. P. 66–87. В этой статье Уоллес-Эдрилл пытался осуществить синтез двух концепций. С одной стороны, его не удовлетворяет теория «пропаганды». Этому слову при рассмотрению процесса воздействия императора на подданных Уоллес-Эдрилл предпочитает термин «убеждение» — *persuasion*. С другой стороны, он не ограничивается рассмотрением воздействия «снизу вверх», от подданных — к правителю (по аналогии с предназначением некоторых панегириков, к примеру, Плиния Младшего, или од Горация). Второй аспект считает более важным Барбара Левик: «Чеканы предназначены не для публики, а направлены к тому человеку, чей портрет правителя занимает аверс монеты» (Levick B. Propaganda... P. 107). Представляется, автор заходит здесь слишком далеко, тем более, что начиная с 11 г. до н.э. вначале золотые и серебряные, а затем и остальные монеты даже формально выпускались от имени императора (см. раздел VI.11). Можно себе представить, что пользуясь императорской монетой, подданный выражал лояльность по отношению к изображенной на ней персоне. Возможна даже историческая анти-параллель: доноскики времени Тиберия вызвали своих жертв на откровенные разговоры в «присутствии» изображения императора на монете. И все же монеты чеканились не с этой целью.

¹⁵ Price S. R. F. Rituals and power... P. 101. Другие суждения: Yavetz Z. The Res gestae... P. 12–13; Crawford M. H. Roman imperial coin types... P. 47 f.

¹⁶ Benner M. The emperor says: studies in rhetorical style in edicts of early empire. Esp. p. 15, 56–85.

¹⁷ Особую известность приобрело обобщающее исследование: Zanker P. Augustus und die Macht der Bilder. Другие работы указаны в гл. VIII и в «Библиографии».

VII.2. «Свобода» или «республика»?

Август был государственным деятелем, который владел всеми регистрами римской политической культуры и ориентировался в политических идеях своего времени. Это помогло ему найти идеологический стержень своей римско-италийской политики — «восстановление республики». Такой выбор определил направление развития и во многом — характер Ранней Империи. Август понимал, что многое зависит от того, как его шаги будут поняты различными группами населения Рима, Италии и провинций. Поэтому значительные усилия были направлены на презентацию политики *res publica restituta*, важных идей и лозунгов, а также самопрезентацию. Относя Августа к величайшим мастерам пропаганды в мировой истории, не следует путать его политическое искусство с попыткой ввести всех в заблуждение. Стремление донести смысл своей деятельности до широких масс может свидетельствовать об уважительном отношении к своим адресатам.

Важным аспектом этой политики был отбор и применение терминологии. Использувавшиеся слова, как и символы, характеризовали новый режим, называли его действия и обнаруживали намерения. Но их значения становятся понятными лишь в конкретном историческом контексте. Это относится к таким ключевым понятиям, как *libertas*, *res publica*, *auctoritas*, *imperium* и ряду других. Они встречаются в сочинениях ряда авторов, в надписях и на монетах, многократно использованы в «Деяниях» Августа. В употреблении таких слов правительство ориентировалось на восприятие современников, их чувства и представления. Но многие не имеют точных соответствий в новых языках — уже потому, что связаны со специфической природой римского общества.

«Свобода» (*libertas*) была одним из центральных терминов политической лексики Римской республики. Со времени изгнания Тарквиния Надменного она воплощала один из принципов внутриполитической жизни. Патриции, позднее аристократы и нобили соревновались между собой за лидерство в гражданской общине, боролись за высшие должности в Римской республике, определяли ее политику, обогащались, управляя провинциями. Это была «свобода» в понимании знати и олигархии. Они определяли правила политической игры, имея возможность навязывать обществу свою систему ценностей. Остальные граждане («народ», то есть плебс) голосовали, часто в зависимости от обещаний и реальных раздач. Они выступали в качестве инстанции, которая отдавала предпочтение одним нобилям против других. Это была «свобода» для плебса. Она обеспечивала «народу» некоторые привилегии по отношению к негражданам. Желавшие «почета» нобили вынуждены были считаться с «народом», так или иначе завоевывая и покупая

его расположение¹⁸. Для представителей политического класса любая попытка ограничить их привилегии расценивалась как проявление «тирании» и угроза их «свободе». Таковы были альфа и омега политической идеологии, которую до поры до времени разделяли римские граждане¹⁹.

Кризис Республики брал начало в разрушении системы ценностей и представлений, которая лежала в ее основе. Приговор Юлия Цезаря Римской республике²⁰ означал в числе прочего, что он не признавал *libertas* в трактовке нобилитета. Сторонники «свободной республики» ещё не хотели сдаваться — «тирана» убили. Наследнику диктатора следовало определиться со своим отношением к *libertas*. Болезненная тема требовала большого искусства и чувства такта как в период гражданских войн, так и во времена мира. С одной стороны, Октавиан-Август был наследником Цезаря, мстившим за его убийство заговорщикам — сторонникам «свободной республики». С другой, сам он был «восстановителем республики» и её гарантом.

В позиции Августа не было противоречия. Речь шла о различных «республиках». Цезареубийцы и их сторонники хотели возвращения прежней *res publica libera*, в которой сенаторы, особенно нобилитет, распоряжались политикой и ресурсами прежде всего в собственных интересах. В представлении создателей нового режима этот способ правления давно себя скомпрометировал, и «республика» оказалась под угрозой утраты (о чем говорил уже Цицерон). Истинной «республикой», в противоположность этому, должна была стать *res publica restituta*. Принцепс играл в ней исключительную роль, но он действовал во благо *civitas*, всех сограждан. Подразумевалось, что тем самым возвращалась и «свобода» (без своеволия верхушки). При том, что термин был обоюдоострым, Август не хотел уступать смысловое поле *libertas* своим бывшим или будущим противникам. К тому же слово много значило для сенаторов, с которыми принцепс твердо решил сотрудничать.

Красноречивое подтверждение профессионализма принцепса как организатора общественного мнения имеется в “*Res gestae*” — политическом

¹⁸ См.: Смышляев А. Л. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара), cf.: Jehne M. Die Beeinflussung von Entscheidungen durch “Bestechung”: Zur Funktion des ambitus in der römischen Republik // Jehne M. (hrsg.). Demokratie in Rom?... S. 51–76. После «всенародного» голосования у политиков был еще один шанс: итоги голосований подводили магистраты, как правило, также из нобилей. В крайнем случае они могли обнаружить нарушение в процедуре и признать голосование недействительным. Обсуждение вопроса о характере Римской республики см. в разделе III.1.

¹⁹ О понятии *libertas* и её политическом содержании в эпоху Республики см.: Wirszubski Ch. *Libertas...* Camb., 1950. P. 7 ff.; Bleicken J. Der Begriff der Freiheit in der letzten Phase der römischen Republik // HZ. Bd. 195. 1962. S. 1–20; Bleicken J. Staatliche Ordnung und Freiheit in der römischen Republik. Kallmünz, 1972; Brunt P. A. *Libertas in the republic* // id. The fall of the Roman republic and related essays. Oxf., 1988. P. 281–350; Дементьева В. В. «Современная античность и античная современность» (Историография начала XXI в. о греко-римских истоках европейских политических парадигм) // ВДИ 2008. № 3. С. 212–223. О политической системе Римской республики времени ее расцвета см. раздел III.1.

²⁰ Слова Цезаря о никчемности Республики: Suet. Iul. 77. См. раздел III.3.

манифесте и завещании основателя Империи. Своеобразное сочинение открывается описанием начала самостоятельной политической деятельности. Будучи всего лишь девятнадцати лет от роду, юный Цезарь по собственной инициативе и на свои средства набрал армию, с помощью которой вернул свободу государству, подавленному господством некоей клики (*...rem publicam a dominatione factionis oppressam in libertatem vindicavi*). Перед читателем вырисовывается образ спасителя государства чуть ли не мифологического размаха. Задан масштаб событий, и здесь следует искать ключ ко всему посланию основателя принципата, к кому бы оно ни было обращено: к современникам или к потомкам²¹.

Автор повествования — *vindex libertatis* — освободитель, спаситель республики (государства), борец за свободу. Но кто имелся в виду под *factio* (клики)? Спонтанно приходит мысль о «цезареубийцах», которым собирався отомстить юный Октавиан. Но в тот момент они бежали из Италии, к тому же их лозунгом тоже было освобождение республики и возвращение ей свободы. Назвать радикальных республиканцев кликой, подавлявшей свободу, было бы уже слишком грубой передержкой. Не для того Август работал над текстом «Деяний» много лет, чтобы дать себя так легко уличить.

Внимательное чтение вносит большую ясность. Построение предложения не случайно напоминает «Филиппику», где Цицерон, через несколько месяцев после убийства Цезаря, обличал тиранию Антония. И там же, в качестве спасителя свободы римского сената, народа и государства оратор превозносил юного Цезаря (Октавиана)²². Аналогичное выражение встречается и у Юлия Цезаря, что лишний раз подтверждает актуальность идеи «возвращения свободы» в век гражданских смут²³. Лозунг употреблялся слишком часто, и каждый политик использовал его в собственных интересах. «Филиппика» и контекст «Деяний» ясно показыва-

²¹ Первая глава повествует о бурном вступлении Октавиана в политику. Вначале выступив спасителем «республики» как частное лицо (I.1), он получил затем от сената официальные полномочия (2), также чрезвычайные. В заключение народ предоставил ему консулат и утвердил триумвиром (3). Первый консулат, полученный 19 секстилия 43 г., Август особенно ценил, так что при реформе календаря в 8 г. до н.э. этот месяц получил название «август» (Macrob. Sat. I. 12. 35. Cf. Fischwick D. The imperial cult in the latin west. 4 vols. Vol. I. 1987. P. 84; Strothmann M. Augustus... S. 71 f.).

²² Cic. Phil. III. 3–5: *...privato consilio rem publicam... Caesar liberavit*. Сравн.: I. 4, III. 8, IV. 2–5, V. 46, VI. 19. Сравн. Gotter U. Der Diktator ist tot! Politik in Rom zwischen den Iden des März und der Begründung des Zweiten Triumvirats. Stuttgart, 1996; Raaflaub K. Caesar und Augustus als Retter römischer Freiheit? // Baltrusch E. (hrsg.) Caesar. S. 229–262. См. также разделы III.3 слл.

²³ Мотивируя свое вторжение в Италию, Цезарь ссылался не только на необходимость вернуть достоинство изгнанным из Рима народным трибунам, но также высказывал намерение вернуть свободу, подавленную немногочисленной кликой, себе и римскому народу: *ut se et populum Romanum factione paucorum oppressum in libertatem vindicaret* (Caes. civ. I. 22. 5). Об отношении основателя принципата к политическому наследию своего приемного отца см. также раздел IV.3.

ют: речь шла об Антонии и его союзниках²⁴. Октавиан представлял себя в качестве «освободителя». Но слово «свобода» не украсило знамена его правления.

В конечном счете *libertas* не попала в набор политических терминов, характерных для Августова принципата. К. Раафлауб убедительно показал, что начиная с периода второго триумvirата, случаи употребления *libertas*, как и выражения *vindex libertatis*, относятся в основном к освобождению от внешних врагов государства²⁵. И хотя для многих «возвращение республики», восстановление мира и законности связывалось с воспоминаниями о прежней *libera res publica*, сам Октавиан этого не говорил. В «Деяниях» речь о *libertas* идёт только вначале, в 1-й, но не в 34-й главе. Август старался не ставить «свободу» в центр своей пропаганды и идеологии. Довольно рано, с 36 г. до н.э., он начал обращаться к теме «восстановления республики», которая постепенно и заняла центральное место в его программе. Кульминационным моментом было «возвращение республики» на заседании сената 13 января 27 г., как оно и отразилось в 34-й главе “*Res gestae*”.

Можно понять предпочтение Августа. Одно дело — освобождать государство от «внешних» врагов, вроде Антония с Клеопатрой. Совсем другое — заявлять о восстановлении «свободы» после триумvirата. Это было бы равноценно признанию предшествовавшего порядка тиранией — но одним из триумvиров являлся Октавиан. В обещаниях сложить триумvирские полномочия в 36 г. (также в соответствующих заявлениях Антония), как и в 32 г., тоже не говорилось о восстановлении *libertas*²⁶. И в последующем *libertas* не играла важной роли в идеологии принципата Августа. Мы не находим *vindex libertatis* среди восхвалений заслуг и добродетелей принцепса. *Libertas* не встречается среди ключевых слов ни во фрагментах *commentarii de vita sua*, ни, применительно к Августу, в *bios Kaisaros* Николая Дамасского (как *eleutheria*)²⁷. *Libertas* отсутствует и в надписях Августа, и только как редкое исключение попадает среди сотен типов монет.

²⁴ Этот вывод сделал уже Х. Виршубский: Wirszubski Ch. *Libertas*... 1950. P. 104 f. Там же Виршубский подмечает, что фраза Августа “*rem publicam in libertatem vindicavi*” означала «я действовал в интересах «республики» (т.е. ради общего блага) — I worked for the public good. В этом наблюдении (согласимся мы с ним полностью или нет) важна мысль о том, что в традиционной римской системе ценностей «республика» доминировала как принцип приоритета общегражданских интересов. В этом смысле *libertas*, вопреки идеологии оптиматов, оставалась ценностью производной, соизмеряясь с *res publica* (ibid. P. 104).

²⁵ В этом пункте мы присоединяемся к К. Раафлаубу, убедительно объяснившему, почему основатель принципата отказался от *libertas* в пользу *res publica* как важнейшего понятия идеологии режима (Raaflaub K. Caesar und Augustus als Retter römischer Freiheit?, cf.: Raaflaub K. Caesar the liberator? Factional politics, civil war, and ideology // Cairns F.; Fantham E. (eds.). *Caesar against liberty*... P. 35–67).

²⁶ Сравн.: App. b. c. 132; Dio XLIX. 41. 6, L. 7. 1–2.

²⁷ Augustus. Autobiographie (*Commentarii de vita sua*) // Wiegandt D. Augustus... 187–209 (S. 191–215); Nik. Dam. *bios Kaisaros* // FGhR 90 F125–130, где слово *libertas* неоднократно вложено в уста цезареубийц. При том, что ограниченный объем сохранившихся фрагментов не позволяет делать категоричных выводов.

Отсутствие *libertas* в числе ключевых терминов Августова принципата, как и его последующая актуализация при других принцепсах, не может быть случайным. Непростые отношения с этим словом сложились ещё у Юлия Цезаря. После отказа подчиниться решению сената и перехода Рубикона в 49 г. до н.э. он был объявлен врагом «свободы» и государственным преступником (*hostis publicus*). Известно, что одним из принципов политики Юлия Цезаря стала *clementia* — милосердие²⁸. Это была добродетель, подразумевавшая прежде всего милость победителя, щадящего поверженного врага, или господина по отношению к рабу. Прощая побежденных противников, он стремился привлечь их на свою сторону, что во многих случаях и удавалось. Но врагами Цезаря *clementia* была оценена как проявление его высокомерия и стремления к тирании. Поэтому главный идейный противник Цезаря, Катон Утический, предпочел смерть милости тирана, покончив с собой²⁹. Попытки склонить диктатора к восстановлению прежней *libera res publica* после битвы при Мунде (17 марта 45 г.) шансов на успех не имели. После убийства Цезаря заговорщики представляли себя освободителями *res publica* от тирана Цезаря. При Филиппах лозунгом их армии была *libertas*³⁰. Мотив прослеживается по письменным источникам, а также подтверждается монетами. Известен серебряный денарий Брута, описанный Кассием Дионом. На его реверсе был изображен *pileus* — шапка свободы — между двумя мечами и легенда EID MAR («иды марта»). Также сохранился *aureus* Кассия с надписью *libertas*³¹.

В борьбе против Антония, нового «тирана», сенаторы-республиканцы вновь выдвинули лозунг «свободы» (весна 43 г.). Октавиан воспользовался им в борьбе против Антония (см. начало раздела). Но в дальнейшем он по

²⁸ Caes. civ. I. 23. Cf. Att. IX. 7C. 1; Lig. 33 etc. (иначе у М. Гриффин: Griffin M. *Clementia nach Caesar* // Baltrusch E. (Hrsg.). P. 223–228).

²⁹ Plut. Cat. 66. См.: Fehrle R. *Cato Uticensis*. Darmstadt, 1983, bes. S. 278 u. Anm. 178.

³⁰ App. b. c. II. 119; Philippi: Dio XLVII. 43. 1, 39. 1, 42. 3.

³¹ Денарий см. илл. IX. 8. Согласно разъяснению Кассия Диона, Брут хотел тем самым показать, «что он вместе с Кассием дал своей стране свободу». Dio XLVII. 25. Монеты см.: Kent J. P. C. u.a. (hrsg.). *Die römische Münze*. München 1973. Nr. 99 f.; Sear D. R. *The history and coinage of the roman imperators* 49–27 B.C.. L. 1998. Nr. 215–16, 222. Другие монеты Брута и Кассия с *libertas*: Sear D. R. *Op. cit.* P. 120 ff. Nr. 199–202, 206–7, 210, 217–18, 220–26. Обзор монет: Crawford M. H. *Roman republican coinage*. 2 vols. Camb., 1974. Vol. I. Nr. 498–508; Vol. II. Nr. 741. В парижской Национальной библиотеке хранится бронзовое кольцо с изображением фланкированного змеей и мечом портрета Брута над *pileus* (Vollenweider M. L. *Die Porträtgemmen der römischen Republik*. Bd. 1. Katalog und Tafeln. Mainz, 1972. Nr. 27; Sauron J. *Römische Kunst von der mittleren Republik bis Augustus*. Darmstadt, 2013. S. 183, Abb. 171). Кольцо могло прина лежать одному из офицеров Брута. *Pileus* (*pilleus*, *pilleum* etc.) изготавливался из войлока или фетра в форме полушария или колпака. В Риме *pileus* был символом свободы. Его носили как практичный головной убор, но только свободные, раб надевал его при освобождении (см.: Liv. XXX. 45. 5; XXXVIII. 55. 2, cf.: XXIV. 32. 9 etc.). Предполагается этрусское происхождение. В отличие от *pilleus* у фригийской шапки был свешивавшийся вперед остроконечный хохолок. Якобинцы, а за ними и некоторые другие революционеры носили ее, считая римским символом свободы. Эта ошибка нередко повторяется в современной исторической литературе.

ряду причин держал *libertas* на почтительном расстоянии. Примечательно, что Азиний Поллион, всегда сохранявший определенную самостоятельность по отношению к принцепсу, взял на себя восстановление *atrium Libertatis*, устроив там библиотеку³². Не исключено, что так он подтолкнул Октавиана к реставрации храма Юпитера-Освободителя на Авентине³³, а также к основанию Палатинской библиотеки (раздел VIII.8).

Анализируя судьбу лозунга *libertas* и полемизируя с Р. Саймом, Й. Бляйкеном и другими исследователями, которые расценивали *libertas* как важную часть идеологии Августова принципата³⁴, Раафлауб достаточно убедительно показал, что данная категория не играла существенной роли после установления единовластия. Вместо неё на ведущее место выдвинулась задача «восстановления республики». Следует согласиться с утверждением, что «он /Октавиан/ с самого начала решил не восстанавливать республику в той форме, в которой она себя сама разрушила. Вместо свободы «республика» Октавиана-Августа «содержала элементы сильного правления, которые Цицерон в своих сочинениях приписывал мудрому *gubernator* и *princeps*. Любое подчеркивание *libertas* пробуждало бы надежды, которые выходили далеко за рамки того, что Октавиан в интересах как государства, так и собственной персоны, был готов принять. Потому он предпочел в этом отношении просто молчать. Здесь он следовал примеру Цезаря. Как и его приемный отец, Август представил начало своего восхождения к единовластию как борьбу за свободу против ее подавления со стороны *factio*. И как Цезарь, он дал теме уйти и никогда ее более не касался»³⁵.

В последующем *libertas* иногда появлялась в политическом лексиконе императоров, что было связано с чрезвычайными обстоятельствами. Так, свержение Калигулы праздновалось сенатом как свержение тирании, мно-

³² Suet. Aug. 29. 5 — *atrium Libertatis*. Первоначально служил резиденцией цензоров, там хранились документы, начертанные на бронзе (Liv. XLIII. 16. 13; XLV. 15. 5 etc.). Изредка там заседал сенат. Азиний Поллион с роскошью восстановил Атриум за счет иллирийской добычи после триумфа, украсив замечательной коллекцией скульптур. Поллион учредил там первую публичную библиотеку Рима. Эта частная библиотека, в отличие от государственной Палатинской, также состояла из греческого и римского отделений. Библиотека в *atrium Libertatis* была меньше по размеру и содержала сочинения выдающихся писателей. Из современников был представлен лишь Варрон (Plin. n. h. VII. 115, 35. 10, XXXVI. 23–25, 33–34 etc.). См.: Richardson jr. L. A. New topographical dictionary of ancient Rome. 1992. P. 41. О Палатинских библиотеках см. раздел VIII.8.

³³ Iuppiter Libertas / Iuppiter Liber. См.: RG 19; Degrassi 504 (храм освящен Августом 1 сентября, до того был освящен 13 апреля — Degrassi 440). Cf.: CIL. VI. 2295 = 32482. См.: Richardson L. jr., Op. cit. P. 221.

³⁴ Syme R. The Roman revolution. P. 506 f. (по мнению Сайма, Августу удалось взять верх над нобилиями также в идеологической сфере, превратив их лозунг в *libertas Augusti*); Bleicken J. Senatsgericht und Kaisergericht: eine Studie zur Entwicklung des Prozeßrechtes im frühen Prinzipat. Göttingen, 1962. S. 19 etc.

³⁵ В заключение Раафлауб почему-то заявляет, что причины, по которым Август отказался от лозунгов, связанных с *libertas*, неизвестны (Raaflaub K. Caesar und Augustus als Retter römischer Freiheit? S. 253 f.). На наш взгляд, хотя в источниках нет даже прямых упоминаний об отказе, логика идеологических изменений очевидна.

гие надеялись на возвращение «свободной республики» (*libera res publica*) после «тирании». Но преторианцы при поддержке плебса привели к власти Клавдия. Он велел для острастки казнить заговорщиков и принял меры для укрепления своего положения. На монетах тем не менее появилась надпись *libertas Augusta*³⁶. Так произошла еще одна метаморфоза — Август сделался олицетворением ценности, от которой сам как принцепс явно дистанцировался. Это могло случиться лишь потому, что *libertas Augusta* имела мало общего с таковой Катона, а там более — Брута и Кассия (сравн. раздел 9.7). Во времена Нерона Август рассматривался как образец умеренного, разумного правителя. В сравнении с деспотическими крайностями правлений Калигулы, а затем Нерона или Домициана, его правление воспринималось как состояние «свободы». *Res publica restituta* Августа становилась образцом и идеалом для сенаторов, знакомых с крайностями тиранических правлений³⁷.

Август до конца своей жизни не отказывался от проекта «восстановления республики»³⁸. Словосочетание *res publica* настойчиво повторяется в «Деяниях». В самом начале сказано о возвращении свободы «республике» (RG 1. 1: *rem publicam... in libertatem vindicavi*)³⁹. Чуть далее — о том, что по указанию сената Цезарь (Октавиан) вместе с консулами заботился о том, чтобы «республика» не понесла какого-либо ущерба (*ibid.* 1. 3: *res publica ne quid detrimenti caperet*). В следующем предложении сообщается, что народ избрал его триумвиром для устройства «республики» (*ibid.* 1. 4: *triumvirum rei publicae constituendae creavit*, cf. 7. 1). Август рассказывает, что в двух сражениях разбил тех, кто пошел войной на «республику» (*ibid.* 2: *eos... bellum inferentis rei publicae vici bis acie*)⁴⁰. Примерно в том же смысле говорится о за-

³⁶ Suet. Claud. 10 sqq. Монета: Carson R. A. G., Sutherland C. H. V. (eds.). The Roman imperial coinage. Vol. 1. From 31 B.C. to A.D. 69. L., 1984. Claudius Nr. 97 (p. 128). Возможно, тогда же надпись с *vindex libertatis* появилась на триумфальной арке Клавдия, что предположил А. Бэрретт, основываясь на своем прочтении ILS 216, по аналогии с надписью на арке в Кизике: ILS 1217. Дж. Рич и Дж. Уильямс предположили, что эта формулировка имела своим источником сенатский декрет (Barrett A. A. Claudius' victory arch in Rome // Britannia. Vol. 22. 1991. P. 1–19; Rich J. W., Williams J. H. C. Leges et iura p. R. restituit... P. 186 with n. 59). См.: Levick B. Claudius. Ch. 4.

³⁷ Wickert L. Der Prinzipat und die Freiheit // Symbola Coloniensis. Festschrift J. Kroll. Köln, 1949. S. 111–141 (= Klein R. (ed.). Prinzipat und die Freiheit. 1969. S. 94–135) 1949; id. Princeps (civitatis). Sp. 2080 ff.; Jens W. Libertas bei Tacitus // Hermes. Bd. 84 (3). 1956. S. 331–352.; Kunkel W. Zum Freiheitsbegriff der späten Republik und des Prinzipats // Klein R. (Hrsg.). Op. cit. S. 68–93; Fears J. R. The Cult of virtues and Roman Imperial Ideology // ANRW II. Bd. 17. 2. 1981. S. 874; Noreña C. F. Imperial ideals in the Roman West: representation, circulation, power. Cambr., Mass. etc., 2011. О том, как даже Тацит (невольно) отличал правление Августа от последующих см. раздел IX.3.

³⁸ Другой вопрос, какое место занимала *res publica* в строившейся новой Империи (см. далее главу X).

³⁹ В этом случае говорится о возвращении свободы «республике», угнетенной кликой. Таким образом, речь идет не о *libertas* вообще, но об освобождении от конкретной «тирании». О «Деяниях» как историческом источнике в целом см. разделы I.7 и VII.5 сл.

⁴⁰ Август «забыл», что первое из сражений при Филиппах выиграл Антоний, в то время как сам он потерпел поражение. Имя Антония было тем легче замолчать, что оно было объявлено вне закона (*damnatio memoriae*).

хвате почти 30.000 рабов, поднявших оружие против «республики» (ibid. 25. 1: *servorum, qui... arma contra rem publicam ceperant*).

Согласно хорошо читаемой трактовке Августа (которая здесь и представляет особый интерес), он стремился сохранить не просто «государство» (как обычно переводят *res publica*). Сохранение государства времени гражданских войн до урегулирования 28–27 гг. до н.э. не могло стать предметом особой гордости. Автор подобно Цицерону (см. раздел IV.4), имел в виду защиту *res publica* как «общественного достояния» (*res populi*)⁴¹. О том же говорит ударение на том, что Октавиан действовал, во-первых, в интересах «республики», а во-вторых, по указаниям и решениям конституционных органов, сената и народа — или согласно приговору суда (RG 2).

О значении, которое Август придавал своим заслугам как «восстановителя республики», наиболее выразительно говорит одна из заключительных глав «политического завещания» Августа. Здесь он с гордостью сообщает, как, потушив огонь гражданской войны, возвратил «республику» сенату и Римскому народу, за что был удостоен наивысших почестей и имени «Август» (ibid. 34). Эта уже сотни раз цитировавшаяся в литературе глава содержит между тем указания, по тем или иным причинам не замеченные многими исследователями. Те из них, кто и здесь переводят *res publica* как государство, как будто не замечают, что Римское государство обозначено традиционной формулой *senatus populusque Romanus* (ibid. 34. 1). Трудно предположить, что Август в таком тщательно отредактированном тексте стал бы заявлять, что «передал государство... в распоряжение Римского государства». Ясно, что речь шла об особой, высшей ценности. Это было как материальное достояние (начиная с провинций), так и сама суть римской *civitas*: учреждения, обычаи, религиозные установления и жизненные нормы — все, что Цицерон, Август и их современники понимали как *res publica* = *res populi*. Эта «республиканская» направленность 34 главы подтверждается полученным венком за спасение граждан, а особенно — заявлением о том, что после этого Август выделялся своей *auctoritas*, ничуть не превосходя коллег по магистратуре в отношении *potestas* (ibid. 34. 3).

Августов проект «восстановленной республики» не предусматривал возвращения ни к утраченной навсегда «свободной республике» оптиматов, ни к полумифической «древней республике». С самого начала и чем дальше, тем становилось яснее: создавалась «новая форма» государства, в которой тем не менее должны были осуществиться фундаментальные представления римлян о принципах *civitas*, прежде всего, — о всеобщей пользе и соблюдении правовых норм. Тихо отвергнув, вслед за Юлием Цезарем, неоправдан-

⁴¹ См. раздел IV.4 сл. Обзор мнений о значении *res publica* в указанных пассажах: Ramadge E. S. The nature... P. 39 f. with note 69 f.

ные и опасные для новой «республики» претензии аристократов на их «свободу», Октавиан-Август всеми силами поддерживал свой имидж принцепса как «первого среди равных». При любой возможности он подчеркивал свое уважение к конституции, то есть к обычаям, установлениям и законам времени Республики⁴². Но это не означало ориентации на *res publica libera*.

VII.3. «Авторитет» с добродетелями на золотом щите

Спустя несколько десятилетий император с гордостью вспоминал о дарованных ему почестях в связи с «возвращением республики» в 27 г. до н.э.: «За мои заслуги сенатским постановлением я был назван Августом; косяки моего дома были всенародно украшены лаврами, а над входом был прикреплен венок за спасение граждан. В Юлиевой курии был поставлен золотой щит с надписью, гласящей: «Сенат и римский народ даровали его мне за мужество (*virtus*), милосердие (*clementia*), справедливость (*iustitia*) и благочестие (*pietas*). После этого я превосходил всех своим влиянием и авторитетом (*auctoritas*), власти же у меня было не более, чем у моих коллег по магистратуре»⁴³.

Перечисленные в «Деяниях» почести могут на первый взгляд показаться не более, чем мишурой для человека, который и без того фактически был хозяином положения не только в сенате, Риме и Италии, но и во всем Средиземноморье — почти во всем известном и заслуживавшем какого-либо вни-

⁴² Различные аспекты темы рассматриваются в работах: Heinze R. *Auctoritas* // *Hermes*. Bd. 60. 1925. S. 348–366 (= ders. *Vom Geist des Römertums*. S. 43–58); Béranger J. *Recherches sur l'aspect idéologique de principat*. Basel, 1953; Suerbaum W. *Vom antiken... Bes.* S. 1–70 ff. etc.; Wirszubski Ch. *Libertas...*; Wickert L. *Princeps*; Galinsky K. *Augustan culture*. P. 10–41; Bringmann K. *Von der res publica amissa zur res publica restituta...* S. 113–123; Jene M. *Jovialität und Freiheit* // Linke B. etc. *Mos maiorum. Untersuchungen...* Stuttgart, 2000. S. 224 ff. etc.

Вальтер Эдер на основе «Деяний» Августа составил перечень его «недеяний», то есть тех случаев, когда создатель принципата сознательно и настойчиво отказывался от полномочий и почестей, которые, на его взгляд, противоречили «обычаям предков» (*contra mores maiorum*). Исключалось всё, что не вписывалось в концепцию «восстановленной республики», в том числе называются: отказ от многих причитававшихся ему по праву триумфов (RG 4), диктатуры в 22 г., а также пожизненного консулата (5); не менее трех раз, в 19, 18 и 11 г. до н.э. Август не последовал настойчивым пожеланиям сената и Римского народа стать полновластным куратором законов и нравов (RG 6: *curator legum et morum summa potestate solus*); Октавиан отвергал предлагавшийся ему почетнейший пост великого понтифика, пока его поверженный противник, Лепид, был жив (10); отказался увековечить своё имя на Капитолийском храме и театре Помпея, хотя потратил большие суммы на их восстановление (20); не стал конфисковывать участки для строительства театра Марцелла, а купил их у бывших владельцев (21); отказался от венецкого золота, которое предложили ему жители Италии (21); только три раза проводил игры от своего имени, в то время как двадцать три — от имени других (22). Конечно, к этому списку относится и широко цитируемое утверждение Августа о том, что он не обладал большей властью, чем коллеги по магистратуре (34). См.: Eder W. *Augustus and the Power of Tradition* (2005). P. 14. Венецкое золото (*aurum coronarium*) — своего рода экстраординарный «добровольный» налог (Pack E. *Aurum coronarium* // *NP*. Bd. 2. 1997. Sp. 327).

⁴³ RG 34. 2–3; последнее предложение цитируется повторно, чтобы не нарушать контекст. О щите см.: Ramage E. S. *The nature and purpose of Augustus "Res gestae"*. Stuttgart, 1987. P. 73 ff. Еропов А. Б. *Добродетели щита Августа*. С. 280–294.

Илл. VII.2. «Щит добродетелей»

мания мире. Они были необходимы начинающему принцепсу. Упоминание заслуг сочеталось с признанием выдающихся гражданских и моральных качеств, — что полностью соответствовало традиционному «республиканскому» представлению о *princeps civitatis*⁴⁴. Этому Октавиану тогда не доставало, чтобы почувствовать себя уверенно на своем месте. Но и для стареющего императора, бесспорного правителя Империи и всего круга земель, подобное признание сохраняло своё значение. Оно было не только приятным, но по-прежнему необходимым.

⁴⁴ Разъяснение звания *princeps* см. также в разделе V.1.

Положение республиканских принцепсов не являлось должностью. «Первенство», особое влияние обуславливались не только происхождением, но прежде всего заслугами перед государством и личными качествами⁴⁵. Они обеспечивали статус принцепса (*statio principis*). Решающим было признание со стороны гражданского коллектива (*civitas*), обладание *auctoritas*. Она лежала в основе обоснования исключительного положения Августа. Это слово только в первом приближении можно перевести как «авторитет». Оно означало также огромное влияние, опиравшееся на уважение и поддержку гражданского населения, а также на материальные ресурсы и клиентелу⁴⁶.

Понятие *auctoritas*, сформировавшееся в эпоху Римской Республики, стало одним из центральных для обоснования исключительного положения Августа. Он не случайно противопоставил ей *potestas* как категории государственно-правовой, означавшей магистратскую власть. *Potestas* опиралась на закон, судебные и исполнительные органы, военную силу⁴⁷. *Auctoritas*, в противоположность *potestas*, относилась к сфере морали, общественного признания, статуса. *Auctoritas* также подразумевала нечто вроде Веберовской «харизмы»⁴⁸. Это был престиж, помноженный на влияние. В категориях современной социальной психологии обладателя *auctoritas* можно сравнить с неформальным лидером, но при соблюдении определенных формальных критериев.

Р. Гайнце, рассмотрев различные случаи употребления данного термина как в эпоху Республики, так и во время правления Августа, пришел к выводу, что *auctoritas* была явлением исконно и исключительно римским, не имевшим аналогии у других народов, в частности у греков. По его наблюдениям, свободолюбивые римляне имели тем не менее предрасположенность признавать *auctoritas* избранных. К таким, наиболее выдающимся согражданам, обращались за советами, а затем следовали им, хотя к этому никто не мог принудить. С другой стороны, даже самые выдающиеся принцепсы перед принятием ответственных решений советовались с «друзьями». Магистраты, судьи, наместники провинций прибегали к консультациям своих доверенных лиц, составлявших совет (*consilium*), заметим — как позднее и

⁴⁵ О «добродетелях» принцепса см. также: Charlesworth M. P. The virtues of a Roman emperor: propaganda and creation of belief // *ProcBritAc*. Vol. 23 (1937). L., 1939. P. 105–133; Wagenwoort H. *Pietas*. Leiden, 1980; Wallace-Hadrill A. The emperor and his virtues // *Historia*. Bd. 30. 1981. S. 298 ff.; Fears J. R. The Cult of virtues...; Classen C. J. *Virtutes imperatoriae* // *Arctos* 25. 1991. S. 17–39; Kienast D. *Augustus*. S. 82 ff., 96 ff.

⁴⁶ Об *auctoritas* Августа см. также: Heinze R. *Auctoritas* // *Hermes*. Bd. 60. 1925; Magdelain A. *Auctoritas Principis*. P., 1947; Galinsky K. *Augustan culture*. P. 10–41 etc. Некоторые аспекты *auctoritas* Августа в её отношении к *potestas* принцепса и неправовым полномочиям см. также в разделах V.8 и VII.3 сл.

⁴⁷ О *potestas* см.: Lübtow U. von. *Potestas* // *RE*. Bd. XXI.2. Sp. 1040–1046.

⁴⁸ Сравн. трактовку властных отношений в Римской республике сквозь призму представлений о харизме: Hatcher C. R. *Charisma und res publica*. Max Webers Herrschaftssoziologie und die römische Republik. Stuttgart, 2000.

правители эпохи Империи (*consilium principis*). Это шло от убеждения, что не каждый, и особенно — никто в одиночку, не в состоянии всё понимать.

Наличие людей, которые готовых посвящать своё время советам, Гайнце, в частности, объясняет строгим временным ограничением должностей, так что экс-магистраты, обладавшие достаточным опытом, решимостью и мужеством брать на себя ответственность, не могли реализовать свои качества как должностные лица. Но они стремились к власти (римляне, по определению ученого, — «народ власти») и *auctoritas*, основанная на личных достоинствах и заслугах, была достойнейшим её основанием. «Она /власть *auctoritas*/ базировалась на качествах личности в целом, применялась как служение на благо сограждан, а в своём высшем и чистом виде — как служение во благо *res publica*»⁴⁹.

Принцепс стремился обосновать свое исключительное влияние традиционными способами. Гайнце, в частности, пришёл к выводу, что «Август в истолковании [собственного положения — ЯМ] не использовал ничего, что бы не было возможно или позволено во времена Республики». Подразумевалось, что если некто настолько впереди, что его признают принцепсом, то он превосходит всех также и в *auctoritas*⁵⁰. А посему выполнение предписаний, исходивших от принцепса, укладывалось в рамки обычаев. Добровольное следование человеку, обладавшему *auctoritas*, не наносило ущерб ощущению «свободы»⁵¹.

Ж. Эллегуар показал, что *auctoritas* занимала заметное место в римской политической мысли, и это соответствовало ее роли во всех областях общественной жизни⁵². Это было влияние, не основанное на административной или судебной власти, но эффективно использовавшееся в политике, военном деле и религии. *Auctoritas* могли обладать как учреждения и коллегии (*senatus auctoritas*), так и отдельные лица (*auctoritas principum*). Значение феномена Эллегуар, в частности, демонстрирует на примере того, как Цицерон в своей речи «О Манилиевом законе» представляет Помпея как достойного главнокомандующего на Востоке. Оратор в числе важнейших качеств победоносного полководца называет *auctoritas*⁵³. Эллегуар подчеркнул, что на-

⁴⁹ Heinze R. Ciceros politische Anfänge // id. Vom Geist des Römertums. S. 87–141, hier S. 57 f.

⁵⁰ В качестве одного из примеров приводится М. Эмилий Скавр. Цицерон, многократно называвший его принцепсом, подчеркивал, что Эмилий Скавр «одним своим кивком управлял всем кругом земель» (Cic. Font. 24, cf.: Heinze R. Ciceros... S. 49).

⁵¹ Heinze R. Ciceros... S. 51: Основополагающая мысль, на которой Август основал принципат, оставалась жива на протяжении столетий, так что «римлянин при "хорошем" принцепсе чувствовал себя свободным человеком и без ущерба для своего достоинства мог предоставлять свои силы служению "республике"».

⁵² Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la république. P., 1972². P. 295–300.

⁵³ См.: Manil. 43–46. Цицерон говорит о значении *auctoritas* также в других речах, напр.: Balb. 10; Flacc. 14; Rab. Post. 19 etc.

зывая *auctoritas* в одном ряду с *scientia*, *virtus* и *felicitas*, Цицерон совершенно очевидно имел в виду персональный, а не официальный характер данного достоинства, что не уменьшает значения этого влияния. Эллегуар отметил, что *auctoritas* была фактором, определявшим отношения между римлянами⁵⁴. Следующий в этом пункте за Эллегуаром Э. Рэймедж указывает на параллели между Цицероном и Августом в его «Деяниях». Он еще раз обратил внимание на значение отмеченной Эллегуаром *auctoritas patroni*⁵⁵.

Большое внимание *auctoritas* уделил в своей книге «Августова культура» К. Галински. Он рассматривает *auctoritas* как основную концепцию восстановленной «республики»⁵⁶. Отмечая, что в прошлом излишнее внимание уделялось юридическим аспектам Августова века, он подчеркнул, что «сутью республиканской конституции были не юридические аспекты». Скорее это была система ценностей, «традиционных концепций и принципов, не всегда согласовывавшихся с политической реальностью»⁵⁷. В этом контексте Галински анализирует *auctoritas*, которую, вслед за Кассием Дионом, оценивает как понятие по существу своему римское и потому неперебиваемое, выходящее за рамки чисто материальных явлений. Галински характеризует её как категорию «моральную в широком смысле слова и обозначающую силу идей». Она выражает «материальное, интеллектуальное и нравственное превосходство» и представляет собой «выражение высшей власти императора на моральном уровне...» Август даёт понять, что стремится осуществлять «моральное лидерство на самом высоком уровне»⁵⁸. Указывая на использование *auctoritas* в поэзии («Энеида» Вергилия), её воплощение в изобразительном искусстве (статуя Августа из Прима Порты), отражение на монетах, автор отмечает вариативность концепции и её развитие во времени. Галински убедительно показывает, что *auctoritas*, как и другие важнейшие идеи своего века, были органичными составляющими римской культуры и основой всей выстроенной Августом системы.

⁵⁴ Hellegouarc'h J. Le vocabulaire... P. 297. Следующий в этом пункте за Эллегуаром Э. Рэймедж указывает на параллели между Цицероном и Августом в его «Деяниях». В частности, Рэймедж обратил внимание на значение отмеченной Эллегуаром *auctoritas patroni*. На наш взгляд, в своих важных наблюдениях Рэймедж все же слишком прямолинейно связывает клиентские отношения с *auctoritas* (Ramage E. S. The nature... P. 42–46). Важной для рассматриваемой темы является также работа М. Гранта: Grant M. From imperium to auctoritas. Cambr., 1946.

⁵⁵ На наш взгляд, Рэймедж слишком прямолинейно связывает клиентские отношения с *auctoritas* (Ramage E. S. The nature and purpose of Augustus' "Res gestae". Stuttgart, 1987. P. 42 ff.).

⁵⁶ Galinsky K. Augustan culture. По мнению учёного, *res publica* означала скорее «государство», чем Республика (p. 6). На наш взгляд, ни то ни другое значение не было главным в рассматриваемом контексте.

⁵⁷ Galinsky K. Op. cit. P. 6. С цитатой из работы В. Кункеля.

⁵⁸ Кассий Дион приводит *auctoritas* на латыни, не найдя греческой аналогии (Dio LV. 3. 5). Цит.: Galinsky K. Augustan culture. P. 12. Cf.: Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations... P. 312; Béranger J. Recherches sur l'aspect idéologique de principat... P. 115.

На наш взгляд, предпринятая не так давно Грегори Роузом попытка поставить под сомнение значение *auctoritas* в идеологическом обосновании Августова режима является неубедительной. Не излагая аргументов Роуза и не повторяя уже изложенных наблюдений, следует обратить внимание на то, что в “*Res gestae*”, написанных и тщательнейшим образом редактировавшихся Августом, нет случайных слов. И однократного упоминания в заключительной части такого документа более чем достаточно для самого серьезного к нему отношения. Но главное заключается в том, что изначально римская идея «принципата» (личного первенствования) неразрывно связана с *auctoritas*. Первое основано на втором, «первенство» — на «авторитете», в противоположность *potestas* как элементу государственного насилия. Октавиан овладел *potestas* в результате гражданской войны (*potens rerum omnium*, RG 34. 1), но сложил эту власть, поскольку в мирное время она превращалась в антиконституционную узурпацию («тиранию»). Правление Августа было особым переходным периодом, и «республиканская» концепция *auctoritas* как нельзя лучше соответствовала всему духу правления. В конце концов, мысль о том, что он превосходил коллег по магистратурам только своей *auctoritas*, как раз по причине ее важности сформулирована в таком месте только один раз. Это результат опыта и итог размышлений, главное послание потомкам: руководить *res publica*, опираясь на моральное превосходство. На практике это и Октавиану-Августу удавалось далеко не всегда. При его преемниках концепция *principatus* — *auctoritas* утрачивала свое центральное значение. Они правили, опираясь все в большей мере на силу и страх. Сенеке оставалось, указывая на пример Августа, призывать обладателя власти (в лице Нерона) к *clementia*⁵⁹.

Статус *princeps civitatis* предполагал также наличие и признание гражданским коллективом (*iudicio hominum* или *iudicio omnium* — Cic. fam. IV. 8. 2; dom. VI. 6) целого ряда других необходимых качеств: мужество (*virtus*), мудрость (*sapientia*), достоинство (*dignitas* и *gravitas*), порядочность (*honestas*), стремление к славе (*gloria*), красноречие (*eloquentia*), воспитанность (*elegantia*), знание и соблюдение государственного порядка, правил поведения, законов и обычаев (*leges, instituta, iura, mores* — Cic. Pis. 30). Необходимым было выполнение обязательств по отношению к своим клиентам (*fides*)⁶⁰. Наличие достаточного состояния было само собой разумею-

⁵⁹ См.: Rowe G. Reconsidering the auctoritas of Augustus // JRS. Vol. 103. 2013. P. 1–15. О *clementia* см. чуть далее, с примеч. 65 сл.

⁶⁰ *Fides* означала доверие и верность. Эти качества в отношении к богам, родителям и предкам дополняла *pietas*, включавшая также благочестие и преданность. Каждая из перечисленных и множества других добродетелей имела множество оттенков, которые обеспечивали «перетекание» одной в другую в их взаимосвязи. Они были обожествлены. Без признания согражданами перечисленных качеств не могло быть *auctoritas principis*. *Virtus* была «добродетелью» вообще (наподобие греческой *arete*). Но традиционно она понималась прежде всего как мужество и воинская доблесть. Ее наличие у императора было обя-

щимся условием, но не входило в число основных «добродетелей» (*virtutes*). Чрезмерное стремление к обогащению (*avaritia*) и к роскоши (*luxuria*) были неприемлемы. Эти пороки начали преследоваться уже во времена Республики, с ними пытались в дальнейшем бороться также императоры, начиная с Августа. Правда, без долговременного успеха⁶¹.

Список можно было бы продолжить, но (в отличие от римского религиозного обряда) дело было не в мелочном выполнении некоего списка предписаний. Принцепсы должны были как в своей политической деятельности, так и в повседневной жизни придерживаться сложившихся в течение столетий традиций и правил, сплачивавших гражданский коллектив, приносивших Риму военные победы и обеспечивавших рост его «империи». Так они служили примерами (*exempla*) для всех граждан. Эта парадигма, при всех изменениях, потрясениях, нарушениях со стороны отдельных правителей, сохраняла свою жизненность и для эпохи Принципата. Потому продолжала жить и «восстановленная республика».

Золотой щит, вручённый Августу в 27 году до н.э., заслуживает особого внимания. Небольшой объем диктовал необходимость отбора самых важных слов и символов. Лавровые ветви на щите были связаны с Юпитером и указывали также на триумфатора как его представителя. Лавр был также священным растением Аполлона, который особенно почитался Августом⁶². *Corona civica* («гражданский венок» из веток дуба) получали солдаты, которые спасли жизнь римскому гражданину. Вручение его Августу означало признание его заслуг как спасителя государства и граждан в результате окончания гражданской войны. Учитывалось также проявленное в заключение милосердие. Можно положиться на мнение Сенеки, который считал *corona ob civis servatos* почетнее, чем военные трофеи (Sen. clem. I. 26. 5). Этот символ особенно подчёркивал как заслуги перед гражданами *res publica*, так и гражданский статус самого принцепса⁶³.

зательным условием прочности власти для всех преемников Августа. См.: Eisenhut W. *Virtus romana: ihre Stellung im römischen Wertsystem*. München, 1973.; *ibid.* *Virtus* // RE. Suppl. 14. 1974. S. 896–910; Wardle D. *Virtus*. // NP. Bd. 12, 2. Sp. 248 f.; Fears J. R. *The theology of victory at Rome* // ANRW II. Bd. 17, 2. 1981. S. 736–826, esp. p. 804 ff., 814 with note 397 — об *invictus* как части титула императора, дополнившей при Каракалле *virtus* и *Augusti felicitas*; *id.* *The cult of virtues and Roman imperial ideology* // ANRW II. Bd. 17, 2. 1981. S. 827–948, bes. p. 884 f. См. также раздел III. 2 со сноской 60.

⁶¹ Известен декрет сената 161 г. до н.э. против употребления роскошной посуды (Gell. II. 24. 2). См. в разделе VI. 5 о законах против роскоши. Найденные при раскопках в районе Помпей дорогая посуда и украшения, как и пыл, с которым спустя еще полвека обличал *avaritia* и *luxuria* Сенека Младший, подтверждают неистребимость этих пороков (Sen. ira III. 33. 1; benef. VII. 10. 4 etc.). О находках ювелирных изделий см., напр.: Sauron J. *Römische Kunst von der mittleren Republik bis Augustus*. S. 181–245).

⁶² См. Ovid. met. I. 562; trist. III. 1. 39 sqq.; Plin. n. h. XV. 137. Подробнее об Аполлоне см. в разделах III. 7, VI. 2 сл., VIII. 8.

⁶³ Кассий Дион пишет о награждении Октавиана дубовым венком в 43 г. и в 27 г. до н.э. (Dio XLVII. 13. 3, сравн. LIII. 16. 4). См.: Alföldi A. *Der Vater des Vaterlandes...* 1971. S. 40 ff.; *id.* *Die zwei Lorbeerbäume...* 1973 pass.. etc.

На золотом щите были указаны мужество, милосердие, справедливость и благочестие (*virtus, clementia, iustitia, pietas*). Признание этих «добродетелей Августова щита» было необходимо Августу как принцепсу. Щит был помещен в курии, поскольку *statio principis* как «первого среди равных» соотносилось прежде всего с представителями сенаторского сословия. Этот символ должен был постоянно, даже в отсутствие Августа, напоминать сенаторам о том, кто в доме хозяин. И наоборот — на щите были зафиксированы те качества, которые ожидались от принцепса. Они были условием признания высокого статуса. О значении признания перечисленных качеств говорит тот факт, что копии щита устанавливались в провинциях. Одна из них была найдена в криптопортике во французском Арле (римск. *Arelas*)⁶⁴. Размещение копий в городах империи указывает на усиление значения провинций в общегосударственной политике, что являлось одной из характерных черт наступающей новой эпохи.

Учитывая новые условия, важно было продемонстрировать преемственность. *Virtus* и *clementia* считались доблестями республиканского императора как победоносного полководца. В то время как *virtus* означала воинское мужество, неодолимость и беспощадность в сокрушении врага, *clementia*, т.е. милосердие, снисхождение, могла применяться в отношении уже побежденного, сокрушенного и просящего о пощаде противника. Проявленные в гражданских войнах, данные добродетели оказывались не столь бесспорны. Но в конечном счете, действовал принцип «победителя не судят», к тому же ударение всегда делалось на войне с Клеопатрой.

Понятие «милосердия», которому Сенека через пятьдесят лет посвятил целый трактат⁶⁵, заслуживает особого внимания. *Clementia*, как известно, была важным элементом политики Юлия Цезаря, что одними воспринималось как проявление широты души и терпимости, другими — как свидетельство высокомерия (*superbia*) и тирании. Ведь в отличие от милосердия к поверженному внешнему врагу, которое оказывалось от имени Республики, подобная добродетель предполагала неизмеримое превосходство над другими согражданами, даже равными по сословному статусу (сенаторами). Милосердие Юлия Цезаря помогло ему привлечь к себе многих предста-

⁶⁴ "Senatus Populusque Romanus Imp. Caesari Divi f. Augusto cos. VIII dedit clupeum virtutis, clementiae, iustitiae, pietatis erga deos patriamque" (Ehrenberg; Jones, doc. Nr. 22). Указанный в арелатской копии восьмой консулат Августа соответствует 26 году до н.э. На этом основании некоторые авторы датируют также вручение Августу самого щита (Lacey W. K. Augustus P. 93 etc.). Но следует согласиться с мнением Д. Кинаста и других исследователей, что нельзя датировать щит по изготовленной, естественно, позднее оригинала, провинциальной копии. Сообщение самого Августа (RG 34) указывает на 16 января 27 г. или близкую дату. Сравн.: Kienast D. Augustus. S. 96 mit Anm. 55 (с литературой).

⁶⁵ Трактат был адресован Нерону. Сенеку и его подопечного монархические аспекты «милосердия» уже не смущали. См.: Fuhrmann M. Die Alleinherrschaft und das Problem der Gerechtigkeit (Seneca: de clementia) // Gymnasium. Bd. 70. 1963. S. 481–514.

вителей знати, но среди помилованных им были и будущие заговорщики, которых не устраивало положение облагодетельствованных «рабов» диктатора. Храм, воздвигнутый в честь богини Милосердия (который назывался *Clementia Caesaris*) был кровоточащей раной на их аристократической *dignitas*. Они не хотели сохранения жизни чьей-либо милостью, высшей ценностью нобилей была «свобода» (*libertas*). В понимании старого политического класса «свобода» означала, что никто не может иметь монополию на власть, высшие почести и исключительное влияние в государстве.

По целому ряду причин Август не мог проигнорировать *clementia*. Необходимо было указать на преемственность с политикой отца. Милосердие входило в неписаный, кодекс ведения «справедливых» войн. Но важнейшей причиной, по которой Август не мог упустить «милосердия», были случаи проявления жестокости во время гражданских войн. *Clementia* на золотом щите должна была окончательно подвести черту под этой страницей биографии основателя принципата.

Pietas и *iustitia* были добродетелями лидирующего лица уже в эпоху Республики, с установлением единовластия они начали приобретать новое содержание. *Iustitia* (греч. *diké* — справедливость) со времен Платона известна как основа прочного государственного порядка. При Августе справедливость в значительной мере ориентировалась на республиканские обычаи и нормы. Носителем суверенитета и источником права считался народ. Как уже упоминалось, «восстановление республики» подразумевало «возвращение» законности. В дальнейшем источником права становится властитель, чья воля определяет меру справедливости того или иного поступка.

Pietas была добродетелью, также имеющей отношение к справедливости, но более персонализированной, связанной не с правом, а с моралью. Она подразумевала почтительное отношение к старшим и благоговейное — к богам. К ним примыкала *fides*, требовавшая соблюдения обязательств по отношению к богам, государству и согражданам, детям и близким, включая взаимные обязанности патрона и клиента. В создававшейся новой мифологии рода Юлиев *pietas* в высшей мере воплощал собой Эней (*pious Aeneas*). Это отразилось как в «Энеиде» Вергилия, так и в произведениях искусства, где Эней изображался с отцом Анхизом на плечах, выводящим из горящей Трои маленького сына Юла⁶⁶. Цицерон, специально обосновывавший важность гражданских добродетелей, особенно призывал сограждан почитать те из них, которые прокладывают людям путь в небеса: справедливость, отвага, благочестие и верность (Cic. leg. II. 19). Все они имели прямое отношение к служению «республике».

⁶⁶ Эта сцена была представлена на форуме Августа и известна по различным репликам. На алтаре Августа Мира Эней изображен в сцене жертвоприношения. См. также разделы VIII.4 и 7.

Важно заметить, что золотой щит не обосновывал установившийся порядок. Преемственность с традицией и её главным политическим принципом *res publica* под вопрос не ставились. В рамках традиционной государственно-правовой системы принцепс занимал своё место на основании своих личных качеств и заслуг. Наличие *virtutes* обосновывало не легитимность режима, а право конкретного лица на исключительное место в «республике».

VII.4. Имена, добродетели, титулы принцепса и императора

Обладая огромным политическим влиянием, Август мог определять и контролировать способы обозначения режима. Имидж власти и собственный он создавал, ориентируясь на восприятие и ожидания сограждан и подданных. Имена отражают суть вещей, даже когда пытаются её скрыть. Они могут сообщать явлениям некий дополнительный смысл или отвлекать от него. Приписывание правителю функций, качеств, заслуг при умелом подборе обозначений и достаточно частом повторении формирует его образ. Поэтому «всего лишь только слова», пусть в первом приближении, отражали представление правителя о своей власти и то, какой её хотели (или были готовы) видеть подданные⁶⁷.

Не все термины и обозначения (в слове и образе) были равноценны и играли одинаковую роль. Т. Моммзен проводил различие между именем императора (*Imperator Caesar Augustus*) и титулатурой (*tribunicia potestas*, *pontifex maximus*, триумфы и аккламации, титул *pater patriae*), которое отражало различные идеологические и правовые аспекты императорской власти⁶⁸.

Возможна также иная систематизация. Обозначение *pater patriae*, не имевшее конкретного юридического содержания, стояло в одном ряду с *princeps* (о «принцепсе» см. раздел V.1). Звание Отца отечества включало

⁶⁷ Разумеется, речь идёт об адекватном правителе и о «нормализованном» отношении с подданными. Значительное расхождение между ожиданиями подданных и действиями правителей грозило коллапсом власти. Примеры предоставили некоторые из преемников Августа.

⁶⁸ Надписи, обозначавшие титулатуру, собраны Г. Дессау: Dessau H. *Inscriptiones Latinae selectae*. 3 Bd. Berlin, 1892–1916; Nd 1974 (ILS). См. Nr. 257–317. Сравн: Suet. Aug. 7; Dio LIII. 16. 6–8, 17. 4 etc. См. также: Mommsen Th. *Staatsrecht*... Bd. II. 2. S. 763 ff.; Syme R. *Imperator Caesar: a study in nomenclature* // *Historia*. Bd. 7. 1958. P. 172–188 (= id. *Roman Papers* 1. Oxf, 1979. P. 361–377); Schmitthenner W. *Oktavian und das Testament Caesars*. München, 1973². S. 69 f. (об именах Августа в освещении античной и новой литературы); Deininger J. *Von der Republik zur Monarchie: Die Ursprünge der Herrschertitulatur des Prinzipats* // ANRW I. Bd. 1. Berlin, 1972. S. 982–997. Еропов А. Б. Проблемы титулатуры римских принцев; Rubincam C. *The nomenclature of Julius Caesar and the later Augustus in the triumviral period* // *Historia*. Bd. 41. 1992. P. 88–103; Alföldy G. *Augustus und die Inschriften: Tradition und Innovation. Die Geburt der imperialen Epigraphik* // *Gymnasium*. Bd. 98. 1991. S. 289–324, Tafeln I–VIII; Kienast D. *Römische Kaisertabelle*. Darmstadt, 1996². S. 61–68.

также элемент патернализма по отношению как к Римскому народу, так и к отдельным гражданам. *Princeps* было обращением сограждан к Августу, обозначая статус, положение в *civitas* и в *res publica restituta* (а также в её смешанной конституции) как первого среди равных. *Pater patriae*, в отличие от *princeps*, входило в титулатуру. Оно имело «имперский» масштаб, смыкаясь с *imperator* (о чём сказано чуть дальше, также сравн. разделы I.2, X.5 сл.). «Император» был частью имени, титулом, но также означал высшую военную власть, а кроме того, служил для обозначения количества аккламаций. Как император, Август был патроном, то есть как бы «отцом» легионеров (то же относилось к ним как к римским гражданам). Не считая здесь возможным специально останавливаться на формально-юридической систематизации всех этих обозначений, мы попытаемся лишь определить их соотношение с идеологией и политикой *res publica restituta*. При этом придётся считаться с тем, что провести отчетливую границу между именем и титулом не всегда возможно. Особенно это относится ко времени Августа, когда обозначения и их содержание находились в постоянном движении.

Август родился как Гай Октавий в 63 г. до н.э.⁶⁹. После посмертного усыновления диктатором Юлием Цезарем в 44 г. его имя стало Гай Юлий Цезарь Октавиан (*Caius Iulius Caesar Octavianus*). Сам он имени (*cognomen*) «Октавиан» избегал. С обожествлением Цезаря в нач. 42 г. добавилось «сын божественного». С 38 г. на место первых двух имен приёмного отца (*praenomen* и *nomen*) пришел титул «Император». В начале 27 г. до н.э. сенат даровал Октавиану имя «Август», под которым он более всего известен⁷⁰. Во 2 г. до н.э. Августу преподнесли еще почетный титул «Отец отчества», так что основное имя основателя принципата вплоть до его смерти в 14 году н.э. было: «Император Цезарь Август, сын божественного (Юлия), Отец отчества» (*Imperator Caesar Augustus divi filius pater patriae*). Сенаторы должны были его именовать не иначе, чем «принцепс» (*princeps*), то же было принято в городе Риме и Италии. В надписях встречаются различные варианты сочетаний имен и титулов. В соответствии с обычаем, указываются еще отпавлявшиеся им важнейшие «республиканские» магистратуры: консулаты

⁶⁹ Отец будущего императора, Гай Октавий, стал первым сенатором во всадническом роде. Он умер, достигнув ранга претория, когда сыну было 4 года. Октавии происходили из городка Велитры (совр. Velletri) примерно в 30 км к юго-востоку от Рима. Там, в усадьбе деда или в Риме, 23 сентября 63 г. до н.э. родился будущий император. Светоний называет имя при рождении: Гай Октавий Фурин (*Caius Octavius Thurinus*), Кассий Дион — Гай Октавий Кайпий / *Gaius Octavius Kaipias* (Suet. Aug. 1–7; Dio XLV. 1. 1; cf.: Kienast D. Augustus. Darmstadt, 2009. S. 1 ff. Также см. раздел VI1.4).

⁷⁰ Имя *Imperator* было присвоено Октавиану сенатом 38 г., а затем ещё раз подтверждено в 29 г. до н.э. См.: Dio LII. 41. 3. cf.: Rosenberg A. Imperator // RE. Bd. IX. 1 (Hb. 17). 1914. Sp. 1139 ff., hier 1146; Syme R. Imperator Caesar... // Historia. Bd. 7. 1958. P. 184 f.; Manuwald B. Cassius Dio und Augustus. Wiesbaden, 1979. S. 82 ff.; Rubincam C. The Nomenclature of Julius Caesar and the Later Augustus in the Triumviral Period // Historia. Bd. 4. 1992. 1. S. 88–103 etc. Об имени Augustus см. раздел VI.3.

Илл. VII.3. Август верхом на коне, фрагмент

и народные трибунаты, реже — жреческие должности. Вскоре после смерти Август был обожествлен, так что римские историки именовали основателя Империи и принципата также «божественный Август» (*divus Augustus*)⁷¹.

Титулатура и иные почести, связанные с военной политикой, были важны ввиду роли армии как опоры императорской власти. Особого внимания заслуживает *imperator* (греч. аналог: *autokrator*), тем более, что слово стало главным для обозначения римских правителей в период Ранней Империи

⁷¹ Типичное употребление имени Августа в надписи: *Imperator Caesar divi f. Augustus, pontifex maximus, cos. XIII, tribunicia potestate XXXII, imp. XXVI, pater patriae* (ILS 104). См.: Егоров А. Б. Проблемы титулатуры римских императоров. С. 165 сл. Значения имен и титулов будут уточняться в ходе дальнейшего изложения.

(а потом и в Европе). В то же время его применение ясно демонстрирует преемственность политической терминологии с эпохой Республики⁷².

В эпоху Республики войско могло провозгласить императором своего победоносного полководца. Это было отличие, честь, но без последующих полномочий, так же, как триумф, решение о котором мог принять только сенат⁷³. Слово было однокоренным с *imperium* — высшей властью в государстве, которой наделялись высшие магистраты. Такой властью обладали прежде всего консулы. Сопровождавшие их ликторы несли пучки прутьев с вложенным в них топором, что символизировало право наказывать за преступления как побоями, так и лишением жизни. Консулы и преторы вынуждены были иногда применять эти меры во время военных действий.

По своему происхождению империй высших республиканских магистратов, унаследованный Августом, представлял собой разделенную между ними с установлением республики царскую власть. Уже поэтому он содержал сакральный элемент — царь был и военным вождем, и одновременно верховным жрецом. Поэтому не только от его мужества, но и от магического могущества, от расположения к нему высших сил зависело благополучие общины и даже плодородие её земли. Чтобы побеждать, надо было получить на то санкцию богов — перед тем, как начать сражение, проводилось гадание. Войско, в лице своего вождя, полководца должно было обладать силой–удачей. Потому выдающиеся полководцы получали почётные имена: Удачливый (*Sulla Felix*), Великий (*Pompeius Magnus*) и подобные. Сакральный элемент содержали все курульные магистратуры. Само курульное кресло, как и другие атрибуты, а также империй, магистратура, имя «Император», которых удостоился Октавиан–Август, имели сакральный смысл. Его персону символизировала не просто власть — она становилась священной⁷⁴.

В то же время магистратский империй был явлением традиционным и легитимным. Не совсем обычно выглядело лишь обозначение «Император» в качестве имени, без ограничения срока и без связи с конкретной должностью, войском и войной. Прецедент был, хотя и не бесспорного свойства. Юлию Цезарю сенат даровал титул Император как наследственное почетное прозвище (Dio XLIII. 44. 2). Его опыт показал, что преданные легионы — необходимая опора власти (ibid. 45.2). За прошедшие годы Октавиан также имел возможность в этом убедиться. Позднее стала обязательной ежегодная

⁷² См.: Rosenberg A. *Imperator*. Sp. 1139–1154; McFayden D. The history of the title *imperator* under the Roman empire. 1920; Wickert L. *Princeps*. Sp. 2060 f., 2278 ff.; Syme R. *Imperator Caesar*... pass. etc.

⁷³ Триумф мог быть предоставлен, если победа удовлетворяла определённым требованиям: *victoria iusta*, не менее 5000 уничтоженных врагов — и только с разрешения сената.

⁷⁴ Применительно ко времени Республики см.: Сморгчов А. М. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М., 2012. Особ. с. 117–197 (Гл. II. Религиозные полномочия и сакральное содержание магистратской власти).

присяга всех легионов императору. Войско, не раз провозглашая очередного императора, выступало в роли представителя Римского народа⁷⁵.

Август заботился о том, чтобы поддерживать традиционную привязанность армии к дому Цезарей. В армии помнили, как Октавиан предотвратил кровопролитие при расколе с Лепидом (36 г.)⁷⁶. И в дальнейшем Император дорожил особыми отношениями своей фамилии с армией, которые сложились еще у приемного отца, предпринимая всё возможное, чтобы их укрепить. Тут было и щедрое выполнение обязательств по отношению к ветеранам и легионерам, и подчеркивание особой связи с воинами, и роль Императора как верховного главнокомандующего, а также другие меры. Преданность легионов фамилии Цезарей распространилась на преемников Августа, сказываясь на протяжении всей эпохи Империи, так что узурпаторы имели очень мало шансов прочно захватить власть при жизни кого-либо из представителей правящей династии⁷⁷.

Октавиана связывали с воинами отношения патроната-клиенты. После окончания гражданской войны эти связи стали ещё более прочными, так что Император говорил о войске как об *“exercitus meus”* (RG 30). *Praenomen imperatoris* было своего рода универсальным притязанием на власть в форме пожизненного и наследуемого имени. Оно было основано на согласии армии, но в то же время не отменяло традиционные правовые границы власти⁷⁸.

Август провозглашался императором по крайней мере двадцать один раз⁷⁹. Он считал необходимым регулярно подтверждать свое имя-титул реальными победами. Это лишний раз указывает на «эволюционный компромиссный характер Августова принципата, который свою официальную титулатуру правителя построил на существовавших «республиканских» пред-ступенях»⁸⁰. Имя, имевшее тенденцию превращаться в часть титулатуры, и аккламации войска необходимо было различать уже для того, чтобы вести счёт победам императора. Поэтому их количество указывалось

⁷⁵ Важным прецедентом стала присяга Италии и Западных провинций Октавиану перед объявлением войны Клеопатре (RG 25; Suet. Aug. 17. 2). О ежегодной присяге войск императору сообщает Тацит (Tac. hist. I.55).

⁷⁶ В подчинении соперника было более 20 легионов, но Октавиан в одиночку пришел в лагерь противника. Едва не поплатившись за это своей жизнью, он вынужден был ретироваться под насмешки солдат. После этого Октавиан добился все-таки перехода войск противника без кровопролития на свою сторону, осадив лагерь Лепида. См.: App. b. c. V. 506–524; Dio XLIX. 11. 2–12. 4, comp: Vell. II. 80. 3 sq. (приукрашивает поступок Октавиана, опуская момент позора).

⁷⁷ См.: Suet. Claud. 10; Jos. ant. iud. XIX. 2 sq.

⁷⁸ Сравн.: Timpe D. Untersuchungen zur Kontinuität... S. 10 ff.

⁷⁹ См. Barnes T. D. The victories of Augustus // JRS. Vol. 64. 1974. 21–26; Syme R. Some imperial salutations // Phoenix. Vol. 33. 1979. P. 308–329 (repr.: Roman papers III. P. 1198–1219); Edmondson J. Augustus. 2009. P. 4, note 9.

⁸⁰ См.: Deininger I. Von der Republik zur Monarchie: Die Ursprünge der Herrschertitulatur des Prinzipats // ANRW I. Bd. 1. Berlin, 1972. S. 982–997. S. 982 ff.

в конце (напр.: ILS 85). После 27 г. Август всё реже использовал *praenomen imperatoris*, видимо, чтобы не задевать самолюбия сенаторов и не подчеркивать военный компонент своей власти. Тиберий вообще от этого титула отказался (Suet. Tib. 26.2).

Эволюция титула и имени «император» показывают, что их политическое содержание неуклонно менялось. Поскольку *imperium proconsulare* было важным отличием Августа и указанием на преемника, то титул и императорские аккламации начали резервироваться для императора и близких родственников. Последний полководец, не принадлежавший к правящей семье и провозглашенный солдатами императором, был проконсул Африки Кв. Юний Блез в 22 г. н.э. Как и принцепс в Риме, в Империи мог быть только один император. Не случайно греки переводили *imperator* как *autokrator* («самодержец»⁸¹).

В отношении триумфа начало ограничениям было положено самим Августом. Светоний сообщает, что Август не скупился на почести за военные победы, так что при нём более тридцати полководцев получили полные триумфы и еще больше — «малые» (Suet. Aug. 38. 1). Но постепенно круг тех, кто получал полные триумфы, начал сужаться; после 13 г. до н.э. только члены его семьи удостаивались подобной чести⁸². Монополизация триумфов объясняется значением армии как опоры режима. Если провозглашение удачливого полководца императором происходило где-то на далёких границах империи, то триумф праздновался на Римском форуме. Триумфатор въезжал на него в колеснице в облике Юпитера. Это означало не только благоволение богов, но и то, что триумфатор сам обладал некоей «маной», особой удачей, божественной природой⁸³. Но полный триумф мог предоставляться лишь тому, под чьими ауспигиями была одержана победа, то есть Императору. Агриппа, который был лучшим полководцем Августа и руками которого были добыта большая часть значительных побед в период гражданских войн, в свое время отказался от триумфа. Его поведение должно было стать примером для подражания⁸⁴.

⁸¹ Юний Блез за победы над Такфаринатом получил также малый триумф (*ornamenta triumphalia*) и почетную статую (Tas. ann. III. 73. 3–74. 4, IV. 23. 1; Vell. II. 125. 5). Со времени Веспасиана *imperator Caesar* стала неотъемлемой частью титулатуры римских правителей. В литературе (в частности, у римских юристов) *imperator* было обозначением правителя Рима как такового. Начиная с III в. и особенно при Константине Великом оно было вытеснено *dominus noster*. О стремлении Августа сохранять власть внутри семьи см.: Severy-Hoven B. Augustus and the family... P. 80 ff.

⁸² Последний триумф полководца, не принадлежавшего к семье императора (Л. Корнелия Бальба) состоялся 27 марта 19 г. до н.э. за победы в Африке. Он внесен в *fasti triumphales* (Inscr. It. XIII. I. 86–7). Cf.: Severy-Hoven B. Augustus and the Family... P. 80. О триумфе см также: Beard M. The Roman triumph. Cambr., Mass., 2007; Richardson J. The language of empire. P. 31–37, 145.

⁸³ См.: Beard M. Op. cit.; Itgenshorst T. Augustus und der republikanische Triumph. Triumphalfasten und summi uiri-Galerie als Instrumente der imperialen Machtsicherung // Hermes. Bd. 132. 2004. S. 436–458.

⁸⁴ Simpson C.J. Agrippa's rejection of a triumph in 19 B.C. // LCM. Vol. 16. 9. 1991. P. 137 ff.; Wardle D. Agrippa's refusal of a triumph in 19 B.C. // Antichthon. Bd. 28. 1994. P. 58–64.

Стремление Августа ограничить круг потенциальных конкурентов проявилось ещё раньше в случае со *spolia opima* (букв.: «великолепные доспехи»). Во времена Республики так называлось вооружение, снятое предводителем римского войска с собственноручно убитого им в поединке вражеского вождя⁸⁵. В заключение эти доспехи посвящались Юпитеру Феретрийскому, чей храм, один из древнейших в Риме, находился на Капитолии⁸⁶. За всю историю Рима это произошло всего три раза. *Spolia opima* были посвящены Ромулом, А. Корнелием Коссом в 428 г. и М. Клавдием Марцеллом в 222 г. до н.э.⁸⁷

Когда М. Лициний Красс (внук триумвира)⁸⁸, одержавший победу над бастарнами⁸⁹ и снявший доспехи с убитого им вождя, хотел посвятить их Юпитеру Феретрию, Август ему отказал. Основанием было то, что Красс воевал под верховным командованием Августа. Принцепс даже обратился к Т. Ливию, чтобы показать, что все предыдущие посвятители воевали под собственными ауспигиями. В литературе можно встретить различные оценки действительной ситуации и мотивации Августа. Так, Г. Дессау в статье о Ливии и Августе, признавая, что Красс воевал под ауспигиями Августа, указывал на политические мотивы принцепса. Дж.У. Рич считает, что полководец обладал собственным империем, но уступил нажиму Августа⁹⁰. Убедительны доводы В. Н. Парфенова, который рассматривает как фальшивую всю историческую и государственно-правовую аргумен-

⁸⁵ Lammert F. *Spolia*; id. *Spolia opima* // RE. Hb. VI. 1929. Sp. 1843–46; Rich J. W. *Augustus and the spolia opima* // Chiron. Bd. 26. 1996. P. 85–127; Flower H. I. The tradition of the *spolia opima*: M. Claudius Marcellus and Augustus // Class. Ant. Vol. 19. 2000. Nr. 1. P. 34–64 (с изложением традиции, особ. с. 48 сл.); Дементьева В. В. *Spolia opima* Корнелия Косса: проблемы интерпретации античной традиции // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 4. С. 66–75.

⁸⁶ Liv. X. 7. 9; Cic. Phil. II. 68. Этот храм был восстановлен Октавианом в первую очередь, ещё в 32 г. См. также раздел VI.2.

⁸⁷ Liv. IV. 19. 1–6; Verg. Aen. VI. 855–859; Plut. Rom. 16; Val. Max. III. 2. 3, 2.6; Prop. IV. 10, cf.: CIL I. 2. 22.

⁸⁸ Во время гражданских войн Красс-младший воевал сначала на стороне Секста Помпея, затем Антония и перешел на сторону Октавиана скорее всего накануне битвы при Акции. В 30 г. Октавиан способствовал его проходу в консулы. Затем он получил провинцию Македонию, где у него была довольно большая армия в 4–5 легионов.

⁸⁹ Бастарны — германский племенной союз. Они обитали в рассматриваемое время на территории, прилегающей к Черному морю, на северном берегу Дуная. Зимой 30/29 г. бастарны перешли замерзший Дунай, разбили союзные Риму племена и появились на северных границах провинции. Тогда Красс двинул свои легионы через границу, в двух кампаниях (29–28 гг.) разгромил бастарнов и другие оказывавшие сопротивление племена и покорил довольно значительную территорию, которая сегодня охватывает Болгарию и восточную часть Сербии. Она была вначале подчинена Македонии, а позднее выделена в две провинции: Нижнюю и Верхнюю Мёзию. Успех Красса был очень значителен, так что сенат ещё в 29 г. решил дать ему триумф. Описание похода Красса: Dio LI. 23. 2–27.

⁹⁰ Dio LI. 24. См.: Dessau H. *Livius und Augustus* // Hermes. Bd. 41. 1906. 142–151 (= Schmitthenner W. *Augustus*. 1969, S. 1–11); Syme R. *Livy and Augustus* P. 44 f.; Rich J. W. *Augustus and the spolia opima* // Chiron. Vol. 26. 1996. P. 85–127; Favro D. G. *The urban image of Augustan Rome*. Cambr., 1996 (1998). P. 92 with notes 28 f. on p. 301. См. обзоры: Bleicken J. *Augustus*. S. 310–315 mit Anm. S. 723 f.; Токарев А. Н. Становление... С. 177–182.

тацию Октавиана. По его мнению, консульский ранг Косса не мог быть доказан. Красс же, будучи наместником в «сенатской» провинции, воевал под собственными ауспигиями, тем более что Октавиан до 23, не говоря уже — до 27 года, не обладал *imperium maius*. По мнению Парфенова, Красс вынужден был отказаться от своих претензий, уступив нажиму Октавиана как триумвира⁹¹.

В конечном счёте Лициний Красс получил триумф (который был заслуженно предоставлен ему сенатом ещё за первую кампанию 30 года), но не право посвящения доспехов Юпитеру Феретрию. После этого имя младшего Красса исчезает из анналов истории. Скорее всего, он был исключен Октавианом из общественной жизни. Очевидна политическая основа конфликта, которая может служить прологом к взаимоотношениям новой власти с потомками республиканской верхушки.

Не вызывает сомнения огромный военный успех внука триумвира: были разгромлены опасные противники, присоединена территория, на которой позднее были образованы две провинции. Война велась с ведома Октавиана. «Вина» Красса заключалась в том, что его успех превзошёл все ожидания и что ещё хуже — достижения самого Октавиана, который чуть ранее в соседнем регионе вел Иллирийскую войну⁹². Но самым большим заблуждением удачливого полководца было считать, что он, потомок Красса и консуляр, может претендовать на высшую *dignitas*, обойдя при этом принцепса. При преемниках Августа подобная неосторожность стоила жизни не одному десятку самых знатных сенаторов. Октавиан после завершения гражданских войн не хотел прибегать к террору, но делал всё, чтобы избежать даже малейшего риска появления соперника.

Монополизация воинских отличий, как и командований крупнейшими группировками войск, были средством укрепления единоличной власти⁹³.

⁹¹ Косс, убивший царя вейян в 437 г. до н.э., будучи военным трибуном, сражался под ауспигиями диктатора Мамерка Эмилия (Liv. IV. 17. 7–19. 5). Обстоятельства истории со *spolia opima* Красса убедительно изложены в книге: Парфенов В. Н. Император Цезарь Август... 2001. С. 27–39. Что касается превосходящей реальной власти Октавиана, то здесь, на наш взгляд, решающую роль играли статус победителя, а также популярность в войске и среди гражданского населения, которые к тому же были связаны с ним клятвой. Именно это имел в виду Август, вспоминая о «всей полноте власти, опиравшейся на всеобщее согласие» в RG 34. 1. Крайне непопулярная триумвирская власть держалась за сценой, хотя все о ней знали и ее боялись. В отношении «третьего триумвирата» можно согласиться с В. Н. Парфеновым в том смысле, что Октавиан рассчитал время, когда уже можно было объявить о сложении с себя чрезвычайных полномочий, а потому случилось это только в начале 27 г. до н.э.

⁹² Cass. Dio XLIX. 35–37; App. Illyr. 52–83. См.: Малеванный А. М. Иллирийские походы Октавиана (35–33 гг. до н.э.); Bleicken J. Augustus. 2010. S. 252–55 mit Anm. S. 717 f. С скромные полководческие таланты Октавиана были известны. К тому же незадолго до успеха Красса он отказался от поединка с Антонием (Plut. Ant. 75. 1).

⁹³ После германской кампании 12–11 гг. до н.э. Друз удостоился *ornamenta triumphalia ovatio* (Suet. Claud. I. 3; Dio LIV. 33. 5). Тиберию сенат назначил триумф после Паннонского похода 12 г. до н.э., но Август ограничил почести до *ornamenta triumphalia* (Dio LIV. 31. 4). Тиберий получил триумф в 7 г. после побед над германцами (Dio LV. 6. 5, 8. 2, cf. Tib. 9. 2), Потом еще раз, в 12 г. н.э. — за победы над паннонцами

Этой же цели служил культ правителя, тиражирование копий императорских декретов, изготовление изображений и другие меры. Прослеживается явное усиление влияния и власти императора и принцепса. Но вызывающего разрыва с конституцией не было. Революционные изменения достигались легальным путем. Они выглядели поначалу как более масштабное использование прежних форм для укрепления нового режима.

Некоторые элементы титулатуры наполнялись содержанием, которое могло выходить за рамки республиканских прецедентов. Особое значение имело почетное имя *Augustus*, под которым основатель нового Римского государства и вошел в историю. Оно было преподнесено Цезарю (Октавиану) на торжественном заседании сената 16 января 27 г. до н.э.⁹⁴ Это была главная почесть, которой он удостоился за «возвращение (восстановление) республики» сенату и Римскому народу (RG 34). *Augustus* означало возвышенный, выдающийся, и одновременно — священный и умножающий (умноженный божеством). Это имя содержало требуемый смысл без нежелательных ассоциаций. Указывая на сверхъестественную природу, оно не вступало в конфликт с римским предубеждением к обожествлению живых людей. А потенциал имени-титула «Август» раскрылся в последующие века. Трудно сказать, кому принадлежала столь удачная идея. Ясно лишь, что среди советников принцепса были люди, не только владевшие всеми нюансами латинского языка, но и понимавшие, что единоличная власть нуждается в такого рода религиозном освящении⁹⁵. Окончательный выбор несомненно сделал Октавиан.

Сакральный элемент присутствовал и в других почестях, которые даровал Октавиану сенат. Лавровые ветви, укрепленные при входе в палатинский дом, указывали на особое расположение Аполлона, а дуб, из листьев которого состоял «гражданский» венок, был священным деревом Юпитера — верховного божества римлян. На особую связь с миром богов указывало имя, которое носил принцепс с января 27 года: Император Цезарь Август, сын божественного (Юлия) — в каждой из четырёх составных частей присутствовал элемент сверхъестественного, так что оно уже не звучало,

и далматами (Dio LVI. 17. 1), Принцепс получил также пожизненное право носить лавровый венок (ibid. XLIX. 15. 1). О монополизации триумфов Августом см.: Hickson F. V. *Augustus triumphator: manipulation of the triumphal theme in the political program of Augustus* // Latomus. Vol. 50. 1991. P. 124–138. Cf. Bleicken J. *Augustus*. S. 435 ff., 738.

⁹⁴ О присвоении Октавиану имени (*cognomen*) *Augustus* и сопутствующих почестях: RG 34; fasti praen. за 16 января; *feriale Cumanum*; Ovid. fast. I. 587 sqq., 609 sqq.; Suet. Aug. 7. 2; Cass. Dio LIII. 16. 7 sq. См. также раздел IV. 9.

⁹⁵ Это могли быть, кроме Агриппы и Мецената, такие люди, как, с одной стороны, Варрон (который в том же году умер), а с другой — Арей Дидимский (см. разделы IV. 7 сл. и VI. 1). Можно предположить, что были совещания в узком и более широком кругу, в том числе с понтификами и наиболее влиятельными сенаторами. Несомненно, решение принял сам Октавиан, после чего Луцию Мунацию Планку было поручено внести предложение на заседании сената. О сакральном значении имени «Август» сказано в разделе VI. 3.

как имя обычного смертного. Но оно не было и вызовом традициям, имея республиканские корни. Из набора обязательных достоинств римского нобилы были взяты и «добродетели щита». Имена, почести, добродетели соответствовали выдвинутым в той иной форме лозунгам нового режима: *res publica restituta*, *res publica reddita*, *rem publicam in libertatem vindicare*. Принцепс в своей политике старался не идти вразрез ожиданиям сенаторов и всех сограждан. А те в должной мере оценивали предоставлявшиеся новым порядком преимущества.

Новое чествование принцепса четверть века спустя — присвоение Августу звания Отца отечества — подтверждает, что компромисс удался. Цицерон называл юного Цезаря *parens patriae* ещё в 43 г. (Cic. XIII. 25), через 20 лет Гораций в «Одах» говорил о нём как о *pater urbium* (Hor. carm. III. 24. 27)⁹⁶. Но Августу понадобилось ещё одно двадцатилетие, чтобы после настойчивых просьб согласиться принять это имя. Официально титул-имя Отец отечества (*pater patriae*) был преподнесен Августу сенатом и народом, когда ему уже было за 60. Это случилось 5 февраля 2 г. до н.э. Народ вначале отправил к нему для этого посольство в Анций, а по прибытию принцепса в Рим — вновь предложил почетнейшее имя у входа в театр. В сенате предложение было внесено уважаемым консуляром Мессалой Корвином, который своей биографией символизировал всеобщее примирение и союз знати с императором. День был объявлен по решению сената праздничным⁹⁷.

Весь спектакль присвоения почетного звания был увенчан сдобренными слезой словами принцепса (Светоний подчеркивает, что цитирует их дословно): «Достигнув исполнения моих желаний, о чём еще могу я молить бессмертных богов, отцы сенаторы, как не о том, чтобы это ваше единоклассное сопровождало меня до окончания жизни» (Suet. Aug. 58. 2, перевод М. Л. Гаспарова). Позднее Август подчёркивал, наряду с особой ролью сената в присвоении почётногo имени, участие всадников и всего народа, что поразительно напоминает о лозунге Цицерона *concordia ordinum*. В «Деяниях» это событие подводит итог заслугам принцепса и его чествованиям (RG 35. 1)⁹⁸.

⁹⁶ А. Альфёльди считал, что уже в чествовании в январе 27 г., особенно при вручении *coronae civicae*, сохранились коннотации не только «спаситель и хранитель», но и «отец» (Alföldi A. Der Vater... S. 49 ff.).

⁹⁷ Fasti praen. // Inscr. It. XIII 2. S. 119 (= Ehrenberg; Jones, p. 47); RG 35. 1; Suet. Aug. 58. 1 sq.; Ovid. fast. II. 17 sq. Марк Валерий Мессала Корвин воевал под командованием Брута при Филиппах, где сдался Антонию. После 40 г. он примкнул к Октавиану и сражался на его стороне при Акции. В дальнейшем словом и делом активно поддерживал Августа. Подробнее о нем см.: Syme R. The Augustan Aristocracy. Oxf., 1986. S. 200–226, cf. Hanslik R. Messala II. 4 // KP. Bd. 3. Sp. 1244 f.

⁹⁸ Ф. Бернштайн, (Bernstein F. Der Anfang... S. 17–54, hier S. 49) преувеличивая, пишет, что как Отец отечества Август монополизировал всю *auctoritas*, после этого не могло быть и речи об *auctoritas senatus*. Не следует забывать как важную роль сената в новой конституции, так и то, что Август был членом сената и его принцепсом. Д. Кинаст определил титул Отца отечества как «замковый камень здания новой монархии» (с. 133). Можно согласиться, если учесть, что это все же была монархия особого типа. В форме *parens patriae* это почётное звание было присвоено в своё время Ромулу и Камиллу. Так называли Цицерона,

Признание Августа «Отцом отечества» было кульминационным моментом его правления, как и наивысшим признанием государственных заслуг основателя принципата и Империи: от *servator rei publicae* — через *princeps civitatis* и *Augustus* — к *pater patriae*. Выдающаяся роль Августа в государстве была наглядно запечатлена на освящённом тогда же новом форуме Августа. Центр по решению сената украшала скульптура Августа в колеснице с письменным посвящением *pater patriae* (RG 35; сравн.: Eder). Всё устройство форума Августа было образным воплощением концепции *rei publicae* как в историческом измерении, так и в её современном состоянии. Фланкированный с двух сторон высокими портиками, форум напоминал атриум римского дома. В портиках были размещены изображения предков. Одна сторона была отведена представителям рода Юлиев как основателям государства, другая — иным выдающимся мужам — создателям римского величия. Возвышавшийся над всем храм Марса Мстителя, посвящённый Юлию Цезарю, подчеркивал *pietas* принцепса и в целом его верность традициям. Таким образом, форум Августа был атриумом дома большой патриархальной общины под названием *senatus populusque Romanus*. Надпись на цоколе статуи триумфатора в центре ясно говорила о том, кто был Отцом этой большой семьи — римской *civitas*⁹⁹.

Титул Отца отечества подразумевал роли его спасителя, руководителя, покровителя и наставника. Он также символизировал континуитет, поскольку отечество было, есть и всегда будет одно — Рим. По-отечески наказав тех, кто хотел его разрушить, Август возродил «республику» — общее достояние, руководимое на принципах смешанной конституции, на основе законов, под строгим, но справедливым попечением принцепса, императора, отца.

Звание Отца отечества было не только значительно, но и многозначно. Его можно рассматривать как парное к обозначению роли основателя Города — Ромула. *Pater patriae* обозначал того, кто спас государство от беды (например, Камилл), так что как бы заново его основал («второй Ромул»). Он также означал государственного деятеля, правящего по-отцовски строго, но справедливо. Как идеальный римский принцепс или стоический мудрец¹⁰⁰, *pater patriae* действует на основе осознания своих обязанностей перед богами, а также перед согражданами или подданными. Некоторые авторы сравнивали *patria potestas* с *imperium* высших магистратов, имея

в 44 г. имя Отца отечества было даровано сенатом Юлию Цезарю. После Тиберия *pater patriae* был важной частью титулатуры римских императоров. См.: Alföldi A. Der Vater... S. 112 ff.

⁹⁹ Сравн.: Barchiesi A. The poet and the prince. Ovid and Augustan discourse. Berkeley, CA, 1997. P. 282, 291.

¹⁰⁰ Для Сенеки *pater patriae* — одна из ипостасей идеального правителя, врач общества, излечивающий его пороки (Sen. const. sap. l. 1; cf. id. clem. l. 1. 3 sqq., l. 14. 2; cf.: Dio LIII. 18. 3 etc.)

в виду степень реального влияния обладавшего таким почётным именем человека¹⁰¹.

Звание Отца отечества имело традиционное, «республиканское» происхождение и вполне вписывалось в идеологию «восстановленной республики». *Pater patriae* был исключительной почестью, которой были удостоены лишь немногие самые выдающиеся римляне за исключительные заслуги перед «республикой». Цицерон получил почетное прозвище *pater patriae* после подавления заговора Катилины. Правомерность этого титула у Юлия Цезаря подвергалась сомнению уже многими современниками¹⁰². Это было связано с «тираническими» чертами его политики. Стоит прислушаться и к мнению тех исследователей, которые усматривают в самом звании *pater patriae* монархическое содержание. Оно напоминает об отце римской фамилии — *pater familias*. Его власть над всеми членами патриархальной семьи (*patria potestas*) была почти неограниченной. Их связывали взаимные обязательства, освящавшиеся *pietas*. Эти обязательства, аналогичные клиентским, как и власть, могли подразумеваться и применительно к *pater patriae*¹⁰³. Но дело далеко не только в этимологии терминов.

В отличие от эпохи Республики, звание Отца отечества, полученное Августом, было не только почётным, но и соответствовало его реальным властным полномочиям, формальным и неформальным, по отношению к *populus Romanus* и его империи. Имея превосходящую *auctoritas*, статус принцепса, *imperium maius*, *tribunicia potestas*, *sacrosanctitas* и прочие полномочия, привилегии и титулы, Август, кроме того, был связан с римскими гражданами и провинциями патронатными узами. Можно допустить, что достаточно ответственно относившийся к своим обязанностям принцепс действительно ощущал себя в роли не только *rector rei publicae*, но и *pater patriae*. Август стремился действовать в соответствии с «нравами предков» и, как глава семейства (*pater familias*), в интересах всех римлян. Этому курсу отвечали усилия в области законодательства, в частности, семейно-брачного, где он, фактически уже как Отец отечества, позволил себе беспрецедентное вмешательство в дела *familiae* (раздел VI.4). Почитание гения и ларов Августа было аналогией домашнего культа, в центре которого находились предки и *pater familias*. Также

¹⁰¹ Cic. Cato 37; Ulp. dig. L. 17. 4; Gell. X. 23. 4. О значении звания *pater patriae*; Alföldi A. Der Vater... 1971. S. 40–138; Zanker P. Forum Augustum. Tübingen, 1967. S. 25 f.; Pabst A. Comitia imperii: ideelle Grundlagen des römischen Kaisertums. Darmstadt, 1997. P. 101 f.

¹⁰² О получении Цезарем звания *parens* / *pater patriae*: Liv. per. 116; Suet. Iul. 76, 85; ILS. 71; Dio XLIV. 4. 4. *Parens* означало «приемный / ная родитель / ница».

¹⁰³ Веллей Патеркул называет Тиберия при Августе *patronus imperii Romani*. Слав самостоятельным правителем, Тиберий отказался принять титул *pater patriae* (Vell. II. 120. 1; Tac. ann. II. 87; Suet. Tib. 26. 2; Dio LVII. 8. 1). Последующие императоры, как правило, получали его в ходе своего правления.

в римской *civitas* Август играл роль отца, который заботится о Риме и всех его гражданах¹⁰⁴.

В основе патерналистского имиджа было достигнутое в третьье десятилетие в сущности единоличного правления благополучие — «Августов мир». «Деяния» — памятник его кульминационного момента. Прочность режима ни у кого не вызывала сомнений. Нерушимы были значительно расширившиеся границы империи Римского народа. Казалось, и в самом деле наступил Новый век, которому не было видно конца. Ничто не предвещало ни преждевременной смерти наследников престола, ни разгрома легионов в Тевтобургском лесу. Братоубийственные гражданские войны перешли в область далеких преданий. Достижение цели — «восстановление республики» и создание «наилучшего» государственного строя — приобщало Августа к сонму полубогатых мудрецов и основателей совершенных государств.

В течение почти полувека своего правления Октавиан-Август постоянно укреплял свои позиции как первого лица, контролировавшего все области государственного правления. Но среди отличий, которые он принял в Риме, не было ни одного, которое могло бы однозначно восприниматься как обозначение монархической власти. В качестве типичной для заключительной фазы правления может служить следующее обозначение его имени и титулов: «Император Цезарь сын Божественного Юлия Август, великий понтифик, тринадцатый раз консул, двадцать первый раз император, тридцать седьмой раз обладатель трибунской власти, Отец отечества...»¹⁰⁵. Они передавали гордость (пусть она и кажется нам чрезмерной) их обладателя тем, чего он достиг в восстановленной им «республике» Римского народа.

Среди обозначений особого статуса были такие, содержание которых могло выходить за рамки *rei publicae restitutae* и смешанной конституции. Это должно было настораживать тех сенаторов, которые ещё грезили о *res publica libera*. *Cognomen Augusti* связывал его носителя с божественным прорицанием об основании города и содержал в себе воспоминание о первом царе. Вместе с *divi filius* он недвусмысленно говорил об особой связи с миром богов и указывал на сверхчеловеческую природу власти Августа. Эти коннотации находили продолжение в *praenomen imperatoris*, а также в различных проявлениях почитания властителя. *Pater patriae* нашел себе место не только в домашних, общинных (квартальных), но и в государственном культах.

¹⁰⁴ См.: Gruen E. S. Augustus and the making of the principate // Galinsky K. (ed.). The Cambridge companion to the age of Augustus.

¹⁰⁵ *Imp. Ca[es]ar Divi (Juli) f. Augustus, pontifex maxim(us), cos. XIII, imp(erator) XXII, tribunic(ia) potest(ate) XXXVII, p(ater) p(atriciae) [...]*. (ILS 113). Это надпись найдена недалеко от Римини (Arminium). См.: Bernstein F. Der Anfang... 2012. P. 50.

Не менее важным было то, что эти и другие элементы власти, статуса, имиджа имели также имперское измерение. В провинциях «республиканские» ограничения не имели того значения, как в Риме и Италии, так что там монархические аспекты могли заявлять о себе совершенно открыто. Определённую роль играло также распространение ближневосточных верований и универсалистских идей. *Pater patriae* в масштабах формировавшейся при Августе космополитической Империи приобретал черты спасителя, покровителя и защитника всех подданных и человеческого рода, всемогущего всемирного властителя¹⁰⁶.

VII.5. “Res gestae divi Augusti”: время создания и содержание

Более глубоко проникнуть в смысл происходившего позволяют литературные произведения, вышедшие из под пера известных нам активных участников событий. И если для предшествующих десятилетий первостепенный источник — сочинения Цицерона, то для новой эпохи — документы, к созданию которых причастен создатель нового режима.

Благодаря склонности Августа к литературному творчеству исследователи обладают редкой возможностью изучения идеологии режима в трактовке его творца. Документы, к которым в большей или меньшей мере приложил руку Август, имеют, как и наш предмет рассмотрения в целом, несколько измерений. В них содержится авторское понимание событий, но в расчете на адресаты — определенные группы современников, а также потомков. Кроме того, Августовы интерпретации, сохранившиеся в оригинальной редакции (надписи), а также в извлечениях и в изложении более поздних авторов, менялись на протяжении более полувека его карьеры. Эта развитие дает путеводную нить для изучения не только правительственной политики, но также эволюции общественного сознания. Август чутко реагировал на все нюансы в настроениях современников.

Важнейшим документом являются «Деяния божественного Августа», сочиненные (по крайней мере отредактированные и авторизованные) самим принцепсом. Исключительная ценность текста, при всей тенденциозности (и благодаря ей) заключается в том, что он представляет события в трактовке главного действующего лица¹⁰⁷. Согласно Светонию и Диону Кассию,

¹⁰⁶ Сравн.: Heuss A. *Römische Geschichte*. Paderborn, 2007. S. 286 f.; Alföldi A. *Der Vater des Vaterlandes*. S. 138 ff. (“Grundbegriff der Kaiserherrschaft”); Strothmann M. *Augustus — Vater der res publica*. Stuttgart, 2000 etc. Сравн. раздел X.7.

¹⁰⁷ Важнейшие новые исследования: Yavetz Z. *The res gestae and Augustus’ public image* // Millar F., Segal E. (eds.). *Caesar Augustus...* P. 1–36; Ramage E. S. *The nature and purpose of Augustus’ res gestae*. Stuttgart, 1987; Ridley R. T. *The emperor’s retrospect: Augustus’ res gestae in epigraphy, historiography, and*

Август завещал выгравировать текст «Деяний» на медных таблицах и поместить их перед мавзолеем, выставив копии в различных городах Империи. Лучше всего сохранился экземпляр, обнаруженный на месте древнего города Анкиры (совр. Анкара) в Малой Азии, откуда одно из названий — «Ан-кирская надпись». По мнению авторитетнейшего издателя Ж. Гаже, полное название следующее: «Деяния божественного Августа, коими он подчинил мир власти Римского народа, и затраты, которые он произвел для государства и Римского народа»¹⁰⁸.

По форме — это прежде всего отчет Августа о своей общественно-политической деятельности, вплоть до составленного с бухгалтерской точностью перечисления денежных затрат во благо «республики» и граждан. Ничего необычного здесь не было, отчеты перед сенатом были обязательны для республиканских магистратов, и даже всеильный диктатор Сулла, слагая с себя полномочия в 79 г., изъявил готовность отчитаться перед любым гражданином (Plut. Sulla 34). Но это и важно, потому что ясно говорит о выполнении Августом своих гражданских обязанностей.

В то же время «Деяния» восходят к элoгию — похвальной речи, произносившейся на похоронах знатного римлянина. Ее краткое содержание в виде перечня магистратур, триумфов и других достижений на поприще служения Городу (т.н. *cursus honorum*), а также упоминания «добродетелей» покойного, высекалось на надгробии¹⁰⁹. Однако ни по объему, ни по содержанию “*Res gestae*” не сводятся к обычной надгробной надписи.

Памятник имеет хорошо прослеживаемую структуру. Свою карьеру, сообщает Август в первой главе, он начал с того, что в возрасте 19 лет (43 г. до н.э.) освободил государство от *dominatio* клики, возвратив ему свободу (*in libertatem vindicavi*)¹¹⁰. В заключительной части (глава 34) автор сообщает о том, как (в 27 г. до н.э.) возвратил *res publica* в распоряжение сената и народа. Между двумя освободительными акциями помещены услуги государству и полученные за них почести, разделенные по предметным рубрикам: чествования (*honores*: 1–14), расходы (*impensae*: 15–24), внешнеполити-

commentary. Leuven etc., 2003. Краткое описание документа: Richardson J. S. Augustan Rome... Edinburgh, 2012. P. 197–207. Важнейшие комментированные издания: Gage J. (1935) 1950², Weber E. 1999 (2014³), Giebel M. 2004², Scheid J. 2007, Cooley A. 2009 (2012³). Сравн. раздел I.7 с примеч. 65 сл. и Приложение.

¹⁰⁸ “*Res gestae divi Augusti quibus orbem terrarum imperio populi Romani subiecit, et impensae quas in rem publicam populumque Romanum fecit*”. (сокр: RG / RGDA). См.: Gage J. *Res gestae*... P. 9. Переводы на русский язык см. «Библиография». При цитировании автор сверялся с переводами на русский язык М. Ф. Дашковой, А. Л. Смышляева и И. Ш. Шифмана. О текстах Августа, в том числе «Деяниях» как источнике см. также раздел I.5 с примеч. 51 сл.

¹⁰⁹ Об элoгиях на базах статуй форума Августа см.: Suet. Aug. 31. 5, подробнее в разделе VIII. 7.

¹¹⁰ Далее в первой главе говорится, что сенат поручил ему вместе с консулами заботиться, дабы «республика» не потерпела никакого ущерба, а народ избрал его консулом и триумвиром для устройства «республики» (RGDA 1. 2–4). Имеется в виду выступление в к. 44 — нач. 43 гг. против Антония (Syme R. *The Roman revolution*. P. 154) на стороне сената, возглавлявшегося Цицероном. См. раздел III.3.

ческие успехи (*res gestae*: 25–33). По замечанию одного из исследователей, в этом типичном перечислении «полномочий, триумфов и общественных издержек отражено содержание римского государства»¹¹¹.

В литературе можно встретить самые противоположные суждения по поводу мотивов создания «Деяний»¹¹². Их можно свести к трем вариантам: самоапология (и апология, если принять версию, согласно которой к тексту приложил руку Тиберий), предназначенная то ли для современников, то ли для потомков; пропагандистский акт, направленный на идеологическое обоснование созданного порядка; политическая программа¹¹³. Содержание и время составления памятника говорят о его скорее итоговом характере. Если иметь в виду дальнейшее развитие принципата, то преемники действительно апеллировали и к авторитету самого Августа, и к содержанию «*Res gestae*». Всё же правильнее говорить не о программе, а о своего рода манифесте: в нем можно усмотреть ряд ключевых положений идеологии раннего принципата, а не план действий.

В работе, посвященной роли «Деяний» в формировании имиджа Августа, Ц. Явец подчеркнул, что сочинение предназначалось для посмертного опубликования. Принцепс, беспокоившийся о судьбе Рима и суде потомков, обращался прежде всего к всаднической молодежи, которую стремился сделать опорой режима. В своей новой книге Явец не только вернулся к этой интерпретации, но и привел в ее пользу ряд новых аргументов¹¹⁴. Все же мы не можем исключить из числа адресатов ни городской плебс (общепринятая точка зрения, обоснованная в свое время Г. Дессау)¹¹⁵, ни другие, самые различные категории населения Рима, Италии, да и всей Империи. О последнем адресате говорит сам факт провинциального происхождения всех

¹¹¹ Heuss A. *Zeitgeschichte als Ideologie. Bemerkungen zu Komposition und Gedankenführung der res gestae divi Augusti* (1975) // id. *Gesammelte Schriften*. Bd. 2. Stuttgart, 1995. S. 1319–1359, hier S. 1328.

¹¹² См.: Belloni G. *Le "Res gestae Divi Augusti..."*. Milano, 1987; Ramage E. S. *The nature and purpose of Augustus "Res gestae"*. Stuttgart, 1987; Yavetz Z. *The Res gestae and Augustus public image* // *Caesar Augustus: seven aspects*. Oxf., 1984. P. 1–36 etc. См. также: Ростовцев М. И. Заглавие и литературный характер *Monumentum Ancyranum* // *Отчет о состоянии и деятельности С.-Петербургского ун-та за 1912 г.* СПб., 1913. Приложения. С. 1–22; Машкин Н. А. *Принципат Августа*. С. 311–328; Немировский А. И. *Комментарий* // Немировский А. И., Дашкова М. Ф. «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж, 1985. С. 200–206.

¹¹³ Мнения о том, что «Деяния» являлись «политической программой... принципата», придерживались, в частности, Н. А. Машкин (*Принципат Августа*. С. 328). Среди других мнений о жанре RG: эпитафия (Борман, Ниссен), перечисление счетов (Вельфлин), отчет о деятельности (Е. Корнеманн), политическое завещание (Б. Гиршфельд), обоснование апофеоза (У. Виламовиц) и т.д. Нелишне учитывать мнение Т. Моммзена, который, называя RG отчетом о расходах, отметил, что это произведение так же бесполезно классифицировать, как «Фауста» или «Божественную комедию» (Mommson Th. *Der Rehenchaftsbericht des Augustus* // *Geschichte Schriften* IV. S. 247). См.: Yavetz Z. *The Res Gestae and Augustus public image*. 1984. P. 8 f.

¹¹⁴ Yavetz Z. *The Res Gestae...* P. 8–20; id. *Kaiser Augustus. Eine Biographie*. Hamburg, 2010. S. 1 ff.

¹¹⁵ Dessau H. *Mommson und das Monumentum Ancyranum* // *Klio*. Bd. XXII. 1929. S. 278. Этой точки зрения придерживался в своей более ранней работе и Ц. Явец (Yavetz Z. *Plebs and princeps*. Cambr., 1969. P. 56, n. 2).

дошедших до нас копий. Необходимо также подчеркнуть, что Август, как бы на склоне лет его ни одолевали мысли о вечном, должен был ориентироваться на современников.

Так или иначе, «Деяния» впитали богатый опыт целенаправленной идеологической деятельности, которая в немалой степени обеспечила успех основателю принципата. Все это позволяет рассматривать их как ключ к толкованию других свидетельств, начиная с сохранившихся памятников монументальной пропаганды, произведений изобразительного искусства и кончая сообщениями современных и более поздних писателей. При этом необходимо учитывать многослойность как в хронологическом, так и в смысловом отношении. Документ — не летопись и не систематизированный архив. Порой его информационный ряд вводит в недоумение, напоминая слегка упорядоченную свалку фактов об эволюции принципата и взглядах его создателя. Но в итоге «Деяния» впечатляют; скорее всего, и при первоначальной публикации они вызвали должный эффект.

Согласно Светонию, «Деяния», вместе с завещанием и двумя другими документами, в момент смерти Августа (19 августа 14 г. н.э.) находились на хранении у весталок, и всё это в опечатанном виде было передано для оглашения в сенат. Указанный Светонием третий день до апрельских нон (3 апреля) 13 г. н.э. датирует передачу весталкам завещания на восковых дощечках в виде двух «кодексов». В сообщении не упоминаются свитки (видимо, папирусные), в числе которых были "Res gestae"¹¹⁶. В завещании выражалось желание запечатлеть «Деяния» на медных досках и поместить их у входа в мавзолей (Suet. Aug. 101. 1, 4). Упоминание биографа может служить вспомогательным аргументом в пользу того, что в апреле 13 г. текст уже имелся. Поскольку только часть завещания была записана Августом собственноручно, можно предположить, что недостаток сил вряд ли позволил Августу вносить значительные изменения в уже тщательно составленные и отредактированные «Деяния». Автор указывает время написания 7 главы — 12 г. н.э., что можно считать датой завершения основного текста. После этого в рукопись вносились только отдельные дополнения.

¹¹⁶ Suet. Aug. 101. 1; cf.: Dio (Xiphil.) LVI. 33 (иногда дата составления завещания указывается неверно — 3 апреля 12 г. См.: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. М., 1964. С. 299, примеч. 249). Сравн.: Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 226. Отметим также, что документов было не три, а четыре: завещание, распоряжение о погребении, «Деяния» и отчет о состоянии государственных дел (Сравн.: Suet. Aug. 101. 1 и 101. 4). См. также: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 311 сл.; Gage J. (ed.). Res gestae Divi Augusti P. 19; Brunt P. A., Moor J. M. RGDA. P. 6; Ramage E. S. The date of Augustus' Res gestae // Chiron. 1988. Bd. 18. P. 71–82. Следует отметить важность третьего названного Светонием свитка, который был подробным отчетом о состоянии государственных дел (*breviarium totius imperii*), в том числе армии и финансов (Suet. Aug. 101. 4, cf.: Tac. ann. I. 11. 7; Dio LVI. 33. 2. Cf. Nicolet C. Space.... P. 178 ff.). Это было особенно ясной демонстрацией того, что Август до конца жизни оставался магистратом на службе «республики».

Последнее предложение: “*Cum scripsi haec, annum agebam septuagensimum sextum*” (RGDA 35. 2) — датирует памятник как минимум почти на полгода позднее (семьдесят пять лет принцепсу исполнилось 23 сентября 13 г. н.э.). Гипотезу, что эта и некоторые другие фразы¹¹⁷ добавлены Тиберием после смерти Августа, доказать невозможно¹¹⁸, тем более, что Август был человеком непреклонной воли и до конца сохранял здравый ум¹¹⁹.

В «Деяниях» относительно мало сведений, относящихся ко времени после 2 г. до н.э.¹²⁰ О событиях, произошедших именно тогда, повествует заключительная 35 глава: «В мое тринадцатое консульство сенат, всадническое сословие и весь римский народ провозгласили меня Отцом отечества, постановив написать это при входе в мой дом, в Юлиевой курии и на форуме Августа под квадригой, поставленной в мою честь по сенатусконсульту»¹²¹.

Эту главу необходимо рассматривать вместе с предшествующей 34-й, в которой говорится о событиях, имевших место четверть века ранее, в январе 27 г. до н.э. В частности, рассказывается, как после прекращения гражданских войн, обладая с «общего согласия» верховной властью, Октавиан «передал общественное достояние в распоряжение сената и Римского народа» (*rem publicam ex mea potestate in senatus populique Romani arbitrium transtuli*), за что и был назван «Августом», а также удостоен других почестей¹²². Завершается глава принципиально важным утверждением, что после этого Август превосходил всех лишь своей *auctoritas*, власти же (*potestas*) у него было не более, чем у коллег по магистратуре (RGDA 34. 3).

Указанные две главы не вписываются в указанное выше деление памятника на три части, так что следует согласиться с мнением Т. Моммзена, согласно которому Август придерживался некоего общего плана сочинения “*sine scrupulosa anxietate*”¹²³. Они также не являются непосредственным продолжением предшествующих глав, повествующих о военных успехах прин-

¹¹⁷ Res gestae 4. 4, cf. 6. 2 (подразумевается разделение трибунской власти с Тиберием в 13 г.), 8. 4 (указание на ценз 14 г., проведенный с участием Августа незадолго до его смерти). Сравн.: Dio LII. 42; LIV. 10, 13 sq.

¹¹⁸ Cf.: Brunt P. A., Moor F. M. Op. cit. P. 6.

¹¹⁹ О личном участии в составлении документов, даже в последние месяцы жизни см. также разделы: IV. 7, 9; IX. 7 и X. 7 с примеч. 102.

¹²⁰ Кроме указанных пассажей 35. 2, 4. 4, 8. 4, сравн. 14 (2 и 4 гг., речь идет о Гае и Луции Цезарях), 17 (6 г.), 20. 3 (12 г. — завершение Форума Юлия), 22. 1 (6 г.), 27. 2 (2–6 гг.), 30. 1 (4 г.), 33 (4–5 6 гг.).

¹²¹ RGDA 35. 1; см также след. раздел VII.6.

¹²² Речь идет о лавровых ветвях и венке «за спасение граждан», прикрепленных на входе в дом принцепса, и золотом щите с указанием его «добродетелей», поставленном в курии. См. предыдущий раздел.

¹²³ Mommsen Th. Res gestae divi Augusti. Berlin, 1883. Cf.: Yavetz Z. Res gestae... P. 31, n. 100. Имеющийся после 35 гл. «Аппендикс», как и краткое введение, были, по-видимому, предназначены для провинциальных копий; их авторство сомнительно. См.: Brunt P. A., Moor J. M. Op. cit. P. 80–81.

цепса. В то же время, несмотря на четвертьвековой разрыв между отразившимися в них событиями, 34 и 35 главы органично связаны; первая из них была бы там без второй просто неуместна. Вместе же они эффектно заключают памятник, рассказывая о важнейших *honores principis*. Более того, две заключительные главы тесно связаны по содержанию. Урегулирование 27 г. до н.э. («возвращение республики») было предпосылкой дальнейших успехов, за что сенат преподнес титул *Augustus*. Титул *pater patriae* был дарован во 2 г. до н.э. не только высшими сословиями, но и всем Римским народом, и это было венцом возможных почестей¹²⁴. Из сказанного, по-видимому, следует, что 34 глава в известном нам виде и на своем заключительном месте появилась не ранее 2 г. до н.э., вместе с 35-й¹²⁵. Эта общность, а не часто дебатруемый вопрос, какая из двух указанных глав является кульминацией повествования¹²⁶, заслуживает особого внимания. Обе главы подытоживают важнейшую мысль, пронизывающую весь памятник: Август с начала и до конца действовал как спаситель и восстановитель «республики». Обладая необходимыми для этого выдающимися качествами, он опирался прежде всего на *auctoritas*, что получило наивысшее признание со стороны сограждан в даровании титула Отца отечества.

Различные аспекты и проявления «республиканизма» Августа, его приверженность «древним установлениям» подчеркивается на протяжении всего текста: убийцы отца (Юлия Цезаря) были наказаны на законном основании, Октавиан воевал лишь с врагами «республики» (RG 2); он не принял диктатуру, пусть и предлагавшуюся ему народом¹²⁷, отказался от единолично представлявшей сенатом и народом власти единоличного куратора законов и нравов, поскольку это противоречило древним заветам¹²⁸; по собственной просьбе пять раз получал от сената коллегу по трибунской власти (6. 2); возродил многие обычаи предков (8. 5; cf. 13 etc.).

Если верить автору «Деяний», с самого начала своей карьеры он только и заботился о защите и сохранении «республики». Тщательная проверка показывает, что с этим согласуются не все факты. Представленная в «Деяниях» тенденциозная интерпретация событий была рассчитана на одно из самых характерных свойств человеческой памяти — забывчивость. В цитируемой первой главе Август пишет о спасении поработщенной «республики»

¹²⁴ Подробнее о значении различных *honores* Августа см.: Alföldi A. Die zwei Lorbeerbäume des Augustus. Bonn, 1973. Pass..

¹²⁵ Хотя первоначальный вариант 34 главы, видимо, относится ко времени до 23 г. до н.э.

¹²⁶ К примеру, Н.А. Машкин придавал особое значение 34-й главе (Принципат Августа. С. 314), а Ц. Явец — 35-й (Yavetz Z. The Res Gestae... P. 14).

¹²⁷ RG 5. 1; сравн. Dio LIV. I; Suet. Aug. 52.

¹²⁸ RG 6. 1. Это не был отказ от цензорских полномочий как таковых. Август исполнял цензорские функции в качестве консула. См. ibid. 8. 1–4.

от господства клики в надежде, что читатели не помнят оборотной стороны имеющейся здесь в виду борьбы с Антонием: сын Юлия Цезаря выступил в союзе с его убийцами (RG 1. 1). Чуть далее, рассказывая о войне с заговорщиками, автор представляет их также как врагов республики — но опять не называет имени Антония, теперь уже в качестве своего союзника (ibid. 2). На подобные умолчания, передержки и искажения такой политик как Август, мог пойти, лишь будучи уверен, что опасаться некого.

Поколение участников бурных событий уже сошло со сцены. Сочинение предназначалось для людей, знавших о гражданских смутах лишь понаслышке и, главное, — не имевших ни малейшего желания разбираться в подобных нюансах. Перед ними стояли иные вопросы, на которые следовало обязательно ответить. В последней редакции “*Res gestae*” Август стремился сконцентрировать внимание потенциальных читателей на обосновании идеи континуитета: *res publica*, созданная доблестными предками, живет, и заслуга ее «восстановления», причем в еще лучшем виде, принадлежит принцепсу. Актуальность доминирующей в «Деяниях» идеи вытекала из создавшейся новой социально-политической ситуации, как ее трактовал сам Август.

После 27 г. до н.э. прошла четверть века. От глаз внимательного наблюдателя не могли скрыться детали, постепенно складывавшиеся в некую картину. Неизбежно выкристаллизовывалось осознание серьезности произошедших перемен. Не все могли совместить новую реальность с официальной идеологией «восстановления республики». Сомнения могли проявляться в каких-то высказываниях, репликах на заседаниях сената. Это заставило Августа обратить внимание на обоснование концепции континуитета. Некоторые акценты, характерные для «Деяний», являются главным подтверждением достоверности реконструируемой здесь картины изменений в общественном сознании. Принципиальная новизна концепции дошедшего до нас варианта RGDA лучше всего обнаруживается в сравнении с идейным содержанием предшествующих сочинений основателя принципата.

VII.6. От пропагандистской перепалки — к манифесту Отца отечества

Наряду с многочисленными речами, подготовка¹²⁹ и произнесение которых были неременной составной частью государственной деятельности в республиканском Риме, в начале своей карьеры Октавиан воспользо-

¹²⁹ Об образовании Октавиана см. раздел IV. 7. О тщательной подготовке речей Августом пишет Светоний. Он между прочим указывает, что Август стал первым читать свои речи с написанного текста (Suet. Aug. 84. 1–2; cf. Tac. ann. XIII. 3). О «пропагандистской» литературной деятельности принцепса и его помощников см. Kienast D. Augustus. S. 261 ff. с указаниями на источники и литературу.

вался таким литературным жанром, как инвектива¹³⁰. Ранее уже говорилось о том, что «сочинения», которыми обменивались Антоний и Октавиан, носили характер личных выпадов и оскорблений. Изобретательность авторов инвектив, в соответствии с античными нормами гласности, измерялась уровнем бесстыдства. Разумеется, впоследствии взаимные обвинения во всех мыслимых грехах и преступлениях не прекратились. В конце концов, юный Цезарь одержал на этом поприще решающую победу (см. раздел III.10).

Но и в период триумvirата Октавиану доводилось выступать с серьезными речами. О содержании одной из них, относящейся к осени 35 года, можно судить по краткому резюме Аппиана и обстоятельствах, ее сопровождавших. Речь была произнесена после разгрома Секста Помпея и лишения власти Лепида. Народ восторженно встретил Цезаря уже потому, что победа над Помпеем означала возобновление регулярного снабжения Рима хлебом. В числе других почестей сенат постановил учредить ежегодные праздники, а на форуме была водружена ростральная колонна, увенчанная золотой статуей Октавиана. Надпись гласила: «На суше и на море он восстановил нарушавшийся долгими распрями мир». В речи содержался отчет о государственной деятельности, безусловно включавший военные заслуги, а также объявлялось о прощении недоимок по налогам и долгов откупщиков (App. b. c. V. 130). Следует предположить также заявления программного содержания. В какой-то мере представление об образе мыслей Октавиана в то время дает следующая глава Аппиана. В ней говорится об отказе подчиниться принятому народным собранием закону, в соответствии с которым он получал отнятое у Лепида звание верховного понтифика. Октавиан не пошел на нарушение традиции — должность была пожизненной. Там же говорится о его приказе расправиться с беглыми рабами (ibid. V. 131). Еще более ясно об актуализации «республиканских» идей говорит обещание Цезаря «восстановить республику» после возвращения Антония из парфянского похода (ibid. V. 132).

Следующий этап литературно-пропагандистской деятельности Октавиана-Августа относился к первым годам его единовластия. «Автобиография» (*De vita sua*) в 13 книгах, доведенная до Кантабрийской войны (26–25 гг.)¹³¹,

¹³⁰ Наиболее известные предшественники Октавиана и Антония в сочинении инвектив — Цицерон и Саллюстий (авторство которого сомнительно). См.: Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 1981. С. 126–128, 142–147. Об «Анти-Катоне» юного Октавия см. раздел IX.7, о сатирических стихах в период Перузинской войны — раздел IV.7 с примеч. 195.

¹³¹ Bringmann, Wiegandt. 187T = M I (Suet. Aug. 85,1). Тринадцать книг указывает также Суда: 188T (Sud. I p. 410 Adler). Фрагменты текстов Августа и далее приводятся по изданию: Bringmann K., Wiegandt D. (hrsg.). Augustus. Schriften, Reden und Aussprüche Darmstadt, 2008 (далее: Bringmann, Wiegandt). Буква F означает «фрагмент», T — «свидетельство» /Testimonium/. Для удобства по возможности дается также нумерация по изданию: Malcovati E. Imperatoris Caesaris Augusti operum fragmenta. Turin, 1969⁵ (с буквой M).

интерпретировала важнейшие события, последовавшие после смерти Цезаря. Написание относят к «кризисному» 23 г. до н.э., когда тяжелая болезнь побудила Августа подвести итоги и попытаться объяснить свои поступки перед лицом современников и потомков. По мере выздоровления Август основное внимание сконцентрировал на обосновании своего исключительного положения в государстве. Посвящение Меценату и Агриппе¹³², возможно, указывает на участие ближайших советников в составлении текста. Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам¹³³, сочинение, по жанру ориентировавшееся на «Записки» приемного отца, впитало содержание и аргументацию «инвективного» периода творчества Октавиана и носило характер личного самооправдания¹³⁴. Как показывает сохранившееся часть *bios Kaisaros* Николая Дамасского, «Автобиография» должна была при этом стать официальной интерпретацией фактов личной и политической жизни основателя нового режима.

Автобиография в первую очередь преследовала цель опровергнуть многочисленные нападки бывших соперников, и прежде всего обвинения Антония, которые продолжали циркулировать и после его смерти. В частности, в «Автобиографии» утверждалось, что Октавий происходил из всаднической, но древней, уважаемой и богатой семьи, в которой отец удостоился сенаторского статуса¹³⁵, и с юношеских лет отличался незаурядными способностями¹³⁶. Важное место занимала легитимация положения Октавиана как наследника Юлия Цезаря¹³⁷, а затем сына обожествлённого диктатора. Сообщение Плиния Старшего позволяет по крайней мере предположить, что в связи с рассказом о появлении «Юлиевой звезды» во время посвященных отцу игр Август не преминул намекнуть и о собственном предназначении как исцелителя «круга земель»¹³⁸. В другом фрагменте рассказывается о сделанном на этих торжествах пророчестве гадалца Вулкания о наступлении нового века¹³⁹.

¹³² 194 F = M VIII (Plut. comp. Dem. et Cic. 3. 1).

¹³³ Malcovati E. Imperatoris Caesaris... P. 84–97; Bringmann, Wiegandt. S. 191–214.

¹³⁴ Из работ, в которых рассматривается содержание «Автобиографии», см.: Blumenthal F. Die Autobiographie des Augustus // WSt. Bd. 35. 1913. S. 113–130; Bd. 36. 1914. S. 84–103; Hahn H. Neue Untersuchungen zur Autobiographie des Kaisers Augustus // La Nouvelle Klio 10. 1958–1960. S. 137–148; Misch G. Geschichte des Autobiographie. 1949³. S. 268–282. Schmitthenner W. Augustus' spanischer Feldzug und der Kampf um den Prinzipat // Historia 11. 1962. S. 29–85 (об Августовой «Автобиографии» С. 64); Walter U. The lost memoirs of Augustus and the development of Roman autobiography // HZ. Bd. 292, 3. 2011. S. 743–775. Материалы конференции, посвященной «Автобиографии» Августа: Smith C., Powell A. (eds). The lost memoirs of Augustus and the development of Roman Autobiography. Swansea, 2009.

¹³⁵ Suet. Aug. 2. 3.

¹³⁶ 190 F = M IV (Tert. de an. 46), comp: Suet. Aug. 94. 9; Plut. Cic. 44. 2.

¹³⁷ 191 F = M V (Cass. Dio 44. 35. 2 sq.) о завещании Цезаря, в том числе о назначенных раздачах народу.

¹³⁸ 192 F = M VI (Plin. n. h. II. 93 sq.).

¹³⁹ 193 F = M VII (Serv. bucol. IX. 46). См. также раздел VI.6.

Октавиан показывал, что предпочитал действовать конституционным путем, и лишь под давлением обстоятельств и под угрозой жизни был вынужден также опираться на силу. Об этом свидетельствовали сообщения о союзе с Цицероном и попытки продолжить сотрудничество с сенатом после битвы при Мутине. Тогда, весной–летом 43 г. сенат отказал ему в разрешении баллотироваться на должность консула. В «Автобиографии» Октавиан хотел показать, что это вынудило его к союзу с Антонием и Лепидом¹⁴⁰. Опровергались обвинения в кровожадности в период гражданских войн¹⁴¹. Немалые усилия автора были также направлены на то, чтобы по крайней мере нейтрализовать неблагоприятные сведения о трусости в период гражданских войн, несостоятельности как полководца¹⁴²; рассказывалось о победах в Иллирии¹⁴³.

При том внимании, которое уделялось в «Автобиографии» личным качествам принцепса, следует предположить, что там фигурировали «добродетели щита»: *virtus, clementia, iustitia, pietas* — официально признанные в 27 г. В целом, «Автобиография» была посвящена самоапологии, но также обоснованию исключительного места принцепса в государстве. В имеющихся фрагментах отсутствует положение, которое соответствовало бы главной идее «Деяний» — «восстановлению республики»¹⁴⁴; нет упоминания об «урегулировании» 27 года. Восходящая, по-видимому, к «Автобиографии» туманная фраза в RGDA 34. 3 о том, что Август не обладал властью большей, чем его коллеги по магистратуре¹⁴⁵, первоначально подразумевала отсутствие факта узурпации власти. Не было сформулировано претензий на учреждение нового порядка вещей. Не эта тема была наиболее актуальна в первое десятилетие Августова «мира»: в центре обсуждения стоял вопрос о личности принцепса, о том, обладает ли именно он достаточными основаниями для занятия своего положения в «республике», но не о сущности режима. Преемственность с традиционным устройством предполагалась как само собой разумеющееся, и правительству незачем было ставить на обсуждение еще и этот аспект урегулирования. К этому времени замысел

¹⁴⁰ 194 F = M VIII (Plut. comp. Dem. et Cic. 3. 1); 195 F = M IX (Plut. Cic. 45. 4–46. 1); 196 F = M X (Plut. Brut. 27. 1 sq.)

¹⁴¹ Обвинения Октавиана в жестокости см.: Tac. ann. I. 10; Suet. Aug. 13. Cf.: Suet. Aug. 15. App. b. c. III. 95.

¹⁴² 198 F = M XII (Plut. Brut. 4L. 3sq–5). Cf.: F. 17 = App. b. c. III. 14.

¹⁴³ 201 F = M XV (App. Illyr. 14–16)

¹⁴⁴ На отсутствии в «De vita sua» тезиса о «восстановлении республики» настаивает и Ц. Явец, полемизирующий по этому поводу с Т. Фаубелем и Ф. Блюменталем (Vaubel Th. Untersuchungen zu Augustus Politik und Staatsverfassung nach den Autobiographischen Schriften... Diss. Deissen, 1934. S. 26, n. 3; Blumenthal F. Op. cit. S. 113. Cf. Yavetz Z. P. 3, 27–28, n. 20).

¹⁴⁵ Подразумевалась ситуация перманентного консульства Августа, имевшая место до 23 г. См. раздел V.4.

обустройства «республики», конечно, существовал, но мысль о принципиальной новизне установившегося политического строя не стояла в центре внимания и соответственно — не являлась предметом общественной дискуссии¹⁴⁶.

Возможно, некий промежуточный этап развития идеологии принципата был сформулирован в перечне деяний, составленном Августом в 13 г. до н.э. Он был передан квестору для зачитывания в сенате (Dio LIV. 25. 5). Документ должен был отразить происшедшие за десятилетие 23–13 гг. серьезные изменения в политике и идеологии, учесть акценты, расставленные празднованием Секулярных игр в 17 г. По-видимому, этот текст редактировался и дополнялся во 2 г. до н.э., в результате чего и появилась основа дошедших до нас «Деяний».

Не будь доподлинно известно, что сочинитель инвектив, автобиографии и автор «Деяний» — одно и то же лицо, это можно было бы установить разве что по сходству стиля или генетически запрограммированному строю мыслей. В них как будто излагались разные события. В “*Res gestae*” нет и речи об ожесточенной, без разбора, борьбе за власть между несколькими претендентами. Имена соперников не упоминаются. Лишь о некоторых из них по прочно пришитым «ярлыкам» могли догадаться немногие чудом пережившие страшные времена и на удивление долговечного, хоть и болезненного победителя: об Антонии — по упоминанию о «факции» (RG 1. 1.); о Бруте и Кассии, которые объявили войну «республике» (ibid. 2); о С. Помпее, возглавлявшем «пиратов» и «рабов», которые подняли оружие против «республики» (ibid. 25. 1, cf. 27.3)¹⁴⁷. За строками «Деяний» — не честолюбивый искатель власти, один из триумвиров, сочинитель грязных пасквилей, а благородный спаситель и восстановитель «республики». Это соответствовало новому имиджу Отца отечества.

VII.7. Эффект присутствия: портреты правителя

Житель города начала XXI века, привыкший к множеству красочной рекламы товаров и услуг, к избирательным плакатам и фотографиям политиков, не говоря уже о множестве мультимедийных изображений, с большим трудом может представить себе ситуацию двухтысячелетней давности. Но зна-

¹⁴⁶ О причинах скудости сведений о смешанной конституции вообще сказано в разделе V.2. Отсутствие высказываний самого Августа о «восстановлении республики», возможно, связано также с утратой значительной части его текстов. Ведь Август не избегал в «Автобиографии» ссылок на Цицерона, но достоверное сообщение об этом найдено лишь у Тертуллиана (сравн. разделы III.3 с примеч. 127 и III.4 с примеч. 145).

¹⁴⁷ Cf.: Brunt P.A., Moor J. M. Op. cit. P. 3. О сознательном замалчивании «Августом» деятельности «Октавиана» см. также: Heuss A. Zeitgeschichte als Ideologie... S. 89.

комство с сохранившимися портретами времени Поздней Республики и тем более Империи совершенно ясно свидетельствует о наличии того, что сегодня принято называть «пиаром», а в прошлом столетии было известно как агитация и пропаганда. Они ещё не вторгались так настойчиво во все области жизни. Но это уже вопрос уровня культуры создателей пиара, а также технологий, которыми они располагали.

Различные надписи, из которых наиболее известны предвыборные призывы из Помпей, свидетельствуют о распространенности письменной агитации. Если мы говорим о большой политике в городе Рима, то масштабы и средства политической агитации были гораздо более изощренными и даже изысканными. Римские политики времени Республики широко пользовались самыми различными средствами, словом и образом, для воздействия на сограждан. Суждения исследователей о сравнительной эффективности видов искусства и способов влияния на общественное мнение трудно верифицировать. Заслуживает внимания утверждение С. Прайса, согласно которому «монетная пропаганда» уступала в своем воздействии на умы современников монументальной скульптуре. Наиболее действенными ученому представлялись публичные ритуалы, особенно связанные с императорским культом¹⁴⁸. Важные наблюдения над языком императорских эдиктов сделала М. Бреннер. Обнаружилось стремление Августа править посредством *auctoritas*, методом убеждения, а не приказами и принуждением¹⁴⁹.

Средства визуального воздействия особенно широко применялись в таких распространенных ритуалах, как торжественные шествия — «помпы»: религиозные, праздничные, триумфальные, как и похороны знатных людей. Во всех использовались изображения: идола богов, картины с изображениями батальных сцен, взятых городов и крепостей, изображения побежденных царей, «трофеи», символические статуи или восковые маски покойника и предков. Сами участники шествий были актерами костюмированного действия: триумфатор был одет в пурпурную расшитую золотом тогу (*toga picta*), в позолоченных сапожках, лицо было выкрашено охрой. В одну руку триумфатор брал лавровую ветвь, в другой держал богато украшенный скипетр из слоновой кости с навершием в виде орла, голову увенчивал лавровый венок. Триумфатор ехал, стоя на круглой позолоченной квадриге. Воины шествовали со всеми отличиями и боевыми наградами. В процессии везли произведения искусства, вели соответствующим образом одетых плененных полководцев и царей (в заключение их, как правило, умерщвляли).

¹⁴⁸ Price S. R. F. *Rituals and power...* P. 101. Другие суждения: Yavetz Z. *The Res gestae...* P. 12–13; Crawford M. H. *Roman imperial coin types...* P. 47 f.

¹⁴⁹ Benner M. *The emperor says: studies in rhetorical style in edicts of early empire*. Esp. p. 15, 56–85.

Яркие цвета, блеск богатой добычи, громкая музыка — все это должно было надолго запомниться народу. Прославлялся Рим и его боги-покровители, к ногам которых складывались самые почётные трофеи. А воинская слава полководца, запечатлевшаяся в памяти будущих избирателей вместе со щедрыми раздачами, в будущем обеспечивала триумфатору почетные должности и политическое влияние.

В период Поздней республики, особенно с середины II в. до н.э., в художественной жизни Рима все явственнее прослеживается эллинистическое влияние. Воздействие греческой культуры, наряду с этрусской, началось давно, недалеко были расположены города Великой Греции. Но с завоеванием Балканского полуострова и эллинистических государств оно стало доминирующим. Освоение культурных достижений греческого мира на фоне роста богатства римского нобилитета определяло содержание кардинальной перестройки сознания. Переструктурирование системы ценностей сопровождалось сменой эстетических идеалов. Некоторые современные исследователи определяют эти процессы как «культурную революцию»¹⁵⁰.

Конкретные механизмы изменений были многообразны, как сама жизнь. Десятки тысяч римских граждан то ли в составе легионов, то ли в качестве откупщиков и торговцев, побывали в странах Восточного Средиземноморья. Военачальники приобщались к искусству, кораблями вывозя в Рим скульптуры и картины. Во время триумфов трофеи на повозках часами проезжали мимо толп народа, пораженного их необычностью, красотой и великолепием. В числе рабов были учителя или просто сколько-нибудь образованные греки, которые стали гувернёрами. Сыновья нобилей завершали свое образование в Афинах, а также в других культурных центрах эллинистического Востока. Представители правящего класса, как правило, были двуязычны. Староримские традиции причудливым образом соединялись с космополитичной, ориентированной на радости жизни, эллинистической культурой.

Римский скульптурный портрет был одним из продуктов эпохи преобразований. Сравнительно недавно было принято считать, что римский скульптурный портрет, с его подчеркнутым, даже подчас утрированным реализмом, ведёт свое происхождение от восковых погребальных масок¹⁵¹. В последнее время становится ясно, что особенности римского портрета явились продуктом позднеереспубликанской эпохи. На развитии жанра сказалось не только влияние реалистичного эллинистического искусства и со-

¹⁵⁰ Эта концепция подробно излагается в книге: Wallace-Hadrill A. Rome's cultural revolution. Cambr. etc., 2008, 2010 (with corr.). См. также раздел I.1 с примеч. 6.

¹⁵¹ В знатных родах восковые маски, сделанные с покойных курульных магистратов, несли в похоронной процессии (*pompa funebris*). В остальное время эти изображения выставлялись в атриумах как документальное свидетельство древности и знатности рода.

вершенствующееся мастерство местных художников. Портретное искусство отразило растущее самосознание личности и индивидуализм, прежде всего, представителей высшего сословия¹⁵².

Греция давно знала погребальные и почетные памятники, со времени Поздней Республики они стали обычны и в Риме. Но если греки стремились к отображению всего тела, новым, римским, было частое сведение статуи к бюсту, концентрация на голове как воплощении индивидуальности. Это делало возможным повторное использование статуй. При необходимости заменялась голова, которая часто изготавливалась отдельно от статуи. Ко времени Августа портреты политиков имели в Риме достаточно долгую традицию¹⁵³. Известно об изображениях выдающихся полководцев: Гая Мария, Суллы, Помпея, Юлия Цезаря.

И всё же портретные статуи Августа — явление совершенно новое. Римские коллекции в Ватикане и Капитолийских музеях, Лувре, Новой глиптотеке Карлсберга в Копенгагене дают возможность даже без скрупулезного подсчета увидеть, что производство изображений Августа выросло скачкообразно. Причина очевидна — востребованность статуй и бюстов принцепса и членов его семьи. Мало, что статуя почитаемого лица была выставлена на Римском форуме или на Капитолии. Растущая столица мира имела достаточно зданий и площадей, чтобы продемонстрировать уважение и лояльность по отношению к принцепсу. То же в других городах Италии и в провинциях. Количество сохранившихся изображений Августа превышает их число для любого другого исторического лица древности. Только скульптурных портретов известно более 250, и каждый год находят новые¹⁵⁴. Это можно объяснить авторитетом основателя принципата, который продолжал оставаться образцом для последующих правителей¹⁵⁵. Сказа-

¹⁵² В качестве введения в проблематику см.: Бритова Н. Н., Лосева Н. М., Сидорова Н. А. Римский скульптурный портрет. М., 1975, особ. гл. II и III; Zanker P. Die römische Kunst. München, 2007; Stewart P. The social history of Roman art. Cambr., 2008 etc.

¹⁵³ Общая характеристика изображений Августа см. в: Vierendeel K., Zanker P. (hrsg.). Die Bildnisse des Augustus...; Hausmann U. Zur Typologie und Ideologie des Augustusporträts // ANRW II. Bd. 12.2. S. 513–598; Fittschen K. Die Bildnisse des Augustus // Binder G. Saeculum Augustum III. 1991. S. 149–203; Simon E. Augustus: Kunst und Leben in Rom um die Zeitenwende. München, 1986. Bes. S. 52–66; Zanker P. Studien zu den Augustusporträts I. Der Aktium-Typus. Göttingen, 1973; id. Augustus und die Macht der Bilder; Boschung D. Die Bildnisse des Augustus etc.

¹⁵⁴ Здесь речь идет о римских копиях. См.: Fittschen K. Die Bildnisse... S. 150.

¹⁵⁵ Эта традиция получила продолжение в средние века. Ограничимся примером «Креста Лотаря», в который вмонтирована римская камея с портретом Августа. Крест хранится в сокровищнице Аахенского собора. На самом деле этот шедевр ювелирного искусства появился на век позднее времени правления лотарингского короля Лотаря II. Предполагается, крест изготовлен в Кёльне по заказу Оттона III — правителя Священной Римской империи германской нации (король с 983 г., император в 996–1002 гг.). Программой его правления была *renovatio (restauratio) imperii Romanorum*. Оттон III следовал Карлу Великому, рассматривавшему свое государство как христианского преемника Западной Римской империи. Так что выбор портрета Августа был не случаен. См. также раздел I. 2 с примеч. 37 слл. и илл. I. 2 сл.

лось длительное время правления, а также внимание, которое сам принцепс уделял формированию общественного мнения. Но важнейшим фактором оказалось позитивное отношение населения и особенно элит Италии и провинций к установившемуся режиму¹⁵⁶.

Изготавливались изображения Августа всевозможных форм, размеров, из различных материалов. Известны живописные портреты и рельефы на монетах, геммах, камнях, алтарях и сосудах, на оружии и медалях; произведения круглой пластики, от миниатюрных портретов до колоссальных статуй. Использовались мрамор и другие породы камня, бронза. Известно, что было также множество скульптур из золота и серебра. Найдены или упоминаются статуи стоящие и сидящие, на коне, обнаженные¹⁵⁷, полу-обнаженные, с оружием, государственными инсигниями и предметами культа, с коронами, с покрытой и непокрытой головой. Различаются также индивидуальные черты: овал головы, лицо, возрастные признаки и многое другое.

В архитектурных комплексах наряду со статуями очень ценились бюсты, которые в период Ранней Империи включали лишь небольшой фрагмент верхней части туловища¹⁵⁸. Существовало 2 типа статуй для репрезентации принцепса: дома и на войне (*domi militiaeque*). Им соответствовали изображения Августа в тоге или при панцире (также конные). Наиболее типичны: для первого — статуя с виа Лабикана в Риме, для второго — статуя из Прима

¹⁵⁶ Методика была разработана в ходе копирования шедевров греческих мастеров со II в. до н.э. Копии портретов Августа изготавливали мастерские в Италии и крупных провинциальных центрах. Изделия распространялись через торговцев, без правительственного участия. М. Стюарт показал, что в Юлиев-Клавдиев период не было централизованного изготовления и рассылки рисунков или шаблонов из глины и воска (*imagines*) для механического производства копий на местах. См.: Stuart M. How were imperial portraits distributed throughout the Roman empire? // *AJA*. Vol. 43. 1939. P. 601–617 (deutsch in: Heintze H. von (hrsg.). *Römische Porträts*. Darmstadt, 1974. S. 232–265; cf.: Pfanner M. Über das Herstellen von Porträts. Ein Beitrag zu Rationalisierungsmassnahmen und Produktionsmechanismen von Massenware im späten Hellenismus und in der römischen Kaiserzeit // *JbDAI*. Bd. 104. 1989. S. 157–257.

¹⁵⁷ Известная камея 36 г. до н.э. с обнаженным Октавианом предположительно изображает его на море, в котором резвятся тритоны (на наш взгляд, он управляет четвёркой тритонов, мчащей его по морю). В воде заметна голова С. Помпея (есть мнение, что это Антоний). Цанкер допускал оба варианта — Zanker P. *Augustus und die Macht der Bilder*. S. 103, Abb. 82 сравн.: Maderna-Lauter. *Glyptik* // Heilmeyer, W.-D. etc. (hrsg.). *Kaiser Augustus und die verlorene Republik*. S. 466 f., Abb. 246 с литературой). За победу над Секстом Помпеем Август получил позолоченную статую с посвящением за восстановление мира на воде и на суше. Стивенсон, в противоположность Цанкеру, исходил из того, что властители могли представляться при жизни обнаженными, без того чтобы римляне были при этом шокированы. Всё же нет твёрдо установленных изображений обнажённого Августа, изготовленных при его жизни (кроме монет). Изображение на сардониксе допускает скорее другую интерпретацию: вероятно, представлен Агриппа, а не сам принцепс. В целом известно немного статуй обнажённых римлян. Поэтому заслуживает доверия предположение Цанкера о нравственно обоснованной стыдливости римлян. Они любовались художественными произведениями на греческой земле, но не часто заказывали собственные статуи в обнаженном виде (Stevenson T. The 'problem' with nude honorific statuary and portraits in Late Republic and Augustan Rome // *G&R*. Vol. 45. 1998. P. 45–69). Сравн.: Strothmann M. *Augustus...* S. 49, Anm. 20.

¹⁵⁸ Массивные бюсты, на которых покоятся некоторые Августовы головы в старых музеях, например во флорентийской галерее Уффици, являются добавлениями времени барокко. Античные изображения такого типа изготавливались только с III в. н.э.

Порта. Кроме двух главных «реалистичных» типов, были еще идеализированные формы, ведущие происхождение от мифологических персонажей. Они использовались при изображении принцепса, но главным образом — принцев и женщин императорского дома. Копировались статуи Геры, Деметры или Афродиты вплоть до головы, а затем крепились головы императрицы или принцессы. Молодые члены семьи принцепса, рассматривавшиеся как наследники, тоже могли изображаться в тоге или в панцире. Но они чаще, чем правящие императоры, были обнажены. Выделяют ещё подтип с набедренной повязкой (*Hüftmanteltypus*). Как и обнаженный, он был замимствован у греческих статуй богов и героев. В подобных статуях голова, как правило, изготавливалась вместе с туловищем, поскольку трудно было скрыть линию соединения.

Многообразие типов изображений затрудняет систематизацию находок. На определенной стадии исследований бытовал ряд ошибочных представлений. Так, портреты с юными чертами лица принимались безусловно за более ранние, и наоборот, считалось, что скульптуры с признаками более зрелого возраста изображали престарелого императора. Исследования последних десятилетий показали, что все огромное количество Августовых изображений восходит к немногим прототипам¹⁵⁹. Отклонения объясняются в основном тем, что сохранились копии, причем они могли по цепочке все более отклоняться от оригинала. Это зависело от качества образца и квалификации копииста, материала, размера и вида изделия, стиля, характерного для места и времени изготовления копии, исторических обстоятельств, намерений и вкуса заказчика. Так например, установлено, что копии, особенно молодежного вида, были сделаны посмертно (после обожествления), а многие копии с морщинами, а также с массивным черепом характерны для времени Клавдия (равнясь на правящего императора). В ходе исследования и сопоставления многочисленных копий, шаг за шагом, выявляются характерные черты, выстраивается история возникновения сохранившихся копий. Иногда в одном произведении смешивались (контаминировались) черты разных оригиналов; каждый из них мог быть реализован в любом оформлении (сочетания одежды, позы и других признаков) или из разных материалов.

Ателье города Рима, где изготавливались изображения императора, пользовались со времени Августа высоким спросом. Как показали исследо-

¹⁵⁹ Принцип типизации изображений (*Bildnistypen*) был открыт еще в межвоенные годы, но недооценивался исследователями. Его обосновали и применили Клаус Фитшен и Пауль Цанкер: Zanker P. *Studien zu den Augustusporträts I. Der Aktium-Typus etc.*; Fittschen K. *Bildnistypen der Faustina minor*. Göttingen, 1982, bes. S. 17 mit Anm. 3; id. *Die Bildnisse des Augustus* (1983/87) // Binder G. (hrsg.). *Saeculum Augustum III*. 1991. S. 149–203, bes. 156 ff. Встречаются также иные классификации портретов Октавиана-Августа, чем используемая далее.

вания стиля, Италия и провинции часто получали портреты принцепса и членов его семьи из Рима. По ним на местах изготавливались копии следующих порядков, качество при этом страдало¹⁶⁰. Портреты частных лиц, которые не тиражировались подобным образом, могли поэтому превосходить по художественным достоинствам императорские изображения, особенно в провинциях. Но для различения императорских портретов и их типов могут быть использованы особенности их причесок. Особенно полезно оказывается ориентирование по локонам. Даже их число, определенное в образцах, достоверно повторялось в копиях. Причиной тому была, с одной стороны, легкость воспроизведения, в отличие от выпуклостей и округлостей лица и черепа. Формальные признаки, как число и форма прядей волос, помогали адресату (зрителю) узнавать своего императора. Это соответствовало предназначению портретов: они служили репрезентативным целям¹⁶¹.

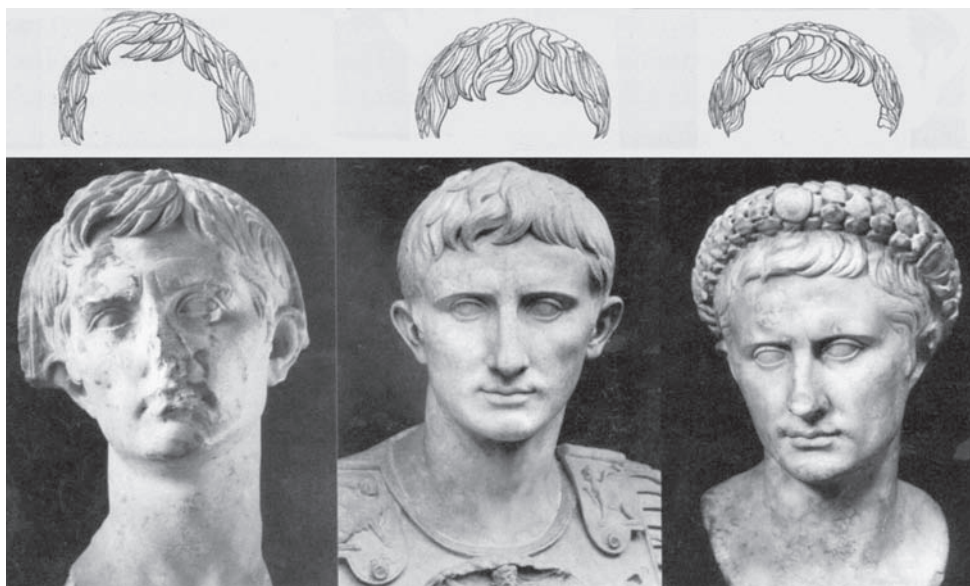
По одной из версий, было три прототипа, которым в разное время должны были следовать копии. Первый тип специально исследовался П. Цанкером и был назван «актийским», так как связывался с победой Октавиана при Актии в 31 г. до н.э. Поскольку позднее выявились более ранние экземпляры, то он получил наименование «Октавианова»¹⁶². Среди многочисленных копий наиболее точными считаются: голова из музея Уффици (Флоренция), относящаяся к началу правления Августа; реплика из Ла Алкудии (Майорка), а также голова из Капитолийских музеев¹⁶³. Для этого типа характерны: несколько откиннутая голова, сравнительно длинная и тонкая шея со складками («кольцо Венеры») и выдающимся «Адамовым яблоком», слегка изогнутый нос с нешироким основанием, слегка опущенные уголки рта и целый ряд других признаков, среди которых обращают на себя внимание особенности прически. Две пряди ниспадают на правую часть лба, образуя узкие «клещи». Проглядывающие на ранних монетах признаки бороды (в знак траура по еще не отмщенному отцу) ничего принципиально не меняют. Высказывается предположение, что «Октавианов» тип был создан по случаю изготовления конного памятника молодому Цезарю. Сенат решил установить его в 43 г. Художник запечатлел Октавиана, когда тому было всего 20 лет. Этот прототип был единственным авторизованным с 43 по 27 гг. до н.э., копии создавались вплоть до смерти Августа. Указанные признаки,

¹⁶⁰ Примеры почти неизвестных портретов Августа, особенно из северо-западных провинций, см.: Zanker P. Provinzielle Kaiserporträts. München, 1983.

¹⁶¹ К. Фитшен настаивает на том, что перед художником не ставилась задача выявить и показать индивидуальный характер императора (Fittschen K. Die Bildnisse des Augustus. S. 156–161).

¹⁶² Oktavians-Typus: Zanker P. Studien zu den Augustusporträts I. S. 33 ff. Cf.: Vierneisel K.; Zanker P. (Hrsg). Die Bildnisse des Augustus... S. 50.

¹⁶³ Fittschen K. Die Bildnisse des Augustus. S. 161 ff. (Taf. 16.1 + 29.1, 17.1, 16.2).

Илл. VII.4. Три типа портретных изображений Августа

естественно, схематизированные, встречаются также на монетных чеканах с 41/40 гг. до н.э. вплоть до последних лет его правления.

Портреты типа «Октавиан» характеризуются выраженным пафосом, который подчеркивается напряжением шеи и всего лица, особенно проявляющегося морщинками на лбу, немного вздыбленными волосами. Всё это напоминает портреты эллинистических властителей, например, изображение Селевка I с Виллы папирусов близ Геркуланума¹⁶⁴. Как уже указывалось, изображения «Октавиана» первоначально связывались с Акцием. С открытием более ранних изображений стало недостаточным видеть в них лишь выражение упоенности победой и претензию на мировое господство. Выяснилось, что подобные эллинистические образцы были весьма популярны в Риме. Это отражало жизнеощущение римской знати, ее растущее самосознание как новых хозяев Средиземноморья. Известный портрет Гнея Помпея, дышащего самодовольством (Новая глиптека Карлсберга), — один из примеров тому. Октавиан, пробившийся наверх лишь благодаря усыновлению Юлием Цезарем, осознавал своё скромное происхождение. Но он хотел стать одним из аристократов и ориентировался на их вкусы.

После урегулирования 27 г., которое знаменовало начало «принципата Августа», создается новый оригинал. По самому известному и типичному

¹⁶⁴ Fittschen K. (Hrsg.) Griechische Porträts. Darmstadt, 1988. Taf. 84 f. Cf.: Smith R. Hellenistic Royal Portraits. Oxf., 1988, cf.: id. Typology and diversity in the portraits of Augustus // JRA. 9. 1996. P. 30–47.

его воплощению (см. далее) он получил название «тип примапорта», или, учитывая его политическое содержание, — «принципат-тип». Это центральный и самый распространенный вариант Августова портрета, найдено уже более 180 относящихся к нему копий. Кроме давшего название произведения, к нему относятся бронзовая голова из Метрополитенского музея в Британском музее¹⁶⁵, а также ряд изображений, хранящихся в Вене (Музей истории искусства), Балтиморе, Сиракузах и ряде других собраний¹⁶⁶. К этому типу относятся также известные копии, изображающие Августа в жреческом одеянии, с покрытой краем тоги головой (*capite velato*), а также с дубовым венком (*corona civica*) — они датируются, начиная с поздне-августового времени. Для него характерны легкий поворот головы вправо, более короткая и толстая шея, небольшая горбинка на носу с более широким основанием, красиво изогнутый рот. Морщинки, складки кожи отсутствуют. Гармонично моделированному лицу соответствует как будто небрежно, но на самом деле тщательно уложенная прическа, в которой каждая прядь имеет свое место, так что, по словам К. Фитшена, их можно было бы легко пронумеровать. Опять присутствует мотив «щипцов» на лбу, но их уже двое, образуемых тремя замысловато изогнутыми прядями, две крайние аккуратно раздваиваются. Далее, по обе стороны к вискам пряди поворачивают назад. Так же аккуратно, прядями, иногда разветвляющимися, уложены волосы с боков и позади. Оригинал датируется 27 годом до н.э., когда Августу было 36 лет. Монеты этого времени, хотя используют портрет типа «Октавиан», имеют явные изменения в направлении изображения «примапорта»¹⁶⁷. Последние изготавливались как до последних лет жизни Августа, так и после его смерти.

Если первый тип следовал вкусам нобилитета, то во втором скульпторы намеренно отходили от общепринятой моды. Перед ними стояла задача создать образ «первого среди равных». В то же время это был не только сын божественного, но император и Август — человек, но отмеченный благоволением богов, обладавший некими особыми, вневременными качествами. Модель эллинистического правителя не подходила для новой реальности по ряду причин. Исключались любые монархические ассоциации, тем более, что они недавно интенсивно эксплуатировались против Антония.

¹⁶⁵ Часто публикуемый портрет, найденный в одном из храмов Судана. Он видимо достался эфиопам при их набеge на Верхний Египет в 25 г. до н.э. Набег упоминают: Strabo XVII. 1. 54; Cass. Dio LIV. 5. См.: Zanker P. Studien zu den Augustusporträts I. S. 44 mit Anm. 120. Этот портрет вместе с упомянутым эпизодом хорошо согласуется с принятой датировкой появления прототипа «принципата».

¹⁶⁶ Fitschen K. Die Bildnisse des Augustus. S. 164 ff. (с указаниями на публикации и литературу), Taf. 18.1 + 30.19. 1.20. 1–2.21. 1.29. 5.

¹⁶⁷ Денарий 27 года, см.: Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. Vol. 1. Augustus to Vitellius. I. 1923, Nr. 655, Tab. 36, 935; ауреус с лучшим изображением типа примапорта см. там же, Tab. 16.5.

В качестве образцов были выбраны произведения греческой классики. Художники V в. до н.э. не стремились к передаче индивидуальности. Изображения богов или олимпийцев не имели ничего общего с портретом — они должны были соответствовать представлениям о калокагии, гармоничном сочетании внешнего и внутреннего (духовного) совершенства. Можно предположить, что скульптор ориентировался на Дорифора Поликлета¹⁶⁸. Аналогии очевидны, особенно при анализе изменений в сравнении с «Октавианом»: идеализированный образ в целом и некоторые детали, например, посадка головы и ее более удлинённые пропорции, менее резкие черты лица, более широкое основание носа, причёска с тщательно моделированными локонами. Имеются некоторые признаки, сохранявшие преемственность с предшествовавшим типом и отражавшие индивидуальные черты. Речь идёт о небольших и слабо выраженных деталях, призванных обеспечить узнаваемость: небольшая горбинка на носу, отмеченные худобой щеки, из которых слегка проступают скулы. Но данные черты никак не заслоняют главной особенности второго типа: не индивидуализированный портрет, а воплощение некоего идеального образа спасителя Рима и создателя совершенного государства.

Роль Августа как гражданина — первого среди равных, подчеркивали наиболее распространённые статуи принцепса в тоге. Его облик напоминал о признанных добродетелях: *virtus*, *dignitas*, *pietas* и ряде других — а также об отличавшей Августа *civilitas*. «Греческими» средствами было выражено сочетание внешней красоты и духовного совершенства (калокагия). Второму соответствовало, в римском понимании, наличие гражданских добродетелей (*virtutes*). Признанные гражданским коллективом, они были важнейшей предпосылкой *auctoritas*. Согласно идеологии «восстановленной республики» именно она, а не какие-либо особые полномочия, были основой исключительного положения Августа в государстве.

Многочисленные копии в столице и провинциях способствовали появлению (иногда далеко не совершенных) тысяч портретов императора. Единообразные статуи во всех политически значимых пунктах создавали эффект присутствия, являясь, вместе с форумами и алтарями Рима и Августа, зримыми символами универсализма, постоянными напоминаниями о единстве Империи и могуществе правителя. Гражданственность и калокагия должны были стать двуединым идеалом римско-эллинистической империи.

¹⁶⁸ См.: Zanker P. Studien zu den Augustusporträts I. S. 44 ff.; Vierneisel K, Zanker P. (Hrsg). Die Bildnisse des Augustus... S. 54 f.; Cf.: Fittschen K. Die Bildnisse des Augustus 1991. S. 176 ff. Отдельные исследователи усматривают в некоторых портретах, начиная с 17 г. до н.э., новый тип — тип *Saeculum aureum*. Он имеет сходство с типом Акция. См: Grimm G. Porträts der Triumvirn C. Octavius, M. Antonius und M. Emilius Lepidus. Überlegungen zur Entstehung und Abfolge der Bildnistypen des Kaisers Augustus. // MDAI(R) 96. 1989. S. 347–364, hier 361 f. Cf.: Strothmann M. Augustus — Vater der res publica. S. 49, Anm. 23.

Третий тип незначительно отличается от второго. Его именуют «форбс»¹⁶⁹. Такие портреты изготавливались в поздне- и послеавгустовское время, но не получили такого широкого распространения, как «примапорта». Кроме экземпляра в Бостоне, давшего название типу, надежными копиями «форбс» считаются две головы: в Капитолийских музеях и в Лувре¹⁷⁰. Портреты напоминают формы «примапорта», разве что овал лица более вытянут за счет узких щёк, очертания отдельных частей лица выражены более резко. Прическа очень простая, волос меньше и пряди выписаны далеко не так тщательно. Три локона на лбу упрощены, как будто их оставили формально, для узнаваемости. «Клещей» между ними фактически нет, или они обозначены схематично.

Датировка прототипа «форбса» остается спорной. Физиогномические признаки показывают, что он создан после статуи из Прима Порты. Но на Алтаре Мира (13–9 гг. до н.э.) изображение Августа (плохо сохранившееся) уже следует третьему типу. На монетах он засвидетельствован с 16 г. до н.э.¹⁷¹ Это подкрепляет мнение, что «форбс» появился в связи с Секулярными играми, так что говорят также о «секулярном» или типе «Золотого века». Август провозгласил наступление «нового» (= «Золотого») века в возрасте 46 лет. В портретах типа «форбс» меньше идеализации, но в целом он представляется продолжением и развитием «примапорта» с ориентацией на образцы высокой и поздней классики. Но если идеализация греков служила изображению персонажа как составной части универсального, полиса, то идеализация Августовых портретов должна была выделить его из круга обычных сограждан¹⁷².

Как соотносились изображения Августа с действительностью? Обращает на себя внимание, что портреты первого типа содержат больше реалистических черт, например, характерные нижние веки. Но это совсем не портреты юноши — последующие типы представляют принцепса едва ли не более молодым, точнее — лишенным возраста. Третий тип более приземлен,

¹⁶⁹ Название статуи по имени прежнего владельца (Forbes). Бюст высокого качества, но не сохранности. Сейчас эта скульптура находится в Бостоне (Museum of Fine Arts Boston, Edward Waldo Forbes collection, No.06. 1873).

¹⁷⁰ См.: Fittschen K. Die Bildnisse... S. 170–172; Taf. 24. 2 (Capitol), 25. 1 (Louvre), 25. 2 (Stuttgart, Württembergisches Landesmuseum). К этому же типу относят также плохо сохранившееся изображение Августа на Алтаре Мира.

¹⁷¹ Денарий Луция Вициния, Цюрих: Mattingly H. Coins of the Roman empire in the British museum. Vol I. Augustus to Vitellius. L. 1976. Nr. 77, Fittschen K. Op. cit. Taf. 29. 10; монеты Г. Мария Троментины 13 г. до н.э.: Mattingly. Op. cit. Tab. 3, 20 и др.

¹⁷² Сравн.: Hölscher T. // Würzburger Jahrbuch. Altertumswissenschaft. Bd. 1. 1975. S. 187 ff. (= Fittschen K. /hrsg./ Griechische Porträts. S. 377 ff.) — об идеализации портретов Перикла; id. Ideal und Wirklichkeit in den Bildnissen Alexanders des Großen // ANAW. 1971. S. 12 ff. См.: Fittschen K. Die Bildnisse des Augustus. S. 149–203. S. 179 f. Сравн. также обзор точек зрения по типологии портретов: Boschung D. Die Bildnisse des Augustus. S. 51 ff.

чем второй, но речь не идет о возрастных изменениях или характере. Более выразительная передача индивидуальных черт, как и простая прическа, возможно, свидетельствуют о том, что художнику дали указание не слишком усердствовать в идеализации образа. Августу доставало чувства меры. В любом случае, исследователи подчеркивают, что названные три прототипа, хотя выстраиваются в хронологическом порядке, не могут рассматриваться как иллюстрация к биографии.

Письменные источники в данном случае помочь не могут. Современных описаний не сохранилось. Те, что дошли, основаны на изображениях, подобные которым нам известны, а потому добавляют мало нового¹⁷³. Например, сообщается о сиянии глаз, которое должно было косвенно свидетельствовать об особых способностях принцепса. Известны аналогичные сообщения о взгляде Александра Македонского, (завистливым?) почитателем которого был Август. Описываемый художественный прием должен был иметь один источник — некий стереотип правителя, обладающего сверхъестественными прозорливостью и харизмой¹⁷⁴.

Создатели прототипов, а затем и тысяч копий, которые распространялись по огромной Империи, должны были представить Августа таким, каким он сам хотел быть увиденным своими подданными. Или таким, каким хотели видеть своего правителя они. Данный вывод, возможно, не устроит любителей физиогномических опытов. Но рассмотренный нами подход к изготовлению портретов Августа в определенной мере даёт возможность ещё немного приблизиться к пониманию его мотивов и замыслов. Облик Августа, созданный в подражание Александру Македонскому и его продолжателям, раскрывает мотивы династов, боровшихся между собой за славу, первенство и власть в последний век Республики (сравн. раздел III. 9–10). Получив это, Октавиан начал реализовывать созидательный замысел, основанный на классическом идеале калокагатии. В основе его лежали ценности античной гражданской общины, выработанное греческими философами учение о государстве и эллинистические идеи универсализма (IV.4 слл.). Приземлённость третьего типа портрета видимо отражает растущий по мере накопления опыта, пережитых разочарований и ударов судьбы прагматизм. Кто-то увидит всё это иначе.

¹⁷³ Описания внешности Августа: Plin. n. h. VII. 211, XI. 143; Tac. ann. I. 42; Suet. Aug. 79 sq.; Dio XLVIII. 34; Aur. Vict. epit. I. 20. см.: Bernoulli J. J. Römische Ikonographie II.1. Berlin, 1886. S. 9 f.; Fittscher K. Die Bildnisse des Augustus. S. 173 f.

¹⁷⁴ Наиболее известные изображения Августа такого рода: бронзовая голова из Мероз, ныне в Британском музее (Инв. № GR 1911.9–1.1); бронзовая статуя в Археологическом музее Афин (Инв. № 23322). См. подробно: Hölscher T. Ideal und Wirklichkeit in den Bildnissen Alexanders des Großen // ANAW. 1971. S. 31 ff.

VII.8. Статуя из Прима Порты и Августава гемма

Одна из наиболее значительных работ искусства времени Августа — панцирная статуя из Прима Порты¹⁷⁵. Она была найдена в 1863 г. в 12 км к северу от Рима (у девятого милевого столба) на вилле императрицы Ливии под названием «К белым курицам» (*ad gallinas albas*)¹⁷⁶. Как показывает грубо обработанная задняя поверхность, статуя предназначалась для ниши, как она и сегодня расположена в Ватиканских музеях. Статуя выше человеческого роста.

История ее появления восстанавливается по косвенным данным и сообщениям. Когда император 12 октября 19 г. до н.э. прибыл из Сирии с отданными парфянами значками легионов, сенат посвятил ему алтарь «Возвращающей богине удачи» (*Fortuna redux*) перед Капенскими воротами в Риме. Одновременно или немного позднее должны были принять также решение о статуе для виллы Ливии¹⁷⁷. Это была почесть по месту его жительства, подобная предоставленным ранее. Так, в январе 27 г. при присвоении имени Август вход дома на Палатине был украшен лавровыми деревьями и дубовым венком. Во 2 г. до н.э., когда принцепс получил титул *pater patriae*, событие было запечатлено (кроме таблички на статуе на новом форуме) в специальной надписи в вестибюле его дома. Там же нашла себе место рассматриваемая статуя. Поскольку для ее изготовления должно было потребоваться порядка двух лет, она могла быть готова к десятилетию присвоения имени Август в январе 17 г. до н.э. Летом того же года состоялись Секулярные игры. Сопоставления ведут к предположению, что изображение небесной сферы на панцире статуи символизирует наступление новой эпохи¹⁷⁸.

¹⁷⁵ Статуя из паросского мрамора находится в Ватиканских музеях (Chiaramonti Museum, Braccio Nuovo, Inv. 2290). Высота 2,06 (2,04) м. Историко-искусствоведческий анализ: Kähler H. Die Augustusstatue von Prima Porta. Köln, 1959; Simon E. Der Augustus von Prima Porta. Bremen, 1959; id. Kunst und Leben in Rom um die Zeitenwende. München, 1986. Bes. S. 53–57; id. Altes und neues zur Statue des Augustus von Prima Porta // Binder G. (hrsg.) Saeculum Augustum III. Darmstadt, 1991. S. 204–233; Galinsky K. Augustan culture. P. 24 ff., 155 ff.; Messineo G. La villa di Livia a Prima Porta. Roma, 2004. Дальнейшие указания на лит.: Kienast D. Augustus. S. 273 f., 259, 344 mit Anm.

¹⁷⁶ О вилле сообщает Плиний Старший: Plin. n. h. XV.136 sq., cf. Suet. Galba 1. Кроме известной статуи, отсюда же происходит роскошно расписанный Садовый зал, реконструированный в Национальном Римском музее (Palazzo Massimo alle Terme). См. цветн. илл. 19–20. Описание и исследования: Gabriel M. M. Livia's gardenroom at Prima Porta. N. Y., 1955; Kähler H. Die Augustusstatue... S. 3–9; Reeder J. C. The statue of Augustus from Prima Porta, the underground complex and the omen of the Gallina alba // AJPH Vol. 118. 1997. S. 89–118; id. The villa of Livia ad gallinas albas. Providence, RI, 2001; Klynne A. The Prima Porta garden archaeological project. Terra sigillata from the villa of Livia. Rome. Consumption and discard in the early principate. Diss. Uppsala, 2002.

¹⁷⁷ Мнение, что на вилле Ливии была помещена копия статуи, установленной в неизвестном общественном месте, не обосновано. На вилле, как и в доме Августа на Палатине, велись официальные приемы.

¹⁷⁸ К сожалению, не найдена база статуи, на которой могут быть ясные указания для датировки. Возможно, она еще покоится в земле. Э. Симон приводит целый ряд аргументов в пользу изготовления статуи при жизни Августа, до Секулярных игр. В частности, она допускает, что в виде Купидона изображен рожден-

Илл. VII.5 Август из Прима Порты (см. также цвет. илл. 4).

Согласно наиболее убедительным реконструкциям, статуя представляла стоящего императора Цезаря Августа, одетого в панцирь и, по-видимому, держащего копье в вытянутой правой руке и лавровую ветвь в согнутой левой¹⁷⁹. У его правой ноги изображен амурчик на дельфине¹⁸⁰. Статуя сохранилась довольно хорошо. Левая рука найдена почти целиком, правая восстановлена. Высказывалось мнение, что правая рука была приподнята в жесте *adlocutio*, приветствия при обращении военачальника к своему войску. По мнению Э. Симон, поскольку сохранившийся безымянный палец обращен книзу, он должен был охватывать какой-то предмет. Им и могло быть копье, которое с давних времен являлось в Риме символом власти. Колоссальная статуя Марса Ультора в храме на Форуме Августа также держала копье, обращенное острием вперед-вниз. Эта внутренняя динамика соответствовала бы и роли Августа, которого современники—поэты и официальные надписи называли *custos*. Ведь он был «хранителем республики» (Hor. carm. IV. 5. 1f.; CIL XI. 1421).

Такая композиция, с веткой лавра в левой руке (под локтем) Августа соответствовала бы легенде, которая связана с виллой Ливии. Там росли лавровые деревья, побегами которых украшали себя триумфаторы из дома Юлиев–Клавдиев. Со смертью Нерона и приходом новой династии они засохли (Suet. Galba 1). С января 27 г. лавр был тесно связан с именем Августа, это было священное дерево его покровителя — Аполлона. На монетах изображения лавров, посаженных перед домом Августа (RG 34. 2), сопровождали его имя. На алтарях ларов таким образом изображались божественные охранители перекрестков, которые были посвящены также Августу.

Приготовленное к схватке копье и лавр представляют типично августовский ансамбль, для которого характерна гармония, построенная на противоположностях. Копье означает войну, лавр — мир, который должен пониматься как состояние, достигнутое путем войны и побед. Охранителем мира был бог войны Марс, который потому появляется у самого входа на Алтарь Мира. Как устрашающий атрибут копье ассоциируется с изображенным в центральной сцене панциря бога войны, так же как лавровая ветвь — с представленным справа Аполлоном.

Фигуры на панцире представляют собой рассказ, передаваемый полными символика изображениями. Еще при его обнаружении в земле панцирь

ный Юлией в 20 г. до н.э. Гай Цезарь (Simon E. Augustus. 1986. S. 55 f.). Датировка Г. Келера (Kähler H. Die Augustusstatue...), который относит статую ко времени Тиберия, не встретила поддержки среди специалистов.

¹⁷⁹ Статуя из Прима Порты относится к распространенному типу панцирных статуй, которых только от императорского времени сохранилось более полутысячи. См.: Stemmer K. Untersuchungen zur Typologie, Chronologie und Ikonographie der Panzerstatuen. Berlin, 1978.

¹⁸⁰ Мы следуем реконструкции Э. Симон, учитывая некоторые новейшие исследования, названные в начале раздела. См.: Simon E. Altes und neues zur Statue des Augustus von Prima Porta (orig.: 1983) // Binder G. (Hrsg.) Saeculum Augustum III. S. 204–233, hier S. 226–233 mit Abb. 2, S. 227; cf.: id. Augustus 1986.

Илл. VII.6. *Август из Прима Порты, деталь — панцирь*

сохранял следы раскраски. Центральная сцена относится к 20 г. до н.э. Тогда Август, в результате успешных дипломатических шагов, получил обратно от парфян значки легионов, захваченных теми в битве при Каррах. По возвращении Августа с Востока они были выставлены на Капитолии, а затем принесены в храм Марса Ультора. Символика означала, что спустя 33 года Марс «отомстил» парфянам. Он, вместе со

своим священным животным, волком, стоит в центре напротив парфянского божества Фарра. Вытянутой левой рукой Марс встречает римского орла, птицу Юпитера. Сзади слева сидящая фигура протягивает Марсу свой меч. Из письма Горация, которое он направил своему другу Икцию (Hor. epist. I. 12. 26), мы узнаём, что в том же году, когда Август был на Востоке, Агриппа разбил в Пиренеях кантабров, известных своей храбростью и упорством. Поэтому протягивающая меч женщина слева может рассматриваться как персонификация Испании. Напротив нее, под левым грудным мускулом панциря, изображена сидящая Галлия (илл. 56). Для нее характерны труба в виде дракона и штандарт с вепрем. Ножны для меча пусты, поскольку Галлия была умиротворена еще Юлием Цезарем.

На верхней части доспеха изображен бог Солнца, проезжающий по небу на своей колеснице, запряженной четверкой лошадей. Это утреннее Солнце, поскольку перед ним парит богиня рассвета, Аврора. Она разбрызгивает из сосуда утреннюю росу и несет на своих расправленных крыльях Венеру, богиню утренней звезды. Она же — прародительница, возглавляющая род Юлиев, к которому принадлежит и Август. Еще одна звезда, Сатурн, выплывает из-за облаков над упряжкой бога Солнца. Сатурн когда-то, в период

Золотого века, правил Лацием. Согласно предсказаниям Сивиллы, в новую *aurea aetas*, которая ожидается от Августа, он должен вернуться вновь.

С нижнего края панциря смотрит вверх мать-земля. Это Сатурния Теллус, как Вергилий называет в Георгиках Италию (II. 173). Ее почетный венок и дары, бьющие из рога изобилия, символизируют плодородие 20 года до н.э., который последовал за голодными годами. В уже цитировавшемся письме Горация к Икцию (Hor. epist. I. 12) в заключение говорится, что золотое изобилие излило над Италией свои дары. С боков панциря скачут оба бога-покровителя Августа, Аполлон на грифоне и Диана на олене. Она несет колчан и факел, он, в длинном одеянии, — струнный инструмент. Те же атрибуты сопровождали их на Палатинском храме, где божества были изображены в составе культовой группы. Они же — на рельефе, который находится в музее города Сорренто.

На обоих оплечьях панциря — сидящие на корточках сфинксы, интерпретация которых представляет загадку. Их связывали со сфинксом на кольце с печатью, которое носил Октавиан (Suet. Aug. 50). С тех пор, как он стал господином Египта, сфинкс приобрел новое значение. Представляется, оба мифических существа символизировали Нижний и Верхний Египет — провинцию, подлежавшую особому проконсульскому императору Августа. Такой же *imperium* он в 27 г. до н.э. получил для Сирии, Галлии и Испании, продлив его через 10 лет. На панцире статуи из Прима Порты представлены все названные провинции. Штандарты от парфян были возвращены в Сирию. Испания и Галлия фланкируют парфянскую сцену. Кроме важнейших провинций Цезаря, запечатлены боги-покровители Аполлон и Диана, как и прародительница Венера. Даже утренняя роса, которую разбрызгивает Аврора, связана с особенностями религиозных верований императора¹⁸¹. Статуя из Прима Порты — пример содержательного послания к тем, кто должен был увидеть ее, как и многочисленные копии. Она рассказывала об успехах завоевательной политики основателя принципата и служила действенным средством агитации в пользу режима.

В статуе из Прима Порты представлен идеализированный гражданин, принцепс, обладающий необходимыми добродетелями. Но в нем узнавался не один из республиканских принцепсов, а Принцепс. Атрибутика показывала, что это Император. Он защищал «республику» — достояние Римского народа — и, как представитель *populus Romanus*, властвовал над его «империей». Перед зрителем предстал ещё и Август, сын божественного, пользовавшийся расположением и покровительством небожителей. Во всей стати

¹⁸¹ Светоний сообщает: «Если утром того дня, когда он начинал дальнейшее путешествие по суше или по морю, случайно выпадала роса, он принимал это как хорошее предвестие скорого и счастливого возвращения» (Suet. Aug. 92). Так случилось перед восточным походом. О религиозности и суеверности Августа см. также раздел VI.2.

и безмятежном лице проступает нечто величественное, то, что не дано простому смертному. Копье, обнаженные голени и весь облик уверенного в своей особой миссии идеального героя позволял увидеть в нем Олимпийца.

Имперский и сакральный аспекты власти Императора Цезаря Августа ещё более ясно представлены на небольшом, но выразительном памятнике. *Gemma Augustea* была создана после 10 г. н.э., сегодня находится в Венском Музее истории искусств (см. илл. VII.8 в конце раздела¹⁸²). Камень демонстрирует мировое господство подобного Юпитеру императора. В верхней части Август, который в правой руке держит жезл авгура, рядом — смотрящая на него Рома. Взгляд самого Августа обращен на Тиберия, который выходит из колесницы. Рядом с Тиберием стоит другой принц, Германик. Над головой Августа парит знак созвездия, Козерог, далее звезда, предположительно *sidus Iulium*, звезда Цезаря. За Августом — Италия с рогом изобилия, дальше Океан и Ойкумена в зубчатой в виде городской стены короне. Она увенчивает Августа дубовым венком. В нижнем регистре геммы поверженные варвары и римские солдаты, воздвигающие победный знак (трофей).

В соответствии с римской вообще и Августовой, в частности, концепцией, мир и процветание изображены как результат победоносной войны (сравн. раздел VIII.4). Это послание произведения не отличается от такового Алтаря Мира и ряда других памятников. Дубовый венок за спасение гражданина показывает принцепса, который выделяется перед соотечественниками только заслугами. Изображение в образе Юпитера, напротив, было выразительным знаком претензии на единодержавие. Ученые давно гадают, можно ли объяснить такое противоречие приватным характером украшения или тем, что заказчик не был римлянином¹⁸³. Нам представляется, что автор концепции мог быть, напротив, очень хорошо знаком с правительственной идеологией. При чтении памятника следует различать «внутригражданский» (собственно римский) и имперский аспекты. Для сограждан Август был принцепсом, первым среди равных. Для воинов, приносивших ему клятву верности, поверженных варваров и уже вкушавших блага мира провинциалов он был императором, обладавшим расположением богов и потому — неограниченной властью. Если для римского поэта Август–Юпитер был поэтической метафорой, то для огромного «круга земель» могущество императора и в самом деле был сравнимо с мощью Юпитера. С годами сравнение властителя (и членов его семьи) с божествами встречается всё чаще. Начиная со времени Тиберия

182 Kähler H. *Gemma Augustea* (1960) // Binder G. (Hrsg.) *Saeculum Augustum* III. S. 303–309; Galinsky K. 1996. P. 120 f.; Seipel W. (Hrsg.). *Meisterwerke der Antikensammlung. Kurzführer durch das Kunsthistorische Museum*, Bd. 4. Wien, 2005. S. 176 f. Кэлер связывает появление геммы с возвращением Тиберия с Паннонской войны зимой 9/10 гг. н.э. Некоторые исследователи относят ее ко времени правления Тиберия.

183 Kähler H. *Die Augustusstatue von Prima Porta*. S. 307.

образ Юпитера, похоже, становился для императорских изображений едва ли не обычным¹⁸⁴.

VII.9. Свидетельства монет: Кесарю — Кесарево, сенату — «почет»

Монеты были самым массовым и всепроникающим средством коммуникации правительства с подданными. Ведь без них не мог обойтись почти никто: ни в столице, ни на самой далекой окраине. К монетам разного достоинства обращался сенатор и рядовой гражданин. Они чеканились главным образом для выплаты содержания армии. Это не требовало дополнительных затрат, как другие средства воздействия на общественное сознание (раздачи, зрелища, строительство, портреты и т.д.). Все, что мы знаем об эмиссии монет и их изготовлении, не оставляет сомнения в том, что оформление очередной серии, с одной стороны, было продуманным актом центральных или местных властей, а с другой — не проходило мимо внимания населения¹⁸⁵.

Появление все новых монет показывает, что чеканы реагировали на события и должны были выполнять некие информационные функции. По изменению их содержания и оформления можно попытаться отследить те или иные усилия правительства, а также колебания настроений, на которые оно пыталось реагировать. В то же время надо соблюдать осторожность, избегая неоправданных упрощений. Ведь любое мероприятие было многозначным и учитывавшим факторы разного уровня, значения и содержания. Не без оснований говорится о монархизации содержания изображений и текстов на монетах. Наличие этой тенденции вряд ли может вызвать возражения, если говорить о первом веке существования нового режима и более длительном периоде. Но между 27 г. до н.э. и 14 г. н.э. Август не позволял

¹⁸⁴ Zanker P. *Augustus und die Macht...* S. 234 ff. О культе Августа см. также раздел VI.3.

¹⁸⁵ В отечественной историографии основополагающими для изучения античной нумизматики были работы А. Н. Зograфа, в частности: Зограф А. Н. *Античные монеты* (МИА. № 1). М., Л., 1951. Важные исследования монет как источника для изучения различных аспектов идеологии императорского Рима принадлежат М. Г. Абрамзону: Абрамзон М. Г. Римский императорский культ в памятниках нумизматики; его же. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи; его же. Астральные символы в римской чеканке // ВДИ. 2002. № 1. С. 122–142 и ряд других. Также см.: Grant M. *Roman imperial money*. Edinburgh, 1954; Grant M. *From imperium to auctoritas*. Corr. ed. Oxf., 1969; Kraft K. *Zur Münzprägung des Augustus*. Wiesbaden, 1969. Mannsperger D. ROM. ET AUG. Die Selbstdarstellung des Kaisertums in der römischen Reichsprägung // ANRW II. Bd. 1. S. 919–996; Mannsperger D. Apollon gegen Dionysos. Numismatische Beiträge zu Octavians Rolle als Vindex Libertatis // Gymnasium. Bd. 80. 1973. S. 381–404; Rainer A. Das Bild des Augustus auf den frühen Reichsprägungen: Studien zur Vergöttlichung des ersten Prinzepts. Speyer, 1981; Wallace-Hadrill A. Image and authority in the coinage of Augustus // JRS. Vol. 76. 1986. P. 66–87; Simon B. Die Selbstdarstellung des Augustus in der Münzprägung und in den res gestae. Hamburg, 1993. Некоторые каталоги названы в разделе I.8.

себе жестов, которые могли бы указывать на положение господина по отношению к согражданам. Изображения этого времени отличаются умеренностью в сравнении периодом триумvirата. Тогда Октавиан мог позволить себе предстать Нептуном или Зевсом. После смерти Августа вновь предстал на монетах как божество. Но в период единоличного правления он позволял разве что изображать себя рядом с возвеличивавшими его деяния богинями, Викторией или Ромой. При этом важно, что подобные сцены относились к внешнеполитическому и имперскому контексту. Как император, он следовал здесь традициям республиканских полководцев и триумфаторов. Перед сидящим на курульном кресле Августом оказывался коленопреклоненный парфянин, галл, германец или иной варвар, но принцепс хорошо знал, чего нельзя себе позволять с римскими гражданами, которые все еще считали себя владыками мира.

Илл. VII.7. Денарий с изображением коленопреклоненного парфянина?

Э. Уоллис-Хэдрил справедливо отмечает, что для монетного чекана было характерно «стремление монополизировать все символы власти» императором¹⁸⁶. Здесь автор усматривает проведение в жизнь твердой, обдуманной воли. Напротив, когда речь идет о наличии «республиканских» элементов, Уоллис-Хэдрил трактует их как «исключения: колебания и неопределенности», отражавшие «трудности соблюдения баланса между монархическими и республиканскими (началами)»¹⁸⁷. Но баланс не может поддерживаться исключениями, он просто невозможен без постоянного присутствия обоих начал. И непредвзятый подход показывает, что многие элементы, которые априори принимаются за монархические (поскольку это уже была «эпоха Империи») ¹⁸⁸, на самом деле сами по себе такими ещё не являлись. Если говорить об изображениях людей вообще, то было известно немало «республиканских» аналогий. Умершие предки начали появляться на римских монетах в 50-е гг. до н.э. В 44 г. был отчеканен портрет здравствовавшего

¹⁸⁶ Использовались портретные изображения Августа. Значение изображения головы императора как фокуса лояльности подданных получило отражение в «Евангелиях». Известный (трижды повторяемый) афоризм Иисуса Христа подсказал заголовок этого раздела (Матф. 22. 21; Марк 12. 17; Лука 20. 25).

¹⁸⁷ Wallace-Hadrill A. Image and authority... 1986. P. 88; cf.: Millar F. State and subject: the impact of monarchy // Caesar Augustus: seven aspects. P. 37–60, on p. 44.

¹⁸⁸ Здесь функционирует все та же логика «замкнутого круга»: поскольку началась эпоха Империи (подразумевается = монархии), то всё должно быть монархическим. Раз отдельные элементы монархические, значит, и система в целом тоже. И так далее.

еще Юлия Цезаря. Можно ли однозначно истолковать данный факт в качестве проявления эллинизирующего монархизма¹⁸⁹, особенно если учесть, что спустя совсем небольшое время на монетах появились портреты «республиканцев» и борцов с «тиранией» Секста Помпея и Брута¹⁹⁰?

Власть Августа укреплялась, но ее оформление в основном ограничивалось рамками привычных слов и образов. Сразу после 1 января 27 года они не стали иными, отличными от тех, что были 31 декабря 28 года до н.э., но могли постепенно приобретать новый смысл, играть иную роль. Качественные различия «республиканских» и «монархических» элементов определились спустя длительное время, в итоге завершения и накопления множества мелких, заметных и незаметных взгляду историка изменений в различных областях жизни, в том числе и в монетном деле.

Ряд новшеств ввели ещё триумвиры. Тогда появились их собственные разнообразные портреты, вариации письменного текста, в частности, разведение титулатуры по обе стороны монет. В 43 (или 42) г. на аверсе одной из них появился портрет Октавиана, а на реверсе — его конная статуя. Это был первый случай изображения живого человека на обеих плоскостях, который в то время был ещё исключением. В дальнейшем рост «присутствия» правителя на монетах происходил за счет различных символов (напр., сфинкса), надписей с указанием почестей, изображений личных божеств (в частности, Аполлона). Так или иначе, для размещения имиджа императора использовались как аверсы, так и реверсы¹⁹¹.

Важное изменение относится примерно к 23 г. до н.э., когда на бронзовых (и латунных) монетах появились легенды EX SC (или просто: SC)¹⁹². По мнению того же Уолис-Хэдрила, к концу 20-х — началу 10-х гг. до н.э. относятся «тонкие переплетения республиканизма и монархизма»¹⁹³. Как уже говорилось, «республиканские» черты, встречающиеся на монетах, он

¹⁸⁹ Сравн.: Weinstock S. *Divus Julius*. P. 275.

¹⁹⁰ Голова Секста Помпея появилась на монете в 45–44 гг. (RRC. 477); Брут выпустил монету с собственным портретом в качестве «освободителя» в 43–42 гг. (RRC. 506–508). В то же время Кассий, в соответствии с фамильной традицией, чеканил изображение головы богини Libertas (RRC. 498–501). См.: Wallace-Hadrill A. *Image and authority*... P. 75 and notes 48, 43.

¹⁹¹ Wallace-Hadrill A. *Op. cit.* P. 75 and plate II, 4.

¹⁹² Легенды EX SC (или SC), означающие "*Ex S(enatus) C(onsulto)*" — «по распоряжению сената», — известны со времен Республики, когда они указывали на чрезвычайную дополнительную эмиссию серебряных монет. Вопрос о смысле этого знака на монетах Империи до сих пор вызывает острую полемику. Правда, мнение Т. Моммзена, который считал наличие SC одним из важных подтверждений теории «диархии» (см. раздел II.2), буквально почти никем не разделяется. Спор идет о том, относилась ли эта легенда к эмиссии в целом или к почестям, обозначенным на монете; связано ли появление чекана с введением нового материала — латуни (Bay A. *The letters SC on Augustan coinage*... P. 111 ff. etc.). Обзор проблемы см.: Sutherland C. H. V. *Roman history and coinage 44 B.C. — A.D. 69*. Oxf., 1987. P. 35–38; Wallace-Hadrill A. *Image and authority*... P. 79–83; Burnett A. *The authority to coin in the late republic and early principate* // NC. Vol. 137. 1977. P. 37 ff. etc.

¹⁹³ Wallace-Hadrill A. *Image and authority*. P. 83.

рассматривает как проявления «нерешительности». В частности, упоминается возрождение коллегий монетариев. Имена их членов-триумвиров (*tresviri*) указываются на монетах из серебра и золота между 19 и 12 гг. до н.э.¹⁹⁴ Тогда, несмотря на увеличение присутствия Августа, сохранялся некий баланс с «республиканской» составляющей, в первую очередь, за счет наличия знака SPQR.

По мнению Уоллис-Эдрила, даже такой внешний баланс был утрачен в 13 г. до н.э., когда на реверсе Августовых монет начали появляться головы Агриппы, дочери Августа — Юлии, а также внуков — Гая и Луция¹⁹⁵. В 12 г. до н.э. монетарий Косс Лентул сделал последний чекан на серебре со своим именем. В этой монете примечательнее всего помещенная на реверсе сценка: Август помогает встать с земли коленопреклоненной «республике» в облике молодой женщины. Оба персонажа ясно идентифицируются надписями¹⁹⁶. В выразительной сцене очень заманчиво видеть акт «восстановления республики». Всё же не следует прямолинейно трактовать данное изображение как свидетельство явного превосходства принцепса над «республикой», достигнутое к тому времени. Подобный вызов общественному мнению был бы не в духе Августа¹⁹⁷. В Риме он всегда старался представить себя как гражданина. Если Август и в самом деле показан поднимающим *res publica* с колен, в чем изображение также позволяет усомниться (протянута лишь одна рука принцепса), то ставилась цель обратить внимание на благородный жест спасителя, а не на униженное положение Республики. Подобного вызова не позволил бы себе ни Август, ни какой-либо иной римский политический деятель до или после него¹⁹⁸. Даже самовластные императоры всеми силами старались показать, что пекутся о благе «республики».

Этот удивительный реверс заслуживает того, чтобы сделать ещё одно дополнение, отталкиваясь от главного значения слова «республика» (см. раздел IV.4 с примеч. 66). Ведь словосочетание *res publica* означало не Римский народ как носитель суверенитета и не Римское государство — *senatus populusque*

¹⁹⁴ RIC I. P. 3 ff.; Kraft K. *Gesammelte Aufsätze zur antiken Geldgeschichte und Numismatik*. 1978. S. 42 ff.; Burnett A. *The authority...* P. 49 f.

¹⁹⁵ Wallace-Hadrill A. *Op. cit.* P. 77–79.

¹⁹⁶ На аверсе монеты — портрет Августа и надпись по краю: *DIVI F AVGVSTVS*; на реверсе, помимо имени монетария, — подписи рядом с изображениями: *RESPVB* и *AVGVS*. Эта довольно редкая монета опубли.: Vermeule C. C. *Un aureo augusteo del magistrato monetale Cossus Lentulus* // *Numismatica*. N. s. Vol. 1. 1960. P. 5–11; RIC I. P. 413; Burnett A. *The image of Augustus*. L., 1981. P. 28, fig. 29a etc.

¹⁹⁷ Сравн. с Wallace-Hadrill A. *Op. cit.* P. 79, а также с замечаниями по поводу Августова мавзолея в разделе VIII.3.

¹⁹⁸ Можно вспомнить, как Юлий Цезарь встретил сенаторов, оставших сидеть в курульном кресле на подиуме нового храма Венеры Прародительницы. Это вызвало «величайшую, смертельную ненависть» и явилось последней каплей, переполнившей чашу терпения заговорщиков (Suet. *Iul.* 78. 1).

Romanus (SPQR). Понятия *res publica*, соответственно и *res publica restituta*, обозначали всё то, что относилось к сфере интересов общины-государства. Это был не Римский народ, а то, что ему принадлежало, было свойственно и оказалось временно утрачено. Потому в признании того, что состояние дел «республики» оказалось плачевным, а подвигнутый на это богами Август его поправил — подал руку помощи (а именно это изображено на цитируемой монете), не было ничего, посягавшего на *maiestas populi Romani*. В конце концов, «утраченная республика» — *res publica amissa* — было сравнительно недавно расхожим выражением, и никто не пытался поставить его в вину страстному борцу за сохранение «республики» Цицерону (сравн. раздел III.3).

С 11 г. до н.э. имена триумвиров-монетариев исчезают с монет из благородных металлов¹⁹⁹. В сер. 20-х гг. прекращается производство авторизованных бронзовых сестерциев и дупондиев, а ок. 4 г. до н.э. чеканятся последние деньги с именами монетариев²⁰⁰. Серьезные изменения произошли за последующее пятнадцатилетие, с 4 г. до н.э. до 10 г. н.э., после чего наблюдается целый ряд новшеств: монеты с портретом Августа на аверсе и Тиберия — на реверсе; на месте имен монетариев — титулатура императоров; знак SC оттесняется на края реверса, в то время как центр «захватывают» знаки имиджа и титулатура императора²⁰¹. Уже в начале правления Тиберия (15–16 гг.) голова императора появилась одновременно на двух сторонах монет²⁰², в дальнейшем монеты все более откровенно заявляют о монархической власти правителя. И тем не менее SC, символ «авторитета» сената, оставался на некоторых монетах до правления Галлиена (сер. III в.)²⁰³.

¹⁹⁹ Wallace-Hadrill A. Image and authority... P. 79.

²⁰⁰ Ibid. P. 83.

²⁰¹ Последние чеканы с именами монетариев датируются от 4 до 2 гг. до н.э. (Mattingly — 4 B.C.; Kraft — 3 B.C.; Wallace-Hadrill — until 2 B.C.). Монеты с изображениями одновременно Августа и Тиберия: RIC I. P. 109 f. Cf.: Wallace-Hadrill A. Op. cit. P. 83.

²⁰² RIC I. Tiberius 2 (p. 103, денарий с увенчанной лавром головой Тиберия — аверс, и Тиберием на квадриге — реверс). Разумеется, чеканка монет была важным аспектом экономической политики, которая хоть и не играла при Августе такой роли, как в период Поздней Империи (не говоря уже о некоторых государственных экономических системах Древнего Востока, птолемеевского Египта или новейшего времени), но была необходимым рычагом управления империей. Это замечание относится, например, и к огромным поместьям самого принцепса, доход от которых был существенным источником содержания армии, проведения политики «хлеба и зрелищ» и др. (Cf.: Kloft H. Freigebigkeit und Finanzen... // *Saeculum Augustum*. Bd. 1. S. 361–388). Монополизация выпуска денег преследовала также экономические цели, теснейшим образом связанные с политическими. Перефразируя слова одного из современных писателей, чем больше монет с изображением императора позванивало в кошельках у подданных, тем надежнее император держал этих подданных в своих руках. Рассмотрение экономической политики Августа не вписывается в рамки данной работы. Обзор с лит. см.: Kienast D. Augustus. S. 311–335.

²⁰³ Смысл знака SC, по Уоллис-Хэдрилу: «Традиционная власть сената претерпела столь же мало изменений, сколь и /данное/ средство для демонстрации «авторитета» этого органа» (Wallace-Hadrill A. Op. cit. P. 85).

Илл. VII.8. *Gemma Augustea*, отражающая различные аспекты идеологии Августова правления

Рассмотрение различных форм презентации режима и правителя показывает исключительное место личности Августа, которое соответствовало его фактическому влиянию на ход государственных дел. Но несмотря на укрепление единовластия, идеология «республики» продолжала играть важную роль. Это было связано с тем, что самосознание римского гражданства всё еще сохраняло некоторые присущие ему специфические черты. Правительство считало необходимым демонстрировать лояльность не только к учреждениям и обычаям, но также к атрибутам и символам *rei publicae restitutae*. Также и в последующем, хотя политический статус различных частей Империи постепенно унифицировался, никто не решался окончательно отказаться от одного из краеугольных камней системы, заложенной Августом. Это было признание особой роли римской гражданской (квази) общины в составе городского плебса, широких слоев свободного населения Италии, а также армии, солдаты которой были или стремились стать римскими гражданами.

204 См. выше с примеч. 182 и комментарий в конце книги.

viii. Строительная политика и монументальная пропаганда

Илл. VIII.1.1. Театр в Остии, элемент ограждения

1. Благоустройство, социальная политика
и идеология – 557
2. Архитектура крупным планом: кирпич и мрамор – 570
3. Республиканский мавзолей – 573
4. Алтарь Мира на территории бога войны – 579
5. Обелиск: между небом и землей – 586
6. Римский форум и «восстановленная республика» – 594
7. Форум Августа – атриум Отца Отечества – 606
8. Палатин: холм, дом, дворец – 618
9. Эволюция «республиканско»-имперской
образности – 637

VIII.1. Благоустройство, социальная политика и идеология

Мероприятия по благоустройству Рима и его превращение в беломраморную столицу Империи — одна из наиболее впечатляющих сторон деятельности Августа. Эти достижения давно стали предметом исследований археологов, историков, но и объектами спекуляций. В 1930-е годы в связи с помпезным празднованием двухтысячелетия со дня рождения Августа в Риме были проведены масштабные археологические работы. Памятники, которые не вписывались в пропагандистскую программу Муссолини, безжалостно уничтожались. Результаты не были должным образом задокументированы, вышедшие публикации не свободны от господствовавшей тогда неоимперской идеологии¹. Последовала критическая реакция, и с тех пор выявление (разоблачение) пропагандистской составляющей политики Августа стало главным компонентом в оценке его архитектурных проектов². Акцент на «монархически-пропагандистской» направленности архитектуры характерен и для отечественной августианы. Н. А. Машкин, указав на реставрацию и строительство храмов, форумов, общественных зданий, дворца Августа на Палатине (так в тексте), отметил, что «строительство преследовало, прежде всего, политические цели. Оно должно /было/ подчеркнуть величие и щедрость принцепса»³. И. Ш. Шифман в главе «Культурная политика Августа» констатировал, что в области архитектуры «пропагандировались идеологические установки режима, обеспечивавшие укрепление личной

¹ См.: Paribeni R. (ed.). Augustus. Studi in occasione del bimillenario Augusteo. Roma, 1938 (в частности, статья руководителя раскопок P. Paribeni. P. 405 ff.). Cf.: Scriba F. Augustus im Schwarzhemd? Die Mostra Augustea della Romanità in Rom 1937/38. Frankfurt a. M., 1995; Cederna A. Mussolini urbanista. Venezia, 2006 etc.

² Среди общих работ: Bourne F. C. The public works of the Julio-Claudians and Flavians. Princeton, 1946; Thornton M. K. and R. L. Julio-Claudian building programs. A quantitative study in political management. Wauconda, Ill. 1989; Blake M. E. Ancient Roman constructions in Italy from the prehistoric period to Augustus. Washington 1947; 1968 (repr.). P. 163 ff., 333 ff.; Gros P. Aurea templa. Recherches sur l'architecture religieuse de Rome à l'époque d'Auguste. Roma, 1976 (одна из основополагающих работ по теме) etc.

³ Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 598–604, цит. с. 602. Этот аспект «щедрости», «великодушия» (*liberalitas*) как важной составляющей набора «добродетелей» принцепса подробно исследован Г. Клофтом (Kloft H. *Liberalitas principis*. Köln etc., 1970), применительно к Августу см. с. 74 слл.

власти Августа»⁴. Не прошел мимо «монументальной пропаганды» Августа как культурного и политического феномена А. И. Немировский⁵.

В последние десятилетия наблюдается новый всплеск интереса к обозначенной теме. Он подготовлен успехами археологов, вооруженных новыми методиками и техническими средствами, а также обусловлен возросшим значением визуальных средств выразительности. Особое внимание привлекает организация городского пространства. Полисемичность объектов исследования допускает многообразие подходов, порождая дискуссии⁶.

Важный толчок исследованиям строительной деятельности Августа дали работы К. Крафта и особенно П. Цанкера, который проанализировал особенности изобразительного искусства и архитектуры века Августа в контексте идеологической политики и эволюции общественного сознания⁷. Со вт. половины 1960-х годов поток литературы по данной проблематике не прерывается. Десятки статей и книг посвящены как теме в целом, так и описанию, тщательному анализу отдельных памятников⁸. Было обращено внимание и на то, что в таких специально финансируемых проектах, как произведения архитектуры, скульптуры, большие религиозные празднества и развлечения, содержание политического заказа читается лучше, чем например, в произведениях поэтов, которые не обязательно должны были во всём отчитываться перед патроном. Язык изображений все шире используется для исторических реконструкций. Выделяются работы, в которых материал анализируется с позиций культурологии, исторической антропологии, урбанистики⁹. Важным средством как исследований, так и популярри-

⁴ Шифман И. Ш. Цезарь Август. С. 168.

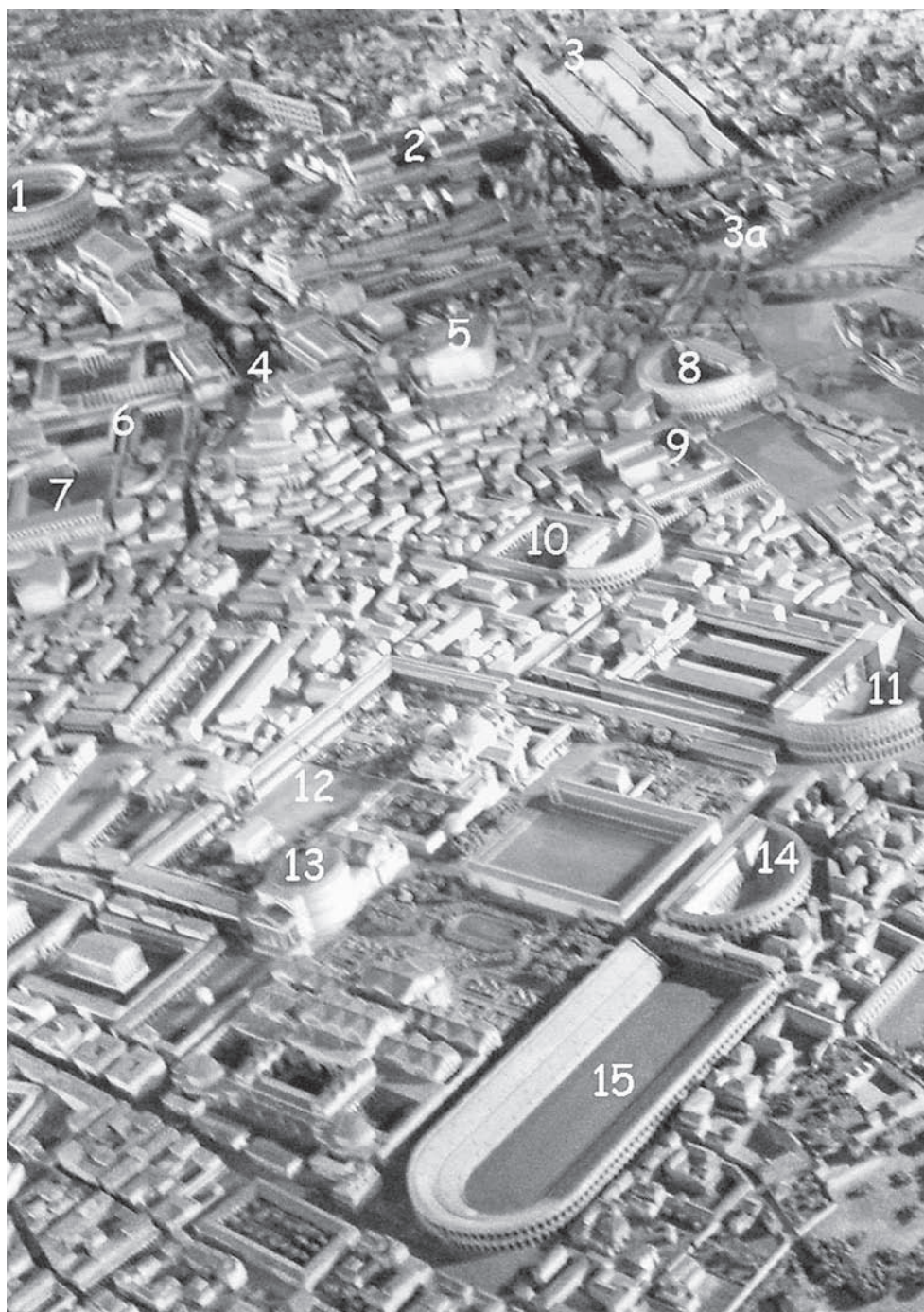
⁵ Немировский А. И. Веллей Патеркул и его время // Немировский А. И., Дашкова М. Ф. «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж, 1985. С. 36–37 (Раздел «Монументальная пропаганда»). Сравн.: Немировский А. И. Нить Ариадны. М., 2007³. С. 324–333.

⁶ См.: Zanker P. The power of images... P. 107 etc.

⁷ Kraft K. Der Sinn des Mausoleums des Augustus // Historia. Bd. 16. 1967. S. 189–206, hier S. 189 ff.; P. Forum Augustum. Das Bildprogramm. Tübingen, 1967 (= in: Binder G. /hrsg./: Saeculum Augustum III, 1991. S. 60–111 u. Tafel. 1–11, здесь цит. по этому изданию); id. Augustus...; id. Die römische Stadt: eine kurze Geschichte. München, 2014 etc.

⁸ Общие работы и обзоры: Heilmeyer W.-D. u.a. (hrsg.). Kaiser Augustus... (каталог выставки, устроенной в Берлине спустя 50 лет после римской). Особенно важны статьи: Gros P., Sauron G.. Das politische Programm der öffentlichen Bauten. S. 48–68; Coarelli F. Rom. Die Stadtplanung von Caesar bis Augustus. S. 68–81; Hesberg H. v. Die Veränderung des Erscheinungsbild der Stadt Rom unter Augustus. S. 93–115; Kolb F. Rom. Die Geschichte der Stadt in der Antike, München, 1995. S. 330 ff.; Purcell N. Rome and his development under Augustus and his successors // CAH² X. 1996. P. 782–811; Torelli M. Roman art 43 B.C. to A.D. 69 // ibid. P. 930–958; Mansuelli G. A. Forme e significati dell'architettura in Roma nell'età del principato // ANRW II. Bd. 12.1. 1982. P. 212 ff.; Schethauer A. Kaiserliche Bautätigkeit in Rom. Das Echo in der antiken Literatur. Stuttgart, 2000; Kolb F. Das antike Rom. Geschichte und Archäologie. München, 2007; Haselberger L. Urbem adornare. Die Stadt Rom und ihre Gestaltumwandlung unter Augustus. Rome's Urban Metamorphosis under Augustus (JRA Suppl. 64). Portsmouth, RI, 2007. Краткий обзор проблематики: Kienast D. Augustus. S. 408–449.

⁹ Wallace-Hadrill A. Augustan Rome. Bristol, 1993 (esp. ch. 4 "Golden Rome"); Favro D. The urban image of Augustan Rome. Cambr., 1996, 1998; id. The iconiCITY of ancient Rome. Cambr., 2006; Richardson L. jr. Urban

Илл. VIII.1.2. Вид на центральную часть Рима (IV в. н.э., макет) в северном направлении.
См. комментарий в конце книги

зации их результатов становятся виртуальные трёхмерные реконструкции отдельных сооружений и целых комплексов.

В данной главе мы остановимся только на некоторых постройках в границах римского померия и на Марсовом поле¹⁰. Подобно изображениям императора, результаты работы столичных архитекторов стали образцами и объектами подражания во всей Империи. В рассматриваемое время начал создаваться тот Рим, который спустя три с половиной века предстал перед Авзонием как «первый среди городов, обитель богов, золотой Рим»¹¹. Он становился настоящей мировой столицей, которой стремились подражать другие города во всем Средиземноморье. Император подавал пример местным элитам, финансируя строительство в Италии, а также в провинциях. Поэтому, не говоря уже о храмах «Капитолийской триады богов» (Юпитера, Юноны и Минервы) или об алтаре Ромы и Августа, во всех более или менее значительных городах Империи строились термы, амфитеатры, театры и (реже) цирки. Благоустройство включало водоснабжение и канализацию. Богатые люди в каждом городе Италии и провинций делали всё возможное, чтобы не уступить по крайней мере ближайшим соседям. То же происходило в зависимых государствах. Это соревнование на всех уровнях (персональном, городском, провинциальном и государственном) и было самым мощным фактором романизации. Особенно отличились при строительстве названных в честь Цезаря Августа городов Ирод Великий в Иудее и Юба II в Мавритании: каждый из них построил новый город, названный Кесарией / Цезареей¹². Бурное строительство стало одним из проявлений успешного

development in ancient Rome and the impact of empire // Molko A., Raaflaub K., Emlen J. (eds.) *City states in classical antiquity and medieval Italy*. Stuttgart, 1991. S. 381 ff.; Galinsky K. *Augustan Culture*. 1996. P. 141 ff. Sauron G. *Quis deum? P.*, Roma, 1994. P. 485 ff. Cf.: Davis P. *Ovid and Augustus: a political reading of Ovid's erotic poems*. L., 2006. P. 23 f. — где автор книги о поэзии Овидия высказывает мнение, что Августова идеология наиболее ясно выражена не в литературе, а в произведениях изобразительного искусства и зрелищных мероприятиях, которые организовывал режим.

¹⁰ *Pomerium* — территория собственно Города в религиозно-правовом смысле. В пределах священных границ действовали особые правила: запрещалось хоронить мертвых, находиться с оружием, ограничивался или отменялся империй высших магистратов и др. Марсово поле, предназначавшееся первоначально для военных учений, относилось к территории государства, но лежало за пределами померия. См.: Blumenthal A. *Pomerium* // RE. Bd. XXI, 2. Stuttgart, 1952. Sp. 1867–1876; Beard M., North J., Price S. *Religions of Rome*. Vol. I. P. 177–180 etc.

¹¹ Ausonius. *Ordo urbium nobilium* XI.1: *prima urbes inter, divum domus, aurea Roma*. При отборе и описании памятников использовались, кроме общих трудов, также справочники: Platner S. B., Ashby T. *Topographical dictionary of ancient Rome*. Oxf., 1929; Dudley D. R. *Urbs Roma* (подборка античных свидетельств). L., 1967; Richardson L. jr. *A new topographical dictionary of ancient Rome*. Baltimore, 1992; Steinby E. M. (ed.) *Steinby's lexicon topographicum Urbis Romae*. 6 vols. Roma, 1993–2001. Подробный атлас: Haselberger L. (ed.) *Mapping Augustan Rome*. Portsmouth, 2002, 2008²; Обзоры: Kienast D. *Augustus*. S. 408–449; Coulston J., Dodge H. (hrsg.). *Ancient Rome: the archaeology of the eternal city*. Oxf., 2000, repr: 2005; Patterson J. R. *The city of Rome revisited: from mid-republic to mid-empire* // JRS. Vol. 100. 2010. P. 210–232.

¹² О значении Ирода в политике Августа, а также строительстве Кесарии см.: White L. M. *Epilogue as Prologue: Herod and the jewish experience of Augustan Rome* // Galinsky K. (ed.) *The Cambr. companion...* P. 361–387; о мавританской Цезарее: Leveau P. *Caesarea de Mauretanie: une ville romaine et ses campagnes*. P., 1984.

экономического развития Империи и формирования общеимперского сознания на фоне местного патриотизма¹³.

Эволюционировавший на протяжении почти полувека Августов Рим был сложной урбанистической системой. При ее исследовании необходимо принять во внимание многообразные аспекты общественно-политической, духовной и экономической жизни. Склонность к грандиозным архитектурным проектам характерна для политиков с автократическими амбициями, будь то древневосточные монархи или диктаторы нового времени. Уже поэтому архитектура может служить лакмусовой бумажкой для обнаружения подобного рода тенденций. Стремление к политическому самоутверждению посредством масштабных строительных проектов типично для республиканских политиков, а тем более — для императоров. Известно, что у ближайших преемников Августа наблюдается очевидная корреляция между явными деспотическими наклонностями и строительной гигантоманией. Самый известный пример — построенный после уничтожения пожаром значительной части Рима Золотой дворец Нерона. На фоне этих соображений желательны определить идеи, задачи и характер строительной деятельности основателя принципата. Современник описываемых событий, Витрувий, обратил внимание на место строительной политики в планах Августа в целом (Vitruv. De architect. I praef.; cf.: Strabo V. 3. 8.). Важно выяснить, наблюдалась ли здесь преемственность с «древней республикой», с ближайшими позднереспубликанскими предшественниками (Помпей, Цезарь) или появилось нечто, что свидетельствовало бы о принципиально новых политических и идеологических установках и ориентирах.

Наличие политических мотивов активности Октавиана-Августа в области градостроительства и архитектуры бесспорно. Все же следует остерегаться упрощенного применения термина «пропаганда», на семантике которого в XX в. оставила глубокий отпечаток практика тоталитаризма. Затраты на нужды гражданского коллектива с целью поднятия престижа лежали в русле традиций античной гражданской общины. Участие в них было, наряду с военными победами, необходимым условием успешной карьеры

¹³ В республиканский период участие римских государственных деятелей в строительстве вне Города было редкостью. Предшественником Августа можно считать Юлия Цезаря, который, по словам Светония, украсил великолепными постройками не только крупнейшие города Италии, но также Галлии, Испании, а также Азии и Греции. В качестве мотива Светоний указывает стремление привлечь их на свою сторону (Suet. Iul. 28.1). Масштабы и результаты строительной деятельности Августа за пределами города Рима были ещё более значительны. Светоний сообщает, что Август основал в Италии 28 колоний, поддерживая их финансами и украсив постройками (Suet. Aug. 46). В целом см.: Horster M. Literarische Zeugnisse kaiserlicher Bautätigkeit. Eine Studie zu Baumaßnahmen in Städten des römischen Reiches während des Prinzipats. Stuttgart, 1997; Mierse W. Augustan building programs in the western provinces // Raaflaub K., Tocher. (eds.) Between... 1990. P. 308–333. Тема влияния планировки и архитектуры Рима на строительство в городах Италии и западных провинций освещается в книге П. Цанкера: Zanker P. La città romana. Gius, 2013 (dt.: Die römische Stadt. München, 2014).

римского нобилия. В то же время в Римской аристократической республике не практиковалось осуществление общественных построек частными лицами. Подобного рода деятельность, как «демагогия», вызывала подозрение в «тиранических» устремлениях. Масштабные работы проводили магистраты в пределах своей компетенции и триумфаторы за счет своей доли военной добычи. Богатство и политическое влияние были неразрывно связаны, то и другое контролировалось сенатом. В последнее столетие Республики это равновесие было нарушено, с установлением принципата должно было прийти новое. В ситуации, когда строительные инициативы, как и получение высших должностей, контролировались одним человеком, эта сфера общественной активности приобретала иное политическое содержание. Носили ли изменения качественный характер, бросались ли они в глаза современникам, вызывая неприятие или даже протест? Какие цели ставило перед собой правительство, достигало ли оно желаемого эффекта или грандиозные форумы, сверкающие мрамором и золотом храмы еще больше подчеркивали неравенство и усиливали напряжение, подстегивая оппозицию?

Градостроительные мероприятия Августа в городе Риме должны рассматриваться в широком социальном и политическом контексте. Принцепс проявил себя и в этой области государственным деятелем, умевшим учитывать реальность и видеть перспективу. В центре внимания были государственные интересы. Будучи заинтересован в репрезентации режима и завоевании популярности, Август не мог игнорировать решения давно назревших проблем благоустройства. Рим, вследствие наплыва италийцев, заморских рабов, впоследствии отпускавшихся на волю, огромного количества людей всех племен и народов, приезжавших в поисках заработка и удачи, — уже стал крупнейшим городом Средиземноморья. Здесь проживало до миллиона человек¹⁴, но планировка, санитария, организация городского хозяйства и облик в целом не отвечали статусу столицы мира — *caput mundi*. В сравнении с эллинистическими центрами, особенно Антиохией, Александрией, Пергамом, вид Рима вызывал лишь сожаление и насмешки¹⁵. Так же, как некогда была создана возвеличивавшая прошлое Рима полулегендарная историческая традиция, настало время привести Город в состояние, достойное его ведущей политической роли.

¹⁴ Население в 1 млн человек и площадь города в 700 га: Favro D. The urban image of Augustan Rome. Camb., 1996. P. 21.

¹⁵ Ливий рассказывает, что посетившие город македонские придворные открыто насмехались над примитивным устройством Рима и его жалким внешним видом (Liv. XL. 5. 7). Сравн. также: предсказание духа Ромула о Риме как о *caput orbis terrarum* (ibid. I. 16. 7); *caput orbis* у Овидия (Ovid. amor. I. 15. 26); обещание Ганнибала Капуе сделать ее *caput Italiae* (Liv. XXIII. 10. 2); выражение *caput mundi* у Лукана (Lucan. Phars. II. 655); Август о превращении Рима из глиняного (кирпичного) в мраморный (Suet. Aug. 28. 3).

VIII.1.3. Улица Рима, рисунок – реконструкция

Население в городе распределялось крайне неравномерно. Если богатые могли иметь возможность строить на возвышенных местах огромные виллы (*villa urbana*) с садами и фонтанами, беднота обитала в страшной скученности и антисанитарных условиях, особенно в Субуре, на правом берегу Тибра и других неблагоустроенных районах. Спекулянты недвижимостью и владельцы многоэтажных домов (*insulae*) наживались, сдавая тесные каморки без всяких удобств. Для приготовления пищи и обогрева использовался открытый огонь. Пожары время от времени уничтожали значительные части города. Нередко это было делом рук поджигателей, недовольных существующим порядком и надеявшихся поживиться¹⁶. За годы гражданских неурядиц дома обветшали. Улицы были небезопасны для прохожих, особенно в темное время суток. В целом обстановка в городе была беспокойной и могла в любой момент выйти из-под контроля. Требовалось принятие серьезных мер¹⁷.

Август мог опереться на традиции италийской урбанизации. В первые столетия своего существования Рим заимствовал опыт греческих и этрус-

¹⁶ Инсулы и пожары в Риме: Priester S. *Ad summas tegulas*. Untersuchungen zu den vielgeschossigen Gebäudeblöcken mit Wohneinheiten und Insulae im kaiserzeitlichen Rom. Rom, 2003; Baudy G. J. *Die Brände Roms. Ein apokalyptisches Motiv in der antiken Historiographie*. Hildesheim; Zürich, 1991 etc.

¹⁷ Наводнения, нехватка продовольствия вели к беспорядкам, происходили открытые проявления недовольства, поджоги, на стенах появлялись рисунки и граффити, распространялись слухи о волнениях. О подобных волнениях в 6 г. н.э.: Dio LV. 27. 1–3. О политике Августа по отношению к римскому плебсу: Kienast D. *Augustus*. S. 194 ff.; Yavetz Z. *Plebs...* Chaps. 2 and 5; Bollinger T. *Theatralis licentia: Die Publikumsdemonstrationen an den öffentlichen Spielen im Rom der früheren Kaiserzeit und ihre Bedeutung im politischen Leben*. Winterthur, 1969; Gilbert R. *Die Beziehungen zwischen Princeps und stadtrömischer Plebs im frühen Principat*. Bochum, 1976.

ских соседей. Ещё Тарквиний Приск (616–578 гг. до н.э.), заложил основу канализационной системы. *Cloaca maxima* — подземный канал, сложенный из каменных блоков, частично сохранился до сих пор. Шириной 3 и высотой 4 м, он дал возможность осушить и оздоровить местность, на которой затем расположился Римский форум, и в течение тысячи лет служил как магистральный сток. Акведуки, фонтаны для питьевой воды и канализационные сооружения, дороги, мосты сооружали и обновляли постоянно. О строительном искусстве римлян с восхищением пишет Страбон, отмечая превосходство греков в стремлении к красоте, а также их внимание к выбору удобного места для основания городов¹⁸. В эпоху Республики благоустройством Рима занимались магистраты (цензоры и эдилы). Многие из них вписали в историю свои имена. Но с превращением Рима в огромную метрополию возникла необходимость в радикальных улучшениях.

В последние десятилетия Республики в районах, где жила знать, появились новые особняки с окружавшими их садами. Но это мало повлияло на общую картину. Даже огромной добычи триумфаторов доставало лишь на отдельные, пусть и роскошные, общественные сооружения. Юлий Цезарь пытался упорядочить городское управление, издав специальный закон и приступив к проведению масштабных работ. Перестройка Римского форума, сооружение нового форума Цезаря, заложенная септа Юлия, планы спрямления Тибра, возведения грандиозного храма Марса и огромного театра на склоне Тарпейской скалы, создание публичных библиотек — всему этому и многому другому положили конец мартовские иды¹⁹. Планы Цезаря предусматривали полное преобразование Рима. Место узких кривых переулков должны были занять широкие пересекающиеся под прямым углом магистрали. Как отметил П. Цанкер, город должен был полностью изменить свой характер, превратившись в одну из эллинистических метрополий. Замыслы Августа были не менее масштабны, но не столь радикальны. Политик никогда не упускал из виду главное. В данном случае следовало про-

¹⁸ Страбон восхищался практичностью римлян, их умением рационально и удобно организовать пространство: «Действительно, если считалось, что греки при основании городов особенно удачно достигали цели стремлением к красоте, неприступности, наличию гаваней и плодородной почвы, то римляне как раз заботились о том, на что греки не обращали внимания: о постройке дорог, водопроводов, клоак, по которым городские нечистоты можно спускать в Тибр. Они построили также дороги по стране, срывая холмы и устраивая насыпи в лощинах, так что их повозки могут принимать грузы купеческих судов. Клоаки, выведенные сводом из плотно пригнанных камней, оставляют даже достаточно пространства для проезда возов с сеном. Водопроводы подают такое огромное количество воды, что через город и по клоакам текут настоящие реки. Почти в каждом доме есть цистерны, водопроводные трубы и обильные водой фонтаны» (Strabo V.3.8). Перевод Г. А. Стратановского.

¹⁹ Специальный закон Юлия Цезаря, регулировавший городское управление и хозяйство — *Lex Iulia Municipalis* (CIL I2. 593). О грандиозных строительных планах Цезаря: Suet. Iul. 44. 1–2; Цицерон о грандиозных планах Цезаря по перестройке всего города (Cic. Att. XIII. 33a). См. также: Gelzer M. Caesar (1960⁶). S. 127, 265, 291; Yavetz Z. Caesar in der öffentlichen Meinung, Düsseldorf, 1979. S. 159 ff.; Favro D. The Urban image... P. 60 ff. О септе см. примеч. 43.

демонстрировать не только достижения режима и щедрость принцепса, но также приверженность традициям и стремление к общественному благу²⁰.

Основательность и расчет на долговременный результат проявились во всем. Работам предшествовали мероприятия по восстановлению социального мира и безопасности в Италии. Расправа с беглыми рабами после разгрома Секста Помпея была воспринята как первое ясное заявление Октавиана о намерениях (см. раздел III.5 с примеч. 162). Но болезнь оказалась застарелой и запущенной, лечение требовало решительных действий и упорства. Следующим шагом стала кампания по истреблению банд в Италии, которую по поручению Октавиана успешно осуществил Г. Кальвизий Сабин²¹. Третье крупное мероприятие по борьбе с преступностью и установлению законности принцепс поручил Тиберию: проведена ревизия всех рабских тюрем, где находились незаконно поработанные в период смут путники или прятавшиеся по разным причинам люди (Suet. Aug. 32. 1 sq.; Tib. 8). Наконец, следовало усмирить римский плебс (*plebs urbana*), который стал трудно управляемым, особенно с тех пор, как народный трибун П. Клодий в 58 г. до н.э. ввел бесплатные раздачи хлеба. Он же разрешил квартальные коллегии, которые стали рассадниками мятежных настроений. Вслед за Цезарем Август принял меры по сокращению количества получателей зерна (до 200 тыс. человек)²² и распустил несанкционированные коллегии (Suet. Aug. 32. 1). Это позволило подступить к решению проблемы предотвращения и тушения пожаров, которые грозили не только домам знати и постройкам самого Августа, но и его власти.

В период политического кризиса между 23 и 19 гг., когда в отсутствие императора в городе наблюдались беспорядки на выборах, голодные бунты и поджоги, некий М. Эгнатий Руф организовал на свои средства отряд из рабов и вольноотпущенников для тушения пожаров и поддержания порядка. Завоеванная таким образом популярность позволила ему, вопреки закону, два года подряд избираться на должности эдила и затем претора. Когда Руф на третий год стал добиваться уже должности консула, то был арестован и казнен по обвинению в заговоре против Августа (Vell. II. 91. 3–92. 5; Dio

²⁰ См.: Zanker P. Augustus und die Macht... S. 158. П. Донье считает, что Август дистанцировался от строительной политики Цезаря (Doniè P. Untersuchungen zum Caesarbild in der römischen Kaiserzeit. Hamburg, 1996. S. 10 ff.). Сравн. в разделе IV.3 об отношении Августа к политическому наследию своего приемного отца.

²¹ С. Calvisius Sabinus — известный цезарианец, консул 39 г. Мероприятие, о котором рассказывает Аппиан (App. b. c. V. 547), относится к 36 г. до н.э. Он же сообщает об учреждении специальных постов для поддержания порядка, сравн.: Suet. Aug. 32. 1; Tib. 37. 1. См. также: Nippel W. Aufruhr und "Polizei" in der römischen Republik. Stuttgart, 1988. S. 153–171, Anm. S. 263–274.

²² Светоний с одной стороны, пишет о щедрости Августа, в т. ч. о раздачах денег и хлеба, с другой — о строгости при попытках вымогательства со стороны плебса. Когда народ стал жаловаться на дороговизну вина, Август указал на изобилие воды в акведуках Агриппы. Учитывая, что раздачи хлеба из Египта наносят убыток итальянским земледельцам, он высказывал намерение отменить их, но понимал нереальность подобного плана. См.: Suet. Aug. 41. 1–42. 3; cf.: Dio LV. 26.

III. 24. 4–6 etc.). Обвинение было надуманным, но опасность — вполне реальной. При том, что сам Руф не мог рассматриваться как серьезный конкурент принцепса и императора, подобные демагоги были в состоянии нарушить спокойствие в Городе, подрывая тем самым стабильность режима. Ситуацию следовало решительно изменить, что и подтолкнуло к проведению важных административных реформ.

Реформы проводились с 12 до 7 гг. до н.э. Город Рим был разбит на регионы (*regiones*) и кварталы (*vici*)²³. Первыми управляли ежегодно избиравшиеся магистраты, которых затем распределяли по жребию; вторыми — выборные лица из местного населения. Процесс формирования органов самоуправления растянулся не на один год, завершившись к 7 г. до н.э. В каждом квартале образовалась коллегия из четырех *vici magistri*, которые среди прочего отвечали за пожарную безопасность, как и поддержание общественного порядка. Им же было поручено отправление культа *lares compitales* — традиционных местных божеств-покровителей. К их числу добавили «Гений Августа» (*genius Augusti*). Так на основе глубоко укорененного народного культа прививалась (и контролировалась) лояльность по отношению к императору и его семье²⁴.

Был также принят ряд дополнительных мер. В городе и рядом с ним разместились когорты преторианцев. В 16 г. до н.э. вдобавок сформировали еще три городские когорты. После большого пожара в 6 г. н.э. пожарную команду из 600 рабов заменили семью когортами из вольноотпущенников. Эта городская стража (*vigiles*), насчитывавшая три с половиной тысячи человек, не только днем и ночью боролась с пожарами и преступностью. Вигилы могли быть брошены на подавление беспорядков, опасность которых время от времени возрастала, особенно в связи с перебоями в доставке хлеба²⁵. Расчистка русла Тибра должна была сократить ущерб от наводнений (Suet. Aug. 30. 1). Для контроля за состоянием общественных построек (*cura operum publicorum*), за дорогами (*cura viarum*), уборкой улиц (*viis purgandis*), водоснабжением (*cura aquarum*), руслом Тибра (*alvei Tiberis*) и выполнения некоторых других функций введены новые маги-

²³ Регионов было 14, кварталов — 265. Plin. n. h. III. 5. 66; Suet. Aug. 30. 1; Dio LV. 8. 6, cf.: Niebling G. Laribus Augustis...; Nicolet C. Space, geography, and politics... P. 189 ff.; Gradel I. Emperor worship and Roman religion. Oxf., 2002. P. 116 ff. with n. 19 etc. См. раздел VI.3 с примеч. 143 сл., в частности, о разногласиях в датировке.

²⁴ Религиозно-политический аспект административной реформы Августа рассмотрен в разделе VI.3.

²⁵ Дигесты сообщают о размещении Августом семи когорт пожарных, каждая на два региона города, во главе с трибунами. Во главе стоял префект. Его функции: расследования о поджигателях, взломщиках, ворах, грабителях, скупщиках краденого. Самые тяжкие преступления передавались на расследование префекту города (Dig. I. 15. 3 pr.; cf.: Dio LV. 26. 4 sq.). Таким образом, «пожарники» выполняли также функции криминальной полиции, причем поджоги, по-видимому, были преступлением наиболее опасным для общественного порядка. См. также: Dio LV. 8. 6 сл. — о специальных *curatores viarum*, которые наблюдали за порядком на узких улочках Рима, в первую очередь в целях предотвращения пожаров.

стратуры. Все это координировалось и контролировалось специальным должностным лицом — городским префектом (*praefectus Urbi*)²⁶. По мнению Светония, учреждение новых должностей имело целью привлечение к управлению государственными делами большего числа граждан (Suet. Aug. 37). Но речь шла о большем — создании эффективной системы местного управления и самоуправления. Хотя Рим был в привилегированном положении, применялся тот же подход, что и к другим городам Империи. С учетом размеров Города и его особого значения требовалось большее участие центрального правительства и неустанный контроль со стороны принцепса и его доверенных лиц.

Параллельно с организацией управления приводилось в порядок городское хозяйство. В соответствии со своими критериями отбора материала, Август перечислил в «Деяниях» далеко не все свои заслуги перед Городом. Он изучил психологию современников и знал, что упоминание клоаки или водоразборной колонки где-нибудь в *Trans Tiberim* (административный округ на правом берегу, где жили в основном ремесленники) не произведет даже на жителей этого района того впечатления, как сияющий мрамором и золотом храм в центре города. Но оценивая градостроительную деятельность основателя принципата с достаточной дистанции, мы можем согласиться со Светонием, который уже спустя немногим более столетия (после известной фразы о мраморном Риме) отметил: «...он сделал все, что может предвидеть человеческий разум, для безопасности города на будущие времена» (Suet. Aug. 28.3). Более высокую похвалу для государственного деятеля трудно представить.

Значительную часть «грязной» работы по наведению в городе чистоты и порядка взяли на себя помощники принцепса. Важную роль сыграл ближайший и доверенный друг Октавиана — Випсаний Агриппа. В 34 г. он восстановил на свои личные средства акведук *Aqua Marcia*²⁷. В следующем, уже будучи консуляром, Агриппа добился избрания городским эдилом, чтобы заняться благоустройством. Он организовал ремонт улиц, одновременно приводя в порядок систему канализации. Для обеспечения надежного водоснабжения были построены цистерны, водонапорные башни и фонтаны.

²⁶ Префект Города назначался Августом из числа сенаторов, как правило, консуляров. См.: Tac. ann. VI. 11; Dio LIX. 13. О функциях городского префекта по поддержанию порядка для более позднего времени см. Dig. I. 12. 12 etc.

²⁷ Этот самый протяженный акведук был построен еще в сер. II в. до н.э. претором Кв. Марцием Рексом. Его дальнейшей реконструкцией занимался Август, который подключил к Марциеву акведуку другие источники, тем самым удвоив количество поступавшей по нему в Рим воды. См.: Frontinus, de aquis I. 12; Suet. 42. 1; cf.: Hodge T. Roman aqueducts and water supply. L., 2002²; Coarelli F. Rom. S. 29, 38, 322–323, 327; Таривердиева С. Э. Строительная деятельность Марка Агриппы в древнем Риме // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2014. № 1 (124). С. 6–25. О мероприятиях по улучшению водоснабжению города и канализации см. с. 8–11.

Бесперебойному снабжению населения хлебом служило новое зернохранилище у западного склона Палатина.

После битвы при Акции, с 29 по 19 гг., Агриппа осуществил масштабные работы в центральной части Марсова поля (*campus Martius*). Это была низменность между Тибром и западными склонами Холма садов (*collis hortulorum*, совр. Пинчио), Квиринала и Капитолия. Территория находилась в государственной собственности, там проводились центуриатные комиции, учения и смотры войск, а также развлечения, игры и спортивные мероприятия (Strabo V. 3. 8). Крупные общественные постройки предприняли здесь в прежние времена Фламиний, Помпей, Цезарь. Диктатор, в частности, приступил к сооружению септы — огромной площадки, окруженной портиком. Она была завершена Агриппой в 26 г. до н.э., но названа именем Цезаря (*saepa Iulia*). Септа предназначалась для проведения народных голосований, но использовалась также как рынок. Там же развлекался городской плебс, наблюдая, например, сражения гладиаторов. К Юлиевой септе примыкали также построенные Агриппой первые большие общественные термы Рима. Вода поступала из Тибра по завершенной к 19 г. до н.э. *Aqua Virgo*. Рядом были разбиты просторные сады, украшенные скульптурами греческих мастеров. Среди этих сооружений для проведения досуга уже в 25 г. до н.э. находилась базилика Нептуна с портиком Аргонавтов, напоминавшая о морских победах Агриппы. Недалеко был построен ипподром (*tigarium*). На севере комплекс замыкался Пантеоном — храмом всех богов, почетное место в котором занимали покровители Юлиев, у входа, в пронаосе посетители встречали статуи гениев Августа и Агриппы²⁸. Озелененные пространства связывали Пантеон с мавзолеем Августа. По другую сторону Фламиниевой дороги находился портик Випсания, в котором была выставлена известная карта мира Агриппы. Она была завершена после смерти автора, при участии самого Августа, и высечена на мраморных плитах²⁹. Карта хорошо вписывалась в смысловой контекст Марсова поля с мавзолеем

²⁸ Пантеон был освящен ок. 27 до н.э. Агриппа хотел поместить внутри статую Августа, но принцепс отказался. Вместо этого статуя была помещена в пронаосе, с другой стороны стояла статуя Агриппы (Dio LIII. 27. 3). Пантеон, перестраивавшийся Домицианом и Адрианом, тем не менее сохранил надпись Агриппы (CIL VI. 896). Пантеон — лучше всего сохранившаяся античная постройка, его купол диаметром 43,4 м в течение 17 веков (128–1881 гг.) был самым большим в мире. Лишенный облицовки, позолоты, статуй и украшений, он до сих пор радует жителей Рима и привлекает туристов со всего мира. См. цветную илл. 03, а также илл. VIII. 1. 2, VIII. 3. 1 с указаниями памятников. Подробнее см. ук. соч. С. Э. Таривердиевой, с. 14–17, с указаниями на источники и лит.

²⁹ О карте сообщает Плиний Старший, который воспроизвел комментарий к ней, составленный Агриппой (Plin. n. h. III. 17). Копии карты Агриппы выставлялись также в провинциях. Об одной из них, в галльском Августодуне, сообщает оратор III века Евмений (Pan. lat. IX. Incipit quintus). Его речь была произнесена в 297 году. К карте Агриппы восходит т.н. Пейтингерова таблица — средневековая копия позднеантичной карты дорог. См. также: Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002 с дальнейшими указаниями на источники и литературу. См. также илл. X.3 (карта).

Августа, Алтарем Августова мира и другими сооружениями, демонстрировавшими достижения императора. Как и «Золотой милиарий» на форуме, а также триумфальные арки и целый ряд других памятников, карта была зримым свидетельством римского могущества, наполняя гордостью сердца гуляющих по Марсову полю горожан³⁰.

В своих постройках, а также в организации разнообразных развлечений для народа, Агриппа с присущей ему практической хваткой хорошо дополнял Августа. В этих усилиях нетрудно рассмотреть важнейшие контуры политики «хлеба и зрелищ». Её основы были заложены во времена Республики. В эпоху Империи эта форма подкупа постепенно превратилась в важнейший инструмент, регулировавший поведение городского плебса³¹. Благоустройство Города, различные сооружения, построенные принцепсом, членами его семьи и сторонниками, как и устраивавшиеся ими развлечения, способствовали росту влияния Августа, укрепляли его власть. Но сопутствовавший пропагандистский эффект этой деятельности не может отменить тот факт, что жизнь населения в результате проведенных мероприятий стала безопаснее, удобнее, разнообразнее, а форумы и весь город — красивее. Это одна из задач государства, и если оно с ней справляется, то завоевывает симпатии. Нельзя уравнивать все методы достижения власти и популярности, например, террор, подкуп — и созидательные усилия, направленные на улучшение условий жизни сограждан.

Октавиан-Август на разных этапах своей карьеры предоставил примеры того и другого. Различные средства вели к устранению противников и соперников, росту популярности, достижению практически неограниченного влияния и власти. Своей разнообразной и масштабной деятельностью по благоустройству Города Август продолжал дело магистратов Республики, значительно превзойдя их в масштабах и результатах. Но главное даже не это поверхностное сходство (тем более, что не все магистраты являли примеры гражданского поведения). Важно подчеркнуть, что строительная политика Августа была неразрывно связана с социальной, а также выверена

³⁰ Вилла Агриппы находилась далеко от центра и Палатина, на правом берегу Тибра. К ней вел мост, названный именем соратника и зятя Августа, который всегда оставался на заднем плане. Важнейшие сооружения Випсания Агриппы перечислены в книге: Bringmann K., Schäfer Th. Augustus und die Begründung... S. 85, сравн.: Tietz W. Die Bautätigkeit Agrippas auf dem Marsfeld (27–25 v. Chr.). Bestand und Programm // Ronning, Chr. (Hrsg.). Einblicke in die Antike. Orte — Praktiken-Strukturen. München, 2006. S. 181–202; Albers J. Campus Martius. Die urbane Entwicklung des Marsfeldes von der Republik bis zur mittleren Kaiserzeit. Wiesbaden 2013. О других постройках Марсова поля см. раздел VIII.5, о «Золотом милиарии» — см. в разделе VIII.6.

³¹ Iuv. sat. X. 81: *panem et circenses*. По словам Светония, который дал обзор деятельности Августа по организации развлечений, он и здесь превзошел всех предшественников (Suet. Aug. 43.1–45.4). Продолжив традиции республики, Август заложил основы политики «хлеба и зрелищ», характерной для римского монархизма. См.: Weeber K.-W. Panem et circenses. Massenunterhaltung als Politik im antiken Rom. Mainz, 1994; Letzner W. Der römische Circus. Massenunterhaltung im Römischen Reich. Darmstadt, 2009.

с точки зрения идеологии режима. Ее популярность была обусловлена тем, что деятельность принцепса служила «общему благу», отвечая интересам римского гражданства и соответствуя принципам *res publica*.

VIII.2. Архитектура крупным планом: кирпич и мрамор

Впечатляющие результаты строительной деятельности основателя принципат-а оказались возможны не только благодаря его видению проблем, энергии и настойчивости, а также поддержке многочисленных сторонников и единомышленников. Следует также иметь в виду социально-политические и исторические условия, а также целый ряд финансовых, технологических, интеллектуальных предпосылок. Октавиан-Август многому научился на Востоке, где крупные метрополии строились по гипподамовой системе, имели развитое для того времени городское хозяйство. Крупнейшим городом Средиземноморья была Александрия Египетская. Первоначальным толчком к появлению грандиозных архитектурных замыслов стало соперничество с Антонием, который хотел сделать Александрию своей резиденцией (возможно, и центром империи). Октавиан пошел другим путем: колоссальная египетская добыча предоставила возможность реализации планов по преобразованию Рима³². Но задумав сделать Рим настоящей столицей мира, он стремился не отходить от «заветов предков» и «республиканских» принципов.

Предметом особой гордости принцепса было то, что застав Рим кирпичным, он оставляет Город мраморным³³. Одной из предпосылок осуществления замыслов Августа было начавшееся еще при Юлии Цезаре освоение месторождения в Карраре (Тоскана, недалеко от побережья Тирренского моря). Оттуда белый мрамор доставлялся в Рим через порт Луни (откуда название *marmor lunensis*) по Тибру. Из египетских каменоломен шел порфир. Не пренебрегали и более дешевым камнем (известняком, травертином, туфом и другими), а также обожженным кирпичом. К этому времени строительное искусство итальянцев достигло высокого уровня. Применение бетона, арочные конструкции удешевляли и ускоряли строительство, а почти неограниченные ресурсы, которыми распоряжался император, делали выполнимыми самые смелые проекты³⁴. Достаточно было и рабочей силы,

³² Египетская добыча была основным источником финансирования строительства. Тенни Франк оценивал конфискованные Октавианом только при завоевании Египта богатства в 250 млн. римских денариев. См.: Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М., Л., 1949. С. 166.

³³ Suet. Aug. 28.3. Кассий Дион, называя соответственно глину и камень, добавляет: «Этим он указал не на постройки в буквальном смысле, а больше на мощь державы» (Dio LVI. 30. 3). Сравн также: Aur. Vict. de Caes. Augustus. Epit. I. 21.

³⁴ См.: Блаватский В. Д. Архитектура Древнего Рима. М., 1938; Шуази О. Строительное искусство древних римлян М., 1938; Кочетов В. А. Римский бетон. М., 1991; MacDonald W. Architecture of the Roman empire.

как из числа городского плебса, так и охотно сдававшихся хозяевами внаем рабов. Развернувшееся строительство, и не только в столице, было важным фактором, способствовавшим экономическому подъему Италии, обеспечив городскому плебсу заработок. Попавшие в распоряжение Августа ресурсы провинций помогли сравнительно быстро ликвидировать последствия гражданских войн, способствуя укреплению нового режима³⁵.

Самые важные сооружения, с точки зрения самого Августа, названы в «Деяниях». Отбор, как и расположение материала в политическом заведении основателя принципата, представляют самостоятельный интерес. Постройки названы в большом разделе, где перечисляются расходы на общественные нужды (т.н. *impensae*). Три соответствующие главы³⁶ оказались между сообщениями о хлебных раздачах (RG 18) и о зрелищах (*ibid.* 22 sq.). Это указывает на политические мотивы строительной деятельности, которая составляла одну из главных статей расходов.

В 19 главе Август перечисляет по преимуществу сакральные сооружения (сравн. раздел VI.2). Исключений немного, но уже потому они заслуживают внимания. Открывает список (опережая даже такие проекты, как храмы Аполлона и Божественного Юлия) достроенная Октавианом курия — здание для заседаний сената. Постройки перечислены в хронологическом порядке. Сам факт первоочередности проекта (начат в 44 г., завершен в 29 г.) и его отражение в «Деяниях» подчеркивали уважение к «республиканскому» органу. Этот проект был связан с деликатной проблемой позиционирования в отношении приемного отца. Юлий Цезарь не оглядывался на традиции, считая их давно не соответствующими действительному состоянию дел. Чтобы расчистить место для своего форума, он снес остатки сгоревшей в 52 г. курии Гостилия, заодно упразднив комиций (народные собрания перенесли на площадь форума). Новое здание курии начало строиться в стороне. Противники диктатора должны были усмотреть здесь еще одно проявление непочтительности к сенату. Пока строилось новое здание на Римском форуме, сенат заседал в храмах или, например, в курии Помпея (помещение в комплексе «театра Помпея»). Там Цезарь был убит, так и не успев завершить строительство на форуме. Это сделал Октавиан, освятив новую курию уже под именем Юлия и пристроив к ней Халкидик, в котором

I. Yale U. P. 1965; Lamprecht H. O. *Opus caementitium. Bautechnik der Römer.* Düsseldorf, 2001⁵; Hesberg H. von. *Römische Baukunst.* München, 2005 и др.

³⁵ Важность финансирования строительной активности, как и других мероприятий, не может вызвать сомнения. В частности, Дитмар Кинаст отмечает, что во второй половине правления Августа, когда деньги Птолемея и некоторые другие источники истощились, строительная деятельность резко сократилась. О больших проектах после открытия форума Августа во 2 г. до н.э. неизвестно. Войны с северными народами, особенно с германцами, были экономически убыточными, а резко повышать налоги было нежелательно. См.: Kienast D. *Augustus. S.* 378 ff. и особ. S. 402–407, с указаниями на источники и литературу.

³⁶ RG 19. 1–21. 1, cf.: Suet. *Aug.* 29. 1–30. 2; Dio LIII. 22. 1–2 etc, CIL XI. 365; Vell. II. 39. 2, 81. 3, 100. 2.

велось делопроизводство (см. илл. VIII.6.1). Так триумвир проявил свою *pietas* по отношению к Юлию Цезарю, одновременно продемонстрировав свой «республиканизм». В этом пункте Октавиан дистанцировался от позиции приемного отца³⁷.

Из гражданских сооружений Август называет также портик Октавия у Фламиниева цирка (*porticus Octavia*), подчеркивая, что оставил прежнее имя в честь первоначального строителя (33 г. до н.э.). А этот первый портик Рима в коринфском стиле (отсюда его второе название — *porticus Corinthia*) построил Гней Октавий, дальний родственник триумвира. Он рагромил флот Персея Македонского и взял в плен самого царя (Fest 178; Vell. II. 1). За свои победы Гней Октавий получил триумф. В 165 г. он первым в роде достиг консулата. Послание Октавиана было многозначным. Восстановление портика было частью общей программы благоустройства; триумвир действовал в соответствии с республиканскими традициями; он проявил свою *pietas* (согласно принятому порядку, потомки, члены *familia*, ремонтировали постройки, возведенные их предками); поднимался престиж рода Октавиев. Но Октавиан не считал необходимым разъяснять, что вел происхождение не от консула Гнея Октавия, а от его брата всаднического достоинства³⁸.

В этом же районе, к востоку от цирка Фламиния (видимых остатков которого не осталось), Август достроил грандиозный театр, начатый Юлием Цезарем. Он был в основном готов уже в 17 г. и использовался во время проведения Секулярных игр, но освящен только в 13 или 11 гг. до н.э. Театр получил имя рано умершего племянника и зятя принцепса, М. Клавдия Марцелла (цвет. илл. 6). Роскошное сооружение, внешние стены которого, украшенные аркадами и колоннами, достигали в высоту 32,6 м, вмещало

³⁷ Халкидик представлял собой изначально небольшой храм Афины Халкидики. Курия Гостилия, по преданию, была первоначально построена третьим римским царем, Туллом Гостилием. Народные собрания должны были впредь проводиться на Форуме, куда была перенесена также роstralная трибуна. О курии см. LTUR I. 1995. P. 332 ff. и далее раздел VIII.6 с примеч. 89.

³⁸ От Гнея Октавия вела происхождение ветвь, в которой было немало сенаторов-консуляров. Октавиан-Август вел происхождение от брата консула, Гая Октавия, который дал начало ветви Октавиев всаднического ранга. Сенатором впервые стал отец Октавиана (Suet. Aug. 2. 2). Не следует путать *porticus Octavia* и *porticus Octaviae* (как Dio XLIX. 43. 8). К северу от цирка Фламиния располагались три больших портика: Гнея Октавия, Филиппа, а также Октавии, сестры Августа. До наших дней частично сохранился только третий, построенный с 33 по 23 гг. до н.э. Августом и посвященный сестре — *porticus Octaviae* (Coarelli F. Rom... S. 268. См. также: Richardson L. A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. Baltimore, 1992. P. 317 f.). В «Деяниях» портик Октавии не упоминается. Возможно потому, что до реконструкции он носил имя своего первого строителя, Квинта Цецилия Метелла Македонского, окончательно превратившего Македонию в провинцию (146 г.) и построившего эту *porticus Metelli* за счет военной добычи. Этот портик окружал два храма, Юноны Регины и Юпитера Статора. Их праздники были перенесены на день рождения Августа, 23 сентября. В портике Метелла, помимо прочего, были выставлены конные статуи воинов Александра Македонского работы Лисиппа. О Третьей Македонской войне: Liv. per. 49; Diod. XXXII. 19; Flor. I.30; Vell. I. 11. 1–2. О постройках Метелла Македонского см.: Vell. I. 3–5. Сообщение Веллея о наличии статуи самого Александра среди привезенных Метеллом из Македонии вызывает сомнения. Портик Филиппа назывался в честь Л. Марция Филиппа, который получил в 33 г. триумф за победы в Испании (сравн. далее в разделе VIII.9).

от 15 до 20 тыс. зрителей³⁹. Из других гражданских построек Август назвал в «Деяниях» восстановленный им в 32 г. театр Помпея (тоже подчеркнув, что не написал своего имени, т.е. оставил имя Помпея Великого), восстановленные и продлённые акведуки, Юлиев форум и базилику Юлия, которую пришлось достраивать, а потом вновь приводить в порядок после пожара. Кроме того, упоминаются восстановление участка Фламиниевой дороги, а также реконструкция почти всех римских мостов (RG 20).

Таковы важнейшие гражданские постройки, которые по тем или иным соображениям назвал, выбрав из десятков других, сам Август. В центре его внимания и гордости, кроме святилищ, оказались крупные представительные сооружения⁴⁰. Благо, исследователи располагают и другими источниками. Сообщения античных авторов, археологические данные, надписи и изображения зданий на монетах свидетельствуют о том, что основатель принципата заботился не только о храмах, театрах и ипподромах⁴¹. Ранее говорилось о благоустройстве Города, прокладке водопроводов и дорог. Немало усилий прилагалось также в Италии и провинциях (цветные илл. 5 и 6). Необычайную активность проявляли там также представители местных элит, которые стремились подражать императору, одновременно соревнуясь между собой.

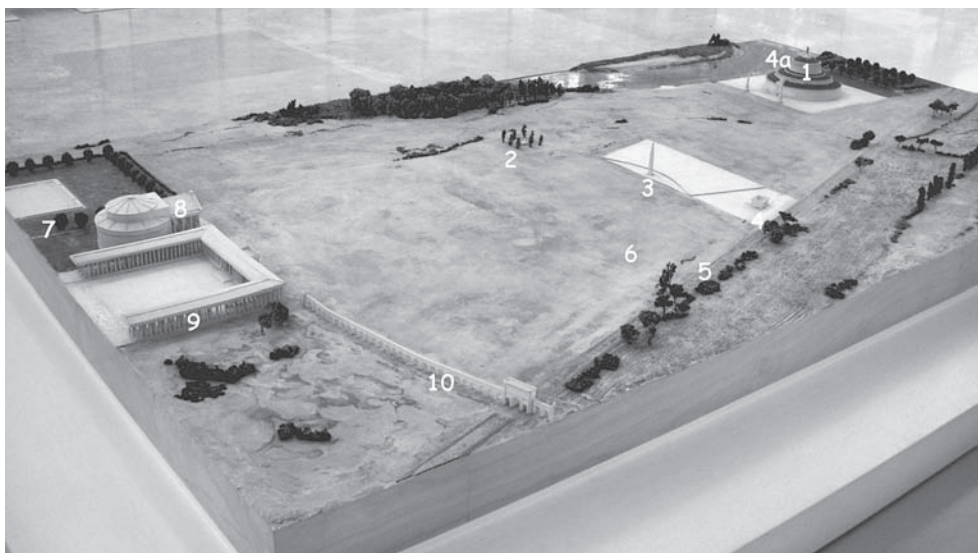
VIII.3. Республиканский мавзолей

При оценке идеологического назначения архитектурных памятников исследователей нередко подстерегают логические ловушки. Ход мыслей часто подчиняется известному стереотипу: поскольку Август — основатель принципата, то репрезентативные и иные постройки, сооруженные при его участии, носили монархический характер. В сущности, используются аргументы, сами нуждающиеся в обосновании. На наш взгляд, такой ход мыслей усматривается подчас и у одного из ведущих исследователей Ранней Империи — Ф. Миллара. В одной из статей, посвященных Августу, Миллар, мысленно реконструируя картину Римского Форума, так коммен-

³⁹ RG 21. 1; Dio LIII. 30. 6. LIV. 26. 1; Plin. n. h. VIII 65. Cf.: Coarelli F. Rom... (2000). S. 264 f. О римских театрах: Sears F. Roman theatres. An architectural study. Oxf., 2006 etc. О Марцелле см. раздел V.7 с примеч. 162.

⁴⁰ Меценат в своем наставлении Октавиану подчеркивает представительские задачи строительной деятельности правителя: «...Столицу нашу укрась со всей возможной роскошью, не скупясь на расходы, и придай ей блеск всякого рода празднествами. Ведь нам, властвующим над столь многими народами, подобает всех превосходить во всем, и соответствующее великолепие в известной степени может нашим союзникам внушить к нам почтение, а врагам — страх» Dio. LII. 30. 1 (перевод К. В. Маркова и А. В. Махляюка // ВДИ. 2008. №3).

⁴¹ Дж. Шайд обратил внимание на то, что в «Деяниях» не упомянуты 265 Августовых ларов (по числу *vici*), а также строительные работы на территории Города (Scheid J. To honour the princeps and venerate the gods: public cult, neighbourhood cults, and imperial cult in Augustan Rome // Edmondson J. (ed.) Augustus. P. 276).

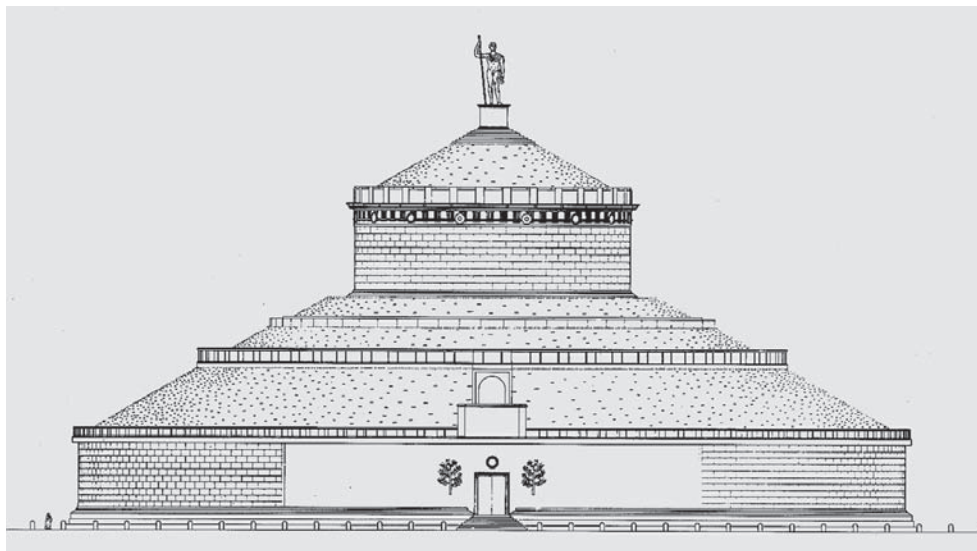
Илл. VIII.3.1. Модель северной и центральной частей Марсова поля

тирует выступление консула Т. Квинкция Криспина на народном собрании 13 июня 9 г. до н.э.⁴²:

«Консул выступал с новой ростральной трибуны, украшенной добычей Акция, стоя перед храмом Юлия Цезаря; заверченный в 29 г., храм занял центральное место на древнем форуме... Храм вырисовывался позади консула, когда он читал текст закона; если были открыты двери, толпа могла разглядеть внутри статую божественного Цезаря. Справа, по крайней мере часть присутствовавших, могла увидеть новую арку Августа, освященную в 19 г. до н.э. Еще правее просматривалась базилика Юлия, начатая Цезарем и завершенная Августом...

Если они все еще не понимали, что должно передать это символическое послание, достаточно было прогуляться к северной оконечности Марсова поля, миновав септу и Пантеон, возведенный Агриппой, минуя Алтарь Мира, освященный в январе того же 9 г. до н.э. Затем они могли рассмотреть огромную массу Августова мавзолея. Величайшая римская гробница имела около 88 м в диаметре... В 9 г. до н.э. мавзолей уже содержал останки двух членов императорской семьи, Марцелла и Агриппы, очень скоро там оказались останки Друза. Через четверть века, когда здесь же был помещен прах Августа, любой гуляющий имел возможность читать его “Res gestae”, написанные на бронзовых таблицах, прикрепленных к колоннам. В отличие от современных исследователей, прохожий мог также время от времени

⁴² Речь идет о выступлении, излагаемом Фронтином (Frontinus, de aquae ductu II. 129).

VIII.3.2. Реконструкция мавзолея Августа

поднимать глаза и осматривать на высоте около 40 м. бронзовое изображение Цезаря Августа, которое возвышалось над гробницей. Возвращаясь к тексту, он, видимо, оказывался недостаточно умен для того, чтобы читать его как республиканский документ»⁴³.

Живость воображения маститого ученого способна вызвать восхищение. И все же нельзя не заметить, что своему, так сказать, лирическому герою с глазами Августова ветерана автор приписал образ мыслей британского пэра. В самом ли деле «среднестатистический» римлянин настолько критически относился ко всем проявлениям нового порядка вещей, что едва ли не в каждом из них усматривал прямо противоположное задуманному правительством? И стоит ли в таких обстоятельствах доверять пресловутому здравому смыслу, пусть облагороженному рационализмом самой высокой пробы и уснащенному английским юмором? Прекрасный урок об опасности подстерегающих нас мыслительных штампов может преподать как раз история появления мавзолея Августа.

Уже название вызывает воспоминание о карийском династе Мавsole — сатрапе персидских царей. По своим размерам мавзолей Августа даже превосходил Галикарнасский мавзолей, который причислялся к одному из семи чудес света. Огромное сооружение, имевшее форму купола или холма, со-

⁴³ Millar F. State and subject: impact of monarchy // Caesar Augustus: seven aspects. P. 57–58. Цит. в сокращении. Сента — огороженное место для собраний и других мероприятий. О сенте Юлия см: Albers J. Campus Martius. Wiesbaden, 2013. S. 264 с дальнейшими указаниями.

стояло из пяти концентрических колец из римского бетона и еще одного, внутреннего, из травертиновых блоков. Первое, внешнее кольцо имело диаметр в 300 римских футов, что равно 89 м. Пространство между ним и двумя следующими последовательно возвышавшимися кольцами было засыпано землей. На этом, внешнем цилиндре, сверху были высажены вечнозеленые кустарники. На первом кольце позднее устанавливались статуи захороненных членов фамилии Августа. Четвертое бетонное кольцо было продолжено наверх каменной кладкой в виде второго цилиндра, диаметром ок. 29,5 м. Пятая, внутренняя стена в виде кольца, представляет собой собственно погребальную камеру с нишами для урн с прахом. Она была перекрыта куполом, на котором стояла гигантская статуя Августа из позолоченной бронзы. Общая высота всего сооружения достигала 45 м.

Площадка со стороной 120 м была огорожена стоявшими по углам каменными столбами, соединенными металлическими цепями. Передняя, южная стена была облицована мраморными плитами, числом 24, предназначавшимися для посмертных элогий. Остальные поверхности были облицованы травертином. В 10 г. до н.э. перед фасадом установили два обелиска, а в 14 г. н.э. — по сторонам от входа — еще две стелы, на которых был высечен текст «Деяний» Августа. Мавзолей стоял посреди огромного парка для гуляний⁴⁴.

К строительству Октавиан приступил почти тотчас после возвращения в Рим летом 30 г. до н.э., через 2 года мавзолей был в основном готов (Suet. Aug. 100. 4). Для сравнения, храм Марса Ультора, обет построить который Октавиан дал в 42 г., был завершён только через 40 лет! Зачем так срочно понадобилась гробница исполненному планов и надежд молодому триумфатору? В литературе давно утвердилось мнение, что это сооружение, возведенное в подражание восточным царям, является символом монархической сущности нового режима, обнаруживая истинные устремления его основателя⁴⁵. Однако такая вызывающая демонстрация «тиранических» амбиций была совершенно несвойственна осторожному политику. В поисках иного

⁴⁴ См.: Bringmann K., Schäfer Th. Augustus und die Begründung... S. 175 ff.; Pollini J. From republic to empire: rhetoric, religion, and power in the visual culture of ancient Rome. Norman, Oklahoma, 2012. P. 248 ff.

⁴⁵ Hirschfeld O. Kleine Schriften. 1913. S. 449; Jordan H., Hulsen Ch. Topographie der Stadt Rom. I. 1907³. S. 614; Platner S. B., Ashby A. T. A topographical dictionary... P. 332; Kornemann E. Mausoleum und Tatenbericht des Augustus. Leipzig, 1921; Syme R. Roman revolution. P. 305, 522. Cf.: Kraft K. Der Sinn des Mausoleum des Augustus // Historia. Bd. 16. Heft. 2. 1967. S. 193; Kienast D. Augustus. S. 340. Н. А. Машкин отметил, что мавзолей, созданный по типу круглых этрусских гробниц (*tumuli*), во много раз увеличенных по размеру, представлял собой «восточное по своей идее сооружение», облеченное в «италийскую форму, также, как новая монархия была облечена в одежды республики» (Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 602). Этрусское происхождение мавзолея специально рассматривается в статье: Schollmeyer P. Maecenas führt Augustus die Künste zu // Kreikenbom D. u. a. (eds.) Augustus — der Blick von außen. Wiesbaden, 2008. S. 29–39. bes. 35 ff. См. краткое перечисление мнений: Nicolet C. Space... 1991. Ch. 1, n. 7 (P. 25). Сам Николе, отметив явное подражание Александру, подчеркнул римскую сущность памятника и патриотическое содержание всей идеологии «восстановления». Он указал также на неразрывную связь мавзолея с топографией и планировкой других сооружений Campus Martius (p. 16 f., cf. p. 194) .

объяснения Конрад Крафт обратился к пропагандистской войне с Антонием и обстановке 32 г. до н.э., когда общественности стало известно желание триумвира быть похороненным в Александрии⁴⁶. Ориентация Антония на Александрию, Египет и Клеопатру не прошла для него безнаказанной. Октавиан, как известно, воспользовался этим, и решение о строительстве мавзолея было одним из эффективных пропагандистских актов, направленных против соперника⁴⁷. И позднее, в начале 20-х гг., анти-Антониево, «патриотическое» значение мавзолея сохранялось. Он был расположен на Марсовом поле, вблизи парка для народных гуляний, разбитого тогда между Тибром и Фламиниевой дорогой (Suet. Aug. 100; Strabo V. 3. 8–9). Мавзолей должен был восприниматься как зримое свидетельство приверженности Октавиана Городу и его гражданам, в противоположность *externi mores et vitia non romana* уже мертвого, но еще опасного своей популярностью в некоторых кругах соперника⁴⁸. Для понимания замысла постройки также важно, что для мавзолея была выбрана архаизирующая, этрусская форма тумулуса. Указывают и на сходство с открытым в 1968–70 гг. герооном Энея, найденным в Лавинии⁴⁹. Надо думать, что неслучайным был и выбор места — северная часть Марсова поля. Там покоились останки погибших десять лет тому назад в бою с Антонием консулов Гирция и Пансы, а также целый ряд других известных республиканских деятелей.

Важные уточнения были сделаны Паулем Цанкером. Анализируя «визуальный (образный) язык» эпохи Августа, он принял объяснение Крафта для времени до Акция, в применении к первоначальному предназначению мавзолея. Ассоциации, которые возникали позднее, шли гораздо дальше. Огромные масштабы, обеспечивавшие мавзолею господство над окружающей местностью; ассоциации с гробницей карийского династа; колоссальные размеры статуи Октавиана, стоявшей на вершине, — по мнению Цанкера, всё это символизировало власть и исключительное положение принцепса в «республике»⁵⁰. Подобное восприятие мавзолея

⁴⁶ См. выше, раздел III.7 сл. Не последнюю роль могли сыграть слухи, что в свое время Юлий Цезарь хотел перенести столицу на Восток (Suet. Iul. 79. 3).

⁴⁷ Krafft K. Der Sinn des Mausoleum des Augustus. S. 200 f. Замечания к трактовке К. Крафта и обзор современной лит. см.: Donderer M. Zur Datierung des Augustus-Mausoleums // *ÖJh* 78. 2009. S. 69–77, hier S. 76 f., cf. Albers J. Campus Martius. S. 98, Anm. 8.

⁴⁸ Сравн. замечание Ц. Явеча, что «восстановление республики» 13 января 27 г. было реакцией на обещание Антония вернуть «республику» сенату и народу после предвкушавшейся им заранее победы над Парфией (Yavetz Z. The Res gestae... P. 7, comp.: Dio L. 22; 7).

⁴⁹ Обзор исследований: Reeder J. Typology and Ideology in the Mausoleum of Augustus: Tumulus and tolos // *Class. ant.* II. 1992. P. 265–307. Героон Энея: <http://www.tuttopomezia.it/Archeologia/Lavinium/>.

⁵⁰ По своим масштабам мавзолей Августа сравним с усыпальницей галикарнасского династа Мавсола (на которую, собственно, и указывает название сооружения). О наличии колоссальных статуй Августа свидетельствует голова подобного изображения из Ватикана высотой 1,3 м. См.: Zanker P. The power of images... P. 74–76.

могло лишь усиливаться по мере превращения его в место династического захоронения.

Письменные свидетельства и археологические материалы подверг реви-зии Г. фон Гесберг. Считая возможным завершение работ в течение 3–5 лет (к 28/27 гг.), он отмечает, что это была первая крупная постройка Августа. Через два года был готов Пантеон Агриппы⁵¹. Соглашаясь с К. Крафтом, который связал решение о сооружении мавзолея с обнародованием завещания Антония, фон Гесберг подчеркивает, что это был не единственный возможный вариант ответа своему сопернику. Популярности триумвира больше способствовали бы общественно-полезные постройки, вроде театра Помпея или септы Юлия Цезаря. Но на том этапе Октавиану хотелось утвердиться на римской политической сцене. Потому проект оказался жестким и даже агрессивным. Можно предположить, что открытый рядом парк смягчил не слишком восторженное отношение населения Рима к возведению грандиозной гробницы⁵². Последующие усилия Августа, Агриппы и их сторонников по благоустройству города несомненно переключили внимание и умилили критические тона.

Наблюдения исследователей подводят к мысли, особенно важной при рассмотрении длительного переходного периода, который охватывает карьера Октавиана-Августа. Она заключается в том, что один и тот же памятник в разных политических и идеологических контекстах мог приобретать различные, вплоть до противоположных, смыслы: в данном случае, от «республиканско»-патриотического — до чужеземно-монархического с множеством политических, этнических и эстетических оттенков. Такой широкий диапазон значений отражал неопределенность, размытость художественного языка, отсутствие оформившейся эстетической концепции. П. Цанкер относит это ко времени вплоть до конца 28 — начала 27 гг.⁵³. На наш взгляд, процесс, неразрывно связанный с глобальными

⁵¹ Соглашаясь в основном с датировкой Светония, который сообщает, что к 28 г. постройка была готова, фон Гесберг в то же время обратил внимание на сообщение Кассия Диона. Историк сообщает, что к моменту похорон Марцелла в 23 г. до н.э. работы по отделке мавзолея еще не были завершены (Suet. Aug. 100, cf. Dio LIII. 30. 5). См.: Hesberg H. von, Panciera S. Das Mausoleum des Augustus. Der Bau und seine Inschriften. 1994. S. 54 f.; Hesberg H. von. Das Mausoleum des Augustus // Heilmeyer W.-D. (hrsg.). Kaiser Augustus... S. 245 ff.

⁵² Мавзолей, одна из самых больших построек Августа, не восхваляется поэтами. И Август не посчитал нужным упомянуть свой мавзолей в «Деяниях». Возможно, как косвенную критику грандиозного мавзолея можно понимать критические высказывания современников о гробнице Порсенны (Plin. n. h. XXXVI. 91 sqq.) или о пирамидах (ibid. 75). См. Hesberg H. von, Panciera S. Das Mausoleum des Augustus... S. 55–56. М. Дондерер не ставит под сомнение патриотический смысл сооружения: «Рим есть и будет столицей империи» (Donderer M. Op. cit. S. 77).

⁵³ Пауль Цанкер справедливо, разве только упрощая картину, утверждает, что различные тенденции в искусстве и архитектуре отражали настроения и ожидания, с одной стороны, большинства населения, готового принять монархию, а с другой — «республиканский» настроенной старой аристократии (Zanker P. The power of images... P. 77). Отмечая переходный характер эстетики времени гражданской войны, он считает принципат Августа периодом формирования эстетических норм на последующие века (op. cit. P. 76, cf. P. 335 ff.).

изменениями в общественном сознании, затянулся на десятилетия. Об этом же свидетельствуют экстравагантности — на этапах экспериментирования, в том числе в архитектуре, — проявившиеся у Калигулы, Нерона, затем у Домициана. При этом самые важные изменения в общественном сознании пришлось на «век Августа».

Вернемся к мавзолею. В нем были обнаружены урны из различного камня с надписями, посвященными членам семьи Юлиев-Клавдиев, к концу ее правления он был уже заполнен. В течение столетий после падения Империи мавзолеем, ветшавший и используемый как источник строительного материала, превращался в руины. К 2000-летию со дня рождения Августа сооружение было очищено. В сохранившихся стенах проходили музыкальные вечера. Сейчас археологические и реконструкционные работы возобновлены. Представляется, правы исследователи, рассматривающие первоначальное решение о сооружении мавзолея в контексте противостояния с Антонием. В период правления Августа, как и после его смерти, мавзолеем и вывешенный на нем текст «Деяний» говорили жителям Рима о выдающихся заслугах принцепса, об исключительности его места в римской истории и в государстве, но не пугали зловещим призраком монархии. Единовластие, утверждаясь в провинциях, тихо и медленно занимало место отмирающих структур аристократически-олигархической республики. Вряд ли это тревожило среднестатистического римлянина, радовавшегося мирной и относительно обеспеченной жизни.

VIII.4. Алтарь Мира на территории бога войны

Акценты разнообразной строительной деятельности Октавиана-Августа со временем менялись, но программные основы сохранялись. Спустя менее чем два десятилетия по соседству с мавзолеем оказалось еще два несопоставимых между собой по размерам, но приметных и значительных сооружения: Алтарь Мира и Горологий, основу которого составлял доставленный из Египта обелиск. По мнению многих исследователей, все три⁵⁴ представляли собой некий комплекс, связанный с идеологическими и даже мистическими аспектами Августова правления.

Алтарь Августова мира (*Ara Pacis Augustae*) сравнительно хорошо сохранился до наших дней. Он был сооружен по решению сената по поводу возвращения Августа из Испании и Галлии в 13 г. и освящен 30 января 9 г. до н.э. Август согласился на эту почесть после того, как отверг ряд других особых отличий. Поступало даже предложение установить ему алтарь в ку-

⁵⁴ Плюс *ustrina* — постройка для сжигания бранных останков Августа и членов фамилии Юлиев-Клавдиев. Ее местоположение точно не установлено.

рии⁵⁵. Алтарь символизировал утверждение эпохи мира и процветания. В полном соответствии с «римским мифом», благополучие «восстановленной республики» должно было обеспечиваться надлежащим выполнением религиозных ритуалов. Набор персонажей, изображенных на рельефах, не оставлял сомнений в особой роли Августа и его окружения в установлении и поддержании небесной и земной гармонии.

Алтарь Мира представляет особый интерес не только благодаря информативности и художественным достоинствам⁵⁶. С этим уникальным памятником связаны важные этапы изучения Августова принципата. В XVI в., при строительстве дворца Перетти, были обнаружены обломки мраморных рельефов, которые оказались затем на вилле Медичи, во Флоренции, в Ватикане, в Лувре. Позднее находили и другие обломки памятника. В 1879 Ф. фон Дун первым предположил, что разбросанные по различным музеям Европы фрагменты принадлежат Алтарю Мира. В нач. 1903 г. приступили к систематическим раскопкам, но без особого успеха, поскольку мешал дворец, а под ним — подпочвенные воды. К 2000-летию со дня рождения Августа (см. также раздел VIII.1) под руководством Джузеппе Моретти были проведены беспрецедентные работы. В течение трех лет дворец был приподнят, остатки алтаря вынуты на поверхность. Собраны известные рельефы, а с тех обломков алтаря, которые получить обратно не удалось, были сделаны гипсовые слепки. Алтарь реконструировали на берегу Тибра, недалеко от мавзолея Августа, и накрыли стеклянным колпаком. Оба памятника образовали своеобразный исторический комплекс, объединенный площадью, пьядцале Аугусто Императоре, которая стала частью нового городского ландшафта. Современное, новое здание музея возведено по проекту американского архитектора Ричарда Майера и открыто в 2006 году.

Ara Pacis имела прямоугольную форму с размерами 11,65 на 10,63 м. Общая высота сооружения вместе с подиумом составляла почти 6,30 м (высота мраморной стены с рельефами — примерно 4 м). Для строительства алтаря были использованы квадры травертина и туфа, облицованные мрамором. Длинные стороны стен, окружавших алтарь, имели проходы шириной 3,60 м. С запада (мы ориентируемся по первоначальному месторасположе-

⁵⁵ RG 12; Dio LIV. 25. 1. *Ara Pacis Augustae* означает «Алтарь Августова мира», т.е. это был его, установленный им мир. Иногда употребляется менее точное название «Алтарь Мира Августа» или сокращенное «Алтарь Мира».

⁵⁶ См.: Moretti G. *L'Ara Pacis Augustae*. Roma, 1948; Simon E. *Ara Pacis Augustae*. Tübingen, 1967; Torelli M. Typology and structure of Roman historical reliefs. Ann Arbor, 1982. P. 27–61; La Rocca E. *Ara Pacis Augustae*. Roma, 1983; Settis S. Die Ara Pacis // Heilmeyer W.-D. (hrsg.). *Kaiser Augustus...* S. 400–426; Zanker P. *Augustus...* S. 177 ff., 184 ff., 206 ff., 218 ff.; Crow Ch. The Ara Pacis // *History today* 56 (6). June 2006. P. 5 ff.; Rossini O. *Musei in comune: Ara pacis*. Roma, 2006; Adriani C. / Meier R. *Il museo dell'Ara Pacis*. Milano, 2007; Mlasowsky A. *Ara Pacis: ein Staatsmonument des Augustus auf dem Marsfeld*. Mainz, 2010; Pollini J. *From republic to empire...* P. 204 ff. etc. Краткий обзор мнений и оценок: Kienast 2009. S. 239 f. mit Anm. 114 f.

VIII.4.1. Алтарь Августова мира (сравн. цветные илл. 9 и 10)

нию алтаря), с Марсова поля, к входу вела лестница. Противоположный выход смотрел на *Via Flaminia*, одну из главных дорог, которая шла на север, к городу Аримин (совр. Римини) на Адриатическом побережье. Алтарь, находившийся внутри мраморной ограды, представлял собой тумбу для жертвоприношений. Ряд ступеней предназначался для жрецов, которые сжигали жертвы. На цоколе алтаря были изображены фигуры, по-видимому, олицетворявшие провинции. Выступавшие по обеим бокам стенки с волютами были украшены рельефами, изображавшими богослужение. На внешних поверхностях изображены жертвенные животные. На обращенных к столу поверхностях показаны процессии весталок и жрецов. Обряд сжигания жертв можно было наблюдать как со стороны Марсова поля, так и с Фламиниевой дороги. Издалека был виден восходящий к богам дым.

Алтарь Мира — образец искусства Августова века. Тем не менее, его создатели следовали традициям древней сакральной архитектуры: алтарь находился на огороженном священном участке, принадлежавшем божеству — *templum*⁵⁷. На Римском форуме стояло святилище Януса Гемина (Квирина),

⁵⁷ Аналогично греческому *temenos*. В ранние времена *templum* огораживался забором, например деревянным. На участке помещался жертвенник. Позднее появились специальные постройки, которые известны как храмы. Античные храмы предназначались для совершения обрядов жрецами, но не для собраний верующих, как у христиан. Последние переняли для богослужений форму базилики (греч. — «царский дом») — большого крытого помещения, служившего у римлян для торговли и судебных заседаний.

древнего бога дверей (общественных зданий), всякого начала и конца⁵⁸. Храм Януса показывал состояние мира или войны, в котором находилось Римское государство: запертые на ключ двери святилища символизировали мир на земле (Liv. I. 19. 2). Август с гордостью сообщает, что три раза закрывал храм Януса, в то время как за всю прошедшую историю Рима это произошло лишь дважды (RG 13). Янус был богом с двумя ликами, а его храм имел двое дверей, на восток и на запад. Наличие двух входов-выходов, как и небольшие размеры Алтаря Мира, являются сознательным следованием структуре святилища, основанного Нумой. Как и в других случаях, Август, с почтением (*pietas*) следуя римским обычаям, не побоялся подчеркнуть свои заслуги перед *res publica*, показать преимущества установленного им порядка⁵⁹.

Ara Pacis является одним из свидетельств расцвета искусства «Августова века». Особое впечатление производят окружающие алтарь стены из лунийского (каррарского) мрамора. Мастерство художников и резчиков проявилось в их внешнем оформлении. Содержание фриз, представляющих собой программу в образах, — традиционно-римское. Это относится как к изображениям божеств и символов, так и к фигурам людей, также членов семьи императора. Главный, западный (в соответствии с изначальной ориентацией), вход фланкировали плохо сохранившиеся рельефы Марса с Ромулом и Ремом слева и Энея (возможно, в сцене жертвоприношения изображен Нума Помпилий) справа⁶⁰. На двух плитах восточной стены, выходившей на Фламиниеву дорогу, по сторонам от входа, изображены сидящие друг напротив друга Италия (слева) и Рома (справа). Рома восседает на горе сложенного побежденными врагами оружия — это изображение плохо сохранилось и реконструируется на основе изображений на монетах. Италия (или, возможно, это богиня мира — Рах, — давшая имя алтарю) сидит на утесе, из которого вырастают обильные плоды. На руках у нее двое детей, у ног мирно отдыхает животное. Символика указывает на *Saturnia tellus* («Сатурнова земля»), т.е. Италию в век Сатурна, Золотой век (*aurea aetas*, cf.: Verg. georg. II. 173) и порождает целый ряд

⁵⁸ Согласно преданиям, Янус — древнейший италийский царь, принявший у себя свергнутого с небесного трона Сатурна. Позднее его отождествляли с Ромулом. Культ Януса был установлен еще царем Нумой Помпилием — основателем римских религиозных установлений. С Януса начинали перечисление богов, он дал имя первому месяцу года.

⁵⁹ Сравн.: Simon E. Augustus. S. 30. О святилище в Лавинии, в 30 км к северу от Рима, см.: Conlin D. A. The artists of the Ara Pacis. Chapel Hill, 1997. P. 106 with note 6. О закрытии храма Януса в контексте других мероприятий после устранения Антония и Клеопатры см. раздел IV. 8 сл. См. также цветную илл. 2 с воротами Януса на Бычьем форуме.

⁶⁰ С возражениями против идентификации изображения как Энея выступил П. А. Перак: Rehak P. A. Aeneas or Numa? Rethinking the meaning of the Ara Pacis Augustae // Art Bulletin. Vol. 83, 2. 2001. P. 190–208; id. Imperium and cosmos: Augustus and the northern Campus Martius. Madison, WI, 2006. P. 115–120. См. также следующее примеч.

VIII.4.2. Алтарь Августова мира. Торжественная процессия участников церемонии жертвоприношения на южной стороне ограждения

других ассоциаций, связанных с мифологией Августовой «республики»⁶¹. Эти поэтические образы ненавязчиво дополняли и расцветчивали идеологию Нового века.

Мифологические образы на западной и восточной стенах не только переключаются друг с другом по смыслу (например, Марс и Рома-победительница), но и связаны с сюжетами двух боковых, на которых изображены Август с накинутой на голову тогой и члены императорской семьи, идущие за ликторами и фламинами (южная стена), а также магистраты и жрецы — септемвиры, квиндецемвиры и возможно авгуры (северная). С большей или меньшей степенью надежности на южном фризе, вслед за Августом (изображение повреждено), фламинами, Агриппой (с накинутым на голову краем тоги) и ребенком из числа варварских заложников, идентифицируются личности Юлии (дочь Августа), Гая (внук и приемный сын принцепса) и некоторых других. На северном фризе можно предположить супругу Августа Ливию, ее сына Тиберия, Антонию Младшую (дочь сестры Августа) с ее маленьким сыном Германиком и мужем Друзом Стар-

⁶¹ Идентификация изображений, и не только из-за неудовлетворительной сохранности, вызывают споры. Например, кто изображен на левой панели восточного фасада алтаря: Теллус (Мать-Земля), Венера, Церера или персонификация богини Мира (Pax)? Эрика Симон видит в изображении Италию, включающую черты всех названных божеств. Это принятое толкование. См.: Simon E. Ara Pacis Augustae // Binder G. Saeculum Augustum III. S. 242–246, cf.: Zanker P. The power of images... P. 172–183; Galinsky K. Venus, polysemy, and the Ara Pacis Augustae // AJA. Vol. 96. 1992. P. 457–475 (подчеркивает полисемичность образа); Spaeth B. The goddess Ceres in the Ara Pacis Augustae and the Carthage relief // AJA. Vol. 98. 1994. P. 65–100 (идентифицируется как Церера с чертами Теллус и Венеры). Cf.: Edmondson J. Augustus. P. 11 with note 27.

шим, Антонию Старшую с детьми Домицием и Домицией, а также мужем, Л. Домицием Агенобарбом. В руках участников — ветви лавра⁶².

Среди историков искусства активно обсуждается вопрос о степени участия греческих художников в создании памятника. В первой половине 20 века, особенно в англоязычной литературе, доминировала теория «греческого мастера», которая не была свободна от политической конъюнктуры: в итальянской и немецкой литературе преобладало мнение о местном происхождении рельефов алтаря, как и других памятников Августова века. «Филэллинское» направление и в послевоенные годы, представленное, к примеру, Джоселин Тойнби, было реакцией на высокие оценки Августова режима в 30-е и 40-е годы в немецкой и итальянской историографии, в т.ч. у Массимо Паллотино⁶³. В последние десятилетия эти противоположности сглаживаются, политико-конъюнктурные факторы по мере тщательного изучения исторической материи играют все меньшую роль. Как уже говорилось во введении к главе, во все большей мере осознается огромное влияние на Рим греческой культуры. С другой стороны выясняется, что ко второй половине I в. до н.э. римская эллинистическая культура, и в частности искусство, достигли такого уровня, что местные мастерские вполне могли справиться с работой самой большой сложности⁶⁴.

Изобразительный ряд и вся программа были задуманы к началу строительства алтаря (изображенный на южной стене Агриппа умер почти за три года до освящения памятника). Сооружение было призвано восславить Августов мир, установленный в результате побед в западных провинциях, подобно тому, как *Ara Fortunae Reducis* в 19 г. до н.э. отмечала счастливое возвращение императора с Востока. Нельзя исключить, что в рельефах частично отразилась торжественная процессия при закладке алтаря. Но в целом, изображения не были рассказом о реальном событии — Алтарь Мира в ритуализированной форме прославляет торжество политики Августа.

Белоснежный алтарь, сиявший на южном солнце и украшенный многочисленными изображениями, должен был передавать настроение особой

⁶² О фризах Алтаря Мира см. также: Kleiner D. E. E. The great friezes of the Ara Pacis Augustae: Greek sources, Roman derivatives and Roman social policy // *MEFRA*. T. 90. 1978 (в частности, автор указывает на связь представленных персонажей с политикой укрепления семьи и поощрения деторождения); Koeppl G. M. Die historischen Reliefs der römischen Kaiserzeit. V–VI. *Ara Pacis Augustae*. 1–2 // *Bjbs*. Bd. 187. 1987. S. 101–157; 188. 1988. S. 97–106; Zanker P. The Power... P. 118–125.

⁶³ Toynbee J. M. C. The Ara Pacis reconsidered and historical art in Roman Italy // *ProcBritAc*. Vol. 39. 1953. P. 67–95. Cf.: Pallottino M. L'Ara Pacis e i suoi problemi artistici // *BdA*. T. 32. 1938. P. 162–172.

⁶⁴ Эта точка зрения, в частности, довольно убедительно обосновывается в монографии: Conlin D. A. The artists of the Ara Pacis: The process of hellenization in Roman relief sculpture. Chapel Hill, N. Carolina, 1997. Это не исключает наличия греческих параллелей, например, с алтарем 12 богов на афинской Агоре, построенном Писистратидами ок. 521 г. и затем восстановленном в последней четверти V в. Теменос на о. Кос также был окружен стеной, покрытой с обеих сторон рельефами, правда, с дионисийскими сценами. См. Mlasowsky A. Ara Pacis... S. 11 etc.

торжественности ритуала жертвоприношения. Основной идеей была безусловная приверженность Августа, его семьи и всего восстановленного им государства римским обычаям и установлениям. Это была «восстановленная республика» в образах, причем выполненных на самом высоком художественном уровне. Не зря фризы алтаря считаются самыми совершенными произведениями пластики Августового века. Уравновешенностью и спокойствием, уверенностью в будущем дышат фигуры божеств, самого принцепса и его близких, жрецов и детей.

Алтарь привлекал внимание гуляющей публики, которая, обходя и осматривая его со всех сторон, восхищалась красотой сооружения и величием изображенных в полный рост фигур. По сторонам от главного входа, со стороны Марсова поля, очевидно, возвышались статуи Феба (который соединял Аполлона и бога Солнца в Августовой теологии) и богини мира — *Пакс*, со специальным жезлом (кадуцеем) и рогом изобилия. Мир был достижением, которое Август преподносил как одну из своих главных заслуг перед “*res publica*”.

Но Август не был пацифистом. Ни при каком другом последующем императоре не велось так много войн и не было подчинено столько территорий Римскому народу, как при Августе. Для римлян это было аксиомой: мир достигается в результате победоносных войн. Тогда можно на время закрыть двери храма Януса. Безопасность, изобилие, процветание — все эти блага мира достигаются только благодаря военному могуществу, обеспеченному расположением богов. Место для алтаря предоставил хозяин Марсова поля, который, как и другие обитатели Олимпа, на стороне Августа. Бог войны Марс, отец основателя Рима, предназначил Город для мира. Это подтверждало его изображение на обращенной к Марсову полю стене. Все это легко «читалось» как жителями Рима, так и провинциалами⁶⁵.

В Кумском праздничном календаре под 30 января 9 г. до н.э. записано: «В этот день освящен Алтарь Августова мира. Это было благодарственное молебствие в честь правления Цезаря Августа, охранителя римских граж-

⁶⁵ Символика изображений алтаря активно обсуждается в литературе. Кроме указанных работ см. также: Galinsky K. Venus in a relief of the Ara Pacis Augustae // *AJA*. Vol. 70. 1966. P. 223–243; Borbein A. H. Die Ara Pacis Augustae. Geschichtliche Wirklichkeit und Programm // *JbDAI*. Vol. 90. 1975. S. 242–266; Castriota D. The Ara Pacis Augustae and the imagery of abundance in later Greek and early Roman imperial art. Princeton, N.J., 1995; Lamp K. The Ara Pacis Augustae: visual rhetoric in Augustus' principate // *Rhetoric society quarterly*. Vol. 39. Nr. 1. 2009. P. 1–24; Simon E. Ara Pacis Augustae. Tübingen, 1967; Pollini J. “Frieden-durch-Sieg” — Ideologie und die Ara Pacis Augustae: Bildrhetorik und die Schöpfung einer dynastischen Erzählweise. Wien, 2002 // *Österreichische Akademie der Wissenschaften: Denkschriften der Gesamtakademie XXIV, Krieg und Sieg: Narrative Wanddarstellungen von Altägypten bis ins Mittelalter*. Vienna, 2002. S. 138–159; id. From republic to empire... P. 204–241 etc. О римской диалектике войны и мира: мир как результат победоносной войны см. также разделы III.1, VII.8 (описание панциря статуи Августа из Прима Порты) и X.6 с примеч. 50 (цит. RG 13).

дан и всего круга земель»⁶⁶. Тот же смысл вложил в эту дату Овидий (Ovid, fast. I. 709–722, в переводе Ф. Петровского):

Самая песня моя к алтарю привела меня Мира.
С этого дня до конца месяца будет два дня.
Лаврами Акция ты обвив свою голову, ныне,
Мир, появись и всему свету спокойствие дай.
Коль неприятелей нет, то нет и причин для триумфа:
Славой почетнее войн будешь ты нашим вождам.
Воли мечам не давать — лишь для этого меч нам и нужен,
Лишь для торжеств нам нужны дикой раскаты трубы.
Пред Энеадами свет пусть трепещет от края до края;
Кто не боится, пускай любит прославленный Рим.
Ладан кладите, жрецы, изобильно на пламенный Мир,
Белая жертва пускай, лоб преклонивши, падет!
Все умоляйте богов, благочестным внимающих просьбам,
Чтоб соблюдающий мир дом вековечно стоял!

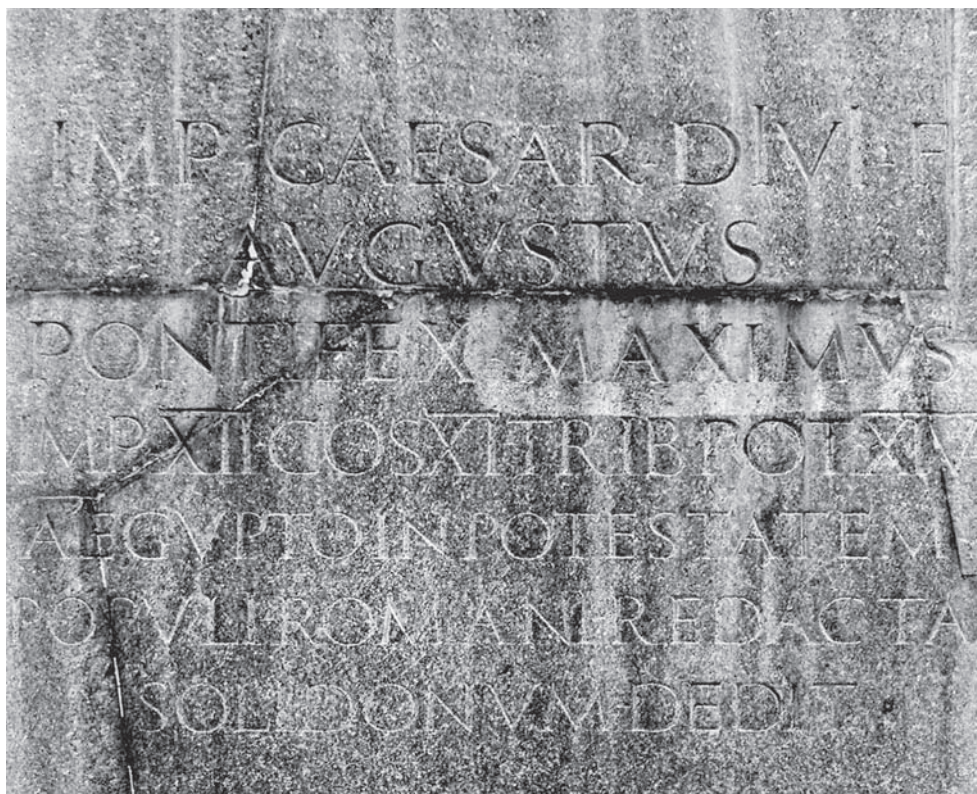
Ara Pacis стал одним из важнейших программных сооружений Августова принципата. В кульминационный момент его правления, во 2 г. до н.э., когда Августу был дарован титул *Pater patriae*, сенат постановил, чтобы магистраты, жрецы и весталки ежегодно приносили клятву Августу перед Алтарем Мира. Победоносный Отец отечества установил и гарантировал мир. Эта *Pax Augusta* была главным и безусловно положительно оценивавшимся результатом деятельности основателя принципата.

VIII.5. Обелиск: между небом и землей

В северной части Марсова поля находилось еще одно необычное сооружение, характер и предназначение которого являются предметом полемики вплоть до сегодняшнего дня. О *solarium*, или *horologium Augusti* известно из сообщения Плиния Старшего (Plin. n. h XXXVI. 72). Речь идет о своего рода приборе для наблюдений за высотой солнца над горизонтом. Особенно приметной частью сооружения был обелиск из розового гранита, служивший указателем — «гномоном» (греч.), отбрасывавшим тень. По указанию Августа в 10 г. до н.э. его доставили в Рим из Египта⁶⁷. В нижней

⁶⁶ Из *feriale Cumanum*: [eo die ara Pacis Aug. dedicata] est. *Supplicatio imperio Caesaris Augusti cust[odis civium Romanorum orbisque terrar?]um*.

⁶⁷ Горологий (греч.) — астрономический инструмент, «прибор для изучения времени». Первоначально указанный обелиск был установлен в 595 г. до н.э. фараоном 26 династии Псамметихом

Илл. VIII.5.1. Надпись на базе обелиска, служившего гномоном

части обелиска до сих пор читается надпись (дважды, на восточной и на западной стороне): «Император Цезарь Август... /остальная титулатура/ передал Египет владычеству Римского народа и посвящает этот свой дар богу Солнца»⁶⁸.

Обелиск был установлен в 10/9 гг. до н.э. Известно, что уже во времена Клавдия обнаружились неточности в показаниях, возможно, он уже начал наклоняться (сравн.: Plin. n. h. XXXVI. 73). Причиной могли быть затапливавшие северную часть Марсова поля разливы Тибра и лёссовая почва. При Домициане комплекс подвергся реконструкции. Всю платформу подняли на полтора метра. Известно, что в VIII в. обелиск еще стоял, хоть и с заметным наклоном. Между IX и XI веками он все-таки рухнул и оказался погребенным под городским мусором. В 1512 г. база обелиска была случайно обнару-

II в Гелиополисе («Город Солнца»), на территории современного Каира. См. илл. VIII.3.1 и цвет. илл. 11.

⁶⁸ IMP. CAES. DIVI F. AVGVSTVS PONTIFEX MAXIMVS IMP XII COS XI TRIB POT XIV AEGYPTO IN POTESTATEM POPVLI ROMANI REDACTA SOLI DO[M]INVM DEDIT. Cf.: RG 27. 1. См. илл. VIII.5.1.

жена во время проведения земляных работ, затем найдены и остальные части (obelisk раскололся на 5 кусков). В 1748 г. по указанию папы Бенедикта XIV обелиск раскопали, перенесли, и установили на *Piazza di Montecitorio*⁶⁹.

В литературе значительное распространение получила трактовка *horologium Augusti*, принадлежащая Эдмунду Бухнеру, который в течение многих лет (с 1979 г.) вел раскопки и изыскания по данной теме. Он пришел к заключению, что порфировый обелиск, который сейчас стоит на Пьяцца Монтечиторио, напротив здания итальянского парламента, является указателем горология, который представлет собой (до наших дней) самые большие в мире солнечные часы. Часы и Алтарь Мира представляли собой, по его мнению, единый комплекс, связанный также с мавзолеем Августа. Три сооружения обозначали вершины треугольника на территории парка для народных гуляний. Вместе с основанием и позолоченным бронзовым шаром на пирамидальной верхушке высота горология составляла около 30 м (29,42 м, или 100 римских футов). Шар (как и египетский обелиск) считался одним из атрибутов солнечного бога, которому посвящен весь комплекс. Шар выступал также как символ мира, вселенной (позднее — «держава»)⁷⁰.

По мнению Бухнера, Августовы солнечные часы стали настоящим чудом науки и техники. Они показывали не только время дня, но также дни и месяцы, которые обозначались знаками зодиака с греческими надписями. Также по-гречески были отмечены смены времен года. Так, начало лета относилось, в пересчете на современный календарь, к 9 мая. Многие говорят о том, что сложное сооружение изготавливалось с участием александрийских мастеров. Бухнер высказал предположения о предстоящих находках и полной реконструкции грандиозного сооружения. По его мнению, на огромной площади, замощенной травертиновыми плитами, находились изображения ветров, соответствовавшие странам света. Выложенные бронзой концентрические круги обозначали орбиты семи планет, включая Солнце и Луну, соответствовавших божествам дней недели. К северу от обелиска, по предположению Бухнера, вмонтирована в камень «Бабочка» циферблата, с размахом крыльев не менее 150 м⁷¹ (надо сказать, что ни замощенная пло-

⁶⁹ См.: Buchner E. *Horologium solarium Augusti* // Heilmeyer W.-D. etc. (hrsg.). *Kaiser Augustus...* S. 240–244; Heslin P. *Augustus, Domitian and the so-called horologium Augusti* // JRS. Vol. 97. 2007. P. 1–20, here p. 2 f. with notes 9 ff.

⁷⁰ Длина самого обелиска составляла примерно 22 м. Он стоит на фундаменте и пятиметровом цоколе с надписью Августа. Бронзовый шар диаметром 76 см, с маленькой пирамидкой-иглой (пирамидион) наверху стоит сейчас во Дворце Консерваторов (Капитолийские музеи). См. илл. к данному разделу и цвет. илл. 12 (сравн.: Buchner E. *Die Sonnenuhr des Augustus*. Mainz, 1982. Bes. S. 14 f. с указаниями на литературу).

⁷¹ Buchner E. *Sonnenuhr*, pass.; Simon E. *Augustus*. S. 28 f. По другим расчетам, площадка для нанесения всех данных должна была раскинуться не менее, чем на 200 м.

щадь, ни концентрические круги, ни «бабочка» не найдены. И вряд ли это когда-либо случится).

Еще более смелые предположения сделал Бухнер, исследуя весь комплекс сооружений на севере Марсова поля: городогий — Алтарь Мира — мавзолей Августа. *Ara Pacis* находился на расстоянии примерно 85 м к востоку от обелиска. По мнению археолога, расположение выбрано не случайно: линия, по которой отбрасывалась тень в осеннее равноденствие, проходила через оба входа алтаря. В этот день, 23 сентября, официально отмечался день рождения принцепса⁷². Отсюда следует, что все проектировалось под это торжество. Основываясь также на том, что переход от лета к зиме (22/23 сентября) под знаком Козерога соответствовал времени зачатия Августа, а день освящения Алтаря Мира Августа 30 января 9 г. до н.э. совпадал с днем рождения Ливии, Бухнер сделал вывод, что комплекс имел особый космический смысл, который кратко сводится к следующему: родившись незадолго до рассвета (Suet. Aug. 5. 1), Август был сотворен для нового дня, для обновления мира. Солнечная линия в этот день, проходившая через Алтарь Мира, наглядно показывала, что он «родился для мира» (*natus ad pacem*). Эта тень отбрасывалась шаром, который был знаком власти над умиротворенным «кругом земель» (*orbis terrarum*). Несомый обелиском, этот шар также подчеркивал значение победы над Египтом. Придя в созвездие Козерога (зачатие Августа)⁷³, Солнце начинает вновь все выше подниматься над горизонтом. Таким образом, с Августом начинается новый день, новый год, а также им освящённая новая эра мира, радости и изобилия.

Бухнер также отметил, что городогий начал строиться в 13 г. до н.э. — год 50-летия Августа, что могло стать толчком для его замысла. Предположение подкрепляется тем фактом, что обелиск ориентирован не строго по странам света, но отклоняется на 18 ½ градуса. Оказывается, он смотрел на центр мавзолея, воздвигнутого примерно на 15 лет ранее. Недалеко от мавзолея находилась *ustrina* — место будущего сожжения праха основателя принципата. Следовательно, заключил Бухнер, комплекс на Марсовом поле был задуман как символ не только начала, но и конца, рождения и смерти. Философскому и космическому смыслу, по Бухнеру, соответствуют масштабы. «Это сооружение является огромным гороскопом нового правителя... по своим размерам комплекс городогия, вместе с мавзолеем, почти в два раза больше площади Св. Петра — что уже указывает на его космическое значение»⁷⁴.

⁷² Фактически Август родился 17 декабря. Но с 30 г. до н.э., уже по цезарианскому календарю, официальный день рождения Августа был перенесен на 23 сентября. См.: Simon E. Augustus. S. 158, со ссылкой на указание G. Radke. Специальная работа: Suerbaum W. Merkwürdige Geburtstage // Chiron. Vol. 10. 1980. S. 327–355, bes. S. 334 f.

⁷³ См.: Barton T. Augustus and capricorn: astrological polyvalency and imperial rhetoric // JRS. Vol. 85. 1995. P. 33–51.

⁷⁴ Buchner E. Horologium... S. 242.

Результаты работы Э. Бухнера, опубликованные в ряде статей и в монографии⁷⁵, произвели большое впечатление и были приняты коллегами, получили отражение в общих и справочных изданиях⁷⁶. Позже это оказалось излишней поспешностью, вызванной как авторитетом исследователя, так и впечатляющим видом раскопа. На глубине нескольких метров под подвалом современного дома, в ныне плотно застроенном городском квартале, открылась вымостка с обозначенной линией меридиана длиной 6,6 м и греческими обозначениями. Выводы, отдававшие мистикой, соответствовали «духу времени». К тому же руководитель работ занимал должность директора Германского археологического института в Риме.

Уже в 1980 г. Э. Родригес-Альмейда обнаружил в построениях Бухнера методические неточности, а М. Шютц подверг разрушительной критике как методику и результаты, так и выводы физико-астрономических расчетов. Например, оказалось, что тень от шара на верхушке обелиска вообще не могла достичь Алтаря из-за рассеивания света⁷⁷. Против наличия огромной площадки для солнечных часов говорит то, что на ее предполагаемой территории найдены столбики (*cippi*) времени Веспасиана и Адриана, обозначавшие границы померия. Проведенные раскопки открыли остатки сооружения, восстановленного Домицианом и находившегося на полтора метра выше уровня, относившегося ко времени Августа. В работах последнего десятилетия наблюдается больше осторожности в оценке горология⁷⁸.

Важнейшим письменным свидетельством является краткое описание Плиния Старшего: «Август использовал обелиск на Марсовом поле примечательным образом, а именно, чтобы замерять тень и таким образом замечать длительность дней и ночей. Замощённый участок соответствовал высоте монолита таким образом, что тень в полдень кратчайшего дня могла доходить до края площадки. Когда тень постепенно становилась то короче, то вновь длиннее, это замерялось посредством бронзовых брусков, закре-

⁷⁵ Buchner E. Die Sonnenuhr...; id. Horologium... S. 240–245 id. Neues zur Sonnenuhr des Augustus // Nürnberger Blätter zur Archäologie 10. 1993–4. S. 77–84 etc.

⁷⁶ Buchner E. Horologium Augusti // LTUR. Vol. 3. P. 35–37, 392–3; Simon E. Augustus. S. 27 ff.; Schütz M. Zur Sonnenuhr des Augustus auf dem Marsfeld // Gymnasium 97. 1990. S. 432–457; Palmer R. E. A. // TAPA. Vol. 80. 1990. P. 1 ff.; Torelli M. // Ostraka 1. 1992. P. 107 ff.; Richardson L. jr. A new topographical dictionary of ancient Rome. Baltimore, 1992. P. 190–191; Wallace-Hadrill A. 1993. Augustan Rome. Bristol, 1993. P. 94–96; 2007. P. 160–161 and 2009⁵. P. 113 f. etc.

⁷⁷ Тень от шара аналогичного размера в 75 см едва достигает расстояния в 80 м. Подробнее описания и вычисления: Rodríguez-Almeida E. Il Campo Marzio settentrionale & solarium e pomerium // Rendiconti della Pontificia Accademia di Archeologia. 51–52, 1978–80. P. 195–212; Schütz M. Zur Sonnenuhr...; Maes F. The sundial of emperor Augustus: rise and decline of a hypothesis // The compendium, North American sundial society 12, Sept. 2005. P. 13–27. Cf.: Buchner. Sonnenuhr... S. 37.

⁷⁸ Wallace-Hadrill A. Mutatas formas: the Augustan transformation of Roman knowledge // Galinsky K. The Cambr. companion to the age of Augustus. P. 65, 234–63; Favro D. Making Rome a world city // ibid. P. 247; Rehak P. Imperium and cosmos. Madison, Wis., 2006. P. 62 ff.; Edmondson J. Augustus. P. 12 with notes.

Илл. VIII.5.2. Бронзовый глобус со «стрелкой», во времена Августа укрепленный на вершухе обелиска

пленных на покрытии...» (Plin. n. h. XXXVI. 72).

Описание не из самых ясных. Из него следует, что обелиск служил в качестве «гномона» для астрономического инструмента — «горология». Он предназначался для наблюдений за изменением полуденной высоты Солнца над горизонтом посредством замера отбрасываемой тени. Пределом наблюдений была полуденная тень самого короткого дня — т.е., в день зимнего солнцестояния. В современном календаре это 21/22 декабря, когда полуденная тень в северном полушарии наиболее длинная. Для данного горология длина составляла 65 м (в день летнего солнцестояния — всего 10 м). Поскольку самым известным инструментом подобного рода являются солнечные часы, то появилась соответствующая трактовка. Но Плиний говорит о длине полуденных теней, замерявшихся по одной «линейке». Он не упоминает о времени дня, определять которое было бы так невозможно. Простое наблюдение показывает, что тень от любого столба или палки, передвигаясь в северном полушарии с запада на восток, описывает в течение дня некую двухмерную фигуру («бабочку»). У Плиния речь идет только о линии⁷⁹, ее фрагменты и обнаружены в ходе раскопок.

В ряде новых работ предприняты попытки заново определить значение памятника. Опираясь на данные одного из очевидцев переноса обелиска в XVIII в., А. М. Бандини, а также современные работы археологов и специалистов по солнечным часам, П. Геслин показал, что описанный Плинием

⁷⁹ Нет сомнений, что Плиний прекрасно разбирался в такого рода устройствах: Plin. n. h. II. 182–7, VI. 211–18, VII. 212–15, XVIII. 326–33. См.: Heslin P. Augustus, Domitian... P. 3 with note 14.

Старшим и теоретически реконструированный необычный прибор представлял собой не часы с календарем, а солнечный меридиан. Такой прибор позволял определять долготу тени от предмета, меняющуюся в зависимости от времени дня и года. В античности подобные наблюдения давали возможность выявить самую короткую тень в году и таким образом проверить точность календаря⁸⁰.

Когда в 12 г. до н.э. Август стал верховным понтификом, в сферу его ответственности вошло также точное соблюдение сроков религиозных церемоний и праздников. В свое время Юлий Цезарь, будучи верховным понтификом, провел реформу календаря, чтобы устранить расхождение между гражданским и солнечным (тропическим) годом. В частности, были добавлены дни и установлено, что один раз в четыре года в гражданский календарь должен вводиться дополнительный день⁸¹. Ко времени Августа оказалось, что ответственные за эту регулировку жрецы неправильно поняли инструкцию, и день вводился не через три года на четвертый, а каждый третий год. В 10 г. был смонтирован *horologium*, а в 9 г. Август дал указание исправить накопившуюся за 36 лет ошибку⁸².

Август не был бы самим собой, если бы не извлек из этого, в общем-то рутинного, мероприятия еще и политические дивиденды. Ведь реформу календаря провел его отец, Цезарь, и это позволило лишний раз громко заявить о том, что принцепс — «сын божественного». На фоне обнаружившейся никчемности бывшего верховного понтифика Лепида, благодаря великодушию Августа и его верности древним обычаям остававшегося в этой должности до своей естественной смерти в 13 г. до н.э., можно было еще раз продемонстрировать всю серьезность и тщательность, с которой подошел к своим обязанностям Август. Тридцатиметровый обелиск из Гелиополя, увенчанный сверкающим на солнце позолоченным шаром, был виден издалека. Он не только напоминал о победе Октавиана-Августа над Египтом и устранении опасности со стороны иноземной царицы. Сотни тысяч получателей хлеба знали, что он поступает с берегов Нила (как и доставленный оттуда обелиск) благодаря их императору. Наконец, горологи-

⁸⁰ См.: Heslin P. Augustus, Domitian... pPass., cf.: Bandini A. M. De obelisco Caesaris Augusti...; Maes F. The sundial...; id. Die Sonnenuhr des Kaisers Augustus: Aufstieg und Niedergang einer Hypothese // Deutsche Gesellschaft für Chronometrie. Jahresschrift 2005. S. 168–184. С современным состоянием дискуссии можно познакомиться по публикации: Haselberger L. (ed.). The horologium of Augustus: debate and context. Portsmouth, RI, 2014.

⁸¹ Юлианский календарь был введен Юлием Цезарем в 45 г. до н.э. и действовал в большей части европейского мира до 1582 г., в России до — 1918 г. В некоторых поместных православных церквях (в т.ч. в русской) им пользуются до сих пор.

⁸² Для этого было дано указание три раза не добавлять дополнительный день. Об этом сообщают Макробий и Солин: Macrobius. Sat. I. 14. 13–15; Solinus I. 45–7. Cf. Schütz M. Zur Sonnenuhr... S. 447–448; Heslin P. Augustus, Domitian... P. 5 with note 21.

ум был наглядным свидетельством тому, что контроль великого понтифика за соблюдением религиозных обрядов обеспечивает расположение богов и дальнейшее благополучие Рима. В ходе последовавшей реформы календаря месяц секстилий был переименован в август⁸³.

Несмотря на сомнительность астрономических построений Бухнера и математические неточности, идея взаимосвязи всех сооружений на Марсовом поле заслуживает внимания. Важность космических ассоциаций в идеологии Августова принципата, не говоря уже об эпохе Империи вообще, сомнений не вызывает⁸⁴. Важно различать фантазии и доказанные (или хотя бы доказуемые) факты. Данное замечание относится не только к слишком смелым гипотезам Бухнера, но и к предположениям Геслина о том, что три памятника могли ассоциироваться с судьбами триумвиров: мавзолей подчеркивал патриотизм Октавиана-Августа, в противоположность желавшему быть похороненным в Александрии Антонию, он же символизировал поражение Антония; меридиан был построен после мирного ухода Лепида; Алтарь Мира олицетворял запятнанного кровью Октавиана, который превратился в миротворца, — все это выглядит не слишком убедительным. Надуманна и трактовка надписи на базе обелиска, которая якобы указывает на триумвиров. Сомнителен и следующий вывод: «Меридиан отмеряет не только годовой путь солнца; он также отражает поступательное движение заказчика (Октавиана-Августа) от триумвира к принцепсу, от человека войны к миротворцу»⁸⁵.

Складывается впечатление, что обращение к солярной тематике ослепляет даже серьезных исследователей. Суровый критик Бухнера, Геслин, связывая рассматриваемые памятники попарно, утверждает далее, что обелиск, который смотрит на мавзолей, не случайно был установлен через 20 лет после вступления Октавиана в Александрию; что египетское происхождение и иероглифы напоминают о вражде Востока и Запада; мавзолею,местилищу смерти, построенному сразу после кровавых гражданских войн, противостоит алтарь, воплощающий мир, плодородие и новую жизнь. Соответственно, меридиан, как образ преходящих дней и повторения лет, обращен к смерти и к жизни. Каждое из трех сооружений является семейным памятником Юлиев: мавзолей как их гробница; алтарь, освященный в день рождения Ливии, рисует фамилию в составе процессии; наконец, меридиан знаменует тот момент, когда в итоге, на закате жизни, Август принимает должность великого понтифика. Это было выразительным знаком его не-

⁸³ Macrobi. Sat. I. 12. 35, сравн. раздел VI.2 с примеч.21, VI. 6 с примеч. 313.

⁸⁴ См. напр.: Barton T. Augustus and capricorn...; Абрамзон М. Г. Астральные символы в римской чеканке // ВДИ. 2002, № 1. С. 122–142. Мысль о взаимосвязи горология с мавзолеем и алтарем высказывалась и ранее, например: Alföldi G. Der Obelisk auf dem Petersplatz in Rom. Heidelberg, 1990. S. 64 mit Abb. 14.

⁸⁵ Heslin P. Augustus, Domitian... P. 16 etc.

превзойденного милосердия и умеренности в противоположность отцу: Юлий Цезарь возглавил религиозную жизнь Рима в молодые годы, что было показателем беспрецедентных амбиций⁸⁶.

Значительная часть подобных гипотез недостаточно обоснована. Им не достаёт опоры на источники. Обелиск указывал на небо, но без прочной связи с землей долго устоять не смог. Август тоже строил здание принципата, основываясь на убеждениях, преданиях и мифах, — но таких, которые имели глубокие корни в народном сознании. Это был истинный фундамент его «восстановленной республики». И в отличие от Антония или некоторых Юлиев-Клавдиев, остерегался всего, что было связано с чуждыми нравами и верованиями. Если у основателя принципата и были слабости или симпатии к подобным вещам, они не предназначались для общего сведения. Во всех своих начинаниях, насколько бы смелыми они ни были, Август опирался на исконные римские обычаи.

VIII.6. Римский форум и «восстановленная республика»

В северной части Марсова поля, на границе померия, было достаточно простора для экспериментов — не потому ли памятники в этой части Рима подталкивают к самым неожиданным предположениям также современных исследователей? Другое дело — Римский форум, некоторые сооружения которого восходили ко временам царей. В отличие от Юлия Цезаря, его наследник действовал здесь осмотрительно. Освященные вековыми традициями постройки и просто покрытые легендарной славой места требовали внимательности и такта — особенно от политического деятеля, для которого равнение на «древнюю республику» и ее традиции было важнейшим программным лозунгом. С другой стороны, без освоения этого, центрального городского пространства, был невозможен прочный успех в интеграции республики и принципата.

В период Поздней Республики Рим располагал несколькими форумами, которые были в первую очередь рыночными площадями⁸⁷. Главная из них находилась в низине между холмами Капитолием, Палатином и Эсквилином. Это был Римский форум (*forum Romanum*), который со временем стал средоточием политической жизни Республики. В древнейшие времена тер-

⁸⁶ Heslin P. Augustus, Domitian... P. 16. Что подобная тематика дает еще больше простора для самых смелых предположений и в то же время тривиальных выводов, говорит, например, книга А. Шмида: Schmid A. Augustus und die Macht der Sterne. Köln, 2005.

⁸⁷ *Forum* означало первоначально «огороженное место», «рыночная площадь». В позднереспубликанском Риме, кроме главного, были *fora* (форумы): *boarium* (бычий, см. цветную илл. 1), *olitorium* (зеленой), *coquinum* (поварской), *piscarium* (рыбный), *cuppedinis* (для лакомств) и др. Но именно *forum Romanum* вырос в общественно-политический центр. В литературе он обычно называется «Форум» (с заглавной буквы) или «Римский форум».

Илл. VIII.6.1. Римский форум. 1. Общий вид с Палатина на центральную часть в северо-западном направлении (см. комментарии в конце книги)

ритория была заболочена, используясь вплоть до VII вв. до н.э. как место захоронения. Небольшие поселения основывались на холмах, вначале на Палатине (не позднее конца II тыс.). В конце VII в. до н.э. царь Тарквиний Приск⁸⁸ провел работы по осушению болота. Он заложил главный отводной канал (*cloaca maxima*). Почти одновременно на Капитолии начал строиться огромный храм Юпитера (*Iuppiter optimus maximus*). Образовалась центральная площадь растущего поселения, которое объединило жителей соседних холмов. В ее южной части торговали, там же проходили региональные ярмарки, которые способствовали превращению Рима в ведущий экономический центр Лация. Северная часть была отведена под *comitium* — площадку для народных собраний (*comitia*). Известно, что там проходили еще древнейшие сходки по куриям — родоплеменным объединениям. Рядом находилось здание курии Гостилия (*curia Hostilia*) — место заседаний сената⁸⁹.

С установлением Республики (509 г. до н.э.) и формированием гражданских институтов росло значение Римского Форума как средоточия общественно-политической, религиозной и культурной жизни. Огромным авторитетом пользовались находившиеся там древнейшие, особо почитаемые святыни: *Regia* (дом царя Нумы Помпилия), храмы Сатурна, Кастора и Поллукса, Весты, Конкордии и целый ряд других. Со временем торговля перемещалась на другие форумы, а при Августе — также на *macellum Liviae* (на Эсквилине).

⁸⁸ Тарквиний Приск, по преданию, был пятым римским царем (616–578 гг. до н.э.). Он переселился в Рим (на Палатин) из этрусского города Тарквинии, его отец Демарат происходил из греческого Коринфа. Римская традиция, дошедшая в сочинениях Тита Ливия и ряда других писателей, в главных пунктах подтверждается археологическими данными. В частности, установлено, что именно в конце VII в. на месте Форума перестали хоронить (последние три века — только детей), а площадь была вымощена камнями, до сих пор сохранилась *cloaca Maxima* и т.д. Вопрос о возникновении Рима как города и как государства рассматривается в работах: Немировский А.И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962; Маяк И.Л. Рим первых царей. Археология древнейшего Форума; Coarelli F. Il Foro Romano I. Periodo Archaico. Roma, 1983 etc. Сравн.: Нагуевский Д. И. История Римского Форума и его памятники. Казань, 1907. См. также примеч. 89.

⁸⁹ Курия Гостилия называлась по имени третьего римского царя Туллы Гостилия (ок. 710–640). Он повелел ее возвести для заседания совета старейшин (сената) после того, как сгорел ранее служивший для этого этрусский храм (Varro I. lat. V. 155). Курия не раз перестраивалась. В частности, ее вынужден был расширить диктатор Сулла, поскольку он удвоил число сенаторов (название осталось прежним). После очередного пожара (52 г. до н.э.) её восстановил сын диктатора, Фауст Корнелий Сулла (KP I. Sp. 1314. Cornelius I. 87). Он назвал ее «курия Корнелия» (Cic. Mil. 90; fin. V.2; Cassius Dio XL. 50. 2 etc.). В дальнейшем её заменила курия Юлия (см. далее). Термин *curia* (возможно, от *co-viria*) многозначен: первоначально, по-видимому, так назывались родоплеменные объединения, в которых ведущую роль играли патриции; так же (*curia*) называли места их собраний (*comitia curiata*). В дальнейшем курии уступили свою роль центуриям и трибам — военным и территориальным единицам. Во времена республики куриями назывались здания, где заседал римский сенат. Куриями именовались также местные органы самоуправления в Италии, в эпоху Империи — также в провинциальных городах. Так же называли места их заседаний (Platner S., Ashby Th. A topographical dictionary... P. 142–143, см также: Zevi F. Il calcidico della curia Iulia // RendAccLinc. T. 26, 1971. P. 237–251). Сравн. раздел VIII.2 с примеч. 37.

После разгрома Карфагена и завоевания Восточного Средиземноморья Форум украсился новыми храмами, базиликами, портиками. Мимо них, по Священной дороге (*Via sacra*), проходили триумфаторы со своей богатой добычей. Здесь осуществлялись религиозные церемонии, проводились народные собрания, отправлялось правосудие⁹⁰.

Вслед за другими политиками последнего столетия Республики⁹¹, Юлий Цезарь оценил значение *forum Romanum* как важнейшей государственной сцены. Как и во всем, он действовал здесь решительно и с размахом, не заботясь о соблюдении формальностей. Приступая к перепланировке, он перенес место проведения народных собраний с комиция на основное пространство Форума. С этой целью была перемещена на центральную ось (по западной узкой стороне) ораторская трибуна — ростры Гая Мения⁹². На месте комиция и к северу от него начал строиться новый форум Цезаря (освящен в 46 г.)⁹³. Его центральным сооружением был храм Венеры Прародительницы (*Venus genetrix*), подчеркивавший божественное происхождение Юлиев. Светоний рассказывает, как однажды Цезарь принял сенат, пришедший в полном составе, чтобы поздравить его. Диктатор сидел на высоком подиуме своего храма. Достаточно представить себе Юлия Цезаря в курульном кресле и стоящих внизу, задрав голову, сенаторов, чтобы понять их ненависть, вспыхнувшую вслед за чувством унижения (Suet. Iul. 78. 2). Располагавшаяся ранее рядом курия Гостилия/Корнелия (см. примеч. 89), где обычно заседал сенат, была разрушена пожаром в 52 г. Вместо нее Цезарь построил храм *Felicitas* — богине его политической удачи. Новая курия должна была скромно прилепиться к юго-западному углу форума Юлия на бывшей территории комиция (завершена Октаavianом в 29 г. до н.э. и названа в честь Цезаря — «курия Юлия»). Тем самым оказались

⁹⁰ О forum Romanum см. также: Zanker P. Forum Romanum. Die Neugestaltung durch Augustus. Tübingen, 1972; Spannagel M. Exemplaria principis. Heidelberg, 1999; Guidobaldi R. Il Foro Romano. Roma, 1999; Coarelli F. Rom. 2000. S. 55–109; Freyberger K. S. Das Forum Romanum. Spiegel der Stadtgeschichte des antiken Rom. Mainz, 2009 (с библиогр. в целом и по памятникам); Muth S. Reglementierte Erinnerung. Das Forum Romanum unter Augustus als Ort kontrollierter Kommunikation // Mundt F. (Hrsg.), Kommunikationsräume im kaiserzeitlichen Rom. Berlin, 2012. S. 3–48. etc. Отдельным построкам посвящены статьи в Platner S., Ashby Th. A topographical dictionary...; LTUR и других справочниках.

⁹¹ Уже во II в. до н.э. конкурирующие политики начали воздвигать на Форуме возвеличивавшие их монументы. Но в 158 г. цензоры велели снести все постройки и статуи, возведенные здесь без разрешения сената и комиций. Диктатор Корнелий Сулла вновь начал использовать Форум для самопрославления. На рострах (см. след. примеч.) была установлена его позолоченная конная статуя. Позднее этому примеру последовали Гней Помпей, Юлий Цезарь и Август. См. Freyberger K. Das Forum... S. 50–55.

⁹² Название происходит от *rostra* — корабельные носы. В данном случае речь шла о рострах с кораблей, захваченных консулом Гаем Мением в Анции. В 338 г. до н.э. он установил ростры на ораторской трибуне в честь победоносного окончания Латинской войны. Поэтому и сама трибуна называлась «ростры». Август добавил к ним трофеи Актийской битвы.

⁹³ Amici C. M. Il Foro di Cesare. Firenze, 1991; Ulrich R. B. Julius Caesar and the Creation of the Forum Iulium // AJA. Vol. 97. 1993. 49 ff. etc.

Илл. VIII.6.2. Римский форум
2. Общий вид с обзорной
террасы Капитолия
в восточном направлении.
Цифрами обозначены:

- 1) *Clivus Capitolinus*
- 2) храм Сатурна
- 4) арка Септимия Севера (деталь)
- 6) республиканский форум
- 8) курия Юлия
- 9) *lapis niger* (раскопки под кровлей)
- 11) храм Кастора и Поллукса
- 12) базилика Юлия
- 14) храм божественного Юлия
- 16) храм Весты
- 18) храм Антонина и Фаустины
- 19) церковь Козьмы и Демьяна
- 21) базилика Максенция
- 22) арка Тита
- 23) Колизей

Сравн. с илл. VIII.6.1
и см. пояснения
в приложении

сдвинуты важнейшие республиканские учреждения: комиций с его рострами и курия. Занимавшаяся ими площадка в северном углу Форума служила теперь прославлению диктатора. Это соответствовало потере сенатом и народными собраниями их политической роли. По длинной южной стороне *forum Romanum* начала строиться грандиозная базилика Юлия (107×51 м), которая вместе с базиликой Эмилия напротив фланкировали центральное пространство форума.

События, последовавшие за смертью диктатора, еще сильнее связали Римский форум с его именем. Юлий Цезарь, пользовавшийся широкой поддержкой римского плебса, хотел превратить Форум в место самопрославления и народных манифестаций в его поддержку. Наиболее громкая и массовая из них прошла уже после его гибели. Сюда в ходе траурного шествия принесли тело покойного, где оно, вопреки намеченному плану, и было сожжено. В 42 г. триумвиры, собравшиеся отомстить убийцам, решили соорудить на этом месте храм обожествленному Цезарю. Этот храм, по желанию Октавиана наделенный правом убежища, освятили в 29 г. до н.э. Он расположился на восточной узкой стороне Форума, где и сегодня можно увидеть остатки постройки. Вместе с изображениями на монетах они дают возможность составить представление о храме в целом — сравнительно небольшом, с шестью коринфскими колоннами. Перед храмом, на месте сожжения тела, размещался алтарь Божественного Юлия, для которого оставили выемку в подиуме храма. Здесь, как и на террасе святилища Аполлона в Никополе, вблизи Акция, Октавиан велел укрепить носы трофейных кораблей⁹⁴. Таким образом сторона подиума, обращенная к форуму, была устроена как ораторская трибуна. Эти *rostra aediis divi Iuli*, лежавшие на противоположном (восточном) конце оси от ростр Гая Мения, наводили на мысль о сопоставлении «нового века» с «древней республикой» и ее героями⁹⁵.

Внутреннее убранство храма Божественного Юлия также могло о многом рассказать. Память об отце своеобразно сочеталась с прославлением сына. Рядом со статуей Божественного были сложены различные ценные предметы из египетской добычи Октавиана — но вряд ли участь Клеопатры могла бы обрадовать ее покойного любовника. Происхождение рода Юлиев от Афродиты-Венеры подчеркивалось помещенной там же знаменитой картиной Апеллеса «Афродита Анадиомена» (восстающая из морской пены).

⁹⁴ Памятник был установлен на месте лагеря, из которого Октавиан отправился на место сражения при Акции 2 сентября 31 г. (AE 1992. 1534). Murray W. M., Petsas P. M. Octavian's campside memorial for the Actian war // TAPS 79.4. 1989; Hölscher T. // Klio 74. 1992. S. 502 ff.; Martin H. G. // Gnomon. Vol. 64, 2. 1992. S. 162 ff.; Schäfer Th. // AnzAW 1992. S. 105 ff.; ders. // AM 108. 1993. S. 239 ff.; Bringmann K.; Schäfer Th. Augustus und die Begründung... S. 182 f.

⁹⁵ На более высокий статус новых роств указывает процедура похорон самого Августа: здесь держал речь наследник Тиберий, в то время как его сын Друз произнес *laudatio* со старых: Suet. Aug. 100. 3. Cf.: Freyberger K. Das Forum... S. 61.

Сохранившиеся фрагменты наружного фриза позволяют восстановить изображение крылатой богини Виктории, в архаической одежде, вырастающей из цветков аканфа и переходящей в завитушки. Так подчеркивалась связь этой богини с производительными силами природы и тем самым — с Венерой. Одновременно выражалось характерное для Юлия Цезаря отождествление Венеры Победительницы (*Venus victrix*) с Венерой Прародительницей (*Venus genetrix*) рода Юлиев.

Фронтон храма Божественного Юлия украшала звезда. Она символизировала комету (*sidus Iulium*), появившуюся во время устроенных Октавианом в честь своего приемного отца игр (*ludi Victoriae Caesaris*). Звезда была изображена также на лбу статуи Цезаря, установленной в храме. Комета, согласно пророчеству гарусника Вулкация, озаменовала конец девятого и начало десятого века, что Октавиан стремился истолковать в свою пользу. В «Автобиографии», работа над которой завершилась до 22 г. до н.э., Август уделил комете должное внимание. По его словам, для народа она явилась подтверждением принятия Цезаря в сонм богов, почему знак и поместили вскоре на изображении его головы. Плиний Старший, передавая эти слова Августа, заметил, что они предназначались для публики. Но Август действительно очень обрадовался. Он интерпретировал появление кометы как счастливое предзнаменование для себя — указание на особую связь с нею. И Плиний согласился с тем, что комета принесла благополучие всему миру⁹⁶.

Строительная программа, также на Форуме, осуществлялась при поддержке союзников и сторонников Октавиана. Л. Мунаций Планк построил храм Сатурна за счет добычи в кампаниях 40–30 годов. Но завершить свой проект он смог лишь перейдя на сторону Октавиана (32 г.) и продемонстрировав полнейшую лояльность по отношению к принцепсу. Освящение состоялось в 20-е годы до н.э. (Suet. Aug. 29; CIL VI. 1316, X. 6087).

Появились и памятники, которые непосредственно прославляли Октавиана. Почетная статуя представила триумвира в героической наготе как победителя Секста Помпея. Она известна по изображению на денарии: Октавиан, стоя одной ногой на земном шаре (знак мирового владычества), держит в левой руке изображение кормы корабля, а правой опирается на копье⁹⁷.

⁹⁶ Plin. n. h. II. 9. 93 sq. О прорицании гарусника Вулкация (Vulcatius) также: Hahn I. // AAHung. Bd. XVI. 1968. S. 239 ff. Cf.: Kienast 2009, S. 216 m. Anm. 45; Bringmann K., Schäfer Th. Augustus und die Begründung... S. 133 f. (с фотографией денария 19/18 г., на аверсе которой изображен Цезарь Август, а на реверсе — звезда с восемью лучами). О комете и прорицании см. также разделы III. 3 с примеч. 15 и VI. 6. с примеч. 290 и 294.

⁹⁷ Описание ростральной колонны, с золотой статуей Октавиана, имеется у Аппиана (App. b. c. V. 541). Известен денарий, примерно 29–27 гг., с изображением этой колонны на реверсе (см. Bringmann K.; Schäfer Th. Augustus.... S. 167 с дальнейшими указаниями на литературу). Об изображениях обнаженных полководцев и Октавиана сравн. раздел VII.7 с примеч. 157 и др., а также см. илл. VIII. 8. 5, X. 1 сл.

На другом денарии, с надписью IMP CAESAR, показана колонна с рострами (*columna rostrata*) в честь победы при Акции. Наверху помещен обнаженный Октавиан с мечом и копьем. Уже в 43 г. до н.э. рядом с ростральной трибуной была установлена конная статуя Октавиана⁹⁸. Памятники, выставленные на Форуме, прославляли триумвира, власть которого распространялась на сушу и на море. Претензии победителя усиливали значение Римского форума как центра мира, круга земель (*orbis terrarum*). Их символизировал также установленный в 20 г. до н.э. перед храмом Сатурна «Золотой милитарий» (*miliarium aureum*) — позолоченный бронзовый столб с обозначениями расстояний до важнейших городов империи римлян (Plin. n.h. III.66; Tac. hist. I.27; Dio LIV.8.4 etc.). Примерно в 25 м от этого места уже в течение веков стоял «пуп Города» (*umbilicus urbis*). Небольшое круглое святилище, по преданию, заложил еще Ромул (Plut. Rom. XI. 1–2, илл. VIII.6.3). Между тем оно уже стало «пупом Земли, или Мира» (*umbilicus mundi*). Рим превращался в мировую столицу.

С южной стороны храма Божественного Юлия, перед храмом Весты, в 29 г. до н.э. выросла Актийская арка, она также именуется в литературе аркой Августа (Dio LI. 19. 1). Курия Юлия, храм Божественного Юлия и триумфальная арка Августа рядом с ним (с южной стороны) напоминали о победе при Акции и подчеркивали преемственность харизматического обожествленного Цезаря и его молодого наследника. Все три сооружения также нашли отражения на монетах т.н. «акцийского чекана». Курию освятили в 29 г. в связи с празднованием актийского триумфа. Ее тогдашний вид (курия подверглась перестройке в IV в. н.э.) воспроизведен в монетных чеканах. На них подчеркнут фронтон, на коньке которого изображена парящая Виктория, в правой руке она держит победный венок, на плече — пальмовая ветвь. На монетах другой серии (везде аверс — портрет Октавиана) эта же богиня изображена крупным планом, с венком, приземлившаяся на глобус⁹⁹. Известно, что мотив следует статуе, которую Октавиан привез из Тарента. Она действительно была укреплена на глобусе и вместе с трофеем из Египта помещена в курии Юлия. Виктория выступала в качестве богини-покровительницы Октавиана-Августа, с 12 г. до н.э. сенаторы каждое заседание начинали принесением ей жертвы. Таким образом, курия в целом стала сооружением, посвященным как Юлию, так и Августу, подчеркивая не только значение победы при Акции, но и победоносность как качество, присущее принцепсу. Это показывают и чеканы, которые отражали важнейшую идеологическую символику.

⁹⁸ Конная статуя Октавиана изображена на реверсе ауреуса 42 г. (Bringmann K., Schäfer Th. Augustus... S. 142).

⁹⁹ См. Bringmann K., Schäfer Th. Augustus... S. 185 с дальнейшими ссылками; Freyberger K. Das Forum... S. 62.

Илл. VIII.6.3. «Пуп Города / пуп Земли» — на Римском форуме

Римский форум оставался в зоне внимания Августа до конца его правления. Постройки осуществлялись от имени членов его семьи или по решениям сената. После возвращения значков легионов Красса сенат, в числе других мероприятий, решил возвести триумфальную арку, хотя от триумфа Август отказался. Тройная Парфянская арка Августа изображена на сериях монет, чеканенных после 20 г. до н.э. На аттике — два парфянина, протягивающие стоящему на квадриге Августу военные значки: ничего общего с реальностью, но достаточно впечатляюще. По Кассию Диону, арку установили рядом с храмом Юлия. Но с северной стороны уже стояла Актийская арка, а с южной для такого монументального сооружения просто не было достаточно места. К тому же там появились две другие арки (см. след. абзац). В литературе можно встретить мнение, что новая арка была установлена в 19 г. до н.э. на месте снесенной Акцийской. Но победа при Акции оставалась актуальной на протяжении всего Августова правления. Высказано предположение, что Парфянская арка находилась там, где сейчас стоит триумфальная арка

Септимия Севера, но в отсутствие убедительных доказательств вопрос остается открытым¹⁰⁰.

Базилика Юлия была завершена от имени приемных детей Августа и потенциальных наследников, Гая и Луция¹⁰¹. От их же имени сооружен портик перед базиликой Эмилия, а также, рядом с храмом Юлия (с севера), монументальный вход на Форум — арка Гая и Луция Цезарей. Рядом с ней возведена арка консульских и триумфальных фаст (17 г.). Около 10 г. до н.э. Форум заново вымостил претор Л. Невий Сурдин, при этом бережно сохранили древние святыни. О Курциевом озере известно, что ежегодно представители всех сословий бросали в него монетку за здоровье принцепса¹⁰². Как и в других случаях, почитание Августа умело вплели в память о древнем республиканском герое — спасителе отечества. Подобным же образом общественному мнению преподносились и другие древние памятники. Например, память о *lapis niger*, месте погребения Ромула, связывалась с Августом — вторым основателем Рима.

Строительная деятельность Августа на Римском форуме позволяет заметить, что ему удавалось, подчеркивая «древние» традиции и «новые» достижения, сравнивая их, иногда даже вступая в соревнование с предками, в то же время добиваться кумулятивного эффекта. Как и в обряде *laudatio funebris*¹⁰³, являющемся проявлением и самой яркой иллюстрацией римской парадигмы преемственности поколений, воспоминания о делах мертвых

¹⁰⁰ См.: Dio LIV. 8. 3–4; Schol. Aen. VII. 606. Впервые раскапывавший в 1888 г. участок к югу от храма Юлия археолог Отто Рихтер (O. Richter) высказал мнение, что там могла находиться одна из двух арок, оставив вопрос открытым. Версия о постройке на месте Акцийской арки высказана проводившей там раскопки в 1950-е годы R. Gamberini-Mongenot. E. Нидергард пришла к выводу, что там была только одна, Парфянская арка: Nedergaard E. Zur Problematik der Augustusbogen auf dem Forum Romanum // Heilmeyer W.-D. (hrsg.). Kaiser Augustus... S. 224–39; Ф. Коарелли помещает Парфянскую арку то восточнее Акцийской, то к северу от храма Юлия (Coarelli F. Il Foro Romano II. Roma, 1985. P. 258–308; cf. id. Rom. Ein archäologischer Führer (2000). S. 92 f.). К. Фрайбергер выдвинул гипотезу о местонахождении Парфянской арки на месте, где сейчас находится арка Септимия Севера (см.: Freyberger K. Das Forum... S. 62 ff., 68 ff. Cf.: Zanker P. Forum Romanum... S. 15 f. etc.). Обзор более раннего этапа дискуссии: Kleiner F. The study of Roman triumphal and honorary arches 50 years after Kähler // JRA. Vol. 2. 1989. P. 198–200.

¹⁰¹ После пожара в 12 г. до н.э. базилика Юлия была вновь отстроена и освящена в 12 г. н.э. Об этой базилике см.: RG 20. 3; Suet. Aug. 29. 4; Dio LIV. 27.

¹⁰² Suet. 57. 1. По преданию, подробно излагаемому Титом Ливием, здесь, во имя величия Рима, бросился в образовавшуюся расселину Марк Курций. Событие относится к 362 г. до н.э. (Liv. VII. 6; Varro l. lat. 5. 1). Это место на форуме до сих пор отмечено каменными плитами и стелой с изображением героя, в полном вооружении и на коне.

¹⁰³ О похвальном слове на похоронах (*laudatio funebris*), как и всем обряде — похоронной «помпе» см.: Kierdorf W. *Laudatio funebris: Interpretationen und Untersuchungen zur Entwicklung der römischen Leichenrede*. Meisenheim am Glan, 1980; Flaig E. *Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom*. Göttingen, 2003. S. 49–68; Дементьева В.В. Гентильно-генеалогическая мемориальная практика римлян: *laudatio funebris* в современных исследованиях // Ярославский хронограф. 2008. Доклады... С. 3–8. Гёлькекамп, Э. Флаиг и другие представители «новой исторической школы» в Германии рассматривают этот феномен как важный элемент римского «политического театра» (см. напр.: Hölkeskamp K.-J. *Die Entstehung der Nobilität*. Stuttgart, 2011². Bes. S. XXX f., 204 ff. с лит.). См. также раздел VI.6 с примеч. 304 (*laudatio Turiae*).

приумножали славу живых. Вступив в наследование традициями Республики, Август не прятал это богатство, а успешно пускал его в оборот, приумножая свой политический капитал.

В 14 или в 9 г. до н.э. сгорели храмы Диоскуров и Конкордии. Восстановление первого из них велось вначале от имени Гая и Луция, второй отстраивался Тиберием, на средства от его добычи в победоносной войне против германцев в 7 г. до н.э. После смерти Гая и Луция усыновленный в 4 г. н.э. Тиберий стал главным наследником. В 8 г. н.э. он освятил храм Диоскуров от себя и умершего ранее брата Друза. Здесь читается ассоциация с божественными братьями Кастором и Поллуксом. Согласно легенде, их расположение ок. 499 г. до н.э. обеспечило римлянам победу при Регильском озере (*Regillus lacus*). Обращает на себя внимание, что строительство важнейших храмов, как и командование легионами, осуществлялось членами фамилии принцепса. Это служило повышению их авторитета и отвечало интересам династической политики. Примером тому является и восстановление храма Конкордии, которое завершил Тиберий к 10 г. н.э. Храм и его богатейшее убранство, посвященные событию выпуска монет, приобщали будущего преемника к важнейшему деянию Августа — прекращению братоубийственных войн. *Concordia* в этом контексте символизировала не только гражданский мир и единение граждан с правящим домом. Она выступала как богиня, обеспечивавшая мировой порядок и гармонию.

Основатель принципата преобразовывал Римский форум осмотрительно, но отнюдь с меньшим размахом, чем Цезарь. А поскольку времени у него оказалось куда больше, результаты оказались впечатляющими. Август стремился закрепить харизму отца, по возможности перенося ее на собственную персону, приспособлявая Форум к реализации своих целей. Одной из задач преобразований Октавиана-Августа на Римском форуме являлось утверждение его в народном сознании как преемника Цезаря, представителя рода Юлиев, и тем самым сохранение особого влияния на римский плебс. Строительная деятельность Августа существенно изменила как внешний облик, так и политическое содержание старого республиканского *forum Romanum*. Утрачивая роль места принятия важнейших политических решений, он стал средством самопрезентации и самовозвеличения Цезаря Августа и других представителей правящего дома. Преемники Августа, Юлии-Клавдии и последующие принцепсы, продолжили выработанную им линию. При этом они, вслед за Августом, придерживались уважения по отношению к Республиканскому форуму, сохраняя классические архитектурные пропорции¹⁰⁴.

¹⁰⁴ Нарушить эту традицию решился Домициан, водрузивший в центре Римского форума свою колоссальную конную статую. Это соответствовало его вызывающе монархической политике. После насиль-

Тщательно отреставрированный и существенно обновленный Римский форум может служить иллюстрацией к тому, что Август понимал под «восстановлением республики». Древние сооружения были восстановлены в новом блеске. Камень и золото не экономили. На форуме проводились «древние» обряды и церемонии, которые стали еще более пышными и красочными. Подчеркнутая приверженность традициям (некоторые из них вряд ли столь строго соблюдались в «древние» времена) проявилась даже в том, что граждане могли прийти на свой Форум только в тоге (Suet. Aug. 40). Этому требованию подчинялся и принцепс, если только он (после 19 г. до н.э. — только он и члены его семьи) не вступал на него в роли триумфатора. Тогда, уже подобно самому Юпитеру, древним царям и республиканским триумфаторам, но опять же в строгом соответствии с установлениями, император облачался в расшитую золотом пурпурную *toga picta* и украшался прочими *regalia*¹⁰⁵. Форум преобразили возвышавшийся в центре храм божественного отца Августа — Юлия Цезаря, с алтарем и новой роstralной трибуной перед ним, триумфальные арки в честь побед диктатора, родственников принцепса и его самого. По обеим сторонам площадь форума ограничивали восстановленная базилика Эмилия и достроенная — Цезаря. Вторая получила имена племянников Августа, Гая и Луция Цезарей.

На Римском форуме всё реже проводились народные собрания, здание сената терялось среди новых роскошных сооружений. И все же он стал красивее, чем прежде, сияя мрамором и позолотой под мирным голубым небом Италии. Сохранив прежнее название, он демонстрировал заслуги Августа. Процветающая «восстановленная республика» сохранила и приумножила достояние «древней», превратившись в центр обитаемого мира. Форум был тому наглядным подтверждением.

VIII.7. Форум Августа — атриум Отца отечества

Форум Августа, в отличие от республиканского, был создан заново. Поэтому принцепс и его архитекторы имели возможность реализовывать свои замыслы, не оглядываясь на предшественников. Мы вправе ожидать здесь более ясного прочтения его программных установок. Территориально и функционально новый форум явился продолжением Форума Цезаря, который, в свою очередь, примыкал к республиканскому. Вместе с господствовавшим на нем

ственной смерти императора статуя была разбита. Через два с половиной века подобную конную статую на то же место надолго водрузил Константин.

¹⁰⁵ Künzl E. Der römische Triumph: Siegesfeiern im antiken Rom. München, 1988; Itgenshorst T. Tota illa pompa: der Triumph in der römischen Republik. Göttingen, 2005 (на с. 219–226 — сопоставление триумфов времени Августа с республиканскими).

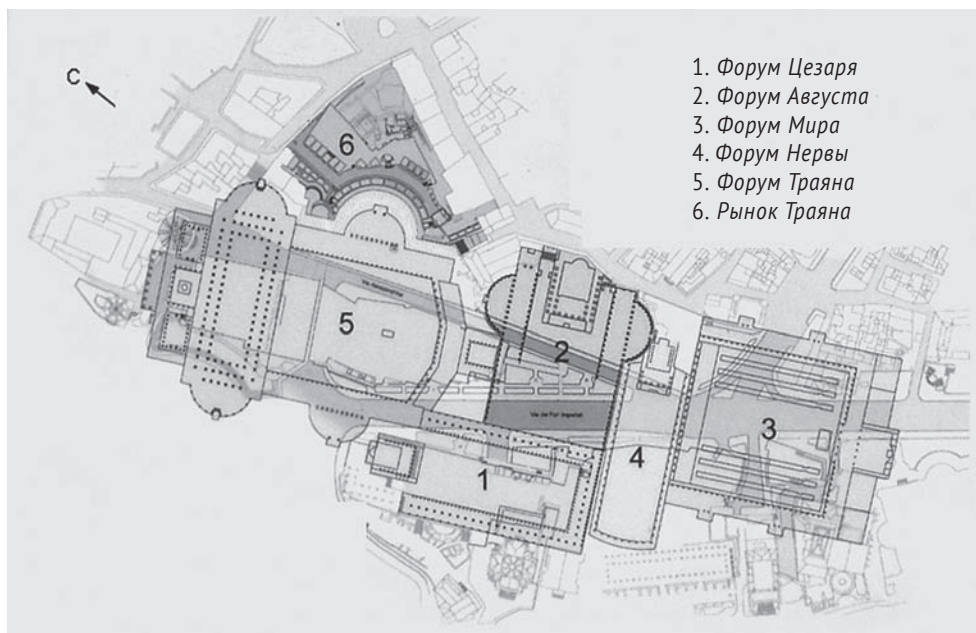
храмом Марса Ультора, форум строился с 42 по 2 гг. до н.э. на средства от военной добычи Августа (RG 21. 1).

Засыпанный в течение столетий мусором, на котором выросли жалкие постройки, он начал раскапываться в 1925 г. Тогда очистили восточную часть, документация не сохранилась. Юго-западную треть, с парадным входом со стороны Форума Цезаря, не исследовали. К выставке 1937/38 гг. руководитель работ Итало Жисмонди (*Italo Gismondi*) подготовил объемную модель реконструкции части форума. В последующее время уточнялся как общий план форума, так и детали его оформления. Находки и реконструкции, в т.ч. трехмерные, выставлены в новом *Museo dei Fori Imperiali*, расположенном в сохранившихся зданиях рынка Траяна¹⁰⁶.

Форум имел размеры 127 на 118 м¹⁰⁷. Его окружала мощная стена, с востока, за храмом, достигавшая высоты 33 м. Она должна была защищать сооружение от нередких пожаров, особенно со стороны Субуры, где римская беднота в страшной скученности обитала в многоэтажных инсулах. Вдоль двух длинных сторон тянулись одноэтажные портики, каждый из которых расширялся за счет экседр (полукруглых выступов). Второй этаж образовывали метопы, украшенные изображениями мифологических персонажей и кариатидами. Портики, включая экседры, были сзади ограничены разделенными на два этажа стенами со стоявшими в нишах статуями. Левый портик в северо-восточном углу форума завершался высокой, близкой к квадратной в плане постройкой. Там находилась статуя Юлия Цезаря высотой 11 м, голова украшена изображением звезды — символом обожествления. Восточную часть комплекса занимал доминирующий над всем пространством храм Марса. Узкие проходы между ним и портиками завершались арочными проходами с парадными лестницами, выходившими на соседние улицы. Значительная часть территории еще не раскопана, так что неизвестно, каким образом он соединялся с форумом Цезаря. Имеются основания предполагать, что тянувшиеся на запад, к форуму Цезаря,

¹⁰⁶ См.: Nash E. *Pictorial Dictionary...* Vol. I. P. 401 ff.; Lugli G. *Fontes ad topographiam veteris urbis Romae pertinentes* 6, 1. Liber XVI. *Fora imperatorum* (Regio VIII). Roma, 1965. P. 15 ff.; Platner S., Ashby Th. *A topographical dictionary...* P. 220 ff.; Zanker P. *Forum Augustum*; Ganzert J., Kockel V., Bauer H., Hoffer M., Storz S. // Heilmeyer W.-D. (hrsg.). *Kaiser Augustus...* S. 149–200; Ganzert J. *Der Mars-Ulter-Tempel auf dem Augustusforum in Rom*. Mainz, 1996; Spannagel M. *Exemplaria Principis*; Del Moro M. P. etc. *The museum of the imperial forums in Trajan's market*. Roma, 2007; Meneghini R., Valenzani R.S. *I fori imperiali, gli scavi del comune di Roma* (1991–2007). Roma, 2007 (*Il foro di Augusto*: P. 43–60); Ungaro L. *The museum of the imperial forums in Trajan's market*. Milano, 2007. P. 118–169; Meneghini R. *I fori imperiali e i mercati di Traiano: storia e descrizione dei monumenti alla luce degli studi e degli scavi recenti*. Roma, 2009. Geiger J. *The first hall of fame. A study of the statues in the forum Augustum* (Mnemosyne Supplements 295). Leiden, Boston, 2008; Ungaro L. *The museum of the imperial forums in Trajan's market*. Milano, 2007. Страница в интернете с короткими видео: <http://en.mercatiditraiano.it/>.

¹⁰⁷ Светоний сообщает, что Август вынужден был сократить размеры форума, поскольку не хотел принудительно отбирать участки владельцев, не пожелавших продать их (Suet. Aug. 56. 2, cf. 29). Это свидетельствовало об умеренности, соответствующей «республиканской» идеологии правления.

Илл. VIII.7.1. Императорские форумы

и структуры, доставлявший со всех концов империи. Сохранились только жалкие фрагменты. Вид фронтона храма передает изображение, сделанное в период правления Клавдия, позволяющее увидеть отдельно стоящие фигуры, не связанные общим сюжетом. Особой изысканностью отличалась внутренняя отделка храма. Коринфские колонны и пилястры в целле увенчивались капителями, на которых место верхних листьев аканфа заняли изображения передней части крылатых лошадей. Вид культовой статуи Марса Мстителя, занимавшей центральное место в апсиде храма, известен по многочисленным репликам. Вошедшему предстал образ бога-прародителя, с густой бородой, и в то же время воина. Об этом ясно говорили панцирь, шлем, поножи. Рядом стоял круглый щит, правая рука держала направленный острием вниз копье¹⁰⁸.

В центре пространства перед храмом возвышалась квадрига с триумфатором Августом. Установленная по решению сената, она символизировала удачу и могущество полководца. Надпись на постаменте, так же как при входе в дом Августа на Палатине и в Юлиевой курии, свидетельствовала о том, что «сенат, всадническое сословие и весь Римский народ» провозгласили Августа «Отцом отечества» (RG 35).

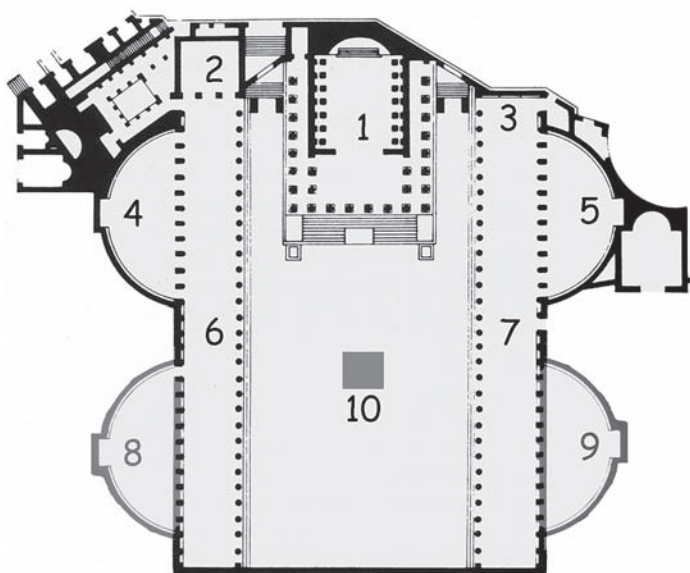
¹⁰⁸ Ganzert J. Der Mars-Ulter-Tempel...; Zanker P. Augustus und die Macht der Bilder. S. 196–216 etc. Фавроу и Дж. Поллини помещают там еще статуи Венеры и божественного Юлия (Favro D. The Urban Image of Augustan Rome. Fig. 50; Pollini J. From republic to empire. P. 22).

Илл. VIII.7.2. Форум Августа. Современное состояние и схема

► Цифрами обозначены:

1 — храм Марса Мстителя со статуями Марса, Венеры и божественного Юлия (?);
 2 — зал с колоссальной статуей Юлия Цезаря; 3 — предполагаемая статуя Помпея; 4 — левая (северная) экседра с большими изображениями Энея, бегущего из Трои с отцом Анхизом на плечах и сыном Юлом; 5 — правая экседра с изображением Ромула; 6 — левая галерея с изображениями выдающихся мужей (*summi viri*), в том числе царей Альбы Лонги и представителей рода Юлиев («галерея предков»); 7 — правая галерея с другими *summi viri* («галерея героев»); 8, 9 — предполагаемые две экседры, фундаменты которых могут находиться под улицей Императорских форумов; 10 — в центре, перед храмом Марса Ультора находилась статуя Августа, управляющего конной квадригой с надписью *PATER PATRIAE*.

Илл. VIII.7.3. Каменный рельеф времени Клавдия, изображающий храм Марса Мстителя и сцену жертвоприношения на форуме Августа

Форум Августа, который строился сорок лет, стал настоящим произведением искусства, по словам Плиния Старшего, одним из чудес Города (Plin. n. h. XXXVI. 102). Его красота и роскошь символизировали наступивший век процветания. Статуя Августа играла роль фокуса, в котором сходились лучи славы римской истории, а комплекс в целом был частью политического центра Империи. В самом деле, на площади и в храме проводились важнейшие государственные и религиозные мероприятия, особенно связанные с имперской политикой Рима. Здесь принимались посланники зарубежных правителей и народов, сенат выносил решения о войне и мире, отсюда с напутствием императора отправлялись в свои провинции наместники, сюда возвращались с победой полководцы и получали триумфальные отличия. Перед храмом Марса Ультора происходили ежегодные смотры римских всадников, при открытии — под предводительством приемных сыновей Августа, Гая и Луция Цезарей. Здесь же находился центр судопроизводства: происходила жеребьевка судей в соответствии с реформированным уголовным законодательством и велись важнейшие процессы, судьей часто был сам принцепс. Как уже отмечалось, юридическая система рассматривалась

Августом как один из важнейших элементов «восстановленной республики»¹⁰⁹, она же должна была стать важнейшим инструментом управления Империей.

Многое было для римлян внове: храм, посвященный отмщению за убийство диктатора, колоссальная статуя Цезаря со звездой на лбу и прижизненное изображение его сына как триумфатора. Все же не следует делать далеко идущие выводы на основе отдельно взятых фактов, да и некоторые детали предостерегают от поверхностных суждений. Так, статуя божественного Цезаря находилась в отдельном закрытом помещении. Скульптура императора Августа на квадриге, в отличие от конной статуи Юлия Цезаря на соседнем форуме, не вызывала столь однозначных монархических ассоциаций, тем более, что ее установили по решению сената. Можно вспомнить, что Август велел переплавить все свои серебряные изображения в городе, о чем с гордостью сообщил в «Деяниях»¹¹⁰. Очень важно учитывать исторический фон и контекст. Прославление и возвеличивание своего рода было давней традицией в знатных республиканских фамилиях. И в других мероприятиях Августа, как правило, не было ничего принципиально нового. Иным был разве что масштаб, обусловленный почти неограниченными материальными ресурсами. Не менее важным, чем появление отдельных памятников, было их восприятие современниками. Происходили невидимые изменения смысла отдельных символов и понятий. Они были неразрывно связаны с процессом переструктурирования общественной психики, с подвижками в ценностных ориентациях. Адекватное прочтение изображений возможно лишь при сопоставлении комплекса свидетельств¹¹¹.

¹⁰⁹ О форуме Августа как городском пространстве, где осуществлялось судопроизводство, см.: Neudecker R. The forum of Augustus in Rome: law and order in sacred spaces // de Angelis F. (ed.). *Spaces of justice*. Leiden, Boston, 2010. P. 161–188. Август придавал огромное значение работе судов, как и в целом — наведению и поддержанию правопорядка, что было особенно актуально после десятилетий гражданских войн и неурядиц. Он и сам активно выступал в роли судьи (Suet. Aug. 32–34). В этом нашло логическое продолжение и развитие демонстративное возвращение законов «республике», запечатленное на одной из его монет. О значении права и законов см. также разделы VI.4 сл.

¹¹⁰ RG 24. 2: «Число серебряных статуй, изображавших меня стоя, на коне или на квадриге, доходило в городе до восьмидесяти. Я сам распорядился их разрушить и на деньги из их серебра принес золотые посвятельные дары в храм Аполлона от своего имени и от имени тех, кто почтил меня этими статуями». По-видимому, речь идет обо всех «не санкционированных» статуях принцепса в общественных местах (*in urbe*). Сюда примыкает сообщение Августа о возвращении муниципиям и колониям тридцати пяти тысяч фунтов золота, собранного для триумфального венка в его пятое консульство и во всех последующих случаях (ibid. 21. 3). Эти поступки были свидетельствами приверженности «древним нравам» и «республиканским» традициям.

¹¹¹ В этом пункте можно согласиться с В. Эдером, критикующим П. Цанкера за склонность к преувеличению прямого идеологического воздействия «визуального языка», возможностей прямого истолкования его политического смысла, а также за недооценку силы республиканских традиций: Eder W. *Augustus and the power of tradition...* P. 79–81. Cf.: Zanker P. *The power of images...* P. 2, 4, 98, 10 etc. Желательно также избегать упрощенного толкования приверженности Августа классическим образцам в искусстве. «Классические» (Поликлетовы) черты появляются на римских портретах уже с сер. I в. до н.э. (Breckenridge J. D. *Roman imperial portraiture from Augustus to Gallienus* // ANRW II. Bd. 12.2. 1981.

Следует обратить внимание на образный и идеологический ряд, в который вошли статуи Юлия Цезаря и Августа. Порттики по обеим сторонам форума украшали мраморные колонны. Находившийся выше аттик разделялся скульптурами кариатид — копиями фигур Эрехтейона. Между ними помещались большие круглые щиты с изображениями голов божеств. Найдена одна из них, идентифицируемая как голова Зевса-Аммона. Важнейшим семантическим элементом нового форума, наряду с храмом Марса Ультора, стали размещенные по стенам портиков в специальных нишах статуи легендарных, полубогочеловеческих и исторических лиц, которые вошли в историю Рима. Сохранились незначительные фрагменты скульптур и табличек с надписями, некоторые персоналии можно также установить по литературным источникам, их упоминающим¹¹².

Главными были изображения, стоявшие в нишах в середине экседры. Они выделялись также большим размером. В центральной нише левой дальней экседры (если смотреть со стороны форума Юлия в направлении на север) находилась группа Энея, державшего за руку маленького сына, с отцом на плечах. Так они бежали из горящей Трои. Симметрично в экседре справа находился Ромул, несущий на плече *spolia opima*, трофей, свидетельствующий о том, что он собственноручно убил предводителя врагов. Так были представлены два героя, стоявшие у истоков Рима. Они олицетворяли важнейшие гражданские качества: *pietas*, с одной стороны, и *virtus* — с другой. Эти качества полностью соответствовали идеям, воплощенным в храме Марса Мстителя (исполненный долг Августа по отношению к отцу — Цезарю, как и его мужество в борьбе с врагами). В центральных скульптурах экседры читались и другие смыслы: герои, Эней и Ромул — дети богов, соответственно, Венеры и Марса, оба были посмертно обожествлены. Каждый из них возглавлял ряд стоявших вдоль стен, судя по расчетам, около пятидесяти статуй в человеческий рост. На одной стороне (т.н. «галерея предков») с Энеем как родоначальником находились его потомки, также представители рода Юлиев, на другой (юго-восточной, справа от входа) — выдающиеся принцепсы из других римских фамилий («галерея героев»).

P. 485, сравн.: Pollini J. Augustus from Prima Porta and the transformation of the Polykleitian heroic ideal // Polykleitos, the Doryphoros and tradition. Ed. by W. Moon. Madison, 1995. P. 262–282). Их одностороннему толкованию как монархических противоречит, кроме «республиканского» контекста Августовского века, демократический контекст греческой классики. См. также: Schmitzer U. Der Kaiser auf dem Forum. Das Forum Augustum als gebauter und geschriebener Raum öffentlicher Kommunikation 77 // Mundt F. (Hrsg.), Kommunikationsräume im kaiserzeitlichen Rom. Berlin, 2012. S. 77 ff.

¹¹² Ovid. fast. V. 563–566; Suet. Aug. 31.5; SHA Alex. Sev. 28. 6; Plin. n. h. XXIII. 13; Gell. IX. 11. 10. С большей или меньшей уверенностью на основе сохранившихся фрагментов надписей и литературных свидетельств отождествляются около 20 имен из примерно ста первоначально установленных памятников (Schlange-Schöningen H. Augustus. Darmstadt, 2012. S. 13 f.).

Илл. VIII.7.4. Фрагмент надписи с форума Августа, посвященной первому римскому царю Ромулу

Что касается потомков Энея (портик слева), то Юлии занимали только нижний ряд. В экседре наверху стояли изображения латинских царей. Среди них — прибывший с Энеем из Трои сын Юл, который, собственно, и был предком всех Юлиев. Но там же находился рожденный уже в Италии сын Энея от Лавинии Сильвий Постум со своими потомками. Они, через Рею Сильвию, составили династию Сильвиев, которая вела к Ромулу. На табличках царей стояли годы правления. Далее в верхнем ряду, но уже вне экседры, поместили статуи родственников Августа, которые не принадлежали к роду Юлиев. Их появление в «галерее предков» можно было бы рассматривать как исключение, если бы оно не обнаруживало возраставшее значение императорского дома. При том, что вряд ли кто-то мог оспорить заслуги Друза Старшего, покорителя Реции, наместника Галлии и завоевателя Германии.

Галерея справа, будучи по форме симметричной «галерее предков», тем не менее отличалась по содержанию. Главным критерием отбора являлись заслуги перед Римом. Здесь стояли изображения знаменитых граждан, чьи усилиями была создана Империя Римского народа. Мрамор воплощал концепцию истории: *res publica*, ее могущество и процветание являются плодом самоотверженной деятельности выдающихся мужей (*summi viri*). Под каждой статуей находилась надпись, содержащая, кроме имени, перечисление должностей и заслуг перед *res publica*. Такие элоги (*elogia*), помещавшиеся на надгробных стелах, в лапидарной форме повторяли речи на похоронах нобилей (*laudatio funebris*). Главное содержание надписей составлял *cursus honorum* — курульные магистратуры, завоевания и триумфы покойника¹¹³. Светоний отметил особо уважительное отношение Августа к пол-

¹¹³ См.: Zanker P. Forum Augustum. Das Bildprogramm; Федорова Е. В. Латинские надписи. М., 1976. С. 111–112. О *laudatio funebris* см. также предыдущий раздел, примеч. 103.

ководцам, расширившим империю Римского народа. Они были запечатлены в одеянии триумфаторов. Далее Светоний сообщает, что в специальном эдикте Август призвал граждан оценивать как его, так и последующих принцепсов (*insequentium aetatum principes*) в сравнении с этими мужами (Suet. Aug. 31. 5). Свидетельство проливает свет на значение статуи Августа и проясняет концепцию нового форума. Важнейшей задачей архитектурного комплекса и изобразительного ряда было вплетение деяний основателя принципата в череду подвигов выдающихся республиканских принцепсов, творцов римского величия. Приблизиться к адекватному прочтению изобразительного ряда форума Августа помогает литература. Вереница мужей и их подвигов, начиная с Энея и героев Республики, кульминирует у Вергилия величественным образом Цезаря Августа и гимном особому предназначению Рима¹¹⁴.

«Республиканскую» и «непартийную» идеологию Августова форума подчеркивали и другие детали. Имеются данные о том, что среди *principes viri*, чьи статуи были размещены в галерее героев, были Сулла и Марий, некогда сражавшиеся друг с другом. Наряду с Суллой, там был представлен и Помпей — оба были в разное время противниками Юлия Цезаря. Светоний сообщает, что Август велел перенести статую Помпея из курии, где убили Цезаря, в собственно театр Помпея¹¹⁵. Предполагается, что другая статуя Помпея была помещена в «галерею героев» форума Августа, где она занимала нишу большого размера в конце, в торцовой стене правого портика, — симметрично колоссальной статуе Юлия Цезаря в постройке с противоположной стороны. Это могло быть свидетельством объективности и великодушия принцепса, преобладания государственных соображений над личными счётами. Данным поступком он не наносил бы ущерба своей *pietas* по отношению к приемному отцу. Известно, что когда египетские царедворцы услужливо поднесли тому голову Помпея, Цезарь отвернулся и, взяв кольцо полководца, заплакал. Схваченные убийцы Помпея по приказу Цезаря были тогда казнены¹¹⁶. Установку статуи Помпея рядом с храмом Марса Ультора, симметрично статуе Цезаря, можно легче понять, предположив, что Август

¹¹⁴ Verg. Aen. VI. 752–853; cf. VIII. 628–731 (цит. Энея); Hor. carm. l.12; Ovid. fast. 587–616 etc. Форум Августа Гоуинг сопоставляет с поэтическими описаниями. Он считает, что авторы времени Августа должны были (явно или нет) сравнивать героев Республики с принцепсом, конечно, в его пользу. (Gowing A. M. Empire and memory. P. 18 ff., с указанием множества других пассажей, см. рец.: Короленков А. В. Память о республике // Studia historica. XI. М. 2011. С. 276–292, с. 277 сл.).

¹¹⁵ Suet. Aug. 31. 5; cf.: Platner S., Ashby Th. A topographical dictionary... P. 516.

¹¹⁶ Plut. Pomp. LXXX. Милосердие (*clementia*) Цезаря по отношению к бывшим противникам Светоний посвятил целую главу (Suet. Iul. 75), причем специально упомянул о том, что Цезарь велел восстановить статуи Суллы и Помпея, разбитые народом при вести об исходе битвы при Фарсале (ibid. 75.4). О *clementia Caesaris* с дальнейшими указаниями и литературой см.: Griffin M. T. Clementia after Caesar: from politics to philosophy // Cairns F., Fantham E. (eds.). Caesar against liberty?... P. 157–182 (deutsch in: Baltrusch E./hrsg./ Caesar. S. 223–228).

Илл. VIII.7.5. Реконструкция фрагмента аттика. Форум Августа

хотел тем самым противопоставить умеренных сторонников «республики» (так называемых «помпеянцев») и экстремистов — цезареубийц. Заговорщики убили диктатора в курии Помпея, у ног его статуи. Разоблачение неадекватности этой символики было важно для утверждения преемственности прежней и «восстановленной республики»¹¹⁷.

Август не был бесстрастным летописцем, что демонстрируют некоторые передержки в угоду политическим интересам. В правом портике, среди «героев», оказался не справлявший триумфов Аппий Клавдий Цек. Возможно (если исходить из «презумпции невиновности»), исключение сделали по причине иных особых заслуг¹¹⁸. Особенно могла импонировать Августу неприятие Аппия Клавдия как цензора, строго каравшего за нарушения «нравов предков». Но Аппий Клавдий был также предком пасынков Августа, Тиберия и Друза. Случай со *spolia opima* продемонстрировал, что во имя своих политических интересов, которые приравнялись к «государственным», Август вмешивался в исторические изыскания, чтобы ввести их в нужное русло (другие примеры в разделах IV.7, IX.7).

¹¹⁷ См. илл. VIII. 7. 2. Представляется интересным, хотя и трудно доказуемым, предположение о желании Августа показать двойственную идеологию создаваемой государственности. Два портика и симметричное расположение статуй диктовались логикой архитектуры. Но это не должно было противоречить замыслу Августа, иначе решение конструкции было бы иным. О «помпеянах», в т.ч. Тите Ливии, см. раздел IX.6. Курия Помпея в его театре была расположена на противоположной амфитеатру стороне позади сцены и представляла собой большую квадратную экседру со стороной 20 м. По указанию триумфиров вход в нее, как в оскверненное место (*locus sceleratus*), был замурован (Suet. Iul. 88). В дальнейшем помещение было превращено в туалет (Dio XLVII. 19. 1).

¹¹⁸ Аппий Клавдий Цек (340–273) был тем не менее цензором (312), дважды консулом (307 и 296) и дважды — диктатором (292 и 285). Особенно прославился как строгий цензор, строитель дороги и акведука.

Август не руководствовался научной объективностью, но концепция его форума говорит о понимании истории как фактора, формирующего политическое мировоззрение. Это было общедоступное пространство, и символику следовало сделать понятной посетителям и «полезной» для государства. Немного подправив детали, авторы рассчитывали на то, что мало кому захочется из прохладного портика подниматься на Капитолий и проверять точность отбора героев по высеченным на мраморе мелкими буквами фастам. Антикваров и историков было немного, их следовало просто попросить не говорить лишнего. Немногие оставшиеся очевидцы, которые бы обратили внимание на некоторые неточности, один за другим завершали свой жизненный путь.

Без сомнения, лично приняв участие в отборе изображений и редактировании надписей форума, Август сумел еще раз ясно сформулировать и в самом привлекательном виде убедительно продемонстрировать свое понимание «восстановленной республики». Принцепс оценил заслуги выдающихся представителей аристократии. Форум в понятной всем форме демонстрировал: новый режим наследовал все самое значимое, ценное, необходимое, что послужило возвышению Рима и важно для его дальнейшего процветания. Достояние Римского народа — «республика» — оказалась в бережных и надежных руках Августа. С одной стороны, проявлялось уважение (*pietas*) ко всем знатным родам, с другой — было наглядно показано, что истинный наследник славы и чести героев — Рим в лице принцепса, а не отдельные фамилии¹¹⁹.

Марс был богом войны, благодаря покровительству которого Римский народ создал свою империю. Триумфатор Август олицетворял настоящие и будущие победы римского оружия. «Галерея предков» свидетельствовала о божественном происхождении как Города, так и его вождей, что гарантировало благосклонность небожителей. В то же время «галерея героев» подтверждала приверженность старинным нравам, стремление наследовать древним добродетелям. Август предстал одним из нескончаемой череды принцепсов, а его *res publica restituta* — продолжением и кульминационным пунктом минувшего и началом нового этапа римской истории¹²⁰.

¹¹⁹ Как и в выработанном к концу правления Августа ритуале императорской *pompa funebris*, в концепции форума Августа принципиально важным было включение представителей разных аристократических родов. Их изображения пришли из атриев отдельных аристократов, но заслуги и высокие моральные качества становились достоянием «республики». См.: Flaig E. *Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom*. Göttingen, 2003. S. 49–68 (*pompa funebris*), 96 und pass..

¹²⁰ О том, что форум блистал (*praenitet*) именами покоренных Августом народов, упоминает Веллей Патеркул; см.: Vell. II. 39. 2. Возможно, такой список был помещен под титулом *pater patriae* на цоколе статуи Августа. См. также: Zanker P. *Forum Augustum* // Binder G. (hrsg.) *Saeculum Augustum*. III. Darmstadt, 1991. S. 76 m. Anm. 44 et pass., S. 60–111; Ganzert J., Kockel V. *Augustusforum und Mars-Ulter-Tempel* // Heilmeyer W.-D.

Язык «наглядной образности» Форума Августа подтверждает, что и в момент, когда его правление достигло зенита, принцепс не отказался от «республиканской» идеологии и существа созданного им порядка. Иное дело, сам «республиканизм» неуклонно наполнялся новым содержанием, и на определенной стадии осуществления метаморфозы это должно было ясно открыться внимательному наблюдателю. Но современникам, тем более рядовым людям из толпы, новые сооружения, которые делали их жизнь удобнее, а Город — красивее, не резали глаз. Тем более, что Август тактично избегал всего, что могло бы восприниматься как явный вызов традиции.

Новая реальность лепилась из привычного, знакомого всем материала. Форум Августа представлял собой, в масштабе всего государства, атриум патрицианского дома. Разумеется, и размеры, и оформление соответствовало новым задачам. В отличие от частных домов, роскошь общественных сооружений не ограничивалась законами. Любые вложения стоили здесь результата — скупость была неуместна. Искусные мастера делали наилучшее, на что были способны, из всех концов Империи корабли доставляли все необходимое для построек и их украшения. Восковые маски предков были заменены мраморными статуями. Место *pater familias* — патриархального главы семьи, некогда имевшего право жизни и смерти над своими домочадцами, занимал *pater patriae* — Отец отечества, заботившийся о благе «восстановленной республики», величии Римского народа и его империи, о благополучии каждого гражданина.

Илл. VIII.8.1. Палатин и Большой цирк (IV в. н.э.)

VIII.8. Палатин: холм, дом, дворец

Палатин (*Palatium*)¹²¹ — это слово со времен царей и до конца римской античности было наполнено особым смыслом. Конечно, каждый из семи холмов был важен для римлян. Капитолий, над которым возвышался храм Юпитера Величайшего, считался центром государственного культа. Но Палатин обладал собственной особой аурой. Здесь начиналась история Города, на холме находились древнейшие святыни. Со времени Августа в звучании слова *Palatium* появилась еще одна, новая нота. На самом высоком из римских холмов жили и отсюда управляли миром почти все императоры. Они строили и перестраивали свои «палаты», но при этом сохраняли, как реликвию, некоторые сооружения, связанные с памятью об основателе Римской империи — так же, как сам он восстанавливал памятники, связанные с началом истории Города. Некоторые помещения оказались разрушены, засыпаны и перекрыты более поздними, но благодаря этому кое-что и

¹²¹ *Palatium* (лат., также: *mons Palatium*, *Palatinus*), откуда происходит *palatium* как «императорский дворец» и далее в ряде европейских языков слово, обозначающее «дворец» (рус.: палата парламента, судейская; устар. «палаты» и др., итал. «palazzo», укр. «палац», англ. «palace» и др.). Название холма *Palatinum* (итал.: *Monte Palatino*), возможно, как производное от обозначения дворца, было принято в эпоху Возрождения, хотя встречается уже у Тацита (Тас. ann. XII. 24). См.: Ziegler K. *Palatinus*; id. *Palatium* // RE. Bd. XVIII. 2 (Hb. 36). 1949. Sp. 1–3; 3–81 (в том числе о различных постройках эпохи Империи); Klodt C. *Bescheidene Größe*. 2001. S. 20 f. mit Anm. 35 etc. Русское название холма «Палатин» происходит от итальянского. Значение слова в период правления Августа раскрывается далее, также в примеч. 160–167.

сохранилось¹²². Систематическое исследование археологических материалов Палатина, в сопоставлении с письменной традицией, открывает важные нюансы процесса формирования новой государственности¹²³.

Октавиан решил поселиться на Палатине уже в 44/43 гг. до н.э. С этой целью он приобрел дом, принадлежавший ранее знаменитому оратору Гортензию¹²⁴. В 36 г. до н.э. во время сильной грозы в дом ударила молния. Чудесное явление (*prodigium*) истолковали как желание Аполлона иметь на этом месте храм¹²⁵. Октавиан решил выполнить волю божества. Была куплена земля, еще часть подарена сенатом. Весь участок был объявлен общедоступным (Vell. II. 81. 3; Dio LIX. 15. 5). В дальнейшем приобретались и другие строения. Постепенно формировался комплекс, известный как «Дом Августа на Палатине» — резиденция основателя принципата.

У принцепса было достаточно причин для того, чтобы поселиться именно на Палатине. Светоний сообщает, что Август родился в этом квартале, но параллельно излагается версия о Велитрах. Там, в усадьбе своего деда, Октавий, по крайней мере, провел значительную часть своего детства¹²⁶.

¹²² Систематические раскопки на Палатине ведутся уже более ста лет. С 1960-х гг. изучением Дома Августа занимался Джанфилиппо Кареттони (Carettoni G.), с 1977 г. важные исследования в юго-восточной части Палатина ведет Патрицио Пенсабене (Pensabene P.) в сотрудничестве с Римским университетом «La Sapienza». В частности, им раскопано святилище Кибелы с оказавшейся на его территории «хижиной Ромула». См.: Pensabene P., Angelelli C. (Hrsg.). Scavi del Palatino. T. I. 2001; Pensabene P. Das Heiligtum der Kybele und die Untergeschoßbauten im Südwesten des Palatin // Hoffmann A., Wulf U. (Hgg.). Die Kaiserpaläste auf dem Palatin in Rom. Das Zentrum der römischen Welt und seine Bauten. Mainz, 2006². S. 18–31 etc. Ряд работ, отражающих современное состояние изучения резиденции Августа на Палатине, принадлежат Марии Антоньетте Томеи (Tomei M. A.). См. след. сноску.

¹²³ См.: Lugli G. Mons Palatinus. Roma, 1960 (подборка источников); Winterling A. Aula Caesaris. München, 1999. Bes. S. 47–57; Coarelli F. Rom. 2000. S. 148–180; Carettoni G. Das Haus des Augustus auf dem Palatin. Mainz, 1983; id. Die Bauten des Augustus auf dem Palatin // Heilmeyer W.D. u.a. (hrsg.). Kaiser Augustus... S. 265–267; Tomei M. A. Museo Palatino. Milano, 1997; id. Le case di Augusto sul Palatino // RM. Bd. 107. 2000. P. 7 ff.; id. Die Residenz des ersten Kaisers — Der Palatin in Augusteischer Zeit // Hoffmann A., Wulf U. (Hgg.). Die Kaiserpaläste... S. 6–17; La Regina A. Archaeological guide to Rome. Roma, 2010². P. 51–74 etc.

¹²⁴ Консул 69 г. до н.э. Кв. Гортензий Гортал (Suet. Aug. 72. 1, cf.: Ziegler K. Palatium. Sp. 47). О дальнейших приобретениях Августа на Палатине см. далее.

¹²⁵ Vell. II. 81. 3; Suet. Aug. 29. 3. Тема «Август и Аполлон» рассматривалась в разделах III.6, VI.2. Истолкование молний было важной частью «этрусской дисциплины».

¹²⁶ Светоний сообщает, что Август родился *ad capita Bibula* на Палатине и тут же указывает, в качестве альтернативного варианта, Велитры, со ссылкой на местных жителей (Suet. Aug. 5, cf.: 6). Велитры — небольшой населенный пункт в 40 км к юго-востоку от Рима (совр. Velletri). Велитры как место рождения называет и Кассий Дион (Dio XLV. 1. 1). Другие сообщения о палатинской версии: Serv. Aen. VIII. 361; Gell. XV. 7. 3; ILS Nr. 112, 154, 7244). См.: Kienast D. Augustus. S. 2, Anm. 5a. По мнению М. Томеи, указанное Сервием *in curiis veteribus* располагалось на месте, известном теперь как *Pedagogicum*. Таким образом дом, где родился Август, мог находиться недалеко от будущего храма Аполлона. По ее мнению, также и последующее жилье Октавиана, над *scalae Anuriae*, тоже находилось в пределах будущей *domus Augusta*, именно там, где был построен храм Весты на Палатине (Tomei M. A. Die Residenz... S. 9 mit Anm. 33–36, с дальнейшими источниками и литературой). Но Палатинский вариант слишком хорошо соответствовал стремлению Августа породниться с этим историческим местом (и желанию археологов найти в историческом центре Рима место рождения основателя Римской империи). Если бы Дом Августа включил помещение, где он родился, об этом должен был бы непременно упомянуть какой-то из наших источников. Но

Похоже, что рождение на Палатине — официальная версия, исходившая от Августа и его окружения. Светоний, как служащий императорской канцелярии, обязан был ее передать, хоть и не очень ей доверял. Представляется, это своего рода дополнение к легенде о божественном происхождении Юлиев¹²⁷. Будучи относительно скромного происхождения и возвысившись лишь благодаря усыновлению своим дядей, Октавиан всеми силами стремился сравняться с аристократами, многие из которых имели дома в этом престижном районе¹²⁸. Окончательный выбор помогли сделать «государственные» соображения. Август мог оценить важность иррационального, мистического обоснования своей власти. Строительство храмов и восстановление культов демонстрировали приверженность отеческим богам. Добавка к имени «сын божественного» обосновывала исходное притязание на власть, позже имя Август громко заявляло о претензии на богоизбранность. Обоожествление при жизни в Риме исключалось. Значит, следовало искать пути, которыми подобные идеи и чувства невольно приходили бы к людям сами собой. И не только по поводу особых и потому редких событий, вроде триумфа, — такие мысли необходимо подпитывать постоянно. Иначе любая полезная идея ненадолго задерживается в народной памяти. Один из самых испытанных в течение тысячелетий способов связать в массовом сознании ту или иную личность с властью — поселить правителя в особом месте, во Дворце.

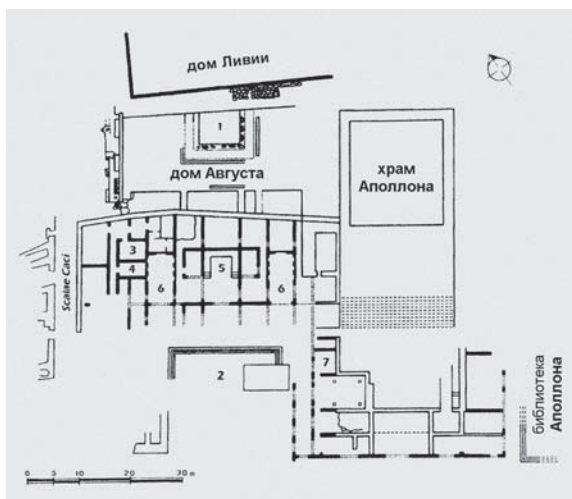
Октавиан, принимая решение перебраться на Палатин, имел хороших советников. Со временем бесспорная правильность выбора подтвердилась: на этом, освященном древней историей месте, возник тот сплав власти и харизмы, который обеспечил новому государственному устройству большое будущее. Постоянно находясь рядом с древнейшими святынями, Август

Светоний указывает на приобретение дома Гортензия как на первый шаг Октавиана к созданию жилища на Палатине. В дальнейшем в числе других был прикуплен дом Кв. Лутация Катула (по имени победителя кимвров, см.: Ziegler K. *Palatium*. Sp. 43).

¹²⁷ Ссылки на новейшие раскопки в том месте у подножия Палатина, где предполагается дом Октавия-отца, способствуют популяризации тематики и должны облегчить финансирование работ. Но остатки богатого дома позднереспубликанского времени (таковых известно уже немало) не доказывают факта рождения там Августа.

¹²⁸ Большой интерес представляет дом богатого аристократа на Палатине, построенный еще во II в. до н.э., известный как дом Грифона (*Casa dei Grifi*). В дальнейшем он оказался перекрыт постройками дворца Флавиев. Эта городская вилла перестраивалась в I в. до н.э., в 120–100 гг. она была украшена фресками, которые сравнивают с помпейскими позднего первого или второго стиля. Среди них — изображение грифонов, по которым дом и получил свое название. По литературным источникам известны имена ряда римских нобилей, которые имели дома на Палатине, к примеру: М. Валерий Максим (консул 505 г.), Гн. Октавий (консул 165 г., представитель другой, более знатной, чем предки Августа, ветви Октавиев), Тиб. Семпроний Грахх, отец известных братьев, триумвир Марк Антоний. Дом Цицерона, купленный в 62 г. за три с половиной миллиона сестерциев, после его высылки из Рима был сожжен Клодием, а потом восстановлен на государственный счет. Некоторые дома, например, Цицерона, Клодия, уже идентифицируются археологически. См.: Krause C. *Die Domus Tiberiana* // Hoffmann A, Wulf U. (Hgg.). *Die Kaiserpaläste... S. 42 ff.*

Илл. VIII.8.2. Дом Августа
с храмом Аполлона (схема)

стал в народном сознании частью истории Рима и тем самым — гарантом будущего Города и его империи. В самом деле, смысл «Дома Августа» становится понятен только в контексте окружавших его памятников. Весь комплекс в целом объединяла некая аура легенд, берущих начало в едва различимом прошлом. В считанных метрах от дверей дома «спасителя республики» и второго основателя Рима находилась хижина первого основателя — Ромула (см.: Dion. Hal. ant. I. 79; Plut. Rom. 20; Dio XLVIII. 43, LIV. 29). Пониже, у подножия холма, росла некогда дикая смоковница, к которой течение Тибра прибило лоток с сыновьями Реи Сильвии от самого бога Марса. Под этим деревом, в гроте, Ромула и Рема вскормила волчица (*lupa*). Здесь было древнейшее святилище Рима — Луперкалий (*Lupercal*). Отсюда начинали ритуальный бег жрецы-луперки, открывая ежегодно 15 февраля древнейший религиозный праздник Луперкалий. Они бежали вокруг границ древнейшего поселения (*Roma Quadrata*), основанного Ромулом и Ремом на Палатине в 753 г. до н.э., и награждали ударами плеток встречающихся на пути. Этим ударам охотно подставляли себя замужние женщины, желая забеременеть или облегчить себе роды¹²⁹. И далее — с Палатином были связаны бесконечные святыни, предания и обряды.

В историческое время «хижина Ромула» была включена в основанный еще в III в. до н.э. храм Великой Матери (Кибелы) — богини малоазийского происхождения, которая покровительствовала Энею (см. цветную илл. 14). Таким же древним был и находившийся недалеко храм богини Виктории. Учреждение ее культа приписывалось царю Эвандру, который за 60 лет до

¹²⁹ Liv. I. 4. 1–5. 1; Ovid. fast. II. 381–424; Dion. Hal. ant. I. 32. 3–4; 79. 8; Plut. Rom. 3 sq., 21; Caes. 61 (о Луперкалиях, во время празднования которых Антоний поднес Цезарю корону). Август о сооружении святилища Луперкала: RG 19. Сообщение о находке археологами в ноябре 2007 святилища подвергается сомнению. См. также: Eisenhut W. Lupercal. Lupercalia. Luperci. Lupercus // KP. Bd. 3. Sp. 780–783; Beard M. etc. Religions of Rome. Vol I. P. IX f., 1 ff.; Wiseman T. P. The house of Augustus and the lupercal // JRA 22. 2009. P. 527–545 etc.

Троянской войны отправился из Паллантия в Аркадии и основал первое поселение на берегу Тибра. Тогда холм и получил свое название то ли от названия родного города Эвандра, то ли от Палладия (*Palladium*) — священного изображения богини Афины Паллады (Воительницы), которое привез с собой Эней¹³⁰. Престарелый уже Эвандр помог Энею, прибывшему в Лациум через 70 лет после него. Любой политик, способный оценить роль исторических легенд в сознании римлян, да еще и намеревавшийся использовать традицию для формирования общественного мнения, не мог выбрать лучшего места для своей резиденции.

Дом Августа на Палатине (*domus Augusti, Palatina domus*)¹³¹ еще не был дворцом в полном смысле слова. В литературе прижился миф о нетребовательности Августа во всем, что касается жилья, обстановки и одежды (Suet. Aug. 72 sq.). Жилье первого принцепса действительно несравнимо с постройками Нерона или Домициана, которые уже имели характер грандиозных дворцов¹³². Но оно не уступало роскошным городским виллам римских аристократов, которые предпочитали здесь селиться по крайней мере с IV в. до н.э. Дома знати в северо-западной части Палатина, где позднее была воздвигнута *Domus Tiberiana*, располагались в соответствии с правильной (ортогональной) планировкой. Эта особенность, отличавшая данную застройку от окружающих районов, хорошо согласуется с преданием о *Roma Quadrata*. В период расцвета Римской республики, в III в. до н.э., проводилась кодификация «дисциплины» авгуров. В *disciplina etrusca*¹³³ входили также правила

¹³⁰ Это мог быть отдаленно напоминающий изображение богини метеорит, согласно преданию, упавший в Трое. Обладанием Палладия хвастались многие города Эллады, в которых почиталась Афина. Нелишне отметить, что археологические исследования последних десятилетий подтверждают наличие поселения на Палатине по крайней мере с X в. до н.э.

¹³¹ *Domus Augusti* — принятое в современной литературе название, *Palatina domus* употребляет Светоний (Suet. Aug. 29. 3), *domus* (Ovid. fast. IV. 951–954). Краткое описание с указаниями на литературу см.: Bleicken J. Augustus. S. 418–426 und 736 f.

¹³² Следует различать Дом Августа (*Domus Augusti*, реже — *Domus Augustea*) и Дом Августов (*Domus Augustana, Domus Augustiana*) на Палатине. Первый принадлежал основателю принципата. Позднее он был частично интегрирован в *Domus Tiberiana* (фактически воздвигнут Нероном), занявший северо-западную часть холма. После пожара 64 г. оставшийся нижний этаж Дома Августа был засыпан, благодаря чему отчасти сохранился. Сверху построили храм Августа и Ливии (*Templum Divorum*). Длившийся три дня пожар в 80 г. полностью или частично уничтожил существовавшие до того постройки. Грандиозные сооружения, которые частью погребли под собой сохранившиеся конструкции, возвел с 80 до 92 гг. Домициан. Они состояли из двух комплексов, которые заняли южную часть Палатина. *Domus Flavia* служила прежде всего репрезентативным целям. В качестве жилого комплекса Домицианом была построена *Domus Augustana* в юго-западной части. Ее до сих возвышающиеся над Большим Цирком на склоне холма грандиозные руины частично перекрыты остатками построек Септимия Севера — *Domus Severiana*. См.: Platner S. B., Ashby T. (ed.) A topographical dictionary... P. 374–380; Coarelli F. Rom. 2000. S. 160–178; Krause C. Die Domus Tiberiana — Vom Wohnquartier zum Kaiserpalast // Hoffmann A, Wulf U. (Hgg.). Die Kaiserpaläste.... S. 38–58 etc.

¹³³ *Disciplina etrusca* (этрусская дисциплина) — теория и практика искусства этрусских прорицаний, гаданий, толкований (в т.ч. ударов молний), включавшая также правила и ритуалы, связанные с закладкой городов. См.: Немировский А. И. История... 2007. С. 247 сл.; его же. Этрски. От мифа к истории. М., 1983 и др.

постройки храмов и закладки поселений. Тогда же происходило знакомство с некоторыми достижениями эллинистического градостроительства. Археологические исследования последних лет позволили установить планировку «инсул» (*insula*, букв. «остров») — прямоугольных участков размером 800 или 1160 кв. м) на Палатине. Особняки (городские виллы) могли занимать от одного до нескольких участков. Идентифицируются владельцы некоторых домов, как-то: Цицерона (его *villa urbana* размещалась на трех инсулах), Клодия и ряда других¹³⁴.

Приобретенный Октавианом (возможно, в дополнение к имевшимся у него ранее?) дом Гортензия размещался на участке 8500 кв. м. В дальнейшем к нему мог присоединиться дом Марка Антония (Dio LIII. 27. 5). Известно, что в атриуме бывшего дома Кв. Лутация Катула грамматик и филолог Веррий Флакк преподавал племянникам принцепса¹³⁵. Дом Тиберия Клавдия Нерона, первого мужа Ливии, также оказался в собственности Октавиана, когда Тиберий после смерти своего отца в 33 г. стал членом семьи императора (см. Dio XLVIII. 44 sq.). В состав *domus Augusti* вошли также другие участки и постройки. Многочисленные, по словам Веллея Патеркула, дома были куплены через прокураторов (Vell. II. 81. 3), некоторые подарены сенатом (Suet. Aug. 57. 2; Dio LV. 12. 4.). Общая площадь Дома Августа на Палатине оказалась внушительной. Имеются некоторые данные, которые указывают на границы резиденции принцепса. Так, на северном склоне (*clivus*) Палатина, на пути, проходившем мимо храма Юпитера Статора, были обнаружены следы ворот. Они могут быть отождествлены с теми *Porta Mugonia* (позднее — *Porta Vetus Palatii*), через которые посетители проходили на территорию *Domus Augusti*. По-видимому, на этих воротах были прикреплены лавровые ветви и дубовый венок *ob cives servatos*, которыми сенат в 27 г. отметил заслуги Августа перед отечеством¹³⁶.

Раскопки последних десятилетий позволили получить представление не только о жилых комнатах, но и обо всем *domus Augusti*, площадь которого могла составлять до 24000 кв. м¹³⁷. Архитектурный комплекс, находившийся в юго-западной части Палатина, тянулся вдоль склонов холма. Как выяснилось в ходе последних раскопок, составные части комплекса, а также некоторые другие постройки, были связаны между собой системой крытых, так-

¹³⁴ См.: Krause C. Die Domus Tiberiana. S. 42 ff., 48 ff. etc.

¹³⁵ Plin. n. h. XVII. 1. 2; Suet. gramm. 17; cf.: Tomei M. A. Die Residenz... S. 9 mit Anm. 37–40.

¹³⁶ RG 4. 4; Suet. Aug. 45. 1; Dio LIII. 16. 4; RG 34. Эта точка зрения обоснована М. А. Томеи, которая также обратила внимание на то, что такая локализация хорошо согласуется с картиной, нарисованной Овидием в Ovid. trist. III. 1. 33 sq. Cf. Tomei M. Die Residenz... S. 9 mit Anm. 45–48.

¹³⁷ Точные границы резиденции Августа определить пока невозможно. Приведенная цифра взята из статьи: Höllerer L. Kaiser Augustus wohnte gar nicht bescheiden в интернет-издании "Welt Online" от 17.06.2008. Ее следует рассматривать не более, чем ориентировочную.

же подземных, коридоров (криптопортиков). Для наблюдателя со стороны Большого цирка, слева направо, комплекс ограничивался на северо-западе храмом Великой Матери с «хижиной Ромула», храмом Виктории, а также *scala Caci*, у подножия которой находился *Lupercal*. Справа, на северо-востоке, участок завершал храм Аполлона, с перистильями и библиотеками. Между этими двумя группами построек находились жилые и служебные помещения, которые условно делятся на (сверху вниз) дом Ливии и дом Августа. Атриум второй, не менее чем двухэтажной постройки¹³⁸, возвышался на краю холма над Большим цирком (*circus Maximus*).

Большой цирк (ипподром) стал предметом одной из первоочередных забот Октавиана. Предыдущим строителем, придавшим ему новый вид, был Юлий Цезарь. Агриппа в 33 г. ввел некоторые усовершенствования. Возможно, тогда же на склоне Палатина появилось сооружение, на котором во время игр выставлялись статуи богов (*pulvinar*). Таким образом божеества могли присутствовать на празднествах. В 31 г. этот ипподром, место любимых зрелищ римского плебса, сильно пострадал во время очередного большого пожара. Октавиан восстановил его в 29 г. до н.э., расширив для 55–60 тыс. зрителей. Август мог наблюдать скачки с «пульвинара», а также с террас домов, где жили его друзья и отпущенники. Принцепс хорошо понимал необходимость «общения с народом», уделяя должное внимание всякого рода зрелищам (Suet. Aug. 45.1 et sq., сравн. раздел V.9).

Сравнительно небольшие жилые комнаты Дома Августа группировались вокруг перистилья, в них сохранились росписи. Три стены «Комнаты масок» украшали изображения архитектурных элементов, создающих иллюзию трехмерности, включая ландшафты с храмами (второй стиль Б, «tromp l'œil»). Изображения напоминают эллинистические декорации театральной сцены. В нарисованном центральном окне на южной длинной стене, на фоне сельского пейзажа с храмом, изображен суживающийся кверху столб. Его интерпретируют как культовый символ Аполлона (сравн. илл. VIII.8.4 и коммент.). Параллели обнаружены, в частности, в Кирене (Малая Азия)¹³⁹. Эти детали соответствуют не только Августову пониманию жизни как театра, его рафинированному художественному вкусу, но также почитанию Аполлона и мифу о малоазийском происхождении Юлиев. На другой стене также изображение святилища с атрибутами богини Дианы. Если Аполлону Август считал себя обязанным за поддержку при Акции, то Диане — при Навлохе. Высказывалось мнение, что «комната масок» была той самой, в течение 40 лет служившей принцепсу бессменной спальней, которую Светоний упоминает в подтверждение едва ли не спартанского образа жизни Августа.

¹³⁸ Атриум находился примерно на месте дома Гортензия (см. примеч. 124).

¹³⁹ О Киренской параллели символа Аполлона сравн.: Carettoni G. Das Haus... S. 27.

Илл. VIII.8.3. Роспись на штукатурке в «комнате масок» дома Августа
(см. также цветные илл. 14 и 15)

В жилой части комплекса было много небольших помещений, которые видимо были предназначены для Ливии, детей, «друзей» и слуг¹⁴⁰. Известно например, что входившие в комплекс дома П. Клодия Пульхра и Кв. Сейя Постума на западном склоне Палатина (по другой версии — дом, некогда принадлежавший Марку Антонию) Октавиан в 29 г. предоставил М. Агриппе и М. Валерию Мессале Корвину¹⁴¹. Не случайно и Овидий, и Проперций, говоря о жилище Августа, употребляют множественное число *palatia*¹⁴².

Привлекает внимание зал в центре постройки, на оси перистиля. Дело не только в его размере (один из самых больших в доме), но и в центральном расположении. Оно подчеркивается двумя симметрично фланкирующими его комнатами меньшего размера. Также необычен устроенный по трем сторонам подиум, высотой 80 и шириной 120 см, он занимает примерно

¹⁴⁰ Suet. Aug. 72. 1. Мнение о «комнате масок» как о спальне Августа, а о комнате с гирляндами пинии как о спальне Ливии: Coarelli F. Rom. S. 162. Название «Дом Ливии» следует понимать скорее как условное название одной из построек жилого комплекса. Б. Тамм высказывала мнение, что это и был прежний дом Гортензия (Tamm B. Auditorium and palatium... Stockholm, 1963). Площадь этой единственной сохранившейся постройки республиканского времени составляет ок. 770 кв. м. На водопроводной трубе была обнаружена надпись *Iulae Aug* (CIL XV. 7264), но родовое имя Юлиев Ливия получила лишь по завещанию Августа.

¹⁴¹ Dio LII. 27. 5. Cf. Tomei M. A. Die Residenz... S. 9.

¹⁴² Ovid. ars am. III. 119; ep. ex Pont. II. 8. 17; trist. I. 1. 69, IV. 2, 3. Prop. IV. 1. 3.

половину длинных стен, украшенных росписями второго стиля. С каждой стороны подиум, декорированный мрамором, заканчивается тремя ступеньками. По-видимому, это был зал торжественных приемов и аудиенций императора (также называемый иногда «триклинием»).

Наклонная раampa вела от перистилия жилого дома вверх, на уровень террасы храма Аполлона, который таким образом был интегрирован в комплекс, сообщая ему свою святость. На уровне террасы находилась комната с росписями в египтизирующем стиле. По своему внешнему виду она соответствует описанному Светонием помещению, в котором Август любил уединяться для работы или размышлений: «Если он хотел заниматься тайно или без помехи, для этого у него была особая верхняя комнатка, которую он называл своими Сиракузами или мастеровушкой...» (Suet. Aug. 72. 2). Оформление помещения, особенно если отождествление со Светониевым описанием верно, позволяет усомниться в искренности вражды Августа ко всему египетскому. Иначе зачем было наполнять не предназначенную для посетителей комнату лотосами, уреяи и египетскими коронами¹⁴³?

Самой значительной и роскошной постройкой на Палатине, как и во всём Августовом Риме, был храм Аполлона. Его освятили в 28 г. до н.э. (Suet. Aug. 29. 3; Dio LI. 1. 3; comp: RG 19). Сейчас частично сохранились лишь фундаменты (окончательно разрушен во время пожара в 363 г.). Храм целиком построили из белого, с отблесками, лунийского мрамора. Он представлял собой псевдопериптер коринфского ордера, с шестью полуколоннами под фронтоном. Храм стоял на высоком подиуме, к которому вели широкие ступени, и был издалека виден. По бокам находились два больших портика. В них должно было уместиться 50 Данаид, и возможно, еще 50 сыновей Египта верхом на лошадях. Тем не менее, оставалось достаточно места: по Овидию, здесь прогуливались те, кто относился к сливкам римского общества¹⁴⁴. При планировании и строительстве не экономили ни средств, ни места. Только так можно объяснить рассказ Иосифа Флавия о том, что Август с приближенными принимал в святилище Аполлона делегацию из Иудеи из 50 человек. Все же сообщение историка о присутствии там еще 8000 местных евреев представляется совершенно неправдоподобным¹⁴⁵.

¹⁴³ Отождествление см. Bringmann K., Schäfer Th. Augustus und die Begründung... S. 236 f. Carettoni G. Das Haus des Augustus... S. 67 ff. рассматривал помещение как верхнюю спальню (*cubiculum*).

¹⁴⁴ Ovid. trist. III. 1. 61 sq.; ars. amat. I. 73, cf. III. 389; amor. II. 2. 3. О портике Данаид см.: Quenemoen C. K.: The Portico of the Danaids. A New Reconstruction // AJA. Bd. 110. 2006. P. 229 ff.

¹⁴⁵ Ios. ant. iud. XVII. 11 (229); cf.: b. iud. II. 2. 4–7 (81 sq.). О приеме иностранных делегаций в храме Аполлона говорит также Вергилий: Verg. Aen. VIII. 720 sqq., а о заседаниях сената Светоний (Suet. Aug. 29. 3). Наши сомнения основаны на размерах храма и его внутреннего пространства. Все 8000 человек могли сопровождать делегацию до входа на территорию «дома Августа». Часть из них могла ожидать выхода императора в портиках, на ступеньках и на площадке библиотеки. Размер сохранившегося подиума храма 44×25 м. Размер внутреннего свободного пространства составлял не более 1/3, т.е. ок. 370 кв.м.

Илл. VIII.8.4. Изображение на глиняной доске из храма Аполлона Палатинского: две женщины заботливо украшают культовое изображение Аполлона-Агизы

Стиль постройки, а также украшений и скульптур, отвечал требованиям эстетики поздней классики. Там было немало и доставленных из Греции оригиналов. Сам образ Аполлона соответствовал Августовой концепции идеального государственного устройства, в основе которого лежала соразмерность (Suet. Aug. 28. 2) Принцепс предпочи-

тал в качестве нормы классическую красоту. Элегия Проперция, посвященная открытию храма, позволяет представить себе это сияющее под южным солнцем белоснежное сооружение. Оно просвечивало сквозь колонны из желтого нумидийского мрамора, которые контрастировали с установленными между ними гермами дочерей Даная из красного и черного мрамора. Данаиды символизировали, в соответствии с мифом, убийц своих родственников-женихов. Впоследствии Данаид, побужденных к преступлению отцом, очистил от скверны Аполлон. Среди других сюжетов впечатляли изображенные на створках дверей, облицованных слоновой костью, картины истребления Аполлоном и Артемидой Ниобидов, а также изгнание Фебом галлов из Дельф:

*Хочешь ты знать, почему пришел я так поздно? Сегодня
Феба дворец золотой Цезарь великий открыл.
Стройный ряд пунийских колонн его окружает,
А между них дочерей старца Даная толпа.
Тут же и мраморный Феб (он мне показался прекрасней*

Для сравнения: курия Юлия имеет площадь примерно 25×18 (450 кв. м) (Claridge A. Rome. An Oxford archaeological guide. Oxf. 2010². P. 71). В храме следует еще учесть место, занимавшееся целлой и большим количеством знаменитых греческих статуй.

*Феба живого) поёт с лирой безгласною гимн,
По четырем же углам алтаря из Миронова стада
Дивной работы быки словно живые стоят.
Посередине же храм из блестящего мрамора сложен,
Фебу дорожке теперь отчей Ортигии он.
Солнце над кровлей его в золотой колеснице сияет,
В нем из ливийских клыков двери точайшей резьбы:
Видны на створке одной, с Парнаса низвергнуты, галлы,
Тантала дочь на другой, смертью детей сражена.
Дальше Пифийский бог, меж сестрою и матерью стоя,
Длинной одеждой покрыт, вещие гимны поет¹⁴⁶.*

В элегии отражены важнейшие смыслы, нашедшие выражение в архитектуре и убранстве храма. Аполлон-Феб, который был на стороне Октавиана в борьбе с Антонием, обладал многими качествами, особенно актуальными в контексте того времени. Укажем лишь на некоторые очевидные ассоциации: очищение от скверны гражданских войн (как братоубийства), наказание за излишнюю самонадеянность (Антоний), исцеление от болезней (необходимость поддержки ввиду слабого здоровья принцепса), эстетика гармонии, в противоположность экстатическому культу Диониса¹⁴⁷. Феб был также богом-прорицателем, говорившим устами дельфийской Пифии и Сивилл. Не случайно Август велел перенести из храма Юпитера Капитолийского на Палатин тщательно отобранные Сивиллины книги. Это собрание священных писаний находилось в специальном золотом сундучке, спрятанном в постаменте статуи Аполлона. Светоний сообщает, что когда принцессе стало трудно спускаться на форум, храм и примыкавшая к нему библиотека стали служить также местом заседаний сената (Suet. Aug. 29. 3). Представляется, что размеры помещений позволяли собирать там императорский «совет» (*consilium principis*) или сенат в неполном составе¹⁴⁸.

Храм на Палатине с библиотекой был не только культовым и политическим, но также духовным, интеллектуальным центром. По-видимому,

¹⁴⁶ Prop. 2. 31. Перевод Л. Остроумова. Hor. carm. 1. 31; Verg. Aen. VIII. 704. Сравн: RG 24, 35.

¹⁴⁷ О воплощенной в храме Аполлона Палатинского идеологической программе см.: См.: Lefèvre E. Das Bild-Programm des Apollo-Tempels auf dem Palatin. Konstanz, 1989; Hekster O. J., Rich J. Octavian and the thunderbolt: the temple of Apollo Palatinus and Roman traditions of temple building // CQ. Vol. 56. 2006. P. 149–168; Balensiefen L. Apollo Palatinus. Ein Kultgrundungsvorhaben des jungen Caesar Divi Filius // Schmitz C., Bettenworth A. (Hrsg.): Mensch – Heros – Gott. Weltentwürfe und Lebensmodelle im Mythos der Vormoderne.. Stuttgart, 2009. S. 67–89; Zink S. Old and new archaeological evidence for the plan of the Palatine temple of Apollo // JRA. Vol. 25. 2012. S. 388–402. О культе Аполлона и его значении для Августа см. также в разделе VI.2 с примеч. 46 слл.

¹⁴⁸ О «совете» см. раздел X.7 с примеч. 94. О размере храма Аполлона на Палатине см. примеч. 145.

Илл. VIII.8.5. «Мраморный Феб»

Илл. VIII.8.6. Фрагмент стопы
Аполлона

таков был замысел принцепса, о чем свидетельствует сообщение о торжественном открытии храма, окружавшего его священного участка и библиотеки в октябре 28 г. до н.э. (Dio LIII. 1. 3; cf.: Vell. II. 81. 3; Suet. Aug. 29. 3). Собрание книг известно под названием «библиотека Аполлона» (*bibliotheca Apollinis*) или как «Палатинская библиотека» (*bibliotheca Palatina*)¹⁴⁹. Она состояла из двух отделов, греческого и латинского, каждое помещение размером 19,5×17,5 м (иногда говорят о двух библиотеках, составлявших единый комплекс). Это была первая общедоступная государственная библиотека в истории¹⁵⁰. Поскольку

¹⁴⁹ Сравн. раздел IV.7, где говорится о значении библиотеки как центра интеллектуальной жизни в связи с литературными и научными интересами самого принцепса, а также о личной библиотеке Августа. Там же указана литература.

¹⁵⁰ Известны государственные архивы и библиотеки на Востоке, в т.ч. в Месопотамии и в эллинистических центрах (Александрия, Пергам и др.). Но они, судя по всему, были доступны лишь узкому кругу людей. Замысел открыть в Риме публичные греческие и латинские библиотеки принадлежал Юлию Цезарю, который поручил разработку и осуществление проекта М. Теренцию Варрону. План не был воплощен из-за гибели Цезаря (Suet. Iul. 44. 2). Первую публичную библиотеку в Риме открыл в 39 г. Азиний Поллион. Она находилась недалеко от форума Цезаря при храме богини Свободы (*atrium Libertatis*). Согласно Плинию Старшему, это была первая публичная (но не государственная) библиотека в мире (Plin. n. h. VII. 115; XXXV. 10). О библиотеках античного мира см.: Борухович В. Г. В мире античных свитков. Саратов, 1976.

она находилась под покровительством Аполлона, ее также обозначали как *templum sanctus locus*¹⁵¹.

На единой фактически территории священного участка и Дома Августа осуществлялась своего рода интеграция религиозного, политического и интеллектуального центров государства. Эта традиция не получила развития при непосредственных преемниках основателя Империи. Все же известно, что библиотека Аполлона, заново отстроенная Домицианом, функционировала до пожара 363 г., уничтожившего ее вместе с храмом (Amm. XXIII. 3. 3). Из одного письма Марка Аврелия следует, что он активно пользовался Палатинской библиотекой (Fronto ep. ad M. Caes. IV. 5). Таким образом, этим воздухом дышал по крайней мере еще и последний из череды просвещенных правителей основанного Августом государства¹⁵².

Неясным остается вопрос о том, был ли на Палатине построен новый храм Весты. В 12 г. до н.э. Август стал верховным понтификом (*pontifex maximus*). Председатель главной жреческой коллегии должен был жить недалеко от храма Весты и её священного негасимого огня. Но в 14 г. до н.э. этот храм на Римском форуме был разрушен пожаром. Тогда палладиум Афины и другие святыни были перенесены на Палатин. Существует мнение, что там построили и новый храм Весты, который вошел в комплекс Дома Августа¹⁵³. Оно основано на словах Овидия о том, что *Domus* состоит из трех частей. Одна из них принадлежит Фебу, вторая Весте, оставшуюся третью Цезарь удерживает для себя¹⁵⁴. Но высказываются также обоснованные сомнения. Так, М. Томеи приводит весомые аргументы в пользу того, что Овидий имел в виду посвященный Весте участок в пределах *Domus Augusti*, а именно, криптопортик, издавна связывавший Палатин с домом весталок и храмом Весты через *scalae graecae*¹⁵⁵. Возможно, там располагался алтарь, посвященный богине.

В 3 г. н.э. часть Палатина захватил очередной пожар. Выгорел храм Великой Матери, который затем отстроили заново. По-видимому, тогда же, в ходе

С. 152–213. Список публичных и частных библиотек античного мира см.: Ильинская Л. С. Античность. Краткий энциклопедический справочник. М., 1999. С. 340–342. Единственная частично сохранившаяся из этих библиотек найдена на Вилле папирусов. См.: Немировский А. И. Вилла папирусов в Геркулануме и ее библиотека (обзор) // ВДИ. 1991. № 4. С. 170–182; его же. Нить Ариадны. М., 2007². С. 356–360, с примеч. 51 на с. 426.

¹⁵¹ Ovid. trist. II. l. 59–68. См. также: Balensiefen L. Bibliotheka Palatina... S. 100 f.

¹⁵² Сравни упоминания о школе юристов в библиотеке Аполлона (Schol. Iuv. l. 128), а также о библиотеке в палатинском дворце Тиберия (Gell. XII. 20. 1; Fronto ep. IV. 5). Cf.: Preisendanz K. Bibliothek(en) // KP. Bd. I. 1964. Sp. 893, 895.

¹⁵³ Platner S., Ashby Th. Op. cit. 1929. P. 557 (алтарь). Мнение о наличии храма Весты на Палатине см.: Guarducci M. // RM. Bd. 78. 1971. P. 73 ff., 89 ff.; Cecamore C. // BullCom. T. 96. 1994–5. P. 9 ff. etc. Cf.: Tomei M. A. Die Residenz des ersten Kaisers... S. 17 mit Anm. 64 f.

¹⁵⁴ Ovid. fast. IV. 951 sqq.: *Phoebus habet partem, Vestae pars altera cessit / quo superest illis, tertius ipse tenet*.

¹⁵⁵ Ovid. fast. VI. 395 sqq., cf.: Tomei M. A. Die Residenz des ersten Kaisers... S. 17 mit Anm. 69 f.

Илл. VIII.8.7. Терракота с Палатина со сценой борьбы Аполлона и Геракла за священный треножник (см. также цветную илл. 16)

перепланировки прилегающего ареала, перестроили храмы богини Виктории, а также Луперкалий. Деньги жертвовали граждане всех сословий¹⁵⁶. В то же время по стилю живописи можно установить, что сохранившиеся фрески как в «Доме Ливии», так и в жилом Доме Августа пережили этот пожар. Эти и другие сведения

позволяют заключить, что жилой комплекс включал многочисленные постройки помимо тех, которые известны как «Дом Ливии» и «Дом Августа».

Среди источников, которые позволяют получить дополнительные сведения о *Domus Augusti*, особое значение имеет т.н. «Цоколь из Тарента» — остатки сооружения, представляющие собой украшенные рельефами массивные каменные блоки. По всей видимости, это сохранившееся основание алтаря Рому и Августа. На левой узкой стороне изображен фасад Дома Августа на Палатине. Два эрота держат над дверью *corona civica*. Там же изображен Ромул с Рогом изобилия, что соответствует топографической близости дома к хижине Ромула. Справа от него Марс, слева Венера — оба божественных родоначальника Рима. На одной из длинных сторон слева — процессия из пяти весталок, справа — богиня Веста рядом со своим круглым храмом. На отсутствующей средней части мог быть Август, передающий богине Палладиум. На второй узкой стороне — Аполлонова триада: Латона (или Лето) и ее дети, Аполлон и Диана (сравн.: Plin. n. h. XXVI 24 sq., 5. 32). У ног Латоны сидит Кумская Сивилла, опираясь на урну с прорицаниями. Одно из них, как сообщает традиция, указывало на Октавиана как на будущего властителя. На единственном сохранившемся от второй длинной стороны блоке — Великая Матерь (богиня Кибела). Она

¹⁵⁶ Светоний приводит данный факт как свидетельство всенародной любви к принцу (Suet. Aug. 57. 2; cf.: Dio LV. 12. 4–5).

показана на троне с двумя львами по бокам, сопровождаемая танцующим корибантом (куретом).

Вслед за литературно-исторической реконструкцией Вергилия и концепцией форумов, согласованной с изысканиями Тита Ливия, постройки Августа на Палатине демонстрировали его причастность к «римскому мифу». Становилось очевидным без слов, что власть принцепса отвечает исторической миссии Рима, имея божественный источник.

Раскопки Дома Августа на Палатине далеко не завершены, ряд вопросов требует дополнительного изучения. Тем не менее вырисовывается все более полная картина *Palatina domus*. Это был обширный архитектурный комплекс, включавший как жилые помещения для принцепса, членов его семьи и «друзей»¹⁵⁷, так и здания государственного назначения, а также культовые постройки. В них отразились некоторые, иногда трактуемые как противоречивые, черты нового общественного порядка. Они указывают на промежуточный, переходный характер Августова принципата. Основу жилых помещений составили дома римской знати, купленные Октавианом-Августом как частным лицом. На этом этапе своей карьеры юный наследник Цезаря стремился представлять себя как один из аристократов. Внешний вид и внутренняя планировка принципиально не отличались от вилл римских богачей того времени¹⁵⁸. Первоклассные росписи отвечали хорошему вкусу принцепса и соответствовали его финансовым возможностям. Но внутри жилого дома не было ничего, что можно было бы считать чрезмерной роскошью. Это соответствовало «древней простоте» находившейся в нескольких метрах хижины Ромула, хоть с поправкой на новые времена и возможности. Как отметила Б. Тамм, Август превратил в свой дом в своеобразный музей, в котором должна была демонстрироваться его «республиканская» скромность и приверженность римским традициям¹⁵⁹. На это указывало

¹⁵⁷ О жильцах Дома Августа см.: Winterling A. *Aula Caesaris*... S. 50 ff. В этой же работе специальная глава посвящена классификации «друзей» императоров в период Ранней Империи. Автор считает, что уже с установления принципата можно выделить три категории *amici* правителя: (1) *familiares* – ближайшее окружение, начиная с членов семьи; (2) те, с кем император тесно общался по делам, и (3) представители аристократии, которые регулярно приветствовали императора (*salutatio*), демонстрируя тем самым лояльность. Если первые две категории были связаны с правителем лично, то характерная для новой эпохи третья категория отличалась дружной «неперсонального» характера (ibid. S. 161–194, bes. 193). Bleicken J. *Augustus*. S. 418–426 und 736 f.

¹⁵⁸ Сравн. описание Витрувием *privata aedificia* римских нобилей, где должно было найтись место как для занятий общественными (*publica consilia*), так и частными делами (*privata iudicia arbitriaque*). Сюда включались открытые места для всех желающих, в т.ч. неприглашенных, просторные залы, перистилы, парки (*silvae*) для прогулок, библиотеки, базилики и другие общественные постройки (Vitr. de arch. VI. 5. 1 sq.). О практическом воплощении подобных проектов см., напр.: Wallace-Hadrill A. *The social structure of the Roman house* // idem (ed.). *Houses and society in Pompeii and Herculaneum*. Princeton, 1994. P. 1–61, esp. p. 10 f.

¹⁵⁹ Tamm B. *Auditorium and Palatium*. P. 49. Дом Августа на Палатине не был, как его часто называют, дворцом в собственном смысле слова, сравн.: Токарев А. Н. Становление... С. 164.

уже местоположение комплекса, занимавшего значительную часть территории *Roma quadrata*¹⁶⁰. Это хорошо согласовывалось с литературно-исторической реконструкцией Вергилия, концепцией «галереи героев» и результатами изысканий Ливия, отвечая политическому курсу Августа.

В доме Августа на Палатине, как и в других рассмотренных нами памятниках, очевидны разнородные элементы. Они образовывали постоянно меняющееся, но единое целое. В противоположность относительной скромности жилого дома, принцепс ничего не пожалел для строительства и украшения общественных построек, особенно храмов. Это бесспорно соответствовало «республиканскому» курсу. Но было и нечто, выводившее Палатинский дом за рамки частного жилища, пусть и очень богатого. Люди и боги занимали здесь общую территорию — *domus Augusti*. Верховный понтифик должен был жить в государственном помещении, поэтому часть его *domus* (или весь комплекс) была передана в собственность *rei publicae*¹⁶¹. На входе в резиденцию висели дарованные принцепсу сенатом дубовый венок и лавровая ветвь на дверях¹⁶². В *vestibulum*, перед входом в атрий, была прикреплена надпись “PATER PATRIAE” (RG 34 sq.; Dio LIII. 16. 4). Это размещение под одной крышей, или точнее, на одном участке, личного, общественного и государственно-сакрального было явлением новым и для Рима необычным (см. также цвет. илл. 17).

Аполлон жил в *domus Augusti*, а принцепс находился под покровительством божества. Вместе со всеми другими «мелочами» это придавало комплексу особый характер. На Палатине осуществлялись официальные акции. Наряду с традиционными местами принятия политических решений (*Capitolium, forum Romanum, curia, comitium*) и отчасти замещая их, складывался еще один центр государственного культа и власти. Августова *domus Palatina* еще не была дворцом (*palatium*). Но она была окружена очевидной для всех аурой исключительности, притом что фундаменты новой резиденции опирались на почву «древней республики». В других условиях эти полюса могли стать центрами притяжения противоречий и привести к новой гражданской войне. При Августе, благодаря его способности нащупать нерв

¹⁶⁰ М. А. Томеи, указывая на ведущие к *Domus Augusti* входы (*Porta Romana, Porta Mugonia, Scalae Caci*) и ряд других пунктов, настаивает на том, что владения Августа охватывали весь «четырёхугольный Рим», заложенный Ромулом (Tomei M. Die Residenz... S. 17).

¹⁶¹ Dio LIV. 27. 3; cf. LV. 12. 5 (Xiph.); Ovid. fast. IV. 949 ff., — в частн., о единстве храмов Аполлона и Весты с домом Августа, который также входит в число богов. О том, что все постройки в пределах *Domus Augusta* представляли собой некое единство, сообщает также Иосиф Флавий (Jos. ant. iud. XIX. 117), который тем не менее различает Дом Августа в целом и «дом в доме», где жил собственно принцепс. См.: Winterling A. Aula Caesaris. S. 54 ff. (Haus im Haus).

¹⁶² Этот вход на Палатин, а затем дубовый венок (уподобляющий дом жилищу Юпитера) и растущий там лавр описывает Овидий, представляя воображаемую прогулку его книги по Риму: Ovid. trist. III. 1. 27 sqq.

общественных настроений, они образовали единый магнит, стягивая Рим, Италию и провинции в единую Империю.

Значение дома Августа на Палатине можно в полной мере оценить лишь в исторической перспективе. Уже в течение I в. н.э. холм становится из места, где селилась римская знать, территорией, зарезервированной исключительно для императорских построек. При этом отклонения от заложенной Августом линии демонстрируют органичную связь архитектуры с политикой. Чтобы не забегать слишком далеко вперед, укажем на Нерона — последнего из Юлиев-Клавдиев. «Деспотические» тенденции последних лет его правления однозначно корреспондируют со строительством Золотого дома вне Палатина. Эксцентричные эксперименты (также в области архитектуры) привели к падению династии и гражданской войне. Флавины демонстративно порвали с этим курсом. В частности, был снесен Золотой дом, императорская резиденция возвращена на Палатин. Веспасиану удалось стабилизировать власть, обратившись к отказу от роскоши и экономии, к восстановлению разрушенного в гражданской войне. Заложенная основателем принципата политическая линия и потом не раз помогала найти ориентир для укрепления государства.

Резиденции императоров стали важным элементом системы власти. *Domus Augusti* положила начало не просто, так сказать, архитектурному жанру в Риме. Был основан институт императорского двора со всеми его атрибутами. Двор начал с этого времени собственную историю, став существенным фактором государственной жизни¹⁶³. В литературе обсуждается вопрос: можно ли считать комплекс дома Августа, состоявший из *complures domus*, или *palatia*, настоящим дворцом. Вначале прислушаемся к современникам. В течение первых десятилетий принципата в отношении нового феномена употребляется слово *domus*, которое известно со времен Республики. Часто его сопровождают различные определения: *Augusta* в надписях, а также у Овидия, Валерия Максима и в «Октавии» Сенеки¹⁶⁴, *principalis* у Сенеки, *sacra* у Стация, *principis* у Плиния Младшего, *regnatrix*, *principis*, *principum*, *Caesaris*, *Caesarum* у Тацита, *Caesarum* также у Светония и др.¹⁶⁵. В период правления Клавдия у Сенеки впервые всплывает в применении к римскому императору и его двору также слово *aula* (Sen. ira II. 33. 2; tranq. an. VI. 3; ep. XXIX. 6 etc.). Начиная со времени Нерона и Флавиев, слово использовалось

¹⁶³ Этот аспект становления принципата как монархии глубоко и всесторонне рассмотрен А. Винтерлингом: Winterling A. *Aula Caesaris*. Pass., где можно найти исчерпывающие указания на источники и литературу.

¹⁶⁴ Ovid. ep. ex Pont. II. 2, 74; Val. Max. II. 8. 7, 8. 15 praef.; Tabula Siarensis fr. I. Z. 10, fr. II b Z. 22; Senatus consultum de Cn. Pisone patre Z. 33. 161; Sen. Oct. 168.

¹⁶⁵ Sen. Polyb. II. 4; benef. VI. 32. 1; Stat. silv. V. 1.85 sq.; Plin. Paneg. 47. 6; *domus regnatrix*: Tac. ann. I. 4. 4; *principis*: II. 40. 3, IV. 52. 1, XI. 28. 1, XII. 1. 1; *principum*: XIII. 47. 1; *Caesaris*: II. 34. 2; hist. II. 92. 3; *Caesarum*: ann. I. 10. 5; Suet. Galba 2. См.: Winterling A. *Aula Caesaris*. S. 196. Там же (примеч. 10) приводятся пассажи, где *domus* обозначает фамилию императора.

также поэтами. Со II в. оно вошло уже в общее словоупотребление, вытеснив (в значениях «дворец», «двор», «семья») *domus* в применении к императорскому дому. Можно заметить, что заимствование греческого слова *aula* и закрепление в качестве специфического термина политического словаря происходило параллельно формированию принципата и институализации императорского двора на Палатине¹⁶⁶.

Постепенно слово *Palatium*, которое первоначально было только названием одного из холмов, приобретало значение «императорский дворец». В литературе распространено мнение, что впервые в новом значении — «императорский дворец» — употребил его Овидий в «Метаморфозах». Поэт описывает Млечный путь, и, говоря о местонахождении Юпитера и великих богов на небе, продолжает:

*Это-то место — когда б в выражениях был я смелее —
Я бы назвал, не боясь, Палатином великого неба*¹⁶⁷.

Многие исследователи усматривают в небесных *palatia* Овидия метафорическое изображение императорских построек на Палатине¹⁶⁸. Э. Винтерлинг, подробно анализируя весь пассаж (Ovid. met. I. 168–176), приходит к заключению, что поэт имел в виду не «дворец» в нарицательном значении. Говоря о «небесном Палатиуме», Овидий сравнивал ситуацию на небесах с известной ему на римском холме, где, наряду с уже господствовавшим Домом Августа, еще оставалось множество построек римских нобилей. Лишь в правление Домициана, когда императорские дворцы полностью заняли всю территорию холма, произошло отождествление их названий в принятом тогда словоупотреблении. В значении «императорский дворец» бесспорно использовали *palatium* поэты Стаций (ок. 40–95/6), Марциал (ок. 40–104) и Ювенал (ок. 60 – ок. 130)¹⁶⁹. В последомициановское время (с 98 г.) новое употребление термина *palatium* все чаще встречается также в исторической прозе (Тацит, Светоний и др.), а со времени Северов Палатиумом называется также местонахождение императора за пределами Рима (Dio LII. 16. 6 etc.). В отличие от Э. Винтерлинга, М. А. Томеи категорически настаивает на том, что «Овидий характеризует *domus Augusti* в сочета-

¹⁶⁶ Об употреблении слова *aula* см.: Tamm B. *Aula regia* // Stockholm studies in classical archaeology, Opuscula 5. Stockholm, 1968. P. 135–243; Winterling A. *Aula Caesaris*... S. 196–203.

¹⁶⁷ Перевод С. В. Шервинского, в оригинале: *hic locus est, quem, si verbis audacia detur, haud timeam magni dixisse Palatia caeli* (Ovid. met. I. 175 sqq.).

¹⁶⁸ См. Ziegler K. *Palatium*. S. 9 f.; Tamm B. *Auditorium and palatium*... P. 58 f.; Viarre S. *Palatium "Palais"* // Revue de philologie de littérature et d'histoire anciennes. Vol. 35, fasc. II. 1961. P. 241–248, p. 241; P. Ovidius Naso. Buch I–III. Komm. von F. Bömer. Heulelberg, 1969. S. 81; Royo M. *Domus imperatoria: Topographie, formation et imaginaire des palais impériaux du Palatin*. Rome, 1999. P. 99.

¹⁶⁹ Stat. silv. I. 1. 34, IV. 1. 8; Mart. epigr. IV. 5. 7, IX. 91. 3; Iuv. II. 106, IV. 31 etc.

нии с *Roma quadrata* как «достойную бога» и впервые применяет термин *palatium* в значении «дворец». Кассий Дион даже сообщает, что Октавиан, принимая в 27 г. до н.э. титул Августа, жил в *regia* (*tà basileia*), которая называлась “*Palàtion*”¹⁷⁰. Но как и в других случаях, когда речь идет о смысловых нюансах, следует иметь в виду, что этот историк жил в совсем иное время.

Разногласия по частному вопросу отражают объективно имевшую место двойственность — переходный характер Дома Августа на Палатине. Специфика резиденции первого принцепса очевидна в сравнении как с особняками римских нобилей, так и с последующими «настоящими» дворцами, в частности, Домициана. Особый характер «Дома Августа» связан уже с историей его возникновения. Это был путь от приобретения отдельных участков и домов — к формированию значительного по размерам комплекса, занимавшего историческое ядро Города, от одного из строений, принадлежавших влиятельнейшим и богатейшим гражданам — к резиденции богов и покровительствуемого ими правителя Империи.

Одновременно с увеличением количества построек и занимаемого ими пространства рос императорский двор¹⁷¹. Он состоял не только из семьи правителя с ее личной прислугой. В Доме Августа ежедневно принимались решения, касающиеся многих стран и народов, живших в разных уголках огромной державы. В этом императору должны были содействовать не только многочисленные «друзья», советники, клиенты, но также собственные рабы и отпущенники. С их помощью Август вел переписку с наместниками и полководцами, они обрабатывали донесения из всех концов известного мира, пересчитывали население и налоги, следили за поступлением денег в казну и расходами. В небольших комнатах и залах, в портике и в библиотеке, на ступеньках храма, в двориках и переходах — а не в курии и тем более не на роскошных форумах — обсуждались с магистратами и сенаторами, наместниками провинций и полководцами, посланниками городов и царей проблемы, жизненно важные для десятков миллионов людей. На Палатине, а не на Римском форуме и не в курии решались судьбы Империи. Со временем обсуждение государственных проблем перемещалось в частные покои не только Августа, но также приближенных, особенно супруги правителя. Кроме ее дома на Палатине, местом принятия политических решений стала вилла Ливии, остатки которой раскопаны в Прима Порты. О значении этой загородной

¹⁷⁰ Tomei M. A. Die Residenz... S. 17 mit Anm. 81–83 an S. 178. См.: Ovid. trist. IV. 2. 1 etc.; Dio LIII. 16. 5. Свидетельство Кассия Диона, записанное спустя примерно 250 лет, нельзя считать надёжным. Тем более, что оно относится ко времени начала формирования нового режима — к 27 году до н.э.

¹⁷¹ Тема социально-политической роли императорского двора разрабатывается А. Винтерлингом и рядом других учёных: Winterling A. *Aula Caesaris...*; id. U. a. (hrsg.). *Die Kaiserpaläste auf dem Palatin in Rom: neue deutsche Forschungen*. Berlin, 2007; Winterling A. (Hrsg.). *Zwischen “Haus” und “Staat”: antike Höfe im Vergleich*. München, 1997 etc. О «друзьях» императора см. также: раздел IV.7 со сноской 169.

резиденции говорят найденные там, помимо самого известного изображения Августа, первоклассные росписи (см. раздел VII.8 и цветные илл. 19 и 20).

VIII.9. Эволюция «республиканско»-имперской образности

Создававшийся имидж нового государства и его правителя не был ни чистым продуктом свободной фантазии заказчика и художников, ни односторонним оружием правительственной пропаганды. Лозунги и образы отвечали ожиданиям современников, а распространявшиеся идеи в большей или меньшей мере усваивались общественным сознанием. Имело место некое, пусть несимметричное, взаимодействие. Поэтому наблюдения за идеологической политикой правительства могут выявить существенные характеристики как режима, так и общества.

Наличие локальных вариантов культов, учреждений и изображений отвечало историческим условиям и местным обычаям. Имидж правителя должен был учитывать вкусы, принятые эстетические нормы, настроения. Эффективное сотрудничество власти с обществом требовало постоянного диалога. В различных регионах Империи добровольно, с энтузиазмом следовали столичным образцам, опираясь на местные традиции. Создание Империи было процессом с обратной связью, изменения в идеологии шли рука об руку с перманентными корректировками правил политической игры. В конечном счете это сказывалось на методах управления и политической культуре.

Создание нового государственного устройства было не единовременным актом, а процессом, что прослеживается по всем линиям развития. Сам основатель режима, по его собственному выражению, «поспешал, не торопясь» (сравн.: Suet. Aug. 25. 4). Он хорошо чувствовал дух времени и срывал только созревшие плоды. По очередным мероприятиям Октавиана-Августа можно судить не только о его намерениях и об эволюции режима, но и о готовности общества к изменениям¹⁷².

Август не скрывал своих претензий на исключительное положение в «восстановленной республике». Но в его мероприятиях не было вызова общественному мнению. При этом эволюционировали представления принцепса и его сограждан о возможном и необходимом, соответственно — содержание, методы, художественное воплощение идеологической полити-

¹⁷² Дайана Фавро выделяет три фазы развития имиджа Августового Рима: I, 44–29 гг. до н.э. — фрагментированный город; II, 29–17 гг. — возрожденный город; III, 17 г. до н.э. — 14 г. н.э. — консолидация (Favro D. Making Rome a world city. P. 80, cf.: id. The urban image of Augustan Rome. Cambr., 1996 (repr. 1998). Принципиально не отличаются периодизации Ф. Коарелли и Г. фон Гесберга: Coarelli F. Rom. Die Stadtplanung von Caesar bis Augustus; Hesberg H. Die Veränderung des Erscheinungsbildes der Stadt Rom unter Augustus // Heilmeyer W.-D. u.a. (hrsg.). Kaiser Augustus... S. 68–80; 93–115.

ки. Это отразилось в самых различных сферах: законотворчестве и литературе, изобразительном искусстве и архитектуре.

Строительная деятельность Августа, конечно, содержала политический аспект. С установлением нового режима поменялся персональный состав крупных заказчиков. В эпоху Республики это были магистраты. При вступлении в должность цензор получал в свое распоряжение утвержденную сенатом сумму. Она предназначалась для важнейших сооружений: ремонта и строительства городских стен, мостовых, водопроводов, клоак, общественных зданий и храмов. Проекты подлежали утверждению сената¹⁷³. В качестве исключения необходимые работы, например, строительство дороги, мог осуществить консул. Соорудить храм имел право триумфатор из своей доли военной добычи, а также эдил из собранных им штрафов. Сенат также был уполномочен дать указание о строительстве храма, выдать от своего имени подряд и затем принять работу.

В период гражданских войн, особенно после Суллы, строительство почти прекратилось, одной из причин было отсутствие цензоров. Исключением был грандиозный «театр Помпея», сооруженный триумфатором за счет огромной добычи в Малой Азии. Это был огромный комплекс, в который также входили храм Победоносной Венеры (*Venus Victrix*), портики, курия и другие сооружения. Он строился официально как святилище, поскольку возведение постоянных театров было тогда еще запрещено. Чаша Амфитеатра длиной 150 м и высотой 45 м имела 40000 сидячих мест¹⁷⁴. Грандиозные проекты Цезаря имели еще меньше общего с республиканской практикой как по процедуре принятия решения о строительстве, так и по содержанию.

Октавиан начал продвижение на политический Олимп (так же действовал он и в дальнейшем) одновременно в разных сферах. Не осталось вне его внимания и городское пространство. Триумвир обозначал свое присутствие в узловых пунктах Рима. На Форуме была увековечена память его приемного отца. Приобретая жилье на Палатине, наследник Юлиев приобщался к элите римского общества — нобилитету. Это не помешало ему, опираясь на поддержку армии и городского плебса, сделать этой элите беспрецедентное кровопускание.

Очередной шаг в освоении идейного поля «республики» был обусловлен соперничеством триумвиров. Решение о строительстве мавзолея, по-видимому, стало ответом на завещание Антония. Примером борьбы за присутствие в городском пространстве может быть строительство храма Аполлона в южной части Марсова поля, предпринятое сторонником Антония, Г. Со-

¹⁷³ См. Liv. XLI. 27. 5 sqq., где отмечено отклонение от этого правила.

¹⁷⁴ Plin. n. h. XXXVI. 115. См.: Hill D. K. The temple above Pompey's theatre // CJ. Vol. 39. 1943/44. P. 360–365; Étienne R. La curie de Pompée et la mort de César // Festschrift J. Carcopino. P., 1977. P. 71–79; Gagliardo M. C., Packer J. E. A new look at Pompey's theater. History, documentation, and recent excavation // AJA. Vol. 110. 2006. P. 93 ff.

зием. Начало относится к 34 г. до н.э. и было ответом на провозглашенное Октавианом в 36 г. сооружение храма Аполлона на Палатине. Триумфатор Созий построил храм на средства от добычи в кампаниях в Иудее, где он захватил Иерусалим и восстановил на престоле Ирода. Заслуживает внимания, что хотя Созий до последней возможности сражался на стороне Антония, он был не только помилован, но и получил возможность довести строительство до конца и таким образом увековечить свое имя. Храм из лунийского мрамора был освящен в 20 г. до н.э.¹⁷⁵ Это было проявлением «милосердия» и «великодушия» Августа, и все же исключением, а не проявлением правила.

Бывшие сторонники Антония могли принять участие в строительной программе только после того, как Август убеждался в их достаточной лояльности. На стороне Антония сражался Л. Мунаций Планк, справивший триумф над Рецией в 43 г. и давший тогда обет заново отстроить храм Сатурна. Завершить строительство он смог лишь после того, как перешел к Октавиану¹⁷⁶.

В основном Октавиан-Август допускал к крупным строительным проектам, привлекал к участию в восстановлении храмов и в благоустройстве города людей, лояльных по отношению к режиму. Они охотно принимали участие в осуществлении планов своего вождя и принцепса. Гней Домиций Кальвин заново отстроил Регию на Римском форуме (36 г.). Гай Азиний Поллион после триумфа (39 г.) построил Атрий Свободы (*atrium Libertatis*), в котором разместил первую публичную библиотеку в Риме, с латинским и греческим отделениями. Ее украшали статуи выдающихся авторов (Plin. n. h. VII. 115, XXXV. 9–10). Т. Статилий Тавр в 30/29 гг. возвел амфитеатр после своего африканского триумфа (34 г.). Л. Марций Филипп в 33 г. справил свой триумф по случаю побед в Испании и ему, как сводному брату Августа, было доверено восстановить святилище Геркулеса Мусагета и окружить

¹⁷⁵ Ранее там уже стоял храм Аполлона Медика, освященный в 431 г. в честь избавления римлян от мора. Он находился на Марсовом поле рядом с Фламиниевым цирком. При строительстве театра Марцелла новостройку Созия вынуждены были на несколько метров перенести. Плинию Старшему храм был известен как *templum Apollinis Sosiani*. В нем были выставлены известные произведения искусства, в т.ч. статуя Аполлона и скульптурная группа Ниобид, выполненная Праксителем или Скопасом. (Plin. N. h. XIII. 53, XXXVI. 28). См.: La Rocca E. Der Apollo-Sosianus-Tempel // Heilmeyer W.-D. (ed.). Kaiser Augustus... S. 121–135; Viscogliosi A. Die Architektur-Dekoration der Cella des Apollo-Sosianus-Tempels // ibid. S. 136–148 etc.

¹⁷⁶ Луций Мунаций Планк (90/85 — после 15 г. до н.э.) служил ещё под началом Юлия Цезаря. После его смерти голосовал за амнистию убийцам (Plut. Brut. 19). В сентябре 43 г. перешёл на сторону триумвиров, к Антонию (App. b. c. III. 399; Dio XLVI. 53. 2). Покинул Антония отчасти из убеждений — ему не понравилось поведение того при дворе Клеопатры (Plut. Ant. 58). В мае 32 г. перешел к Октавиану (Dio L. 3. 1; Vell. II. 83. 2). Это он сообщил Октавиану о содержании завещания Антония (Plut. Ant. 58). 16 января 27 г. Мунаций Планк внёс на заседании сената предложение о присвоении Октавиану почётногo имени «Август» (Vell. II. 91. 1; Suet. Aug. 7. 2; Dio LIII. 16. 6). О восстановлении храма Сатурна: CIL VI. 1316; Suet. Aug. 29. 5. См.: Grosse R. Munatius 4 // KP. Bd. 3. Sp. 1461 f.; Watkins T. H. L. Munatius Plancus. Serving and surviving in the Roman revolution. Atlanta, GA, 1997.

его портиком (Suet. Aug. 29. 5, где перечислены и многие другие постройки; Martial V. 49. 12). Л. Корнифиций построил храм Дианы на Авентине после триумфа 32 года. После своего триумфа над гарамантами (19 г.) Корнелий Бальб построил в 13 г. до н.э. театр.

Кульминация правления Августа относится ко 2 г. до н.э. В начале года, 5 февраля, Август был удостоен титула *pater patriae*. В облике Города это событие было запечатлено на форуме Августа. В нем была увековечена концепция «восстановленной республики» как наследницы римской славы, а также сам Август как её спаситель и гарант. Когда 12 мая 2 г. до н.э. Август вместе со своими приемными сыновьями, Гаем и Луцием, открыл храм Марса Ультора, на цоколе квадриги посреди нового форума уже должна была красоваться надпись с посвящением Отцу отечества. Доминировавший на форуме храм символизировал не только исполненный долг по отношению к Цезарю, но и, вместе с изображением Августа как триумфатора в центре площади, — военное могущество императора, его роль вождя народов. Тогда же Август от имени Гая и Луция заложил рощу на правом берегу Тибра. Там, на искусственном озере, куда вода поступала из нового акведука (*aqua Alsietina*), инсценировали грандиозное зрелище битвы греков с персами при Саламине. Это было еще одно указание на то, что Рим становился мировой столицей.

Имена Гая и Луция были запечатлены на новом портике перед базиликой Эмилия, а также на вновь после очередного пожара отстроенной базилике Юлия на Римском форуме. Когда обоих предполагаемых наследников постигла безвременная смерть, Август усыновил Тиберия (в конце июня 4 г. н.э., вместе с Агриппой Постумом). Хотя сын Ливии был уже известным полководцем, имевшим немало заслуг перед государством, Август и тут не пренебрег возможностями повышения его популярности, которые давало участие в общественных постройках. Тиберий заново отстроил храмы Диоскуров (6 г. н.э.) и Конкордии (10 г. н.э.).

В последние полтора десятилетия единоличного правления градостроительная активность Августа ослабла. Были исчерпаны огромные средства, которыми он располагал после захвата Египта. В 12 г. до н.э. умер Агриппа, который был способен самостоятельно осуществлять крупные градостроительные проекты. Постройки, задуманные Августом как первоочередные, были успешно завершены. Видимо, непрерывные славословия и отсутствие действенной оппозиции вселили некоторую уверенность в прочности достигнутого положения. Вместе с усталостью это также умерило энергию предприимчивости. Слабое здоровье и возраст заставляли больше думать о возможных сценариях передачи власти и наследниках. Но притязания Августа, несмотря на проблемы в семье или поражение на северных границах, не стали скромнее. В «Деяниях», как и в языке архитектуры и искусства,

становились все более явными претензии на господство в «круте земель». В них нашли свое продолжение имперские амбиции полководцев Республики, особенно Помпея и Цезаря.

Самопрезентация основателя принципата отражает как равнение на «республиканскую» традицию, так и возвеличивание собственной персоны и заслуг. Не было ли здесь противоречия? Могло ли второе восприниматься как вызов традиции и проявление «тирании»? Если бы такая опасность существовала, Август умерил бы свои претензии или постарался бы их скрыть (согласно «теории фасада»). Пропагандистская политика Августа явно противоречит такому предположению. Титулы, полномочия, почетные прозвища, грандиозные постройки, изображения принцепса, как и перечисление собственных заслуг в «Деяниях», — всё это совершенно откровенно демонстрировало особое положение в государстве. Не заметить разнообразных проявлений богатства, влияния и власти принцепса было невозможно. Этому способствовали также выдающиеся художественные достоинства (произведения поэтов «золотого века» или Алтарь Мира), размеры (форумы, храмы, мавзолей), как и массовое распространение (монеты, алтари, статуи). Они восхищают, но часто также приводят в недоумение тех, кто хочет уяснить для себя сущность режима.

Современники Августа, восхищаясь его свершениями, не видели в самовосхвалении ничего противоестественного. Изменения происходили в рамках старых традиций, а потому не осознавались как переворот или узурпация власти. В конце концов, все республиканские принцепсы тоже стремились прославиться, выделиться, завоевать популярность, быть хоть на шаг впереди других. Августу это удалось лучше, он превзошел всех предшественников — но от этого Рим стал чище и лучше, светлее и красивее, жить стало удобней и веселей. Все говорило о том, что принцепс (он же *servator, rector, imperator*) служил Римскому народу. «Восстановленная республика» не оставалась лозунгом — она была у всех перед глазами.

Так же не следует абсолютизировать противоречие между «полисным» и «имперским» содержанием правительственной пропаганды. Рим обустроивался для граждан и одновременно становился достойным статуса столицы огромной империи. В Городе постоянно находились заморские купцы, появлялись делегации из далёких стран, люди, одетые в непривычные одежды и громко говорившие на непонятных языках, энергично жестикулируя руками. Это никому не мешало — ведь Рим изначально был городом пришельцев. Главное — из провинций текли нескончаемым потоком богатства, не говоря уже о хлебе насущном. Римлянам льстило, что Город стал настоящей столицей мира, признавался головой туловища,

состоящего из Империи (Liv. I. 16. 7; Plin. n. h. III. 38, XXVIII. 15). Граждане ощущали себя привилегированной частью неисчислимого населения «круга земель».

Внимательный наблюдатель мог бы заметить указания на размыкание границ померия, как в прямом, так и в переносном смысле. Август и Агриппа начали активно осваивать пространство Марсова поля. Не только потому, что там была свободная территория, но и поскольку вне древних границ Города можно было дать простор и волю своей архитектурной фантазии¹⁷⁷. Грандиозный мавзолей Августа вызывал ассоциации с царскими насыпями лидийской Анатолии, с круглой могилой Александра Великого и этрусскими *tumuli* Италии. Уже огромный масштаб этого сооружения говорил сам за себя¹⁷⁸. В 20 г. до н.э. Август поместил на Римском форуме «Золотой милиарий» *milliarium aureum*. Других подтверждений того, что все дороги ведут в Рим, не требовалось. Карта мира, составленная Агриппой и выставленная в *porticus Vipsania*, демонстрировала положение Города и размеры государства. Август создал *porticus ad nationes* со статуями, персонифицирующими все народы, начиная с копий кариатид Эрехтейона в Афинах¹⁷⁹. Вергилий изобразил Цезаря Августа у входа в храм Аполлона, принимающим дары разных народов, от Рейна — до Аракса и Евфрата (Verg. Aen. VIII. 720–728). Император часто представлялся правителем мира: в облике Нептуна (после Акция)¹⁸⁰, с копьем Юпитера, с изображением земного шара (как опора для ноги или в руках, как держава). Учреждение библиотек в Риме было подражанием эллинистическим царям и в то же время соревнованием с ними (Plin. n. h. XXXV. 10). Также привлечение греческих учителей, советников, помощников прокладывало дорогу космополитическим тенденциям, получившим развитие в последующие десятилетия.

Римский народ не обозначал пределов «империя», не ограничивал своих притязаний на господство. Центральное и привилегированное положение граждан в *orbis terrarum* подразумевалось само собой. Никто не ставил под

¹⁷⁷ Процессу освоения архитектурного пространства Марсова поля посвящено исследование: Albers J. Campus Martius... Постройки в этом районе Рима автор рассматривает как центральный элемент строительной программы Августа (S. 99–133), сравн.: Rehak P. A. Imperium and cosmos: Augustus and the northern Campus Martius (также мистическое истолкование сооружений).

¹⁷⁸ По словам Д. Фавроу, «это был памятник обращенный к миру, а не к городу (Favro D. Making Rome... // Galinsky K. (ed.). The Cambridge companion... Cambr., 2005. P. 244 f.

¹⁷⁹ Serv. Aen. VIII. 721. Этот символ космополитической Империи был не единственным. Плиний указывал на стоявшую перед некоей аркой статую Геркулеса (Plin. N. h. XXXVI. 39). Место установки этой арки неизвестно. Cf.: Barchiesi A. Learned eyes: poets, viewers, image makers // Galinsky K. (ed.). The Cambridge companion... P. 281–305, p. 282. Об имперских символах на Римском форуме см. также в разделе VIII.6.

¹⁸⁰ Hölscher T. Denkmäler der Schlacht von Actium — Propaganda und Resonanz // Klio. Bd. 67, 1. 1985. S. 81–102 (engl: Monuments of the battle of Actium: propaganda and response // Edmondson J. Augustus. P. 310–333).

сомнение «наилучшее» государственное устройство «восстановленной республики». «Мраморный Рим» становился идеальной кулисой для самых оптимистичных ожиданий. Вряд ли людей на форуме беспокоила мысль о том, что превращение Города в столицу мира означает также начало превращения государства в мировую Империю. Плебс не смущало могущество Августа, напротив — оно вселяло еще большую уверенность в будущем «вечного Рима».

IX. Метаморфозы идеи «республики» в век Империи

Илл. IX.1. Денарий
с изображением Луция
Юния Брута

1. Методологические замечания – 647
2. Басилеи и принцепсы – 650
3. Тацит, или как большое видится
на расстоянии – 654
4. О «революции в сознании»
и «республиканской оппозиции» – 663
5. Философия и показания поэтического
барометра – 673
6. «Помпеянство» и его лики – 699
7. Катон и Брут – опасные призраки
«свободной республики» – 716
8. Метаморфозы общественного
сознания и смена эпох – 733

IX.1. Методологические замечания

Изучение различных направлений деятельности Августа обнаруживает его неизменное внимание к общественному мнению. Очевидны немалые старания, направленные на формирование настроений. Но политика основателя новой римской государственности не дает оснований согласиться с расхожими штампами об искусном обманщике-пропагандисте. Подобные характеристики поверхностно трактуют усилия, требовавшие не только значительных средств, но также постоянного самоконтроля и самоограничения правителя. Отсутствие явных отклонений от избранного курса говорит о том, что идея «восстановленной республики» действительно составляла важный вектор деятельности правительства. В этой идее результативались установки не только Августа, но и основной массы римского гражданства.

Постоянное внимание к состоянию умов было условием успешной политики. Оно также соответствовало традиционным представлениям о значении «нравов» в самом широком смысле слова как основе римского могущества. В сущности, представления о первостепенной важности духовного здоровья народа не могут быть поставлены под сомнение, в каких бы терминах это ни формулировалось. Характер Римского государства времени Августа, как и любого другого, определялся не только наличием тех или иных учреждений, магистратов, а также их формальными полномочиями. Государственные институты действуют в соответствии с образом мыслей как функционеров, так и управляемых. Характер общества Августовского века определялся прежде всего сознанием людей — от императора до сенатора, офицера и рядового легионера, италийского крестьянина и столичного получателя раздач. Как они воспринимали и оценивали установившийся новый строй¹? В конечном счёте, это и является решающим для суждения о его сущности. Но возможно ли через две тысячи лет реконструировать

¹ Указанная формула соответствует уже цитировавшейся мысли Ф. Миллара: «Говоря о восприятиях и представлениях, мы говорим о важнейшем аспекте того, чем «была Римская империя»» (Millar F. State and subject... P. 40). Впрочем, трактовка Милларом некоторых «восприятий и представлений» вызывает существенные возражения, о чем сказано в разделе VIII.3, а также чуть далее, в разделе IX.1.

восприятие режима современниками и проследить изменения, которые не всегда осознавали даже они сами?

Дело не только в сохранности источников. Задача усложняется трудностями, обусловленными спецификой изучения менталитета. Вся римская система представлений о мире и обществе представляла нечто целое, отличавшееся от мировоззрения человека рубежа третьего тысячелетия. Частным аспектом возникающей проблемы является перенос (перевод) некоторых римских понятий в категориальную систему современной политологии и науки о государстве. Для того, чтобы избежать путаницы, следует опираться на инвариантные «индикаторы»². Задача заключается в нахождении таких акций и смыслов, которые однозначно интерпретируются благодаря историческому контексту. Будучи обнаруженным, подобный «индикатор» (или «метка») может быть использован как отправной пункт для дальнейших суждений и выводов.

Указанные индикаторы могут быть найдены также в сфере самопрезентации режима. Правительство применяло разнообразные идеи-образы для создания определённого имиджа. В центре презентации находились, с одной стороны, «восстановленная республика», а с другой — выдающиеся заслуги принцепса и императора, его личные достоинства и расположение бессмертных. При этом в Городе и Италии возвеличивание принцепса оставалось в смысловом поле традиции и «республики».

Мавзолей, неизмеримо превосходивший республиканские могильные памятники знати, был похож на древний этрусский тумулус, а связанные с его строительством патриотические ассоциации отталкивались от «изменнического» завещания Антония; египетские обелиски, отразив связь с солнечным Аполлоном, напоминали о победе римского оружия; форум Августа, затмив своим величием все прежние, был сделан для *populus Romanus* и прославлял древних «республиканских» героев, творцов «империи римского народа». Август был одним из них, причём самым выдающимся. Если кто-то ещё сомневался, что делом его жизни были защита и поддержка «республики», сохранение традиций, то оставленный принцепсом отчет о своих «деяниях» должен был развеять все сомнения. Черты «республиканизма» и традиционализма в области самопрезентации следует рассматривать как одно из подтверждений серьёзности всей программы *res publica restituta* со стороны правительства.

Содержание презентации режима выражало позицию правительства. Но не только. Опыт пропаганды первой половины XX века основывался на мнe-

² В данном случае «инвариантный» признак (индикатор, метка, показатель) — тот, который устанавливается не по специфической для данной эпохи терминологии, которая может менять свои значения, а надёжно узнаваемый по содержанию.

нии, что население — воспринимающая, пассивная сторона. В последующие десятилетия пришло новое понимание подобной деятельности как процесса с обратной связью. Как при выработке идеологии, так и при отборе средств её пропаганды, правительство Августа должно было учитывать ожидания гражданства, его готовность к восприятию тех или иных лозунгов, акций, образов. Таким образом, содержание презентации правительства в столице показывает также, как принимало новый государственный строй ее население. Речь здесь, разумеется, и об эффективности правительственной пропаганды, но в гораздо большей мере — о её соответствии реальной политике и понимании этой политики гражданами. В этом смысле содержание презентации режима говорит в пользу того, что римско-италийское общество позитивно воспринимало установившийся строй как «восстановленную республику». Разумеется, речь идёт о самом общем значении этого понятия, сильно окрашенном «воспоминаниями о старых добрых временах».

Поддержка значимых социальных групп жизненно важна для любого правительства во все времена. Но для режима, который претендовал на восстановление «республики», приятие или неприятие со стороны «народа» (*populus Romanus*) было решающим фактором. Ведь этим определялось, есть «республика» (как общее дело = дело народа) — или её нет. Для всё ещё в значительной мере «республиканского» менталитета времени Августа уверенность граждан в том, что должностное лицо, как и государство в целом, действуют в общих интересах, имела особое значение. В какой-то мере даже большее, чем во времена Цицерона. Для современников оратора потеря такого ощущения переживалась как «утрата республики». При единоличном правителе ситуация воспринималась бы как «тирания» с вытекающими отсюда последствиями: от глухого недовольства и возникновения оппозиции — до покушений. Опыт Юлия Цезаря, а впоследствии — Калигулы и Нерона, показывает: потеря имиджа первого гражданина и превращение принцепса в «тирана» оказывалось приговором.

Рассмотрение общественных настроений под указанным углом зрения представляет ещё одну возможность для определения качественного своеобразия и оценки установленного Августом режима. Ключевой вопрос состоит в том, действительно ли установленный при Августе строй воспринимался современниками как *res publica restituta* или они расценивали это определение как фасад, прикрывающий «тиранию».

Важным индикатором может послужить наличие или отсутствие «республиканской» оппозиции против «тиранического» режима. Позитивный результат поиска оппозиции означал бы, что реальная политика не (совсем) соответствовала важным критериям *res publica*. По крайней мере, с позиций какой-то части общества. Мы можем ориентироваться на хорошо извест-

ные прецеденты. Несколько десятилетий ранее разрыв с «республиканскими» традициями породил заговор против Юлия Цезаря. Через четверть века после смерти Августа был убит «тиран» Калигула, после чего сенат предпринял робкую попытку восстановить «свободную республику». Еще примерно через такой же промежуток времени возник связанный со «стоической оппозицией» заговор против Нерона. Нерон расправился с заговорщиками и оппозиционерами в 65–66 годах, но он не ушел от расплаты в 68-м.

Имело ли место нечто подобное при Августе? Если да, то должны сохраниться хоть какие-то следы в источниках. Они стали бы важным указанием на расхождения между официальной программой «восстановления республики» и действительностью. Обнаружение симптомов недовольства и появления системной «республиканской» оппозиции послужило бы свидетельством дрейфа режима в направлении к «тирании», а главное — осознания этого обществом. Ответ на вопрос о наличии или отсутствии оппозиционной идеологии, а также о времени ее зарождения может стать принципиально важным для суждения о характере установленного Августом режима.

IX.2. Басилеи и принцепсы

Для обоснования мнения о монархическом характере власти Августа исследователями широко привлекается материал из Восточных провинций³. Примером могут служить суждения Ф. Миллара, основанные главным образом на интерпретации надписей: гражданин Эфеса отчитывается об установке статуи Августа (*Sebastos*) и освящении алтаря; в письме, написанном сразу после Акцийской битвы, Октавиан, в ответ на лояльность, сулит привилегии городку Росос на сирийском побережье; жители маленького острова Гиарос в Эгейском море в 29 г. обратились к победоносному триумвиру по поводу налоговых льгот; он принимает решения по аналогичным просьбам в отношении острова Самос, а также города Афродисия в Кarii — подобных свидетельств немало⁴.

³ Современный этап в изучении Восточных провинций открыл труд М. Ростовцева (Rostovtsev M. *Social and economic history of the Roman empire*. Oxf., 1926; перевод: Ростовцев М. И. *Общество и хозяйство в Римской империи*. В 2-х томах. М., 2000–2001). См. также: Ранович А. *Восточные провинции Римской империи в I–III вв.* (несмотря на некоторые оценки из «Краткого курса ВКП(б)» и характеристику принципата как монархии и военной диктатуры, книга остается полезной для ознакомления с ситуацией в провинциях); Шифман И. Ш. *Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв. н.э.)*. М., 1977. В качестве современного введения в проблематику см.: Jacques F., Scheid J., Lepelley C. *Rome et l'intégration de l'Empire*. T. I–II. P., 1996³ (dt.: *Rom und das Reich in der hohen Kaiserzeit*. 2 Bd. Stuttgart etc., 1998–2001). Новые исследования основаны в значительной мере на постоянно пополняющемся эпиграфическом материале. См., в частности: Levis N. *Greek historical documents: the Roman principate*, 27 B.C. – 285 A.D. Toronto, 1974; Sherk R. G. (ed.) *Roman documents from the Greek East (senatus consulta and epistulae to the age of Augustus)*. Baltimor, 1969 etc.

⁴ Здесь цитируется статья: Millar F. *State and subject: the impact of monarchy* // Millar F., Segal E. (eds.). *Caesar Augustus...* P. 37–60 (= *Rome...* Vol. I. P. 292 ff.), p. 44 f. Фергюс Миллар — один из крупнейших ис-

Обращаясь к монетам, Миллар подчеркивает «революционный», в направлении монархизации, характер изменений чеканов. Ссылаясь на принятые в Восточном Средиземноморье ассоциации между цензом, податью, монетой и императором (отразившиеся даже в евангельских текстах), исследователь указывает на массовый выпуск монет с изображением правителя⁵. Миллар утверждает, что культ правителя был явлением качественно новым также на Востоке⁶. Он убедительно показал, что фактически все провинции входили в сферу влияния Августа⁷. Это дает Миллару основание рассматривать Октавиана-Августа как единоличного правителя, указывая на якобы происшедшую (немедленно после Акция или после «урегулирования» 27 г.?) «революцию в сознании». Ее сутью было представление, что «имеется индивидуальный правитель, чье имя и изображение появляется повсюду...»⁸.

Тезис о «революции в сознании» справедливо указывает на значение изменений, происходивших в политических установках общества. Они, в конечном счете, определяли специфику новой политической системы. В то же время, аргументация вызывает вопросы и возражения. Во-первых, можно ли говорить о «революции», имея в виду восприятие принципата как монархии на греческом Востоке? Ведь там власть эллинистических правителей была не внове. Но даже в восточных провинциях Август разрешил свой

следователей Империи второй половины XX века, особое внимание уделивший Восточным провинциям. С 1984 по 2002 гг. Миллар был кэмденским профессором в Оксфорде. Ему принадлежит ряд работ, значительно продвинувших римские исследования, в том числе: *The emperor in the Roman world* (L., 1977, rev. 1991). Важнейшие статьи, посвященные Римской империи, переизданы в трёх томах: *Millar F. Rome, the Greek world, and the East*. 3 vols. Chapel Hill, 2002–2006. Работы Миллара цитируются как по оригинальным публикациям, так и по трехтомнику. Во втором случае — сокращенно с указанием тома: «Rome... Vol. I, II, III».

⁵ Между 31 г. до н.э. и 14 г. н.э. монеты с изображением Октавиана-Августа чеканились в 189 различных пунктах Империи. Кроме того, появлялись монеты с изображениями членов императорской семьи. См.: *Millar F. State and subject...* P. 44–45.

⁶ *Millar F. Ibid.* P. 53–55; сравн. раздел VI.3.

⁷ *Ibid.* P. 46. Свою точку зрения на типы провинций Ф. Миллар кратко сформулировал в небольшой статье: «*Senatorial provinces: an institutionalized ghost* // *Ancient world*. Vol. 20. 1989. P. 93–97. Статья цит. по: *Millar F. Rome...* Vol. I. P. 311–320. Отвергнув, как видно уже из заголовка, обозначение «сенатские» провинции, Миллар довольно убедительно обосновал необходимость вернуться к аутентичным обозначениям. В новейшей литературе его точка зрения принята. Провинции, управлявшиеся легатами Августа, называют «провинциями Цезаря», а провинции, управлявшиеся проконсулами, которых назначал сенат, — «провинциями Римского народа». Все же, если стремиться к ясности терминов, необходимо учитывать, что указанные наименования, соответствуя античным свидетельствам, не отражают в должной мере фундаментальный и несомненный факт: все провинции, в том числе и «провинции Цезаря», были собственностью Римского народа. Это была часть «народного достояния» (*res publica*). Его Октавиан передал «сенату и Римскому народу» (RG 34) после окончания гражданских войн. Данный факт, конечно, отмечает и Ф. Миллар (*op. cit.* P. 319 f.). О провинциях см. далее и в разделах X.6 сл.

⁸ *Millar F. State and subject...* P. 44–45, P. 43, cf. 38. Из современников мнение о монархическом характере принципата наиболее ясно сформулировал Страбон. В последнем параграфе «Географии» он назвал Августа «пожизненным повелителем войны и мира» (*Strab. XVII. 3. 24–25; cf. VI. 4. 2*).

культ лишь совместно с богиней Ромой⁹. Во-вторых, можно ли экстраполировать это понимание принципата греками на римлян и жителей Западных провинций, отождествляя различные ментальности?

Известно, что греки и во времена Республики иначе, чем жители Италии, оценивали характер Римского государства, обожествляя римских полководцев¹⁰. В соответствии со своими взглядами на сущность власти они сравнивали республиканских магистратов с эллинистическими династами. Ещё меньше отличался в их глазах от эллинистических правителей Август, устранивший всех соперников¹¹. Но эта точка зрения была чужда римлянам.

В период расцвета Республики военачальники выступали как исполнители воли и представители интересов Римского народа. Да и с позиций самого полководца он, пусть обладая блестящими талантами и даже будучи избалован благоволением Фортуны, становился «милосердным» победителем и устройтеlem провинции, ее патроном и полубогом в конечном счете лишь благодаря полномочиям, которые делегировал ему Римский народ. Клиентские связи республиканского императора с провинциями вызывали подозрения и неприязнь ортодоксальных сенаторов, примером чего могут служить взаимоотношения Катона Цензора со Сципионами¹². Всё же на чрезмерное влияние и почести, оказываемые полководцам на Востоке, смотрели снисходительно: это не имело ничего общего с римским государственным строем. Ведь завоеванные страны рассматривались как явление принципиально иного (разумеется, низшего) порядка — они были владениями Римского народа. Но реакция на монархические устремления Цезаря и на ориентализм Антония показывает, насколько перспектива переноса восточных обычаев в Рим была неприемлема для его граждан.

⁹ См.: Mellor R. *Thea Roma. The worship of the goddess Roma in the Greek world*. Göttingen, 1975; Price S. R. *E. Rituals and power: The Roman imperial cult in Asia Minor*. Cambr., 1984; Witulski Th. *Kaiserkult in Kleinasien...* etc.

¹⁰ О возникновении императорского культа см. раздел. VI.3. Об особенностях менталитета населения греческого Востока см. также: Woolf G. *Becoming Roman, staying Greek: culture identity and the civilizing process in the Roman east* // PCPhS. Vol. 40. 1994. P. 116–143.

¹¹ Для греческого Востока победа Октавиана оказалась неожиданностью. Он принял энергичные меры для урегулирования ситуации, прощая сторонников Антония и демонстрируя свою добрую волю, устанавливая контакты с местной верхушкой. Август лично занимался налаживанием управления в Греции, Азии и Сирии между 22 и 19 гг. Агриппа был на Востоке в 23 г., а потом ещё посещал эти провинции с 18 до 13 гг. до н.э. Главной задачей было обеспечить лояльность по отношению к Риму, особенно ввиду парфянской угрозы. Подробнее см.: Gardthausen V. E. *Augustus und seine Zeit*. S. 465–469; Bowersock G. W. *Augustus and the Greek world*. P. 14–61; Forte B. *Rome and the Romans as the Greeks saw them*. Rome, 1972. P. 165–204; Sherk R. K. *Rome and the Greek East...* P. 106 ff. (переводы документов с краткими комментариями); Lepelley C. (hrsg.). *Rom und das Reich in der hohen Kaiserzeit II. Die Regionen des Reiches*. Stuttgart etc., 2001. P. 309–340 (Греция, Киренаика и Анатолия в период принципата); Kienast D. *Augustus*. S. 376 f. (взаимоотношения с Арменией и Парфией) и др.

¹² См.: Трухина Н. Н. *Политика и политики...* С. 93 сл., 111 слл. Сравн. гл. III.2 с примеч. 85.

Специфику понимания политической ситуации жителями Восточных провинций можно проследить у некоторых греческих писателей. В отличие от латинских авторов, они видели не только Рим, но также Империю. Столицу они наблюдали из провинции. С этих позиций новое государственное устройство оценивалось иначе, чем с Римского форума.

Современник Августа, автор «Всемирной истории» Николай Дамаский, описал также юность будущего основателя принципата (см. раздел IV.7). В этом панегирике восторженно приветствовалось новое мирное правление и восхвалялись сверхчеловеческие добродетели Августа. Римскую *virtus* превозносил в своей истории Раннего Рима Дионисий Галикарнасский (поселившийся в столице в 30 г. до н.э.). При этом он не преминул указать на греческие корни новых властителей мира. В своём «Панегирике Риму» выступивший в 143 г. перед Антонином Пием Элий Аристид воспевал благодетельность Империи для эллинского мира. Никого из них (в отличие от Тацита) ничуть не волновали судьбы республиканской свободы, бессилие консулов и сервилизм римского сената¹³. Разумеется, во времена Августа, как и в период Республики, в Греции были люди, недовольные римским владычеством, но эта оппозиция имела мало общего с «республиканской» проблематикой¹⁴.

Иллюстрацией «греческого» отношения к римским проблемам может служить особый, но тем не менее типичный случай риторика и историка Тимагена, который иногда фигурирует в литературе как пример «оппозиционера». Этот александриец по происхождению был взят в плен Авлом Габинием в 55 г. до н.э., привезён в Рим, позднее отпущен на волю. Он стал учителем риторики (Suda. Timagenes), принадлежа к кругу людей свободных профессий, близких Антонию (Plut. Ant. 72). Когда Фортуна начала отворачиваться от покровителя, Тимаген сблизился с Октавианом (Sen. rhet. contr. X.5.22). Позднее произошла ссора, и за нападки на себя и членов семьи Август отказал Тимагену в доме (Sen. ira III. 23. 4 sq.). Историка пришлось переселиться к Азинию Поллиону. В отместку Тимаген сжёг свою работу, посвящённую деяниям (*acta*) принцепса¹⁵.

Изложенные обстоятельства показывают, что описание *acta* носило апологетический характер. Скорее всего, оно учитывало пожелания хозяина, почему и было уничтожено после ссоры. Это подтверждается сведениями

¹³ Лишь свидетель начала кризиса Кассий Дион, грек по происхождению и крупный римский администратор времени Северов, пытался проанализировать обстановку с позиций сенатской идеологии. Так появилась также известная речь Мецената с обоснованием необходимости установления единоличной власти в книге LII «Римской истории». См. также разделы I.9 и IV.8.

¹⁴ Об отношениях Августа с различными греческими полисами и даже социальными группами см.: Bowersock G. Augustus... P. 101 ff. (Ch. VIII. Opposition among the greeks). О греческих авторах см. там же, с. 122 слл. (Ch. X. Greek literature under Augustus).

¹⁵ Sen. rhet. contr. X. 5. 22; Sen. ira III. 23. 6. О Поллионе и Тимагене см. также далее, раздел IX.6.

о неприязненном отношении Тимагена к Риму и его жёлчному характере. Будучи ненавистником счастья Города (*felicitati urbis inimicus*), он говорил, что пожары в Риме печалат его лишь потому, что известно: всё восстановленное превзойдёт сгоревшее (Sen. ep. 91. 13). Также исторический труд Тимагена в целом был написан с критических по отношению к Риму позиций¹⁶. Ясно, что его вряд ли сильно волновала потеря «свободы» римскими олигархами¹⁷.

Сказанное должно не только предостеречь от ошибочного отождествления греческого и римского политического сознания, но и заставляет усомниться в правомерности попыток синхронизировать «революции в сознаниях» разных социумов. Конечно, фактическое сосредоточение власти в руках принцепса и переструктурирование всей системы государственной власти сопровождались перестройкой политического сознания также в Риме и Италии. Вопрос — о сроках, этапах и главное — о специфике этого процесса в центре Империи. Если Август быстро стал басилеем для греков, это совсем не значило, что он тогда же был принят в качестве царя римлянами. Чтобы выяснить характер властных отношений в Риме и Италии, следует использовать данные, аутентично отражающие политические установки и настроения римского гражданства. При этом мы попытаемся, выявляя существенные сдвиги, расставить отмечающие их хронологические вехи. Свой поиск мы начнем скорее с конца, с тех источников, где уже отчетливо проявляются искомые перемены.

IX.3. Тацит, или как большое видится на расстоянии

Среди повествований о времени Раннего принципата особое место занимают сочинения выдающегося римского историка Корнелия Тацита (ок. 55–120 гг. н.э.). Свои произведения он написал сто лет спустя после смерти Августа¹⁸. За это время режим утвердился и, пройдя через крайние проявления «тирании», претерпел немало изменений. Эксперименты отдельных правителей обнаружили возможные варианты развития, показали их достоинства и указали на границы. Историк знал обо всём этом не понаслышке.

¹⁶ FGH II. A88. F. 1–12. «История» была видимо завершена до урегулирования 28/27 гг., а жизнеописание Октавиана завершено (и сожжено) ещё ранее. См.: Laqueur R. Timagenes // RE. Bd. VI.1 (Hb. 11). 1936. 1063–1071; Bowersock G. Augustus... P. 125 ff. with notes.

¹⁷ См.: Bowersock G. Augustus... P. 109 f., 125 f.; Forte B. Rome and the Romans as the Greeks saw them. Rome, 1972. P. 193 ff.; Raaflaub K. A., Samons L. J. Opposition to Augustus. P. 443. Kienast D. Augustus. S. 266 mit Anm. 194 etc.

¹⁸ Особым интересом к Тациту автор обязан его незаурядному исследователю, переводчику «Истории», Георгию Степановичу Кнабе. При цитировании «Анналов» используется перевод А. С. Бобовича. См. библиографию, а также раздел I.9 с примеч. 84, где указаны некоторые важные издания, комментарии и переводы Тацита.

Выходец из знатной семьи, Тацит прошел соответствующий *cursus honorum* (в том числе: претор 88, консул 97, проконсул провинции Азия 112 / 113 гг.)¹⁹. В его сочинениях²⁰ можно найти не только описания событий, но также их своеобразное социологическое и психологическое объяснение. Влияние Тацита на последующие трактовки принципата обусловлено как глубиной суждений и меткостью характеристик, так и литературным мастерством²¹. Всё это диктует необходимость обращения к его свидетельствам, хотя оценки историка требуют критического к себе отношения.

Большое историческое полотно Тацита посвящено времени правления Юлиев-Клавдиев. Совсем обойти при этом Августа было невозможно. Помимо многочисленных упоминаний по ходу изложения, особое значение имеет введение, так называемый «пролог» к «Анналам» (Тас. ann. I.1–10). Это результат размышлений зрелого мастера, опытного администратора Империи, знакомого со многими не дошедшими до нас свидетельствами. Сюжет «пролога» — смерть Августа и переход власти к Тиберию. В нём Тацит проявляет своё отношение к режиму и его основателю²². Оригинальное название «Анналов» — “*Ab excessu divi Augusti*” («От кончины божественного Августа»)²³. Историк оценивает деятельность Августа как от первого лица, так и передавая содержание слухов и разговоров после его смерти. Эти суждения стали главным источником критических оценок и обличений в последующей историографии.

¹⁹ Сам Тацит таким образом обозначает время, в которое он жил, и свой *cursus*: «Если говорить обо мне, то от Гальбы, Отона и Вителлия я не видел ни хорошего, ни плохого. Не буду отрицать, что начало моим успехам по службе положил Веспасиан, Тит умножил их, а Домициан возвысил меня еще больше...» (Тас. hist. I. 1, перевод Г. С. Кнабе, сравн.: ann. XI. 11). По-видимому, свою карьеру Тацит начал в период гражданских войн (68–69 гг.) когда сменились первые три из названных императоров. Видимо, уже при Веспасиане Тацит стал военным трибуном и вошел в сенат.

²⁰ Малые сочинения Тацита: «Агрикола» и «Германия» (98 г.), «Диалог об ораторах» (102 г.), большие исторические повествования: более ранняя «История» (события 69–96 гг., написана в 105–109 гг.) и поздние «Анналы» (события 14–69 гг., написаны после «Истории»). По мнению Кнабе, работа над последними, Нероновыми книгами «Анналов», была оставлена после 118 г. (Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 160, сравн. 173).

²¹ Литература о Таците необозрима. Для нашей темы особенно важны: Syme R. Tacitus. Vol. I–II. Oxf., 1958; Goodyear F. R. D. Tacitus. L. 1970; Poschl V. (hrsg.). Tacitus. Darmstadt, 1969, где, в частности, перепечатана статья: Klinger F. Tacitus über Augustus und Tiberius. S. 495–539. Также затрагиваемой здесь проблематике посвящены работы: Witte B. Tacitus über Augustus. Diss. Münster, 1963; Gabba E. The historians and Augustus // Millar F. and Segal E. Caesar Augustus... P. 61–88 (особое внимание уделено Тациту и Диону Кассию). См. обзор: Shotter A. Tacitus... // ANRW II. Bd. 33,5. S. 3263 ff. Из литературы по Тациту на русском языке, кроме названных работ, см.: Крюков А. С. Летопись первого века: Историческая проза Тацита. Воронеж, 1997, а также Вержбицкий К. В. Тацит как историк принципата // Вестн. СПбУ. Серия 2: История. СПб., 2009. С. 60–70; Исаева И. А. Римский принципат в трактовке Тацита // Там же. С. 150–156 и др.

²² См. Крюков А. С. Пролог в «Анналах» Тацита // ВДИ 1983. N 2. С. 140–144.

²³ Koestermann E. Tacitus, Annalen. Kommentar. Bd. I. Heidelberg, 1963. S. 55. Тацит, видимо, планировал после завершения «Анналов» написать специальный труд о времени Августа (Тас. ann. III. 24). Он должен был мыслиться как завязка сюжета и венец трилогии. Это говорит о значимости сюжета для историка и тем самым — о значении его отнюдь не случайных высказываний об основателе принципата.

Заявление историка в начале первой книги «Анналов» гласит, что он будет описывать события «без гнева и пристрастия» (*sine ira et studio*)²⁴. Личные счеты и в самом деле отсутствовали — Тацит родился через четыре десятилетия после смерти Августа. Но не было и абсолютной беспристрастности. Тенденциозность «пролога» определялась тем, что Август основал режим, который произвел таких чудовищ (в оценке Тацита), как Тиберий, Калигула, Нерон, Домициан. Отношение к принципату было во многом обусловлено впечатлениями от правления Домициана (81–96). Он способствовал карьере Тацита, но лишь сам историк знал, чего это ему стоило.

В правление Домициана проявились худшие черты, свойственные деспотам: подозрительность и страх, самодурство и жестокость. Воодушевленный началом просвещенного правления Траяна, Тацит с ужасом оглядывался в недавнее прошлое и с надеждой, что подобное больше не повторится, — какое-то время смотрел вперед²⁵. Он знал, что единоличное правление в самой своей природе содержало угрозу злоупотреблений. Самовластие, ограничивая свободу (*libertas*), губило римскую доблесть (*virtus*). Потеря свободы вела также к упадку красноречия («Об ораторах») и историографии. Тацит с ностальгией вспоминал «свободную республику» и раскрывал истинное лицо власти, породившей «тиранов» и погубившей выдающихся представителей «сенатской оппозиции». Оценка деятельности Августа оказывается проекцией этого опыта в прошлое. Именно он, под видом «возвращения республики», с помощью хитрости и коварства, установил в Риме единоличную власть. Такова вкратце трактовка Тацита²⁶.

Пример Диона Кассия уже показал: чем больше времени проходило со времени учреждения нового режима, тем прочнее укреплялось убеждение в том, что Август сознательно установил монархию, маскируя ее республиканской ширмой²⁷.

²⁴ Тас. ann. I. 1. 3. Тацит обосновывает свою объективность значительным временным отдалением и отсутствием личных обид. Эти слова относятся к Тиберию и его преемникам, но следовательно, и к Августу, поскольку причины пристрастия в данном случае были (хронологически) еще более далеки.

²⁵ Тацит говорит об этом времени, принципате Нервы (96–98) и Траяна (98–117), как о «годах редкого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает» (Тас. hist. I. 1).

²⁶ Г. С. Кнабе: «Книги Тацита исполнены ненависти к описанным им императорам, так как каждый из них был “враждебен доблести”». Согласно концепции Кнабе, переход власти к Траяну и особенно Адриану означали победу монархизма эллинистического образца и конец *res publica Romana* и «гражданской доблести». Осознавший это Тацит потерял всякий интерес к происходящему и оставил работу над «Анналами» (Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. С. 184 сл.). О необъективности Тацита см. также: Millar F. The Roman city-state, esp. p. 372 f. Речь идет не об осознанном искажении фактов, а о сформировавшейся на основе личного опыта позиции. Поэтому недостаточным (и не к месту категоричным) представляется вывод, «что картина римской истории I века в главных произведениях Тацита не содержит оснований для упреков римского историка в предвзятости, не-объективном освещении фактов, злоупотреблении литературными и риторическими приемами, и эти обвинения должны быть сняты с него раз и навсегда» (Вержбицкий К. В. Тацит как историк принципата С. 68).

²⁷ О подходе Кассия Диона см. разделы I.4 и особенно IV.8. Аналогичные наблюдения делает В. Эдер: «Примечательно, что античные историки тем более склонны говорить о монархии, чем более они отда-

Всё же суждения Тацита не столь одномерны и однозначны, как их восприняли многие историки нового времени. Тацит начинает пролог и тем самым всё сочинение с лапидарного обзора развития римской государственной власти (Тас. ann. I.1). Здесь он в высшей мере искусно обозначил важнейшие рубежи. Первый из них был общим местом в республиканской традиции — переход от правления царей к «свободе» (*libertas*), после чего, если и вводились чрезвычайные полномочия, то лишь на короткое время (сравн. раздел III.1).

Второй рубеж назван и вовсе ненавязчиво: Август «...под именем принцепса принял под свою власть истомленный гражданскими раздорами... город Рим» (*Urbem Romanam... nomine principis sub imperium accepit*)²⁸. Чуть далее выясняется, что второй рубеж был не столь резким, как первый. Это вытекает из наблюдений над развитием историографии, поскольку Тацит связывает качество исторических сочинений со степенью свободы. И оказывается, что не только для ранних времен, но даже для начального периода правления Августа имелось достаточно достойных трудов. Но затем (по-видимому, на заключительном этапе Августова принципата) возросшее пресмыкательство заставило талантливых историков отказаться от своего занятия²⁹. Обозначая таким образом различие и рубеж между «свободолю-

лены от времени Августа. Через двести лет Кассию Диону было ясно, что правление Августа после Акция (31 г. до н.э.) можно рассматривать как монархию. Для Светония и Плутарха Август был уже вторым монархом, впереди был Юлий Цезарь. Тацит, похоже, более стремится к объективности, когда сопоставляет первого принцепса с вождями гибнущей республики. Даже не разделяя эти взгляды, он проявляет некоторое понимание того, почему некоторые современники не стремились осознать, что живут при автократии. Он с уважением говорит как о тех, кто указывал, что Август правил не как царь или диктатор, а как принцепс, восстановил «республику» как правовое государство, так и о тех, кто плохо отзывался о его личности и не проявлял сомнения в его «стремлении к господству» (*cupio dominandi*; ann. I.9–10). (Eder W. Augustus and the Power of Tradition // Galinsky K. (ed.) The Cambridge companion... 2005. P. 13–32. P. 15.

28 Тас. ann. I. 1. Следует обратить внимание, что Тацит (и не случайно) говорит о Городе. В то же время Гудье обратил внимание на соединение несовместимых понятий: “*princeps*” и “*imperium*” (Goodyear F. R. D. The annals of Tacitus, books 1–6. Vol. I. Cambr., 1972. P. 94). Ранее было показано, что влияние (не власть) принцепса должно было основываться на *auctoritas* (см. разделы V.1, VII.3). Сравн.: Тас. ann. IV. 33, где Тацит повторно формулирует задачу рассмотреть специфику управления государством «... после изменения формы государства, когда Римское государство управляется не иначе, чем если бы над ним стоял самодержец... собрать и рассмотреть все особенности этого времени». В переводе А. С. Бобовича: «после государственного переворота». В примечании 27 на с. 416 комментарий ещё более усиливает этот смысл: «Т.е. после захвата полноты власти Августом и фактического превращения Римской республики в империю». Комментарий подтверждает, что это уже не перевод, а (сделанная с предвзятых позиций) интерпретация. В оригинале: *converto statu*.

29 «...Не было недостатка в блестящих дарованиях и для повествования о времени Августа, пока их не отвратило от этого всё возрастающее пресмыкательство перед ним» (Тас ann. I. 1. 2). Тацит и далее упоминает свободу слова при Августе (Тас. ann. I. 72. 2, IV. 34 etc., cf.: Sen. rhet. contr. II. 4. 13; Sen. benef. III. 27. 1). Здесь и далее «Анналы» цитируются в переводе А. С. Бобовича. При необходимости мы прибегаем к дословному переводу. Мысль о подавлении свободы как причине упадка римского красноречия раскрывается в раннем сочинении Тацита «Об ораторах» (de orat. 1 sqq.). Аналогично объяснял бедность талантами неизвестный греческий автор (Псевдо-Лонгин, предположительно перв. пол. 1 в. н.э.) в трактате «О возвышенном» (*peri hypsous*). Гудье считает, что среди «знаменитых писателей» времени Августа Тацит имел в виду Ливия и Саллюстия. См. Goodyear F. The annals... Vol. I. P. 94. Саллюстий умер в 35 г.

бывым» прошлым и «раболепной» современностью³⁰, Тацит объясняет выбор предмета — им двигало намерение переписать искаженную раболепием историю своего времени с конца (!) правления Августа.

Так историк, кроме обычно отмечаемых двух, фактически указал ещё один, третий рубеж. Он заслуживает нашего внимания, хотя в отличие от первого и второго, остался практически незамеченным в последующей исторической традиции. Причина — в некоторой расплывчатости, в том, что граница была обозначена очень неопределённо, в рамках одного правления (что отчасти верно)³¹. Указание на особый характер правления Августа, на его существенное отличие от последующего развития не было случайностью. Оно подтверждается иными замечаниями историка, а также некоторыми свидетельствами и фактами.

Итак, Тацит обосновал выбор начального пункта своего повествования тем, что в период правления Августа до определённого момента ещё создавались объективные историописания. Аргумент заслуживает внимания и доверия. И всё же: если к концу правления Августа правдивое повествование стало невозможно, то получается, что заключительный этап первого «принципата» остался без удовлетворительного освещения. Тогда почему историк начал с Тиберия, а не, скажем, с середины правления Августа?

На наш взгляд, хотел это признать Тацит или нет, причина лежала в существенном различии правлений Августа и его преемников. Но концепция, согласно которой, с одной стороны, проводилась резкая граница между Республикой и «эпохой Цезарей», а с другой — постулировалась преемственность Цезарей, начиная с Августа (или даже с Юлия Цезаря), уже прочно укоренилась в официальной идеологии и историографии. Август был признанным отцом-основателем Империи. Тацит следовал принятой схеме.

Подводя итоги Августову правлению, Тацит цитирует «мыслящих людей». Они понимали, что «...для истощаемой раздорами родины не оставалось иного спасения, кроме единовластия; но устанавливая порядок в «ре-

до н.э., Ливий — в 17 г. н.э., но закончил своё повествование смертью Друза в 9 г. до н.э. Последнюю дату можно принять в качестве самого приблизительного, условного ориентира для определения Тацитова водораздела внутри правления Августа. Историк Кремуций Корд подчеркивал, что Август не наказывал за слова: *Tac. ann. I. 72. 2; Sen. benef. III. 27. 1*, см. раздел IX.6 с примеч. 231. См. также рассуждение Тацита о снисходительном отношении Августа к развлечением толпы, в противоположность намерениям Тиберия навязать народу суровые нравы (*Tac. ann. I. 54*).

³⁰ Сравн.: Межеричкий Я. Ю. «Древность» и «новизна»: эволюция историзма в идеологии раннего принципата // *Античность и современность*. М., 1991. С. 98–102.

³¹ Всё же в рамках полувекового пребывания Августа у власти деление на этапы легче представить, чем известные деления на «хорошее» начало и «плохое» завершение каждого из Юлиев-Клавдиев. Даже правивший всего неполных четыре года Калигула (18.3.37 – 24.1.41) успел проявить себя вначале как «республиканец», а в конце — как самый жестокий деспот. Здесь нет необходимости в подробном рассмотрении этого вопроса в применении к Юлиам-Клавдиям. См. напр.: Winterling A. *Caligula*. München, 2011².

спублике», он (Август) не присвоил себе ни царского титула, ни диктатуры, а принял звание принцепса...»³². Отмечались также заслуги, особенно обеспечение «мира и покоя» (Тас. ann. I. 9).

То, что Тацит на самом деле выделял правление Августа в некий особый отрезок римской истории, подтверждается не раз. Сразу после сообщения об отказе достойных историков от продолжения своей работы к концу жизни Августа Тацит уточняет, что страх и ненависть обусловили лживость сочинений, относящихся ко времени от Тиберия до Нерона. В отличие от этого, дефицит блестящих дарований при Августе историк относит, и то к концу правления, на счет пресмыкательства (а не страха, см.: ann. I. 1. 2). Тацит, с одной стороны, определяет окончание гражданских войн и начало единовластия Августа как начало новой эпохи, как изменение государственного строя³³. С другой, выделяет период Августа как особое состояние государственных дел (форму государства), отличное от того, начало которому было положено при Тиберии. Особенно ясно это различие выявляется у Тацита в его рассказе о деле Кремуция Корда³⁴.

Тацит ясно осознавал различие между правлениями Августа и его преемников. Но общая концепция не позволяла Тациту пойти по этому пути дальше, а тем более — сделать из основателя нового режима положительно-го героя своей исторической драмы. Вторая глава «Анналов» полностью посвящена «разоблачению». Тацит показывает, как Октавиан, единственный в результате гражданских войн оставшийся в живых вождь, сумел постепенно прибрать к рукам всю власть в государстве. «Именуя себя консулом» и «якобы довольствуясь трибунской властью», он подкупил благами мира и подачками воинов и плебс (ann. I. 2. 1), при этом постепенно подминая под себя сенат, магистратов и законы.

Отмечая, что Август не встречал противодействия, историк дает этому убедительные (хотя их нельзя признать исчерпывающими) объяснения. В качестве первого фактора он называет физическую гибель самых непримиримых противников (т.е., цезареубийц-республиканцев) в сражениях и от проскрипций. Остальные из старой знати были подкуплены богатствами и почестями; выдвинутая режимом группа людей («возвысившаяся

³² "...non aliud discordantis patriae remedium fuisse quam ab uno regetur. non regno tamen neque dictatura, sed principis nomine constitutam rem publicam..." Поздняя республика оценивалась Тацитом скорее отрицательно, особенно в период между Суллой и окончанием гражданских войн (особенно см. развёрнутую характеристику в ann. III. 27–28). Подробнее об этом: Dreyer B. *Res publica ut aliena: Zur Funktion der republikanischen Verfassungsexkurse bei Tacitus* // *Gymnasium*. Bd. 115. 2008. S. 135–168.

³³ Тас. ann. IV. 33: "...sic converso statu neque alia re Romana quam si unus imperitet...". См. выше, примеч. 29. Сравн. ann. I. 4. 1 (цит. далее в примеч. 39).

³⁴ См.: Тас. ann. IV. 34–35. Тацит также подчеркивает, при Августе осуждались лишь преступные дела, но не слова (Тас. ann. I. 72. 2, IV. 34. 2). Широкие рамки свободы слова при Августе отмечал Сенека Старший (Sen. rhet. contr. II. 4. 13; cf.: Sen. benef. III. 27. 1). О процессе Кремуция Корда см. раздел IX.7 с примеч. 229 слл.

благодаря новым порядкам») тем более поддерживала режим³⁵. Историк, по крайней мере там, где речь не идёт о его главном приоритете — сенатской «свободе» — стремится сохранять объективность. Отмечая в качестве привлекательной стороны новых порядков безопасность, он признает, что провинции, ранее страдавшие от злоупотреблений, отнюдь «не тяготились новым положением дел» (*rerum status*, Tac. ann. I. 2. 2).

Третья глава первой книги «Анналов» посвящена династической политике Августа. Соответствующие шаги, подчеркивает Тацит, должны были упрочить его «господство» (*dominatio*). Внеочередные предоставления магистратур, браки по расчету, усыновления — все это в изображении историка показывало, что император распоряжался государственными делами, как в собственном доме. К этому добавлялись интриги его супруги, Ливии Друзиллы. Она добилась, что наследником стал её сын Тиберий, потеснив кровного внука Августа Агриппу Постума. Тацит даже намекает, что Ливия ради осуществления своего плана могла приложить руку к смерти Августа³⁶. Позднее Агриппа Постум пал первой жертвой правления Тиберия (*ibid.* I. 6.).

Негативная картина деятельности Августа подкрепляется соответствующим образом прокомментированным сообщением о гибели войска Квинктилия Вара (об огромных территориальных приращениях империи сказано лишь в контексте «слухов», в главе I. 9). Даже внутренний мир в стране получил негативное истолкование. Тацит объясняет его не удовлетворенностью людей жизненными условиями, а скорее их непониманием сути происходившего: «Много ли еще оставалось тех, кто своими глазами видел республику?»³⁷.

Итоги правления Августа подводятся в четвертой главе «Анналов»³⁸. Уже первая фраза звучит приговором: «Итак, основы государственного порядка претерпели глубокое изменение и от общественных установлений старого времени ничего не осталось»³⁹. С явной горечью Тацит описывает всеобщее раболепие и констатирует, что мечтания о свободе в последние годы жизни принцепса свелись к пустым разговорам. После смерти Августа единствен-

³⁵ В оригинале использовано выражение "*novae res*" (Tac. ann. II. 1), что у Тацита в данном контексте должно было означать «переворот». Если Тацит здесь «приблизительно» цитирует Августа, то следует иметь в виду, что сам Август охотнее употреблял в позитивном смысле "*novus status*". См. раздел V.2.

³⁶ См.: Tac. ann. I. 5. Это обвинение, существенно драматизирующее сюжет, не находит никаких подтверждений в других источниках. См. далее о теории «дубликации» событий у Тацита.

³⁷ Tac. ann. I. 3. 7: "... iuniores post Actiacam victoriam, etiam senes plerique inter bella civium nati: quotus quisque reliquus qui rem publicam vidisset?". Здесь, конечно, говорится о «свободной республике». Ясное противопоставление власти императора и «республики» сделано также в Tac. hist. I. 50.

³⁸ Только в конце пятой главы сообщается о смерти Августа и переходе власти к Тиберию, восьмая посвящена погребению. В девятой–десятой главах передаются как благоприятные, так и неблагоприятные толки, ходившие затем в Риме.

³⁹ Tac. ann. I. 4. 1: "*Igitur verso civitatis statu nihil usquam prisci et integri moris...*". Сравн. далее с прямо противоположным суждением Веллея Патеркула.

ной альтернативой единоличному правлению была гражданская война, а потому вопрос, который реально стоял на повестке дня, — кто будет следующим властелином (ibid. I. 4. 1 sq.). Описание подтверждает и усиливает уже создавшуюся негативную картину. Но за ней просматривается недооцененный современными историками элемент Тацитовой концепции. Приведённая характеристика подчёркивает переходный характер правления Августа. Главное, что произошло в течение рассматриваемого полувека, была перемена в состоянии умов.

Надо отдать должное драматургическому мастерству и тонкому психологизму Тацита. «Пролог» содержит ключ к его видению сущности нового режима. Последующие главы дополняют и расцвечивают картину. Не следует удивляться тому, что Тацитовы суждения о первом принципате оказывались на протяжении веков более убедительными, чем «политическое завещание» самого Августа, выбитое на засыпанных и всеми забытых камнях. Но даже при самом поверхностном чтении в глаза бросаются некоторые передержки. Не касаясь опущенных историком позитивных результатов Августовского правления, обратим внимание лишь на моменты, имеющие непосредственное отношение к нашей теме.

Разоблачая «обман» основателя «принципата», Тацит невольно противоречит самому себе, регулярно пользуясь для обозначения Римского государства того времени термином *res publica*. Из 180 случаев лишь в трех под *res publica* имеются в виду другие образования, помимо Рима⁴⁰. По мнению Г. Дрекслера, уже словоупотребление показывает, что «все еще имело место общественное мнение, ориентированное на идею *res publica*»⁴¹. Идея «республики», неизбежно меняя своё содержание, ещё долго жила в общественном сознании. После сказанного не будет слишком смелым утверждать: не в последнюю очередь потому, что избранная и воплощенная в жизнь Августом модель правления включала «восстановление республики».

Для подтверждения этой мысли вначале приведём два примера из «Истории», написанной раньше «Анналов», но освещающей более поздние события (гражданскую войну 68–69 гг.). Говоря о вступлении Сервия Гальбы и Тита Виния в консульство, Тацит отмечает, что этот год (69) стал последним для них и едва не принес гибель *res publica* (Tac. hist. I. 11. 3). В другом месте, говоря о правлении (*imperium*) Флавиев, Тацит также берет для обозначения государства *res publica* (ibid. II. 1. 1)⁴². Кроме многочисленных

⁴⁰ Suerbaum W. Vom antiken... S. 72 ff.

⁴¹ Drexler H. Tacitus. Grundzüge einer politischen Pathologie, Frankfurt a. M. 1939. S. 20. Следует тем не менее иметь в виду, что в эпоху Империи эти слова постепенно теряли специфическое содержание, всё более приобретая смысл «государство» как таковое.

⁴² Drexler H. Tacitus. Grundzüge... S. 11 ff., cf. Suerbaum W. Vom antiken... S. 75 ff. Во времена Тацита, в отличие от Августовых, стало обычным употребление *res publica* в значении «государство».

случаев применения словосочетания от первого лица, большой интерес представляет его использование различными персонажами в прямой речи. Известно, что эти «цитирования» далеко не всегда дословны, а используются как литературный прием. Тем не менее, выступления и «слухи» (*rumores*) отражают политическое мировоззрение современников историка.

Рональд Сайм, который был особенно чувствителен к двойным смыслам политических терминов, отметил, что слово *res publica* часто использовалось персонажами Тацита, чтобы приукрасить свои интриги, обман или насилие⁴³. На наш взгляд, это подтверждает сохранение за ним некоего патриотического и «общенародного» смысла. Примером может служить изложенный в «Анналах» эдикт Тиберия по поводу похорон Германика (Tac. ann. III. 6). Германик, подобно многим прославленным римлянам, отдал жизнь за *res publica* (ibid. III. 6. 1) — признает император. Но следует стойко переносить как отдельные поражения, так и утрату выдающихся мужей. Принцессы смертны, «республика» вечна (*principes mortales, rem publicam aeternam esse* — ibid. 6. 3).

Если принять во внимание, что до этого говорилось о стойкости Римского народа (*populus Romanus*), то словоупотребление отражает формулу Цицерона *res publica = res populi*. Таким образом, в эдикте Тиберия имеется в виду «республика» принцепсов⁴⁴. В какой пропорции понятие *res publica* ещё содержало смыслы времени Цицерона–Августа, установить сложно. Но контекст говорит о том, что определённый заряд идеи «общего дела/достояния» в этом выражении ещё оставался.

Тацитова трактовка правления Августа многослойна. В ней соединились достоверные факты и слухи, искажённые воспоминания об услышанных в детстве разговорах и оценки, почерпнутые из сохранившихся исторических сочинений⁴⁵, стремление к поискам истины и общепринятые схемы. От взгляда автора не ускользнуло различие между началом и концом первого «принципата». Но Тацит не стал вдаваться в детали, которые увели бы его в сторону от основной задачи — разоблачения тиранических тенденций римского единовластия. Ко времени написания «Анналов» режим Цезарей

⁴³ Syme R. Tacitus. Vol. I. P. 412 (в том же ряду Сайм указывает *auctoritas, virtus, pietas, clementia, iustitia*); cf. Drexler H. Tacitus. Grundzüge... S. 19 und 20 mit Anm. 12; Suerbaum W. Vom antiken... S. 78 Anm. 17.

⁴⁴ Викерт не без оснований понимает в цитированном пассаже III. 6. 3 *principes* как императора с его фамилией (Wickert L. Princeps... Sp. 2010). Йозеф Фогт обратил внимание на то, что мысль о вечности «республики» в противоположность смертности даже выдающихся личностей встречается у Цицерона и у Тита Ливия (напр., Liv. XXVIII. 28. 11). См.: Vogt J. Ciceros Glaube an Rom. Stuttgart, 1935. S. 94 ff. Сравн.: Suerbaum W. Vom antiken... S. 79 mit. Anm. 22 f.

⁴⁵ Сравн. вывод Г. Тренкле о том, что неблагоприятные характеристики Августа в первых 10 главах «Анналов» заимствованы в основном из исторических сочинений времени Юлиев-Клавдиев (Tränkle H. Augustus bei Tacitus, Cassius Dio und dem alteren Plinius // Wiener Studien. NF 3. 1969. S. 108–130, hier S. 130). Это соответствует нашим дальнейшим наблюдениям о возникновении оппозиционного «республиканизма» во второй половине правления Тиберия.

уже в полной мере проявил свои пороки и по большому счёту важно было лишь то, что именно Август был учредителем нового порядка вещей. Тацит не мог полностью проигнорировать факты, говорившие об отличии первого правления от последующих и о его изменении во времени. Но для концепции «Анналов», с перспективы прошедших ста лет, это были не более чем незначительные отклонения и несущественные детали. Для них в сочинении не хватило места, а в палитре художника — красок. Первый век Империи предстал как единое целое. Изучение времени Августа потребовало бы от Тацита особого подхода, пересмотра ряда собственных суждений. Можно делать предположения о том, была ли эта задача ему по плечу. Достоверно известно, что историку не хватило времени. В итоге «восстановленная республика» Августа оказалась как на периферии Тацитовой концепции, так и за пределами внимания последующей исторической литературы.

IX.4. О «революции в сознании» и «республиканской оппозиции»

По мнению Ф. Миллара, с установлением власти Августа римским гражданам и всем жителям Италии пришлось пережить «революцию в сознании». Они прочувствовали переход от республики к монархии и поняли, что живут в ином государстве. На самом деле исследователю удалось убедительно продемонстрировать лишь монархические установки жителей Восточных провинций, для которых они были свойственны и гораздо ранее, задолго до прихода римлян (раздел IX.2). Это пример смешения регионов и культур.

Для Тацита было само собой разумеющимся, что он живет при единовласти. С этих позиций рассматривалось и правление Августа. Историк видел, во что превратился режим, и обличал его создателя. Но эта задним числом искушенность побуждает критически отнестись к драматургии Тацита. Персонажи историка посвящены в его мысли, но «забыли» своё (как участников) восприятие событий. Налицо смешение диахронных менталитетов.

Вопрос, который ставится в данном разделе, — не о степени влияния и объёме власти Августа: он безусловно контролировал государство. Другое дело — в качестве кого? Точнее: как его роль оценивалась современниками, римскими гражданами. В самом ли деле они считали, что Октавиан-Август погубил «республику», так что место *res publica* заняло *regnum* в форме «тирании»? Об этом могло бы свидетельствовать (как «индикатор») наличие «республиканской» оппозиции самовластию.

Некоторые исследователи, убежденные в изначально монархическом характере власти Августа, выводят из этого необходимость республиканской

оппозиции. Вместо доказательств, основанных на анализе источников, как правило, используется «дедуктивный метод». Присутствие оппозиции и её «республиканский» характер следуют из «монархической сущности» принципата Августа и «двуличия» его учредителя. Подтверждением, в свою очередь, служит «республиканская» оппозиция. Согласно таким построениям, известные заговоры были лишь верхушкой айсберга оппозиции, которая становилась явной всегда, когда Август сталкивался с очередными трудностями. Соответственно, политические мероприятия правительства, в частности, «урегулирования» 28/27 и 23 гг. до н.э., рассматривались как реакции на проявления оппозиции⁴⁶. Подобные трактовки подверглись в своё время убедительной критике И. Бэйдизна⁴⁷.

В обоснование мнения о наличии оппозиции Августову режиму часто используются аналогии. Действительно, угроза установления царской власти Юлием Цезарем вызвала заговор с целью возвращения «свободы», а затем — покушение на «тирана» и гражданскую войну. Позднее союз Антония с египетской царицей помог Октавиану поднять против него всю Италию и западные провинции. По аналогии делается вывод: трудно представить, чтобы всего несколько лет спустя установление монархии Августом могло бы пройти без появления заметной оппозиции, какие бы потери ни понесла в предшествующие годы «партия свободы». На первый взгляд, эта логика кажется безупречной. Но сами посылки требуют серьёзной верификации.

Рассматриваемый вопрос обратил на себя внимание почти полтора столетия тому, с выходом известной книги Гастона Буасье⁴⁸. Он отметил нерешительность оппозиции и отсутствие общеполитических принципов. Феномен осмысливался на основании опыта XIX столетия, оппозиция рассматривалась как сопротивление сенаторов всемогущей монархии. Тогда либерально-гражданские и сословные консервативные движения боролись за конституции в новой Европе. Перенос этих реалий на императорский Рим вёл «к представлению о сенаторской оппозиции против принципата, об оппозиционном общественном мнении или, еще совре-

⁴⁶ Syme R. *The Roman revolution*; Sattler P. *Augustus und Senat...*; Ruikes P. W. *Samenzweringen en intrigues tegen Octavianus Augustus Princeps* (Diss.) Nijmegen, 1966; Kienast D. *Augustus*. S. 119 f. etc. Cf.: Raaflaub K., Samons L. *Opposition to Augustus* // Raaflaub K. etc. *Between...* P. 417 f. with n. 2.

⁴⁷ Badian E. "Crisis theories" and the beginning of the principate // *Romanitas-Christianitas*. Berlin etc., 1982. P. 18–41; Cf.: Raaflaub K., Samons L. *Opposition to Augustus*. P. 417–454; Cogitore I. *La légitimité dynastique d'Auguste à Néron à l'épreuve des conspirations*. Rome, 2002. P. 47–62 etc.

⁴⁸ Boissier G. *L'opposition sous les Césars*. P., 1875 (русский перевод: Пг., 1915); P., 19055. Характеристика общества — раздел I. IV (P. 56–60), в разделе II. IV (P. 96–111) рассматриваются разновидности оппозиции; глава III (P. 112–169) посвящена проблемам, связанным с ссылкой Овидия, в т. ч. характеризуется общество времени Августа (P. 132–153).

меннее, — к подчинению литературных форм духовному сопротивлению»⁴⁹. Популярный труд Буассье привлек внимание к данной проблематике и до сих пор благодаря живости изложения служит популярным введением в предмет. Но выяснение специфики оппозиции в раннеимператорском Риме, в частности при Августе, стало задачей исследователей следующих десятилетий.

Оппозиция была темой и в работах, посвящённых принципату Августа. В советской историографии, трактовавшей его в основном в русле теории «фасада», оппозиция была важной деталью общей картины принципата. Н. А. Машкин был уверен в существовании «оппозиционной сенатской аристократии», для которой было характерно «увлечение римской стариной..., восхваление старых республиканских добродетелей, преклонение перед последними республиканцами — Брутом и Кассием...». Исследователь не проводил границ не только внутри принципата Августа, но даже между ним и, с одной стороны, временем гражданских войн, а с другой — «последующими периодами»⁵⁰. Такой подход вытекал из теории «фасада»: поскольку с самого начала «восстановленная республика» стала обманом и пропагандой, неизбежно появилась «политическая идеология сенаторского сословия».

И все же, рассмотрев отдельные заговоры против Августа, Машкин объективно оценил ситуацию. Он пришел к мнению, что еще в большей мере, чем в 44 г. до н.э., «большинство участников /заговоров/ руководствовалось личными интересами и действовало без определенных перспектив»⁵¹. Эти нюансы ускользнули от внимания Н. В. Убоженко, которая утверждала, что «все они /заговорщики/ были республиканцами, наиболее радикальными группировками, которые прибегали к насильственным мерам, стремясь восстановить республику»⁵². Автор отнесла к «республиканской оппозиции» в равной мере заговоры Лепида (30 г. до н.э.)⁵³, Цепиона и Мурены (23 г. до н.э.), Эгнация Руфа (19 г. до н.э., хотя последнему явно противодействовала сама «республиканская» знать) и другие. Перечисляя все попытки покушений на Августа, Убоженко пришла к заключению, что «...жизнь принцепса постоянно подвергалась угрозам со стороны многочисленных

⁴⁹ См.: Timpe D. *Geschichtsschreibung und Prinzipatsopposition* // Raaflaub K, Giovannini A. (hrsg.). *Opposition et résistances à l'empire d'Auguste à Trajan*. Genève, 1987. P. 65–102, на с. 66.

⁵⁰ Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 440–441, см. также раздел II.3.

⁵¹ Там же. С. 441, сравн. с. 440.

⁵² Убоженко Н. В. Заговоры против Августа // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1987. С. 127.

⁵³ Хотя автор и признала, что «цели заговора неизвестны» (там же. С. 125). Этот Лепид, сын триумвира, был казнен. Об этом заговоре сообщают: Vell. II. 88.1 sqq.; Liv. per. 133; App. b. c. IV. 216 sqq. Cf.: Sattler P. *Augustus...* S. 29 f.

противников установившегося режима»⁵⁴. Подобное смешение заговоров с оппозицией в освещении данной темы — не исключение.

Дальнейшее изучение материала показало неприемлемость подобных упрощений. И. П. Портнягина установила, что заговоры «не представляли опасности режиму принципата как таковому», будучи опасны лишь «для представителя верховной власти». Она констатировала, что мы «ничего не знаем о мотивах», подталкивавших заговорщиков. Ещё более важно заключение, что «Августу за все время его правления ни разу не пришлось столкнуться с республиканской оппозицией»⁵⁵. Взвешенно высказался по рассматриваемому вопросу и А. Б. Егоров: «Маловероятно, что заговоры организовывались с целью свержения принципата; все они были направлены на замену принцепса или вообще являлись актами личной мести без какой-либо определенной программы»⁵⁶.

Значительным шагом в изучении идеологии Ранней Империи была книга Х. Виршубски о *libertas*. Он пришёл к выводу, что сенат первого столетия нашей эры не стремился восстановить потерянное влияние. Сенаторам было достаточно сохранить свои привилегии, и пока принцепс обходился с ними соответствующим образом, оснований становиться в оппозицию не было. Важно, что автор обратил внимание на особую ситуацию при Августе. Тогда вопрос о возвращении свободной республики и вовсе не стоял на повестке дня, поскольку было достаточно оснований оценивать Рим того времени как *res publica* (в основном, фундаментальном значении)⁵⁷.

В своей основательной работе, посвященной оппозиции римским цезарям, Р. Макмаллен также указал, что оппоненты принцепсов преследовали прежде всего личные цели и интересы. Он даже констатировал, что для всего I века нет надёжных свидетельств оппозиции, которая бы ставила целью восстановить Республику. В качестве исключения он назвал лишь Кремуция Корда⁵⁸. Но даже республиканизм Корда в числе других оспаривают, например, Л. Р. Линд и С. Ратледж. Последний вообще не обнаруживает серьёзной идеологической оппозиции после смерти Юлия Цезаря. Тацитову риторику Ратледж всерьёз не принимает⁵⁹.

⁵⁴ Там же. С. 126–127. Этот вывод предваряется повторным замечанием о затруднительности определить цели «заговорщиков». Тем более неясно, на каком основании все они причисляются к «противникам режима».

⁵⁵ Портнягина И. П. Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата. С. 62.

⁵⁶ Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 112.

⁵⁷ Wirszubski Ch. *Libertas as a political idea at Rome during the late republic and early principate*. Cambr., 1950. P. 121–123, 137 etc. О *res publica* см. раздел IV.4.

⁵⁸ MacMullen R. *Enemies of the Roman order: treason, unrest, and alienation in the empire*. L., 1966. P. 2, 32.

⁵⁹ Lind L. R. *The idea of the republic and the foundation of Roman political liberty* // Deroux C. (ed.). *Studies in Latin literature and Roman history*. Vol. 4. Bruxelles, 1986. P. 44–108, esp. p. 90; Rutledge S. H.

Важным шагом в изучении оппозиции времени раннего принципата явился специальный коллоквиум, организованный в 1986 году швейцарским фондом Харта. В нём приняли участие известные исследователи. Примечательно, что время Августа в хронологические рамки обсуждаемой темы включено не было⁶⁰. Тем не менее, выступления имеют важное значение с точки зрения методологии. Они содержат ценный сравнительный материал. Во вступительном реферате К. Раафлауба дан обзор проблематики, предлагаются подходы к исследованию оппозиции и делаются некоторые предварительные обобщения⁶¹. Не менее важна статья Д. Тимпе «Историография и оппозиция принципату»⁶².

К. Раафлауб, совместно с Л. Сэйменсом, вернулся к оппозиции при Августе в специальной статье⁶³. Авторы пришли к выводу, что для режима, который длился почти половину столетия и привел к фундаментальным изменениям в государстве, надежных свидетельств о заговорах совсем немного. Они обратили внимание на то, что заговоры вне семьи принципса относились к первым двенадцати или пятнадцати годам принципата. Таким образом, не прослеживается усиления «сопротивления» по мере постулируемой монархизации режима⁶⁴. Также автор книги о «республиканизме» в ранней Римской империи С. Вилькинзон, подчёркивая политическую терпимость основателя принципата, обоснованно начинает своё исследование оппозиционного республиканизма лишь со времени Тиберия (процесс Кремуция Корда)⁶⁵.

Изучение заговоров в связи с эволюцией политического режима (см. разделы V. 4 слл.) побуждает нас в основном согласиться с выводами К. Раафлауба и Л. Сэйменса. Расхождения, имеющие принципиальный характер, связаны с пониманием «восстановленной республики» и должны быть рассмотрены отдельно. Проблематична предложенная авторами классификация оппозиции Августу, которую они делят на «политическую» и «интел-

Imperial inquisitions: prosecutors and informants from Tiberius to Domitian. L., 2001. P. 164, 167, 174, 351.

⁶⁰ Публикация докладов и обсуждений: Raaflaub K. A., Giovannini A (Hrsg.). *Opposition...* Обсуждались проявления оппозиции со времени Тиберия до Домициана. В своё время П. М. Роджерс начал рассмотрение оппозиции с правления Калигулы: Rogers P. M. *The stigma of politics: imperial conspirators and their descendants in the early Roman empire*. Microf. Univ. of Washington (Ann Arbor), 1979. P. 1 ff.

⁶¹ Raaflaub K. A. *Grundzüge, Ziele und Ideen der Opposition gegen die Kaiser Im I Jh. n. Chr.: Versuch einer Standortbestimmung* // Raaflaub K. A., Giovannini A (Hrsg.). *Opposition...* S. 1–55 (Discussion. S. 56–63).

⁶² Timpe D. *Geschichtsschreibung und Prinzipatsopposition...* S. 65–95 (Discussion. S. 96–102). Другие участники коллоквиума: A. Momigliano, Z. Yavetz, B. Levik, A. Giovannini, W. Eck, G. W. Bowersock, H. Zehnacker.

⁶³ Raaflaub K., Samons L. *Opposition to Augustus* // Raaflaub K., Bowersock G. (eds.). *Between Republic and Empire*. Berkeley etc., 1990. P. 417–454.

⁶⁴ Сравн.: *ibid.* P. 432.

⁶⁵ Wilkinson S. *Republicanism during the early Roman empire*. L., 2012. P. 39–41.

лектуальную». Первая связана с сенаторами и всадниками и проявлялась главным образом в сенате в виде (действительных или предполагаемых) заговоров. Вторая выражалась в основном ораторами и историками. Правда, тут же в примечании признаётся, что «это различие, конечно, несколько искусственное, поскольку большинство ораторов и историков были сенаторами»⁶⁶. Далее авторы предлагают еще понятие «духовной оппозиции», которой в цитируемой работе придаётся более широкий смысл, чем «интеллектуальной». На наш взгляд, здесь есть некая если не путаница, то неясность.

Оппозиция немыслима ни без политики, ни без «интеллекта». В поисках оппозиции важен отбор критериев. Оппозиция предполагает организацию (по крайней мере, более или менее обозначившуюся группу единомышленников), программу или хотя бы идеологию, которая включала бы определенные цели и задачи. Недостаточно каких-то смутных проявлений недовольства на рыночной площади или даже в курии. Оппозиция — это не то же, что спонтанные эпизодические выступления, вызванные стихийными бедствиями, отдельными мероприятиями правительства, а то и чьим-то чувством зависти или ущемленного честолюбия. С другой стороны, нельзя судить об оппозиции в Древнем Риме, основываясь на современных формах этого политического института⁶⁷. Среди различных оттенков значений этого слова и встречающихся в литературе классификаций⁶⁸ самым важным

⁶⁶ Raaflaub K., Samons L. *Opposition to Augustus*. P. 418 with n. 5

⁶⁷ Слова «оппозиция» в классической латыни не было. *Opponere* — переходный глагол со значением «противопоставлять» (также «оппонировать кому- или чему-либо») — не имело ничего общего с политикой. Для обозначения политического противостояния использовались иные прилагательные и словосочетания, как: *adversarius, inimicus, hostis, proditor, obtrectator, partes adversae, factiones adversae* etc. В качестве примера использования подобных выражений см.: Tac. ann. XVI. 28. О специфике понятия «оппозиция» для античности см.: Fritz K. Tacitus, Agricola, Domitian, and the problem of the principate // CPh. Vol. 52. 1957. P. 73–97; Raaflaub K. *Grundlage, Ziele und Ideen der Opposition gegen die Kaiser im I. Jh. n. Chr.: Versuch einer Standortbestimmung* // Raaflaub K. A.; Giovannini A (Hrsg.). *Opposition...* S. 2 f. (с указаниями на литературу и рассмотрением латинских обозначений для подобных явлений).

⁶⁸ Самое общее значение: Противопоставление своих взглядов или своей политики другим взглядам или политике (Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С. А. Кузнецова. 2009 (1-е изд.: СПб., 1998; цит по: gramota.ru;). Согласно другому словарю, оппозиция (от лат. *opponere* = противопоставлять) — в широком смысле слова сопротивление, направленное против авторитетов. В узком, политическом смысле оппозиция означает организованный, институализированный протест против правительства и его парламентского большинства, возникший в рамках основополагающего общественного консенсуса (Schüttenmeyer S. *Opposition* // Nolen D. (hrsg.). *Lexikon der Politikwissenschaft*. München, 2005³. S. 638). Пример классификации современных политических оппозиций: по степени напряженности отношения к системе — лояльная, имманентная системе в сравнении с фундаментальной, противоположной системе; по уровням воздействия — парламентская в сравнении с до- или внепарламентской; по длительности — систематическая или ориентированная на ситуацию (Steffani W. *Opposition* // Sontheimer K., Röhring H. H. *Handbuch des politischen System der Bundesrepublik Deutschland*. München, 1978. S. 427–433). В различных изданиях различают также оппозиции дискуссионную, радикальную, лояльную, конструктивную и деструктивную. Большинство современных вариантов, вроде парламентских оппозиций (к примеру, Her Majesty's Most Loyal Opposition в Великобритании, где ее лидер имеет статус оплачиваемого министра правительства) имеют мало общего с рассматриваемой нами ситуацией.

в данном контексте является критерий наличия или отсутствия оппозиционной идеологии. Ясным симптомом явилось бы идейное течение, критически относившееся к новому политическому режиму, определяемому при этом как «тирания». Другим значимым признаком было бы наличие группы (организации), выдвигающей в качестве альтернативы «тирании» возвращение к *res publica libera*. Обнаружение таких симптомов могло бы свидетельствовать об осознании в обществе «нового статуса» как «не-республиканского».

Возникновение оппозиции и ее оформление не могли стать единовременным актом, автоматически следовавшим из возникновения принципата. Тем более, что становление, а затем кристаллизация нового государственного строя были длительными процессами, занявшими десятилетия. Им не уступали по сложности изменения, происходившие в общественной психике и в общественном сознании. На некоторых временных отрезках они шли впереди и тем самым готовили политические и государственные преобразования, часто — значительно отставали. Для преодоления обществом одних настроений (эйфории, сопровождавшей установление гражданского мира) и вызревания других (ощущения политической несвободы) было необходимо время. Теоретическое осмысление перемен и оформление системы взглядов тем более далеко от автоматизма. Но хватило ли правления Августа для сколько-нибудь ощутимого завершения этого процесса?

Важно определить, где искать оппозицию. Обиженные, недовольные режимом могли прежде всего появиться в сословии сенаторов — политического класса Республики и Ранней Империи. Они были достаточно образованны и обладали опытом политической деятельности. Здесь ещё были те, кто по своему происхождению, богатству, влиянию теоретически могли претендовать на роль «принцепсов». В новой ситуации это стало для них невозможным, что могло восприниматься как ущемление «свободы». Ранее отмечалось, что недовольство знати сужением перспектив своего продвижения по лестнице государственных должностей заставило Августа отказаться от перманентного консульства.

Урегулирование 23 года до н.э. следует рассматривать не только как один из шагов на пути формирования политической системы принципата (разделы V. 4 сл.). Оно было важной вехой, обозначившей серьезные сдвиги в политической идеологии правящего класса. Принцепс время от времени также производил пересмотр приоритетов. Тогда он без особого сожаления расстался с консулатом. В последующем, уже через несколько лет после провозглашения Нового века, принцепс вновь направил усилия на подкрепление «республиканского» имиджа режима. Не подталкивала ли его к очередным политическим ходам оппозиция или ее угроза? Какими фактами мы здесь располагаем?

Заговоры и покушения на принцепса имели место. Но нет убедительных данных о стремлении заговорщиков изменить политический режим, в частности, «восстановить республику». Об отсутствии серьезной оппозиции свидетельствуют и скромные масштабы заговоров против Августа. Нет сведений о поддержке заговорщиков, сравнимой хотя бы со стремлением значительной части сенаторов восстановить республику после убийства Калигулы в 41 г. Обращает на себя внимание разве что недовольство активным вмешательством принцепса в ход разбирательства по делу М. Прима, в результате чего некоторые сенаторы проголосовали за оправдание обвиняемого (Dio LIV. 3. 2–6). Сочувствие сената, возможно, вызвали также Цепион и Мурена. Здесь могло быть естественное человеческое сопереживание по отношению к давно знакомым коллегам. Всё же в этих случаях, как и обычно, сенат как государственный орган в целом оказал безусловную поддержку принцепсу, осудив заговорщиков (раздел V.4 с примеч. 85).

Заговоры, которые хоть в какой-то мере можно расценить как направленные против правящего дома, относились к первому пятнадцатилетию принципата Августа. Но прослеживаются только личные мотивы. Что же касается предполагаемых покушений на власть Августа в последние годы правления: скандал с Юлией Старшей во 2 г. до н.э. и Юлией Младшей в 8 г. н.э., заговор Эмилия Павла, ссылка Агриппы Постума около 6/7 гг. н.э. — это были конфликты, происходившие внутри семьи принцепса. Сообщения о заговоре Цинны дают основания только для предположений и сомнений⁶⁹. Забегая вперёд, следует также констатировать отсутствие серьезного противостояния режиму в ходе перехода власти к Тиберию в 14 году. Большинство представителей политического класса беспокоило не проблема сохранения или изменения существующего порядка вещей, а вопрос о преемнике Августа (Тас. ann. I. 4. 2). Попытки солдат воспользоваться сменой принцепсов для улучшения условий своей службы не были поддержаны офицерами⁷⁰.

⁶⁹ Согласно Сенеке, заговор Гн. Корнелия Цинны Магна имел место примерно в 16–13 гг. до н.э. (Sen. clem. I. 9), а по Кассию Диону — в 4 г. н.э. (Dio LV. 14–22). Он был не просто помилован Августом, но в 5 г. н.э. получил консулат. Д. Кинаст допускает, что Цинна был приверженцем Тиберия. См.: Kienast D. Augustus. S. 139 mit Anm. 200 (с лит.); Raaflaub K., Samons L. Opposition to Augustus. P. 427 ff. with n. 39–41 (с лит.).

⁷⁰ К аналогичным выводам пришли К. Раафлауб и Л. Сэйменс: «Короче говоря, несмотря на все перечисления заговорщиков и общие замечания о частых заговорах, которые мы находим в источниках, есть конкретное свидетельство только об одном потенциально серьёзном заговоре (имеется в виду случай с Цепионом и Муреной), который мог бы интерпретироваться как показатель широко распространенной неудовлетворённости и оппозиции в среде правящего класса Рима. — И даже это свидетельство является шатким и полным проблем». И далее: «Для режима, который длился почти половину столетия и вызвал такие фундаментальные изменения, свидетельства о заговорах чрезвычайно ограничены. Невозможно никакое сравнение с кровавым господством Тиберия, Клавдия, Нерона и Домициана. Кроме того, ... нет и малейшего признака крупного заговора такого масштаба, который привёл к гибели Цезаря или Калигулы или был подавлен Нероном в 65 г. Наконец, все заговоры, не исходившие из самого центра власти, относятся примерно к первым двенадцати или пятнадцати годам принципата» (Raaflaub K., Samons L. Opposition to Augustus. P. 432 f.).

Проявления недовольства при Августе известны. Но они не носили характера политического движения, не имели оформленной, тем более, «республиканской», идеологии. Известные проявления протеста оказываются на поверку следствием ущемления корыстных интересов той или иной категории граждан. Несогласие проявлялось ропотом в курии или в ходе тайного голосования в суде. Подчас недовольство сенаторов и всадников заставляло принцепса отступать, откладывать выполнение своих планов. Но оно не было направлено против установившегося строя. Можно назвать некоторые случаи в дополнение к упоминавшимся. Угроза конфронтации возникала, когда привилегии значительных групп сенаторов затрагивались брачным законодательством или пересмотром состава сената (особенно в 18 г., когда Август явно опасался за свою жизнь, см.: Suet. Aug. 35. 1; Dio LIV. 12–15). Исключить неизвестной нам подоплёки в отношении отдельных сенаторов невозможно⁷¹, но следует отметить, что нет свидетельств, которые бы говорили о политическом характере «чисток»⁷². В этом случае источники не умолчали бы о попавших в число исключённых представителях нобилитета. Но как раз в отношении этих, казалось бы, самых опасных потенциальных соперников, Август проводил совсем иную политику. Он пытался всеми силами укреплять союз с ними, способствуя ускорению карьеры, посредством браков и другими способами. В Риме едва ли осталась хоть одна знатная семья, которая не могла похвастаться родством с принцепсом⁷³. Да, брачное законодательство, касавшееся прежде всего сенаторов и всадников, вызвало враждебность тех, кого это непосредственно задело. Но не было попытки выдвинуть по этому поводу какую-либо альтернативную политическую программу и её осуществить. Более того, как раз сенаторы требовали от Августа принятия этих мер (см. раздел VI.4).

О других слоях населения, в частности, плебсе и других жителях Города, известно, что они волновались при нехватке в городе продовольствия, пожарах, наводнениях. Возникали стихийные бунты. Однако здесь невозможно увидеть и намек на «республиканскую оппозицию». Более того, народ

⁷¹ Политические мотивы предполагали Р. Сайм (Syme R. The Roman revolution. P. 349 f.); П. Сатлер (Sattler P. Augustus... S. 32 f., 95–99); М. Леви (Levi M. A. Augusto e il suo tempo. Milano, 1986. P. 259 f., 287 f.); Д. Кинаст (Kienast D. Augustus. S. 161 — в том числе политические мотивы).

⁷² На этом же настаивает Раафлауб, обоснованно ссылаясь как на отсутствие конкретных данных о политических мотивах, так и на анализ свидетельств Кассия Диона (Dio LII. 19. 1–3, 42. 8 etc.) См.: Raaflaub K., Samons L. Opposition to Augustus. P. 433 f. with notes 68–71. Правда, следует иметь в виду, что самые радикально настроенные антицезарианцы были истреблены в ходе гражданской войны.

⁷³ Кинаст называет породнившихся с фамилией Августа Антониев, Эмилиев, Апулеев, Клавдиев, Корнелиев, Домициев, Фабиев, Юниев Силанов, Плавтиев, Рубелиев, Квинктилиев и Валериев Мессал. См.: Kienast D. Augustus. S. 171 ff.; cf.: Syme R. The Roman revolution. P. 421 ff.; Kraft K. Kleine Schriften I. S. 55 ff. etc.

в этих и других случаях выступал за наделение принцепса дополнительными, и даже чрезвычайными, полномочиями⁷⁴.

В период правления Августа политической оппозиции не обнаруживается. Отсутствуют хоть какие-либо упоминания об организации или группе людей, ставящих целью возврат к «свободной республике». Все говорит о том, что не было достаточно влиятельных социальных групп, интересам которых противоречил бы установившийся строй.

Но духовная жизнь римского общества времени Августа, как и любого другого, не исчерпывалась политикой. Ограничившись поиском явной политической оппозиции и ее идеологии, можно упустить шанс выявить другие формы, в которых могло проявляться и развиваться политическое сознание социума. Такое сужение предмета рассмотрения характерно для упомянутой ранее статьи К. Раафлауба и Л. Сэйменса. Их интересуют лишь представители политического класса⁷⁵. Разумеется, сенаторы и всадники играли решающую роль в политической жизни и в управлении государством. И все же исключение из рассмотрения представителей всех других групп населения, как и форм духовной жизни общества, непосредственно не связанных с политикой, ограничивает возможности исследования. Тем более, что изменения в общественном сознании, которые могут вылиться в оппозиционные выступления и революции, начинаются порой с безобидных догадок или далеких от политики стихов.

В римском обществе, имевшем образованную элиту, существенную роль играли творчески мыслящие люди. Это не всегда зависело от их происхождения. В зависимости от обстоятельств, их мнения могли расходиться с официальной идеологией. Недовольство, получившее яркое художественное или литературное воплощение, легко могло превратиться во влиятельное общественное настроение, стать политическим фактором.

Если во времена Августа действительно были попытки критически осмыслить его правление как отказ от «республики», разрыв с республиканской традицией, и соответственно, зародилась идеология, альтернативная «восстановлению республики», она не могла, какие бы усилия ни прилагала любая правительственная цензура, не оставить следов в исторической традиции. Поскольку прямые данные отсутствуют, остается проверить косвенные указания, помещенные между строк намеки, следы полемики — все то, что знакомо по тысячелетнему опыту идеологических борений в условиях государственного насилия или его угроз.

⁷⁴ Напр., в 6 г. н.э. (Dio LV. 27. 1–3). Сравни.: Yavetz Z. Plebs and princeps. Oxf. 1969 (repr. 1988). Ch. 2 and 5. См. также раздел V.5.

⁷⁵ Raaflaub K., Samons L. Opposition to Augustus... P. 418, см. выше, с примеч. 63 сл., 66.

IX.5. Философия и показания поэтического барометра

Поиски следов оппозиционной идеологии в период правления Августа следует начать с философии. Ведь первые бесспорные проявления оппозиции в период раннего принципата были связаны с «философской», или «стоической» оппозицией. Правда, относятся они уже ко времени Нерона⁷⁶.

Во времена Августа «философская» оппозиция не засвидетельствована. Она не упоминается ни одним из авторов, современных или более поздних. Но наличие «философской» оппозиции через полстолетия предполагает некие истоки и предпосылки. Нельзя ли обнаружить их следы во времена Августа, пусть даже в смежных сферах интеллектуальной активности или в других жанрах литературы?

Римская литература, будь то историография или лирическая поэзия⁷⁷, развивалась под мощным влиянием эллинистической культуры⁷⁸. В то же время в ней отразились проблемы, волновавшие римское общество. Сохранившиеся сочинения различных жанров позволяют обнаружить их, определить направление социального развития, различить ведущие идеи. Чувствительным резонатором настроений различных групп населения была достигшая тогда величайшего расцвета поэзия. Раафлауб и Сэймонс исключили поэтов из своего рассмотрения, поскольку эта «особая группа» состояла из «пишущих, а не действующих»⁷⁹. Но поэты были людьми, тонко воспринимавшими окружающее, наблюдательными, и к тому же умевшими точно (но не прямолинейно) формулировать мысли, чувства современников и свои основанные на незаурядной интуиции догадки.

Поэзия «золотого века» — выдающееся явление мировой культуры. Это была целая плеяда поэтов, до сих пор занимающих вершины мировой ли-

⁷⁶ О «философской» или «стоической» оппозиции первым принципсам см.: Toynbee J. M. C. *Dictators and philosophers in the first century A.D.* // G & R. Vol. 13. 1944. P. 43–58; MacMullen R. *Enemies of Roman order*. Cambr., Mass., 1966. P. 46–94; Brunt P. A. *Stoicism and the principate...* P. 7–35; Michel A. *La philosophie politique a Rome d'Auguste a Mark Aurele*. P., 1969; Maier W. *Philosophie und römisches Kaisertum*. Wien, 1985; Griffin M. T. *Seneca: a philosopher in politics*. Oxf., 1992²; Rudich V. *Dissidence and literature under Nero: The price of rhetoricization*. N. Y., 1997; Fuhrmann M. *Seneca und Kaiser Nero. Eine Biographie*. Berlin, 1997 etc. На русском языке, кроме цитировавшихся работ Е. М. Штаерман и Г. С. Кнабе, а также нашей статьи «Iners otium» в сборнике под ред. Г. С. Кнабе «Быт и история в античности», см.: Кочеров С. Н. *Стоическая оппозиция в римском сенате (Опыт морального сопротивления тирании)* // *Античность и раннее средневековье...* Н. Новгород, 1991. С. 78–93.

⁷⁷ Некоторые положения этой главы излагались автором ранее, в т.ч. в статье: Межеричкий Я. Ю. *Поэзия и политика времени становления принципата*. // *Nostos*. Афины, 2001. С. 77–90.

⁷⁸ Лосев А. Ф. *Эллинистически-римская эстетика*. М., 1979. Популярный обзор: Немировский А. И. *История...* (2007). С. 365–450. О проникновении эллинистической культуры в Риме: Штаерман Е. М. *Эллинизм в Риме* // ВДИ 1994. № 3; Немировский А. И. *Ук. соч.* С. 497 слл., 581–636; Petrochilos N. *Roman attitude to the greeks*. Athens, 1974. P. 23–33, 141–162 (подборка свидетельств); Gruen E. *The Hellenistic world and the coming of Rome*. 2 vols. Berkeley etc., 1984. P. 250–272 etc.

⁷⁹ Raaflaub K., Samons L. *Opposition to Augustus*. P. 436 f.

тературы: Вергилий (70–19 до н.э.), Гораций (65–8 до н.э.), Тибулл (50–19 до н.э.), Проперций (47–2 до н.э.), Овидий (43 г. до н.э. – 17 г. н.э.)⁸⁰. Вряд ли случайно расцвет творчества величайших римских поэтов приходится на «Августов век». Как и то, что ни один из них не усмотрел, по-видимому, в установлении принципата ничего антиконституционного, антиримского, антиреспубликанского. Более того, Вергилий, Гораций и Овидий, каждый по-своему, приветствовали эту власть и по существу оказались глашатаями нового режима.

Некоторые исследователи склонны объяснять лояльность поэтов по отношению к Августу прежде всего меркантильными интересами, в частности, желанием угодить всемогущему властителю и страхом перед наказанием за публичное осуждение режима. Указывается на роль литературного патроната⁸¹. Особое внимание обращает на себя энергичная деятельность сподвижника Августа Мецената по привлечению на сторону правительства выдающихся писателей и художников⁸².

Разумеется, и выдающиеся поэты — люди с присущими им слабостями. В Риме занятие литературным творчеством для человека скромного достатка было невозможно без покровителя. Некоторые поэты в период смут и потрясений лишь благодаря высокопоставленным заступникам избежали конфискации и преследований. И все же не следует судить о великих по обывательским меркам. Высокая поэзия и раболепная преданность «хозяину» несовместны. Фальшь рано или поздно становится явной. Истинно выдающееся не может быть создано под воздействием страха, принуждения или за деньги. Непременное условие вдохновения — согласие

⁸⁰ Общая характеристика: Нагуевский Д. И. История римской литературы. Т. 2: Век Августа. Казань, 1915; Тронский И. М. История античной литературы. М., 1988². С. 346–401; Гаспаров М. Л. Греческая и римская литература I в. до н. э. Греческая и римская литература I в. н. э. // История всемирной литературы. Т. 1. М., 1983. С. 437–485; Альбрехт М. фон. История римской литературы. Пер. с нем. М., 2002–2004. Т. 1–2 (особ. Т. 2. М., 2004. Третья глава. Литература эпохи Августа. С. 705–973); Schanz M, Hosius C. (Bearb.). Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian. Bd. 2. Die römische Literatur in der Zeit der Monarchie bis auf Hadrian (Nachdr. der 1935⁴ Aufl.). München, 1967; Binder G. (Hg.). Saeculum Augustum. II. Darmstadt, 1988. S. 173–446; Gall D. Die Literatur in der Zeit des Augustus. Darmstadt, 2006. Статьи по литературе Августова века размещены в нескольких томах издания: ANRW II. Bd. 30. 1–3; 31. 1–4; 32. 1 etc.

⁸¹ О литературном патронате в конце Республики и в период Ранней Империи см.: Gold B. K. (ed.) Literary and artistic patronage in ancient Rome. Austin, Tex., 1982 (в частн.: Williams G. Phases in political patronage of literature in Rome. P. 3–27; White P. Positions for poets in early imperial Rome. P. 50–66 etc.); Gold B. K. Literary patronage in Greece and Rome. Chapel Hill etc., 1987 (в частн., о Горации и Меценате, с. 115–141) etc.

⁸² В качестве типичного примера назовем «Римскую революцию» Р. Сайма. В XXX главе под названием «Организация общественного мнения» Меценат изображен в качестве функционера, с помощью которого Август осуществлял свою пропагандистскую деятельность. Указывая, что Ливий, Гораций и Вергилий были в дружеских отношениях с Августом, Сайм подчеркивал, что «личные и материальные интересы» могли «подкреплять, если не искажать, чувства, естественные для представителей миролюбивого и не участвовавшего в политике слоя общества» (Syme R. The Roman revolution. P. 464–465). См. также: Dalzell A. Maecenas and the poets // Phoenix. 1956. Vol. X. P. 151–162 (г. о. о Меценате и Горации); Giebel M. Maecenas: Freund und Förderer der Talente in Rom, Patron der Stifte. Fürstenfeldbruck, 2000.

с самим собой, искреннее чувство, подпитывающееся общественными настроениями⁸³.

Против упрощения говорит и непредвзятый взгляд на общую ситуацию. Политическая стабильность, экономическое процветание создали условия для досуга и способствовали культурному расцвету. Поэзия стала излюбленным времяпровождением зажиточных образованных граждан и модным занятием. Сохранившиеся отрывочные данные позволяют выявить не менее 50 имен поэтов времени Августа. Это предполагает также достаточно широкую аудиторию. Слово популярного поэта приобретало общественный резонанс. Свобода художественного творчества обеспечивалась тем, что в качестве покровителей выступали многие влиятельные аристократы, сохранявшие относительно независимые позиции. Так, литературные кружки группировались, кроме Мecenата, вокруг других государственных деятелей и ораторов, из которых наиболее известны Мессала Корвин и Азиний Поллион⁸⁴.

Политические взгляды и симпатии поэтов Августовского века исследовались многими филологами-классиками и историками⁸⁵. Это позволяет, опираясь на сделанные наблюдения, сосредоточиться на некоторых ключевых для нашей темы аспектах. Мы попытаемся проследить изменения в отношении некоторых поэтов к политике Октавиана-Августа в связи с личными обстоятельствами, общей обстановкой, а главное — вследствие трансформаций, происходивших в мироощущении и в сознании определенных социальных групп. При этом следует иметь в виду, что поэзия была связана с политикой в основном опосредованно. Важнейшие перемены в обществе и личные пе-

⁸³ На истинности и глубине чувств, стоявших за восхвалениями поэтов, в свою очередь основанных на искренности самого Августа, настаивал, и не без оснований, М. Хэммонд (Hammond M. The sincerity of Augustus. P. 143). Рассмотрение литературных произведений приводит также многих современных исследователей к подобным выводам. См., напр.: Сергеев Д. Д. Представления о государстве и государственной власти римских писателей эпохи Августа // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 308.

⁸⁴ Об относительной независимости Мессалы Корвина и Азиния Поллиона, как и о свободе мнений при Августе в целом, говорил позднее Кремуций Корд (Тас. ann. IV.34, сравн. далее, раздел IX.6; мнение самого Тацита рассматривалось ранее, в разделе IX.3). М. Л. Гаспаров предположил, что в отличие от самого Августа, который в большей мере ждал от поэтов прямого прославления себя и членов своей семьи, «...Меценат был более чуток, позволял "своим" поэтам больше свободы и гибкости и едва ли не оберегал их от прямого давления Августа... Поэзия, обессмертившая Августа, создавалась не по его заказу, а во многом вопреки ему, — об этом не следует забывать» (Гаспаров М. Л. Избранные труды Т. 1. О поэтах. М., 1997. С. 79). О Поллионе также см. раздел IX.6.

⁸⁵ Особое внимание социально-политическим аспектам литературы «века Августа» уделено в работах: Griffin J. Latin poets and Roman life. L., 1985; id. Augustus and poets... // Caesar Augustus: seven aspects. P. 189–218; Williams G. Change and decline: Roman literature in the early empire. Berkeley, 1978; Woodman T., West D. (eds.). Poetry and politics in the age of Augustus. L., N.Y., 1984; Phillips C. R. Rethinking Augustus poetry // Latomus. Bd. 42. 1983. P. 780–817; Binder G. Saeculum Augustum. Bd. II. Darmstadt, 1988 (работы ставших уже классиками авторов: E. Lefèvre, A. Alföldi, P. Grimal, G. Binder, L. Wickert etc.); Little D. Politics in Augustan poetry // ANRW II. Bd. 30.1. P. 254–370 (с обширной библиографией); Kienast D. Augustus. S. 274 f.; Mutschler F.-H. Die res publica restituta des Augustus im Spiegel augusteischer Dichtung. // Haltenhoff A. etc. (Hgg.). Römische Werte und römische Literatur im frühen Prinzipat. Berlin; N.Y., 2011. S. 23–52.

реживания могли осмысливаться в различных пропорциях под влиянием культурной среды, на формирование которой оказали влияние идеи, пришедшие в Рим из мира эллинизма.

Менее всего шансов найти следы видимых перемен в жизни Вергилия (см. цвет. илл. 21), которая в период зрелого творчества прошла без серьезных потрясений⁸⁶. Он пользовался поддержкой Мецената и Октавиана, а в своих произведениях высказывал идеи, вполне отвечавшие политике своих высоких покровителей. Однако значит ли это, что поэзия Вергилия была составной частью Августовой пропаганды⁸⁷? В любом случае сочинения Вергилия (как и других поэтов) являются ценными свидетельствами при исследовании эволюции принципата. Но если при положительном ответе на поставленный вопрос они должны рассматриваться в качестве прямого проявления правительственной политики, то при отрицательном — прежде всего как выражение мировоззрения поэта, а также настроений определенных кругов гражданского общества.

Написанные Вергилием в 42–39 гг. до н.э. «Буколики» («Эклоги»)⁸⁸ посвящены скромным радостям и горестям пастушеской жизни. Вергилий уходит в этот вымышленный идиллический мир от политических бурь, которые не миновали и самого поэта: в 42 г., во время конфискации земли для ветеранов, у него была отнята усадьба, возвращенная лишь благодаря заступничеству влиятельных друзей перед Октавианом. Эта ситуация отразилась в двух из десяти эклог, 1-й и 9-й. В первой один из пастухов, Мелибей, сетует на свою горькую судьбу: засеянная им земля достанется нечестивому солдату, а истинный хозяин вынужден покинуть свою родину. Другой пастух, Титир, сохранил свой участок. Он исполнен благодарности «боже-

⁸⁶ Творчеству Вергилия, включая его политико-идеологический контекст, посвящены сотни, если не тысячи, работ. См. напр.: Дератани Н. Ф. Вергилий и Август // ВДИ. 1946. N 4. С. 66–75; Аверинцев С. С. Внешнее и внутреннее в поэзии Вергилия // Поэтика римской литературы. М., 1989. С. 22–52; Вулих Н. В. Поэзия и политика в «Энеиде» Вергилия // ВДИ. 1981. N 3. С. 147–160; Гаспаров М. Л. Вергилий — поэт будущего // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979; Забулис Г. К. *Saturnia tellus* Вергилия (к вопросу о формировании идеологии эпохи Августа) // ВДИ. 1960. № 2. С. 95–123; Ошеров С. А. История, судьба и человек в «Энеиде» Вергилия // Античность и современность. М., 1972. С. 317–319. Альбрехт М. фон. История римской литературы. Пер. с нем. Т. 2. М., 2004. С. 735–780. Также см.: Pöschl V. *Die Dichtkunst Virgils*. Wiesbaden, 1950; Buchner K. *Vergilius Maro, der Dichter der Römer*. Stuttgart, 1960; Stocker A. F. *Vergil in the service of Augustus* // *Vergilius*. Vol. 26. 1980. P. 1–9; Opperman H. (hrsg.). *Wege zu Vergil*. Darmstadt, 1963; Wlosok A. *Vergil in der neueren Forschung* // *Gymnasium*. B.d. 80. Hft. 1/2. 1973. S. 139–141, cf.: id. (Hrsg.). *Vergil in der neueren Forschung*. Heidelberg, 1973 etc.

⁸⁷ Именно так интерпретирует поэзию Вергилия Н. А. Машкин (Принципат Августа. С. 569–572). В 70–80-е гг. М. Л. Гаспаров, Н. В. Вулих, Г. К. Забулис, опровергая эту точку зрения, настаивали на самостоятельности, «полифоничности» и внутренней независимости поэта перед лицом Августа. См. обзор оценок творчества Вергилия по этому и другим вопросам в статье С. С. Аверинцева «Внешнее и внутреннее в поэзии Вергилия», особ. с. 29–38, в т.ч. о советской историографии с. 34–35.

⁸⁸ Асконий Педиан свидетельствует, что Вергилий приступил к написанию «Эклог» в возрасте 28 лет; Донат отводит на них 3 года. См.: Diehl E. *Die Vitae Virgilianae und ihre antiken Quellen*. Bonn, 1911. S. 44 (1.1); 14 (1.23). Cf.: Rose H. J. *The Eclogues of Vergil*. Berkeley, 1942. P. 251.

ственному юноше» (Октавиану) за счастье и дальше наслаждаться жизнью в своей Аркадии. Личная драма, положенная в основу этого сюжета, иногда рассматривается как эпизод, сыгравший решающую роль в превращении Вергилия в глашатая нового режима⁸⁹.

Такая трактовка должна быть отвергнута уже по причине ее примитивности, явно не соответствующей богатству мыслей и чувств великого поэта. Но она противоречит и содержанию «Буколик». Вергилий предстает здесь отнюдь не послушным клиентом, и не состоящим на содержании Октавиана и Мецената пропагандистом режима. Большую часть первой эклоги составляют сетования Мелибея на царящую в связи с конфискациями Октавиана несправедливость; таково же настроение девятой⁹⁰. Недостаточно обоснована версия, согласно которой в знаменитой четвертой эклоге имеется в виду ребенок Октавиана⁹¹. Наиболее значимым реальным лицом в «Буколиках» оказывается не триумвир, а известный политический деятель и покровитель искусств Азиний Поллион (Verg. ecl. III, IV, VIII)⁹². В целом, первое входящее в канонический корпус сочинение Вергилия говорит о духовной независимости поэта. Воспевание тихой сельской жизни противопоставлялось ужасам гражданских распри. Выход из постигшей Италию катастрофы поэт видел в возвращении к простоте и безыскусности воображаемой Аркадии. Возрождение Сатурнова царства обуславливалось рождением чудесного спасителя и появлением нового поколения людей. Непохоже, что эти мысли были результатом чьего бы то ни было «заказа». Поэ-

⁸⁹ Основанное на сомнительных свидетельствах и приписываемых раннему Вергилию фрагментах и стихах (в частности, "Culex") мнение, согласно которому будущий поэт и юный Октавиан были знакомы со школьных лет, не выдерживает критики. (Его придерживался Т. Франк: Frank T. Vergil: a biography. N.Y., 1922. P. 18, 28 ff.; cf. 89, где утверждается, что Вергилий «всегда был предан» Октавиану). Сравн.: Fredricksmeier E. A. Octavian and the unity of Virgil's first eclogue // Hermes. Bd. 94. 1988. P. 208–218; Hardie C. G. Octavian and Eclogue I // The ancient historian and his materials. Farnborough, 1975. P. 109–122.

⁹⁰ На критические ноты в отношении Октавиана в этих и некоторых других эклогах уже давно обратили внимание: Glover T. R. Virgil. L., 1915³. P. 25–26, 154–155; Conway R. S. Harvard lectures on the Vergilian age. Cambr., Mass., 1928. P. 32–35. Cf.: Starr Ch. Essays on ancient history. Leiden, 1979. P. 230, n. 5. Упоминание в ecl. IX. 47 звезды Цезаря относится к диктатору, смерть которого связывалась Вергилием с развязыванием гражданских войн. Сравн.: georg. I. 466 sqq.

⁹¹ Среди иных версий: ребенок Поллиона; сам нарождающийся Золотой век (напр.: Полонская К. П. Ук. соч. С. 18). Последняя точка зрения, видимо, неправомерна уже потому, что в IV эклоге речь идет лишь о золотом поколении людей, а не «веке». Представляется, что вопрос о личности младенца не имеет принципиального значения, поскольку для самого поэта важен был не конкретный новорожденный, а вызванный фактом его рождения образ. Само понятие «золотой век» (множ. число — *aurea saecula*) появилось в «Энеиде», где также впервые в развернутом виде представлена концепция второго Золотого века при Августе. Подробнее см.: Чернышов Ю. Г. Три концепции «Сатурнова царства» у Вергилия // Античная гражданская община. Л., 1986. С. 102–110; его же. К проблеме «самооценки» принципата Августа. С. 44–46; его же. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. II. С. 20 слл.

⁹² Один из античных биографов Вергилия, Сервий, несколько упрощая дело, указывает, что «Эклоги» были созданы при покровительстве Поллиона, «Георгики» — Мецената, «Энеида» — Августа (Diehl E. Die Vitae... P. 41 (II. 17 sqq.). Cf.: Bennet H. Vergil and Pollio // AJPh. Vol. LI. 1930. P. 325–342; Starr Ch. Virgil's acceptance of Octavian // AJPh. Vol. 76. 1955. P. 41 f. (= Starr Ch. Essays on ancient history. P. 235 f.).

тический гений воспринимал, преобразовывал и отливал в стихи те чаяния, которые наполняли окружающую духовную атмосферу.

Примерно тогда, когда Вергилий сочинял «Буколики», Октавиан, вынужденный заниматься конфискациями земли и терроризировать недовольных, все яснее понимал бесперспективность такой политики. Он приходил к необходимости учитывать традиционалистскую идеологию италийского населения. После Филипп (42 г.) и перузийских событий (41 — февраль 40 гг.) намечается новый политический курс. Октавиан пытается найти более широкую социальную опору, чем только ветераны Цезаря. Поворот триумвира к гражданскому населению Италии вызвал симпатии со стороны Вергилия (и Горация). Поэзия и политика в этот момент двигались навстречу друг другу, поскольку подпитывались одним и тем же источником — настроениями италийцев⁹³.

Вергилий с недоступной никому более силой сумел выразить бродившие в общественном сознании идеи и чувства. Будучи сформулированы гениальным поэтом, они приобрели дополнительную мощь. Не в последнюю очередь потому, что были замечены Меценатом и подхвачены Октавианом⁹⁴. Созвучие высокого искусства и расчетливой политики послужило основой особых отношений, установившихся вскоре между поэтом и властью. Но спустя тысячелетия можно сказать, что дающей стороной здесь был не столько богатый и влиятельный Меценат и даже не становившийся все более могущественным Октавиан, а прежде всего тихий и кажущийся по-деревенски простоватым Вергилий. Без него и других творческих людей не состоялся бы «Августов век», который до сих пор известен как один из самых значительных периодов в истории Европы.

Вергилий до конца жизни оставался с Августом и Меценатом, но их близость никогда не ограничивалась прагматическими интересами. В основе лежало сходство в понимании проблем, стоявших перед обществом, вера в великое будущее Рима, связанное с судьбой Августовой «восстановленной республики». Вергилий был мощным преобразователем импульсов, шедших, с одной стороны, от правительства, а с другой — от различных слоев италийского гражданства. Поэтому содержание произведений поэта может служить показателем изменений в идеологии и политике принцепата в меньшей мере, чем юридические акты и широкомасштабные реформы.

В «Георгиках» (36–29 гг.) Вергилий воспел сельскохозяйственный труд. Это произведение, заказанное Меценатом, прямо соотносится с сформировавшейся после разгрома С. Помпея и в период противоборства с Антонием

⁹³ Cf.: Starr Ch. Virgil's acceptance... P. 38–40 (= Starr Ch. Essays... P. 228–240).

⁹⁴ Меценат представил Вергилия Октавиану уже после того, как тот завершил «Эклоги» (ок. 39–38 гг.). Об этом сообщает один из античных биографов поэта — М. Валерий Проб (Probus l. 17, cf.: Diel E. Die Vitae Virgilianae... P. 43).

идеологией и политикой реставрации «республики» и древних нравов, в основе которых лежал простой и здоровый образ жизни земледельца. Курс на восстановление сельского хозяйства и тем самым — возрождение римского величия полностью соответствовал настроениям Вергилия. В то же время содержание поэмы было созвучно Августовой политике наделения земель ветеранов и городского плебса, создания нового социального слоя, который должен был служить верной опорой создававшемуся режиму.

Самым выдающимся произведением Вергилия справедливо считается эпическая поэма «Энеида» (29–19 гг.). В ней описываются подвиги мифического родоначальника рода Юлиев и всех римлян Энея, который был сыном Анхиза и богини Венеры. Бежав с престарелым отцом и маленьким сыном Юлом из горящей Трои, преодолев многочисленные препятствия, Эней выполнил волю богов и привел своих единоплеменников на берег Италии, чтобы основать государство, призванное править миром. Вслед за Энеем и другими героями римской истории осуществить великие предначертания было суждено Августу, при котором вновь должен наступить Золотой век (Verg. Aen. VI. 792, VIII. 324 sq.)⁹⁵.

Заказчиком поэмы был сам Август, в число задач Вергилия входило прославление рода Юлиев. Однако поэт вышел далеко за рамки «пропагандистских» задач. Истинным предметом «Энеиды» стали не история, а миф, не Август, а Рим, не свершенные подвиги, а predetermined миссия⁹⁶. Хотя содержание эпоса соответствовало политике правительства, здесь, как и в предшествующих произведениях, Вергилий отнюдь не ограничивался оправданием уже осуществленных или обоснованием текущих мероприятий. Поэт всегда опережал важнейшие шаги правительства. «Буколики» подготавливали почву для Августовой идеологии реставрации и мира. «Георгики» напоминали обществу о традиционной системе ценностей, переключая его внимание на созидательный труд в годы, когда атмосфера была накалена противоборством Октавиана и Антония. Но речь идет не только об опережении на месяцы и годы.

Духовный мир Вергилия был неизмеримо шире и глубже сиюминутных политических проблем; свободный от решения практических задач, поэт намечал пути, по которым Риму и человечеству предстояло идти в грядущие десятилетия и века. Через два года после смерти Вергилия состоялись Секулярные игры, знаменовавшие наступление нового века. Еще не одно столетие римская политика направлялась имперской идеей, с такой силой и откровенностью сформулированной в «Энеиде»:

⁹⁵ См. работы, указанные в примеч. 85, а также: Williams R. D. *The Aeneid*. L., 1987; Stahl H.-P. (ed.). *Aeneid: Augustan epic and political context*. L., 1998; О понятии «Золотой век» у Вергилия см. также раздел VI. 6.

⁹⁶ Гаспаров М. Л. *Греческая и римская литература I в. до н.э. С. 459.*

*«Одушевленную медь пусть куют другие нежнее,
Пусть из мраморных глыб ваяют живущие лики,
Лучшие в судах говорят, движенья небесного круга
Тростию лучшие чертят и восходы светил возвещают, —
Твой же, римлянин, долг — полновластно народами править!
Вот искусства твои — предписывать миру законы,
Всех покоренных щадить и силой смирять непокорных».*

(Aen. VI. 847–853. Пер. Ф. А. Петровского)

Поэма пронизана идеями предопределения, приоритета нравственного начала, мыслью о роли в истории и сверхприродных сил, которые неизбежно выводили ее содержание за узкие рамки правительственной идеологии и текущей политики⁹⁷. Правление Августа, каким бы выдающимся принципом он ни оказался, было в конечном итоге моментом человеческой истории, творения Вергилия — достоянием вечности. Не он прислуживал власти — она прислушивалась к поэту и черпала из сокровищницы его мыслей. Тем более поддержка Вергилием Августа свидетельствует о том, что политика основателя принципата была не хитрой выдумкой, а отвечала жизненным потребностям «республики» и «империи Римского народа».

Перед смертью Вергилий хотел уничтожить «Энеиду». Сказалась ли только неудовлетворенность художественным несовершенством, поскольку не хватало времени на завершение и редактирование? Или после стольких лет размышлений и творческих мук открылось еще одно потайное дно, которое диктовало необходимость переставить все акценты? Возможно, исчерпав возможности, которые предоставлял первоначальный замысел, поэт увидел его ограниченность? Практическое воплощение вдохновлявших поэта идей «восстановления республики» и Сатурнова царства, вероятно, преподносило сюрпризы, а то и вело к разочарованиям. Опубликованная по прямому указанию Августа, вопреки воле поэта, эпическая поэма стала новой, наряду с анналистическими и антикварными сочинениями, опорой «римского мифа». Без нее была бы иной культура, идеология, в какой-то мере даже история Римской империи.

Судьба Горация в некоторых пунктах повторила путь Вергилия. Но индивидуальности и таланты сильно различались. Выдающиеся современники не были соперниками — они во многом дополняли друг друга. Сегодня произведения этих и других поэтов помогают создать объемное видение духовных коллизий эпохи. Гораций был сыном вольноотпущенника, воспитанным в духе верности республике. Оказавшись в Греции после смерти

⁹⁷ См.: Hardie Ph. Virgil's Aeneid: Cosmos and imperium. Oxf., 1986; Henry E. The vigour of prophecy: A study of Virgil's Aeneid. Bristol, 1989.

Цезаря, он принял участие в битве при Филиппах на стороне Брута, о чем позднее вспоминал не без некоей бравады⁹⁸. По возвращении в Италию Гораций при посредничестве Вергилия и Вария (также известного поэта) познакомился с Меценатом; завязавшаяся дружба продолжалась до самой смерти Мецената в 8 г. до н.э. Советник Августа подарил Горацию сабинскую усадьбу — пристанище муз поэта. Но их связывало нечто большее, чем меркантильные интересы и политические расчеты. Поэт лишь на два месяца пережил своего покровителя, своим наследником он объявил Августа⁹⁹.

Человек мятущейся души, Гораций всю жизнь добивался независимости не только материальной, но и духовной. Он искал свободы на пути самосовершенствования, достижения внутренней гармонии, равновесия. Отсюда — знаменитая философия «золотой середины», столь характерная для духа времени. Если внимание Вергилия было сосредоточено на мифологически осмысливавшейся истории, то Горация волновала прежде всего практическая философия: проблемы морали, искусство жизни. Вергилий искал ответ на вопросы о мироустройстве и воле богов, при том, что в центре его космоса всегда оставался Рим. Гораций жаждал личного счастья, достижения, невзирая на «внешние» потрясения¹⁰⁰.

Начинавший как «республиканец», Гораций поначалу относился к Октавиану настороженно и подозрительно, однако со временем проникся к нему симпатией, с неподдельным энтузиазмом восприняв лозунг «восстановления республики». В 7 и 16 эподах (написанных в 30-е гг.) он изобразил трагедию римского народа, обрекающего себя на гибель междоусобицами и пролитием братской крови. В противоположность Вергилию, примерно тогда же предсказывавшему приближение Золотого века на итальянской земле, Гораций, предвидя ждущую Рим катастрофу, призывал к бегству за океан, на острова блаженных (epod. 16).

Позже ностальгическая тоска по древней крестьянской Италии и «надломленной доблести» павшей республики (carm. III. 6) не помешала поэту прославлять Октавиана, одержавшего верх над Антонием и Клеопатрой¹⁰¹. Похоже, что Гораций был в числе увлеченных порывом патриотизма, и время от Акция до Александрии оказалось периодом самой горячей приверженности поэта Октавиану. Возвращавшегося в Рим победителя Гораций

⁹⁸ См.: Hor. carm. II. 7, III. 4, 26; sat. I. 6, 7; epist. I. 20, 23, II. 2. sqq.

⁹⁹ См. Suet. vita Hor. 8. Cf.: Hor. carm. II. 17. В произведениях Горация разбросано много автобиографических сведений, см. особ. Hor. sat. 16. Гораций умер 27 ноября 8 г. до н.э., через 59 дней после смерти Мецената.

¹⁰⁰ О социально-политических мотивах творчества Горация см. напр.: Bailey S. Profile of Horace. Cambr., Mass., 1982; Cremona V. La poesia civile di Orazio. Milano, 19862; D'Alton J. F. Horace and his age. A study of historical background. N.Y., 1962; Doblhofer E. Horaz und Augustus // ANRW II. Bd. 31, 3. 1981. S. 1922–1986; Lefevre E. Horaz und Maecenas // ibid. S. 1987–2029 etc.

¹⁰¹ Hor. epod. 1. 9, cf. odes 1. 37.

возвеличивал в образе Меркурия; усмирителя гражданских распрей поэт называл *dux, pater, princeps* (ibid. I. 12). В первых книгах «Од» (опубликованных в 23 г. до н.э.) прослеживается самая искренняя признательность Августу (ibid. I. 12; III. 4; 5 etc.). Поэт разделял с согражданами чувство благодарности принцепсу за прекращение гражданских войн и поддерживал курс на «восстановление республики»¹⁰².

Судя по хвалебным стихам, Гораций всегда оставался приверженцем Августа, хотя его энтузиазм со временем иссякал. Около 25 г. до н.э. Гораций отказался от предложенной ему должности личного письмоводителя принцепса. Август не обиделся, продолжая предлагать поэту свою дружбу (Suet. vita Hor. 3). После опубликования трех книг «Од» Гораций решил оставить поэзию. Это желание совпало по времени с первым серьезным кризисом режима в 23 г. до н.э.¹⁰³ и могло приобрести политический смысл. Это было одной из причин, по которым Август не позволил Горацию осуществить его намерение. Опекун «республики» был уверен в том, что поэзия должна служить римскому народу¹⁰⁴, и этого требовал в сущности, от всех поэтов (аналогично и от всех других). Пока эта позиция принцепса соответствовала настроением участников процесса, проблем не было (у Вергилия, вначале и у Горация, уже не говоря о Варии). Принцепс был очень высокого мнения о творчестве Горация и не сомневался, что его сочинения будут жить в веках. Поэтому Август поручил поэту сочинение Секулярного гимна, прославление побед Тиберия и Друза (carm. IV. 4, 14, cf. Suet. vita Hor. 5) и даже настоял на том, чтобы Гораций посвятил ему одно из своих посланий (Ep. II.1).

В «*Carmen saeculare*», сочиненной по заказу принцепса к Вековым играм 17 г. до н.э., прославляется воцарившийся новый век (см. раздел VI.6). В IV книге «Од» речь идет о воинских победах под верховным командова-

¹⁰² М. Л. Гаспаров отметил, имея в виду также Горация, что поколение, выросшее в эпоху гражданских войн, «приветствовало Августа как спасителя». (Гаспаров. М. Л. Избранные труды. Т. 1. О поэтах. М., 1997. С. 49–80, с. 79; подробнее см. его же. Поэзия Горация (1970). С. 35 сл.; там же, с. 32 — об искренности современников и «первого из них Горация»). Выдающийся знаток римской поэзии, рассуждая о Горации, заметил: «В этом и была особенность поэзии краткого литературного расцвета при Августе: ее творили поэты, выросшие в эпоху гражданских войн, идеи нарождающейся империи были не навязаны им, а выстраданы ими, и они воспевали монархические идеалы с республиканской искренностью и страстностью. Таков был и Гораций» (Поэзия Горация. С. 36). Следует все же подчеркнуть, что было бы неверно причислять Горация, как и других лояльных по отношению к режиму современников, к монархистам. Во-первых, «форма республики» интересовала их тогда гораздо меньше, чем сам факт ее восстановления. Во-вторых, была установлена не монархия, а «улучшенная смешанная форма республики» (см. разделы IV.4 сл., V.1 и 9).

¹⁰³ См. раздел V.4. Существует мнение, что после 23 г. между Горацием и принцепсом установились даже более близкие отношения (Fraenkel E. Horace. Oxf., 1957. P. 355–356.)

¹⁰⁴ См.: Гаспаров М. Л. Поэзия Горация // Квинт Гораций Флакк. Оды, эподы, сатиры, послания. М., 1970. С. 5–38, с. 36 сл.; его же: Избранные труды. Т. 1. С. 78 сл., где Гаспаров, в частности, пишет о «прямолинейном подходе к задачам поэзии», характерном для Августа (в отличие от Мecenата).

нием Августа в 17–13 гг. Однако в благодарственных излияниях далеко не всегда присутствует искреннее чувство¹⁰⁵. Свойственный поэту индивидуализм предохранял его от слишком сильного и длительного патриотического опьянения, от увлечения имперской (и любой «государственной») идеей. Внутренний мир Горация по природе своей не мог слиться ни с какой официальной идеологией. С этим, видимо, связан отличавший его от Вергилия пессимизм, просматривающийся уже в последних стихах «Римских од» (carm. III. 6. 46–48). Эта отстраненность не нравилась Августу, который упрекнул поэта, в сущности, в нежелании публично объявить о своей приверженности принцепсу и режиму¹⁰⁶.

Но Гораций был уже не тот. В какой-то момент он почувствовал, что лучшее уже написано. Несомненно также влияние атмосферы, царившей в обществе, и появившееся в связи с этим ощущение внутренней отчужденности от Августова режима. Перипетии «республиканских» страниц его биографии были вовсе не случайны. Поэт не был ни демократом¹⁰⁷, ни монархистом. Искренне приветствуя установившегося гражданского мир Августа, Гораций по убеждениям оставался «республиканцем». После урегулирования 27 г. режим, всячески подчеркивавший приверженность традиционным институтам, не отделялся в общественном сознании от «республики». Как только начала намечаться трещина, Гораций не мог этого не заметить. Косвенным образом поэт ощутил новизну ситуации на себе. Вряд ли можно претендовать здесь на абсолютно точную и однозначную интерпретацию, однако общая достоверность предлагаемого толкования подтверждается фактами из различных сфер политической жизни, известными также из других источников.

Расслоение относительно единого республикански-патриотического потока общественного сознания, возникшего накануне Акцийской битвы, подспудно происходило на нескольких уровнях и в разных сферах быденно-психологической, художественной и интеллектуальной деятельности. Обличение богатства и моральной порчи само по себе могло иметь разные идеологические и социальные подтексты (carm. II. 2; III. 1, 6, 16 etc.). Но прослеживаемая в «Посланиях» мысль, что богатство и *virtus* — далеко не синонимы, имеет традиционалистско-«республиканскую» окраску¹⁰⁸. Вряд ли так уж случайно все более частое появление в поздних стихах Горация термина *libertas* (и других производных от *liber*), которые во всех первых

¹⁰⁵ На это, в частности, указывает: La Penna A. Orazio e l'ideologia del principato. Torino, 1963. P. 24.

¹⁰⁶ Suet. de poetis. Cf.: Frank T. On Augustus' references to Horace // CPh Vol. XX. 1955. P. 26–30.

¹⁰⁷ Пренебрежительно о «толпе» и тех, кто борется за ее расположение: Hor. carm. I. 1. 7; cf. 32; III. 1. 1 (!), 2. 20; epist. I. 1. 69 sqq., 19. 37; sat. I. 6. 14–20.

¹⁰⁸ Ars poetica (epist. ad Pis.) 323–32.

книгах «Од» всплыли лишь дважды¹⁰⁹. Все это позволило Ч. Старру довольно убедительно заключить, что в конце 20-х гг. Август и Меценат в духовном смысле «потеряли» Горация¹¹⁰.

Нет, великий поэт не стал фрондером, он продолжал выполнять «заказы» своих высоких покровителей. Похвалы принцепсу стали еще обильнее, напоминая неприкрытую лесть Овидия и более поздних поэтов¹¹¹. Но вытеснение искренних чувств, сопровождавших учреждение «восстановленной республики», обязательными изъявлениями лояльности означало качественное перерождение основ, на которых покоилась государственная власть. Стихотворения Горация свидетельствуют о начале процесса важных изменений в общественном сознании в период правления Августа¹¹².

Проявившееся в стихах Горация охлаждение к Августу было одним из симптомов намечавшегося кризиса¹¹³. «Республиканцы» поколения сверстников принцепса, которые с чувством облегчения вздохнули в январе 27 года, теперь оказались недовольны недостаточным консерватизмом режима, а главное — неотвратимым усилением личного влияния Августа в ущерб исключительному положению высшей аристократии. Но у нее не было альтернативы: режим Августа стоял на защите сословного общества, и это обеспечивало его союз с сенатом.

Гораздо сложнее было найти понимание со стороны поколения, выросшего в условиях мира. Непуганным юным аристократам новый Рим, изобиловавший удовольствиями, представлялся естественной средой обитания, а девиз Горация *carpe diem* — банальной истиной (Hor. carm. I. 11). Они не интересовались политикой, твердо усвоив, что она вершится не на форуме, а в палатинских покоях принцепса. Молодых людей мало волновали рассказы о смутах, гражданских войнах и тем паче — похожие на сказки предания о древней республике и ее героях. Не думая о карьере, они хотели наслаждаться всеми доступными им благами столичной жизни.

¹⁰⁹ Odes III. 5. 22, 24. 12, cf.: carm. IV. 14. 19; epist. 1. 69, 107; 7. 36; 10. 40; 16. 63 sqq.; 18. 1 sqq. etc. В epist. 1. 7 Гораций, отстаивая собственную свободу, отвергает просьбу Мецената возвратиться в Рим, cf.: epist. I. 18.

¹¹⁰ Starr Ch. Horace and Augustus // AJPh. Vol. 90. 1969. P. 58–64. (= id. Essays on ancient history. P. 238–247, On p. 247).

¹¹¹ См. особ.: carm. IV. 5. 5–8, 17–32. cf.: La Penna A. Orazio... P. 25, 116 ff.; Борухович В. Г. Квинт Гораций Флакк. Саратов, 1993, особ. С. 225 слл.

¹¹² Широкое признание в литературе «некоторой меры оппозиции, или по крайней мере, отстраненности среди относящихся к эпохе Августа поэтов» отметили К. Раафлауб и Л. Сэймэнс. Указанные процессы рассматриваются также в работах: Little D. Politics in Augustan poetry // ANRW II. Bd. 30,1. 1982. P. 254–370; Ahl F. The rider and the horse: politics and power in Roman poetry from Horace to Statius // ANRW II. Bd. 32, 1. 1984. P. 40–110; Woodman T., West D. (eds.). Poetry and politics in the age of Augustus. Cambr., 1984; cf.: Raaflaub K., Samons L. 1990. P. 436 with n. 84; Miller J. F. Apollo, Augustus, and the poets. N. Y., 2009 etc.

¹¹³ Подобное охлаждение обнаруживается и у некоторых других современников, в частности, у Тита Ливия, о чем. см. далее.

Илл. IX.2. Фрагмент рельефа на саркофаге римского всадника М. Валерия Романа, умершего семнадцатилетним юношей. Покойный изображен между двумя философами

Перспективные сила и значение тех или иных настроений иногда не могут быть сразу оценены даже самыми искушенными политиками. В обществе всегда циркулирует множество идей, но лишь в определенном контексте, попав в резонанс с тенденциями социального развития, они становятся факторами, определяющими дальнейший ход истории. Выдвижение на первый план ценностей частной, «досуговой» жизни, в противоположность ориентации на активную политическую деятельность, с самого начала противоречило программе восстановления древней республиканской доблести. Но абсентеизм не рассматривался как серьезная угроза новому режиму¹¹⁴. После десятилетий гражданских войн, непосредственной движущей силой которых была борьба честолюбий и амбиций, такое направление мыслей представлялось вполне совместимым с официальной идеологией «мира».

«Восстановленной республике» ни к чему были политические деятели масштаба Сципионов и Катонов, а тем более Марии и Суллы, Помпеи и Цезари, которые привели Республику на край гибели. Некоторые могли быть допущены на новый форум, в виде статуй они были не опасны. Отсутствие сильных соперников рассматривалось императором как условие спокойствия и залог благополучия. Однако это был симптом серьезной болезни, очень скоро поразившей самые основы нового строя. Глубочайшее равно-

¹¹⁴ Политические аспекты идеологии «досуга» в связи с контрверсами времени принципата Юлиев-Клавдиев см.: Межеричкий Я. Ю. *Iners otium* // Быт и история в античности. М., 1988. С. 41–68.

душие к общественным интересам, аполитизм и утрата нравственных устоев грозили разрушить тщательно спроектированные и настойчиво возводившиеся искусственные опоры «восстановленной республики».

Серьёзные изменения, начавшиеся в эпоху Поздней Республики, затрагивали все области жизни. Сдвиги в общественном сознании включали систему ценностей, религиозные взгляды, политические установки. В ходе разрушения замкнутых миров небольших общин люди оказывались игрушками неуправляемых и неведомых им сил. Перемены, выливавшиеся в трагедии отдельных людей, городов и стран нельзя было объяснить с помощью привычных традиционных понятий. Тем более невозможно было повлиять на ход событий, обращаясь к местным божествам.

Во всём Средиземноморье, и Италия не была исключением, были известны мистические учения преимущественно ближневосточного происхождения, а также астрология и магия. Исподволь они размывали веру в отечественных богов. Бороться с этим становилось всё труднее, следовало искать компромиссы. Умело использованное Августом для укрепления своего режима учение о смене поколений и Золотом веке не так просто сочеталось с идеологией «восстановления республики». В равной мере были чужды миру античных богов совершавшие победный марш по империи культы Митры, Кибелы, Атиса и другие. Здесь было мало общего с традициями *civitas*, с римскими представлениями о гражданской доблести и приоритете коллективных интересов, с убеждённостью в особой миссии вечного Города.

Новые тенденции давно прокладывали себе дорогу и в общественной мысли. Римские аристократы усваивали идеи, выработанные позднеклассической и эллинистической философией, прежде всего эпикуреизмом и стоицизмом¹¹⁵. В популярной и даже вульгаризованной форме мысли этого круга расходились и в более широких слоях. Самым известным свидетельством распространения эпикуреизма на римской почве является “*De rerum natura*” Лукреция Кара (ок. 97–55 гг. до н.э.)¹¹⁶. Следуя своим греческим учителям, главную задачу своей поэмы Лукреций видел в том, чтобы помочь рим-

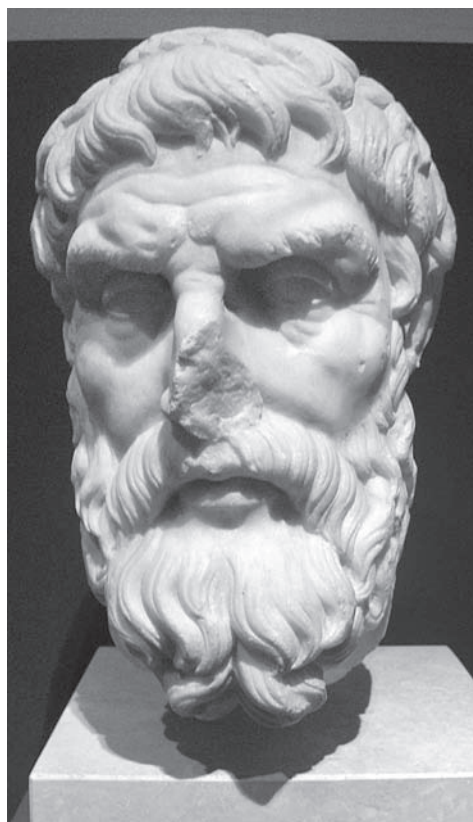
¹¹⁵ Данное краткое рассмотрение философских идей века Августа во многом обязано следующим трудам: Erler M., Flashar H. (Hrsg.). *Die hellenistische Philosophie*. 2 Hb. (*Die Philosophie der Antike*. Bd. 4). Basel, 1994 (*Die hellenistische Philosophie im allgemeinen*. S. 3–28); Harder R. *Die Einbürgerung der Philosophie in Rom* // *Die Antike* Bd. 5. 1929. S. 291–316.; Crawford M. H. *Greek intellectuals and the Roman aristocracy in the first century* // Garnsey P., Whittaker C. R. (eds.). *Imperialism in the ancient world*. Cambr., 1979. P. 193–207; Gruen E. S. *The Hellenistic world and the coming of Rome*. 2 vols. Berkeley etc., 1984; Ferrary J.-L. *Philhellenisme et imperialisme*. Roma, 1988. S. 219–494; Barnes J., Griffin M. (eds.). *Philosophia togata I: essays on philosophy and Roman society*. Oxf., 1989 / 1997² (esp.: Griffin M. *Philosophie, politics and politicians at Rome* // P. 1–37); id. (eds.). *Philosophia Togata II: Plato and Aristotle at Rome*. Oxf., 2007 etc.

¹¹⁶ Тит Лукреций Кар. *О природе вещей*. Пер. Ф. А. Петровского. М., 1983; Erler M. *Die hellenistische Philosophie* // Erler M., Flashar H. (Hrsg.). *Grundriss der Geschichte der Philosophie. Die Philosophie der Antike*, Bd. 4/1. Basel 1994. S. 29–202 (с библиогр.); Gale M. R. (ed.). *Lucretius*. Oxf., 2007 etc.

Илл. IX.3. Бюст Эпикура — основателя
влиятельной философской школы

скому читателю достичь душевного равновесия и невозмутимости, избавить от предрассудков и страхов. В согласии с эпикурейским учением он держался в стороне от политики. Наряду с Цицероном, Лукрецию принадлежала заслуга создания латинских философских терминов. Несомненно влияние Лукреция на литературу «века Августа».

Хотя мы не знаем учителей Лукреция, несомненно, это были греки. Греком был и прибывший около 80 года до н.э. в Италию Филодем из Гадары (ок. 110–40/35 гг. до н.э.). Он учился в Афинах у эпикурейца Зенона из Сидона, а между 80 и 70 гг. приехал в Рим и основал там школу. Некоторое время Филодем пребывал в Кампании (Неаполь, Геркуланум). При раскопках Виллы папирусов в Геркулануме были обнаружены его ранее неизвестные сочинения. Филодем был дружен с богатым аристократом Луцием Кальпурнием Пизоном Цезонином (тестем Юлия Цезаря). Кальпурниям, возможно, и принадлежала знаменитая вилла. Он был собеседником Вергилия и оказал влияние на Горация при написании “Ars poetica”. Посвящения трудов Филодема свидетельствуют о связях с кружком ученика Эпикура — Сирона. В него, наряду с Вергилием, входили друзья поэта: Плотий Тукка, Луций Варий и Квинктилий Вар¹¹⁷. Там же бывал и Гораций¹¹⁸. Цицерон, несмотря на вражду с Пизоном, ценил учёность Филодема (Cic. Pis. 28. 68, 29. 70; fin. II. 35. 119). Насчитывается не

¹¹⁷ Этот Квинктилий Вар умер в 24/23 г. до н.э., его не следует путать с неудачливым полководцем, погибшим в 9 г. н.э. О Вилле папирусов см.: Немировский А. И. Вилла папирусов в Геркулануме и ее библиотека // ВДИ. 1991. N 4. С. 170–182; Gigante M. La bibliothèque de Philodème et l'épicurisme romain. P., 1987. После смерти Вергилия Плотий и Варий по указанию Августа издали «Энеиду». См. Suet. Verg. 37–42.

¹¹⁸ Hor. sat. I. 5. 40 sqq.; 10. 81 etc. О Филодеме как учителе философии см. также: Rawson E. Intellectual life in the late Roman republic. L., 1985. P. 23 f.; Griffin M. Philosophie... P. 9; Sedley D. Philosophical allegiance in the Greco-Roman world // Griffin M. etc. (eds.). Philosophia togata I. P. 97–119, p. 103.

Илл. IX.4. «Философ». Фрагмент росписи

менее 40 названий его сочинений, большей частью морально-философского содержания, но также историко-философские трактаты, эпиграммы, работы по риторике, поэтике, музыке¹¹⁹.

Эпикуреизм и другие течения эллинистической философии стали не просто учебными предметами. Идеи становились наукой жизни. Этические максимы служили руководством к действию (или к политическому бездействию) в эпоху, когда утрачивались коллективные ценности и люди искали новые ориентиры. Ситуацию можно проиллюстрировать немногими примерами.

Квинт Секстий (отец), принадлежавший к всадническому роду, отказался от сенаторской карьеры, предложенной ему Юлием Цезарем, и посвятил себя философии. Сенека, сообщая об этом, в качестве мотива указал на сознававшуюся Секстием переменчивость политических успехов (Sen. ep. XCVIII. 13). Секстий отправился учиться в Афины, затем основал в Риме собственную школу. Будучи эклектиком, он считал себя римским философом вне традиционных эллинистических школ (Sen. ep. LXIV. 2; n.q. VII. 32. 2). Но в этике Секстия ясно прослеживаются элементы Стои, которая более всего соответствовала римским

¹¹⁹ См также.: Dorandi T. Filodemo: gli orientamenti della ricerca attuale // ANRW II. Bd. 36,4. 1990. P. 2328–2423 (в этом томе помещен и ряд других статей о Филодеме); Flashar H. Die hellenistische Philosophie. S. 289–362, включая подробную библиографию; Beer B. Lukrez und Philodem. Poetische Argumentation und poetologischer Diskurs. Basel, 2009; Essler H. Glückselig und unsterblich: epikureische Theologie bei Cicero und Philodem. Basel, 2011 etc.

представлениям. Жизнь виделась ему постоянной борьбой с окружающими человека пороками. Существенное влияние на Секстия оказал также неопифагореизм¹²⁰. Сенека подчёркивал, что хотя тот «писал по-гречески, мыслил он по-римски» (Sen. ep. LIX. 7). Кроме неоднократно восхищавшегося Секстием Сенеки, о нём сообщают также Плиний, Квинтилиан и Плутарх¹²¹.

Практический урок эпикуреизма преподавал своим современникам римский всадник Тит Помпоний Аттик (110–32 гг. до н.э.). Во времена гражданских войн он сумел остаться в стороне от схватки, сохраняя приятельские отношения даже с теми политиками, которые были друг другу заклятыми врагами. Опираясь на биографию, написанную римским автором Корнелием Непотом, в конце XIX века яркую характеристику Аттику дал петербургский учёный И. М. Гревс. Раздел его магистерской диссертации называется «Политическая философия Аттика и его общественное поведение»¹²². В этом исследовании обращено внимание на типичные пункты биографии героя в связи с эволюцией его мировоззрения.

Среди близких друзей Аттика был Цицерон, с которым он познакомился ещё в годы учёбы. Сохранилось порядка 200 писем друг другу, раскрывающих их внутренний мир. В отличие от честолюбивого оратора, Аттика не привлекала полная превратностей политическая карьера. Он был крупным землевладельцем, банкиром, а также книготорговцем. Благодаря невмешательству в общественную жизнь Аттик избежал проскрипций Суллы (здесь и далее: Corn. Nep. Att. 4. 1). Он не взял в руки оружие и во время столкновения Цезаря с Помпеем, что было оценено победителем (ibid. 7. 1; 3). Позднее Аттик весьма сдержанно вел себя по отношению к цезареубийцам. Помогая им материально как частным лицам, он не входил ни в какую политическую группировку, оставаясь *sine factione* (8. 3). Одновременно Аттик сблизился с Антонием, и когда Цицерон добился признания того «врагом отечества»,

¹²⁰ Sen. ep. CVIII. 17. Пифагорейцы придерживались вегетарианства, руководствуясь учением о переселении душ (метампсихозе), а Секстий призывал воздерживаться от мясной пищи по гигиеническим соображениям, а также из-за опасности привыкания к жестокости. О популярности Пифагора свидетельствует Овидий, который завершает свои «Метаморфозы» разработкой темы переселения душ.

¹²¹ Sen. n. q. VII. 32. 2; ep. 49. 7, 73. 12, 98. 13 etc.; Plinius n. h. XVIII. 274; Plut. mor. 77 D–E. См.: Schanz, Hosius. Bd. 2. S. 358–361; Arnim. Sextius 10 // RE (2). IV Hb. 1923. Sp. 2040 f.; Griffin M. Seneca. Oxf., 1976. P. 38–40; Lana I. Sextiorum nova et Romani roboris secta // RFIC 31. 1953. P. 1–26, 209–234 etc. Школу затем вёл сын, тоже Секстий, потом она прекратила своё существование (младшего Секстия Шанц и Гозиус отождествляют с Секстием Нигером, что не бесспорно). Среди известных учеников недолго существовавшей школы Секстиев: Сотийон Александрийский, Корнелий Цельс (известный автор труда по медицине), Папирий Фабиан. У Сотийона и Фабиана учился Сенека Младший.

¹²² Гревс И. М. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время Империи). Т. 1. СПб., 1899. С. 368–436. Жизненной философии и позиции Аттика посвящен также ряд современных публикаций, напр.: Millar F. Cornelius Nepos, "Atticus" and the Roman revolution // G & R 35. 1988. 40–55 (= Rome... I. P. 183–199); Perlwitz O. Titus Pomponius Atticus: Untersuchungen zur Person eines einflussreichen Ritters in der ausgehenden Römischen Republik. Stuttgart, 1992 etc.

опекал семью опального (8. 9). Когда же Антоний в статусе триумвира вступил в Рим, ему напомнили об оказанных услугах. Антоний даже пригласил Аттика в свой дом. Случилось это едва ли не в тот самый момент, когда погиб Цицерон. Атик продолжал поддерживать с убийцей своего друга близкие отношения (12. 2). Через Антония он познакомился с Агриппой, за которого просватал свою дочь¹²³. Так он сблизился и с Октавианом, именно Атик посоветовал триумвиру восстановить лежавший в руинах храм Юпитера Капитолийского (19, cf. RG 19). В конце жизни Атик ещё наблюдал помолвку своей годовалой внучки Випсании с будущим императором Тиберием (19. 4).

Биография Аттика, написанная Корнелием Непотом, является апологией. Автор подчёркивал отсутствие честолюбия, стремления любой ценой сделать политическую карьеру. Но Гревс рассмотрел стоявший за этой сдержанностью и эпикурейской последовательностью глубокий эгоизм. В самом начале своей самостоятельной жизни Атик понял, что для личной безопасности «необходимо прежде всего сойти с дороги, по которой наперерыв спешили к власти, опрокидывая друг друга, предприимчивые искатели величия»¹²⁴. Раскрывая социальный смысл происходившей переоценки ценностей, историк отметил эмансипацию личности, пробуждение духа индивидуализма с «эгоистической окраской». И если наиболее честолюбивые индивидуалисты стремились к захвату власти, то «в среднем человеке руководящих классов общества» это вырабатывало «равнодушие к политике и общественным интересам, готовность подчиниться всякому перевороту, который обеспечит мир и сколько-нибудь упорядоченное существование»¹²⁵.

Говоря о философской позиции Аттика, Гревс заключает, что для Аттика «эпикурейство было лишь удобною одеждою, а не делом веры и предметом энтузиазма... Под его прикрытием благополучно прошёл он жизнь, с лёгким сердцем занимаясь упрочением своего счастья, не смущаясь созерцанием горя других и не выводя себя из равновесия тревогою о бедствиях погибающего государства»¹²⁶. Корнелий Непот объясняет упорное нежелание своего героя заниматься политикой невозможностью делать карьеру честными способами, стремлением сохранить незапятнанной свою репутацию. Но Гревс бескомпромиссен: «Такое поведение, оправдываемое политическим ригоризмом и нравственною безгласностью, на самом деле вытекало у него из стремления к спокойному существованию»¹²⁷.

¹²³ Нер. 12.1; cf.: Sen. ep. XXI. 4; Suet. Tib. 7; id. gramm. 16.

¹²⁴ Гревс И. М. Очерки... С. 374.

¹²⁵ Там же. С. 373.

¹²⁶ Там же. С. 389. О прагматическом отношении Аттика к философии говорили и современники: Нер. Att. 17. 3; Cic. leg. I. 17. 26; 21. 54.

¹²⁷ Гревс И. М. Очерки... С. 395, сравн.: Нер. Att. 6. 2, 6. 4 etc.

Гревс связывал также поведение римского всадника с крушением «республиканских» идеалов и эгоизмом. Критика историка, в сущности, близка позиции Цицерона, который в этом пункте не одобрял поведение Аттика. Оратор критиковал Аттика за уход от общественной жизни, что связывал с эпикуреизмом (Cic. Att. XIV. 20. 5, cf.: fam. IX. 20. 1). Настоящая философия — наставница жизни (*magistra vitae*), которая помогает устанавливать законы и налаживать жизнь людей в обществе (Tusc. V. 2. 5). Именно это Цицерон считал высшим предназначением выдающегося гражданина¹²⁸.

Следует признать, что суровые суждения о неискренности Аттика недоказуемы и вряд ли справедливы. Надо быть объективным: если уход от политики и был продиктован просто здравым смыслом, обоснованным и подкреплённым расхожими философскими рассуждениями, — разве активные участники схватки были такими уж бескорыстными борцами за «общее дело»? В отличие от них, Атик не желал драться за раздел «республиканского» пирога.

Спустя несколько десятков лет свои размышления на эту тему подытожит Луций Анней Сенека Младший (ок. 4 г. до н.э. — 65 г. н.э.). По его мнению, ни один из честолюбцев, боровшихся за власть на закате Республики, не стремился к её «свободе». Не раз Сенека называл единственного человека, стоявшего «на стороне республики» — Катона Утического (напр.: Sen. ep. CIV. 29–32, где ему противопоставлены Помпей, Красс и Цезарь). Катон был символом стоика, не сдающегося тирану (сравн. Lucan. Phars. I. 128). Но даже поведение борца за республику, который обычно олицетворял у Сенеки саму добродетель, однажды было подвергнуто сокрушительной критике как политически близорукое и даже вредное.

В четырнадцатом «Письме к Луцилию» Сенека оценивает деятельность Катона неожиданно сурово. Выводы философа напрочь лишены пафоса и романтики, в них легко усмотреть не просто практицизм, но даже цинизм. За ними угадывается глубокое разочарование¹²⁹. Когда нет реальной возможности повлиять на ход событий, пишет Сенека, философу нет смысла участвовать в опасных распрях. Следует жить, даже философствовать, незаметно. Следовало ли Катону вмешиваться в дела государства, когда он пытался встать между Помпеем и Цезарем? «Чего хочешь ты, Катон? — риторически вопрошает Сенека. — Ведь не о свободе идет речь: она давно уже погублена. Вопрос лишь в том, Цезарь или Помпей завладеет государством. Но что тебе до их соперничества? Ни одна сторона — не твоя... Я беру толь-

¹²⁸ Цицерон о призвании государственного Деятеля, в т. ч. в «сне Сципиона» (Cic. rep. VI pass.) см. в разделе VI.2 с примеч. 63.

¹²⁹ «Письма к Луцилию» были написаны в последние годы жизни, когда Сенека вынужден был уйти в отставку после неудачных усилий в качестве наставника и советника императора Нерона. В конце концов, Сенека по приказу Нерона покончил с собой (65 г. н.э.). О Катоне см. также раздел IX.7.

ко ту роль, которую Катон играл напоследок, но и предшествующие годы были не таковы, чтобы мудрому допустимо было участвовать в этом разграблении республики» (ep. XIV. 12 sq.).

Мысли стойка Сенеки по своему политическому смыслу сродни максимализму Секстия и прагматическому эпикуреизму Аттика. Философ отразил следующий этап кризиса и разрушения «республиканской» психологии, место которой занимали эгоизм и прагматизм. В период гражданских смут Катону не следовало вмешиваться в драку за делёж «общественного достояния». В бессмысленности (и опасности) участия в политике при Юлиях-Клавдиях Сенека не раз убедился сам. В трактате «О досуге» он приходит к выводу, что в реальной жизни между позицией стойков и эпикурейцев нет существенного различия. Стоики учат, что мудрецу следует участвовать в общественной жизни, если ничто этому не препятствует. Эпикурейцы не рекомендовали заниматься общественными делами, за исключением крайней необходимости. На практике обе позиции ведут к предпочтению досуга: не существует государства, которое может терпеть истинного мудреца, и нет мудреца, который смог бы вынести какое-либо реальное государство¹³⁰.

В зависимости от личных особенностей, характеров, склонностей, окружения и образования индивидуализм мог принимать разные формы: от безудержной погони за властью и славой, богатством — до ухода в философствование, самоограничение и аскетизм. Надписи из Помпей, художественные изделия, кубки со скелетами и черепами, символизировавшими бренность человеческой жизни и тем самым проповедовавшими гедонизм, отражали стремление найти собственный путь к счастливой, спокойной жизни, независимой от социальных неурядиц¹³¹. Распространение вульгаризованных идей эллинистической фи-

¹³⁰ Sen. de otio III. 2, cf. VIII. 1–4. Эту дилемму Сенека решал для себя на протяжении своей жизни не раз, варианты и выборы существенно различались. См.: нашу статью "Iners otium" 1988 (в частности, приведенные примеры на с. 53–56; а также: Griffin M. Seneca. The philosopher in politics. Oxf., 1976).

¹³¹ Подобные изображения были особенно распространены среди последователей Эпикура. Сенека цитирует одно из известных правил эпикурейцев: «Делай всё так, будто за тобой наблюдает Эпикур» (Sen. ep. XXV. 5). Кольцо с изображением Эпикура упоминает в связи с Помпнием Аттиком Цицерон. Он говорит о том, что эпикурейцы ещё и потому не могут забыть своего учителя, что помимо картин, имеют его изображения на кольцах и кубках (Cic. fin. V. 1. 3; cf. Plin. n. h. XXXV. 2. 5). Письменные свидетельства подтверждены археологическими находками. Известно по крайней мере пять колец с изображением Эпикура римского происхождения (Marshall F. H. Catalogue of the finger rings, Greek, Etruscan and Roman in the departments of antiquity, British Museum. Oxf. 1968. Nr. 1636.). Кроме того, известны изображение на гемме в Мюнхене, утраченная фреска Эпикура в окружении учеников из Помпей и (сомнительное) изображение бородатого мужчины в вилле Боскореале. Портрета Эпикура на кубке не сохранилось, но он угадывается в изображении скелета на чаше из Боскореале, хранящейся в Лувре. Там он показан тянущимся вместе с поросёнком за куском пирога, а также спорящим с изображенным рядом скелетом Зенона. Об этих и других античных изображениях Эпикура, в том числе гермах, бюстах и статуях, которых насчитываются десятки, см.: Erler M., Flashar H. (Hrsg.). Die hellenistische Philosophie. Bd. 4. 1. 1994. S. 63 f. etc.

лософии было обязано тому, что они соответствовали психологии и морали широких слоёв населения¹³². И всё же представляется важным подчеркнуть: в отличие от времени Сенеки и Тразеи Пета, философия индивидуализма последних десятилетий Республики и времени Августа ещё не приобрела узнаваемой политической окраски¹³³. Она ещё не стала идеологией «философской оппозиции». В век Августа это была «только» философия ухода от политики.

Яркое литературное выражение идеи индивидуализма и гедонизма получили в любовной элегии. Основоположником этого жанра стал сверстник Вергилия Корнелий Галл, соратник Октавиана и первый префект Египта, столь несчастливо завершивший свою карьеру¹³⁴. Его наиболее известными преемниками на литературном поприще были Тибулл, Проперций и Овидий¹³⁵. Любовь становится главным содержанием их поэзии, изображаемая в ней жизнь замыкается сферой «досуга». Сюда оказываются перенесенными важнейшие понятия общественной жизни: «верность» возлюбленной, «благочестие» перед Венерой и Амуром, «долг», «труд», «умеренность» и т.п.¹³⁶

Альбий Тибулл, опираясь на опыт буколик Феокрита и Вергилия, воспевал сельскую жизнь, любовь пастуха и пастушки. Казалось бы, в полном согласии с программой возрождения нравов предков Тибулл живописал простоту Энеева Лация. Но имя Августа в его стихах не упоминалось ни разу. Напротив, у Секста Проперция, который славил еще победу Октавиана над Клеопатрой, имя Августа встречалось чем дальше, тем чаще. Однако его славословия звучали слишком напыщенно, а подлинного драматизма этот поэт достигал лишь тогда, когда описывал подробности своих сердечных переживаний¹³⁷.

¹³² Широкий спектр религиозных и философских идей, распространявшихся в Италии в период Поздней Республики, рассмотрен Е. М. Штаерман (Социальные основы религии Древнего Рима. Гл. 3. Эллинизация римской религии. Кризис республики. С. 107–164).

¹³³ Взаимоотношения философии с римской политикой в эпоху Империи — тема особая. Но история эта началась задолго до Августа. Политической философией была «инфицирована» как власть, так и литература. Как показано ранее, концепция Августовых реформ сложилась в русле римской политической традиции и греческой философии. Свое продолжение это взаимодействие нашло в правление Антонинов. Аналогичные влияния формировали мировоззрение политического класса, в том числе представителей «философской оппозиции». Общая панорама развития римской философии: Maier B. Philosophie und römisches Kaisertum: Studien zu ihren wechselseitigen Beziehungen in der Zeit von Caesar bis Marc Aurel. Wien, 1985; Maurach G. Geschichte der römischen philosophie: eine Einführung. Darmstadt, 2006³.

¹³⁴ См. Schanz M., Hosius K. Geschichte... Bd. II. S.169–172 (Г. Корнелий Галл). О его судьбе см. раздел V.4.

¹³⁵ Cf.: Ovid. trist. IV. 10. 53–54. О римской элегии см.: Schanz M., Hosius K. II. S. 165–169; Albrecht M. von. Geschichte der römischen Literatur. I. Kap. 1. II C. S. 588–649 etc.

¹³⁶ Сравн.: Гаспаров М. Л. Греческая и римская литература I в. до н.э. С. 466 слл.

¹³⁷ См. Schanz M., Hosius K. Geschichte... Bd. II. S. 179–185.

Полного «освобождения» от больших социально-политических проблем достиг Публий Овидий Назон¹³⁸. Последний великий поэт Августова века не ощущал внутренней духовной связи с «республиканским» прошлым. Также пуповина, еще связывавшая предыдущее поколение с веком смут, оказалась разорвана. Овидий — человек новой эпохи, которого ничуть не мучила ностальгия по непритязательному быту предков, мозолистым рукам и пропахшим потом телам землепашцев и воинов. «Пусть другие радуются древности, — поздравляю себя с тем, что родился лишь теперь», — эти слова были девизом Овидия и его почитателей из среды римской «золотой молодежи»¹³⁹. Певец любви не скупился на похвалы Августу, но его словословия не могли удовлетворить принцепса, ибо восторги относились не к тому, произносились совсем не там и не с той интонацией.

Овидий не подходил на роль придворного поэта — он сочинял для тех, кто вряд ли был в состоянии серьезно воспринимать патриотический пафос «Энеиды» и призывы к безыскусной жизни в сельской глуши. Полем «Любовных элегий» и «Науки любви» были шумные городские улицы и форумы, цирки, театры, все те места, где постоянно толпится, толкается и гудит огромное человеческое море¹⁴⁰, — стихия столицы империи. Здесь сосредоточились увеселения и удовольствия всего мира, наслаждения стали целью и смыслом всей жизни, а эстетика любви — главным содержанием поэзии. В такой атмосфере приобретали смысл объекты, которые ранее не имели шансов сделаться предметом творческой фантазии. Героями стихов Овидия становились привратник и дверь, мешающие проникнуть к возлюбленной, упрямый евнух и ревнивый муж, кольцо, беспрепятственно касающееся тела Коринны, ее любимый попугай. Не было ли уже само внимание к подобным мелочам вызовом официальной идеологии, прославлявшей суровую добродетель предков? Разве могли способствовать росту величия Цезаря и *Pax Romana* щеголи, для которых покорить женщину было важнее и почетнее, чем взять вражескую крепость?

¹³⁸ Некоторые важные работы, отражающие современное состояние изучения творчества Овидия в связи с политикой Августа: Syme R. *History in Ovid*. Oxf., 1978; Barchiesi A. *The poet and the prince...*; Albrecht M. von. *Ovid. Eine Einführung*. Stuttgart, 2003; Davis P. J. *Ovid and Augustus: a political reading of Ovid's erotic poems*. L., 2006. Galinsky K. *Vergil's Aeneid and Ovid's Metamorphoses as world literature* // id. (ed.). *The Cambridge companion to the age of Augustus*. Cambr., 2005. 340–358; Hardie Ph. (ed.). *The Cambridge companion to Ovid*. Cambr., 2002. Knox P. E. (ed.). *Oxf. readings in Ovid*. Oxf., 2006; Urban D. *Die augusteische Herrschaftsprogrammatik in Ovids "Metamorphosen"*. Frankfurt a. M. etc., 2005; McGowan M. M. *Ovid in exile: power and poetic redress in the Tristia and Epistulae ex Ponto*. Leiden, 2009 etc.

¹³⁹ Ovid. *ars am.* III. 121–122. Мысль о приоритете современности перед «древностью» в последующие десятилетия повернется совершенно иной стороной, превратившись в идейное оружие сторонников режима против ревнителей старины из рядов «сенатской» оппозиции. Это сюжет, требующий специальной разработки. Сравн.: Межелицкий Я. Ю. «Древность» и «новизна»: эволюция историзма в идеологии раннего принципата. С. 98–103.

¹⁴⁰ См.: Кнабе Г. С. *Древний Рим...* С. 153 слл.

Илл. IX. 5. Арретинская чаша с изображением любовников

Налицо диаметрально противоположность эпикурейских установок Овидия и близкого стоицизму официального «реставраторства» Августова режима. Возможно, собрания «золотой молодежи» в доме Мессалы Корвина, где Овидий декламировал свои стихи, были неким клубом «эпикурейской оппозиции»¹⁴¹. Носила ли эта оппозиция политический характер? Разве если в самом расширительном смысле. Овидий и его единомышленники приветствовали новый режим и были благодарны ему за представившиеся возможности, прежде всего, за безопасный, обеспеченный досуг. Но не «общественное благо» находилось в центре их системы жизненных ценностей, а приятное препровождение времени. Это был (неполитический) вызов идеологии Августова режима, видимо, послуживший одной из причин высылки поэта в 8 г. н.э. в далекий варварский край¹⁴². То, что наказание

¹⁴¹ Один из исследователей данной тематики, А. Р. Шарок, заметил, что «любовь в Августовом Риме была предметом политическим» (Sharrock A. R. 1994. *Ovid and the politics of reading*. P. 101). Можно согласиться с автором одного из новых исследователей темы, П. Дж. Дэйвиса, что стихи Овидия рассматривались как направленные не только против брачного законодательства — в них содержалась насмешка над основами Августовой идеологии (Davis P. J. *Ovid & Augustus: A political reading of Ovid's erotic poems*. L., 2006. P. 119 etc.). Имеется в виду Валерий Мессала (или Мессалин) Корвин, который в качестве квиндецемвира принимал участие в Секулярных торжествах в 17 г. (CIL VI.32323), ординарный консул 3 г. до н.э., полководец. Ему посвящены два послания Овидия: *Ovid. ep. ex Pont.* I.7; II.2.

¹⁴² В литературе, начиная с 1930-х годов, высказывалось мнение, что ссылка была литературным приёмом, — в действительности Овидий не покидал Рим. См., напр.: Brown A. D. F. *The unreality of Ovid's Tomitan exile* // *Liverpool Classical Monthly*. Vol. 10,2. 1985. P. 18–22. Эта точка зрения не получила широкой поддержки.

последовало по случаю (одновременно со ссылкой Юлии Младшей), только через несколько лет после издания любовных стихотворений, неудивительно, поскольку еще не пришло время предъявлять формальные обвинения за слова¹⁴³. Здесь угадывается месть властелина мира, осознавшего свое бессилие перед такими, казалось бы, эфемерными и безобидными вещами, как стихи, мысли, настроения и чувства, переменчивые, как любовь Коринны.

Поэзия Августа века подтверждает жизненность концепции «восстановленной республики» при установлении нового режима. Она же указывает на границы возможностей этой идеологии, которые начали обозначаться на заключительном этапе правления Августа. Резкое усиление настроений солидарности, патриотизма, стремления к идеалам «всеобщей пользы» были ответом на потрясения, постигшие Рим. Но с наступлением мира они утрачивали свою актуальность. Этому не следует удивляться — ведь все меньше оставалось от породившей «республиканские» ценности гражданской общины.

В отличие от своих отцов, переживших ужасы гражданских смут, молодые аристократы скептически воспринимали навязывавшиеся сверху добродетели предков. Для потомков уцелевших представителей римской знати наступило время беззаботных радостей. Не в том ли был смысл провозглашения Нового века? Кому-то, в обмен на безопасность, достаток, возможность досужей жизни пришлось отказаться от претензий на первенство. Власть, вместе с *auctoritas*, получил принцепс. И чем же он ещё недоволен?

Бороться с этими настроениями и мыслями было труднее, чем ликвидировать кучку заговорщиков: такой политик, как Август, в определенный момент должен был пережить ощущение бессилия. Но тем сильнее раздражали принцепса легкомысленные стихи о любви. Его враждебность настроениям аполитизма росла соразмерно осознанию тщетности усилий, направленных на возрождение старинных римских доблестей¹⁴⁴.

Август хорошо понимал, что «восстановленная республика» отличается от «древней». Но как объяснить, даже самому себе, в чем принципиальное отличие Цинцинната от Аттика и героев Овидия? Первый, будучи консу-

¹⁴³ Различные трактовки и версии причин ссылки поэта: Вулих Н. В. Овидий и Август // ВДИ. 1968. № 1. С. 151–160; Гаспаров М. Л. Три подступа к поэзии Овидия // Овидий. Элегии и малые поэмы. М., 1973. С. 5–32; его же. Овидий в изгнании // Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понты. М., 1982. С. 189–224 (см. также полемику Вулих и Гаспарова в журнале ВЛ. 1985. N 7. С. 176–201); Hollemann A. W. J. Ovid and politics // Historia. 1971. Hf. 4. P. 458–466; Lundstrom S. Ovids Metamorphosen und die Politik des Kaisers. Uppsala, 1980; Syme R. History in Ovid. Oxf., 1978; Thibault J. C. The mystery of Ovid's exile. Berkeley, Los Angeles, 1964 etc.

¹⁴⁴ В связи со сказанным выстраивается целый ряд явлений, частью рассмотренных, частью — нуждающихся в специальном анализе, к примеру: суровые наказания, которым Август подверг дочь и внука, расправа над Овидием, и даже ориентация на строгие классические образцы в искусстве, приверженность аттицизму в противоположность азианизму в литературе, издевки над изнеженностью и вычурным стилем Мецената и т.п.

лом, тоже стремился побыстрее освободиться от своих государственных обязанностей. Завершив войну победой, Цинциннат возвратился на свой участок, к начавшему уже ржаветь без дела плугу. Но эти жалкие потомки создателей империи смеются над героями, чьи изображения украсили новый форум, но также и над Цинциннатом. В стихах Овидия воспеваются образ жизни тех, кто никогда своими изнеженными пальцами не притронулись бы и к мечу, не то что к плугу.

Дело было не только в избалованности, привычке к роскоши и безделью. За этим стояло ещё нечто совершенно новое. В «наилучшем государстве» Августа не было места для Цинциннатов и Курциев, Сципионов, Катонов и Цицеронов. Теперь за истинное первенство боролись не на роstralной трибуне, не в курии, а на Палатине. Там востребовались иные качества, чем твердость убеждений, смелость, способность брать на себя ответственность за важные решения. Следовало угадывать желания императора и угождать. Тот, кто хотел теперь сделать государственную карьеру, должен был чего-то не замечать, другое напротив, понимать с полуслова; забыть о *dignitas*, надеясь на *clementia Caesaris* и *liberalitas principis*. Не всегда служили «республике», но были готовы услужить императору. Принцепс стал представляться самой существенной частью «республики». Позднее само словосочетание *res publica*, теряя специфическое содержание «общее дело», стало означать просто «государство». А его во все большей мере олицетворял император. Откровенная лесть Овидия в отношении принцепса и его родственников, которой уснащены «Послания с Понта», иллюстрируют новые правила игры. Опальный поэт их хорошо знал. Ему не оставалось ничего иного, чтобы заслужить помилование. Но точка невозврата была пройдена, тем более, что появление Овидия в Риме возобновило бы ненужные разговоры о его «подельниках» из императорской семьи.

Если в период гражданских войн политическая деятельность угрожала жизни, то с установлением «мира», превращаясь в службу, она предполагала по крайней мере внутренний отказ от «свободы». Этого не мог принять Катон Утический. Для тех, кто был воспитан в духе староримских идеалов и считал себя достойным соревноваться за первенство в «республике», было неприемлемо признать своё подчинённое положение, служить принцепсу, то есть оказаться в «рабстве». Альтернативой становился отход от политики. Таков был выбор Аттика — «замечательнейшего из известных истории предшественников будущей монархической знати»¹⁴⁵. Он отказался от участия в политических схватках, стремясь к эпикурейской «атараксии». Гедонизм Овидия был разновидностью той же жизненной философии. В вульгаризованном виде подобные идеи распространялись во всех слоях римского

¹⁴⁵ Гревс И. М. Очерки... С. 373.

общества, приобретая различные значения в зависимости от конкретных обстоятельств.

Казалось бы, отказ потенциальных соперников от честолюбивых устремлений должен был радовать принцепса. Но радость была кратковременной. Август стремился не к любой власти. Целью было исключительное место в «восстановленной республике» с «наилучшим» государственным устройством. Его обязательными элементами были доблестные мужи и подготовленная к управлению империей элита. Без граждан, готовых служить «республике» и своему принцепсу, кому же было укреплять «наилучшее государство», расширять владения Римского народа? Осуществление планов оказалось под угрозой: одни не хотели «прислуживать» принцепсу, другие — служить вообще, появившись хоть самая настоящая «свободная республика». Соотношение ценностей менялось в пользу личного удовольствия — в ущерб коллективной пользе и признанной согражданами чести. Столкнувшись с непониманием в среде правящего класса и даже в собственной семье, Август растерялся и начал делать ошибки.

Можно ли считать эпикурействующих аристократов и богачей, Аттика, Овидия оппозицией? Если и да, то не политической — но аполитичной. Эта пассивная оппозиция не была направлена против режима или утраты политической свободы. Она была продуктом установившегося гражданского мира, и последователей Эпикура существующий порядок вполне устраивал. «Партия» индивидуализма и гедонизма была естественным продуктом предшествовавшего развития, а достигнутое благополучие обеспечило идеологии абсентеизма небывалый успех как раз среди самых довольных. К удивлению и возмущению Августа оказалось, что этим людям были чужды идеалы «старины» и служения «общественной пользе». Истинными борцами за «восстановленную республику» оставались принцепс и его сокращавшиеся в числе единомышленники.

«Золотая молодежь» составляла крайне незначительную часть общества. Но это была лишь верхушка айсберга, раздражавшая реформатора. Объективным и фундаментальным было неизбежное угасание энтузиазма большинства населения, которое смогло наконец перейти к повседневным, а значит, очень разным и индивидуальным заботам. «Восстановленная республика» занимала рядовых граждан тем меньше, чем больше заботился о ней Цезарь. Одна из особенностей переходных периодов состоит в том, что они могут определять содержание последующих эпох, но сами по себе бывают весьма недолгими.

IX.6. «Помпеянство» и его лики

Исчерпываются ли признаки зарождения оппозиционного «республиканизма» скрытой полемикой “*Res gestae*” и мотивами разочарования, проскальзывавшими в творчестве Горация? Ограничивалось ли интеллектуальное противостояние режиму облеченной в изящные стихи философией гедонизма? На самом деле имелась гораздо более опасная для Августа область идеологического противостояния. Пример Тацита, относящийся ко времени зрелого принципата, показывает, насколько политически заострённой (и опасной) могла стать интерпретация исторических событий¹⁴⁶. Действительно, нетрудно себе представить историографию тем полем идеологической борьбы, на котором могло вырасти действенное оружие против «тирании».

Историческая составляющая играла в римском общественном сознании вообще и в идеологии «восстановленной республики» в частности ключевую роль¹⁴⁷. Историография была тесно связана с политикой. Историей занимались, как правило, бывшие крупные государственные деятели, смотревшие на подобное литературное творчество как возможность служить Городу после завершения политической карьеры. Хотя занятия историографией (как и любое другое теоретизирование) не шло ни в какое сравнение с практическим служением «республике» на поле брани или в курии, увековечивание славных событий римской истории считалось делом, достойным государственного мужа, ушедшего на заслуженный отдых (*cum dignitate otium*). При этом предполагалось, что для написания исторического труда необходима *auctoritas*¹⁴⁸. Авторитет автора в определенной мере сообщался сочинению, которое становилось значимым фактором идеологической жизни Республики.

¹⁴⁶ И тогда многие рукописи не сгорали. В античное время сохранялись, несмотря на преследование авторов, многие антиправительственные сочинения. Лукан был казнён по обвинению в заговоре против Нерона. К тому времени уже имелся богатый опыт уничтожения опасных книг. Поэт был ненавидим принципсом, его стихи воспевали Катона и разоблачали тиранию в лице Юлия Цезаря. Но «Фарсалия» Лукана сохранилась до нашего времени. Несмотря на вынесенный Сенеке смертный приговор, Нерон не уничтожил его сочинения. Сожжённые при Августе и Тиберии книги были переизданы по указанию пришедшего к власти Калигулы (см. далее).

¹⁴⁷ Здесь не ставится задача рассмотреть в целом историографию времени Августова принципата, которая освещена в ряде обобщающих трудов. См.: Schanz M., Hosius C. *Geschichte...* Bd. II. S. 297–329; Christ K. *Römische Geschichte und Wissenschaftsgeschichte*. 3 Bd. Darmstadt, 1983. Bd. 2. *Geschichte und Geschichtsschreibung der römischen Kaiserzeit*; Syme R. *Tacitus*. 2 vols. L. etc., 1958; Flach D. *Römische Geschichtsschreibung*. Darmstadt, 2013⁴. S. 132–173; Mehl A. *Römische Geschichtsschreibung*. Stuttgart u. a., 2001. S. 85–168 etc. Методологические вопросы изучения исторической памяти в Риме рассматриваются в ряде статей коллективного труда: Galinsky K. (ed). *Memoria Romana. Memory in Rome and Rome in memory*. Ann Arbor, Michigan, 2014.

¹⁴⁸ Эту традицию «активной историографии» хорошо знал и одобрял Полибий (XII. 28. 2–5). См.: Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима. С. 101–108 и слл.; Fornara C. W. *The nature of history in Greece and Rome*. Berkeley, Los Angeles, 1983. P. 49–55.

Сказанное не только лишний раз подтверждает закономерность появления реставраторской идеологии принципата. Это был один из ключевых моментов всей концепции реформ. Но именно поэтому альтернативное толкование произошедшего как государственного переворота и разрыва с «республиканской» традицией могло бы стать ядром весьма опасной для режима идеологии¹⁴⁹.

В литературе есть мнение, что такое оппозиционное направление в историографии во времена Августа и в самом деле существовало, подвергаясь жестокой цензуре и преследованиям. Подобная трактовка нуждается в серьезной проверке. Здесь мы ограничимся анализом важнейших предлагаемых примеров.

Гай Азиний Поллион (76 г. до н.э. – 4 г. н.э.) был известным полководцем и государственным деятелем (консул 40 г.), оратором и писателем. Он считался сторонником сенатской республики, но в 49 году присоединился к Юлию Цезарю, а в 43 — к Антонию. После поражения последнего Поллион отошел от политики, покровительствуя литераторам и коллекционируя произведения искусства¹⁵⁰.

Принято считать, что Поллион, не принадлежавший ни к какой оппозиционной группировке, оставался тем не менее приверженцем республиканской *libertas*¹⁵¹. На самом деле, Поллион сумел сохранить своё независимое положение как частное лицо, при этом политическая позиция «республиканца по убеждениям» была совершенно прагматичной¹⁵². Он вёл себя так, будто живет

¹⁴⁹ Вопрос о концептуальном содержании историографии времени Августа рассматривался многими историками. Е. М. Штаерман уделила внимание качественному изменению восприятия истории. По её мнению, при Августе изменилось содержание «римского мифа», историческая миссия Рима была объявлена уже осуществлённой. См.: Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. С. 200–202, сравн.: Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. II. Ранний принципат. С. 3–19, где показана связь идеи *res publica restituta* с утопией «Сатурнова царства». Автор вполне обоснованно начинает рассмотрение оппозиционной роли идеологии «золотого века» лишь начиная со времени Юлиев-Клавдиев и Флавиев (с. 49 слл.). Сравн. выше, раздел VI.6. Для нашего рассмотрения особенно важен подход, разработанный Г. С. Кнабе. Проблема соотношения преемственности и обновления в римском восприятии исторического времени исследуется в его статье: Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. II. Гл. 3. С. 108–166, особ. 135–166. Сравн.: Кнабе Г. С. Историческое время в Древнем Риме // Материалы к лекциям... М., 1993. С. 279–299.

¹⁵⁰ C. Asinius Cn. F. Pollio, cf.: Groebe. Asinius 25 // RE. Bd. II (Hb.4). 1896. Sp. 1589–1602. Поллиону посвящена IV эклога Вергилия.

¹⁵¹ Так, в частности, считал P. Сайм: Syme R. The Roman revolution. Esp. p. 483–484. Cf.: Kornemann E. Die historische Schriftstellerei des C. Asinius Pollio // Jahrbuch für class. Philologie und Pädagogik. Bd. 22. Suppl. 1896. S. 590–600; Mandell E. W. The epic of Asinius Pollio // YCS. Vol. 1. 1928. P. 201–203; Bleicken J. Augustus. S. 192 mit Anm. S. 711.

¹⁵² Свидетельство Цицерона говорит о том, что Поллион встал на сторону Цезаря, поскольку выше оценивал его шансы на успех (Cic. fam. X. 31. 3). Сравн.: Groebe. Op.cit. Sp. 1600 — где Поллион характеризуется как “*Republikaner aus Überzeugung*”. Сенека Младший положительно отозвался о содержании речей Поллиона. В них сказывалась философская подготовка автора. К сожалению, эта оценка не позволяет определить принадлежность к определённой школе (Sen. ep. C. 7–9). Судя по всему, не чуждый эпикуризму Поллион черпал житейскую мудрость из разных источников.

в «свободной республике», посвятив себя «досугу». Это было вариацией на тему эпикуреизма в стиле Аттика, но в статусе довольно влиятельного консуляра. Поллион мог позволить себе такое поведение благодаря своим прошлым заслугам перед государством, а также перед домом Цезарей. Август же не возражал главным образом потому, что известный сенатор с «республиканским» имиджем служил наглядным доказательством сохранения *libertas*. Подобная «свобода» будила приятные воспоминания о сенатской вольнице, не будучи направлена против системы. Все это не дает никаких оснований предполагать в Азинии Поллионе участника, а тем более идеолога оппозиции.

Поллион имел непростой характер, подчас проявлял самостоятельность в поведении и некоторую оригинальность в суждениях. Следует все же заметить, что после установления власти Октавиана независимость сенатора не проявлялась в большой политике. Сенека Ритор описывает один из характерных эпизодов. Вскоре после смерти наследника Августа, Гая Цезаря, принцепс в письме мягко выговорил Поллиону за устроенный тем роскошный званый обед (*pleno convivio cenasset*). Поллион ответил, что обедал даже в день, когда потерял собственного сына. Сенека растолковывает смысл ответа: «Кто же станет требовать большей печали от друга, чем от отца?»¹⁵³. Другая аналогичная ситуация возникла, когда Август изгнал из своего дома Тимагена за нападки на себя и свою семью. В отместку историк-грек сжёг историю деяний Августа (*acta*). Очевидно, описание носило апологетический характер. Тогда Тимагена приютил Поллион, что не расстроило его дружбу с императором¹⁵⁴.

Названные эпизоды не только обнаруживают влияние Стои, но и свидетельствуют об особых отношениях Поллиона с принцепсом. А Босуорт довольно убедительно показал, что несмотря на расхождения, Август и Поллион были и оставались *amici* в традиционно римском смысле слова¹⁵⁵. Поллион играл роль давнего старшего «друга», который мог даже позволить себе косвенную критику принцепса. Когда в «Троянских играх» для юношей и мальчиков его внук сломал при падении ногу, он стал гневно жаловаться в сенате. Август, устраивавший игры в целях воспитания знатной молодёжи, вынужден был их прекратить (Suet. 43. 2). Указанные случаи говорят о характере Поллиона и широких пределах терпимости принцепса, но не имеют ничего общего с политической оппозицией.

¹⁵³ Sen. rhet. contr. IV. praef. 5.

¹⁵⁴ Sen. ira III. 23. 5, подробнее см. выше, раздел IX.2 с примеч. 15.

¹⁵⁵ Bosworth A. B. Asinius Pollio and Augustus // Historia. 1972. Bd. 21. P. 441–473; Haller B. C. Asinius Pollio als Politiker und zeitkritischer Historiker. Diss. Münster, 1967. Взвешенную трактовку позиции Поллиона дал Н. А. Машкин (Принципат Августа. С. 585). Об *amicitia* Августа см. Suet. Aug. 66. Cf.: Kierdorf W. Freundschaft und Freundschafts Kündigung. Von der Republik zum Prinzipat // Saeculum Augustum. Bd. I. S. 223–245; Портнягина И. П. Интеграция неформальных общественных связей...

Поллион довольно резко высказывался о своих коллегах по перу, в частности, о Саллюстии, Цезаре, Цицероне, а также о Тите Ливии. Так, он подверг критике «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря, которые удостоились высшей похвалы Цицерона и Гирция (Cic. Brut. 75, 262; Suet. Iul. 56. 3 sq.). Поллион был склонен к едким издёвкам, но со временем научился себя сдерживать (Cic. fam. X. 32. 1–3, cf. Sen. rhet. contr. IV. praef. 4 sqq.). Известно о его семи речах (ORF III. 174) и ряде других сочинений. Сохранившиеся фрагменты труда, посвященного гражданским войнам (*historiae* в 17 кн., освещавшие события с 60 г. до н.э.), разочаровывают своей тривиальностью и безжизненностью, так что остается прислушаться к мнению К. Форнары: «Невозможно сказать, был ли он (Поллион) последним из республиканских писателей или первым автором нового века; по правде говоря, похоже, ни тем, ни другим»¹⁵⁶.

Представление о значимости Поллиона как историка основано, в соответствии с традиционным римским пониманием, на престиже государственного мужа, и нет оснований видеть в нем интеллектуала-диссидента, создателя новой, оппозиционной концепции римской истории. В своих сочинениях Поллион «хранил добрую память» о цезареубийцах Бруте и Кассии. Но тогда хвалить противника Юлия Цезаря — Помпея мог себе позволить даже близкий Августу Тит Ливий. До последних лет правления Августа этот вопрос не был злободневным¹⁵⁷.

Другая линия поведения может быть прослежена у Тита Лабиена и Кассия Севера. Они явно уступали Азинию Поллиону в статусе, но также в благоразумии. Высказывания Лабиена и Севера были столь радикальны, что повлекли за собой суровые меры со стороны властей. Вопрос в том, содержалось ли в них нечто, напоминающее оппозиционную идеологию. Выступали ли эти люди против системы, известны ли их разоблачения режима или призывы к его свержению, присутствовала ли там критика идеологии «восстановленной республики»¹⁵⁸?

¹⁵⁶ Фрагменты исторического труда Поллиона: HRR. Bd. II. P. 67–70. Cf.: Fornara C. W. The nature of history in Greece and Rome. Berkeley, Los Angeles, 1983. P. 75; Kienast D. Augustus. S. 221, n. 204; Raaflaub K. A., Samons L. J. Opposition to Augustus. P. 439. Haller B. C. Asinius Pollio als Politiker und zeitkritischer Historiker. Münster, 1967 (bes. S. 77–84); Morgan L. The Autopsy of C. Asinius Pollio. // JRS. Bd. 90. 2000. P. 51–69; Scardigli B. Asinius Pollio und Nikolaos von Damaskus // Historia. Bd. 32. 1983. S. 121–123; Dobesch G. Zu Caesars Sitzgelegenheiten vor dem Senat und zu der Quelle des Cassius Dio // Tyche 3. 1988. S. 39–102 (= ders. Ausgewählten. Band I. Köln etc. 2001. S. 275–361 (Asinius Pollio, S. 305 ff.)).

¹⁵⁷ Сравн.: Tac. ann. IV. 34. Об отношении в Августовом Риме к Помпею и некоторым другим деятелям последнего века Республики см. раздел VIII.7 с примеч. 116 сл. и далее, раздел IX.7.

¹⁵⁸ В своё время В. М. Смирин в ходе полемики обратил внимание автора на этот сюжет. По его мнению, при Августе имелаась в наличии оппозиционно-республиканская идеология, представленная в первую очередь Титом Лабиеном. О том, что это мнение едва ли не общепринято, свидетельствует справка в указателе к изданию перевода Светония: «Лабиен, Тит — виднейший представитель республиканской оппозиции при Августе, историк и оратор; его сочинения были сожжены, а сам он умерил себя голодом» (Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. Изд. подг. М. Л. Гаспаров и Е. М. Штаерман. М., 1964 /и переиздания/. С. 359). Там же: «Кассий Север, Тит — виднейший оппозиционный оратор времени Ав-

Тит Лабиен был судебным оратором, историком и автором инвектив, по-видимому, всаднического происхождения. От трудов Лабиена не сохранилось ни одного фрагмента, имеются лишь *testimonia*, в частности, в «Контрверсиях» Сенеки Старшего¹⁵⁹. Ритор отметил, что Лабиен никак не желал отречься от «помпеянского духа» (*pompeiani spiritus*). Он остерегся зачитывать вслух большой пассаж из своего исторического сочинения, сказав, что это можно будет прочесть лишь после его смерти. «Сколь же велика должна была оказаться заключенная в них *libertas*, если даже Лабиен ее испугался», — восклицает Сенека¹⁶⁰. Свидетельство ритора дает иногда повод говорить о «свободомыслии» Лабиена и его критической позиции по отношению к режиму Августа. На самом деле слово *libertas* вряд ли употреблено здесь в политическом смысле. Сенека подчеркивает, что Лабиен был известен прежде всего как автор инвектив, прославивших не только его ораторское искусство, но также исключительную злобность (*summum odium*) автора. То, что он позволял себе говорить, переходило все границы. Поскольку он набрасывался (буквально — «кусал») на людей всех сословий без разбора, его прозвали “*Rabienus*” — «Бешеный» (Sen. contr. X. praef. 4 sq.). Поэтому *libertas* Лабиена следует понимать в данном случае как нежелание считаться с окружающими, распущенность, даже «разнузданность».

Далее из слов Сенеки следует, что приобретенные таким образом недруги возбудили против Лабиена дело в сенате. Было принято решение о сожжении его книг. После этого автор заперся в родовой усыпальнице и уморил себя голодом. Скорее всего правы те исследователи, которые относят это дело к заключительному этапу правления Августа, а 12 г. н.э. можно принять как самую позднюю допустимую дату. К этому времени Кассий Дион относит решение Августа реквизиовать пасквили, а некоторых авторов подвергнуть наказанию. Тогда же было дано указание ужесточить условия содержания ссыльных — значит, это было продолжением уже принимавшихся ранее мер¹⁶¹.

густа» (с. 357). См.: Смирин В. М. Римская школьная риторика Августового века как исторический источник (по «Контрверсиям» Сенеки Старшего) // ВДИ. 1977. № 1. С. 95–113; cf.: Johnson J. R. Augustan propaganda. Ann Arbor, 1976 (repr. 1981). P. 182 ff.; Kienast D. Augustus. S. 145, Anm. 230, S. 265 Anm. 192 etc.

¹⁵⁹ Sen. rhet. contr. X. praef. 4–8; Quint. I. 5. 8, IV. 1. 11; Suet. Cal. 16 etc., cf.: HRR. Bd. II. 100 f. См.: Schanz M., Hosius C. Geschichte... Bd. II. S. 344 f.; Kroll W. Labienus 8 // RE. Hb. 23. 1924. S. 270 f.

¹⁶⁰ Sen. rhet. contr. X. praef. 5. 8. С другой стороны, Сенека сообщает, что Лабиен вообще не хотел рецитировать для широкой публики свои сочинения, считая это проявлением тщеславия (ibid. praef. 4).

¹⁶¹ См.: Sen. rhet. contr. X. praef. 7; Dio LVI.27.1 sq. О введении более строгих условий содержания ссыльных см.: Dio LVI. 27. 2. Датировка дела Лабиена заключительным этапом принципата Августа (8–12 гг. н.э.): Schanz M., Hosius C. Geschichte... Bd. II. S. 344 f. (12 г. н.э.); Syme R. The Roman revolution. P. 486; id. The allegiance of Labienus // JRS. Vol. 28. 1938. P. 138 ff. (= Roman papers I. P. 62 ff.); id. History in Ovid. P. 410–412 (AD 8); cf.: Bauman R. A. Impietas in principem. München, 1974. P. 28–31. Процесс Лабиена имел место до преследования Кассия Севера, сравн. примеч. 169.

Указанные факты не дают оснований для вывода о начале политических преследований, тем более в отношении оппозиционеров-«республиканцев». Объектами нападок Лабиена были прежде всего представители высших сословий. Конечно, среди них были также «выдвиженцы» Августа, люди, близкие к власти. Лабиен критиковал и высмеивал отдельных представителей политического класса, их образ жизни в целом. Косвенным образом об этом говорит факт судебного обвинения любимца Мецената, мима Батилла. По-видимому, того самого *mollis Bathyllus*, который приводил в состояние экстаза римских дам, в частности, исполняя танец Леды¹⁶². Здесь легко усмотреть политическую фронду, но с другой стороны, критика Лабиена была созвучна Августовой политике исправления нравов. Чего здесь найти нельзя — это политической оппозиции.

Рядом с Лабиеном ставят обычно Кассия Севера, «блестящего оратора» (*orator egregius*), которому отпрыски более или менее благородных родов не могли простить его низкое происхождение (Tac. ann. IV. 21) и несомненный талант. Его рубленый стиль рассматривался как предтеча латинского азианизма и промежуточное звено между красноречием республиканского и императорского периодов¹⁶³. Север был противником школьных декламаций (Sen. rhet. contr. III. praef. 12; 10 praef. 8) и известен как автор крайне язвительных судебных речей¹⁶⁴. Гораздо меньше известно о его исторических сочинениях, которые, видимо, были среди переизданных при Калигуле¹⁶⁵. В роли обвинителя Кассий Север был ещё более активен, чем Лабиен (Macrobian Sat. II. 4. 9). В частности, Кассий Север вёл процесс против тесно связанного с Августом сенатора Нония Аспрената (9 г. до н.э.). На этом процессе Аспрената защищал Азиний Поллион¹⁶⁶. В другом случае ритор Це-

¹⁶² Sen. rhet. contr. X. praef. 8. Об авторе (комических) пантомим Батилле (Bathyllus) из Александрии см.: Iuvenal. VI. 63, cf. Gensel. Bathyllus 7 // RE. Hb. 5. 1897. Sp. 137 f. Батилла против обвинений Лабиена защищал в специальной книжке Л. Юний Галлион, друг Сенеки Ритора и Овидия (Schanz M., Hosius C. Geschichte... II. S. 350, cf.: Kienast D. Augustus. S. 265, Anm. 192).

¹⁶³ Sen. rhet. contr. III. praef. 1 sqq., cf. 18; Plin. n. h. VII. 55; Tac. dial. 19, cf. 26. 4–6. См.: Brzoska J. Cassius 89 // RE. Bd. III. 1899. Sp. 1744–1749.

¹⁶⁴ Важнейшие источники (в дополнение к упомянутым ранее): Sen. rhet. contr. III. praef.; Tac. ann. I. 72, IV. 21; Dial. 19, 26; Suet. Aug. 56. 3; Suet. Cal. 16; Vitell. 2. 1; Gramm. 22; Quint. X. 1. 116 sq.; XII. 10. 11 etc. См.: Schanz M., Hosius C. Geschichte... II. S. 345 ff. Авторы приводят пример острого, беспощадного языка Кассия Севера. Однажды ритор Цестий начал с самопоением бахвалиться: «Если бы я был гладиатором — то Фузием, если бы пантомимом — то Батиллом, будь я конем, то Мелиссием» (популярнейшие имена того времени). Здесь Север своим громовым голосом вставил: «Если бы ты был клоакой — то *cloaca Maxima*». Cf.: Sen. suas. VII. 12 sq. О Батилле см. выше, с примеч. 162.

¹⁶⁵ Светоний сообщает, что придя к власти, Калигула велел разыскать, хранить и читать сочинения Лабиена, Корда и Севера. Он обосновал это необходимостью сохранения памяти об исторических событиях (Suet. Cal. 16. 1). Это позволяет также о Севере предположительно говорить как об историке. Перечисление известных лишь по названиям сочинений Кассия Севера см.: Schanz M., Hosius C. Geschichte... II. S. 347).

¹⁶⁶ Quint. X. 1. 22, XI. 1. 57; Suet. Aug. 56. 3 etc. Согласно Плинию (n. h. XXXV. 164), Аспренату вменялось в вину, что у него на обеде мясным блюдом отравилось 130 гостей.

ствий Пий был обвинен Севером в дискредитации Цицерона¹⁶⁷. Всем была известна роль триумвиров в судьбе великого оратора. Но для того, чтобы вступить за него, не требовалось политической смелости, тем более, что сын Цицерона уже побывал коллегой Октавиана по консулату и решительно отстаивал честь своего отца¹⁶⁸. Названные эпизоды, возможно, говорят о критическом отношении к окружающему. Но оно проявлялось в частных вопросах, что не позволяет говорить о сколько-нибудь ясной политической линии, не говоря уже об оппозиции режиму.

Кассий Север подвергся наказанию несколько позже Лабиена, поскольку успел прокомментировать участь коллеги и предрек подобную себе¹⁶⁹. По Тациту, это был первый случай применения закона об «оскорблении величия» (*laesa maiestatis*) для преследования за сочинения, причем в ведении дела принял участие сам принцепс, «возмущенный дерзостью (*libido*), с которой Север порочил в своих писаниях знатных мужчин и женщин» (Тас. ann. I. 72. 3). Автор «Анналов», говоря о мотивах Августа, не пытается подвергнуть их сомнению (чего мы могли бы от него ожидать). Но подчеркивая мнимое «новаторство» Августа, Тацит почему-то не сообщает, что подобные проступки, умалявшие «величие Римского народа», наказывались с республиканских времён¹⁷⁰. Кассий Север решением сената был сослан на Крит¹⁷¹, но и там своим поведением вызвал ненависть местных жителей. Поэтому уже при Тиберии его присудили к конфискации имущества и к изгнанию

¹⁶⁷ Л. Цестий Пий (L. Cestius Pius) из Смирны сочинял компрометирующие Цицерона ответы на его речи, чем и возмущился Север. См.: Sen. rhet. contr. 3. praef. 14–16. Надо заметить, что этот Цестий был весьма популярен, и юноши заучивали его декламации вместо речей Цицерона. О Цестии см.: Schanz M., Hosius C. Geschichte... II. 352 f. Сравн. примеч. 164.

¹⁶⁸ О том, что Цестию досталось также от сына Цицерона, см.: Sen. suas. VII. 1. 3.

¹⁶⁹ См.: Sen. rhet. contr. X. praef. 8. Скорее всего, Север подвергся наказанию вскоре после Лабиена, возможно, в том же 12 г. (см. напр., Henning D. T. Labienus und der erste Majestasprozeß de famosis libellis // Chiron. Bd. 3. 1973. S. 245–254, hier 254). Д. Кинаст относит ссылку Севера к 8 г. н.э., указывая на его возможную близость к Агриппе Постуму (который был сослан в 7 г. н.э., год спустя — Юлия Младшая и Овидий). Этим он, с одной стороны, пытается причислить Севера к оппозиционерам-заговорщикам, а с другой — объяснить позднейшую реабилитацию Калигулой, который был племянником Агриппы Постума (Kienast D. Augustus. S. 145 mit Anm. 220 f., cf. S. 265 mit Anm. 192). На наш взгляд, эти построения не выдерживают критики. Они противоречат словам самого Севера о судьбе Лабиена. Что касается Калигулы, то он реабилитировал Севера вместе с Лабиеном и Кордом (Suet. Cal. 16.1), с которыми в родстве не состоял. Это соответствовало «республиканской» прелюдии его недолгого, но изобиловавшего крайностями правления.

¹⁷⁰ Сравн. цитируемые Цицероном «Законы XII таблиц», по которым в числе немногих преступных деяний, наказывавшихся смертной казнью, упоминались сочинительство и распевание порочащих человека клеветнических куплетов (Cic. ger. IV. 12). Тацит утверждает, что ранее «осуждались дела, слова не влекли за собой наказания». Он умалчивает, что меры против оскорбительных нападок на граждан применялись издавна.

¹⁷¹ Тас. ann. IV. 21. 3. Тацит отмечает, что Кассий Север был выслан на Крит «по приговору принесшего клятву сената» (*ut iudicio iurati senatus*). Это означало, что каждый голосовавший сенатор подтверждал свою личную убежденность при подаче мнения. Надо думать, что Август стремился избежать обвинений в политическом преследовании и в то же время был уверен в исходе голосования.

на скалистый остров Сериф (Киклады). Об этом решении сената 24 г. н.э., в связи с делом Кальпурния Пизона, сообщает Тацит¹⁷². Нет оснований для утверждения, что объектом нападок оказался Август или члены его семьи или что уничтоженные по постановлению сената сочинения были проникнуты несовместимыми с реставрационной идеологией «республиканскими» настроениями и мыслями. Мнению о принадлежности Кассия Севера к сенатской оппозиции противоречат и слова Тацита, что тот происходил из низов и предавался порочной жизни (*ibid.*).

Ничто не говорит о том, что Лабием или Кассий Север были идеологами влиятельного умственного или политического течения; скорее складывается впечатление о людях не без способностей, но желчных, обозлённых на всех и вся. Все же в характеристике Лабиена есть одна уже упомянутая деталь, которую не следует оставлять без внимания, поскольку она предполагает определенную политическую позицию. Это «помпеянство» — социально-психологический феномен, на наш взгляд, характерный для времени Августа¹⁷³. Здесь важно выяснить, можно ли конкретизировать политическую составляющую этого явления. В ряде поступков Кассия Севера проглядывает недовольство существующим порядком вещей. В отличие от своих современников — риторов, которые в небольших аудиториях обрушивались на хрестоматийных тиранов или рассуждали о борьбе плебеев за свои права, Север позволял себе в своих судебных выступлениях непривычно резкие выпады против высокопоставленных римлян¹⁷⁴. Но эти личные нападки, касавшиеся, судя по всему, их поведения, трудно интерпретировать как критику политического режима.

«Помпеянский дух» (*pompeiani spiritus*)¹⁷⁵ Лабиена совсем не обязательно оценивать как «республиканизм» оппозиционного толка. Лабием предстает человеком, совершенно не расположенным считаться ни с осудившей его старой и новой знатью, ни с «республиканскими» нормами, в частности, с *pietas*. Сенека Ритор передает характерный эпизод. В одном из распространенных сюжетов для риторических упражнений рассказывалось о дельцах, подбиравших и увечивших брошенных детей, чтобы вырастить из них прибыльных попрошайек. Обычно ораторы становились на сторону несчастных

¹⁷² Tac. ann. IV. 21. На Серифе (*Seriphos*) Кассий Север и умер в нищете. Это случилось в 32 г. (см.: Brzoska J. Cassius. Sp. 1745 f.) или после 37 г. — Schanz M., Hosius C. Geschichte... II. S. 346.

¹⁷³ «Помпеянство»: от *pompeianus* (*pompeiani*) — «помпеянский» («помпеянец») — по имени Помпея Великого. На это явление обратил внимание Р. Сайм (Syme R. The Roman revolution. P. 464, n. 2; id. Tacitus. Vol. I. P. 140). Он также отметил, что в период принципата Августа были различные помпеянцы и само слово употреблялось в нескольких значениях, например, как «республиканцы» или «анти-цезарианцы» (id. The allegiance of Labienus // JRS. Vol. 28. 1938. P. 125 (= id. Roman papers. Oxf., 1979. Vol. I. P. 75). В дальнейшем эти обозначения будут употребляться без кавычек.

¹⁷⁴ См. Brzoska J. Cassius. Sp. 1745.

¹⁷⁵ Sen. rhet. contr. praef. 5.

калек, но Лабием защищал корыстных негодяев. Он ссылаясь на подобные же действия хозяев, уродовавших для своих прихотей рабов¹⁷⁶.

Налицо стремление Лабием эпатировать слушателей, привлечь к себе внимание, что в свою очередь должно было вызвать возмущение и ненависть блюстителей старинных нравов. Если Лабием и был — нет, не опасен, — вреден Августовой «восстановленной республике», то отнюдь не как оппозиционер-республиканец. Его помпеянство было некоей неукротимостью, необузданностью духа, вкупе с нетерпимостью человека, не желавшего считаться ни с властью, ни с общественным мнением. Не случайно у обоих ораторов общей чертой характера была злобность. Подобный недовольный, беспокойный (и необходимый) элемент имелся во все времена, по-разному проявляясь в границах толерантности общества. Для нашего рассмотрения важно отметить, что среди объектов нападок Лабием и Севера не было ни императора, ни членов его семьи, иначе это нашло бы отражение в источниках¹⁷⁷.

Несмотря на незнатное происхождение Лабием и более чем скромное — Севера, их поведение было чем-то сродни помпеянству многих отомстивших им сенаторов¹⁷⁸. Общим был универсальный социально-психологический, но не политический компонент. Речь идет о постоянно тлевшем и время от времени прорывавшемся недовольстве тех, кто по происхождению и богатству мог, по прежним понятиям, претендовать на первенствующие роли в государстве. В эпоху Республики такие люди никого не признавали над собой, будь то магистрат или другой принцепс. Уцелевшие потомки некоторых из них так и были воспитаны, болезненно реагируя на любое умаление своего достоинства. В применении к немалому числу нобилей помпеянство было прежде всего свойством, в высшей мере присущим вождям эпохи гражданских смут. Оно включало свободолюбие и стремление к независимости, доходившие до необузданности, непомерное честолюбие в сочетании с неумеренной жадностью, неустрашимость вместе с неукротимостью и нежеланием считаться с чьими бы то ни было интересами, кроме собственных. Все это раньше толкало республиканских вождей на бесконечные завоевания и безудержную борьбу за власть в курии и на форуме, а затем привело к гражданским войнам.

¹⁷⁶ Ibid. 33. См.: Буасье Г. Общественное настроение времен римских Цезарей. Пг., 1915. С. 79–80.

¹⁷⁷ Достаточно сравнить эту ситуацию со случаем Тимагена, см. выше, раздел IX.2.

¹⁷⁸ Характерный штрих: сочинения автора сенатусконсульта, по которому был осужден Лабием, вскоре также были сожжены (Sen. rhet. contr. X. praef. 7). Кассий Север по своему происхождению не мог претендовать на какое-либо видное место в государстве. Но безусловно талантливый и не менее честолюбивый оратор перенял дух свободомыслия (и своеволия), не определив для себя границы его применимости. В данном случае они были указаны даже не принцепсом, а самими сенаторами, тем жестче, что Север был для них «чужаком».

В новых условиях те же черты, усвоенные их сыновьями и внуками, измелъчав, порождали конфликты; чаще — внутренние, душевные, более или менее успешно подавляемые. Иногда срывы приводили к фрондёрским выступлениям, к выкрикам или едва различимому бормотанию в курии. Можно предположить заговоры с целью захвата власти (см. разделы V.4 сл.). Однако всё это не означало, что «высокомерные», «бешеные» или «разнузданные» поборники сенатской *libertas* составляли некую «партию республики», ставившую целью возврат к порядкам вековой давности. Некоторые из нобилей всё еще жаждали власти, почёта и связанных с этим материальных благ. Но эти претензии основывались не столько на осмыслении происшедших перемен, сколько проистекали из непонимания принципиальной новизны обстановки, из нежелания и неспособности укротить свои непомерные, совершенно не соответствовавшие новым условиям амбиции¹⁷⁹.

Были и представители высшего сословия, которые не желали изменять своим убеждениям и устоявшимся взглядам. К такого рода помпеянкам-фрондёрам можно видимо причислить выдающегося юриста Марка Антия Лабео (ок. 54 г. до н.э. — ок. 10/11 гг. н.э.)¹⁸⁰. Марк был сыном Пакувия Антия Лабео, участника заговора против Цезаря. После поражения при Филиппах Пакувий покончил с собой (App. b. c. IV. 572 sq.). Марк Антий Лабео был сенатором, посвящая в основном своё время изучению права и его преподаванию. По полгода Антий Лабео проводил в Риме с учениками и в своём поместье за научными штудиями. Он был автором многочисленных трудов по юриспруденции, составивших 400 книг¹⁸¹. Всесторонняя учёность и новаторство принесли Лабеоу славу на протяжении веков. Лабео заложил основы одной из двух самых влиятельных юридических школ Древнего Рима — прокулианцев.

Среди современников он был более всего славен своим «неподкупным свободолобием» (*incorrupta libertas* — Tac. ann. III. 75), в отличие от своего соперника и предтечи сабинианской школы — Гая Атея Капитона (ок. 45 г. до н.э. — 22 г. н.э.), пользовавшегося в большей мере благоволением правителей — Августа и Тиберия. Август способствовал более скорому продвижению Атея Капитона на должность консула-суффекта. Потом магистратура

¹⁷⁹ Сравн., напр., характеристику Гнея Пизона (консул 7 г. до н.э.) у Тацита, которая включала неукротимый нрав, необузданность, строптивость (Tac. ann. II. 43. 2–3), что полностью соответствует нашему описанию.

¹⁸⁰ Marcus Antistius Labeo, о нём см.: Jörs P. Antistius 34 // RE. Bd. I. 1894. Sp. 2548–2557; PIR² A 760; Stolleis M. (Hg.): Juristen. Ein biographisches Lexikon: von der Antike bis zum 20. Jahrhundert, München 2001. S. 375 f.; Kunkel W. Die Römischen Juristen. 2001. S. 114; Guardino F. Labeone giurista meridionale // Labeo. Bd. 1. 1955. P. 49–53; Bauman R. A. Lawyers and politics in the early Roman empire. München, 1989. P. 37 ff.; Horsfall N. Labeo and Capito // Historia. Bd. 23. 1974. S. 252 ff.; Liebs D. Rechtsschulen und Rechtsunterricht im Prinzipat // ANRW II. Bd. 15. S. 197–286, S. 275 ff.; Nörr D. // Index 22. 1994. S. 61 ff., bes. 75 ff.; Kienast Augustus. S. 270 Anm. 209.

¹⁸¹ Самым известным трудом Лабео были Libri posteriores. По-видимому, эти книги были изданы посмертно. См.: Dig. I. 2. 2 / Pomponius fr. 47; App. b. c. IV. 135.

была предложена и Лабеоу, но тогда он из гордости отказался. Предпочтение Августом Капитона было обусловлено полной политической лояльностью этого юриста (Tas. ann. III. 75, сравн. Dig. I. 2. 2; Gell. XIII. 12).

Насколько можно судить, Август всеми способами стремился привлечь Лабеоу, как и других уважаемых сенаторов, к сотрудничеству, но это было нелегко. Так, уже в 18 г. до н.э. Лабеоу был введен в состав комиссии, которая должна была составить новый, сокращенный состав сената. Он включил в список бывшего триумвира Лепиду, который в то время находился в ссылке. На вопрос Августа, не мог ли он найти более достойного, Лабеоу ответил: «У каждого своё мнение», и настоял на своём предложении (Dio LIV. 15. 7; Suet. Aug. 54). Лабеоу считал незаконным всё, что противоречило древним обычаям и нравам. По словам Горация, его максимализм граничил с безумием¹⁸². Лабеоу не побоялся высмеять предложение одного из коллег об учреждении для Августа охраны, состоящей из сенаторов (Dio LIV. 15). Смелые поступки Лабеоу одновременно подчеркивают также границы толерантности Августа.

Независимость и свободолюбие, приверженность обычаям и древним установлениям, как и судьба отца, дают некоторым исследователям основание отнести Лабеоу к оппозиционным «республиканцам»¹⁸³. Но как и в других рассмотренных случаях, отсутствуют указания на альтернативную по отношению к существующему режиму программу, а тем более — на сколько-нибудь организованную группу или организацию. Высказывания и поступки Лабеоу, как и некоторых его коллег по сенату, были ничем иным, как проявлением фрондёрства, тогда — одной из ипостасей помпеянства¹⁸⁴. Это ничуть не умаляет мужества, независимости и чувства собственного достоинства Лабеоу и подобных ему людей, в которых угадываются прообразы Барей Сорана и Тразеи Пета. В поведении Лабеоу прослеживается определённая позиция, заключающаяся в неприятии сервилизма многочисленных коллег. Чувство собственного достоинства, опиравшееся на традиционные ценности, было одним из факторов, препятствовавших слишком быстрому сползанию нового режима к абсолютной монархии. Данная разновидность помпеянства отличалась наличием определённых политических убеждений и готовностью их отстаивать. Здесь можно увидеть зародыш будущей идей-

¹⁸² Hor. sat. I. 3. 82 с комментарием: Porph. comm. Hor. sat. I. 3. 82; также: Gell. XIII. 12. 1 sq. (высказывание Капитона о Лабеоу).

¹⁸³ Jörs P. Antistius... Sp. 2549: «По своим политическим позициям он принадлежал к партии республиканцев, за которую пал его отец при Филиппах; он (Лабеоу) не делал исключения и для Августа».

¹⁸⁴ С. И. Ожегов (Словарь русского языка) так определил «фронду» в переносном смысле: «Оппозиция чему-нибудь по мотивам личного или группового характера, недовольство существующим, ограничивающееся стремлением противоречить, досаждать». Следует обратить внимание на отсутствие каких бы то ни было позитивных целей. Слово «оппозиция» в этом определении Ожегова может ввести в заблуждение. Сравн. определения слова «оппозиция» в разделе IX.4 с примеч. 67 сл.

ной оппозиции времени Нерона и Флавиев. Но пока это была не оппозиция, поскольку поведение помпеянцев формально не выходило за рамки государственной идеологии «восстановленной республики». А потому как раз «политические помпеянцы» (в отличие от «неукротимых») не подвергались при Августе преследованиям.

Всё же фронтеры, сердцу которых была мила республиканская «свобода», двигались по тонкому льду. Они рисковали вызвать недоброжелательство более покладистых сенаторов, поскольку служили им живым укором. У некоторых помпеянцев иногда прорывались слова, за которые спустя несколько десятилетий, при Тиберии, можно было дорого заплатить. Светоний рассказывает о риторе Г. Альбуции Силе, который выступал в Медиолане (Милан) в качестве защитника перед проконсулом Луцием Кальпурнием Пизоном (ординарный консул 15 г. до н.э.). Поощряемый успехом у зрителей, он так распалился по поводу неправильного ведения процесса Пизоном, что начал оплакивать участь Италии, «обращенной в провинцию», и звать к стоявшей на форуме статуе Марка Брута, именуя его «зигжителем и блюстителем законов и свободы» (*legum ac libertatis auctorem et vindicem*). По мнению Светония, он едва за это не поплатился, но точно известно, что Сил вышел из этой переделки живым¹⁸⁵.

Тогда за подобное восхваление цезареубийцы ещё строго не наказывали. Мысли, способные стать идеологией оппозиции, удавалось удерживать в общем русле государственного «республиканизма». Правительству не хотелось конфронтации с поклонниками Катона, Брута и Кассия. Это могло бы вызвать сомнения в искренней приверженности правительства *rei publicae*. С другой стороны, Август мог позволить себе подобную толерантность, зная о слабости помпеянского фрондерства. Сказывались результаты последовательно проводимой идеологии и политики «реставраторства».

Живучие стереотипы ревнителей старины и тлеющие претензии нобилей не могли помешать большинству сенаторов сделать свой выбор. И он был в пользу обеспеченной безопасности Августова мира, в противопо-

¹⁸⁵ Suet. gramm. 6 (vir ill. 30, цит. в переводе М. Л. Гаспарова). Датировка и потому историчность описанного эпизода спорны. 6 г. до н.э. (вслед за Иеронимом): Schanz M., Hosius C. Geschichte... Bd. II. S. 349. Д. Кинаст указывает промежуток между 25 и 14 гг. до н.э. (Kienast D. Augustus. S. 265 Anm. 192, сравн.: Смирин В. М. Римская школьная риторика... С. 95 слл.). Луций Кальпурний Пизон понтифик (брат Кальпурнии, жены Юлия Цезаря) мог оказаться в Медиолане сразу после своего ординарного консулата 15 г. до н.э. как проконсул Транспаданы. Цизальпинская Галлия была с 41 г. до н.э. частью Италии. Проконсульство было скорее всего связано с военными действиями против альпийских племен. Об этом Кальпурнии см.: L. Calpurnius Piso pontifex: RE III.1, Calpurnius Nr. 99; PIR², C 289; NP. Bd. 2. S. 947, Calpurnius II.17; Nitschke J. Dignitas und auctoritas. München, 2001. S. 34. С. Albucius Silus (иногда его именуют Silo) происходил из Новарии в северной Италии (недалеко от Медиолана). Сенека ритор, лично знавший Сила, описал его неуравновешенный характер (Sen. rhet. contr. VII. praef.). Cf.: Rohden. Albucius 3 // RE. Bd. I. 1894. Sp. 1331; Schanz M., Hosius C. Geschichte... II. S. 348 f.; Kienast D. Augustus. S. 265 Anm. 192, cf. S. 312, 585; Migliario E. (2007): Retorica e storia. Una lettura delle Suasoriae di Seneca Padre. Bari, 2007. P.26, n. 75, cf. Wiegand I. Nequere libere neque vere... S. 241 f., 276 mit Anm. 312 etc. Об упомянутой и других статуях Марка Юния Брута см. далее, раздел IX.7 с примеч. 233.

ложность республиканской вольнице, прочно ассоциировавшейся в общественном сознании с хаосом и ужасами гражданских войн. Уже поэтому помпеянство, если понимать его как некое смутное недовольство единовластием, не представляло серьезной угрозы для режима. Аморфность, разнородность, отсутствие сколько-нибудь приемлемой перспективы («программа» цезареубийства уже показала, к чему может привести), делали помпеянство явлением если не вовсе безобидным, то почти не опасным для режима. В конце концов, оно так и исчерпало себя симпатиями и антипатиями, эмоциями, подчас доходящими до нервных срывов (фрустраций), но никогда не стало серьёзной политической силой. Помпеянство осталось, пока не исчезло вовсе, фрондерством — сравнительно безопасной болезнью, вызывавшей поначалу усмешки, а со временем — насмешки политиков-реалистов¹⁸⁶. Тем не менее оно выполняло свою функцию, не только выпуская лишний пар из постоянно бурлящего котла сенатских страстей, но и вырабатывая в высшем классе иммунитет против более серьёзной «оппозиционной» болезни на многие десятилетия вперед. «Помпеянством» должны были переболеть, и переболели, все помнившие о республике, даже некоторые принцепсы.

Широкая палитра феномена *rompeiani* не ограничивается проявлениями фрондерства и желчной злобы, смутной ностальгией по прошлому и неудовлетворёнными претензиями. Помпеянство Тита Ливия (ок. 59 г. до н.э. — 17 г. н.э.), за которое его снисходительно попенял принцепс, было иным, чем Лабиена или Поллиона. Поводом к упрекам были неумеренные похвалы историка Помпею Великому, возможно, даже симпатии к цезареубийцам¹⁸⁷. Но позитивное отношение к «древней республике» соответствовало идеологии Августовой «реставрации». В своём труде “*Ab Urbe condita*” историк прославлял героев, чьи *virtutes* заложили основы римского величия. И патриотический дух грандиозной эпопеи был для Августа важнее, чем отдельные, не очень приятные воспоминания. Здесь, как и во всём остальном, прослеживается стремление принцепса к интегрированию в идеологию *res publica restituta* всего, что связывало с республиканской традицией, его умение отвлечься от мелочных обид ради осуществления большого замысла.

¹⁸⁶ Что помпеянство так никогда и не стало серьёзной политической силой, свидетельствует Сенека, употребивший спустя несколько десятилетий термин *rompeianus* с пренебрежительной издёвкой и осуждением (Sen. ira III. 30. 5 — в применении к убийцам Цезаря). Это было связано с оценкой Помпея, боровшегося с Цезарем не за «республику», а за то, кто из них ее захватит. Но главное — Сенека видел бесперспективность помпеянства.

¹⁸⁷ Тас. ann. IV. 34. 3. Если доверять вложенной Тацитом в уста Кремуция Корда защитительной речи, Ливий называл цареубийц, включая Брута и Кассия, «выдающимися мужами» (о Кремуции Корде см. далее). В то же время Ливий утверждал, что Цицерон претерпел от своих врагов лишь то, что сам сделал бы с ними в случае победы (см.: Sen. suas. V. 22). Надо думать, в этом не сомневался и Антоний, помнивший об участии Катилины.

Тита Ливия связывала с императором *amicitia*¹⁸⁸. Сказать, что эта «дружба» возникла на основе родства душ, было бы некоторым преувеличением. Общим было преклонение перед героями прошлого и «древней республикой» — пусть у Августа в этом преклонении, в силу характера его деятельности, со временем оставалось всё меньше места для чувств и больше политического расчёта. Как и Вергилий, Ливий сочувствовал Августову реставраторству. Объективно их литературная деятельность обогащала и тем укрепляла официальную идеологию, но популярные писатели имели собственное представление о «древней республике», которое не всегда совпадало с правительственной трактовкой. В то же время интеллектуальная свобода историка, имевшая, разумеется, мало общего с разнужданностью Лабиена, Кассия Севера или Тимагена, должна была в силу его положения несколько ограничиваться требованиями политической конъюнктуры.

Помпеянство Тита Ливия было существенной стороной его мировоззрения. Оно не совсем вписывалось к рамки идеологии *res publica restituta*, что неизбежно вело к внутреннему конфликту. Исследователи отмечают глубокое разочарование Тита Ливия и даже весьма существенные расхождения его трактовок ряда событий республиканской истории с официальными версиями¹⁸⁹. Отсюда — нежелание продолжать повествование, возможно, отказ от публикации заключительных книг своего труда¹⁹⁰ и даже совет юному Тиберию Клавдию Нерону (будущему императору Клавдию)¹⁹¹ заню-

188 Тас. ann. IV. 34. 3. Общую характеристику труда Ливия как источника см. в разделе I.5. Тема «Ливий и Август» породила специальную литературу, в том числе см.: Dessau H. Livius und Augustus // Hermes. Bd. 41. 1906. S. 142–151 (= Augustus. Darmstadt, 1985. S. 111 ff.); Syme R. Livy and Augustus // HSCPh. Vol. 44. 1959. P. 27–87 (= id. Roman papers. Roma, 1979. Vol. I. P. 400 ff.); Mette H. J. Livius und Augustus // Gymnasium. Bd. 68. 1961. S. 269–285 (= Wege zu Livius. Darmstadt. 1967. S. 156–166); Petersen H. Livy and Augustus // TAPA. Vol. 92. 1961. P. 440–452; Mazza M. Storia e ideologia in Tito Livio. Catania, 1966; Deininger J. Livius und der Prinzipat // Klio. Bd. 67. 1985. S. 265–272; Luce T. J. Livy, Augustus, and the Forum Augustum // Raaflaub K., Toher M. Between... 1990. P. 123–138; Toher M. Augustus and the evolution of Roman historiography // ibid. P. 139–54 etc.

189 Пессимизм и скепсис Ливия проявляются, в частности, в пассажах: Liv. III. 20. 5, VI. 6. 12, VII. 25. 9, VIII. 11. 1, X. 9. 6, XXVI. 22. 14, XLIII. 13. 1, III. 57. 1 и др. См.: Gabba E. The historians and Augustus // Millar F., Segal E. (eds.). Caesar Augustus: seven aspects. P. 80. Вряд ли Августу, при всем его «республиканизме» и даже помпеянстве (см. далее), могло понравиться рассуждение Ливия о том, не являлось ли рождение Юлия Цезаря в большей мере проклятием, чем благословением для мира (см.: Sen. p. q. V. 18. 4). На расхождение исторической концепции Ливия с Августовой идеологией *res publica restituta*, в частности, в связи с анализом элогий в «галерее героев», указывается в статье: Luce T. J. Livy, Augustus... Трудно согласиться с В. Эдером, который утверждал, что Ливий не заметил, что наступил новый период (Eder W. Augustus. P. 15). Для этого Ливий слишком долго изучал историю Римской республики.

190 Рукопись «Periocha» CXXI книги Ливия содержит надпись: «*qui editus post excessum Augusti dicitur*», из чего некоторые исследователи заключают, что 22 последние книги были написаны или опубликованы (будучи придержаны после написания) лишь после смерти Августа. См.: Syme R. Livy and Augustus. P. 38–40 with n. 48–49, 71. Следует заметить, что допустив какое бы то ни было противодействие Августа изданию двух последних декад сочинения, трудно объяснить их выход в свет при Тиберии, который в первые годы своего правления был большим «августинцем», чем сам Август.

191 Будущий император Клавдий родился в 10 г. до н.э. у Друза Старшего (сына Ливии) и Антонии Младшей, дочери триумвира Антония и Октавии, сестры Октавиана-Августа. Таким образом, он был внучатым племянником Августа и внуком Ливии. Об исторических штудиях будущего императора см.: Межеричкий Я. Ю.

во написать историю гражданских войн после смерти Юлия Цезаря (Suet. Claud. 41. 1).

По совету Ливия юный Клавдий начал работать над «Историями», по-видимому, в последние годы жизни Августа. Но от первоначального варианта пришлось отказаться по настоянию Ливии Друзиллы и Антонии¹⁹². Тогда рассказ о гражданских войнах после смерти Юлия Цезаря был скомкан, уступив место описанию принципата Августа, похоже, к тому времени уже умершего (см.: Suet. Claud. 41. 1 sq.). Перед нами — едва ли не первый бесспорный случай цензуры исторического сочинения в эпоху Империи¹⁹³. Она осуществлялась в кругу семьи императора. Причиной была уже сама тема, представлявшая в невыгодном свете Августа. Но ясно также, что Клавдий (и Тит Ливий не мог об этом не знать) не приукрашивал роль Октавиана. По словам Светония, в новом варианте своих «Историй» Клавдий начал основное повествование с установления гражданского мира, поскольку «он видел, что о событиях более ранних правдивый и свободный рассказ был уже невозможен, так как за это его бранили и мать и бабка...»¹⁹⁴. Таким образом, юный Клавдий, как и его наставник в историописании, был «помпеянцем». Надо полагать, помпеянским по духу было и сочинение Клавдия «В защиту Цицерона против Азиния Галла» (ibid. 41. 3). Об этом достаточно красноречиво говорит уже выбор главного героя¹⁹⁵.

Помпеянцем, судя по всему, был отец Клавдия, Друз (младший сын Ливии). Светоний сообщает, что этот выдающийся полководец обладал также гражданским мужеством (*civilis animus*) и не скрывал намерения при возможности восстановить прежнюю форму республики (*nec dissimulasse umquam pristinum se rei publicae statum, quandoque posset, restitutum*). Биограф даже передает слухи о том, что из-за этого Август его и погубил, но тут же опровергает их, ссылаясь на высокие оценки и неоднократно проявлявшуюся любовь принцепса к приемному сыну (Suet. Claud. 1. 4

Клавдий... О Клавдии см. также: Momigliano A. Claudius. The emperor and his achievement. Cambr., 1961²; Levick B. Claudius. L., 1993; Osgood J. Claudius Caesar: image and power in the early Roman empire. Cambr., 2011 etc.

¹⁹² Этот эпизод подтверждает растущую роль Ливии при стареющем Августе и взятый ею более жесткий политический курс, позднее продолженный Тиберием. Влияние женщин и помощников императора становились приметой придворной жизни. В данном случае семья императора решила, что Клавдий непригоден для государственной деятельности (Suet. Claud. 6. 2 sqq.).

¹⁹³ В случаях Тита Лабиена и Кассия Севера речь шла в первую очередь об инвективах. Вмешательство Ливии в исторические занятия Клавдия могло иметь место между 10 и 15 гг. Процесс Кремуция Корда происходил десятью годами позднее.

¹⁹⁴ Suet. Claud. 41. 2. Светоний сообщает, что Клавдий посвятил описанию правления Августа сорок одну книгу.

¹⁹⁵ Азиний Галл сравнивал красноречие Цицерона с предпочитавшимся им ораторским искусством своего отца, Азиния Поллиона (см.: Plin. ep. VII. 4 etc.).

sq.). Светоний не случайно в одном контексте говорит о воинском и гражданском мужестве. Августу необходимы были дерзкие, не считавшиеся с опасностями и потерями, но преданные ему полководцы. Такими были Друз и его сын Германик. Другим был брат Друза, будущий император Тиберий, осторожный, скрытный по характеру. Но и он при жизни Августа и в первые годы своего правления старался вести себя как гражданин, проявив себя в этом помпеянцем и приверженцем «республики» (Suet. Tib. 26. 1 sqq. etc.)¹⁹⁶.

По-особому осваивал прошлое и переживал происходящее Тит Ливий. Посвященный во все нюансы «римского мифа», близкий Августу историк был внимательным наблюдателем. Постепенное разочарование в «восстановленной республике» вело ко все большей идеализации «древней». Но противопоставление было бы крайне нежелательно. Талант Ливия был необходим режиму. Строки, выходявшие из-под пера историка, могли стать угрозой Августовой идеологии *rei publicae restitutaе*. Август старался не выпускать Ливия из поля зрения.

Помпеянство, оставаясь в определенных границах, вписывалось в идеологию «восстановленной республики», и Август не рассматривал его, по крайней мере до определённого времени, как угрозу режиму. Он допускал республиканские увлечения как «детскую болезнь», также в рамках «двора» и семьи. Но не все, во всяком случае не Ливия, были столь же терпимы. На заключительном этапе своего правления Август также увидел опасность зарождения оппозиционной идеологии и всеми силами стремился предотвратить нежелательный поворот в эволюции общественного мнения. Надо сказать, он сумел задержать нежелательную дицессию двух концепций «республики»: «восстановленной» и «свободной».

Да и кто мог сделать это лучше самого бывшего помпеянца?¹⁹⁷ Разве не Октавиан-Август принял решение возратить утраченную «республику» и восстановить старинные римские добродетели? Во имя этого он пошел на соглашение с бывшими противниками Юлия Цезаря (после уничтожения цезареубийц). Помпей был посмертно реабилитирован, и Августова *res publica restituta* была по своему духу скорее помпеянской, чем цезарианской¹⁹⁸.

¹⁹⁶ См.: Levick B. Tiberius the politician. L., 1999²; Yavetz Z. Tiberius. Der traurige Kaiser. München, 2002; Shotter D. C. A. Tiberius Caesar. L., 2004²; Seager R. Tiberius. Malden, Mass., 2005².

¹⁹⁷ Его наследники не только не справились с этим, но своим поведением способствовали реанимации и активизации оппозиционной идеологии *res publica libera*.

¹⁹⁸ Согласно Эдуарду Майеру, Цицерон на основе своих наблюдений над политикой Помпея разработал идею принцепата, использованную Августом (Meyer Ed. Caesars Monarchie... S. 174–191, 548 etc., сравн. раздел II.4 с примеч. 101). Р. Сайм, который считал «восстановленную республику» фальшивой вывеской, отметил тем не менее, что «тон литературы в Августов век был скорее помпеянским, чем цезарианским, провозглашая республиканские, а не абсолютистские идеалы. В поисках установления преемственности

Помпеянство в той исторической форме, в которой оно известно в период правления Августа, во всём спектре своих проявлений: от недовольного ропота и злобных нападок на отдельных представителей господствующего класса — до разочарования интеллектуалов и слабости к героям «древней республики» самого принцепса — не стало идеологией предполагаемой оппозиции. Помпеянство не могло стать ею уже по своему происхождению и сущности. Сам Помпей «Великий» никогда не имел продуманной политической программы. Его стремление к исключительному положению противоречило духу сенатской «свободы». В сущности, он был одним из тех, кто рвал на части Римскую республику и вёл её к гибели¹⁹⁹. Позитивные элементы, которые «республиканцы» могли бы при желании найти в его деятельности, в частности, сохранение законности и почётногo статуса сената, взял на вооружение Август (сравн. раздел IV.2). Помпеянство, если и могло служить неким намеком на независимость, то по большей части ограничивавшимся беззубым брюзжанием в сенате. Поведение немногих независимых духом сенаторов вроде Лабееона опиралось на терпимость принцепса. И благодаря ей оказывалось существенным фактором, поддерживавшим моральный климат в сенате. Помпеянство ставило границы сервилизму коллег, но не вступало в конфликт с идеологией режима. Оно умещалось в широкие рамки «восстановленной республики». Отсутствие серьёзной оппозиции, как и терпимое отношение Августа ко всем проявлениям помпеянства, лишь подтверждают искренность «республиканизма» основателя нового режима.

Но со временем в Августе оставалось все меньше помпеянства, смешанного с юношеским идеализмом и староримским традиционализмом. Впрочем, он никогда не рвал с «республиканизмом» как существенным элементом нового режима. В понимании этого политического фактора возрастала доля расчёта, подкреплённого знанием психологии своих соотечественников. Но представления самого принцепса о *res publica* сохраняли точки соприкосновения с помпеянством. В отличие от республиканизма цезареубийц или категорически отвергавшейся им позиции «прожигателей жизни», помпеянство не превышало порог его терпимости. *Res publica restituta* Августа до конца оставалась «немножко помпеянской». Сенат и сенатское сословие со-

с легитимным правительством наследник Цезаря отрекся от памяти Цезаря», что вылилось на практике в своего рода «реабилитацию последнего поколения Республики, которое в политике представляло «век Помпея» (Syme R. The Roman revolution. P. 317, cf. p. 464; сравн.: id. The allegiance of Labienus. P. 125 = Roman papers I. Oxf. 1979. P. 75 — где Сайм характеризует Августа и Ливия как притворных помпеянцев). Л. Р. Тэйлор высказала мнение, что Август прикрывался «катонизмом» (Taylor L. R. Party politics in the age of Caesar. Berkeley etc., 1949. P. 162–182); о «катонизме» см. далее. Вопрос об отношении Августа к памяти Цезаря рассмотрен в разделе IV.3.

¹⁹⁹ У Цицерона не было особых иллюзий по поводу республиканизма Помпея. Оратор видел, что оба соперника, Помпей и Цезарь, стремятся не к благу сограждан, а к власти. Эту мысль потом не раз высказывал Сенека Младший (Cic. Att. VIII. 11. 2, cf. Sen. ep. 104. 29–33 etc. Сравн. раздел IX.5). См. также: Taylor L. R. Party politics... P. 164 with n. 9.

хранили привилегированное положение в Риме и Империи, находясь под особым покровительством патрона «восстановленной республики». Конечно, это была не «свободная», как и не «древняя», республика. Время *libertas*, если кто-то ещё понимал её как вольницу и самоуправство нобилей, миновало. За сенатом была сохранена важная партия, но дирижёрскую палочку держала твёрдая рука принцепса и императора.

IX.7. Катон и Брут — опасные призраки «свободной республики»

Когда речь идёт о масштабных и глубинных изменениях, необходимо отслеживать их на протяжении достаточно длительного периода, сравнивая состояние тех или иных явлений на разных этапах развития. Поэтому в начале работы были сделаны экскурсы в раннюю историю Рима, а также рассмотрены некоторые аспекты политики и идеологии Поздней Республики. По той же причине важно принять во внимание ряд эпизодов гражданских войн. Не менее интересные результаты обещает взгляд на тенденции дальнейшего развития и отдалённые последствия. На фоне последующих метаморфоз ещё яснее проявляется ряд особенностей идеологии «восстановленной республики»²⁰⁰.

Август-политик был одновременно мечтателем-идеалистом и прагматиком. Его программа «восстановления республики» была инспирирована «римским мифом» и опиралась на настроения современников. Одним из важнейших элементов идеологии *res publica restituta* было положение о континуитете. Оно соответствовало особенностям римского сознания, ориентировавшегося на традиции. Установившийся порядок представлялся усовершенствованным, приспособленным к новым условиям продолжением славной Римской республики. Основополагающим при этом был принцип *res publica* как общность интересов всех граждан.

Идея непрерывности проявлялась также в трактовке исторических событий и персон. Под этим углом следует рассматривать, к примеру, снисходительное отношение к славе Помпея, олицетворявшего традиционные воинские доблести в сочетании с лояльностью к сенату. Его образ оставался одним из звеньев непрерывной цепи, связывавшей прошлое и настоящее. Были исторические деятели, активное присутствие которых в общественном сознании было нежелательно, представляя некий вызов правительственному «республиканизму» или имиджу принцепса (Анто-

²⁰⁰ Содержание данного раздела выходит за рамки обозначенной темы, охватывая события и явления на протяжении примерно в 150 лет (от первого триумvirата и диктатуры Цезаря до времени Тацита). Это необходимо для помещения Августовой «восстановленной республики» в исторический контекст. К сожалению, объем книги диктует необходимость опустить подробную аргументацию.

ний, Катон Утический). Август уважительно, но осторожно обращался с воспоминаниями о римских царях, об Александре Македонском и его эпигонах или с памятью о диктаторе Цезаре. Подход основателя принцепата был взвешен до унции: память о Помпее следовало перетерпеть, Цицерон был полезным чтением, Антонию следовало вначале послужить в качестве пугающей альтернативы «восстановленной республики», а затем — потеряться в реке забвения²⁰¹.

Некоторых деятелей последних десятилетий Республики Август предпочёл бы и вовсе вычеркнуть из анналов истории. И первыми среди них — принципиальных противников Юлия Цезаря — Катона Утического и цезареубийц. Причиной были не просто личные счёты — это Август умел выносить за скобки большой политики. Речь шла о самом важном. Ведь эти люди настаивали на том, что доминирование одного лица несовместимо с республикой. Своими самоубийствами Катон и Брут обозначили глубокий ров, (якобы?) пролегли между двумя разными государствами и эпохами. Будучи актуализирован в общественном сознании, этот акцент наносил ущерб всей исторической концепции, лежавшей в основе идеологии «восстановленной республики». Идея представляла собой опасность потому, что её олицетворяли конкретные люди, а «примеры» (*exempla*) являлись традиционным и самым эффективным средством воздействия на римскую душу. Мысль о том, что гибель последних защитников сенатской «свободы» означала конец республики, была знакома некоторым сведущим людям времени Августа²⁰². Также при его преемниках она занимала важное место в политической идеологии оппозиции.

Марк Порций Катон Младший, или Утический (95–46 гг. до н.э.)²⁰³ являлся последовательным сторонником сенатской республики. Но, как подмети-

²⁰¹ Август сохранял память о Цицероне, которому был немало обязан. В благоприятной по отношению к принцепсу версии оказывалось, что он приложил все усилия, чтобы защитить оратора от Антония и Лепида. Дальнейшие поступки подкрепляли эту версию. Плутарх передает устный рассказ. Император застал одного из своих внуков, тайком читавшего Цицерона (все знали, что это было больное место принцепса). Август не только не стал порицать мальчика, но и сам почитал свиток. Затем он с похвалой отозвался об учёности и патриотизме великого оратора. Плутарх также отмечает, что сразу после поражения Антония Октавиан выбрал себе в сотоварищи по консулату сына Цицерона, в то время как в отношении Антония было осуществлено *damnatio memoriae* (Plut. Cic. 49. 5 sq. cf.: Kienast D. Augustus. S. 265 Anm. 192.). Август упоминал Цицерона в своей «Автобиографии». См. также разделы III. 3 с примеч. 127 и III. 4 с примеч. 145.

²⁰² Это показывает пример риторика Альбуция Сила (см. раздел IX.6 с примеч. 185).

²⁰³ Катон Утический был правнуком Катона Старшего, или Цензора (консул 195, цензор 184 г.), прославился как борец за старинную строгость нравов. Катону посвящена одна из параллельных биографий Плутарха. См.: Панченко Д. В. Римские моралисты и имморалисты на исходе Республики // Человек и культура. М., 1990. С. 73–80 (сравнительные очерки характеров Антония и Катона); Циркин Ю. Б. Последние республиканцы (Катон, Брут, Кассий) // его же. Гражданские войны в Риме. Победённые. СПб., 2006. С. 91–137; Stein-Hölkeskamp E. Marcus Porcius Cato — der stoische Streiter für die verlorene Republik // id. etc. Von Romulus zu Augustus. München, 2000. S. 292–306; Wussow S. Die Persönlichkeit des Cato Uticensis — zwischen stoischer Moralphilosophie und republikanischem Politikverständnis. Dortmund, 2004 etc.

ла ещё Л. Р. Тэйлор, — не оптиматов²⁰⁴. Не менее важным фактором, определявшим его взгляды, являлась приверженность стоицизму²⁰⁵. Согласно учению этой школы на первом месте стоит выполнение долга, а не удовлетворение эгоистических желаний. В понимании римлян это означало ориентацию на интересы Города, гражданской общины. Но поскольку прежняя *civitas* сохранилась лишь в преданиях, Катон имел в виду некий конструкт, плохо реализуемый на практике. Хотя он пользовался заслуженным уважением за свое мужество, поступки Катона часто оказывались в глазах современников странными, непрактичными и непонятными. Одни восхищались неподкупностью и бескомпромиссностью стоика (Цицерон), другие — люто его ненавидели, воспринимая как помеху новой политике (Юлий Цезарь), третьи считали Катона просто чудаком.

В гражданской войне Катон воевал против Цезаря на стороне Помпея. После гибели своего вождя Катон продолжал сражаться против Цезаря, а убедившись в бесперспективности борьбы, покончил с собой. Это произошло после битвы при Тапсе в Утике (Сев. Африка) в апреле 46 г. Цицерон называл Катона *gravissimus atque integerrimus vir* (Cic. Mur. 3), считая его образцом гражданина в условиях упадка Республики. Став для некоторых уже в период диктатуры Цезаря символом и образцом для подражания, Катон в дальнейшем был превращен в миф. При Юлиях-Клавдиях реальная фигура непреклонного борца против губителей «республики» превращалась в некий эталон стоического мудреца, неподвластного ударам Фортуны²⁰⁶. За образом этой своенравной и подчас безжалостной богини угадывался самовластный правитель, а гарантией свободы оставалась возможность ухода из жизни. Сложившийся вокруг образа Катона миф включал в себя элемент идеологии, который можно обозначить как «катонизм»²⁰⁷.

Катонизм, как одна из ипостасей «республиканизма», прошел и через всю сознательную жизнь Октавиана-Августа. Этот путь еще раз показывает органичную связь историко-политических воззрений основателя принципата с сознанием современного общества, но также многоуров-

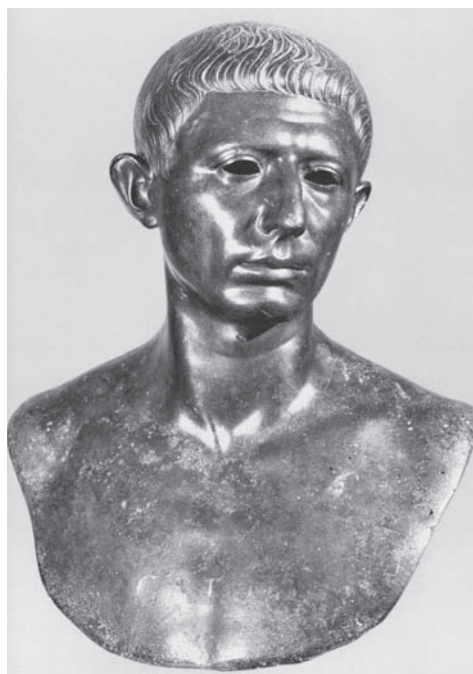
²⁰⁴ Taylor L. R. Party politics... P. 167.

²⁰⁵ Цицерон характеризует Катона как стоика (Cic. paradoxa 2); насмехается над его прямолинейностью (Mur. 30 sq.). Катон в молодые годы подружился со стоиком Антипатром Тирским и более всего интересовался вопросами нравственности и государственного управления, о чём рассказывает Плутарх: Plut. Cat. 4. 1, cf. 10. 1, 20. 1. Об отношении Катона к Помпею см. там же 41 сл., 45 сл., 47 сл., 52 сл. и др.). О принципе Августа как воплощении замыслов Помпея см. также раздел II.4 с примеч. 101 и раздел IV.2.

²⁰⁶ Sen. ep. 11. 10, 95. 70 sq.; const. sap. 2. 2; Plut. Cat. pass. etc. Cf.: Fehre R. Cato Uticensis. Darmstadt, 1983; Goar R. J. The legend of Cato Uticensis from the first century B.C. to the fifth century A.D. Brussels, 1987.

²⁰⁷ Понятия «катонизм» и «цезаризм» использовала Л. Р. Тэйлор: Taylor L. R. Party politics in the age of Caesar. Ch. VIII. "Catonism and caesarism". P. 162–182.

Илл. IX.6. Бронзовый бюст
Катона Утического

невость и динамизм протекавших в переходный период ментальных процессов. Отношение принцепса к катонизму в корне отличалось от снисходительной терпимости к помпейству. В то же время скупые сообщения позволяют различить по меньшей мере три совершенно различных подхода к образу «республиканца» Катона на протяжении долгой жизни Октавия-Августа.

Светоний упоминает о сочинении «Ответ Бруту на “Катона”», которое Август рецитировал с помощью Тиберия. Судя по краткому сообщению (три с небольшим строчки), произведение было зачитано перед относительно большой аудиторией, в отличие от правила, когда Август делал это лишь в узком кругу друзей. Скорее всего, чтение происходило в Палатинской библиотеке (см. раздел VIII.8). Светоний указывает, что император решил донести своё сочинение до публики уже в преклонном возрасте (*senior*). Анализ сообщения показывает, что событие относится к последним годам (возможно месяцам) жизни. Ослабевший принцепс был не в состоянии самостоятельно завершить рецитацию. Поскольку о свитках (папирусных) говорится во множественном числе (*volumina*), то их было не менее двух. Возможно и больше, так как, прочитав значительную часть («не дойдя до конца») и обессилив, Август передал их (т.е. еще не один папирусный свиток) Тиберию²⁰⁸.

Примечательно, что подчеркивая возраст Августа при рецитации, Светоний не указывает, когда произведение было написано. Все, что нам из-

²⁰⁸ Suet. Aug. 85. 1. Этот эпизод можно сопоставить с другим свидетельством Светония, согласно которому за год и 4 месяца до кончины, 3 апреля 13 г. (консульство Луция Планка и Гая Силия), у Августа, по-видимому, не хватало сил, чтобы собственноручно дописать завещание. Только часть документа была записана им собственноручно (ibid. 101. 1). С этим согласуется сообщение Кассия Диона: в 12 г. Август перестал посещать заседания сената, так что принцепса можно было увидеть преимущественно на Палатине. При этом он продолжал направлять государственную политику, решив в том числе заняться преследованием пасквилей и их авторов. В 13 г. Август занимался бумагами лёжа (Dio LVI. 26. 2–27. 4 sq., cf. 28. 1 sqq.). Сказанное дает возможность предположить, что рецитация состоялась в 12 г. н.э. Книг скорее всего было три или немногим более.

вестно об этом сюжете, указывает на гораздо более раннее время. Образ Катона-тираноборца, павшего во имя «свободной республики», был в своё время настоящим вызовом Юлию Цезарю. Диктатор был готов на все, чтобы развенчать уже тогда зарождавшийся миф о Катоне как воплощении римской *virtus*. Изображение Катона с вывороченными внутренностями и соответствующей подписью было как карикатура пронесено в триумфе Юлия Цезаря в 46 г. (Dio XLII. 12. 1).

Непримиримая враждебность Юлия Цезаря к Катону имела давнюю предысторию. Упрямый борец за старинные римские доблести пытался всячески препятствовать осуществлению планов участников первого триумвирата. Когда в сенат поступил отчет Цезаря о галльском походе за 55 год, Катон обвинил полководца в нарушении международного права и предложил выдать Цезаря германцам за неоправданное нападение на узипетов и тенктеров²⁰⁹. Такое решение, понятно, не было принято, все радовались победам римского оружия и богатой добыче, но Цезарь был взбешён. Триумвир направил сенату письмо, которое было там зачитано вслух, полное обвинений и брани в адрес Катона. Тот в ответ разоблачал в своей речи замыслы Цезаря²¹⁰. Вражда была взаимной и с годами только усиливалась²¹¹. После битвы при Тапсе Катону, командовавшему гарнизоном в городке Утика, стало очевидно полное поражение «республиканцев». Не желая обращаться к милосердию Цезаря, он покончил с собой в апреле 46 г. (Dio XLII. 12. 1; Plut. Cat. 66, 70–72, cf.: Caes. 54 etc.).

Можно представить себе реакцию во всех политических лагерях, когда после отбытия Цезаря в Испанию, осенью 46 г., Цицерон опубликовал панегирическое сочинение «Похвала Катону», или «Катон» (*laus Catonis*). Оно нашло широкий отклик, последовали аналогичные сочинения Марка Брута (март 45 г., см. Cic. Att. XII. 21), затем М. Фадия Галла (id. fam. VII. 24 sq.), Мунация (друга Катона) и других²¹².

²⁰⁹ См.: Plut. Cat. 51. 1, cf. Caes. 22. Распространился слух, что Цезарь напал на них во время перемирия и перебил 300 тыс. человек (в Плутарховой биографии Цезаря говорится уже о 400 тыс.). По версии Цезаря, узипеты и тенктеры сами нарушили договоренность, а избиение опасных врагов было вызвано необходимостью. Цезарь указывает общее количество неприятелей в этом эпизоде в 430 тыс. человек. У римлян при этом никто не погиб (Caes. Gall. IV.15). Cf. Meyer Ed. Caesars Monarchie... S. 172 f. mit Anm. 2. Даже если Цезарь имел в виду общее число германцев, включая женщин и детей, указанные числа выглядят неправдоподобно.

²¹⁰ Plut. Cat. 51. Многие видные римляне, раздраженные его превосходством, враждовали с Катоном. Так, Помпей напустил на него известного демагога Публия Клодия, который обвинил Катона в похищении огромной суммы денег. Plut. Cat. 45, cf. 34. Cf.: Meyer Ed. Caesars Monarchie... S. 173.

²¹¹ Эпизоды, демонстрирующие взаимную вражду с Цезарем, перечислены в биографии Катона у Плутарха: Plut. Cat. 24, 26, 27, 31–33, 41, 49, 51 сл., 72.

²¹² Эд. Майер заметил, что «Катон» Цицерона был сенсацией. О содержании и ходе полемики поклонников Катона и «анти-катонистов» при жизни Юлия Цезаря см.: Meyer Ed. Caesars Monarchie... S. 434–444. О Цицероновом «Бруте» и «Анти-Катоне» Цезаря см. также: Canfora L. Caesar. Der demokratische Diktator. Eine Biographie. München, 2001. S. 358–362.

В ответ Цезарь уже в марте 45 г. опубликовал собственного «Анти-Катона» (*Anticato*) в двух книгах (*Suet. Iul. 56*). Он также поручил своему стороннику, Авлу Гирцию, выступить с аналогичным сочинением. Об «Анти-Катоне» Цезаря можно составить представление по упоминаниям, изложениям и цитатам, переданным позднейшими авторами. Воздавая должное литературным достоинствам произведения Цицерона, Цезарь обрушил на Катона все возможные обвинения и поношения, используя свое прежнее письмо сенату и другие источники²¹³.

В полемику включился и юный Октавий, находившийся в Испании. Его «Анти-Катон», написанный по поручению Цезаря, должен был, очевидно, превзойти по остроте всё, написанное ранее. Иначе зачем он был бы нужен? Не исключено, что сам диктатор не упустил случая дать пару литературных уроков внучатому племяннику, а то и приложил к сочинению своё перо²¹⁴. О публикации памфлета Октавия сразу после завершения неизвестно. Возможно, сочинение юноши не было замечено на фоне полемики именитых авторов. Важно установить факт враждебности Октавия к Катону, будь то личной или из солидарности со своим могущественным дядей.

Судя по всему, в следующие полвека историческая личность Катона была не особенно актуальна. В период второго триумvirата внимание было сосредоточено на действующих врагах (цезареубийцы, С. Помпей, Антоний и другие). После «восстановления республики» Августу вспоминать о Катоне тоже было ни к чему. Наступил мир, время «амнистии», забвения жестоких времён и неудобных персонажей истории. И лишь в конце правления Августа произошло нечто, заставившее принцепса непривычным для себя образом выступить с рецитацией юношеского сочинения.

Контрасты в отношении Октавия-Августа к упрямому борцу за сенатскую республику не случайны. За этим стояла эволюция принципата и изменение общественных настроений. В данной связи нелишне ещё одно свидетельство, подтверждающее правильность нашего предположения о спокойном отношении режима к памяти Катона между двумя упомянутыми эпизодами.

Макробий (385/90 — ок. 430 г.), который в своих «Сатурналиях» сообщает немало подробностей о жизни Августа, упоминает о посещении

²¹³ Содержание «Анти-Катона» Юлия Цезаря довольно убедительно восстановил Эд. Майер: Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 435 ff. Сопоставление позиций Катона и Цезаря: Taylor L. R. *Party politics...* P. 162–182, esp. p. 170 ff.

²¹⁴ См.: Cic. Att. II. 1. 10, XII. 40. 1, XVI. 1. 6, 7. 4 etc. Название сочинения Августа: «*Rescripta Bruto de Catone*» (*Suet. Aug. 85.1*). См.: Утченко С.Л. Юлий Цезарь. С. 273–274; Дуров В. С. Юлий Цезарь: человек и писатель. Л., 1991. С. 110 сл., 173 сл.; Tschidel H.J. *Caesars «Anticato»...* Darmstadt, 1981; Zecchini G. *La morte di Catone e l'opposizione intellettuale a Cesare e ad Augusto* // *Athenaeum*. T. 58. 1980. Esp. P. 51–56; Goar R. *The legend of Cato...* P. 23 ff.; Maier B. *Philosophie und römisches Kaisertum*. Wien, 1985. S. 20 ff.; Tschidel H.G. *Caesars «Anticato». Eine Untersuchung der Testimonien und Fragmente*. Darmstadt, 1981; Панченко Д.В. Римские моралисты и имморалисты... С. 77–78 (разбор пассажей Цицерона о Катоне без упоминания о памфлете).

императором дома, в котором некогда жил Катон. В этой своего рода экскурсии Августа сопровождал Сей Страбон²¹⁵. Желавший в очередной раз подольститься к императору префект претория бросил в осуждение фразу об упрямстве Катона (упрямство и твердолобость, как и высокомерие, были общим местом в анти-Катоновой литературе)²¹⁶. Но Август недвусмысленно вступился за стоика: «Тот, кто не стремится к изменению существующего государственного строя, является хорошим гражданином и добродетельным человеком»²¹⁷.

Дата посещения Макробием не указана. Сей Страбон был префектом претория в момент смерти Августа и перехода власти к Тиберию. Преторианская префектура была учреждена Августом во 2 г. до н.э. Префектами были тогда назначены Кв. Осторий Скапула и П. Сальвий Апер, которых позднее сменил Л. Сей Страбон²¹⁸. Он сопровождал, видимо, еще достаточно крепкого императора. Все говорит о том, что посещение дома Катона состоялось в первые годы н.э. Недавно завершённый форум Августа символизировал идею континуитета и курс «Отца отечества» на укрепление «восстановленной республики». Главной задачей были стабилизация режима и обеспечение надежной передачи власти по наследству, чему должен был способствовать союз с сенатом. Для этого времени была характерна тенденция к максимальной интеграции республиканской истории и её героев в правительственную идеологию. Терпимость по отношению к помпеянам, Цицерону, фраза принцепса о Катоне отразили эти политические установки²¹⁹.

Все же статуя Катона не нашла себе места в галерее героев на форуме Августа. И не только потому, что изображение упорнейшего врага Цезаря пришлось бы в таком случае разместить по соседству с храмом Марса Ультора. Помпей, знаменитый своими победами во славу Рима, был коллегой и соперником Юлия Цезаря. Оба, как и Октавиан, стремились к успеху и власти²²⁰. В отличие от них, Катон всеми силами боролся за «свободу».

²¹⁵ L. Seius Strabo, отец известного временщика Тиберия Сеяна. Он происходил из всаднического рода в этрусском городе Вольсинии. При Августе и Тиберии занимал должность префекта претория (вначале сам, затем вместе с сыном) и префекта Египта. О нём см.: CIL XI. 2707; Vell. II. 127. 3; Tac. ann. I. 7, 24, IV. 1; Iuv. X. 74; Dio LVII. 19. 6 etc. Cf.: Stein. L. Seius Strabo (Seius 15) // RE. Bd. II (Hb. 3). 1921. Sp. 1125 f.

²¹⁶ Иначе, с позиций философа-стоика и политика, судил о Катоне Сенека: Sen. ep. XIV. 12 sq., сравн. комментарий в разделе IX.5.

²¹⁷ *"Quisquis praesentem statum civitatis conmutari non volet, et civis et vir bonus est"* (Macrob. Sat. II. 4. 18).

²¹⁸ Учреждение всаднических должностей префектов претория было вызвано раскрытием заговора Юла Антония (2 г. до н.э.). Он был связан с дочерью Августа от Скрибонии Юлией. Возможно, после Апера и Скапулы префектом был еще некий Публий Варий (или Валерий) Лигур, но упоминание о нем ненадежно. См.: Dio LV. 10. 10; cf.: Kienast D. Augustus. S. 134 f. mit Anm. 188, 188, 329 с лит.

²¹⁹ Опираясь на сравнительный анализ источников и специальные исследования, автор скорректировал датировки оценок Катона Утического Августом. Сравн.: МРМА. С. 365.

²²⁰ Об отношении Цезаря и Августа к Помпею и его памяти, в частности, о предполагаемом размещении статуи Помпея на форуме Августа, см. также раздел VIII.7.

Изменение конституции в ущерб *libertas* было для него неприемлемо. Катон служил «общему делу», но оно мыслилось им только как сенатская республика. Катон не желал прислуживать какому бы то ни было лицу, пусть даже самому милосердному и щедрому принцепсу. Этот римский стоик и своим самоубийством хотел сказать, что свобода важнее жизни.

В течение I в. н.э. поступок Катона вдохновлял представителей «стоической оппозиции», которые пытались противостоять деспотическим проявлениям правителей²²¹. Актуализация памяти о Катоне, как показывает эпизод с рецитацией юношеского памфлета, относится к концу правления Августа. Спустя полвека после появления первых «Катонов» и «Анти-Катонов» тема вновь приобрела актуальность в общественном сознании, став угрозой для идеологии «восстановленной республики» и лежавшей в её основе концепции континуитета.

В первые десятилетия принципата катонизм заслонился другими идеями и образами. Наступило время мира и компромисса, осуществления новой *concordia ordinum*. Получение имени Отца отечества и открытие форума Августа знаменовали успешное осуществление преобразований. На повестку дня выдвинулись стабильность и преемственность власти, что и подчеркнул основатель принципата при посещении дома Катона. В последние годы Августова правления обстановка вновь изменилась. Рецитация «Анти-Катона» следовала за рядом других известных нам фактов: постоянное подчёркивание принцепсом своего «республиканизма» в *Res gestae*; неурядицы в семье принцепса, ссылки дочери Юлии, внука Агриппы Постума, внуки Юлии и Овидия, нетерпимость к философии «прожитателей жизни». Начали выявляться неизвестно как образовывавшиеся пустоты и трещины в фундаменте уже казалось бы успешно возведенного здания «восстановленной республики». Ее будущее, как и посмертная слава основателя «наилучшего государства», оказывались под угрозой. Это заставляло Августа нервничать и делать ошибки.

Август отслеживал изменения в настроениях сенаторов и всадников, все нюансы политической жизни Рима. Не случайно принцепс забеспокоился, обнаружив активизацию катонизма. Идеология «свободной республики» была особенно опасна тем, что ставила под вопрос подлинность «республики восстановленной». Дело дошло до того, что император, не удовлетворившись монументальными, предназначенными для потомков «Деяниями»,

²²¹ Одна из биографий (конечно, панегирик) Катона была написана известным представителем «стоической оппозиции» Тразеей Петом. Она, видимо, была основным источником жизнеописания Плутарха. Претекста «Катон» Куриация Матерна вызвала неудовольствие правительства и оживленное обсуждение в Риме 70-х годов. См.: Tac. dial. 2; cf.: Plut. Cat. 25. 4, 52. 4. Сравн.: Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. С. 144–160; Taylor L. Party politics... P. 181; Griffin M. *Philosophia togata* I. Oxf., 1989/1996. P. 24.

вынужден был собственной персоной вновь включиться в пропагандистскую перепалку с почитателями Катона. Рецитация из последних старческих сил собственного юношеского опуса напоминает отправку в бой последних резервов. Это была отчаянная попытка уйти от поражения, сравнимого с такими неудачами, как ссылка обеих Юлий и смерть юных Цезарей в «династической» политике или поражение Квинктилия Вара в Тевтобургском лесу — во внешней²²². Возрождение оппозиционного «республиканизма» в форме «катонизма» грозило самым основам Августова принципата. Как и в других областях внутренней и внешней политики, принцепсу удалось предотвратить катастрофу, ощущение неизбежности которой после смерти Августа так хорошо передал Веллей Патеркул (см. примеч. 235). Прежде всего потому, что «республиканизм» был хорошо интегрирован в его концепцию нового государственного устройства. А легальный статус помпеянства давал возможность представителям знати «сохранять свое лицо», демонстрируя по случаю свою «независимость».

Роль помпеянства, безопасное, даже привилегированное, положение «республиканцев» при Августе особенно примечательны в сравнении с ситуацией, сложившейся в правление его преемника Тиберия (14–37 гг. н.э.). Не останавливаясь на подробностях, следует вспомнить, что вначале он вёл себя как «республиканец», ещё более последовательный (даже рьяный), чем Август (Тацит объяснял это коварством Тиберия, см. раздел IX.3). Со временем, повинуясь как личным наклонностям, так и обстоятельствам, Тиберий дистанцировался от сената, также в прямом смысле слова (удалившись на Капри). Его принципат известен бесконечной чередой процессов по закону «о величии», в результате которых погибло немало представителей знати.

Несмотря на военные заслуги и значительный опыт, Тиберий был политиком и государственным деятелем не того калибра. Ему не удалось сохранить подвижное и хрупкое равновесие, которое раньше обеспечивало согласие внутри правящего класса. Недовольные были всегда, но Августу удавалось нейтрализовать противоречия посредством мягко и последовательно осуществлявшейся идеологии и политики «восста-

²²² Таким образом, насчитывается по крайней мере четыре ясно различающихся этапа в отношении Октавия-Августа к образу Катона: (1) цезарианский, (2) полувековой период «забвения», (3) запечатлённый Макробием «интеграционный» этап и наконец, (4) борьба с возрождающимся представлением о Катоне как олицетворении *res publica libera*. Еще через полвека, при Юлиях-Клавдиях, Катон станет мифом, олицетворением свободы мудреца, неподвластного ударам Фортуны. Этот образ вдохновлял представителей «стоической оппозиции». Она пыталась сохранить за собой роль моральной инстанции, оценивавшей политику носителей единоличной власти уже при их жизни. Миф о Катоне даже такой умудрённый политик, как Сенека, не раз использовал в своих сочинениях, прежде чем распрощаться с ним в XIV письме к Луцилию (сравн. раздел IX.5).

Илл. IX.7. Медальон, изготовленный из античной камеи. Ливия — Юлия Августа держит бюст обожествленного Августа. См. также «Великую французскую камею» — цветную илл. 21

новленной республики». Умело регулируемый поток, несмотря на подводные камни и перекааты, плавно нёс государственный корабль к берегам монархии. Так плавно, что никто не мог определить длину пройденного пути. Этому способствовали как политическая одарённость, так и личные качества кормчего, в первую очередь широта взглядов, его терпимость, умение отвлечься от личных обид.

С переходом власти к Тиберию многое изменилось. Ещё при жизни Августа стала чувствоваться рука его супруги Ливии Друзиллы, которая играла большую роль в семье принцепса. Она добилась перехода власти к своему сыну. Ранее оказались в ссылке дочь, внучка и внук основателя принципата. После смерти Августа его внук Агриппа Постум был немедленно убит²²³. По завещанию Августа Ливия

²²³ Ходили даже слухи, что не без участия Ливии умер Август, а ещё раньше она организовала убийства Луция и Гая Цезарей (Тас. ann. I. 3. 4, 5.1, 6. 3, см.: Парфенов В. Н. «Злая мачеха дома Цезарей» (исторический очерк) // Античный мир и археология. Вып. 9. Саратов, 1993. С. 176–189). Мнение о том, что Ливия убрала всех наследников Августа, чтобы проложить путь Тиберию к власти, особенно настойчиво проводится в книге: Hochhuth R. Julia oder der Weg zur Macht. Berlin, 2012³. На наш взгляд, преувеличение политической роли Ливии и тем более ее демонизация не имеют достаточных оснований. Ливия безусловно имела значительное влияние при жизни Августа, еще большее — сразу после его смерти. Не зря Калигула называл свою прабабку «Улиссом в женском платье» (букв.: «в столе» — *Ulixes stolatus*, Suet. Cal. 23. 2). А. А. Баррет справедливо обращает внимание на позитивные коннотации этой меткой характеристики: греческая находчивость и соблюдение римских традиций. Своей подчеркнутой (даже показной) скромностью и ведением домашнего хозяйства Ливия оказывала важную поддержку политике Августа, направленной на оздоровление нравов и семьи. Принцепс безусловно ценил ее советы и опирался на поддержку супруги. Но играя таким образом важную роль в *domus Augusta*, она не могла занимать важного места в государстве (Barret A. A. Livia. First lady of imperial Rome. New Haven & L., 2002. P. 121–145 ff.). К сходному мнению, подчеркивая специфику положения женщины в римском обществе, ранее пришел Н. Пёрсел: Purcell N. Livia and the womanhood of Rome (1986) // Edmondson J. (ed.) Augustus. Edinburgh, 2009. P. 165–194. Роль Ливии в *domus Augusta* особенно после усыновления Августом Тиберия в 4 г. н. э. подчеркивает К. Кунст. Возник образ «матери империи», важный для формирования самосознания римских матрон. Обвинения Ливии в причастности к истреблению Юлиев Кунст связывает с борьбой за наследство в правление Клавдия (Kunst C. Livia. Macht und Intrigen am Hof des Augustus. Stuttgart, 2008. S. 180–187, 282 сл.). На наш взгляд, не следует смешивать авторитет и влияние Ливии в семье Августа (и таким образом воздействие на политику) с прямым участием в государственных делах. Это противоречило бы римским традициям. К тому же следует иметь в виду, что Август рано научился принимать ре-

была принята в семью Юлиев под именем Юлии Августы (Tac. ann. I. 8. 1; Dio LVI. 3. 1). В первые годы правления Тиберия, несмотря на его сопротивление, Ливия пользовалась большим влиянием²²⁴.

Уже сами факт и способ передачи «принципата» открыли глаза многим из тех, кто ранее не замечал, или не хотел замечать, фактическое изменение государственного строя. Дополнительно прояснили ситуацию бунты в рейнских легионах, как и возросшая роль преторианской гвардии. Всё большим влиянием на принцепса пользовался Л. Элий Сеян (сын Сея Страбона), который был префектом претория с 14 по 31 гг. н.э. Определенную роль сыграло потрясение, пережитое обществом в связи со смертью Германика в конце 19 г.

Слова Тиберия о том, что он «держит волка за уши» (Suet. Tib. 25. 1) отражают оценку ситуации. Процесс «прозрения» был обоюдным. Поведение сената и отдельных сенаторов показывало, что помпеянство может оказаться не столь уж безопасным, особенно когда некоторые его приверженцы начали склоняться к катонизму²²⁵. Обе стороны: принцепс и сенат — ощущали напряжённость. Взаимное недоверие способствовало поляризации позиций и ужесточению политического контроля со стороны правительства. Неожиданно явления, которые совершенно безобидно выглядели при Августе, приобрели опасные черты в глазах Тиберия. Достаточно вспомнить известный процесс против историка Кремуция Корда²²⁶.

В 25 г. Корду было предъявлено обвинение по закону об «оскорблении величия». Говорилось, что в своём историческом труде он восхвалял Брута и назвал Кассия «последним из римлян». Смертный приговор был предрешиен. После произнесения защитительной речи Корд лишил себя жизни, отказавшись от пищи. По постановлению сената сочинение было сожжено²²⁷. Здесь можно оставить за рамками рассмотрения вопрос об истинных

шения самостоятельно. После его смерти Ливия могла, опираясь на свой авторитет, плести дворцовые интриги и использовать влияние на сына, но о «соправительнице» здесь не может быть и речи (сравн.: Чеснокова С. Н. *Domus Augusta* и Ливия Друзилла // *Antiquitas Inventae*. Саратов, 2007. С. 171, 173).

²²⁴ Suet. Tib. 50. 2–51. 2; Dio LVII. 12. 3 sq. Вражда сына с матерью продолжалась вплоть до ее смерти. Ещё раньше с жёсткими идеологическими установками Ливии пришлось столкнуться ее внуку, будущему императору Клавдию (см. раздел IX. 6). Ливия умерла в возрасте 86 лет в 29 году. Тиберий даже не захотел явиться на похороны и запретил ее погребение. Она была захоронена в мавзолее Августа и обожествлена только в 42 г. при Клавдии (Dio LX. 5. 2).

²²⁵ Речь идет об условных обозначениях двух форм неправомерного «республиканизма» времени раннего принципата. Мы различаем их по степени радикализма и политической заостренности. Помпеянство было недовольством, питавшимся смутными воспоминаниями и доходившим максимум до фрондёрства. Катонизм имел целью освобождение «республики» от тирана и характеризовался непримиримостью, доходившей до готовности покушения на императора и самоубийства.

²²⁶ См.: Sen. cons. ad Marc. 1. 3–4, 22. 4–7; Tac. ann. IV. 34; Suet. Tib. 61. 3; Quint. X. 1. 104; Dio LVII. 24 etc. Cf.: HRR II. 87–90.

²²⁷ Светоний сообщает, что копии ранее уничтоженных по постановлениям сената сочинений Тита Лабина, Кремуция Корда, Кассия Севера тем не менее сохранились и были разрешены в начале правления Калигулы см. Suet. Cal. 16. 1. В дальнейшем они были утрачены.

причинах преследования Корда: его помпеянство (включавшее прославление цезареубийц) проявилось не только в оценках исторических деятелей. Когда после восстановления Тиберием сгоревшего театра Помпея там была воздвигнута статуя Сеяна, Корд при стечении народа воскликнул: «Теперь театр и в самом деле погиб!»²²⁸. Это вызвало ненависть всемогущего временщика, напустившего на историка своих клеветников²²⁹. В словах Корда не было нарушения закона. Преследуя его за это высказывание, Сеян рисковал восстановить против себя общественное мнение. Ещё меньше хотелось ему ставить в известность Тиберия об инциденте в театре. Ведь в подтексте фразы Корда читалась еще и мысль о растущей власти префекта претория.

Примечательно, что более удобным предлогом для расправы с историком были сочтены «республиканские» формулировки в его труде. Значит ли это, что Тиберий был готов принять, а общественное мнение — по крайней мере понять подобное обвинение? Хотя говорилось о событиях почти семидесятилетней давности, оказалась затронута некая чувствительная струна — но какая?

Спустя десятилетие после смерти Августа стало возможным предъявить официальное обвинение за похвалу цезареубийцам. Новизна, беспрецедентность такого обвинения являлась, по Тациту, основным пунктом защитительной речи Корда. В ней указывалось, что благоприятные высказывания о тех же людях встречались даже в сочинениях *amici* Августа — Азиния Поллиона и Мессалы Корвина. В оправдательном слове Корд вспомнил, как Тит Ливий превозносил Помпея, что не помешало дружеским отношениям с Августом. Корд подчеркнул, что Ливий в числе других «именно этого Брута, именно этого Кассия именует выдающимися мужами и нигде — разбойниками и отцеубийцами, каковое прозвище им присвоено ныне (*nunc*)»²³⁰. Речь шла об изменении политического климата в правление Тиберия²³¹.

²²⁸ В этих словах читается противопоставление «республиканского» героя Помпея Великого и орудия тирании Сеяна.

²²⁹ Sen. cons. ad Marc. 22. 4 sq. Статуя Сеяна в театре Помпея была установлена по решению сената, разумеется, с ведома Тиберия, за тушение там пожара (Tas. ann. III. 72. 3, IV. 7. 2). Тиберий разрешил воздавать почести статуям Сеяна в общественных местах (Tas. ann. IV. 2). Его дни рождения праздновались всенародно, а изображения Сеяна из золота повсюду почитались (Suet. Tib. 65. 1). См. также: Портнягина И. П. Дело Кремуция Корда (к вопросу о республиканской оппозиции в период раннего принципата) // Проблемы политической истории античного общества. Л., 1985. С. 172–179; Парфенов В. Н. Сеян: взлет и падение // АМА. Вып. 10. Саратов, 1999. С. 63 сл.; Hennig D. L. Aelius Seianus: Untersuchungen zur Regierung des Tiberius. München, 1975. S. 55–63; Rogers R. S. The Case of Cremutius Cordus // TAPA. Vol. 96. 1965. P. 351–359.

²³⁰ Следует признать, что аргументы Корда были не безупречны, поскольку после мартовских ид цезарианцы называли Брута, Кассия и их приверженцев «отцеубийцами» и «убийцами отца отечества» (см. раздел III.4). В период мирного правления Августа вступила в силу «амнистия». Спустя десятилетие после его смерти правительство Тиберия вернулось к оценкам времени гражданской войны.

²³¹ Tas. ann. IV. 34–36. Корд, разумеется, сравнивал современную ситуацию с предшествующими десятилетиями «мира», а не с лихолетьем гражданских смут, о которых помнил мало кто из присутствовавших. Впрочем, он специально упомянул и терпимость диктатора Цезаря, который на восхваление Катона

Смысл защиты Корда заключался, таким образом, в противопоставлении обстановки терпимости, присущей Августову принципату, — современной практике преследования инакомыслящих. Тацит в начале рассказа о процессе подчеркнул принципиальную новизну «дотоле неслыханного и тогда впервые предъявленного обвинения» (Тас. ann. IV. 34. 1).

Указания на качественные изменения в политическом климате подтверждаются свидетельством Светония. Он отметил, что то же сочинение Корда за несколько/немного (*aliquot*) лет до рассматриваемого процесса с успехом рецитировалось в присутствии самого Августа²³². Возможно, тогда не зачитывались пассажи, которые фигурировали в обвинении, иначе Корд не преминул бы указать на это в своей речи. Не исключено, что они появились позднее, в результате редактирования²³³. Но тогда категоричность историка в оценке Брута и Кассия, а тем самым — установившегося после их гибели

Цицероном ответил словами, а не преследованием. Корд вспомнил полные оскорбительных выпадов против Цезарей стихи Бибакула и Катулла — ни Цезарь, ни Август не преследовали поэтов. Это были примеры мудрости. Широкие рамки свободы слова при Августе отмечал Сенека Старший: Sen. rhet. contr. II. 4. 13. Аргументацию Корда, включая его слова о неприменимости в данном случае закона о «величии» и о преследовании только за слова (Тас. ann. IV. 34. 2), Тацит обобщает в известной 72 главе I книги «Анналов», где, в частности, подчеркивает, что при Августе осуждались лишь преступные дела, но не слова. (Тас. ann. I. 72. 2; cf. Sen. ben. III. 27. 1). В качестве единственного исключения Тацит называет дело Кассия Севера. О том, что Тацит фактически выделяет правление Августа в особый, причем неоднородный период, см. выше раздел IX.3 с примеч. 28 слл.

²³² Suet. Tib. 61. 3. О том же сообщает Дион Кассий (Dio LVII. 24. 3). Светоний, наряду с историком, под которым имеется в виду Корд, упоминает также поэта, казненного при Тиберии якобы за то, что в своей трагедии он посмел порицать Агамемнона. Этот поэт — Мамерк Скавр, обвиненный префектом претория Макроном, сменившим Сеяна. Трагедия называлась «Атрей» (cf. Dio LVIII. 24). Неточности, допускаемые Светонием (в частности, он утверждает, что оба автора были казнены, а не покончили с собой) отчасти объясняются краткостью сообщения. Макрон подавил заговор Сеяна и стал следующим префектом претория. При содействии Макрона и его жены Эннии пришёл к власти Калигула, умертвив Тиберия. Позднее Калигула расправился с Макроном и его женой. См.: Suet. Cal. 12. 2; 23. 2; 26. 1; Тас. ann. VI. 45; Dio LIX. 10. Некоторые вопросы, в частности, о характере (наличии) заговора Сеяна мы оставляем за рамками данного рассмотрения.

²³³ Терпимость Августа к бывшим врагам подтверждают благоприятные отзывы о Бруте и Кассии у Николая Дамасского. Он ориентировался в своих оценках на несохранившуюся «Автобиографию» Августа (хотя пользовался также другими источниками, в частности, «Историей» Азиния Поллиона). Как и его покровитель Ирод, Николай был тесно связан с Августом (сравн. раздел I.5 с примеч. 47 сл.). Позицию принцепса помогает прояснить Плутарх. Он сообщает что Август, находясь в Медиолане, обратил внимание на изображение Брута. Похвалив жителей за верность своим друзьям, принцепс велел сохранить статую. Все же он ясно дал понять, что как сын Юлия Цезаря рассматривает убийцу отца в качестве личного врага, — но в роли главы государства и хранителя римских доблестей помнит о том, что гражданские войны давно позади (Plut. Brut. 58 (5), cf.: Rawson E. Cassius and Brutus: The memory of liberators // Moxon I. S. etc. (eds.). Past perspectives: studies in Greek and Roman writing, Cambr., 1986. P. 101–119; P. 104 with n. 18). Посещение Медиолана, видимо, относится к 27 или, что еще вероятнее, к 16 г. до н.э., когда Август направлялся в западные провинции. После 23 г. прилагались особые усилия для привлечения на свою сторону бывших противников. Эта мягкость Августа особенно контрастирует с жестоким поведением после Филиппа, когда он отправил голову Брута в Рим (Suet. Aug. 13. 1, cf. Dio XLVII. 49). Упомянутый ранее эпизод с Силом подтверждает наличие статуи Брута в центре Медиолана (сравн. раздел IX.6 с примеч. 185). Статуи Брута и Кассия были установлены также в ряде городов греческого Востока, в Афинах — рядом с местными «тираноубийцами» (Dio XLVII. 20. 4).

порядка вещей, — была результатом значительных перемен в понимании произошедшего²³⁴.

Слова Корда о Кассии как о «последнем из римлян» явно противоречили «республиканской» идеологии принципата, особенно концепции континуитета. Они свидетельствуют о важной метаморфозе в общественном сознании. Изменения обозначилась на заключительном этапе правления Августа и не могли ускользнуть от внимания сведущих людей. При этом Августов «принципат» воспринимался как нечто необходимое, должное, но также исключительное. Выдающееся место в «республике» обеспечивалось бесспорным «авторитетом». Но наступил момент, когда накапливавшиеся подспудно изменения стали очевидны. Смерть Августа вызвала вначале ощущение пустоты и конца света. Состояние ужаса, охватившего все слои населения и явно пережитого им самим, передал Веллей Патеркул²³⁵. Но ожидание катастрофы не оправдалось, власть плавно перешла к Тиберию. За долгие годы своего правления Августу удалось, опираясь на свой исключительный «авторитет», создать структуры, которые выдержали потрясение. Но случившееся окончательно открыло глаза на реальное положение вещей, общество приняло к сведению факт установившейся единоличной власти.

Кристаллизация нового менталитета неизбежно включала формирование оппозиционного «республиканизма» как существенного фактора политической жизни. Реакцией на него стало ощущение неуверенности у правительства, вылившееся в меры по укреплению аппарата насилия и террора. Рост монархических тенденций вызвал радикализацию неблагоприятных для режима настроений в среде сенаторского сословия. В результате взаимного отчуждения, недоверия и страха изменения стали необратимыми. При всей схожести и преемственности правлений Августа и Тиберия между ними пролегла некая пропасть, разделившая, в сущности, два различных режима.

Определённую роль сыграла разница в характерах принцепсов. У Тиберия недоставало не только Августовой *auctoritas*, но и *liberalitas*²³⁶. Это трудно переводимое понятие включало качества, свойственные свободному гражда-

²³⁴ О том, что работа над сочинением продолжалась после смерти Августа, свидетельствует подробное описание его правления, включая непривлекательные стороны. В частности, Светоний со ссылкой на Корда сообщает, как при проведении ценза (по-видимому, в 18 г. до н.э.) сенаторов к Августу подпускали лишь поодиночке и предварительно обыскав (Suet. Aug. 35. 2).

²³⁵ Vell. II. 123. 1, 124. 1 sqq. Сравн. Немировский А. И. Веллей Патеркул // Малые римские историки. М., 1996. С. 247. См. также след. раздел IX.8.

²³⁶ *Liberalitas* Августа придают важное значение многие современные исследователи. См., напр. Kloft H. *Liberalitas principis*... Köln, 1970. S. 75 ff.; Manning C. E. *Liberalitas*... // G&R. 1985. Vol. 32, 1. P. 73–83; Yavetz Z. The personality of Augustus: reflections on Syme's Roman revolution // Between republic and empire... P. 21–41, esp. 40 f.; Corbier M. *Liberalitas, largitio* // NP. Bd 7. 1999 etc.

нину. Они считались врожденными, но прививались знати с детства: благородство, щедрость, широта взглядов, способность к взаимопониманию, такт, терпимость, милосердие, приветливость. Политику было важно разделять государственные дела и личные симпатии–антипатии. Этим качеством, которым в значительной мере обладал и которое после окончания гражданской войны проявил Август, немало способствовало созданию атмосферы доверия между принцепсом и сенатом. Тиберию мешали его мелочность (даже дотошность) и мстительность. Он не умел прощать и забывать как чужие ошибки, так и свои огрехи. Характерный пример приводит Светоний. Когда Тиберий в одном из писем слишком резко пожаловался на словесные нападки, принцепс ответил: «...достаточно и того, что никто не может нам сделать худого»²³⁷.

Для лучших лет правления Августа была характерна остававшаяся в состоянии политического младенчества фронда, которую мы обозначили как помпеянство. Под занавес первого принципата на политическую арену выходит катонизм. Если попытаться и далее персонифицировать эволюцию данного явления, то в период правления Тиберия в мире идеологического противостояния ожил призрак Брута. Он был олицетворением потенциально более опасного для императора оппозиционного республиканизма, который некогда заставил пролиться кровь Цезаря²³⁸.

Марк Юний Брут (85–42 гг. до н.э.) был личностью менее значительной, чем почитавшийся им с юных лет дядя — Катон Утический. Тем не менее он довольно высоко ценился как философ, Цицерон посвятил ему трактат *De natura deorum*, сохранилась их переписка в двух книгах²³⁹. С 48 г. до н.э. Брут встал на сторону Юлия Цезаря, который назначил его наместником Цизальпинской Галии (46) и вообще оказывал большое доверие²⁴⁰. Тем не менее в 44 г. Брут, в ранге претора, стал организатором заговора и одним из убийц Цезаря. Когда войско заговорщиков потерпело при Филиппах поражение от триумвиров, Брут бросился на меч.

Самоубийство Брута закрепило антитираническую традицию, заложенную Катонем. Они оба были сторонниками «свободной», т.е. сенатской, ре-

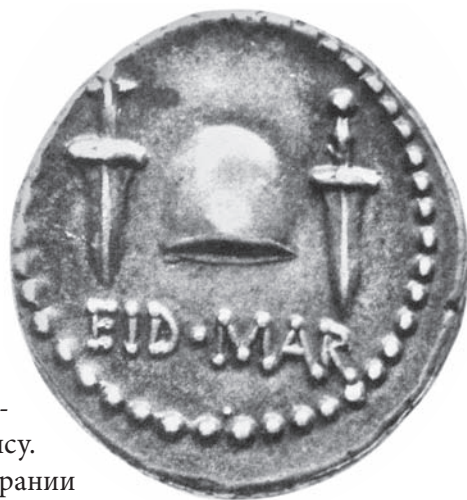
²³⁷ Suet. Aug. 51. 3, cf. 54–56.

²³⁸ См. раздел III. 2 сл. О Бруте и Кассии: MacMullen R. *Enemies of Roman order*. P. 1–45; Clarke M. L. *The noblest Roman: Marcus Brutus and his reputation*. L., 1981; Wistrand E. *The policy of Brutus tyrannicide*. Goteborg, 1981; Rawson E. *Cassius and Brutus...*; Ortmann U. M. *Cicero, Brutus und Octavian — Republikaner und Caesarianer: ihr gegenseitiges Verhältnis im Krisenjahr 44/43 v. Chr.* Bonn, 1988 etc.

²³⁹ Брута как автора и философа высоко оценивали ещё в эпоху Империи. Подробнее см.: Schanz M., Hosius C. *Geschichte...* Bd. I. Sp. 394–397; Erler M, Flashar H. *Grundriss... Die hellenistische Philosophie*. Bd. 2. S. 969 f.

²⁴⁰ Ходил даже слух, что Брут был сыном диктатора. Согласно Светонию, последними словами Цезаря на греческом были: «И ты, дитя (моё)?», — обращенные к Бруту (Suet. Iul. 82. 2, cf.: App. b. c. II. 112; Plut. Brut. 5–8). Версия об отцовстве не опирается на серьезные доказательства, не говоря уже о том, что при рождении Брута Цезарю было 15 лет.

Илл. IX.8. Денарий Марка Брута — одного из убийц Юлия Цезаря. Реверс: шапка свободы между двумя кинжалами

спублики. Но фигуры Брута и Кассия выглядели в глазах Тиберия особенно зловещими, поскольку они олицетворяли цезареубийство²⁴¹. Такая идеология была серьезной угрозой режиму, и Сеяну было не трудно внушить подобную мысль принцепсу. Сплав идеи *libertas* с непримиримостью к тирании и с готовностью действовать — это было пострашней похвал Помпею. Брут был подготовлен к своей роли организатора заговора и убийства «тирана» долгими годами размышлений и изучения философии. Идея самоценности гражданской «свободы» и вытекающее из нее положение о правомерности убийства «тирана» давно укоренились в римской политической мысли. И они неоднократно реализовывались как во времена Республики, так и в эпоху Империи²⁴².

И все же факты не подтверждают представления, согласно которому «подавление свободы и установление монархии» Августом породило оппозицию. Она практически отсутствовала, как и враждебная режиму идеология. О том же говорит и отсутствие правительственного террора. Тому были свои причины²⁴³.

Первое, нововведения не воспринимались как переворот и революция. Общественное сознание приняло концепцию «восстановления республики» и преемственности установившегося порядка с Римской республикой. После смерти Антония не было принято никаких мер, которые должны были бы од-

²⁴¹ Символична была уже общность имени цезареубийцы с Луцием Юнием Брутом — одним из тех, кто изгнал Тарквиния Надменного и основал Римскую республику (см. раздел III.1).

²⁴² Немало римских императоров погибли в результате заговоров. Перевороты совершались не только из идеологических соображений, но антитираническая фразеология оставалась актуальной. Примером могут служить слова Траяна, обращённые к новому префекту претория: «Вручаю тебе этот меч, который должен служить моей защите до тех пор, пока я действую справедливо. Если я буду поступать несправедливо, используй его против меня» (Aurelius Victor XIII. 9). Дialeктика идеала и реальности рассматривается в статье: Никишин В. О. Императоры, граждане и подданные в эпоху принципата: идеал и реальность // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М., 2008. С. 81–103, сравн.: Шкаренков П. П. Римская традиция образа идеального правителя в Остготской Италии // ВДИ. 2008. № 4. С. 157 слл. Также см. раздел IV.5 примеч. 86.

²⁴³ Сравн.: Raafaub K., Samons L. Opposition to Augustus. P. 450–454 (попытка систематизировать причины отсутствия серьезной оппозиции Августу).

нозначно расцениваться современниками как антиконституционные. В глазах значимых групп гражданского населения политика Августа соответствовала, в большей или меньшей мере, основным принципам «республики».

Второе, римское общество и государство пережили в правление Августа серьезные преобразования, но они были постепенными. Их содержание и значение проявились не сразу и требовали времени для осознания обществом. Как показано в главах IV и V, установленный Августом в Риме режим был не монархией, а своеобразной смешанной формой. Это было особенно важно для сенаторов.

Третье, изменения, которые имели место, как их сегодня ни называть, в основном устраивали всех тех, кто выжил в гражданских войнах и был бы в состоянии составить организованную оппозицию. Был достигнут конструктивный компромисс на основе согласия сословий.

Даже те исследователи, которые уверены в однозначно монархическом характере принципата, соглашаются, что с 31 до н.э. и вплоть до 14 г. н.э. не было новаций, которые бы единовременно в корне изменили правовой статус принцепса в направлении оформления единовластия. В первое десятилетие Октавиан-Август всё так же ежегодно добивался консульства. Добавление к титулатуре имени «Август» не имело правового содержания. Видимые перемены были связаны скорее с последовательными отказами Августа от полномочий. В январе 27 года была сложена чрезвычайная власть и «республика» возвращена сенату и народу. В 23/22 гг. он уступил другим претендентам консулат, получив взамен менее почётные полномочия народного трибуна и проконсульский империй. Чрезвычайные должности отвергались категорически.

Не вызывает сомнения особое положение Августа в государстве, которое он единолично контролировал. И в то же время для процесса формирования и укрепления нового режима типично то, что после окончания гражданских войн (а они были начаты не Октавианом) невозможно найти ключевое событие, которое можно квалифицировать как конец «республики» и начало монархии, тем более — тирании²⁴⁴. Неудивительно, что огонь потенциальной оппозиции не нашел ни достаточного количества горючего материала, ни искры для возгорания. Всё это оказалось в наличии в период правления Тиберия и следующих Юлиев-Клавдиев.

²⁴⁴ Примечательна в этом смысле дискуссия о том, когда, формально и фактически, завершился триумвират. См.: Fadinger V. Die Begründung des Prinzipats. 1969, Kap. 2; Petzold K. E. Die Bedeutung des Jahres 32 für die Entstehung des Prinzipats // *Historia*. Bd. 18. 1969. S. 334; Gabba E. La data finale del secondo triumvirato // *RFIC*. T. 98. 1970. P. 3. Cf.: Millar F. *Rome...* I. 2002. P. 260.

IX.8. Метаморфозы общественного сознания и смена эпох

...герой не знал, что жил до нашей эры,
что станут каравеллами галеры...²⁴⁵

В ретроспективе тысячелетий и под влиянием античных и новоевропейских интерпретаций «переход от республики к империи» часто рассматривают как некую единовременную смену государственного строя, монархический переворот. Но при более тщательном рассмотрении оказывается, что современники видели все иначе.

Римляне приветствовали меры, принимавшиеся Октавианом после окончания войн. Они воспринимали происходившее как долгожданное возвращение к старым добрым временам гражданского согласия. В 29 г. до н.э. сенат и Римский народ отметили заслуги Октавиана аркой с почетной надписью «за сохранение/защиту республики» (*re publica conservata*)²⁴⁶. Значение этого выражения можно сравнить с одним сюжетом у Тита Ливия, который историк записал чуть позднее, в 27 году. Рассказывается о реакции сената на патриотическую речь Л. Квинкция Цинцинната, консула 460 г. н.э.: «воодушевленные сенаторы поверили в восстановление республики». Из контекста ясно: речь шла об утверждении известных принципов гражданского общества. *Res publica* означала «упорядоченное государство, служащее интересам граждан», «общественное достояние». Ведь республика как форма государства была установлена за полвека до изображаемых историческом событий²⁴⁷.

«Возвращение республики» сенату и народу не воспринималось жителями Рима и Италии как кардинальное изменение политического строя, но лишь как возвращение к нормальной жизни. Официальный акт 13 января 27 г. до н.э. стал заключительным в серии мероприятий по отмене чрезвычайных установлений и завершил переход к конституционному правлению. Были гарантированы общие интересы граждан. Это означало «восстановление республики». Примечательно, что у поэтов, от которых мы были бы вправе ожидать восторгов: Вергилия, Горация, Проперция — отсутствуют даже упоминания об этом урегулировании. Сохранившаяся надпись, в ко-

²⁴⁵ Строфы, услышанные мною летом 1967 года на берегу Понта Эвксинского, среди руин древнего Херсонеса. Читал его студентам-первокурсникам Александр Иосифович Немировский. Похоже, это стихотворение не опубликовано. В его словах — важное предостережение историку.

²⁴⁶ CIL VI. 873; ILS 81. См. раздел IV.9.

²⁴⁷ Liv. III. 20. 1. Cf.: Ogilvie R. M. A commentary on Livy books 1–5. 1965. P. 2; Millar F. Rome I. P. 263 f. О понятии *res publica* см. разделы I.4 сл. О ее «возвращении» — раздел I.9.

Илл. IX. 9. Кистофор 28 г. до н.э. с надписью, представляющей Октавиана как овозбудителя и умиротворителя

торой читается энтузиазм по поводу *“res publica restituta”*, — известная «Похвала Турии»²⁴⁸. На монетах 28/27 гг. встречается легенда *libertatis p. R. vindex* («защитник/спаситель свободы Римского народа»). Здесь также имелось в виду избавление от насилий и беззаконий гражданских войн, тем более, что на реверсе это содержание подчеркивается словом *pax*²⁴⁹.

В «Фастах» Овидия (до 8 г. н.э.) соответствующее упоминание можно найти под 13 января. Но там вообще нет речи ни о «республике», ни о «свободе», говорится лишь о возвращении провинций Римскому народу и о предоставлении Октавиану имени Августа (Ovid. met. I. 589 sq.). Этот взгляд младшего современника, с достаточной (но не слишком большой) дистанции, временной и географической, также подтверждает предыдущие наблюдения²⁵⁰. Овидий не только осознавал, что живет в новую эпоху. Он воспри-

²⁴⁸ CIL VI. 1527 = ILS 8393. В «Пренестинских фастах» под 12 января это выражение восстанавливается по контексту (CIL I2. P. 231; Inscr. It. XIII.2 (1963). P. 112–113). См. также разделы I.7 и IV.9.

²⁴⁹ См.: RIC I. P. 60 with n. 1. N 10 and PL IV. 72 (= RIC I2 476; BMC RE 691; CRIP. P. 31, 303 with pl. I. 16 etc.). Кистофор (цистофор). Аверс: в центре голова Августа, вокруг надпись: IMP. CAESARIS DIVI F. COS. VI. LIBERTATIS. P. R. VINDEX, лавровый венок. Реверс: PAX /в центре/, изобр. богиня с кадудеем, справа *cista mistica*, по краям ветви лавра. Сазерлэнд указал, что легенда относится к передаче полномочий сенату и народу в 28–27 гг. Он обратил внимание на то, что Август был представлен как освободитель и умиротворитель жителям Малой Азии, поскольку кистофоры имели хождение только там (CRIP. P. 31). Cf.: Sutherland C. H. V., Okay N., Merrington K. E. The cistophori of Augustus. 1970. P. 89–90; Millar F. Rome I. 2002. P. 264. См. илл. IX.9 и пояснения к ней.

²⁵⁰ Здесь уместно процитировать М. Л. Гаспарова, который был непревзойдённым знатоком не только литературы, но и духа рассматриваемой эпохи. В одной из статей о Горации он писал: «Это могло бы показаться странным и нелепым, но это не так: современники вовсе не заметили этого перехода от республики к империи. Для них при Августе продолжалась республика. И их можно понять. Будущего Римской державы они не знали, не знали, что история её ныне пойдет по совсем иному пути, чем шла до сих пор; они знали только прошлое и настоящее и не замечали между ними никакой существенной разницы.

нимал её как более цивилизованную, утонченную, богатую возможностями разнообразного досуга. «Пусть другие радуются древности, я поздравляю себя с тем, что рожден лишь теперь: наше время мне по душе...» (Ovid. *ars am.* III. 121 sq.)²⁵¹. Напрасно было бы искать у Овидия сожаления об «утраченной республике». Похоже, что при всех особенностях поэтического восприятия, это отношение было типичным и для человека с улицы. На самом нижнем, бытовом этаже общественной жизни «установление принципата» не стало тогда неким поворотным моментом. Это должно заставить нас еще больше усомниться в том, что такое «событие» вообще имело место.

Чрезвычайный интерес представляют в данном контексте свидетельства Веллея Патеркула. Он был человеком, близким к правительству и главное, абсолютно лояльным. Его «Римская история», посвященная вступлению в должность ординарного консула 30 года Марка Виниция, является единственным сохранившимся историческим сочинением, написанным в десятилетия после смерти Тита Ливия²⁵². Значительная часть сравнительно небольшого труда посвящена событиям последнего столетия Республики

По-прежнему в Риме правил сенат, по-прежнему каждый год избирались консулы, а в провинции посылались наместники; а если рядом с этими привычными республиканскими учреждениями теперь всюду замечалось присутствие человека по имени Цезарь Октавиан Август, то это не потому, что он занимал какой-то особый новый государственный пост, — этого и не было, — а просто потому, что он лично, независимо от занимаемых им постов и должностей, пользовался всеобщим уважением и высоким авторитетом за свои заслуги перед отечеством... Нет, современники — и первым среди них Гораций — были вполне искренни, когда прославляли Августа как восстановителя республики» (Гаспаров. Поэзия Горация // Горация Флакк, Квинт. Оды... М., 1970. С. 32). Возвращаясь к этой теме через несколько лет, М. Л. Гаспаров вновь подчеркивал, что «контрастного рубежа между падением республики и установлением империи не было. Официально республика продолжала существовать; более того, казалось, что Октавиан, покончив с гражданскими смутами, наконец-то возрождает республику в ее древней незыблемости и блеске... Общий духовный подъем, отмечающий первые два десятилетия правления Августа, питался надеждой на возрождение древности, но не древности вообще, а республиканской древности» (Гаспаров М. Л. Греческая и римская литература I в. до н. э. // История всемирной литературы: В 8 (9) томах. Т. 1. М, 1983. С. 453). К такому же выводу пришел при изучении Веллея Патеркула А. И. Немировский: «Преобразование римской аристократической республики в монархию произошло почти незаметно для современников этого переворота...» (Немировский А. И. Веллей Патеркул... 1985. С. 5).

²⁵¹ Овидий, говоря о приятных манерах современников, в отличие от грубых нравов предков, имел в виду (внешние) результаты того, что мы сегодня именуем «римской культурной революцией». Его полные лести понтийские послания, хотя и обнаруживают понимание новой политической ситуации, но и в них нет ностальгии по «свободной республике».

²⁵² См.: Hanslik R. Vinicius 7 // RE. II R. Hb. 17. 1961. Sp. 116–119. Определенный интерес как источник представляет собрание исторических примеров Валерия Максима — *Factorum et dictorum memorabilium libri novem*. Оно было предназначено для составителей речей и посвящено императору Тиберию. Сочинение было завершено после падения Сеяна, то есть немногим позже труда Веллея. Оно проникнуто лостью к императору, что само по себе не ново. Похвалы императору Веллея носят иной характер. Рассмотрение литературы времени Тиберия под релевантным для нашей темы углом зрения: Wiegand I. *Nequere libere neque vere. Die Literatur unter Tiberius und der Diskurs der res publica continua*. Tübingen 2013. Bes. S. 1 ff., 33 ff., 106–146 (*Velleius*), 147–183 (*Valerius Maximus*) etc. Автор приходит к выводу о наличии принципиальных отличий «тиберийского элемента» от идеологических структур как Августового, так и последующего времени. О Валерии Максиме см. также: Krasser H. *Sine ullis imaginibus nobilem animum! Valerius Maximus und das Rom der neuen Werte* // Haltenhoff A., Mutschler F.-H. (Hgg.): *Römische Werte und römische Literatur im frühen Prinzipat*. Berlin, New York, 2011.

и первых десятилетий Империи, включая первые 16 лет правления Тиберия. Под его началом Веллей ранее воевал в Германии. Будучи младшим современником Августа (род. в 20/19 г. до н.э.), автор мог наблюдать результаты деятельности основателя нового режима, сравнивать её с политикой преемника. Особый характер информации, которую можно почерпнуть у Веллея, обусловлен его положением и взглядами. Это был офицер, стремившийся всеми силами придерживаться «правильной», то есть официальной, линии. Достоверность содержащихся в сочинении Веллея сведений, а также точность оценок, опиравшихся видимо на правительственные документы или речи императоров, подтверждается совпадениями ряда формулировок²⁵³. В частности, Ж. Эллегуар и К. Жодри обнаружили параллели «Римской истории» с «Деяниями» Августа²⁵⁴.

Рассказывая в своем кратком труде о времени Августа, Веллей основное внимание уделяет внешней политике и военным действиям, тем более, что в них важную роль играл главный герой — будущий император Тиберий. Некоторые наблюдения, комментарии, а также оценки, встречающиеся в сочинении, представляют исключительный интерес для понимания установленного Августом режима. Центральной в этом отношении является глава 89 второй книги, которую здесь необходимо хотя бы частично процитировать. Утверждая, что не оставалось ничего и пожелать, чего бы Август не предоставил «Городу, республике, Римскому народу и всему миру»²⁵⁵, Веллей продолжает: «По прошествии двадцати лет были завершены гражданские войны и похоронены внешние, восстановлен мир, повсеместно усыплен страх перед оружием, законам возвращена сила, судам — их авторитет, сенату — величие, магистратам — власть и полномочия в прежних пределах (3), только лишь к восьми преторам добавлены еще два. Была восстановлена та самая, старинная и древняя государственная форма, поля стали обрабатываться, к святыням вернулся почет, к людям — безопасность и к каждому — надёжное владение своей собственностью, улучшены старые законы и целесообразно добавлены новые...» (4) Только уступив упорным настояниям, Цезарь занимал должность консула одиннадцать раз подряд, но

²⁵³ См.: Немировский А. И. Веллей Патеркул // Немировский А. И. Малые римские историки. С. 223–266, в частности, об источниках для времени Августа, с. 240 сл. Сравн. раздел I. 9. с примеч. 79 (указания на переводы и литературу).

²⁵⁴ Hellegouarc'h J., Jodry Cl. Les Res Gestae d'Auguste et l'Historia Romana de Velleius Paterculus // Latomus T. 39. 1980. P. 803–816, esp. 807, 811–13. Сравн. RG / Vell.: 1. 1 / II. 61. 1–3; 8. 2 / II. 89. 3–4; 26. 4 / II. 106. 2–3. Не исключено, что Веллей пользовался также «Записками» Августа или сочинением Мецената «О деяниях Августа», которые до нас не дошли. См.: Немировский А. И. Малые римские историки. М., 1996. С. 240 с примеч. 34 слл.

²⁵⁵ «...urbem rei publicae populoque Romano terrarumque orbi repraesentaverit» (Vell. II. 89. 2). Заслуживает внимания дифференцированное перечисление объектов внимания Августа-Веллея. С одной стороны, налицо различие между первыми тремя. Напротив, в *orbis terrarum* вошел весь «круг земель» — мир, на который распространялись претензии Рима, включая провинции.

диктатуру, которую ему упорно предлагал народ, он отвергал с таким же постоянством (5). Войны, которые победоносно велись императором, покорили весь мир...(6)»²⁵⁶.

Цитированный пассаж заслуживает внимания не только из-за заключённых в нём сведений, но и по причине очевидной тенденциозности автора. Последнее обстоятельство придаёт сообщению особый интерес. Заключенное в нём зерно истины — восприятие и понимание произошедшего представителем италийского среднего класса, который был опорой режима.

Интригующе звучит утверждение: *prisca illa et antiqua rei publicae forma revocata* (буквально: восстановлена та самая /славная/ прежняя и древняя форма «республики»). Здесь, с особым (даже утрированным) ударением (Август таких формулировок точно не употреблял) выражена официальная трактовка «восстановленной республики» как наследницы республики славных предков. Важно обратить внимание на то, что формулировка относится ко времени Тиберия. Фраза отражает идеологическую ситуацию на том отрезке эволюции принципата, который начался в последние годы жизни Августа (вспомним рецитирование «Анти-Катона»). В такой, заострённой форме она только и могла появиться в первый, «республиканский», период правления Тиберия. Налицо полемический заряд, направленный против критиков режима. Линии напряжения уже известны нам по делу Кремуция Корда. Веллей наверняка оказался здесь еще большим приверженцем концепции континуитета, чем сам Тиберий.

Но Веллей не был бы самим собой, если бы для «точности» и пущей убедительности не вставил замечание о добавлении двух преторов²⁵⁷. Сквозь строки текста проглядывает тип добросовестного служаки, гордого заслугами перед государством и достигнутым положением. Как офицер, он хорошо усвоил официальную концепцию «восстановленной республики» и его было не так-то легко сбить с курса. Возможно, это его и погубило.

Веллей был причастен к новой власти и искренно предан ей, что придавало уверенность в верном понимании политики правительства. Поэтому он решил внести собственный комментарий, продемонстрировав особую компетентность. Но не исключено, что ветеран переоценил себя. Сообщение о двух преторах, наряду с другими, слишком самостоятельны-

²⁵⁶ Vell. II. 89. Цитируется в переводе А. И. Немировского с незначительными уточнениями, необходимыми в данном контексте. В качестве оригинала используется издание: Woodman A. J. Velleius Paterculus: The Caesarian and Augustan narrative. Cambr., 1983. Текст глав II. 41–93 на с. 5–47; комментарий на с. 49–281.

²⁵⁷ В эпоху Республики (при Сулле) было 8 преторов. Это количество было удвоено Юлием Цезарем (Dio LIII. 49. 1, LI. 4), к 38 г. до н.э. их количество достигло 67 (ibid. XLVIII. 43. 1). Август вначале сократил их число до 10, позднее оно достигло 12 (ibid. LIII. 32. 2, LVI. 25. 4). См.: Woodman A. Velleius Paterculus: The Caesarian and Augustan narrative. P. 254. Сравн.: Suet. Aug. 40. 2: *comitiorum quoque pristinum ius reduxit*. Интересно, что говоря о восстановлении «древней формы республики», Веллей, в отличие от Светония, предпочитает не вспоминать о народных собраниях.

ми и уже потому нежелательными комментариями, могло сослужить Веллею Патеркулу плохую службу, особенно после падения Сеяна²⁵⁸. Главное, в сочинении не в меру усердного панегириста превозносились замечательные качества Сеяна и прозорливость Тиберия, который выбрал себе такого помощника²⁵⁹. После обвинения и казни Сеяна это могло быть кем-то преподнесено императору как изощренная издевка. Не могло ли сыграть роковую роль стремление автора быть в силу своего понимания объективным, например, в словах о величии души Брута²⁶⁰? Всё это даёт основания предположить, что верноподданный историк, часто обвиняемый в сервиллизме и пресмыкательстве, стал одной из первых жертв политических преследований нового режима.

В кратком рассказе Веллея Патеркула имеются ещё другие, видимо, стандартные формулы, цитирующие язык официальных документов. Что имел в виду Веллей под *rei publicae forma* (II. 89. 4)? По мнению Вудмэна, это словосочетание имеет здесь по преимуществу техническое значение: «система управления», «форма/устройство правительства» (“system of government” or “form of government”). Комментатор практически следует здесь за Ф. Милларом, который считал, что указание Веллея на двух добавочных преторов подчеркивает узкое значение слов «формы республики»²⁶¹. Но оно имеет и другие значения, раскрывающиеся в общем контексте повествования.

В главе 89 второй книги «Римской истории» кратко излагается содержание всего Августова проекта «восстановления республики». Ответственность историка в этом случае трудно переоценить — ведь речь шла об *auctoritas* ос-

²⁵⁸ Здесь нет необходимости останавливаться на этом событии, достаточно хорошо освещенном в литературе. По мнению В. Н. Парфёнова, заговора собственно и не было. Просто Тиберий решил избавиться от ставшего слишком влиятельным временщика. См.: Парфенов В. Н. Сеян... С. 63 слл. В литературе можно встретить самые противоположные мнения об отношении Веллея к Сеяну. Если Р. Сайм считал историка приверженцем временщика Тиберия, то П. Вудмен обратил внимание на то, что Веллей скорее преуменьшал заслуги Сеяна (Syme R. Tacitus. I. P. 368; cf.: Woodman P. Questions of date, genre and style of Velleius Paterculus // CQ. Vol. 25. 1975. P. 296 ff. См. Немировский А. И. Малые римские историки. С. 250). Сравн. выше, раздел IX.6 с примеч. 228.

²⁵⁹ На чашу весов обвинения историка могли лечь две главы (Vell. II. 127–128), посвященные восхвалению всесильного временщика, хотя обойтись без них во времена его всесия было нельзя. В этих главах было все, что должно было просто взвесить Тиберия после разоблачения Сеяна: восхваление незаурядных личных качеств префекта претория, сравнение его с выдающимися «древними» римскими деятелями, но главное — похвала Тиберию, который сам его выбрал, да еще убедил сенат и Римский народ доверить ему свою безопасность (ibid. 128. 4)! Указания на собственные ошибки простить труднее всего. Кроме того, Веллей использовал свое риторическое дарование для того, чтобы показать Сеяна как одного из типичных представителей «новых людей» из италиков, к которым историк с гордостью причислял и себя. «Состав преступления» был налицо. Сравн. подробный разбор вопроса: Schmitzer U. Velleius Paterculus. S. 280–286.

²⁶⁰ Vell. II. 72. 1. См. Немировский А. И. Ук. соч. С. 244.

²⁶¹ Woodman A. Velleius Paterculus: The Caesarian and Augustan narrative. P. 254, с кратким обзором мнений о «восстановлении республики» Августом и анализом построения фразы. Сравн.: Millar F. Rome I. P. 265.

нователя государства, на которую опирался правящий император — Тиберий. Тем более обращает внимание, что через всё описание первого принципата (*universam imaginem principatus eius* — *ibid.* 6) проходит мотив «восстановления». Для его обозначения используется целая палитра слов с самыми разнообразными оттенками смысла: *repraesentaverit, revocata, restituta, redactum, rediit*²⁶². Веллей говорит об установлении мира, законности, об уважении к судам, к сенату, о возвращении полномочий магистратам. Они, не без участия принцепса, во славу Городу (*ad ornandam urbem*) подбираются из первенствующих, заслуженных людей. Почитаются традиционные божества, возвращены гарантии собственности и люди снова обратились к обработке полей. В заключение говорится о завоеваниях победоносного императора.

Совершенно ясно: речь идет прежде всего о восстановлении *res publica* (в фундаментальном значении) после гражданских неурядиц и войн. При этом сохранялись старые установления, пусть и не все и не в полном объеме. По народным собраниям последних десятилетий «свободной республики», которые зачастую выливались в кровавые побоища (а результаты выборов определялись выплаченными суммами), никто ностальгии не испытывал. В то же время Веллей Патеркул отметил решительный отказ Августа от диктатуры²⁶³. Также не случайно Веллей упомянул о расширении коллегии преторов. Эта на первый взгляд незначительная деталь должна была подчеркнуть, что во всём остальном, существенном, Август восстановил Республику в прежнем виде. Сказать это прямым текстом, приблизительно так: «Август восстановил Римскую республику в том виде, какой она была до перехода Рубикона Цезарем», — было бы уже слишком, даже для ветерана. О том, что такая коннотация здесь была, говорит как указанный Веллеем двадцатилетний период гражданских войн (II. 89. 3 — что должно означать: с 49 по 30 гг. до н.э.), так и общая оценка мероприятий.

Процесс «восстановления» был направлен на благо *rei publicae*. В описании Веллея обнаруживаются не только параллели с «Деяниями» Августа, но и мысли из уже цитировавшейся речи Цицерона «За Марцелла», где оратор призывал диктатора Юлия Цезаря провести необходимые для возрождения «республики» реформы²⁶⁴. Всё, что перечислил в своем кратком обзоре Августова правления Веллей Патеркул, устраивало италийский средний класс, который помог Октавиану прийти к власти и к которому принадлежал историк. Установленный режим гарантировал поддержку той *rei publicae*,

262 Woodman A. J. Velleius Paterculus: The Caesarian and Augustan narrative. P. 250 и сл. (в частности, о значении глагола *repraesentaverit*). Тематика, связанная с правлением Августа, преобладает далее по 93 главу, хотя присутствует почти до главы 123 (смерть основателя принципата). В главах 94–131 второй книги описывается в основном деятельность Тиберия.

263 Vell. II. 89. 5; cf.: RG 5. 1; Suet. Aug. 52; Dio LIV. 1. 4.

264 Cic. Marc. 23. Сравн.: Millar F. Rome I. P. 264 f. Также см. выше, раздел III.3.

за которую они боролись. Она обеспечивала интересы граждан (*res populi*), а по форме — сохраняла многие институты Римской республики.

Веллей Патеркул передал настроения сограждан после кончины Августа. Историк, прекрасно владевший риторическими приемами, несколько сгустил краски, чтобы затем показать плавный переход власти к Тиберию. Всё же описание охватившего всех ужаса впечатляет своим реализмом. Оно напоминает другие известные ситуации после смерти авторитетных или авторитарных руководителей. Благодаря выдающимся заслугам и умело направленной пропаганде в массовом сознании возник образ восстановителя «республики», со временем выросший в фигуру едва ли не вселенского масштаба²⁶⁵. Это было проявлением *auctoritas* Августа, а также результатом сформировавшегося за десятилетия императорского культа.

Усиление префекта претория, игравшего роль главы политической полиции, и процессы против «государственных преступников» обнаруживают обстановку нервозности и страха Тиберия — за власть и за свою жизнь. Возможно, не без оснований. К этому времени был осознан переворот, завершившийся после смерти Августа и перехода власти к Тиберию. В некоторых кругах господствующего класса оживились мысли о покушении на «тирана». Они вдохновлялись памятью о Бруте и Кассии — «последних римлянах». Категоричное утверждение Веллея Патеркула о неизменности государственного устройства было направлено в защиту Августовой концепции континуитета и против этой враждебной режиму идеологии.

Веллей Патеркул, служивший некогда под началом самого Тиберия и ставший претором как «кандидат Цезаря» (Тиберия), ощущал своё единство с режимом и был лоялен без ограничений. Он хорошо знал настроения солдат и осевших на земле ветеранов, слышал, о чём говорят на улицах и на форумах, в амфитеатре и Большом цирке. Как сенатор, он был в курсе политических событий. Но судьбы Рима и Империи, а тем более людей, имеющих отношение к власти и пытающихся оказать влияние на общественное мнение, всё больше зависели от того, о чём шепчутся в просторных залах, тихих спальнях и темных переходах на Палатине. Не переоценил ли историк свою компетентность и степень единения с режимом, выступая с собственными суждениями о его сущности? Во всяком случае, после опубликования «Римской истории» о нём больше никто не слышал.

Хотя ни один из Юлиев-Клавдиев не умер своей смертью, попытка «восстановить республику» была предпринята только в 41 г., после тиранического правления Калигулы. Приходившие затем к власти императоры тоже не забывали в том или ином виде провозглашать «восстановление респу-

²⁶⁵ Vell. II. 123–124. 1.

блики» и «свободы», но ни они, ни сограждане, ни подданные не думали всерьез о возвращении к сенатскому правлению.

Об окончательном расставании с республиканскими мечтаниями могут рассказать сочинения Луция Аннея Сенеки Младшего (ок. 4 г. до н.э. — 65 г. н.э.). Ему принадлежат первые глубокие характеристики нового режима. Острые наблюдения обязаны как незаурядным способностям и образованию, так и собственному опыту отношений с некоторыми императорами династии Юлиев-Клавдиев.

Сенека Философ был сыном не раз упоминавшегося ранее учнейшего человека своего времени — Сенеки Ритора. Перу отца, кроме сочинений по риторике, принадлежала большая история гражданских войн. Его сыновья, конечно, были наслышаны о событиях минувших дней, но их мысли были не в прошлом, а в настоящем. Все трое, несмотря на провинциальное происхождение (или благодаря ему?) сделали головокружительные карьеры, так что новый режим был для них естественной средой обитания²⁶⁶.

Сенеку можно считать младшим современником Августа: основатель принципата умер, когда юноше было примерно 18 лет²⁶⁷. Вскоре отец привёз всех троих сыновей в Рим. Луций начал готовиться к адвокатуре, но для укрепления здоровья был отправлен к своему дяде Ветразию Поллиону, префекту Египта. Вернувшись в 31 году в столицу, Сенека начал карьеру адвоката, получил должность квестора и затем, видимо, вошёл в сенат. Он также пробовал своё перо в поэзии, и не без успеха, так что бесноватый Калигула уже собирался из зависти погубить соперника (Dio LX. 8). Примерно тогда же было написано «Утешение к Марции» (дочери Кремуция Корда)²⁶⁸. После прихода к власти Клавдия (41–56 гг.) Сенека участвовал в опасной придворной интриге, в результате чего был сослан на Корсику (42–49 гг.). Там у него было достаточно времени для размышлений.

²⁶⁶ Сенека Ритор умер в период правления Калигулы. Старший из трех братьев, Новат, был усыновлен другом отца, ритором Юнием Галлионом, а потому известен под его именем. Он был консулом-суффектом, а потом — правителем Ахайи (52 г.), где перед его трибуналом предстал апостол Павел (Деяния XVIII. 12–17). Младший брат Сенеки, Анней Мела, оставаясь всадником, был прокуратором императорского имущества (Тас. ann. XVI. 17). Его сыном был автор «Фарсалии» Лукан.

²⁶⁷ Важные аспекты политического мировоззрения Сенеки неоднократно рассматривались нами ранее: Принципат Юлиев-Клавдиев в произведениях Сенеки // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 95–109; «Полисные» и «неполисные» элементы в мировоззрении Сенеки. К вопросу о ментальных основах «республиканской» идеологии принципата // Социально-политические, идеологические проблемы истории античной гражданской общины. М., 1992. С. 138–158; Император Август, основание империи и проблема рубежа цивилизаций // Цивилизации. Вып. 3. М., 1995. С. 180–189 и др. Из новых работ см.: Griffin M. T. Seneca: a philosopher in politics. Oxf., 1992²; Fuhrmann M. Seneca und Kaiser Nero. Eine Biographie. Berlin, 1997; Giebel M. Seneca. Reinbek, 1997; Maurach G. Seneca. Leben und Werk. Darmstadt, 2005⁴; Грималь П. Сенека, или совесть империи. М., 2003; Титаренко И. Н. Философия Луция Аннея Сенеки и ее связь с учением Ранней Стои. Ростов-на-Дону, 2002 и др.

²⁶⁸ Это сочинение Сенеки является важным источником, сообщающим, в частности, о процессе над Кремуцием Кордом в 25 году.

С Корсики опальный философ отправил в столицу ещё одно из своих «Утешений» — к Полибию (43/44 г.). На сей раз адресатом был всемогущий временщик Клавдия, отпущенник Полибий. В послании было разлито немало лести к «министру», как и к самому Клавдию. Поэтому почитатели Сенеки до сих пор пытаются отвергнуть его авторство. Но содержание не оставляет сомнения в том, что это Сенека. И вряд ли ему следовало стыдиться больше, чем Барее Сорану — одному из столпов «стоической оппозиции» времени Нерона. Отнюдь не на пустынном острове, а будучи уже избранным консулом на следующий год, Барей внес в сенате предложение даровать преторские знаки отличия и пятнадцать миллионов сестерциев другому влиятельнейшему и богатейшему вольноотпущеннику Клавдия — Палланту. Это не помешало Тациту охарактеризовать Барею, вместе с Тразеей Петом, как олицетворение добродели²⁶⁹.

Стремясь вырваться из ссылки, Сенека прибег к толике лести. Примечательнее другое — сочетавшаяся с этим смелость ссыльного философа. Между строк, но так, что это было видно невооружённым глазом, он поучает могущественного временщика, как умеренно и разумно следует пользоваться властью. В «Утешении Полибию» (*ad Polibium de consolatione*) мы находим первое в императорском Риме изложение теории «просвещённого монархизма». Мысли, высказанные Сенекой в этом сочинении, раскрывают не только его представление о роли, которую он в последующем играл при Нероне. Они проливают свет на политическое мировоззрение правящего класса и на характер государства времени Юлиев-Клавдиев. Что эти мысли не были случайны или продиктованы только желанием подольститься к могущественному отпущеннику, подтверждается уже тем, что они повторяются и развиваются в последующих сочинениях Сенеки, написанных в период его наибольшего политического влияния и могущества.

Обращенное к Полибию «Утешение» показывает, как далеко политическое сознание ушло не только от Августова века, но даже от времени Кремуция Корда и Веллея Патеркула. А ведь прошло всего каких-нибудь два десятка лет. Для Сенеки было само собой разумеющимся, что существующий строй определяется правлением одного. Вопрос, который волновал его, заключался в том, какого типа единовластие утверждается в Риме. Сенаторы уже успели столкнуться с террором Тиберия, произволом и самодурством Калигулы. «*Apokolokyntosis*» Сенеки демонстрирует недовольство представителей политического класса «тираническими»

²⁶⁹ Указанный эпизод относится к 52 г. Сервий Барей Соран не один предлагал почести Палланту (Тас. анн. XII. 53. 1 sq.). В правление Нерона Барей был наместником провинции Азия. В 66 г. он был приговорён к смерти якобы за государственную измену, вместе с Тразеей Петом. Тацит объясняет это желанием Нерона «истребить саму добродетель» (XVI. 21. 1 sqq.).

тенденциями, проявившимися при Клавдии. Они вызывали тем большее раздражение, что император подвергался влиянию женщин и вольноотпущенников.

В противоположность пережитому опыту Сенека в своих сочинениях создавал образ просвещенного, гуманного правителя, который служит «республике». Только сильный и умелый кормчий — просвещённый, милосердный монарх, рядом с которым находится философ-наставник — может уверенно вести огромный государственный корабль. Концепция «просвещённого единовластия» продолжает традиции политической философии греков. На римской почве она известна как учение о мудром «устроителе республики». В “*De re publica*” Цицерона воплощением необходимых для этого качеств стал Сципион Эмилиан. Применительно к тем или иным обстоятельствам Цицерон видел в подобной роли Суллу, Помпея, Юлия Цезаря, Октавиана, не исключая из кандидатов и самого себя. В Сенековом «Утешении к Полибию» идеалом правителя предстает Август (*Cons. Polyb.* 13. 1, cf. 33 etc.).

В “*Consolatio ad Polibium*” содержалась политическая программа, отражавшая представления и пожелания римского политического класса. Агриппина Младшая, выхлопотавшая философу в 49 году возвращение в Рим для воспитания своего сына Нерона, учла не только его замечательную учёность и популярность писателя, но также его политический реализм. Как политический мыслитель, Сенека сумел дистанцироваться от идеологии катонизма (и тем более цезареубийства) и предложить положительный идеал монархии. Такие построения отвечали интересам правящего класса Рима и Империи. Программа, как и имидж Сенеки, устраивали также Агриппину, которая тщательно готовила предстоящий дворцовый переворот (см.: *Tac. ann.* XII. 8).

Восприятие Сенекой принципата и его политическое кредо показывают, что в Риме не просто наступила иная эпоха, — политическая элита жила в ней своими мыслями и представлениями. Сенеку не интересовала тема «свободной республики» как альтернативы монархии. Реальной проблемой являлся выбор между моделями единоличной власти. В трактате “*De ira*” (О гневе) сокрушительной критике подвергаются пороки властителей. Узнаваемы необузданные приступы гнева Калигулы. В написанной на Корсике третьей книге (42 г.) особенно ясно выражено антитираническое содержание. Речь идет об укрощении царского гнева, но по всей видимости, имеется в виду Клавдий. Император подвергся уничтожающей критике в сатире «Апоколокинтосис» (отыквление), в которой высмеивается его посмертное обожествление (54 г.). Пороки тирании подробно и красочно представлены и в ряде трагедий Сенеки.

Развёрнутая программа идеального правления представлена в трактате “De clementia” (О милосердии). Он был опубликован в 55 г. и адресован недавно пришедшему к власти Нерону (54–68 гг.). В сочинении описывается идеальный правитель — просвещенный, справедливый, милосердный. Обращает на себя внимание, что он никак не ограничен в своей власти. В этом отношении Сенека предвосхищает нормы, юридически закрепленные «Законом о полномочиях Веспасиана»²⁷⁰. Единственным ограничением на пути произвола могут быть только высокие моральные качества правителя. В этом, центральном пункте, идея «принципата» вписывалась в рамки традиционных римских убеждений о решающей роли «нравов» и не противоречила Августовой концепции *auctoritas* как основы влияния принцепса. Правда, на первое место Сенека выдвинул поистине царскую добродетель — милосердие (*clem.* I. 3).

Сама проблематика, разрабатывавшаяся Сенекой, выходит за рамки темы, появившейся в последние годы жизни Августа и ставшей актуальной в правление Тиберия. Тогда особую остроту приобрёл вопрос о преемственности существующего порядка с Римской республикой. Критики режима говорили о Катоне, Бруте и Кассии как о «последних римлянах» — утверждая, что наступила новая эпоха. Это воспринималось правительством как покушение на концепцию континуитета и всю систему построений, лежавших в основе идеологии «восстановленной республики» Августа. Август боролся с «катонизмом» с помощью убеждения или «мягкого насилия», при Тиберии это могло стоять жизни. Бескомпромиссность правительства в вопросе о преемственности демонстрирует как формулировка Веллея Патеркула, так и обвинение Кремуция Корда.

Для Сенеки эта проблема далеко позади. Высказывания в различных сочинениях, от философских трактатов до предназначенных для рецитации трагедий, просто подразумевают наличие рубежа, разделившего Республику с её неурядицами и гражданскими войнами, с одной стороны, и Империю — с другой. Сенека не сомневается в необходимости и благотворности нового порядка. Республика, раздираемая буйством алчных желаний и непомерных амбиций, была обречена. Уже в ходе гражданских войн решалось не то, быть ли Республике, но — кто ею овладеет: Помпей, Цезарь или другой честолюбец. Этого не понял Катон Утический, который подвергся за это беспощадной критике Сенеки (см. предыдущий раздел).

²⁷⁰ Lex de imperio Vespasiani (CIL VI 930 / P. 167/, 31207 = ILS 244 = E & J 1976, N 364; Crawford M. H. (ed.) Roman statutes. Vol. I. 1996. N 39, p. 549–553 with comment.). Cf.: Brunt P. A. Lex de imperio Vespasiani // JRS. Vol. 67. 1977. 95–116; Sünskes Thompson J. Demonstrative Legitimation der Kaiserherrschaft im Epochenvergleich. Zur politischen Macht des stadtrömischen Volkes (Historia. Einzelschriften 84). Stuttgart, 1993. S. 63 f. mit Anm. 172 (Bibliogr.) etc.

Судя по некоторым замечаниям, можно предположить, что и тогда ещё оставались какие-то помпеянцы, для Сенеки — смешные в своём упорстве, — но были также почитатели Катона и даже Брута. Писатель упоминает, что кое-кто из нобилей даже говорил о «веке Катона». Все они представлялись философу глубоко заблуждающимися и беспомощными фрондерами²⁷¹. В отличие от времени Тиберия, мысль о качественном различии эпох уже не могла быть вменена в вину, более того, — она прочно вошла в сознание правящего класса и стала частью правительственной идеологии.

В 66 году н.э., когда Коссуциан Капитон обвинял Тразею Пета в стремлении низвергнуть единовластие и в превознесении свободы (*ut imperium evertant, libertatem praeferunt*), его единомышленник Эприй Марцелл провокационно и с издёвкой призвал Тразею «являться в курию, чтобы разыгрывать сенатора минувших времён»²⁷². Оба доносчика (*delatores*) выступали, и это было всем известно, как люди принцепса, а потому отражали правительственную точку зрения. Их трактовка заключалась в том, что наступили, в отличие от эпохи Республики, новые, совершенно иные времена. В 69 году тот же Эприй Марцелл, в ходе жестокой схватки с не менее известным представителем «философской оппозиции», Гельвидием Приском, сформулировал эту идеологию ещё более ясно: «Я хорошо знаю, в какое время живём мы и какое государство создали наши отцы и деды. Древностью должно восхищаться, но сообразовываться приходится с нынешними условиями» (Tac. hist. IV. 8).

После свержения и смерти Нерона, лихолетья гражданских войн 68–69 гг. и правления Флавиев, особенно Домициана, Тацит уже не сомневался в наступлении новых времен. Режим цезарей был укоренившимся фактом, эпоха Республики оказалась далёким прошлым. Ностальгически вспоминая о сенатской «свободе», восхищаясь мужеством представителей стоической оппозиции, Тацит на самом деле лучше понимал их обвинителей, чем оппозиционеров-республиканцев²⁷³. Также не до конца понятной историке оста-

²⁷¹ Sen. tranq. an. 7. 5; cf.: const. sap. 1. 3. Cf.: Taylor L. Party politics... P. 182 with n. 82.

²⁷² Tac. ann. XVI. 22, 28. Сравн. насмешки Сенеки над помпеянами: Sen. ira III. 30. 5; критика Брута: id. ben. II. 20. 2. Тит Эприй Марцелл — известный доносчик времени Нерона, вынужденный в 79 г. покончить самоубийством.

²⁷³ См. напр., обсуждение выступления Тразеи Пета по поводу гладиаторских игр в Сиракузах. Тацит без комментариев цитирует слова противников стойка о том, что сенаторы якобы «могут беспрепятственно высказать всё, что бы не пожелали» (Tac. ann. XIII. 49). Другой эпизод, когда сенат принял решения о чествованиях по поводу убийства Агриппины, а Тразея Пет демонстративно покинул сенат, Тацит сопровождает двусмысленным комментарием: «чем навлёк на себя опасность, не положив этим начала независимости всех прочих» (Tac. ann. XIV. 12. 2). Возможно, это некритически заимствованная цитата из речей обвинителей Тразеи. По большей части Тацит пишет о нем сочувственно (сравн.: ann. XIV. 48 sq., XV. 20 sqq. etc.). Но очень уж убедительно излагает историк и аргументацию известных обвинителей — Коссуциана Капитона и Эпия Марцелла (напр.: hist. IV. 8).

лась подмеченная им специфика «восстановленной республики» (сравн. раздел IX. 3).

Полувековое правление Августа было особым отрезком в развитии римской государственности. Специфика этого переходного периода заключалась во всеобщей убеждённости, что всё делается во благо «республики», то есть сограждан. «Секретом» успеха было то, что идеология *res publica restituta*, насколько это было возможно в новых условиях, соответствовала действительности. На этой основе было достигнуто «согласие сословий», социальный мир. Политика Августа лишила пищи экстремистские течения оппозиционного «республиканизма», которые могли бы вдохновляться примерами цезареубийц — Брута и Кассия. Трудно предположить, в каком направлении могло развиваться государство, если бы на смену его основателю пришел второй Август. Фактом является то, что Тиберий был правителем не того уровня. Он не обладал ни пониманием обстановки и кругозором Августа, ни интуицией и искусством тонкой юстировки политических механизмов. При нем и других Юлиях-Клавдиях римский плебс получал «хлеб и зрелища», политический класс контролировался с помощью подачек и террора, власть все более зависела от армии. Принадлежавший послеавгустовой эпохе Сенека Младший вместо «восстановленной республики» ясно и безошибочно видел перед собой власть одного (*regnum*), которую пытался сделать более разумной. И все же отдельные принципы «республики», интегрированные Августом в новую государственную систему, выполняли немаловажную роль. Вместе с особым ромоцентристским самосознанием граждан, в частности, представителей политического класса, они еще долго обеспечивали стабильность Римской империи.

Консолидация гражданского общества на почве патриотизма, «римского мифа» и стремления к миру позволила избежать сколько-нибудь значительного противодействия на начальном этапе формирования нового режима. Август — практический политик и администратор — добился улучшения условий жизни для различных классов и сословий «восстановленной республики» и Империи. Удачный выбор политического курса препятствовал образованию зазора между политикой правительства и общественным мнением. Кому могло прийти в голову бороться за восстановление «республики» после того, как это уже было успешно осуществлено принцепсом? Что же касается личных амбиций ряда представителей старой знати, то непреодолимыми препятствиями на их пути были мудрость (*sapientia*, вместе с *clementia* и *liberalitas*), *auctoritas* и политическое могущество Августа.

Некоторые римляне, сравнивая «древность» и «современность», начали осознать смысл произошедшего переворота. Но Август до конца сво-

его правления смог удерживать «республиканизм» — сложный комплекс политических, этических, исторических идей и представлений — в лоне правительственной идеологии. Так обеспечивалась стабильность режима. Августова *res publica restituta* была наследницей традиций, и одновременно — особым переходным этапом в истории римской гражданской общины. *Civitas*, давно распространившейся на всю Италию, теперь предстояло стать частью новой государственности — монархии в рамках средиземноморской Империи.

х. Восстановление «республики», основание Империи и формирование монархии

Илл. X.1. Денарий
Октавиана,
где он представлен
как победитель
Секста Помпея
и владыка мира

1. *Res publica, res publica libera* и республика – 751
2. *Res publica restituta* – 756
3. «Принципат Августа» как процесс – 760
4. «Республика» и наилучшая форма государства – 764
5. Поместья Римского народа – 770
6. Создание Римской империи – 776
7. Империя и «восстановленная республика»
на пути к монархии – 789

Х.1. *Res publica, res publica libera* и республика

Любые односложные определения формы римского общества и государства в период правления Августа (30 г. до н.э. — 14 г. н.э.), взятые из политологической лексики XXI века, не передают адекватно их сути. Мы оперировали понятиями «римская гражданская община» (*civitas*), «республика» и «восстановленная республика», «смешанная форма», «принципат» и «империя», а также рядом других. В этой главе предпринята попытка уточнить их смысл, а также определить место обозначаемых ими явлений в многоуровневой структуре новой государственности. Будут резюмированы некоторые принципиальные положения и сделаны выводы, вытекающие из проведенного исследования, а также предложены некоторые решения, частично выходящие за его рамки. Данную главу следует также рассматривать как попытку представить цельную картину происходившего и трактовку политической системы, созданной Августом.

В соответствии с определяющей политической ролью в центре нашего внимания находился Рим и Италия. Но это была только часть основанного Августом государства. Адекватное понимание происходившего невозможно без рассмотрения Римской державы в целом. Она включала все Средиземноморье с некоторыми прилегающими территориями (более 5 миллионов кв. км.), населенные сотнями племен и народов численностью в 50–60 миллионов человек. Провинции были частью достояния Римского народа (тем самым и «республики»), несоизмеримо превосходя Италию по людским, экономическим и культурным ресурсам. При Августе был сделан решающий шаг в интеграции этих двух составляющих. Еще по меньшей мере столетие понадобилось для реструктурирования всей системы государственного управления¹. Через два века после смерти Августа завершился процесс распространения римского гражданства на все свободное население провинций.

¹ Невозможно переоценить роль, которую сыграли в становлении Империи люди, воспитанные на «республиканских» ценностях. Без этой элиты Римская империя не могла бы состояться. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с перепиской Плиния Младшего и Траяна или почитать жизнеописание Агриколы у Тацита.

Так постепенно из *civitas (quasi civitas)*² и принадлежавшей ей «империи Римского народа» сформировалась Римская империя.

В истории Рима «Августов век» занимает место особого переходного периода. Политика *res publica restituta* способствовала тому, что развитие государства пошло по особому пути. Это было обусловлено как традициями, глубоко укоренившимися в менталитете граждан, так и личными качествами основателя Империи.

Рим и все Средиземноморье прошли через потрясения, вызванные завоеваниями и гражданскими войнами. В последнее столетие Республики и в правление Августа произошли серьезные политические изменения. В середине I века до н.э. и в середине I в. н.э. в Риме функционировали разные политические режимы. Налицо были также серьезные геополитические сдвиги. Дело не только в приращении территории, которой владело Римское государство, но и в статусе завоеванных стран. Триумвиры, продолжая политику Республики, рассматривали их как добычу и объекты грабежа. В правление Августа приобрел иные масштабы и новое качество процесс включения провинций в единую Империю.

В центре «круга земель» был Рим. На территории Италии установившийся там в 28–27 гг. до н.э. порядок должен был соответствовать определению «восстановленная республика» — *res publica restituta*. Для верного прочтения данного определения важно учитывать множественность значений исходного понятия *res publica*, которые менялись во времени.

Ключ к пониманию «восстановленной республики» Августа может быть найден в сочинениях Цицерона. Важнейшие политические идеи, очищенные от повседневной конъюнктуры, сформулированы в трактате “*De re publica*”. Это было выраженное чеканным словом выдающегося писателя отношение римлян к своей общине-государству. Политическое сознание поколения уходящей Республики было связующим материалом, с помощью которого Октавиан-Август начал возводить новый режим. Почвой, на которой изначально произросли соответствующие представления, понятия и ценности, была *civitas* — римская гражданская община (разделы IV.4 сл.).

Понятие *res publica* в самом общем, основном значении (1) было определено Цицероном как *res populi*: нормы и правила совместной жизни, государственные институты, имущество и многое другое — материальные и ду-

² Со времени «Великих завоеваний» в III–II вв. до н.э. и особенно после Союзнической войны Древний Рим не был более античной гражданской общиной (*civitas*) ни по размерам территории, ни по численности населения. А перепись в мае 14 г. н.э. учла почти 5 миллионов римских граждан, по-видимому, включая членов семей (RG 8. 4). По оценке П. А. Бранта, все население Италии могло насчитывать тогда 7.500.000 человек, из них 3.000.000 рабов (Brunt P.A. *Italian Manpower*. P. 124, cf.: Alföldy G. *Römische Sozialgeschichte*. Stuttgart, 2011⁴. P. 185). Все же сохранялось привилегированное гражданство, традиционная система жизненных ценностей и ориентирующееся на «древность» мировоззрение римлян. Все это позволяет говорить о «квазичивитас». См. также разделы V.6 с прим. 143, VI.4 с прим. 221, X.5 с прим. 17, а также III.1 сл.

ховные ценности, созданные и приобретенные в течение веков. Исходным пунктом рассуждений была гражданская община (*civitas*), учрежденная и существовавшая для обеспечения и защиты интересов граждан. Приоритет общественного обеспечивал их относительное согласие, несмотря на неравенство статусов. Если *civitas* выполняла свое предназначение, она могла характеризоваться словосочетанием *res publica* (как соответствовавшая принципам *res publica*). Количество людей, активно управлявших такой общиной-государством, играло второстепенную роль. Важны были их гражданские качества, и главное — действуют ли они в интересах сограждан.

Представителями отдельных групп римского гражданства особое значение придавалось различным аспектам понятия «республика». Нобилитет (оптиматы) предпочитал формулу *libera res publica*. Понималось отсутствие ограничения «свободы» и контроля то ли со стороны отдельного могущественного лица, то ли группы («толпы»). Популяры выдвигали на первое место принцип народного суверенитета, реализуемый через народные собрания. Относительное (динамичное) согласие, единство и тем самым жизненность *civitas* обеспечивались до поры до времени преобладанием общих интересов и умением находить компромиссы.

Из сказанного ясно, что в контексте римской политической теории и практики времени Цицерона неприменим распространенный перевод словосочетания *res publica* как «государство» вообще. Не всякое государство могло быть названо «республикой». Сегодня можно говорить о государстве хорошем и негодном (*failed state*) — для Цицерона подобное «испорченное» государство — вовсе не *res publica*³. Такое состояние государственных дел характеризовало «утраченную республику» — *res publica amissa*⁴. В этом случае желанием любого добропорядочного гражданина было возвращение к законности и порядку, его обязанностью — способствовать «восстановлению республики». Подразумевалось возрождение такого государства, которое бы ставило во главу угла принцип «общего блага» граждан⁵. Эта идея и была положена в основу политики *res publica restituta*.

³ Речь идет о времени до Августова века включительно (выявлению верхней границы этого политического мышления посвящена предыдущая глава). Полтора столетия спустя Тацит определил Позднюю республику как *corruptissima res publica* (Тас. ann. III. 27. 3). Но он уже имел в виду «государство». Сегодня с осуждением говорят о государстве-диктатуре, в котором не соблюдаются правовые нормы, о государстве мафиозном или возглавляемом террористами. Понятно, что подобные образования никак не вписывались бы в Цицероновое понятие *res publica*.

⁴ Определение, данное для времени борьбы Цезаря с Помпеем, ничуть не менее подходило для второго триумvirата. Ф. Миллар, указывая на то, что при введении чрезвычайных установлений никто не отменял республиканскую конституцию, утверждает, что только урегулирование января 27 г. означало конец республики (Millar F. *Triumvirate and principate* // id. *Rome... I*, esp. p. 260 ff.). Но трудно представить, что попавший в проскрипционный список Цицерон, наблюдая Антония в роли одного из вершителей судеб Рима, мог бы определить тогдашнее состояние дел как *res publica*.

⁵ Здесь не место возвращаться к вопросу о том, была ли Римская республика государством в полном смысле слова. (сравн. раздел II.5 с примеч. 203).

Замысел Августа удался потому, что традиционные ценности *civitas* еще были живы в сознании римлян. Не был забыт и миф о *res publica*, которая многим еще казалась единственно мыслимой формой политического существования. Она отвечала нравам и обычаям предков, обеспечивая превосходство римлян над остальными народами. Октавиан и его окружение знали этот менталитет, они принадлежали к нему. Идеал «республики» определял исходные позиции размышлений об устройении римских дел после завершения гражданских войн.

От основного понимания «республики» следует отличать более узкое значение термина (2) — *res publica libera*. Его отправным моментом в «римском мифе» стало предание о царях. Первые шесть, начиная с Ромула и Нумы, основали Рим, ввели важнейшие установления и правила во благо соплеменникам. Согласно логике рассуждений Цицерона, при них имела место *res publica* в основном (1) смысле слова. Цари, которые были лучшими из граждан (*civis optimus*) выступали в роли *primus inter pares, quasi tutor et procurator rei publicae, rector et gubernator civitatis* (Cic. rep. II. 51). Лишь седьмой царь, Тарквиний Суперб (Надменный), оказался «тираном»⁶, поставившим свои интересы над интересами сограждан (при нем «республики» не стало). Цицерон указывает, что причина была не в появлении нового строя, а в неправильном использовании уже существовавшего⁷. Последовал переворот, в результате которого «республика» была восстановлена, но государство приобрело иную форму.

В господствовавшей в последующую эпоху версии событий изгнание Тарквиния представлялось не восстановлением, а учреждением «республики», причем исключавшим возвращение к правлению царей⁸. В трактовке политического класса: патрициев, нобилитета, оптиматов — «тирания», характерная для одного из царей, приписывалась царской власти как таковой. Это было узко-классовое, «партийное» толкование понятия «республика». Фактически *res publica* (общее дело) подменялась иным понятием — *res publica libera* (свобода от чьего-либо преобладания). В историографии нового времени эпоха римской истории после свержения

⁶ Цицерон называет Тарквиния Надменного греческим словом «тиран», как бы резервируя латинское слово *гекс* (царь) для остальных, хороших царей (Cic. rep. II. 47–49). Примерно так же мыслил и Тит Ливий, который подчеркнул: если бы Брут отнял власть у одного из предшественников Тарквиния Суперба, это принесло бы Риму огромный вред (Liv. II. 1. 3).

⁷ См.: Samotta I. Das Vorbild der Vergangenheit. Geschichtsbild und Reformvorschläge bei Cicero und Sallust. Stuttgart, 2009. S. 59–97, о Тарквинии Супербе см. S. 94–97. Сравн. раздел III.1.

⁸ В ответ на требование Порсенны восстановить власть Тарквиния римляне (патриции) ответили, что не согласны сменить завоеванную ими свободу на царскую власть: *“Non in regno populum Romanum sed in libertate esse...”* (Liv. II. 15. 3). Сравн. интерпретацию событий, согласно которой изначальной целью Брута был захват царской власти, а не установление республики: Коптев А. В. Об «этрусской династии» архаического Рима // Античность и средневековые Европы. Пермь, 1994. С. 68–78. См. также след. примечание.

Тарквиния Надменного получила название Римской республики (эпоха Республики).

Республика оказалась политическим устройством, при котором особенно «свободным» стал патрициат. Притязания знати в рамках сложившейся конституции ограничивались в основном взаимным соревнованием честолюбий членов высшего сословия. Эпизод изгнания последнего царя и установления Римской аристократической республики (*res publica* во втором, более узком значении, впоследствии — *res publica libera*) преподносился так, чтобы народу стало ненавистно само слово «царь» (*rex*)⁹. В дальнейшем последовательными носителями этой идеологии стали представители высших сословий. Поддержка плебсом Августа (как и раньше Юлия Цезаря) показала, что этот вариант «республиканского» мифа так и не стал «общенациональным», по крайней мере, он не выдержал испытания на прочность в последнее столетие Республики.

От двух первых, собственно римских, следует отличать новоевропейский смысл слова республика (3) как такую форму государства, при которой власть принадлежит выбранным на определённый срок лицам. Это значение внешне и отчасти соответствует формальным принципам государственного устройства Римской аристократической республики (*res publica libera*). Таким оно может видаться в труде Тита Ливия, так было интерпретировано Тацитом. В современный политический словарь соответствующее понятие ввел Никколо Макиавелли, оно оказалось актуальным в итальянских городах-государствах эпохи Возрождения. Следует подчеркнуть, что латинскому *res publica* (по Цицерону, см. раздел IV.4) в современном общепринятом понимании соответствует не «республика», а «сфера общественных интересов», «общее благо» (*commonwealth*, *Gemeinwesen* etc.). В новое время это фундаментальное для римлян понимание *res publica* не было принято. Во-первых, это значение заслонилось последующей дихотомией «республика — монархия» и потому не нашло ясного отражения в сохранившихся источниках. Во-вторых, и это главное, — идея «общего дела» не была востребована господствующим классом.

Римское понятие *res publica* (1), порожденное уникальной социальной организацией — *civitas* — кардинально отличается от современного. В данной книге при передаче кириллицей оно всегда помещено в кавычки — «ре-

⁹ Из рассказа Тита Ливия, хотя он был основан на сенатской традиции событий, можно узнать о многочисленных сторонниках возвращения царской власти, предпринимавших попытки контрпереворота. Они пресекались самым суровым образом. Заговорщиков казнили, в том числе двух сыновей Брута (Liv. II. 4. 1, 5. 5–8; Plut. Poplic. 3–7). Граждан первым делом заставили присягнуть в том, что они не примут никакого царя. Народ поощрялся к расхищению и уничтожению имущества Тарквиния, превращаясь в «соучастника» его изгнания. Был принят ряд других мер, направленных на недопущение даже помыслов о возврате к царской власти (см.: Liv. II. 1–5). В дальнейшем той же цели служило культивирование идеологии *libertas*. См. раздел III.1, сравн. IV.5.

спублика». Это содержание термина является ключевым для понимания Августова урегулирования в Риме и Италии как «восстановленной республики». Как ни странно, именно оно ускользает от внимания многих исследователей нового времени или недооценивается ими¹⁰. Римское понятие *res publica* коренилось в универсальном для общинной жизни архетипе. С ним связано представление об объединении людей в коллектив, общину, государство для всеобщего блага. Для римлян это было частью традиции, одной из основополагающих ценностей. В политической и государственно-правовой философии нового времени сходные идеи содержатся в некоторых социальных учениях и утопиях, например, в теории общественного договора.

X.2. *Res publica restituta*

Цицерон призывал к спасению Республики. В отличие от него, Юлий Цезарь решил пренебречь пустыми уже, по его мнению, республиканскими условиями — и не только потому, что диктатора привлекали власть и золотой блеск царской короны. У Цезаря было свое видение будущего Рима и его империи. Оно не совмещалось с представлениями заговорщиков, которые не могли примириться с утратой своей «свободы». Люто ненавидевший Цицерона и действовавший больше по наитию Антоний пытался перехватить власть и наследие Цезаря. Все они погибли, так и не добившись своих целей.

Октавиан-Август не обладал ученостью Цицерона, по находчивости и напору он не мог равняться с Юлием Цезарем, а в военном деле выглядел мальчишкой даже в сравнении с Антонием. Но юный наследник диктатора оказался лучше всех подготовлен к миссии «спасителя отечества». Будущему основателю «принципата» был близок образ мыслей римского гражданства, которое в конечном счете решало судьбы вождей. Октавиан сумел найти решения проблем, усугубление которых угрожало существованию «империи Римского народа».

¹⁰ Подтверждением излагаемых взглядов может служить внимание, которое «республиканский» аспект политики Августа привлекает в новейшей литературе. Уже на этапе редактирования текста автору стал доступен новый сборник проблемных статей, приуроченный к двухтысячелетию со дня смерти Августа (Horster M., Schuller F. Augustus. Herrscher an der Zeitwende. Regensburg, 2014). Открывающая его статья Мартина Йене начинается с толкования термина *res publica* (*Gemeinwesen*) как принципиально важного для понимания режима Августа (Jene M. Die Krise der Republik und die Wiederherstellung der Monarchie in Rom. S. 10–25, hier S. 11). Особого внимания заслуживает здесь статья Клауса Жирарде, на другие работы которого мы уже не раз ссылались ранее. Он тоже сначала указывает, что избегает перевода *res publica* как «Republik», поскольку это слово изначально задает ошибочное направление мыслей. В соответствии со словоупотреблением времени Цицерона и Августа Жирарде передает латинский термин как «Gemeinwesen» (Girardet K. M. Roms Verfassungs- und die Rechtsgrundlagen des augusteischen Prinzipats. S. 57–77, hier S. 57). В заключение он приходит к выводу, что режим Августа был автократической «республикой» (op. cit. S. 77). Последнее представляется нам излишним упрощением и не отражает сложной структуры складывавшейся Империи.

Исходной стала идея «восстановления республики». Получивший традиционное римское воспитание Октавиан чутко определил пульс общественных настроений. *Res publica restituta* — в этом определении были важны оба компонента. Во-первых, *res publica* как основной принцип *civitas*, подразумевающий гражданскую солидарность. Во-вторых, *restituta* — прилагательное, указывающее на восстановление, возвращение к добрым старым временам, ориентацию на общинные ценности и установления «древней республики» (*vetera res publica*). Сильной стороной этой идеологии была её «надпартийность» — даже противникам Октавиана трудно было что-либо возразить. «Восстановленная республика» — за знакомым названием стоял весьма амбициозный замысел всеобъемлющего социально-политического урегулирования.

Достоинством являлась даже некоторая расплывчатость концепции «восстановленной республики» — её оборотной стороной была универсальность. Это позволяло интегрировать в неё элементы и идеи, которые могли бы стать опасным оружием в руках потенциальной оппозиции. Примером могут служить устроенные Августом в 17 г. до н.э. Секулярные игры. Идеология «восстановленной республики» включила таким образом в себя в переработанной форме распространенные мечтания о Золотом веке. В противном случае их могло взять на вооружение некое протестное движение. Август позаботился и о том, чтобы уничтожить имевшие хождение «апокрифические» списки пророчеств. С другой стороны, поддерживались традиционные ценности. Применительно к местным обычаям вводился культ императора.

Особую роль в обосновании режима играла история. Ударения делались на патриотизме, доблести и общем благе, за которое сражались выдающиеся римляне. Всеобщее стремление к справедливости и «воспоминания» о прошлом сливались в общественном сознании воедино. Это получило отражение не только в литературе, обращенной к интеллектуалам. Мифологизированное прошлое в лицах присутствовало везде: на форумах и на Палатине, в городах Италии и на рынках провинциальных центров. Новая образность постепенно фокусировалась на персоне Августа, а также на членах его семьи.

Важной составляющей Августова «республиканизма» была популярная политика. Правительство и в самом деле действовало в интересах *populus Romanus*. Обеспечивались мир, безопасность, создание условий для экономического процветания, соблюдение законности. Особое внимание уделялось мероприятиям для плебса. Это была политика «хлеба и зрелищ», благоустройство столицы. Неустанные внимание и забота проявлялись в отношении ветеранов и армии. Так лозунг «восстановления республи-

ки» реализовывался в главном — государство пеклось о Римском народе, об «общих интересах» (*res publica*).

Подчинённую роль играл «республиканизм», направленный на сохранение традиционных институтов и учреждений (второе значение). После урегулирования 28–27 гг. до н.э. принцепс избегал любых чрезвычайных полномочий. Даже явные нарушения конституции по возможности обосновывались ссылками на традиции. Август стремился к почестям, славе, но не к короне. В этом было принципиальное отличие от приемного отца, который предпочитал первенство любой ценой и в любых формах, — не говоря уже об эпигоне Антонии, или позднее — о Калигуле или Нероне. Институциональный аспект политики «восстановления республики» был важен для выстраивания и поддержания отношений сотрудничества с господствующим классом. Без участия сенаторов и всадников, людей, знающих римские традиции и эллинистически образованных, невозможно было управлять огромной Империей. Сохранение учреждений старой Республики было не столь существенно для рядовых италийцев и городского плебса. Поэтому вскоре после прихода к власти Тиберий совершенно безболезненно передал выборы магистратов (но не их утверждение) из народных собраний в сенат.

«Восстановление республики» и величия Римского народа должно было осуществляться на основе оздоровления самого общества, его моральных устоев. Необходимо иметь в виду, что весь мировоззренческий комплекс, регулировавший общественную и личную жизнь (мораль, религия, система жизненных ценностей, а также закрепляющие все эти нормы законы, установления и традиции) были для римлян единым целым. Законы опирались на религию и обычаи, но также служили регуляторами нравов. В таком контексте следует рассматривать законодательство, направленное против роскоши и на оздоровление семьи. Август, так же как Гней Невий или Варрон, Цицерон или Саллюстий, не мыслил восстановления мощи и величия государства без возрождения старинных нравов. И при всей религиозной и политической толерантности, здесь был пункт, в котором принцепс не мог и не хотел уступать. Отсюда — напоминающая о Катоне Цензоре непримиримость к тем, кто бросал вызов моральным установлениям. Нетерпимость принцепса обнаруживает его неспособность оценить значение перемен в мировоззрении римского общества. А ведь они были также результатом достигнутого мира. У вождя, который находил решения в казалось бы безнадежных ситуациях, начали обнаруживаться трудности с критическим переосмыслением политического курса. Одно из свидетельств тому — строгие наказания членов собственной семьи. В этом же контексте следует рассматривать ссылку Овидия.

Формулировка «восстановленная республика» (*res publica restituta*), производная от основного значения *res publica* = *res populi*, была сердцевиной политической программы Октавиана-Августа для Рима и Италии. Она означала уход от состояния *res publica amissa* и возрождение принципа общей пользы. В отличие от “*res publica libera*”, девиза цезареубийцев, выражавшего узкие интересы старого политического класса, “*res publica restituta*” являлась лозунгом надпартийным. Он отражал интересы широких слоев римского гражданства. И обозначал этот лозунг не конкретную форму государства, а его основную функцию — реализацию интересов свободного населения Италии. При этом Август стремился по возможности соблюдать установления старой Республики, а также сохранять и использовать её институты, поскольку они не противоречили принципам «восстановленной республики» и укреплению Империи.

Важной составляющей политики Августа было стремление к согласованию интересов различных социальных групп римского гражданства (а также Рима и провинций). В определенной мере это было реализацией столь важного во времена Республики лозунга «согласия сословий» (*concordia ordinum*). Богиня Конкордия занимала важное место в пантеоне времени Августа и при последующих императорах¹¹.

Важным фактором социального согласия являлось то, что Август вел себя как гражданин — первый среди равных, а не тиран.

С позиций римских граждан, «республика» была на самом деле восстановлена:

1. Установлен гражданский мир, согласие и правопорядок;
2. Во главу угла поставлен принцип «общей пользы» Римского народа;
3. Этот принцип реализовывался посредством наилучшей государственной формы — *novus optimus status*;
4. Восстановлены (и при необходимости усовершенствованы) религиозные обряды, обычаи и законы старой Республики;
5. Восстановлены институты времени Республики, подкрепленные «авторитетом» принцепса;
6. Сохранены, возвращены Римскому народу и умножены провинции;

¹¹ Богиня *Concordia* почиталась в Риме по крайней мере со времен Марка Фурия Камилла. Согласно его обету, народное собрание после завершения борьбы за законы Лициния (ок. 367 г. до н.э.) постановило построить храм Конкордии (Plut. Cam. 42; Ovid. fast. I. 639). В 121 г. Л. Опиций после кровавого подавления движения под руководством Гая Гракха освятил новый (или восстановленный) храм Конкордии (Plut. Tib. 38; App. b. c. I. 120 etc.). У Овидия *Concordia* появляется вместе с *Ianus*, *Romana Salus* и *Ara Pacis* (Ovid. fast. III. 881 sq.). Это соответствует свидетельству Кассия Диона, который сообщает, что Август использовал деньги, собранные сенатом и народом для его статуй, для установки изображений, посвященных богиням *Salus Publica*, *Concordia* и *Pax* (Dio LIV. 35. 2). См.: Fears J. R. The cult of virtues and Roman imperial ideology // ANRW II. Bd. 17. 2. 1981. P. 842 f., 885 f.; Ramage E. S. The Nature... P. 52 with n. 100, 105 n. 258; Lobur J. A. Consensus, Concordia and the formation of Roman imperial ideology. N. Y., 2008.

7. Надежным гарантом мира, прав и привилегий граждан являлся принцепс — император Цезарь Август.

Х.3. «Принципат Августа» как процесс

Важным обстоятельством, сказавшимся на формировании нового строя, была длительность правления его основателя¹². Здесь же кроется одно из затруднений в поиске однозначной дефиниции режима. В переходные эпохи изменения происходят быстро, в историческом масштабе времени — стремительно. Говоря о времени Августа, следует учитывать, что в начале и в конце его правления мы имеем дело с разными состояниями общества. На двухтысячелетнем удалении всё сливается в единое целое. Так же несколько персонажей: мальчик Октавий и беспощадно расправляющийся с врагами Октавиан, победоносный Император Цезарь и принцепс Август, могущественный Отец отечества и слабеющий день ото дня правитель, пытающийся скрепить и передать дальше с таким трудом построенное «наилучшее государство» — соединяются в образе Октавиана-Августа. Если внимательно всмотреться в размытые временем хронологические границы, то оказывается, что по их сторонам стояли разные люди и существовали различные политические режимы.

Начало самостоятельной полититической деятельности будущего императора Августа было положено мартовскими идами 44 г. до н.э. Тогда в умах виднейших цезарианцев царила полная сумятица. Но Октавиан сумел безошибочно выбрать лозунг «отмщения» за погибшего приемного отца. «Цезаризм» был в тот момент жестко задан необходимостью ориентации на армию. Не случайно в изображениях юного Цезаря проглядывают черты эллинистического правителя. Как практические шаги, так и пропагандистские усилия, язык образов, использовавшийся Октавианом-триумвиром, выдают отсутствие устоявшейся идеологии, продуманной программы и ясного видения перспективы. Первый этап политической карьеры отмечен участием в триумvirате и проведением проскрипций (43 г. до н.э.). Это были явно антиконституционные, «революционные» и тем самым — «антиреспубликанские» акты.

¹² Й. Бляйкен (Bleicken J. Augustus, глава 16) проводит мысль, что если бы Август умер раньше, в 20-е годы, то могла бы вновь разгореться гражданская война и принципат бы не состоялся. При всей проблематичности подобных предположений, значение непрерывности и внутреннего единства серии реформ не может вызывать сомнения. Эта последовательность при введении необходимых корректировок объясняется наличием не заранее подготовленного плана, но подхода, основанного на определенных убеждениях. Под «принципатом» мы понимаем не форму государства, а первенствующее положение Августа. Социальный, политический и правовой базис этого лидерства находился в постоянном изменении. О «принципате» см. также раздел V.1.

Но даже будучи зависим от настроений солдат и ветеранов, Октавиан везде, где только могли проявиться его свободная воля, убеждения и не всегда контролировавшиеся разумом чувства, обнаруживал «республиканскую», «полисную» основу своего мировоззрения. Отчасти отсюда — кажущийся противоестественным союз с Цицероном и умеренной частью сената, стремление соблюсти «республиканский» имидж даже в самые неподходящие моменты ожесточившейся политической борьбы. Немалую роль играла и необходимость легитимации тех или иных шагов со стороны сената. Складывавшиеся обстоятельства оставляли мало места сантиментам: время смут смертельно опасно для идеалов и особенно — для идеалистов. На первый план выходили сиюминутные интересы и инстинкты; в ожесточенной борьбе за выживание отступали политические убеждения, забывались моральные принципы.

Затем наступил момент, когда заявило о себе естественное стремление жителей Италии и провинций вернуться к нормальной жизни. Равным образом тяга к надежным устоям, которые отождествлялись в римском сознании с обычаями и нравами предков, стала отвоевывать место также в чувствах и мыслях Октавиана. Для решительного обращения к идеологии и политике традиционализма понадобились достаточно действенные внешние стимулы. Сигналом послужили «республиканские» настроения италийского населения во время Перузийской войны и борьбы с Секстом Помпеем. Мощным катализатором патриотически-традиционалистских тенденций явилась пропагандистская война с Антонием.

С окончанием гражданских войн Октавиан получил возможность проявить себя как государственный деятель. С 28 г. римско-италийскую политику надолго определил курс на «восстановление республики». Всё, что нам известно из синхронных источников, говорит о том, что он безошибочно нашёл главный нерв общественных настроений. Наступивший мир, восстановление порядка и законности вызвали удовлетворение и даже состояние эйфории. Сенат даровал Октавиану имя Август и ряд других отличий. По отношению к армии и провинциям он выступал прежде всего как Император.

Со временем иллюзии развеивались, появлялся более трезвый взгляд на вещи. Через четыре года после торжественного акта «возвращения республики» произошел первый серьезный кризис. Об этом свидетельствовали судебные процессы, связанные с действительными и мнимыми заговорами. В 23 г. до н.э. Август решил отказаться от консулата. В государственно-правовом отношении это было компенсировано проконсульским империем и пожизненной трибунской властью. Тогда же принцепсу пришлось задуматься о судьбе режима в случае его смерти, что выдвинуло на важное место вопрос о преемнике. Несмотря на расхождения исследо-

вателей в оценке урегулирования 23 г., оно признается важным рубежом в развитии «принципата».

Истоки политической напряженности и причины введения модификаций в конституционное положение принцепса следует искать прежде всего в настроениях политического класса. Особое положение Августа вызывало недовольство, коренившееся в обычных человеческих слабостях: гордыне и тщеславии, разочаровании или зависти. Остывал энтузиазм, вызванный прекращением гражданских войн. Сам принцепс также склонялся ко все более холодному и рассудочному восприятию политических реалий, предпочитая радужным надеждам прагматический выбор. Идея «республики» в дни мира исподволь начала видоизменяться, расслаиваться в зависимости от позиционирования и интересов различных групп. У потомков аристократии она порой всё ещё ассоциировалась с *libertas*, окрашиваясь духом соперничества и чувством зависти. У некоторых вид восковых масок славных предков мог пробудить ложные политические амбиции. Но в «восстановленной республике» было место только для одного принцепса. Благодаря политической мудрости Августа антимонархическое звучание «республиканской» идеи в регистре *libertas* не стало доминирующим. Последовательные усилия принцепса воспрепятствовали превращению «республиканизма» в знамя оппозиции.

В 19 г. до н.э. Август получил *ornamenta consularia*, то есть право иметь 12 ликторов и сидеть при официальных мероприятиях на курульном кресле между двумя консулами. Это было наглядное отображение роли принцепса в «наилучшем государстве». В первое десятилетие «принципата» произошли серьезные изменения в политическом сознании общества. Власть, основанная на исключительной *auctoritas* Августа, воспринималась подавляющим большинством населения как часть естественного порядка вещей, как условие мира, благополучия и процветания. «Республиканизм», в рамках которого держал себя в Риме принцепс, способствовал лояльности сограждан. Через десять лет после «восстановления республики», в 17 г. до н.э., было провозглашено наступление Нового века. Оно было отмечено Секулярными торжествами. Ритуал символизировал осуществление провиденциальной миссии Августа. Тем самым было заявлено, что Римский народ и его Империя достигли небывалого могущества и процветания, а установившийся порядок фактически провозгласил себя как наилучший из возможных.

Новый режим укреплялся, принимались меры для обеспечения преемственности власти. Период с 17 по 2 гг. до н.э. оказался «великим пятнадцатилетием» Августова «принципата». В Империи, влияние которой охватывало почти весь *orbis terrarum*, царили мир и благополучие, земля дарила

богатые урожаи. Император мог удовлетвориться свершенным, насладиться всеобщим признанием своих заслуг перед «республикой». В 12 г. до н.э. он стал *pontifex maximus*. Успешно шло строительство и обустройство «мраморного» Рима. Во 2 г. до н.э. «сенат, всадники и весь народ» провозгласили Августа «Отцом отечества» (*pater patriae*). Это было величайшей честью, которой мог удостоиться римский гражданин. Осуществилась ещё одна заветная мечта уроженца захолустного италийского городка. Идея восставленной в пике её величия «республики» была воплощена в освященном тогда же форуме Августа¹³.

Кульминацией 2 г. до н.э. режим Августа исчерпал свои созидательные возможности. Остальное должно было завершить время, проверявшее на прочность дух исторического оптимизма, порожденного феноменом «Августова века». Смерть Луция и Гая Цезарей, семейные драмы и постигшая римские легионы трагедия в Тевтобургском лесу были ударами, от которых принцепс не мог оправиться до конца жизни. Но дело было не только в усталости правителя. Неизбежно сходил на нет энергия умело направленного патриотического взрыва, вызванного ориенталистскими поползновениями Антония. Наступало другое время, далекое от героики и романтики. Мир и благополучие порождали иные настроения и потребности.

На протяжении длительного правления Августа римская «конституция» существенно не реформировалась. Зато параллельно с изменением состава политического класса и естественной сменой поколений глубинные метаморфозы претерпело общественное сознание, а вместе с тем — функции, полномочия и содержание старых государственных институтов. Перерождение, захватившее различные слои общества и сферы его жизни, воздействовало и на политические реалии. Этот процесс качественных преобразований в восприятии и осмыслении происходившего и был ключевым, формообразующим на рассматриваемом этапе развития. Он обнаруживается в сочинениях историков и поэтов, в надписях и монетных чеканах, произведениях искусства и архитектуры.

Налаживание общественной жизни в Италии и в провинциях, стабилизация режима и укрепление власти Августа указывали на необратимость произошедших перемен. Становилось всё более очевидным различие между грезившейся ещё кое-кому *res publica libera* и реальной *res publica restituta*.

¹³ На наш взгляд, не соответствует содержанию эволюции «принципата Августа» его разделение на две большие фазы, предложенное В. Эдером: (1) «формальное восстановление республиканских институтов» и (2) период с 19 г., когда доминировала «идея отечества» (Eder W. Augustus. P. 17. Кроме того, на с. 18 говорится о переходе в 28 г. от «октавиановой» фазы к «республиканским нормам»). Как показано в разделе III.7, патриотическая идея была исходным пунктом идеологии Августова принципата. Для граждан «отечество» мыслилось как «республиканское». Общие интересы стояли на первом месте, заботился об этом *pater patriae*. С другой стороны, «республиканизм» никогда не снимался с повестки дня. Таким образом, обе идеи, патриотическая и «республиканская», были неразрывно связаны.

Поэтому зарождение оппозиционной идеологии к концу правления Августа было следствием укрепления нового режима, а не его кризиса.

Тщетность надежд на возврат к *libera res publica* не могла более вызывать сомнений. Но при искусной политике Августа оппозиция не имела никаких шансов. Его смерть и обстоятельства прихода к власти Тиберия окончательно раскрыли глаза на роль монархического элемента «восстановленной республики». После этого неуклюжая политика Тиберия и его продолжателей привела к появлению «инакомыслящих республиканцев», а в дальнейшем — к формированию «сенатской оппозиции». Впрочем, эта болезнь была насколько неизбежной, настолько же ограниченной узким кругом людей (в основном из числа сенаторов) и недолговечной.

В последние годы правления Августа не было крупных преобразований, снизилась строительная активность правительства. В то же время, несмотря на слабость принцепса и начавшуюся борьбу за уходящую из его рук власть внутри семьи, возводившееся столь долго здание Империи не внушало опасений. Главным фактором стабильности было принятие нового порядка подавляющим большинством граждан и подданных. Эта поддержка была во многом обязана безошибочному выбору лозунга «восстановления республики», хорошо продуманному политическому курсу и его умелому осуществлению.

Х.4. «Республика» и наилучшая форма государства

Август и его современники понимали учрежденный в Риме и Италии порядок как «восстановленную (возвращенную сенату и Римскому народу) республику». При этом имелась в виду не республика как форма государства (в новоевропейском понимании), а политическая организация, в основе которой лежит принцип приоритета общегражданских интересов над личными. Принцип «республики» должен был обеспечиваться «правильной (государственной) формой», причем наилучшей из возможных (*optimus rei publicae status*). На фундаменте римской *civitas*, из отечественного материала традиций, институтов и установлений Октавиан-Август решил построить совершенное государство¹⁴. Как и в области художественного творчества, здесь не зазорно было учиться у греков. Тем более, что Полибий и Посидоний давно «открыли», что Римская республика была во времена своего расцвета реальным коррелятом Платоновой модели смешанной конституции.

¹⁴ В основе подобных построений лежала само собой подразумевавшаяся главная предпосылка — (1) наличие гражданской общины античного типа. (2) Политически она должна была функционировать с помощью правильной, ориентированной на «общее благо» государственной организации — смешанной. (3) Эта форма «усовершенствовалась» тем, что ей придавался в качестве опоры и гаранта принцепс. Сравн. разделы V.4, 5, 9; V.2,9 сл.

Цицерон блестяще завершил «романизацию» этой теории, Август решил воплотить её в жизнь (см. раздел V.2).

Подобный проект мог возникнуть лишь при наличии важнейших предпосылок. Среди них, наряду со сложившейся политической ситуацией, были эллинизация римского общества, распространение знаний, возрастание их роли и престижа, — всё это и многое другое, объединяемое в литературе последних лет понятием «римская культурная революция». К сожалению, при перечислении областей знаний (религия, календарь, красноречие, право и других), как правило, забывают о политической философии. Но именно она, вслед за этикой («практическая философия»), привлекала наибольшее внимание ученых того времени. Соответствующие идеи давно оказывали влияние на обустройство государств Средиземноморья. Они стали также частью мировоззрения римского политического класса. Получивший эллинистическое образование Август, всегда окружённый компетентными учителями и советниками, безусловно был знаком с теоретическими построениями учителей мудрости. Только учитывая «интеллектуальный» фактор, можно понять как планы основателя нового режима, так и шаги по их реализации.

Октавиан-Август имел два в высшей степени амбициозных ориентира. Первым была слава создателей римского могущества, а вторым — слава мудрецов и героев всего «круга земель». Того и другого Август надеялся достичь, восстановив «республику» и снабдив ее «наилучшим устройством». В обновленном вечном Риме, в соответствии с отеческими традициями и идеями греков, должны были гармонично уравнивать друг друга монархическое, аристократическое и демократическое начала. Август тем более оценил учение о смешанной конституции, что оно предполагало важную и даже ведущую роль монархического элемента.

Optimus status вводил Рим в ранг передового государства, устроенного в соответствии с высокими стандартами политической философии, а его создатель приобретал имидж просвещенного правителя. И если «восстановление республики» обеспечивало ему почетное место в ряду героев «римского мифа», то учреждение наилучшего государственного устройства приобщало к кругу мудрых основателей и устроителей государств. Здесь несомненно сказалось влияние Стои, идеи которой были наиболее близки римским политическим традициям.

В своё время Октавиан отказался от почетного имени Ромул. Тому было немало причин¹⁵. Кроме всего прочего, имя «второго Ромула» не соответствовало ни масштабу государственных преобразований, с которыми соотносил свою роль основатель «принципата», ни их содержанию. Его мировая

¹⁵ См разделы IV.9; VII.4. Прежде всего это был царский статус Ромула.

держава была несопоставима с «квадратным Римом», а учреждение наилучшего государства в «глобальных» масштабах должно было поставить Августа выше Ликурга и Солона, Ромула и Нумы. Даже образ Александра Великого, так и не сумевшего создать прочное и благополучное государство, должен был меркнуть на фоне заслуг создателя Империи.

Изначально в новом государстве (*novus status*), как и в Римской республике, традиционное монархическое начало представляли консулы (потому Август до 23 г. до н.э. удерживал консулат). Должность оставалась почётной, но фактически утрачивала бывшее политическое значение и реальную власть. Это стало очевидным, когда Август вынужденно отказался от ежегодного консульства. Обнаружилось отличие от консулата эпохи Республики: урезанные полномочия распространялись только на Город и не включали более военный компонент. Отказавшись от консульства, Август сохранил ключевые позиции в государстве — свой престиж и влияние утратила высшая республиканская магистратура¹⁶.

Аристократическое начало воплощал сенат. Потерявший прежний авторитет как высшая инстанция и средоточие государственной мудрости, он оставался важным символом Римского государства. Сенат продолжал играть существенную роль в качестве совещательного, законодательного и судебного органа, а также поставщика кадров для высших должностей в Империи.

Наконец, при Августе продолжали функционировать народные собрания, утверждавшие законы и заранее отобранных магистратов. Ту часть *populus Romanus*, которую составляли легионы, Август возглавлял в качестве обладателя проконсульской власти и императора. Городской плебс имел возможность проявить свое отношение к правительству на зрелищах, где физически (по крайней мере, оптически) встречался с принцепсом. Кроме того, интересы плебса Август представлял как обладатель власти народного трибуна (*tribunicia potestas*). Официально и по общему (свободному от рефлексий) убеждению *populus Romanus* оставался носителем суверенитета, государство обозначалось традиционной формулой — *senatus populusque Romanus* (SPQR).

Три инстанции: народные собрания, сенат, магистраты, — соответствовали трем началам (демократическому, аристократическому и монархическому), характерным для смешанной конституции. Каждый из этих институтов выполнял важные функции, участвуя в управлении Городом и империей. Правда, ни по отдельности, ни вместе взятые (а действовать

¹⁶ Сравн. раздел V.4. Тогда принцепс поневоле открыл для себя, что его *statio* основана не на консулате, который был лишь одним из возможных инструментов ее реализации. Августу и его преемникам довелось разгадывать еще немало тайн собственной власти.

согласованно они были просто неспособны) эти инстанции оказывались не в состоянии принимать и тем более осуществлять важные политические решения без участия принцепса. С другой стороны, Август не мог игнорировать эти учреждения, уже потому, что без них «восстановленная республика» не мыслилась согражданами. Их участие в тех или иных государственных актах было обязательно. Ошибочно говорить в данном случае о камуфляже. Скорее следует расценивать ситуацию как неравноправное, но необходимое для всех участников партнерство. Оно соответствовало политическому сознанию общества. На переходном этапе, каким являлось время Августа, действенная, реальная «смешанная конституция» была возможна лишь в таком исполнении.

Ответственные решения принимались только с участием принцепса. Какие позиции предоставляли ему возможность определять судьбы государства?

Август обладал необходимым минимумом официальных полномочий. Они легализовали статус принцепса в «восстановленной республике», будучи неразрывно связаны с его *auctoritas*. Трибунская, консульская или проконсульская власть (*potestas, imperium*) давали возможность прямого и оперативного вмешательства в государственные дела и были особенно весомы (о чем Август умалчивал в своих «Деяниях») в совокупности. При всем том, Август мог обойтись, по крайней мере, на время, без любой из высших магистратур. Это подтверждается отказом не только от любых чрезвычайных полномочий, но и от перманентного консулата. С другой стороны, личное участие принцепса в «республиканских» институтах было необходимо не только ему — оно должно было подкреплять их авторитет и стабилизировать принятую модель государства. Из тех же соображений Август предпочитал, чтобы в Риме его считали одним из граждан, «первым среди равных» (*primus inter pares*).

Август состоял членом сената и был его принцепсом (*princeps senatus*). Гражданский статус — «первенствующий» гражданин (*princeps civitatis*) — демонстрировал, что отмеченный расположением богов Август и победоносный император, тем не менее и прежде всего, является частью им «восстановленной республики». Принцепс участвовал во всех трех элементах «смешанной конституции», но утверждал, что превосходит коллег по магистратурам не властью (*potestas*), а только *auctoritas* (RG 34. 3). Для проведения того или иного мероприятия, например, ценза, Августу даже и не требовалось специальных полномочий (*ibid.* 6. 1). Из этого следует, что влияние и в конечном счёте власть Августа базировались на чём-то еще, находившемся вне сохранившихся элементов конституции Римской республики, соответственно, и вне традиционной

смешанной формы. Это особое положение, как бы оно ни обозначалось, не могло обеспечиваться никакими формальными «республиканскими» полномочиями.

Благодаря этому «фактору X» принцепс мог осуществлять свою особую функцию по отношению к «республике». Став её спасителем и восстановителем, божественной милостью Август выступал теперь как гарант мира, стабильности и величия Рима. Источником, основой реальной власти была поддержка самых разных групп населения Италии и провинций. В современной литературе эти реальные, но юридически не оформленные основы власти Августа обозначают как внеправовые факторы. Их значение указывает на недостаточность понимания «принципата» как только государственно-правового феномена.

Самым очевидным из внеправовых обозначений положения Августа в «восстановленной республике» была *auctoritas*, пусть это и была только верхушка айсберга. Она кумулировала (в какой-то мере также прятала) и увенчивала целый комплекс источников беспрецедентного влияния: клиентские отношения, связывавшие основателя «принципата» с римским гражданством, в том числе с италийским и городским плебсом, с армией, огромные материальные и финансовые ресурсы, императорский культ и целый ряд других, не поддающихся точному учёту явлений. Следует отметить, что некоторые из них уже были неотъемлемой частью политической жизни Римской республики. «Авторитет» был характеристикой её принцепсов. Но раньше им обладали, пусть в разной мере, несколько ведущих деятелей. Теперь Август был единственным Принцепсом, с неоспоримой *auctoritas* и комплексом полномочий. Все вместе давало его слову решающий вес при обсуждении и решении любых вопросов.

Роль принцепса как активнейшего участника и опоры «восстановленной республики» означала появление новой наилучшей формы государства (*optimus status = novus status*). Её особенность и отличие от классической, известной философам, заключалось в том, что наряду с тремя традиционными она имела четвертый, ставший ведущим элемент. Принцепс участвовал в республиканских институтах (гражданство, сенат, магистратские полномочия), но одновременно, не бросая вызова традициям, создавал параллельную властную структуру. Она вырастала рядом с ослабевшей республиканской, перенимая влияние, сферы компетенции и полномочия. Принцепс был патроном населения Италии, армии и провинций. Сограждане должны были видеть в нем Отца отечества. *Pater patriae* в масштабах государства оказывался своего рода аналогом *pater familias*. Это облегчало включение гения Августа в домашние, квартальные и другие местные культы. Патерналистская идеология принималась также провинциями, хорошо сочетаясь

с культом Ромы и Августа. Важно, что всё это были коннотации, естественно выраставшие из давно известных явлений или ориентировавшиеся на установления и обычаи Римской республики. Укоренённость новых отношений в традициях предоставляла правителю возможность постоянно модифицировать, достраивать и усиливать свою власть.

Следует подчеркнуть, что речь идет о внеправовых, но не антиправовых (незаконных) основах власти. В этом — одна из характерных черт положения Августа, а также природы установившегося режима как такового. К тому же, в сравнении с ситуацией, известной по «Закону о власти» Веспасиана (CIL VI. 930), персона Августа формально не была освобождена от исполнения законов. Но особое положение в государстве (*statio*) фактически выводило принцепса из общего правового поля, поскольку не было инстанции, которая способна была привлечь его к ответственности в случае нарушения закона. Только сам принцепс мог ограничивать свои никем другим не контролируемые возможности. Август устанавливал эти рамки для себя, стремясь без особой необходимости не преступать «республиканские» установления.

Вергилий предвещал наступление Золотого века. Но принцепс не был безответственным авантюристом, к тому же уважение к традициям было альфой и омегой его деятельности. Август знал, что согласно этрусской дисциплине век Сатурна был позади. Тогда, в простоте и безыскусности, в Италии жили счастливые люди, занимавшиеся крестьянским трудом. Но потомки от поколения к поколению вырождались. Для тех, кто пережил ужасы гражданских войн, подробные объяснения можно было опустить.

Новый Золотой век (*saeculum aureum*) мог наступить только после мирового пожара. Это не могло стать предметом мечтаний или спекуляций здравомыслящего политика. В отличие от людей нового времени, одержимых идеей прогресса, современники Августа могли надеяться лишь на частичное возвращение к состоянию первоначального блаженства. Это было целью политически приемлемой, уже в силу своей многозначности и достаточной неопределенности. Наступивший Новый век (что и было отмечено в 17 г. до н.э.) стал максимально возможным приближением к Сатурнову. Предпосылками были Августов мир, Августова «восстановленная республика» и Августово наилучшее государственное устройство.

Важной материальной основой благополучия привилегированного римского гражданства являлся прочный контроль над «империей Римского народа» — подвластными и зависимыми заморскими странами. Она рассматривалась как неисчерпаемый источник материальных благ. Правда, поток богатств привел к разрушению Республики. Но вернуться к примитивному быту предков, отказавшись от результатов завоеваний, римляне уже не мог-

ли. В силу своих размеров и материальных ресурсов провинции всё более определяли дальнейшее развитие и характер Римского государства. Территории вне Италии не входили в состав «восстановленной республики» и не являются здесь предметом исследования. Но без учета взаимодействия всех составных частей Римской державы вопрос о «восстановленной республике» оказался бы освещенным односторонне.

Х.5. Поместья Римского народа

По словам Страбона, римляне владели лучшей частью мира (*Strabo* VII. 24). И хотя заморские территории долго не входили в состав собственно Римского государства, без них, по крайней мере со II в. до н.э., уже невозможно себе представить ни Рим, ни его историю. Поток материальных и людских ресурсов, поступавших из провинций, размывал устои римской *civitas*. В конечном счете, это и привело к гражданским войнам (см. раздел III.2). Тогда зависимые территории, если не подвергались прямому грабежу, вынуждены были «добровольно» снабжать воюющие стороны. После установления мира необходимые продукты тем более должны были бесперебойно поступать в Рим. Огромный город уже не мог обходиться без привозного хлеба и другого продовольствия, а также массы самых разнообразных товаров: от камня для строительства — до предметов роскоши. В то же время было ясно, что бесконтрольному грабежу провинций следует положить конец.

Неравноправные отношения с «союзниками» сохранялись. Задача состояла в том, чтобы придать им стабильность. Необходимы были правила, которые бы обеспечивали стабильное поступление налогов в государственную казну. Огромных средств требовало содержание армии, а также «хлеб и зрелища» для городского плебса. Удовлетворение этих потребностей было важнейшим условием прочности центральной власти. Но обеспечивая привилегии римских граждан, следовало и провинциалам, особенно элите, дать возможность почувствовать преимущества римского господства. В конечном счете эти условия определили устройство «Августова мира» как империи. Контролируемая единой волей, она должна была прийти на смену стихийно сложившемуся конгломерату завоеванных стран и племен, оказавшихся во власти Римского народа.

История Римской империи и ее провинций является предметом исследования специалистов целого ряда дисциплин¹⁷. В данном и следующих раз-

¹⁷ Римская империя к концу правления Августа занимала территорию ок. 6 млн. кв. км, на которой сейчас расположено порядка 40 государств (римская Италия — менее 300 тыс. кв. км.). См.: Ausbüttel F. Die Verwaltung des römischen Kaiserreiches. Sozialpolitik und Genossenschaftswesen. Darmstadt, 1998. S. 2; Eck W. Die staatliche Administration des Römischen Reiches in den hohen Kaiserzeit. Ihre strukturellen Komponenten // id. Die Verwaltung des römischen Reiches in der hohen Kaiserzeit. Bd. 1. Basel. 1995. S. 1–28,

делах будет лишь предпринята попытка выяснить, как соотносились между собой «восстановленная республика» и начавшая создаваться как единое государство Империя¹⁸. И здесь речь должна идти о процессе. В исходном пункте были Рим и принадлежавшие ему провинции — «поместья», составлявшие «империю Римского народа» времени Республики. При этом римляне претендовали на господство не только на территориях, находившихся под их непосредственным управлением. Были еще государства-вассалы и регионы, на которые распространялось влияние Рима. Различия и переходы между состояниями и статусами были подвижны. Но римские императоры, на практике считаясь с реальными политическими и военными возможностями, «теоретически» никогда не отказывались от притязаний на известную им часть мира — *orbis terrarum*.

Под Римской империей (в отличие от «империи Римского народа») здесь понимается Римское государство, начиная со времени Августа. В его состав входили как Италия, так и провинции, управляемые римскими наместниками¹⁹. Это обозначение принято в современной исторической литературе. Как уже говорилось ранее, официальным названием Римского государства, расширившегося от небольшой общины на холмах Лация до средиземноморской Империи, было *senatus populusque Romanus*. В его границах римское гражданство (составлявшее в начале этого пути привилеги-

hier S. 1. Обзоры: (hrsg.) Jacques F. etc. (eds.). Rom und das Reich in der hohen Kaiserzeit. Stuttgart; Leipzig, 1998–2001, Bd. II. Lepelley C. Die Regionen des Reiches, 2001²; Meyer-Zwiffelhofer E. Imperium Romanum: Geschichte der römischen Provinzen. München, 2009 etc. См. карту в конце (форзац 2: Средиземноморье в 14 г. н.э.). Сравн. раздел Х.1 с примеч. 2, Х.6 с примеч. 47.

¹⁸ История и теория империй представляет собой важный раздел политологии, а также истории и теории государства и права. Работы, вышедшие в последнее столетие, несут явные следы общего пессимизма, связанного с «закатом Европы» и распадом империй (см. обзор: Münkler H. Imperium und Imperialismus // Docupedia-Zeitgeschichte, 11. 2. 2010, URL: <http://docupedia.de/zg/Imperium>). Хотя Римская империя занимает значительное место в работах по данной тематике, интересующие нас аспекты не нашли достаточно убедительного толкования. Возможно потому, что со времен Э. Гиббона доминирует тема «Упадок и гибель Римской империи», напр.: Heather P. The fall of the Roman empire. A new history. L., 2005; Ward-Perkins B. The fall of Rome and the end of civilization. Oxf., 2005; Demand A. Das Ende der Weltreiche. Berlin, 2007; Saltzweid J. (hrsg.). Das Ende des Römischen Reiches. Verfall und Untergang einer Weltmacht. München, 2009 etc. Следует обратить внимание на мысль М. Дойля — Г. Мюнклера об «Августовом пороге» как о необходимом этапе эволюции империй, прохождение которого только и обеспечивает их устойчивость и долговечность (Münkler H. Imperien: Die Logik der Weltherrschaft. Berlin, 2007, сравн. раздел II.6 с примеч. 245).

¹⁹ Предварительные замечания о специфике терминов *res publica* и *imperium*, а также производных от них, см. в разделе I.2. Здесь даются разъяснения относительно римского понимания «империи». Следует различать три значения. Первое — «империя Римского народа» времени Республики. Это были владения, не входившие тогда в состав Римского государства (*senatus populusque Romanus*). Второе — Империя (Римская империя), в конце концов объединившая разнородные составляющие (Италию, провинции, подвластные территории) в единое государственное образование. Третье значение, которое имели в виду римляне и их императоры, — «империя без границ». Это был весь «круг земель» (*orbis terrarum*), на который распространялись их власть, влияние или притязания. Далее поясняются некоторые аспекты происхождения и эволюции понятий этого ряда.

рованную *civitas*)²⁰ из обладателя «империи» начало превращаться в составную часть населения Империи. Метаморфоза охватывала самые различные области: организацию управления и провинциальную политику, экономику и культуру, менталитет. Изменение взглядов так или иначе отражалось на реальной политике, статусе провинций и провинциалов, но также на положении римских граждан, живших в разных частях Империи. Направление и результаты этих процессов можно определить лишь на больших временных отрезках²¹. В правление Августа был задан вектор развития.

Прежде всего необходимо уделить внимание понятиям «империя» и «провинция». В литературе применительно к эпохе великих римских завоеваний (III–I вв. до н.э.) принято говорить о провинциях, которые одна за другой, по мере завоевания, присоединялись к расширявшейся таким образом державе. В этом контексте (время Республики) слово «империя» почти не упоминается.

Римляне изначально представляли себе ситуацию иначе. В центре их представлений о ближних и дальних соседях стояли отношения властвования, компетенций, условий договора. Побеждённые рассматривались как чужаки (*peregrini*), признавшие римское господство (*imperium*)²². Даже италики добились для себя римского гражданства далеко не сразу, и лишь в результате упорнейшей Союзнической войны (91–88 гг. до н.э.). И конечно, никто даже не думал о том, что жители заморских владений могут войти в состав римской *civitas*. В отличие от италиков, юридической основой отношений с заморскими «союзниками» (*socii*) был не договор (*foedus*) двух сторон, а декларация римского сената. Так заключался «союз без договора» (*societas sine foedere*). В результате одна из сторон имела права, а другая — только обязанности²³.

²⁰ Как уже указывалось, фактически это была уже *quasi civitas*, что подразумевается и в последующем тексте.

²¹ При изучении этого вопроса мы опирались в первую очередь на работы, в которых становление Римской империи рассматривается в тесной связи с процессом изменения места провинций в системе Римской державы и осмыслением этого процесса современниками: Vogt J. Vom Reichsgedanken der Römer. Leipzig, 1942; Kienast D. Entstehung und Aufbau des römischen Reiches // ZRG 85. 1968. S. 330–367 (erweitert: id. Kleine Schriften. Aalen 1994. 187–222 (mit Nachtrag, S. 222–226); id. Corpus Imperii. Überlegungen zum Reichsgedanken der Römer // Witth G. u.a. (Hrsg.). Romanitas — Christianitas. Berlin, N.Y., 1982. S. 1–17 (= Kienast D. Kleine Schriften. Aalen, 1994. S. 281–297, mit Nachtrag); ders. Augustus. S. 450–527 (две последние работы Д. Кинаста содержат также полезные указания на историографию вопроса); Nörr D. Imperium und Polis. 1966; Lintott A. Imperium Romanum. L. etc., 1993; Nicolet C. L'inventaire du monde. P., 1988 (engl.: Space, geography, and politics in the early Roman empire. Ann Arbor, 1991); Wallace-Hadrill A. Rome's cultural revolution. Cambr., 2008. P. 73 ff.; Richardson J. The language of empire. Cambr., 2008 etc. Рассматриваемая тема тесно связана с рядом других живо обсуждающихся в современной литературе проблем: «римский империализм», «романизация» и другие.

²² Цицерон-патриот рассматривал их как «данников» (*vectigales*) римлян (Qu. fr. I. 1. 33). Жителей эллинистического Востока он довольно часто презрительно называл «гречешками» (*greculus*): Cic. Sest. 110, 126; Scaur. 4; Flac. 23; Verr. II. 4. 127; Mil. 55; Pis. 70; Red. in sen. 14; Phil. V. 14, XIII. 33; Tusc. I. 86; orat. I. 47, 102, 221; fam. VII. 18. 1. См.: Никишин В. О. Цицерон и греки // Studia historica XI. 2011. С. 176, 179.

²³ См: Vogt J. Vom Reichsgedanken... S. 5 f.; Kienast D. Entstehung... S. 187 ff.; id. Corpus Imperii. (1982) 1994. S. 281 f.; id. Augustus 2009. S. 450 f. mit Anm. 1 etc.

Понятий «империя» и «провинции» в обычном для современной исторической литературы значении этих слов не существовало до последних десятилетий Республики. *Imperium* означало власть царя или высшего магистрата (претора, консула, диктатора), содержащая сакральный компонент²⁴. Только эти, курульные магистраты, обладали правом на ауспиции, как и высшей военной властью²⁵, распространявшейся на завоёванную полководцем страну. Победитель занимался административными вопросами, вплоть до подготовки закона об организации управления территориями (*lex provincialis*). Позднее империем обладали также провинциальные наместники в ранге проконсулов и пропреторов. Их власть в отношении как воинов, так и местных жителей была практически не ограничена. Обладатели «империя» распоряжались крупными воинскими контингентами, странами, иногда несколькими (*imperia extraordinaria*). Это диктовалось военной необходимостью, но подрывало нормальный конституционный порядок Римской республики. В дальнейшем проконсульский империй (*imperium proconsulare*) послужил также правовой основой власти императоров, начиная с Августа. Имя основателя «принципата» с 38 г. до н.э. содержало *Imperator*²⁶. В дальнейшем *praenomen imperatoris* стало важной частью титулатуры римских правителей.

По мере роста римских владений, в связи с социальными и политическими сдвигами изменялась семантика слов, происходивших от *imperare*, в том числе *imperium* (мн. число: *imperia*). Важные указания даёт словоупотребление классических авторов. Юлий Цезарь с гордостью заявлял, что лишь ему удалось установить «спокойствие Италии, мир провинций, благополучие империи»²⁷. Здесь *imperium* мог охватывать всю сферу римского влияния,

²⁴ См.: Prinz O. *Imperium* // ThLL VII.1. S. 568–582; de Libero L. *Imperium* // NP. Bd. 5. 1998. Sp. 955–958; Bleicken J. *Imperium consulare / proconsulare im Übergang von der Republik zum Prinzipat* (1993). S. 117–133 (= ders. *Gesammelte Schriften II*. Stuttgart 1998, S. 705–721); Suerbaum W. *Vom antiken zum mittelalterlichen Staatsbegriff*. 1977. S. 54 ff.; Дементьева В. В. Магистратская власть Римской республики: содержание понятия “*imperium*” // ВДИ. 2005. № 4. С. 46–75; Richardson J. *Language. Pass.*; Bernstein F. *Das Imperium Romanum – ein “Reich”?* // *Gymnasium*. Bd. 117. 2010. S. 49–66, hier S. 58 ff. etc.

²⁵ Этим *imperium* прежде всего отличался от *potestas* других, низших гражданских магистратов, под которой имелись в виду прежде всего полномочия, распорядительные права, сфера компетенции. Со времени Августа *tribunicia potestas* была важной составляющей правового статуса принцепса. См. Lübtow U. *Potestas* // RE. Bd. XXII (Hb. 43). 1953. Sp. 1040–1046; id. *Das römische Volk*. S. 241 ff.; Drogula F. K. *Imperium, potestas, and the pomerium in the Roman republic* // *Historia*. Bd. 56. 2007. S. 419–452. Автор показывает, что *imperium*, в отличие от *potestas*, действовал за пределами померия. Как известно, полководец за пределами Города имел право жизни и смерти над солдатами. Символом этого были вложенные в фации топоры. Их несли ликторы, которые сопровождали обладателя империя. Об ауспициях см., напр.: Liebeschuetz J. *Continuity...* P. 10 ff., см. также раздел VI.3.

²⁶ Об *imperium* и *imperium maius* см. раздел V.4. Об именах и титулах Августа см. раздел VII.4, с указаниями на литературу.

²⁷ *Caes. civ. III. 57. 4: “...quietem Italiae, pacem provinciarum, salutem imperii...”*

как Италию, так и провинции. Цицерон примерно в том же смысле говорил о «расширении границ империя»²⁸. В этих немногих случаях термин уже имел пространственную коннотацию. Выражение *imperium Romanum* как «римское владычество (или могущество)» из авторов времени Республики использовалось, похоже, лишь Саллюстием²⁹. В анонимном руководстве для ораторов, *rhethorica ad Herennium*, которое датируется примерно первой третью I в. до н.э., есть фраза *imperium populi Romani*, обозначающая способность Римского народа осуществлять свою власть³⁰. Употребление *imperium* в применении к Риму как целому, то есть, к «державе» вместе с завоеванными (а также зависимыми) территориями, встречается у Цицерона³¹. Все же территориальные коннотации могли подразумеваться скорее в виде исключения³².

Значение слова *imperium* дополнительно проясняется в сочетании с *provincia*. Это первоначально была не страна или территория (современное понимание), а сфера компетенций, круг полномочий (который очерчивался сенатом) должностного лица, обладавшего *imperium*³³. Позднее *provincia* получает также расширительный смысл подвластной территории с римскими институтами³⁴. В таком значении термин встречается у Цицерона, при том, что основным остается очерчивание рамок

²⁸ Cic. rep. III. 15. 24 (*finis imperii propagavit*); cf. id. prov. 12. 29 (*finium imperii propagatio*). См. Richardson R. The language... P. 63 ff. Цитирующий данные пассажи Бернштайн стремится (чтобы затем противопоставить этому новое понимание «империи» как "Reich" при Августе) свести к минимуму пространственное, территориальное значение термина *imperium* в период Республики. В данном контексте представляется более важным подчеркнуть семантическую границу между «империей Римского народа» и Римской империей.

²⁹ Sall. Cat. X. 1: "...Carthago, aemula imperii Romani..." Cf. Richardson J. The language... P. 99; Bernstein F. Das Imperium Romanum — ein "Reich"?... S. 49–66. P. 60 mit Anm. 33.

³⁰ Rhet. Her. 4.13, s. Richardson R. The language... P. 44, cf. 55 ff. — о других случаях употребления в этом сочинении слов *imperium* и *provincia*.

³¹ Ричардсон говорит о сходстве со значением "state". Он насчитал у оратора 147 таких пассажей. См.: Richardson J. The language... P. 71 f.

³² Так можно понимать пассаж в «Сне Сципиона». Сципион Эмилиан показывает точку на глобусе как «наш *imperium*» (Cic. rep. VI. 16). Источниками подобных «космологических» рассуждений Цицероновому герою должны были послужить работы греческих географов, астрономов и философов. Cf. Richardson J. The language... P. 77 ff. В этом случае имелась в виду «территория, на которую распространяется наш империй», а еще не Империя как государство в определенных границах (общепринятое сегодня понимание Римской империи).

³³ В своем изначальном значении слово *provincia* означало: круг полномочий (и должностных обязанностей), сфера ответственности. Они могли лежать в любой области деятельности, ограниченные компетенцией или территорией.

³⁴ Вначале после завоевания Сицилии и ее превращения в провинцию (242 г. до н.э.). При учреждении каждой провинции полководец или сенатская комиссия вырабатывала специальный закон (*lex provincialis*) который учитывал местную специфику. См.: Wesenberg G. Provincia // RE. Bd. XXII (Hb. 45). 1957. Sp. 995–1029; Hesberg H. von (Hrsg.). Was ist eigentlich Provinz? Zur Beschreibung eines Bewußtseins. Köln, 1995 (u. a.: Eck W. Provinz — Ihre Definition unter politisch-administrativem Aspekt. S. 15–32 (Nachdr. in: W. Eck. Die Verwaltung des Römischen Reiches in der Hohen Kaiserzeit... Bd. II. Basel, Berlin, 1998. S. 167–185); Richardson J. Language... P. 49 ff. etc.

деятельности магистратов и промагистратов. Со временем *provincia* все в большей мере означала также территорию, подконтрольную обладателю империя³⁵.

Как и с *imperium*, наиболее важны случаи, когда говорится о «провинциях», принадлежавших Римскому народу³⁶. Иногда при обращении к суду или сенату Цицерон говорил о «наших» или о «ваших» *provinciae*³⁷. Принадлежность провинций народу подчеркивалась в период наместничества в Киликии, в частности, в письмах, где Цицерон брал выражение *nostra provincia*. К этому же семантическому ряду принадлежало известное определение провинций как «поместий Римского народа» (*praedia populi Romani*). Здесь они откровенно рассматривались как источник дохода³⁸. Этот подход не ставился под сомнение. Для Цицерона вопрос состоял в том, чтобы доходы шли на благо Римскому народу, а не расхищались преступными наместниками, вроде Верреса.

Значения слов *imperium* и *provincia* соприкасались: территория оказывалась в военной власти (*imperium*) полководца-завоевателя или наместника и в то же время в сфере его компетенции (*provincia*), включая высшую судебную и административную власть. В применении к целому, к Римскому государству (SPQR), завоёванные территории были частью его достояния (*res publica*). Иными словами, они подчинялись власти (*imperium*) Римского народа и входили в сферу его компетенций (*provincia*). Жители никоим образом не являлись частью римской гражданской общины, то есть, Римского государства. Такое, находившееся вне пределов действия римского права, положение завоеванных народов и территорий позволяло римским полководцам самочинно использовать их ресурсы, также и вопреки интересам «республики».

Общины, города³⁹ обладали внутренней автономией в различных объёмах. Общим было отсутствие суверенитета. Провинции были обязаны платить налоги в денежной и натуральной форме, а также снабжать расквартированные в них легионы. Во времена Республики это выливалось в беспощадный грабёж, провинциалы были бесправны перед наместниками и откупщиками, обогащавшимися за счет обнищания населения. Злоупотребления, коррупция были явлениями общераспространёнными. Исполь-

³⁵ Подробнее см.: Richardson J. The language... P. 79 слл.

³⁶ Cic. II Verr. 1. 78, 3. 49, 4. 67, 5. 136, 5. 163; Pis. 44, 87; Phil. 3. 11.

³⁷ Cic. II Verr. 2. 7, 3. 64, 4. 25, 5. 157; Manil. 5; Flac. 67; prov. 31; Balb. 9; Lig. 4; Deiot. 36.

³⁸ "...*praedia populi Romani sunt vectigalia nostra atque provinciae*..." (Cic. Verr. II. 2. 7). Об этой формуле см.: Meyer H. D. Cicero und das Reich. Diss. Köln, 1957. S. 228 ff.

³⁹ О значении городов в структуре Империи: Dahlheim W. Die Funktion der Stadt im römischen Herrschaftsverband // Vittinghoff F. (Hrsg.). Stadt und Herrschaft. Römische Kaiserzeit und Hohes Mittelalter. München, 1982. S. 13–74; Kolb F. Die Stadt im Altertum. München, 1984. S. 169–260 etc.

зование наместниками целых стран как персональных владений, превращение их населения (как и римских армий) в личные клиентелы полководцев было одной из непосредственных причин дезинтеграции всей системы старой Республики и едва не привело к катастрофе — развалу создававшейся поколениями «империи»⁴⁰. Этот «порядок» был ещё усугублён беззаконием и хаосом гражданских войн. После их окончания провинции были «возвращены» Октавианом Римскому народу⁴¹. Но это отнюдь не означало, что всё вернулось на прежние места.

Х.6. Создание Римской империи

Август по праву считается основателем Римской империи⁴² — но не первооткрывателем принципиально новых институтов или методов. Уже в последние десятилетия Республики полководцы и наместники, применяясь к текущим обстоятельствам, совершенствовали управление на оказавшихся в их власти территориях, важные меры по упорядочению управления провинциями предпринимались по инициативе магистратов и сената⁴³. Этот опыт получил развитие. И здесь проявилось важное достоинство Августа — умение увидеть важное, отобрать полезное и реализовать необходимое. Представляется убедительным вывод В. Эка о прагматическом подходе Августа к проводившимся шаг за шагом административным реформам⁴⁴.

⁴⁰ См. раздел III.2. Более подробно о провинциях в эпоху Республики: Gesche H. *Rom — Weltoberer und Weltorganisator*. München, 1981; Schulz R. *Herrschaft und Regierung: Roms Regiment in den Provinzen in der Zeit der Republik*. Paderborn, 1997; Lintott A. *Imperium Romanum*. 1993. P. 16–42; Wesch-Klein G. *Provincia: Okkupation und Verwaltung der Provinzen des Imperium Romanum von der Inbesitznahme Siziliens bis auf Diokletian*. Münster, 2008. S. 5–13 (общие вопросы); Baltrusch E. *Auf dem Weg zum Prinzipat: Die Entwicklung der republikanischen Herrschaftspolitik von Sulla bis Pompeius (88–62 v. Chr.)* // Spielvogel J. (hrsg.). *Res publica reperta: zur Verfassung und Gesellschaft der römischen Republik und des frühen Prinzipats*. Festschrift für Jochen Bleicken zum 75. Geburtstag. Stuttgart, 2002. S. 245–262 etc.

⁴¹ Август в «Деяниях», кроме известного заявления о передаче провинций (RG 34. 1, сравн.: Ovid. met. 1.589 sq.), еще не раз подчеркивает суверенитет над ними Римского народа: 26. 1 (расширение провинций в целом), 27. 1 (подчинение Египта), 30. 1 (завоевание Паннонии).

⁴² В этом разделе кратко резюмированы некоторые тенденции процесса возникновения Империи. Анализ проблем изучения, точек зрения или отдельных регионов здесь невозможен. В примечаниях указаны лишь важнейшие учтенные работы. Термин «империя» в заголовке относится к государственному устройству Римского государства (статус, организация и подчиненность территорий), а не к форме правления (как республика или монархия). Далее происхождение и значения термина «империя» разъясняются более подробно. Важно различие между «империей Римского народа» и основанной Августом Римской империей (предварительные разъяснения по этому поводу даны в разделе I.2).

⁴³ После Союзнической войны стала наглядной разница между Италией, где жили граждане, и заморскими провинциями. По закону Суллы о провинциях (81 г. до н.э.) оба консула и 8 преторов после отправления своих городских магистратур должны были направляться в провинции в качестве промагистратов. Закон Помпея (52 г. до н.э.) предписывал пятилетний интервал между городской магистратурой и промагистратурой.

⁴⁴ Eck W. *Augustus*. 2009. S. 73 f. Мысль об отсутствии единой концепции административных реформ в масштабе Империи обосновывается и в специальных исследованиях В. Эка, см.: Eck W. *Die Verwaltung*

Трудно предположить какой-либо единый план, тем более что в десятках провинций, тысячах городов и общин римляне вынуждены были считаться с местными традициями и элитами.

В то же время несомненно наличие ряда общих подходов, основанных на немалом опыте взаимоотношений Рима с покоренными и зависимыми странами. Для недопущения в будущем злоупотреблений в провинциях и политических катастроф в Италии необходимо было создать достаточно эффективную и рациональную систему управления. Её следовало выстроить так, чтобы ресурсы контролировались центральной властью, налоги поступали в казну, а зависимые народы ощутили явные преимущества от союза с Римом. Помимо текущих потребностей, политику правительства определял ряд основополагающих внутри- и внешнеполитических, а также идеологических факторов. Одной из важнейших задач было поддержание динамического равновесия интересов «республики» и «империи». Выбор центра тяжести являлся задачей принцепса и императора.

Воспитанный в римских традициях, Октавиан воспринял идеологию «римского империализма»⁴⁵. Притязания Рима на влияние и господство не имели границ⁴⁶. Иными словами, *imperium Romanum* должен был простираться на весь обитаемый мир — *imperium orbis terrarum*, или *imperium sine fine* («мировое господство», или «господство без границ» — Verg. Aen. I.279).

des römischen Reiches in der hohen Kaiserzeit. 2 Bd. Basel. 1995–1998. S. 83 ff. etc. Как уже указывалось, в историографии в целом также преобладает мнение об Августе как политике «малых шагов».

⁴⁵ Некоторые исследователи пытались (не особенно убедительно) доказывать, что внешняя политика Августа носила в основном оборонительный характер. Но уже масштабы его завоеваний не позволяют согласиться с такой оценкой. См. обзор проблематики с указаниями на литературу: Kienast D. Augustus. 2009. S. 332 ff., 450 ff.; Махлаюк А. В. «Архетипическая империя» в контексте современного империализма (рец. на книгу: Morley N. Roman empire: roots of imperialism. L.–N.Y., 2010) // ВДИ. 2013. № 1. С. 222–231, с актуальной библиографией. Различные аспекты завоевательной политики Августа освещены в многочисленных работах, в том числе: Syme R. The northern frontiers under Augustus // САН Х. 1934. P. 340–381 (также Испания и Северная Африка); Brunt P. A. Augustan imperialism // id. Roman imperial themes. 1990. P. 96–109; id. Roman imperial illusions // ibid. P. 433–480; Gruen E. S. The imperial policy of Augustus // Raaflaub K., Toher M. Between... 1990: 395–416; id. The expansion of the empire under Augustus // САН² Х. 1996. P. 147–197; Rich J. W. Augustus, war and peace // De Blois et al. The representation and perception of Roman imperial power. Amsterdam, 2003. P. 329–357 (= Edmondson J. Augustus. Chapter 4; Eck W. Augustus. 2009. S. 81–98); cf. Edmondson J. Augustus. P. 3 with note 8 etc.

⁴⁶ На это указал Т. Моммзен, который отметил, что для римлян характерно представление, что они не просто ведущая сила круга земель, но своего рода единственная. В предыдущем разделе указывалось, что к концу Республики претензии римлян охватывали весь *orbis terrae* (*terrarum*). Позднее говорилось также об *orbis Romanus* или *orbis noster*. Римлянам было неизвестно понятие сосуществования равно суверенных государств. То, что они называли союзом, было на самом деле протекторатом. «...На их взгляд политически были только они и находившиеся под их покровительством, а потому существовал или римский *orbis terrarum* или *res nullius*» (Mommson Th. Römisches Staatsrecht. Bd. III, 1. S. 826 f.). Здесь нет возможности останавливаться на живо обсуждаемой теме претензий римлян, и в частности Августа, на «мировое господство», связанной с вопросом о географических познаниях того времени. Обзор см.: Kienast D. Augustus. 2009. S. 334 f. mit Anm. 55 ff.; Парфенов В. Н. Император Цезарь Август. С. 129–133, 138 сл., 142 сл., 210 сл. (автор поддерживает точку зрения, согласно которой до 9 г. н.э. у Августа были намерения завоевать «мировое господство»).

Эти представления начали воплощаться в политике Помпея и Цезаря, стремившихся идти по стопам Александра Македонского. Представляется, что уже география войн, которые вёл Август: от берегов Атлантического океана до Месопотамии и Аравии — говорит о «глобальных» (в соответствии с представлениями того времени) претензиях основателя Империи⁴⁷. Другое дело — далеко не все проведённые под его империем кампании увенчались успехом, а потери, особенно в Германии и Иллирии, вынудили Августа и его преемника перейти к обороне. Но это не заставило римлян умерить свои геополитические притязания.

Первая часть заголовка важнейшего документа, оставленного Августом, дает лишь косвенное указание на обновление логики «глобального империализма», которую Август оставил в наследство своим преемникам: «Деяния божественного Августа, коими он покорил круг земель империю Римского народа...»⁴⁸. При внимательном рассмотрении принципиально новым в политике Августа оказываются не столько претензии и масштабы завоеваний. Иным становился подход к уже завоёванным или зависимым территориям, народам и властителям⁴⁹. Со временем они начали рассматриваться как неотъемлемая часть Римской державы. Взаимоотношения с ними становились частью внутренней политики. Это было движение к пониманию Империи как некоего единого целого.

Не случайно именно у Августа впервые встречается ясное, однозначное употребление слова *imperium* как территории, подвластной римлянам. Повествуя о трёхкратном закрытии храма Януса за время его «первенствования», Август ссылается на введенный предками порядок, согласно которому ворота храма могли запирались лишь в том случае, когда во всей «империи», будь то на суше или на море, в результате побед устанавливался мир⁵⁰. Это единственный из девяти пассажей “*Res gestae*”, в котором *imperium* совершенно ясно означает подвластные Риму территории. Но в таком документе

⁴⁷ Август удвоил территорию Римской державы, доведя ее площадь (без акватории Средиземноморья) примерно до 6 млн. кв. км с населением 50–70 млн. чел. (см. выше, примеч. 17). К концу правления Августа Рим обладал 28 (или 29) провинциями (сравн. выше, примеч. 17). Обзор рассматриваемой проблематики: Dahlheim W. *Die römische Kaiserzeit*. München, 2013. S. 109–123. Следует иметь в виду условность употребляемого здесь понятия «глобальный». Те регионы, которые по тем или иным причинам не входили в сферу римских интересов, не относились и к «кругу земель» (Восточная Европа, Сахара). Сравн. *res nullius* Моммзена. Этой проблематике посвящена обширная литература. Из новых работ см.: Wendt Chr. *Sine fine. Die Entwicklung der römischen Außenpolitik von der späten Republik bis in den frühen Prinzipat*. Berlin, 2008.

⁴⁸ “*Rerum gestarum divi Augusti, quibus orbem terrarum imperio populi Romani subiecit...*”.

⁴⁹ Плутарх обратил внимание на критическое отношение Августа к Александру Македонскому, который не сумел сохранить завоеванное: Plut. *mor.* 270 C/D, N. 8. Здесь становится узнаваем ученик Цицерона, см.: Cic. *rep.* VI. 13, cf. *Suet.* Aug. 31. 5. Об отношении Августа к Александру см. также разделы III.6 с примеч. 176, III.7 с примеч. 209, IV.7 с примеч. 183.

⁵⁰ RG 13: “...cum per totum imperium populi Romani terra marique esset parta victoriis pax...” См. Richardson J. *The language...* P. 118 f..

Илл. X.2. Колоссальная статуя Помпея Великого с глобусом в руке

он не мог появиться случайно, о чём свидетельствует являющаяся парафразом соответствующая глава в греческой редакции «Деяний». В других случаях речь идёт о владычестве, а не о территориальной империи⁵¹.

⁵¹ Иначе сообщается о присоединении Египта к «империи Римского народа»: *“Aegyptum imperio populi Romani adiecti”*; — в качестве греческой кальки взято слово *hegemonia* (RG 27. 1, в том же значении — «владычество» — *imperium* использовано еще трижды: RG pr., 6, 30. 1; три раза в значении власти магистрата: 1. 8 (дважды) и 30. 2 (о приказе магистрата). Всего в латинском варианте *imperium* встречается

Новое имперское мышление Августа особенно наглядно выступает там, где говорится о «провинциях» и их населении. Впечатляет шестнадцатая глава, где Август с гордостью сообщает, что впервые в истории заплатил за изъятые для колонистов участки не только бывшим владельцам в Италии, но и провинциалам⁵². Август пишет также о расширении «провинций Римского народа» (*Omnium provinciarum populi Romani... augeo* — RG 26.1). Обращает внимание один, похоже, до сих пор проходивший мимо внимания исследователей факт: хотя по принятой в современной литературе классификации говорится о «провинциях Цезаря», которые, как известно, приходилось усмирять (галльских, испанских, Германии и других), они причислены к «провинциям Римского народа» (RG 26. 1 сл.). Таким образом, принятое в новейшей литературе различие «народных провинций» и «провинций Цезаря» не имело для Августа существенного значения. Этот нивелирующий взгляд на все провинции был одним из условий создания единой Империи.

Не должно удивлять, что кроме единственного случая у Августа, среди всех других авторов его времени использование *imperium* в значении территории (близком современному) встречается только у Овидия⁵³, причём лишь в последних поэмах, написанных в ссылке, после 8 г. н.э. Поэт, как и сославший его принцепс, продолжал использовать термин также в прежнем смысле. Но в пяти пассажах, четырёх в «Тристиях» и одном в «Письмах с Понта», *imperium* употребляется параллельно с «землями» (*terrae*)⁵⁴, с владением земель (*corpus*)⁵⁵, с межой (*margo*)⁵⁶ и как объект правления (с глаголом *regere*)⁵⁷. У Овидия *imperium* обозначает также власть императора и всего *domus Augusta* (в двух из 6 случаев — уже в «Фастах», то есть, до ссылки в Томи)⁵⁸. Дж. Ричардсон объясняет «территориальное» понимание *imperium* у Овидия его местонахождением. Но немалую роль должно было сыграть и то, что Овидий принадлежал к поколению, чьё сознание не было сковано старыми традициями (сравн. раздел IX. 5). Так же легко, как описания фривольных

9 раз. Как замечает Дж. Ричардсон, «примечательно не то, что в 8 случаях из 9 Август использует это (слово) так же, как республиканские авторы, но то, что однажды он употребил его иначе». Автор обобщенно относит это словоупотребление ко второй половине правления Августа (Richardson J. The language... P. 118 сл.).

⁵² RG 16. Провинциалам было уплачено 260 миллионов сестерциев.

⁵³ Примечательно, что этого нового, территориального, употребления не обнаруживается у других авторов времени Августа, в том числе у Тита Ливия, Витрувия, Сенеки Ритора, Вергилия, Горация, Тибулла, Проперция (Richardson J. The language... P. 131). Всего Ричардсон насчитывает у Овидия 36 употреблений слова *imperium*. Некоторым из его ссылок мы далее следуем.

⁵⁴ trist. V. 2. 47–52; ep. ex Pont. II. 2. 64.

⁵⁵ trist. II. 221–36.

⁵⁶ trist. II. 199–204.

⁵⁷ trist. II. 165–sq.; ep. ex Pont. III. 3. 59–62.

⁵⁸ ffast. I. 529–32, I. 611–16; trist. II. 39–42; ep. ex Pont. II. 2. 61–70, II. 33 sq., IV. 13. 25–32.

сцен, Овидию давались льстивые восхваления и изображение Августа — божества⁵⁹. По справедливому замечанию Ричардсона, поэт рассчитывал, что его хорошо поймут в Риме. Мы видели: в «кругу посвященных» в новое понимание «империи» оказался и сам принцепс. Вряд ли это произошло благодаря Овидию. Скорее напротив: восприимчивый ко всему новому поэт отреагировал на изменения, происходившие при участии императора.

Внимание Августа к зависимым территориям и его мероприятия по упорядочению управления были обусловлены возрастанием их роли, тем более, что там были расквартированы легионы. Материальные и людские ресурсы провинций значительно превышали итальяйские (соотношение примерно 9: 1). Как уже отмечалось, снабжение хлебом населения города Рима в значительной мере зависело от поставок из Африки и особенно из Египта. Этим хлебом, и не только, подпитывалась поддержка правительства римским плебсом. Речь шла о политической стабильности в столице, а следовательно, и в Империи. Грандиозная строительная программа Августа была бы немыслима без сокровищ Птолемеев, изъятых в качестве военной добычи. Жители Города и Италии обладали массой привилегий и преимуществ, которые давала эксплуатация завоеванных территорий.

Неудивительно, что имперская идея оставалась неотъемлемой частью менталитета армии, ветеранов и всего римского гражданства. Захват новых территорий и рабов, грабеж побежденных предполагались, но в идеологическом обосновании войн занимали подчиненное место. Императору — избраннику богов — был необходим ореол удачливого полководца. Это подразумевалось как предпосылка побед. Военная слава, понятно, не провозглашалось целью завоеваний. Войны трактовались прежде всего как средство к достижению прочного мира⁶⁰. В какой-то мере эта идеология была подготовлена усталостью от столетия гражданских неурядиц и войн. Потому *pax Augusta* стала одним из девизов Августова правления. Разумеется, мир мыслился под знаком римского империя. Известные строки Вергилия о цивилизаторской миссии римлян отражали претензии на ведущую роль в создававшемся тогда новом мире⁶¹.

⁵⁹ См. Syme R. *History in Ovid*. Oxf., 1978. P. 208; Millar F. *Ovid...* 1993. Сравни. разделы VI.3 с примеч. 156 и IX.5 с примеч. 138 слл.

⁶⁰ Известная формула из «Деяний»: «мир, порождённый победами» (*parta victoriis pax*, RG 13). Ричардсон противопоставил друг другу концепции империя во II в. до н.э. и во II в. н.э. как *“power-by-conquest — power-as-possession”* (Richardson J. *Op. cit.* P. 193). Выход на естественные границы: побережье океана, пустыни и полупустыни, Рейн и германские леса — превращал дальнейшие завоевательные войны в предприятия во всех смыслах сомнительные.

⁶¹ Verg. *Aen.* VI. 847–853. Проницательный анализ идеологических нюансов внешней политики Августа и ее отражения в поэзии см.: Meyer H. D. *Die Außenpolitik des Augustus und die augusteische Dichtung*. Köln etc., 1961. Pass. Особенного внимания заслуживает проведенное автором различие между претензиями на мировое господство, разделявшееся самим императором и устремлениями «августинцев» (Вергилий, Гораций, Проперций). По мнению Майера, наиболее близок к позиции принцепса был Овидий.

Перестройка отношений с провинциями была одной из важнейших задач правительства⁶². Следовало не просто направить доходы от провинций на благо «республики», не допуская расхищения наместниками, полководцами, откупщиками — эту задачу ставил уже Цицерон, разоблачая Верреса, ещё ранее — Катон Старший. Изменялись принципы взаимоотношений центра и периферии. Август положил начало интеграции разнородных территорий в единую державу, сохраняя при этом ведущее место Рима и Италии. Население провинций, регулярно выплачивая налоги, должно было вместе с тем почувствовать выгоды от нахождения в составе Империи. В перспективе это создавало необходимые предпосылки для дальнейшей интеграции Римского государства и его империи (*imperium populi Romani*) в единое целое. Изменялась имперская парадигма: от «республики» и находящихся под её империем провинций — к единой Империи⁶³.

Ключом к налаживанию управления было соблюдение законности. Новый подход, принятый Августом, можно обозначить как «универсалистско-имперский», в отличие от господствовавшего во времена Республики «имперско-грабительского». Его экономический аспект образно сформулировал император Тиберий: хороший хозяин стрижет овец, а не сдирает с них шкуру⁶⁴. Здесь не было благотворительности. Имевшие место отдельные налоговые льготы или постройки за счет императоров были скорее репрезентативными актами. Важно, что в отличие от наместников-временщиков времени Республики правительство думало о провинциалах как о своих (!) «овцах». Новый имперский прагматизм позитивно сказывался на жизни миллионов людей⁶⁵.

⁶² О политике в отношении провинций см.: Bowersock G. W. *Augustus and the Greek world*. Oxf., 1965; Millar F. *The emperor, the senate, and the provinces* // id. *Rome, the Greek world, and the East*. Vol. I. *Roman republic and the Augustan revolution*. Chapel Hill, 2002. P. 271–291; Lintott A. W. *Imperium Romanum: politics and administration*. L., N. Y., 1993. Esp. P. 111–128; Bowman A. K. *Provincial administration and taxation* // CAH². Vol. X. 1996. P. 344–370; Ando C. *Imperial ideology and provincial loyalty in the Roman empire*. Berkeley, 2000; Schäfer N. *Die Einbeziehung der Provinzialen in den Reichsdienst in augusteischer Zeit*. Stuttgart, 2000. О распределении провинций см.: Ferrary J.-L. *À propos des pouvoirs d'Auguste* // *Cahiers du Centre Glotz* 12. 2001. P. 101–154 (англ.: *The powers of Augustus* // Edmondson J. *Augustus*, chapter 3. P. 90–136) etc.

⁶³ Процесс создания Империи как территориального средиземноморского государства следует отличать от расхожего представления об основании «Римской империи» в качестве монархии, которое ведет к терминологической путанице. Одно из обсуждений характера *imperium Romanum* во времена Августа, см.: Bernstein F. *Das Imperium Romanum...* S. 49–66 (см. также раздел II.6).

⁶⁴ *Ios. ant. iud.* XVIII. 6. 5; *Suet. Tib.* 32. 2. Сравн. с упомянутой ранее выплатой компенсаций провинциалам в RG 16.

⁶⁵ В отечественной историографии вопросы организации отдельных провинций рассматривались в работах ряда известных ученых. См.: Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи в I–III вв.; Мишулин А. В. Античная Испания. До установления римской провинциальной системы в 197 г. до н.э. М., 1952. С. 338–350; Кудрявцев О. В. Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., 1954. С. 57 сл., 118–153, 166 сл. и др.; Лившиц Г. М. Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима. К проблеме социально-экономического строя римских провинций. Минск, 1957. С. 93–110, 158–178; Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи принципата. I–III вв. н.э. М., 1977. С. 44–59 и др.;

Во времена Республики не было государственного бюрократического аппарата. В этом отношении мало что изменилось. Август, начавший строить новую систему управления, тоже обходился скромным штатом. Отсутствовал не то что особый класс, но даже сколько-нибудь значительный слой бюрократии⁶⁶. На ответственные должности назначались представители высших сословий, которые рассматривали свои посты как отличие и честь (*dignitas*). Таким же образом осуществлялись административные функции на местах — в сотнях и тысячах самоуправлявшихся городских и сельских общин по всему Средиземноморью⁶⁷. Основной задачей местных властей был сбор налогов и поддержание общественного порядка. Этот низовой уровень требовал минимального вмешательства центра. На верхнем, государственном уровне, решения принимал правитель. Он опирался на поддержку «друзей», компетентность и верность легатов, проконсулов, других должностных лиц, на лояльность сената, а также на услуги собственных рабов, отпущенников и других лично зависимых, а также оплачиваемых лиц. Разумеется, в огромной империи оставалось достаточно злоупотреблений, но их ограничивал строгий учет, контроль и возможность пожаловаться императору⁶⁸.

Важную роль в интеграции Империи играла армия. Вспомогательные войска набирались из жителей провинций, которым после прохождения

Колосовская Ю. К. Паннония в I–III вв. М., 1973; Циркин Ю. Б. Испания после Цезаря // ВДИ. 2004. № 3. С. 192–221; Щетинин М. Н. Император Август и распространение римского гражданства в провинциях // Мнемон. Вып. 3. СПб., 2004. С. 285–304; Беликов А. П. От полиса к империи: становление провинциальной системы древнего Рима // Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 178–194 и др. Зарубежная литература по теме необозрима. См. также примеч. 61 слл.

⁶⁶ Об организации управления в провинциях см.: Смышляев А. Л. Государство без бюрократии (на опыте ранней Римской империи) // Античность и современность. М., 1991; *Civilis dominatio*: римский наместник в провинциальном городе // ВДИ. 1997. № 3. С. 24–35; Римский наместник в провинциальном городе: *otium post negotium* // ВДИ. 1999. № 4. С. 59–70. Haensch R. *Caput provinciarum. Statthaltersitze und Provinzialverwaltung in der römischen Kaiserzeit*. Mainz, 1997; Kreiler B. M. *Statthalter zwischen Republik und Prinzipat*. Frankfurt am Main etc., 2006 etc.

⁶⁷ О мотивации знати и императорских служащих: Lendon J. E. *Empire of honor. The art of government in the Roman world*. Oxf., 1997. О городах и городской жизни в Империи: Nicolet C. *L' inventaire du monde = The world of the citizen...* особ. гл. 6–7 (о цензе и учете территорий); Sherwin-White A. *The Roman citizenship*. Oxf., 1973 (о статусе городов); Bowman A. K. *Provincial administration and taxation*; Ando C. *The administration of the provinces* // Potter D. A (ed.) *A companion to the Roman empire*. Malden, Mass., 2006, 2010². P. 177–192; Gleason M. *Greek cities under Roman rule* // id. 228–249; Edmondson J. *Cities and urban life in the western provinces of the Roman empire, 30 BCE–250 CE* // id. P. 250–280.

⁶⁸ Проконсулы «провинций Римского народа», как и во времена Республики, пользовались помощью своих друзей и доверенных лиц, рабов и нанятого персонала. Об управлении провинциями: Millar F. *The emperor in the Roman world*. L., 1977, 1991²; Millar F. *Rome, the Greek world, and the east*. 3 vols. Chapel Hill, 2002–2006; Eck W. *Die Verwaltung...* Bd. 1. (в т.ч. об административных реформах Августа с. 83–102 (англ. в кн.: Edmondson J. (ed.) *Augustus*. P. 229–249); Eck W. *Provinz...*; Jacques F. etc. (eds.). *Rom und das Reich in der hohen Kaiserzeit 44 v. Chr. – 260 n. Chr.* Bd. I–II; Wesch-Klein G. *Provincia...* S. 48–105; Woolf G. *Provincial perspectives* // Galinsky K. (ed.). *Cambridge company...* 2005. P. 106–129. О злоупотреблениях: Brunt P. A. *Charges of provincial maladministration under the early principate* // id. *Roman imperial themes*. Oxf., 1990. P. 53–95.

службы предоставляли гражданские права. Опорами римского владычества, но также инструментами распространения средиземноморско-римской цивилизации были колонии ветеранов. Август с гордостью сообщал об их основании в Италии, Африке, Сицилии, Македонии, обеих Испаниях, Ахайе, Азии, Сирии, Нарбонской Галлии, Писидии⁶⁹. Права римских граждан получали зависимые цари и царьки, местные олигархи, знать, члены городских советов. Их поддержка, в свою очередь, укрепляла Империю. Социальная мобильность, создавая перспективы для населения провинций, облегчала самоидентификацию с Римом и повышала уровень лояльности⁷⁰. Города Империи соединялись дорогами, по Средиземному морю могли относительно безопасно передвигаться суда, была налажена работа почты. Развитию торговли способствовали меры по упорядочению управления провинциями, контроль за деятельностью наместников, создание, наряду с местными, централизованной монетной системы⁷¹.

Население провинций признавало центральное значение Рима и римско-италийской «республики» с её сенатом и принцепсом, для них — императором. Об этом свидетельствует отсутствие серьёзных волнений в заморских провинциях и стремление местной знати к сотрудничеству с центральным правительством. Действенным средством не только укрепления влияния Августа в провинциях, но и объединения Империи был культ императора. Во многих провинциях Август почитался как царь и бог⁷². Зримым выражением лояльности по отношению к Риму и императору стало появление в десятках и сотнях италийских и провинциальных городов алтарей и храмов РOME и Августу, подобий римских форумов с изображениями римских божеств, императоров и членов их семей, а также амфитеатров, терм и других сооружений⁷³. О том же говорят портреты Августа на местных монетах, милиарии с именем и титулатурой императора, надписи.

⁶⁹ RG 28. О ветеранских колониях см.: Keppie L. *Legions and veterans: Roman army papers 1971–2000*. Stuttgart, 2000. P. 249–262 (Италия); Brunt P. A. *Italian manpower...* P. 589–610 (провинции).

⁷⁰ Вопросам социальной мобильности населения Империи много внимания уделил Р. Сайм (*The Roman revolution; The provincial at Rome...* и др.).

⁷¹ Дороги строились прежде всего в целях обеспечения военно-политического контроля, но от их использования выигрывали все. О монетной системе при Августе: Kienast D. *Augustus* 2009. S. 383–403.

⁷² Известны многочисленные декреты, надписи, монеты, на которых Август восхваляется как спаситель, благодетель и божество. Было бы упрощением списать все это на лесть, следующую эллинистическим образцам.

⁷³ См.: Garnsey P., Saller R. P. *The Roman empire: economy, society, and culture*. L., 1987, esp. p. 20–40; Ando C. *Imperial ideology...*; Gros P. *Le 'modèle' du forum d'Auguste et ses applications italiques ou provinciales. État de la question après les dernières découvertes* // Navarro Caballero M., Roddaz, J.-M. (eds.). *La transmission de l'ideologie imperiale dans l'Occident romain*. Bordeaux, P., 2006. P. 115–127. Особый случай представляла собой колония Эмерита–Августа на Иберийском полуострове, форум которой очень напоминал форум Августа. Но исследовавший этот памятник В. Триллмих скорректировал свою датировку с позднеавгустовского времени на правление Клавдия или даже ранне-нероновское (Trillmich W. *Colonia Augusta Emerita, Capital of Lusitania* (transl. C. Nader) // Edmondson J. (ed.) *Augustus*. P. 427–467 with Appendix 2007. P. 464–467).

По всей Империи основывались города, носившие имя Августа, так же называли столицы зависимых государств⁷⁴.

Один из исследователей задался вопросом, была ли Римская империя настоящей «империей». Рассмотрев аргументы некоторых предшественников, он остановился на четырёх признаках, необходимых, по его мнению, для признания *imperium Romanum* «Райхом»: 1. Большая территория; 2. Длительность владычества; 3. Единообразие государственного порядка; 4. Способность господствующих выполнить задачи, поставленные властвованием⁷⁵. На наш взгляд, названные важные пункты сформулированы невнятно. Размеры территорий, время существования известных империй и уровни достигнутого единообразия различались довольно сильно. Как и задачи, которые могли быть поставлены (да и кем?). На наш взгляд, первый пункт содержит важный признак, но его необходимо существенно дополнить. Дело не только в территории, но и в истории ее формирования, расположении областей, составе населения. Можно представить себе обширное моноэтническое государство — не империю. Империя как государство создается путем завоевания, но можно представить себе и другие способы подчинения. В любом случае, империя предполагает насилие, неравноправие составных частей, наличие господствующей верхушки и населения, лишенного политической самостоятельности. На наш взгляд, все это было в «империи Римского народа» конца эпохи Республики, которую Октавиан «вернул» Римскому народу в 28–27 годах. Но этим формирование единой Римской империи только началось.

Римская империя, основания которой заложил Август, не случайно привлекает пристальное внимание не только антиковедов, но также историков права, политологов и всех, кто хочет понять закономерности развития государств. Различные империи — постоянные участники исторического процесса: от эпохи бронзы до нашего времени, от Дальнего Востока до Передней Азии, от Средиземноморья — до доколумбовой Америки. Римская империя занимает среди них особое место по своему влиянию на дальнейшее развитие человечества. Какова ее специфика, отличие от других империй древнего мира? На наш взгляд, своей жизнеспособностью, культурной и цивилизационной плодотворностью Римская империя прежде всего обязана полисному менталитету, причем в его римском варианте. С одной стороны, его характеризовало сильно развитое чувство принадлежности к *civitas*, привилегированной общине, преданность Городу, твердая приверженность общим ценностям — *res publica*. С другой — способность к усвоению по-

⁷⁴ См.: Kreikenbom D. etc. (Hrgs.). Augustus — der Blick von außen: die Wahrnehmung des Kaisers in den Provinzen des Reiches und in den Nachbarstaaten. Wiesbaden, 2008. Pass.

⁷⁵ Bernstein F. Der Anfang... S. 55: "4. Fähigkeit der Herrschenden, die durch die Herrschaft gestellten Aufgaben zu bewältigen".

лезных достижений других народов, к их включению в орбиту собственных интересов. Когда это было необходимо, чужаки принимались в состав гражданского коллектива. В Риме рабы нередко становились отпущенниками, они и их дети — римскими гражданами. Враждебные ранее народы превращались в «союзников», «друзей», в дальнейшем служили в римской армии, получали гражданство. Представители провинциальной знати могли войти в римский сенат и занимать самые ответственные посты в государстве, позднее — стать императорами. Эта способность к самообогащению своего человеческого потенциала прежде всего и делала римлян имперским народом.

Одним из проявлений римской гражданственности была (по крайней мере внешняя) взаимоуважительность. В эпоху Республики, особенно в период предвыборной борьбы за высшие магистратуры, представители высшей знати должны были по имени здороваться с любым, самым бедным гражданином. Высокомерие могло дорого обойтись. На протяжении столетий вырабатывался кодекс гражданственного поведения. Он был обязателен и для императоров. Лучшие демонстрировали свои добродетели не только в Риме, но и в провинциях. Это поведение перенимали также их легаты и другие должностные лица. Оно было одной из предпосылок налаживания сотрудничества с местной знатью. Гражданственные, по римскому образцу, отношения были одним из условий создания империи особого типа. Немногие исследователи решаются дать определение этому государству. Такие классические дефиниции, как «диархия» (Т. Моммзен), «конституционная монархия» (К. Лёвенштайн) подчеркивают некое уравнивающее взаимодействие «республиканского» и «монархического» начал. На движение от отношений господства к сотрудничеству указывают характеристики вроде «консоциального государства» (С. Файнер). Роль основателя Империи, правление которого задавало этот модус сотрудничества, также на человеческом, «гражданском» уровне, подчеркивается сравнительно недавно появившимся в политологии понятием «Августов порог» (М. Дойль, Г. Мюнклер)⁷⁶.

Империя, основы которой заложил Август, скреплялась прежде всего взаимными интересами ее составных частей⁷⁷. Провинции, города, общи-

⁷⁶ Этому «гражданственному» модусу поведения римских наместников уделено, в частности, большое внимание в работах А. Л. Смышляева. См. примеч. 66. Также см.: Meyer-Zwiffelhofer E. *Politikos árchein. Zum Regierungsstil der senatorischen Statthalter in den kaiserzeitlichen griechischen Provinzen*. Stuttgart, 2002 etc. О понятии «Августов порог» см. раздел II.6 с примеч. 245.

⁷⁷ Автор несколько пренебрежительно сослался на непонятность меткого суждения Й. Фогта: «В этом устройстве [империи — ЯМ] должна действовать некая духовная связь, должна стать очевидной единая цель. Помимо регулирования материального механизма части целого должны получить ощущение защищенности своей жизни и смысла приносимых ими жертв. Так империя проявляет себя как единство власти и духа в мировом пространстве» (Vogt J. *Der Reichsgedanke der römischen Kaiserzeit* // ders. *Vom Reichsgedanken der Römer*. Leipzig, 1942. S. 5–34, hier. S. 5 f.). Если не брать во внимание несколько напыщенный тон, рассчитанный на ситуацию и специфическую аудиторию, Фогт подметил важную черту

ны были источниками государственных доходов, но не рассматривались как объекты грабежа. Они становились пусть ещё не равноправными, но уже субъектами политического, экономического и культурного процесса. Налоговое бремя компенсировалось позитивными последствиями вхождения в Империю. Даже не сочувствовавший Августу Тацит вынужден был признать, что с установлением нового режима положение в провинциях значительно улучшилось⁷⁸. Это и стало решающим фактором образования прочной Империи — вхождение в ее состав давало преимущества, для представителей местных элит становиться римлянами оказалось престижным, выгодным, привлекательным.

Не все слои населения в равной мере пользовались благами *pax Augusta*. Август опирался на олигархии, те, в свою очередь, наперебой демонстрировали свою лояльность императору. Союз Рима с местными элитами и положительные результаты интеграции были главными условиями прочности Империи. В то же время власть имущие на местах, надеясь на поддержку центрального правительства, не особенно церемонились со своими соплеменниками⁷⁹.

Огромные пространства Средиземноморья и Западной Европы, которые находились под «империем» Римского народа, постепенно превращались в единую Империю. Хотя истоки этих процессов относятся к предшествующему периоду, политика Августа положила начало качественно новому этапу интеграции. Политические, социальные, этнические, культурные преобразования воздействовали на ценностные ориентации десятков миллионов людей. Изменения коснулись различных сфер и уровней общественного сознания. Элиты были связаны между собой общими интересами. Взаимная поддержка цементировалась экономическими, политическими и персо-

созданной Августом Империи, отличавшую её от недолговечных, державшихся лишь на силе оружия образований. Сравн.: Bernstein F. Der Anfang.... S. 54.

⁷⁸ Рассказывая о примирении римского политического класса с новым режимом, Тацит, сравнивая положение дел со временами Республики, продолжает: «Не тяготились новым положением дел и провинции: ведь по причине соперничества знати и алчности магистратов доверие к власти, которой располагали сенат и народ [при Республике — ЯМ], было подорвано, и законы, нарушаемые насилием, происками, наконец подкупом, ни для кого не были надёжной защитой» (Тас. ann. I. 2. 2, в переводе А. С. Бобовича). Таким образом историк признает, что новый режим, устанавливая в провинциях гораздо более высокий уровень правопорядка, давал населению защищённость. Это, в свою очередь, обеспечивало лояльность. Разумеется, речь идет о процессе, занявшем многие десятилетия. См. Scheidel W. etc. (eds.). The Camb. economic history of the greco-roman world. Cambr., 2007. P. 543–741 (раздел о Ранней Империи).

⁷⁹ На союз Августа с местными элитами, в частности, на греческом востоке, особое внимание обратили Г. Бауэрзок, Ф. Миллар, а также ряд других исследователей: Bowersock G. W. Augustus and the Greek World. Oxf., 1965 (esp. ch. IV. P. 42–61 (политика в отношении клиентских царств), ch. VII. P. 85–100 (в отношении городских элит)); id. The new hellenism of Augustan Athens // Annali della Scuola normale superiore di Pisa. Ser. 4a. T. 7.1. 2002. P. 1–16; Millar F. The emperor in the Roman world, 31 B.C.—A.D. 337. L., 1977 (rev.: 1992); id. Government and diplomacy in the Roman empire during the first three centuries // International history review 10. 1988. P. 347–377 (rev. version: id. Rome, the Greek world, and the east. Vol. 2. 2004. P. 195–228).

нальными связями, брачными союзами. Образованные слои населения объединяла эллинистическая культура. Торговля, миграции, переброска воинских соединений благоприятствовали распространению технических и научных достижений, религий, идей. Не только в восточных, но и в западных провинциях становились популярны египетские божества, культ Митры, а со временем и возникшее в лоне иудаизма христианство. Получили хождение популяризованные идеи философов разных школ. Среди них — мысль стоиков об общности человеческого рода. Принятые представления о «справедливых» войнах облагораживались мыслями о цивилизаторской миссии Рима⁸⁰. Обязательным и универсальным проявлением лояльности к правительству стал императорский культ. В космополитичной Империи образовывалось единое политическое и экономическое, культурное и религиозное пространство. Условия для сращения составных частей подготовила «культурная революция». Формирование универсалистской Империи происходило прежде всего в общественном сознании. Этот многовекторный интегративный процесс, по-разному протекавший в отдельных регионах, и был «романизацией»⁸¹.

Становлению нового взгляда на римский мир («круг земель» — *orbis terrarum*) способствовало место, которое занял в системе «республика»–империя Август. Его личность была важным символом единства Империи. Как покровитель и Отец не только Рима, но и мира, сам Август должен был рассматривать все Средиземноморье как нечто единое. Этот взгляд прижился не сразу. Совершенно ясно читаемая пространственная семантика выражения *imperium Romanum* прослеживается у авторов, принадлежавших к следую-

⁸⁰ Истоки идей гуманизма можно найти в заповедях Пятикнижия и в рассуждениях стоиков об общем происхождении людей. Они известны больше в применении к рабам, но несомненно важны и для постепенного изменения отношения к иноплеменникам. Август должен был испытать влияние этих идей. Сенека, который горячо проповедовал их через несколько десятилетий, привёл как пример поступок императора на вилле Вегия Поллиона, когда Август спас одного из рабов от съедения муренами. См.: Sen. ira III. 40. 2–4, сравн.: Clem. I. 18. 2; Plin. n. h. IX. 99. 2; Dio LIV. 23. 1–4. Исторический и морально-философский контекст «рабского вопроса» и политика римского правительства, в том числе Августа, освещены в монографии: Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения... М., 1971 (главы VI и VII).

⁸¹ См.: Habinek Th., Schiessaro A. (eds.) The Roman cultural revolution. Cambr., 1997; Woolf G. Becoming Roman: the origins of provincial civilization in Gaul. Cambr. etc., 1998; MacMullen R. Romanization in the time of Augustus. New Haven, 2000; Keay S., Terrenato N. (eds.) Italy and the West: comparative issues in romanization. Oxf., 2001; Fentress E. ed. Romanization and the city: creation, transformations, and failures. Portsmouth, RI., 2000; Wallace-Hadrill A. Rome's cultural revolution. Cambr. etc., 2008; Mattingly D. Imperialism, power, and identity: experiencing the Roman empire. Princeton, 2011; Burnett A. The Augustan revolution...; Spawforth A. Greece and the Augustan cultural revolution. Cambr., 2012 etc. Обзор современной дискуссии о «романизации»: Барышников А. Е. Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в современном английском антиковедении // Вест. НГУ. 2012. № 6. С. 200–211; его же. Империя наносит ответный удар? «Археологические диалоги» и очередной виток дискуссии о романизации // Там же. 2015. №1. С. 17–24.

щим поколениям, к примеру, у Плиния Старшего и у Тацита, который писал о «...Римской империи, которая ныне простирается до Красного моря»⁸².

Политика Августа, направленная на создание Империи, была успешной. Провинции стали не только стабильными источниками доходов и ресурсов для проведения правительственной политики, но и важной опорой режима. Тем более, что власть императора не была там стеснена ни староримскими республиканскими традициями, ни ностальгическими воспоминаниями сенаторов о свободе.

X.7. Империя и «восстановленная республика» на пути к монархии

Общая концепция государственного устройства созданной Августом новой Римской державы должна исходить из того факта, что она изначально состояла из двух важнейших частей. Они различались по своей политической роли, статусу жителей, характеру управления, а между собой состояли в иерархической связи. Это были, с одной стороны, Римский народ с его «восстановленной республикой», а с другой — провинции, находившиеся под его «империем».

«Республиканский» сектор, *mutatis mutandis*, был римской гражданской квазиобщиной⁸³. Она давно не являлась коллективом в прямом смысле слова. Римская *quasi civitas* включала гражданское население Италии, растущее число колонистов, а также отдельных римских граждан, где бы они ни жили. Основу сообщества составляла совокупность типологически близких городских общин. Римский народ (*populus Romanus*) был ядром складывавшейся как Империя средиземноморской державы. Граждан объединяли общие политические интересы и привилегии, язык и культура. Их достоянием была «республика» в её различных материальных и духовных аспектах. Этому менталитету отвечала программа ее «восстановления». Согласно замыслу Августа и в соответствии с правительственной идеоло-

⁸² Plin. n. h. VI. 26 (30). 120; Tac. Germ. 29. 1; ann. II. 61. 2: "...Romani imperii, quod nunc rubrum ad mare patescit". О «глобальном» характере Империи и синтезе культур см. также: Махлаук А. В. Римская империя как пространство кросс-культурных коммуникаций // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи. Нижний Новгород, 2012. С. 40–48.

⁸³ Термины «квазиобщина», "*quasi civitas*" подчеркивают тот факт, что римская *civitas*, насчитывая миллионы граждан, по сути уже не являлась общиной. Но это все еще была привилегированная общность. В этом смысле Ф. Миллар, имея в виду позднюю Республику, говорит, что это не было более "face-to-face society" (общество, для которого характерна непосредственная коммуникация «лицом к лицу»). Вследствие размеров и расселения римского гражданства она не оставалась более нуклеарным городом-государством, но стала, по Миллару, государством национальным (это определение вызывает у нас сомнение). При этом Республика «все еще оставалась архаической "face-to-face" политической системой» (Millar F. The crowd... P. 225).

гией, *res publica restituta* управлялась на основе смешанной конституции. Учредителем, опекуном и регулятором этого «наилучшего устройства» был принцепс. Исключительный «авторитет» делал его голос решающим в любых вопросах.

Иначе обстояло дело в «империи Римского народа» (*imperium populi Romani*, см. RG 13) — в провинциях, принадлежавших Риму по праву меча. Они составляли постоянно прираставшую часть «достояния народа». Победивший в гражданских войнах Октавиан, возвращая «республику» сенату и народу, вернул им также провинции. По просьбе сената (здесь не столь важно, кто её инициировал) Август взял на себя управление незамирными провинциями — официально, чтобы освободить сенат от беспокойных и трудных обязанностей. В этих провинциях располагались самые крупные и боеспособные воинские соединения. Как главнокомандующий и обладатель проконсульского империя — и не только — император мог вмешиваться в дела любой провинции⁸⁴.

Как выяснилось, в частности, благодаря работам Ф. Миллара, различия между «провинциями Цезаря» и «провинциями народа» (раньше, вслед за Т. Моммзеном, их называли «сенатскими») заключались главным образом в способах назначения наместников. В «императорские» провинции Август посылал своих легатов (*legati Augusti pro praetore*), правивших и при необходимости воевавших под его «ауспигиями». В остальных провинциях (*publicae provinciae*), где военные действия не были предусмотрены и почти не было легионов, правили наместники в ранге проконсулов или пропреторов, которые назначались сенатом⁸⁵, по согласованию с Августом. Все они были из числа бывших консулов и преторов, которые, в свою очередь, проходили сквозь сито предварительного отбора принцепса. Страбон, рассказывая о делении провинций (*eparchia*) на «провинции Цезаря» и «провинции народа», сообщает, что они могли перераспределяться и перекраиваться из соображений целесообразности, то есть, по уразумению Цезаря (Августа)⁸⁶. Как уже отмечалось, император не скло-

⁸⁴ Выражение «провинции Цезаря» в государственно-правовом смысле следует рассматривать как «провинции народа, управляемые Цезарем». Египет представлял крайний вариант этого статуса (сенат был полностью исключен). Он управлялся специально назначавшимся префектом из всадников. Часто указывается, что император распоряжался страной как личным владением, унаследованным от Птолемеев и фараонов. Но Август пишет, что передал Египет власти Римского народа (RG 27. 1, сравн. раздел V.3 с примеч. 74, а также примеч. 76 о процессе над Корнелием Галлом, первым префектом Египта, там же указана литература). Следует обратить внимание на то, что *praefectus Aegypti* (*Aegyptio*) получал *imperium* по закону (*lex*), принимавшемуся народным собранием (Meyer-Zwiffelhofer E. *Imperium Romanum*. München, 2009. S. 27). О роли армии как наиболее централизованной структуры государственной системы, созданной Августом, см.: Парфенов В. Н. Император Цезарь Август. 2001. С. 209.

⁸⁵ Millar F. The emperor, the senate and the provinces; id. "Senatorial" provinces: an institutionalized ghost.

⁸⁶ Пример — введение Августом нового порядка рассмотрения дел о злоупотреблениях в Киренаике на основе его *curae* (FIRA. I2. Nr. 68, V. 80 ff. etc., cf.: Kienast D. Augustus. 2009. S. 514 mit Anm. 238 ff.).

нен был считаться с якобы особым статусом «провинций народа» (RG 26, см. предыдущий раздел). Это означало, что в конечном счете именно он распоряжался огромными ресурсами, неподконтрольными другим государственным органам⁸⁷. Не случайно в RG 34.3 Август уверенно заявлял о том, что не превосходит коллег своей *potestas*, имея в виду магистратские полномочия в Городе. Но его *imperium*, как бы он ни обозначался (*imperium maius*?), безусловно, превышал власть любых наместников провинций и командующих армиями.

Исходя из структуры всей державы, подвластные Риму и зависимые территории были единой *provincia* (сфера компетенции и территория), находившейся в собственности и под властью (*imperium*) Римского народа. Этот *imperium populi Romani* был делегирован доверенному лицу «восстановленной республики» — первенствующему гражданину и сенатору, Императору Цезарю Августу. Страны, города и народы, начиная с Рима, оказались под его «попечением» (*cura*), а провинции — еще и во власти (*imperium*). Эта власть-попечение имела широчайший спектр вариантов: от находящегося под строгим контролем императора Египта — до самоуправлявшихся греческих городов (Афродисий, Афины и другие). Также образования, имевшие собственных царей или получавшие в качестве льготы освобождение от податей, политически зависели от императора. По его решению они могли превращаться в провинции или включаться в состав уже имевшихся⁸⁸. Светоний рассказывает (Suet. Aug. 48), что даже о вассальных царствах Август заботился как о «частях и членах единой империи» (*membra partesque imperii*). Это означает, что они рассматривались как часть Империи. Как известно, границ между государствами в современном понимании не существовало, а тем более — самоограничений для «империи без границ».

Август стремился к консолидации правящих элит Империи. «Союзных царей он связывал друг с другом взаимным родством, с радостью устраивая и поощряя их брачные и дружеские союзы»⁸⁹. Это не соответствует приня-

⁸⁷ Strabo XVII. 3. 25. Об употреблении Страбоном *eparchia* в значении *provincia* как территория в период правления Августа см.: Richardson J. The language... P. 138 ff. (с указанием пассажей). О Риме как центре мира, а Империи как лучшей его части у Страбона см.: Strabo XVII. 24 cf.: Clarke K. Between geography and history: Hellenistic construction of the Roman world. Oxf., 1999. P. 210–228, 294–335. О географических представлениях римлян в связи с претензиями на «глобальное» превосходство, в частности, о «карте Агриппы» см.: Nicolet C. L' inventaire du monde... P. 95–122 (id. Space... P. 103–131); cf.: Brodersen K. Terra cognita: Studien zur römischen Raumerfassung. Hildesheim, 1995, 2003². Ch. 6; Richardson J. The language... P. 144 f.; Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. О карте Агриппы см. также раздел VIII.1 с примеч. 29.

⁸⁸ Это относится, например, к Иудее, Коммагене, Галатии, Пафлагонии, Каппадокии. В тех регионах, где провинциализация не имела смысла, прежде всего из-за отсутствия городов, сохранялись вассальные отношения с местными царьками и вождями, в частности, в Британии, Германии, на Балканах, в Аравии и в Африке. См.: САН² X. Part I.4. P. 147–197; Part III. P. 414–780.

⁸⁹ Suet. Aug. 48 (цит. в пер. М. Л. Гаспарова); cf.: Strabo XVII. 3. 24. p. 839; Eutrop. 7. 9 sq. Выражение *divide et impera* не встречается у римских авторов, речь идет о фактическом применении данного подхода.

тому представлению о римской политике «разделяй и властвуй!». Августа не очень беспокоила опасность сепаратистских тенденций — новая Империя скреплялась не только силой оружия. Август пользовался симпатиями населения и поддержкой со стороны местных олигархий⁹⁰. Контроль над провинциями давал ему возможность наращивать свои богатство и власть. В «поместьях Римского народа» Август не был стеснён рамками «республиканской» конституции⁹¹. Это позволяло помножить огромное влияние (*auctoritas*) в Риме и Италии на практически неограниченные ресурсы провинций.

Римская держава времени Августа состояла из двух важнейших элементов: общины римских граждан, живших в основном в Риме и Италии, — и провинций с примыкавшей периферией «без границ». Эта структура определяла специфику государства (две политические подсистемы). «Республика» и «империя» оказались под контролем Августа, но функционировали по разным законам⁹². В указанном смысле, имея в виду два объекта и два способа управления, можно говорить о «двоевластии». Но обе власти были в руках одного человека с двумя не только «имиджами» (гражданин — монарх), но и статусами. Для выполнения своих функций он использовал преимущественно разные властные инструменты: в Италии для принцепса Цезаря определяющей была *auctoritas principis*, в то время как в провинциях для императора

⁹⁰ Светоний сообщает о почитании Августа со стороны итальянских городов, провинций (воздвигавших Августу храмы, алтари, проводивших едва ли не в каждом городке пятилетние игры в его честь) и особенно царей и других союзников (Suet. 59. 2–60).

⁹¹ В провинциях, особенно Восточных, Августа считали преемником эллинистических царей и почитали как божество. В отношении Сирии И. Ш. Шифман (который говорил об «императорских» провинциях) отмечал следующее: «...на этой территории устанавливалась самодержавная, не прикрытая какими-либо республиканскими институтами власть Августа и его преемников, располагавших здесь собственным, отделенным от республиканского аппаратом управления, который возглавлялся наместником, в Сирии — легатом в ранге пропретора». Правда, Шифман находил, что «император оказывался в двойственной и внутренне противоречивой роли». По мнению ученого, «создание императорских провинций... по сути дела, отрицало самые основы политики республиканской, хотя бы и фиктивной, реставрации» (Шифман И. Ш. Сирийское общество... С. 56). Не повторяя сделанных ранее разъяснений, следует заметить, что дифференциация ролей для составных частей державы (принцепс — император, Рим — провинции) была важной политической находкой. Даже античные критики не находили предосудительным по сути монархический статус Августа на Востоке. Ведь он не пытался перенести этот опыт, как позднее Калигула, в Рим. Сравн. раздел V.3 примеч. 74 о статусе Египта.

⁹² Дело было не в «противоречивости формы и содержания» (сравн.: Вержбицкий К. В. Республиканские традиции... С. 271: «Резкий контраст между внешними республиканскими формами и внутренним имперским содержанием»), а о двух системах управления. Двойная природа Августова режима была подмечена, например, Э. Рэймеджем: «Его (Августа) новое правление состояло из двух элементов: старая республика оставалась в руках сената и народа, а новый, совершенно отдельный элемент, император, обладал исключительной *auctoritas*. Их связывали республиканские традиции, которые все еще пользовались уважением с обеих сторон» (Ramage E. S. The nature... P. 53). На наш взгляд, *auctoritas* была важна для принцепса, а не императора. Подобные интересные мысли попутно высказывались также другими авторами (см. последующие сноски). Они лишь не были достаточно обоснованы, систематизированы и в полной мере включены в исторический контекст.

Цезаря — *imperium*⁹³. Это говорит не о двуличии, а о способностях Августа как политика и государственного деятеля⁹⁴. Уникальность исторического момента заключалась в том, что значимые политические силы: римское гражданство, армия и провинции — нуждались в единоличном правителе, пусть и выступавшем для каждой из них в соответствующей ипостаси⁹⁵.

«Восстановленная республика» и «империя Римского народа» в правление Августа были иерархически соподчинены, и ни одна из этих подсистем не могла нормально функционировать без другой. Из граждан набирались легионы, комиции и сенат были источником легитимности и воплощением государства, из числа сенаторов вербовались необходимые кадры для командования легионами и управления провинциями, Рим был признанной столицей. Провинции, со своей стороны, являлись источником финансовых средств и материальных ресурсов, необходимых для содержания армии, благоустройства Города, а также для подачек римскому плебсу. Армия и флот обеспечивали безопасность и политическую стабильность Империи, что имело первостепенное значение для экономики Италии и провинций. Центральное правительство поддерживало правопорядок, поощряло торговлю. Всё вместе: безопасность, порядок, процветание — означало *pax Romana*, или, по имени архитектора, строителя и хранителя порядка — *pax Augusta*, сам он рассматривался как *pacator orbis terrarum*. В компетенцию Августа входили все подвластные и зависимые террито-

⁹³ Множественность, многоликость новой государственной системы отметил еще Р. Сайм: «Принцепс» в Риме, «император» для армии, в восточных землях Август правит как монарх» (Syme R. *History in Ovid*. Oxf., 1978. P. 106–107). Еще дальше идет А. Демант: «Римская монархия предстает четырежды легитимированной: республиканской традицией (отсюда происходит понятие *princeps*), волей армии (об этом напоминает титул *imperator*), славой предшественников и предков (ее воплощает имя *Caesar*) и божественным миропорядком (на него указывает прозвище *Augustus*). Теория, которая обосновывает Империю, так же универсальна, как она сама» (Demandt A. *Idealstadt*. Köln etc., 2000. S. 292, XI.1b–d. Cf. S. 281 f.). А. Пабст выделяет два компонента императорской власти: “*Imperiumskomponente*” и “*Principatskomponente*” (Pabst A. *Comitia imperii*. Darmstadt, 1997. S. 153 f.). Уточним: императорская власть (*imperium*), по крайней мере в начале Августова правления, относилась прежде всего к империи (то есть, к провинциям и армии). Принципат был феноменом в рамках «республики», где действовала в первую очередь *auctoritas* принцепса в тесной связи с магистратскими *potestates*. Сравн.: Коптев А. В. *Princeps et dominus*: к вопросу об эволюции принципата в начале позднеантичной эпохи. См. также раздел II. 4, примеч. 152.

⁹⁴ Разумеется, разделение на «республику» и «империю» никогда не было абсолютным ни в реальной политике, ни даже в теории. Для Цицерона провинциальное управление могло представляться частью «республики» (*pars rei publicae*, Cic. Q. fr. I.1.4 sq.). В данном случае это понятно, поскольку провинции были достоянием народа. Выражение *corpus rei publicae*, которое Цицерон употребил по отношению к Риму, Азиний Галл на сенатском заседании после смерти Августа уже понимал как «тело государства», включая Империю, подчеркнув, что оно неделимо (Tac. ann. I. 12. 3). Нерон, наставляемый Сенекой, через сорок лет еще счел необходимым при вступлении на трон заявить о разделении «дома и республики» (*discretam domum et rem publicam*), а также о различении своих и сенатских провинций (ibid. XIII.4). В то же время Овидий, а позднее Сенека говорили о *corpus imperii* (Ovid. trist. II. 231; Sen. clem. II. 2. 1). См.: Kienast D. *Corpus imperii*. Pass.

⁹⁵ Эти силы можно представить себе и в другом, более детальном, составе, поскольку римское гражданство состояло в основном из сенатского и всаднического сословий, итальянского гражданского населения и римского городского плебса, а также легионеров. Не менее сложным был состав населения в каждой из провинций.

рии — *imperium Romanum*, а размах притязаний простирался на весь известный мир (*orbis terrarum*)⁹⁶.

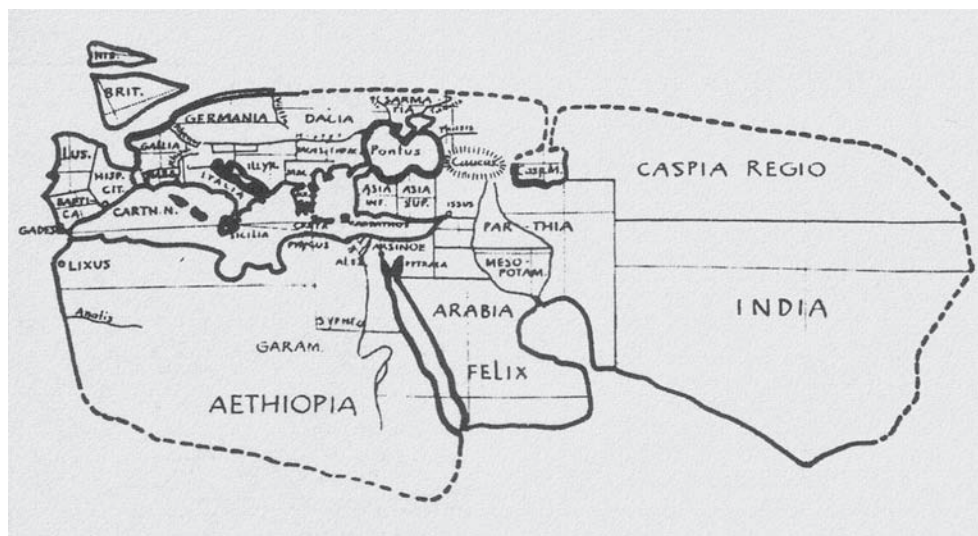
Взаимосвязи, которые прочно связывали «республику», армию и провинции друг с другом, были оформлены как правовыми, так и внеправовыми способами. Вершиной, где они сходились, был принцепс и Император Цезарь Август. Уже в его имени и многочисленных титулах отражались качества, каждое из которых имело особое значение для разных групп населения. Принятое в Риме обращение «принцепс» подчёркивало принадлежность к гражданству, «республике», сенату. Титул «император» говорил о многом легионерам, но не менее внушительно звучал также при стечении тысяч людей в цирке или в театре. Греки не случайно переводили *imperator* как *autokrator*, а это уже означало «самодержец». «Цезарь» ласкал слух римскому плебсу, но не был чужд и солдатам. «Август», тем более в сочетании с «сыном Божественного», указывал на сверхъестественные источники власти, внушая почтение и трепет везде, особенно в провинциях. Все эти имена, сведённые воедино, как и портреты на монетах и скульптурные изображения, стоявшие на форумах по всей Империи, были знаками, ежедневно напоминавшими всем жителям Империи о принадлежности к единому целому.

Объединяющую роль Императора Цезаря Августа особенно выразительно подчёркивал титул «Отец отечества» (см. раздел VII.4). Здесь имелся в виду прежде всего Римский народ, но попечение Августа распространялось на всю Империю⁹⁷. Провинции приняли верховную власть императора как само собой разумеющееся и относились к нему как к покровителю и монарху.

Те, кто наиболее чутко воспринимал новое — поэты — уже увидели в Августе господина круга земель и Отца империи. Как и следовало ожидать, наиболее радикальные определения принадлежали Овидию. Если Гораций в Одах называл Августа *pater urbiūm* (Hor. carm. III. 24. 27), то Овидий высказал мнение, что Август уже давно, ещё до официального решения сената, был *pater orbis*. Он даже призывал Ромула уступить свое положение принцепсу, который является «Отцом Мира». Кроме того, поэт именует принцепса *pater hominūm*, подобно Юпитеру, который известен как *pater deūm* (Ovid. fast. II. 127–134); Юпитер правит на небе, Август управляет на земле

⁹⁶ Как указывалось, зависимые царства, не входившие в состав провинций, также расценивались как часть «империи». Отсюда было недалеко до представлений об императоре, как о «хранителе Римского могущества и правителе всего мира». В надписи городского совета Пизы по поводу смерти Гая в 4 г. н.э. об Августе сказано: "*custodis imperii Romani totiusque orbis terrarum prae[s]idis*" (ILS 140, строки 7 слл.).

⁹⁷ К этому мнению склонялись: Premierstein A. Vom Wesen...1937. S. 120 ff.; Béranger J. Recherches... P. 201 ff.; Hauser M. Der römische Begriff cura. Winterthur, 1954. S. 36 ff. Cf.: Kienast D. Augustus. 2009. S. 514 mit Anm. 238 (с литературой и примерами). Уже *cura et tutela rei publicae* 32 года (подтверждённая в 27 г.) подразумевала отеческую заботу о гражданах и провинциях.

Илл. X.3. Карта Агриппы (вариант реконструкции)

как *pater* и *rector* (id. met. XV. 856–860). Позднее, в Томах, поэт писал, что *cura* сделала Августа *dominus terrarum* (Ovid. ep. ex Pont. II. 8. 26). Также Страбон рассматривал Августа как отца всех людей, населявших *orbis terrarum* (Strabo VI. 4. 2), имея в виду как римлян, так и провинциалов, то есть всех жителей создававшейся им единой Империи. Универсальная функция попечителя всего мира запечатлена в целом ряде надписей, например, на упоминавшейся уже золотой статуе в Бетике⁹⁸. В одном из постановлений города Нарбон (Галлия) по случаю дня рождения Августа говорится: «23 сентября (восьмой день до октябрьских календ), в тот день, когда его родил счастливый век как будущего правителя круга земель...» (ILS. Nr. 112). Эти представления об отеческом покровительстве в отношении Империи смыкались с традиционно-римскими притязаниями на мировое господство и вели в дальнейшем к представлению о принце как о *rector orbis terrarum*⁹⁹. Светоний сообщает, что Август не только посетил почти все провинции, но «заботился о них, как о частях и членах единой державы». Он даже занимался воспитанием и обучением детей царей-союзников (Suet. Aug. 47– 48).

На всех уровнях: политическом и управленческом, идеологическом и экономическом, социально-культурном — создавалась универсалистско-иерархическая система, включавшая «восстановленную республику» и провинции. Жизнь проживавших в Средиземноморье римских граждан

⁹⁸ *Custos imperii Romani totiusque orbis terrarum praeses* // ILS Nr. 103, cf. 140; Ehrenberg & Jones, Nr. 69, l. 7 ff.

⁹⁹ Ehrenberg & Jones. Documents... Nr. 100.

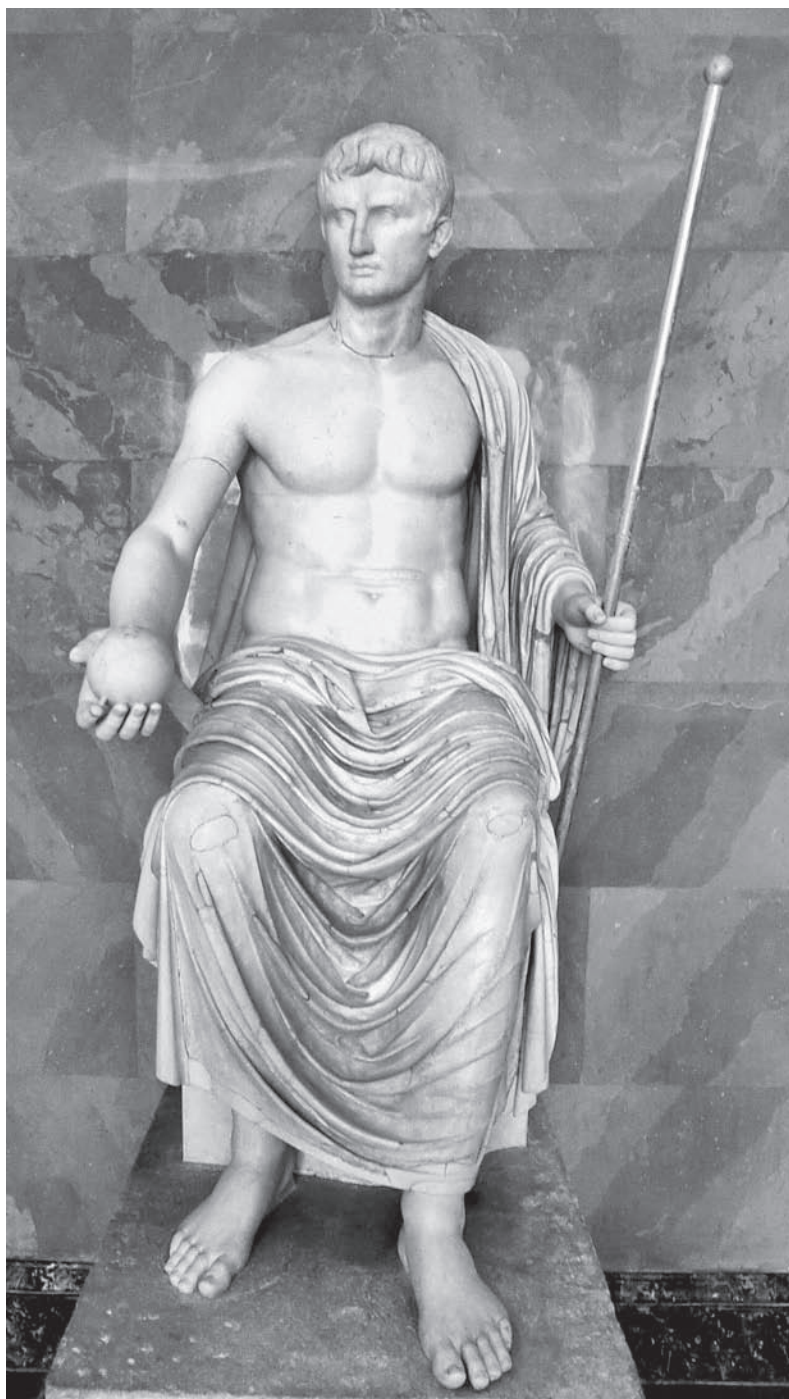
регулировалась самым совершенным для того времени правом. Провинциалы могли в случае необходимости апеллировать к наместнику и к императору. Август был учредителем Империи (Римской империи) с большой буквы. В отличие от «империи Римского народа», она постепенно становилась единым (но не унифицированным) государством, которое объединяло потомков завоевателей и завоеванных.

Август правил не как временщик, подойдя к задаче строительства Империи со всей серьёзностью и основательностью. Он занимался ключевыми вопросами государственного строительства: организацией административного аппарата и армии, укреплением границ и упорядочиванием административного деления Города, Италии и провинций, переписями населения. Особое внимание было уделено законодательству и судопроизводству. Не меньше времени и сил уделялось выработке идеологических основ власти, как в Риме, так и в различных частях державы.

К управлению огромной империей привлекались многочисленные помощники и сотрудники. Значительную роль в вопросах управления Городом и частью провинций играл сенат. Из его членов Август образовал сравнительно небольшой совет из числа наиболее авторитетных и доверенных лиц. Они подготавливали, руководствуясь указаниями принцепса, повестку дня и проекты решений. В последние годы жизни, когда Августу становилось все труднее являться в курию, эти сенаторы приглашались для совещаний по поводу важных государственных вопросов на Палатин. В 13 году в состав узкого совета были включены Тиберий, Германик и Друз. Тогда неофициальный ранее *consilium principis* получил право издавать решения, получавшие статус сенатских постановлений¹⁰⁰. Кроме членов консилиума, в выработке важных решений значительную роль играли наместники провинций и полководцы, а также советники из числа не только римлян, но и греков. Многие из них считались «друзьями» принцепса и приходили по утрам для приветствий (*salutatio*). Работа по ведению протоколов, оформлению документов, переписке с многочисленными корреспондентами, находившимися в разных концах державы, упорядочению и содержанию архивов велась многочисленными помощниками, большей частью из императорских вольноотпущенников и рабов (*ministri*)¹⁰¹. Здесь

¹⁰⁰ Dio LVI. 28. 2 sq. Cf.: Crook J. A. *Consilium principis: imperial councils and counsellors from Augustus to Diocletian*. Cambr., 1955. P. 14 f. В целом: Crook J. A. *Augustus: power, authority, achievement* // *CAH*². Vol. X. P. 113–146. Описание заседания совета по поводу дальнейшей судьбы Иудеи после смерти Ирода Великого в храме Аполлона: *Ios. b. iud.* II. 2. 4–7 (81 sq.); *ant. iud.* XVII. 11. 1–4 (229). Cf.: Smallwood E. M. *The Jews under Roman rule from Pompey to Diocletian*. Leiden, 1971. P. 105–113. См. также раздел VIII.8 с примеч. 145 о проведении совещаний в храме Аполлона.

¹⁰¹ Общую картину см.: Wallace-Hadrill A. *The imperial court* // *CAH*² X. P. 283–308; Weaver P. R. C. *Familia caesaris: a social study of emperor's freedmen and slaves*. Cambr., 1972; Winterling A. *Die Freundschaft der römischen Kaiser* // *ders. (hrsg.). Zwischen Strukturgeschichte und Biographie*. S. 207–232 (об институте

Илл. Х.4. Август с державой и жезлом в образе Юпитера

не было ничего нового по сравнению со временем Республики, за исключением количества людей, что соответствовало кругу обязанностей и объему поручений.

Отбором кадров и организацией работы этого «правительства» занимался сам принцепс. Ничто не свидетельствует убедительнее о своевременности сосредоточения важнейших нитей государственного управления в одних руках, как то, что император, не в пример многим своим последователям как в античности, так и в последующие века, лично готовил и проводил важнейшие мероприятия. Таким же образом, собственной рукой Август не раз редактировал «Деяния», которые должны были объяснить и обосновать его политику, увековечить заслуги и служить назиданием потомкам. Он сам составлял законы, рескрипты и наставления подчиненным. Два раза, готовясь к смерти (в 23 г. до н.э. и в 14 г. н.э.), принцепс, поскольку лишь он в полном объеме владел всей информацией, отчасти записал, а отчасти продиктовал своим писцам подробнейшие отчеты о состоянии армии, финансов и других дел в Империи¹⁰².

Императора можно было бы упрекнуть в том, что он никому полностью не доверял и не подготовил достойного преемника. Но во-первых, так распорядилась судьба, и Августу довелось пережить избранных им кандидатов (подготовкой которых принцепс занимался очень серьезно). Во-вторых, государство и правящий класс были в таком состоянии, что найти равноценную замену было не так легко. На самом деле, рядом не было личностей, хотя бы близких по масштабу основателю нового государства. Тиберий был испытанным полководцем и опытным политиком, но не более того.

Образовавшаяся в результате завоеваний конгломерация стран и народов нуждалась в твердом руководстве, требовался незаурядный правитель. Другие варианты могли означать развал империи, разделение провинций между триумвирами, формирование новых центров власти, нескончаемые войны за гегемонию. Коллегиальные органы смешанной конституции, уже не говоря о прежней Римской республике, были не в состоянии решать поставленные задачи. Представители политического класса (сенаторы и всадники), пусть владевшие высокой политической культурой, не могли

«друзей» императоров, обзор) etc. Об *amici* Августа см.: Sen. clem. I. 10. 1; benef. VI. 33. 4–34. 2; Dio LVI. 26–2 sq., cf.: Crook J. Consilium... P. 31–36. О создании аппарата управления, в дополнение к уже называвшимся работам Вернера Эка (Eck W.) и других, см. также: Pani M. Augusto e il principato. Bologna, 2013. P. 45 ff., 89 ff., 186 ff. (Пани рассматривает это как часть становления *novus status rei publicae*).

¹⁰² В 23 г. до н.э. Август передал Агриппе (а не своему племяннику Марцеллу) кольцо с печатью, а Пизону «опись империи» (Dio LIII. 30. 2). См.: Instinsky H. U. Die Siegel des Kaisers Augustus. Baden-Baden, 1962. S. 36 f. См. раздел V.7. О составленной Августом перед смертью памятной записке сообщают Тацит и Светоний (Tac. ann. I. 11; Suet. Aug. 101. 1 и 4). Историк подчеркивает, что вся посмертная памятная записка (*libellum*) была написана собственноручно (*sua manu*) Августом.

подняться над своими сиюминутными интересами. Им не пришла мысль осуществлять идею «наилучшего государства» для римлян и для всех народов Средиземноморья. Борьба интересов и честолюбий, во всей своей неприглядности проявившаяся в последнее столетие Республики, показывает, что размеры Империи неизбежно вели к краху учреждений, приспособленных к управлению небольшим городом-государством¹⁰³.

Неумеренное честолюбие Октавиана-Августа, унаследованное от Юлия Цезаря, и его талант политика соответствовали потребности Рима и Империи в сильном лидере. Наверное, результат не совсем отвечал первоначальным желаниям и ожиданиям Римского народа, особенно элиты. Но такого абсолютного соответствия в реальной жизни не бывает. В данном случае можно сказать, что посеявший ветер должен был смириться с результатами бури. Нежелание представителей нобилитета хоть что-то добровольно уступить, считаться с общими интересами привело к установлению единоличной власти. Это была цена сохранения части привилегий.

Создание Империи как политической, культурно-исторической, экономической общности, как единой державы не отменило идеологии «восстановленной республики». В этом — ключ к пониманию специфики Августовского правления. В основе двойственности (а также множественности — имея в виду десятки провинций и тысячи общин)¹⁰⁴ идеологии и политики лежали не только различие объектов управления, но также сохранявшиеся особенности ориентированного на традиции римского мышления.

Не упуская из виду принципы *res publica* как *res populi* в рамках сообщества римских граждан, Август начал строить огромную державу как единую Империю. Важную оценку его достижениям дал Страбон: «...Что касается самой Италии (хотя ее нередко раздирала борьба партий, по крайней мере со времени установления власти римлян) и что до самого Рима, то совершенное государственное устройство и доблесть властителей помешали им дальше идти гибельным путем заблуждения. Трудное дело, впрочем, управлять такой обширной империей иначе, чем вверив ее попечению одному лицу, как отцу. Во всяком случае, никогда раньше римляне и их союзники не наслаждались столь продолжительным миром и таким изобилием благ, как при Цезаре Августе с того времени, как он получил неограниченную власть...»¹⁰⁵.

¹⁰³ Современное изложение этой концепции, учитывающее состояние исследований: Beard M., Crawford M. *Rome in the late republic*. L., 1999²; cf.: Meier C. *Res publica amissa*. 1997³ etc.

¹⁰⁴ Различные аспекты управления полисами, практических отношений полиса и Империи, а также отражение этих явлений в литературе были освещены в местах уже устаревшей работе: Nörr D. *Imperium und Polis in der hohen Prinzipatszeit*. München, 1966. Обзор новой литературы: Ando C. *The administration of the provinces...* P. 177–192. Также см. здесь примеч. 62, 66 слл. и др.

¹⁰⁵ Strabo VI. 4. 2, перевод Г. А. Стратановского. Обращает внимание, кроме основной мысли о связи размеров империи и необходимости единоличного правления, и указание на совершенное государ-

В течение последующих десятилетий и даже столетий границы между римлянами и «союзниками» стирались, к тому же многие провинциалы получали права римских граждан. Старые принципы и установки не отбрасывались. Постепенно изживая себя, они отмирали; меняли значение слова. *Res publica restituta*, сыграв свою роль оплота державы, постепенно растворялась в своей «империи». Смысл выражения вскоре стал непонятным, оно исчезло из обихода. *Res publica*, сохранив первоначальное содержание как некий рудимент, стало обозначать «государство вообще». Римское гражданство в течение двух веков распространилось на всё свободное население, и люди, жившие на берегах Атлантики или Понта Эвксинского, с гордостью называли себя римлянами. Сохранилось официальное название государства — *senatus populusque Romanus*. Место *optimus status* занял *optimus princeps*, он же — *imperator*. Слова «империя», «император», в соответствии с изменившимся характером государства, приобрели со временем присущий им и сегодня монархический смысл.

ственное устройство, а также на роль Августа как «попечителя» римлян и союзников (жителей провинций и правителей зависимых государств). О единой Империи, но различая граждан и союзников, говорят после смерти Августа его сторонники у Тацита: *ius apud cives, modestiam apud socios* (Тас. ann. I. 9. 5). Мысль о предпочтительности монархического управления большой державой неоднократно повторял Кассий Дион. Его Меценат доказывал, что демократия в таком случае ведет к беспорядкам и распрям: «Причина этого — многочисленность людей и величина государства. Ведь его население, столь различное и по племени, и по своему природному складу, имеет разнообразные нравы и влечения, а само государство достигло таких размеров, что лишь с превеликим трудом поддается управлению». (Dio LII. 15. 6. Сравн.: XLIV. 2. 4; XLVII. 39. 4–5. Цит в пер. К. В. Маркова и А. В. Махлаюка. См. также: Махлаюк А. В. Комментарии // ВДИ. 2008. № 2. С. 227, примеч. 39). Примечательны в этом смысле слова Тиберия о том, что «лишь уму божественного Августа» было под силу управлять такой большой империей и следующее за этим у Тацита обсуждение вопроса о возможности разделения полномочий и кандидатурах, способных заменить принцепса (Тас. ann. I. 11–13. 2).

1 (VI). Бычий форум
(*forum Boarium*)
в южной части
Марсова поля.
Выделяются хорошо
сохранившиеся
постройки круглого
храма Геркулеса
Виктора и Портуну
(божество ворот
и порта)

2 (VI). На восточной
стороне Бычьего форума
находятся монументальные
Ворота Януса,
где ранее стояли менялы
монет (отсюда другое
название — *arcus
argentariorum*)

3 (VI.3). Август при исполнении жреческих обязанностей (*pontifex maximus*).
Статуя найдена в Риме, на виа Лабикана. Рим, Государственные музеи
(Palazzo Massimo alle Terme)

4 (VII.8). Статуя Августа из Прима Порты (современный пригород Рима) — *Augusto di Prima Porta*. Найдена при раскопках виллы Ливии. Мрамор, 203 см. Ватиканские музеи, Braccio Nuovo

5 (VIII). Пантеон
(см. раздел VIII.1
с примеч. 28)

7 (VIII). Театр
в Остии построен
Агриппой. Перестраи-
вался и обновлялся
в конце II и в IV веке.
В нем и сейчас даются
представления

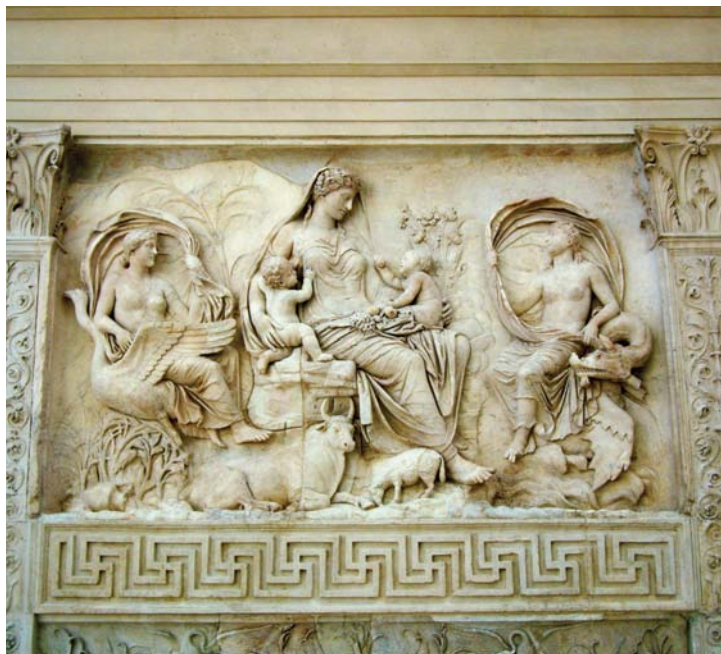

6 (VIII). Театр Марцелла и остатки колоннады храма Аполлона Медика (Созиана) на Марсовом поле. Рядом находился храм Беллоны. См. раздел VIII.2 с примеч. 39

8 (VIII). Мавзолей Августа, современное состояние (см. раздел VIII.3)

9 (VIII.4). Алтарь Августова мира после реконструкции был размещен в крытом музее рядом с мавзолеем (1938 г.). Музей перестроен и вновь открыт в 2006 г. Сейчас планируется очередная реконструкция

10 (VIII). Алтарь Августова мира. Хорошо сохранившийся рельеф слева от восточного входа с изображением Италии (или богини мира)

11 (VIII). Обелиск на площади Монтечиторио (piazza Montecitorio), перед одноименным барочным дворцом, в котором проходят заседания палаты депутатов итальянского парламента (на фото — с флагом). Обелиск был по указанию Августа доставлен из Египта и служил указателем горология в северной части Марсова поля. Вверху был укреплен шар (globus) со «стрелкой», оригинал в Капитолийских музеях. См. раздел VIII.5 с илл.

13 (VIII). Форум Августа, современное состояние: храм Марса Ультора и защитная стена, справа виден проход к Субурре. См. раздел VIII.7

14 (VIII). Храм Кибелы (Матери богов) на Палатине рядом с Домом Августа, за «лестницей Кака» (scalae Caci), спускавшейся к Бычьему форуму. Там же находилась «хижина Ромула»

12 (VIII). Римский форум, вид с Палатина. См. раздел VIII.6 с черно-белой илл. VIII.6.1 (Римский форум 1)

15 (VIII). Роспись стены в Доме Августа. Рим, Палатин

16 (VIII). Роспись стены в Доме Августа, там же

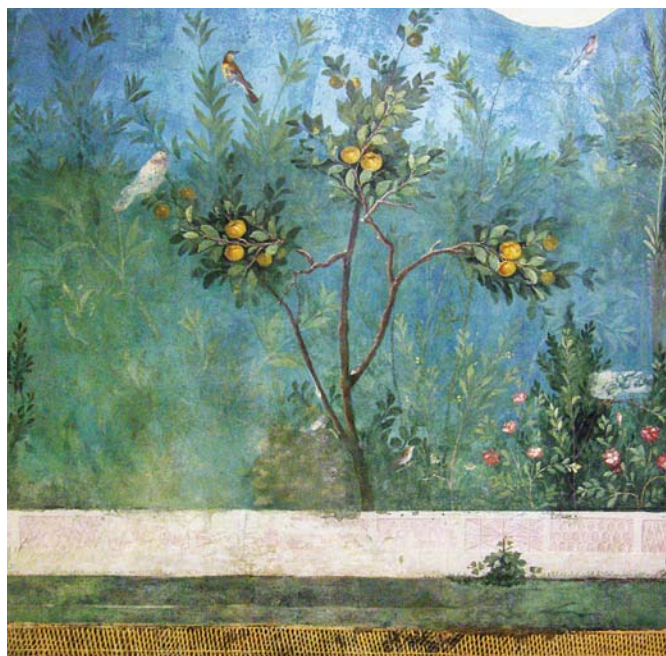
18 (VIII). Аполлон Кифаред, стенная роспись из Дома Августа, найдена на *scalae Saei*, Палатин. Музей Палатина

17 (VIII). Терракотовая доска с изображением горгоны Медузы. Рим, музей Палатина

19 (VIII). Стенная роспись из виллы Ливии *ad gallinas albas* (Рим, совр. район Прима Порта. О найденной там статуе Августа см. в разделе VII.8). Рим, Государственные музеи (Palazzo Massimo alle Terme)

20 (VIII). Стенная роспись из виллы Ливии, там же

21 (IX). Вергилий с двумя музами, Клио и Мельпоменой. Мозаика III в. была найдена в Гадрумете (совр. Суссе). Тунис, Государственный музей Бардо

22 (VIII). Великая камея Франции (Grand Camée de France) – самая большая из известных античных камей, изготовленная не ранее 23 г. н.э. Размер 31×26,5 см. Париж, Национальная библиотека Франции, кабинет медалей

XI. Заключение: *res publica*
и римское государство времени
Августа

Илл. XI.1. Термы Каракаллы (нач. II в. н.э.)

Историческую роль Августа порой неоправданно сводят к установлению монархии. Но главным результатом его деятельности было иное: десятки стран и народов, которые ранее непрерывно соперничали и воевали друг с другом, превратились в опоры новой процветающей Империи, в рамках которой сформировались основы европейских политической и культурной традиций. Этим обусловлен особый интерес к устройству основанного Августом государства.

В составе доставшейся Августу в правление огромной державы ясно различаются две иерархически соподчиненные составляющие: собственно Рим и его владения¹. Государство времени Поздней Республики представляло собой разросшуюся гражданскую (квази)общину². Обладатели привилегированного римского гражданства проживали в основном в Городе и в Италии. Эта община-государство (*quasi civitas*), называвшаяся *senatus populusque Romanus*, владела огромными завоеванными территориями с жившими на них многочисленными народами.

Обширные владения находились под властью (*imperium*) Римского народа — «империя Римского народа» (*imperium populi Romani*). В это понятие включались как провинции³, так и другие контролировавшиеся Римом территории. В государственно-правовом смысле они не входили в состав римского государства, а местное население не обладало римским гражданством.

Властные отношения в средиземноморской державе строились с учетом статусов и особенностей каждой из двух названных составных частей.

В определении идеологии и политики правительство учитывало прежде всего интересы римских граждан. Октавиан-Август хорошо знал их настроения и чаяния. После столетия смут и гражданских войн римляне жаждали мира, безопасности, благополучия. Убедившись в том, насколько пагубна борьба отдельных «партий» и честолюбий, они хотели восстано-

¹ Здесь не рассматриваются безусловно важные особенности стран, городских и других общин, располагавшихся на территориях от Атлантики до Месопотамии.

² Далее приставка «квази» для общины или римской цивитас (квазиобщина, *quasi civitas*) не повторяется, но имеется в виду. Пояснения см. в разделе X.1 с примеч. 2.

³ *Provincia* в данном случае означала территорию, подконтрольную обладателю империи, который представлялся Римским народом.

ления «республики». Следует подчеркнуть, что здесь имелось в виду не возвращение к сенатской олигархии, к своеволию толпы или к соперничеству военных вождей. Эти варианты вели бы к возобновлению беспорядков и кровопролития⁴.

Выражение *res publica* во времена Цицерона и Августа указывало прежде всего на фундаментальный принцип *civitas* — приоритет коллективных, общинных ценностей. Согласно Цицерону, «республика есть достояние народа» (Cic. rep. I. 39: est... *res publica res populi*). Речь шла о собственности и сфере интересов в самом широком понимании, включая как материальное (земля, город и его стены, провинции, другое имущество), так и духовное (государственное устройство, законы, религиозные установления и нравы). На основе верховенства закона общие интересы (*res publica*) должны были преобладать над интересами отдельных людей или группировок. «Внепартийный» лозунг «восстановления республики» (*res publica restituta*), подхваченный Октавианом-Августом, находил понимание и полную поддержку сограждан.

«Восстановление республики» — не просто удачный лозунг. Он реализовывался в практической политике. Важнейшими мероприятиями стали отмена чрезвычайных установлений и возвращение законности, восстановление храмов и возрождение религиозных культов, меры по укреплению семьи, нормализация работы государственных учреждений, строительные работы в Риме и вне его, направленные на улучшение условий жизни городского плебса, налаживание управления провинциями, откуда в Рим поступали продовольствие и необходимые средства, основание колоний ветеранов и многие другие. Август во всем подчеркивал приверженность «республиканским» принципам. В одежде и поведении демонстрировалась «гражданственность», в сенате и на форуме Август выступал как «первый среди равных». Категорически отвергая чрезвычайные полномочия (не говоря уже о звании диктатора, монарха или господина), в Городе он принимал только обращение *princeps* («первенствующий»). Так издавна называли выдающихся сенаторов.

Август легитимировал свое исключительное положение в государстве, учитывая менталитет сограждан и опираясь на римские традиции. В то же время, будучи эллинистически образован, он стремился учесть рекомендации философов. Своего рода синтезом римского политического опыта и греческой теоретической мысли стал проект нового смешанного государственного устройства. При Августе и с его активным участием функционировали народные собрания, сенат и магистраты. Но в отличие от клас-

⁴ Тем более не следует путать латинское *res publica* с новоевропейским термином «республика», обозначающим определенную форму государства.

сического «наилучшего государства» важную роль в новой «смешанной конституции» играл сам принцепс, опиравшийся на свое огромное влияние и авторитет (*auctoritas*).

Если в центре державы Август по возможности избегал нарушения традиций, то в отношении провинций, которые изначально находились вне поля действия римской конституции, этого и не требовалось. В провинциях он выступал как представитель Римского народа, обладавший кроме того, высшей военной властью — *imperium (maius?)*. Полномочия императора, которому оказывали божеские почести, в провинциях были практически не ограничены. Все же в Империи отсутствовал твердый порядок престолонаследия, как и атрибуты монархии вроде трона или короны. На провинциальное и особенно городское управление оказывал влияние «республиканский» стиль правления. Он хорошо согласовывался с местной автономией, опиравшейся на полисные традиции. Римским гражданам, даже сенаторам, по сути монархическая власть императора за пределами Италии не мешала, поскольку не было попыток распространить ее на Город⁵.

Итак, в начавшей формироваться единой Римской империи различались две государственные формы: «новая смешанная конституция» для Рима и Италии — и фактическое единовластие Августа (как уполномоченного Римского народа) над «империей Римского народа».

Изобретенное Т. Моммзеном и принятое в исторической литературе определение «принципат» отражает лишь один из аспектов многогранного статуса Августа и только в центре Империи. Здесь, в треугольнике «смешанной конституции», принцепс (своего рода «управляющий делами республики») заполнял монархический угол, не будучи монархом. Это же была вершина большого треугольника всей Империи, на значительных территориях которой император Август воспринимался как монарх. Учитывая растущую роль провинций и тенденции развития, можно говорить о движении ранней Римской империи к монархии⁶.

Не все преемники основателя Империи так же ориентировались в сложной системе взаимозависимостей, которыми держалось и подпитывалось государство. Еще и десятилетия спустя продолжались опасные колебания государственного маятника. Примером может служить стремление Калигулы установить автократию восточного образца, а вслед за его убийством — попытка некоторых сенаторов провозгласить «свободную республику». Гражданскими войнами закончились игры Нерона с искусством и властью.

⁵ Такие попытки, например, со стороны Калигулы, вызвали недовольство и привели к убийству правителя.

⁶ Мы избегаем слова «монархия», поскольку отсутствовали ее важные признаки и атрибуты. «Монархия» как политически нейтральный термин предпочтителен также в сравнении с «автократией», которая невольно ассоциируется с тоталитаризмом и (или) с авторитаризмом.

Юридическое оформление новый государственный строй получил в *lex de imperio* Веспасиана. Неизвестно, обошлось ли в утраченной преамбуле без упоминания о «восстановленной республике». В основном тексте *res publica* упоминается трижды, подчеркивая деятельность принцепсов, начиная с Августа, в общих интересах (ILS 244. 5f.), а народные собрания указаны как нормативный источник законов (ibid. 9). Ранняя Империя так и не стала обычной монархией. В ней сохранялась особая «республиканская» составляющая. Сердцевиной было представление римлян о государстве как «общественном достоянии». Этому соответствовали принципы народного суверенитета и верховенства закона, как и некоторые гражданственные нормы поведения императора.

Легальный путь к власти предполагал признание сограждан и решение сената. Представления о «республике» и гражданской «свободе» долгое время стояли на пути внедрения восточных моделей монархии. В общественном сознании продолжали жить представления, которые предписывали принцепсу служение Римскому народу. Произвол делегитимировал правителя, превращение в «тирана» считалось законным основанием покушения на его жизнь. Римская империя (государственное устройство), будучи своеобразной монархией (форма правления), ещё во II и даже в III веке оставалась «немножко республиканской». В этом смысле можно говорить о «республиканской монархии» — но не как о форме государства (конституции). «Республиканскими» были ценности, унаследованные от гражданской общины. Ее атавизмами были сохранявшиеся до конца существования Западной Римской империи остатки привилегий столичного плебса и даже ненадолго переживший ее сенат.

Август уже в Риме рассматривался как одно из воплощений идеала ответственного правителя, способного очерчивать границы собственных компетенций. Этот пример сохраняет актуальность на протяжении тысячелетий. Многие из европейских монархов стремились к статусу римских императоров, но некоторые — также к имиджу их просвещенных наследников. Образ правителя, избранного богами для служения своему народу и отечеству, надолго определил важное направление развития европейской политической мысли.

Не менее важными оказались имперский и цивилизационный аспекты Августовых преобразований. Победитель получил в свое распоряжение, с одной стороны, обескровленное Римское государство, а с другой — «империю Римского народа», которая представляла собой конгломерат разоренных во время гражданских войн провинций, зависимых стран и народов. Из всех этих и вновь завоеванных территорий Август создал полиэтническую Римскую империю с двумя государственными языками,

местной автономией и центральной властью, опиравшейся на сотрудничество элит.

Не все планы Октавиана-Августа реализовались на практике в первоначально задуманном виде. Но нельзя не признать достоинств основанной им государственной системы, которая обеспечивала политическую стабильность, экономическое и культурное процветание. Благодаря этому эллинистическо-римская цивилизация в рамках средиземноморской Империи стала одним самых значимых достижений в истории человечества.

xii. Приложения

1. *Хронология* – 827
2. *Список иллюстраций с пояснениями* – 829
3. *Некоторые латинские термины* – 843
4. *Указатели*
 - *Античные имена* – 854
 - *Предметный указатель* – 881
5. *Сокращения*
 - *Античные авторы и их сочинения* – 892
 - *Надписи, монеты и другие источники* – 896
 - *Периодические и некоторые другие издания* – 896
6. *Библиография*
 - *Источники, комментарии, переводы* – 901
 - *Литература* – 907
7. *Summary; contents* – 969
8. *Resümee; Inhaltsverzeichnis* – 972

ХII.1. Хронология

Годы до н.э. События

- 133 трибунат и гибель Тиберия Гракха, начало столетия гражданских смут и войн
- 82–79 диктатура Суллы, попытка восстановить государственный порядок
- 70 консульство Помпея и Красса; отмена сулланской конституции
- 67 закон Габиния наделяет Помпея чрезвычайными полномочиями для борьбы с пиратами
- 63 консульство Цицерона; заговор Катилины; 23.09 — рождение Гая Октавия
- 62 битва при Пистории; гибель Катилины
- 60 I триумвират (Помпей, Цезарь, Красс)
- 59 консульство Юлия Цезаря; смерть отца Гая Октавия
- 58–50 Гай Юлий Цезарь в Галлии
- 49 переход Цезаря через Рубикон, начало гражданской войны, взят Рим
- 48 битва при Фарсале; смерть Помпея
- 45–44 диктатура Цезаря; 15.03.44 — его смерть; в нач. мая Октавий принимает завещание диктатора
- 43 02.01 — Октавиан становится сенатором-консуляром; 07.01 — его первые ауспиции (*dies imperii*); Мутинская война; войско провозглашает Октавиана императором; 19.08 — избрание консулом
- 43–33 II триумвират (Антоний, Октавиан, Лепид); 07.12.43 — смерть Цицерона
- 42 битва при Филиппах
- 41–40 Перузинская война
- 40 Брундизийский договор; брак Антония и Октавии
- 38 Октавиан женится на Ливии
- 38–36 война с Секстом Помпеем, его поражение
- 36 Неудачная парфянская экспедиция Антония; начало строительства храма Аполлона на Палатине; капитуляция Лепида; Октавиан получает трибунскую неприкосновенность
- 32 Антоний дает развод Октавии; обнародование его завещания; клятва верности Италии и западных провинций Октавиану; объявление войны Клеопатре
- 31 битва при Акции

- 30 смерть Антония и Клеопатры, аннексия Египта
- 29 возвращение Октавиана в Рим и его тройной триумф (13–15.08)
- 28 ценз и чистка сената, Октавиан становится принцепсом сената. Первые мероприятия по «восстановлению республики»
- 27 13.01 — «возвращение республики» Римскому народу;
16.01 — Октавиан получает имя «Август»
- 26–24 Август ведет военные действия в Испании
- 23 болезнь Августа; его отказ от консульства (июль); получение трибунской власти; смерть М. Клавдия Марцелла
- 22 голод и наводнение в Риме, Август организует снабжение хлебом
- 22–19 Август на Востоке; переговоры с парфянским царем, возвращение плен-
ных и значков легионов (20)
- 21 Агриппа женится на дочери Августа Юлии
- 19 возвращение Августа в Рим; предоставление ему консульских полномочий
- 18 вторая чистка сената. Законы об адюльтере и браке
- 17 усыновление Августом внуков — Гая и Луция Цезарей; Секулярные игры
- 16–13 Август в Галлии
- 13 Возвращение Августа в Рим
- 12 06.03 — избрание Августа великим понтификом; смерть Агриппы
- 11 третья чистка сената; Тиберий женится на дочери Августа, Юлии
- 9 освящение алтаря Августова мира; смерть Друза Старшего
- 8 смерть Мецената и Горация
- 6 Тиберий удаляется на Родос
- 2 провозглашение Августа «Отцом отечества»; освящение храма Марса
Мстителя и форума Августа; ссылка Юлии

Годы н.э.

- 1 консульство Гая Цезаря
- 2 смерть Луция Цезаря; возвращение Тиберия в Рим
- 4 смерть Гая Цезаря; усыновление Тиберия Августом; Тиберий получает
трибунскую власть на 10 лет; четвертая чистка сената
- 6–9 восстание паннонцев и далматов
- 9 разгром Вара в Тевтобургском лесу; закон Папия и Поппея о браке
- 13 возобновление трибунской власти Тиберия
- 14 последний ценз Августа; 19.08 — его смерть; 17.09 — посмертное обо-
жествление; переход власти к Тиберию
- 14–68 правление Юлиев-Клавдиев (Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон)
- 68–69 гражданская война
- 69–96 правление Флавиев (Веспасиан, Тит, Домициан)
- 96–192 «Золотой век» Антонинов (Нерва, Траян, Адриан, Антонин Пий, Марк
Аврелий, Коммод)

XII.2. Список иллюстраций с пояснениями

Обложка и форзацы

- A1. **На обложке 1:** Реверс ауреуса 12 г. до н.э.: стоящий Октавиан-Август, облаченный в тогу, протягивает руку коленопреклоненной «республике» (поднимает *res publica* с колен?). См. илл. IV.5 и раздел IV.9 с примеч. 66. Фон: септа Юлия, см. илл. V.9.
- A2. **На задней обложке:** Статуя обнаженного по пояс императора Августа с жезлом в правой и державой (макет земного шара или мира) в левой руке. Санкт-Петербург, Эрмитаж. См. комментарий к илл. X.4. Фото автора.
- A3. **На корешке книги:** Август в гражданском венке из дубовых веток (*corona civica*). Тип «примапорта». Конец правления Августа или позднее. Мюнхенская глиптотека, инв. 317. Бюст известен также как *Augustus Bevilacqua* — по прежнему местонахождению во дворце в Вероне, принадлежавшем знатной семье Бевилаква.
- A4. **Форзац 1:** Город Рим времени императора Константина (первая треть IV века н.э.). Фрагмент макета Итало Джисмонди (200 кв. м.), изготовленный в 30-е — 60-е годы XX века. Взгляд в северном направлении. Рим, EUR. Музей римской цивилизации. Фото автора.
- A5. **Форзац 2:** Средиземноморье в 14 г. н.э. (использована карта из книги: Edmondson J. (ed.). *Augustus*. 2009 с необходимыми корректурами).

Черно-белые иллюстрации в тексте

На титуле

Ауреус, чекан 28 г. до н.э., предположительно провинция Азия. На аверсе идеализированный портрет Октавиана в стиле греческой классики и надпись IMP(ERATOR) CAESAR DIVI F(ILIUS) COS. IV. На реверсе Октавиан, облаченный в тогу, на курульном сиденье (*sella curulis*). Справа от него в специальном круглом коробе (*capsa*) — свитки с законами. Консул символически «возвращает» их Римскому народу. Это и поясняет легенда: LEGES ET IVRA P(opulo) R(omano) RESTITUIT. Британский музей, отдел монет и медалей. См. раздел IV.9.

Гл. I

- I.1. **Заставка:** Анкирская надпись. Часть мраморных блоков с латинским текстом, которыми была облицована стена пронаоса храма Рому и Августа в древней Анкире (совр. Анкара). Внутренняя сторона. К разделам I.7 и VII.5 (wikimedia commons, фото К.-Р. Simon).

Гл. II

- II.1. **Заставка:** Теодор Моммзен (1817–1903) — основатель современной науки об истории Древнего Рима. Гравюра Луиса Якоби, 1863 г.

- II.2. «Крест Лотаря», в который вмонтирована римская гемма нач. I в., с изображением Августа. Крест изготовлен в Кёльне ок. 1000 г. по заказу Оттона III, имя Лотаря читается на изготовленном еще в IX в., но вставленном позднее камне. Высота ок. 50 см. Изображение Августа, занимающее центральное место, отражало претензии Оттона на роль властелина мира (в 996 г. коронован в Риме как император), а также идеал *renovatio imperii Romanorum*. Фото автора.
- II.3. Римская гемма в «кресте Лотаря» — Август в роли триумфатора с гражданским венком, в правой руке он держит скипетр с фигуркой орла — символа Юпитера как воплощения власти над миром (фото — wickimedia commons).
- II.4. Роспись, изображающая Августа, который «начят ряд прокладати на вселенную» и в числе других поставил Пруса (Друза Старшего?) править землями от Вислы до Немана. В соответствии с легендой, от него должны были происходить Рюрик и далее Владимир Мономах и все Рюриковичи («Послание» Спиридона-Саввы, написанное до 1523 г., «Сказание о князьях Владимирских» и другие памятники). Роспись Грановитой палаты Московского Кремля (см.: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.-Л., 1955. С.162, 175, 188, 196 сл., 208; Легендарные историко-политические сказания о происхождении русских князей от императора Августа и о дарах Константина Мономаха // *L'idea di Roma a Mosca secoli XV-XVI. Fonti per la storia del pensiero sociale russo*. Идея Рима в Москве XV-XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. Roma; Mosca, 1989. Р. 11-48). Копия фрески из материалов XXXIV Международного семинара исторических исследований «От Рима к третьему Риму». Рим, 22-23 апреля 2014 г.

Гл. III

- III.1. Заставка слева: Помпей Великий, копия (сер. I в.) головы бронзовой статуи из театра Помпея (сравн. илл. X.2) (Копенгаген, Новая глипготекa Карлсберга, инв. 733). Фото автора.
- III.2. Заставка справа: Юлий Цезарь в последний год жизни, мрамор. Турин, Музей античности, инв. № 2098. Изображение зеркально развернуто (сравн.: *Andreae B. Römische Kunst von Augustus bis Constantin. Darmstadt etc.*, 2012).
- III.3. Портрет староримлянина (так называемый «Брут»). Капитолийские музеи, дворец Консерваторов. Фото автора.
- III.4. Портрет Аристотеля. Рим, Государственные музеи (дворец Альтемпс). Фото автора.
- III.5. Портрет философа-стоика и историка Посидония (ок. 135-51 гг. до н.э.). Среди его слушателей были Цицерон и Помпей. Бюст из Государственного археологического музея в Неаполе, инв. № 6142. Илл.: *Richter G. The portraits of the Greeks. Vol.3. L.*, 1965. S. 282.
- III.6. Марк Туллий Цицерон, мраморный бюст, Капитолийские музеи. Фото автора.

- III.7. Форум Цезаря, современное состояние. Фото автора.
- III.8. Антоний, изображение на денарии (32 г. до н.э.), посвященное победе над Арменией (*Armenia devicta*, тиара армянского царя слева внизу). Армянский триумф был отпразднован в Александрии.
- III.9. Голова Клеопатры VII, предположительно предназначавшаяся для изображения царицы в образе Изиды. Мраморный оригинал, изготовленный в Александрии до 31 г. до н.э. Берлин, Государственные музеи, музей античности в Шарлоттенбурге (Simon E. Augustus. 1986. Taf. IV).
- III.10. Эсквилинская Венера, в которой некоторые историки искусства видят идеализированное изображение Клеопатры (Капитолийские музеи, галерея Horti Lamiani. Фото — [wikimedia commons](#). См. также: Andreae B. *Römische Kunst von Augustus bis Constantin*). Возможно, это одна из статуй Клеопатры, которые спас один из ее друзей, заплатив Октавиану две тысячи талантов (Plut. Ant. LXXXVI.5).
- III.11. Бронзовая статуя полуобнаженного Октавиана-Августа. в образе Юпитера. В правой руке копье, в левой — молнии. Напоминает изображения эллинистических правителей. Время создания не определено. Найдена в Геркулануме, принадлежит Национальному археологическому музею Неаполя, инв. № 39.3564 (см: Pollini J. *From republic to empire*. P. 90 f. with note 115; fig. II.24).

Гл. IV

- IV.1. **Заставка:** реверс ауреуса. Октавиан-Август возвращает законы народу. 28 г. до н.э. См. титульный лист (аверс и реверс) с пояснениями и раздел IV.9 с примеч. 253 сл.
- IV.2. Храм Божественного Цезаря на Римском форуме, современное состояние. Фото автора.
- IV.3. Портрет Агриппы, ок 25–24 гг. Габии. Мрамор, выс. 46 см. Лувр, из бывшей коллекции Боргезе. Источник: Marie-Lan Nguyen (фотограф), Jastrow (пользователь), 2009, [wikimedia commons](#).
- IV.4. Портрет Мецената. Ареццо, Национальный археологический музей. Портрет изготовлен между 25–16 гг до н.э. Высота 35 см. См.: Andreae B. *Die Bildnisse des Gaius Cilnius Maecenas in Arezzo und an der Ara Pacis* // *Römische Mitteilungen* 112. 2005/2006. S. 121–161.
- IV.5. Стоящий Октавиан-Август, облаченный в тогу, протягивает руку коленопреклоненной «республике» (поднимает *res publica* с колен?) — реверс ауреуса, 12 г. до н.э. См. раздел IV.4 с примеч. 66 и VII.9, с. 551 сл.

Гл. V

- V.1. **Заставка:** Август — гражданин в тоге (Копенгаген, Новая глипготекa Карлсберга, инв. 55). Фото автора.

- V.2. Платон (427–347 гг. до н.э.). Римская копия портрета, изготовленного Силанионом и выставленного в Академии после смерти философа. Мюнхен, глиптотека, Inv. 548. Фото: Wikimedia Commons. B. Saint-Pol.
- V.3. Портрет Марцелла, племянника и зятя принцепса (сын Октавии и первый муж Юлии). Он был усыновлен и считался наследником Августа до смерти в 23 г. до н.э. Археологический музей в Таранто (Тарент). Фото автора. Театр Марцелла см. на цв. илл. 6.
- V.4. Портрет Ливии Друзиллы. Национальный музей Рима, Палаццо Массимо. Фото автора.
- V.5. Друз Старший. Мраморный бюст. Париж, Лувр, отдел греческих, этрусских и римских древностей. Фото автора.
- V.6. Портрет Ливии Друзиллы — Юлии Августы. Время правления Тиберия. Бохум, собрание произведений искусства Рурского университета. По: Simon E. Augustus. 1986. S. 78 f., 252, Taf. 05.
- V.7. Тиберий, облаченный в тогу, как римский гражданин. Статуя найдена на Капри. Париж, Лувр (Ma1248).
- V.8. Тиберий в образе полубога. Ватикан, музей Кьяромонти. Фото автора.
- V.9. Фрагмент Юлиевой септы (*saepta Iulia*) — разгороженное рядами колонн место для голосования размером 400 на 60 м, рядом с Пантеоном (современное состояние). Это сооружение, начатое Юлием Цезарем, завершил в 26 г. до н.э. Агриппа. Фото автора.

Гл. VI

- VI.1. Заставка: Воображаемый буколический ландшафт с ритуальной сценой жертвоприношения богине. На заднем плане храм и вилла, утопающая в зелени. Фрагмент стенной росписи на вилле Агриппы Постума в Боскореале, «Красная комната». Ок. 10 г. до н.э. (Неаполь, Археологический национальный музей, инв. № 147501). См. Zanker P. Augustus. P. 284 ff. etc.
- VI.2. Расхожий во времена Августа сюжет: Эней с отцом Анхизом и сыном Асканием бегут из горящей Трои. Роспись фасада одного из помпеянских домов. Сравн.: Fuchs W. Die Bildgeschichte der Flucht des Aeneas // ANRW I. Bd. 4 Tafeln. 1973. S. 47–58.
- VI.3. Карикатура на ту же тему. Настенная роспись, найденная в одной из villae Остии. Об (ити)фаллических изображениях см. далее комментарии к илл. VI.6 и VIII.8.4.
- VI.4. Часть стены храма Юпитера Капитолийского Величайшего. Сейчас оказалась в цокольном этаже дворца Консерваторов. Фото автора.
- VI.5. Бюст Юпитера. Найден при раскопках римской колонии Отриколи (Умбрия), где первоначально был частью колоссальной культовой статуи на местном Капитолии. Предполагается сходство со статуей римского Юпитера Капитолийского,

созданной афинским скульптором Аполлонием после пожара 83 г. до н.э. (Ватикан, Овальный зал музея Пия-Клементя). Фото автора.

- VI.6. Денарий с изображением Октавиана-Августа и итифаллической гермы с атрибутами Зевса. П. Цанкер датирует монету временем до 31 г. до н.э. и считает, что на аверсе изображен Октавиан, а герма представляет Зевса (Zanker P. Augustus... 1987. Abb. 044a. S. 63 f.). Дж. Поллини, в согласии с Л. Р. Тэйлор (1931), придерживается мнения, что итифаллическое изображение на монете, относящееся к 29–27 гг., принадлежит гению Августа (Pollini J. From republic... 2012. P. 330 f., fig. VII.18, cf. Taylor L. R. The divinity... 1931. P. 152). Сравн. далее, илл. VIII.8.4.
- VI.7. Статуя Гения, символизирующего благотворительность, изобилие и процветание. Рог изобилия (*cornucopia*) в левой руке; чаша (*patera*) в правой — позднее добавление. Имеет портретное сходство с Августом. Предположительно из Путеол, сейчас в Ватиканских музеях (инв. № 259). Фото автора.
- VI.8. Ливия в образе богини-благотворительницы. Копенгаген, Новая глиптотека Карлсберга (инв. № 1643).
- VI.9. Алтарь ларов с вика Асклети в Риме. Изображена подготовка к жертвоприношению быка гению Августа. «Викомагистры» и «министры» у алтаря. 2–3 гг. н.э. Рим, Капитолийские музеи (дворец Консерваторов).
- VI.10. Реверс ауреуса 16 г. до н.э. Август раздает народу благоволия для очистительных воскурений (*suffimenta*) во время Секулярных торжеств (по: Zanker P. Augustus..., илл. 133).

Гл. VII

- VII.1. **Заставка:** портрет Августа. Таранто (Тарент), Национальный археологический музей. Фото автора.
- VII.2. «Щит добродетелей» — копия *clipeus virtutis*, изготовленная не ранее 26 г. до н.э. Найдена в Арле (провинция Нарбонская Галлия) в криптопортике форума. Мрамор, 110 × 91,5 × 9,5 см. Арль, музей древностей.
- VII.3. Август верхом на коне, фрагмент бронзовой статуи. Афины, Национальный археологический музей (инв. № 23322). Wikimedia commons.
- VII.4. Три типа портретных изображений Августа со схемами укладки передних локонов (по: Schneider R. M. Räume, Bauten, Bilder: Knotenpunkte der kaiserlichen Weltordnung Roms // Leppin H. (Hrsg.). Kaisertum im ersten Jahrtausend. S. 55–94).

Первый тип — «Октавиан». Характеризуется ярко выраженной экспрессией (в подражание портретам Александра Македонского), волосы в беспорядке. На голову натянут край тоги, что указывает на исполнение жреческих обязанностей. Изготовлена после 40 г. до н.э. Алькудия, Майорка, коллекция Маркеса де Кампо Франко.

Во втором и основном типе наиболее ясно проявляется влияние греческой классики. Фрагмент статуи из Прима Порта (ок. 30–27 гг.) выражает спокойствие и уверенность. Ватикан, музей Кьярамонти (Braccio Nuovo).

Третий вариант: Голова с венком. Мрамор, после 30 г. до н.э. Капитолийские музеи.

- VII.5. Август из Прима Порта (см. раздел VII.8). Ватикан, музей Кьярамонти (Braccio Nuovo). Фото автора. (См. также цвет. илл. 4).
- VII.6. Август из Прима Порта, деталь — панцирь.
- VII.7. Денарий М. Дурмия (19 г. до н.э.). Реверс с изображением коленопреклоненного парфянина, возвращающего Риму легионный штандарт (Zanker P. Augustus... Abb. 146 b. Мюнхен, Государственное собрание монет). Этот мотив встречается не только на широко растиражированных монетах, но и в других произведениях искусства, а также в литературе. Кроме хвастливого заявления самого Августа в «Деяниях» (RG 29), можно вспомнить явно преувеличивающий римское превосходство стих Горация о царе парфян Фраате, который «на коленях принял римские законы и господство» (Нор. ер. I.12.27).
- VII.8. Гемма Августа (*Gemma Augustea*) — одно из самых известных произведений мелкой пластики времени Августа. Ей посвящено не одно специальное исследование. Основное содержание — мировое господство Рима под водительством Августа. Изобразительный ряд читается следующим образом. В верхнем регистре — Август в образе Юпитера, сидящий рядом с Ромой (по правую руку от него). Между ними — знак Козерога. Богиня вооружена копьем и мечом, олицетворяя римскую *civitas*. Август в правой руке вместо молний держит посох авгура (*lituus*), указывающий в данном случае на право ауспий и обладание империей. Левой рукой Август опирается на копье, наконечник которого, видимо, уже в новое время стал жертвой работы ювелира. У ног императора отдыхает орел, что должно было означать «постоянную прописку» в Риме верховного божества. Рядом сидит Италия с рогом изобилия, окруженная детьми. У нее на шее *bulla* — знак свободнорожденного мальчика. Ойкумена держит над головой Августа дубовый («гражданский») венок. Справа от Ромы стоит юный Германик, чуть дальше — выезжает на колеснице Тиберий-триумфатор, сопровождаемый Викторией. Он одержал очередную победу под ауспигиями Августа. В нижнем регистре изображены легионеры, устанавливающие «трофей» — знак военной победы. У их ног — жалкие «варвары» (в том числе на коленях). Гемма размером 19×23 см изготовлена ок. 10 г. н.э. из двухслойного сардоникса. Она стала меньше в результате обработки и заключения в золотую оправу в XVII в. Находится в Вене, Музей истории искусств (инв. № AS Ixa 79). Wikimedia commons. Сравн.: Simon E. Augustus. 1986. Taf. 19; Zanker P. Augustus... S. 232 f.; Galinsky K. Augustan Culture... P. 53, 120 f. etc.

Гл. VIII

VIII.1.1. **Заставка:** театр в Остии, элемент ограждения. Театр первоначально построен Агриппой, позднее перестраивался Коммодом и Каракаллой. Фото автора.

VIII.1.2. Центральная часть Рима с Марсовым полем времени императора Константина (первая треть IV века н.э.). Фрагмент макета Итало Джисмонди (200 кв. м.), изготовленный в 30-е – 60-е годы XX века. Взгляд в южном направлении. Рим, Музей римской цивилизации. Фото автора. Цифрами обозначены пункты и сооружения (в прямых скобках для ориентации указаны некоторые объекты, появившиеся позднее):

1) Колизей (амфитеатр Флавиев)/; 2) Палатин; 3) Большой цирк; 3а) Бычий форум; 4) Римский форум (см. илл. с легендами к разделу VIII.6); 5) храм Юпитера Капитолийского Величайшего; 6) форумы Августа и Цезаря; 7) /форум Траяна/; 8) театр Марцелла; 9) портик Октавии; 10) театр (комплекс) Бальба; 11) театр и портик Помпея; 12) септа Юлия; 13) Пантеон Агриппы; 14) /Одеон Домициана/; 15) /Стадион Домициана, совр. пьяцца Навона/. Далее к северу от Пантеона (ниже, за пределами этой схемы) находились горологий, алтарь Августова мира, мавзолей Августа. См. также илл. VIII.3.1.

VIII.1.3. Улица Рима, по: Favro D. *The Urban Image of Augustan Rome*. Cambr., 1996. Fig. 28 (рис. R. Abramson).

VIII.3.1. Модель северной и центральной частей Марсова поля (из музея алтаря Августова мира), I в. н.э. Фото и нумерация автора. Цифры обозначают: 1 — мавзолей Августа; 2 — предполагаемое место сожжения трупа Августа (*ustrinum Augusti*); 3 — горологий (по Бухнеру); 4 — алтарь Августова мира; 4а — современное местоположение музея алтаря Мира (между рекой и мавзолеем); 5 — *via Flaminia*; 6 — местоположение современной *piazza Montecitorio*; 7 — *stagnum* (пруд) *Agrippae*; 8 — Пантеон; 9 — *saepta Iulia* (огороженное портиком пространство для голосования); 10 — *aqua virgo* — построенный Агриппой акведук, который завершался у Пантеона. Он снабжал водой фонтан, находившиеся рядом термы и пруд Агриппы. По этому акведуку до сих пор поступает вода в Треви и в другие известные фонтаны Рима.

VIII.3.2. Одна из реконструкций мавзолея Августа (Hesberg H. von, Panciera S. *Das Mausoleum des Augustus*. Abb. 49). Сравн. совр. состояние — цветная илл. 8.

VIII.4.1. Алтарь Августова мира, размещенный в одноименном музее. В первоначальном положении этот главный вход был обращен на запад (сравн. илл. VIII.3.1). Фото автора. См. также цветные илл. 9 и 10.

VIII.4.2. Торжественная процессия участников церемонии жертвоприношения. Фрагмент рельефа на южной стороне ограждения алтаря. За ликторами и другими должностными лицами следует Август (частично сохранившаяся фигура). За ними — десять фламинов и других высокопоставленных персон,

затем выделяется крупная фигура Агриппы. Мальчик рядом с ним — Гай Цезарь, далее в переднем ряду — Ливия и Тиберий, далее (за пределами фрагмента) следуют другие члены семьи принцепса и некоторые другие лица. Фото автора.

VIII.5.1. Надпись на базе обелиска сделана не ранее 12 г. до н.э., когда Август стал великим понтификом. В ней говорится о «возвращении» Египта Римскому народу. Фото автора. См. начало раздела VIII.5 с примеч. 68. Сравн. илл. VIII.3.1 (макет) и цвет. илл. 11.

VIII.5.2. Бронзовый глобус со «стрелкой», во времена Августа укрепленный на верхушке обелиска (астрономич.: *nodus*). Сияющий на солнце позолоченный шар был виден на километры. Тень от глобуса показывала высоту подъема солнца и позволяла проверять календарь. Сейчас находится в музее на Капитолии, дворец Консерваторов. Фото автора. Иногда (ошибочно) указываются другие подобные экспонаты (правильно см.: Kaiser Augustus... 1988. S. 244; Pollini J. From republic... 2012. P. 213 f, fig. V.6 etc.). Другой подобный шар с иглой стоял ранее на Ватиканском обелиске, сейчас он также находится на Капитолии. В античности были известны глобусы как изображения Земли, а также как небесной сферы (небесный глобус — изображение видимого звездного неба, сравн. «Атлас» Фарнезе). Изображение глобуса в руке правителя как символа власти над миром известно у римлян по крайней мере с последних десятилетий Республики (статуя Помпея во дворце Спада). Начиная с Августа, важный символ императоров. См. также иллюстрации к главе X и заднюю обложку.

VIII.6. Римский форум

VIII.6.1. Римский форум 1. Общий вид с Палатина на центральную часть в северо-западном направлении. Фото автора. Далее перечислены некоторые частично сохранившиеся памятники, относящиеся к разным эпохам (сверху вниз и слева направо):

На заднем плане часть монумента «Витториано» — помпезный памятник в честь Виктора Эмануила II, первого короля объединенной Италии (1820–1878), с двумя победными квадригами (1), левая загорожена выступающими лесами, сооруженными в ходе ремонта субструкций дворца Тиберия.

На склоне Капитолия располагался государственный архив Древнего Рима — табулярий. Видна угловая часть сохранившегося кирпичного цоколя здания и поздней надстройки (2). Табулярий ограничивал форум с запада. Чуть ниже — остатки храма Конкордии (3). В подвалах выступающего из-за арки Септимия Севера (4) здания — Мамертинская тюрьма. Правее возвышается купол церкви Св. Джузеппе, далее над углом крыши Юлиевой курии и кроной дерева — верхушка колонны Траяна.

Слева от арки Септимия Севера — остатки *umblicus Urbis* («пуп Города» — символический центр Рима (см. илл. VIII.6.3). Еще левее и ближе к нам находится ораторская трибуна («Ростра») (5). Недалеко Август установил *miliarium aureum* («золотой милиарий») (М). Это был символический центр «круга земель» (*orbis terrarum*), на котором золотыми цифрами указывались расстояния до центров провинций.

Перед Ростральной трибуной — центральное пространство форума (120 на 50 м) (6), на котором собирались слушатели — Римский народ. Перед трибуной стоит колонна в честь византийского императора Фоки (7). По обе стороны форум ограничивала *via sacra* («Священная дорога»). По периметру стояли памятники республиканского и императорского времен (сохранились лишь немногие пьедесталы и колонны).

Справа от арки Септимия Севера возвышается оставшееся без облицовки здание Юлиевой курии (8). Пространство между ним и аркой Севера на протяжении нескольких лет вновь изучается археологами (под крышей). Там находится знаменитый *lapis niger* («черный камень») — куски плиты из черного мрамора (9). Согласно легенде, под ними находится могила Ромула. Рядом найдена древнейшая латинская надпись (VI в. до н.э.). К северу, за курией располагался форум Юлия Цезаря (10). Еще далее, за деревьями и проезжей частью (*via dei Fori Imperiali*) — форум Траяна.

Три колонны слева с фрагментом антаблемента остались от храма Диоскуров (Кастора и Поллукса) (11). За ними располагалась базилика Юлия (12). Колонны частично загораживают часть форума с рядом памятников, в частности, известный *lacus Curtius*. По правую сторону от форума находилась базилика Эмилия (13). За ней справа (не видны) — раскопки форума Мира и храма Мира.

Справа от храма Диоскуров, по центру, на форум смотрит храм божественного Юлия (14, остались фундамент и частично стены). Он замыкает форум с востока. Далее направо, к северу, располагался форум Нервы.

Еще ближе, за воображаемой линией, соединяющей колонны храма Диоскуров и храм Юлия, следует большой участок, предназначавшийся для весталок. Это дом весталок (15), рядом с круглым храмом Весты (16), где поддерживался священный огонь. К дому примыкал довольно большой внутренний двор с бассейнами (17).

VIII.6.2. Римский форум 2. Общий вид с обзорной террасы Капитолия в восточном направлении. Фото автора. (Нумерация памятников только частично совпадает с илл. VIII.6.1).

На переднем плане, за улочкой *Clivus Capitolinus* (Капитолийский спуск, 1) — храм Сатурна (2). Слева от него видны угол арки Септимия Севера (4) и раскопки (под крышей) в районе нахождения *lapis niger* (9). Чуть далее — Юлиева

курия (8). Между колоннами храма Сатурна просматриваются фундаменты базилики Эмилия, за которой раскопаны фундаменты храма Мира.

За последней колонной храма Сатурна — основное пространство форума (6). За ним — храм божественного Юлия (14). Чуть подальше находящийся на реконструкции храм Антонина и Фаустины (18). За ним выглядывает верхняя часть церкви Козьмы и Демьяна (19). Далее — грандиозные руины базилики Максенция (или Константина) (21).

По правую сторону от Римского форума и Священной дороги находилась базилика Юлия (12). Позади нее — руины храма Кастора и Поллукса (11), слева видны храм Весты (16) с домом весталок. Справа поднимаются субструкции палатинских построек.

На заднем плане следует обратить внимание на арку Тита (22) и Колизей (амфитеатр Флавиев, 23). Кирпичные постройки с возвышающейся башенкой, которые использует администрация раскопок, построены частично на территории храма Венеры и Ромы.

VIII.6.3. «Пуп Города / пуп Земли» (*umblicus Urbis / umbilicus mundi*) на Римском форуме. Фото автора.

VIII.7. Форум Августа

VIII.7.1. Императорские форумы Рима (картосхема по результатам раскопок 30-х годов).

VIII.7.2. Форум Августа, современное состояние. Фото автора и схема с комментариями. См. также цвет. илл. 13 с пояснениями.

VIII.7.3. Каменный рельеф времени Клавдия, изображающий храм Марса Мстителя на форуме Августа и сцену жертвоприношения быка. Высота 1,56 м. Рим, вилла Медичи (Zanker P. Augustus... Abb. 86).

VIII.7.4. Фрагмент надписи, посвященной первому римскому царю Ромулу, с форум Августа. Музей императорских форумов. Фото автора.

VIII.7.5. Реконструкция фрагмента аттика бокового портика, выходившего на форум. Дополненные слепки оригиналов, хранящихся в Национальном археологическом музее во Флоренции, Вилла Корсини (инв. № 13711). Рим, Музей императорских форумов. Фото автора.

VIII. 8. Палатин

VIII.8.1. Палатин и Большой цирк. Фрагмент макета императорского Рима в IV веке, изготовленного И. Джисмонди. Цифрами обозначено местонахождение построек разных эпох:

1 — Римский форум; 2 — храм Венеры и Ромы; 3 — Колизей; 4 — дворец Тиберия (*domus Tiberiana*); 5 — храм Элагабала; 6 — храм Кибелы (сравн. цвет. 14); 7 — местонахождение «хижины Ромула»; 8 — дом Ливии; 9 — Дом Августа;

10 — храм Аполлона; 11 — дом Флавиев; 12 — «дворец правителя» (*aula regia*); 13 — дом Августов (*domus Augustana*); 14 — «стадион» (место для прогулок); 15 — акведук Клавдия; 16 — дом Северов; 17 — Большой цирк.

VIII.8.2. Дом Августа с храмом Аполлона (схема на основе: Coarelli F. Rom. 2013. P. 170).

Цифрами обозначены: 1 — атрий; 2 — перистиль; 3 — комната масок; 4 — комната с гирляндами пиний; 5 — триклиний; 6 — личные библиотеки Августа; 7 — кабинет. Отдельно указано местонахождение библиотеки Аполлона, открытой для читателей.

VIII.8.3. Роспись на штукатурке в одном из помещений дома Августа (комната масок). Ок. 30 г. до н.э. В центре стены крупное изображение *baitylos* — священного камня, в данном случае символизирующего Аполлона. Он украшен ритуальными предметами и растительностью (сравн. илл. VIII.8.4 с комментарием).

VIII.8.4. Изображение на глиняной доске (ширина 62 см): две женщины заботливо украшают культовое изображение Аполлона-Агийя (*Apollo Agyieus* — «Хранитель дорог», греч.). На Палатине, в районе между домом Августа и храмом Аполлона, найдены в той или иной степени сохранности несколько таких необычных предметов, на которых повторялись этот и другие сюжеты (см. след. илл. и цветную 17). Эти своего рода облицовочные доски могли украшать храм Аполлона (см.: Simon E. 1986. Augustus... S. 252, с лит.). Они выставлены в антиквариате (музее) Палатина. Пришедший из Малой Азии культ Аполлона был аниконическим, то есть божество почиталось в виде отождествлявшихся с ним предметов, в данном случае — столбов (кеглей) определенной конфигурации. У истоков, видимо, стояли древнейшие фаллические культы. Можно провести аналогию с почитанием Аполлона в виде омфала («пуп Земли») в Дельфах, а также *umblicus Urbis* на Римском форуме. Известны фаллические изображения, выполнявшие функцию охраны входа в культовые здания и частные дома (Приап в доме Веттиев, герма Л. Цецилия Юкунда, сравн. также изображение подобной гермы Августа — илл. VI.6).

VIII.8.5. «Мраморный Феб» (или Гермес?). Римская копия греческого оригинала сер. V в. до н.э. Музей Палатина, инв. 12452. Аполлон Феб («лучезарный») — олицетворение Солнца. Фото автора.

VIII.8.6. Фрагмент колоссальной статуи Аполлона Палатинского (по оригиналу Скопаса?). Музей Палатина, инв. 35750. Фото автора

VIII.8.7. Терракота со сценой борьбы Аполлона и Геракла за священный треножник в Дельфах (музей Палатина, сравн. VIII.8.4). Схватку своих сыновей смог остановить лишь Зевс. Сюжет можно считать символом соперничества культов Аполлона и Геракла. В Римской империи широкое распространение получил второй из них. Четыре последние экспоната представляют находки из ареала храма Аполлона Палатинского.

Гл. IX

- IX.1. Заставка: Аверс денария 54 г. до н.э. с изображением Луция Юния Брута, легендарного тираноборца и основателя Римской республики. Сравн. илл. III.3.
- IX.2. Фрагмент рельефа на саркофаге римского всадника М. Валерия Романа, умершего семнадцатилетним юношей. Покойный изображен между двумя философами. На продолжении рельефа (здесь не воспроизводится) — иллюстрация к рассказу Гомера о встрече Улисса с сиренами. Национальный музей Рима, термы Диоклетиана. Фото автора.
- IX.3. Бюст Эпикура. Копия перв. пол. I в. с греческого оригинала III в. до н.э. Национальный музей Рима, Палаццо Массимо. Фото автора. Еще некоторые из немногих сохранившихся портретов философов см. также на илл. III. 4–6, V.2
- IX.4. «Философ». Фрагмент росписи виллы Боскореале, ок. 40–50 гг. н.э. (По: Simon E. Augustus... Taf. 24).
- IX.5. Отпечаток штампа для изготовления чаши. Из аретинской мастерской, (датируется от 20 г. до н.э. до рубежа эр) Аретццо, археологический музей. Достаточно откровенная любовная сцена. Все же сравнение с греческим оригиналом показывает, что римскую интерпретацию отличает отсутствие излишнего натурализма (сравн.: Zanker P. 253 f., Abb. 198–199).
- IX.6. Бронзовый бюст Катона Младшего (Утического). Найден в Волюбилисе. Рабат, Музей доисламских древностей (wikimedia commons, Prioryman).
- IX.7. Камя (высота 9 см), изготовленная вскоре после смерти Августа, вставлена в новое время в медальон. Ливия, уже как Юлия Августа, держит бюст обожествленного Августа в образе Сатурна (?), с «солнечной» короной. Колосья, тимпан и диадема с зубцами стены указывают также на божественность Ливии (она изображена как Кибела или Церера). Вена, Музей истории искусств, инв. № IX A 95. См.: Simon E. Augustus... Abb. 211, Komm. S. 246, cf. Zanker P. Augustus... S. 236, Abb.184.
- IX.8. Денарий Марка Брута, 43–42 до н.э. Реверс: иды марта, *pileus* между кинжалами (RRC 508. 3). Об изображении см. раздел VII.2, примеч. 31.
- IX.9. Серебряная тетрадрахма типа «кистофор» (*cistophorus* — /в данном случае: реверс, / «носящий изображение ящика»), выпущенная в 28 г. до н.э. в Эфесе (по Сазерланду, в 28–27 гг. в вифинской Апамее). Кистофорами в республиканский период назывались чеканившиеся в ряде городов Малой Азии тетрадрахмы с изображением *cista mystica* (тайный, сакральный ларец) — из полуоткрытого ящика высывалась змея. Изображение этого элемента дионисийских мистерий обрамлялось плющевым венком. Фото воспроизводится по: CRIP Pl. I, 16. См. раздел IX.8 с примеч. 249.

Гл. X

- X.1. **Заставка:** денарий Октавиана, где он представлен как победитель Секста Помпея и владыка мира. Надпись CAESAR DIVI F /ILIUS/. Атрибуты: меч, скипетр, глобус, носовая часть корабля — *rostrum* (как трофей). На другой стороны монеты изображена богиня Виктория. Цанкер датирует монету временем до 31 г. до н.э. (Zanker P. *Augustus...* Abb. 31a; cf.: Galinsky K. *Augustan culture*. 154; Hoff R., Stroh W., Zimmermann M. *Divus Augustus...* S. 87 etc. Берлин, Кабинет монет Государственных музеев.
- X.2. Колоссальная статуя Помпея Великого с глобусом в левой руке была первоначально установлена в открытом в 55 г. до н.э. комплексе, известном как Театр Помпея, в одноименной курии. Предполагается, что у подножия этой статуи был убит Юлий Цезарь. Август перенес ее в прилегающий к собственно театру портик (сравн.: Suet. *Aug.* 31.5). Сейчас частично восстановленная статуя находится в римском дворце Спада (место заседаний Государственного совета Италии). Воспроизводится по: Nicolet C. *Space, geography, and politics in the early Roman empire*. 1991. Fig. 09, comment.: P. 37 f. with note 38, cf.: Falenna D. *Il Pompeo di Palazzo Spada // Archeologia Classica*. Т. 8. Roma, 1956. P. 193 ff. Иногда в качестве той самой колоссальной статуи из театра Помпея называют другие памятники. См. также раздел VIII.7 с примеч. 114 сл., — также о другой статуе Помпея, возможно, установленной на форуме Августа.
- X.3. «Карта Агриппы» отражала представления римлян об *orbis terrarum*, а также их притязания на руководство миром. Реконструкция: K. Sallmann, по: Nicolet C. *Space...* (1988). См. также раздел VIII.1 с примеч. 29 сл. и X.7 с примеч. 83.
- X.4. Август с державой и жезлом в образе Юпитера. Статуя из Кум (I в. н.э.). Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, кабинет скульптуры, зал Августа (N 213100). Фото автора. Подобные подражания статуе Зевса Олимпийского характерны для времени Юлиев-Клавдиев. См.: Лесницкая М. М. Статуя Августа из собрания Эрмитажа. Л., 1962; Бритова Н. Н., Лосева Н. М., Сидорова Н. А. Римский скульптурный портрет. М., 1975. С. 31; Колпинский Ю. Д., Бритова Н. Н. Искусство этрусков и Древнего Рима. М., 1982. С. 83; Kuttner A. L. *Dynasty and empire in the age of Augustus: the case of Boscoreale cups*. Berkeley, 1995. P. 37–44. О глобусе как атрибуте императорской власти см. также раздел VIII.5.

Гл. XI

- XI.1. **Заставка:** Термы Каракаллы (нач. II в. н.э.), современное состояние. Строительство и поддержание в порядке общедоступных терм, снабжение граждан продовольствием и чистой водой, устройство зрелищ и многое другое входило в круг обязанностей императоров по отношению к плебсу на протяжении всего существования Римской империи. В основе этого лежали древние представления

о *res publica* и суверенитете народа, на службе которого находятся магистраты.
Илл. из wikimedia commons, автор Chris 73.

Дополнительные пояснения к отдельным цветным иллюстрациям

Все цветные фотографии сделаны автором в 2010–2014 гг. (исключения оговариваются, в скобках указаны главы или разделы, к которым в основном относятся фотографии).

- 1 (VI) Бычий форум (современное состояние). В ранний период здесь, на берегу Тибра (река не видна за сквером и набережной), находился порт. Круглый храм Геркулеса Виктора долгое время приписывался Весте, храм Фортуны — Фортуне Вирилис.
- 2 (VI) ворота Януса на Бычьем форуме. На той же площади размещался префект анноны, ведавший продовольственным снабжением столицы (элементы постройки сохранились в базилике Санта Мария ин Космедин)
- 3 (VI.3) Август в тоге, с покрытой головой при исполнении жреческих обязанностей (Август с виа Лабикана). Мрамор. Датируется в пределах последних двух десятилетий до н.э. Государственные музеи, Palazzo Massimo alle Terme.
- 4 (VII.8) статуя Августа из Примапорта (современный пригород Рима) — Augusto di Prima Porta. Найдена при раскопках виллы Ливии. Мрамор, 203 см. Ватиканские музеи, Braccio Nuovo.
- 5 (VIII.1) Пантеон («Храм всех богов»), современное состояние. Постройка, возведенная Агриппой, сгорела. Сохранившееся сооружение — результат реконструкций, предпринятых Траяном и Адрианом после пожаров. Освящен ок. 126 г. н.э. Тем не менее сохранилась оригинальная надпись Агриппы, возможно, и сам портик.
- 6 (VIII) театр Марцелла и остатки колоннады храма Аполлона Медика (Созиана) на Марсовом поле. Рядом находился храм Беллоны. См. раздел VIII.2 с примеч. 39.
- 7 (VIII) театр в Остии, сравн. черно-белую илл. VIII.1 с пояснениями.
- 8 (VIII.3) мавзолей Августа, современное состояние (фото: 6.11.2010). Работы по частичной реконструкции и консервации памятника.
- 9 (VIII.4) раскопанный в 1937 г. алтарь Августова мира после реконструкции был размещен в крытом музее рядом с мавзолеем (1938 г.). Музей перестроен и вновь открыт в 2006 г. Сейчас планируется очередная реконструкция.
- 10 (VIII.4) алтарь Августова мира, фрагмент.
- 11 (VIII.5) обелиск на площади Монтечиторио (piazza Montecitorio).
- 12 (VIII.6) Римский форум, вид с Палатина. Современное состояние (2010).
- 13 (VIII.7) форум Августа, современное состояние (2010).
- 14 (VIII.8) храм Кибелы на Палатине.
- 15 (VIII.8) роспись стены в Доме Августа. Рим, Палатин.

- 16 (VIII.8) роспись стены в Доме Августа, там же.
- 17 (VIII.8) терракотовая доска с изображением горгоны Медузы. Рим, музей Палатина.
- 18 (VIII.8) Аполлон Кифаред, стенная роспись из Дома Августа, найдена на *scalae Caci*, Палатин. Музей Палатина (wikimedia commons, cody escadron delta).
- 19 (VIII) стенная роспись из виллы Ливии *ad gallinas albas* (Прима Порта. О найденной там статуе Августа см. в разделе VII.8). Рим, Государственные музеи, Palazzo Massimo alle Terme.
- 20 (VIII) стенная роспись из виллы Ливии, там же.
- 21 (IX.5) Вергилий с двумя музами. Мозаика III в. Тунис, Государственный музей Бардо (wikimedia commons, Giorces).
- 22 (VIII) Великая камея Франции (Grand Camée de France). 31×26,5 см. Париж, Национальная библиотека Франции, кабинет медалей (wikimedia commons, Janmad/Jastrow). Изображение вырезано из пяти слоев сардоникса. Сюжет отражает ситуацию первых лет правления Тиберия, когда важно было обосновать его легитимность в качестве преемника Августа. Насчитывается 24 персонажа, расположенных на трех уровнях. Вверху — мир богов, центральное место занимает обожествленный Август, слева Друз Младший (умерший в 23 г. сын Тиберия), верхом на Пегасе — Германик, сын Друза Старшего (умер в 19 г. н.э.). В центре второго яруса — император Тиберий с жезлом и литуусом (загнутый посох авгура), по левую руку от него — Ливия. Внизу варвары, парфяне и германцы.

XII.3. Некоторые латинские термины¹

A

ab Urbe condita — от основания Города, т. е. Рима 286, 397, 400, 711

adulterium — супружеская неверность, прелюбодеяние 448

amicitia — дружба 130 (18), 154, 712

amicus — друг; приверженец 255 (168), 460, 632 (157), 701, 712, 798 сл. (101)

amittere rem publicam — утратить республику 162 (111)

aqua Marcia, Virgo etc. — римские акведуки 567 сл., 640, 835

ara — алтарь, жертвенник 437 (159), 584

ara Pacis Augustae — Алтарь Августова мира на Марсовом поле 49, 476, 579, 580 (55), 582, 586, 589, 759 (11)

¹ Здесь и в указателях помещены только выражения и термины, принципиально важные для освещаемой темы. То же относится и к разъяснениям. В скобках указаны номера подстрочных примечаний, в которых также встречается указанный термин. Исключены нерелевантные упоминания в сносках, включая названия цитируемых публикаций, а также часто употребляемые слова, отраженные в оглавлении.

- auctoritas* — юридически не оформленное реальное влияние и неформальная власть, основанные на статусе, заслугах и личных качествах, «авторитет»; *auctoritas principis* — в эпоху ранней Империи — особая *auctoritas*, связанная с исключительным положением единственного принцепса (*statio principis*) 29, 45, 72, 74 сл. (54), 86, 88, 91, 94 сл., 102, 106 (195), 114, 122, 130, 239 (113), 290 сл., 293, 300 сл., 304, 308, 327, 336, 340, 345 сл., 351, 386 сл., 396, 466, 489 сл., 497 сл., 500 сл. (53), 502 (54 сл., 58), 503 (60), 516 (98), 518, 524 сл., 531, 539, 567 (28), 699, 729, 738, 740, 744, 746, 762, 767 сл., 792 сл. (92 сл.), 821
- augurium* — прорицание, гадание по природным явлениям и поведению животных; *augusto augurio* — по августейшему гаданию; *auguria salutis* — гадания о благосклонности богов к Римскому государству 409, 424, 426
- Augustus* (греч. *Sebastos*; см. также: Август) — божественный, священный, возвеличенный богами (имя) 18, 95, 113, 121, 290, 293 (286), 300, 507 слл. (71), 515 (94), 517, 519, 525, 793 (93)
- aurea saecula, aurea aetas* — «Золотой век» 473, 478, 539 (168), 546, 582, 677 (91), 769
- auxilium tribuni plebis* — поддержка и юридическая защита, которую оказывали гражданам народные трибуны 282
- avaritia luxuriaque* — жадность (алчность) к деньгам и тяга к роскоши. Формула, обозначавшая опаснейшие по своим последствиям пороки 504 (61)

С

- carpe diem* — лови день, т. е. пользуйся всеми доступными благами (эпикурейский лозунг Горация) 446, 684
- civilitas* — «гражданственность», совокупность качеств, присущих идеальному гражданину 87, 105, 264, 265 (197), 325 (*civiliter*), 539
- civitas* — здесь: римская гражданская община, а также другие общины-государства, отвечавшие определенным критериям (см. разделы IV.4 сл.). В современной науке рассматривается, как и греческий «полис», в качестве социально-политической структуры, определявшей специфику античного мира 99, 105 сл., 111, 115, 117 (236), 120, 122, 126 (3), 127 (5), 129 (13), 136, 139 сл., 144, 146, 149 (71), 179, 181, 198 сл., 200, 207, 212 сл., 224 сл., 226 (68, 71), 227 (72), 228 (74 сл.), 229 (76 сл.), 231 (84), 237 сл., 274, 277, 298, 303, 306, 312, 385, 395, 403, 411, 443 слл., 447, 450, 456, 461, 464 (271), 491, 497, 500, 508, 517, 519, 660 (39), 686, 718, 747, 751, 752 (2), 753 слл., 757, 764, 770, 772, 785, 789 (83), 819 сл., 834
- clementia* — милосердие со стороны победителя к побежденному, в отличие от *ius* и *lex* как правовых принципов, регулировавших взаимоотношения между равноправными партнерами 155, 239, 264, 290, 352, 494, 498, 503, 505 (64), 506, 529, 614 (116), 662 (43), 697, 744
- clipeus (clupeus) virtutis* — здесь: золотой щит (*clipeus aureus*) с запечатленными на нем добродетелями Августа 290, 833

comitas — обходительность 264

comitium — место, где проводилось народное собрание; *comitia* (мнж.) — народное собрание 596, 633

commendatio — рекомендация; в частности, рекомендация принцепса избрать данное лицо магистратом (см. также *destinatio, nominatio, suffragatio*) 215

coniuratio (conjuratio) — клятва верности; союз, основанный на взаимной клятве; также заговор 190, 371

consecratio (греч.: *apotheosis*) — посмертное обожествление (см.)

consensus universorum (omnium) — всеобщее согласие 371 (200)

consilium principis — совещание в узком кругу приближенных к принцепсу лиц, включая членов семьи, магистратов, сенаторов 501, 628, 796

contio — народная сходка, на которой предварительно обсуждались законопроекты и другие вопросы 134 (33)

corona civica (corona ob civis servatos) — дубовый венок, почетнейшая награда, дававшаяся за спасение гражданина в бою 289, 433, 504, 516 (96), 538, 631, 829

cum dignitate otium — почетный досуг 397, 699

cura et tutela — забота и попечение 74 (53), 343 (123), 794 (97)

cura legum et morum — попечение о (надзор над) законах и нравах, функция магистратов, в первую очередь цензоров 445, 447, 448 (200)

curator (rei publicae, legum und morum etc.; см. также: gubernator...) 238, 306, 328 (72), 350 (144), 380, 498 (42), 566 (25)

cursus (honorum) — карьера, путь почестей 43, 143 (60), 252 (156), 331 (84), 366, 384, 521, 613, 655 (19)

D

damnatio memoriae — осуждение, проклятие памяти (кого-л.) 329, 383 (232), 496 (40), 717 (201)

destinatio — определение, назначение, избрание. Здесь: выдвижение кандидатуры консула, претора собранием сенаторов и всадников 351, 376

dictator perpetuus legibus scribundis et rei publicae constituendae — диктатор без ограничения срока для подготовки законов и устройства «республики» 209, 276

dies imperii — дата получения высшей власти, от которой исчислялось правление императора 303 сл. (20), 336 (101), 340 (116), 827

dignitas — достоинство, почет, одна из важнейших категорий, составлявших систему ценностей римского гражданина 129, 146, 148 (66), 150 (73), 154, 156, 189, 195, 214 (25), 264, 370, 503, 506, 514, 539, 697, 783

divi filius (сокр.: *divi f.*) — сын божественного (титул сына посмертно обожествленного императора) 18 (14), 338 (108), 424, 505 (64), 508, 509 (71), 519, 551 (196), 587 (68), 628 (147), 734 (249), 829, 841

dominus — господин; *dominatio* — господство, владычество 79, 86, 90 сл., 92 (135), 225 (66), 304, 367 (186), 428, 465, 492, 512 (81), 521, 656 сл. (27), 660, 795 (*dominus terrarum*)

dux — командир, предводитель 682

Е

exemplum — пример, образец 250, 260, 268, 299 (6), 397, 458, 463 (267), 504, 717

Ф

factio — здесь: политическая группировка, клика 215, 218 (36), 235, 367 (186), 368, 465, 492 (23), 495, 668 (67), 689

fides — доверие, верность; обожествленная моральная гарантия выполнения взаимных обязательств, договоров, законов 130 (18), 249 сл., 394, 461, 477, 503 (60), 506

forma (civitatis etc., сравн.: status) — форма (государства и др.) 231 (синонимичные выражения), 307 (синонимичные выражения), 324, 387, 737 сл.

Fortuna redux — богиня удачного возвращения 344, 408, 542

Г

genius — дух или божество, покровительствовавшее мужчине. Оно воплощало его жизненную силу, со временем приобретая различные социальные аспекты; *Genius populi Romani* — божество, воплощавшее могущество Римского народа и ему покровительствовавшее; *Genius Augusti* — то же, включавшее могущество императора (эпоха Империи) 430 (133), 432, 437 (160), 480, 566

gubernator rei publicae (civitatis) — (см. также: *curator, moderator, procurator, rector, tutor, vindex*) 199, 211, 240 (118), 242 (125), 306, 495, 754

Н

homo novus (множ.: *homines novi*) — «новый человек», обладатель высшей магистратуры в первом поколении 131 (20), 138, 298

honores principis (ед. число *honor*) — почести, предоставленные принцепсу 525 (124)

honor (honor) — почет, почесть, почетная должность (магистратура) (см. также *cursus honorum*) 218 (40), 238 (106), 394, 440 (174), 473, 477, 521

horologium — (греч.: *horologion*; лат.: *solarium*) — солнечные часы. Здесь: *horologium (solarium) Augusti* — грандиозное сооружение в северной части Марсова поля для наблюдения за Солнцем и корректировки календаря 49, 586, 588, 592

humanitas — «человечность» в ее противопоставлении животному началу; гуманность, основанная на образованности и просвещенности (см. также: *civilitas, comitas, liberalitas*) 265, 352

I

impensae (ед. число — *impensa*) — расходы, издержки 367 (186), 521 (108), 571
imperator 18 (14), 29, 69 сл. (38), 119, 121, 280 (241), 290, 301, 304 (20), 354 (156), 507–
 509 (70 сл.), 510 слл. (81), 519, 641, 739, 773, 793 сл. (93), 800

imperium (империй) — высшая власть, опиравшаяся на военную силу сравн.: *potestas*) и действовавшая преимущественно за пределами померия (см.: *pomerium*). В эпоху Республики — власть высших магистратов 95, 99, 101 сл., 105 сл. (195), 119, 121, 154, 169, 220 (46), 278, 283 (250) 288 сл., 300, 303 сл. (17 сл.), 336, 341, 344 (127), 347, 351, 360, 362, 373, 385, 386 (237), 420, 490, 510, 517, 521 (108), 523 (116), 533 (155), 546, 586 (66), 657 (28), 661, 745, 767, 771 (19), 772, 773–775 (25, 27 и слл.), 778, 780 (53), 791, 793, 819, 821 сл., 827, 830

imperium consulare — консульский империй (власть, полномочия) 80, 88, 95, 99, 288, 327, 331 сл., 337, 343 слл. (127 сл.), 349, 351, 367, 514, 767

imperium Romanum (*imperium populi Romani*) — то, что находилось под властью Рима — «империя Римского народа», уже со времени Республики. Также все территории с населявшими их народами, на которые распространялись притязания римлян. Еще в эпоху Республики эти претензии охватывали весь «круг земель» (*orbis terrarum*, см.). В современной литературе «Римская империя» часто обозначает название государства (аутентичное см.: *senatus populusque Romanus*; см. также: *imperium sine fine, orbis terrarum*) 114 (229), 302, 774, 777, 778 (48, 50), 779 (51), 782, 785, 788 сл. (82), 790 (84), 791, 794 сл. (96, 98), 819

imperium proconsulare — проконсульский империй, практически неограниченные полномочия в провинции (*imperium proconsulare maius* — предполагаемый наивысший империй Августа, превосходивший полномочия проконсулов) 76, 95, 308 (23), 336 сл. (101, 103), 338 (107 сл.), 358, 484 (4 сл.), 512, 514, 518, 773

imperium sine fine — неограниченное (во времени и в пространстве) владычество над известным миром 777 (46)

ius (*jus*) — право, справедливость как основополагающая ценность и как система римского права; конкретная правовая норма

ius trium liberorum — преимущественное право отца трех детей на занятие почетных должностей 448 (201), 457 (244)

iustitia — здесь: справедливость, правосудие 87, 236, 290, 408, 445, 458, 462 (263), 498, 505 (64), 506, 529, 662 (43)

L

lares (ед. число — *lar*) — духи-хранители (обычно имелись в виду лары домашнего очага) 429 (132), 432, 433 (144), 480, 566

lectio — выбор; зачитывание вслух; *lectio senatus* — пересмотр и зачитывание /обновленного/ списка сенаторов 91, 95, 348 (139)

- lex* — закон; в публичном праве времени республики главным образом закон, принятый народным собранием (*leges publicae*). *Lex* называлась именем автора законопроекта или (и) по содержанию (см.: закон) 46, 172, 220 (46), 284 (254), 370 (197), 454, 457 (245, 247 сл.), 458 (250), 459, 461, 564 (19), 773 сл. (34), 790 (84)
- lex de imperio* — 94 сл., 304 (18), 484 (5), 744 (270), 822
- lex Iulia de adulteriis coercendis* — Юлиев закон о пресечении женской супружеской неверности. Возможно, был одной из глав закона *de maritandis ordinibus* (см. след.) 448
- lex Iulia de maritandis ordinibus* — букв.: «Юлиев закон о браках сословий», запрещавший гражданам вступление в неподобающий брак (в частности, сенаторам — с вольноотпущенницами) 379 (219), 448
- lex Iulia de vestitu et habitu* — Юлиев закон о платье и наряде 455
- lex Papia Poppaea* — закон, в дополнение к «Юлиеву закону о браках сословий», ввел дополнительные меры против мужчин и женщин, не вступавших в брак 448 сл.
- lex sumptuaria* — закон о расходах на роскошь 455
- lex Valeria Cornelia, lex Valeria Aurelia* — 375, 458, 459
- liberalitas* — благородство, приветливость, милосердие, щедрость — образ мыслей и действий, свойственный свободному гражданину и добронравному принцепсу 264, 352, 557 (3), 697, 729 (236), 746
- libera res publica* — «свободная республика» 20, 111, 132, 291 (277), 367 (187), 493 сл., 496 (39), 753, 764
- libertas* — свобода, в традиционном понимании основанная на гражданском полноправии и материальной независимости 29, 47, 79, 86 сл., 88 (115), 89 (126), 97 (156), 105 (190), 128 (9), 155 (85), 156, 175, 264, 301, 352, 395, 490 сл. (19), 493 (24 сл., 27), 494 (31), 495 (32 сл.), 506, 516, 521, 550 (190), 629 (150), 639, 656 сл., 666, 683, 700 сл., 703, 708, 710, 716, 723, 731, 734 (249), 745, 754 (7), 755 (9), 762
- libertas Augusta* — 496
- libertatis populi Romani vindex* — защитник (спаситель) свободы Римского народа 283, 734 (249)
- libertas rei publicae* — 86 сл.
- locus standi* — общественное положение, статус, место в государстве 338
- ludi Saeculares* — Секулярные торжества («игры»), знаменовавшие начало нового века 468 (282, 284), 469 (287)
- lustrum* — здесь: искупительное, очистительное жертвоприношение, в частности, по окончании ценза (см.: люстр, ценз)

М

- magister* — глава, смотритель (напр.: магистр всадников, магистр религиозной коллегии) 254, 434
- maiestas (majestas)* — «величие», сокр. от *maiestas populi Romani* («величие Римского народа») — формула, обозначавшая высшие государственные интересы. Соответ-

ственно, *lex maiestatis* — «закон о величии» — сурово карал за нанесение гражданского, военного или морального ущерба государству, государственную измену (*maiestatis crimen, laesa maiestas*). В эпоху Ранней Империи *lex maiestatis* использовался для репрессий в отношении противников режима 382, 457 (247), 552, 705
moderatio — умеренность, самообладание, такт 78, 87
moderator rei publicae — правитель как умиротворитель, наставник, кормчий «республики», государства (см также: *gubernator* etc.) 238, 242, 346
modestia — умеренность, благоразумие, осторожность, благопристойность 800
mores maiorum — нравы, обычаи, установления предков (как образец для подражания) 396, 403, 461, 479, 498 (42)

N

nobilis (nobilitas) — славный, родовитый (слава, родовитость) 130, 132, 138, 298
numen — божественные воля и могущество, которые распространялись на Римский народ и сенат, позднее — на принцев (*numen Augusti*) 420, 436, 437 (158 сл.), 440 (174), 442 сл.

O

Ops — древнеримская богиня плодородия 408
optimus status — наилучший статус (состояние, устройство, напр., «республики», государства) 285, 306, 321 (57), 325, 347 (134), 387, 464, 480, 759, 764 сл., 768, 800
orbis terrarum (греч.: ойкумена) — «круг земель»; земля, мир (все известные территории с их народами, на которые распространялись притязания римлян) 22, 322, 562 (15), 586 (66), 589, 602, 642, 736 (255), 762, 771 (19), 777 (46), 788, 793, 794 (96), 795 (98), 837, 841
otium — праздность, досуг; *cum dignitate otium* — заслуженный отдых в конце жизни, посвященной служению *civitas*; вынужденная отставка; сознательный уход из сферы *res publica* (см.) в сферу *res privata* 699

P

parricidium (patriae) — отцеубийство (отечества) 162 (112)
pater patriae — Отец отечества (см.), почетное звание, присваивавшееся гражданину за выдающиеся заслуги. Тем самым его роль в государстве приравнивалась к роли отца в римской семье (*pater familias*) 18 (14), 29, 88, 95, 328 (71), 352, 353 (153 сл.), 354 (156), 433, 440, 444, 507 слл. (71), 516 сл. (98, 100), 518 (101 слл.), 519 сл., 525, 542, 586, 609, 616 (120), 617, 633, 640, 763 (13), 768
pater, pater familias (familiae) — отец, глава римской патриархальной семьи, пользовавшийся неограниченным авторитетом и властью над домочадцами 360, 429 сл. (133), 444 сл., 518, 617, 682, 768, 794 (*p. urbium, p. orbis, p. hominum*), 795

- paх* — мир, спокойствие; мирный договор; божество (*Paх*) 281 (243), 392 (2), 477, 582 сл. (61), 585, 734 (249), 759 (11), 778 (50), 781 (60)
 – *paх Romana* — Римский мир, т. е. замиренная часть *orbis terrarum* (см.), Римская империя 443, 694, 793
- paх Augusta* — Августов мир 68, 265, 408, 480, 586, 781, 787, 793
- pietas* — благочестие, священный трепет, пиетет (см.); одна из высших добродетелей римского гражданина, включавшая прежде всего верность традициям, семье, *civitas* 160 (101), 161
- pius* — благочестивый, преданный кому-л. (напр., сын отцу) 160, 369, 506
- polyhistor* — универсальный ученый (энциклопедист, эрудит) 259, 399
- pomerium* (*померий*) — священная граница Города, обычно представлявшая собой незастроенную территорию по обе стороны от городской стены 172, 337 (103), 384 сл., 417, 450, 560 (10), 590, 594, 642, 773 (25)
- potpeianus* — «помпеянец», почитатель Помпея, ностальгически вспоминавший о временах Республики 703, 706 (173), 711 (186)
- pontifex* — член главной жреческой коллегии понтификов; *pontifex maximus* — глава коллегии 18 (14), 353 (153), 416 сл., 507, 509 (71), 519 (105), 587 (68), 630, 763
- populus* — народ; *populus Romanus* — Римский народ как обозначение Римского государства; отсюда: *res publica populi Romani* (см. также *res publica*, *civitas*) 20, 45, 99, 109 (206), 132, 198 (233), 215, 218 (36), 221 сл. (53), 223 слл. (66), 226 (67, 69), 227 (72), 228 сл., 234–238, 270 (214), 274, 275 (227), 280, 283, 285 слл., 289, 291 (279), 293 (284), 301 сл., 347 (134), 356, 375, 378 (217), 381, 383 (230), 387, 395, 430 (133), 437, 449 (204), 450, 465 (276), 492 (23), 497, 505 (64), 517 сл., 521 (108), 524, 546, 551 сл., 587 (68), 648 сл., 662, 736 (255), 740, 752, 754 (8), 757, 759, 766, 771 (19), 774 сл. (38), 778 (48, 50), 779 (51), 780, 782, 789 слл., 800, 819 сл.
- potestas* — власть; в отличие от *imperium*, термин применялся для обозначения власти отца в патриархальной семье (*patria potestas*) и магистратской власти в Городе (см. также: *tribunicia potestas*) 45, 72, 86, 94, 106 (195), 114, 235, 290 сл. (279), 301, 308, 338 (108), 350 (144), 353 (153), 386, 497 сл. (42), 500 (46 сл.), 503, 507, 517 сл., 524, 587 (68), 767, 773 (25), 791, 793 (93)
- praefectus* — префект (начальник, командир) на гражданской или военной службе, преимущественно из всадников, некоторые также из числа сенаторов 328, 567, 790 (84), 754, 767
- primus inter pares* — первый среди равных (описание номинального статуса принцепса) 265, 302
- princeps* (*civitatis*) — первенствующий (гражданин). В эпоху Республики могло быть несколько людей, пользующихся особым влиянием (мн. число — *principes*, см. также: *auctoritas*). В эпоху Ранней Империи принцепс, он же император, фактически был единоличным правителем римского государства 16, 29, 61 (1), 70, 79, 86, 88 слл., 95, 114, 121, 150, 196, 209 (7), 224 (63), 239 сл., 255 (168), 262 (193), 267,

283 (251), 291 (276), 293, 297 и слл. (2), 300 сл. 301 сл. (12 сл.), 303 (17 сл.), 304 (20), 322 (58), 323 (61), 351, 353 сл., 386 (237), 387 сл. 458 (254), 467, 478 (313), 495, 499 слл., 503 (60), 505, 507 сл., 517, 525, 614, 628, 634 (165), 657 (28), 659 (32), 662 (44), 682, 697, 767, 792 сл. (93), 796, 800, 820

princeps senatus — первый в списке сенаторов 283 (251), 297 сл., 300 сл., 354, 767

princeps iuventutis — предводитель (принцепс) юношества, первый в списке всадников; в императорскую эпоху — юный претендент на престол 297 (2), 359

principatus — первенствование, ведущая роль лица в государстве 7, 9, 89 (126), 299 (8), 302 сл. (16), 304, 387 («принципат») 503, 739

Q

quasi civitas / квазицивитас (в Поздней Республике) — совокупность римских граждан, сохранявшая некоторые черты гражданской общины (гражданский статус, самосознание привилегированного положения и др., сравн.: *civitas*) 129 (13), 146, 198, 227 (73), 388, 752 (2), 772 (20), 789 (83), 819 (2)

R

rector (civitatis, rei publicae) — правитель (общины-государства, «республики») 211, 238 слл., 240 (118), 242 (125), 306, 322 (58), 326 (69), 518, 641, 754, 795

regnum — царство, монархия, власть 79 (81), 228 (75), 232 (85), 233 сл. (94 — *regalis r. p.*), 291 (276 сл.), 303 (17), 308, 478, 659 (32), 663, 746, 754 (8)

rex — царь (монарх) 79, 23, 232 (90), 234 (95), 341, 754 (6), 755

renovatio imperii (Romanorum) — обновление / возобновление империи (римлян) 533 (155), 830

res populi (res communis, res civitatis) — все, являющееся собственностью Римского народа и относящееся к сфере его компетенции, прав и обязанностей 20, 99, 109 (206), 221 сл. (53), 223, 225 (66), 229, 235, 237 сл., 274 сл. (226), 280, 285 слл., 306, 347 (134), 387, 497, 662, 740, 752, 759, 799, 820

res publica — примерно то же, что и *res populi*, т. е. народное дело, достояние; все, относящееся к сфере общих интересов гражданского коллектива (противоположное понятие — *res privata*, т. е., сфера частных интересов). См. разделы IV.4 сл.

res publica libera — свободная «республика» 20, 111, 132, 162, 198, 200, 207, 218 (36 *liberavit*, сравн. 492), 291 (277), 305 (22), 341, 367 (187), 491 сл. (22), 493 сл., 496, 498, 519, 669, 714 (197), 724 (222), 753 слл., 759, 763 сл.

res publica amissa — утраченная «республика» 149 (70), 150 (72), 155 (86), 219 (44), 230, 235, 237, 241, 552, 753, 759

res publica conservata — сохраненная «республика» 96, 282, 286, 733

res publica restituta / reddita — восстановленная (см.), приведенная в порядок, возвращенная «республика» 16, 47, 78 сл., 82, 84, 93, 96, 99, 105 (190), 108, 109 (206), 110

(211), 111 (215), 113 сл., 125, 127, 216 (34), 223, 230, 266 (199), 274 сл., 279, 284, 285 (256), 286 (261), 287, 291, 294, 304–306, 325, 341, 354, 367 (187), 387, 403, 474 (304), 480, 485, 490 сл., 496, 508, 516, 519, 552 сл., 616, 648 сл., 700 (149), 711, 712 (189), 713 (*r. p. statum... restitutum*), 714 сл., 734, 746 сл., 752 сл., 757, 759, 763, 790, 800, 820

S

sacrosanctitas (прил.: *sacrosanctus*) — святость, неприкосновенность сакрального характера 338 (109), 420, 518

saeculum — век как условный период 280 (240), 468 (286), 469 (288), 470 (292), 479

saeculum Augustum — Августов век (век Августа) 15 (1), 478 (313), 479 (317), 480

saeculum aureum — Золотой век 473, 478, 539 (168), 677 (91), 769

saepa — огороженное место для комиций и подсчета голосов 568, 832, 835

Saturnia regna — Сатурново царствование, см.: «Золотой век», Сатурн

Saturnia tellus — Сатурнова земля (земля в век Сатурна, т.е. в «Золотой» век)

Sebastos (греч.) — то же, что *Augustus* 426 (116), 428 (126), 650

senatus populusque Romanus (сокр.: SPQR) — сенат и народ Рима; формула, обозначающая носителя высшего суверенитета, официальное обозначение Римского государства 20, 224 сл. (66), 226 (67), 228 сл., 231, 356, 378 (217), 381, 465 (276), 497, 505 (64), 517, 551 сл., 766, 771 (19), 775, 800, 819

senatus consultum (сокр.: SC) — совет, рекомендация сената в ответ на вопрос председательствующего магистрата. С конца Республики SCC начали приобретать качества юридич. правил, а в период принципата — законов 44 (63), 46

– *senatus consultum ultimum* — постановление сената, дававшее высшим магистратам полномочия прибегнуть к любым средствам во имя сохранения государства 343

sidus Iulium — «Юлиева звезда», появившаяся на небе во время празднеств в честь побед Юлия Цезаря (*Iudi Victoriae Caesaris*, июль 44) — комета, принятая за его божественную душу 440 (172), 470, 547, 601

spolia opima — доспехи, снятые с вражеского полководца 513, 514 (91), 612, 615

status (novus, optimus) — здесь: состояние, форма (новая, наилучшая, см. также: статус) 267 (203), 268, 285, 306 сл., 320 (54), 321, 325, 347 (134), 387, 464 (274), 484, 660 (35), 759, 765 сл., 768, 800

– *optimus rei publicae status* — наилучшая форма (государственного) устройства «республики» 321, 387, 764, 798 (101)

– *status civitatis (rei publicae)* — форма, устройство общины-государства («республики») 21, 228 (75), 231 (81, 84), 268, 321 (57), 464, 713

statio principis — положение (статус) принцепса в государстве 297 сл., 300, 302, 353, 500, 505

suffragatio — здесь: представление к избранию, выдвижение кандидатуры в консулы 352 сл. (148)

summi fastigii vocabulum — обозначение высшего достоинства, власти 340 сл.

summi viri — выдающиеся, наилучшие мужи (древности) 260, 609, 613

superbia — здесь: высокомерие, надменность, спесь 505

Т

tresviri (triumviri) reipublicae constituendae /causa/ — триумвират для устройства (реорганизации) «республики» 173, 276

translatio imperii — букв.: «перенос власти». В частности, о наследовании власти римских императоров средневековыми монархами 69 (38), 93

tribunicia potestas — трибунские полномочия, власть народных трибунов 18 (14), 76, 95, 303 сл. (18), 338 (109), 339 (111), 340 (116), 341, 345, 358, 360, 507, 509 (71), 518, 766, 773 (25)

tutor (rei publicae) — опекун («республики»)

tyrannus (греч.) — деспот, тиран 233

U

urbs — город; *Urbs* (с заглавной) — Город, т.е. Рим 17, 227 (72), 286, 328, 397, 400, 465 (275), 516, 560 (11), 567, 602, 611 (110), 654, 657, 711, 736 (255), 739, 794, 837 слл.

utilitas rei publicae (communis) — благо «республики», общественная польза 236, 268, 458 (253), 465 (276)

uxorium aes — брачный («за жену») налог на холостяков; сравн.: *hordearium aes* — «ячменный» налог, который взимался с богатых незамужних женщин в фонд содержания кавалерии 454

V

vicus — поселение, городской квартал, улица 430, 431 (139), 433, 566, 573 (41)

vindex (libertatis populi Romani etc.) — спаситель, восстановитель (свободы Римского народа) 47, 283, 492 сл., 496 (36), 734 (249)

virtus — доблесть (военная, гражданская), мужество; добродетель 29, 53, 143 (60), 238 (106), 239, 250, 267, 290, 352, 394, 473, 477, 480 (318), 498, 502 сл. (60), 504 сл. (64), 507, 529, 539, 612, 653, 656, 683, 711, 720, 833

vitia (мн. число от *vitium*) — недостатки, изъяны, здесь: нравственные пороки 577

XII.4. Указатели

Античные имена

А

Август (*Augustus*: 63 г. до н.э. — 14 г. н.э.). До 44 до н.э. — Гай Октавий (см.), затем — Гай Юлий Цезарь (Октавиан). С 27 до н.э. — Император Цезарь Август (имена) 18 (13 слл.), 159 (99), 160 (103), 290, 507 слл. (с примеч.), 515 и др.

Аврелий Августин (354–430 гг. н.э.) — один из отцов церкви 35, 150 (72), 230, 441 (178)

Аврелий Виктор, Секст (IV в. н.э.) — римский историк и политический деятель 55 (90), 256 (170)

Аврелий, Марк — см. Марк Аврелий

Аврелий Опилий — римский антиквар 398

Аврора — богиня утренней зари 545 сл.

Агамемнон — царь Микен 313 (30)

Агриппа — см. Випсаний Агриппа, М.

Агриппа Постум (12 г. до н.э. — 14 г. н.э.) — сын М. Випсания Агриппы и Юлии Ст., внук Августа 360, 363 (179), 640, 660, 670, 705 (169), 723, 725, 832

Агриппина Мл. (15–59 гг. н.э.) — дочь Германика и Агриппины Ст., жена Гн. Домиция Агенобарба (сын Нерон), затем — имп. Клавдия 743, 745 (273)

Агриппина Ст. (17 г. до н.э. — 33 г. н.э.) — дочь Марка Агриппы и Юлии, жена Германика и мать Калигулы 251 (154)

Адриан, Публий Элий (76–138 гг. н.э.) — император с 117 г. н.э. 53, 100 (166 сл.), 119, 200 (239), 212 (22), 225 (66), 273 (224), 320 (53), 568 (28), 590, 656 (26)

Азиний Галл, Гай — сын Азиния Поллиона, ординарный консул 8 до н.э. 713 (195), 793 (94)

Азиний Поллион, Гай (76 до н.э. — 5 н.э.) — римский государственный деятель, полководец, оратор, историк; консул 40 г. до н.э. 34 (38), 38, 41, 54, 176 (156), 251 (153), 256, 258 (177), 263, 399, 471, 495, 629 (150), 639, 653, 675 (84), 677, 700–702, 704, 713 (195), 727, 728 (233)

Александр III Македонский Великий (356–323 до н.э.) — сын Филиппа II, царь Македонии с 336 г. 85, 92, 142 (57), 182 (176), 183, 192 (209), 194, 200, 205, 260 (183), 278, 312 сл. (30), 322, 421, 439, 541, 572 (38), 576 (45), 642, 717, 766, 778 (49), 833

Александр Гелиос — сын Антония и Клеопатры 50, 184

Александр Милетский, Корнелий (II–I вв. до н.э.) — греческий ученый 258

Альбуций Сил, Гай — судебный оратор и ритор времени Августа 710 (185), 728 (233)

Аммиан Марцеллин (ок. 330 — ок. 395 гг. н.э.) — римский историк 316 (42), 317

Амур — латинское имя греческого бога любви Эроса 544, 693

Анаксагор (500–428 гг. до н.э.) — греческий философ 313 (30)

Анаксилай из Лариссы (I в. до н.э.) — философ-пифагореец 414 сл. (77)

Анк Марций (641–616 гг. до н.э.) — римский царь 232

Анней Лукан (39–65 гг. н.э.) — римский поэт 562 (15), 699 (146), 741 (266)

Анней Мела (ум. в 65 г. н.э.) — младший сын Аннея Сенеки Ритора (Старшего); брат Аннея Сенеки Философа (Младшего) и Юния Галлиона; отец поэта Аннея Лукана 34, 741 (266)

Анней Сенека (Ритор) Старший, Луций (ок. 55 г. до н.э. — ок. 40 г. н.э.) — писатель, ритор, историк; отец Галлиона (Новата), Аннея Мелы (см.), Аннея Сенеки Мл. (см.) 36, 52, 144 (60), 741 (266), 659 (34), 701, 703, 704 (162), 706, 710 (185), 728 (231), 741 (266)

Анней Сенека (Философ) Младший, Луций (ок. 4 г. до н.э. — 65 г. н.э.) — сын Аннея Сенеки Ст., писатель, философ-стоик, наставник императора Нерона 36, 52, 56 (91), 125 (1), 144 (60), 155 (85), 158, 280 (240), 303, 318, 324 (63), 451 (216), 455, 479 (316), 503 сл. (61), 505 (65), 517 (100), 634, 691, 741 (266 слл.), 670 (69), 689 (121), 691 сл. (129 слл.), 693 (146), 700 (152), 711 (186), 715 (199), 724 (222), 741 (266–269), 742–746, 788 (80), 793 (94)

Антигон II Гонат (ок. 319–239 гг. до н.э.) — царь Македонии с 276 г.; противник Пирра и Птолея III 193 (211, 213)

Антигониды — преемники Антигона I Одноглазого (ок. 380–301 гг. до н.э.), одного из диадохов; цари Македонии до 168 г. до н.э. 193, 260

Антипатр из Тарса (II в. до н.э.) — философ-стоик, один из наставников Тиберия Гракха 313 (30)

Антипатр Тирский (ум. до 45 г. до н.э.) — философ-стоик, друг Катона Мл. 718 (205)

Антистий Лабейон, Марк (ок. 54 г. до н.э. — 10/11 г. н.э.) — претор в 5 г. н.э., юрист 42, 398, 708

Антистий Лабейон, Пакувий (ум. в 42 г. до н.э., отец Марка) — один из участников заговора против Цезаря 708

Антонии (знатный род) 671 (73)

Антоний Гнифон, Марк (114–64 гг. до н.э.) — ритор и антиквар 398

Антоний Муза (I в. до н.э.) — лекарь 333 (89)

Антоний Юл Младший (ум. во 2 г. до н.э.) — сын триумвира 360, 722 (218)

Антоний, Луций (ум. после 40 г. до н.э.) — младший брат триумвира, консул 41 г. 176 (158), 263 (195)

Антоний, Марк (82–30 гг. до н.э.) — триумvir 28 сл., 34, 37 сл., 44, 50, 54, 111 сл., 156 (88), 158 (92, 95), 159 сл. (103), 162 сл. (114), 164 слл., 168–173, 176 (156, 158), 177 (161), 178 (164, 166), 179, 180–192 (с примеч.), 193 (214), 199, 205, 207, 212, 240, 242 сл. (126 сл., 129), 247–250, 251 (152, 154), 254 (165), 255, 263 (195), 266 (199), 278 сл. (240), 281, 284 (255), 290, 294, 308, 315, 319 сл., 328 (72 сл.), 329 (75), 330, 348 (138), 356 сл., 367 (187), 368 (188 сл.), 369 (195), 370 (197), 371 (199 сл.), 372 (202), 405, 407, 410 (58), 412 сл., 420 сл., 422 (98), 424 (106), 426 (117), 451 (216), 469 (290), 492 слл., 496 (40), 513 (88), 514 (92), 521 (110), 526 сл. (130), 528 слл., 534 (157), 538, 570, 577 (48), 578 сл., 582 (59), 593 сл., 620 (128), 621 (129), 623, 625, 628, 638 сл. (176),

648, 652 (11), 653, 664, 678 (сл.), 681, 689 сл., 700, 711 (187), 712 (191), 717 (201, 203), 721, 731, 753 (4), 756, 758, 761, 763, 827 сл.

Антонин Пий — император (138–161 гг.) 599, 653, 838

Антонины — «династия» римских императоров (96–192 гг. н.э.): Нерва, Траян, Адриан, Антонин Пий, Марк Аврелий (соправитель — Луций Вер) и Коммод 693 (133), 828, 831

Антония Младшая (ок. 36 г. до н.э. — 38 г. н.э.) — дочь Антония и Октавии (сестры Августа), жена Друза Ст., мать Германика и имп. Клавдия, бабка Калигулы 583, 712 (191)

Антония Старшая (род. в 39 г. до н.э.) — дочь Антония и Октавии (сестры Августа), жена Л. Домиция Агенобарба, бабка Нерона 359, 584

Анхиз (Анхис) — мифический властитель дарданов в Троаде; от него Афродита родила Энея 394, 472 сл., 476 сл., 506, 609, 679, 832

Апеллес (вт. пол. IV в. до н.э.) — греческий живописец 600

Аполлодор Пергамский (ок. 105 — ок. 23 гг. до н.э.) — греческий ритор, обучавший юного Октавия 251(153)

Аполлон — бог солнечного света, отождествлялся с Фебом и Гелиосом. Сын Зевса и Лето, брат-близнец Артемиды. Бог разумной гармонии мироздания, покровитель искусств; целитель. Обладал даром предвидения. Август считал его своим богом-хранителем 187 (192), 191, 193, 258 (176), 259 сл., 319, 406 (44), 407 (46 сл.), 408 (48), 413 (70), 424 сл. (112), 426 (114), 469 (291), 475 сл. (305, 309), 477, 480, 504, 515, 544, 546, 550, 571, 585, 600, 611 (110), 619 (126), 621, 624 (139), 626 (145), 627 сл. (147), 629 сл. (152), 631, 633 (161), 638 сл. (175), 648, 796 (100), 805, 813, 827, 839, 842 сл.

Аполлоний (I в. до н.э.) — астролог 414

Аполлоний (I в. до н.э.) — афинский скульптор 833

Аппиан (ок. 100 — ок. 170 гг. н.э.) — греческий историк из Александрии 34, 54 (87), 117, 162 (112), 167 (127), 170, 173 (143 сл.), 175 (153), 176 (154, 156, 158), 177 (161), 178 (165), 181 (173), 254 (166), 280 (240), 314 (31), 338 (109), 370, 372 (204), 527, 601 (97)

Аппий Клавдий Пульхр — авгур, консул 54 г. до н.э. 398

Аппий Клавдий Цек — консул 307 и 296, диктатор между 292 и 285 гг. до н.э. 615 (118)

Арей (Дидимский) из Александрии (ок. 83 — после 9 гг. до н.э.) — философ, наставник и советник Августа 314, 316 (40 сл.), 317 сл., 515 (95)

Аристон из Александрии (I в. н.э.) — философ, советник Юлия Цезаря 314 (31)

Аристоник — предводитель восстания (133–129 гг. до н.э.) в Пергаме (см. Блоссий)

Аристотель из Стагир (384–322 гг. до н.э.) — великий греческий философ 128 (10), 133 (32), 141 сл. (55, 57), 143, 220 (46), 224 (65), 237 (104 сл.), 267 (203), 313 (30), 322, 396, 458 (251), 830

Асканий (Юл) — сын Энея и Креузы, основатель Альбы Лонги и рода Юлиев 394, 832

Асконий Педиан (ок. 9 г. до н.э. — ок. 76 г. н.э.) — римский филолог, комментатор Цицерона 676 (88)

- Асторий Асклепиад М.* — врач в окружении Августа 255
- Атей Капитон, Гай* (ок. 30 г. до н.э. — 22 г. н.э.) — консул-суффект 5 г. н.э., видный юрист времени Августа и Тиберия 398, 475, 708 сл.
- Атей Претекстат, Луций* (ок. 105 — ок. 30 гг. до н.э.) — филолог 398
- Атис* (мифический персонаж) — фригийский пастух, любимец Кибелы 686
- Атия Бальба* — мать Августа 247 слл.
- Аттик* — см. Помпоний Атик
- Ауфидий Басс* (первая пол. I в. н.э.) — историк 37
- Афинея из Селевкии* (I в. до н.э.) — философ-перипатетик, учитель при дворе Августа 319
- Афинодор (Кананит, он же Кальвус) из Тарса* (74 г. до н.э. — 7 г. н.э.) — греческий философ и советник Августа, наставник Тиберия 254 (165), 314 (35), 315 сл. (39 сл.), 318 сл.
- Афродита* — греческая богиня любви и красоты 600
- Аякс* — один из героев Троянской войны 263 (195)

Б

- Бальб* — см. Корнелий Бальб
- Барей Соран* — см. Сервилий Барей Соран
- Батилл из Александрии* — пантомим времени Августа 704 (162, 164)
- Бибакул* — см. Фурий Бибакул, М.
- Бибул, Марк Кальпурний* (ум. ок. 48 г. до н.э.) — видный оптимат, зять Катона, коллега Цезаря по консульству 59 г. до н.э. и его противник, помпеянец 211
- Блоссий из Кум* (ум. в 130 г. до н.э.) — советник Тиберия Гракха и Аристоники 313 (30)
- Брут* — см. Юний Брут

В

- Валерий Антиат (Antias, I в. до н.э.)* — один из младших анналистов 469 (291)
- Валерий Катулл, Гай* (ок. 87 — ок. 54 гг. до н.э.) — римский поэт-лирик 263 (195), 728 (231)
- Валерий Максим* (перв. пол. I в. н.э.) — римский писатель 35, 51, 454, 634
- Валерий Максим, Марк* — консул 505 г. до н.э. 620 (128), 735 (252)
- Валерий Мессала Мессалин, Марк* (ок. 36 г. до н.э. — после 21 г. н.э.) — старший сын оратора Валерия Мессалы Корвина, ординарный консул 3 г. до н.э., один из адресатов находившегося в ссылке Овидия 695 (141)
- Валерий Мессала Корвин, Марк* (64 г. до н.э. — ок. 8 г. н.э.) — соратник Антония, потом Августа, известный оратор, консул-суффект 31 г. до н.э., триумфатор 27 г., префект Города; покровитель поэтов 40, 54, 256, 328 (72), 516 (97), 625, 675
- Валерий Мессала Руф, Марк* (ок. 103 — ок. 27/26 гг. до н.э.) — консул 53 г. до н.э., авгур 398
- Валерий Потит* — консул-суффект 29 г. до н.э. 283

- Валерий Проб, Марк* (I в. н.э.) — римский филолог, издатель Вергилия, Горация и других латинских поэтов 678 (94)
- Вар* — см. Квинтилий Вар
- Варий Руф, Луций* — римский поэт 2-й пол. I в. до н.э., друг Вергилия и Горация, принадлежал к кружку Мецената 682, 687 (117)
- Варрон* — см. Теренций Варрон
- Ведий Поллион, Публий* (ум. в 15 г. до н.э.) — римский всадник, приближенный Августа 461 (260), 788 (80)
- Веллей Патеркул* (ок. 20 г. до н.э. — после 30 г. н.э.) — римский историк 51, 53, 68, 171 (138), 173 (145), 188, 218, 234 (96), 243, 247 (137), 298 (5), 303 (16), 315 (37), 333 (92), 344 (124), 349 (142), 362, 376 (215), 439 сл., 484, 518 (103), 616 (120), 623, 729, 735 (250, 252), 736 (254 сл.), 737 (257), 738 (258 сл.), 739 сл., 742, 744
- Венера* — у римлян богиня любви и плодородия, отождествлявшаяся с греческой Афродитой. Считалась прародительницей рода Юлиев (см.) и, как мать Энея, всех римлян 157, 185, 216, 406, 420, 427, 440 (172), 456, 472, 476 сл., 536, 545 сл., 551 (198), 583 (61), 597, 600 сл., 608 (108), 609, 612, 638, 679, 693, 831, 838
- Вергилий Марон, Публий* (70–19 гг. до н.э.) — выдающийся римский поэт 41, 243, 251 (152), 255, 259, 263, 329, 372 (202), 424 (108), 436, 451 (217), 465 (275), 468 (284), 471 сл. (296 сл.), 473, 478 сл., 502, 506, 546, 626 (145), 632 сл., 642, 674, 676–682 (с примеч.), 687 (117), 693, 712, 733, 769, 781 (61), 815, 843
- Веррий Флакк, Марк* (ок. 55 г. до н.э. — ок. 20 г. н.э.) — грамматик, филолог, антиквар времени Августа, учитель Гая и Луция Цезарей 41, 257 (172), 398, (19), 623
- Веспасиан*, полн.: *Флавий Веспасиан, Тит* — римский император с 69 до 79 гг., основатель династии Флавиев 52, 114, 271 (217), 340 (116), 342, 420 (93), 423, 484, 512 (81), 590, 634, 655 (19), 744, 822
- Веста (весталки)* — римская богиня домашнего очага, культ носил также государственный характер 189, 409, 436, 472, 523, 581, 586, 630 сл., 837 сл.
- Вибий Панса Цетрониан, Гай* — консул 43 г. до н.э., погибший в том же году в битве при Бононии 169, 243 (127), 370 (197), 371, 577
- Виктория* — богиня победы 433 сл., 549, 601 сл., 621, 624, 631, 841
- Виний, Тит* — ординарный консул 69 г. н.э. 661
- Виниций, Марк* — консул-ординарий 30 и 45 гг. н.э. 51, 735
- Випсаний Агриппа, Марк* (64/63–12 гг. до н.э.) — консул-ординарий 37, 28 и 27 гг., ближайший сподвижник и зять Августа (в 21 г. женат на Юлии Ст.) 37 (47), 46, 55, 113, 159 (100), 177 (159), 253, 255 (168), 256, 260 (184), 269 (210), 270 (212 сл.), 271 сл. 273 (223 сл.), 274 сл. (226 сл.), 279 сл. (238, 240), 282 сл. (250), 307, 313, 329 (75), 333 (90, 92), 335, 337 сл. (107), 343 (123), 349 сл. (144), 352, 358, 360, 365, 370, 375, 409, 413 (71), 414, 439 сл. (167, 169), 473, 476 (310), 477, 512, 528, 534 (157), 545, 551, 565 (22), 567 сл. (28 сл.), 569 (30), 574, 578, 583 сл., 624, 640, 652 (11), 690, 791 (87), 795, 798 (102), 804, 831, 832, 835, 841 сл.

Випсания Агриппина (33 г. до н.э. — ок. 20 г. н.э.) — дочь Випсания Агриппы и его первой жены Помпонии Цецилии Аттики, первая жена Тиберия, мать Друза Младшего 359 (164)

Вителлий — император (69 г. н.э.) 271 (217), 376, 655 (19)

Витрувий Поллион, Марк (ок. 85 г. — после 15 г. до н.э.) — инженер, архитектор, историк архитектуры 42, 48, 258, 632 (158)

Вулкан — бог огня и кузнечного дела 456

Вулкаций — жрец-гаруспик, предрекший в 44 г. до н.э. наступление нового века 470, 479 (315), 528, 601 (96)

Г

Габиний, Авл (ум. в 47 г. до н.э.) — народный трибун 67 до н.э., автор законопроекта, согласно которому Помпей получил чрезвычайные полномочия для борьбы с пиратами (*lex Gabinia*), консул 58 г. до н.э. 211, 234 (96), 308, 653

Галлиен Лициний Эгнаций, Публий — римский император с 259 до 268 гг. н.э. 552

Гальба — см. Сульпиций Гальба

Ганнибал (247–183 гг. до н.э.) — карфагенский полководец 125 (1), 155, 227 (73), 278, 299, 562 (15)

Гелий, Авл (II в. н.э.) — римский ученый и писатель 35, 226 (70), 298 (5), 320 (4), 384

Гелиос — юный, лучезарный, могучий бог Солнца у греков, см. также Аполлон, Феб 456

Гельвидий Приск (ум. в 75 г. н.э.) — один из представителей «философской оппозиции» времени Нерона 745

Геркулес (Геракл) — мифический герой, сын Зевса и Алкмены 436, 631, 639, 642 (179), 801, 839, 842

Германик — почетный титул, полученный посмертно Друзом Старшим (см.: Нерон Клавдий Друз) и унаследованный его сыном (и другими Юлиями-Клавдиями). Также см.: Юлий Цезарь Германик

Гигин, Гай Юлий (64 г. до н.э. — 17 г. н.э.) — ученый, заведовавший Аполлоновой библиотекой на Палатине 41, 258 сл. (179)

Гирций, Авл — консул 43 г. до н.э., убитый в битве при Мутине 169, 243 (127), 370 (197), 371, 577, 702, 721

Гораций Флакк, Квинт (65–8 гг. до н.э.) — выдающийся римский поэт 41, 144 (60), 177 (160), 189, 243, 255, 263, 302 (13), 408, 436, 445 (191), 446 (197), 450 сл. (217), 468 (284), 469, 471, 476 (311), 477 слл. (14), 516, 545 сл., 674 (82), 678, 680–684 (с примеч.), 687, 699, 709, 733, 734 сл. (250), 781 (61), 794

Гортензий Гортал, Квинт (114–50 гг. до н.э.) — консул 69 г. до н.э., известный оратор, юрист 149, 619 сл. (124, 126), 623, 625 (140)

Гостилии Сазерны (братья Гай, Луций и Публий) — сторонники Юлия Цезаря, по крайней мере один из них поддерживал также Октавиана 370

Гостилий Тулл — см. Тулл Гостилий

Гракхи — см. Семпронии Гракхи

Граний Флакк — антиквар, автор сочинений по сакральному праву 398

Д

Данай — мифический сын египетского царя Бела, брат Египта, один из родоначальников греков, его дочери — Данаиды 526 сл.

Дафнис — в греческих сказаниях прекрасный пастух, сын Гермеса и нимфы 436

Деллий, Квинт — активный участник событий вт. пол. I в. до н.э., неоднократно менявший политические ориентации; автор книги о парфянском походе Антония и мемуаров 34

Деметрий Полиоркет (336–285 гг. до н.э.) — сын Антигона Одноглазого, полководец и царь Македонии 193 (212), 426 (114)

Демосфен (384–322 гг. до н.э.) — афинский оратор и политический деятель 164

Деции Мусы, Публии — герои времени Ранней Республики, пожертвовавшие собой ради отечества. Римская традиция приписывала подвиг трем поколениям Дециев, которые были консулами 340 (отец), 312, 308, 297, 295 (сын), 279 (внук) годов до н.э. Как «примеры» их зачастую не различали — 394

Диана — богиня охоты (соответствовала греч. Артемиде) 476 (309), 477, 546, 624, 631, 640

Дидий Юлиан — император в 193 г. н.э. 271 (217)

Диодор Сицилийский (ок. 90–21 гг. до н.э.) — греческий историк 218, 396

Диоклетиан Аврелий Валерий, Гай — римский император с 284 по 305 гг. н.э. 119, 327, 440 (169), 840

Дион Кассий — см. Кассий Дион Коккеян

Дионис (Вакх) — греческий бог виноделия (римский Бахус, а также Либер) 183 сл. (184),

Дионис (вт. пол. I в. до н.э. — нач. I в. н.э.) — философ, сын Арея (см.) 318, 407, 420, 436, 628

Дионисий Галикарнасский (ок. 54 — после 7 г. до н.э.) — греческий ритор и историк, с 30 г. до н.э. жил в Риме 35, 324, 653

Дионисий Сиракузский I (отец) — тиран Сиракуз (405–367 гг. до н.э.) 82 сл., 95, 235 (98)

Дионисий Сиракузский II (сын) — тиран Сиракуз (367–344 гг. до н.э.) 235 (98)

Диоскурид — камнерез, современник Августа 192 (210), 258

Диоскуры — близнецы, сыновья Леды от Зевса (Полидевк / Поллукс) и от Тиндарея (Кастор) 605, 837

Диофан из Митилены (ум. в 132 г. до н.э.) — ритор, советник Тиберия Гракха (см. также: Блоссий) 313 (30)

Долабелла — см. Корнелий Долабелла

Домициан, Тит Флавий — император с 81 до 96 гг. н.э. 383 (232), 468 (285), 496, 568 (28), 579, 587, 590, 605 (104), 622 (130), 630, 635 сл., 655 (19), 656, 667 (60), 745

Домиций Агенобарб, Луций (ум. в 25 г. н.э.) — ординарный консул 16 г. до н.э., прославившийся походами против германцев, дед императора Нерона 187 (192), 253, 423 (104), 584

Домиций Кальвин, Гней (ум. ок. 20 г. до н.э.) — консул 53 и 40 гг. до н.э. 639

Донат Элий (IV в. н.э.) — римский грамматик и автор комментариев к Теренцию и к Вергилию 676

Друз Младший, или Друз Цезарь (13 г. до н.э. — 23 г. н.э.) — единственный сын императора Тиберия 362, 376, 435, 440 (169), 459, 600 (95), 796

Друз Старший — см. Нерон Клавдий Друз (Старший)

Е

Еврипид (485/484 или 480–406 гг. до н.э.) — выдающийся греческий трагик 354 (157)

Евтропий (IV в. н.э.) — римский историк 55 (90)

Елена — в греческих сказаниях прекраснейшая из женщин, дочь Зевса и Леды. Похищение ее Парисом привело к Троянской войне 456

З

Зевс — верховный бог эллинов (ему соответствовал римский Юпитер) 233, 407 (45), 425, 439, 549, 612

Зенон из Китиона (ок. 335 — ок. 262 гг. до н.э.) — основатель стоицизма 40, 193 (212), 318, 692

Зенон из Сидона (II–I в. до н.э.) — философ-эпикурец 682

И

Иероним (347 — ок. 420 гг. н.э.) — один из отцов церкви, писатель и переводчик 329 (76), 710 (185)

Иисус Христос — согласно христианскому вероучению, Сын Божий, единосущный 17 (11), 471, 549 (186)

Иосиф Флавий (37 — ок. 100 гг. н.э.) — известный историк из иудейского священнического рода 337 (103), 626, 633 (161)

Ирод I Великий (ок. 73–4 гг. н.э.) — царь Иудеи, сын Антипатра 17 (11), 37 (47), 38, 255, 261, 413 (71), 560 (12), 639, 728 (233), 796 (100)

К

Калигула (прозвище Цезаря Германика, Гая, 12–41 гг. н.э.) — сын Германика и Агриппины Старшей, римский император с 37 г. 200, 313 (29), 376 (214), 380 (220), 650, 656, 658 (31), 667 (60), 699 (146), 704 (165), 705 (169), 725 (223), 726 (227), 728 (232), 740, 741 (266), 742 сл., 758, 792 (91), 821 (5)

Кальв — см. Лициний Кальв

Кальвизий Сабин, Гай — цезарианец, консул 39 г. до н.э. 178, 565

- Кальпурний Пизон понтифик, Луций* (48 г. до н.э. — 33/32 гг. н.э.) — ординарный консул 15 г. до н.э., префект Города в 13–32 гг. н.э. 256, 710 (185)
- Кальпурний Пизон, Луций* — консул 1 г. до н.э., брат Гнея Пизона (врага Германика) 706
- Кальпурний Пизон Цезонин, Луций* (ум. ок. 43 г. до н.э.) — консул 58, цензор 50 г. (тесть Юлия Цезаря) 687
- Кальпурний Пизон* (Фруги), Гней — сторонник цезареубийц, впоследствии консул-суффект (23 г. до н.э.) 332
- Кальпурний Пизон, Гней* — ординарный консул 7 г. до н.э., наместник Сирии и враг Германика. Покончил с собой в 20 г. н.э. (возможно, сын предыдущего) 46
- Камилл* — см. Фурий Камилл, Марк
- Каннутий* — см. Титий Каннутий
- Карфулен, Децим* — народный трибун 44 г. до н.э., после мартовских ид примкнул к Октавиану, по-видимому, погиб в битве при Мутине (43 г. до н.э.) 370
- Кассий Вецеллин, Спурий* — консул (III) 486 г. до н.э., казненный за стремление к царской власти 299 (6)
- Кассий Дион, Коккеян* (160–235 гг. н.э.) — греческий историк и римский сенатор 27 (28), 31 сл., 33 (35), 47, 54 след. (88), 99, 161, 176 (158), 188, 269 (210), 271 слл., (221), 275 (227 сл.), 276, 280 (240)
- Кассий Лонгин, Гай* (85–42 гг. до н.э.) — полководец, политический деятель, один из организаторов заговора против Юлия Цезаря 34, 36, 156 (87), 157 (89), 158 сл., 162 сл. (115), 164 (118), 170 сл., 175
- Кассий Лонгин, Луций* — народный трибун 44 г. до н.э., брат цезареубийцы, далекий от заговорщиков 370
- Кассий Лонгин, Гай* — консул-суффект 30 г. н.э., правовед 395
- Кассий Север* (ум. ок. 32 г. н.э.) — оратор-обличитель времени Августа 457 (247), 702 (158), 704 (164 сл.), 705 (169, 171), 706 (172), 707 (178), 712, 726 (227), 728 (231)
- Кастор* — см. Диоскуры
- Катилина* — см. Сергей Катилина
- Катон* — см. Порций Катон
- Катулл* — см. Валерий Катулл
- Кафоны и Саксы* — типичные простонародные имена 165
- Квинктий Криспин Сульпициан, Тит* — ординарный консул 9 до н.э., во 2 г. до н.э. наказан Августом за связь с Юлией Старшей 574
- Квинктий Фламинин, Тит* (ок. 227–174 гг. до н.э.) — консул 197 г., победоносный римский полководец 421 (95)
- Квинктий Цинциннат, Луций* — консул-суффект 460, диктатор 458, 439 гг. до н.э. 696 сл., 733
- Квинктилий Вар* (ум. в 24/23 г. до н.э.) — один из учеников эпикурейца Сирона 687 (117)

- Квинтилиан, Марк Фабий* (35 — ок. 100 гг. н.э.) — ритор, историк римской литературы 250 (150), 251 (153), 689
- Квинтилий (Квинтилиий) Вар* — ординарный консул 13 г. до н.э., наместник провинции Германия, погибший в 9 г. н.э. вместе со своим войском в битве в Тевтобургском лесу 660, 724
- Квирин* — римское божество, мирная ипостась Марса, покровитель народных собраний; отождествлялся с Ромулом 174 (149), 216, 405 сл. (44), 420 (93), 427, 472, 581
- Кибела* — Великая Мать богов 409, 619 (122), 621, 631, 686, 809, 838, 840, 842
- Кир II Великий (Старший)* — основатель персидской державы Ахеменидов (царствовал с 558 по 529 гг. до н.э.); отличался терпимостью. Идеализирован в «Киропедии» Ксенофонта 233
- Клавдии* — патрицианский род 360, 365
- Клавдий Марцелл, Гай* (ум. в 40 г. до н.э.) — консул 50 г.; противник Юлия Цезаря, первый муж Октавии (сестры Августа), родившей от него М. Клавдия Марцелла (см.) 151, 100
- Клавдий Марцелл, Марк* (42–23 гг. до н.э.) — сын Октавии (сестры Августа) от Гая Клавдия Марцелла; усыновлен Августом и женился на его дочери Юлии 315 (38) 333 (90), 357 (162), 572
- Клавдий Нерон, Тиберий* (80–33 гг. до н.э.) — претор 42 г., сражался за Цезаря, республиканцев, Антония. Первый муж Ливии Друзиллы, отец императора Тиберия и Друза Старшего 158 (93), 357 (161), 623
- Клавдий Нерон, Тиберий* — см. Тиберий, имп.
- Клавдий Пульхр, Публий* — консул 249 г. до н.э. 411 (61), 431 (137), 625
- Клавдий, полн.: Тиберий Клавдий Друз Нерон Германик* — император (41–54 гг. н.э.); младший сын Друза Старшего и Антонии Младшей (род. в 10 г. до н.э.) 37, 79, 120, 316 (39), 363 (180), 383, 468 (285), 496, 535, 587, 608, 634, 712 (191), 713 (193 сл.), 726 (224), 741 слл.
- Клавдия Марцелла Старшая* (род. ок. 53 г. до н.э.) и *Клавдия Марцелла Младшая* (род. ок. 40 г. до н.э.) — дочери Октавии Мл. от Г. Клавдия Марцелла 358
- Клеопатра VII* (69–30 гг. до н.э.) — царица Египта с 51 г. (соправители: Птолемей XIII, XIV и XV — Цезарион); возлюбленная Юлия Цезаря и Антония 34, 37, 50, 111, 183 сл., 185 сл. (188), 189, 191 (205), 280, 300, 371 сл., 405 (33), 493, 505, 511 (75), 577, 600, 681, 693
- Клеопатра II Селена* (40 г. до н.э. — 6 г. н.э.) — дочь Антония и Клеопатры; после их смерти воспитывалась Октавией, сестрой Августа. Выдана замуж за царя Мавретании Юбу II 50
- Клодий (Клавдий) Пульхр, Публий* — народный трибун 58 г. до н.э., убит в 52 г. в столкновении с отрядом Милона; первый муж Фульвии и отец Клодии, первой жены Августа 269, 357, 431 (137), 464, 620 (128), 623, 625, 720 (210)

- Клодий Тразея Пет, Публий* — консул-суффект 56 г. н.э., глава «стоической оппозиции» при Нероне; в 66 г. осужден на смерть 693, 709, 720 (210), 723 (221), 742 (269), 745 (273)
- Клодия* (род. ок. 54 г. до н.э.) — первая жена Октавиана-Августа (42–41 гг. до н.э.) 357
- Клуенций Габит, Авл* (род. в 103 г. до н.э.) — подзащитный Цицерона в 66 г. до н.э. 236 (101)
- Конкордия* — римская богиня Согласия 596, 605, 640, 759 (11), 836
- Константин Великий* — император (306–337 гг. н.э.) 419 (89), 512 (81), 606 (104), 829, 838
- Коринна* — героиня Овидия, по-видимому, собирательный образ возлюбленной 694, 696
- Корнелий Бальб Старший, Луций* (ум. после 32 г. до н.э.) — консул-суффект 40 г. до н.э., сподвижник Цезаря и сторонник Октавиана 370
- Корнелий Бальб, Луций* — полководец (племянник предыдущего), претор, сенатор-консуляр, триумфатор (19 г. до н.э.) 512 (82), 640
- Корнелий Галл, Гай* (69/68–26 гг. до н.э.) — римский полководец, элегический поэт, первый префект Египта. Впав в немилость к Августу, покончил с собой 328 сл. (76), 330 сл., 357, 693,
- Корнелий Долабелла, Публий* (69–43 гг. до н.э.) — консул 44 г. до н.э., поочередно сторонник Помпея, Юлия Цезаря и республиканцев 34, 164
- Корнелий Косс, Авл* — консул 428 г. до н.э. (военный трибун 437 г.) 513 сл. (91), 514
- Корнелий Непот* (ок. 100 — ок. 25 гг. до н.э.) римский писатель, друг Катутла, Цицерона, Аттика 34 сл., 689 сл.
- Корнелий Сулла Феликс, Луций* (138 — 78 гг. до н.э.) — консул 88 г., победитель Митридата VI. Диктатор (83–79 гг.) 25, 94, 146сл., 155, 174 (148), 178 (162), 197, 208 слл., 242, 274, 276, 282, 291 (276), 293, 299, 336 (101), 348 (138), 371, 401, 412, 420, 458 (254), 464 (270), 466 (279), 521, 533, 596 (89), 597 (91), 614 (116), 638, 659 (32), 685, 689, 737 (257), 743, 776 (43)
- Корнелий Сулла, Фауст* (род. до 86–46 гг. до н.э.) — сын диктатора, сторонник Помпея, убит солдатами Цезаря 596 (89)
- Корнелий Сципион* — см. Сципион
- Корнелий Тацит, Публий* (?) (ок. 55 — ок. 120 гг. н.э.) — выдающийся римский историк; консул-суффект 97 г., проконсул провинции Азия ок. 112 г. 23, 36, 46, 53, 56 (91), 68, 70, 76, 83 (96), 89 (126), 112, 241, 247, 283 (252), 290 сл. (277), 303, 323 сл., 340 сл., 347 (135), 362 (177), 364 (181), 365 (182), 376, 379 (218), 386 (237), 422 (99), 438 сл., 450, 455 сл., 462 (261), 465 (275), 467 (281), 483 слл. (6), 634 сл., 653–663 (с примеч.), 666, 699, 705 (170 сл.), 706, 708 (179), 711 (187), 727 сл. (231), 742 (269), 745 (273), 753 (3), 755, 787 (78), 789, 798 (102), 800 (105)
- Корнелий Цельс, Авл* (ок. 25 г. до н.э. — ок. 50 г. н.э.) — римский энциклопедист и врач 689 (121)
- Корнелий Цинна Магн, Гней* (ум. до 14 г. н.э.) — ординарный консул 5 г. н.э.; боролся против Октавиана, организовал заговор против Августа, дважды прощен 670 (69)

Корнелий Цинна, Луций (ум. в 84 г. до н.э.) — противник Суллы и сподвижник Мария. Консул с 87 по 84 гг. до н.э., после смерти Мария (86) фактически единоличный правитель Рима 155

Корнифиций, Луций — полководец Октавиана, ординарный консул 35 г. до н.э., наместник Африки 640

Косс Лентул — член коллегии монетариев в 12 г. до н.э. 551

Коссуциан Капитон — обвинитель времени Нерона 745 (273)

Крапп — см. Лициний Крапп

Кремуций Корд — историк, чьи «Анналы» излагали события от гибели Юлия Цезаря до смерти Августа; обвинен по закону «о величии» и покончил с собой в 25 г. н.э. 36, 54, 324, 658 (29), 659, 666 сл., 675 (84), 704 (165), 705 (169), 711 (187), 713 (193), 726 (227), 727 (230 сл.), 728 (231 сл.), 729 (234), 737, 741 (268), 742, 744

Кринагор из Митилены (ок. 70 г. до н.э. — ок. 18 г. н.э.) — греческий поэт, живший при дворе Августа, автор эпиграмм 256 (170)

Ксенарх из Селевкии Киликийской (I в. до н.э.) — философ-перипатетик и грамматик 319

Ксенофонт Афинский (род. 430–425, ум. после 355 гг. до н.э.) — известный греческий историк и писатель 233

Куриаций Матерн (I в. н.э.) — сенатор и автор трагедий; предположительно, казнен при Домициане 723 (221)

Курий Дентат, Маний — консул 290 до н.э. (завершил разгром самнитов, покорил сабинов), разбил сенонов (284 г.), консул 275 г. (победил Пирра); отказался от своей доли военной добычи, удовольствовавшись небольшим земельным участком, который сам обрабатывал 394, 450

Курций, Марк (ок. 362 г. до н.э.) — герой, который бросился в пропасть ради спасения «республики» 394, 604 (102), 697

Л

Лабиев, Тит (ум. не позднее 12 г. н.э.) — историк, оратор, автор злобных инвектив 34 (38), 702 (158), 703 (160 сл.), 704 (162), 705 (169), 706 сл., 711 слл. (193)

Латона (Лето) — дочь титанов, родившая Аполлона и Артемиду от Зевса 631

Лелий (Младший) Мудрый, Гай (ок. 188 — ок. 125 гг. до н.э.) — консул 140 до н.э., ближайший друг Сципиона Эмилиана, военачальник и оратор 221, 235, 236, 240

Лепид — см. Эмилий Лепид, М.

Лже-Марий — некий Амаций или Герофил, выдававший себя за внука Гая Мария (март–апрель 44 г. до н.э.) 159, 163, 166, 181

Ливий, Тит (59 г. до н.э. — 17 г. н.э. или 64 г. до н.э. — ок. 12 г. н.э.) — знаменитый римский историк 35 сл., 54, 128 (12), 174 (149), 208 (5), 227 (73), 228 (75), 255, 259, 261, 286, 291, 405, 426, 448, 464, 466, 513, 562 (15), 658 (29), 702, 711–712 (с примеч.), 713 сл., 727, 733, 735, 754 (6), 755 (9),

- Ливия Друзилла*, с 14 г. н.э. *Юлия Августа* (58 или 55 гг. до н.э. — 29 г. н.э.) — супруга Тиберия Клавдия Нерона (сыновья: император Тиберий и Друз Ст.), а с 38 г. — жена Октавиана (его третий брак, без детей) 81 (89), 255, 262, 318, 323, 330, 334, 354 (156), 357 (161), 358, 360 сл., 362 сл. (179), 364 (180), 365, 432, 437 (159), 440 (169), 447, 451 (216), 460, 542 (177), 544, 583, 589, 593, 622 (132), 623 слл. (140), 631 слл., 640, 660, 713 (192 сл.), 714, 725 сл. (223 сл.), 803, 814, 832 сл., 836, 838, 840, 842 сл.
- Ликург* (между IX–VI вв. до н.э.) — полулегендарный мудрый законодатель Спарты, которому воздавались божеские почести 220 (46), 322, 478, 766
- Лициний Красс Дивес, Марк* (ок. 115–53 гг. до н.э.) — дважды консул (70, 55 гг.), цензор 65 г., участник первого триумvirата (60 г.). Погиб в битве при Каррах 149, 182, 205, 248, 406 (43), 603, 691
- Лициний Красс, Марк* (ок. 60 — после 27 гг. до н.э.) — внук триумвира, консул-ординарий 30, триумф в 27 г. до н.э. 513 (88 сл.), 514 (91 сл.)
- Лукан* — см. Анней Лукан
- Лукиан* (ок. 120–190 гг. н.э.) — греческий писатель 314
- Лукреций Веспилон, Квинт* — ординарный консул 19 г. до н.э.; помпеянец, помилованный Цезарем, затем и Октавианом 43 (59), 343
- Лукреций Кар* (ок. 96–55 гг. до н.э.) — римский поэт, философ-эпикурец 410, 414 (76), 415, 686 сл.
- Лутаций Катул, Квинт* (ок. 152–87 гг. до н.э.) — консул 102, полководец, оратор, историк (то же имя носил его сын, консул 78) 398, 620 (126), 623
- Луций Цезарь* — см. Цезарь, Л.
- Луцилий, Гай* (II в. до н.э.) — римский поэт 393 (5)

М

- Мавсол* — персидский сатрап Кари в 377–353 гг. до н.э.; при жизни начал строить себе усыпальницу — Мавзолей в Галикарнасе 575, 577 (50)
- Макробий, Амвросий Феодосий* (V в. н.э.) — латинский писатель 35, 251 (154), 328 (74), 721сл.
- Макрон* — см. Невий Корд Суторий Макрон
- Мамерк Скавр* — см. Эмилий Скавр, Мамерк
- Манилий, Маний* — консул 149, друг Сципиона Эмилиана 221
- Манилий, Гай* — народный трибун 66 г. до н.э., автор законопроекта, по которому Помпей получил *imperium maius* для борьбы с Митридатом (*lex Manilia*) 211
- Манилий, Марк* — римский астролог и поэт времени Августа и Тиберия 219 (42)
- Манлий Капитолийский, Марк* — защитник Капитолия во время галльского нашествия (387 г. до н.э.), в 384 г. обвинен в стремлении к тирании и сброшен с Тарпейской скалы 299
- Марий, Гай* (157/6–86 гг. до н.э.) — победитель Югурты и кимвров, семикратный консул, вождь популяров 74, 140, 146, 155, 298, 335 (97), 371, 398, 533, 614, 685

Марк Аврелий Антонин — император (161–180 гг. н.э.), философ и писатель 312, 630

Марс — в Риме бог войны, отождествлялся с греческим Аресом; также бог плодородия, в его честь был назван первый месяц года (март); мифический отец Ромула и Рема (здесь не учтены многочисленные упоминания Марсова поля) 50, 218, 406 (43), 409 (52), 456, 472, 517, 544 сл., 564, 576, 582 сл., 585, 607 сл., 609 сл., 612, 614, 616, 621, 631, 640, 722, 809

Марцелл — см. Клавдий Марцелл, Марк

Марцелла — см. Клавдия Марцелла

Марциал, Марк Валерий (ок. 40 — ок. 102 гг.) — поэт, автор эпиграмм 195, 455, 635

Марций Рекс, Квинт (II в. до н.э.) — претор 567 (27)

Марций Филипп, Луций (ок. 102 — ок. 43 гг. до н.э.) — консул 56 г. до н.э., в 58 г. женился на Атии — отчим Октавия (Августа) 159 (100), 248 сл.

Марций Филипп, Луций (ок. 80 — после 33 гг. до н.э.) — консул-суффект 38 г. до н.э., сводный брат Августа 572 (38), 639

Марция (I в. н.э.) — дочь историка Кремуция Корда 37

Матий, Гай (ок. 100 — после 44 гг. до н.э.) — друг Цицерона, Юлия Цезаря, затем приближенный Октавиана 370

Мелибей — персонаж I эклоги («Буколики») Вергилия 676 сл.

Мелий, Спурий — богатый хлеботорговец, пытавшийся подкупить народ дешевым хлебом и убитый Ахалой в 439 г. до н.э. 299 (6)

Мелисс, Гай (I в. до н.э.) — грамматик и сочинитель, отпущенник Мецената, заведовал библиотекой в портике Октавии 256

Менелай — в греческих сказаниях супруг Елены Прекрасной, царь Спарты, у которого похитил Елену Парис 456

Мений, Гай — консул 338 г. до н.э. 597 (92), 600

Меркурий — римский бог торговли, купцов и прибыли; считался также вестником богов, отождествлялся с греческим Гермесом 436, 682

Мессала Корвин — см. Валерий Мессала Корвин

Метелл Македонский (Цецилий Метелл Македонский, Квинт) — консул 143, цензор 131 гг. до н.э. 448 (203), 572 (38)

Меценат — см. Цильний Меценат, Г.

Минерва — римская богиня, покровительница искусств и ремесел, входила в Капитолийскую триаду наряду с Юпитером и Юноной 405 сл. (44), 420, 560

Мирон (V в. до н.э.) — древнегреческий скульптор 407 (45), 628

Митра — древнеиранское божество, воплощавшее идеи верности и закона, силу и мужество. Почитание Митры широко распространилось в Римской империи 686, 788

Муммий, Спурий — брат и легат Луция Муммия Ахаика, разрушившего Коринф в 146 г. до н.э.; приверженец стоицизма, принадлежал к «кружку Сципиона» 221

Мунаций Планк, Луций (до 79 — ок. 15 гг. до н.э.) — консул 42 г., цензор 22 г.; легат и наместник Цезаря, затем сторонник Антония, перешедший к Октавиану 167 (126), 290, 349 (142), 426 (117), 515 (95), 601, 639 (176)

Мунаций Руф (I в. до н.э.) — лучший друг Катона Утического 720

Мурена — см. Теренций Варрон Мурена, Авл

Муций Сцевола (Квинт Муций Корд Сцевола) — римский герой войны с Порсенной (507 г. до н.э.) 394

Муций Сцевола — консул 117 г. до н.э. 221

Н

Невий Корд Суторий Макрон, Квинт — префект преторианцев с 31 до 38 гг. н.э. 728 (232), 758

Невий Сурдин, Луций — монетарий и претор времени Августа 604

Невий, Гней (ок. 265 — ок. 201 гг. до н.э.) — римский поэт, автор трагедий и комедий 149 (70)

Нептун — в римской мифологии бог морей и потоков, отождествлялся с греческим Посейдоном 50, 177 (160), 187 (192), 193, 425, 426 (114), 549, 568, 642

Нерва, Марк Кокцей — император (96–98 гг. н.э.) 608, 656 (25)

Нерон Клавдий Друз (Старший) Германик (ум. в 9 г. до н.э.) — пасынок Августа, брат имп. Тиберия, отец Германика и имп. Клавдия, полководец 50, 255, 260, 318, 351, 357 (161), 358 сл., 363, 423, 514 (93), 574, 583, 605, 613, 615, 658 (29), 682, 712 (191), 713 сл.

Нерон, полн.: *Клавдий Нерон Цезарь Август Германик* (род. в 37 г. н.э.) — римский император (54–68 гг. н.э.). Сын Гнея Домиция Агенобарба и Агриппины Мл. (имя при рожд. — Луций Домиций Агенобарб); в 50 г. усыновлен своим отчимом, императором Клавдием 52, 200, 303, 313 (29), 382 (228 сл.), 383 (232), 420 (93), 454, 496, 503, 505 (65), 544, 561, 622 (132), 634, 649 сл., 656, 659, 673, 699 (146), 710, 742 (269), 743 сл., 758, 793 (94), 821

Нигидий Фигул, Публий (ок. 100–45 гг. до н.э.) — антиквар 397 (17)

Николай Дамасский (64 до н.э. — после 14 г. н.э.) — греческий историк сирийского происхождения 37 сл., 67, 243, 246 сл., 248 сл., 251 (155), 261, 493, 528, 653, 728 (233)

Ноний Аспренат, Луций (ум. после 20 г. н.э.) — консул-суффект 6 г. н.э. 704 (166)

Норбан Флакк, Гай — консул-коллега Августа в 24 г. до н.э. 330

Нума Помпилий — второй римский царь (715–673 гг. до н.э.), которому приписывалось учреждение многих государственных и религиозных институтов 220 (46), 232, 313 (30), 403, 410, 420, 464 сл (275), 478, 582, 596, 754, 766

О

Овидий Назон, Публий (43 г. до н.э. — ок. 18 г. н.э.) — выдающийся римский поэт, сосланный Августом в 8 г. н.э. в Томы 34, 41, 125 (1), 217 (35), 257, 261 (189), 262, 411 (62), 427, 433, 436, 441, 455 сл. (241), 458 (252), 478 (314), 562 (15), 586, 623

(136), 625 сл., 630, 633 (162), 634 сл., 674, 684, 689 (120), 693 сл. (138), 695 (141 сл.), 696 (144), 697 сл., 723 слл. (251), 758, 780 (53), 781 (61), 793 (94), 794

Октавий (позднее *Октавиан*, см.: Август) — имя Августа до 44 г. до н.э. 18 (13), 33, 159 (99), 161 (107), 167 (126), 168, 180 (170), 247–255 (с примеч.), 277 (234), 369 (195)
Октавий, Гай (ок. 101–59 гг. до н.э.– претор 61 г.; отец Августа (во втором браке с Атией) 18 (13)

Октавий, Гней — консул 165 г. до н.э. (первый консул в роде Октавиев, его брат — всадник Гай) 572 (38)

Октавия Младшая (69 — 11/10 гг. до н.э.) — сестра Августа. Ее сын от первого брака (с Гаем Клавдием Марцеллом) Марцелл (см.) был женат на дочери Августа, Юлии, и считался наследником Августа. С 40 до 32 гг. замужем за М. Антонием 189 (197), 255 сл., 572(38)

Октавия Старшая (род. до 70 г.) — сводная сестра Августа (от первого брака Гая Октавия с Анхарией)

Опимий, Луций — консул 121 г. до н.э., подавивший движение под руководством Г. Гракха 759 (11)

Оппий, Гай (ум. к 30 г. до н.э.)– влиятельный римский всадник, преданный сторонник Юлия Цезаря; после его смерти также советник Октавиана 159 (100), 370

Орозий, Павел (перв. пол. V в. н.э.) — христианский священник и писатель из Испании 55 (90), 338 (109)

Осирис — египетский умирающий и воскресающий бог, владыка мертвых, податель плодородия (у греков отождествлялся с Дионисом); культ Осириса был связан с египетскими представлениями о царственности 184

Осторий Скапула, Квинт — префект претория со 2 г. до н.э., вдвоем с Сальвием Апером (см.) 722 (218)

П

Павел Диакон (ок. 720–799 гг.) — ученый монах, историк 257

Палатинская триада богов — Марс, Аполлон, Венера 406

Паллант/Паллас (ум. в 62 г. н.э.) — вольноотпущенник, ведавший при Клавдии императорскими финансами 742

Панса — см. Вибий Панса

Панэций (ок. 180 — ок. 110 гг. до н.э.) — древнегреческий философ, основатель Средней Стои 221 (50), 313 (30)

Папий Мутил, Марк — консул-суффект 9 г. н.э., один из авторов закона Папия и Поппея 451 (217)

Папирий Фабиан (I в. н.э.) — римский философ-эклектик 689 (121)

Парис (Александр) — сын троянского царя Приама и Гекубы. Похитил Елену, что послужило поводом к Троянской войне 456

Парфений из Никеи — поэт, попал в Рим как пленный ок. 73 г. до н.э. 256 (170)

- Педаний Секунд* — консул-суффект 43 г. н.э. 454 (233)
- Педий, Квинт* (ок. 88–43 гг. до н.э.) — племянник Юлия Цезаря, консул-суффект 43 г. до н.э. 171 сл., 370
- Перикл* (ок. 495–429 гг. до н.э.) — афинский государственный деятель 95, 313 (30)
- Персей Македонский* — царь (179–168 гг. до н.э.)
- Персефона* — у греков богиня подземного царства и плодородия (ей соответствовала римская Прозерпина, см.) 475 (306)
- Пертинакс* — император (декабрь 192 — март 193 гг.) 271 (217), 439 сл. (168 сл.)
- Пизон* — см. Кальпурний Пизон
- Пирр* (319–272 гг. до н.э.) — с 306 г. царь Эпира, пытавшийся создать великую средиземноморскую державу. Потерпев поражение от римлян, вынужден был оставить Италию и Сицилию 190, 193, 394
- Пифагор* (VI в. до н.э.) — греческий философ, математик 313 (30), 689 (120)
- Пифия* — жрица-прорицательница в Дельфах 628
- Платон* (427–347 гг. до н.э.) — выдающийся греческий философ 121 (248), 135 (36), 141, 220, 233 (93), 235 (99), 237 (105), 267, 317, 325, 396, 469, 506, 764, 832
- Плиний Младший, Гай* (61 или 62 — ок. 113 г. н.э.) — племянник и приемный сын Плиния Ст.; консул-суффект 100 и ок. 112 г., оратор, писатель 365 (182), 383, 457 (244), 467, 634
- Плиний Старший, Гай* (23/24–79 гг. н.э.) — римский государственный деятель, писатель, ученый-энциклопедист 49, 52, 117, 254 (163), 399 (20), 424, 586, 590 сл., 601, 610, 689, 789
- Плотий Тукка* — друг Вергилия, вместе с Варием издал «Энеиду» 687
- Плутарх Херонейский* (ок. 46 — после 119 гг. н.э.) — греческий писатель, философ-моралист 33, 53, 168 (128), 173 (145), 188, 314 (34), 315, 426, 717 (201, 203), 728 (233)
- Полибий* (ум. в 47/48 г. н.э.) — всеильный вольноотпущенник времени Клавдия, адресат одного из «Утешений» Сенеки 742 сл.
- Полибий* (ок. 200–120 до н.э.) — выдающийся греческий историк, попавший в Рим в качестве заложника 116, 118, 140 (53), 142 сл. (59), 144 слл., 220 (46), 237, 310 сл., 325, 384, 386, 396, 439 (168), 764
- Поликлет* (вт. пол. V в. до н.э.) — выдающийся греческий скульптор и теоретик изобразительного искусства 611 (111)
- Поллион* — см. Азиний Поллион
- Поллукс* (греч.: Полидевк) — один из братьев Диоскуров (см.) 837 сл.
- Помпей Великий, Гней* (106–48 гг. до н.э.) — известный полководец и государственный деятель; консул 70 и 55 гг.; в 60-е гг. — обладатель чрезвычайных полномочий для борьбы с пиратами и Митридатом; участник I триумvirата (с Крассом и Цезарем, с 60 г.). В 52 г. — консул без коллеги. В 48 г. потерпел поражение при Фарсале от Юлия Цезаря, бежал в Египет, где был предательски убит 25, 48, 85, 123, 144, 146 слл. (66), 149, 152, 182, 195 сл., 199, 205, 208, 210 слл., 213, 248, 278,

282, 293, 299, 308, 328 (71), 332, 371, 399, 411 сл., 420, 427, 501, 530, 568, 571, 573, 578, 609, 614 сл. (116 сл.), 638, 641, 689, 691, 702, 711 (186), 714 сл. (198 сл.), 716 слл., 722, 727, 731, 743, 778 сл., 830, 835 сл., 841

Помпей Макр, Гней (род. ок. 60 г. до н.э.) — поэт, администратор, приближенный Августа 258 (178), 261 (189)

Помпей Фест, Секст (II в. н.э.) — римский грамматик и антиквар 257

Помпей, Секст (73–35 гг. до н.э.) — младший сын Помпея Великого, воевал против Цезаря; в 43 г. получил от сената командование флотом, владел Сицилией. В 36 г. разбит Агриппой при Милах 34, 54, 159, 170, 177 (159 сл.), 178 (164, 166), 179, 207, 330, 372, 424, 527, 534 (157), 550 (190), 561, 565, 601, 678, 721, 761

Помпоний Аттик, Тит (110–32 гг. до н.э.) — богатый всадник, финансист, издатель, друг Цицерона 34, 359 (164), 689

Помпония — дочь Т. Помпония Аттика, первая жена Випсания Агриппы, мать Випсании Агриппины, первой жены Тиберия 359 (164)

Поппей Секунд, Квинт — консул-суффект 9 н.э., один из авторов (с Папием) закона о браке (*lex Iuliae et Papia Poppaea de maritandis ordinibus*) 451 (217), 456

Порсенна, Ларс — согласно преданию, царь этрусского города Клузий, который безуспешно попытался овладеть Лацием в 508 г. до н.э., после изгнания из Рима Тарквиния Надменного 394, 754 (8)

Порций Катон (Младший) Утический, Марк (95–46 гг. до н.э.) — правнук Катона Ст., оратор, приверженец стоицизма; упорный противник Юлия Цезаря, покончил с собой после битвы при Тапсе 148 (66), 206, 211, 314, 401, 494, 496, 691 сл., 697, 710, 716–724 (с примеч.), 730, 744 сл., 840

Порций Катон Цензор(ий) (Старший), Марк (234–149 гг. до н.э.) — консул 195 г., цензор 184 г.; поборник староримских нравов, писатель 143 (60), 150, 223 (57), 250, 298 сл., 306, 326, 396, 400, 411, 446, 652, 758, 782

Посидоний из Апамеи (ок. 135–51 гг. до н.э.) — философ-стоик, историк 144, 315 (36), 396, 830

Прим, Марк — наместник Македонии, обвиненный в превышении полномочий в 23 г. до н.э. 330 (81), 331 сл., 458

Проб — см. Валерий Проб

Прозерпина — супруга Плутона, бога преисподней (греч.: Персефона, супруга Аида) 476

Прокулей, Гай (до 56 — после 23 гг. до н.э.) — всадник из окружения Октавиана 255 (168)

Проперций, Секст (ок. 48 — ок. 15 гг. до н.э.) — известный римский поэт, автор элегий 42, 450, 625, 627, 674, 693, 733

Псевдо-Лонгин — греческий автор перв. пол. I в. н.э. 657 (29)

Птолеми — македонско-греческая царская династия эллинистического Египта (323–30 гг. до н.э.) 37, 183, 192, 194, 199, 260 (183)

Птолемей I Сотер (367/366–283 гг. до н.э.) — один из полководцев Александра Македонского; с 323 г. — сатрап, с 305 г. — царь, основатель династии Птолемеев 193 (212)

Птолемей Цезарь (Цезарион) — сын Юлия Цезаря и Клеопатры. Род. в 47 г., убит, как и Антилл (старший сын Антония и Клеопатры), после занятия Египта Октавианом в 30 г. до н.э. Другие дети Антония и Клеопатры взяты на воспитание Октавией 37, 189, 254 (162), 317 (45)

Р

Рабирий Постум, Гай — всадник и банкир, сторонник Юлия Цезаря, ставший сенатором, потом поддерживал также Октавиана 370

Регул — см. Атилий Регул

Рем — брат-близнец Ромула 472, 582, 621

Рея Сильвия — дочь царя Альбы Лонги Нумитора, мать Ромула и Рема 613, 621

Рома — богиня, олицетворявшая Римское государство, ее культ со II в. до н.э. сочетался в провинциях с культом полководцев-завоевателей, позднее — с культом императоров 44, 174 (148), 184, 186, 421 (95), 422 (99), 423, 547, 549, 560, 582 сл., 631, 652, 769, 784, 834, 838

Ромул — по традиции, основатель и первый царь Рима (753–717 гг. до н.э.). После смерти (по одной из версий — от рук сенаторов за тираническое правление) причислен к числу богов, отождествлялся с Квирином (см.) 127, 174 (149), 206, 220 (46), 228, 232, 260, 321, 348 (138), 392, 403, 408, 420, 426 сл. (122 слл.), 436, 472, 478, 513, 516 (98), 517, 539, 582, 602, 604, 609, 612 сл., 621, 631 сл., 754, 765 сл., 794, 809, 829, 834, 837 сл.

Росций, Секст из Америки — убит в 81 г. до н.э. вольноотпущенником Суллы Хрисогоном, см. след.

Росций Секст (Младший, сын предыдущего) Америкский — в 80 до н.э. незаслуженно обвинен в убийстве отца; оправдан благодаря защите Цицерона 209

Рутилий Руф, Публий — консул 105 г. до н.э., военачальник, ученик стоика Панэция 461

С

Саллюстий Крисп, Гай (86–35 гг. до н.э.) — выдающийся римский историк. Начал карьеру как популярист и сторонник Цезаря, после смерти которого отошел от политики 33, 148, 152 (78), 153 сл., 277, 398, 400 (25), 401, 415, 657 (29), 702, 758, 774

Сальвидиен Руф, Квинт — друг юности Октавия (Августа), полководец, отличившийся в Перузийской войне. Осужден за измену, покончил с собой в 40/39 г. до н.э. 159 (100), 329 (75)

Сальвий Апер, Публий — префект претория со 2 г. до н.э. (с Осторием Скапулой) 722 (218)

- Сатурн* (см. также: *Saturnus*) — древнеримский бог земледельцев и урожая; как и греч. Кронос — справедливый царь, установивший «Золотой век» 383 (230), 471 слл., 478 сл., 545 сл., 582, 596, 599, 601 сл., 639, 677, 680, 769, 837 сл., 840
- Светоний Транквилл, Гай* (ок. 70 — ок. 140 гг. н.э.) — римский писатель-биограф. При Адриане руководил ведомством писем императорской канцелярии 32, 39, 53, 56 (91), 83, 154, 167, 173, 176 (158), 188, 212 (22), 214 (26), 244 (131), 252 (157), 261, 263, 266 (199), 304, 311, 313, 319 сл. (52 слл.), 322 слл., 326, 333 (92), 357, 362 (176), 374, 409, 414, 426, 428 сл., 438, 460, 464, 483, 508 (69), 512, 516, 520, 523, 561 (13), 565 (22), 567, 597, 613 сл., 619 сл., 624, 626, 628, 634 сл., 710, 713 сл., 719, 728, 730, 791, 795
- Север Александр* — император (222–235 гг.) 54, 275 (228)
- Северы* — династия императоров (193–235 гг.) 272, 376, 635
- Сей Страбон, Луций* — всадник, префект преторианцев в последние годы жизни Августа и в начале правления Тиберия (вместе с сыном — Сеяном), затем префект Египта (14–15 гг. н.э.) 722 (215), 726
- Секстий, Квинт Старший* (I в. до н.э.) — римский философ 688 сл. (120 сл.), 692
- Селевк I Никатор* (ок. 356–281 гг. до н.э.), основатель царства Селевкидов (в 312 г. до н.э.) 537
- Селевкиды* — династия эллинистических правителей (до 64 г. до н.э.) 419
- Семпронии Гракхи, братья Тиберий и Гай*, народные трибуны (133 и 121 гг. до н.э.) 25, 36, 134 (34), 147, 197, 200, 215, 378, 620 (128)
- Семпроний Гракх, Тиберий* (отец) — цензор 169 до н.э. 240
- Сенека* — см. Анней Сенека
- Сентий Сатурнин, Гай* — ординарный консул 19 г. до н.э., военачальник 343
- Септимий Север, Луций* — император (193–211 гг. н.э.) 54, 271 (217), 440 (169), 599, 604, 836 сл., 839
- Серapis (Сарапис, Осирис-Апис)* — египетское божество 413
- Сервий* — латинский грамматик (ок. 400 г. н.э.) 398 (17), 414 (74), 435, 677 (92)
- Сервий Тулий* (578–535 гг. до н.э.) — шестой римский царь; ввел цензовую конституцию 174 (149), 220 (46), 228 (74), 232, 479 (315)
- Сервилий Ахала, Гай* (V в. до н.э.) — тираноубийца (убил Спурия Мелия в 439 г.) 299 (6)
- Сервилий Барей Соран* — сенатор, представитель «стоической» оппозиции; приговорен к смерти Нероном в 66 н.э. 709, 732 (269), 742 (269)
- Сервилия* — дочь П. Сервилия Исаврика, обрученная с Октавианом, в 43 г. до н.э. обручение было расторгнуто 357
- Сергий Катилина, Луций* (ок. 108–62 гг. до н.э.) — заговорщик, разоблаченный Цицероном 401
- Сестий Альбаниан Квиринал(ий), Луций* — консул-суффект 23 г. до н.э. 332
- Сеян* — см. Элий Сеян

- Сивилла Кумская* — одна из 10 пророчиц ближневосточного происхождения, от имени которых распространялись оракулы — собрания предсказаний 631
- Сирон* (I в. до н.э.) — философ, ученик Эпикура; среди его учеников был Вергилий 687
- Созиген* (I в. до н.э.) — астроном из Александрии 314
- Созий, Гай* — ординарный консул 32 г. до н.э., приверженец Антония, помилован Октавианом 187 (192), 639
- Солон* (640–560 гг. до н.э.) — афинский политический деятель и реформатор (учредил цензовую конституцию. В древности причислялся к семи мудрецам 128 (12), 322, 327, 478, 766
- Сотион Александрийский* (к. I в. до н.э. — нач. I в. н.э.) — философ, учитель Сенеки Младшего, стоик, сочувствовавший также пифагорейским идеям 689 (121)
- Софокл* (496–406 гг. до н.э.) — великий афинский поэт-трагик 263 (195)
- Спурий Муммий*, см. Муммий
- Стагилий Тавр, Тит* — полководец Октавиана, консул-суффект 37 и ординарий 26 г. до н.э., префект Рима (16–10 гг. до н.э.) 255 (168), 326, 328 (73), 639
- Стаций Папиний, Публий* (ок. 40–96 гг. н.э.) — римский поэт, литератор, педагог 635
- Страбон из Амазии* (ок. 64/63 до н.э. — ок. 20 н.э.) — греческий географ, путешественник и историк 37, 117, 218, 251, 289, 315 сл., 319, 324, 461, 564 (18), 651 (8), 770, 790, 795, 799
- Сулла* — см. Корнелий Сулла
- Сулпиций Гальба, Сервий* — император (68–69 гг. н.э.) 271 (217), 324 (63), 365 (182), 661
- Сулпиций Гальба, Сервий* — претор 54 г. до н.э., адресат Цицерона; будучи первоначально сторонником Цезаря, стал участником заговора против него 169 (132)
- Сфер* — раб-педагог мальчика Октавия (будущего Августа) 250
- Сцевола* — см. Муций Сцевола
- Сципионы* — прозвище одной из ветвей патрицианского рода Корнелиев; в их числе — выдающиеся римские полководцы и государственные деятели. О восхождении Сципионов свидетельствуют древнейшие элоги в фамильной усыпальнице Корнелиев Сципионов у Капенских ворот, начиная с Луция Корнелия Сципиона Барбата, консула 298 до н.э. 360, 393, 412, 652, 685, 697
- *Корнелий Сципион Африканский Старший, Публий* (235–183 гг. до н.э.) — полководец, консул 205, 194, цензор 199–184 гг. до н.э., принцепс сената 125, 155 (85), 226, 278, 299, 322, 411 сл., 427
- *Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший, Публий* (185–129 гг. до н.э.) — полководец в III Пунической войне, разрушитель Карфагена; дважды консул (147, 134 гг.), триумфатор, цензор 19 (17), 141, 144, 221 (50), 233, 235 сл., 240, 255, 310, 313 (30), 454, 743, 774 (32)
- Сципион Назика Серапион, Публий* (ум. в 132 г. до н.э.) — консул 138 г., верховный понтифик, в 133 г. возглавил расправу над Тиберием Гракхом 240

Т

- Такфаринат* — вождь нумидийцев (17–24 гг. н.э.) 512 (81)
- Тантал* — сын Зевса и Плуто, наказанный богами за святотатство 628
- Тарквиний Приск (Древний), Луций* — пятый римский царь (616–578 гг. до н.э.) 232, 348 (138), 564, 596 (88)
- Тарквиний Суперб (Надменный), Луций* — последний римский царь (534–510 гг. до н.э.) 127 сл., 156, 232, 265 (197), 308, 394, 401, 490, 731 (241), 754 (6 сл.), 755 (9)
- Тацит* — см. Корнелий Тацит
- Теодор из Гадары* (I в. до н.э.) — ритор из окружения Августа 251 (153), 256 (170)
- Теренций Афер, Публий* (190–159 гг. до н.э.) — комедиограф 221 (50)
- Теренций Варрон (Реатинский), Марк* (116–28 / 27 гг. до н.э.) — государственный деятель, писатель, крупнейший римский ученый-энциклопедист и антиквар 34 сл., 174, 221 (52), 224, 397 слл. (с примеч.), 410 сл., 415, 429, 495 (32), 629 (150)
- Теренций Варрон Мурена, Авл* (ок. 56–22 гг. до н.э.) — консул-коллега Августа в 23 г.; казнен как предполагаемый участник заговора против императора (идентификация консула с заговорщиком не бесспорна) 319, 330 слл. (86 сл.), 334, 665, 670
- Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс* (160 — после 220 гг.) — христианский богослов 167, 530 (146)
- Тиберий (Юлий) Цезарь Август* — император (14–37 гг. н.э.), сын Тиберия Клавдия Нерона и Ливии Друзиллы (род. в 42 г. до н.э.). От рождения Тиберий Клавдий Нерон, после усыновления Августом в 4 н.э. — Тиберий Юлий Цезарь 29, 36, 45 сл., 51, 54, 79, 173 (145), 197, 256, (170), 291 (276), 298 (5), 302 сл. (16, 18), 313 (29), 304, 315, 323, 324 сл., 330, 334, 337 (103), 350 (144), 351, 354 (156), 357 (161), 358 слл. (172), 362–365 (с примеч.), 376 (215), 378, 380 (223), 382, 385, 408, 417, 435, 437 (160), 439 сл., 455, 458 (253), 459 сл., 467 (281), 483–486 (с примеч.), 512, 514 (93), 517 (98), 518 (103), 522, 524, 547, 552 (202), 565, 583, 600 (95), 605, 615, 623, 640, 655 сл., 658 слл., 662 (45), 667, 670, 682, 705, 708, 710, 712 (190), 713 (192), 714, 719, 722, 724–732 (с примеч.), 735–740, 742, 744 слл., 758, 764, 782, 796, 798, 800 (105), 832, 836, 843
- Тибулл* — см. Альбий Тибулл
- Тигран II* — царь Армении (20–6 гг. до н.э.) 446
- Тимаген из Александрии* (I в. до н.э.) — греческий историк и автор инвектив, современник Августа 37, 38, 255, 653 сл., 701, 712
- Титий Каннутий* — народный трибун 44 г., проскрибированный в 43 г. до н.э. 370
- Титий (Тиций), Публий* — народный трибун 43 г. до н.э. 276 (230)
- Титир* — персонаж Вергилиевой I эклоги, в котором усматривают самого автора 424 (108), 676
- Тразея Пет* — см. Клодий Тразея Пет
- Траян, полн.: Ульпий Траян, Марк* — император с 98 до 117 гг. н.э. Вошел в традицию как «лучший» принцепс 53 сл., 212 (22), 218, 225 (66), 232 (89), 365 (182), 376, 380, 458 (254), 467, 607 сл., 656 (25 сл.), 731 (242), 751 (1), 835 сл., 837, 842

Требатий Теста, Гай (ок. 84 г. до н.э. — ок. 4 г. н.э.) — юрист, антиквар, друг Цицерона, советник Юлия Цезаря и Октавиана 255

Тулл Гостилий (ок. 672–640 гг. до н.э.) — третий римский царь 232, 572 (37), 596 (89), 597

Туллий Цицерон, Марк (106–43 гг. до н.э.) — консул 63 г.; выдающийся оратор, писатель, политический деятель 20, 25, 32 сл., 38, 54, 75, 88, 96, 99 сл., 108, 111 (214), 128, 131, 135 (36), 139, 143 (60), 144, 147–154 (с примеч.), 155 (86), 156, 158 сл., 161–171 (с примеч.), 173 (145), 178, 181, 196 сл., 208 (5), 209 сл. (11 сл.), 211 слл., 218–226 (с примеч.), 228–243 (с примеч.), 250, 252, 254 сл., 263, 265, 267, 274, 276–279 (с примеч.), 286, 293 сл., 298 сл., 305 слл., 309 сл., 312 сл. (28, 30), 315 слл., 320 сл. (57), 322, 326, 346, 353 сл. (154 сл.), 393, 397–400, 402, 405, 410 слл., 415 (79), 424, 429, 441, 454, 464, 491 сл., 497, 501 сл., 506, 516, 518, 520, 529, 552, 623, 649, 662, 687, 689 слл., 697, 702, 705, 711 (187), 717 (201), 718, 720 слл., 730, 739, 743, 752–756, 758, 761, 765, 774 (32), 775, 782, 793 (94), 820, 830

Турия — имя на одном из погребальных памятников времени Августа (*Laudatio Turiae*) 43 (59), 285, 292, 474, 734

Ф

Фабий Максим Кунктатор, Квинт — консул 233, диктатор 217 г. до н.э. 427

Фабий Пиктор, Квинт — писавший по-гречески римский историк (ок. 200 г. до н.э.) 397

Фадий Галл, Марк — эпикуреец, друг Цицерона (с 57 г. до н.э.) 720

Факунд Новий — математик, астроном, архитектор, принимавший участие в сооружении горология Августа на Марсовом поле (ок. 9 г. до н.э.) 256

Фаларид (Фаларис) — тиран из Акраганта (VI в. до н.э.), враги которого заживо сжигались в бронзовом быке; символ жестокого тирана 233

Фанний Цепион — участник заговора против Августа в 23 или 22 г. до н.э. 331

Фауст Корнелий Сулла — см. Корнелий Сулла, Фауст

Феб (греч.: лучезарный, сияющий) — Аполлон (см.) как бог солнечного света, отождествлявшийся также с Гелиосом 436, 477, 585, 627–630, 839

Федр (к. I в. до н.э. — сер. I в. н.э.) — римский баснописец греческого происхождения, педагог при дворе и вольноотпущенник Августа; при Сеяне подвергся обвинению в критике режима 256

Фемистий (IV в.) — греческий ритор и философ 318

Феокрыт из Сиракуз (1-я пол. III в. до н.э.) положил начало буколической поэзии 693

Феон из Александрии — философ-стоик, один из советников Августа (к. I в. до н.э.) 318

Феофан из Митилены — историк, друг Помпея (ок. 62 г. до н.э.), отец Помпея Макра 261 (189)

Фест Помпей, Секст (II в. н.э.) — грамматик и антиквар, сделал извлечения из словаря Веррия Флакка (см.) с объяснением слов времени Августа 35, 257, 454

- Фидий* (ок. 490–431 гг. до н.э.) — знаменитый афинский скульптор 235
- Филипп II Македонский* (382–336 гг. до н.э.) — царь Македонии с 355 г., установил гегемонию над Грецией 164
- Филипп, Луций* — см. Марций Филипп, Луций
- Филодем из Гадары* (ок. 110 — 40/35 гг. до н.э.) — философ-эпикурец 687
- Филострат* (I в. до н.э.) — софист в Александрии 318
- Флавий, Луций* — народный трибун 60 г. до н.э. 149
- Флави* — династия римских императоров, правивших с 69 по 96 гг. н.э. (Веспасиан, Тит, Домициан) 634, 661, 710, 745
- Фламиний, Гай* — народный трибун 232, консул 223, 217 гг. до н.э.
- Фламинин* — см. Квинкций Фламинин
- Фортуна* — римская богиня счастья, удачи (соотв. греч. Тихэ); почиталась также как богиня-покровительница отдельных лиц, местностей, событий (напр.: Фортуна возвращения, см.: *Fortuna redux*) 245, 344, 360, 435, 652 сл., 718
- Фрасилл / Тразилл* (вт. пол. I в. до н.э. — перв. пол. I в. н.э.) — философ, астролог, советник Августа и Тиберия 256, 318 (49)
- Фузий* — личное имя популярного гладиатора 704 (164)
- Фульвия* (ум. в 40 г. до н.э.) — жена народного трибуна Клодия Пульхра, затем Г. Скрибония Куриона и триумвира М. Антония, при котором играла определенную роль в политике 176 (158), 189 (197), 263 (195), 357
- Фурий Бибакул, Марк* (I в. до н.э.) — поэт, автор критических эпиграмм 728 (231)
- Фурий Камилл, Марк* (ум. в 364 г. до н.э.) — цензор 403 г., интеррекс, пять раз диктатор; шесть раз консульский трибун; четырежды триумфатор; взял Вейи; победил галлов, за что был провозглашен Отцом отечества и вторым основателем Города 759 (11)
- Фурий Фил* — консул 136 г. до н.э. 221

Ц

- Цезарион, или Птолемей XV Цезарь* (47–30 гг. до н.э.) — сын Юлия Цезаря и Клеопатры VII 37, 254 (162), 317
- Цезарь* — см. Юлий Цезарь, Гай
- Цезарь, Гай* (20 г. до н.э. — 4 г. н.э.) — сын Випсания Агриппы и Юлии, внук Августа, усыновленный им 359 (166 сл.), 360, 544 (178), 836
- Цезарь, Луций* (17 г. до н.э. — 2 г. н.э.) — сын Випсания Агриппы и Юлии, внук Августа, усыновленный им 359 (166 сл.), 360
- Цензорин* (перв. пол. III в. н.э.) — римский грамматик, филолог и писатель 469 (288)
- Цепион* — см. Фанний Цепион
- Цестий Пий, Луций* (вт. пол. I в. до н.э. — нач. I в. н.э.) из Смирны — ритор времени Августа 704 (164), 705 (167)
- Цецилий Метелл Македонский* — см. Метелл

Цильний Меценат, Гай (ок. 70–8 гг. до н.э.) — приближенный Октавиана-Августа, покровитель поэтов 40 сл., 55, 113, 178, 187, 206, 251 (154), 255, 269 (210), 270 (215), 271 сл., 279, 307, 313, 317, 331, 370, 451, 472, 528, 573 (40), 674–678, 681, 684, 696 (144), 704

Цинна — см. Корнелий Цинна Магн, Гн. и Корнелий Цинна, Л.

Цинциннат — см. Квинктий Цинциннат

Цицерон — см. Туллий Цицерон

Э

Эвандр — сын Гермеса и нимфы, основатель первого поселения на берегу Тибра 621 сл.

Эврикл, Гай Юлий (ум. до 2 г. до н.э.) — правитель Спарты 255

Эгнатий Руф, Марк — эдил 22 г., претор 21 г., казненный в 19 до н.э. по обвинению в заговоре 378, 565,

Эгнатулей, Луций — квестор 44 г. до н.э., примкнувший к Октавиану 370

Элий Аристид (II в. н.э.) — оратор и писатель 325 (66), 653

Элий Галл — префект Египта ок. 26–24 гг. до н.э. (сменил Корнелия Галла) 256, 329, 398

Элий Сеян, Луций — префект претория при Тиберии (с 14 г. н.э.), всесильный временщик; в 31 н.э. обвинен в государственной измене и казнен 726

Элий Стилон, Луций (ок. 154 — ок. 74 гг. до н.э.) — всадник, филолог, антиквар 398

Эмилий Лепид, Марк (ум. в 152 г. до н.э.) — консул 187 и 175, цензор 179; построил названные его именем дорогу и базилику на Римском форуме 600, 604, 606, 640, 837 сл.

Эмилий Лепид, Марк (ок. 90–12 гг. до н.э.) — начальник конницы при Юлии Цезаре, консул 46 и 42 гг., член второго триумvirата 158, 171 сл. (142), 174 сл. (152), 182 (177), 254 (163), 279, 282, 354 (157), 372, 416 (85), 428, 511 (76), 527, 529, 592 сл., 665, 709

Эмилий Лепид Младший, Марк — сын триумвира, казнен как заговорщик в 30 г. до н.э. 665 (53)

Эмилий Павел Македоник, Луций (228–160 гг. до н.э.), консул 182 и 168, полководец и политический деятель 240

Эмилий Лепид Павел, Луций — консул-суффект 34 г. и цензор 22 г. до н.э. 349 (142)

Эмилий, Мамерк — диктатор в 437, 434 и 426 гг. до н.э. 514 (91)

Эмилий Мамерк, Марк (род. 163/162 г. до н.э.) — консул 115, 108 гг. до н.э. 501 (50)

Эмилий Павел, Луций (сын консула 34 г.) — муж Юлии Мл., ординарный консул 1 г. н.э., обвинен в участии в заговоре в 8 г. н.э., казнен в 13 / 14 г. 670

Эмилий Скавр, Мамерк — известный оратор, автор трагедий, консул-суффект ок. 21 г. н.э.; обвинен Макроном по закону «о величии» и покончил с собой в 34 г. 728 (232)

Эней — в греческо-римской мифологии сын троянца Анхиса и Афродиты. Мифический родоначальник рода Юлиев (от его сына Юла) и всех римлян 248, 394, 427, 472 сл., 506, 577, 582, 602, 612 сл., 621 сл., 679, 832

Энний, Квинт (239–169 гг. до н.э.) — римский поэт, драматург, переводчик с греческого 150 (72), 426

Энния, жена Макрона — 728 (232)

Эпидий, Марк (I в. до н.э.) — ритор, учитель Октавиана и Антония 250 сл. (152)

Эпикур (342/341–271/270 гг. до н.э.) — древнегреческий философ, основатель школы

Эприй Марцелл, Тит (Т. Клодий Эприй Марцелл), ум. в 79 г. н.э. — консул-суффект 62 и 74 гг. н.э., доносчик и обвинитель времени Нерона и Флавиев 745 (272 сл.)

Ю

Юба II — мавританский царь (ок. 50 г. до н.э. — 23 г. н.э.), ученый 261, 560

Ювенал, Деций Юний (ок. 60 — после 127 г. н.э.) — поэт, автор сатир 144 (60), 455, 635

Юл — сын Энея и предок Юлиев 248, 472

Юл Антоний — сын триумвира от Фульвии, воспитан Октавией; во 2 г. до н.э. казнен за связь с Юлией 722 (217)

Юлиан (Флавий Клавдий Юлиан Апостат) — император (360–363 гг.), автор ряда сочинений 318

Юлии — римский патрицианский род, возводивший себя к Юлу, сыну Энея 364, 370, 406, 472, 506, 517, 593, 597, 600, 605, 612 сл., 620, 624, 638, 679, 726

Юлии-Клавдии (14–68 гг. н.э.) — условное название первой «династии» римских императоров, представители которой происходили из двух знатных родов. Ее основателем был Август (Юлий по усыновлению). К династии Ю.-К. относят Тиберия, Калигулу, Клавдия, Нерона (см.).

Юлий Гигин, Гай (64 г. до н.э. — 17 г. н.э.) грамматик, ученый-энциклопедист 41, 258 сл. (179)

Юлий Марат — секретарь и биограф Августа, вольноотпущенник 256

Юлий Цезарь Германик, Гай (15 г. до н.э. — 19 г. н.э.) — сын Друза Старшего, внучатый племянник Августа, отец имп. Калигулы, брат имп. Клавдия и дед имп. Нерона, консул-ординарий 12 и 18 гг. н.э. Имя до усыновления Тиберием — Нерон Клавдий Германик 46, 362, 383, 440 (169), 459, 547, 583, 662, 714, 726, 796, 834, 843

Юлий Цезарь, Гай (100 — 44 гг. до н.э.) — политик, государственный деятель, полководец, оратор и писатель. Участник I триумвирата (с Крассом и Помпеем — с 60 г.); консул 59, 48, 46, 45 (без коллеги), 44 гг.; диктатор 49–44 гг. (с перерывами) 18, 25, 28, 33, 48, 54, 112, 123, 148 (66), 149, 154 сл., 156 сл., 164, 167 слл., 173 слл., 178, 183, 186, 189 сл., 195, 198, 207 сл., 210, 212–218 (с примеч.), 245, 247 слл., 251 (154 сл.), 253 сл. (162сл), 257, 259 (179), 260 сл., 279, 299, 305, 313 сл., 336, 339 сл. (117), 347, 350, 353 (154), 354, 362, 365, 368 сл., 370, 373 слл., 399, 420, 424, 428 сл., 438, 440 (172), 441, 454, 470, 486, 491 сл., 494, 497, 505, 508, 510, 517 сл., 525 сл., 528, 533, 537, 545, 550 сл. (198), 561 (13), 564, 568, 570–574, 578, 592, 594, 597, 600–609, 611 сл., 614, 624, 649 сл., 658, 664, 666, 687 сл., 700, 702, 712 (189), 713 сл., 717 сл., 720, 722, 730 сл., 739, 743, 755 сл., 773, 799, 830, 832, 837 сл., 841

Юлия (ум. в 51 г. до н.э.) — младшая сестра Юлия Цезаря 248

Юлия Августа — см. Ливия Друзилла

Юлия Младшая (19/18 г. до н.э. — 28 г. н.э.) — дочь Агриппы и Юлии Ст., внучка Августа, жена Л. Эмилия Павла; сослана в 8 н.э. 360 сл., 670, 696, 723 сл.

Юлия Старшая (39 г. до н.э. — 14 г. н.э.) — единственный ребенок Августа (от Скрибонии); была замужем за Марцеллом, Агриппой, Тиберием. В ссылке со 2 г. до н.э. 50, 52 (83), 333 (90), 357–360, 365, 451 (216), 473, 551, 583, 670, 723 сл.

Юний Блез, Квинт — консул-суффект 10 г. н.э., полководец 512 (81)

Юний Брут Альбин, Децим (ок. 85–43 гг. до н.э.) — претор 48 до н.э., полководец Цезаря и участник заговора против него 156 (870)

Юний Брут, Луций (ум. в 509 г. до н.э.?) — согласно преданию, один из основателей Римской республики, в 509 г. ее первый консул (вместе с Коллатином) 242, 393, 645, 840

Юний Брут, Марк (85–42 гг. до н.э.) — один из организаторов заговора против Цезаря; покончил с собой после поражения при Филиппах 54, 156 (870), 157, 163, 332, 730 сл.

Юний Галлион, Луций (вт. пол. I в. до н.э. — нач. I в. н.э.) — сенатор, друг Сенеки-Ритора, усыновивший его старшего сына Новата (см. след.) 704 (162), 741 (266)

Юний Галлион / Луций Юний Галлион Аннеан, урожденный Л. Анней Новат / (ок. 5 г. до н.э. — 65 г. н.э.) — консул-суффект (ок. 50) и проконсул Ахайи ок. 52 / 51 г. (см. также: Анней Сенека) 704 (162), 741 (266)

Юний Конг (Гракхан), Марк (I в. до н.э.) — современник Цицерона, интересовавшийся римскими древностями 219 (42)

Юний Норбан — автор одного из законов о манумиссиях, принятых при Августе и Тиберии 460

Юнона — богиня, сестра и супруга Юпитера, см. (соотв. греч. Гере и Зевсу), покровительница римского государства 404 (32), 405 сл., 408, 420, 430 (133), 476, 560, 572 (38)

Юпитер — верховное божество римлян, отождествлявшееся с греческим Зевсом; вместе с Юноной и Минервой составлял Капитолийскую триаду 167, 186, 191, 216, 232, 281, 364, 394, 404 (32), 405 слл. (45), 409, 412, 420, 426 (114), 427, 436, 440, 472, 476, 495, 504, 512 слл., 545, 547 сл., 560, 572 (38), 596, 606, 618, 623, 633 (162), 635, 642, 794, 797, 830 слл., 834 сл., 841

Юстиниан I — византийский император (527–565 гг.) 69 (38), 444

Я

Ямбул (II–I вв. до н.э.?) — позднеэллинистический автор романа-утопии о счастливых островах Солнца 185

Янус — римское двуликое божество входов и выходов, обращенное одновременно в прошедшее и будущее. Ворота его храма-арки закрывались только в мирное время 266, 281, 292 (281), 301, 410, 473, 581 сл. (58 сл.), 585, 778, 801, 842

Яхве — Бог единый в иудаизме 413 (71), 419

Вольтер, при рождении: *Франсуа Мари Аруэ* (1694–1778 гг.) — французский философ-просветитель 70

Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584 гг.) — царь всея Руси с 1547 до 1584 гг. 70

Карл Великий (742–814) — король франков с 768 г., император Запада с 800 г. 69 (38), 533 (155)

Макиавелли, Никколо (1469–1527 гг.) — итальянский мыслитель и политический деятель 20, 116, 129, 755

Моммзен, Теодор (1817–1903 гг.) — немецкий историк, филолог-классик и юрист, заложивший основы романистики 42, 45, 59, 70 слл. (44), 73, 84, 100, 129, 210, 243, 267, 288, 295, 304, 337, 380, 382, 387 (241), 507, 524, 777 (46), 786, 790, 821, 829

Монтескье, Шарль-Луи (1689–1755 гг.) — французский писатель и философ-просветитель 70, 115, 129

Муссолини, Бенито — диктатор, вождь («дуче фашизма»), возглавлявший Италию в качестве премьер-министра с 1922 по 1943 г. 76, 487, 557

Оттон I Великий — император Священной Римской империи (962–973 гг.) 69

Юхан III (Johan III) — шведский король в 1568–1592 гг. 70 (39)

Предметный указатель

А

авгур 184 (185), 187, 221, 394, 398, 404 сл. (38), 408, 547, 583, 622, 834, 843

августал 434 сл. (149), 440

Августов век 15 (1), 23, 41, 61 сл., 67, 259, 273, 476, 478, 581, 584 (сл.), 647, 674 сл., 678, 694, 696, 752 сл. (3)

Августов замысел (план, проект, концепция, программа, см. также: идеология) 86, 199, 244, 287, 400, 403, 627, 738, 740, 744

Августов мир (также см. алтарь Августова мира) 41, 48 сл., 446, 519, 529, 584, 710, 769 сл.

Августов порог 119 (245), 771 (18), 786

Августов щит (см. также: *clipeus virtutis*) 290, 434, 458, 498 сл., 504–507

– добродетели Августова щита 267, 239, 505, 516, 529

автократия, автократический 44, 106, 387 (241), 561, 657 (27), 756 (10), 821 (6)

– автократ 422, 488 (12)

авторитаризм, авторитарный 82 сл., 821 (6)

академики, академия (философская школа) 314 (31), 318, 832

акведук 381, 385, 564 сл. (22), 573

– *aqua Alsietina* 640

– *aqua Virgo* 835

– *Клавдия (aqua Claudia)* 839

– *Марциев (aqua Marcia)* 567 (27)

- алтарь* (выборочно) 392, 394, 408, 430, 433, 488, 534, 628, 630, 650
- *Августова Мира* (*Ara Pacis Augustae*) 49, 408, 439, 476, 540, 544, 547, 569, 574, 579–586, 588 слл., 593, 641, 807, 835, 842
 - *Божественного Юлия* 300, 600, 606
 - *Дис Патера и Персефоны* (*Прозерпины*) 475
 - *Фортуны возвращения* (*Fortuna redux*) 344, 408, 542
 - *Iustitia Augusta* 408
 - *numinis Augusti* 437 (159)
 - *Ops Augusta* 408
- алтарь Ромы и Августа* (выборочно) 423, 539, 560, 631, 784, 792 (90)
- *Лугдунский* 423
 - *Таррагонский* 423
 - *Убиев* (или *Германский*) 423 (104)
- алтари ларов Августа и его Геня* 433–437 (с примеч.) 544
- амфитеатр* 48, 379, 560, 639, 740, 835, 838
- антиквар* (*антиквария*) 35, 41, 397–400, 471, 475, 616, 680
- арвальские братья* 408 сл., 414
- аристократия, аристократ* 33, 57 (92), 71, 96, 119, 130 слл., 136, 138–141, 143, 151, 165 сл., 177, 205, 211, 213 сл., 236 слл., 240 сл., 247 сл., 252, 297, 305, 307, 309, 313 сл., 324, 327, 338, 341, 344, 346, 352, 380, 386 сл., 423, 452 сл., 466, 490, 498, 506, 537, 562, 579, 616, 620, 622, 632, 665, 675, 684, 686 сл., 696, 698, 755, 765 сл.
- астролог(ия), астролог* 256, 318 (49), 410, 414, 439, 686
- ауспиций* (*auspiciū*) — гадание по полету и поведению вещей птиц 329 (76), 427, 512 слл. (91), 773, 790

Б

- базилики* 597
- *Нептуна* 568
 - *Юлия* 218, 573 сл., 599 сл., 604, 606, 837 сл., 842
 - *Эмилия* 600, 604, 606, 640
- библиотеки* 261, 399, 564, 642
- *библиотека Поллиона в атрии Свободы* 187 (192), 399, 495 (32), 639, 700
 - *в портике Октавии* 256
 - *Палатинская, или Аполлонова* 41, 258 (176 слл.), 259, 319, 624, 628 сл. (150), 630, 636, 839
 - *личная библиотека Августа* 259 сл., 839
 - *в храме Аполлона (библиотека священных книг)* 259 (182)
- Библия* 419
- битва*
- *53 г., при Каррах* 545

- 48 г., при Фарсале 148 (66), 156 (87), 253, 614 (116)
- 46 г., при Тапсе 148 (66), 149, 718, 720
- 45 г., при Мунде 162 (112), 494
- 43 г., при Мутине (Мутинская война) 170, 529
- 42 г., при Филиппах 34, 52 (83), 175 (153), 182, 184, 329, 332, 681
- 31 г., при Акции 191 сл., 407, 568, 650, 683
- Большой цирк (*circus maximus*) 379, 618, 622 (132), 624, 740, 835, 838 сл.

В

- Ветераны 43, 140, 158, 160 сл., 163 сл., 166, 168, 171, 175 (153), 179, 181, 187 сл., 213, 265, 327, 368 сл., 370, 374, 423, 428, 511, 575, 676, 679, 737, 740, 757, 761, 781, 784, 820
- Вилла папирусов 263, 537, 687
- вилла Ливии в Прима Порта 542 (176 сл.), 544, 636, 803, 814, 842 сл.
- власть (см. также: трибунская, проконсульская власть, демократия, меритократия и др.) 16, 27, 40, 43, 45, 47, 51, 53, 57 (92), 70, 80, 93, 99, 107, 110, 112 сл., 119, 122, 130, 135, 141, 146, 155, 184, 191, 194–201, 211, 225, 234, 375, 443, 501 сл., 506 сл., 508–512, 518, 641, 657, 690 слл.
- Августа 44 сл., 70, 72, 74, 76 сл., 84, 91, 95, 98, 103, 105, 114, 239, 242 сл., 245 сл., 269, 274, 282, 287, 290 слл., 294, 301, 303 сл., 305, 319, 331, 334, 336 сл., 342 слл., 353, 356, 360 слл., 364 слл., 385 слл., 417, 466 сл., 498, 500, 503, 524, 529, 569, 654, 663 сл.
 - абсолютная 77, 79
 - автократическая 44, 106,
 - государственная 19, 80, 320
 - единоличная (единоличное правление, единовластие, см. также монархия) 23, 66, 73, 75, 84, 89, 95, 98, 230, 308, 320, 355, 464, 514 сл., 656, 658 сл., 742–745,
 - императорская 43, 101, 103, 107, 443
 - магистратская 72, 139
 - монархическая 22 (24), 23, 79, 83, 86, 88 сл., 90, 97, 309, 355, 443, 519, 552, 650,
 - неограниченная 86 сл., 89, 98, 148, 346
 - царская (см. также: царь) 69, 83, 87, 104, 106, 141, 149, 174, 227, 231 сл. (85 слл.), 232 сл., 237, 241, 275, 280, 310, 420, 427
 - атрибуты, символы власти 66, 300, 549 сл., 577, 589
 - компоненты (элементы, органы) власти 22 сл., 43, 101, 103, 145, 155, 547
 - легитимация власти 462, 484
 - распределение власти 77, 79, 86, 101, 338
 - факторы власти (правовые и неправовые) 75, 81, 366–374
- «восстановленная республика» (см. также: *res publica restituta*) 10, 16, 25 сл., 28, 33, 38, 66, 68, 75, 79, 90, 92, 94, 99, 102, 105, 107 сл., 108 сл., 111, 113, 125, 151 слл., 157, 162, 199, 201, 207, 213, 216 сл., 220, 235, 244, 258, 266, 277, 279, 283, 285, 287,

289 сл., 292, 294, 300 сл., 304 слл., 307, 309 сл., 311, 319, 322, 333, 336, 346, 356, 374, 380, 384 слл., 387 сл., 400, 402, 405, 428, 444 сл., 447, 449, 451, 456, 461 сл., 463, 465 сл., 474, 485, 490, 495, 497, 502, 518 сл., 526, 539, 551, 585, 594, 606, 616 сл., 637, 640 сл., 643, 647 сл., 649, 661, 663, 672, 684 слл., 696, 698 сл., 707, 714, 716 сл., 723, 731, 733, 737 сл., 740 сл., 744, 746, 752 сл., 756–759, 764, 767 сл., 771, 793, 820

Г

гений (божество, см. также: *genius*) 430 (133), 431–434, 437, 443, 461, 518, 566, 568, 768, 833

горологий — см.: *horologium*

Д

демократия (вопрос о наличии демократии в Риме) 55, 130–145, 236 слл., 242, 270, 272, 274 сл. (с примеч.), 324, 375, 378 слл., 429

диархия (двоевластие) 70, 73, 82, 90, 94 слл., 380, 387 (241), 786, 792 сл.

добродетели (см. также: *virtus, clementia* etc.) 150 (73), 467, 691

– предков (старинные, римские) 41, 53, 242, 250, 394, 404, 477, 616, 665, 691, 714,

– правителей 142, 239

– принцепса (см. также *clipeus virtutis*) 290, 298, 498, 503, 505 сл., 539, 546, 653, 786

доминат 80, 83, 90

З

законы (см. также: *lex*; право, конституция и разделы VI.4 и 5) 132, 153, 163 сл., 178

– 12 таблиц 128, 228 (74), 400, 458

– Валерия 209

– Валерия-Аврелия 375

– Валерия-Корнелия 375, 458

– Валерия и Горация 464

– Габиниев 234 (96), 308

– Габиния и Манилия 211

– Гортензия 128,

– Квинта Педия 172, 370

– Лициния-Секстия 128, 759 (11)

– о «величии» («об оскорблении величия» — см. также *majestas*) 330, 705, 724, 726

– Папия, Юлия и Папия 450, 458

– Папия Поппея 379 (219), 448 сл.

– Петелия 128

– Сервилия Рулла 464

– Солона 128 (12)

- Тития 172, 276 (230)
- Элия-Сентия 460
- Юлиевы (*leges Iuliae*) 448 сл., 455, 457 сл., 461, 464
- Юния Норбана 460

Золотой век (см. также: Сатурн, *Saturnia regna*) 185 сл., 206, 471–474, 476–480, 540, 546, 582, 679, 681, 686, 757, 769

И

империй — см.: *imperium, imperium consulare, imperium proconsulare*
идеология Августовых преобразований (мероприятий, реформ, «принципата») 36, 49, 62, 86, 111, 121, 149, 213, 277, 281 (243), 495, 497, 593, 697, 711, 714

К

Капитолий 167, 299, 405, 407, 412, 420, 476, 513, 533, 568, 594, 596, 616, 618, 836

катонизм 75, 215 (32), 715 (198), 718 сл., 723 сл., 726 (225), 730, 743 сл.

Козерог — божество и созвездие 414, 547, 589, 834

комиции (*comitia*, см.) — народные собрания 20, 84, 99 сл., 101, 104, 113, 128, 132 слл., 135–139, 164, 172, 215, 224 сл., 227, 229, 238, 293, 325, 338 сл., 341, 345, 370, 372, 375 сл., 378, 381, 386, 416, 448, 459, 527, 597, 600, 739, 758, 766, 793, 820, 822

конституция, конституционный 21, 44, 55, 73 слл., 80, 82 слл., 85, 87 слл., 91, 93 слл., 98–101, 103, 106, 112 слл., 118, 125, 132–135, 196, 199, 240, 283, 316, 334, 340, 351 сл., 355, 370, 373, 465, 497 сл., 502, 515, 733, 763, 773, 792

– антиконституционный 211, 463, 503, 674, 732, 760

– квазиконституционный 172

– неконституционный 300, 328, 373

– смешанная конституция (греч.: *mixte politeia*, также см.: форма, *optimus status*)

консулат (в период правления Августа) 384 сл.

– консулаты Августа 76, 171 сл., 278, 333–336, 339 сл. (114), 341 слл., 345 (132), 350, 370, 427, 492 (21), 498 (42), 508, 572, 669, 732, 761, 766 сл.

континуитет 81, 96 (152), 102, 517, 526, 722 сл., 737, 740, 744

культ императора (правителя), см. раздел VI.3, а также: 62, 66, 76, 164, 416–444, 480, 489, 519, 531, 566, 651 сл., 740, 768 сл., 784, 788

Л

легитимность, легитимация 77 сл., 80, 83 сл., 96, 100, 107, 113, 121 сл., 137 слл., 182, 200, 289, 300 сл., 303, 356, 362, 372 слл., 379, 462, 484, 507, 528, 761, 793 (93), 820, 822, 843

луперк (луперкалии, Луперкалий) 156 (88), 409, 621, 631

люстр (*lustrum*, см.), люстрация 137, 348 (140), 350

М

менталитет, ментальность, ментальный (см. также: психика) 23, 26–29, 31, 33, 57, 64 слл., 68, 95, 111, 122, 155, 181, 200, 211 сл. (20), 223, 230, 234, 268, 279, 309, 418 сл., 463, 466, 469, 652, 663, 719, 729, 752, 754, 772, 781, 785, 789, 820

меритократия 135 (36), 136, 238

монарх 22 сл., 68, 70, 240, 324, 467, 743, 821

монархия, монархический (см. также: власть монархическая, царь / *rex*) 9, 16, 19, 22 (24), 23 сл., 32, 53 слл., 66, 68 сл. (38), 70, 73 слл., 77–81, 83 сл., 86, 89 слл., 93 сл., 96 слл., 100–104, 106 сл., 113, 118, 121, 140, 191, 195 слл., 199 слл., 211 сл., 233, 239, 240 слл., 245, 260 сл., 270–277, 280, 287 сл., 290, 304 сл. (21), 316 сл., 324, 345, 353, 355, 362, 366, 384, 386, 419, 436, 443, 518 слл., 538, 548 слл., 561, 557, 573, 576, 579, 650 сл., 663 сл., 709, 729, 731 слл., 742 сл., 765 сл., 792 слл., 800, 821 сл.

– *эллинистическая* 21, 85, 107, 180, 184

монократия, единоличное правление (сравн.: власть) 23, 26, 106, 196, 355, 725, 747, 764, 786, 821 сл.

О

обожествление, дивинизация (посмертное обожествление — *consecratio*, см.) 159, 174, 160, 164, 174 (148), 300, 419 сл., 424, 434 слл., 438–441, 444, 508, 515, 620, 743

общественное (политическое) сознание (мнения, установки, оценки и др., сравн.: менталитет, см. также главу IX) 10, 25 сл., 29, 40, 56, 65, 111, 116, 129, 138, 149 сл., 172, 180, 189, 200, 206 сл., 222, 238, 277, 280, 292, 378, 395, 402, 438, 445, 447, 485 сл., 489, 491, 520, 534, 548, 551, 647, 649 сл., 654, 664, 672, 763, 788, 822

общественные (умо)настроения, общественная психика 10, 26, 28, 31, 34 сл., 40, 43, 45, 56, 65, 75, 92, 152 сл., 164 слл., 171, 197, 207 сл., 277, 289, 293 сл., 308, 335, 370, 379, 392, 402, 415 слл., 424, 428 сл., 441, 453, 466, 470 сл., 634, 647, 649, 669, 672 сл., 676, 678, 685, 696, 716, 721, 723, 729, 740, 757, 761 сл., 819

ойкумена (букв. «населенная», греч.) — освоенная человечеством известная часть мира, соотв. латинскому «кругу земель» (*orbis terrarum*, см.) 47, 547, 834

олигархия 57 (92), 118 слл., 131 сл., 138, 140 слл., 146, 154, 215, 227, 237, 275 (228), 305 сл., 308, 396 сл., 490, 579, 654, 784, 787, 792, 820

оппозиционная идеология, (антитираническая) идеология «свободной республики» (см. также: *res publica libera* и в целом главу IX) 43, 89, 650, 656, 663, 666 сл., 669, 673, 700 слл., 706, 709, 714, 717, 724, 729 сл., 732, 746, 762, 764

оппозиция против режима (см. также: заговоры, катонизм, помпеянство, цезареубийцы) 89, 195, 197, 457 (247), 562, 640, 649 сл., 653, 664 сл., 668 (67 сл.), 672, 704 сл., 710, 715

– *республиканская* 328 (73), 361, 664, 666 сл., 671, 704

– *сенатская* 656, 664, 706, 764

- философская, стоическая, моральная 232, 673, 693, 723, 745
- «эпикурейская оппозиция» (и абсентизм) 695–698

Отец отечества, см.: *pater patriae*

П

Пантеон (храм) 439 (167), 568 (28), 574, 578, 804, 835, 842

Перузинская война 176, 263, 281, 300, 471, 678, 761

пиетет (*pietas*, см.) 160 (101), 161, 166, 172, 213, 217, 402, 406, 412

полис (сравн.: *civitas, quasi civitas*) 97 слл., 116, 129, 136, 139, 180, 227 сл. (74), 237, 322, 325 (66), 388, 395, 641

- полисная система ценностей, традиции 34, 43, 102, 104, 107, 146, 761, 785, 821

политическая, государственная система (структура) 9, 24, 26, 28, 64, 68, 72, 75, 80, 84, 91, 96 сл., 101, 105, 107, 113 сл., 118, 120, 122, 133, 135, 137, 139, 140, 145 сл., 196, 198, 215, 244 сл., 287, 326 сл., 343, 353, 366, 374, 378, 444 и гл. X

помпеянство, помпеянец (*pompeianus*, см.) как идеология фронды 148 (66), 153, 615, 699–716, 722, 724, 726 (225), 727, 730, 745

понтифик (верховный понтифик, понтифика́т) 248, 253, 282, 354 (157), 369, 399, 404, 408 сл., 414, 416 сл. (86), 428, 430, 519, 527, 592 сл., 630, 633

портик 572 (38)

- Аргонавтов 568
- Випсания (Агриппы) 568
- Данаид 626
- Октавия 572
- Октавии 256, 855
- Филиппа 639 сл.
- форума Августа 517, 607, 612–616

право (роль права, законов и суда) 16, 20 сл., 48, 86, 88, 90, 98 сл., 104 сл., 110, 112, 151, 165, 203, 206, 210 сл., 224, 236 сл. (101), 250, 274, 283 (252), 284, 330 (79), 350 слл.), 381 сл., 444 сл. (191), 458 (254), 462–467, 610, 758, 769, 820, 822

пренестинские фасты 43, 284 (254), 285, 291

префект

- Города (*praefectus Urbi*) 328 (73), 343 (123), 344, 347, 385, 454 (233), 566 сл. (25 сл.)
- Египта 328 сл. (74), 398, 693, 741, 790 (84)
- претория 232 (89), 722 (215, 218), 726 сл., 728 (232), 731 (242), 738 (259), 740

принцепс (см.: *princeps*)

принципат, принципат Августа (значения, см. также: *principatus*) 9, 16, 21, 28, 297, 302 слл., 760 (12), 768, 793 (93), 821

провинции Цезаря и провинции народа (значения) 21, 288 сл., 651 (7) 790 (84), 791

пророчества (пророческий) 167, 186, 260 (182), 347, 413, 470, 473 сл.

проскрипции 43, 77, 147, 173 слл., 179, 209, 281, 292, 300, 332, 391, 689, 760

Р

Ранняя Империя / ранняя Римская империя (ее политическое устройство) 10, 21 сл. (25), 23 сл., 26, 80 (81), 90, 101 слл., 105, 115 сл., 199, 297 сл., 304, 362, 366, 375, 387, 490, 509, 666 сл., 821 сл.

революция 15, 65, 77, 93 (141), 176 (156), 373, 387 (241), 467, 515, 651, 672, 731, 735 (251), 760

– *Августова* 65

– *культурная* 25, 65, 532, 765

– *в сознании* 65, 651, 654, 663

– *социально-политическая* 65

Республика / Римская республика (эпоха) 20, 327, 755

«республика» (в понимании римлян, сравн.: *res publica*, «восстановленная республика») 20, 222 слл., 230, 289, 356, 616, 649, 662, 744, 753 слл., 764, 789, 820

«республика принцепсов», монархическая «республика», «республиканская» монархия 232, 234 (94 сл.), 662, 822

«республиканизм» (как система ценностей, идеология, политика, ориентированные на *res publica*) 265 (196), 273, 309, 335 сл., 352, 362 сл., 365, 463, 614, 617, 710, 716, 718, 724, 729, 746 сл., 757 сл., 762

республиканцы (римские сторонники «свободной республики», см.: *res publica libera*) 332, 334, 659, 665, 700, 710, 715, 720, 729 сл., 745, 764

римский миф 125 сл., 136, 373, 386 (239), 392–395, 402, 580, 632, 680, 700 (149), 714, 716, 746, 754, 765

Римский народ — см.: *populus Romanus*

ритуал 49, 66, 78, 136 сл., 282, 366, 408, 410 сл., 419, 443, 470, 475 слл., 484 сл. (6), 531, 580, 585, 616 (119), 621, 762, 832, 839

С

свобода (см. *libertas*)

Священная Римская империя (германской нации) 69 сл. (38), 533 (155)

Секулярные (Вековые) торжества, «игры», см.: ludi Saeculares

сенат (см. также: оппозиция сенатская) 18, 20 сл., 43, 45 сл., 53, 55, 57 (92), 71, 79 сл., 81, 83 сл., 86 сл., 90–93, 99 слл., 113, 119, 128–132, 135, 139, 143 слл., 148, 151, 153 сл., 168 сл., 170 слл., 179, 181, 189, 194, 196, 205 сл., 209 сл., 214 слл., 217, 224, 229 сл., 238, 242, 260, 262, 265 сл., 269, 273, 278, 280, 282 сл., 287–291, 293, 299 слл., 302, 308, 321, 323–331, 333–338, 340–350, 352, 354, 356 сл., 359, 361 сл., 367–376, 378, 380 слл., 383 сл., 386, 395 сл., 425 сл., 428, 430, 437, 440, 442, 446 сл., 448, 450, 459, 461, 464 сл., 467, 473 сл., 477, 483 слл., 492–498, 508, 510, 515 слл., 521, 523–527, 529 сл., 536, 542, 550 (192), 552, 562, 571, 579, 586, 596 (89), 597, 600, 602 сл., 606, 608, 610 сл., 619, 623, 628, 633, 638, 650 сл. (7), 653, 659, 666, 668, 670, 684, 701, 703, 705 сл., 715 сл., 720 слл., 724, 726, 730,

733, 736, 739, 742, 758, 761, 766 слл., 772, 774, 776, 783 сл., 786, 790, 793 сл., 796, 820, 822

сенатор 21, 43, 92, 102, 136, 145 сл., 157 (89), 162, 165 сл., 168 сл., 173, 176 (158), 198, 205, 208, 275, 283, 289, 297, 300 сл., 309, 343, 352, 370 сл., 380 сл., 383 сл., 396, 440, 446, 454, 458 сл., 491, 494, 496, 505, 508, 512, 514, 516, 519, 597, 636, 647, 652, 664, 668–672, 701, 704, 707 слл., 710, 723, 733, 742, 745, 758, 764, 791, 793, 796, 798, 821
сенаторское сословие, сенатская аристократия и олигархия 55, 96, 130, 154 сл., 381 сл., 448, 452, 505, 665, 729, 820

сенатская республика 153, 157, 175, 194, 200, 207, 212, 234, 240, 279, 294, 306, 700, 717, 721, 723, 730 сл.

Сивилла, Сивиллины книги 185, 408, 470, 473, 475 (305), 546, 628, 631

септа 375, 377, 564, 568, 575 (43), 578, 829, 832, 835

спаситель (греч.: *soter*, см. также: *libertatis populi Romani vindex*) 152, 162, 207, 239, 278, 281 сл., 283, 287, 290, 301, 353, 387, 424 (108), 429, 437, 492, 504, 516 сл., 520, 525, 530, 539, 551, 604, 621, 640, 677, 724, 756, 768

статус (сравн.: *status*) как положение в иерархии, напр., человека на социальной лестнице 18, 68, 71, 77, 102, 113, 116, 118, 121, 137, 225 (66), 226, 255 сл., 262, 278 сл., 289, 297 сл., 309, 313, 320 (53), 334, 339, 343, 351 сл., 354, 356, 365 сл., 374, 387 (240), 397, 434, 442 сл., 467, 500, 503 сл., 505, 508, 519 сл., 528, 553, 562, 690, 641, 701 сл., 724, 732, 752, 753, 767, 771 сл., 789, 791 сл., 819, 821 сл.

– *статус принцепса* (сравн.: принципат) 297 сл., 300–304

стоицизм (см. также: Зенон из Китиона, Сенека и др.) 318 сл. (50), 695, 718

Т

тарентинские игры 469 (291), 475 сл.

тиран (см. *tyrannus*), *тирания, тиранический* 68, 82 сл., 95, 98, 105, 116, 128, 141, 156 сл., 158, 161 сл., 166, 169 сл., 198, 200, 209, 215, 218, 227, 232 (89), 233, 235 сл., 241, 243, 274 сл., 280, 298 слл., 305, 308, 321, 324, 354, 371, 383, 396, 428, 491–496, 503, 505, 518, 550, 562, 576, 641, 649 сл., 654, 656, 662, 664, 669, 691, 699, 706, 731 сл., 740, 742 сл., 754, 759, 822

– *тираноубийцы, антитиранический* 158, 174, 178, 308, 720, 728 (233), 730 сл. (242), 743, 840

титул, титулатура 18 сл., 22 сл., 69, 113, 121 сл., 148, 156, 260, 291, 302 сл., 304, 341, 352 слл., 386, 426, 507–512, 515–519, 525, 542, 550, 552, 586 сл., 636, 640 сл., 659, 773, 784, 794

тоталитаризм, тоталитарный 76, 195, 241 (124), 418, 486 сл., 561, 821 (7)

традиционализм (см. также: континуитет, республиканизм) 109, 407, 648, 715, 761

трибунская власть, см.: *tribunicia potestas*

триумвират (лат: *triumvirat*; *triumvir* — член коллегии трех мужей, множ.: *triumviri* и *tresviri*) 44, 46, 82, 91, 93, 96, 112 сл., 173 (142), 174, 182, 184, 219, 248, 267,

276 сл., 280, 285, 293, 308, 322, 352, 357, 372, 375, 404, 413, 467, 493, 527, 549, 721, 760

триумф, триумфатор, триумфальный 50, 136, 146, 170 (134), 182, 186 сл., 194, 216, 221, 253, 280 сл., 321, 395, 420, 446, 483, 504, 507, 510, 512 (82), 514, 521 сл., 531 сл., 544, 549, 562, 564, 569, 572, 586, 597, 602 сл., 606, 608, 610 сл., 613 слл., 616, 620, 638 слл., 720

Ф

фециал 187, 191, 372

философ, философия (политическая; см. также: именной указатель; оппозиция философская, стоическая, эпикурейская) 17, 27, 56, 75, 205, 208, 219, 230, 234, 249 (145), 252, 255, 267 сл., 279, 309, 313 сл., 315 сл., 319, 387, 414, 589, 673, 681, 685, 690–693 (133), 697, 699, 723, 730 сл., 756, 765, 768, 788, 820, 830, 832, 840

– *греческая, эллинистическая* 25, 34, 78, 87, 142, 200, 238, 260, 263, 267 сл., 270, 277, 311 сл., 313, 316 сл., 326, 686 сл., 688, 692, 743

– *римская* 687 сл. (см. также: Цицерон, Лукреций, Секстий, Сенека и др.)

фламин Юпитера (flamen Dialis) 409 (52), 583, 835

форма государства, правления (см. также: *forma, status*) 19, 21, 28, 68, 81, 83, 106, 114, 140 сл., 231, 234, 237 сл., 242, 244, 297, 323, 396, 497, 682 (102), 733, 736 сл., 738, 764, 822

– *наилучшая форма государства* 26, 28, 32, 96, 116, 141 слл., 220 (46), 233, 237, 276, 281, 307, 309, 311, 317, 321, 323–326, 341, 345 сл., 349, 352, 356, 366, 374–388, 480, 508, 517, 519, 764–767, 790, 798, 821

– *смешанная форма* (см. также: *optimus status*, конституция смешанная) 309, 320, 751, 764

Х

харизма 94, 244, 412, 420, 429, 602

храмы (см. имена божеств)

христианство 17 (11), 68, 419, 441 (178), 442 сл., 457, 471, 533 (155), 788

Ц

царь (rex), царица, царство (см. также: царская власть, именной указатель) 20, 22 (24), 23 (26, слово), 37, 48, 70, 78, 87, 94, 101, 103, 107, 113, 122 (251), 127, 129 (13), 142, 148, 156, 161, 174, 183 сл., 189 сл., 200, 206, 216, 228, 231 слл., 239, 243, 255, 260, 273, 282, 291, 299 (6), 302 сл., 308, 310, 328, 341, 366, 394, 403, 419, 421, 423, 429, 439, 464, 473, 478, 510, 519, 531, 572, 575 сл., 592, 594, 606, 613, 618, 636, 642, 654, 657, 659, 664, 717, 743 сл., 754 сл., 773, 784, 791, 795, 831, 834, 838

цирк 379, 468, 560, 572, 618, 624, 694, 740, 794, 835, 838 сл.

цезареубийцы (заговорщики против Юлия Цезаря, его убийцы, отцеубийцы (*parri-cidae*); сравн: антицезарианцы, республиканцы, тираноубийцы) 55, 87, 88 (115),

89, 105 (190), 109 (206), 158, 160 сл., 163, 165 сл., 168 (128), 169 сл., 172 слл., 175, 179, 181, 200, 207, 242, 306, 308, 370, 406, 491 сл., 525 сл., 600, 659, 689, 702, 710 сл., 714 сл., 717, 721, 727 (230), 730 сл., 746, 759

цезарианцы, цезарианский 93, 151, 158, 161, 163–166, 168, 170 слл., 174 сл., 180, 334, 714 (198), 724 (222), 760

– *антицезарианцы* 170, 706 (173)

цензор, цензорство (магистрат и его деятельность) 155, 221 (50), 224, 282, 299, 343, 347, 396, 448, 454, 495 (32), 564, 615, 638, 652

ценз (census — учет граждан и их имущества) 17 (11), 137, 282 (245 сл.), 348 сл., 350 сл., 357, 361, 380, 474, 651, 749 (234)

цензура (надзор над содержанием публикаций) 262, 475 (305), 672, 700, 713

ценности (система жизненных ценностей) 16, 20, 26, 34, 41, 43, 65 сл., 83, 111, 116, 122, 136, 145 сл., 150, 155, 172, 175, 179–182, 194, 199, 207, 213, 215, 223 сл., 237, 252, 264, 289, 292, 335, 363, 378, 392–395, 403, 410 сл., 444, 449, 457, 490 сл., 493 (24), 496 сл., 502, 506, 532, 541, 611, 679, 685 сл., 688, 690, 696, 698, 709, 731, 751 (1), 752 слл., 756 слл., 785, 787, 820, 822

цивитас / кивитас (см. *civitas*)

Э

эллинизм (эллинизация, эллинизированный, см. также: философия эллинистическая) 21, 34, 65, 78, 85, 87, 107, 125, 140, 180, 184 сл., 193 сл., 199 (236), 200, 205, 227, 247, 252, 258, 260, 264, 268, 308, 312, 317, 319, 321, 326, 395, 410, 419, 421, 445, 532, 537 слл., 541, 550, 562, 564, 584, 623 сл., 642, 651 сл., 673, 676, 758, 765, 788, 820, 831

эпикуреизм, эпикуреец 314 сл., 411, 686 слл., 689–692 (131), 695, 697 сл., 701, 840

этриск, этрусский 469 сл., 479

XII.5. Сокращения²

Античные авторы и их сочинения

App.	b. c.	— Appianos, bella civilia
	proem.	— prooemium
	Illyr.	— Illyriké
Aristot.	pol.	— Aristoteles, politiká
	Ath. pol.	— Athēnaíōn politeía
Aur. Vict. de Caes.		— Aurelius Victor, de caesaribus. Augustus
	epit.	— epitome de Caesaribus
Aug. civ.		— A. Augustinus, de civitate Dei
Bringmann, Wiegandt		— Bringmann K., Wiegandt, D. (hrsg.). Augustus. Schriften...
Bruns		— Fontes iuris Romanis antiqui. Ed. C. G. Bruns. Tübingae, 1909 ⁷
Caes. civ.		— C. Iulius Caesar, de bello civili
	Gall.	— de bello Gallico
Cic.	ac. post	— M. Tullius Cicero, academica posteriora
	Att.	— epistulae ad Atticum
	Balb.	— pro L. Balbo
	Brut.	— epistulae ad Brutum
	Catil.	— in Catilinam
	Cato	— Cato Maior de senectute
	Cluent.	— pro Cluentio
	Deiot.	— pro rege Deiotaro
	div.	— de divinatione
	dom.	— de domo sua
	fam.	— epistulae ad familiares
	fin.	— de finibus
	Flac.	— pro L. Valerio Flacco
	Font.	— pro M. Fonteio
	har.	— de haruspiciis responso
	leg.	— de legibus
	leg. agr.	— de lege agraria
	Lig.	— pro Ligario
	Manil.	— pro lege Manilia
	Marc.	— pro Marcello
	Mil.	— pro T. Annio Milone

² Ориентиром служил список сокращений “Der kleine Pauly”, для уточнений использованы также “Liste der Abkürzungen des Deutschen Archäologischen Instituts” (http://www.dainst.org/medien/de/richtlinien_abkuerzungen.html), L’Année philologique и др.

Mur.	—	pro Murena
nat.	—	de natura deorum
off.	—	de officiis
orat.	—	de oratore
paradoxa	—	Paradoxa stoicorum
Phil.	—	in M. Antonium oratio Philippica
Pis.	—	in L. Pisonem
Planc.	—	pro Plancio
prov.	—	de provinciis consularibus
Q. fr.	—	epistulae ad Quintum fratrem
Rab. Post.	—	pro C. Rabirio Postumo
Red. in sen.	—	post Reditum in Senatu
rep.	—	de re publica
Rosc. Am.	—	pro S. Roscio Amerino
Scaur.	—	pro Scauro
Sest.	—	pro Sestio
Tusc.	—	Tusculanae disputationes
Verr.	—	in Verrem
Dig.	—	Digesta (corpus iuris civilis). Ed. Th. Mommsen, P. Krüger. 1886
Dio	—	Cassius Dio, historiae Romanae
Dion. Hal. ant.	—	Dionysios Halikarnassos, antiquitates Romanae
Eutrop.	—	Eutropius. Breviarium ab urbe condita
fasti praen.	—	fasti Praenestini
FIRA	—	Fontes iuris Romani antejustiniani / Ed. S. Riccobono etc. I–III. Firenze, 1940–1943
FGH	—	Fragmente der Griechischen Historiker, ed. F. Jacoby
Gai. inst.	—	Gaius, institutiones
Gell.	—	Gellius Aulus, noctes Atticae
Hes.	—	Hesiodos, Érga kai Hēmérai
HRR	—	Historicorum romanorum reliquiae. Hrsg. H. Peter.
Hor. carm.	—	Q. Horatius Flaccus, carmina
epist.	—	epistulae
epod.	—	epodi
sat.	—	saturae / sermones
Ios. b. iud.	—	Iosephus Flavius, bellum iudaicum
ant. iud.	—	antiquitates iudaicae
Liv.	—	T. Livius, ad urbe condita.
per.	—	periochae
Macrob. sat.	—	A. T. Macrobius, saturnalia

Malcovati ORF	— Malcovati E. <i>Oratorum Romanorum fragmenta</i> , T. 1–3.
Nep. Att.	— Cornelius Nepos. <i>Atticus</i> .
Nik. Dam.	— Nikolaos Damaskenos, <i>bios Kaisaros</i>
ORF	— <i>oratorum Romanorum fragmenta</i> / Ed. H. Meyer. Zürich, 1842 ² .
Ovid. amor.	— P. Ovidius Naso, <i>amores</i> .
ars am.	— <i>ars amandi</i>
ep. ex Pont.	— <i>epistulae ex Ponto</i>
fast.	— <i>fasti</i>
met.	— <i>metamorphoses</i>
trist.	— <i>tristia</i>
Paul. sent.	— Iulius Paulus, <i>sententiae receptae</i>
Plato legg.	— Plato, <i>leges</i> (Nómoi)
rep.	— <i>de re publica</i> (Politeía)
Plin. n. h.	— G. Plinius Secundus maior, <i>naturalis historia</i>
Plin. ep.	— G. Plinius Caecilius Secundus junior, <i>epistulae</i>
pan.	— <i>panegyricus</i>
Plut. Ant.	— Plutarchus, <i>vitae parallelae</i> , Antonius
Brut.	— Brutus
Caes.	— Caesar
Cam.	— Camillus
Cat.	— Cato minor
Cic.	— Cicero
Dem.	— Demosthenes
Flam.	— T. Flaminus
Pomp.	— Pompeius
Poplic.	— Poplicola
Rom.	— Romulus
Tib.	— Tiberius et Gaius Gracchus
mor.	— <i>moralia</i>
Polyb.	— Polybius, <i>historiae</i>
Prop.	— S. Propertius, <i>elegiae</i>
Quint.	— M. Fabius Quintilianus, <i>institutio oratoris</i>
RGDA (RG)	— G. Iul. Caes. Augustus Octavianus. <i>Res gestae divi Augusti</i>
rhet. Her.	— <i>rhetorica ad Herennium</i>
Sall. Cat.	— C. Sallustius Crispus, <i>coniuratio Catilinae</i> .
ep.	— <i>epistulae ad Caesarem senem</i>
schol. ad Horat.	— <i>scholia ad Horatium</i>
Sen. rhet. contr.	— L. Annaeus Seneca rhetor (senior), <i>controversiae</i>
suas.	— <i>suasoriae</i>

Sen.	benef.	— L. Annaeus Seneca junior, de beneficiis
	brev.	— de brevitae vitae
	clem.	— de clementia
	cons. ad Marc.	— consolatio ad Marciam
	const. sap.	— de constantia sapientis
	ep.	— epistulae morales ad Lucilium
	ira	— de ira
	n. q.	— naturales quaestiones
	tranq. an.	— de tranquillitate animi
	Polyb.	— consolatio ad Polybium
	Oct.	— Octavia (приписывается Сенеке)
Serv.	Aen.	— Maurus Servius Honoratus, commentarius in Vergilii Aeneidos libros
	bucol., georg.	— commentarius in Vergilii bucolica, georgica
SHA		— scriptores historiae Augustae
Stat. silv.		— P. Papinius Statius, Silvae
Suet. Aug.		— C. Suetonius Tranquillus, vita XII Caesarum, Augustus
	Cal.	— Caligula
	Claud.	— Claudius
	Iul.	— Divus Iulius
	Tib.	— Tiberius usw.
	Vesp.	— Vespasianus
	gramm.	— de grammaticis et rhetoribus
	Verg.	— vita Vergilii
	vir. ill.	— de viris illustribus
	vita Hor.	— vita Q. Horatii Flacci
Tac.	Agr.	— P. Cornelius Tacitus, de vita Iulii Agricolae
	ann.	— annales
	dial.	— dialogus de oratoribus
	Germ.	— de origine et situ Germanorum
	hist.	— historiae
Ulp.	dig.	— corpus iuris civilis, digesta Domitii Ulpiani
Val. Max.		— Valerius Maximus, facta et dicta memorabilia
Varro.	l. lat.	— M. Terentius Varro, de lingua Latina
	fr.	— M. Terenti Varronis fragmenta... Hrsg M. Salvatore
	rust.	— res rusticae
Vell.		— M. Velleius Paterculus, historia romana
Verg.	Aen.	— P. Vergilius Maro, Aeneis
	ecl.	— eclogae
	georg.	— georgica

Надписи, монеты и другие источники

- BMCRE — H. Mattingly (u. a.). Coins of the Roman empire in the British museum. L., 1923–1950; 1975².
- CIA — Corpus inscriptionum Atticarum
- CIL — Corpus inscriptionum latinarum. Hrsg. A. Degrassi. Berlin, 1862–; N. S.: 1981–.
- CRIP — Sutherland C. H. V. Coinage in Roman imperial policy. 31 b. c. – a. d. 68. L., 1951.
- Ehrenberg & Jones — Documents illustrating the reigns of Augustus and Tiberius. Coll. by V. Ehrenberg & A. H. M. Jones. Oxf., 1976².
- FIRA — Fontes iuris Romani anteiustiniani. Ed. S. Riccobono et al. 3 T. Firenze, 1941–1943².
- ILLRP — Inscriptiones latinae liberae rei publicae / Ed. A. Degrassi. I– II. Firenze, 1963–1965; 1972².
- ILS — Inscriptiones latinae selectae. Hrsg. H. Dessau. 3 Bände in 5 Teilbänden. Berlin, 1892–1916.
- Inscr. It. — Inscriptiones Italiae. Bd. 13. Ed. A. Degrassi. Roma, 1936 (fasz. 3), 1947 (fasz. 1), 1963 (fasz. 2).
- RIC — Roman imperial coinage. Ed. H. Mattingly and E.A. Sydenham. L., 1923; 1984².
- RIC I — Sutherland C. H. V., Carson R. A. G. The Roman imperial coinage. Vol. I. 31 B.C. — A.D. 69. Oxf., 1984² (1-st. ed. — 1923).
- RIC I² — Mattingly, Harold; Sydenham, Edward A. The Roman imperial coinage / by Harold Mattingly and Edward A. Sydenham. Vol. I 2. Rev. ed. — London: Spink, 1984.
- RRC — The Roman republican coinage / Ed. M. H. Crawford. 2 vols. Cambr., 1974.

Периодические и некоторые другие издания

- АМА — Античный мир и археология. Саратов.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- Вест. МГУ — Вестник Московского гос. ун-та.
- Вест. НГУ — Вестник Нижегородского гос. ун-та.
- Вест. СПбУ — Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та.
- Вест. ЯрГУ — Вестник Ярославского гос. ун-та.
- ВИ — Вопросы истории. М.
- ВЛ — Вопросы литературы. М.
- ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения. СПб.
- ИЖ — Исторический журнал. М.
- МГУ УЗ — МГУ. Ученые записки.

- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
 Мнемон — Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб.
 МРМА — Межерицкий Я. Ю. «Республиканская монархия»... 1994.
 РЖ — Реферативный журнал ИНИОН АН СССР (ныне РАН)

* * *

- AAHung — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae.
 AClass — Acta classica. Verhandelinge van die Klassieke Vereniging van Suid-Afrika.
 AE — L'année épigraphique. P., 1889–.
 AHAW — Abhandlungen der Heidelberger Akademie der Wissenschaften.
 AJA — American journal of archeology. Princeton.
 AJAH — American journal of ancient history. Cambr., Mass.
 AJPh — American journal of philology. Baltimor.
 AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.
 ANRW — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. Hrsg. von W. Haase, H. Temporini. B.; N. Y., 1972 ff.
 AnzAW — Anzeiger für die Altertumswissenschaft. Innsbruck.
 ARCA — ARCA: Classical and Medieval Texts, Papers and Monographs. Leeds.
 Athenaeum — Athenaeum. Studi periodici di letteratura e storia dell'antichità. Pavia.
 AU — Der altsprachliche Unterricht. Seelze.
 AuA — Antike und Abendland. Duisburg; Essen.
 BABesch — Bulletin antieke beschaving. Leuven.
 BCTH — Bulletin Archéologique du Comité des Travaux Historiques. P.
 BdA — Bollettino d'arte. Roma.
 BEFAR — Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome.
 BICS — Bulletin of the Institute of the classical studies of the University of London.
 BMC RE — British museum catalogue. Coins of the Roman empire, L., 1923; 1975².
 Bjb — Bonner Jahrbücher.
 BullCom — Bullettino della Commissione archeologica comunale di Roma.

- CAH X — The Cambridge ancient history (1st ed.) Vol. X. The Augustan empire. 44 B.C.–A.D. 70 / Ed. by S. A. Cook, F. E. Adcock, M. P. Charlesworth. Cambr., 1934.
- CAH² X — The Cambridge ancient history. Second ed. Vol. X. Bowman A. K.; Champlin E.; Lintott A. (eds.) The Augustan Empire 43 B.C.–A.D. 69. Cambr., 1996.
- CCGG — Cahiers du Centre Gustave Glotz. Paris.
- CJ — The classical journal. Boulder, Colorado; Athens / Tallahassee/ (USA).
- Class. Ant. — Classical Antiquity. Univ. of California.
- Klio — Klio: Beiträge zur alten Geschichte. Berlin.
- CPh — Classical philology. Chicago.
- CQ — Classical quarterly. Oxf.
- CSCA — California studies in classical antiquity. Berkeley (from 1982 — “Classical antiquity”).
- CW — Classical world. Philadelphia.
- JbNG — Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. München.
- G & R — Greece and Rome. Oxf.
- JRS — The journal of Roman studies. L.
- Gymnasium — Gymnasium. Zeitschrift für Kultur der Antike und Humanistische Bildung. Heidelberg.
- GWU — Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. Zeitschrift des Verbandes des Geschichtslehrer Deutschlands. Stuttgart.
- Historia — Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. Erfurt.
- HJ — Historisches Jahrbuch. Freiburg; München.
- HSCPh — Harvard studies in classical philology. Cambr. (USA); L.
- HThR — The Harvard theological review. Cambr., Mass.: Harvard Univ. Press.
- HZ — Historische Zeitschrift. Frankfurt am Main.
- JNG — Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. München.
- JRA — Journal of Roman Archaeology. Portsmouth, Rhode Island.
- JRS — The journal of Roman studies. L.
- JbDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin.
- KP — Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike... Bd. Stuttgart; München, 1964–1975.
- Labeo — Labeo: rassegna di diritto romano. Napoli: Jovene.
- LCM — Liverpool classical monthly.
- LTUR — Steinby E. M. (ed.). Lexicon Topographicum Urbis Romae. 6 vols. Roma, 1993–2001.

- MAAR — Memoirs of the American academy in Rome.
New Haven (USA).
- MEFRA — Mélanges d'Archéologie et d'Histoire de l'École
Francaise de Rome Antiquité.
- MDAI(R) — Mitteilungen des Deutschen Archaologischen
Instituts (Rom).
- MH — Museum Helveticum. Basel.
- NC — Numismatic chronicle. L.
- NJbWJb — Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung.
Leipzig etc., 1925–1937.
- NP — Der Neue Pauly. Darmstadt.
- ÖJh — Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes
in Wien (Mag: KP2175; Arch: ZEIT ÖSTE 10).
- P & P — Past and present: a journal of historical studies. Oxf.
- PBSR — Papers of the British school at Rome.
- PCPhS — Proceedings of the Cambridge philological society.
Cambr. (GBR).
- PIR² — Prosopographia Imperii Romani². Ed. E. Groag,
L. Petersen, A. Stein. Teile 1–5. Berlin; Leipzig, 1933–1983.
- ProcBritAc — Proceedings of the British Academy. L.
- RE — Pauly's Real-Encyclopädie der classischen
Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung /
Hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, 1893–1980.
RE: D RE.
- REA — Revue des études anciennes. Bordeaux.
- REL — Revue des études latines. P.
- RendAccLinc — Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei,
Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Roma.
- RFIC — Rivista di Filologia e di Istruzione Classica. Torino.
- RHD — Revue de l'histoire du droit (= Tijdschrift voor
Rechtsgeschiedenis). Paris
- RhM — Rheinisches Museum für Philologie
(Neue Folge, ab 1842). Köln.
- RM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts.
Römische Abteilung (= Römische Mitteilungen).
Regensburg.
- RN — Revue Numismatique. P.
- RRC — Crawford M. H. Roman Republican Coinage. 2 vols.
Cambr., 1974.
- RSI — Rivista storica italiana. Torino.

- SB — Sitzungsbericht(e).
- SCI — Scripta classica Israelica. Yearbook of the Israel society for the promotion of classical studies. Jerusalem etc.
- SFB — Sonderforschungsbereich.
- SEG — Supplementum epigraphicum graecum. 1923–
- SO — Symbolae Osloenses, auspiciis Societatis Graeco-Latinae Oslo.
- SEG — Supplementum epigraphicum Graecum. 1923–. Leiden.
- TAPA — Transactions and proceedings of the American philological association. Cleveland (USA).
- TAPS — Transactions of the American Philosophical Society. Philadelphia.
- Thought — Thought: a review of culture and idea. N. Y.
- TLL — Thesaurus linguae Latinae. München.
- WdF — Wege der Forschung (Serie). Darmstadt.
- WSt — Wiener Studien. Zeitschrift für klassische Philologie, Patristik und lateinische Tradition.
- YCS — Yale classical studies. New Haven (USA).
- ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.
- ZRG Rom. — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Wien / Köln / Weimar.
- ZRGG — Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. Leiden.

XII.6. Библиография

Источники, комментарии, переводы

Тексты Августа или приписываемые ему

Acta divi Augusti, s. Riccobono S.

Biondi B. (ed.). *Leges populi Romani // Acta divi Augusti*. Ed. S. Riccobono. Roma, 1945. P. 101–223.

Bringmann K, Wiegandt D. (hrsg.). *Augustus. Schriften, Reden und Aussprüche* Darmstadt, 2008.

Brunt P. A., Moore J. M. (eds.). *Res gestae divi Augusti: The achievements of the divine Augustus* (with an introduct. and comm.). Oxf., 1967; 1983.

Cooley A. E. (ed.). *Res gestae divi Augusti. Text, translation, and commentary*. Cambr., 2009, 2012³.

Gage J. (ed.). *Res gestae divi Augusti; ex monumentis Ancyrano et Antiocheno latinis, Ancyrano et Apolloniensi graecis; texte établi et commenté...* Strasbourg, (1935) 1950².

Giebel M. (hrsg.). *Augustus, Res Gestae — Tatenbericht. Lateinisch / Griechisch / Deutsch, übersetzt, kommentiert und herausgegeben von...* Stuttgart 1975; bibliographisch revidierte Ausgabe: 2004, 2007.

Leges populi Romani. Ed. B. Biondi // *Acta divi Augusti*. Ed. S. Riccobono. Roma, 1945. P. 112–128.

Malcovati E. / *Henrica*. *Imperatoris Caesaris Augusti operum fragmenta*. Aug. Taurinorum, 1928². (ND: Aug. Taurinorum., Vol. 1, 1969⁵; Vol. 2. 1979⁴).

Mitchell S, French D. (eds.). *The greek and latin inscriptions from Ankara (Ancyra)*. 1: From Augustus to the end of the third century A.D. München, 2012. *Res gestae divi Augusti*. S. 46–62.

Möller L. (Hrsg.) *Meine Taten: res gestae divi Augusti ; dreisprachige Ausgabe*. Wiesbaden, 2014.

Mommsen, Theodor (hrsg.). *Res gestae divi Avgvsti : ex monvmentis Ancyrano et Apolloniensi*. Berolini, 1883².

Riccobono S. (ed.). *Acta divi Augusti*. I. Roma, 1945.

Scheid J. *Res gestae divi Augusti. Hauts faits de divin Auguste*. P., 2007.

Volkman H. (hrsg. u. erkl.). *Res gestae Divi Augusti. Das Monumentum Ancyranum*. Berlin, 1957; 1969³.

Weber E. (hrsg.). *Meine Taten/Res gestae divi Augusti: Lateinisch — Griechisch — Deutsch*. Berlin, 2015⁷.

Комментарии и комментированные издания античных авторов

Appian. *Appian's Roman history, with an english transl. by H. White*. 4 vols. L.-Cambr., Mass., 1912–1913 (and reprints).

Aristides, Aelius. *Die Romrede des Aelius Aristides*. Hrsg., übers. u. mit Erl. vers. von R. Darmstadt, 1983.

- Cassius Dio*. Römische Geschichte., Hrsg. und übers. von O. Veh. 4 Bd. Zürich; München, 1985–1987.
- Cassius Dio*. Dio's Roman history, with an english transl. by E. Cary. 9 vols. L.; Cambr., Mass. 1914–1927 (and repr.).
- Cassius Dio*. From republic to principate. Ed. M. Reinhold. An historical commentary on Cassius Dio's Roman history. Books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta, 1988.
- Cassius Dio*. The Augustan settlement (Roman history 53–55,9). Ed. J. W. Rich. Warminster, 1990 (repr.: 2002, 2007).
- Cicero, Marcus Tullius*. De re publica. Vom Staat. Lat. /deutsch. Übersetzt u. hg. von M. von Albrecht. Stuttgart, 2013.
- Cicero, Marcus Tullius*. Der Staat. Lat. /deutsch. De re publica. Hrsg. und übers. von K. Büchner. München etc, 1987⁴; Düsseldorf, 2005².
- Corpus iuris civilis. Hrsg. von P. Krueger, Th. Mommsen, R. Schoell; W. Kroll. Weidmannos, 1906.
- Festus, Sextus Pompejus*. De verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome. Ed. W. M. Lindsay. Lipsiae., 1913.
- Festus, Sextus Pompejus*. The Breviarium of Festus. Ed. By J. William. L., 1967.
- Hieronymus' Zusätze in Eusebius' Chronik und ihr Wert für die Literaturgeschichte. Helm, R (hrgs.). Leipzig, 1929.
- Historicorum Romanorum Reliquiae. Hrsg. H. Peter. Lipsiae, 1914² (ed. H. Peter, J. Kroyman. Berlin; Boston, 1993).
- Livius*. Livy with an english transl. T. Schlesingei A. C. 14 vols., L. — Cambr., Mass., 1959.
- Nikolaos von Damaskus. Leben des Kaisers Augustus.. Hrsg., übers., komment. von J. Malitz. Darmstadt, 2003.
- Nicolaus of Damascus*. Life of Augustus. With introd., transl. and comment. of J. Bellemore. Bristol, 1984.
- Plutarchus*. Life of Antony. With comment. C. B. R. Peiling). Cambr., 1988.
- Seneca*. De clementia. Ed. with transl. and comment.y by S. Braund. Oxf. etc., 2010.
- Suetonius Tranquillus, Caius*. Augustus. Lat. /deutsch. Übers. und hrsg. von D. Schmitz.. Stuttgart, 1988.
- Suetonius*. Life of Augustus. Wardle D. Introd. and hist. comment. Oxf., 2014.
- Suetonius Tranquillus, Gaius*. Die Kaiserviten, lat.-deutsch. Hrsg. H. Martinet. Düsseldorf, 2006³.
- Polybios*. Die Verfassung der römischen Republik. Historien, VI. Buch. Übers. und hrsg von K.-F. Eisen und K. Brodersen. Stuttgart, 2012.
- Tacitus*. Koestermann E. Tacitus, Annalen (Wissenschaftliche Kommentare zu griechischen und lateinischen Schriftstellern). Bd. 1–4. Heidelberg, 1963–1968. Bd. I.
- Tacitus*. The annals of Tacitus: books 1–6. Ed. by F. R. D. Goodyear, A. J. Woodman. With a comment. by F. R. D. Goodyear. Cambr., 1972–1996.
- Valerius Maximus*. Factorum et dictorum memorabilium libri IX. Hrsg. von C. Kempf. Teubner, 1888 (ND: Stuttgart, 1982).

- Valerius Maximus*. Shackleton Bailey D. R. (ed.): *Memorable doings and sayings*. 2 Bd. (Lat. text with engl. transl). Cambr. (Mass.), 2000.
- Varro, M. Terentius*. *M. Terenti Varronis fragmenta omnia quae extant*. Hrsg. M. Salvatore. 2 Bd. Hildesheim, 1999–2004.
- Varro, M. Terentius*. *Antiquitates rerum divinarum*. Die Fragmente. Hrsg. B. Cardauns. Bd. 1–2. Mainz; Wiesbaden, 1976.
- Velleius Paterculus*. *Historia Romana — Römische Geschichte*. Lat. /deutsch. Übers. und hrsg. von M. Giebel. Stuttgart, 1989 (1992²).
- Velleius Paterculus*. *Historiarum ad M. Vinicius consulem libri duo*. Watt W. S. (Hrsg.) Stuttgart, 1988; 1998².
- Vitae Vergilianae antiquae*. G. Brugnoli et F. Stok recenservnt. Romae, 1997.
- Malcovati E.* *Oratorum Romanorum fragmenta*. T. 1–3. Aug. Taurinorum, 1930.
- Crawford M., Cloud J. D.* (eds.). *Roman statutes Vols. I–II*. L., 1996.

Собрания надписей, монет и других источников

- Dudley D. R.* *Urbs Roma* (подборка античных свидетельств). L., 1967.
- Amandry M., Burnett A, Ripolles P. P.* (eds.). *The Roman provincial coinage*. 10 vols. L., 1992–.
- Vol. 1: From the death of Caesar to the death of Vitellius (44 B.C.–A.D. 69). 1992.
- Biondi B.* (ed.). *Leges populi Romani // Acta divi Augusti*. Ed. S. Riccobono. Roma, 1945.
- Braund D. C.* *Augustus to Nero. A sourcebook on Roman history 31 B.C.–A.D. 68*. L. etc., 1985 (переводы).
- Bringmann K., Schäfer Th.* *Augustus und die Begründung des römischen Kaisertums*. Berlin 2002 (ориг. с переводами и коммент.)
- Bruns K. G.* (ed.). *Fontes iuris Romanis antiqui*. Tubingae, (1816–) 1909⁷.
- Burnett A., Amandry M., Ripollès P. P.* *Roman Provincial Coinage*. 10 vols. 1992–.
- Vol. I: Julio–Claudian Period. L., 1992 (1998², 2006³).
- Carson R. A. G., Sutherland C. H. V.* *The Roman imperial coinage*. Vol. I. From 31 B.C. to A.D. 69. L., 1923; 1984.
- Carson R. A. G.* *Principal coins of the Romans*. Vols. 1–3. L., 1978–1981.
- Vol. 2. The principate c 31 B.C.–A.D. 296.
- Chisholm K.* *Rome, the Augustan age: a source book*. Oxf. etc., 1981.
- Cooley M. G. L.* (ed.). *The age of Augustus*. L., 2003 (korr.: 2008; 2013²).
- Crawford M. H.* *Roman statutes*. L., 1996.
- Crawford M. H.* (ed.). *The Roman republican coinage*. 2 vols. Cambr., 1974.
- Degrassi A.* (ed.). *Fasti Capitolini*. Torino, 1954.
- Dessau H.* (hrsg.). *Inscriptiones latinae selectae*. 3 Bd. Berolini, 1892–1916; 1962–1974².
- Ehrenberg V., Jones A. H. M.* (eds.). *Documents illustrating the reigns of Augustus and Tiberius*, Oxf., 1955².

- Freis H.* (Übers.). Historische Inschriften zur römischen Kaiserzeit: von Augustus bis Konstantin. Darmstadt, 1984; 1994².
- Levick B.* The government of Roman empire: a sourcebook. L., 1985; 2000².
- Malcovati, Enrica* (Hrsg.) Oratorvm Romanorvm fragmenta liberae rei pvblicaе. 2 vols. Avg. Tavrinatorvm etc., 1976⁴–1979.
- Mattingly H.* Coins of the Roman empire in the British museum. 5 vols. L., 1923–1950; 1965²–.
- Mattingly H., Sydenham E. A.* The Roman imperial coinage. 10 vols. L., 1923–1994.
Vol. I. Augustus to Vitellius (31 v. Chr. — 69 n. Chr.); Rev. ed. Sutherland, Carol V. H.. L., 1984 (= RIC 1).
- Reinhold M.* The golden age of Augustus (With the assistance of Paul T. Alessi). Toronto etc., 1978.
- Sánchez-Ostiz Gutiérrez Á.* (ed.). Tabula Siarensis. Edición, traducción y comentario Pamplona, 1999.
- Seaby H. A.* (ed.). Roman silver coins: in 5 vols. 1952–; 1967–.
Vol. 1: The republic to Augustus. Part 1: The Republic. Part 2: Julius Caesar to Augustus. L., 1952; 1967.
- Supplementum epigraphicum graecum. Ed. A. G. Woodhead et al. Leyden, 1923. Vol. 1–.
- Sherk R. K.* Rome and the Greek east to the death of Augustus (Translated documents from Greece & Rome 4). Cambr., 1984.
- Sherk R. K., Viereck P.* (eds.). Roman documents from the Greek East: senatus consulta and epistulae to the age of Augustus. Baltimore, 1969.
- Sutherland C. H. V.*, cf.: *Carson S.*
- Sybillische Weissagungen. Überstzt u. hrsg. von J.-D. Gauger. Düsseldorf, 1998.
- Wistrand E.* The so-called Laudatio Turiae. Introduction, text, translation, commentary. Göteborg, 1976.

Источники в переводе на русский язык

- Август. Деяния божественного Августа (RGDA):
– *М. Ф. Дашкова* // *Немировский А. И., Дашкова М. Ф.* «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж, 1985. С. 188–206 (с введ. и коммент. А. И. Немировского);
– *А. Л. Смышляев* // Хрестоматия по истории Древнего Рима. М., 1987. С. 166–176 (с коммент.); его же. История древнего Рима. Тексты и документы. М., 2004. С. 204–209.
– *И. Ш. Шифман* // его же. Цезарь Август. Л., 1990. С. 189–199.
– *В. Г. Борухович* // Хрестоматия по истории древнего мира. Эллинизм. Рим. М., 1998. С. 386–411.
- Августин Аврелий.* Слово о разорении города Рима. Предисл. и пер. с лат. С. А. Степанцова // ВДИ. 2001. № 2. С. 245–264.
- Августин Аврелий.* О граде Божием. Пер. с лат. Т. 1–4. М., 1994.

- Аврелий Виктор, Секст.* История Рима. О цезарях... Пер с лат. В. С. Соколова // ВДИ. 1963. № 4, 1964. №1–2 (переизд.: Римские историки IV века. М., 1997. С. 77–224).
- Аппиан Александрийский.* Римская история. Пер с древнегреч. под ред. С. А. Жебелева, О. О. Крюгера, Е. С. Голубцовой, Л. Л. Кофанова. М., 1998 (переизд.: 2002; 2006).
- Аппиан.* Гражданские войны. Пер. с древнегреч. Под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. Л., 1935 (переизд.: М., 1994; СПб., 1994) и др.
- Аристид, Элий.* Священные речи; Похвала Риму. Издание второе, исправленное и дополненное. Издание подготовили С. И. Межерицкая, М. Л. Гаспаров. Отв. ред. Н. А. Чистякова. М., 2006².
- Валерий Максим.* Достопамятные деяния и изречения. Пер. с лат. С. Ю. Трохачева. СПб.: СПбУ, 2007.
- Веллей Патеркул.* Римская история // Немировский А.И., Дашкова М.Ф. «Римская история» Веллея Патеркула. С коммент. Воронеж, 1985. С. 64–187. (= Малые римские историки. М., 1996. С. 9–96, 311слл.).
- Вергилий.* Буколики. Георгики. Энеида. Пер. с лат. С. Шервинского и С. Ошерова. М., 1971; 1979².
- Витрувий Марк.* Десять книг об архитектуре. Пер. с лат. Ф. А. Петровского. М., 2003².
- Геллий Авл.* Аттические ночи. Книги I–X. Пер. с лат под ред. А. Я. Тыжова. СПб, 2007.
- Гораций Флакк Квинт.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания. Пер. с лат. Под ред. М. Гаспарова. М., 1970.
- Гораций Флакк Квинт.* Собрание сочинений. Пер. с лат. В. С. Дурова. СПб., 1993.
- Дионисий Галикарнасский.* Римские древности в 3-х тт. Пер. с древнегреч. И. Л. Маяк, Л. Л. Кофанова, А. М. Сморгачева и др. Под ред. И. Л. Маяк. М., 2005.
- Евтропий.* Краткая история от основания Города // Римские историки IV века. Пер. с лат. Е. В. Дарка и В. С. Соколова. М., 1997. С. 7–73.
- Исократ.* Ареопагитик. Пер. К. М. Колобовой // Исократ. Речи. Малые аттические ораторы. Речи. Письма. Под общей ред. Э.Д. Фролова. М., 2013. С. 132–148 (также: ВДИ 1966. 1–4; Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 203–214).
- Кассий Дион.* История кесарей. Книги LVII–LXIII «Истории римлян». Предисл., пер. с английского, коммент. В. Н. Талаха; под ред. В. Н. Талаха и С. А. Куприенко. Киев, 2013.
- Кассий Дион.* Римская история. Из книги LIII. Пер. Н. Н. Трухиной // Хрестоматия по истории Древнего Рима. М., 1987.
- Кассий Дион.* Римская история. Книга LII. Пер. с древнегреческого К. В. Маркова и А. В. Махлаюка; коммент. А.В. Махлаюка // ВДИ. 2008, № 2. С. 218–235; № 3. С. 254–267.
- Кассий Дион.* Римская история. Книги LVII и LVIII в пер. В. М. Строгоцкого. // Методические указания к семинарам по истории Древнего Рима. Горький, 1983, 1984, 1985, 1987.

- Кассий Дион Коккейан*. Римская история. Книги LXIV–LXXX. Перевод с древнегреч. А. В. Махлаюка, К. В. Маркова, Н. Ю. Сивкиной, С. К. Сизова, В. М. Строгеецкого. Под ред. и с коммент. А. В. Махлаюка. СПб., 2011.
- Катулл, Тибулл, Проперций*. Пер. с лат. Под ред. Ф. А. Петровского. М., 1963.
- Ливий Тит*. История Рима от основания города. Пер. с лат. Ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирин, Е. С. Голубцовой. В 3-х тт. М., 1989–1993.
- Луcretий Кар Тит*. О природе вещей. Пер. Ф. А. Петровского, вступ. статья Т. В. Васильевой [С приложением фрагментов сочинения Гераклита, поэм Парменида и Эмпедокла, писем Эпикура]. М. 1983.
- Непот Корнелий*. Из книги о римских историках. Т. Помпоний Атик // Корнелий Непот. О знаменитых римских полководцах. Пер. с лат. и коммент. Н. Н. Трухиной. М., 1992. С. 102–114.
- Николай Дамасский*. О жизни Цезаря Августа и его воспитании. Пер. с греч. под ред. Е. Б. Веселаго // ВДИ. 1960. N 3–4.
- Овидий Назон*. Скорбные элегии. Письма с Понта. Изд. подг. М. Л. Гаспаров и С. А. Ошерова. М., 1982².
- Овидий Назон*. Собрание сочинений в 2-х тт. СПб., 1994.
- Овидий Назон*. Элегии и малые поэмы. Пер. с лат. Под ред. М. Гаспарова и С. Ошерова. М., 1973.
- Плиний Старший*. Естествознание. Об искусстве. Пер. с лат., предисл. и примеч. Г. А. Тароняна. М., 1994.
- Плиний Младший*. Письма. Панегирик Траяну. Пер. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватура. М., 1982.
- Плутарх*. Сравнительные жизнеописания в 3-т. Пер. с древнегреч. С. П. Маркиша. М., 1961–1964 (переизд.: СПб., 2001).
- Полибий*. Всеобщая история. Пер. Ф. Г. Мищенко. М., 1890–1898; СПб., 1994.
- Саллюстий Крисп, Гай*. Сочинения. Пер., статья и коммент. В. О. Горенштейна. М., 1981 (1999²).
- Саллюстий Крисп, Гай*. Инвективы Саллюстия (текст и пер.). // ВДИ. 2005. № 1–2.
- Светоний Транквилл Гай*. Жизнь двенадцати цезарей. Изд. подг. М. Л. Гаспаров и Е. М. Штаерман. М., 1964 (и переиздания).
- Сенека Луций Анней*. Утешение к Полибию. Пер. Н. Х. Керасиди // ВДИ. 1991. № 4.
- Сенека Луций Анней*. Нравственные письма к Луцилию. Пер. С. А. Ошерова. М., 1983; 1991.
- Сенека Луций Анней*. О гневе. Пер. Т. Ю. Бородай // ВДИ. 1994. № 2–3.
- Страбон*. География. Пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. М.; Л., 1964 (переизд.: 1994; 2004).
- Тацит Корнелий*. Соч. в двух томах. Изд. подг. А. С. Бобович, Г. С. Кнабе, И. М. Тронский и др. Л., 1969, 1993².
- Флавий Иосиф*. Иудейские древности. В 2-х т. Пер. с древнегреч. Г. Г. Генкеля. Минск, 1994.

- Флор.* Две книги римских войн // Малые римские историки... М., 1996. С. 97–190.
Хвалебная песнь на похоронах римской матроны (так называемая *Laudatio Turiae*).
Пер. с лат. и коммент. В. О. Горенштейна // ВДИ. 1970. N 4. С. 217–223.
- Цезарь Гай Юлий.* Записки Юлия Цезаря и его продолжателей в 2-х тт. Пер. с лат. М. М. Покровского. М., 1962², (переизд.: 1991 и др.).
- Цицерон Марк Туллий.* Диалоги: О государстве; О законах. Изд. подг. И. Н. Веселовский, В. О. Горенштейн, С. Л. Утченко. М., 1966.
- Цицерон Марк Туллий.* О старости. О дружбе. Об обязанностях. Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М., 1974, 1993.
- Цицерон Марк Туллий.* Письма. Пер. с лат. В. О. Горенштейна. Т. I–III. М.; Л., 1949–1951.
- Цицерон Марк Туллий.* Речи в двух томах. Изд. подг. В. О. Горенштейн и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1962.
- Цицерон Марк Туллий.* Три трактата об ораторском искусстве. Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М., 1972.
- Цицерон Марк Туллий.* Тускуланские беседы. Пер. В. О. Горенштейна. М., 1993.
- Цицерон Марк Туллий.* Философские трактаты. Пер. М. И. Рижского. М. 1985.

Литература

Некоторые общие труды и издания справочного характера

- Albrecht M. von.* Geschichte der römischen Literatur: von Andronicus bis Boethius Bern, 1994².
- Barchiesi A., Scheidel W.* (eds.) The Oxford handbook of Roman studies. Oxf., 2010.
- Beard M., North J., Price S.* Religions of Rome. 2 vols. Cambr., 1998–2000.
- Bellen H.* Grundzüge der römischen Geschichte. 3 Bd. Bd. I: Von der Königszeit bis zum Übergang der Republik in den Prinzipat. Darmstadt, 1994; 1995²; Bd. II: Die Kaiserzeit von Augustus bis Diocletian. Darmstadt, 1998; 2010².
- Benario U. W.* Augustus Princeps // ANRW II. Bd. 2. 1975. S. 75–85 (Biblogr.).
- Der Kleine Pauly.* 5 Bd. Hrsg. von K. Ziegler, W. Sontheimer. München, 1964–1975 (KP).
- Der Neue Pauly.* Enzyklopädie der Antike. 16 Bd. Hrsg. von H. Cancik, H. Schneider. Stuttgart; Weimar, 1996–2003 (NP).
- Gerber A.; Greef A.* Lexicon Taciteum. Leipzig, 1903.
- Goodin R. E.* (ed.). A companion to contemporary political philosophy. 2 vols. Malden, Mass. etc., 2007².
- Hartz C.* Römische Schriftsteller. Mainz, 2010.
- Hazel J.* Who's who in the Roman world. L., N. Y., 2002².
- Haselberger L.* (ed.). Mapping Augustan Rome. Portsmouth, 2002; 2008² (corr.).
- Kuhlmann P.* (ed.). The history of classical scholarship: a biographical dictionary. Leiden etc.: Brill, 2014.

- Kuhlmann P.* (Hrsg.) *Geschichte der Altertumswissenschaften: biographisches Lexikon.* Darmstadt, 2012.
- L' année philologique: bibliographie critique et analytique de l'antiquité gréco-latine.* P., 1924–.
- Liddell H.G., Scott R.* *A greek-english lexicon.* Oxf., 2003.
- Nash E.* *Pictorial dictionary of ancient Rome.* 2 vols. L., 1968².
- Oxford Classical Dictionary.* Ed. by S. Homblower. Oxf., 2003³.
- Oxford encyclopedia of ancient Greece and Rome.* Ed. by M. Gagarin. Vols. 1–7. Oxf., 2010.
- Paulys Realencyklopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung von G. Wissowa, W. Kroll, K. Mittelhaus, K. Ziegler.* 84 Bde. Stuttgart, 1894–1981 (RE).
- Platner S.B., Ashby Th.* (Hrsg.) *A topographical dictionary of ancient Rome.* L., 1929 (repr. 1965). (Platner–Ashby)
- Prosopographia Imperii Romani saeculi I., II., III consilio et auctoritate Academiae Litterarum Borussicae.* Preußische Akademie der Wissenschaften <Berlin>. Eck W. etc. (hrsg.). Ed. 2. Berolini etc., 1915–2009– (PIR2).
- Richardson L. jr.* *A new topographical dictionary of ancient Rome.* Baltimore, 1992.
- Schanz M., Hosius C.* *Geschichte der römischen Litteratur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian.* Teil 1–4 (5 Bde.). 3–4. Aufl. München: Beck, 1966–1959 (Schanz–Hosius).
- Steinby E. M.* (ed.) *Steinby's lexicon topographicum Urbis Romae.* 6 vols. Roma, 1993–2001 (LTUR).
- Thesaurus cultus et rituum antiquorum.* Los Angeles, 2004–2014 (ThesCRA).
- Thesavrvs lingvae Latinae. ed. auctoritate et consilio academiarum quinque Germanicarum: Berolinensis... Preußische Akademie der Wissenschaften <Berlin>. Lipsiae: Teubner.* Bd. I–X. 1900–2004 (Berlin etc., 2012) (TLL)
- Walde A., Hofmann J. B.* *Lateinisches Etymologisches Wörterbuch.* 2 Bd. Heidelberg, 1938–1956.

Литература по рассматриваемой тематике

- Абрамзон М. Г.* Римский императорский культ в памятниках нумизматики. Магнитогорск, 1993.
- Абрамзон М. Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М., 1995.
- Абрамзон М. Г.* Астральные символы в римской чеканке: происхождение и развитие монетных типов // ВДИ. 2002. № 1. С. 122–142.
- Аверинцев С. С.* Внешнее и внутреннее в поэзии Вергилия // Поэтика римской литературы. М., 1989. С. 22–52.
- Аверинцев С. С.* Плутарх и античная биография. М., 1973 (переизд. в его же: Образ античности. СПб., 2004).
- Аверинцев С. С.* Две тысячи лет с Вергилием // его же. Поэты. М., 1996. С. 19–42.

- Аверинцев С. С.* Образ античности. СПб, 2004.
- Альбрехт М. фон.* История римской литературы. Пер. с нем. М., 2002–2004. Т. 1–2.
- Античная история и классическая археология. Отв. ред. В. В. Дементьева. М., 2006.
- Античный полис. Курс лекций. Отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М., 2010.
- Антонец Е. В.* Поэма Цицерона о Цезаре: история создания и проблемы идентификации // ВДИ 2013. № 4. С. 44–61.
- Артамонова А. В.* Отражение моральных устоев общества в поэзии эпохи принципата // Актуальные проблемы всеобщей истории. Йошкар Ола, 2007. С. 12–20.
- Ахиев С. Н.* Идеологические аспекты Перузинской войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 3–11.
- Базинер О.* Древнеримские секулярные игры. *Ludi saeculares*: Историко-филологическое исследование. Варшава, 1901.
- Барышников А. Е.* Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в современном английском антиковедении // Вест. НГУ. № 6. 2012. С. 200–211.
- Барышников А. Е.* Империя наносит ответный удар? «Археологические диалоги» и очередной виток дискуссии о романизации // Вест. НГУ. № 1. 2015. С. 17–24.
- Беликов А. П.* Рим и эллинизм. Проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003.
- Беликов А. П.* От полиса к империи: становление провинциальной системы древнего Рима // Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 178–194.
- Белкин М. В.* Фульвия — фурия римской революции // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 8. СПб, 2009. С. 233–248.
- Борухович В. Г.* После мартовских ид 44 г. до н.э. (Ист. очерк.) // Античный мир и археология. Саратов, 1983. № 5. С. 123–154.
- Борухович В. Г.* Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время. Саратов, 1993.
- Буассье Г.* Очерки общественного настроения времен цезарей. Пер. с фр. Е. В. Дегена. СПб., 1896.
- Великанова Е. Н.* Процедура вручения Тиберию и Калигуле власти принцепса // Политика. Идеология. Культура. Проблемы всемирной истории. Ярославль, 2006. С. 56–66.
- Великанова Е. Н.* Initium принцепса: порядок передачи власти первым преемникам Августа // ВДИ. 2007. № 3. С. 163–174.
- Вержбицкий К. В.* Правовое оформление и реальные основы власти Августа // Проблемы античной истории. СПб., 2003. С. 260–282.
- Вержбицкий К. В.* Тацит как историк принципата // Вестн. СПбУ. Серия 2: История. Вып. 3. СПб., 2009. С. 60–70.
- Вержбицкий К. В.* Республиканские традиции и имперские инновации в системе принципата Августа // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 10. СПб, 2011. С. 259–272.

- Bunper P. Ю.* Очерки истории Римской империи. М., 1908.
- Вулих Н. В.* Овидий и Август // ВДИ. 1968. № 1. С. 151–160.
- Вулих Н. В.* Поэзия и политика в «Энеиде» Вергилия // ВДИ. 1981. № 3. С. 147–160.
- Вулих Н. В., Неверов О. Я.* Роль искусства в пропаганде официальной идеологии принципата Августа // ВДИ. 1988. № 1. С. 162–173.
- Гаспаров М. Л.* Зарубежная литература о принципате Августа // ВДИ. 1958. № 2. С. 221–233.
- Гаспаров М. Л.* Послание Горация к Августу (литературная полемика и политическая борьба) // ВДИ. 1964. № 2. С. 63–73.
- Гаспаров М. Л.* Светоний и его книга // Светоний Транквилл, Гай. Жизнь двенадцати Цезарей. М., 1964. С. 263–278 (и переиздания).
- Гаспаров М. Л.* Поэзия Горация // Квинт Гораций Флакк. Оды, эподы, сатиры, послания. М., 1970. С. 5–38.
- Гаспаров М. Л.* Три подступа к поэзии Овидия // Овидий. Элегии и малые поэмы. М., 1973. С. 5–32.
- Гаспаров М. Л.* Вергилий — поэт будущего // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979.
- Гаспаров М. Л.* Овидий в изгнании // Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1982. С. 189–224.
- Гаспаров М. Л.* Греческая и римская литература I в. до н.э. — I в. н.э. // История всемирной литературы в 8 (9) томах. Под ред И.С. Брагинского и др. М., 1983–1994. Т. 1. С. 437–485.
- Гаспаров М. Л.* Избранные труды Т. 1. О поэтах. М., 1997.
- Гаспаров М. Л.* Поэт и поэзия в римской культуре // его же. Избранные труды. Т. 1 О поэтах. М., 1997. С. 49–80
- Грималь П.* Цицерон Пер. с фр. Г. С. Кнабе, Р. Б. Сашиной. Со вступ. статьей Г. С. Кнабе. М., 1991.
- Грималь П.* Сенека, или совесть империи. Пер. с фр. М., 2003.
- Гримм Э.* Исследования по истории развития римской императорской власти. СПб., 1900. Т. I. Императорская власть от Августа до Нерона.
- Дементьева В. В.* Магистратская власть Римской республики: содержание понятия *imperium* // ВДИ. 2005. №. 4. С. 46–75.
- Дементьева В. В.* «Римская конституция»: проблема правовой и исторической корректности понятия // Forum Romanum. Доклады III международной конференции «Римское частное публичное право...» / Отв. ред. В. В. Дементьева. Ярославль-Москва, 2003. С. 18–26 (<http://elar.uniur.ac.ru/jsui/handle/>. Версия от 4.6.2010).
- Дементьева В. В.* Теодор Моммзен: историко-правовое моделирование римской государственности // ВДИ. 2005. № 1. С. 180–193.
- Дементьева В. В.* Современное антиковедение: изучение римской политической культуры // Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 50–63.

- Дементьева В. В. «Меритократия» Римской Республики: право, ритуал, политическая культура // IVS ANTIQVVM. Древнее право. Вып. 17. 2006. С. 55–65.
- Дементьева В. В. Spolia opima Корнелия Косса: проблемы интерпретации античной традиции // Вест. ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 4. С. 66–75.
- Дементьева В. В. Гентильно-генеалогическая мемориальная практика римлян: laudatio funebris в современных исследованиях // Ярославский хронограф. 2008. Доклады... С. 3–8.
- Дементьева В. В. «Современная античность и античная современность» (Историография начала XXI в. о греко-римских истоках европейских политических парадигм) // ВДИ. 2008. № 3. С. 212–223.
- Дементьева В. В., Суриков И. Е. Античная гражданская община: греческий полис и римская civitas. Ярославль, 2010.
- Дементьева В. В. Римская civitas республиканской эпохи // Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В.В. Дементьева, И.Е. Суриков. М., 2010. С. 130–175.
- Дератани Н. Ф. Вергилий и Август. К вопросу о проблеме власти и о патриотических идеях в Риме I в. до н.э. // ВДИ. 1946. № 4. С. 66–75.
- Дождев Д. В. Римское частное право. М., 2008.
- Дуров В. С. Юлий Цезарь: человек и писатель. Л., 1991.
- Евсеев Т. П. От общины к сложной государственности в античном Средиземноморье. СПб., 2005.
- Егоров А. Б. Закон о власти Веспасиана и полномочия принцепса // Проблемы античной государственности. Л., 1982. С. 61–84.
- Егоров А. Б. Рим на грани эпох: Проблемы зарождения и формирования принципата. Л., 1985.
- Егоров А. Б. Проблемы титулатуры римских императоров // ВДИ. 1988 № 2. С. 161–172.
- Егоров А. Б. Добродетели щита Августа // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 280–293.
- Егоров А. Б. Вопрос о роли римского сената в политической системе принципата в историографии XIX–XX вв. // Мнемон. Вып. 1. 2002. С. 175–190.
- Егоров А. Б. Цезарь, Август и римский сенат // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире Сборник научных статей. Под редакцией Э. Д. Фролова. СПб., 2002. С. 125–136.
- Егоров А. Б. Проблемы истории гражданских войн в современной западной историографии // Мнемон. 2005. № 4. С. 473–497;
- Егоров А. Б. Партия Суллы: союз аристократов и маргиналов // Studia historica. 2006. № 6. С. 128–152.
- Егоров А. Б. Теория «смешанной конституции» Полибия в монографии К. фон Фрица // Курт фон Фриц. Теория смешанной конституции в античности (критический анализ политических взглядов Полибия). Пер. с англ. А. Б. Егорова и Г. А. Лапис. Под ред. В. А. Гуторова. СПб., 2007. С. 3–21.

- Егоров А. Б. Римская аристократия, ее сущность и историческая роль // Нобилитет в истории старой Европы. СПб., 2010. С. 120–139.
- Егоров А. Б. Антоний и Клеопатра. Рим и Египет: встреча цивилизаций. СПб., 2012.
- Егоров А. Б. Античная демократия и римская политическая система (античные и современные политические теории) // Мнемон. Вып. 13. СПб., 2013. С. 207–226.
- Забулис Г. К. Saturnia tellus Вергилия (К вопросу о формировании идеологии эпохи Августа) // ВДИ. 1960. № 2. С. 111–123.
- Забулис Г. К. Поэтическая модификация философии индивидуализма накануне и в эпоху Августа. Автореф. докт. дисс. М., 1982.
- Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. № 1. М.; Л., 1951.
- Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики М., 1994.
- Исаева И. А. Римский принципат в трактовке Тацита // Вестн. СПбУ. Серия 2: История. СПб., 2009. С. 150–156.
- История греческой литературы: в 3 т. Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М., 1946–1960.
- История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. Гл. 14. С. 539–593.
- История римской литературы: в 2 т. Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М., 1959–1962.
- Камалутдинов К. Я. Цицерон о роли и месте *princeps* в политической системе римского общества (по материалам трактата «О государстве») // Античный мир и археология. Вып. 6. Саратов, 1986. С. 19–31.
- Камалутдинов К. Я. Цицерон и римская диктатура I в. до н. э. // Античная гражданская община. М., 1986.
- Квашнин В. А. Политика, право и религия в жизни римской гражданской общины (III–II века до н.э.). Вологда, 2006.
- Клемперер, Виктор. LTI. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. Пер. с нем. А. Б. Григорьева. М., 1998 (ориг.: Klemperer V. LTI. Notizbuch eines Philologen. Berlin, 1947).
- Кнабе Г. С. “Multi bonique” и “pauci et validi” в римском сенате в эпохи Нерона и Флавиев // ВДИ. 1970. № 3. С. 63–85.
- Кнабе Г. С. Корнелий Тацит (Время. Жизнь. Книги). М., 1981.
- Кнабе Г. С. Римское общество в эпоху Ранней Империи // История древнего мира / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М., 1982 (1989³). Кн. III. С. 76–105.
- Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность. М., 1986.
- Кнабе Г. С. Категория престижности в жизни древнего Рима // Быт и история в античности. М., 1988. С. 143–169.
- Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993 (1994).

- Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия — образ, миф, история // Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. III. М., 1993. С. 590–655.
- Кнабе Г. С. Древо познания и древо жизни. М. 2006. Глава II. С. 379–580.
- Кнабе Г. С. Современная Европа и ее антично-римское наследие. М., 2010.
- Кнабе Г. С. Европа с римским наследием и без него. СПб., 2011.
- Князев П. А. Кто смерти поддаться не должен был вовсе. Гибель Германика Цезаря в трех актах римского сената. Самара, 2005.
- Колосовская Ю. К. Паннония в I–III вв. М., 1973.
- Контев А. В. Об «этрусской династии» архаического Рима // Античность и средневековье Европы. Межвузовский сборник научных статей. Пермский ун-т, 1994. С. 68–78.
- Контев А. В. *Principes et dominus*: к вопросу об эволюции принципата в начале позднеантичной эпохи // Древнее право. № 1. 1996. С. 182–190.
- Контев А. В. Царь Сервий Туллий в роли создателя Римской республики // *Studia Historica*. М., 2011. Вып. 10. С. 52–88.
- Контев А. В. Гней Помпей Магн — *privatus cum imperio* // ВДИ. 2013. № 4. С. 85–111.
- Короленков А. В. Из новейшей литературы о Сципионе Эмилиане // *Studia historica*. Вып. VIII. М., 2008. С. 211–223.
- Короленков А. В., Смыков Е. В. Сулла. М., 2007.
- Короленков А. В., Смыков Е. В. Из новейшей литературы о Сулле // ВДИ. 2010. № 1. С. 218–229.
- Короленков А. В. Память о республике // *Studia historica*. XI. М. 2011. С. 276–292.
- Кофанов Л. Л. Римская государственность в современной историографии // Античная история и классическая археология. Вып. 2. М., 2006. С. 242–249.
- Кофанов Л. Л. (ред.). *LEX et IUS: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. = LEX et IUS: iuris romanis origo et augmen VIII–III saeculis a. c.* М., 2006.
- Крашенинников М. Августалы и сакральное магистерство. Исследование в области римского муниципального права и древностей. СПб., 1895.
- Крюков А. С. Пролог в «Анналах» Тацита // ВДИ. 1983. № 2. С. 140–144.
- Крюков А. С. Летопись первого века: историческая проза Тацита. Воронеж, 1997.
- Крюков А. С. “*Principatus*” у Тацита // Норция. 1999. Вып. 3. С. 109–123.
- Крюков А. С. Поэтика исторической прозы Тацита. Автореферат диссертации... докт. филол. наук. СПб., 2002.
- Кудрявцев О. В. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., 1954.
- Кулаковский Ю. А. Вновь открытая присяга на имя Августа // Филологическое обозрение. Т. XX, кн. 2. М., 1901. С. 159–179.
- Культура Древнего Рима. Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1–2. М., 1985.
- Лапина Т. А. Источники географических книг Плиния Старшего. Август и Агриппа // Из истории древнего мира и средневековья. М., 1987. С. 17–27.

- Лапырёнок Р. В.* Эволюция понятий *optimates* и *populares* в произведениях Цицерона // *Studia historica*. Vol. 5. М. 2005. 76–88.
- Лесницкая М. М.* Статуя Августа из собрания Эрмитажа. Л., 1962.
- Лившиц Г. М.* Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима. К проблеме социально-экономического строя римских провинций. Минск, 1957.
- Ломмэ М.-К.* Веррий Флакк при дворе Августа: эрудит на службе принцепса // *Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура*. М., 2005.
- Малеваный А. М.* Иллирийские походы Октавиана (35–33 гг. до н.э.) // *ВДИ*. 1977. № 2. С. 129–142.
- Малеин А. И.* «Золотой век» римской литературы (эпоха Августа). Пг., 1923.
- Маринович Л. П.* Античная и современная демократия. Новые подходы к сопоставлению. М., 2007².
- Марков К. В.* *Consilium principis* в концепции идеальной монархии Диона Кассия // *Studia historica*. Vol. 4. М., 2004. С. 121–125.
- Марков К. В.* К вопросу о хронологии работы Диона Кассия над «Римской историей» // *ВДИ*. 2008, № 2. С. 142–154.
- Марков К. В.* Единовластие как «подлинная демократия» в трудах греческих авторов времен второй софистики: ирония, иллюзия, утопия или идеал? // *ВДИ*. 2013. № 3. С. 52–74.
- Марченко Г. М.* Античная традиция о *princeps civitatis* // *Вест. ЛГУ, серия история, язык, литература*. № 14. Вып. 3. 1974. С. 56–62.
- Махлаюк А. В.* Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Н. Новгород, 2000.
- Махлаюк А. В.* Войсковая клиентела в позднереспубликанском и раннеимператорском Риме // *ВДИ*. 2005. № 3. С. 36–57.
- Махлаюк А. В., Марков К. В.* Историк и вызовы современности: «Римская история» Диона Кассия как памятник исторической и политической мысли III в. н.э. // *ВДИ*. 2008. № 2. С. 38–56.
- Махлаюк А. В.* Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху Принципата // *Античный полис. Курс лекций*. Отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М., 2010. С. 176–226.
- Махлаюк А. В.* Первый век принципата в «Римской истории» Кассия Диона // *Из истории античного общества*. Вып. 13. Н. Новгород, 2010. С. 216–246.
- Махлаюк А. В.* Римская империя как пространство кросс-культурных коммуникаций // *Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи*. Н. Новгород, 2012. С. 40–48.
- Махлаюк А. В.* «Архетипическая империя» в контексте современного империализма (рец. на книгу: Morley N. *Roman empire: roots of imperialism*. L.–N.Y., 2010) // *ВДИ*. 2013. № 1. С. 222–231.
- Машкин Н. А.* Из литературы о принципате // *ВДИ*. 1936. N 1. С. 116–120.

- Машкин Н. А. Эдикты Августа из Киренаики // ВДИ. 1938. № 3. С. 180–192.
- Машкин Н. А. Эсхатология и мессианизм в последний период Римской республики // Известия Академии наук СССР. Серия ист. и филос. 1946. № 5. С. 441–460.
- Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949 (deutsch: Mashkin N. Zwischen Republik und Kaiserreich... Leipzig, 1954; ital.: id. Principato di Augusto. Roma, 1956).
- Машкин Н. А. Третий ценз императора Августа (к вопросу о численности населения Италии I в. н.э.) // Вестн. МГУ. 1949. № 4. С. 35–42.
- Машкин Н. А. Август и сенаторское сословие // МГУ УЗ. Вып. 143. М., 1950. С. 3–26.
- Маяк И. Л. Рим первых царей (генезис римского полиса). М., 1983.
- Маяк И. Л. Римляне ранней Республики. М.: МГУ, 1993.
- Маяк И. Л. Теодор Моммзен как историк // ВДИ. 2005. № 1. С. 168–179.
- Медведев А. П. Был ли греческий полис государством? // Античный мир и археология. Вып. 12. Саратов, 2006. С. 17–32.
- Межерицкий Я. Ю. Принципат Юлиев-Клавдиев в произведениях Сенеки // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 95–109.
- Межерицкий Я. Ю. Модели единоличного правления в идеологии раннего принципата // Античная гражданская община. М, 1984. С. 104–115.
- Межерицкий Я. Ю. Iners otium // Быт и история в античности. М, 1988. С. 41–68.
- Межерицкий Я. Ю. «Древность» и «новизна»: эволюция историзма в идеологии раннего принципата // Античность и современность. М., 1991. С. 98–102.
- Межерицкий Я. Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. Москва; Калуга, 1994 (сокр.: МРМА).
- Межерицкий Я. Ю. Император Август, основание империи и проблема рубежа цивилизаций // Цивилизации. Вып. 3. М., 1995. С. 180–189.
- Межерицкий Я. Ю. Принципат Августа: от республики к монархии (Il principato di Augusto: dalla repubblica alla monarchia) // Древнее право — Ius antiquum. № 1. М., 1996. Р. 156–160.
- Межерицкий Я. Ю. Поэзия и политика времени становления принципата // Nostos. Афины, 2001. С. 77–90.
- Межерицкий Я. Ю. Метаморфозы «республиканизма» и вопрос о времени формирования оппозиции принципату // Норция. Вып. 4. Воронеж, 2004. С. 113–153.
- Мелихов В. А. Культ императоров в римской поэзии «Золотого века». М., 1915.
- Мирзаев С. Б. Полибий. М., 1986.
- Михайловский Ф. А. Власть Октавиана-Августа. М., 2000.
- Михайловский Ф. А. Становление принципата: республиканские традиции в оформлении императорской власти. Автореферат дисс... докт. историч. наук. М, 2000.
- Мишулин А. В. Античная Испания. До установления римской провинциальной системы в 197 г. до н.э. М., 1952.

- Моммзен Т. История Рима. Пер. с нем. Т. I–III, V. М., 1936–1939, 1940 (др. издания: СПб., 1994–1995; М., 2001–2002; СПб., 2005). См. также: Mommsen Th.
- Нагуевский Д. И. История Римского Форума и его памятники. Казань, 1907.
- Нагуевский Д. И. История римской литературы. Т. 2: Век Августа. Казань, 1915.
- Неверов О. Я. Портрет в римской глиптике I в. до н.э. и его роль в формировании и утверждении идеологии принципата. Автореф. Л., 1962.
- Неверов О. Я. Античные камеи в собрании Эрмитажа. Каталог. Л., 1988.
- Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962.
- Немировский А. И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964.
- Немировский А. И. Полибий как историк // ВИ. 1974. № 6. С. 87–106.
- Немировский А. И. Веллей Патеркул и его время // Немировский А. И., Дашкова М.Ф. «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж, 1985. С. 3–49. Комментарий. С. 159–187.
- Немировский А. И. (ред.). Малые римские историки. Веллей Патеркул. Анней Флор. Луций Ампейлий. Комментарии и послесловие А. И. Немировского. М., 1996.
- Немировский А. И. История древнего мира. Античность. М., 2007.
- Никишин В. О. Императоры, граждане и подданные в эпоху принципата: идеал и реальность // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. Ред. Бондаренко Д. М.; Немировский А. А. М., 2008. С. 81–103.
- Никишин В. О. Цицерон и греки // Studia historica. Вып. 11. М., 2011. С. 167–189.
- Николе К. Римская республика и современные модели государства // ВДИ. 1989. № 3. С. 99–100.
- Панченко Д. В. Римские моралисты и имморалисты на исходе Республики // Человек и культура. М., 1990. С. 73–80.
- Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987.
- Парфенов В. Н. Юлии или Клавдии: Август и проблема наследования принципата // Из истории античного общества. Вып. 6. Н. Новгород, 1999. С. 90–111.
- Парфенов В. Н. Сеян: взлет и падение // АМА. Вып. 10. Саратов, 1999. С. 63–88.
- Парфенов В. Н. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001.
- Поляков Г. П. Витрувий и Август (К проблеме Витрувия как исторического источника) // ВДИ. 1938. N 4. С. 146–160.
- Портнягина И. П. Дело Кремуция Корда (к вопросу о республиканской оппозиции в период раннего принципата) // Проблемы политической истории античного общества. Л., 1985. С. 172–179.
- Портнягина И. П. Сенат и сенатское сословие в эпоху раннего принципата. Калинин, 1989.
- Портнягина И. П. Интеграция неформальных общественных связей в систему принципата: совет друзей принцепса // Мнемон. Вып. 2. СПб., 2003. С. 227–240.

- Портнягина И. П.* Октавия, сестра Октавиана — идеальная матрона в век эмансипации // Мнемон. Вып. 5. 2006. С. 307–318.
- Ранович А.* Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.; Л., 1949.
- Сморчков А. М.* Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М., 2012.
- Ростовцев М. И.* Рождение Римской империи. Пг., 1918 (переизд.: М., 2003).
- Ростовцев М. И.* Общество и хозяйство Римской империи. Пер. с нем. И. П. Стребловой. В 2-х т. СПб., 2000–2001.
- Рязанов В. В.* Политические цели и методы Секста Помпея и Октавиана Августа // Норция. Вып. 3, Воронеж, 1999. С. 204–211.
- Самохина Г. С.* Полибий: эпоха, судьба, труд. СПб., 1995.
- Свенцицкая И. С.* Марк Антоний и малоазийские полисы // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 119–134.
- Свенцицкая И. С.* Раннее христианство: страницы истории. М., 1987.
- Свенцицкая И. С.* Восприятие царя и царской власти в эллинистических полисах (по данным эпиграфики) // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 97–108.
- Свенцицкая И. С.* Особенности культа императора в малоазийских провинциях в I в. н.э // История и языки Древнего Востока: памяти И. М. Дьяконова. СПб., 2002. С. 259–267.
- Свенцицкая И. С.* Первые христиане и Римская империя. М., 2003.
- Свенцицкая И. С.* Культ императора в Римской державе: от персонального обожествления к формальному культу носителя власти // Суриков И. Г. и др. Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. 2/3. М., 2005. С. 236–254.
- Свенцицкая И. С.* Знаки власти в изображениях римских императоров // Власть и образ: Очерки потестарной имагологии. СПб., 2010. С. 106–109
- Селецкий Б. П.* Социальное и политическое значение слова “bonus” (boni) в «Переписке» Цицерона // ВДИ. 1976. № 2. С. 142–156.
- Селецкий Б. П.* Термин “optimates” в его первоначальном общепринятом значении в «Переписке» Цицерона // ВДИ. 1979. № 4. С. 117–126.
- Сергеев В. С.* Принципат Августа // ИЖ. 1938. № 1. С. 99–111.
- Сергеев Д. Д.* Представления о государстве и государственной власти римских писателей эпохи Августа // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 294–308.
- Сидорович О. В.* Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I в. до н.э. М., 2005.
- Сидорович О. В.* Августурии и ауспиции: содержание понятий // Античный мир и археология. Вып. 13. Саратов, 2009. С. 151–158.
- Смирин В. М.* О политической позиции Цицерона в годы сулланской диктатуры // ВДИ. 1958. № 4. С. 88–103.

- Смирин В. М. Римская школьная риторика Августова века как исторический источник (по «Контрверсиям» Сенеки Старшего) // ВДИ. 1977. № 1. С. 95–113.
- Смирин В. М. Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян // Культура Древнего Рима. Т. 2. М., 1985. С. 5–78.
- Смыков Е. В. Парфянский подход Марка Антония (36 г. до н.э.) // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1987. С. 111–120
- Смыков Е. В. Марк Антоний и политика *clementia Caesaris* // «Античный мир и археология». Вып. 7. Саратов, 1990. С. 56–65.
- Смыков Е. В. Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония) // АМА. Вып. 11. 2002. С. 80–106.
- Смышляев А. Л. «Речь Мецената» (Dio Cass. LII. 14–40): проблемы интерпретации // ВДИ. 1990. № 1. С. 54–66.
- Смышляев А. Л. Государство без бюрократии (на опыте Ранней Римской империи) // Античность и современность. М., 1991. С. 30–42.
- Смышляев А. Л. Римская императорская власть эпохи принципата в современной зарубежной историографии // РЖ. Общественные науки за рубежом. Серия 4. Государство и право. 1991. Вып. 5. С. 67–78.
- Смышляев А. Л. *Civilis dominatio*: римский наместник в провинциальном городе // ВДИ. 1997. № 3. С. 24–35.
- Смышляев А. Л. Римский наместник как магистрат (к вопросу об особенностях римской государственности в эпоху Ранней Империи) // Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). М, 1998. С. 282–295.
- Смышляев А. Л. Римский наместник в провинциальном городе: *otium post negotium* // ВДИ. 1999. № 4. С. 59–70.
- Смышляев А. Л. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара) // ВДИ. 2003. № 3. С. 46–60.
- Смышляев А. Л.; Одегова Е.А. Проблема «римской демократии» в современной зарубежной историографии // Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 64–78.
- Смышляев А. Л. Рим: эпоха Принципата // Всемирная история. Т. 1. Древний мир. Отв. ред. В. А. Головина и др. М., 2011. С. 603–639.
- Смышляев А. Л. Характер принципата (цит. по публикации на сайте: ancientrome.ru; 11.03.2013. Без нумерации страниц).
- Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис. Курс лекций. Отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М., 2010. С. 8–54.
- Таривердиева С. Э. Строительная деятельность Марка Агриппы в древнем Риме // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2014. № 1 (124). С. 6–25.
- Токарев А. Н. *Res publica* в идеологии «оптиматов» // Laurea. К 80-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева. Харьков, 2007. С. 101–110 (ancientrome.ru).

- Токарев А. Н. Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков, 2011.
- Токмаков В. Н. Тит Ливий как зеркало римской историографии // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура. М., 2005. С. 114–134.
- Трохачев С. Ю. Валерий Максим и его история в поучительных анекдотах // Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения. Пер. с лат. С. Ю. Трохачева. СПб., 2007. С. 3–15.
- Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н.э.). М., 1986.
- Тыжов А. Я. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история. Том I. СПб., 1994.
- Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики (Из истории политических идей I до н.э.). М., 1952 (нем.: Utchenko S. L. Der weltanschaulich-politische Kampf in Rom am Vorabend des Sturzes der Republik. Berlin, 1956).
- Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.
- Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.
- Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до н.э.). М., 1977.
- Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972.
- Ферреро Г. Величие и падение Рима. В 5 т. М., 1915–1925 (переизд. в 2-х книгах: СПб., 1997–1998; 2008).
- Фридлиндер Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов. Часть I. СПб., 1914.
- Фриц К. фон. Теория смешанной конституции в античности: критический анализ политических взглядов Полибия. Пер. с англ. А. Б. Егорова и Г. А. Лапис. Под ред. В. А. Гуторова. СПб., 2007. С предисл. А. Б. Егорова. СПб., 2007.
- Фролов Э. Д. Греческая тирания и римский принципат (опыт типологического сопоставления) // Мнемон. Вып. 1. 2002. С. 91–98.
- Фролова Н. А., Абрамзон М. Г. Римские монеты в собрании Государственного Исторического музея. Каталог. Ч. 2. Ранняя империя. От Августа до Коммода. М., 2001.
- Фуко М. Археология знания: Пер. с фр. под общ. ред. Бр. Левченко. Киев, 1996.
- Циркин Ю. Б. Последние республиканцы (Катон, Брут, Кассий) // его же. Гражданские войны в Риме. Побеждённые. СПб., 2006.
- Циркин Ю. Б. События 41 года в истории принципата // Мнемон. Вып. 7. 2008. С. 211–234.
- Циркин Ю. Б. Испания после Цезаря // ВДИ. 2004. № 3. С. 192–221.
- Чеканова Н. В. К проблеме перехода от Республики к Империи: революция или реформа? // Мнемон. Вып. 1. 2002. С. 163–174.
- Чеканова Н. В. Римская диктатура последнего века Республики. СПб., 2005.
- Чернышов Ю. Г. Теория смешанной конституции у Цицерона и система принципата // Древнее право — Ius antiquum. № 1. М., 1996. С. 95–101.

- Чернышов Ю. Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. В 2-х частях. Новосибирск, 1992; 1994².
- Чернышов Ю. Г.* Блоссий из Кум, политический консультант (ancientrome.ru).
- Шайд Дж.* Римская религия и духовность // ВДИ. 2003. № 2. С. 26–35.
- Шайд Дж.* Религия римлян. Пер. с фр. О. П. Смирновой. М., 2006.
- Шалимов О. А.* Образ идеального правителя в Древнем Риме в сер. I — нач. II в. н.э. М., 2000.
- Шифман И. Ш.* Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв. н.э.). М., 1977.
- Шифман И. Ш.* Цезарь Август. Л., 1990.
- Шкаренков П. П.* Римская традиция образа идеального правителя в Остготской Италии // ВДИ. 2008. № 4. С. 157 слл.
- Штаерман Е. М.; Трофимова М. К.* Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971.
- Штаерман Е. М.* Эволюция идеи свободы в Древнем Риме // ВДИ. 1972. № 2. С. 41–61.
- Штаерман Е. М.* Кризис античной культуры. М., 1975.
- Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. Т. 1 (1985). С. 22–105.
- Штаерман Е. М.* Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.
- Штаерман Е. М.* К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. № 2. С. 76–94; ее же. К итогам дискуссии о римском государстве // ВДИ. 1990. № 3. С. 68–75.
- Щетинин М. Н.* Император Август и распространение римского гражданства в провинциях // Мнемон. Вып. 3. 2004. С. 285–304.

- Aalders G. J. D.* Die Theorie der gemischten Verfassung im Altertum. Amsterdam, 1968.
- Abdy R., Harling N.* Two important new Roman coins // NC. Bd. 165. 2005. S. 175–178, plate 15.
- Abele Th. A.* Der Senat unter Augustus. Paderborn, 1907.
- Abramenko A.* Die munizipale Mittelschicht im kaiserlichen Italien. Zu einem neuen Verständnis von Sevirat und Augustalität. Frankfurt a. M., 1993.
- Adcock F. A.* The interpretation of res gestae divi Augusti 34, 1 // CQ. Vol. 45. 1951. P. 130–135 (deutsch: Schmitthenner, W. /ed./. Augustus. Darmstadt, 1969. P. 230–240).
- Albers J.* Campus Martius. Die urbane Entwicklung des Marsfeldes von der Republik bis zur mittleren Kaiserzeit. Wiesbaden, 2013.
- Albrecht M.* von. Geschichte der römischen Literatur. Bd. 1–2. München, 2004 etc.
- Alföldi A.* Der Vater des Vaterlandes im römischen Denken. Darmstadt, 1971; 1978.
- Alföldi A.* Die zwei Lorbeerbäume des Augustus. Bonn, 1973.
- Alföldi A.* Oktavians Aufstieg zur Macht. Bonn, 1976.
- Alföldi A.* Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreich. Darmstadt, 1970³; 1980.

- Alföldi A.* Redeunt Saturnia Regna. Transl. by E. Alföldi-Rosenbaum. Bonn, 1997.
- Alföldi G.* Der Obelisk auf dem Petersplatz in Rom. Heidelberg, 1990.
- Alföldy G.* Augustus und die Inschriften: Tradition und Innovation. Die Geburt der imperialen Epigraphik // *Gymnasium*. Bd. 98. 1991. S. 289–324, Tafel I–VIII.
- Alföldy G.* Das neue Edikt des Augustus aus El Bierzo in Hispanien // *ZPE*. Bd. 131. 2000. S. 177–205.
- Alföldy G.* Römische Sozialgeschichte. Stuttgart, 2011⁴.
- Alston R.* Rome's revolution. Death of the republic & birth of the empire. Oxf.; N. Y., 2015.
- Ameling W.* Augustus und Agrippa. Bemerkungen zu PKöln VI 249 // *Chiron*. 24. 1994. P. 1–28.
- Andersen H. A.* Cassius Dio und die Begründung des Principates (Neue deutsche Forschungen: Abteilung alte Geschichte; Bd. 4). Berlin, 1938. Repr.: Andersen H. A., Hohl E. Roman history. Studies in Cassius Dio and Herodian. N. Y., 1975.
- Ando C.* Imperial ideology and provincial loyalty in the Roman Empire. Berkeley etc., 2000.
- Ando C.* The administration of the provinces // Potter D. (ed.). A companion... 2006. P. 177–192.
- Ando C.* Law, language, and empire in the Roman tradition. Philadelphia, 2011.
- Ando C.* From republic to empire // Peachin M. (ed.). The Oxford handbook of social relations in the Roman world. Oxf. etc., 2011. P. 37–67.
- Andreae B.* Römische Kunst von Augustus bis Constantin. Darmstadt etc., 2012.
- Árnason J. P., Raaflaub K. A.* (eds.) The Roman empire in context: historical and comparative perspectives. Chichester, West Sussex, U.K.; Malden, Mass., 2011.
- Astin A. E.* Scipio Aemilianus. Oxf., 1967.
- Atkinson K. M. T.* Constitutional and legal aspects of the trials of Marcus Primus and Varro Murena // *Historia*. Bd. 9. 1960. P. 440–473.
- Auguste ou le gouvernement du monde. Dossier spécial // *L'Histoire*. № 395. P., 2014. P. 37–83.
- Ausbüttel F. M.* Die Verwaltung des römischen Kaiserreiches. Sozialpolitik und Genossenschaftswesen. Darmstadt, 1998.
- Austin M.* Augustus & the birth of the West // *The new criterion*. Vol. 33. N. Y. 2014, Nr. 4. P. 43–46.
- Badami C.* Le principat d'Auguste. Toulouse, P., 2012.
- Badian E. A.* Crisis theories and the beginning of the Principate // G. Wirth etc. (eds.), Romanitas Christianitas. Untersuchungen zur Geschichte und Literatur der römischen Kaiserzeit. Berlin; N. Y., 1982. P. 18–41.
- Badian E. A.* phantom marriage law // *Philologus*. Bd. 129. 1985. P. 82–98.
- Balsiefen L.* Die Macht der Literatur. Über die Büchersammlungen des Augustus auf dem Palatin. // Hoepfner W. (Hg.). Antike Bibliotheken. Mainz, 2002. S. 97–116.
- Balsiefen L.* Bibliotheca Palatina — Die Apollo-Bibliothek // Hoffmann A.; Wulf U. Die Kaiserpaläste auf dem Palatin in Rom. Mainz, 2006². S. 100–111.

- Balensiefen L.* Apollo Palatinus. Ein Kultgründungsvorhaben des jungen Caesar Divi Filius // Schmitz C.; Bettenworth A. (hg.): Mensch — Heros — Gott. Weltentwürfe und Lebensmodelle im Mythos der Vormoderne. Stuttgart, 2009. S. 67–89.
- Baltrusch E.* Regimen morum: die Reglementierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserzeit. München, 1989.
- Baltrusch E.* Auf dem Weg zum Prinzipat: Die Entwicklung der republikanischen Herrschaftspolitik von Sulla bis Pompeius (88–62 v. Chr.) // Spielvogel J. (hg.) Res publica reperta. Stuttgart, 2002. S 245–262.
- Baltrusch E.* Caesar und Pompeius. Darmstadt, 2004; 2011³.
- Baltrusch E.* (Hg.). Caesar. Darmstadt, 2007.
- Baltrusch E.* Herodes. München, 2012.
- Bang M.* Die Freunde und Begleiter der Kaiser // Friedländer L. Sittengeschichte. Bd. IV. Leipzig, 1921. S. 56–76.
- Barchiesi A.* The poet and the prince. Ovid and Augustan discourse. Berkeley, CA, 1997.
- Barchiesi A.* Learned eyes: poets, viewers, image makers // Galinsky K. (ed.). The Cambridge companion... P. 281–305.
- Barker D.* “The golden age is proclaimed”? The carmen saeculare and the renaissance of the golden race // CQ. Vol. 46. 1996. P. 434–446.
- Barnes J., Griffin M.* (eds.). Philosophia Togata II: Plato and Aristotle at Rome. Oxf., 2007.
- Barrett A. A.* Claudius’ victory arch in Rome // Britannia. Vol. 22. 1991. P. 1–19.
- Barrett A. A.* Livia. First lady of imperial Rome. New Haven, 2002.
- Barton T.* Augustus and Capricorn: Astrological polyvalency and imperial rhetoric // JRS. Vol. 85. 1995. P. 33–51.
- Bauman R. A.* Tiberius and Murena // Historia. Bd. 15. 1966. P. 420 ff.
- Bauman R. A.* The crimen maiestatis in the Roman republic and Augustan principate. Johannesburg, 1967.
- Bauman R. A.* Impietas in principem. München, 1974.
- Bauman R. A.* The “leges iudiciorum publicorum” and their interpretation in the republic, principate and later empire // ANRW II. 13. 1980. 103–233;
- Bauman R. A.* Lawyers and politics in the early Roman empire: a study of relations between the Roman jurists and the emperors from Augustus to Hadrian. München, 1989.
- Bauman R. A.* Crime and punishment in ancient Rome. L., 1996.
- Bauman R. A.* Human rights in ancient Rome. L; N.Y.: Routledge, 2000; 2012².
- Bay A.* The letters SC on Augustan coinage // JRS. Vol. 62. 1972. P. 111–22.
- Beard M., North J., Price S.* Religions of Rome. 2 vols. Cambr., 1998–1999.
- Beard M., Crawford M.* Rome in the late republic: problems and interpretations. L., 1999².
- Beard M.* The Roman Triumph. Cambr., Mass., 2007.
- Beck H. etc.* (eds.). Consuls and res publica: holding high office in the Roman republic. Cambr. etc., 2011.
- Beer B.* Lukrez und Philodem. Poetische Argumentation und poetologischer Diskurs. Basel, 2009.

- Behrends O.* Prinzipat und Sklavenrecht. Zu den geistigen Grundlagen der augusteischen Verfassungsschöpfung // Rechtswissenschaft und Rechtsentwicklung. Bd. 11. 1980. S. 53–88.
- Bellen H.* Cicero und der Aufstieg Oktavians // Gymnasium. Bd. 92. 1985. S. 161–189 (= ids. Politik — Recht — Gesellschaft. S. 47–70).
- Bellen H.* Novus status — novae leges. Kaiser Augustus als Gesetzgeber // Binder G. (Hg.). Saeculum Augustum. Bd. I. Darmstadt, 1987. S. 308–348. (= ids. Politik — Recht — Gesellschaft. S. 183 ff.).
- Bellen H.* Antike Staatsräson // ders. Politik — Recht — Gesellschaft. S. 283–297.
- Bellen H.* Politik — Recht — Gesellschaft. Studien zur Alten Geschichte (hg. von L. Schumacher). Stuttgart, 1997.
- Bengtson H.* Die letzten Monate der Senats Herrschaft // ANRW I. 1. 1972. S. 967–981.
- Bengtson H.* Kaiser Augustus: sein Leben und seine Zeit. München, 1981.
- Bengtson H.* Marcus Antonius. Triumvir und Herrscher des Orients. München, 1977 (engl.: Mark Antony. Southern, 1998).
- Benner M.* The emperor says. Studies in the rhetorical style in edicts of the early empire. Göteborg, 1975.
- Bennet H.* Vergil and Pollio // AJPh. Vol. LI. 1930. P. 325–342.
- Benoist S.* (ed.). Rome, a city and its empire in perspective: the impact of the Roman world through Fergus Millar's research = Rome, une cité impériale en jeu. Leiden etc., 2012.
- Béranger J.* Recherches sur l'aspect idéologique de principat. Basel, 1953.
- Béranger J.* Principatus. Études de notions et d'histoire politiques dans l'antiquité gréco-romaine. Genève, 1973; 1975².
- Bernett M.* Der Kaiserkult in Judäa unter den Herodianern und Römern. Tübingen, 2007.
- Bernett M.* (Hg.). Christian Meier zur Diskussion: Autorenkolloquium am Zentrum für Interdisziplinäre Forschung der Universität Bielefeld. Stuttgart, 2008.
- Bernstein F.* Ludi publici. Untersuchungen zur Entstehung und Entwicklung der öffentlichen Spiele im republikanischen Rom. Stuttgart, 1998.
- Bernstein F.* Das Imperium Romanum — ein "Reich"? // Gymnasium. Bd. 117. 2010. S. 49–66.
- Bernstein F.* Der Anfang: das vermeintliche Kaisertum des Augustus // Leppin H. (Hg.) Kaisertum im ersten Jahrtausend. Regensburg, 2012. S. 17–54.
- Berve H.* Kaiser Augustus. Leipzig, 1934.
- Bianchi Bandinelli R.* Die römische Kunst. München, 1975.
- Binder G.* (Hg.). Saeculum Augustum, 3 Bde. (I: Herrschaft und Gesellschaft; II: Religion und Kultur; III: Kunst und Bildersprache). Darmstadt, 1987–1991³.
- Biondi B.* La legislazione di Augusto // Paribeni R. (ed.). Conferenze Augustee. Milano, 1939. P. 198–232.
- Blake M. E.* Ancient Roman construction in Italy from prehistoric period to Augustus. Washington, 1947 (repr.: 2006).

- Bleicken J.* Senatsgericht und Kaisergericht: eine Studie zur Entwicklung des Prozeßrechtes im frühen Prinzipat. Göttingen, 1962.
- Bleicken J.* Der politische Standpunkt Dios gegenüber der Monarchie: die Rede des Maecenas Buch 52.14–40 // *Hermes*. 1962. Bd. 90, 4. S. 444–467.
- Bleicken J.* Der Begriff der Freiheit in der letzten Phase der römischen Republik // *HZ*. Bd. 195. 1962. S. 1–20.
- Bleicken J.* Staatliche Ordnung und Freiheit in der römischen Republik. Kallmünz, 1972.
- Bleicken J.* *Lex publica*: Gesetz und Recht in der römischen Republik. Berlin–N. Y., 1975.
- Bleicken J.* Prinzipat und Dominat. Gedanken zur Periodisierung der römischen Kaiserzeit. Wiesbaden, 1978 = ders. *Gesammelte Schriften*. Bd. 2. 1998. S. 817–842.
- Bleicken J.* Geschichte der Römischen Republik. München, 1980; 2010⁶.
- Bleicken J.* Zwischen Republik und Prinzipat. Zum Charakter des zweiten Triumvirats. Göttingen, 1990.
- Bleicken J.* Prinzipat und Republik. Überlegungen zum Charakter des römischen Kaisertums. Stuttgart, 1991.
- Bleicken J.* Imperium consulare / proconsulare im Übergang von der Republik zum Prinzipat // ders. (Hg.) *Colloquium* aus Anlaß des 80. Geburtstages von Alfred Heuß, hg. von J. Bleicken. Kallmünz, 1993. S. 117–133 (= ders. *Gesammelte Schriften*. Bd. II. Stuttgart 1998. S. 705–721).
- Bleicken J.* Verfassungs- und Sozialgeschichte des Römischen Kaiserreiches. 2 Bde. Bd. 1. 1995⁴. Bd. 2, 1994³.
- Bleicken J.* Das römische Volkstribunat. Versuch einer Analyse seiner politischen Funktion in republikanischer Zeit // *Chiron*. Bd. 11. 1981. S. 87–108 (ND: // ders. *Gesammelte Schriften* I. Stuttgart, 1998. S. 484–505).
- Bleicken J.* Gedanken zum Untergang der römischen Republik // *Sitzungsberichte der Wissenschaftlichen Gesellschaft an der J. W. Goethe-Universität Frankfurt*. Bd. 33, Nr. 4. Stuttgart, 1995 = ders. *Gesammelte Schriften*. Bd. II. Stuttgart, 1998. S. 683–704.
- Bleicken J.* Die Verfassung der Römischen Republik. Grundlagen und Entwicklung. Paderborn, 19998 (ND: 2008).
- Bleicken J.* Augustus. Eine Biographie (1998). Mit einem Nachwort von Uwe Walter. Reinbek, 2010.
- Bleicken J.* *Gesammelte Schriften*. 2 Bde (hrsg. von Frank Goldmann). Stuttgart, 1998.
- Blumenthal F.* Die Autobiographie des Augustus // *WSt*. Bd. 35. 1913. S. 113–130; Bd. 36. 1914. S. 84–103.
- Boissier Gaston.* L'opposition sous les césars. P., 1875 (перевод: СПб., 1993).
- Boockmann H.* (Hg.). Geschichte und Gegenwart: Festschrift für K. D. Erdmann. Neumünster, 1980.
- Borbein A. H.* Die Ara Pacis Augustae. Geschichtliche Wirklichkeit und Programm // *Jb-DAl*. Bd. 90. 1975.

- Börm H., Havener W.* Octavians Rechtsstellung im Januar 27 v. Chr. und das Problem der "Übertragung" der res publica // *Historia*. Bd. 61, N. 2. 2012. S. 202–220.
- Boschung D.* Die Bildnisse des Augustus. Berlin, 1993.
- Bosworth A. B.* Asinius Pollio and Augustus // *Historia*. Bd. 21. 1972. 441–473.
- Bosworth A. B.* Augustus and Augustus: some pitfalls of historical fiction // *HSCPh*. 1982. Vol. 86. P.151–170.
- Botermann H.* Die Soldaten und die römische Politik in der Zeit von Caesars Tod bis zur Begründung des Zweiten Triumvirats. München, 1968 (1969).
- Bourne F. C.* The public works of the Julio-Claudians and Flavians. Princeton, 1946.
- Bowersock G. W.* Augustus and the Greek world. Oxf., 1965 (repr. Westport, Conn. 1981).
- Bowersock G. W.* Augustus and the East: the problem of the succession // *Millar F., Segal E. (eds.). Caesar Augustus: seven Aspects*. Oxf., 1984 (2002). P. 169–188 (= *Bowersock G. W. Studies on the eastern Roman empire*, 1994. P. 27 ff.).
- Bowersock G. W.* The pontificate of Augustus // *K. A. Raaflaub, M. Toher (eds.). Between....* P. 380–394.
- Bowman A. K.* Provincial administration and taxation // *CAH² X*. P. 344–370.
- Bracher K. D.* Verfall und Fortschritt im Denken der frühen römischen Kaiserzeit: Studien zum Zeitgefühl und Geschichtsbewußtsein des Jahrhunderts nach Augustus. Wien etc., 1948; 1987².
- Breckenridge J. D.* Roman Imperial Portraiture from Augustus to Gallienus // *ANRW II*. Bd. 12, 2. 1981. S 477–512.
- Bringmann K.* Das zweite Triumvirat // *Alte Geschichte und Wissenschaftsgeschichte. Festschrift zum 65 Geburtstag von K. Christ*. Darmstadt, 1998. S. 22–38.
- Bringmann K.* Imperium proconsulare und Mitregenschaft im frühen Prinzipat // *Chiron*. Bd. 7. 1977. S. 220–238 (= *Ausgewählte Schriften*. Frankfurt am Main. 2001. S. 263 ff.).
- Bringmann K.* *Ausgewählte Schriften* (hg. von J. Kobes u.a.). Frankfurt a. M., 2001.
- Bringmann K.* Von der res publica amissa zur res publica restituta. Zu zwei Schlagworten aus der Zeit zwischen Republik und Monarchie // *J. Spielvogel (Hrsg.), Res publica reperta. Zur Verfassung und Gesellschaft der römischen Republik und des frühen Prinzipats*. Stuttgart, 2002. S. 112–123.
- Bringmann K., Schäfer Th.* Augustus und die Begründung des römischen Kaisertums. Berlin, 2002.
- Bringmann K.* Die Bedeutung der Philosophie in Rom zur Zeit der späten Republik // *Piepenbrink K. (Hrsg.) Philosophie und Lebenswelt in der Antike*. Darmstadt, 2003. S. 149–161.
- Bringmann K.* Kaiser Augustus. Grenzen und Möglichkeiten einer Biographie // *Gymnasium*. Bd. 115. 2008. S. 169–183.
- Bringmann K.* Geschichte der römischen Republik: von den Anfängen bis Augustus. München, 2010².
- Bringmann K.* Cicero. Darmstadt, 2010.
- Bringmann K.* Augustus. Darmstadt, 2012².

- Brunt P.A.* Charges of provincial maladministration under the early principate // *Historia*. Bd. 10. 1961. P. 189 ff. (= *ids.* Roman imperial themes. Oxf., 1990. P. 53–95).
- Brunt P.A.* The lex Valeria Cornelia // *JRS*. Vol. 51. 1961. 71–84.
- Brunt P.A.* The army and the land in the Roman revolution // *JRS*. Vol. 52. 1962. P. 69–84.
- Brunt P.A.* Augustan imperialism // *JRS*. Vol. 53. 1963. 170–76 (= *id.* Roman imperial themes. P. 96–109).
- Brunt P.A.* The “fiscus” and its development // *JRS*. Vol. 56. 1966. 75–91.
- Brunt P.A.* Italian manpower, 225 B.C.–A.D. 14. Oxf., 1971.
- Brunt P.A.* Social conflicts in the Roman republic. L., 1971.
- Brunt P.A.* Stoicism and the principate // *PBSR*. Vol. 43. 1975. P. 7–35.
- Brunt P.A.* Lex de imperio Vespasiani // *JRS*. Vol. 67. 1977. 95–116.
- Brunt P.A.* Laus imperii // *Imperialism in the ancient world*. Cambr., 1978. P. 159–191.
- Brunt P.A.* “Augustus” e la “res publica” // Heuss A. etc. (eds.). *La rivoluzione romana*. Napoli, 1982. P. 238–244.
- Brunt P.A.* The role of the senate in the Augustan regime // *CQ*. 1984. 34, No. 2. 423–444.
- Brunt P.A.* The fall of the Roman republic and related essays. Oxf. etc., 1988 (repr. 2004).
- Brunt P.A.* Philosophy and religion in the late Republic // Griffin M. etc. (eds.) *Philosophia togata* (1989). Vol. I. P. 174–189.
- Brunt P.A.* Libertas in the republic // *id.* The fall of the Roman republic... P. 281–350.
- Brunt P.A.* Roman imperial themes. Oxf., 1990.
- Brunt P.A.* Roman imperial illusions // *id.* Roman imperial themes. P. 433–480.
- Bruun Ch.* Die Kaiser, die republikanischen Institutionen und die kaiserliche Verwaltung // Winterling A. *Zwischen Strukturgeschichte und Biographie*. München, 2011. S. 161–179.
- Buchheim H.* Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius. Ihre Voraussetzungen, Entwicklung und Zusammenhang mit den politischen Ereignissen in Italien. Heidelberg, 1960.
- Buchner E.* Die Sonnenuhr des Augustus. Mainz, 1982.
- Buchner E.* Horologium solarium Augusti // Heilmeyer W.-D. etc. (Hg.). *Kaiser Augustus und die verlorene Republik*. Berlin, 1988. S. 240–244.
- Büchner K.* Die beste Verfassung. Eine philologische Untersuchung zu den ersten drei Büchern von Ciceros Staat // *id.* Studien zur römischen Literatur. Bd. 2. Wiesbaden, 1962. S. 25–115.
- Büchner K.* Cicero: Bestand und Wandel seiner geistigen Welt. Heidelberg, 1964.
- Büchner K.* (Hg.). Das neue Cicerobild. Darmstadt, 1971.
- Burian J.* Die Errichtung des Prinzipats und der Tatenbericht des Augustus // *Klio*. Bd. 73. 1991. S. 420–431.
- Burnett A.* The authority to coin in the late republic and early principate // *NC*. Vol. 137. 1977. P. 37 ff.
- Burnett A., Walker S.* The image of Augustus. L., 1981.
- Burnett A.* The Augustan revolution seen from the mints of the provinces // *JRS*. Vol. 100. 2010. P. 1–30.

- Burton G. P.* The curator rei publicae. Towards a reappraisal // *Chiron*. Bd. 9. Berlin etc., 1979. S. 465–487.
- Cairns F.* (ed.) Caesar against liberty? Perspectives on his autocracy. Cambr., 2003.
- Callmer Ch.* Antike Bibliotheken // *Opuscula archaeologica*. Vol. 3. Lund, 1944. S. 145–193.
- Cancik H.* Carmen und sacrificium. Das Saecularlied des Horaz in den Saecularakten des Jahres 17 v. Chr. // R. Faber; B. Seidensticker (Hrsgg.). Werke, Bilder, Töne. Studien zur Antike und Antikenrezeption, 1996. S. 99–113.
- Cancik H., Hitzl K.* (Hg.), Die Praxis der Herrscherverehrung in Rom und seinen Provinzen. Tübingen, 2003.
- Canfora L.* Giulio Cesare: Il Dittatore Democratico. Roma-Bari: Laterza, 1999 (engl.: Julius Caesar: the People's Dictator. Edinburgh, 2007; dt.: Caesar. Der demokratische Diktator. Eine Biographie. München, 2001).
- Cardauns B.* (hg.) M. Terrentius Varro. Antiquitates rerum divinarum. 2 Bd. 1976.
- Cardauns B.* Varro und die römische Religion. Zur Theologie, Wirkungsgeschichte und Leistung der "Antiquitates rerum divinarum" // ANRW II. Bd. 16,1. 1978. S. 80–103.
- Cardauns B.* Marcus Terentius Varro: Einführung in sein Werk. Heidelberg, 2001.
- Carettoni G.* Die Bauten des Augustus auf dem Palatin // W.-D. Heilmeyer u.a. (Hg.). Kaiser Augustus und die verlorene Republik. Mainz, 1988. S. 265–267.
- Carettoni G.* Das Haus des Augustus auf dem Palatin. Mainz, 1983.
- Cartledge P.* The second thoughts of Augustus on the Res Publica in 28/7 B.C. // *Hermathena*. Vol. 119. 1975. P. 30–40.
- Castrioti D.* The Ara Pacis Augustae and the imagery of abundance in later Greek and early Roman imperial art. Princeton, N.J., 1995.
- Castritius H.* Das römische Kaisertum als Struktur und Prozeß // HZ. Bd. 230. 1980. 89–103.
- Castritius, Helmut.* Der römische Prinzipat als Republik. Husum, 1982. 120 S.
- Ceausescu P.* Das programmatische Edikt des Augustus (Suet. Aug. 28, 2) — eine missverstandene Stelle // RhM. N.F.124. 1981. S. 348–353.
- Cederna A.* Mussolini Urbanista. Venezia, 2006.
- Chamoux F.* Marcus Antonius — Der letzte Herrscher des griechischen Orients. Gernsbach, 1989 (Orig. franz.: 1986).
- Charlesworth M. P.* Providentia and aeternitas // HThR. 1936. Vol. 29. P. 107–132.
- Charlesworth M. P.* The virtues of the Roman emperor. Propaganda and the creation of belief // ProcBritAc. Vol. 23. 1937. P. 105 ff. (deutsch in: Kloft H. Ideologie und Herrschaft in der Antike. Darmstadt, 1979).
- Chilver G. E. F.* Augustus and the Roman constitution 1939–50 // *Historia*. Bd. I (3). 1950. S. 408–435.
- Christ K.* Römische Geschichte und Wissenschaftsgeschichte. 3 Bde. Darmstadt, 1982–1983.
- Christ K.* "...die schwere Ungerechtigkeit gegen Augustus". Augustus, Mommsen und Wilamowitz // E. Gabba (Hrsg.). Tria Corda. Scritti in onore die Arnaldo Momigliano. Como, 1983. S. 89–100 (= Christ K. /ed./ Von Caesar zu Konstantin. S. 215–225).

- Christ K.* Mommsens Kaisergeschichte // *ids.* Von Caesar zu Konstantin. Beiträge zur römischen Geschichte und ihrer Rezeption. München, 1996. S. 178–214.
- Christ K.* Von Caesar zu Konstantin. Beiträge zur römischen Geschichte und ihrer Rezeption. München, 1996.
- Christ K.* Reichsgedanke und Imperium Romanum in der nationalsozialistischen Ära // *ders.* Von Caesar zu Konstantin. Beiträge zur römischen Geschichte und ihrer Rezeption. München, 1996.
- Christ K.* Sulla. Eine römische Karriere. München, 2002.
- Christ K.* Pompeius. Der Feldherr Roms, eine Biographie. München, 2004.
- Christ K.* Krise und Untergang der römischen Republik. Darmstadt, 2008⁶.
- Christ K.* Geschichte der römischen Kaiserzeit: von Augustus bis zu Konstantin. München, 2009⁶.
- Christ K.* Die Römische Kaiserzeit. Von Augustus bis Diokletian. München, 2011⁴.
- Christes J.* Sklaven und Freigelassene als Grammatiker und Philologen in Rom. Wiesbaden, 1979.
- Claridge A.* Rome. An Oxford archaeological guide. Oxf., 2010².
- Claridge A.* (ed.). A companion to the city of Rome. Oxf., 2013.
- Clark G., Rajak T.* (eds.). Philosophy and power in the Graeco-Roman world: essays in honour of Miriam Griffin. Oxf., 2002.
- Clark M. D. H.* Augustus, first Roman emperor: power, propaganda and the politics of survival. Exeter, 2010.
- Clauss M.* Kleopatra. München, 2010⁴.
- Clauss M.* Kaiser und Gott. Herrscherkult im römischen Reich. Stuttgart, 1999.
- Coarelli F.* Rom. Der archäologische Führer. Mainz, 2000; Darmstadt, 2013 (сокр.).
- Cole, Spencer.* Cicero and the rise of deification at Rome. Cambr., 2013.
- Conlin D. A.* The artists of the Ara Pacis: the Process of hellenization in Roman relief sculpture. Chapel Hill etc., 1997.
- Cooley M. G. L.* (ed.). The age of Augustus. L., 2003; 2008².
- Cosme P.* Auguste. P., 2005.
- Cotter U.* Der Diktator ist tot. Politik zwischen den Iden des März und der Begründung des Zweiten Triumvirats. Stuttgart, 1996.
- Cotton H. M., Jakobson A.* Arcanum imperii: the powers of Augustus // *Clark G., Rajak T.* (eds.). Philosophy and power in the Graeco-Roman world. Essays in honour of Miriam Griffin. Oxf., 2002.
- Coulston J., Dodge H.* (hrsg.). Ancient Rome: The archaeology of the eternal city. Oxf., 2000 (repr: 2005).
- Cramer F. H.* Bookburning and censorship in ancient Rome // *Journal of the History of Ideas.* Vol. 6, no.2. April 1945. P. 157–196.
- Crawford M. H.* Greek intellectuals and the Roman aristocracy in the first century B.C. // *P. Garnsey, C. R. Whittaker* (eds.). Imperialism in the ancient world. Cambr., 1979. P. 193–207.

- Crawford M. H.* Roman republican coinage. 2 vols. Cambr., 1974.
- Crook J. A.* Consilium principis: imperial councils and counsellors from Augustus to Diocletian. Cambr., 1955.
- Crook J. A.* Political history, 30 B.C. to A.D. 14 // CAH² X. P. 70–112.
- Crook J. A.* Augustus: power, authority, achievement // CAH² X. P. 113–146.
- Csillag P.* The Augustan laws on family relations. Budapest, 1976.
- Dahlheim W.* Die Funktion der Stadt im römischen Herrschaftsverband // Vittinghoff F. (Hrsg.). Stadt und Herrschaft. Römische Kaiserzeit und Hohes Mittelalter. München, 1982. S. 13–74.
- Dahlheim W.* Geschichte der römischer Kaiserzeit. München, 2003³.
- Dahlheim W.* Julius Caesar: die Ehre des Kriegers und die Not des Staates. Paderborn etc., 2005.
- Dahlheim W.* Augustus: Aufrührer, Herrscher, Heiland. München, 2010; 2013.
- Dahlheim W.* Die Herrschaft des Augustus und die Geburt Jesu. Das augusteische Imperium im Spiegel der christlichen Überlieferung // Horster M., Schuller F. (Hgg.) Augustus. Herrscher an der Zeitenwende. Regensburg, 2014. S. 132–143.
- Dahlmann H. M.* Terentius Varo (Nr. 84) // RE Suppl. Bd. 6. Sp. 1172–1277.
- Dalla Rosa A.* Cura et tutela: le origini del potere imperiale sulle province proconsolari. Stuttgart, 2014.
- Daly L. J.* The report of Varro Murena's death (Dio 54. 3. 5). Its mistranslation and his assassination // Klio. Bd. 65. 1983. P. 245–161.
- Daly L. J.* Augustus and the murder of Varro Murena (cos. 23 B.C.) // Klio. Bd. 66. 1984. P. 157–169.
- Davies P. J. E.* Death and the emperor: Roman imperial funerary monuments from Augustus to Marcus Aurelius. Cambr., 2000 (2004).
- Davis P. J.* Ovid and Augustus: a political reading of Ovid's erotic poems. L., 2006.
- de Angelis F. de* (ed.) Spaces of justice. Leiden; Boston, 2010.
- de Angelis F., Dickmann J.-A., Pirson F., Hoff R. von.* (eds.). Kunst von unten? Stil und Gesellschaft in der antiken Welt von der "arte plebea" bis heute. Wiesbaden, 2012.
- De Martino F.* Una rivoluzione mancata? // Labeo. T. 26. 1980. P. 90–103.
- De Martino F.* Storia della costituzione Romana. T. I–VI. Napoli, 1958–1990.
- de Visscher F.* Die rechtliche Stellung Octavians im Jahre 32 v. Chr. // Schmitthenner W. (Hg.). Augustus. 1969. S. 199–229.
- Deininger J.* Die Provinziallandtage der römischen Kaiserzeit: Von Augustus bis zum Ende des 3. Jahrhunderts n. Chr. München; Berlin, 1965.
- Deininger J.* Von der Republik zur Monarchie: Die Ursprünge der Herrschertitulatur des Prinzipats // ANRW I. Bd.1. 1972. S. 982–997.
- Deininger J.* Zur Kontroverse über die Lebensfähigkeit der Republik in Rom // Kneissel P., Losemann V. (Hrsg.). Imperium Romanum. Studien zu Geschichte und Rezeption. Festschrift für Karl Christ. Stuttgart, 1998. S. 123–136.
- Demandt A.* Antike Staatsformen. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt. Berlin, 1995.

- Demandt A.* Der Idealstaat: die politischen Theorien der Antike. Köln etc., 2000³.
- Dement'eva V.V.* Die römische "Meritokratie" und die Entwicklung politischer Untersuchungen zur modernen Theoriebildung und Historiographie // Dement'eva V., Schmidt T. (Hrsg.) Volk und Demokratie im Altertum. Bd. I. Göttingen, 2010. S. 107–141.
- Dennison M.* Empress of Rome: the life of Livia. L., 2010.
- Dessau H.* Livius und Augustus // Hermes. Bd. 41. 1906. S. 142–51 (= Schmitthenner W. (Hg.). Augustus. Darmstadt, 1969. S. 1–11).
- Dettenhofer M. H.* 1992. Perdita iuventus: zwischen den Generationen von Caesar und Augustus. München, 1992.
- Dettenhofer M. H.* Herrschaft und Widerstand im augusteischen Prinzipat. Die Konkurrenz zwischen res publica und domus Augusta. Stuttgart, 2000 (2002).
- Diehl H.* Sulla und seine Zeit im Urteil Ciceros. Hildesheim etc., 1988.
- Dierse U.* Verfassungsformen // NP. Bd. 15, 3. 2003. Sp. 982–992.
- Dihle, Albrecht.* Die griechische und lateinische Literatur der Kaiserzeit. München, 1989.
- Dixon S.* Roman mother. L., 1988.
- Dobesch G.* Nikolaos von Damaskos und die Selbstbiographie des Augustus // Grazer Beiträge. Bd. 7. 1978. S. 91–174 (= id. Ausgewählte Schriften. Band I. Köln etc., 2001. S. 205–273).
- Dobesch G.* Zu Caesars Sitzenbleiben vor dem Senat und zu der Quelle des Cassius Dio // Tyche. Bd. 3. 1988. S. 39–102 (= ids. Ausgewählte Schriften. Bd. I. Köln etc., 2001. S. 275–361).
- Doblhofer E.* Horaz und Augustus // ANRW II. Bd. 31, 3. 1981. S. 1922–1986.
- Doblhofer E.* Horaz und Maecenas // ANRW II. Bd. 31, 3. 1981. S. 1987–2029.
- Domaszewski A.* Die philosophische Grundlage des augusteischen Prinzipats // Karo G.; Salin E. (hg.) Bilder und Studien aus drei Jahrtausenden. E. Gothein zum 70. Geburtstag. München etc., 1923. S. 61–71.
- Donderer M.* Zur Datierung des Augustus-Mausoleums // Öjh. Bd. 78. 2009. S. 69–77.
- Donié P.* Untersuchungen zum Caesarbild in der römischen Kaiserzeit. Hamburg, 1996.
- Döpp S.* Werke Ovids. Eine Einführung. München, 1992.
- Dorey T. A. L.* (ed.) Livy. L., 1971.
- Dortmund A.* Römisches Buchwesen um die Zeitenwende. War T. Pomponius Atticus (110–32 v. Chr.) Verleger? Wiesbaden, 2001.
- Dowling M. B.* Clemency and cruelty in the Roman world. Ann Arbor, Mich., 2006.
- Drew-Bear T., Scheid J.* La copie des Res Gestae d'Antioche de Pisidie // ZPE. Bd. 154. 2005. P. 217–260.
- Drexler H.* Politische Grundbegriffe der Römer. Darmstadt, 1988.
- Drexler H.* Tacitus. Grundzüge einer politischen Pathologie. Frankfurt a. M. 1939 (ND: Darmstadt, 1970², korr.).
- Dreyer B.* Polybios. Leben und Werk im Banne Roms. Hildesheim, 2011.
- Drinkwater J.* The principate: lifebelt or millstone round the neck of the empire? // Hekster O. etc. (eds.). Crises and the Roman empire. Amsterdam etc., 2007. P. 67–74.

- DuQuesnay J. M. Le M. Horace and Maecenas: the propaganda value of Sermones I* // Woodman A.; West D. Poetry and politics in the age of Augustus. Cambr., 1984. P. 19–58.
- Earl D. C. The age of Augustus.* L., 1968.
- Eck W. Die staatliche Organisation Italiens in der hohen Kaiserzeit.* München, 1979.
- Eck W. Augustus' administrative Reformen: Pragmatismus oder systematische Plänen?* // AClass. Vol. 29. 1986. P. 105–120 (= ders. Die Verwaltung... Bd. 1. 1995. P. 83–102).
- Eck W. Die Verwaltung des römischen Reiches in der hohen Kaiserzeit.* 2 Bd. Basel; Berlin, 1995, 1998.
- Eck W. Provinz — Ihre Definition unter politisch-administrativem Aspekt* // Hesberg H. von (Hrsg.). Was ist eigentlich Provinz? Zur Beschreibung eines Bewußtseins. Köln, 1995 (= W. Eck. Die Verwaltung... Bd. II. 1998. S. 167–185).
- Eck W., Caballos A., Fernandes F. etc. Das S. C. de Cn. Pisone patre.* München, 1996 (esp. : El senadoconsulto de Gneo Pisón padre. Séville, 1996).
- Eck W. Augustus und seine Zeit* (1998). München, 2009⁵. (engl.: The age of Augustus. Oxf., 2003; 2007²; Hoboken, 2012 (online-ressource)).
- Eck W. (Hg.). Lokale Autonomie und römische Ordnungsmacht in den kaiserzeitlichen Provinzen vom 1. bis 3. Jahrhundert.* München, 1999.
- Eck W. Bürokratie und Politik in der römischen Kaiserzeit.* E-Book. Wiesbaden, 2012.
- Eck W. Herrschaft durch Administration? Die Veränderung in der administrativen Organisation des Imperium Romanum unter Augustus* // Rivière Y. (Hrsg.). Des réformes augustéennes. Rom, 2012.
- Eck W. Die Gestaltung der Welt: Augustus und die Anfänge des römischen.* Köln, 2014.
- Eck W. Divus Augustus. Das Fortwirken seiner Politik im Imperium Romanum* // Horster M., Schuller F. (Hg.). Augustus. Herrscher an der Zeitenwende. Regensburg, 2014. S. 170–185.
- Eder W. Augustus and the power of tradition* // Raaflaub K. A., Toher M. (eds.). Between... P. 71–122 (cf. ids. in: Galinsky K. (ed.). The Cambridge companion to the age of Augustus. Cambr., Mass.; N. Y., 2005. P. 13–32).
- Edmondson J. C. (ed.). Augustus.* Edinburgh, 2009.
- Edwards C., Woolf G. (eds.). Rome the cosmopolis.* Cambr., 2003.
- Edwards R. "Divus Augustus Pater": Tiberius and the charisma of Augustus.* Ann Arbor, 2006.
- Ehlers W. Triumphus* (Nr. 1) // RE. Bd. 7a. Sp. 493–511.
- Eich A. Politische Literatur in der römischen Gesellschaft: Studien zum Verhältnis von politischer und literarischer Öffentlichkeit in der späten Republik und frühen Kaiserzeit.* Köln etc., 2000.
- Eich A. Die Idealtypen "Propaganda" und "Representation" als heuristische Mittel bei der Bestimmung gesellschaftlicher Konvergenzen und Divergenzen von moderne und römischer Keiserzeit* // Weber G., Zimmermann M. (hg.) Propaganda — Selbstdarstellung — Representation im römischen Kaiserreich des 1. Jhs. n. Chr. Stuttgart, 2003. S. 41–84.

- Engels D.* Prodigies and religious propaganda: Seleucus and Augustus // *Studies in latin literature and Roman history*. Vol. 15. 2010. S. 153–177.
- Erenz, Benedikt.* (Hrsg.). Roms erster Kaiser — Augustus: Tyrann oder Lichtgestalt? Wie Augustus die antike Welt veränderte und warum er uns bis heute fasziniert. Hamburg, 2014 (= *Die Zeit. Zeitgeschichte*. 2014. Heft 2).
- Erkekk H.* Augustus, Felicitas, Fortuna. Lateinische Wortstudien. Göteborg, 1952.
- Erlar M., Flashar H.* (Hrsg.). Die hellenistische Philosophie. 2 Bd. Basel, 1994.
- Erskine, Andrew.* The hellenistic Stoa: political thought and action. L.; Bristol, 2011².
- Essler H.* Glückselig und unsterblich: epikureische Theologie bei Cicero und Philodem. Basel, 2011.
- Everitt A.* Cicero: the life and times of Rome's greatest politician. N. Y., 2001.
- Everitt A.* The first emperor: Caesar Augustus and the triumph of Rome. L., 2006 (2007).
- Ewald B. C., Norena C. F.* The emperor and Rome: space, representation, and ritual. New Haven, Conn., 2011.
- Fadinger V.* Die Begründung des Prinzipats. Quellenkritische und staatsrechtliche Untersuchungen zu Cassius Dio und der Parallel Überlieferung. Bonn; Berlin etc., 1969.
- Fantham E.* Julia Augusti: the emperor's daughter. N. Y., 2006.
- Favro D. G.* The iconCITY of ancient Rome. Cambr., 2006.
- Favro D. G.* The urban image of Augustan Rome. Cambr., 1996; 1998.
- Fears J. R.* Princeps a diis electus: the divine election of the emperor as a political concept at Rome. Rome, 1977.
- Fears J. R.* The cult of Jupiter and Roman imperial ideology // *ANRW II*. Bd. 17,1. 1981. S. 3–141; indices: *ibid.* Bd. 17, 2. S. 1201–1255.
- Fears J. R.* The cult of virtues and Roman imperial ideology // *ANRW II*. Bd.17, 2. 1981. S. 827–948.
- Feeney D. C.* “Si licet et fas est”: Ovid's Fasti and the problem of free speech under the Principate // Powell A. (ed.). Roman poetry and propaganda in the age of Augustus, L. etc., 1992. P. 1–25.
- Feeney D. C.* Caesar's calendar: ancient time and the beginnings of history. Berkeley, CA etc, 2007.
- Fehrle, Rudolf.* Cato Uticensis. Darmstadt, 1983.
- Ferguson J.* Epikureanism under the Roman Empire // *ANRW II*. Bd. 36,4. 1990. P. 2257–2327.
- Ferrary J.-L.* ‘A propos des pouvoirs d'Auguste // *CCG 12*. 2001. P. 101–154 (= engl.: The powers of Augustus // Edmondson J. (ed.). Augustus. 2009. P. 90–136).
- Ferrary J.-L.* Res publica restituta et les pouvoirs d'Auguste // *Fondements et crises du pouvoir*. Éd. par d'Esperey S. F. etc. Bordeaux, 2003. P. 419–428.
- Ferrero G.* Größe und Niedergang Roms. 6 Bde. Stuttgart, 1912–1914 (orig.: *Grandezza e decadenza di Roma* 5 vol. Milano, 1901–1907). Bd. 5. Der neue Freistaat des Augustus. (1909) 1913².
- Field J. A. Jr.* The purpose of the lex Iulia et Papia Poppea // *CJ*. Vol. 40, N. 7. 1945. P. 398–416.

- Finer S. E.* Ancient monarchies and empires. (id. The history of government from the earliest times. Vol. 1). Oxf. etc., 1997 (repr.: 1999, 2003).
- Fishwick D.* The development of provincial ruler worship in the western Roman empire // ANRW II. Bd. 16,2. 1978. P. 1201–1253.
- Fishwick D.* The imperial cult in the latin west. Studies in the ruler cult of the western provinces of the Roman empire. 4 vols. (13 parts). Leiden; N.Y., 1987–2005.
- Fittschen, Klaus.* Die Bildnisse des Augustus // Binder G. (Hg.). Saeculum Augustum. Bd. 3. 1991. S. 149–203.
- Fitzter K., Seek O.* Iulius 132 Augustus // RE. Hb. 19. Stuttgart, 1918. Sp. 275–381.
- Flach D.* Die sogenannte Laudatio Turiae. Einleitung, Text, Übersetzung und Kommentar. Darmstadt, 1991.
- Flach D.* Römische Geschichtsschreibung. Darmstadt, 2013⁴.
- Flaig E.* Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich. Frankfurt a. M., 1992.
- Flaig E., Stein-Hölkeskamp E.* Politik in der späten römischen Republik. 6 Bde. Hagen, 1998–1999.
- Flaig E.* Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom. Göttingen, 2003; 2004².
- Flaig E.* Falsche Bescheidenheit. Die Cunctatio des Tiberius. Ein misslungener Rite de passage // Reinhardt W. (ed.). Krumme Touren. Anthropologie kommunikativer Umwege. Wien etc., 2007. S. 77–105.
- Flashar H., Ueberweg F.* (Hrsg.). Grundriss der Geschichte der Philosophie. Die Philosophie der Antike. 4 Bde. Basel, 1983–1898.
- Bd. IV. Erler, Michael. Hellenistische Philosophie. Hb. 1–2. 1994.
- Flower H. I.* The tradition of the spolia opima: M. Claudius Marcellus and Augustus // Class. Ant. Vol. 19,1. 2000. P. 34–64.
- Flower H. I.* (ed.). The Cambridge companion to the Roman republic. Cambr. etc., 2004.
- Flower H. I.* The art of forgetting: disgrace & oblivion in Roman political culture. Chapel Hill, N.C. etc. 2006.
- Flower H. I.* Roman republics. Princeton etc., 2010.
- Ford B. B.* Tristia 2. Ovid's opposition to Augustus. Ann Arbor, 1977.
- Forte B.* Rome and the Romans as the Greeks saw them. Rome, 1972.
- Frank R. I.* Augustus legislation on marriage and children // CSCA. Vol. 8. 1975.
- Frank R. I.* Augustan elegy and catonism // ANRW II. Bd. 30,1. 1982. P. 559–579.
- Frauenholz E. von.* Imperator Octavianus Augustus in der Geschichte und Sage des Mittelalters // HJ. 1926. S. 86–122.
- Frei-Stolba R.* Untersuchungen zu den Wahlen in der römischen Kaiserzeit. Zürich, 1967.
- Frei-Stolba R.* Inoffizielle Kaisertitulaturen im I und II Jh. n. Chr. // MH. 26, 1969. S. 18–39.
- Freny D.* Caesar's calendar: ancient time and the beginning of historia. Berkeley, 2007.
- Freudenburg K.* Recusatio as political theatre: Horace's letter to Augustus // JRS. 2014. P. 1–28.

- Freyberger K. S.* Das Forum Romanum: Spiegel der Stadtgeschichte des antiken Rom. Mainz, 2009.
- Freyberger K. S.* Sakrale Kommunikationsräume auf dem Forum Romanum // Mundt F. (Hrsg.). Kommunikationsräume im kaiserzeitlichen Rom. Berlin, 2012. S. 49 ff.
- Freyberger K. S.* Die Forma Urbis Romae: Funktion und Bedeutung // D. Boschung, T. Greub und J. Hammerstaedt (Hrsg.). Geographische Kenntnisse und ihre Ausformungen. Paderborn, 2013. S. 169–191.
- Fried J.* Imperium Romanum — Das römische Reich und der mittelalterliche Reichsgedanke // Stein-Hölkeskamp E. etc. (hrsgg.). Erinnerungsorte der Antike. München, 2006. S. 156–184.
- Friedl R.* Der Konkubinat im kaiserzeitlichen Rom. Stuttgart, 1996.
- Friedländer L.* Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von Augustus bis zum Ausgang der Antonine. 4 Bde. Hg. von G. Wissowa. Leipzig, 1921–1923¹⁰ (ND 1979).
- Frisch P.* Zu den Elogien des Augustusforums // ZPE. Bd. 39. 1980. S. 91–98.
- Fritz K. von.* The theory of the mixed constitution in antiquity: a critical analysis of Polybius' political ideas. N. Y., 1954 (русский пер.: Фриц К. Теория смешанной конституции в античности... СПб., 2007).
- Frost B. P.* An interpretation of Plutarch's Cato the Younger // History of political thought. Vol. 18, 1. 1997. P. 2–23.
- Fuchs W.* Die Bildgeschichte der Flucht des Aeneas // ANRW I. Bd. 4 Tafeln. 1973. S. 47–58.
- Fuhrmann M.* Die Alleinherrschaft und das Problem der Gerechtigkeit (Seneca: De clementia) // Gymnasium. Bd. 70. 1963. S. 481–514.
- Fuhrmann M.* Cicero und die römische Republik: eine Biographie. München etc., 1997⁴ (engl.: Cicero and the Roman republic. Oxf., 1992).
- Fuhrmann M.* Erneuerung als Wiederherstellung des Alten. Zur Funktion antiquarischer Forschung im spätrepublikanischen Rom // Herzog R.; Koselleck R. (Hgg.). Epochen-schwelle und Epochenbewußtsein. München, 1987. S. 131–151.
- Fullerton M. D.* The domus Augusti in imperial iconography of 13–12 B.C. // AJA. Vol. 89. 1985. P. 473–483.
- Fündling J.* Sulla. Darmstadt, 2010.
- Fündling J.* Das Goldene Zeitalter: wie Augustus Rom neu erfand. Darmstadt, 2013.
- Furley D. J.* (Hg.). From Aristotle to Augustine. Routledge history of philosophy. Vol. 2. L., 1999.
- Gabba E.* Appiano e la storia delle guerre civili. Florence, 1956.
- Gabba E.* I municipi e l'Italia augustea // id. Italia Romana. Como, 1994. P. 133–143.
- Gabba K.* The historians and Augustus // Millar F., Segal E. (eds.). Caesar Augustus. P. 61–88.
- Gale M. R.* (Hg.): Lucretius. Oxf., 2007.
- Galinsky K.* Augustan legislation on morals and marriage // Philologus. Bd. 125. 1981. P. 126–144.

- Galinsky K.* Augustan culture. An Interpretive Introduction, Princeton, NJ, 1996.
- Galinsky K.* (ed.) The Cambridge companion to the age of Augustus. Cambr., 2005.
- Galinsky K.* The cult of the Roman emperor: uniter or divider? // J. Brodd and J. Reed (eds.). Rome and religion: a cross-disciplinary dialogue on the imperial cult. Atlanta, 2011. P. 11–21.
- Galinsky K.* Augustus: Introduction to the life of an emperor. Cambr., 2012 (deutsch: id. Augustus: Sein Leben als Kaiser. Darmstadt, 2013).
- Galinsky K.* (ed.) Memoria Romana. Memory in Rome and Rome in memory. Ann Arbor, Mich., 2014.
- Gall D.* Die Literatur in der Zeit des Augustus. Darmstadt, 2006, 2013².
- Gallia A. B.* Remembering the Roman republic: culture, politics and history under the Principate. N. Y.; Cambr., 2012.
- Galsterer H.* A man, a book, and a method: Sir Ronald Syme's Roman Revolution after fifty years // Raaflaub K., Toher M. (eds.). Between.... P. 1–20.
- Ganzert J.* Der Mars-Ulter-Tempel auf dem Augustusforum in Rom. Mainz, 1996.
- Ganzert J.* Im Allerheiligsten des Augustusforums: Fokus "Oikoumenischer Akkulturation". Mainz, 2000.
- Gardthausen V. E.* Augustus und seine Zeit. 3 Teile in 6 Bde. Leipzig, 1891–1904 (ND mit bibl. Nachträge. Aalen, 1964; 2008).
- Gäth St.* Die literarische Rezeption des Cato Uticensis: in Ausschnitten von der Antike bis zur Neuzeit. Frankfurt a. M., 2011.
- Geiger J.* The first hall of fame. A study of the statues in the forum Augustum. Leiden; Boston, 2008.
- Gelzer M.* Die Nobilität der römischen Republik. Leipzig; Berlin, 1912² (ND: Stuttgart, 1983 (= ders. Kleine Schriften. Bd. I. Wiesbaden, 1962. S. 17–135).
- Gelzer M.* Kleine Schriften. 3 Bd. Wiesbaden, 1962–1964.
- Gelzer M.* Cato Uticensis // ders.: Kleine Schriften. Bd. 2. Wiesbaden, 1963 (zuerst 1934). S. 257–285.
- Gelzer M.* Caesar: der Politiker und Staatsmann. Stuttgart, 1983 (ND: 2008).
- Gelzer M.* Pompeius. Lebensbild eines Römers. Stuttgart, 1984 (ND: 2005).
- Gibson A. G. G.* (ed.). The Julio-Claudian succession: reality and perception of the "Augustan model". Leiden; Boston, 2013.
- Giebel M.* Maecenas: Freund und Förderer der Talente in Rom, Patron der Stifter. Fürstenfeldbruck, 2000.
- Giebel M.* Augustus. Mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Reinbeck bei Hamburg, 1984 (2006⁸).
- Gigante M.* La bibliothèque de Philodème et l'épicurisme roman. P., 1987 (ital.: Filodemo in Italia. Firenze, 1990; engl.: Philodemus in Italy: the books from Herculaneum. Ann Arbor, Mich., 1995; 2002).
- Gilliam O. K.* The memoirs of Augustus. N. Y., 1965.

- Giovannini A.* Die Rechtsschprechung im alten Rom: Rechtsstaat oder magistratische Willkür // Girardet, Klaus Martin (Hg.). Menschenrechte und europäische Identität — die antiken Grundlagen. Stuttgart, 2005. S. 49–61.
- Giovannini A.* (ed.). La Révolution Romaine après Ronald Syme. Bilans et perspectives... Genève, 2000.
- Girardet K. M.* Die Ordnung der Welt: ein Beitrag zur philosophischen und politischen Interpretation von Ciceros Schrift de legibus. Wiesbaden, 1983.
- Girardet K. M.* Die Entmachtung des Konsulates im Übergang von der Republik zur Monarchie und die Rechtsgrundlage des Augusteischen Prinzipats // Görler W.; Koster S. (Hg.). Pratum Saraviense. Festschrift P. Steinmetz. Stuttgart, 1990. S. 89–126. (= ids. Rom auf dem Weg... 2007. S. 385–424)
- Girardet K. M.* Der Rechtsstatus Octavians im Jahre 32 v. Chr. // RM. Bd. 133. 1990. S. 322–350 (= ids. Rom auf dem Weg... 2007. S. 333–362).
- Girardet K. M.* Politische Verantwortung im Ernstfall. Cicero, die Diktatur und der Diktator Caesar // Mueller-Goldingen Chr.; Sier K. (Hg.) Lenaika: Festschrift für C.W. Müller. Stuttgart-Leipzig, 1996. S. 217–251 (= ids. Rom auf dem Weg... 2007. S. 199–234).
- Girardet K. M.* “Imperium maius”: Politische und verfassungsrechtliche Aspekte. Versuch einer Klärung // La revolution romaine après Ronald Syme. Bilans et perspectives... Hg. von A. Giovannini. Genève, 2000. S. 167—228, 228–236 (“Discussion”) (= ids. Rom auf dem Weg... 2007. S. 461–514, 515–521).
- Girardet K. M.* Das Edikt des Imperator Caesar in Suetonius Augustus vita 28.2: politisches Programme und Publikationszeit // ZPE. Bd. 131. 2000. S. 231–43 (= ids. Rom auf dem Weg... 2007. S. 363–384).
- Girardet K. M.* Rom auf dem Weg von der Republik zum Prinzipat. Bonn, 2007.
- Girardet K. M.* Roms Verfassungstradition und die Rechtsgrundlagen des augusteischen Prinzipats // Horster M.; Schuller F. (hg.) Augustus. Herrscher an der Zeitenwende. Regensburg, 2014. S. 56–77.
- Goar R. J.* The legend of Cato Uticensis from the first century B. C. to the fifth century A.D. Bruxelles, 1987.
- Gold B. K.* Literary patronage in Greece and Rome. Chapel Hill etc., 1987.
- Goldbeck F.* Salutationes. Die Morgenbegrüßung in Rom in der Republik und der frühen Kaiserzeit. Berlin, 2010.
- Goldsworthy A.* Augustus: first emperor of Rome. New Haven, Conn. etc., 2014. +.
- Gordon A. E.* Notes of the Res gestae of Augustus // CSCA. Vol. 1. 1968. S. 125–139.
- Gotter U.* Der Diktator ist tot! Politik in Rom zwischen den Iden des März und der Begründung des Zweiten Triumvirats. Stuttgart, 1996.
- Gotter U.* Monarchen ohne Monarchie. Augustus und die Geburt des “Prinzipats” // Puhle M., Köster G. (Hrsg.). Otto der Große und das Römische Reich. Kaisertum von der Antike zum Mittelalter. Regensburg; Dresden, 2012. P. 57–62.

- Gowing A. M. Lepidus, the proscriptions and the Laudatio Turiae // *Historia*. Bd. 41. 1992. P. 283–296.
- Gowing A. M. *Empire and memory: the representation of the Roman republic in imperial culture*. Cambr., 2003; 2005.
- Gradel I. *Emperor worship and Roman religion*. Oxf., 2002.
- Grandazzi A. *The foundation of Rome: myth and history*. Ithaca, 1997.
- Grant M. *The six main aes coinages of Augustus: controversial studies*. Edinburgh, 1953.
- Grant M. *Roman imperial money*. Edinburgh, 1954.
- Grant M. *From imperium to auctoritas. A historical study of aes coinage in the Roman empire. 49 B.C. – A.D. 14*. Oxf., 1969².
- Gray E. W. The imperium of M. Agrippa. A note on papyrus Colon. inv. nr. 4701 // *ZPE*. Vol. 6. 1970. S. 227–238.
- Grenade P. *Essai sur les origines du principat*. P., 1961.
- Griffin J. Augustan poetry and the life of luxury // *JRS*. Vol. 66. 1976. 87–105.
- Griffin J. Augustus and the poets: “Caesar qui cogere posset” // Millar F., Segal E. (eds.). *Caesar Augustus*. 1984. P. 189–218.
- Griffin M. T., Barnes J. (eds.). *Philosophia togata I: essays on philosophy and Roman society*. Oxf., 1989; 1996².
- Griffin M. T. *Philosophy, politics and politicians at Rome* // Griffin M.; Barnes J. (eds.). *Philosophia togata. I*. P. 1–37.
- Griffin M. T. *Seneca: a philosopher in politics*. Oxf., 1992².
- Griffin M. T. *Clementia after Caesar* // Cairns F.; Fantham E. (eds.). *Caesar against Liberty? Perspectives on his Autocracy (Papers of the Langford Latin Seminar. Vol. 11; ARCA 43)*. 2003. P. 157–182.
- Griffin M. T. *A companion to Julius Caesar*. Cambr. etc., 2009.
- Griffin M. T. Tacitus as a historian // Miriam T. Griffin (ed.) *The Cambridge companion to Tacitus*. Cambr., 2009. P. 168–183.
- Gronewald M. Ein neues Fragment der Laudatio Funebris des Augustus auf Agrippa // *ZPE*. Bd. 52. 1983. 61 ff.
- Gross W. H. Augustus als Vorbild // *ANRW II*. Bd. 12, 2. 1981. S. 599–611.
- Gruen E. S. *The last generation of the Roman republic*. Berkeley etc., 1974.
- Gruen E. S. *The hellenistic world and the coming of Rome*. 2 vols. Berkeley; Los Angeles, 1984.
- Gruen E. S. The imperial policy of Augustus // Raaflaub K., Toher M. (eds.). *Between...* P. 395–416.
- Gruen E. S. The expansion of the empire under Augustus // *CAH² X*. P. 147–197.
- Gruen E. S. Augustus and the making of the principate // Galinsky K. (ed.). *The Cambridge companion to the age of Augustus*. 2005. P. 33–51.
- Gruen E. S. *Cultural identity in the ancient Mediterranean*. Los Angeles, 2011.
- Gruen E. S. *Rethinking the other in antiquity*. Princeton, 2011.
- Guarino A. Gli aspetti giuridici del principato // *ANRW Bd. II*. 13. 1980. P. 3–60.

- Günther, Hans-Christian* (Hrsg.). Augustus und Rom: 2000 Jahre danach. Akten des Symposions Augusto e Roma, 2000 Anni dopo Roma. 2014. Nordhausen, 2015.
- Haag S.* (Hrsg.) Väter Europas: Augustus und Karl der Große; eine Kabinettausstellung des Kunsthistorischen Museums, 27. Mai bis 21. September 2014. Wien, 2014.
- Haakonssen K.* "Republicanism" // A companion to contemporary political philosophy. 2 vols. R. E. Goodin and Ph. Pettit (eds.). Cambr., 2007². Vol. II. P. 729–735.
- Habicht Chr.* Die augusteische Zeit und das erste Jahrhundert nach Christi Geburt // Boer W. den (Hrsg.) Le culte des souverains dans l'empire Romain. Genf, 1973. S. 39–88.
- Habicht Chr.* Cicero der Politiker. München, 1990.
- Habinek Th., Schiesaro A.* (eds.). The Roman cultural revolution. Cambr., 1997.
- Habinek Th.* "Ovid and empire"? // The Cambridge companion to Ovid (eds. Philip Hardie etc.) Cambr., 2002.
- Hackl U.* Senat und Magistratur in Rom von der Mitte des 2. Jahrhunderts v. Chr. bis zur Diktatur Sullas. Kallmünz, 1982.
- Hadas, Moses.* Sextus Pompey. N.Y., 1930.
- Haensch R.* Capita provinciarum. Statthaltersitze und Provinzialverwaltung in der römischen Kaiserzeit. Mainz, 1997.
- Haensch R.* (Hg.). Herrschen und Verwalten: der Alltag der römischen Administration in der hohen Kaiserzeit. Köln, 2007.
- Haensch R.* (Hg.). Selbstdarstellung und Kommunikation : die Veröffentlichung staatlicher Urkunden auf Stein und Bronze in der römischen Welt. München, 2009.
- Hahm D. E.* Kings and constitutions: Hellenistic theories // Rowe C., Schofield M. (eds.). The Cambridge history... P. 457–476.
- Hahm D. E.* The mixed constitution in Greek thought // R. K. Balot (ed.). A companion to Greek and Roman political thought. Chichester, 2009. P. 178–198.
- Halfmann, Helmut.* Marcus Antonius. Darmstadt, 2011.
- Hall J. F.* The saeculum novum of Augustus and its etruscan antecedents // ANRW II. Bd. 16,3. 1986. S. 2564–2589.
- Haller B.* Augustus und seine Politik: Ausgewählte Bibliographie // ANRW II. Bd. 2. 1975. S. 55–74.
- Haller Bm. C.* Asinius Pollio als Politiker und zeitkritischer Historiker. Ein Beitrag zur Geschichte des Übergangs von der Republik zum Prinzipat in Rom (60 bis 30 v. Chr.). Münster, 1967.
- Haltenhoff A., Mutschler F.-H.* (Hgg.). Römische Werte und römische Literatur im frühen Prinzipat. Berlin etc., 2011.
- Hammond M.* The Augustan principate in theory and practice during the Julio-Claudian period (1933). Cambr., Mass.; N. Y., 1968².
- Hammond M.* City-state and world-state in Greek and Roman political thought. Cambr., Mass., 1951.
- Hammond M.* The sincerity of Augustus // HSCP. Vol. 69. 1965. P. 139–62.

- Hanlein H., Schaefer H.* Veneratio Augusti: Eine Studie zu den Tempeln des ersten römischen Kaisers. Rome, 1985.
- Hannestad N.* Roman art and imperial policy. Aarhus, 1986.
- Hantos Th.* Res publica constituta. Die Verfassung des Dictators Sulla. Stuttgart, 1988.
- Harder R.* Die Einbürgerung der Philosophie in Rom // Die Antike. Bd. 5. 1929. S. 291–316 (= ders. Kleine Schriften, hg. von W. Marg. München 1960. S. 330–353 = Büchner K. (Hg.): Das neue Cicerobild. Darmstadt, 1971. S. 10–37).
- Hardie Ph. R.* Vergil's Aeneid: cosmos and imperium. Oxf., 1986.
- Hardie Ph. R.* (ed.). The Cambridge companion to Ovid. Cambr., 2002.
- Hardie Ph. R.* (ed.). Paradox and the marvellous in Augustan literature and culture. Oxf., 2009.
- Harries J.* Cicero and the jurists: from citizens' law to the lawful state. L., 2006.
- Harris W. V. etc.* (eds.). Aelius Aristides between Greece, Rome, and the gods. Leiden etc., 2008.
- Harris W. V.* Rome's imperial economy. Oxf., 2011.
- Harrison S. J.* Augustus, the poets, and the spolia opima // CQ. Vol. 39. 1989. P. 408–414.
- Haselberger L. etc.* (eds.). Mapping Augustan Rome. Portsmouth, R. I., 2002; 2008².
- Haselberger L., Abernathy D.* (eds.). Imaging ancient Rome: documentation, visualization, imagination. Portsmouth, R. I., 2006.
- Haselberger L.* "Urbem adornare": die Stadt Rom und ihre Gestaltumwandlung unter Augustus = Rome's urban metamorphosis under Augustus. Portsmouth, R. I., 2007.
- Haselberger L.* (ed.). The horologium of Augustus: debate and context. Portsmouth, RI, 2014.
- Hatscher C. R.* Charisma und res publica. Max Webers Herrschaftssoziologie und die römische Republik. Stuttgart, 2000.
- Hausmann U.* Zur Typologie und Ideologie des Augustus portrats // ANRW II. Bd. 12,2. 1981. S. 513–598.
- Haynes I.* Blood of the provinces: the Roman auxilia and the making of provincial society from Augustus to the Severans. Oxf., 2013.
- Heftner H.* Von den Gracchen bis Sulla. Die römische Republik am Scheideweg (133–78 v. Chr.). Regensburg, 2006.
- Heilmeyer W.-D. etc.* (Hrsg.): Kaiser Augustus und die verlorene Republik. Berlin, 1988.
- Heinlein Chr. E.* Kaiser und Kosmokrator: der Große Kameo von Frankreich als astrale Allegorie. Tübingen, 2004; 2011.
- Heinze R.* Auctoritas // Hermes. Bd. 60. 1925. S. 348–366 (= id. Vom Geist des Römertums. Ausgewählte Aufsätze, hg. von E. Burck. Darmstadt 1972⁴. S. 43–58).
- Heinze R.* Ciceros politische Anfänge (1909) // ids. Vom Geist des Römertums. 1960. S. 87–141.
- Heinze R.* Ciceros "Staat" als politische Tendenzschrift // Hermes. Bd. 59. 1924.
- Heinze R.* Vom Geist des Römertums. Hrsg. v. E. Burck. Leipzig etc., 1938³. Darmstadt, 1960³ (ND 1972).

- Heinze R.* Kaiser Augustus // *Hermes*. Bd. 65. 1930 (= ids. *Vom Geist des Romertums*. Darmstadt, 1960³. S. 163–171).
- Hekster O. J.* Hercules, Omphale, and Octavian's counter-propaganda // *BABesch*. Vol. 79. 2004. P. 158–166.
- Hekster O. J.* The constraints of tradition: depictions of Hercules in Augustus' reign // L. Ruscu et al. (eds.). *Orbis antiquus: studia in honorem I. Pisonis*. Cluj-Napoca, 2004. P. 235–241.
- Hekster O. J.* Captured in the gaze of power // Hekster O. J. and Fowler R. (eds.). *Imaginary kings: royal images in the ancient Near East, Greece and Rome*. Stuttgart, 2005. P. 157–176.
- Hekster O. J.; Rich J.* Octavian and the thunderbolt: the Temple of Apollo Palatinus and Roman traditions of temple building // *CQ*. Vol. 56. 2006. P. 149–168.
- Heldmann, K.* *Sine ira et studio. Das Subjektivitätsprinzip der römischen Geschichtsschreibung und das Selbstverständnis antiker Historiker*. München, 2011.
- Hellegouarc'h J.* *Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la république*. P., 1972².
- Hennig D. T.* Labienus und der erste Majestätsprozeß de famosus libellis // *Chiron*. Bd. 3. 1973. S. 245–254.
- Herbert-Brown G.* (ed.). *Ovid's fasti. Historical readings at its bimillennium*. Oxf., 2002.
- Herklotz F.* *Prinzeps und Pharaos: der Kult des Augustus in Ägypten*. Frankfurt a. M., 2007.
- Hermann Bengtson.* *Marcus Antonius. Triumvir und Herrscher des Orients*. München, 1977.
- Herrmann, Peter.* *Der römische Kaisereid. Untersuchungen zu seiner Herkunft und Entwicklung*. Göttingen, 1968.
- Herz P.* Kaiserfeste der Prinzipatszeit // *ANRW II*. Bd. 16,2. 1978. S. 1135–1200.
- Hesberg H. von.* Archäologische Denkmäler zum römischen Kaiserkult // *ANRW II*. Bd. 16, 2. 1978. S. 911–995.
- Hesberg H. von.* Die Veränderung des Erscheinungsbild der Stadt Rom unter Augustus // Heilmeyer (Hrsg.). *Kaiser Augustus...* 1988. S. 93–115.
- Hesberg H. von., Panciera S.* *Das Mausoleum des Augustus. Der Bau und seine Inschriften*. München, 1994.
- Hesberg H. von.* *Römische Baukunst*. München, 2005.
- Hesberg H. von., Eck W., Gronke M.* Die Stimme der Bauten: Schrift am Bau // *Kosmos der Zeichen* / hrsg. von D. Boschung, H. Hellenkemper. Köln, 2007. S.187–211.
- Heslin P. J.* Augustus, Domitian and the so-called horologium Augusti // *JRS*. Vol. 97. 2007. P. 1–20.
- Heslin P. J.* *The museum of Augustus: the temple of Apollo in Pompeii, the portico of Philippus in Rome, and latin poetry*. Los Angeles, 2015.
- Heuer K.-H.* *Comitas — facilitas — liberalitas. Studien zur gesellschaftlichen Kultur der ciceronischen Zeit*. Münster, 1941.
- Heuss A.* Der Untergang der römischen Republik und das Problem der Revolution // *HZ*. Bd.182. 1956. S. 1–28.

- Heuss A.* Theodor Mommsen und die revolutionäre Struktur des römischen Kaisertums // ANRW II. Bd. 1. 1974. S. 77–90.
- Heuss A.* Zeitgeschichte als Ideologie. Bemerkungen zu Komposition und Gedankenführung der Res Gestae Divi Augusti // E. Lefèvre (Hrsg.). Monumentum Chiloniense. Studien zur augusteischen Zeit. Amsterdam, 1975. S. 55–95 (= *Heuss A.* Gesammelte Schriften. Bd. II. Stuttgart, 1995. S. 1319–1359).
- Heuss A.* Ciceros Theorie vom römischen Staat. Göttingen, 1975 (1976).
- Heuss A.* Der Caesarismus und sein antikes Urbild // Hartmut Boockmann (Hg.): Geschichte und Gegenwart. Festschrift für K. D. Erdmann. Neumünster, 1980. S. 13–40.
- Heuss A. u.a.* (eds.) La rivoluzione romana. Editore Jovene s.p.a. Napoli, 1982.
- Heuss A.* Römische Geschichte. Braunschweig. 8. Aufl., hrsg., eingeleitet u. mit einem neuen Forschungsteil versehen von J. Bleicken, W. Dahlheim, H.-J. Gehrke. Paderborn, 2007¹⁰.
- Hirschfeld O.* Kleine Schriften. Berlin, 1913.
- Hochhuth R.* Julia oder der Weg zur Macht. Berlin, 1994; 2012³.
- Hodge A. T.* Roman aqueducts and water supply. L., 2002².
- Hoepfner W.* (Hrsg.). Antike Bibliotheken. Mainz, 2002.
- Hoff R.* von den. Kaiserbildnisse als Kaisergeschichte(n). Prolegomena zu einem medialen Konzept römischer Herrscherporträts // Winterling A. (Hg.). Zwischen Strukturgeschichte und Biographie... S. 15–44.
- Hoff R.* von den, *Stroh W.*, *Zimmermann M.* Divus Augustus: der erste römische Kaiser und seine Welt. München, 2014.
- Hoffmann A.* *Wulf U.* (Hrsg.). Die Kaiserpaläste auf dem Palatin in Rom. Das Zentrum der römischen Welt und seine Bauten. Mainz, 2004; 2006².
- Hoffmann F.*, *Minas-Nerpel M.*, *Pfeiffer St.* Die dreisprachige Stele des C. Cornelius Gallus. Berlin; N. Y., 2009.
- Hoffmann W.* Der Widerstreit von Tradition und Gegenwart im Tatenbericht des Augustus // Gymnasium. Bd. 76. 1969. S. 17–33 (= Binder G. (hg.) Saeculum... Bd. I. S. 92–110).
- Hohl E.* Das Selbstzeugnis des Augustus über seine Stellung im Staat // MH. Bd. 4. 1947. S. 101–115.
- Højte J. M.* Roman imperial statue bases: from Augustus to Commodus. Aarhus, 2005.
- Hölkeskamp K.-J.* Exempla und mos maiorum. Überlegungen zum kollektiven Gedächtnis der Nobilität // Gerke H.-J., Möller A. (Hrsg.). Vergangenheit und Lebenswelt. Soziale Kommunikation; Traditionsbildung und historisches Bewusstsein. Tübingen, 1996. S. 301–338.
- Hölkeskamp K.-J.*, *Stein E.* (Hrsg.). Von Romulus zu Augustus: große Gestalten der römischen Republik. München, 2000.
- Hölkeskamp K.-J.* Rekonstruktionen einer Republik: die politische Kultur des antiken Rom und die Forschung der letzten Jahrzehnte. München, 2004 (engl.: Reconstructing the Roman republic: an ancient political culture and modern research. Princeton, N.J., 2010).

- Hölkeskamp K.-J.* Senatvs Popvlvsqve Romanvs: die politische Kultur der Republik. Dimensionen und Deutungen. Stuttgart, 2004.
- Hölkeskamp K.-J.* (Hrsg.). Eine politische Kultur (in) der Krise? Die "letzte Generation" der römischen Republik. München, 2009.
- Hölkeskamp K.-J.* Die Entstehung der Nobilität: Studien zur sozialen und politischen Geschichte der Römischen Republik im 4. Jh. v. Chr. Stuttgart, 2011².
- Holladay A. J.* The election of magistrates in the early Principate // *Latomus*. Vol. 37. 1978. P. 872–893.
- Holland R.* Augustus: godfather of Europe. Stroud, 2005.
- Holliday P. J.* Time, history, and ritual on the ara pacis Augustae // *The art bulletin*. Vol. 72,4. 1990. S. 542–557.
- Holmes R. T.* The architect of the Roman empire. 2 vols. Oxf., 1928–1931.
- Hölscher T.* Augustus und die Macht der Archäologie // Giovannini A. (éd.) *La Révolution Romaine*. P. 237–273 (et la discussion p. 274–281).
- Hölscher T.* Römische Bildersprache als semantisches System. Heidelberg, 1987.
- Hölscher F., Hölscher T.* Römische Bilderwelten: von der Wirklichkeit und zurück. Heidelberg, 2007.
- Holzberg N.* Ovid. Dichter und Werk. München, 1997 (1998).
- Holzberg N., Stiewe K.* (Hrsg.). Polybios. Darmstadt, 1982.
- Hönn K.* Augustus im Wandel zweier Jahrtausende. Leipzig, 1938.
- Hopkins K., Burton G. P.* Political succession in the late Roman republic (249–50 B.C.) // Hopkins K. *Death and renewal*. Cambr. etc., 1983. P. 31–117.
- Horsfall N.* Some problems in the "Laudatio Turiae" // *BICS*. Vol. 30. 1983. P. 85–98.
- Horsfall N.* The culture of the Roman plebs. L., 2003.
- Horst C.* Zur politischen Funktion des Demokratiebegriffes in der Kaiserzeit. Eine Interpretation der Reden des Agrippa und Maecenas (Cassius Dio 52. 1–41) // Dement'eva V., Schmidt T. (Hgg.). *Volk und Demokratie im Altertum*. Bd. I. Göttingen, 2010. S. 189–208.
- Horster M., Schuller F.* (Hgg.) Augustus. Herrscher an der Zeitenwende. Regensburg, 2014.
- Hose M.* Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart, 1994.
- Hurlet F.* Les collègues du prince sous Auguste et Tibère: de la légalité républicaine à la légitimité dynastique. Rome, 1997.
- Hurlet F.* Le proconsul et le prince d'Augustus a Diocletien. Bordeaux, 2006. P. 184–201; 223–301.
- Hurlet F.* Une décennie de recherches sur Auguste. Bilan historiographique (1996–2006) // *Anabases*. T. 6. Toulouse, 2007. P. 187–218.
- Hurlet F.* (ed.). Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la Res publica restituta. Rennes, 2009.
- Hurlet F., Dalla Rosa A.* Un quindicennio di ricerche su Augusto. Un bilancio storiografico // *Studi classici e orientali*. T. 55. Pisa, 2009. P. 169–233.

- Hurlet F.* Augustus. Life and carrée // Gagarin M. (ed.). The Oxford encyclopedia of ancient Greece and Rome. 7 vols. Vol. 2. Oxf., 2010. P. 332–344.
- Hurlet F.* Auguste: les ambiguïtés du pouvoir. P., 2015.
- Huss W.* Augustus // Große Gestalten der Alten Welt. Frankfurt a. M. etc., 2005. S. 55–66.
- Huttner U.* Recusatio Imperii: Ein politisches Ritual zwischen Ethik und Taktik. Hildesheim etc., 2004.
- Huzar E.* Claudius — the Erudite Emperor // ANRW II. Bd. 32,1. 1984. S. 611–650.
- Ingrisch F.* Sullas “dictatura rei publicae constituendae” und Caesars “dictatura rei gerendae”: ein Vergleich. Berlin, 2007.
- Instinsky H. U.* Augustus und Adoption des Tiberius // Hermes. Bd. 94. 1966. S. 324–343.
- Instinsky H. U.* Consensus universorum // Hermes. Bd. 75. 1940. S. 265–178; (ND mit Nachträgen in: Oppermann H. (Hg.). Römische Wertbegriffe. Darmstadt, 1967, S. 209–228).
- Instinsky H. U.* Die Siegel des Kaisers Augustus. Ein Kapitel zur Geschichte und Symbolik des antiken Herrschersiegels. Baden-Baden, 1962.
- Itgenshorst T.* Augustus und der republikanische Triumph. Triumphalfasten und summi uiri — Galerie als Instrumente der imperialen Machtsicherung // Hermes. Bd. 132. 2004. S. 436–458.
- Jacobson D., Kokkinos N.* (eds.). Herod and Augustus: papers... Leiden; Boston (Mass.), 2009.
- Jacques F., Scheid J., Lepelley C.* Rome et l'intégration de l'Empire. T. I –II. P., 1996³–1998. Dt.: Rom und das Reich in der hohen Kaiserzeit. Bd. I –II. Stuttgart; Leipzig, 1998–2001.
- Bd. I: Jacques Fr. und Scheid J. Die Struktur des Reiches. Stuttgart, 1998 (franz. orig: 1996);
- Bd. II: Lepelley C. Die Regionen des Reiches. Leipzig, 2001 (franz. orig.: 1998).
- Jal P.* La guerre civile à Rome: étude littéraire et morale de Cicéron à Tacite. P., 1963.
- Jameson S. A.* 22 or 23 // Historia. Bd. 18. 1969. S. 204–229.
- Jameson S. A.* Chronology of the campaigns of Aelius Gallus and C. Petronius // JRS. Vol. 58. 1968. 71–84.
- Jehne M.* Der Staat des Dictators Caesar. Köln etc., 1987.
- Jehne M.* (Hg.) Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der Römischen Republik. Stuttgart, 1995.
- Jehne M.* Jovialität und Freiheit. Zur Institutionalität der Beziehungen zwischen Ober- und Unterschichten in der römischen Republik // Linke B.; Stemmler M. (Hgg.). Mos maiorum. Untersuchungen zu den Formen der Identitätsstiftung und Stabilisierung in der römischen Republik. Stuttgart, 2000. S. 207–235.
- Jehne M.* Caesar. München, 2008⁴ (ital.: Bologna, 1999; esp.: Julio César. Madrid, 2001; chin.: Hunan, 2002).
- Jehne M.* History's alternative Caesars: Julius Caesar and current historiography // Zander H. (ed.). Julius Caesar: New critical essays. L., 2005; 2012. P. 59–70.

- Jellinek G.* Allgemeine Staatslehre. Berlin, 1905², 1914³ (Перевод: Еллинек Г. Общее учение о государстве. Пер. с нем. В. М. Гессена и Л. В. Шаланда. СПб., 1903; 2004).
- Jhering R. von.* Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. In 3 Teilen. Aalen, 1907; 1993¹¹.
- Jocelyn H. D.* The ruling class of the Roman republic and Greek philosophers // Bulletin of the John Rylands Library. Vol. 59. 1977. P. 323–366.
- Johnson J. R.* Augustan propaganda: the battle Actium, Mark Antony's will, the fasti capitolini consulares, and early imperial historiography. Ann Arbor, Mich., 1981.
- Jones A. H. M.* The imperium of Augustus // JRS. Vol. 41. 1951. P. 112 ff. (= ids. Studies... P. 3–17, 177–179; deutsch: Schmitthenner W. (Hg.). Augustus. S. 291–310).
- Jones A. H. M.* Imperial and senatorial jurisdiction in the early Principate // Historia. Bd. 3. 1954/5. P. 464–488 (= ids. Studies... 1960. P. 69–98).
- Jones A. H. M.* Studies in Roman government and law. N. Y., 1968².
- Jones A. H. M.* The censorial powers of Augustus // ids. Studies... P. 19–26.
- Jones A. H. M.* Augustus. L., 1970.
- Jones A. H. M., Ehrenberg V.* Documents illustrating the reigns of Augustus and Tiberius. Oxf., 19762.
- Strazzulla M. J.* Il principato di Apollo. Mito e propaganda nelle lastre Campana del tempio di Apollo Palatino. Roma, 1990.
- Judge E. A.* "Res publica restituta": a modern illusion? // Evans J. A. S. (ed.). Polis and imperium: studies in honour of E. T. Salmon. Toronto, 1974. P. 279–311 (= id. The first christians... 2008. P. 140–164).
- Judge E. A.* The first christians in the Roman world: Augustan and New Testament essays. Tübingen, 2008.
- Junkelmann M.* Die Legionen des Augustus. München, 2015¹⁵.
- Kaerst J.* Scipio Aemilianus, die Stoa und der Prinzipat // NJbWJb. Bd. 5. Leipzig; Berlin, 1929.
- Kapust D. J.* Republicanism, rhetoric, and Roman political thought: Sallust, Livy, and Tacitus Cambr., etc., 2011.
- Keaveney A.* Sulla. The last republican. L. etc., 2005.
- Kienast D.* Augustus und Alexander // Gymnasium. 1969. Vol. 76. S. 430–456.
- Kienast D.* Augustus — Prinzeps und Monarch (1982). Darmstadt, 2009⁴.
- Kienast D.* Der augusteische Prinzipat als Rechtsordnung // ZRG. Bd. 101. 1984. S. 115–141 (= id. Kleine Schriften. S. 387–411).
- Kienast D.* Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt, 1990 (2012, Online-Ressource).
- Kienast D.* Corpus Imperii. Überlegungen zum Reichsgedanken der Römer // Witth G. u.a. (Hrsg.). Romanitas — Christianitas. Berlin; N.Y., 1982. S. 1–17 = Kienast D. Kleine Schriften. Aalen, 1994. S. 281–297 (mit Nachtrag).
- Kienast D.* Entstehung und Aufbau des römischen Reiches // ZRG. Bd. 85. 1968. S. 330–367 (erweitert: id. Kleine Schriften. Aalen, 1994. S. 187–222 (mit Nachtrag. S. 222–226).

- Kienast D.* Kleine Schriften. Aalen, 1994.
- Kienast D.* Augustus und Caesar // *Chiron*. Bd. 31. 2001. S. 1–26.
- Kierdorf W.* Laudatio funebris. Meisenheim am Glan, 1980.
- Kierdorf W.* Freundschaft und Freundschaftskündigung. Von der Republik zum Prinzipat // Binder G. (Hg.). *Saeculum Augustum I*. 1987. S. 223–245.
- Kierdorf W.* Römische Geschichtsschreibung der republikanischen Zeit. Heidelberg, 2003.
- Kirsch W.* Die Augusteische Zeit. Epochenbewußtsein und Epochenbegriff // *Klio*. Bd. 67. 1985. S. 43–55.
- Klein R.* (Hrsg.). Das Staatsdenken der Römer. Darmstadt, 1966.
- Klein R.* (Hrsg.). Prinzipat und Freiheit. Darmstadt, 1969.
- Klein R.* Die Romrede des Aelius Aristides. Einführung. Darmstadt, 1981.
- Kleiner D. E. E.* The great friezes of the Ara Pacis Augustae: Greek sources, Roman derivatives and Roman social policy // *MEFRA* 90. 1978. P. 753–785.
- Kleiner D.* Semblance and storytelling in Augustan Rome // K. Galinsky (ed.) *The Cambridge companion...* 2005. P. 197–233.
- Kleiner D.* Cleopatra and Rome. Cambr., Mass., 2005.
- Klingenberg A.* Sozialer Abstieg in der römischen Kaiserzeit. Risiken der Oberschicht in der Zeit von Augustus bis zum Ende der Severer. Paderborn, 2011.
- Klinger F.* Römische Geisteswelt. München, 1965⁵.
- Klodt C.* Bescheidene Größe: die Herrschergestalt, der Kaiserpalast und die Stadt Rom; literarische Reflexionen monarchischer Selbstdarstellung. Göttingen, 2001.
- Kloft H.* Liberalitas principis: Herkunft und Bedeutung. Studien zur Prinzipatsideologie. Köln, 1970.
- Kloft H.* (Hrsg.). Ideologie und Herrschaft in der Antike. Darmstadt, 1979.
- Kloft H.* Die Säkularspiele des Augustus und die Tradition der Herrscherfeste in der Antike. Soziale und kommunikative Aspekte // Binder G., Ehrlich K. (Hrsgg.). *Kommunikation in politischen und kultischen Gemeinschaften*. Trier, 1996. S. 51–74.
- Kloft H.* Die Wirtschaft des Imperium Romanum. Mainz, 2006.
- Kloft H.* Die athenische Demokratie. Standpunkte und Kontroversen // Dement'eva V.; Schmidt T. (Hrsg.) *Volk und Demokratie im Altertum*. Bd. I. Göttingen, 2010. S. 31–52.
- Knoche U.* Die geistige Vorbereitung der augusteischen Epoche durch Cicero // *Das neue Bild der Antike* 2, 1941. S. 200 ff., S. 405 ff. (= Klein R. /Hg./). *Das Staatsdenken der Römer*. S. 405–428.
- Knopf F.* Die Ehepolitik des Augustus (Octavian): eine Untersuchung zu den Eheschließungen innerhalb der “domus Augusta”. Marburg, 2012.
- Knox P. E.* (ed.). *Oxford readings in Ovid*. Oxf., 2006.
- Koenen L.* Die “laudatio funebris” des Augustus für Agrippa auf einem neuen Papyrus (P. Colon, inv. nr. 4701) // *ZPE*. Bd. 5. 1970. S. 217–83.
- Koenen L.* Summum Fastigium. Zu der Laudatio Funebris des Augustus (P. Colon, inv. nr. 4701) // *ZPE*. Bd. 6. 1970. S. 239–243.

- Koeppel G. M.* Die historischen Reliefs der römischen Kaiserzeit. V–VI. Ara Pacis Augustae. 1–2 // BJb. Bd. 187. 1987. S. 101–157; Bd. 188. 1988. S. 97–106.
- Kolb F.* Das antike Rom: Geschichte und Archäologie. München, 2010².
- Kolbe W.* Der zweite Triumvirat // Hermes. Bd. 49. 1914. S. 273–295 (= Schmitthenner W. (hrsg.). Augustus. S. 12–37).
- Kolbe W.* Von der Republik zur Monarchie (1931) // Schmitthenner W. (hrsg.) Augustus. S. 72–99.
- König I.* Caput Mundi. Rom — Weltstadt der Antike. Darmstadt, 2009.
- König I.* Der römische Staat. Bd. II: Die Kaiserzeit. Stuttgart, 1997.
- Koortbojian, Michael.* The divinization of Caesar and Augustus: precedents, consequences, implications. N. Y. etc., 2013.
- Kornemann E.* Civitas // RE Suppl. 1. 1903. Sp. 300–317.
- Kornemann E.* Mausoleum und Tatenbericht des Augustus. Leipzig; Berlin, 1921.
- Kornemann E.* Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium Romanum. Leipzig; Berlin, 1930 (Gröningen, 1968²).
- Köstermann E.* Statio principis // Philologus. Bd. 87. 1932. S. 358–368.
- Kornemann E.* Augustus: der Mann und sein Werk. Breslau, 1937; Aalen, 1982.
- Köstermann E.* “Status” als politischer Terminus in der Antike // RM. Bd. 86. 1937. S. 225–240.
- Kraft K.* Der goldene Kranz Caesars und der Kampf um die Entlarvung des Tyrannen // JNG. Bd. 3/4. 1952/53. S. 7–97 (ND als Buch: Darmstadt, 1969²).
- Kraft K.* “S(enatus) C(onsulto)” // JNG. Bd. 12. 1962. S. 7–49 (= Schmitthenner W. (Hg.). Augustus. S. 336–103)
- Kraft K.* Zur Münzprägung des Augustus. Wiesbaden, 1969.
- Kraft K.* Der Sinn des Mausoleums des Augustus // Historia. Bd. 16. 1967. S. 189–106 (= ders. Gesammelte Aufsätze zur antiken Geschichte und Militärgeschichte, hg. von H. Castritius und D. Kienast. Darmstadt, 1973. S. 19–46).
- Kreikenbom D. u. a.* (Hgg.). Augustus — der Blick von außen: die Wahrnehmung des Kaisers in den Provinzen des Reiches und in den Nachbarstaaten. Akten der internationalen Tagung an der Johannes-Gutenberg-Universität Mainz vom 12. bis 14. Oktober 2006. Wiesbaden, 2008.
- Kreiler B. M.* Statthalter zwischen Republik und Prinzipat. Frankfurt a. M. etc., 2006.
- Kromayer J.* Die rechtliche Begründung des Principats. Marburg, 1888.
- Kromer D.* Textkritisches zu Augustus und Tiberius (Res gestae 34 — Tac. Ann. 6, 30, 3) // ZPE. Bd. 28. 1978. S. 127–43.
- Krüger J.* Die Ehegesetzgebung des Kaisers Augustus: Gesellschaftspolitik im frühen Prinzipat. Berlin, 1994.
- Kuhlmann P.* (Hrsg.). Geschichte der Altertumswissenschaften: biographisches Lexikon (Der neue Pauly Supplemente 6). Darmstadt, 2012.
- Kunkel W.* Bericht über neuere Arbeiten zur römischen Verfassungsgeschichte III (Rez. über: J. Beranger “Recherches sur l’aspect ideologique du principat” (1953) und L. Wickert. Princeps // RE XXII, 2. 1954) // ZRG Rom. Bd. 75. 1958. S. 302–352.

- Kunkel W.* Das Wesen des augusteischen Prinzipats // *Gymnasium*. Bd. 68. 1961. S. 353–370 (= *ids.* *Kleine Schriften*, 1974 S. 383 ff. = *Schmitthenner W.* /hg./ *Augustus*. Darmstadt, 1985. S. 311–335).
- Kunkel W.* Zum Freiheitsbegriff der späten Republik und des Prinzipats // *Klein R.* (Hrsg.) *Prinzipat und Freiheit*. Darmstadt, 1969. S. 68–93 (Ausschnitt aus: *Kunkel W.* *Bericht...*).
- Kunkel W., Galsterer H.* (Hrsgg.). *Staatsordnung und Staatspraxis der Römischen Republik*. München, 1995 (Handbuch der Altertumswissenschaft. Rechtsgeschichte des Altertums. Teil 3, Bd. 2). Zweiter Abschnitt. Die Magistratur. Von W. Kunkel und R. Wittmann. S. 391–471.
- Kunkel W.* Herkunft und soziale Stellung der römischen Juristen. Graz etc., 1967². ND: *Die römischen Juristen : Herkunft und soziale Stellung*. Köln etc., 2001.
- Kunkel W., Schermaier M.J.* *Römische Rechtsgeschichte*. Köln etc., 2005¹⁴ (ND: 2012).
- Kunst Chr.* *Livia. Macht und Intrigen am Hof des Augustus*. Stuttgart, 2008.
- Kunst Chr.* *Von Augustus zu Tiberius. Zur Problematik der Nachfolgeregelung* // *Horster M., Schuller F.* (Hgg.) *Augustus. Herrscher an der Zeitenwende*. Regensburg, 2014. S. 156–169.
- La Penna A.* *La Lirica civile di Orazio e l'ideologia del Principato*. Torino, 1963.
- Lacey W. K.* Octavian in the senate, january 27 B.C. // *JRS*. Vol. 64. 1974. P. 176–184 (в переработанном виде: *ids.* *Augustus and the Principate...* P. 77–99).
- Lacey W. K.* Cicero and the end of the Roman republic. L., 1978.
- Lacey W. K.* Augustus and the senate: 23 B.C. // *Antichthon*. Vol. 19. 1985. P. 57–68.
- Lacey W. K.* *Res publica: roman politics and society according to Cicero*. L., Bristol, 1994.
- Lacey W. K.* *Augustus and the principate: the evolution of the system*. Leeds, 1996.
- Laffi U.* L'organizzazione dell'Italia sotto Augusto e la creazione delle "regiones" // *Tradizione romanistica e costituzione*. Ed. L. Labruna; M. P. Baccari; C. Cascione. Napoli, 2006. P. 933 ff. (= *Semanas de estudios romanos*. Vol. 14. Valparaiso, 2008. P. 85–113).
- Lambrecht U.* *Herrscherbild und Principatsidee in Suetons Kaiserbiographien. Untersuchungen zur Caesar- und zur Augustus-Vita*. Bonn, 1984.
- Lamm S.* *Augustus im Spiegel des Dichters Tibull. Analyse, Darstellung und Interpretation der Schriften Tibulls hinsichtlich des Wechselverhältnisses von Staat und Poesie*. Berlin, 2006.
- Lamp K.* The ara Pacis Augustae: visual rhetoric in Augustus' principate // *Rhetoric society quarterly*. Vol. 39, Nr. 1. 2009. S. 1–24.
- Lange C. H.* *Res publica constituta. Actium, Apollo and the accomplishment of the triumphal assignment*. Leiden; Boston, 2009.
- Last H. M.* On the "tribunicia potestas" of Augustus // *Rendiconti del istituto Lombardo di scienze e lettere* 84. Milano, 1951. P. 93–110 (dt.: *Über die tribunicia potestas des Augustus* // *Schmitthenner W.* (Hrsg.). *Augustus...* S. 241–263).

- Last H. M.* The social policy of Augustus // *CAH X*. 1934. P. 425–464.
- Latte K.* Römische Religionsgeschichte. München, 1960.
- Lebek W. D.* Res gestae divi Augusti 34,1: Rudolf Kassels potens rerum omnium und ein neues Fragment des Monumentum Antiochenum // *ZPE* 146. 2004. S. 60 ff.
- Lefèvre E.* (Hrsg.). Monumentum chiloniense: Studien zur augusteischen Zeit; Kieler Festschrift für Erich Burck zum 70. Geburtstag. Amsterdam, 1975.
- Lefèvre E.* Das Bildprogramm des Apollo-Tempels auf dem Palatin. Konstanz, 1989.
- Lefèvre E.* Horaz: Dichter im augusteischen Rom. München, 1993.
- Lehmann G. A.* Der Beginn der Res gestae des Augustus und das politische exemplum des Cn. Pompeius Magnus // *ZPE* 148. 2004. S. 151–162.
- Lendon J. E.* Empire of honor. The art of government in the Roman world. Oxf., 1997.
- Lepelley C.* (hrsg.). Rom und das Reich in der hohen Kaiserzeit II. Lepelley C. Die Regionen des Reiches. Stuttgart etc., 2001².
- Lepore E.* Il princeps ciceroniano e gli ideali politici della tarda repubblica. Napoli, 1954.
- Leppin H.* (Hrsg.) Kaisertum im ersten Jahrtausend: wissenschaftlicher Begleitband zur Landesausstellung "Otto der Große und das Römische Reich. Kaisertum von der Antike zum Mittelalter" (2012, Magdeburg). Regensburg, 2012.
- Levi M. A.* Ottaviano capoparte. 2 vol. Firenze, 1933.
- Levi M. A.* Augusto e il suo tempo. Milano, 1986; repr. 1994.
- Levick B.* Imperial control of the elections under the early principate: commendatio, suffragatio, and "nominatio" // *Historia*. Bd. 16, 2. 1967. S. 207–230.
- Levick B.* Tiberius' retirement to Rhodes in 6 B.C. // *Latomus*. Vol. 31. 1972. P. 779–813.
- Levick B.* Primus, Murena, and fides // *G & R*. Vol. 22. 1975. P. 156–63.
- Levick B.* The fall of Julia the Younger // *Latomus*. Vol. 35. 1976. P. 301–339.
- Levick B.* Tiberius the politician. London, 1976 (repr. with add. 1999).
- Levick B.* Propaganda and the imperial coinage // *Antichthon*. Vol. 16. 1982. 104–116.
- Levick B.* Claudius. L., 1990.
- Levick B.* Augustus: image and substance. N. Y., 2010.
- Libero L. de.* Imperium // *NP*. Bd. 5. 1998. Sp. 955–958.
- Lieber H.-J.* Politische Theorien von der Antike bis zur Gegenwart. Wiesbaden, 2000.
- Liebeschuetz G.* Continuity and change in Roman religion. Oxf., 1979.
- Linderski J.* Mommsen and Syme: law and power in the principate of Augustus // *Raaflaub K. A.; Toher M.* Between... 1990. P. 42–53 (= *ids.* Roman questions. Selected papers. Stuttgart, 1995. P. 32–43).
- Linke B., Stemmler M.* (Hg.). Mos maiorum. Untersuchungen zu den Formen der Identitätsstiftung und Stabilisierung der römischen Republik. Stuttgart, 2000.
- Linke B. etc.* (hg.) Zwischen Monarchie und Republik: Gesellschaftliche Stabilisierungsleistungen und politische Transformationspotentiale in den antiken Stadtstaaten. Wiesbaden, 2010.

- Lintott A. W.* Imperium Romanum: politics and administration. L.; N.Y., 1993; repr. 1997.
- Lintott A. W.* The constitution of the Roman republic. Oxf., 1999.
- Lintott A. W.* The Romans in the age of Augustus. Chichester, West Sussex etc., 2010.
- Little D.* Politics in Augustan Poetry // ANRW II. Bd. 30,1. 1982. S. 254–370.
- Loewenstein K.* Die konstitutionelle Monokratie des Augustus // Zeitschrift für Politik. Jg. 8. 1981. S. 197–216 (= Schmitthenner W. (Hg.). Augustus. 1985. S. 531–566).
- Lott J. B.* The neighbourhoods of Augustan Rome. Cambr. etc., 2004.
- Lübtow U. von.* Das römische Volk. Sein Staat und sein Recht, Frankfurt a. M., 1955.
- Lucarelli U., Gehrke H.-J.* Exemplarische Vergangenheit: Valerius Maximus und die Konstruktion des sozialen Raumes in der frühen Kaiserzeit. Göttingen, 2007.
- Luce T. J.* Livy, Augustus, and the Forum Augustum // Raaflaub K.; Toher M. (eds). Between... P. 123–138.
- Lugli G.* Fontes ad topographiam veteris urbis Romae pertinentes. Bd. 1–8-. Roma, 1952–1965-.
- Lyasse E.* Le principat et son fondateur : l'utilisation de la référence à Auguste de Tibère à Trajan. Bruxelles, 2008.
- Mäckel I.* Das Zeitbewußtsein und der Bürgerkrieg. Eine Untersuchung zur geistigen und politischen Situation im Umbruch zwischen Republik und Principat. Göttingen, 2002.
- Mackie N. K.* Res publica restituta: A Roman myth // C. Deroux (Hg.). Studies in latin literature and Roman history. IV. Brüssel, 1986. P. 302–340.
- MacMullen R.* Enemies of the Roman order: treason, unrest, and alienation in the Empire. Cambr., Mass., 1966.
- MacMullen R.* Romanization in the time of Augustus. New Haven, 2000.
- MacMullen R.* Power of the Roman empire // Historia. Bd. 55, 4. 2006. P. 471–481.
- Maes F.* The sundial of emperor Augustus: rise and decline of a hypothesis // The compendium, Noth American sundial society. Vol. 12. Glastonbury, CT, Sept. 2005. P. 13–27.
- Maes F. W.* Die Sonnenuhr des Kaisers Augustus: Aufstieg und Niedergang einer Hypothese // Deutsche Gesellschaft für Chronometrie, Jahresschrift 2005. S. 168–184.
- Magdelain A.* Auctoritas Principis. P., 1947; 1967.
- Maier B.* Philosophie und römisches Kaisertum: Studien zu ihren wechselseitigen Beziehungen in der Zeit von Caesar bis Marc Aurel. Wien, 1985.
- Maier F.* Ovid — Dädalus und Ikarus. Der Prinzipat des Augustus: Interpretationsmodelle. Bamberg, 1989².
- Malitz J.* (Hrsg). Nikolaos von Damaskus, Leben des Kaisers Augustus. Übers. und komm. Darmstadt, 2003.
- Malitz J.* “O puer qui omnia nomini debes”. Zur Biographie Octavians bis zum Antritt seines Erbes // Gymnasium. Bd. 111. 2004. S. 381–409.
- Mannspurger D.* ROM. ET AUG. Die Selbstdarstellung des Kaisertums in der römischen Reichsprägung // ANRW II. Bd. 1. 1974. S. 919–996.
- Mannspurger D.* Apollon gegen Dionysos. Numismatische Beiträge zu Octavians Rolle als Vindex Libertatis // Gymnasium. Bd. 80. 1973. S. 381–404.

- Mantovani D.* Leges et iura p(opuli) R(omani) restituit. Principe e diritto in un aureo di Ottaviano // *Athenaeum*. Vol. 96. 2008. P. 5–54.
- Manuwald B.* Cassius Dio und Augustus. Philologische Untersuchungen zu den Büchern 45–56 des Dionischen Geschichtswerkes. Wiesbaden, 1979.
- Marbach E.* Lupercalia // *RE*. Bd. 13. Sp. 1816–1830.
- Marek Chr.* Die Expedition des Aelius Gallus nach Arabien im Jahre 25 v. Chr. // *Chiron* Bd. 23. 1993. S. 121–36.
- Marrou H. I.* Geschichte der Erziehung im klassischen Altertum. München, 1977.
- Martini R.* Caesar Augustus: Collezione Veronelli di monete di bronzo: catalogo critico. Milano, 2001.
- Beard M., North J., Price S.* Religions of Rome. 2 Vol. Cambr., 1998–1999.
- Matthews J.* The emperor and his historians // John Marincola (Hrsg.): A companion to Greek and Roman historiography. Vol. 1. Malden, Mass. etc., 2007. P. 290–304.
- Mattingly H. etc.* The Roman imperial coinage. Vol. 1–10.
Vol. 1. Augustus to Vitellius. by H. Mattingly and E. A. Sydenham. L., 1923; 1984².
- Mattingly H.* Coins of the Roman empire in the British museum. Vol. 1. Augustus to Vitellius. Mattingly H., Carson R. A. Glindinning, 1923; 1976 (repr. rev.).
- Mattingly D.* Imperialism, power, and identity: experiencing the Roman empire. Princeton, 2011.
- Maurach G.* Seneca. Leben und Werk. Darmstadt, 2005⁴.
- Maurach G.* Geschichte der römischen Philosophie: eine Einführung. Darmstadt, 2006³.
- Max-Planck Award project “Memoria Romana” on memory in Rome, available at: <http://www.utexas.edu/research/memoria>.
- McDonnell M.* Roman manliness: virtus and the Roman republic. Cambr.; N. Y., 2006.
- McHugh M. R.* Historiography and freedom of speech: The case of Cremutius Cordus // Free speech in classical antiquity, ed. I. Sluiter and R. M. Rosen. P. 391–408. Leiden, 2004.
- Mehl A.* Römische Geschichtsschreibung: Grundlagen und Entwicklungen. Eine Einführung. Stuttgart etc., 2001.
- Meier Chr.* Augustus. Die Begründung der Monarchie als Wiederherstellung der Republik // ders. Die Ohnmacht des allmächtigen Dictators Caesar. Frankfurt a. M., 1980. S. 223–287.
- Meier Chr.* Caesar. München, 1997 (engl.: Caesar: a biography. L., 1996; N. Y., 2003 etc.).
- Meier Chr. C.* Caesar divi filius and the formation of the alternative in Rome // Raaflaub K., Toher M. (eds). Between... P. 54–70.
- Meier Chr.* Res publica amissa: eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Frankfurt a. M., 1997³.
- Meier M.* Das Ende des Cremutius Cordus und die Bedingungen für Historiographie in augusteischer und tiberischer Zeit // *Tyche*. Bd. 18. 2003. S. 91–127.
- Meier M., Strothmann M.* (Hrsgs.). Res publica und Imperium: kleine Schriften zur römischen Geschichte. Stuttgart, 2004.

- Meister K. Nikolaos* (3) // NP. Bd. 8. 2000. Sp. 920–922.
- Mellor R.* Thea Roma. The worship of the goddess Roma in the greek world. Göttingen, 1975.
- Mellor R.* Augustus and the creation of the Roman empire: a brief history with documents. N. Y., 2006.
- Meneghini R.* I Fori imperiali e i Mercati di Traiano: storia e descrizione dei monumenti alla luce degli studi e degli scavi recenti. Roma, 2009.
- Merklin H.* Cicero. Über das Gemeinwesen // M. Brouck (Hrsg.): Geschichte des politischen Denkens. Frankfurt a. M., 2007.
- Mette-Dittmann A.* Die Ehegesetze des Augustus: Eine Untersuchung im Rahmen der Gesellschaftspolitik des Princeps. Stuttgart, 1991.
- Meyer E.* Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus: innere Geschichte Roms von 66 bis 44 v. Chr.. Stuttgart, 1918; Darmstadt, 1963³.
- Meyer E.* Kaiser Augustus // ders. Kleine Schriften I. Halle, 1924². S. 423–471.
- Meyer E.* Römischer Staat und Staatsgedanke. Zürich, 1948; 1990⁵. Meyer E. Einführung in die Antike Staatskunde. Darmstadt, 1992⁶.
- Meyer H. D.* Cicero und das Reich. Köln, 1957.
- Meyer H. D.* Die Außenpolitik des Augustus und die Augusteische Dichtung. Köln; Graz, (1960) 1961.
- Meyer-Zwiffelhofer E.* Politikos archein. Zum Regierungsstil der senatorischen Statthalter in der kaiserlichen griechischen Provinzen. Stuttgart, 2002.
- Meyer-Zwiffelhofer E.* Imperium Romanum: Geschichte der römischen Provinzen. München, 2009.
- Michel D.* Alexander als Vorbild für Pompeius, Caesar und Marcus Antonius: archäologische Untersuchung. Heidelberg, 1965.
- Millazzo F.* (ed.). Res publica e princeps. Vicende politiche, mutamenti istituzionali e ordinamento giuridico da Cesare ad Adriano, Atti del convegno internazionale di diritto romano. Napoli, 1996.
- Millar F. G. B.* The fiscus in the first two centuries // JRS. Vol. 53. 1963. P. 29–42.
- Millar F. G. B.* A Study of Cassius Dio. Oxf., 1964.
- Millar F. G. B.* The Emperor, the Senate and the Provinces // JRS. Vol. 56. 1966. P. 156–166 (= id. Rome... Vol. 1. P. 271–191).
- Millar F. G. B.* Triumvirate and principate // JRS. Vol. 63. 1973. P. 50–61.
- Millar F. G. B.* The emperor in the Roman World, 31 B.C.–A.D. 337. L., 1977 (1992³).
- Millar F. G. B., Segal E.* (eds.). Caesar Augustus: seven aspects, Oxf., 1984; 2002 (repr.).
- Millar F. G. B.* State and subject: The impact of monarchy // Millar, F.; Segal E. (eds.). Caesar Augustus. P. 37–60.
- Millar F. G. B.* Cornelius Nepos, “Atticus” and the Roman revolution // G & R. Vol. 35. 1988. P. 40–55 (= id. Rome... Vol. I. P. 183–199).
- Millar F. G. B.* “Senatorial” provinces: an institutionalized ghost // Ancient world. Vol. 20. 1989. P. 93–97 (= ids. Rome. Vol. I. 2002. S. 314–320).

- Millar F. G. B.* The crowd in Rome in the late republic. Ann Arbor, 1998; 1999; 2001.
- Millar F. G. B.* The first revolution. Emperor Caesar, 36–28 B.C. // Giovannini A. (ed.). La révolution Romaine... après Ronald Syme. Genf, 2000. P. 1–38.
- Millar F. G. B.* The Roman republic in political thought. Hannover etc., 2002.
- Millar F. G. B.* Rome, the Greek world, and the East. Ed. by Hannah M. Cotton and Guy M. Rogers. 3 vols. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 2002–2006.
- Vol. 1. Roman Republic and the Augustan revolution. 2002 (Millar F. Rome I).
- Vol. 2. Government, society, and culture in the Roman empire. 2004.
- Vol. 3. The Greek world, the jews, and the east. 2006.
- Mlasowsky A.* Ara Pacis: ein Staatsmonument des Augustus auf dem Marsfeld. Mainz a. Rhein, 2010.
- Momigliano A.* Review of R. Syme, The Roman revolution (1939) // JRS. Vol. 30. 1940. P. 75–80.
- Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht, Handbuch der Alterthümer. 3 Bde. (bes. Bd. II.1–II.2). Leipzig, 1871 ff.; Leipzig, 1887–1888³ (ND: Basel; Stuttgart; Darmstadt, 1963; Stellenregister 1979).
- Mommsen Th.* Abriß des römischen Staatstrecht. Leipzig, 1907² (ND: 1974).
- Mommsen Th.* Römische Kaiser Geschichte. Nach den Vorlesungsmitschriften von S. und P. Hensel 1882/86. Hrsg. von B. und A. Demandt. München, 1992.
- Morgan L.* The autopsy of C. Asinius Pollio // JRS. Vol. 90. 2000. P. 51–69.
- Morstein-Marx R.* Mass oratory and political power in the late Roman republic. Cambr., 2004.
- Morstein-Marx R.; Rosenstein N.* The transformation of the republic // ids. (eds.). A companion to the Roman republic. Oxf., 2006. P. 625–635.
- Mühnhaupt H.* Verfassung // NP. Bd. 15,3. 2003. Sp. 969–982.
- Münkler, Herfried.* Imperien: die Logik der Weltherrschaft — vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten. Berlin, 2005⁴.
- Münzer F.* Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920.
- Muth S.* Reglementierte Erinnerung. Das Forum Romanum unter Augustus als Ort kontrollierter Kommunikation // Mundt F. (Hrsg.), Kommunikationsräume im kaiserzeitlichen Rom. Berlin, 2012. S. 3–48.
- Mutschler F.-H.* Die res publica restituta des Augustus im Spiegel augusteischer Dichtung. Das kleine Problem mit der Freiheit // Haltenhoff A., Mutschler, F.-H. (Hgg.): Römische Werte und römische Literatur im frühen Prinzipat. Berlin; N. Y., 2011. S. 23–52.
- Nash E.* Pictorial dictionary of ancient Rome. 2 vols., L., 1968².
- Neudecker R.* The forum of Augustus in Rome: law and order in sacred spaces // de Angelis F (ed.) Spaces of justice. Leiden; Boston, 2010. P. 161–188.
- Nicolet C.* Le métier de citoyen dans la Rome républicaine. Bibliothèque des histoires. P., 1976. Engl.: The world of the citizen in republican Rome. Berkeley and Los Angeles, 1980.
- Nicolet C.* Augustus, government, and the propertied classes // Millar F., Segal E. (eds.). Caesar Augustus... P. 89–128.

- Nicolet C.* L'inventaire du monde : géographie et politique aux origines de l'Empire romain. Nouvelles études historiques. P., 1988 (engl.: Nicolet, Claude. Space, geography, and politics in the early Roman empire. Ann Arbor, 1991).
- Nippel W.* Mischverfassungstheorie und Verfassungsrealität in Antike und früher Neuzeit. Stuttgart, 1980.
- Nippel W.* Gesetze, Verfassungskonventionen, Präzedenzfälle // Hölkeskamp K.-J., Müller-Luckner E. (Hrsgg.) Eine politische Kultur (in) der Krise? S. 87–97.
- Nippel W., Seidensticker B.* (Hrsgg.). Theodor Mommsens langer Schatten. Das römische Staatsrecht als bleibende Herausforderung für die Forschung. Hildesheim; Zürich; N. Y., 2005.
- Nitschke J.* Dignitas und auctoritas: der römische Senat und Augustus; prosopographische Überlegungen zur Karriere der Konsuln und Statthalter 30 v. Chr. bis 14 n. Chr. München, 2001.
- Noreña C. F.* The communication of the emperor's virtues // JRS. Vol. 91. 2001. P. 146–162.
- Noreña C. F.* The early imperial monarchy // Barchiesi A., Scheidel W. (Hrsgg.). The Oxford handbook of Roman studies... Oxf. etc., 2010. S. 533–547.
- Noreña C. F.* Imperial ideals in the Roman west: representation, circulation, power. Cambr., Mass. etc., 2011.
- Nörr D.* Imperium und Polis in der hohen Prinzipatszeit. München, 1969².
- Ogilvie R. M.* The Romans and their gods in the age of Augustus. L., 1969; 2000.
- Ogilvie R. M.* A commentary on Livy, books 1–5. Oxf., 1965.
- Oppermann H.* (Hrsg.) Römische Wertbegriffe. Darmstadt, 1967.
- Ortega y Gasset J.* Concord and liberty. N. Y., 1946.
- Ortmann U. M.* Cicero, Brutus und Octavian — Republikaner und Caesarianer: ihr gegenseitiges Verhältnis im Krisenjahr 44/43 v. Chr. Bonn, 1988.
- Osgood J.* Caesar's legacy: civil war and the emergence of the Roman empire. Cambr.; N. Y., 2006.
- Ostrow S. E.* The Augustales in the Augustan scheme // Raaflaub K., Toher M. (eds). Between... P. 364–379.
- Ottmann H.* Geschichte des politischen Denkens. Bd. II, 1. Die Römer. Stuttgart; Weimar, 2002.
- Pabst A.* Comitia imperii: ideelle Grundlagen des römischen Kaisertums. Darmstadt, 1997.
- Pabst A.* Kaiser Augustus: Neugestalter Roms. Stuttgart, 2014.
- Pagán V. E.* (Hrsg.). A companion to Tacitus. Blackwell companions to the ancient world. Malden, Mass. etc., 2012.
- Pahnke E.* Studien über Ciceros Kenntnis und Benutzung des Aristoteles und die Herkunft der Staatsdefinition: Rep. I. 39. (Diss.). Freiburg, 1962.
- Pandey N. B.* Caesar's comet, the Julian star, and the invention of Augustus // TAPA. Vol. 143. 2013, Nr. 2. P. 405–449.
- Pani M.* Augusto e il principato. Bologna, 2013.
- Paribeni R.* (ed.). Augustus. Studi in occasione del bimillenario Augusteo. Roma, 1938.

- Paribeni R.* (ed.). Conferenze Augustee nel bimillenario della nascita (Pubblicazioni dell'Università Cattolica del S. Cuore: Serie 5; 17). Milano, 1939.
- Parker E. R. R.* The education of heirs in the Julio-Claudian family // *AJPh*. Vol. 67. 1946. P. 29–50.
- Patterson J. R.* The city of Rome revisited: From mid-republic to mid-empire // *JRS*. Vol. 100. 2010. P. 210–232.
- Peachin M.* (ed.). The Oxford handbook of social relations in the Roman world. Oxf. etc., 2011.
- Pelling C.* The triumviral period // *CAH²* X. P. 1–69.
- Pensabene P., Angelelli C.* (eds.). Scavi del Palatino. Vol. 1–2–. Roma, 2001–2011–.
- Perlwitz O.* Titus Pomponius Atticus: Untersuchungen zur Person eines einflußreichen Ritters in der ausgehenden Römischen Republik. Stuttgart, 1992.
- Petersen T.* PR-Arbeit in der Antike. München, 2005.
- Pfanner M.* Über das Herstellen von Portrats. Ein Beitrag zu Rationalisierungsmassnahmen und Produktionsmechanismen von Massenware im späten Hellenismus und in der römischen Kaiserzeit // *JbDAI*. Vol. 104. 1989. S. 157–257.
- Pfeiffer S.* Der römische Kaiser und das Land am Nil: Kaiserverehrung und Kaiserkult in Alexandria und Ägypten von Augustus bis Caracalla (30 v. Chr. — 217 n. Chr.). Stuttgart, 2010.
- Pfeil S. von.* Der Augustustitel der Karolinger // *Die Welt als Geschichte*. 19. Jg. (1). Stuttgart, 1959. S. 194–210.
- Phillips C. R.* Rethinking Augustan poetry // *Latomus*. Vol. 42. 1983. P. 780–818.
- Philosophia togata I & II* — cf.: Barnes J., Griffin M. (eds.). *Philosophia togata...*
- Piepenbrink K.* (Hrsg.) Philosophie und Lebenswelt in der Antike. Darmstadt, 2003.
- Pighi G. B.* De ludis saecularibus populi Romani quiritium libri sex. Mailand, 1941; Amsterdam, 1965².
- Platen H.-P.* Augustus — Prinzipat und Herrscherbild bei Zeitgenossen und Nachwelt. Hannover, 2002.
- Platner S. B., Ashby Th.* (ed.). A topographical dictionary of ancient Rome. L., 1929 (repr.: 1965).
- Pollini J.* Man or god; divine assimilation and imitation in the late Republic and early Empire // *Raaflaub K., Toher M.* (eds.). *Between...* P. 334–363.
- Pollini J.* Augustus from Prima Porta and the transformation of the Polykletian heroic ideal // *Polykleitos, the Doryphoros and tradition*. Ed. by W. G. Moon. Madison, 1995. P. 262–282.
- Pollini J.* “Frieden-durch-Sieg” — Ideologie und die Ara Pacis Augustae: Bildrhetorik und die Schöpfung einer dynastischen Erzählweise // *Österreichische Akademie der Wissenschaften: Denkschriften der Gesamtakademie XXIV, Krieg und Sieg: Narrative Wanddarstellungen von Altägypten bis ins Mittelalter*. Wien, 2002. S. 138–159.
- Pollini J.* From republic to empire: rhetoric, religion, and power in the visual culture of ancient Rome. Norman, Oklahoma, 2012.
- Pöschl V.* Römischer Staat und griechisches Staatsdenken bei Cicero. Berlin, 1936 (ND: Darmstadt, 1962; 1974).

- Pöschl V. (Hrsg.). Römische Geschichtsschreibung. Darmstadt, 1969.
- Pöschl V. Virgil und Augustus // ANRW II. Bd. 31,2. 1981. S. 707–727.
- Pöschl V. (Hrsg.). Tacitus. Darmstadt, 1986².
- Pöschl V. Caesar, Wandel einer Gestalt // Antike und Abendland. Bd. 33. H. 2. B.; N.Y., 1987. S. 172–182.
- Pötscher W. “Numen” und “Numen Augusti” // ANRW II. Bd. 16,1. 1978. S. 355–392.
- Potter D. S. (ed.). A companion to the Roman empire. Malden, Mass., 2006.
- Powell A. (ed.). Roman poetry and propaganda in the age of Augustus. L., 1992; 1997.
- Powell A. Augustus’ age of apology: an analysis of the memoirs — and an argument for two further fragments // Smith Chr.; Powell A. (eds.). The lost memoirs of Augustus... P. 173–194.
- Powell J. G. F., North J. A. (eds.). Cicero’s republic. L., 2001.
- Premmerstein A. von. Die fünf neugefundenen Edikte des Augustus aus Kyrene. Weimar, 1928.
- Premmerstein A. von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats. München, 1937.
- Price S. R. F. Rituals and power: The Roman imperial cult in Asia Minor. Cambr., 1984; 1986.
- Price S. R. F. The place of religion: Rome in the early empire // CAH² X. P. 812–847.
- Puhle M., Köster G. (Hrsg.): Otto der Große und das Römische Reich. Kaisertum von der Antike zum Mittelalter. Regensburg; Dresden, 2012.
- Purcell N. Livia and the womanhood of Rome // PCPS 1986. n.s. vol. 32. P. 78–105 (= Edmondson J. (ed.) Augustus. Edinburgh, 2009. P. 165–194).
- Purcell N. Romans in the Roman World // Galinsky K. (ed.). The Cambridge companion age of Augustus... P. 85–105.
- Purcell N. Rome and its development under Augustus and his successors // CAH² X. P. 782–811.
- Quinn K. The poet and his audience in the Augustan age // ANRW II. Bd. 30,1. 1982. S. 75–180.
- Raaflaub K. A. Dignitas contentio. Studien zur Motivation und politischen Taktik im Bürgerkrieg zwischen Caesar und Pompeius. München, 1974.
- Raaflaub K. A. Die Militärreformen des Augustus und politische problematik des frühen Prinzipats // Binder G. (Hrsg.). Saeculum Augustum. Bd. I. Darmstadt, 1987. S. 246–307.
- Raaflaub K. A., Giovannini A. (Hrsg.). Opposition et résistances à l’empire d’Auguste à Trajan: 9 exposés suivis de discussions... Genève: Fondation Hardt, 1987.
- Raaflaub K. A., Toher M. (eds). Between republic and empire: interpretations of Augustus and his principate. Berkeley etc., 1990.
- Raaflaub K. A., Samons L. J. Opposition to Augustus // Raaflaub K. A., Toher M. (eds). Between... P. 417–454.
- Raaflaub K. A. Caesar und Augustus als Retter römischer Freiheit? // Baltrusch E. (Hrsg.). Caesar. S. 229–261.
- Raaflaub K. A. From city-state to empire: Rome in comparative perspective // Árnason J.; Raaflaub K. (eds). The Roman empire in context... 2011. P. 39–66.

- Raditsa L. F.* Augustus' legislation concerning marriage, procreation, love affairs and adultery // ANRW II. Bd. 13. 1980. S. 288–339.
- Rainer M. J.* Römisches Staatsrecht. Republik und Prinzipat. Darmstadt, 2006.
- Ramage E. S.* The nature and purpose of Augustus "Res gestae". Stuttgart, 1987.
- Ramage E. S.* The date of Augustus' Res Gestae // Chiron. Vol. 18. 1988. P. 71–82.
- Ramsay W. M.* Monumentum Antiochenum: Die neugefundene Aufzeichnung des "Res gestae divi Augusti" im pisidischen Antiochia. Aalen, 1963.
- Ramsey J. T., Licht A. L.* The comet of 44 B.C. and Caesar's funeral games. Atlanta, 1997.
- Rasbach G.* Die Germanienpolitik des Augustus // Die Römer im Rhein-Main-Gebiet. Hrsg. von F. M. Ausbüttel etc. Darmstadt, 2012. S. 11–28.
- Rawson B.* The family of ancient Rome. L., 1986.
- Rawson B.* Children and childhood in Roman Italy. Oxf., 2003.
- Rawson E.* Caesar's heritage: hellenistic kings and their Roman equals // JRS. Vol. 65. 1975. P. 148–159.
- Rawson E.* Cicero: a portrait. Bristol etc., 1983².
- Rawson E.* Intellectual life in the late Roman republic. L., 1985 (repr.: 2002).
- Rawson E.* Cassius and Brutus: The memory of the liberators // Past perspectives: studies in Greek and Roman writing. Cambr., 1986. P. 101–120.
- Rawson E.* Roman rulers and the philosophic adviser // Barnes J., Griffin M. (eds.) *Philosophia togata I*. P. 233–258.
- Rebenich S.* Zwischen Anpassung und Widerstand? Die Berliner Akademie der Wissenschaften von 1933 bis 1945 // Beat Näf (Hrsg.): *Antike und Altertumswissenschaft in der Zeit von Faschismus und Nationalsozialismus*. Mandelbachtal, 2001. S. 203–244.
- Rehak P.* Imperium and cosmos : Augustus and the northern Campus Martius. Ed. by J. G. Younger. Madison, 2007.
- Reinhold M.* From republic to principate. An historical commentary of Cassius Dio's Roman history books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta, 1988.
- Reinhold M.* Marcus Agrippa. A biography. Geneva; N. Y., 1933.
- Reinhold M., Swan P. M.* Cassius Dio's assessment of Augustus // Raaflaub K, Toher M. (eds.). *Between ...* P. 156–173.
- Reitzenstein R.* Die idee des Prinzipats bei Cicero und Augustus // Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse aus dem Jahre 1917. Berlin, 1918. Heft 3. S. 399–436; 481–488.
- Renucci P.* Auguste le révolutionnaire. P., 2003.
- Rich J. W.* Dio on Augustus // Cameron A. ed. *History as text. The writing of ancient history*. Chapel Hill, NC, 1989. P. 87–110.
- Rich J. W.* Augustus and the spolia opima // Chiron. Vol. 26. 1996. P. 85–127.
- Rich J. W.* Augustus, War and Peace // J. Edmondson (ed.). *Augustus*. P. 137–164.
- Rich J. W.* Making the emergency permanent: auctoritas, potestas and the evolution of the principate of Augustus // Riviere Y. (Hrsg.). *Des réformes augustéennes*. Rome, 2012. P. 37–121.

- Rich J. W., Williams J. H. C.* Leges et iura p. R. restituit: a new aureus of Octavian and the settlement of 28–27 B.C. // NC. Vol. 159. 1999. P. 169–213, pl. 20–21 (перевод с англ. О. В. Любимовой: ancientrome.ru).
- Richardson L. jr.* A new topographical dictionary of ancient Rome. Baltimore, 1992.
- Richardson J. S.* The language of empire: Rome and the idea of empire from the third century B.C. to the second century A.D.. Cambr. etc., 2008.
- Richardson J. S.* Augustan Rome 44 B.C. to A.D. 14. The restoration of the republic and the establishment of the empire. Edinburgh, 2012.
- Richter G. M. A., Breckenridge J. D.* The relation of early imperial Rome to Greek art // ANRW II. Bd.12,1. 1982. S 3–23.
- Richter G. M. A., Smith R. R. R.* (ed.). The portraits of the Greeks. Oxf., 1984².
- Ridley R. T.* The emperor's retrospect: Augustus' "Res gestae" in epigraphy, historiography and commentary. Leuven etc., 2003.
- Riedel, Volker.* Augustus und die Errichtung des Prinzipats aus der Sicht des 20. Jahrhunderts: zur publizistischen, wissenschaftlichen und literarischen Rezeption einer "konservativen Revolution" in Deutschland // id. Verklärung mit Vorbehalt. Jena etc., 2015, S. 141–155.
- Rilinger R.* Das politische Denken der Römer: Vom Prinzipat zum Dominat // Pipers Handbuch der politischen Ideen; 1988. Vol. 1. Frühe Hochkulturen und europäische Antike. Hrsg. von I. Fetscher und H. Münkler. München etc., 1988. S. 521–594 (= ids. Ordo und dignitas... S. 281–354).
- Rilinger R.* Ordo und dignitas. Beiträge zur römischen Verfassungs- und Sozialgeschichte. Hrsg. von T. Schmitt. Stuttgart, 2007.
- Riviere Y.* (Hrsg.). Des réformes augustéennes. Rome, 2012.
- Robb M. A.* Beyond populares and optimates. Political language in the late republic. Stuttgart, 2010.
- Rocca E.* (ed.). Augusto: [mostra, Roma, Scuderie del Quirinale, ottobre 2013 — febbraio 2014]. Milano, 2013.
- Roddaz J.-M.* Marcus Agrippa. Rome, 1984.
- Rodenwaldt G.* Kunst um Augustus. Berlin, 1943; 1945² (ND: 1988).
- Rogers R. S.* The case of Cremutius Cordus // TAPA. Vol. 96. 1965. P. 351–359.
- Rom und das Reich in der Hohen Kaiserzeit 44 v. Chr. — 260 n. Chr., cf.: Jacques F., Scheid J., Lepelley C. Rome et l'intégration de l'Empire...
- Ronning C.* Zwischen ratio und Wahn. Caligula, Claudius und Nero in der altertumswissenschaftlichen Forschung // Winterling A. (Hrsg.). Zwischen Strukturgeschichte und Biographie. S. 253–276
- Rosenstein N., Morstein-Marx R.* A companion to the Roman republic. Oxf., 2006.
- Rostovtzeff M. I.* The social and economic history of the Roman empire. Oxf., 1926; 1957² (rus.: Общество и хозяйство в Римской империи. В 2-х томах. М., 2000–2001; deutsch: Leipzig, 1930; ND 1985).

- Rowe Chr. J., Schofield M. (eds.). The Cambridge history of Greek and Roman political thought. Cambr., 2000 (2010⁵).
- Rowe G. Princes and political cultures: the new Tiberian senatorial decrees. Ann Arbor, 2002.
- Rowe G. Reconsidering the auctoritas of Augustus // JRS. Vol. 103. 2013. P. 1–15.
- Rubincam C. The nomenclature of Julius Caesar and the later Augustus in the triumphal period // Historia. Bd. 41. 1992. P. 88–103.
- Rudich V. Dissidence and literature under Nero: the price of rhetoricization. N. Y., 1997.
- Rüpke J. etc. (hrsg.). A companion to Roman religion. Chichester etc., 2007 (paperback: 2011).
- Rutledge S. H. Imperial inquisitions. Prosecutors and informants from Tiberius to Domitian. L; N. Y., 2001.
- Rutz W. Lucans “Pharsalia” im Lichte der neuesten Forschung // ANRW II. Bd. 32,3. 1985. S. 1457–1537.
- Salmon E. T. The evolution of Augustan principate // Historia. Bd. 5. 1956. S. 456–478.
- Samotta I. Das Vorbild der Vergangenheit: Geschichtsbild und Reformvorschläge bei Cicero und Sallust. Stuttgart, 2009.
- Sattler P. Julia und Tiberius. Beiträge zur römischen Innenpolitik zwischen den Jahren 12 vor und 2 n. Chr. // Studien aus dem Gebiet der alten Geschichte. Wiesbaden, 1962. S. 1–36 (= Schmitthenner (Hrsg.). Augustus. S. 486–530).
- Sattler P. Augustus und der Senat: Untersuchungen zur römischen Innenpolitik zwischen 30 und 17 v. Chr. Göttingen, 1969.
- Sauron G. Römische Kunst in den Provinzen. Darmstadt etc., 2012; 2014.
- Sauron G. Römische Kunst von der mittleren Republik bis Augustus. Darmstadt etc., 2013.
- Sauron G. Römische Kunst von Augustus bis Konstantin. Mainz, 2014.
- Schadewaldt W. “Humanitas Romana” // ANRW I. Bd. 4. 1973. S. 43–62.
- Schäfer M. Cicero und der Prinzipat des Augustus // Gymnasium. Bd. 64. 1957. S. 310–335.
- Schäfer N. Die Einbeziehung der Provinzialen in den Reichsdienst in augusteischer Zeit. Stuttgart, 2000.
- Schall U. Augustus. Kaiser, Rächer, Komödiant. Masken und Metamorphosen eines Herrschers. Pfungstadt bei Darmstadt, 1990.
- Scheid J. Augustus and Roman religion: continuity, conservatism, and innovation // Galinsky K. (ed.). The age of Augustus... P. 175–193.
- Scheid J. Honorer le prince et vénérer les dieux: culte public, cultes des quartiers et culte impérial dans la Rome augustéenne // N. Belayche (ed.). Rome, les Césars et la Ville aux deux premiers siècles de notre ère. Rennes, 2001. P. 85–105 (engl: To honour the princeps and venerate the gods: public cult, neighbourhood cults, and imperial cult in Augustan Rome // Edmondson J. (ed.). Augustus. 2009. P. 275–301).
- Scheidel W. The Cambridge companion to the Roman economy. Cambr. etc., 2012.
- Scheidel W., Morris I., Saller R. (eds.). The Cambridge economic history of the Graeco-Roman world. Cambr, 2007. Esp. p. 543–742.
- Schlange-Schöningen H. Augustus. Darmstadt, 2012².

- Schmal S.* Sallust. Hildesheim etc., 2001.
- Schmid A.* Augustus und die Macht der Sterne. Köln etc., 2005.
- Schmidt P. L.* Cicero "De re publica". Die Forschung der letzten fünf Dezennien // ANRW II. 4.1975. S. 262–333.
- Schmitthenner W.* Augustus' spanischer Feldzug und der Kampf um den Prinzipat // Historia. Bd. 11. 1962. S. 29–85; (ND: Schmitthenner W. (Hg.). Augustus. S. 404–485).
- Schmitthenner W.* (Hrsg.). Augustus. Darmstadt, 1985².
- Schmitthenner W.* Oktavian und das Testament Caesars. Eine Untersuchung zu den politischen Anfängen des Augustus. München, 1997³.
- Schmitthenner W.* Velleius Paterculus und das Interesse an der Geschichte im Zeitalter des Tiberius. Heidelberg, 2000.
- Schmitzer U.* Der Kaiser auf dem Forum. Das Forum Augustum als gebauter und geschriebener Raum öffentlicher Kommunikation // Mundt F. (Hrsg.). Kommunikationsräume im kaiserzeitlichen Rom. Berlin, 2012. S. 77–104.
- Schnegg-Köhler B.* Die augusteischen Säkularspiele. München; Leipzig, 2002 (repr. 2007).
- Schneider R. M.* Augustus und der frühe römische Triumph // JbDAI. Bd. 105. 1990. S. 167–205.
- Schnurbein S. von.* Augustus in Germany and the new "town" at Waldgirmes // JRA. Vol. 16. 2003. P. 93–107
- Schrömbges P.* Tiberius und die Res publica Romana: Untersuchungen zur Institutionalisierung des frühen römischen Principats. Bonn, 1986.
- Schulz F.* Prinzipien des römischen Rechts (1934). Berlin, 2003 (ND).
- Schulz R.* Herrschaft und Regierung: Roms Regiment in den Provinzen in der Zeit der Republik. Paderborn etc., 1997.
- Schumacher L.* Augusteische Propaganda und faschistische Rezeption // ZRGG. Bd. 40. 1988. S. 307–330.
- Schumacher L.* Oktavian und das Testament Caesars // ZRG Rom. Bd. 116. 1999. S. 49–70.
- Schur W.* Augustus. Lübeck, 1934.
- Scott K.* The identification of Augustus with Romulus-Quirinus // TAPA. Vol. 56. 1925. P. 82–105.
- Scott K.* Octavian's propaganda and Antony's de sua ebrietate // CPh. Vol. 24. 1929. P. 133–141.
- Scott K.* The significance of statues in precious metals in emperor-worship // TAPA. Vol. 62. 1931. P. 101–123.
- Scott K.* The political propaganda of 44–30 B.C. // MAAR. Vol. 11. 1933. P. 7–49.
- Scott R. T.* Providentia Aug. // Historia. Bd. 31. 1982. P. 436–459.
- Scriba F.* Augustus im Schwarzhemd? Die Mostra Augustea della Romanità in Rom 1937/38. Frankfurt a. M. etc., 1995.
- Seager R.* Pompey the Great: a political biography. Oxf., 2002.
- Seager R.* Tiberius. Malden, Mass., 2005².
- Sear D. R.* The history and coinage of the roman imperators 49–27 B.C. L., 1998.

- Sedley D. N.* The ethics of Brutus and Cassius // JRS. Vol. 87. 1997. P. 41–53.
- Severy-Hoven B.* Augustus and the family at the birth of the Roman empire N. Y.; L., 2000 (repr.: 2003; 2010).
- Sherwin-White A. N.* The Roman citizenship (1939). Oxf., 1973².
- Shipley F. W.* Agrippa's building activities in Rome. St. Louis, 1933; 2008 (перевод С. Э. Таривердиевой: ancientrome.ru).
- Shotter D. C. A.* Augustus Caesar. L.; N. Y., 2005².
- Shotter D. C. A.* Julians–Claudians and the accession of Tiberius // Latomus. T. 30, 4. 1971. P. 1117–1123.
- Shotter D. C. A.* Tacitus' view of emperors and the principate // ANRW II. Bd. 33,5. 1991. P. 3263–3331.
- Shotter D. C. A.* Tiberius and the spirit of Augustus // G & R. Vol. 13,2. 1966. P. 207–212.
- Shotter D. C. A.* Tiberius Caesar. L., 2004².
- Siber H.* Das Führeramnt des Augustus. Leipzig, 1940.
- Siber H.* Römisches Verfassungsrecht in Geschichtlicher Entwicklung. Lahr, 1952.
- Simon E.* Der Augustus von Prima Porta. Bremen, 1959.
- Simon E.* Ara Pacis Augustae. Tübingen, 1967.
- Simon E.* Altes und neues zur Statue des Augustus von Primaporta (orig.: 1983) // Binder G. (Hrsg.) Saeculum Augustum III. 1991. S. 204–233.
- Simon E.* Augustus: Kunst und Leben in Rom um die Zeitenwende. München, 1986.
- Simon B.* Die Selbstdarstellung des Augustus in der Münzprägung und in den Res Gestae. Hamburg, 1993.
- Simpson C. J.* The date of the dedication of the temple of Mars Ultor // JRS. 67. 1977. P. 91–94.
- Simpson C. J.* Agrippa's rejection of a triumph in 19 B.C. // LCM 16,9. 1991. P. 137–138.
- Simpson C. J.* "Reddita omnis provincia": ratification by the people in january, 27 B.C. // Deroux C. (ed.). Studies in latin literature and Roman history. Vol. 7. Brussels, 1994. P. 297–309.
- Sion-Jenkis K.* Von der Republik zum Prinzipat: Ursachen für den Verfassungswechsel in Rom im historischen Denken der Antike. Stuttgart, 2000.
- Smith Chr.* The memoirs of Augustus: testimonia and fragments // Smith Chr., Powell A. (eds.). The lost memoirs of Augustus and the development of Roman autobiography. Swansea, Wales; Oxf, 2009. P. 1–14.
- Smith R. R.* Hellenistic royal portraits. Oxf., 1988; 2004.
- Smith R. R.* Typology and diversity in the portraits of Augustus // JRA. Vol. 9. 1996. P. 30–47.
- Solmsen F.* Die Theorie der Staatsformen bei Cicero de re publica I (1933) // Klein R. (Hg.). Das Staatsdenken der Römer. 1966. S. 315–331.
- Southern P.* Augustus. L.; N. Y., 1998, 1999 (dt.: Essen, 2005).
- Southern P.* Mark Antony. Stroud, 1998 (dt.: Marcus Antonius. Ein Lebensbild. Erfurt, 2000).
- Southern P.* Pompey the Great: Caesar's friend and foe. Stroud, Gloucestershire, 2002.
- Spannagel M.* Exemplaria principis. Untersuchungen zu Entstehung und Ausstattung des Augustusforums. Heidelberg, 1999.

- Spawforth A.* Greece and the Augustan cultural revolution. Cambr. etc., 2012.
- Speyer W.* Das Verhältnis des Augustus zur Religion // ANRW II. Bd. 16,3. 1986. S. 1777–1805.
- Spielvogel, Jörg* [Hrsg.]. Res publica reperta: zur Verfassung und Gesellschaft der römischen Republik und des frühen Prinzipats. Stuttgart, 2002.
- Stahl H.-P.* (ed.). Vergil's Aeneid: Augustan epic and political context. L., 1998.
- Stahlmann I.* Imperator Caesar Augustus. Studien zur Geschichte des Principatsverständnisses in der deutschen Altertumswissenschaft bis 1945. Darmstadt, 1988.
- Stahlmann I.* Vom Kaiser zum Gewaltherrscher. Das politologische Principatsverständnis der Schaefer-Schule // Archiv für Kulturgeschichte. 72, 1990. S. 1–22.
- Stark R.* Res publica (Diss.) Göttingen, 1936/1937. (= Oppermann H. /Hg./. Römische Wertbegriffe. 1967. S. 42–110 (Nachträge: 99–110).
- Stark R.* Ciceros Staatsdefinition // La Nouvelle Clio. Bd. 6. 1954. S. 56–69 (= Klein R. /hg./. Das Staatsdenken der Römer. 1966. S. 332–347).
- Starr Ch. G. Jr.* The perfect democracy of the Roman empire // The American historical review. Vol. 58. N. 1. 1952. P. 1–16.
- Stein-Hölkeskamp E.* Werben um die Mehrheit: Demokratie und Agonalität im klassischen Athen // Flaig E. (hrsg.). Genese und Dynamik der Mehrheitsentscheidung. München, 2013. S. 65–78 (с литературой).
- Stein-Hölkeskamp E.* Marcus Porcius Cato — der stoische Streiter für die verlorene Republik // Hölkeskamp K.-J., Stein-Hölkeskamp E. (Hrsg.). Von Romulus zu Augustus. Große Gestalten der römischen Republik. München, 2000. S. 292–306.
- Stein-Hölkeskamp E., Hölkeskamp K.-J.* Erinnerungsorte der Antike. Die römische Welt. München, 2006.
- Steinmetz P.* (Hg.). Politeia und res publica: Beiträge zum Verständnis von Politik, Recht und Staat in der Antike; dem Andenken Rudolf Starks gewidmet. Wiesbaden, 1969.
- Stepper R.* Augustus et sacerdos. Untersuchungen zum römischen Kaiser als Priester. Von Caesar bis Theodosius I. Stuttgart, 2003.
- Stevenson T.* The “problem” with nude honorific statuary and portraits in late republic and Augustan Rome // G & R. Vol. 45,1. 1998. P. 45–69.
- Stevenson T.* Roman coins and refusals of the title Pater patriae // NC. Vol. 167. 2007. P. 119–141.
- Stevenson T.* The succession planning of Augustus // Burton P. (ed). Culture, identity and politics. P. 118–139.
- Stickler T.* “Gallus amore peribat”? Cornelius Gallus und die Anfänge der augusteischen Herrschaft in Ägypten. Rahden, Westfalen, 2002.
- Stier H. E.* Augustusfriede und römische Klassik // ANRW II. 1975. Bd 2. S. 3–54.
- Stockton D. L.* Primus and Murena // Historia. Bd. 14. 1965. P. 18–40.
- Strack P. L.* Der augusteische Staat // Strack P. u.a. (Hg.). Probleme der augusteischen Erneuerung. Frankfurt a. M., 1938.
- Strothmann M.* Augustus — Vater der res publica: zur Funktion der drei Begriffe “restitutio — saeculum — pater patriae” im augusteischen Principat. Stuttgart, 2000.

- Suerbaum W.* Vom antiken zum frühmittelalterlichen Staatsbegriff: über Verwendung und Bedeutung von *Res publica*, *Regnum*, *Imperium* und *Status* von Cicero bis Jordanis. Münster, 1977³.
- Suerbaum W.* Hundert Jahre Vergil-Forschung: Eine Systematische Arbeitsbibliographie mit besonderer Berücksichtigung der Aeneis // ANRW II. Bd. 31,1. 1980. S. 3–358. Verzeichnis der Modernen Autoren und Herausgeber // ANRW II. Bd. 31,2. 1981. S. 1359–1399.
- Suerbaum W.* Vergils Aeneis: Epos zwischen Geschichte und Gegenwart. Stuttgart, 1999.
- Sumner G. V.* The truth about Velleius Paterculus: Prolegomena // HSCP. Vol. 74. 1970. P. 257–297.
- Sumner G. V.* Varrones Murenæ // HSCP. Vol. 82. 1978. P. 187–195.
- Sünskes Thompson J.* Demonstrative Legitimation der Kaiserherrschaft im Epochenvergleich. Zur politischen Macht des stadtrömischen Volkes. Stuttgart, 1993.
- Suspène A.* Aspects numismatiques de la *Res publica restituta* augustéenne // Hurlet F., Mineo B. (ed.). Le principat d'Auguste:.. Rennes, 2009. P. 145–167.
- Sutherland C. H. V.* Coinage in Roman imperial policy. L., 1951.
- Sutherland C. H. V., Okay N., Merrington K. E.* The cistophori of Augustus. L., 1970.
- Sutherland C. H. V.* Coinage in Roman imperial policy 31 B.C.–A.D. 68. L., 1951; N. Y., 1971.
- Sutherland C. H. V.* The emperor and the coinage. Julio-Claudian studies. L., 1976.
- Sutherland C. H. V.; Carson R. A. G.* (ed.) The Roman imperial coinage. 10 vols. Vol. 1. From 31 B.C.–A.D. 69. L., 1984.
- Swan M.* The consular fasti of 23 B.C. and the conspiracy of Varro Murena // HSCP. Vol. 71. 1967. P. 235–247.
- Swan P. M.* The Augustan succession. An historical commentary on Cassius Dio's Roman history books 55–56 (9 B.C.–A.D. 14). Oxf.; N. Y., 2004.
- Swoboda E.* Octavian und Illiricum. Wien, 1932.
- Syme R.* The allegiance of Labienus // JRS 28. 1938. 138 ff. (= id. Roman papers I. P. 62–75)
- Syme R.* The Roman revolution. L.; Oxf., 1939; Oxf., 2002² (reissued).
- Syme R.* Imperator Caesar: a study in imperial nomenclature // Historia. Bd. 7. 1958. P. 172–188 = ids. Roman papers. Vol. 1. Oxf., 1979. P. 361–377.
- Syme R.* Tacitus. 2 vols. Oxf., 1958.
- Syme R.* Livy and Augustus // HSCP. Vol. 64. 1959. P. 27 ff. = id. Roman papers. Vol. I. P. 400–454.
- Syme R.* History in Ovid. Oxf., 1978.
- Syme R.* Roman papers. 7 vols. Ed. by E. Badian. and A. Birley. Oxf., 1979–1991.
- Syme R.* The Augustan Aristocracy. Oxf., 1986.
- Taege F.* Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. Bd. 1–2. Stuttgart, 1957–1960.
- Talbert R. J. A.* The senate of imperial Rome. Princeton, N.J., 1984.
- Talbert R. J. A.* The senate and the equestrian posts // CAH² X. Cambr., 1996. P. 324–343.

- Tamm B.* Auditorium and palatium: a study of assembly-rooms in Roman palaces during the 1st century B.C. and the 1st century A.D. Stockholm, 1963.
- Tamm B.* Aula regia // Stockholm studies in classical archaeology (Opuscula 5). Stockholm, 1968. P. 135–243.
- Tarn W. W.* Antigonos Gonat. Oxf., 1913 (repr.: 1969).
- Tarn W. W.* Alexander Helios and the golden age // JRS. Vol. 22. 1932.
- Tarn W. W., Charlesworth M. P.* Octavian, Antony and Cleopatra. Cambr., 1965 (dt.: München, 1967).
- Tautz B.* Das Bild des Kaisers Augustus in der Naturalis Historia des Plinius. Trier, 1999.
- Taylor L. R.* Party politics in the age of Caesar. Berkeley etc., 1949.
- Taylor L. R.* Roman voting assemblies: from the Hannibalic war to the dictatorship of Caesar. Ann Arbor, 1966.
- Taylor L. R.* The divinity of the Roman emperor. Middletown, CO, 1941.
- Terio S.* Der Steinbock als Herrschaftszeichen des Augustus. Münster, 2006.
- Thornton M. K.* The Augustan Tradition and Neronian Economics // ANRW II. Bd. 2. 1975. S. 149–175.
- Thornton M. K.; Thornton R. L.* Julio-Claudian building programs: a quantitative study in political management. Wauconda, Ill., 1989.
- Tietz W.* Die Bautätigkeit Agrippas auf dem Marsfeld (27–25 v.Chr.). Bestand und Programm // Ronning Chr. (Hrsg.). Einblicke in die Antike. Orte — Praktiken-Strukturen. München, 2006. S. 181–202.
- Timpe D.* Untersuchungen zur Kontinuität des frühen Prinzipats. Wiesbaden, 1962.
- Timpe D.* Geschichtsschreibung und Prinzipatsopposition // Raaflaub K.; Giovannini A. Opposition... P. 65–102 (= Timpe D., Walter U. Antike Geschichtsschreibung. Darmstadt, 2007. S. 237–258).
- Timpe D., Walter U.* (Hg.). Antike Geschichtsschreibung: Studien zur Historiographie. Darmstadt, 2007.
- Timpe D.* Moderne Konzeptionen des Kaisertums // Winterling A. (Hg.). Zwischen Strukturgeschichte... S. 127–159.
- Toher M.* Augustus and the evolution of Roman historiography // Raaflaub K., Toher M. (eds.). Between... P. 139–154.
- Toher M.* Divining a lost text: Augustus' autobiography and the Bios kaisaros of Nicolaus of Damascus // Smith Chr.; Powell A. (eds.). The lost memoirs of Augustus... P. 125–144.
- Toher M.* The exitus of Augustus // Hermes. Bd. 140,1. 2012. P. 37–44.
- Tomei M. A.* Museo Palatino. Milano, 1997.
- Tomei M. A.* Le case di Augusto sul Palatino // RM. Bd. 107. 2000. P. 7–36.
- Tomei M. A.* (ed.). Carta archeologica di Roma. 1. Primo quadrante (Lexicon topographicum urbis Romae ; Suppl. 1). Roma, 2005.
- Tomei M. A.* Die Residenz des ersten Kaisers — der Palatin in Augusteischer Zeit // Hoffmann A; Wulf U. (Hgg.). Die Kaiserpaläste... 2006. S. 6–17.

- Tomei M. A.* Rome: memories from underground: archaeological finds, 1980–2006. Milano, 2007.
- Torelli M.* Roman Art, 43 B.C. to A.D. 69 // CAH² X. P. 930–958.
- Townend G.* Literature and Society // CAH² X. P. 905–929.
- Tränkle H.* Augustus bei Tacitus, Cassius Dio und dem alteren Plinius // WSt. NF 3. 1969. P. 108–130.
- Tränkle H.* Zu Cremutius Cordus Fr. 4 Peter // MH. Bd. 37. 1980. S. 231–241.
- Treggiari S. M.* Roman marriage: iusti coniuges from the time of Cicero to the time of Ulpian. Oxf., 1991.
- Treggiari S. M.* Social status and social legislation // CAH² X. P. 873–904.
- Ungaro L.* The Museum of the imperial forums in Trajan's market. Milano, 2007. P. 118–169.
- Ungern-Sternberg J. von.* Die Legitimitätskrise der römischen Republik // HZ. Bd. 266. 1998. S. 607–624 (= id. Römische Studien. Geschichtsbewußtsein — Zeitalter der Gracchen — Krise der Republik. München etc., 2006. S. 391 ff.).
- Ungern-Sternberg J. von.* Die Romulusnachfolge des Augustus // W. Schuller (Hg.), Politische Theorie und Praxis im Altertum, Darmstadt, 1998. S. 166–82.
- Vermeule C. C.* Un aureo augusteo del magistrato monetale Cossus Lentulus // Numismatica. N. s. Vol. 1. 1960. P. 5–11.
- Veyne P.* Le pain et le cirque. Sociologie historique d'un pluralisme politique. P., 1976.
- Vierneisel K., Zanker P.* (Hrsg). Die Bildnisse des Augustus: Herrscherbild und Politik im kaiserlichen Rom. Sonderausstellung der Glyptothek und des Museums für Abgüsse klassischer Bildwerke. München, 1979.
- Vishnia R. F.* State, society and popular leaders in mid-republican Rome: 241–167 B.C. L., 1996.
- Vishnia R. F.* Roman elections in the age of Cicero: society, government, and voting. N. Y. etc., 2012.
- Visscher F. De.* Les Pouvoirs d'Octavien en 32 av. J.-C. // Nouvelles Et. de Droit romain public et privé. Milan, 1949. P. 1–26 (dt.: Schmitthenner W. /Hrsg./ Augustus. S. 199–229).
- Vittinghoff F.* Der Staatsfeind in der römischen Kaiserzeit. Untersuchungen zur damnatio memoriae. Bonn, 1936.
- Vittinghoff F.* Civitas Romana. Stadt und politisch-soziale Integration im Imperium Romanum der Kaiserzeit (hg. von W. Eck). Stuttgart, 1994.
- Vittinghoff F.* Kaiser Augustus. Göttingen, 1959; 1991³.
- Vogt J.* Ciceros Glaube an Rom. Stuttgart, 1935 (ND: Darmstadt, 1963).
- Vogt J.* Vom Reichsgedanken der Römer. Leipzig, 1942.
- Wacholder B. Z.* Nicolaus of Damascus (University of California studies in history. Vol. 75). Berkeley, Calif. etc., 1962.
- Walbank F. W.* A historical commentary on Polybios. 3 vols. Oxf., 1999.
- Walbank F. W.* Polybios, Rome, and the hellenistic world. Cambr., 2002.

- Walker S., Burnett A.* The image of Augustus. L., 1981.
- Wallace-Hadrill A.* Family and inheritance in the Augustan marriage laws // PCPS 207. 1981. P. 58–80.
- Wallace-Hadrill A.* Civilis princeps: between citizen and king // JRS. Vol. 72. 1982. P. 32–48.
- Wallace-Hadrill A.* Suetonius: the scholar and his Caesars. L., 1983.
- Wallace-Hadrill A.* Image and authority in the coinage of Augustus // JRS. Vol. 76. 1986. P. 66–87.
- Wallace-Hadrill A.* Patronage in Roman society: from republic to empire // id. (ed.). Patronage in ancient society. L., 1989.
- Wallace-Hadrill A.* The imperial court // CAH² X. P. 283–308.
- Wallace-Hadrill A.* Mutatas formas: The Augustan transformation of Roman knowledge // The Cambridge companion to the age of Augustus. Ed. K. Galinsky. Cambr., 2005.
- Wallace-Hadrill A.* Rome's cultural revolution. Cambr. etc., 2008.
- Wallmann P.* Triumphviri rei publicae constituendae. Untersuchungen zur politischen Propaganda im Zweiten Triumphvirat (43–30 v. Chr.). Frankfurt, 1989.
- Walter U.* Memoria und res publica. Zur Geschichtskultur im republikanischen Rom. Frankfurt am Main, 2004.
- Walter U.* The lost memoirs of Augustus and the development of Roman autobiography // HZ. Bd. 292,3. 2011. S. 743–751.
- Walter U.* Der Princeps als Produkt und Gestalter. Augustus, Tiberius und ihre neueren Biographen // Winterling A. Zwischen Strukturgeschichte und Biographie. S. 235–252.
- Wardle D.* Agrippa's refusal of a triumph in 19 B.C. // Antichthon. Vol. 28. 1994. P. 58–64.
- Wardle D.* Suetonius and Augustus' "programmatic edict" // RM. NF Bd. 148. 2005. 181–201.
- Wardle D.* Suetonius on Augustus as god and man // CQ. Vol. 62. 2012, Nr. 1. P. 307–326.
- Wardle D.* Suetonius. Live of Augustus (commentary). Oxf., 2014.
- Watkins T. H. L.* Munatius Plancus. Serving and surviving in the Roman revolution. Atlanta, GA, 1997.
- Weber G.* Kaiser, Träume und Visionen in Prinzipat und Spätantike. Stuttgart, 2000.
- Weber W.* Princeps: Studien zur Geschichte des Augustus. 1. (einziger) Bd. Stuttgart, 1936. (ND: Aalen, 1969).
- Weinstock S.* Divus Iulius. Oxf., 1971.
- Weippert O.* Alexander-Imitatio und römische Politik in republikanischer Zeit. Augsburg, 1972.
- Welwei K-W.* Augustus als vindex libertatis. Freiheitsideologie und Propaganda im frühen Prinzipat // AU. Bd. 16,3. 1973. S. 29–41 (= Welwei K.-W. etc. Res publica und imperium... S. 217–229).
- Welwei K-W.* Caesars Diktatur, der Prinzipat des Augustus und die Fiktion der historischen Notwendigkeit // Gymnasium. Bd. 103. 1996. S. 477–497 (= ids. Res publica und Imperium... S. 196–216).

- Welwei K.-W.* Res publica und Imperium: Kleine Schriften zur römischen Geschichte. Hg. von M. Meier, M. Strothmann (Hgg.). Wiesbaden, 2004.
- Wendt Chr.* Sine fine. Die Entwicklung der römischen Außenpolitik von der späten Republik bis in den frühen Prinzipat. Berlin, 2008.
- Wesch-Klein G.* Provincia: Okkupation und Verwaltung der Provinzen des Imperium Romanum von der Inbesitznahme Siziliens bis auf Diokletian. Ein Abriß. Münster, 2008.
- White P.* Julius Caesar in Augustan Rome. Phoenix. Vol. 42,4. 1988. P. 334–356 (перевод С. Э. Таривердиевой и О. В. Любимовой на сайте ancientrome.ru).
- Wickert L.* Caesars Monarchie und der Prinzipat des Augustus // Neue Jahrbücher für Antike und deutsche Bildung. 116 (n. F. 4) 1941. Hf. 1. S. 12–23 (= Binder G. Saeculum Augustum. Bd. I. 1987. S. 61–77, gekürzt).
- Wickert L.* Der Prinzipat und die Freiheit // Symbola coloniensis. Festschrift J. Kroll. Köln, 1949. S. 111–141 (= Klein R. /hg./. Prinzipat und die Freiheit. 1969. S. 94–135).
- Wickert L.* Princeps (civitatis) // RE. XXII,2. 1954. Sp. 1998–2296.
- Wickert L.* Neue Forschungen zum römischen Prinzipat // ANRW II. Bd. 1. Berlin; N.Y., 1974. S. 3–76.
- Wickert L.* Entstehung und Entwicklung des römischen Herrscherideals // Kloft H. (Hrsg.) 1980³. Ideologie und Herrschat... P. 339–350.
- Wieacker F.* Vom römischen Recht. 10 Versuche. Stuttgart, 1961².
- Wieacker F.* Augustus und die Juristen seiner Zeit // RHD. 37. 1969. S. 331–349.
- Wieacker F.* Zur Verfassungsstruktur des augusteischen Prinzipats // Im Dienste Deutschlands und des Rechtes... Hrsg. von Friedrich J. Kroneck... Baden-Baden, 1981. S. 639–650.
- Wieacker F.* Römische Rechtsgeschichte. 2 Bde. München, 1988–2006. Hrsg. von J. G. Wolf. Bd. 2. Zweiter Abschnitt: Die Jurisprudenz vom frühen Prinzipat bis zum Ausgang der Antike im weströmischen Reich und die oströmische Rechtswissenschaft bis zur justinianischen Gesetzgebung. 2006.
- Wiegand I.* Nequere libere neque vere. Die Literatur unter Tiberius und der Diskurs der res publica continua. Tübingen, 2013.
- Wigtil D. N.* The ideology of the Greek “Res Gestae” // ANRW II. Bd. 30,1. 1982. S. 624–638.
- Wilkinson, Sam.* Republicanism during the early Roman empire. L. etc., 2012.
- Williams G.* Change and decline: Roman literature in the early empire. Berkeley, CA, 1978.
- Williams G.* Phases in political patronage of literature in Rome // Gold B. K. (ed.) Literary and artistic patronage in ancient Rome. Austin, Tex., 1982. P. 3–27.
- Williams G. W.* Did Maecenas “fall from favor”? Augustan literary patronage // Raaflaub K.; Toher M. Between... P. 258–275.
- Winterling A.* (Hrsg.). Zwischen “Haus” und “Staat”: antike Höfe im Vergleich. München, 1997.
- Winterling A.* Aula Caesaris: Studien zur Institutionalisierung des römischen Kaiserhofes in der Zeit von Augustus bis Commodus (31 v. Chr.–192 n. Chr.). München, 1999².
- Winterling A.* Caligula. München, 2003; 2011².

- Winterling A.* Dyarchie in der römischen Kaiserzeit. Vorschlag zur Wiederaufnahme der Diskussion // Nippel, W.; Seidensticker, B. (Hrsg.): Theodor Mommsens langer Schatten. Das römische Staatsrecht als bleibende Herausforderung für die Forschung. Hildesheim 2005. S. 177–198.
- Winterling A.* Freundschaft und Klientel im kaiserzeitlichen Rom // *Historia*. Bd. 57. 2008. P. 298–316 (engl.: id. Politics and society in imperial Rome. Maiden etc. 2009. P. 34–57).
- Winterling A.* Politics and society in imperial Rome. L.; Malden, Mass. etc., 2009.
- Winterling A.* (Hrsg.). Zwischen Strukturgeschichte und Biographie. Probleme und Perspektiven einer römischen Kaisergeschichte (Augustus bis Commodus). München, 2011.
- Winterling A.* Die Freundschaft der römischen Kaiser // *Winterling A.* Zwischen Strukturgeschichte und Biographie. 2011. S. 207–232.
- Wirszubski Ch.* Libertas as a political idea at Rome during the late republic and early principate. Cambr., 1950.
- Wiseman T. P.* New men in the Roman senate, 139 B.C.–14 A.D. Oxf., 1971.
- Wiseman T. P.* The house of Augustus and the lupercal // *JRA*. Vol. 22. 2009. P. 527–545.
- Wissowa G.* Die Saecularfeier des Augustus // *ids.* Gesammelte Abhandlungen zur römischen Religions- und Staatsgeschichte. München, 1904. S. 192–210.
- Wistrand E.* The so-called “Laudatio Turiae”. Introduction, text, commentary. Göteborg, 1976.
- Wistrand E.* The policy of Brutus the tyrannicide. Göteborg, 1981.
- Witte B.* Tacitus über Augustus. Münster, 1963.
- Witulski Th.* Kaiserkult in Kleinasien: die Entwicklung der kultisch-religiösen Kaiserverehrung in der römischen Provinz Asia von Augustus bis Antoninus Pius. Göttingen, 2007.
- Wlosok A.* Vergil in der neueren Forschung // *Gymnasium*. Bd. 80, 1/2. 1973. S. 139–141.
- Wlosok A.* (Hrsg.). Vergil in der neueren Forschung. Heidelberg, 1973.
- Wlosok A.* (Hrsg.). Römischer Kaiserkult. Darmstadt, 1978.
- Woodman A. J.* Questions of date, genre and style of Velleius Paterculus // *CQ*. Vol. 25. 1975. P. 272–306.
- Woodman A. J.* Velleius Paterculus: The Tiberian narrative (2.94–131). Cambr. etc., 1977.
- Woodman A. J.* Velleius Paterculus: The Caesarian and Augustan narrative (2.41–93). Cambr. etc., 1983 (paperback 2004).
- Woodman A. J., West D.* (eds.) Poetry and politics in the age of Augustus. Cambr., 1984; 1989.
- Wolff G.* Provincial Perspectives // *Galinsky K.* The age of Augustus. Cambr., 2005. P. 106–129.
- Wussow S.* Die Persönlichkeit des Cato Uticensis — zwischen stoischer Moralphilosophie und republikanischem Politikverständnis. Düsseldorf, 2004 [Mikrofiche-Ausg.].
- Yakobson A.* Elections and electioneering in Rome: a study in the political system of the late republic. Stuttgart, 1999.
- Yavetz Z.* Plebs and princeps. Oxf., 1966; 1969 (New Brunswick, 1988²).
- Yavetz Z.* Caesar in der öffentlichen Meinung. Düsseldorf, 1979.
- Yavetz Z.* The Res Gestae and Augustus’ public image // *Millar F.; Segal E.* (eds.). Caesar Augustus. P. 1–36.

- Yavetz Z.* The personality of Augustus: reflections on Syme's Roman revolution // Raaflaub K., Toher M. Between... P. 21–41.
- Yavetz Z.* Kaiser Augustus. Eine Biographie. Reinbek bei Hamburg, 2010.
- Zachos K. L.* Nikopolis // JRA. Vol. 16. 2003. P. 93–107.
- Zachos K. L.* The tropaeum of the sea-battle of Actium at Nikopolis: interim report // JRA. Vol.16. 2003. P. 65–92.
- Zanker P.* Forum Augustum. Das Bildprogramm. Tübingen, 1967 (= in: Binder G. /hrsg./ Saeculum Augustum. Bd. III. S. 60–111 u. Tafel. 1–11).
- Zanker P.* Forum Romanum. Die Neugestaltung durch Augustus. Tübingen, 1968; 1972².
- Zanker P.* Studien zu den Augustusporträts I. Der Aktium-Typus. Göttingen, 1973; 1978².
- Zanker P.* Provinzielle Kaiserporträts. München, 1983.
- Zanker P.* Augustus und die Macht der Bilder. Untersuchung der archäologischen Zeugnisse für die augusteische Herrschaftsideologie. München, 1987; 1990². 2003⁴; 2009⁵. (engl.: The power of images in the age of Augustus, tr. A. Shapiro. Ann Arbor, MI, 1988).
- Zanker P.* Der Kaiser baut fürs Volk. Opladen, 1997.
- Zanker P.* Die Apotheose der römischen Kaiser. München, 2004.
- Zanker P.* Die römische Kunst. München, 2007.
- Zanker P.* La città romana. Roma, 2013 (dt.: Die römische Stadt. München, 2014).
- Zecchini G.* La morte di Catone e l'opposizione intellettuale a Cesare ad Augusto // Athenaeum. T. 58. 1980. P. 39–56.
- Zink S.* Old and new archaeological evidence for the plan of the Palatine temple of Apollo // JRA. Vol. 25. 2012. P. 388–402.

XII.7. Summary

Jakov Yu. Mezheritskiy. Emperor Augustus' "Restored Republic"

This monograph is concerned with political, social-psychological and cultural aspects of the history of the Roman society at the turn of the eras. The research is focused on the nature of the phenomenon which is usually called "the principate of Augustus". The creator of the new Roman statehood and his contemporaries preferred to speak of "*res publica restituta*". The true sense of this definition will be clear if we turn to the concrete historical content of the term *res publica*. It meant not a specific form of state but such a social and political order under which the principle of "common wealth" was put into effect on the basis of law: "*est... res publica res populi*" (Cic. rep. I. 39).

Since the time of "great conquests" the Roman state had consisted of two elements connected in a hierarchical way: Roman *civitas* and its "empire". Their statuses crucially differed from each other. (Specificity of distinct provinces, towns and communities is not an issue here). The (quasi-) community of Roman citizens which had exceedingly grown and undergone a transformation was sovereign, and this was expressed in the official name of the state *Senatus Populusque Romanus*. "The empire of the Roman people" is another matter. Provinces of which it consisted belonged to Rome by the law of sword and in accordance with unequal treaties. Free men were its subjects. As the princeps and holder of the tribune's power Augustus was the protector of 'the Republic' and plenipotentiary of *populus Romanus*. As regards the provinces, this was expressed in holding the supreme power (*imperium* or *imperium maius*) that meant among other things supreme command over the legions garrisoned in the provinces. That is why outside Italy Augustus above all appeared as an Emperor ("*autocrator*"). He was perceived as the sole ruler by provincials and as the heir of Hellenistic kings in the East.

The situation in Rome and Italy where the bulk of Roman citizens resided was rather different. *Civitas Romana* (community of Roman citizens) embraced a comparatively small part of the new Roman orb being settled by Augustus. But it was the core which had a special status. Here Octavian-Augustus appeared above all as the princeps — the first one among the citizens, the organizer and bearer of "*Res publica restituta*". Cicero helps to shed light on this situation.

Res publica, according to Cicero, is something characteristic of a correctly organized civic community (*civitas*). It is characterized by the priority of common interests of citizens combined with the due observance of their

rights. These principles can be realized under a correctly functioning monarchy, aristocratic rule or democracy. But if the rulers — no matter how many of them — act in their own, selfish interests, there is no “republic” (*“res publica amissa”* as Cicero says). This rotten, corrupt form of state is a tyranny (of monarch, oligarchs or mob). *Res publica* corresponds with the correct forms of state (polities) according to Aristotle. The mixed constitution where all of the three abovementioned simple forms were integrated and balanced by each other was considered to be the best. These ideas articulated by Cicero for the Roman circumstances exerted influence on the plans of Octavian-Augustus.

Augustus’ project of “restoring the Republic” satisfied the aspirations of his fellow citizens, their nostalgic yearning for the good old days. On the other hand, the reformer was acquainted with ideas of contemporary political philosophy. Willing to make history as the founder of the best state structure, Augustus tended to create his own upgraded model of a mixed constitution (*status optimus*). In Augustus’ “best arrangement of the Republic” three traditional elements represented by the consuls, senate and assemblies were supplied by the “top citizen” — princeps — the protector and curator of *“res publica restituta”*.

There was no impenetrable border between the two elements of Roman orb (*civitas* and its “Empire”), all the more so because they both were controlled by Augustus. In one of them he was above all the princeps — the first among equals; in the other — the emperor and monarch in fact. Practically these statuses and roles didn’t contradict each other. On the contrary, after two thousand years it seems to be apparent that they couldn’t exist separately. As a Roman emperor, like many commanders of the late Republic, Augustus had an enormous power in provinces and was worshipped as a god there. Also he had an exclusive “authority” in Rome not only for his services and “virtues” but as the most powerful man who controlled the army and managed the huge resources of the Mediterranean. The book traces the development of this policy and its manifestation in the formation of the state, mythology and religion, the fine arts and architecture, historiography and other genres of literature. From this follows the conclusion that the ideology of “republicanism”, shared by the Roman citizens, was undoubtedly an important reference point for the government too.

The “principate” was not a term for denoting the state system at that time. The term is inherently inadequate. On the one hand the Roman state under Augustus was a *civitas* with her *res publica* and *princeps*, but on the other hand — it was a monarchical empire. Under the uniting power of the emperor and the princeps both elements were integrated in a consolidated

Empire (state structure). The monarchical element gradually increased in it due to the prevailing influence of the size and resources of the provinces. In Rome, it became distinctly apparent after the death of Augustus. The beginnings of opposition ideology sprouted up after about a decade (the case of Cremutius Cordus).

This element became more evident in Rome after the death of Augustus. Some traits of “Republic”, evolving with time, gradually lost their real content in subsequent decades and centuries. The almost semicentennial rule of the princeps and emperor Augustus forms a specific transition period of this process.

Table of contents

Preface	9
I. Myths and realities of Augustus' century	13
II. Interpretation of principate and «the restored republic»	59
III. «The Roman republic»: uncontested crisis and competition of alternatives	123
IV. «The Return of the Republic»: the ideas, the plan, the implementation of	203
V. Res publica restituta and her mixed constitution in theory and practice	295
VI. Ancient myths for a new century	389
VII. Self-presentation of the new regime: the word and the image	481
VIII. The building policy and the monumental propaganda	555
IX. Metamorphosis of the idea of «republic» in the age of Empire	645
X. The restoration of «republic», the foundation of the Empire and the formation of the monarchy	749
XI. Conclusion: <i>res publica</i> and the Roman state in the Augustan time	817
XII. Suppliments (index, bibliography etc.)	825

XII.8. Resümee

Jakov Ju. Mezheritskiy. “Die wiederhergestellte Republik” des Imperators Augustus

Die Monographie behandelt die politischen, ideologischen, sozialen, psychologischen und kulturellen Aspekte der Geschichte der römischen Gesellschaft um die Zeitenwende. Der Schwerpunkt der Forschung ist die Frage nach der Natur des Phänomens, das üblicherweise als “Principat des Augustus” bezeichnet wird. Der Schöpfer eines neuen römischen Staates und seine Zeitgenossen zogen es vor, von der “Wiederherstellung der Republik” zu sprechen. Die wahre Bedeutung dieser Definition kann nur auf der Grundlage des spezifisch historischen Begriffs “*res publica*” erfasst werden. In den Tagen des Cicero und des Augustus bezeichnete das keine bestimmte Form des Staates, sondern eine soziale und politische Ordnung, nämlich diejenige, bei der auf der Grundlage des Gesetzes das Prinzip der “gegenseitigen Nutzens” verwirklicht wird: “*est... res publica res populi*” (Cic. de rep. 39).

Der römische Staat bestand seit der Zeit der großen Eroberungen aus zwei hierarchisch verbundenen Teilen: aus der römischen *civitas* und ihrem Besitz — dem *imperium*. Der Status der beiden unterschied sich prinzipiell. (Besonderheiten der einzelnen Provinzen, Städte und Gemeinden bleiben hier unberücksichtigt). Die unermesslich gewachsene und qualitativ entwickelte (quasi-) Gemeinde der römischen Bürger war der Souverän. Das äußerte sich schon in der amtlichen Benennung des Staates: “*Senatus Populusque Romanus*”. Ganz anders war es mit dem “Imperium des römischen Volkes”. Die Provinzen, aus der dieses bestand, gehörten Rom nach dem Anrecht des Schwertes und ungleicher Verträge. Freie Anwohner der Provinzen wurden als unterstellte betrachtet. Als Princeps und Besitzer der tribunizischen Gewalt war Augustus der Schirmherr der “Republik” und der Repräsentant des *populus Romanus*. In den Provinzen äußerte sich das im Besitz der oberen Gewalt (*imperium* oder *imperium maius*). Diese bedeutete neben anderem das Oberkommando der in den Provinzen stationierten Legionen. Deswegen trat Augustus außerhalb Italiens vor allem als imperator (griechisch “*autokrator*”) auf. Von der Bevölkerung der Provinzen wurde er als Einzelherrscher aufgefasst, im Orient als Erbe der hellenistischen Könige.

Anders war das in Rom und Italien, wo der Hauptanteil der römischen Bürger wohnte. Die *civitas Romana* (römische bürgerliche Gemeinde) umfasste einen vergleichsweise kleinen Anteil der von Augustus ausgebauten neuen römischen Weltmacht. Aber sie war der Kern und besaß außerdem einen besonderen

Status. Hier trat Octavian-Augustus vor allem in der Rolle des *princeps* auf — als erster Bürger, Veranstalter und als “Wiederhersteller” der *res publica*. Diese Situation hilft Cicero zu klären.

Res publica ist nach Cicero kennzeichnend für eine richtig aufgebaute bürgerliche Gemeinde (*civitas*). Charakteristisch für sie ist die Priorität der gemeinsamen Interessen der Bürger bei der Einhaltung ihrer Rechte. Diese Prinzipien können sich verwirklichen bei den Verhältnissen einer richtigen Monarchie, Aristokratie oder Demokratie. Aber, falls die Herrschenden, unabhängig davon, wie viele sie sind, nur nach eigensüchtigen Interessen handeln, ist die “Republik” nicht existent (Cicero: *res publica amissa*). Eine derart verdorbene, entstellte Ausgestaltung des Staats ist eine Tyrannei (ob von einem König, Oligarchen oder der Mehrheit). *Res publica* entspricht korrekten Gestaltungen des Staates (*politeia*) bei Aristoteles. Als die beste Form der *res publica* wurde eine gemischte Konstitution erachtet, in der die drei genannten korrekten Gestaltungen einander ausgleichen. Diese Ideen wurden anhand der römischen Verhältnisse von Cicero formuliert. Sie hatten einen fühlbaren Einfluss auf die Pläne des Octavian-Augustus.

Das Vorhaben des Augustus, die Republik wiederaufzubauen, entsprach dem Streben der Mitbürger, ihrer nostalgischen Sehnsucht nach den “alten guten Zeiten”. Andererseits war der Neugestalter vertraut mit den Ideen der zeitgenössischen politischen Philosophie. Weil er wünschte, in die Annalen der Geschichte als Gründer der besten Staatsordnung einzugehen, zielte Augustus darauf, ein eigenes verbessertes Modell der gemischten Konstitution (*novus rei publicae status optimus*) zu schaffen. In der augusteischen “besten Einrichtung der Republik” wurden die drei herkömmliche Bestandteile — Konsuln, Senat und Volksversammlungen, — mit dem Princeps als Garant und Anwalt der “wiederhergestellten Republik” ergänzt. In dem Buch wird die Entstehung dieser Politik und ihre Erscheinungen in den staatlichen Organisation, Mythologie und Religion, bildenden Kunst und Architektur, Geschichtsschreibung und anderen Literaturgattungen nachgegangen. Die “republikanische” Ideologie, welche die römische Bürgerschaft teilte, war ohne Zweifel ein wichtiger Orientierungspunkt auch für die Regierung.

Zwischen den beiden Bestandteilen römischer Macht (*civitas* und *imperium*) bestand keine undurchdringliche Grenze, und das umso weniger, als Augustus beide kontrollierte. In dem einen war er vor allem princeps inter pares — “erster zwischen gleichen”, in dem anderen imperator — und im Grunde Monarch. In der Tat widersprachen sich diese Rollen nicht. Als der römische Kaiser, besaß Augustus — wie auch viele Heerführer im letzten Jahrhundert der Republik — in den Provinzen eine riesige Macht und wurde dort wie eine Gottheit geachtet. In Rom verfügte er über eine außerordentliche “Autorität” nicht nur dank seiner Verdienste und “Tugenden”, sondern auch als der mächtigste

Mann, der die Armee kontrollierte und die riesigen Ressourcen des Mittelmeeres verwaltete.

In der hier betrachteten Zeit war der Begriff "Principat" keine Bezeichnung der Staatsordnung. Der Terminus ist auch dem Inhalt nach unangemessen. Der römische Staat war in der Zeit des Augustus einerseits die *civitas* mit ihrer *res publica* und ihrem princeps, aber andererseits ein monarchisches imperium. Unter der einigenden Führung des imperators und princeps wurden beide Komponenten in ein einheitliches Römisches Imperium integriert. In dieser neuen Einheit steigerte sich das monarchische Element schon infolge der Größe und der Ressourcen der Provinzen. In Rom wurde es deutlicher nach dem Tod des Augustus. Denn erst ungefähr zehn Jahre danach offenbarte sich die oppositionelle Ideologie (der Fall von Cremutius Cordus). Was die "Republik" betrifft, so wurden ihre "Anführungsstriche" verändert und verloren den realen Inhalt im Laufe der nachfolgenden Jahrzehnte. Die fast ein halbes Jahrhundert dauernde Regierung des Princeps und Kaisers Augustus hat in diesem Prozess den besonderen Platz einer Übergangsperiode belegt.

Inhaltsverzeichnis

Vorwort	9
I. Mythen und Realien des <i>saeculum Augustum</i>	13
II. Interpretationen des "Prinzipats" und der "wiederhergestellten Republik"	59
III. "Römische Republik": Krise ohne Alternative und die Konkurrenz der Alternativen	123
IV. "Wiederherstellung der Republik": Ideen, Vorhaben, Verwirklichung	203
V. <i>Res publica restituta</i> und ihre gemischte Konstitution in der Theorie und der Praxis	295
VI. Alte Mythen für das neue Zeitalter	389
VII. Selbstdarstellung des neuen Regierungsform: Wort und Bild	481
VIII. Baupolitik und die monumentale Propaganda	555
IX. Metamorphosen der Idee der <i>res publica</i> im Zeitalter des Imperiums	645
X. Wiederherstellung der <i>res publica</i> , die Gründung des Römischen Imperiums und die Gestaltung der Monarchie	749
XI. Schluss: <i>res publica</i> und der römische Staat in der Zeit des Augustus	817
XII. Anhang (Register, Bibliographie etc.)	825

Книги, выпущенные издательством университета Дмитрия Пожарского (Русский фонд содействия образованию и науке)

Более подробную информацию о наших книгах (аннотации, оглавления, отдельные главы) вы можете найти на сайте www.s-and-e.ru

ГЕОПОЛИТИКА. СОЦИОЛОГИЯ. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

1. Валлерстайн Иммануил. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. *Wallerstein Immanuel. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century* / предисловие Г. М. Дерлугьяна; пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко, А. Черняева. М., 2015, 2016.
2. Валлерстайн Иммануил. Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и кон-солидация европейского мира-экономики, 1600–1750. *Wallerstein Immanuel. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750* / пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко. М., 2016.
3. Зверев В. О. Иностраннный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906–1914 гг.). М., 2016.
4. Кикнадзе В. Г. Невидимый фронт войны на море. Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века. М., 2011.
5. Козлов Д. Ю. Нарушение морских коммуникаций по опыту действий российского флота в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2013.
6. Котельников В. Р. Отечественные авиационные поршневые моторы 1910–2009. М., 2010.
7. Люттвак Эдвард Н. Стратегия: логика войны и мира. *Luttwak Edward N. The Strategy: Logic of War and Peace* / пер. с англ. А. Н. Коваля. М., 2012, 2015.

8. Люттвак Эдвард Н. Государственный переворот: практическое пособие. *Luttwak Edward N. Coup d'Etat: Practical Handbook* / пер. с англ. Н. Н. Платошкина. М., 2012, 2015.
9. Люттвак Эдвард Н. Подъем Китая vs. логика стратегии. *Luttwak Edward N. The Rise of China vs. the Logic of Strategy* (выйдет в 2016 году).
10. Мазов С. В. Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960–1964. М., 2015.
11. Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений / отв. ред. Н. И. Егорова. М., 2012.
12. Петров П. В. Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны: 1935 — весна 1941 гг. М., 2016.
13. Платошкин Н. Н. Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг. Часть 1. Весна чехословацкого социализма. 1938–1948 гг. М., 2016.
14. Платошкин Н. Н. Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг. Часть 2. Осень чехословацкого социализма. 1948–1968 гг. М., 2016.
15. Рашид Ахмед. Талибан / пер. с англ. М. В. Поваляева. М., 2003.
16. Свойский Ю. М. Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен. М., 2014.
17. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 2015.
18. Симонов Н. С. Несостоявшаяся информационная революция. Условия и тенденции развития в СССР электронной промышленности и СМИ. 1940–1969 гг. М., 2013.
19. Симонов Н. С. Очерки истории банковской системы России. 1988–2013 гг. М., 2016.
20. Степанов А. С. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 — первая половина 1941 года). М., 2009.
21. Томиока Садатоси. Политическая стратегия Японии до начала войны. М., 2016.
22. Тумишис М. А. Щит и меч Советского Союза. Справочник: краткие биографии руководителей органов государственной безопасности СССР и союзных республик (декабрь 1922 — декабрь 1991 гг.). М., 2016.
23. Улунян Ар. А. Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. — 1980 г.). М., 2013.
24. Фомин А. М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923. М., 2010.

25. Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники / отв. ред. А. С. Степанов. М., 2012.

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

26. Исэров А. А. США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815–1830. М., 2011.
27. Платошкин Н. Н. История Мексиканской революции. Том 1: Истоки и победа. 1810–1917 гг. М., 2011.
28. Платошкин Н. Н. История Мексиканской революции. Том 2: Выбор пути. 1817–1828 гг. М., 2011.
29. Платошкин Н. Н. История Мексиканской революции. Том 3: Время радикальных реформ. 1828–1940 гг. М., 2011.
30. Платошкин Н. Н. Чили 1970–1973 гг. Прерванная модернизация. М., 2011.
31. Платошкин Н. Н. Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года. М., 2013.
32. Платошкин Н. Н. Сандинистская революция в Никарагуа. Предыстория и последствия. М., 2015.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. НОВОЕ ВРЕМЯ. ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОЧНИКИ

а) Сборники и хрестоматии

33. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том I. Античные источники / сост. А. В. Подосинов, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
34. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том II. Византийские источники / сост. М. В. Бибилов, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2010.
35. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том III. Восточные источники / сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
36. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том IV. Западноевропейские источники / сост., пер., коммент. А. В. Назаренко, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2010.
37. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том V. Древнескандинавские источники / сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон,

- Е. А. Мельникова, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
38. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е.А. Мельниковой; авторы: М. В. Бибииков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, Е. А. Мельникова, А. В. Назаренко, А. В. Подосинов. М., 2013, 2015.
 38. Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах / отв. ред. Г. В. Глазырина. М., 2010.
 40. Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год: Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009.
 41. Древнейшие государства Восточной Европы. 2008 год: Пашуто В. Т. Русь. Прибалтика. Папство. Избранные статьи. М., 2011.
 42. Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 2013, 2015.
 43. Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте / отв. ред. Г. В. Глазырина. М., 2013.
 44. Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / отв. ред. А. В. Подосинов, О. Л. Габелко. М., 2014.
 45. Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / отв. ред. Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон. М., 2016.
 46. Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / отв. ред. тома Т. Н. Джаксон; отв. ред. сер. Е. А. Мельникова. М., 2016.
 47. Висы дружбы: Сборник статей в честь Т. Н. Джаксон / под ред. Н. Ю. Гвоздецкой, И. Г. Коноваловой, Е. А. Мельниковой, А. В. Подосинова. М., 2011.
 48. Самые забавные лживые саги: Сборник статей в честь Галины Васильевны Глазыриной / под ред. Т. Н. Джаксон и Е. А. Мельниковой. М., 2012.
 49. Именослов. История языка. История культуры. Сборник статей / отв. ред. Ф. Б. Успенский. М., 2012.
 50. Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова / отв. ред. О. В. Кудрявцева. М., 2011.
 51. Немецкие анналы и хроники X – XI вв. / пер. И. В. Дьяконова, В. В. Рыбакова. М., 2012.

52. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Том 2 / под ред. А. Л. Хорошкевич, С. В. Полехова, В. А. Воронина, А. И. Груши, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпина. М., 2015.
53. Формирование территории Российского государства. XVI — начало XX в. (границы и геополитика) / отв. ред. Е. П. Кудрявцева. М., 2015.

б) Русь и Россия. Славянский мир

54. Афанасьева Т. И. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: исследование и тексты. М., 2012.
55. Афанасьева Т. И. Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.). М., 2015.
56. Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2012.
57. Волков С. В. Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М., 2013.
58. Гайда Ф. А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016.
59. Евсеева Л. М. Аналойные иконы в Византии и Древней Руси. Образ и литургия. М., 2013.
60. Каштанов С. М. Исследование о молдавской грамоте XV века. М., 2012.
61. Каштанов С. М. Московское царство и Запад: историографические очерки. М., 2015.
62. Лидов А. М., Евсеева Л. М., Чугреева Н. Н. Спас Нерукотворный в русской иконе. М., 2008.
63. Мария Фёдоровна, императрица, 1847–1928. Ксения Александровна, вел. кн., 1875–1960, Ольга Александровна, вел. кн., 1882–1960. Письма (1918–1940) к княгине А. А. Оболенской / подгот. текста, пер. с франц. М. Е. Сороки, под ред. Л. И. Заковоротной. М., 2013.
64. Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / под ред. Г. В. Глазыриной и Т. Н. Джаксон. М., 2011.
65. Мендюков А. В. Русская Православная Церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX–XX веков. М., 2016.
66. Менькова И. Г. Блаженны кроткие... Священномученик Сергей Лебедев, последний духовник Московского Новодевичьего монастыря. Жизненный путь, проповеди, письма из ссылки. М., 2014.
67. Пётр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг.). Документы / сост.: М. Ю. Анисимов, Ю. П. Аншаков, Р. Распопович, Н. Н. Хитрова. М., 2013.
68. Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX в.). М., 2013, 2015.

69. Рахаев Д. Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века. М., 2012.
70. Столярова Л. В., Каштанов С. М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.) / отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2010.

в) *Западный мир. Восток*

71. Агишев С. Ю. Теодорик Монах и его «История о древних норвежских королях». М., 2013.
72. Ауров О. В., Марей А. В. Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст, Перевод, Исследование. М., 2012.
73. Белозёрова В. Г. Традиционное искусство Китая: В 2 т. Том 1: Неолит — IX век / отв. ред. М. Е. Кравцова. М., 2016.
74. Ганина Н. А. Мехтильда Магдебургская. Струящийся свет Божества. Перевод и исследования. М., 2014.
75. Генрих Хантингдонский. История англов / пер. с лат., вступ. ст., примеч., библиография и указатели С. Г. Мереминского. М., 2015.
76. Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование / отв. ред. Л. В. Столярова. М., 2012.
77. Долеман Р. (Парсонс Роберт). Рассуждение о наследовании английского престола. 1594 г. / перевод А.Ю. Серёгиной. М., 2013.
78. Долгорукова Н. М. Сафо Средневековья. Мария Французская: Круг чтения и литературные принципы автора XII в. М., 2016.
79. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 2012.
80. Калинина Т. М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015.
81. Лидов А. М. Росписи монастыря Ахтала. История, иконография, мастера. М., 2014.
82. Марей Е. С. Энциклопедист, богослов, юрист: Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М., 2014.
83. Мереминский С. Г. Формирование традиции: английское историописание второй половины XI — первой половины XII веков. М., 2016.
84. Святитель Хромотий Аквилейский. Проповеди / пер., вступ. ст. С. С. Кима. М., 2014.
85. Юлиана Нориджская. Откровения Божественной Любви / пер., вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. *Julian of Norwich. Revelations of Divine Love* / Edition, introduction, translation and commentaries by Juliana Dresvina. М., 2010.

ЭТНОГРАФИЯ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА. АРХЕОЛОГИЯ

86. *Иванова Л. И.* Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М., 2012
87. *Иванова Л. И.* Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М., 2016.
88. *Криничная Н. А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. М., 2011.
89. *Лобанова Н. В., Филатова В. Ф.* Археологические памятники в районе Онежских петроглифов. М., 2015.
90. *Лобанова Н. В.* Петроглифы Онежского озера. М., 2015.
91. *Логинов К. К.* Обряды, обычаи и конфликты традиционного жизненного цикла русских Водлозерья. М., 2010.
92. *Ольговский С. Я.* Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII–V вв. до н.э. По материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья. М., 2014.
93. *Толстая С. М.* Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015.

АНТИЧНОСТЬ. ВИЗАНТИНИСТИКА. ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОЛОГИЯ

94. *Гай Юлий Цезарь.* Записки о войне с галлами. Книга 1 / введение и комментарии С. И. Соболевского. М., 2011.
95. *Гай Юлий Цезарь.* Записки о войне с галлами. Книга 2–4 / введение и комментарии С. И. Соболевского. М., 2011.
96. *Квинт Смирнский.* После Гомера / вступ. ст., пер. с др. греч. яз., прим. А. П. Большакова М., 2016.
97. *Прокл Диадох.* Комментарий к первой книге «Начал» Евклида / пер. А. И. Щетникова. М., 2013.
98. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994–1998 гг. Херсон. Том I / Золотарёв М. И. и др. М., 2013.
99. Латинские панегирики / вступ. ст., пер. и комм. И. Ю. Шабаги. М., 2016.
100. С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова / под ред. Д. В. Журавлева, О. Л. Габелко. М., 2015.
101. Хроника Симеона Магистра и Логофета / пер. со среднегреч. А. Ю. Виноградова, вступ. ст. и комм. П. В. Кузенкова. М., 2013.

102. *Gaudeamus Igitur*: Сборник статей к 60-летию А. В. Подосинова / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, Г. Р. Цецхладзе. М., 2010.
103. Виноградов А. Ю. Миновала уже зима языческого безумия. Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010.
104. Виноградов А. Ю. «Деяния Андрея и Матфия в городе людоедов»: опыт прочтения одного апокрифа. М., 2014.
105. Ермолаева Е. Л. Гомер. Илиада. XVIII песнь «Щит Ахилла». М., 2011.
106. Жмудь Л. Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. М., 2012.
107. Завойкина Н. В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 2013.
108. Кузьмин Ю. Н. Аристократия Беров в эпоху эллинизма. М., 2013.
109. Кулланда С. В. Скифы: язык и этногенез. М., 2016.
110. Лапырёнок Р. В. Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. II в. до н.э. М., 2016.
111. Люттвак Эдвард Н. Стратегия Византийской империи. *Luttwak Edward N. The Grand Strategy of the Byzantine Empire* / пер. с англ. А. Н. Ковалёва. М., 2010, 2012.
112. Межеричский Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016.
113. Позднев М. М. Психология искусства. Учение Аристотеля. М., 2010.
114. Ревзин Г. Путешествие в Античность. Комплект фотографий и чертежей античных памятников с комментариями. М., 2006.
115. Смирнов С. В. Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М., 2013.
116. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Том II. Часть I. М., 2013.
117. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Том II. Часть II. М., 2013.
118. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Том II. Часть III. М., 2013.
119. Суриков И. Е. Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин. М., 2009.
120. Суриков И. Е. Античный полис. М., 2010.
121. Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011.
122. Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015.
123. Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2013, 2015.

124. *Файер В. В.* Александрийская филология и гомеровский гекзаметр. М., 2010.
125. *Файер В. В.* Рождение филологии. «Илиада» в Александрийской библиотеке. М., 2013.

ЖУРНАЛ «АРИСТЕЙ»

126. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. I. М., 2010.
127. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. II. М., 2010.
128. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. III. М., 2011.
129. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. IV. М., 2011.
130. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. V. М., 2012.
131. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. VI. М., 2012.
132. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. VII. М., 2013.
133. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. VIII. М., 2013.
134. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. IX. М., 2014.
135. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. X. М., 2014.
136. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. XI. М., 2015.
137. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. XII. М., 2015.

ЕГИПТОЛОГИЯ

138. *Aegyptiaca Rossica*. Выпуск 1. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2013.
139. *Aegyptiaca Rossica*. Выпуск 2. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2014.

140. *Aegyptiaca Rossica*. Выпуск 3. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2015.
141. *Лаврентьева Н. В.* Мир ушедших. Дуат: Образ иного мира в искусстве Египта (Древнее и Среднее царства). М., 2012.
142. *Прусаков Д. Б.* Додинастический Египет. Лодка у истоков цивилизации. М., 2015.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

143. Вопросы эпиграфики. Выпуск 1. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2006.
144. Вопросы эпиграфики. Выпуск 2. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2008.
145. Вопросы эпиграфики. Выпуск 3. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2009.
146. Вопросы эпиграфики. Выпуск 4. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2010.
147. Вопросы эпиграфики. Выпуск 5. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2011.
148. Вопросы эпиграфики. Выпуск 6. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2012.
149. Вопросы эпиграфики. Выпуск 7. Сборник статей в 2 ч. / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2013.
150. Вопросы эпиграфики. Выпуск 8. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2015.
151. *Антонец Е. В.* Введение в римскую палеографию. М., 2009.
152. *Вальков Д. Б.* Генуэзская эпиграфика Крыма. М., 2015.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

153. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1. Город: история и культура. М., 2014.
154. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1 (2). Русь и Византия. М., 2015.
155. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1 (3). Политические репрессии на севере Советской России (материалы работы Соловецкого семинара). М., 2016.

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

Четыре тома избранных произведений О. А. Седаковой

156. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Стихи (1-й том). М., 2010.
157. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Переводы (2-й том). М., 2010.
158. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Poetica (3-й том). М., 2010.
159. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Moralia (4-й том). М., 2010.
160. ДВА ВЕНКА: Посвящение Ольге Седаковой. Сборник статей / под ред. А. В. Маркова, Н. В. Ликвинцевой, С. М. Панич, И. А. Седаковой. М., 2013.

Собрание сочинений В. В. Бибихина

161. Бибихин В. В. Слово и событие. Писатель и литература. Собрание сочинений. Том I. М., 2010.
162. Бибихин В. В. Введение в философию права. Собрание сочинений. Том II. М., 2013.
163. Бибихин В. В. Новый ренессанс. Собрание сочинений. Том III. М., 2013.

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

164. Зайков А. В. Римское частное право в систематическом изложении. Учебник. М., 2012.
165. Поливанова А. К. Старославянский язык. Грамматика. Словари. М., 2013.
166. Рязановский А. Р. Математика. Подготовка к ОГЭ и ЕГЭ. Арифметика, алгебра, начала математического анализа. Очерки по истории математики с древнейших времён. М., 2015.
167. Смышляев А. Л. История Древнего Рима от Ромула до Гракхов. Учебное пособие. М., 2007.

Если вы нашли в наших книгах опечатки, просьба сообщить о них на электронный адрес knigiudr@gmail.com. В сообщении нужно указать книгу, страницу и абзац, где была обнаружена опечатка. Благодарим за сотрудничество.

Места, в которых можно приобрести наши книги

В ОФИСЕ НАШЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Москва, Комсомольский проспект, дом 23/7, кор. 2, с 10:00 до 19:00

1. ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЫ

- www.biblion.ru
- www.ozon.ru
- www.sibran.ru
- www.setbook.ru
- www.urss.ru
- www.libroroom.ru
- www.kniger.by
- www.good-book.com.ua

2. КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ

РОССИЯ

Москва

- Книжная галерея «НИНА» (м. «Кропоткинская», ул. Волхонка, д. 18/2). www.kniginina.ru
- «ФАЛАНСТЕР» (м. «Пушкинская», Малый Гнездниковский пер., д. 12). www.falanster.ru
- «ГНОЗИС» (м. «Парк Культуры», Турчанинов пер., д. 4). www.vk.com/gnosisbooks
- «У КЕНТАВРА» (м. «Новослободская», ул. Чаянова, д. 15, здание РГГУ). www.knigirggu.ru
- РОССПЭН: «Книжный киоск РОССПЭН» (м. «Академическая», ул. Дмитрия Ульянова, д. 19).
- «ЦИОЛКОВСКИЙ» (м. «Новокузнецкая», Пятницкий пер. д. 8). www.primuzee.ru

- «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ» (м. «Таганская»-кольцевая, ул. Нижняя Радищевская, 2). www.kmrz.ru
- «Гиперион» (м. «Курская», Хохловский пер., д. 7/9 стр. 3). www.hyperionbook.ru
- «Гоголь books» (м. «Курская», ул. Казакова, д. 8, фойе «Гоголь-центра»). www.gogolcenter.com/gogol-books
- «PRIMUS VERSUS» (м. «Китай-город», ул. Покровка, д. 27, стр. 1). www.dbiblio.org
- «Ходасевич» (м. «Китай-город», ул. Покровка, д. 6). www.xodacevich.com
- «Православное слово на Пятницкой» (м. «Новокузнецкая», ул. Пятницкая, д. 51, на территории храма Живоначальной Троицы). www.pravstvo.ru
- Крупные книжные магазины: «БИБЛИО-ГЛОБУС», «МОСКВА» и др.

Санкт-Петербург

- «КНИЖНЫЙ ОКОП» (Васильевский остров, Тучков пер., д. 11/5, лит. А, пом. 15-Н).
- «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». (Васильевский Остров, 6-я линия, д. 11).
- «ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИГА» (ул. Чайковского, д. 55). www.aletheia.spb.ru
- «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» (ул. Петрозаводская, д. 9). www.dbulanin.ru
- «АКАДЕМКНИГА» (Литейный проспект, д. 57). Тел.: 8 (812) 272-36-65.
- «АКАДЕМКНИГА» (ул. Петрозаводская, д. 7 б). Тел.: 8 (812) 235-40-64.
- «АКАДЕМКНИГА» (Васильевский остров, ул. Менделеевская линия, д. 1). Тел.: 8 (812) 328-38-12.
- «Все свободны» (Набережная реки Мойки, д. 28). Тел.: 8-911-977-40-47.
- «Мы» (Невский проспект, д. 20).
- «ПОРЯДОК СЛОВ». (Набережная реки Фонтанка, д. 15). www.wordorder.ru

Великий Новгород

- «НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО» (ул. Студенческая, Парковая, здание Гуманитарного института, книжный киоск).

Вологда

- «ДЕЛОВАЯ КНИГА» (ул. Предтеченская д. 31). Тел: 8 (8172) 72-61-28.

Воронеж

- «КНИЖНЫЙ КЛУБ» (ул. 2-летия ВЛКСМ, д. 54 а, Торговый центр: «Петровский пассаж»).

Екатеринбург

- «Йозеф Кнехт» (ул. 8 марта, д. 7).

Красноярск

- «АКАДЕМКНИГА» (ул. Сурикова, д. 45). Тел: 8 (391) 227-03-90.

Новосибирск

- «КНИЖНЫЙ МАГАЗИН» (Морской проспект, д. 22). Тел. 8 (3832) 35-09-22.

Пермь

- «КНИЖНЫЙ МАГАЗИН ПИОТРОВСКИЙ» (ул. Ленина, д. 54).

Петрозаводск

- «ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (проспект Ленина, д. 33, книжный киоск).

Саратов

- «Оксюморон» (Проспект Кирова, д. 52). Тел.: 8 (8452) 27-97-99.

Тверь

- «БИБЛИОТЕКА ИМ. ГОРЬКОГО» (Свободный пер., д. 28).

Томск

- «АКАДЕМКНИГА» (Набережная реки Ушайки, д. 18 а). Тел: 8-3822) 51-60-36.
- «ПОЗИТИВ» (проспект Ленина, д. 24 а). Тел: 8 (3822) 53-40-74.

Ярославль

- «КНИЖНАЯ ЛАВКА ГУМАНИТАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» (ул. Свердлова, д. 9, бывший кинотеатр «АРС»).

УКРАИНА**Официальный представитель на Украине**

- Перчак Валерий. Киев, магазин «Экслибрис» (рынок «Петровка», ряд 43, место 9-10. Время работы: 10:00-17:00, понедельник-выходной). Тел.: +38 050 108 90 06, +38 068 664 13 05, e-mail: perchak.valery@yandex.ru
- Интернет-магазин «Хорошие книги» www.good-book.com.ua

Также по вопросам приобретения книг на территории Украины обращайтесь к нашим партнерам

- Швед Павел Владимирович. Тел. (068) 358-00-84, e-mail: p.shved@gmail.com
- Оксана Кравченко. Тел. (057) 731-40-59, skype: okhuce@gmail.com

Харьков

- «Литера Нова» (м. «Советская», ул. Квитки-Основьяненко, д. 4/6, Академкнига 1, рядом с Органным залом). Тел.: (057) 731-40-59, e-mail: litera@kharkov.ua
- «Литера Нова» (м. «Университет», ул. Чернышевского, д. 34, Академкнига 2). Тел/факс: (057) 758-89-67, e-mail: litera@litera-book.com.ua

ГЕРМАНИЯ**Франкфурт-на-Майне**

- “KNIZHNIK Internationale Buchhandlung” (Inhaber Dmitrij Anzupow. Ver-kehrsnummer 29582. Danziger Platz 2-4, 60314, Frankfurt am Main, +49(0) 69 40 80 78 70) www.knizhnik.de/ru

При оптовых закупках возможны скидки, с вопросами обращайтесь к директору Издательства Роману Порошину: roland42@yandex.ru

По вопросам розничных закупок, с предложениями и пожеланиями обращайтесь на адрес Издательства: knigiudp@gmail.com

Университет Дмитрия Пожарского

Университет носит имя князя Дмитрия Михайловича Пожарского — восстановителя и защитника российской государственности в Смутное время, навсегда вошедшего в историю нашей Родины как пример верности долгу, искренней и деятельной любви к Отчизне.

Университет Дмитрия Пожарского ориентирован на получение фундаментальных и прикладных исследовательских результатов мирового уровня в естественных и гуманитарных науках. Он ставит перед собой задачу подготовить для России высококвалифицированных специалистов-исследователей в ключевых областях знания и сферах человеческой деятельности.

Приоритетом Университета является восстановление ценности классического фундаментального образования, науки и практики в России. Университет Дмитрия Пожарского призван стать Университетом в истинном значении этого слова.

Мы видим **выпускников Университета** людьми с большой внутренней мотивацией, источник которой — их образование, чувство чести и любовь к Родине, — людьми сильными, не боящимися трудностей жизни и напряженных усилий, способными к внутреннему росту, изменению людей и мира вокруг себя.

Университет поможет сформировать собственное, глубокое и цельное мировоззрение, умение аналитически мыслить, постигать новое, видеть связь вещей и явлений, способность понять структуру любой области человеческого знания и деятельности и готовность грамотно взаимодействовать с профессионалами в этой области, умение прочесть любую книгу и понять ее содержание, способность решать самые сложные задачи.

Эти качества позволят выпускникам участвовать в руководстве народным образованием и наукой в национальном масштабе, разрабатывать решения научных и социальных проблем первостепенной важности, руководить ведущими образовательными и научными организациями, сотрудничать с органами власти всех уровней.

В 2016 г. планируется открытие магистратуры по двум направлениям:

- **Экономико-физико-математическое направление** включает изучение совокупности предметов, которые позволят понять экономическое и социальное устройство современного общества и его эволюцию, — математики, теоретической физики, экономических дисциплин, социологии, психологии.
- **Гуманитарное направление** даст лингвистическую, историческую и филологическую подготовку, открывающую широкую перспективу научно-педагогической деятельности.

Оба направления предполагают овладение серьезной интеллектуальной культурой: общими предметами являются история и иностранные языки, магистрантам экономико-физико-математического отделения будет дано представление о современном гуманитарном знании, а гуманитарного — о современной физике и математике.

В дальнейшем планируется открытие **бакалавриата и аспирантуры**.

Более подробная информация на сайте Университета www.usdp.ru

Научное издание

Печатается по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского

Межерицкий Яков Юрьевич

«Восстановленная республика»
императора Августа

Редакторы А. Л. Смышляев, А. И. Золотухина
Дизайн макета и обложки, верстка М. А. Ормонт

Подписано в печать 10.05.16. Формат 70×100/16.

Тираж 1000 экз. Заказ .

«Русский фонд содействия образованию и науке».

Университет Дмитрия Пожарского.

119435, Москва, Малая Пироговская, д. 13, стр. 1.

www.s-and-e.ru

«ППП “Типография Наука”».

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.